Дорогую Инну Васильевну Исланову поздравляем с 60-летним юбилеем. С нетерпением ждем новых научных открытий!
Коллеги и друзья

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР

АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Выпуск 15

Серия основана в 1990 г.
С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой

Редакционная коллегия серии:
И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, А.М. Обломский

ИА РАН

Москва 2014

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА

Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов

ИА РАН

Москва 2014

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
П78

Сборник подготовлен при финансовой поддержке программы Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории»

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор:
доктор исторических наук А.М. Обломский

Рецензенты:
кандидат исторических наук Н.В. Лопатин
кандидат исторических наук А.В. Кашкин

В оформлении обложки использованы карты мира и Сарматии по системе Клавдия Птолемея в редакции Н. Германуса (XV в.)

П78 **Проблемы** взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. – Раннеславянский мир. Выпуск 15. – М., 2014. – 518 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-160-8

В сборник включены статьи, посвященные проблемам археологии Восточной Европы I тыс.н.э. Тематически они делятся на три блока. К первому из них относятся работы, посвященные изучению состава полиэтничных археологических структур лесостепного Поднепровья и Среднего Поочья, механизмов этнокультурной миксации и направлений микромиграций. Второй блок составляют работы о хозяйстве и ремеслах населения эпохи Великого переселения народов, написанные, в первую очередь, в этнокультурном ключе. В статьях третьего блока приведены публикации новых материалов на территории Юго-Восточной Прибалтики, Поволжья, Западной Украины, важных для археологии эпохи Великого переселения народов.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам и краеведам.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-160-8

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2014
© Авторы статей, 2014

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Введение

А.М. Обломский, Д.А. Сташенков

Современная система соотношения наиболее крупных этнических массивов Восточной Европы складывается в середине 1 тыс.н.э. в результате массовых передвижений населения в период Великого переселения народов. В эту эпоху тюркские группировки появляются в степной зоне, где продолжают обитать ираноязычные племена (в первую очередь, аланы), лесостепь занята, в основном, славянским и (на востоке Европейской части России) финнским, а лесная зона – славянским, остатками балтского и финно-угорским населением. Восточные германцы в конце IV – начале V в. в массе покидают лесостепь. Предшествующий период (I–V вв.) является временем сложения основных этнических группировок. За последние 4 десятилетия в археологических исследованиях, написанных по материалам первой половины – третьей четверти 1 тыс.н.э. Восточной Европы, наметилась тенденция изолированного рассмотрения процессов, приведших к сложению того или иного этноса, что зачастую искажает общую картину. По этой причине актуальной является задача реконструкции форм взаимодействия народов. Поскольку сведения письменных источников о лесной и лесостепной зоне Восточной Европы отрывочны, то основной материал может быть получен только при анализе данных археологии. Формы взаимодействия народов явно были разными: от чересполосного расселения в лесостепи в раннеримский период до создания полиэтничных структур в позднеримское и гуннское время и появления в результате серии миграций относительно однородных в этнокультурном отношении археологических общностей раннего средневековья. Интерес к этой тематике не ослабевает. Начиная с 90-гг. XX в. различные аспекты истории и археологии римской эпохи и раннего средневековья обсуждались на специализированных конференциях в Кракове, Лодзи, Будапеште, Париже, Санкт-Петербурге, Алуште, Москве, Ижевске, Туле, Люблине, Минске, Самаре, Гаспре (Крым) и др. Активно издаются археологические материалы этого периода и письменные источники, написана серия обобщающих трудов.

Тем не менее, работа по воссозданию общей картины этнических процессов на территории восточноевропейской лесостепи и лесной зоны далека до завершения.

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей составлен по материалам программ фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» и «Нации и государство в мировой истории» и научно-практического семинара «Формирование праславянских культур в Поволжье в первой половине 1 тыс.н.э.», который состоялся 16–18 мая 2012 года в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина.

В семинаре приняли участие около 20 специалистов из Минска (Белоруссия), Киева (Украина), Москвы, Казани, Самары (Россия). Основными темами обсуждения на семинаре были проблемы миграций носителей праславянских (или протославянских) археологических культур Восточной Европы, их материальная культура, взаимодействие с окружающим миром.

Тон семинару задал проблемный доклад А.М. Обломского (г. Москва) «Раннеславянские памятники I–VII вв. между Доном и Волгой»,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в котором был дан анализ современного состояния изучения раннеславянских культур Восточной Европы.

Остальные прочитанные на семинаре доклады можно разделить на два блока. В первом рассматривались различные аспекты изучения материальной культуры раннесредневекового населения днепровского региона.

В.Г. Белевец (г. Минск) прочитал доклад о контактах населения вельбарской культуры и круга культур лесной зоны на юге Белоруссии в конце II–IV в.

Доклад А.Н. Белицкой (г. Минск) был посвящен анализу керамического набора рубежа и первой половины I тысячелетия н.э. с поселения Хотомель-2 в нижнем течении р. Горынь.

Критерии выделения славянского компонента на памятниках черняховской культуры Среднего Поднепровья предложил О.В. Петраускас (г. Киев).

Новые данные о земледелии черняховской культуры (по палеоэтноботаническим материалам) были приведены в выступлении С.А. Горбаненко (г. Киев).

В докладе И.О. Гавритухина (г. Москва) «Модификации пражской культуры в ходе миграции ее носителей» рассматривались вопросы расселения славян (склавинов) в V–VII вв. по археологическим данным.

Второй блок докладов был посвящен анализу материалов, происходящих с территории Среднего Поволжья.

Д.А. Сташенков (г. Самара) рассмотрел основные особенности памятников оседлого населения Среднего Поволжья III–Vвв., свидетельствующие о неоднородности населения региона накануне и в начальный период сложения именьковской культуры.

Доклад Е.П. Казакова (г. Казань) был посвящен раннеименьковским (предыменьковским) памятникам Закамья.

Результаты технико-технологического анализа керамики погребальных и поселенческих памятников Среднего Поволжья, проведенного Н.П. Салугиной (г. Самара) позволили автору дать свое видение этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье в первой половине I тыс. н.э.

Совместный доклад Л.А. Вязова и Ю.А. Семыкина (г. Ульяновск) был посвящен недавно открытому в Ульяновском Поволжье и изученному на большой площади памятнику эпохи Великого переселения народов – городищу Новая Беденьга I.

В выступлении К.А. Руденко (г. Казань) были представлены материалы Русско-Чебоксарского поселения в Татарстане. На основании детального анализа керамического материала памятник был датирован автором первой половиной I тыс.н.э. и отнесен к кругу древностей типа Сиделькино-Тимяшево.

В рамках семинара был организован выезд на городище Лбище, археологический памятник федерального значения, имеющий ключевое значение для изучения истории населения Среднего Поволжья III–V вв. н.э. Именно после того, как основной исследователь этого памятника профессор Самарского государственного университета Г.И. Матвеева предложила искать истоки традиций культуры лбищенского населения на западе – в древностях зарубинецкой и черняховской культур Полесья и Поднепровья – начала активно разрабатываться теория о славянском происхождении именьковской культуры Среднего Поволжья.

Во время работы семинара в залах музея состоялось открытие археологической выставки «Культура праславян в Поволжье в первой половине I тыс. н.э.». Участники семинара ознакомились также с коллекциями из раскопок самарских археологов в фондах СамГУ и СОИКМ им. П.В. Алабина.

Включенные в сборник статьи делятся на несколько тематических блоков. К первому из них относятся работы, посвященные изучению состава полиэтничных археологических структур, механизмов этнокультурной миксации и направлений микромиграций, выделению археологических признаков, свидетельствующих об этом.

В статье А.М. Обломского «Карта Скифии по «Гетике» Иордана» проанализирована информативность сведений готского историка VI в. Иордана для реальной реконструкции этнокультурной карты Центральной и Восточной Европы на время написания его труда «О происхождении и деяниях гетов». По мнению автора статьи, история готов написана Иорданом, в первую очередь, для римлян, при этом он отдавал предпочтение книжным источникам. Географические представления Иордана строились на системе Клавдия Птолемея, причем не только на описаниях, но и на карте. По этой причине в статье для локализации народов Скифии использованы карты, вычерченные по этой системе. В работе дана локализация гепидов, склавенов, антов, видивариев, акациров, булгаров, малых готов, западных гуннов и восточных гуннов (альциа-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

гиров, хунугуров и савиров). Карта размещения народов Скифии представляет собой блестящий вариант научной конструкции, созданной Иорданом. При применении ее для идентификации археологических культур нужно учитывать два обстоятельства. Во-первых, достоверными можно считать только сведения о народах Нижнего и, частично, Среднего Подунавья, которые были получены Иорданом непосредственно от информаторов. Во-вторых, географические представления поздней античности сильно отличались от современных. Без учета этого любые сопоставления ареалов археологических культур со сведениями Иордана будут либо некорректными, либо рискованными.

В статье И.В. Ислановой «Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н.э.)» в верховьях р. Волги выделена новая культурная группа древностей (типа Подол), которая существовала параллельно с памятниками культуры псковских длинных курганов. Поселения типа Подол расположены на удобных для земледелия участках. Курганные могильники в ближайших окрестностях неизвестны.

В керамическом и вещевом наборах с поселений типа Подол «просматриваются» исходные территории культурных контактов и импульсов, а также возможного проникновения нового населения, в результате чего возникают эти памятники (Верхнее Подвинье, Верхнее Поднепровье, Верхнее Поочье, Поднестровье)

Близость вещевого и керамического материалов памятников типа Подол, удомельского типа, Городка на Маяте позволяет отнести эти объекты к общему раннесредневековому массиву древностей лесной зоны Восточной Европы третьей четверти I тыс. н.э., на которых, по мнению автора, фиксируется начальный этап раннеславянского расселения.

Статья М.М. Казанского посвящена реконструкции археологической ситуации в Среднем Поднепровье в VII в. По его мнению, судя по археологическим данным, в лесостепной части Среднего Поднепровья, как на Правобережной, так и на Левобережной Украине, в течение VII в. происходят какие-то важные изменения культурного, этнического и политического характера, связаные с вторжением степных кочевников.

Археологические памятники свидетельствуют, что первая волна военных столкновений приходится, скорее всего, на 620/630-е – 640/650-е гг.: происходит «выпадение» кладов мартыновского горизонта, пеньковская культура исчезает в Поднепровье как самостоятельное явление, основная масса ее носителей здесь либо погибает, либо уходит на север и запад. Скорее всего, эти события связаны с экспансией болгар. В результате прорыва кочевников в Поднепровье возникает некий центр власти, о чем свидетельствует появление здесь «княжеских» находок типа Перещепино. Здесь также появляются памятники как кочевого, так и оседлого неславянского населения, такие как Пастырское городище или ремесленные мастерские в Канцерке, продвинувшегося откуда-то из широкой зоны между Северным Кавказом и Нижним Дунаем. Возможно, новое этнополитическое образование связано с Великой Болгарией Кубрата. Не исключено, что и продвижение на восток, в лесостепное Среднее Поднепровье славян – носителей пражской культуры, внесших свой вклад в формирование облика древностей типа Сахновка и Волынцево, также было обусловлено появлением нового центра власти.

Вторая волна военных действий в Среднем Поднепровье начинается в 660-е – 680-е гг., вероятно, после смерти Кубрата. Скорее всего, в это время погибает поселение на Пастырском и зарывается серия кладов (вторая группа по О.А. Щегловой), прекращается совершение захоронений перещепинского горизонта. Византийское золото после 650 г. на Днепр практически не поступает, зато солиды второй половины VII в. появляются в погребениях кочевников на Дону и восточнее. Там очевидно формируется какой-то новый центр власти, скорее всего, уже связанный с хазарами. Можно предполагать, что археологически зафиксированные изменения на Днепре связаны с вторжением хазар с востока, разгромом Великой Болгарии и уходом болгар Аспаруха на Дунай. Ситуация военной напряженности могла тянуться десятилетия. Об этом свидетельствует дата самых поздних кладов второй группы, относящихся к началу VIII в. Славяне, представленные древностями типа Сахновка и Волынцево (или их непосредственными прешественниками), частично подпадают под власть хазар. Эту ситуацию в Среднем Поднепровье и застает русская летопись.

Реконструкции направления связей посвящена статья И.Р. Ахмедова «Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI вв.». В ней рассмотрены некоторые категории находок второй половины V – начала VI вв.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

на памятниках рязано-окской культуры. Автор выделяет несколько категорий вещей, которые могут быть индикаторами культурных взаимодействий рязано-окских финнов с различными группами населения в районах Верхнего Поочья, Верхнего и Среднего Поднепровья.

К ним относятся гривны с фасетированной поверхностью, выделенные в серию «Плинкагайлис-Мамекино-Кузьминское». Две находки таких украшений известны на могильниках Заречье и Кузьминское. Аналогичные вещи также найдены в Среднем Поднепровье (Мамекино) и в Прибалтике. Показательна находка на могильнике Ундрих фибулы, близкой типу «Прага». Достаточно многочисленны детали поясных гарнитур с декором в виде стилизованных головок птиц. Часть из них представляет собой продукцию «верхнеднепровской» ювелирной школы, выделенной А.К. Амброзом. Прочие составляют особую группу местных изделий, которые могли быть произведены мастерами инокультурного происхождения, работавшими в среде рязано-окских финнов. Как детали поясных наборов «верхнеднепровской» ювелирной школы и боспорских мастерских, они представляют собой одну из восточноевропейских версий ременных гарнитур, воспроизводивших центральноевропейские схемы.

К индикаторам межкультурных контактов относятся также пряжки с гладкой В-образной рамкой. Их можно сопоставить с типами пряжек, которые являются результатом развития дунайских традиций, распространенными в это время на черноморском побережье Кавказа и в Крыму. Подобные пряжки с рифленой рамкой имеют еще более широкий круг аналогов – от Крыма до Финляндии и Верхнего Подонья.

Особую разновидность представляют собой бронзовые пряжки с массивными подпрямоугольными рифлеными рамками и прямоугольными обоймами. Близкие изделия известны в Литве и Латвии (Плинкагайлис, Леясбитени).

Приведенный в статье обзор этих категорий инвентаря позволил автору выдвинуть ряд предположений: гривны с фасетированной поверхностью, крупные пряжки с гладкой В-образной рамкой, фибула, близкая типу «Прага» сопоставляются с центральноевропейскими древностями финала горизонта D2/D3 и начала горизонта D3 по Я. Тейралу. Это подтверждает выдвинутые ранее предположения о непосредственном контакте рязано-окских финнов с носителями центральноевропейских традиций. О присутствии их представителей в рязано-окской среде свидетельствует и появление местной версии поясных наборов с декором в виде птичьих головок.

К концу V – началу VI вв. относится появление пряжек с В-образной рифленой рамкой и с крупной прямоугольной рифленой рамкой.

География находок позволяет наметить направления культурных контактов рязано-окских финнов через районы верхнего течения р. Оки в Подесенье и Среднее и Верхнее Поднепровье. Проводниками этого процесса могли выступать группы инокультурного, возможно, дунайского происхождения, инкорпорированные в среду носителей колочинской, тушемлинской, позднемощинской культур.

Маршрут взаимодействия с населением бассейна Верхнего и Среднего Поднепровья, а также Среднего Подесенья проходил через Верхнее Подесенье и Верхнее Поочье в направлении Среднего Поочья. Некоторые находки на левобережье р. Оки на участке между Серпуховом и Коломной, а также на левобережье касимовского течения р. Оки могут указывать на районы непосредственного контакта рязанских финнов и аллохтонных групп населения.

В работе И.В. Белоцерковской рассмотрена эволюция женского убора окских финнов в V–VII вв. и инокультурные влияния, которые во многом обусловили его изменения. Ставший классическим ансамбль традиционного костюма в основных чертах сложился в конце IV – начале V в. При сложении костюмного комплекса этого времени большую роль сыграли контакты окских финнов с инокультурными группами населения в процессе их активного участия в событиях эпохи переселения народов. Благодаря этому в состав костюма включались и предметы импорта, и местные переработки престижных европейских вещей, а сам убор в силу разнообразия и многочисленности украшений стал выглядеть как парадный. В это время прослеживаются связи с группами населения черняховской, возможно, киевской культур, а также с москворецким населением и причерноморско-северокавказским регионом. События эпохи переселения стали катализатором в развитии общественных отношений рязано–окских финнов, в результате чего сформировались костюмы разных социо-возрастных групп: в детском и женском костюмах определились маркеры, отличавшие престижные уборы от рядовых. Высоким социальным статусом обладали замужние женщины с крестовидной фибулой и «мужскими» форма-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ми браслетов с раструбообразными концами и девочки (девушки) с поясными кистями с литыми бронзовыми пронизями с привесками.

В VI в. в наборе женских украшений происходят серьезные изменения, хотя структура убора и многие его составляющие остались прежними. Выходят из обихода лунницы, наборные шейные украшения с привесками, броши-подвески, литые перстни с привесками; происходит смена типов концевых привесок в накосных и височных украшениях, меняются типы и виды браслетов, гривен, усложняется форма крышек нагрудных блях и пр. По сравнению с V в. костюм этого времени упрощается и как бы «обедняется», развитие его идет по пути видоизменения и усложнения ставших уже традиционными украшений. Тем не менее, на территорию Оки продолжают импортировать стеклянные бусы и некоторые формы браслетов.

В костюмных комплексах женщин и детей маркерами их высокого социального положения становятся украшения, отмечавшие в V в. уборы группы населения рангом ниже лидирующей – гривны с коробкой у женщин и нагрудные бляхи с перекрестьем у девочек. К середине VII в. показателем высокого статуса в женском костюме становятся прототипы крупных застежек с «крылатой» иглой. К этому же времени на основе девичьего свадебного вырабатывается тип престижного погребального женского костюма с нагрудной бляхой с перекрестьем и редкими архаичными украшениями типа налобного венчика и многовитковых спиральных браслетов.

Второй тематический блок составляют работы о хозяйстве и ремеслах населения эпохи Великого переселения народов, написанные, в первую очередь, в этнокультурном ключе.

В статье Н.П. Салугиной «Особенности культурного состава населения Самарского Поволжья в первой половине 1 тыс.н.э. по данным технологического анализа керамики» отмечено, что одной из дискуссионных проблем современной восточноевропейской археологии является проблема сложения именьковской культуры, занимающей в первой половине I тыс.н.э. значительную территорию Среднего Поволжья. При решении данной проблемы важно привлечение и исследование всех видов источников. Данная статья посвящена изучению технологии изготовления керамики. Исследование проводилось по методике, разработанной А.А. Бобринским. Данная методика позволяет: выявлять приемы и способы изготовления древней керамики; реконструировать навыки труда и культурные традиции гончарства конкретных групп населения; привлекать полученную информацию в качестве источника по истории древнего населения.

В статье вводятся в научный оборот новые, ранее не публиковавшиеся материалы технологических исследований керамики с поселений Сиделькино, Тимяшево и Крепость Кондурча и проводится их сравнение с ранее изученными материалами.

Полученные технологические данные используются для реконструкции общей динамики процессов, происходивших в Самарском Поволжье в первой половине 1 тыс.н.э.

Ю.А. Семыкин рассмотрел технологию изготовления кузнечной продукции городища Лбище – одного из ключевых памятников Среднего Поволжья середины 1 тыс.н.э. Металлографическими исследованиями коллекции кухнечных изделий с городища Лбище (28 предметов) установлено, что ремесленники этого кузнечного центра имели в своем распоряжении основные виды сырья – кричное железо, сырцовую неравномерно науглероженную сталь, высокоуглеродистую специально приготовленную (процементованную) сталь. Они прекрасно владели основными приемами свободной ковки. Техническая оснащенность этих мастеров была достаточно высокой. Среди кузнечных изделий с городища Лбище представлены и кузнечные инструменты (клещи, молоток, зубило). Металлографическими анализами выявлено 6 технологических схем на изделиях городища Лбище: 1) ковка из кричного железа; 2) ковка из неравномерно науглероженной сырцовой стали; 3) цементация; 4) ковка из цельностальной заготовки; 5) пакетный металл; 6) торцовая наварка. Среди технологических схем преобладают изделия из цельностальных заготовок – 15 предметов, (53,6%). На 7 предметах встречена термообработка (25%). Основная масса изделий – 26 предметов (92,8%) входит в технологическую группу I (с технологическими схемами, наследующими производственные традиции эпохи раннего железного века). На двух предметах (на ноже и на кресале) отмечено конструктивное целенаправленное соединение кузнечной сваркой железа и неравномерно науглероженной стали. Эти изделия отнесены к II технологической группе, более характерной для кузнечных центров средневековых государств Восточной Европы. В кузнечных изделиях городища Лбище заметны общие черты с технологиями зарубинецкой, пшеворской и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

черняховской культур. Заметно также некоторое сходство с технологиями кузнечной обработки балтов римского времени, что может объясняться влиянием провинциальноримской культуры на железообработку населения черняховской археологической общности и балтов. В целом уровень технологического мастерства кузнечной продукции городища Лбище для эпохи Великого переселения народов оценивается как достаточно высокий.

В статье С.А. Горбаненко приведены результаты палеоэтноботанических исследований четырех черняховских памятников Среднего Поднепровья: Барбара I, Великая Бугаевка, Войтенки 1, Дмитровка III. Материал проанализирован по объему выращивания (или употребления в пищу) зерна культурных растений – с учетом разницы в размерах зерновок, а не по их количеству. Из статистического анализа следует, что в хозяйственной деятельности жителей указанных поселений просо не играло ведущую роль; наиболее важное место занимала пшеница двузернянка (3 случая) и рожь (1 случай). На двух памятниках в большом количестве представлены пшеницы голозерные и рожь: маркеры высокого уровня развития земледелия.

Кластерный анализ демонстрирует сходство показателей двух пар памятников между собой: Барбара I и Дмитровка III, а также Великая Бугаевка и Войтенки 1. Первая пара представлена упрощенными составами палеоботанического спектра, в которых преобладают более устойчивые и неприхотливые зерновые культурные растения. Вторая пара демонстрирует развитый палеоботанический спектр, в котором важную роль играют прогрессивные зерновые. Среди материалов присутствуют также отпечатки сорняков как показатель постоянно используемых земель, в целом, и как показатель озимых посевов, в частности. Закономерность схожести палеоботанических спектров обеих пар также подтверждается их расположением в аналогичных природных условиях.

В статьях третьего тематического блока приведены публикации новых материалов, важных для археологии эпохи Великого переселения народов.

Работа В.И. Кулакова посвящена идентификации находок I–VII вв. из Музея «Пруссия», хранящихся в фондах Калининградского областного историко-художественного музея. Проблема поисков и изучения наследия старой прусской археологической школы в юго-восточной Балтии не теряет актуальности последние 40 лет. Во время Второй мировой войны невосполнимые утраты понесли многие музейные и художественные собрания СССР, Польши, стран Балтии. Долгие десятилетия после войны казалось невозможным возродить археологию эстиев и пруссов без этих считавшихся безвозвратно утраченных музейных собраний. Ведущим среди них по праву считается коллекция и экспозиция Музея «Пруссия» в Кёнигсберге. В 1967, 1999 и в 2000 гг. в фонды Калининградского областного историко-художественного музея были помещены остатки коллекций и описей Музея «Пруссия», обнаруженные в различных пунктах Калининграда. Современный уровень развития археологии земли пруссов позволяет, опираясь на данные старых изданий и обнаруженных в последнее время архивалий, идентифицировать 34 экспоната I–VII вв. из массива находок, хранившихся в Музее «Пруссия» и переживших события 1945 г.

В статье К.А. Руденко опубликованы материалы исследований поселения первой половины I тыс.н.э. Русская Чебоксарка, расположенного в Республике Татарстан (Россия). В связи со строительством новой дороги в 2009 г. проходившей через это поселение, были проведены охранные раскопки (вскрыто 600 м^2).

На уровне материка были выявлены 12 хозяйственных ям. На раскопе II они концентрируются в двух местах, образуя компактные группы по несколько объектов в каждой. Исследовано одно сооружение сложной конструкции. Интересной особенностью поселения являются небольшие ямки, в которые были поставлены глиняные сосуды.

Основная масса находок состоит из фрагментов лепных сосудов с плоским дном и шамотом в керамическом тесте. В основном здесь бытовали сосуды горшковидных форм; также имелись плоские дисковидные крышки с округлым краем.

Статья Л.А. Вязова, Н.П. Салугиной и Ю.А. Семыкина посвящена публикации материалов раннеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов раскопанных широкой площадью городища и селища Новая Беденьга 1. На городище изучены оборонительные сооружения; большая часть объектов, исследованных на селище, представлена прокалами, маркирующими места расположения открытых очагов, вокруг некоторых из них группируется керамический материал. Выявлены также следы наземных построек, яма для добычи руды и остатки сильно разрушенного железоплавильного горна. Веро-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ятно, памятники были связаны с деятельностью по добыче железной руды (сидерита) и производству железа.

Полученный в ходе исследований материал можно отнести к двум культурно-хронологическим группам.

Материалы первой из них находят аналогии в памятниках позднескифской традиции и могут быть датированы первой – началом второй четверти I тыс.н.э.

Ко второй группе относится основная масса находок на памятнике. Вещевой комплекс представлен фибулой, наконечниками стрел, железными пряжками, бусами, орудиями труда и бытовыми предметами. Совокупность вещевых находок позволяет отнести комплекс к гуннскому времени и датировать его концом IV – VI вв. н.э.

Керамический комплекс включает в себя фрагменты импортных амфор и лепную керамику. В целом, ее комплекс носит смешанный характер, однако в его составе можно выделить основной набор форм, зафиксированный на всех исследованных участках. Данные технико-технологического анализа показывают, что подавляющее большинство сосудов изготовлены с применением сходных приемов и могут быть выделены в отдельную технологическую группу. «Ядро» керамического комплекса восходит к традициям киевской культуры, в то время как формы, представленные единичными экземплярами, отражают участие в формировании этой культурно-хронологической группы населения лесной зоны бассейна Оки.

Таким образом, основная часть археологических материалов, выявленных на поселениях у с. Новая Беденьга, связана с одной из групп раннеславянского населения, осваивавших Среднее Поволжье в эпоху Великого переселения народов и сохранивших традиции киевской культуры.

Материал поселения имеет наиболее близкие параллели на памятниках, отнесенных Д.А. Сташенковым к типу Сиделькино-Тимяшево, т.е. к очень слабо пока изученным в Среднем Поволжье раннеславянским древностям киевской культуры. Исходя из этого, поселение Русская Чебоксарка может быть датировано первой половиной I тыс.н.э.

В статье О.С. Румянцевой публикуются находки стекла со шлифованным декором, происходящего с поселения черняховской культуры Комаров Черновицкой области Украины (раскопки М.Ю. Смишко 1956, 1957, 1962, 1965 и 1969 г.). Яркими особенностями этого селища является присутствие в материальной культуре выраженного античного компонента, включая уникальную для поселения черняховской культуры стекольную мастерскую – единственную известную за пределами римского лимеса. Коллекция стекла со шлифованным декором, происходящего с поселения Комаров – самая представительная из опубликованных на сегодня для черняховской культуры. В нее вошло большинство типов, встречающихся на черняховских памятниках. Толстостенные фасетированные кубки представлены 122 фрагментами, что составляет около 5% общего количества находок из стекла. Среди них выделяются три серии сосудов, фрагменты которых представлены массовыми находками:

– кубки или чаши, украшенные прошлифованными овалами или кругами (типы Eggers-223/ Straume-XII-1; Eggers-230/ Straume -I);

– конические кубки с фасетами в форме овалов и шестиугольников-сот (тип Eggers-237/ Straume-VII и близкие им по декору сосуды);

– обломки кубков с медальонами, заключенными в дуги и окружности, и/или пластическим декором тулова и венчика (тип Eggers-238/ Straume-VIII и близкие им по декору сосуды).

Кроме них, в коллекции встречены фрагменты чаш (?) с орнаментом из прошлифованных линий, кругов и овалов, образующих геометрические композиции, конических кубков с линейным декором, сосудов с глубоко прошлифованными кругами и овалами, а также ряд сосудов с индивидуальными видами декора.

Присутствие на памятнике массовых находок позднего горизонта (второй половины IV – начала V в., т.е. финала позднеримского и начала гуннского времени) крайне важно для уточнения верхней хронологической границы памятника в целом, ранее широко определявшейся IV в. Состав коллекции стекла со шлифованным декором, происходящей с памятника, свидетельствует о ее равномерном накоплении.

Вопрос о времени существования мастерской по производству стеклянной посуды, а, следовательно, о возможности изготовления здесь фасетированных кубков, остается открытым. С одной стороны, отходы производства кубков в технике прессования в форму менее очевидны при раскопках, чем отходы стеклодувного; с другой, фрагменты обнаруженных здесь сосудов очень разнородны по характеру декора. Они не произ-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

водят впечатления продукции, вышедшей из одной мастерской.

Статья Д.А. Сташенкова посвящена публикации результатов работ на раскопе 1 Карлинского I селища, относящегося к именьковской культуре. На раскопе было исследовано 38 сооружений – остатки жилой постройки и хозяйственные ямы. В культурном слое и объектах были обнаружены грубая лепная и лощеная керамика, глиняные пряслица, железный нож, стеклянные бусы, глиняная ложечка-льячка, каменные оселки и точильные камни.

На основании находок представляется возможным отнести Карлинское I селище к среднему этапу именьковской культуры и датировать его V-VI вв. н.э. Материалы поселения являются эталонными для выделения древностей начала средневековья в Среднем Поволжье.

Таково содержание сборника. Редакторы надеются, что идеи, высказанные авторами статей, и опубликованные материалы пригодятся читателям в дальнейшей работе над реконструкцией истории эпохи Великого переселения народов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Карта Скифии по «Гетике» Иордана

А.М. Обломский (Москва)

Пожалуй, нет ни одного автора европейского раннего средневековья, чья работа анализировалась и цитировалась бы потомками чаще, чем сочинение историка готов Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (сокращенно «Гетика»). Начиная с XVII в., к ней обращалось большинство историков Европы. О «Гетике» написаны многие труды, историография ее насчитывает не одну сотню томов. Для тех, кто интересуется критикой этого сочинения и основными аспектами истории народов Европы, написанной по материалам Иордана, можно порекомендовать несколько обзоров, где приводятся сведения о литературе, как на русском, так и на европейских языках (Буданова, 1990; Анфертьев, 1991; Зиньковская, 2010).

К сожалению, современными учеными свидетельства Иордана очень часто используются для подтверждения реконструкций исторического процесса со своих собственных позиций. Может быть, настало время обратиться вновь к первоисточнику. Цель моей статьи заключается в реконструкции расположения народов западной части Скифии (т.е. Центральной и Восточной Европы) на время жизни Иордана в том виде, как его представлял себе сам Иордан.

Настоящая статья не претендует на окончательное решение проблемы. Она представляет собой лишь некоторые соображения, которые возникли у меня при чтении «Гетики». Надеюсь, что читателям они покажутся интересными. Рассчитана статья, в первую очередь, на моих коллег археологов, которые зачастую склонны, не учитывая контекста источника, особенностей его жанра, манеры изложения и географических представлений автора, напрямую сопоставлять те или иные выдержки из «Гетики» с ареалами археологических общностей для их этнокультурной идентификации.

Точные даты жизни Иордана не известны. «Гетика» и другое его сочинение «О сумме времен или о происхождении и деяниях римского народа» («Романика») заканчиваются описанием событий 550–551 гг. (Анфентьев, 1991, с. 98–99), т.е. Иордан жил где-то в первой половине – середине VI в. М.Б. Щукин считал, что Иордан родился около 485 г. (Щукин, 2005, с. 20), но прямых указаний на это нет.

Правильно понять исторические сообщения «Гетики» невозможно без учета цели, которую преследовал Иордан, сочиняя этот труд, его авторской манеры видения событий и его географических представлений.

В предисловии к «Гетике», составленном самим Иорданом (Iord. Get., 1–3)[1], сказано, что до начала работы над этой книгой он занимался «сокращением хроник», т.е. писал бревиарий. Бревиарии (своды наиболее существенного из той или иной отрасли знания) активно составлялись учеными в позднеримское и ранневизантийское время. Примерами подобных исторических сочинений могут служить «Сокращение Трехчастной истории Феодора Чтеца», «Хронография» Феофана Исповедника, «Бревиарий» патриарха Никифора (VI–VIII вв. (Чичуров, 1980, с. 14–16), географических – «Космографий» Юлия Гонория, Псевдо-Этика, Равеннского Анонима (V–VII вв.) (Подосинов, 2002, с. 106–112, 147–148, 161–174), юридических – кодекс Феодосия (V в.)

[1] Ссылки на Иордана даются по изданию (Иордан, 1997).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и разработанный на его основе «Римский закон вестготов» («Бревиарий Алариха») (VI в.) (Васильев, 2000, с. 159–161).

Автор бревиария должен быть широко образованным в области античной культуры человеком. Обычно упоминают три источника работы Иордана: сочинения Кассиодора, Аблавия и эпические песни готов, причем, как следует из введения к «Гетике», к трудам Кассиодора Иордан относится достаточно иронично[2]. На самом деле этих источников было гораздо больше. Они имеют разное значение для повествования Иордана, но принципиально важен Приск Панийский, по которому Иордан описывает ставку Аттилы, его гибель и погребение, а возможно, и битву на Каталаунских полях. Перечислю параграфы, где упоминаются эти источники (причем, зачастую, Иордан прибегает к прямому цитированию):

Книги Сенатора (Кассиодора) – 2,3
Греческие и латинские истории – 3
Собственный рассказ – 3
Павел Орозий – 4, 44, 58, 121
Тит Ливий – 10
Страбон – 12
Корнелий (Тацит) – 13
Клавдий Птолемей – 16, 19
Помпоний Мела – 16
Аблавий – 29, 82, 117
Иосиф Флавий – 29
Дион Хризостом – 40, 58
Дион Кассий – 150
Вергилий – 41, 50
Лукан – 43
Помпей Трог – 48, 61
Собственные сказания готов, древние предания – 79, 121
Симмах Младший – 83, 88
Дионисий, историк – 104
Приск Панийский – 123, 178, 183, 222, 254, 255
Фавий – 150

При столь обильном цитировании античных авторов в «Гетике» создается ощущение некой нарочитости, стремления показать свое знание античной культуры. Похоже, основная цель Иордана заключается не столько в написании истории готов, сколько в попытке (очевидно, вслед за Кассиодором, но творчески перерабатывая его данные) включить ее в контекст греко-римского исторического процесса. Отсюда и отождествление готов с хорошо известными античным авторам гетами, трактовка истории гетов как ранней готской[3], фантастические рассказы о войнах готов со скифами, египтянами, персами, парфянами, македонянами и др. (Iord. Get. 39–69). М.Б. Щукин отмечал, что в «Гетике» наблюдается сопряженность гото-гетской и греко-римской истории. Иордан, скорее всего, был связан с провизантийской партией Готского королевства в Италии (Щукин, 2005, с. 23).

Необходимо отметить, что в стремлении вписать «происхождение и деяния» нового народа в контекст общеизвестных событий, связанных с исторической традицией, Иордан не был оригинален. У него был весьма уважаемый римский предшественник. Я имею в виду Вергилия, в «Энеиде» которого предки римского народа переселились в Италию из разрушенной греками Трои. Кстати, как показывает список, приведенный выше, Вергилия дважды упоминает в «Гетике» Иордан.

Таким образом, Иордан, хотя и был по происхождению готом, о чем он сам написал в заключении к своей работе, все же, являлся римским историком, который писал о готах для просвещенной римской публики, т.е. это – фигура вроде Иосифа Флавия, иудея по происхожде-

[2] «Ты убеждаешь меня передать своими словами, – втиснув вот в такую малую книжку, – целых двенадцать томов Сенатора о происхождении и деяниях гетов, где изложение спускается по поколениям и королям от древнейших времен и доныне. Повеление весьма жестокое, данное человеком, который как бы и знать не желает о всей тягости подобного труда.

Не замечаешь ты того, что дыхание у меня слишком слабо, чтобы наполнить воздухом столь великолепную трубу его [Кассиодора] красноречия. Превыше же всего тягость в том, что не дано нам возможности пользоваться теми книгами, поскольку мы послушно следуем именно за его [Кассиодора] мыслью: ведь я предварительно перечел эти книги, по милости его управителя, – если не ошибаюсь, – в течение всего трех дней. Хотя я и не припоминаю самых слов этих книг, однако я уверен, что целиком удержал в памяти и их замысел, и [описанные] события» (Iord. Get., 1–3).

[3] Необходимо отметить, что во времена Иордана далеко не все верили в отождествление готов с гетами. В «Гетике» приводится прямая полемика с такими сомневающимися: «Дион, историк и прилежнейший исследователь древности, давший произведению своему заглавие «Готика» (а геты эти, как мы уже показали выше, то же, что и готы, по словам Павла Орозия), – этот самый Дион упоминает спустя много времени об их короле по имени Телеф. А чтобы кто-либо не сказал, что имя это вовсе чуждо готскому языку, [напомню]: ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские» (Iord. Get. 58).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нию, писавшего об иудеях и даже излагавшего библейские сказания, но историка, несомненно, римской традиции. Так и Иорданом история готов написана, в первую очередь, для римлян.

Несколько слов о творческом методе Иордана. С одной стороны, для античных и ранневизантийских ученых очень важна была книжная традиция. В наиболее крайней форме отношение к ней высказал продолжатель Иордана Равеннский Аноним, который часто на него ссылался, в первую очередь, как на географа: «Ведь насколько человеческому восприятию доступно, я прочитал, с помощью Христа и в меру своих сил, книги многих философов, и я скажу тебе: пусть я не родился в Индии и не вырос в Скотии, и не путешествовал по Мавритании, и не исследовал Скифии, и не странствовал по четырем странам света, однако с помощью умозрительной науки я близко познакомился со всем миром и местами обитания различных племен в той степени, в какой этот мир был описан в книгах философов во времена многих императоров» (цит. по Подосинов, 2002, с. 175, 176). С другой стороны, такие авторитетные историки, как Тацит, Аммиан Марцеллин, Приск Панийский, Прокопий Кессарийский, отдавая дань литературной традиции, очень активно использовали современные им сведения, что и делает их работы особенно ценными для нас.

О подходе к источнику Иордана можно судить по некоторым высказываниям в «Гетике».

«Но, конечно, если кто-нибудь сказал бы, что они (готы) появились на нашей земле иначе, чем мы об этом рассказали, то он окажется в некотором противоречии с нами; ибо мы больше верны прочитанному, чем старушечьим россказням (Iord. Get., 38)».

«Ввиду того что, следуя сказанному старшими писателями, я, насколько сумел, развил [те события], когда оба племени, остроготы и везеготы, составляли еще одно целое... (Iord. Get. 246)».

Таким образом, Иордан отдавал приоритет книжным источникам, сам он, в первую очередь, книжный ученый. Тем не менее, к книге Иордан относится достаточно вольно. Примером может служить описание города Аттилы. Вот так сказано у Иордана со ссылкой на Приска: «Переправившись через громадные реки, а именно через Тизию, Тибизию и Дрикку, мы пришли к тому месту, где некогда погиб от сарматского коварства Видигойя, храбрейший из готов; оттуда же неподалеку достигли селения, в котором стоял король Аттила; это селение, говорю я, было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить – и то при старании – стык между ними. Видны были и триклинии, протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего [в своей власти] весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам (Iord. Get. 178, 179)».

А вот так у написано Приска: «Переехав через многие реки, мы прибыли в одно огромное селение, в котором был дворец Аттилы. Он был, как уверяли нас, великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах. Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой, более служащей к украшению, нежели к защите. После дома царского самый отличный был дом Онигисиев, также с деревянной оградой, но ограда эта не была украшена башнями, как Аттилина. Недалеко от ограды была большая баня, построенная Онигисием...» (отрывок 8) (цит. по Дестунис, 2005).

В общем, описание похожее, но более краткое и бледное, портики и триклинии никакие не упомянуты, зато была баня. Соответственно, авторский стиль Иордана – склонность к восторженности и красивостям, на что нужно делать скидку при прочтении его сочинений. Кстати, по этой причине я считаю некорректными попытки реконструкции не дошедших до нас текстов Кассиодора и Аблавия по Иордану. Ссылки на эти реконструкции мелькают в печати, а чаще – в докладах на конференциях.

В предисловии к «Гетике» Иордан написал, что к сообщениям «греческих и латинских историй» он добавил и «собственный рассказ» (Iord. Get. 3). Следовательно, на первом месте у Иордана стояла книжная традиция, но корректировку ее он допускал.

О географических представлениях Иордана. Как известно, в позднеримский и раннесредневековый период существовали два типа описания местности, а соответственно, и вычерченных на их основе карт. Первый представляли собой итинерарии («дорожники») – описание маршрутов, расстояний между населенными пунктами, мест переправ через реки и т.д. Графическим вы-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ражением таких итиненариев были знаменитые Певтингеровы таблицы и карта из Дура Европос. Изображение территории, которую охватывают Певтингеровы таблицы, вытянуто в линию, очень схематично (Подосинов, 2002, с. 14, 15, илл. 1–15). Для таких карт наиболее важно не точное отображение местности, а ориентиры на этапах движения.

Ко второму типу относятся описания и карты Ойкумены круглой или эллиптической формы с морями, странами, реками и т.д. Они должны были, как отмечает А.В. Подосинов, играть ту же роль, что и современные карты, т.е. служить для ориентации на местности. Основу этих карт и описаний составляло деление Ойкумены на три части: Европу, Азию, Ливию (Африку). Распространены были также описания тех или иных стран по кругу (греч. периплы, периоды, периэгезы) (Подосинов, 2002, с. 14–18).

Какой же географической основой пользовался Иордан? Совершенно очевидно, что ею не был «дорожник». Излагая в начале «Гетики» общие сведения о местах, где происходили упомянутые в ней события, Иордан, ссылаясь на Орозия, отметил, что «земной круг, ограниченный Океаном, оказывается трехчастным» и три его части называются Азией, Европой и Африкой» (Iord. Get. 4). Далее он описывает населенные людьми острова Океана, особое внимание при этом уделяя Бриттании и Скандзе (Iord. Get. 5–25).

Считается, что в основе географических представлений Иордана лежала «Космография» Юлия Гонория (Подосинов, 2002, с. 110–111) с комментариями Дионисия Периэгета, очевидно, на том основании, что она упоминается Кассиодором, капитальный труд о готах которого был одним из источников Иордана.

Позднеримские «Космографии» могли быть применены Иорданом только в плане общего описания Ойкумены. Сам Иордан упоминает труды двух географов: Птолемея и Помпония Мелы. Работа Клавдия Птолемея представляет собой руководство для вычерчивания не только общих, но и конкретных карт тех или иных территорий. А.В. Подосинов считает, что карты Птолемея не были широко распространены в античном мире, популярность они получили только в эпоху Возрождения, хотя отмечает, что есть и противоположная точка зрения (Подосинов, 2002, с. 20, 21). Некоторые описания Иордана свидетельствуют о том, что он пользовался не только сведениями Птолемея, но и картами, составленными на их основе. Для Иордана свойственен, как бы, взгляд сверху. Так, остров Бриттанию он сравнивает с треугольником. «Она простирается к северо-западу и обращена большим своим углом к устьям Рейна; сжимаясь затем по ширине, она вытягивается косо назад, заканчиваясь двумя другими углами; обеими дальнейшими сторонами она тянется вдоль Галлии и Германии» (Iord. Get. 11). Об острове Скандза сказано следующее: «О нем упомянул во второй книге своего сочинения Клавдий Птолемей, знаменитый описатель земного круга; он говорит, что на просторах северного океана расположен большой остров по имени Скандза, подобный лимонному листу, с изогнутыми краями, вытянутый в длину и закругляющийся» (Iord. Get. 16). Сравнение с лимонным листом принадлежит не Птолемею, а Иордану. Река Данубий с притоками имеет подобие «спинного хребта, в который вплетаются ребра вроде решетки» (Iord. Get. 75), Каспийское море описано «в виде гриба, сначала тонкого, потом — широчайшей круглой формы» (Iord. Get. 30). Дакию «наподобие короны, ограждают скалистые Альпы» (Iord. Get. 34).

Таким образом, Иорданом прямо упомянуты географические сочинения Клавдия Птолемея, т.е. он их знал и ими пользовался. Скорее всего, Иордан имел перед глазами и карту[4]. Античные карты, вычерченные по системе Птолемея, до нас не дошли. Тем не менее, с известной долей условности для локализации народов Скифии по Иордану в качестве основы можно использовать поздние карты Птолемея. Карта, которая приводится на рис. 1, взята из атласа Николая Германуса начала XV в., хранившегося в библиотеке Я. Замойского, канцлера и великого коронного гетмана Речи Посполитой (сейчас – в Народной библиотеке в Варшаве), основой рис. 2 является карта Ю.В. Кулаковского (Кулаковский, 1899).

Общее описание Скифии дано Иорданом в §30–37. Из контекста следует, что этногеографическая ситуация, которая здесь приводится, относится ко времени написания «Гетики». Подтверждением этого является упоминание двух родственных народов (склавенов и антов), названия которых, как известно, не встречаются в письменных источниках до начала средневековья. Необходимо отметить, что расположение народов, которое показано в этой части «Гетики», нужно воспринимать, как систему. Народы размещены рядом друг с другом в зависимости

[4] Это наблюдение вполне соответствует выводу Е.Ч. Скржинской (Иордан, 1997, с. 184, комм. 49).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

от локализации соседних, описание их дано в определенном порядке, территории обитания связываются общими географическими ориентирами (реками, горами). Некоторые дополнения к списку народов Скифии приводятся и в других местах книги. Вот что написал Иордан об общих границах Скифии.

«Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Мурсианское озеро; она [Скифия] тянется до рек Тиры, Данастра и Вагосолы, а также великого того Данапра и до горы Тавра – не той, что в Азии, а собственной, т. е. скифской, – по всей прилегающей к Мэотиде местности и за Мэотиду, через Босфорские проливы до Кавказских гор и реки Аракса; затем она [Скифия], загнувшись в левую сторону, за Каспийское море (а это последнее возникает на крайних границах Азии, от северо-восточного океана, в виде гриба, сначала тонкого, потом — широчайшей круглой формы), склоняется к области гуннов и отступает до албанов и серов. Эта, повторяю, страна, а именно Скифия, вытягиваясь в длину и развертываясь в ширину, имеет с востока серов, живущих у самого ее начала на берегу Каспийского моря; с запада – германцев и реку Вистулу; с севера она охватывается океаном, с юга – Персией, Албанией, Иберией, Понтом и нижним течением Истра, который называется также Данубием от устья своего до истока. С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она охвачена небезызвестными городами; это – Борисфенида, Ольвия, Каллиполида, Херсона, Феодосия, Кареон, Мирмикий и Трапезунта, основать которые дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю.

Посередине Скифии есть место, которое разделяет Азию и Европу одну от другой; это – Рифейские горы, которые изливают широчайший Танаис, впадающий в Мэотиду. Окружность этого озера равна 144 тысячам шагов, причем оно нигде не опускается глубже, чем на 8 локтей»(Iord. Get. 30–33).

Е.Ч. Скржинская заметила, что карта, которой пользовался Иордан, была ориентирована на восток. В этом случае север оказывается слева (Иордан, 1997, с. 203, комм. 106). Описание Скифии дается с запада на восток, т.е. снизу вверх карты. Границы Скифии точно очерчены в ее европейской части: западная проходила по условной линии, соединяющей истоки Истра (Данубия – Дуная) и Вистулу (Вислу), южная, очевидно, по Дунаю через Понт (Чёрное море) и Мэотиду (Азовское море) до р. Аракс и Кавказских гор, северная – по Океану (в данном случае – по побережью Балтийского моря к востоку от Вислы). Восточная граница не определенна. Иордан проводит ее за Каспийским морем, уже в Азии (рис. 1).

Как указывает Е.Ч. Скржинская, локализация части греческих городов из описания Скифии спорна (Иордан, 1997, с. 196–199, комм. 89–96). Упоминание же тех, которые к VI в. уже прекратили свое существование (Борисфенида, Ольвия, Мирмикий), явно связано с античной географической традицией. Тем не менее, по сравнению с ней, в описании Скифии имеется определенное новаторство. Позднеантичные географы западную границу восточноевропейских земель, включая Скифию, обычно проводили по Борисфену (Днепру)[5]. Иордан значительно отодвинул ее на запад, очевидно, с целью охватить все известные ему народы, связанные со Скифией более ранними историческими событиями. Так, например, гепиды – народ германского происхождения, но восточная граница Германии проводится Иорданом к западу от их земель.

Рассмотрим локализацию народов Скифии (рис. 2).

Гепиды. «В Скифии первым с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе протекает Тизия; с юга же [эту область] отсекает сам великий Данубий, а с востока Флютавзий; стремительный и полный водоворотов, он, ярясь, катится в воды Истра. Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы» (Iord. Get. 34).

Описывая ситуацию, сложившуюся после распада державы Аттилы, Иордан указывает: «Гепиды, силой забравшие себе места поселения гуннов, овладели как победители пределами всей Дакии и, будучи людьми деловыми, не требовали от Римской империи ничего, кроме мира и ежегодных даров по дружественному договору» (Iord. Get. 264). О Дакии он написал еще и следующее: «Эту Готию, которую предки

[5] Например: «Сарматия, Скифия, Таврика. Они ограничиваются с востока хребтами горы Кавказ, с запада рекой Борисфен, с севера океаном, с юга Понтийской провинцией» (Разделение круга земель, 15, цит. по: Подосинов, 2002, с. 67). А.В. Подосинов считает, что это сочинение было написано в диапазоне от 393 до 435 г., но связано с традицией, идущей от «Хорографии» Марка Випсания Агриппы (годы жизни – 64/63 – 12 гг. до н.э.) (Подосинов, 2002, с. 62).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

называли Дакией и которая теперь, как мы сказали, именуется Гепидией, тогда ограничивали с востока ароксоланы, с запада язиги, с севера сарматы и бастерны, с юга — река Данубий» (Iord. Get. 74).

Реку Флютавзий Е.Ч. Скржинская вслед за Т. Моммзеном считает притоком Дуная Олтом. А.Н. Анфертьев отмечает, что в качестве восточной границы Дакии более подошел бы Прут, хотя материалов для рассуждений и явно недостаточно (Иордан, 1997, с. 203, комм. 104; Анфертьев, 1991, с. 126, комм. 91). В Тизии обычно видят Тиссу. Так или иначе, гепиды занимают Дакию от Карпатских гор по Тиссе до Дуная (рис. 2).

Венеты, склавины и анты. «У левого их склона (скалистых Альп), спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами. Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, и на север – до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же – сильнейшие из обоих [племен] – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов» (Iord. Get. 34).

Из этого отрывка не совсем понятно, пишет Иордан о двух родственных народах (склавенах и антах), предками которых были венеты, либо он знал три современных ему народа: склавенов, антов и венетов.

Этот вопрос разъясняется в другом месте «Гетики»: «Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, – именно при перечислении племен, – происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха» (Iord. Get. 119), т.е. речь шла, все-таки, о трех народах.

Локализация раннесредневековых венетов загадочна: Иордан ничего о ней не пишет. Об ориентирах, которые упоминаются им при описании расселения склавенов, имеется громадная литература. Российские комментаторы переводов «Гетики» сходятся во мнении, что Новиетун Иордана – это один из многочисленных Новиодунов из области расселения кельтских племен (по-кельтски, Новое укрепление, Новгород). Предпочтение отдается городу с таким названием либо на Нижнем Дунае (совр. Исакча) (Анфертьев, 1991, с. 133, комм. 104), либо в Верхней Паннонии на р. Саве (Иордан, 1997, с. 209, комм. 109). Значительно больше мнений высказано о расположении Мурсианского озера (см. подробный обзор у Е.Ч. Скржинской: Иордан, 1997, с. 209–211, комм. 110). Здесь, как мне кажется, нужно обратиться к контексту «Гетики». Как было сказано выше, при общем описании Скифии в §30 Иордан также упоминает Мурсианское озеро, как находящееся у ее западной границы около истоков Дуная. Учитывая это обстоятельство, склавены в представлении Иордана жили от местностей, лежавших у истоков Дуная вдоль внешних склонов «короны гор», ограничивавших Дакию/Гепидию, до Днестра на востоке и до Вистулы/Висклы (Вислы) на севере, причем, исключая нижнее течение этой реки, где Иордан помещает видивариев (см. ниже).

Анты размещаются за склавенами к востоку, т.е. от Данастра (Днестра) до Данапра (Днепра), по всей видимости, до Чёрного моря на юге (в локализации упомянута его излучина) (рис. 2).

Видиварии, эсты, акациры, булгары. «На побережье океана, там, где через три гирла поглощаются воды реки Вистулы, живут видиварии, собравшиеся из различных племен; за ними берег океана держат эсты, вполне мирный народ. К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты» (Iord. Get. 36, 37).

Локализация видивариев однозначна – нижнее течение Вислы и примыкающий к нему берег Океана (Балтийского моря). Эсты, учитывая общую логику Иордана, рассматривавшего карту с запада на восток, размещены к востоку и северо-востоку от видивариев (рис. 2). М.М. Казанский предположил, что в представлении Иордана соседство акациров с эстами обусловлено особенностями позднеантичной географии, согласно которой Восточная Европа была сравнительно узкой (Казанский, 1999, с. 415; 2010, с. 70,71). В системе Птолемея это, действительно, так (см. ниже).

«Далее за ними (акацирами) тянутся над Понтийским морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья, [совершившиеся] по грехам нашим» (Iord. Get. 37).

Булгары, следовательно, жили южнее акациров вдоль Чёрного моря, очевидно, в представлении Иордана к востоку от Днепра, т.к. Причерноморье к западу от него населяли анты (рис. 2).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Народы Нижнего Подунавья. Малые готы. «Были еще и другие готы, которые называются Малыми, хотя это – огромное племя; у них был свой епископ и примат Вульфила, который, как рассказывают, установил для них азбуку. По сей день они пребывают в Мезии, населяя местность вокруг Никополя, у подножия Эмимонта, это – многочисленное племя, но бедное и невоинственное, ничем не богатое, кроме стад различного скота, пастбищ и лесов; земли [их] малоплодородны как пшеницей, так и другими видами [злаков]; некоторые люди там даже вовсе не знают виноградников, – существуют ли они вообще где-либо, – а вино они покупают себе в соседних областях, большинство же питается молоком» (Iord. Get. 267). Е.Ч. Скржинская указывает, что под Эмимонтом имеется ввиду хребет Гем (совр. Стара Планина), под Мезией в данном контексте – Нижняя Мезия (Иордан, 1997, с. 343, 344, комм. 670–672). На карте Ю.В. Кулаковского отмечен и сам Гем, и г. Никополь, так что локализация малых готов трудностей не вызывает (рис. 2). В тексте Иордана здесь важен «эффект присутствия»: он ссылается на непосредственный рассказ свидетелей.

Скирры, сагадарии, аланы. «Скиры, садагарии и часть аланов со своим вождем по имени Кандак получили Малую Скифию и Нижнюю Мезию (после распада державы Аттилы). Нотарием этого Кандака Алановий-ямутиса до самой его смерти был Пария, родитель отца моего, т.е. мой дед. У сына же сестры Кандака, Гунтигиса, которого называли еще База, магистра армии, сына Андагиса (сына Анделы из рода Амалов), нотарием – до своего обращения – был я, Иорданнис, хотя и не обученный грамматике» (Iord. Get. 266). Локализация этих народов менее определенна, чем малых готов (рис. 2), но «эффект присутствия» здесь усиливается: у царского рода аланов из Нижнего Подунавья служили дед Иордана, его отец и он сам, т.е. этих аланов он знал лично.

Гунны на Дунае. «Эрнак, младший сын Аттилы, вместе со своими избрал отдаленные места Малой Скифии. Эмнетзур и Ултзиндур, единокровные братья его, завладели Утом, Гиском и Алмом в Прибрежной Дакии. Многие из гуннов, прорываясь то тут, то там, подались тогда в Романию; до сих пор из их числа называют сакромонтизиев и фоссатизиев» (Iord. Get. 266). Провинция Малая Скифия находилась в устье Дуная и около него (Мончиньська, 2009, карта 1). Реки в Прибрежной Дакии, которые упоминаются Иорданом, Е.Ч. Скржинская располагает напротив левого притока Дуная р. Алюты (Олта) (Иордан, 1997, с. 343, комм. 667). Дунайские раннесредневековые гунны, таким образом, локализуются в двух местах: в устье Дуная и выше по течению (рис. 2). Иордан опять же ссылается на свидетельства современников. Здесь и в описании восточных гуннов упомянуты названия гуннских народов, которые в других источниках не встречаются (сакромонтизии, фоссатизии, альциагиры, хунугуры) (Буданова, 2000, глава V), что дополнительно показывает осведомленность Иордана.

Гунны восточные. «А там и гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишели надвое разветвившейся свирепостью к народам.

Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие – савирами, но места их поселений разделены: альциагиры – около Херсоны, куда Жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю. Хунугуры же известны тем, что от них идет торговля шкурками грызунов, их устрашила отвага столь многочисленных мужей» (Iord. Get. 37).

Локализация альциагиров вполне определенна: они жили в степях около Херсоны, т.е. где-то в Крыму. Прямых данных для локализации савиров и хунугуров Иордан не приводит. Необходимо отметить, что у Иордана, вообще, основное место обитания гуннов после их переселения в Причерноморье связано с Мэотидой (Азовским морем). Это мнение высказано им в нескольких местах «Гетики». Вот, например, выдержка из речи Аттилы перед битвой на Каталаунских полях: «... Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным?» (Iord. Get. 206). Поскольку северный берег Азовского моря занят булгарами, то савиры и хунугуры должны были обитать где-то у восточного его побережья.

Карта размещения народов Скифии, которая приводится на рис. 2, полностью сбалансирована, в ней нет свободных мест. Она представляет собой блестящий вариант научной конструкции, созданной Иорданом. Разумеется, вполне правомерно задать два вопроса: в какой степени локализация тех или иных народов соответствует исторической реальности и можно ли применять эту карту для этнической идентификации ареалов археологических культур?

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Я не случайно отмечал выше «эффект присутствия» современника при описании некоторых народов. Показательно, что все они (малые готы, аланы, западные гунны) размещены в Нижнем Подунавье, откуда, вероятно, происходил род Иордана (по крайней мере, и он сам, и его предки находились на службе у алано-готской знати в этом регионе). Иордан, таким образом, хорошо знал ситуацию на этой территории.

В достоверности локализации некоторых других народов имеются сомнения. Например, современник Иордана Прокопий Кессарийский, в трудах которого, как известно, использовались военные донесения, собственные наблюдения и непосредственная информация, почерпнутая из рассказов представителей разных народов, служивших в войске византийского полководца Велизария (Иванов и др., 1991, с. 171, 172), определял область обитания антов значительно шире, чем Иордан. На западе он знал их на Дунае, где император Юстиниан выделил антам для поселения окрестности крепости Туррис, на востоке – в области, лежавшей к северу от приазовской степи (возможно, простиравшейся до Танаиса) (Proc. VII.14.31; VIII.4.7, цит. по Иванов и др. 1991). Территория, занятая антами по Иордану, значительно меньше: от Днестра до Днепра. Археология подтверждает, скорее, сведения Прокопия, чем Иордана. После работ П.Н. Третьякова, И.П. Русановой и В.В. Седова стало традиционным отождествлять антов с носителями пеньковской культуры (историографию этого вопроса см. в: Обломский, 1996, с. 108–111), общий ареал которой довольно точно совпадает с данными Прокопия. Достоверные памятники пеньковской культуры в причерноморской степи между Днепром и Днестром отсутствуют (см. полемику О.М. Приходнюка с И.А. Барановым и В.В. Майко на эту тему в: Приходнюк, 1998, с. 16–18).

М.М. Казанский в статье, опубликованной в настоящем сборнике, отмечает, что булгары по другим письменным источникам на северном рубеже империи появляются в 480 г., т.е. в первой половине VI в. они должны быть известны в западной части причерноморской степи, а не только в восточной[6]. Этих примеров достаточно для того, чтобы продемонстрировать относительность сведений Иордана о локализации некоторых народов. Данные «Гетики» нуждаются в проверке по другим источникам.

Сложность использования локализаций Иордана вызвана и особенностями античных представлений о географии.

Как показано на рис. 2 ширина Восточной Европы в системе Клавдия Птолемея насчитывает от устья Танаиса до Океана 5º, а от Крымского перешейка до Океана – 10º долготы. Мне уже доводилось писать, что, используя расчеты расстояний по сетке координат Птолемея, сделанные В.Г. Зубаревым и длину стадия по Ю.В. Кулаковскому (158 м) поперечник Восточной Европы насчитывает 316-632 км (Обломский, 2008, с. 151). Е.Ч. Скржинская приводит другую длину стадия – около 200 м (Иордан, 1997, с. 181, комм. 31). В этом случае ширина Восточной Европы, исходя из того, что 1º Птолемея соответствовал 500 стадиям на экваторе и 400 стадиям на родосской параллели, составляла 400-800 км. Действительное расстояние от Азовского моря до Рижского залива Балтийского – около 1450 км, до Финского залива – около 1500 км, т.е. в зависимости от применяемой системы расчета, в два-четыре раза больше. При этом по современным представлениям Европа к востоку расширялась, а по античным – суживалась.

Учитывая, что античные географы лучше знали побережья, чем внутренние районы тех или иных земель, то при наложении карты Скифии Иордана на современную карту Восточной Европы получается разрыв, своеобразная «область несовпадения», которая охватывает большую часть лесной зоны к востоку от Карпат (рис. 3). Для этой весьма обширной территории любые сопоставления ареалов археологических культур со сведениями Иордана (причем о расположении народов не только в середине VI в., но и в более ранние эпохи) будут либо некорректными, либо, по меньшей мере, рискованными.

Подведем итоги.

1. Сведения о локализации народов Центральной и Восточной Европы (Скифии) в середине VI в., которые привел в своем сочинении «Гетика» Иордан, не столько отражают реальность этого времени, сколько являются результатом кабинетной реконструкции историка.

[6] В отличие от М.М. Казанского противоречия в локализации антов у Прокопия и Иордана я объясняю не хронологическими различиями использованных этими авторами сообщений («Война с готами» Прокопия и «Гетика» Иордана написаны приблизительно в одно и то же время), а разным подходом этих историков к источникам. Иордан отдавал предпочтение книгам и пытался построить внутренне непротиворечивую схему заселения Скифии, а Прокопий широко использовал сведения из современных ему источников. В комментариях к его книгам иногда отмечается «репортерский» стиль изложения.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2. Достоверными, по-видимому, можно считать данные о размещении народов той территории, которая хорошо была известна Иордану по личному опыту и воспоминаниям его семьи, и информацию о которой он получал от непосредственных свидетелей: Нижнего и, частично, Среднего Подунавья. В отношении народов других мест важен, скорее, факт упоминания их Иорданом, чем конкретная локализация, которая нуждается в проверке на материалах других источников.

3. Применять данные «Гетики» для определения принадлежности археологических культур тем или иным народам нужно очень осторожно, учитывая, что географические представления поздней античности – раннего средневековья довольно резко отличались от современных.

Литература

Анфертьев А.Н. 1991. Иордан //Свод древнейших письменных известий о славянах. I. М.

Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. М.

Буданова В.П. 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.

Васильев А.А. 2000. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). СПБ.

Дестунис Г.С. 2005. Сказания Приска Панийского //Феофан Византиец, Приск Панийский. Византийская историческая библиотека. Рязань.

Зиньковская И.В. 2010. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж.

Иванов С.А., Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л., 1991. Прокопий Кессарийский // Свод древнейших письменных известий о славянах. I. М.

Иордан. 1997. О происхождении и деяниях гетов «Гетика». Вступительная статья, перевод, комментарии Е.Ч. Скржинской, изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПБ.

Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов.//Археологические Вести, 6. СПб.

Казанский М.М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов //Stratum plus, 4. Кишинёв.

Кулаковский Ю.В. 1899. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев.

Мончиньска М. 2009. Велике переселення народів. Історія неспокійної епохі IV та V ст. Київ.

Обломский А.М. 1996. Пеньковская культура //Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический процесс. Раннеславянский мир, 3. М.

Обломский А.М. 2008. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток //Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Подосинов А.В. 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.

Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж.

Чичуров И.С. 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.

Щукин М.Б. 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

A.M. Oblomsky

Map of the Scythia according the “Getica” of Jordanes

Abstract

The purpose of the paper is to reconstruct the location of peoples of the western part of Scythia (i.e. the Central and the East Europe) at the time of Jordanes life how Jordanes himself imagined it. The paper addresses, in the first instance, to archaeologists colleagues, who often have propensity to use information from “Getica” for ethno-cultural attribution of archaeological cultures and cultural types. The main purpose of Jordanes was not so much to write history of the Goths, as to try to put it into context of Greco-Roman historical process. The history of Goths is written by him for the Romans in the first instance. Jordanes gave priority to literary sources (he quotes 18 antique authors), but admitted correction of literary tradition. Geographical conception of Jordanes was based on the system of Claudius Ptolemaeus, and not only on the descriptions, but on the map too. Therefore the maps drawn according Ptolemaeus system were used for localization of the peoples of the Scythia in this article. The borders of the European part of the Scythia, drawn in “Getica” for the time of Jordanes life, are outlined exactly. Western border went on the line, that bonded sources of the r. Ister (Danube) and the r. Vistula; southern border went along Danube across the Pontus (the Black Sea) and the Maeotis (the Sea of Azov) to the r. Arax and the Caucasus; northern border went eastwards of the r. Vistula along the Baltic shores. The eastern border is indeterminate (fig. 1). Futher the localization of the peoples of the Scythia is given: Gepidae, Sclavini, Antae, Vidivarii, Akatziri, Bulgares, Lesser Goths, West and East Huns (Altziagiri, Hunuguri and Sabiri) (fig. 2).

The map of Scythian peoples’ localization is the amazing version of scientific construct made by Jordanes. A use of it for identifying the archaeological cultures has to be in consideration of two circumstances. First, only the data on the peoples of the Lower and partly the Middle Danube received directly from informants by Jordanes could be considered reliable. Second, the geographical ideas of the Late Antiquity were much different from present-day. The width of the Eastern Europe in Ptolemaeus’ cartography is smaller than real two to four times (depending on a system of distance calculation). At the same time the Europe did not expand but converged to the east. Imposed on modern map of the Eastern Europe, Jordanes’ map of the Scythia shows a gap occurred, covering the larger half of the forest zone to the east of Carpathians (fig. 3). Any correlations between areas of archeological cultures and Jordanes data would be incorrect or risky.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 1. Карта мира по системе Клавдия Птолемея из атласа Николая Германуса начала XV в. Черной линией обозначены приблизительные границы Скифии по Иордану.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

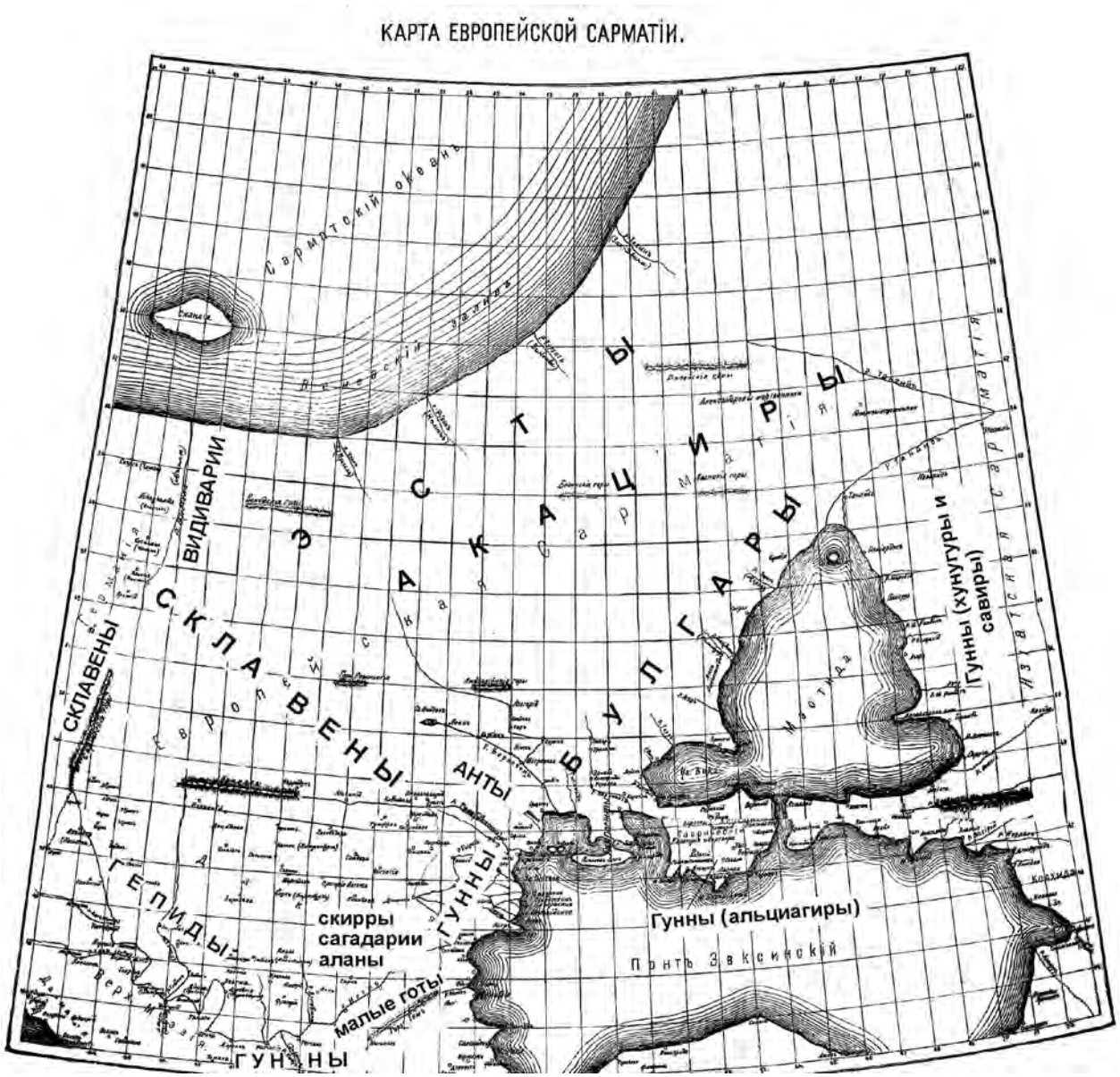


Рис. 2. Карта Европейской Сарматии Клавдия Птолемея по Ю.В. Кулаковскому с обозначением народов Скифии по Иордану.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

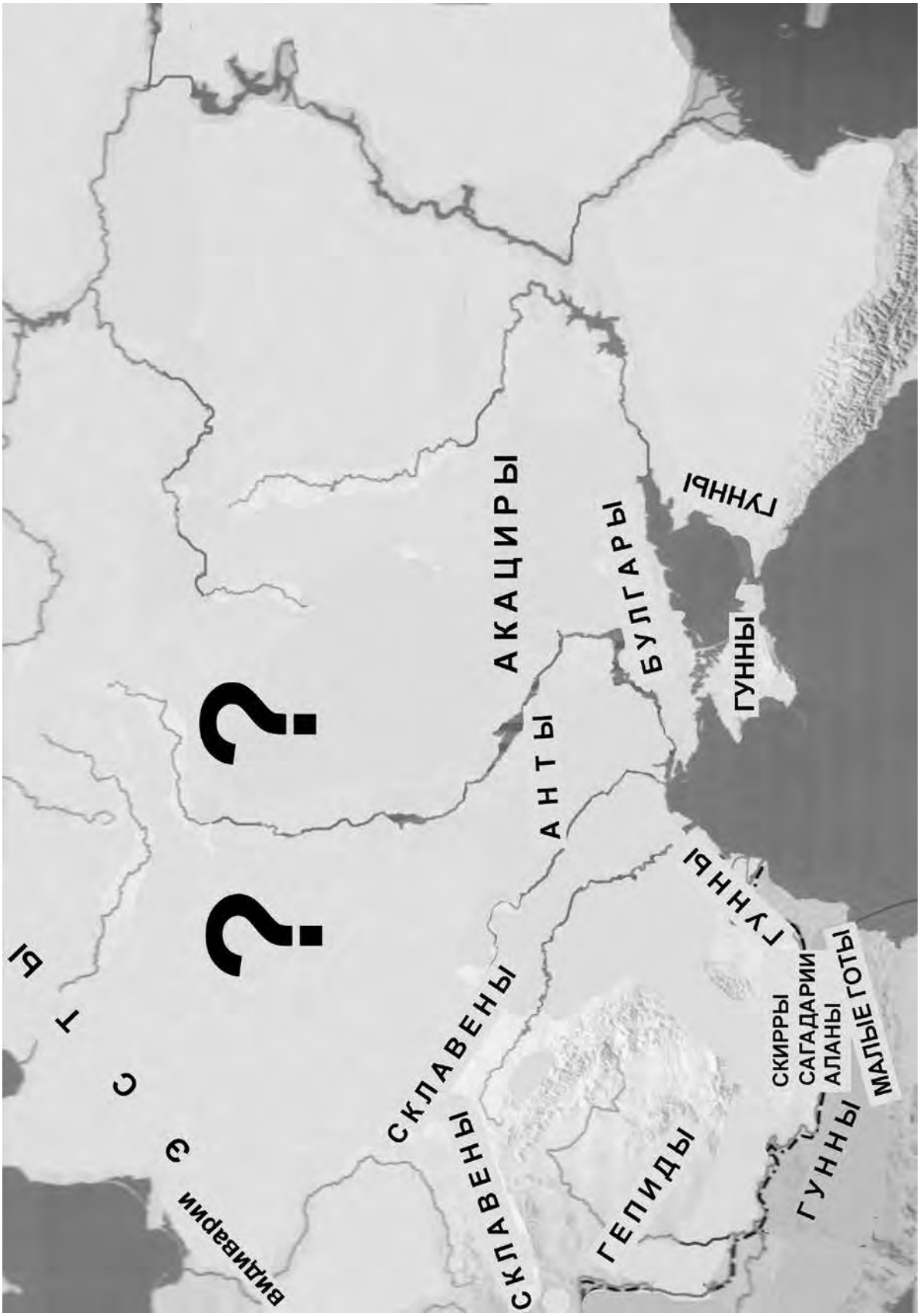


Рис. 3. Современная карта Восточной Европы с обозначением народов Скифии по Иордану.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н.э.)

И.В. Исланова (Москва)

Исследования конца XX – начала XXI вв., анализ архивных источников и коллекций материалов, полученных в 60–70 гг. XX в., позволяют говорить о наличии в верховьях Волги, помимо памятников культуры псковских длинных курганов (КПДК), еще одной раннесредневековой группы древностей — типа Подол. Наименование этой археологической группе дано по реперному поселению Подол 3, которое раскапывалось в 1990, 1993–1996 гг. Верхневолжской неолитической экспедицией ИИМК РАН под руководством Г.В. Синицыной (Синицына, 1996, с. 3; Синицына, Исланова, 2009). Нижние слои этого памятника относились к эпохе камня, верхние, перекрытые наносными речными напластованиями – к раннесредневековому и Новому времени.

Всего к памятникам типа Подол можно отнести 12 поселений: селища Подол 3, Ронское 3, Горка 1, Звягино 2, Усть-Тудовка 8, Суходол 2, Рогово 2, Бобронники, Тёплый Ручей 2, Першино и городища Осечен, Никола-Рожок[1] (рис. 1). Поселения исследовались стационарно, за исключением селищ Горка 1 и Звягино 2, где проводились разведочные работы. Памятники расположены на озерах Волго, Селигер, Сабро и по берегам ржевского течения р. Волги.

Эти участки входят в зону Великого водораздела Восточной Европы, откуда берут свое начало Волга, Западная Двина, Днепр и реки Ильменского бассейна. Береговая линия Волжского бассейна сформирована в результате деятельности Валдайского ледника. Состав почв пестрый. От поселений КПДК памятники типа Подол отличаются иной ландшафтной и почвенной приуроченностью. Они находятся на довольно равнинной местности, где отсутствуют боровые террасы, но есть удобные для земледелия участки с аллювиальными или дерновоподзолистыми почвами разного механического состава. Курганные могильники при таких поселениях и в ближайших окрестностях неизвестны. Однако не исключено, что поблизости находятся грунтовые могильники (с погребениями по обряду кремации на стороне), которые пока не обнаружены.

Культурные слои, как правило, сильно повреждены более поздними поселениями (древнерусским – на городище Никола-Рожок; позднесредневековыми – на селищах Горка 1, Звягино; древнерусским и позднесредневековым – на городище Осечен) или могильниками (древнерусскими курганными и грунтовыми – на селищах Рогово 2, Суходол 2, Першино). Однако раннесредневековые материалы, как правило, достаточно четко отделяются от предшествующих и последующих древностей. Площадь поселений – от 1200 до 12000 кв. м; высота жилых площадок селищ над современным уровнем воды – от 1-2 до 7 м; городищ – 20 и

[1] Пользуюсь случаем выразить признательность Г.А. Лавровой, А.Д. Максимову, А.В. Мирецкому, Г.В. Синицыной, А.В. Энговатовой, позволившим анализировать и публиковать материалы их работ..

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

50-55 м. В раскопах на городище Осечен, селищах Суходол 2 и Рогово 2 были обнаружены остатки наземных построек. На городище Осечен в площадь раскопа попала часть наземной, видимо, жилой постройки, поврежденная грабительской ямой. Постройка имела подпольную яму (ее установленная протяженность с севера на юг – 3,2 м), углубленную в материк до 1 м, по стенкам которой прослежены остатки деревянной конструкции, а в заполнении ямы – стоящий вертикально сгоревший столб, обожженные камни – остатки разрушенного очага (Исланова, Мирецкий, 1997, с. 12; Исланова и др., 2007, с. 134). В этом же небольшом раскопе также зафиксированы 10 столбовых и две материковые хозяйственные ямы.

На селище Суходол 2 была исследована основная площадь наземной постройки. По реконструкции А.Д. Максимова (Максимов, 1998, с. 380, 384, рис. 2), жилая часть постройки имела размеры 4,3×4,7 м, а крытый вход с тамбуром – 1,5×3,2 м. По углам строения были обнаружены ямы от столбов. После перестройки жилая часть стала несколько больше – 4,7×5,2, а вход-тамбур по размерам остался прежним; но была сделана небольшая квадратная хозяйственная пристройка 2×2 м. В центре жилого помещения находился очаг из камней. Зафиксированные вблизи очага столбовые ямки могли быть следами опор от нар или лавок. В раскоп на краю поселения попали следы стены-ограды из плетня.

На селище Рогово 2 исследовано углубление (до 0,2 м в материке), относящееся к постройке с остатками очага, с прямоугольной материковой подпольной ямой (вскрыта ее северо-восточная часть) и столбовой ямкой в 2,6 м к юго-востоку от подпольной (Исланова, Черных, 2008, с. 169, рис. 1).

Направления и характер культурных контактов просматриваются по немногочисленному, но разнообразному керамическому и вещевому материалам. Лучше всего фиксируются культурные контакты (проникновение населения с их традициями) по лепной посуде, изготавливавшейся жителями конкретных поселений для бытовых нужд.

Для поселений типа Подол характерен определенный набор керамики, названный мною Верхневолжским (Исланова, 2007, с. 313). В отличие от наборов КПДК здесь относительно много ребристых форм и посуды т.н. мощинского круга. Верхневолжский керамический набор дополняет наборы посуды середины – 3-ей четверти I тыс.н.э., выделенные для Двинско-Ловатского, Псковско-Чудского и Мстинско-Валдайского регионов (Лопатин, 2003). Следует сразу отметить, что небольшие коллекции посуды с поселений типа Подол не позволяют детально сопоставлять керамику (в т.ч. по процентному соотношению) разных поселений этой группы и памятников смежных территорий.

В Верхневолжском наборе выделяется 6 основных групп сосудов (табл. 1).

К группе I (рис. 2) отнесена т.н. керамика мощинского круга или ее дериваты: горшки с высокой шейкой, иногда украшенные по торцу венчика нарезками и вдавлениями, и сосуды с уступом или удлиненным уступом, постепенно преобразующимся в ребро в месте перехода плеча в тулово. Относительно большое присутствие такой керамики на памятниках типа Подол является особенностью выделенного набора.

Подобная керамика хорошо известна на памятниках мощинской культуры с конца IV по VI-VII вв. (т.е. на основном и заключительном этапах ее существования) (Воронцов, 2011). На направление культурных связей, как будто, указывают мощинские находки, сделанные на городищах Лукино на р. Вазузе (правом притоке Верхней Волги) и Русятка на р. Вязьме (левом притоке Верхнего Днепра) (Лопатин, Лопатина, 1998; Массалитина, 2002, с.14).

Единичные фрагменты керамики мощинского круга есть на поселениях удомельского типа (Исланова, 1997, рис. 40: 4–6) и КПДК (Исланова, 2006, рис. 61: 8; 83: 2; 84: 2; 90: 2), возможно, свидетельствующие о контактах разного населения.

Группа II (рис. 3) – это керамика с ребром или слабо намеченным ребром в месте перехода плечика в тулово в верхних трети или четверти сосуда. Такая посуда встречена практически на всех поселениях, отнесенных к типу Подол. Схожая ребристая керамика известна в древностях типа Узмень (Верхнее Подвинье) и Демидовка (Верхнее Поднепровье), где находки сосудов с ребром относительно многочисленны (Фурасьев, 2001а, с. 18–19). Ребристые формы встречены и на поселениях предсопочного массива: Юрьевская Горка и Городок на Маяте (Исланова, 1997, рис. 38: 1, 11, 14–17; Еремеев, Дзюба, 2010, рис. 66: 1; 98: 4). Такая ребристая посуда существенно отличается от керамики т.н. ладожского типа, имеющей короткое крутое плечо, более толстые стенки и рыхлое глиняное тесто (Носов и др., 2005, с.74).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Группа III (рис. 4: 1–5) – это слабопрофилированные сосуды, близкие к типу 9 по Н.В. Лопатину. Схожие сосуды хорошо известны на памятниках КПДК в бассейне верхней Мсты и на селище Фролы 1 в Верхнедвинском бассейне (Исланова, 2006, рис. 76; 77: 1–4; Фурасьев, 2001б, рис.4: 2, 3). По мнению Н.В. Лопатина, прототипы следует искать в керамике киевского круга и круга Заозерье-Узмень (Лопатин, 2003, с. 44, 48, рис. 1: 9; 4: 3, 4). Такая керамика единична на памятниках удомельского типа (Исланова, 1997, рис. 39) и Городке на Маяте (Еремеев, Дзюба, 2010, рис. 98: 1,3).

Группа IV (рис. 5) – слабопрофилированные округлобокие сосуды, близкие к типам 7, 8 и, возможно, 11 по Н.В. Лопатину (Лопатин, 2003, с. 47, 48, 54, рис. 1). С этой группой, предположительно, могут быть связаны находки фрагментов глиняных сковородок с городища Осечен и селища Подол 3 (рис. 9: 9). Глиняные сковородки подобной формы известны в лесостепной и в южной части лесной зоны во 2-й и 3-й четверти I тыс. (Максимов, Терпиловский, 1993, с.111; Обломский – в печати, рис. 17: 31). Посуда группы IV известна на раннесредневековых памятниках Верхнего Поднепровья и Подвинья, встречена на Городке на Маяте и на Юрьевской Горке (Еремеев, Дзюба, 2010, рис. 98: 1, 3; Исланова, 1997, рис.35: 16–17; 36), а в древностях КПДК такая керамика немногочисленна (Исланова, 2006, рис. 72).

Две группы посуды – это сосуды групп VI (баночные) и V (S-видной профилировки) имеют широкие территориальные и хронологические рамки бытования (рис. 6; 7). Такая керамика известна во многих древностях лесной зоны Восточной Европы на протяжении I тыс.н.э. Следует отметить, что S-видные сосуды изготавливались в 3-й четверти I тыс.н.э. в Верхнем Подвинье на памятниках типа Узмень (Лопатин, Фурасьев, 2007, рис. 125, 4) и в Верхнем Помостье на памятниках КПДК (Исланова, 2006. Рис. 85, 7), на поселениях удомельского типа (Исланова, 1997, рис. 37). По мнению Н.В. Лопатина, бытование S-видных сосудов – это особенность набора керамики памятников удомельского типа (Лопатин, 2003, с. 55).

Помимо разделенной по группам керамики, на поселениях найдены три фрагмента (Рогово 2 – 2 экз., Усть-Тудовка 8 – 1 экз.) от т.н. каннелированных (с бороздкой в верхней части тулова) сосудов (рис. 4: 8, 9). Один из них – лощеный. Аналоги известны среди посуды Верхнего Подвинья (селища Узмень и Фролы 1), где они датируются рубежом IV-V вв. (Фурасьев, 2001б, с. 20, рис. 4: 6). Один фрагмент с селища Рогово 2 имеет утолщение в месте перехода от плечика в тулово (рис. 4: 7). Ближайшие аналоги также происходят с селищ Узмень (достаточно часто встречаемая здесь форма) и Фролы 1 (Фурасьев, 2001б, рис. 4: 13; Лопатин, Фурасьев, 2007, рис. 128: 5; 129: 4,5,7; 122: 6; 115: 3,4; 108: 7). Два обломка от сосудов с таким же налепом были найдены на селище КПДК Городок (Исланова, 2006, рис. 78: 4, 5).

Один фрагмент верхней части горшка с селища Рогово 2 имел под венчиком налепной, по всей видимости, неорнаментированный валик (рис. 4: 6). Ближайшие аналоги сосудам с валиком, но орнаментированным насечками, известны в Узмени (Лопатин, Фурасьев, 2007, рис. 103: 2) и на Городке на Маяте (Еремеев, Дзюба, 2010, рис 108: 110). Такая деталь не характерна для керамики Северо-Запада, а северная граница оформления венчиков валиком проходит через территорию тушемлинской и банцеровской культур. Керамика с валиком хорошо известна южнее и западнее – в древностях колочинской, пражской и пеньковской культур (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 115, 123, рис. 110).

На схожие направления культурных контактов указывают и вещевые находки.

Широкий ареал бытования и хронологию имеют серпы с пяткой (группа II подгруппа 1 по Р.С. Минасяну) (рис. 8: 5, 6), найденных на селищах Подол 3 (2 экз.) и городище Никола-Рожок (1 экз.) (Минасян, 1978, с. 79). Близкие по форме серпы известны в лесостепной и лесной зонах с конца I тыс. до н.э. (в т.ч. в милоградской, зарубинецкой, киевской культурах) и встречаются до 2-й половины I тыс.н.э. (Пачкова, 2006, рис. 64: 4–6; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 61; Горбаненко, 2007, с. 45).

На городище Никола-Рожок было найдено пластинчатое кресало с петлей на конце (рис. 9: 8). При публикации материалов памятника, А.В. Успенская отнесла это изделие к древнерусскому времени (Успенская, 1969, с. 207). Однако кресала аналогичной формы имеют иную хронологию: известны в пшеворской и липицкой культурах (Славяне и их соседи, 1993, табл. XXI: 13; XXXIX: 17); на городище Дешёвки мощинской культуры (Массалитина, 1994. рис. 26: 3); на поселениях Припятского Полесья: Снядзин 2 и Бухличский хутор. Два последних памятника находятся в зоне формирования

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

пражской культуры и относятся к ее наиболее ранней фазе (фазе «0» по И.О. Гавритухину), датируемой IV–V вв. н.э. (Вергей, 2008, с. 238–240, рис. 2: 7, 8).

Детали костюма представлены железными посоховидными булавками с округлым сечением иглы. Они найдены на селище Усть-Тудовка и городище Осечен (рис. 9: 4, 5). Подобные вещи относятся к типу IIГ по А.М. Медведеву (Медведев, 1996, с. 173–175, рис. 1). Такие булавки бытуют начиная с бронзового века по 2-ю пол. I тыс.н.э. Исключением являются территории современных Латвии и Литвы, где схожие булавки используются и в IX–XII вв. Наиболее массовое употребление булавок приходится в I тыс.н.э. на территорию балтских племен.

Среди предметов вооружения следует отметить трехлопастной наконечник стрелы с городища Осечен (рис. 8: 4). Схожие наконечники стрел распространяются в лесной зоне Восточной Европы от конца IV-V вв. по VI-VII вв. и активно используются, видимо, в том числе и раннеславянским населением. Находки происходят с территории Пруссии, современной Литвы, с памятников тушемлинских и банцеровских древностей (городищ Никодимово, Близнаки, Демидовка, селища Узмень), с мощинских, позднедьяковских и мерянских памятников (Казанский, 2008, с. 307).

Находки втульчатых наконечников копий (или дротиков) происходят с городища Осечен и с поселения Усть-Тудовка 8 (рис. 8: 2, 3)[2]. Такое оружие появляется на памятниках преимущественно верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (Радюш, 2011, с. 6,7) и у западных балтов в первые века н.э. Близкие анализируемым наконечники найдены в погребениях на территории современной Литвы в VI–V и VI–VII вв. (Казакявичюс, 1988, с. 55–57) и на городище мощинской культуры Федяшево (Массалитина, 1994, табл. 21:4).

Удила с трехчастными грызлами (рис. 8: 1) с селища Подол 3 относятся к «западным» элементам конского снаряжения, распространенным в эпоху Великого переселения народов у балтских племен, где они известны с римского времени. По мнению М.М. Казанского, такие удила употребляются преимущественно по VI в. н.э. (Казанский, 2008, с. 310). Ближайшие находки аналогичных удил известны в Удомельском регионе, на городищах Близнаки и Демидовка, а также в Доложском погосте (Казанский, 2008, с. 310). Серия предметов, относимых к военному снаряжению, по предположению М.М. Казанского, маркирует продвижение в V–VI вв. «отдельных милитаризированных групп дунайско-германского, славянского и балтского населения» в лесную зону Восточной Европы (Казанский, 2008, с. 311).

С городища Осечен и селища Подол 3, расстояние между которыми около 60 км, происходят 7 литейных формочек и одна заготовка подобного изделия (рис. 10, 11) (Фурасьев, 1996. С. 49–50; Исланова и др., 2007, с. 137, 139, 140, рис. 5), которые неоднократно анализировались несколькими исследователями. Одна из формочек с селища Подол 3 – керамическая, другие – каменные (Исланова, Мирецкий, 1997; Исланова и др., 2007, с. 137, 139, 140; Фурасьев, 1996, с. 49–50; Щеглова, 2002; 2010).

На формочках, найденных на разных памятниках, есть схожие изображения пельтовидных лунниц и накладок. Вполне допустимо, что эти изделия могли принадлежать одному и тому же мастеру или группе мастеров. Формочки для пельтовидных лунниц и трапециевидных подвесок известны в Бернашевке (Винокур, 1997, рис. 18; 19; 23). Формочки для ворворок происходят из Осечена (рис. 11: 3) и известны на других памятниках (Щеглова, 2010, с.53, рис. 4: 3). Однако, вытянутые прямоугольные накладки с нарезками-городками встречены только на «наших» формочках (рис. 10: 2; 11: 2; 13) и на изделиях с городищ Дьяково, Щербинское и Хлепень (Кренке, Тавлинцева 2011, рис. 171: 1, 10,11). Почти идентичное изображение «очковидной» подвески из Осечена (рис. 11: 2) имеется на глиняной формочке с селища КПДК Городок (бассейн верхней Мсты) (Исланова, 2006, рис. 117: 1). По мнению О.А. Щегловой, предметы для изготовления из оловянисто-свинцовых сплавов распространяются в Верхнее Поволжье и далее на Северо-Запад с юго-востока через Верхнее Поднепровье или Подвинье. При этом, отмечая «ключевое положение» формочек Осечена и Подола, исследовательница полагает, что сюда были принесены мода на украшения из свинцово-оловянистых сплавов и «навыки изготовления изделий определенных типов мелких вещей в каменных формочках»; а так как литье таких украшений не требовало особой специализации,

[2] Наконечник копья из Усть-Тудовки 8 не сохранился; его изображение было запечатлено только на фотографии (т.н. «контрольке»), любезно предоставленной мне автором раскопок – А.В. Энговатовой.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

фиксируется движение населения, а не мастеров (Щеглова, 2010, с. 55, 56). Однако последнее предположение для региона Верхнего Поволжья выглядит достаточно спорным. Следует отметить, что современное состояние источниковой базы не позволяет сказать, было ли это переселение людей, распространение предметов, «проникновение навыков» или передвижение ремесленников. Необходимо особо отметить еще одно наблюдение О.А. Щегловой – немногочисленность формочек бернашевского типа для КПДК (Щеглова, 2010, с. 56). Это позволяет говорить о еще одном отличии памятников типа Подол от КПДК.

По поводу датировки изделий существуют разные мнения. Для угля, собранного рядом с литейной формой на поселении Подол 3 установлена дата по С14: 1710±110 л.н. (ЛЕ-5174). По А.Г. Фурасьеву, находки с Подола 3 относятся к концу IV–V вв. н.э. (Фурасьев, 1996, с. 50). Формочки из Осечена датированы нами V–VI вв. (Исланова и др., 2007, с. 140). О.А. Щеглова, придерживаясь предположения о «постепенном, последовательном распространении традиции», считает, что появление подобных изделий на Верхней Волге произошло не ранее конца VI в. или рубежа VI–VII вв. (Щеглова, 2002, с. 145–146; 2010, с. 56).

Остальные категории вещевых находок, встречаемых в большем количестве, как правило, изготавливались на месте. Это глиняные овальные и биконические пряслица, железные ножи с прямой спинкой, точильные камни, глиняные льячки и обломки тиглей (рис. 9). Такие находка являются массовыми и распространены чрезвычайно широко на памятниках лесной зоны Восточной Европы разной культурной принадлежности во 2-й и 3-й четвертях I тыс.н.э.

Говорить о каких либо узких рамках функционирования конкретных поселений типа Подол не позволяют отсутствие погребений, закрытых и «условно закрытых» комплексов, широкие хронологические рамки бытования многих вещей. Имеющиеся материалы указывают на отрезок между рубежом IV/V и VII вв. н.э.

Подводя итоги можно сказать, что в керамическом и вещевом наборах с поселений типа Подол «просматриваются» исходные территории культурных импульсов – возможного проникновение населения, в результате чего и возникают эти памятники. Одно из направлений – с юга (из Верхнего Подвинья) – связано с древностями круга Заозерье-Узмень, предположительного варианта киевской культурно-исторической общности (Лопатин, Фурасьев, 2007, с. 105). По керамическому материалу поселения на Верхней Волге имеют определенную близость с посудой селища Узмень. Второе направление – с юго-востока (из Верхнего Поднепровья и Поочья) – отдельные вещевые находки и керамика мощинского круга (группа I), которая, скорее всего, отражает культурную ориентацию субстратного (для 3-й четверти I тыс.н.э.) населения. Определенное сходство керамики КПДК и выделенных групп III и IV позволяет говорить об общих прототипах посуды у населения разных культурных групп и о проникновении на Верхнюю Волгу нового населения, ее изготавливавшего, значительно раньше, чем предполагалось ранее (т.е. не позднее начала 3-й четверти I тыс.н.э.).

Редкие керамические формы и способы оформления керамики (валик, каннелюры, утолщение) и вещевые находки указывают на культурные контакты с населением тушемлинского и банцеровского ареалов через участки в Верхнем Подвинье.

Еще одно направление контактов прослеживается из Поднестровья (судя по формочкам бернашевского типа): из ареала пражской культуры. В этом случае допустимо перемещение ремесленников, распространение традиций, но не исключено и массовое передвижение населения. М.М. Казанский предполагает перемещение с «запада» милитаризированных разноэтничных групп, опираясь на вещевой материал, попавший в лесную зону на поселения разной культурной принадлежности (Казанский, 2008, с. 311).

Культурные связи со смежными верхнеднепровским и верхнедвинским регионами, контакты через эти регионы с раннепражским населением, мощная местная подоснова мощинского круга, а также возможные передвижения отдельных групп населения с юга и юго-запада привели к оформлению не позднее VI в. н.э. древностей типа Подол. Это был определенный культурно-хозяйственный тип древностей, существовавший параллельно КПДК. Население использовало в быту устойчивый набор керамики (названный Верхневолжским), отличающийся от наборов посуды КПДК; предпочитало селиться на аллювиальных и дерновоподзолистых почвах, благоприятных для занятия земледелием; не сооружало курганов. Наличие отдельных схожих форм и оформления керамики, найденных на поселениях и в могильниках КПДК, видимо, говорит о существовавших непосредственных

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

контактах. Определенная близость вещевого и керамического материалов памятников типа Подол, удомельского типа, Городка на Маяте позволяет отнести эти объекты к общему раннесредневековому массиву древностей лесной зоны Восточной Европы третьей четверти I тыс.н.э., на которых фиксируется начальный этап раннеславянского расселения.

Таблица 1. Распределение керамики по группам на поселениях типа Подол.

поселение	группы					
	I	II	III	IV	V	VI
Бобронники	2	-	-	2	-	-
Горка 1	1	-	-	1	-	1
Звягино	2	-	-	2	-	-
Никола-Рожок	-	-	-	3	-	-
Осечен	6	10	2	5	8	4
Першино	1	1	3	8	-	-
Подол 3	17	10	7	14	2	6
Рогово 2	6	2	1	7	2	2
Ронское 3	-	2	1	4	2	-
Суходол 2	2	4	1	1	1	-
Тёплый Ручей	2	2	-	3	4	2
Усть-Тудовка 8	3	5	3	6	-	6

Литература

Вергей В.С. 2008. Белорусское Полесье в римский период и в начале эпохи Великого переселения народов // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Винокур І. С. 1997. Слов'янські ювеліри Придністьров'я. За материалами досліджень Бернашівського комплексу середини 1 тис. н.е. Кам'янець-Подільський.

Воронцов А.М. 2011. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород.

Горбаненко С.А. 2007. Землеробство і тваринництво слов'ян лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н.е. Київ.

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. 2010. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПБ.

Исланова И.В. 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.

Исланова И.В. 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.

Исланова И.В. 2007. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир, 9. М.

Исланова И.В., Мирецкий А.В. 1997. Находки с городища Осечен // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья, 2. Тверь.

Исланова И.В., Мирецкий А.В., Олейников О.М. 2007. Городище Осечен (ранний железный век и раннее средневековье) // ТАС, 6. Т. II.

Исланова И.В., Черных Е.М. 2008. Лепная керамика селища Рогово-2 в Верхневолжье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Казакявичюс В. 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.

Казанский М.М. 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю. 2011. Литейные формы финального этапа существования Дьякова городища // Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. М.

Лопатин Н.В., 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА, 214.

Лопатин Н.В., Лопатина О.А. 1998. Памятник мощинской культуры в верховьях Вазузы // ТАС, 3.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н.э. Раннеславянский мир. 8. М.

Максимов А.Д., 1998. Археологический комплекс III–VII вв. н.э. селища Суходол II (Ржевский район Тверской области) // ТАС, 3.

Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. 1993. Киевская культура // Славяне и их соседи в кон. 1 тыс. до н.э. – первой половине 1 тыс.н.э. (Археология СССР). М.

Малыгин П.Д., 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // ТАС, 1. Тверь.

Массалитина Г.А., 1994. Мощинская культура. Дис. канд. истор. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2567.

Массалитина Г.А., 2002. Новые керамические коллекции с памятников конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс.н.э. на водоразделе верхних притоков Днепра и Волги // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья, 4. Тверь.

Медведев А.М. 1996. Посоховидные булавки // Гістарычна-археалогічны зборник. 7. Мінск.

Минасян Р.С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Аргеологический сборник Государственного Эрмитажа, 19. Л.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.

Обломский А.М. Колочинская культура – **в печати.**

Пачкова С.П. 2006. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев.

Радюш О.А. Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения памятников зарубинецкой культуры // Военная археология, 2. М.

Синицына Г.В., 1996. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб. //Археологические изыскания, 39. СПб.

Синицына Г.В., Исланова И.В. 2009. Раннесредневековые материалы с северного берега озера Волго в Тверской области // ТАС, 7. Тверь.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине 1 тыс.н.э. Археология СССР. М. 1993.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры (Свод археологических источников). Киев.

Успенская А.В. 1969. Городища XI–XII в. на юге Новгородской земли // Экспедиции ГИМ. М.

Фурасьев А.Г., 1996. Литейные формы из поселения Подол III в Тверской области // Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. Археологические изыскания, 39. СПБ.

Фурасьев А.Г. 2001а. Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти I тыс.н.э. Автореф. дис. канд. истор. наук. СПБ.

Фурасьев А.Г. 2001б. Периодизация древностей середины и второй половины 1 тыс.н.э. на северном берегу оз. Сенница // ТАС, 4 .Т. II.

Щеглова О.А., 2002. Свинцово-оловянистые украшения VIII–X вв. Северо-Запада Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Щеглова О.А. 2010. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI–VIII вв. как отражение мировоззрения или культурных влияний // Труды Государственного Эрмитажа, 49. СПб.

Список сокращений

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

I.V. Islanova

Sites of the Podol type (cross-cultural contacts of the Upper Volga people in the 3rd quarter of the I millennium AD)

Abstract

In the Upper Volga region besides archaeological sites of the Pskov Long Barrows culture in the 3rd part of the 1st millennium there were settlements with the Early Middle Ages group of antiquities – of the Podol type. On the grounds of topographic and archaeological data the group consists of 13 objects (2 hillforts with appropriate layers and 11 settlements). That was the economic-cultural type of antiquities existed for the same period as the Pskov Long Barrows culture. The monuments are situated in the areas convenient for agriculture. Any burial mounds in the nearest surroundings are unknown.

In ceramic assemblages and artifact sets from the Podol-type settlements the initial regions of cross-cultural impulses, contacts or penetration of new population groups leading to genesis of these monuments can be seen. These regions are the Upper Dvina (groups 2 and 4 ceramics), the Upper Dnieper (groups 4 and 6 ceramics), the Upper Oka (group 5 ceramics) and the Dniester (migrations of the artisans or spread of craft traditions).

Propinquity of ceramic assemblages and artifact sets of the Podol-type, the Udomlya type and the Mayata hillfort permits to relate them to the general early medieval complex of antiquities of the forest zone of the Eastern Europe of the 3rd quarter of the 1st millennium which indicates the beginning period of the Early Slavs migrations.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

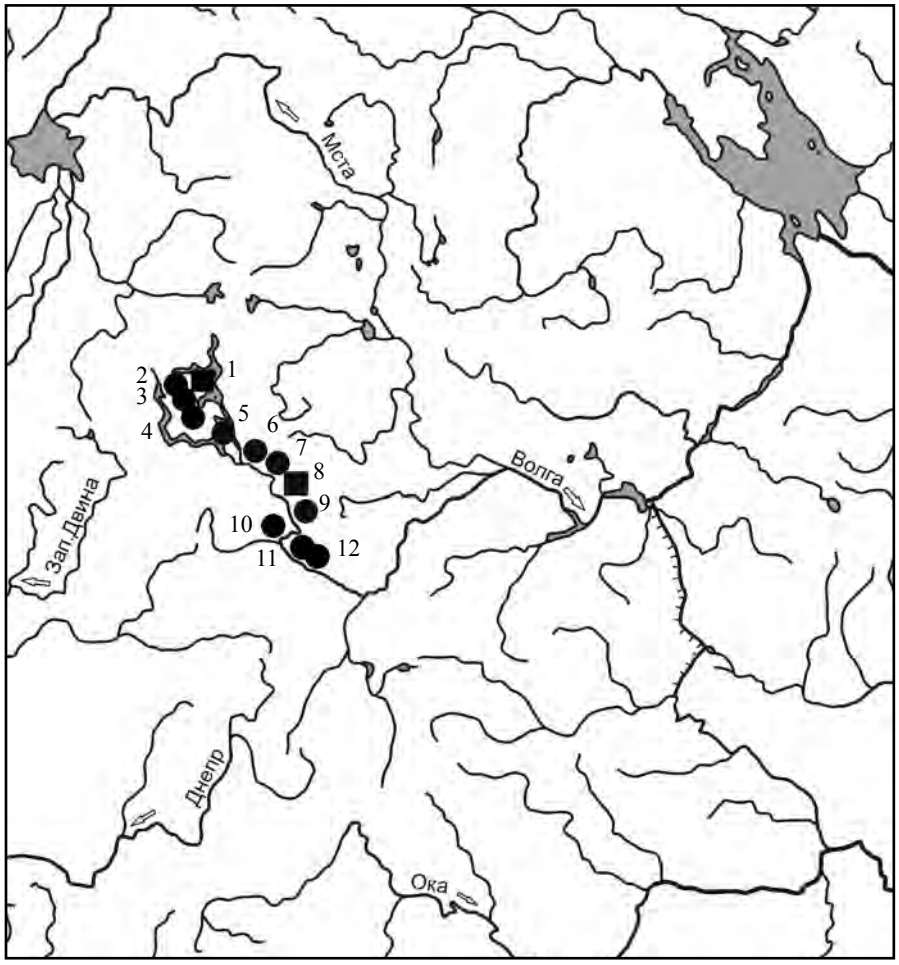


Рис. 1. Памятники типа Подол в верховьях Волги
1 – городище Никола-Рожок; 2 – селище Горка 1; 3 – селище Звягино; 4 – селище Ронское 3; 5 – селище Подол 3; 6 – селище Тёплый Ручей; 7– селище Рогово 2; 8 – городище Осечен; 9 – селище Суходол 2; 10 – селище Усть-Тудовка 8; 11 – селище Першино; 12 – селище Бобронники.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

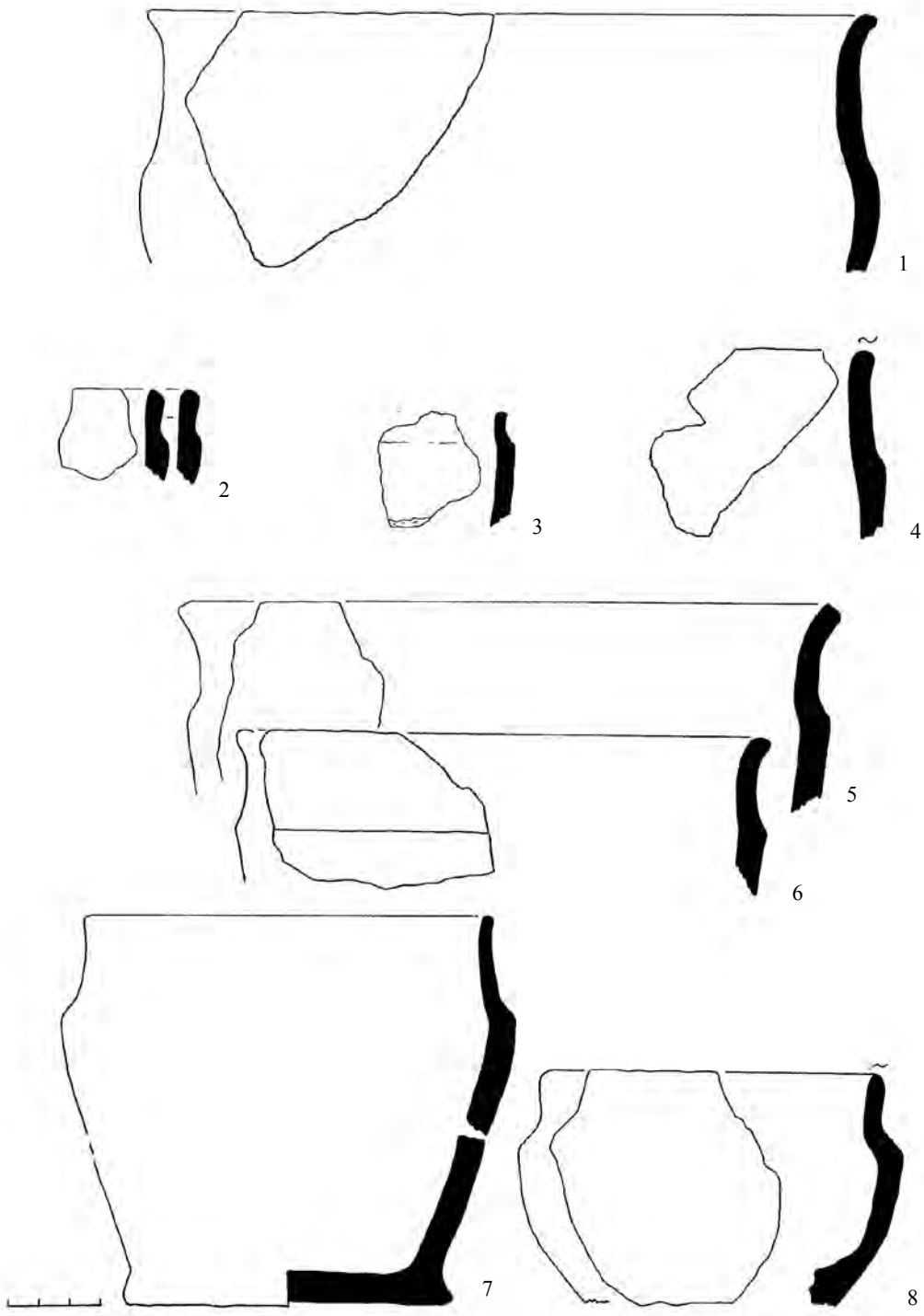


Рис. 2. Керамика группы I
1, 3, 5 – Подол 3; 2, 6 – Рогово; 4 – Суходол; 7, 8 – Осечен.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

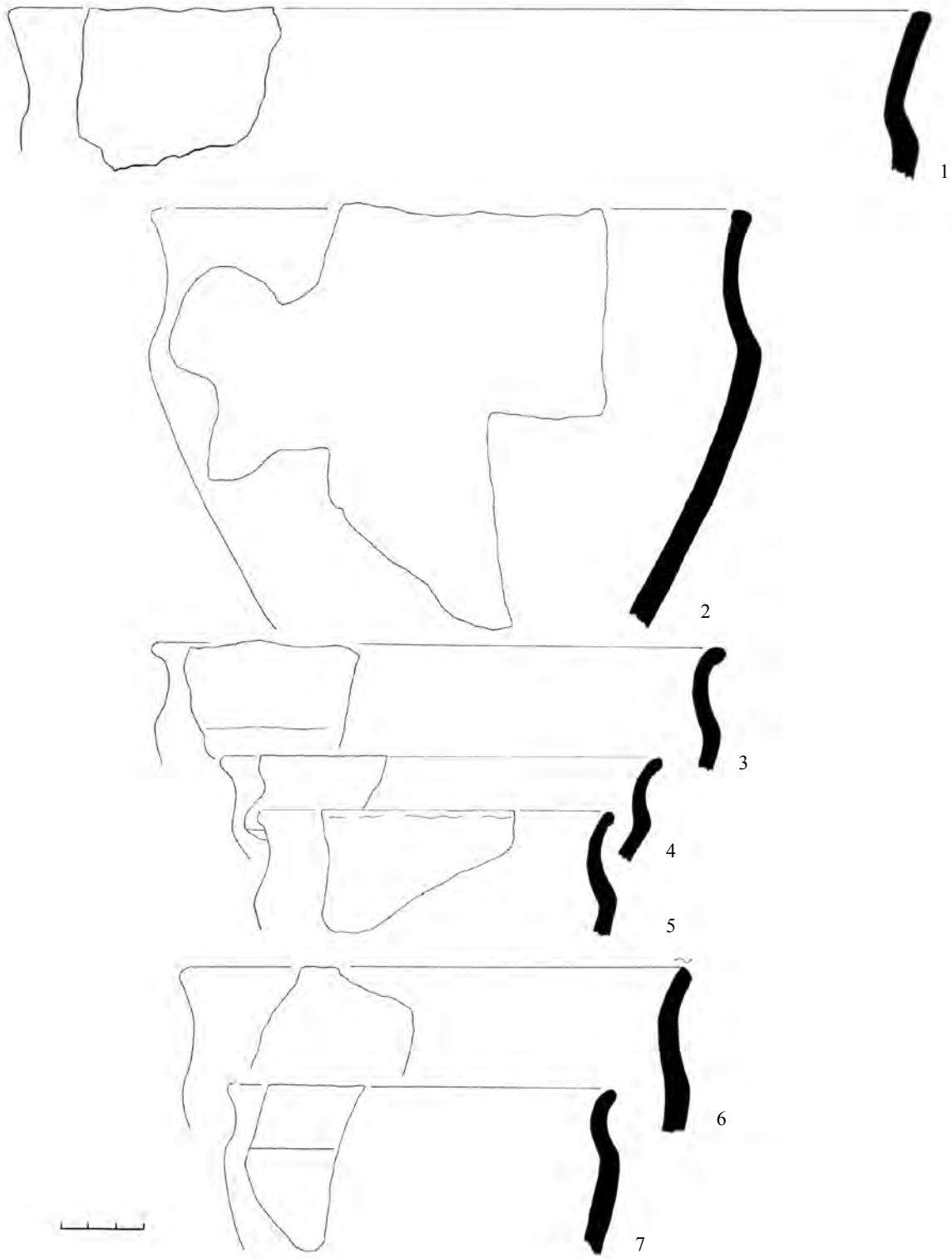


Рис. 3. Керамика группы II
1 – Тёплый Ручей; 2 – Суходол 2; 3, 6 – Осечен; 4, 5 – Подол 3; 7 – Суходол 2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

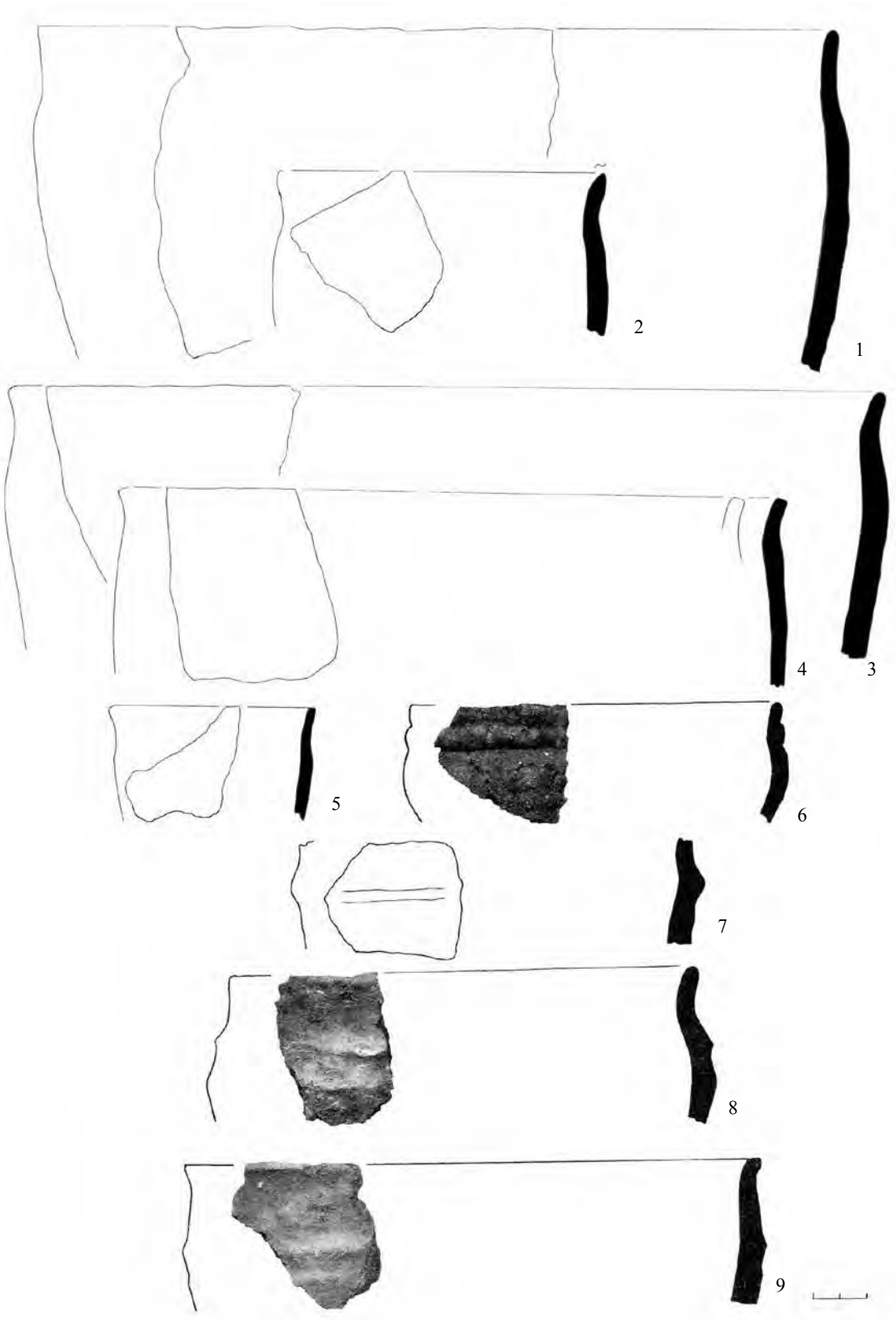


Рис. 4. Керамика группы III и редких форм
1, 3 – Подол 3; 2, 4 – Рогово; 5 – Усть-Тудовка 8; 6–9 – Рогово 2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

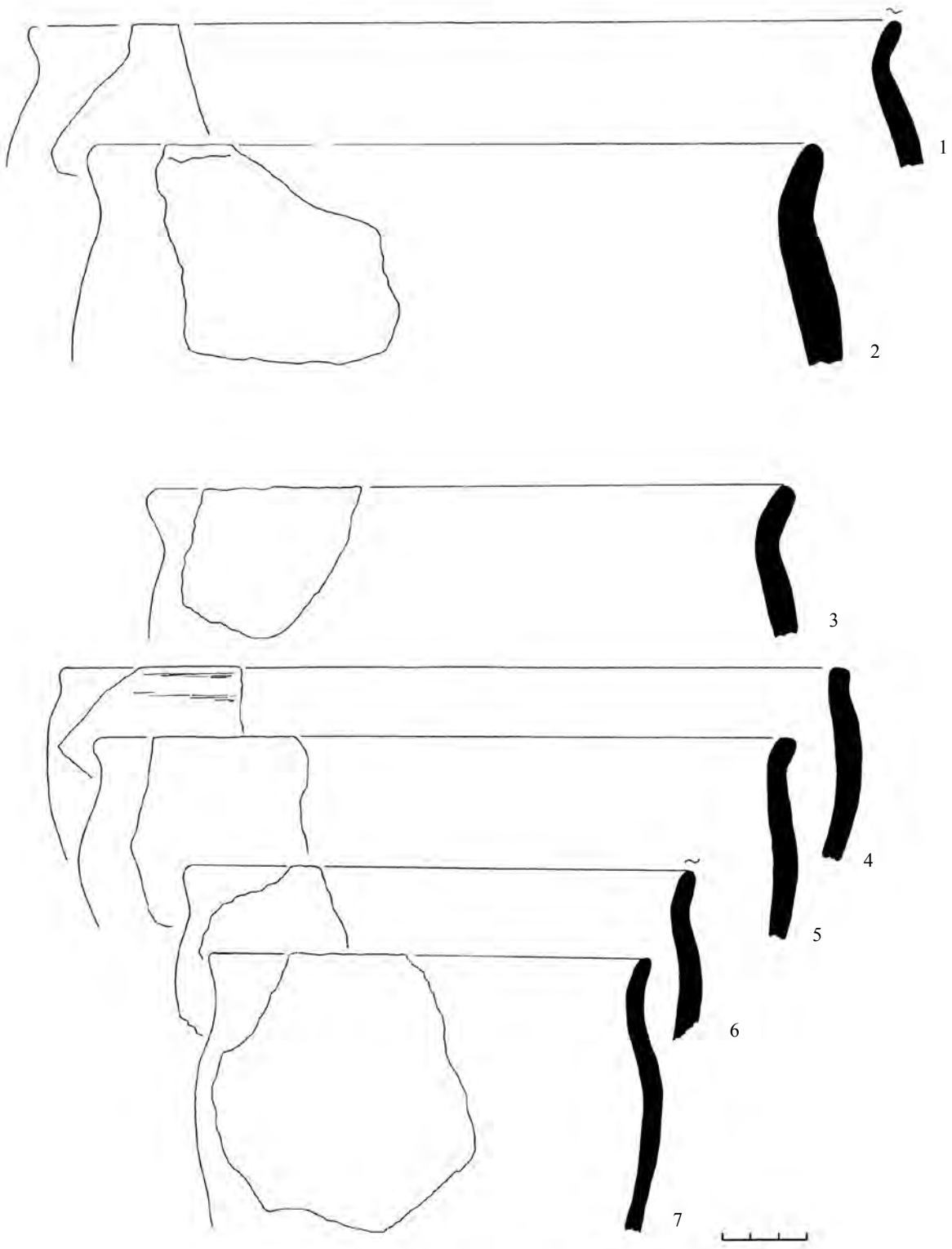


Рис. 5. Керамика группы IV
1–2, 6 – Рогово; 3, 7 – Осечен; 4, 5 – Подол 3.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

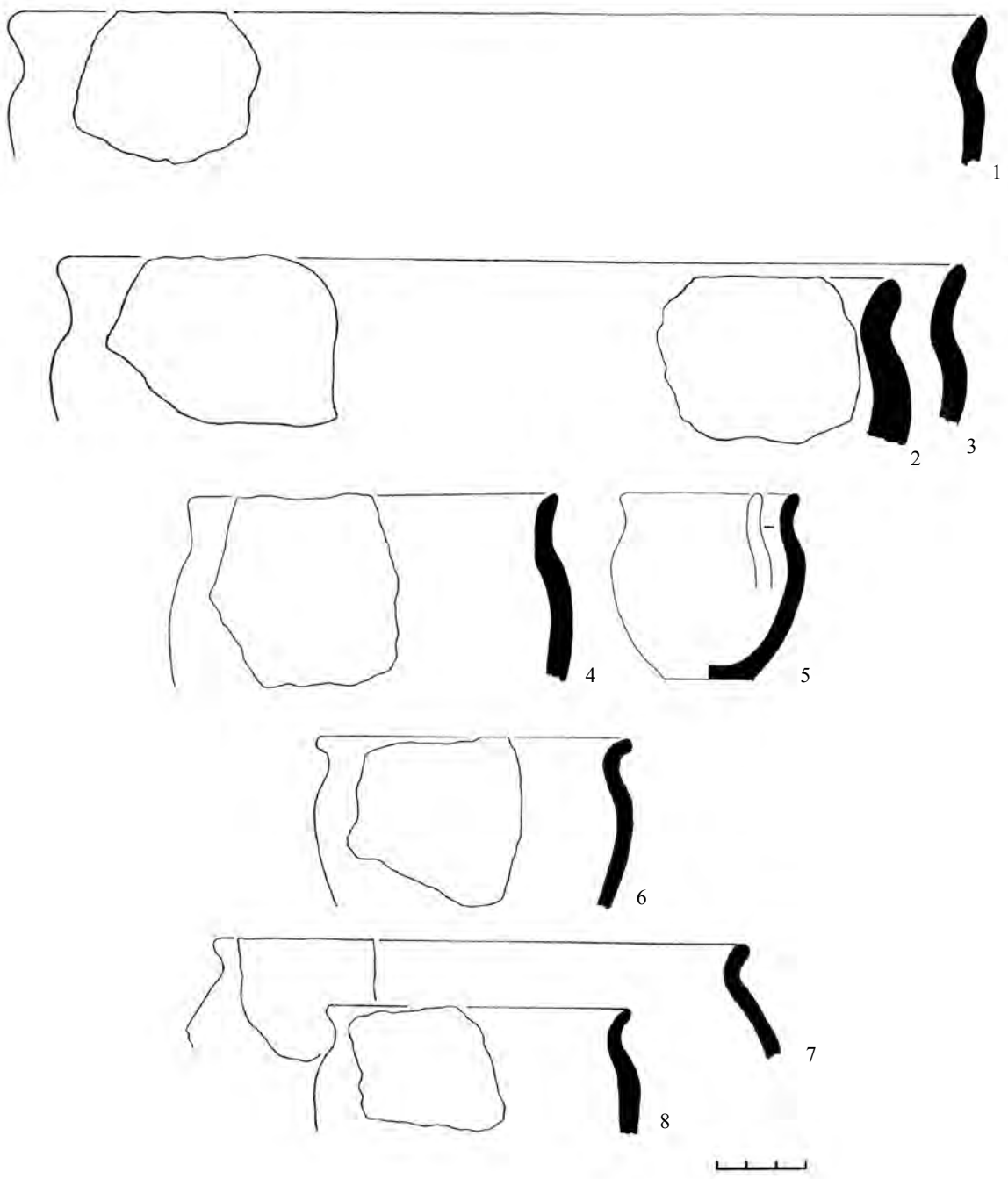


Рис. 6. Керамика группы V
1–3 – Рогово; 4 – Тёплый Ручей; 5 – Подол 3; 6–8 – Осечен.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

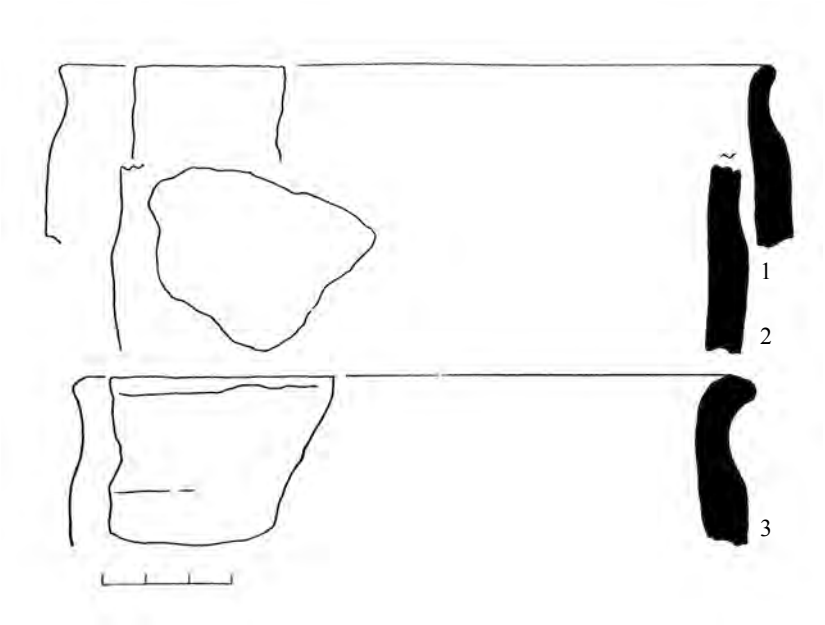


Рис. 7. Керамика группы VI городища Осечен.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

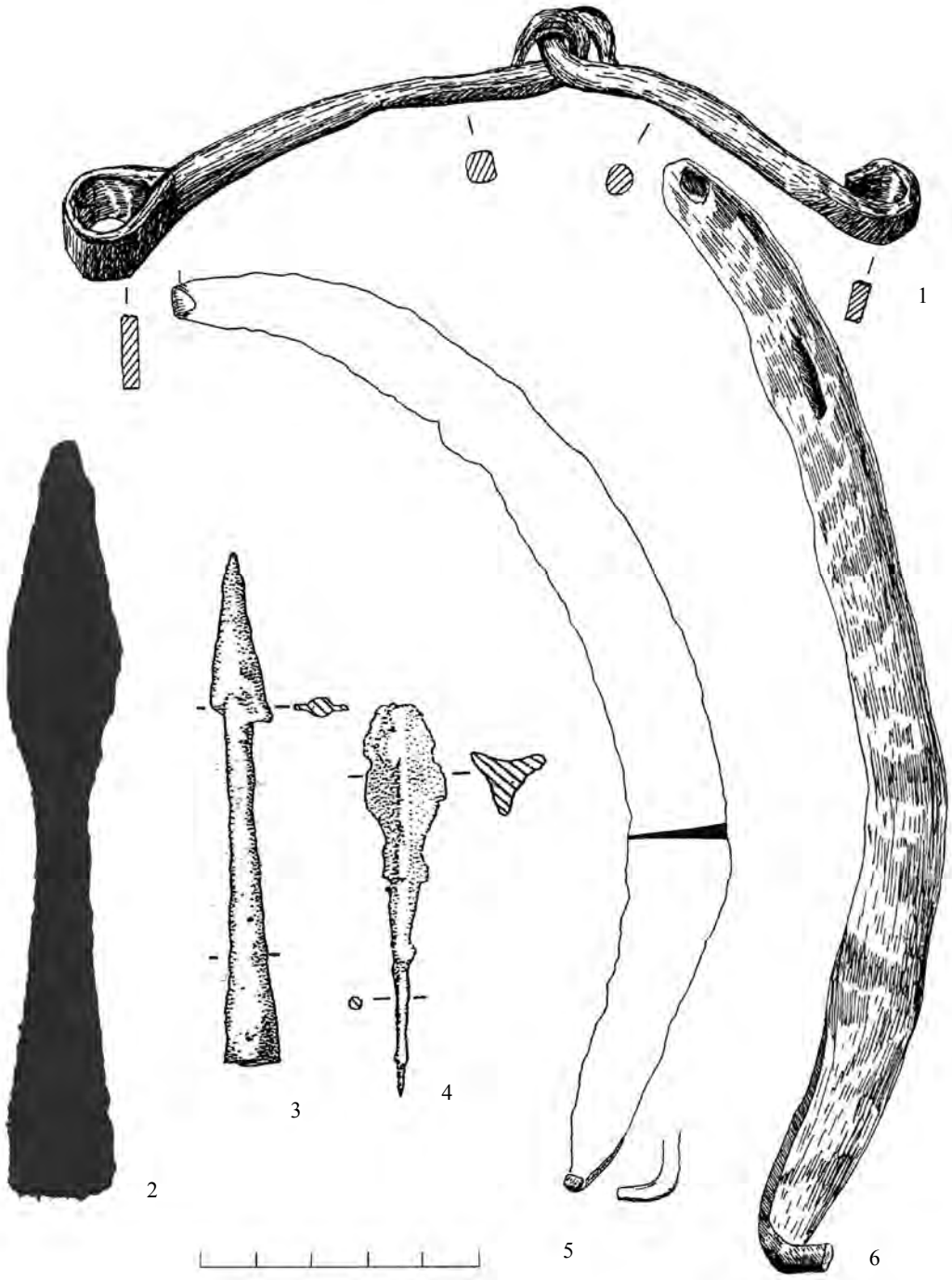


Рис. 8. Вещевые находки с поселений типа Подол
1 – удила железные (Подол 3); 2 – наконечник копья железный, масштаб неизвестен (Усть-Тудовка 8); 3, 4 – наконечник дротика и наконечник стрелы железные (Осечен); 5 – серп железный (Никола-Рожок); 6 – серп железный (Подол 3).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

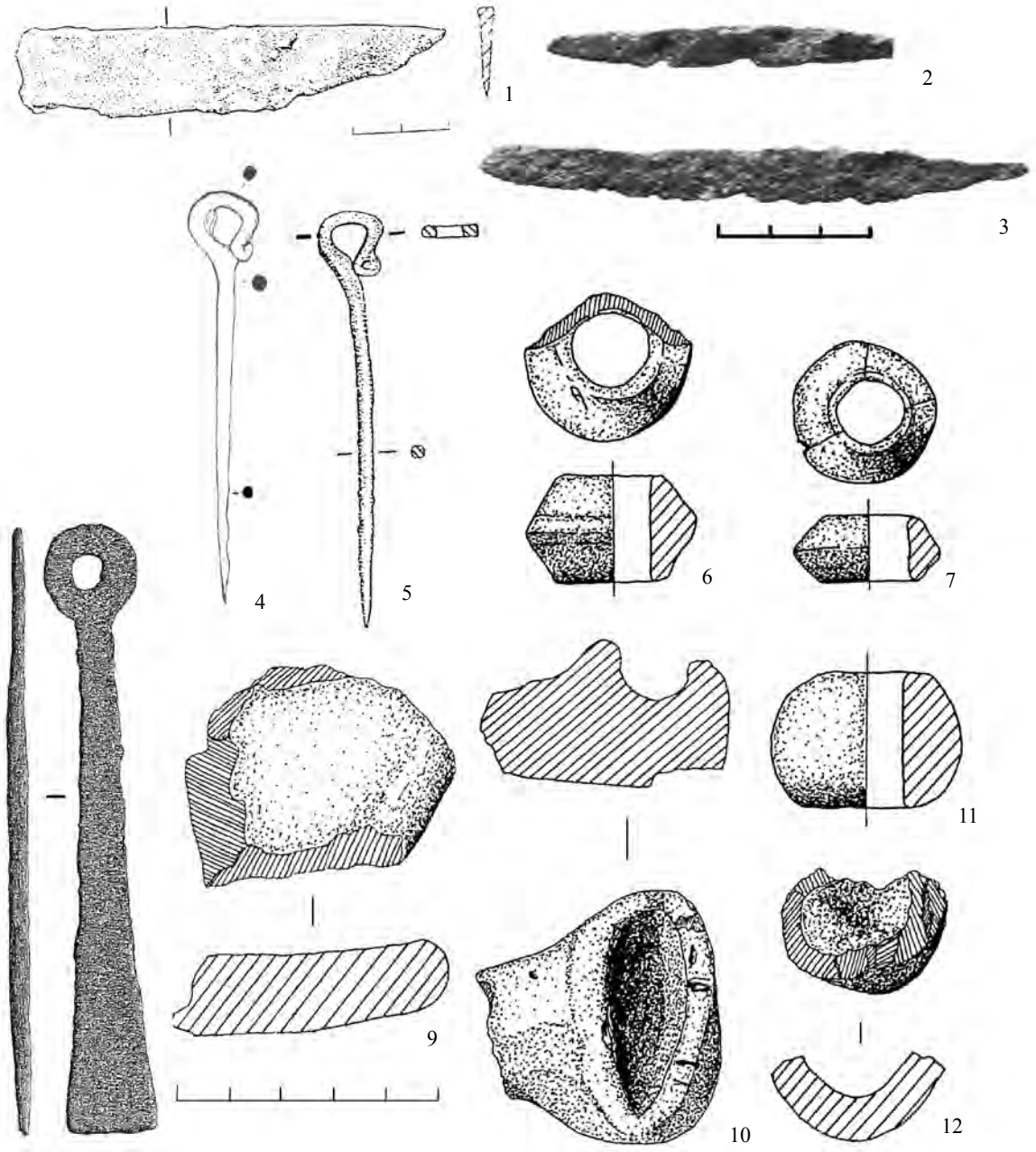


Рис. 9. Вещевые находки с поселений типа Подол
1 – фрагмент железного ножа (Осечен); 2, 3 – железные ножи (Никола-Рожок); 4 – железная булавка (Усть-Тудовка 8); 5 – железная булавка (Осечен); 6, 7 – глиняные пряслица (Подол 3); 8 – железное кресало (Никола-Рожок); 9 – фрагмент глиняной сковороды (Подол 3); 10 – обломок глиняной льячки (Подол 3); 11 – глиняное грузило (Подол 3); 12 – обломок глиняного тигля (Подол 3).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

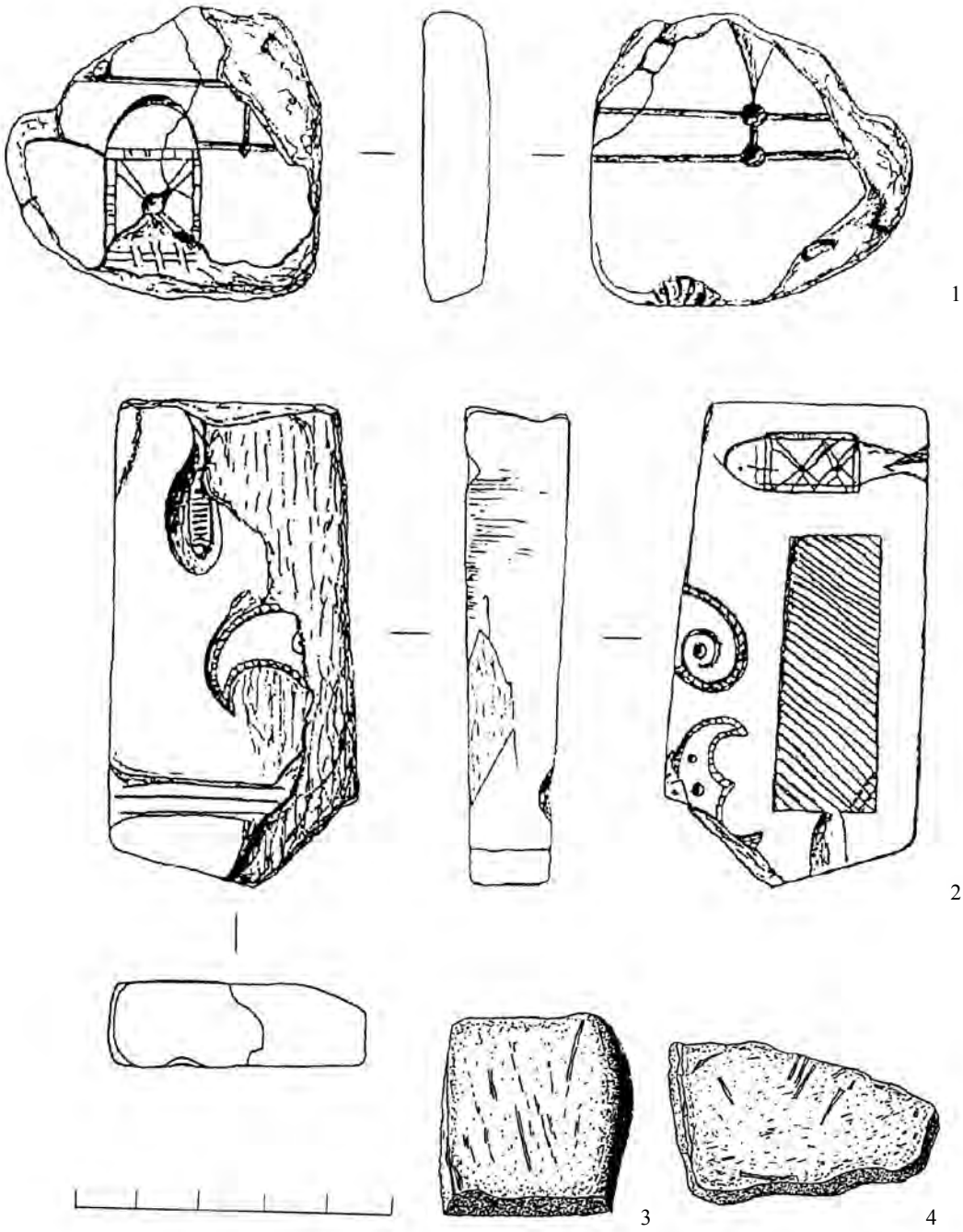


Рис. 10. Литейные формочки и точильные камни с поселения Подол 3
1 – обломок глиняной формочки; 2 – обломок сланцевой формочки; 3, 4 – точильные камни.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

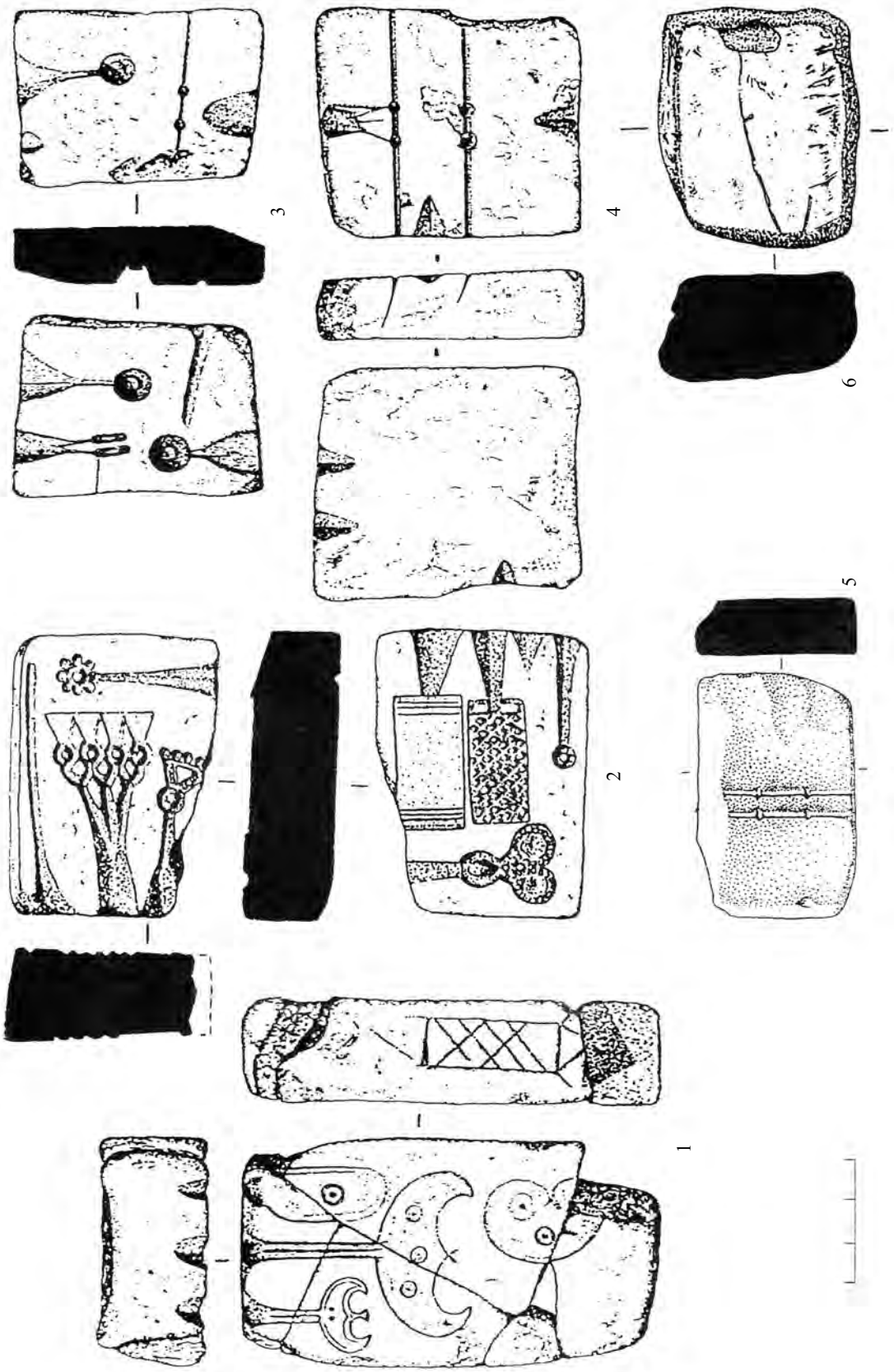


Рис. 11. Литейные формочки и заготовка с городища Осечен
1 – известняковая формочка; 2–5 – сланцевые формочки; 6 – сланцевая заготовка формочки.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в.

М.М. Казанский (Париж)

Давно признано, что, судя по археологическим данным, в лесостепной части Среднего Поднепровья, как на Правобережной, так и на Левобережной Украине, в течение VII в. происходят какие-то важные изменения культурного, и, вне всякого сомнения, этнического и политического характера. Появление таких известных памятников как «антские» клады типа Мартыновка или «княжеские» погребения и поминальники типов Перещепина и Вознесенка напрямую связано с этими событиями (Корзухина, 1955).

Большинство археологов справедливо полагают, что изменения, наблюдающиеся на среднеднепровском материале, связаны с вторжением степных кочевников, болгар, а затем хазар. Это привело, во-первых, к исчезновению прежнего населения лесостепи, обоснованно идентифицируемого с антами византийских источников и, во-вторых, к появлению здесь новых групп славян (северяне, уличи), а также групп оседлых алан, болгар и других носителей неславянских культур Юго-Востока Европы.

При этом исследователи расходятся в определении этнокультурной принадлежности некоторых древностей, таких как знаменитое Пастырское городище или еще более знаменитый Перещепинский «клад», а также точной их датировки. Представляется, что рассмотрение соотношения во времени днепровских памятников позволит четче представить эволюцию археологической ситуации в Среднем Поднепровье в интересующий нас период. Это, в свою очередь, позволит лучше оценить имеющиеся на сегодняшний день реконструкции исторических событий в регионе[1].

1. Среднее Поднепровье в первой половине VII в.

1.1. Древности оседлого населения лесостепи

Лесостепную полосу Среднего Поднепровья к началу VII в., судя по довольно многочисленным археологическим находкам, плотно занимало оседлое население (рис. 1:1–5). Основная часть этой территории входит в зону распространения культуры Пеньковка (наиболее полные карты: Приходнюк, 1998, рис. 1–6). На Днепровском Левобережье с севера, в лесостепи с ней

[1] Несколько сокращенная английская версия данной статьи, озаглавленная "The Middle Dnieper Area in the Seventh Century: An Archaeological Survey" (перевод Н.И. Храпунова) опубликована в альманахе Travaux et Mémoires, vol. 17, Paris, 2013, под редакцией К. Цукермана. Приношу благодарность Игорю Гавритухину, Алексею Комару, Валерии Кульчар, Максиму Леваде, Владимиру Малашеву, Андрею Обломскому и Константину Цукерману за советы, конструктивную критику, полезную информацию, техническую помощь, возможность ознакомиться с рукописями еще неопубликованных работ, существенные дополнения и новые идеи, которые я использовал при написании данной статьи.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

граничит культура Колочин, а на Правобережье, в районе р. Стугны к югу от Киева, к пеньковской зоне примыкает территория культуры Прага (см. обзор славянских древностей V–VII вв.: Kazanski, 1999a, p. 83–125). Пражская культура всеми исследователями единодушно связывается со склавинами, хорошо известными по свидетельствам древних авторов, а пеньковская, по мнению всех специалистов, непосредственно работавших на пеньковских памятниках, соответствует антам. Антская идентификация пеньковской культуры (краткий обзор: Szmoniewski, 2010, p. 67–76) определяется в первую очередь на основании свидетельств авторов VI в. – Иордана и Прокопия, о расселении этого народа подробнее см. Приложение 1). При этом совпадение ареалов пеньковской культуры (ср. напр. Приходнюк, 1998, рис. 1) и расселения антов по Прокопию практически полное. В это время анты расселяются в непосредственной близости от границ Византийской империи и даже на ее территории (рис. 2). Носителям пеньковской культуры и колочинской культур принадлежат и так называемые «древности антов», точнее их ранняя часть, определяемая как находки типа Мартыновка (рис. 5) или днепровские клады первой группы (см. Приложение 2).

Что касается колочинской культуры[2], то ее атрибуция остается неясной, поскольку письменных прямых свидетельств для этой территории нет. Отнесение колочинских древностей к кругу славянских[3] может быть аргументировано только археологически – колочинские памятники очень напоминают пеньковские, кроме того обе цивилизации принадлежат одному культурному кругу и имеют общее происхождение (Третьяков, 1970, с. 52–92; Вернер, 1972; Godlowski, 1979)[4]. Надо, конечно, отметить, что культурное своеобразие далеко не всегда означает политическую обособленность – колочинское и пеньковское население, или какая-то его часть могло входить (или не входить) в единую политическую группировку, вроде антского обьединения.

«Южные» элементы на территории пеньковской культуры. Строго говоря, об отношениях антов с их степными соседями сведений в письменных источниках нет, за исключением рассказа Менандра о войне между антами и аварами, ориентировочно в начале 560-х гг. (Менандр Протектор, II). Что касается предшествующего времени, то стоит отметить совместную службу антов, вместе со склавинами и гуннами в 536 г. в армии Велизария, а именно в конном корпусе Мартина и Валентина (подробнее Казанский, 2009; Kazanski, 2009), что предполагает скорее мирные отношения между этими варварами, по крайней мере, на тот момент. В то же время анты никогда не выступают в письменных источниках как военные союзники гуннов, болгар, а тем более авар. Этим они отличаются от склавинов, которые действуют вместе с гуннами против Империи в 558–559 гг. (Иоанн Малала, 490.6–12; Феофан, 559 г.). Затем значительная часть склавинов так или иначе входит в состав Аварского каганата. Анты же, несмотря на неудачи 560х годов, действуют против авар и склавинов, как союзники Империи, по крайней мере в 580е – 600е гг. (см. ниже).

При молчании письменных источников, археологические свидетельства контактов носителей пеньковской культуры с «южным» неславянским населением понто-кавказской зоны, как кочевым, так и оседлым, приобретают особое значение. Таких свидетельств немного, но они позволяют прийти к некоторым заключениям.

Единичные фрагменты керамики типов Канцерка и Пастырское, связанные с понто-кавказ-

[2] Ей посвящен большой обзор А.М. Обломского, я смог познакомиться с рукописью этой работы благодаря любезности автора (Обломский, в печати).

[3] В дальнейшем здесь будут обобщенно называться славянскими не только древности пражского типа, соответствующие склавинам, т.е. собственно славянам ранневизантийских источников, но также родственные им пеньковские и колочинские древности, равно как и более поздние культуры, возникшие непосредственно на пражской, пеньковской и колочинской основе. Термин «склавины» здесь применяется к носителям культуры пражского типа.

[4] См. обзор: Kazanski, 1999a, p. 21–50. Культурогенез, однако, может и не отражать глоттогенеза, а тем более этногенеза какой-то конкретной группы людей. Показательно в этом смысле соотношение пеньковской и пражской культур. Они принадлежат двум социумам, явно считавшим себя «родственниками», имевшим, по свидетельствам авторов VI в., близкие языки, одинаковый образ жизни, похожую социальную структуру и даже этногенетическую легенду об общих предках, отразившуюся в рассказах Иордана и Прокопия о некогда едином имени этих народов (венеды по Иордану, спорои по Прокопию). Но при этом пражская и пеньковская культуры формируются на разной основе: пеньковская, как и колочинская, возникают на базе каких-то вариаций киевской культуры позднеримского времени, занимавшей значительную часть Среднего и Верхнего Поднепровья, а пражская – на основе то ли полесских памятников типа Остров, происхождение которых пока не выяснено, то ли верхнеднестровских древностей типа Бовшив-Рипнев (и близких им карпатских типа Злехов?), восходящих, в конечном итоге, к одному из восточных вариантов культуры Пшеворск.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ской гончарной традицией (о них см. подробнее ниже) встречаются на пеньковских поселениях редко (рис. 3:1), при этом лишь на памятниках заключительного этапа существования пеньковской культуры (VII в.) и, насколько мне известно, отсутствуют на колочинских памятниках Днепровской лесосепи (Горюнов, 1981, с. 78; Горюнов, Казанский, 1981, с. 4,5; Обломский, 1996, с. 123; 2007, с. 8, 9; Казанский, Середа, 2001, с. 24; Володарець-Урбанович, Скиба, 2011, рис. 1.1, 2, 4). Обломки глиняного котла, характерного для степных народов на огромной территории от Северного Кавказа до Дуная (см. напр. Баранов, 1990, с. 96–98, рис. 34; Лопан, 2007), обнаружены на пос. Осиповка, среди типичного пеньковского материала (Приходнюк, 1990, с. 79, рис. 6:11, 12)[5].

На ряде пеньковских и колочинских памятников лесостепи обнаружены трехлопастные наконечники стрел (рис. 3: 2–4), характерные для степняков (см. списки находок, которые сейчас уже можно дополнить: Kazanski, 1999a; Казанский, 2009; Kazanski, 2009). Конечно, часть из них может быть свидетельством нападений кочевников, однако на этих памятниках не обнаружено никаких следов военных действий, выявляемых археологически, таких как сожженые жилища, заметное количество рассеянных находок вооружения и воинского снаряжения, останки погибших, наспех зарытые клады. Более того, в одной из построек раннего горизонта пеньковского поселения Хитцы, была найдена костяная накладка на лук (рис. 3: 7), который и используют при стрельбе тяжелыми трехлопастными стрелами[6]. Следует упосянуть и подпружные костяные пряжки, найденные на некоторых пеньковских поселениях (рис. 3: 5, 6). Такие пряжки типичны для «степного» конского снаряжения (Казанский, 2009, с. 467). Эти находки свидетельствуют об усвоении частью славянского населения степных методов боя и связанного с ним вооружения и конского снаряжения[7], что и обьясняет присутствие антов и склавинов в «гуннском» корпусе Мартина и Валериана (Казанский, 2009; Kazanski, 2009).

Ряд сооружений, выявленных на пеньковских памятниках, отнесен исследователями к юртам, типичным для степных кочевников. Обычно называют находки на поселениях Осиповка – Пляж, Чернечина, Богатое, Будище (Приходнюк, 1998, с. 26; Обломский, 2007, с. 8)[8]. Однако, как считает А.В. Комар (Комар, 2007, с. 40, 41, 115), к числу юрт может быть отнесена лишь постройка из Чернечины (рис. 3: 8). Она округлая в плане, 6,3 м в диаметре с очагом в центре и столбовыми ямками по краю (Юренко, 1974, с. 4,5; Флёров, 1996, с. 36; Приходнюк, 1998, с. 26). Последнее обстоятельство, впрочем, указывает на стационарный характер сооружения, мало совместимый с его идентификацией как юрты, т.е. переносного сооружения[9]. Вряд ли к юртам могут быть причислена постройка в Осиповке, хотя в ней, как уже говорилось, найден фрагмент глиняного котла. Сооружение имеет глубину 1,1 м от древней дневной поверхности, что совершенно немыслимо для юрт (Приходнюк, 1990, с. 78, 79, рис. 6; Приходнюк, 1998, с. 26; Флёров, 1996, с. 35, 36)[10]. На поселении Богатое также обнаружено стационарное жилище, еще более глубокое, до 1,6 м (Юренко, 1973, с. 7; Приходнюк, 1998, с. 26). Наконец, на Будищах исследовано

[5] Впрочем, А.В. Комар при обсуждении данной рукописи отметил необычную для степи форму ушка для подвешивания данного сосуда (ср. многочисленные примеры: Лопан, 2007). Кстати, котлы в понтийской степи для интересующего нас времени, как это справедливо отметил А.В. Комар, пока не зафиксированы.

[6] Еще один костяной предмет, интерпретированный О.М. Приходнюком как скоба от колчана, был обнаружен на поселении с пеньковским материалом Осиповка-Пляж, на левом берегу р. Орель (Приходнюк, 1990, с. 81,94, рис. 13:6). Но О.М. Приходнюк свою идентификацию не аргументировал.

[7] Интересно отметить и практически полное отсутствие шпор, как у населения пеньковской и пражской культур, так и у степных народов V–VII вв. Зато шпоры в это время хорошо известны в Западной и Центральной Европе, у балтских народов, а также в более северных, «лесных» древностях, так или иначе связанных со славянами (культуры Колочин, Тушемля и псковских длинных курганов). Видимо отсутствие или наличие шпор свидетельствует о разных традициях верховой езды.

[8] Наличие юртообразной постройки отмечается и на поселении Прогресс, но там она явно относится к более раннему времени, поскольку на поселении обнаружены фрагменты черняховской гончарной керамики (Володарець-Урбанович, 2009, с. 50).

[9] В сооружениии найдены невыразительные фрагменты лепной керамики, пряслице из стенки амфоры и ромбический наконечник стрелы, который может иметь широкую датировку, включая и эпоху пеньковской культуры (ср. Kazanski, 1999б, fig. 2: 31, 38). По мнению А.В. Комара, постройка может относиться и к более позднему времени (личное сообщение).

[10] Помимо пеньковского, на поселении Осиповка-Пляж, и конкретно в постройке округлой формы, присутствует и материал более раннего времени – в частности обломки чернолощеных сосудов – что затрудняет культурную атрибуцию данного сооружения (Казанский, 2009, с. 468).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

прямоугольное жилище 6 х 4,2 м, глубиной 0,8-0,9 м (Приходнюк, 1990, с. 78, 79; Приходнюк, 1998, с. 26, 27), так же иногда почему-то относимое к «кочевническим». В нем, правда, есть канцерская керамика, но само сооружение, по мнению В.С. Флерова, специально занимавшегося изучением археологических остатков юрт, не имеет черт, присущих степным постройкам (Флёров, 1996, с. 36). Кроме того, на этом поселении встречена и пастырская керамика (Володарець-Урбанович, Скиба, 2011, рис. 1: 1).

Явно с неславянским элементом связаны постройки с каменными основаниями, выявленные на пеньковских поселениях Надпорожья: Игрень-Подкова I, постр. 1, 3 (Березовец, 1963, с. 125; Приходнюк, 1998, с. 27), Майорка – Балка Звонецкая (Бодянский, 1960, с. 274; Приходнюк, 1998, с. 27, рис. 18: 1); при этом связь этих сооружений с несомненно пеньковским материалом устанавливается лишь для Майорки (рис. 3: 9). Практически все исследователи соотносят эти дома с наличием здесь каких-то оседлых выходцев с юга. Действительно, близкие сооружения имеются у населения салтовской культуры (см. напр. Плетнёва, 1967, с. 63, 64, рис. 14: 3; Плетнёва, 1981, рис. 43: 15-17; Баранов, 1990, рис. 151: 3).

Особый интерес вызывают погребения – ингумации, содержащие вещи типичные для «древностей антов» (см. Приложение 2), найденные на территории пеньковской культуры. Это – захоронения в Мохначе (рис. 4), Поставмуках, Будах-Березовке (рис. 31: 1,2), Данченах, погр. 280, Балаклее (Обломский, 1996, с. 121, 122; Родинкова, 1996б, с. 161, 162; Приходнюк, 1998, с. 30-33; Рашев, 2004, с. 144; Комар, 2007, с. 41,42; Володарець-Урбанович, 2009, с. 49,50). Некоторые ингумации содержат фибулы не днепровского, а дунайского происхождения[11]. Это – Мартыновка (не путать со знаменитым кладом) на Днепровском Правобережье с двумя фибулами восточногерманской традиции (рис. 31: 3, 4) по времени предшествующее распространению «антского» убора (Kazanski, 1999a, с. 100, 101; Гавритухин, 2004, с. 209). Присутствует германская дунайская фибула VI в. (рис. 31: 1) и в паре застежек, обнаруженной в погребении Буды – Березовка (см. Приложение 2). В погр 59, на пеньковском памятнике в Селиште[12], в Молдавии, ингумация сопровождалась малой дунайской фибулой типа Пергамон – Тай-Зее (рис. 9: 4), первой половины и середины VII в. (Гавритухин, 1991, с. 130; о их датировке и распространении в Поднепровье см. ниже)[13].

Ингумации с вещами мартыновского типа очень немногочисленны, по обряду они резко отличаются от обычных для пеньковской культуры кремаций (Приходнюк, 1998, с. 28–30). Все эти погребения находятся в пеньковском ареале и не попадают в колочинскую зону. Они изолированны, их нет на пеньковских могильниках с кремациями. Не исключено, что часть их них отражает некий контакт оседлого антского населения с «южными» соседями, скорее всего экзогамные браки (Комар, 2007, с. 41; Обломский, 2007, с. 6)[14]. В частности, речь может идти об аланах, если принять во внимание особенности погребальной конструкции захоронения в Мохначе (Аксенов, Бабенко, 1998, с. 120; Kazanski, 1999a, p. 101). Впрочем, аланы для времени ранее 620-х – 660-х гг. в севернопричерноморском регионе не зафиксированы. Однако не исключены и более дальние связи антов[15]. Что касается

[11] Погребения с парой пальчатых фибул германской дунайской традиции встречаются и восточнее пеньковского ареала, в открытой степи. Для раннего VI в. это Ново-Григорьевка в Призовье (Швецов, 2010, с. 93, рис. 1: 1–9, 2). О происхождении и дате фибул из Ново-Григорьевки см. (Мастыкова, 2008, с. 368).

[12] И.О. Гавритухин, изучавший коллекцию материалов этого памятника, отмечает там и пражские элементы (личное сообщение).

[13] Для более раннего времени, середины V – начала VI вв., в лесосепной зоне Украины и прилегающих регионах степи также существует серия погребений ингумаций, частично связанных с германской, а частично со степной традицией, которые в контектсте данной работы не рассматриваются (о них см. Kazanski, 1996; Обломский, 2002, 80–87; Обломский, 2004; Гавритухин, 2004; Засецкая и др., 2007, с. 108–110; Мастыкова, 2008; Казанский, 2011б).

[14] По А.М. Обломскому речь может идти как о смешанных браках, так и о захоронениях славянских «рабынь» попавших в лапы кочевников (Обломский, 2007, с. 10). Последнее предположение вряд ли оправданно. У варваров начала средневековья украшения из сравнительно недорогих цветных металлов присущи «среднему классу» (см. Приложение 2), в то время как захоронения «низших» социальных групп, например рабов, на варварских могильниках, металлических украшений вообще не содержат (см. подробнее на примерах Дуная и Северного Кавказа: Bierbrauer, 1989a, S. 152–155; 1989б, S. 75–77; Мастыкова, 2009, с. 159–177).

[15] Интересный факт отмечен при обсуждении этой работы И. О. Гавритухиным – о связях населения пеньковской культуры с Северо-Восточным Причерноморьем свидетельствуют находки между Анапой и Новороссийском пластинчатых подвесок, характерных для кладов Мартыновского круга (Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 73: 24–26; по сообщению И.О. Гавритухина число предметов в этом

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ингумаций с дунайскими фибулами, как вышеназванные Мартыновка и Селиште, они могут отражать культурные и брачные контакты с оседлым дунайским, в первую очередь германским населением (Kazanski, 1999a, p. 101).

К достоверным памятникам степных кочевников на территории славянских культур Поднепровья может быть с известной долей вероятности отнесен лишь могильник Рябовка-3, содержавший ингумации с геральдическим поясным набором (Обломский, Терпиловский, 2001; Обломский, 2007, с. 6–8). Показательно, что он перекрывает заброшенное пеньковское население. Дата по вещам, геральдическим поясам и браслетам, довольно широкая, от второй трети VI в. до второй трети VII в. Поэтому появление здесь выходцев из степи могло иметь место, как мы увидим, и после исчезновения населения пеньковской культуры.

Таким образом, по имеющимся немногочисленным археологическим данным, вряд ли можно говорить о реальном пеньковско-кочевническом симбиозе, как это делают некоторые исследователи (из последних работ: Обломский, 2007; Curta, 2008б), за исключением, может быть, времени финала пеньковской культуры, когда она уже исчезала как отдельное явление. Еще менее обосновано мнение о неоднородности пеньковской культуры (напр. Галкина, 2011, с. 14), которая как раз выглядит очень гомогенно. Другое дело, что культурная однородность еще не означает антропологическую, лингвистическую и этническую гомогенность. Она может лишь свидетельсвовать в их пользу как дополнительный, но не решающий аргумент.

1.2. Древности кочевого населения азово-черноморских степей второй половины VI – первой половины VII в.

Чтобы четче увидеть разницу между лесостепными древностями пеньковского круга и памятниками степных кочевников в интересующее нас время, следует дать краткую характеристику степных находок, которые можно связать с кутригурами, соседями антов. Это погребения хронологически выделяются в первую очередь по наличию «геральдической» гарнитуры. Их обьединяют в группы Сивашовка (Рашев 2004, с. 69–119) или группы Суханово и Сивашовка (Комар, 2008)[16]. Погребения представляют собой ингумации под курганами, чаще всего изолированные или сгруппированные в небольшие могильники, иногда в сопровождении захоронения коня или конской шкуры (рис. 1: 6).

В инвентаре присутствуют, как уже говорилось, геральдические пояса и узда, чаще всего с прорезным декором, обувная гарнитура, луки, стрелы, костяные сбруйные пряжки, удила, изредка деревянные седла, ножи, отдельные лепные сосуды. В днепровских и североприазовских степях к числу этих погребений относятся Сивашевка, курган 3 (рис. 6), Аджигол, Сивашское, курган 2/погребение 2, Аккермень, курган 22/погребение 2, Белозерка, курганы 1, 2, 14 и др., Васильевка, Малая Терновка, курган 3/погребение 1, курган 22/погребение 1, курган 24/погребение 3, Родионовка, курган 5/погребение 1, Великий Токмак курган 1/погребение 1, Суханово, Шелюги курган 3/погребение 2, Виноградное 1983 и 1990 гг., Дымовка, курган 14/погребение 2, Дмитриевка, курган 1/погребение 1, Ковалевка, курган 1/погребение 11, Костогрызово, курган 1/погребение 7, Геройское, Черноморское, курган 1/погребение 11, Христофоровка, курган 7/погребение 12 и др. (наиболее опробная карта: Комар, 2006, рис. 1)[17]. Захоронения с престижным клинковым оружием, в частности с мечами (рис. 6: 4), довольно редкими в степных погребениях этого времени, может быть, относятся к числу «вождеских». В Северном Причерноморье

наборе было в три раза больше, чем отражено на иллюстрациях в указанной обзорной публикации).

[16] По особенностям погребального обряда А.В. Комар делит кочевнические захоронения времени геральдических поясов на два группы – Суханово и Сивашовка, а в последней выделяет три хронологических горизонта. Учитывая небольшое количество известных на сегодняшний день погребений этого времени, такое подазделение представляется пока чисто гипотетическим. Кроме того, вряд ли стоит относить к кутригурам погребения северопричерноморских кочевников более раннего времени (т.н. шиповского горизонта: 430/470 – 530/570 гг.), такие как Ново-Подкряж, Сахарная Головка и пр. (Комар, 2004), поскольку в письменных источниках кутригуры ранее 550 г. не засвидетельствованы. Скорее эти погребения соотносятся с болгарами и гуннами Иордана (см. Приложение 1). Могильник Животинное, принадлежность которого кочевникам сомнительна (Засецкая и др., 2007, с. 108), может принадлежать, как полагает А.М. Обломский, оседлому верхнедонскому населению (Обломский, 2012, с. 145).

[17] Принадлежность погребений в Новой Одессе и Селиште (Комар, 2008, с. 94, 95, рис. 5) к горизонту Суханово нуждается в дополнительной аргументации – представленные там пряжки могут иметь более широкую дату. Кроме того, погребение в Селиште может оказаться ингумацией пеньковской культуры, связанной с каким-то инородным элементом в составе ее населения (см. выше).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

это Сивашевка[18] (Комар и др., 2006; см. также: Рашев, 2004, табл. 35, 36) и Виноградное, погр. 1983, последнее, возможно, относится уже к горизонту Перещепино (см. ниже) (Орлов, Рассамахин, 1996). Однако по уровню богатства им далеко до «княжеских» находок, таких как Перещепино, Вознесенка или их аварские аналоги.

Дата степных погребений определяется по элементам геральдической поясной гарнитуры с прорезным и гранулированным декором (рис. 6: 5), пряжкам типа Сучидава[19], перстню типа Морской Чулек (поздняя вариация, см. Засецкая и др., 2007, с. 40–46), мечам с Р-образной скобой (рис. 6: 4) в рамках 530/550-х – 630/660-х гг. Видимо, наиболее поздние погребения этой группы будут синхронны уже кочевническим древностям горизонта Перещепино 620/640 – 660/680 гг. (см. ниже).

Интересно отметить, что типы геральдических поясов у степных кочевников и в ареале пеньковской культуры, вопреки кажущеся близости (Curta, 2008б, p. 177) совпадают лишь частично. В уборе кладов типа Мартыновка нет пряжек Сучидава и их дериватов, а у кочевников нет византийских гарнитур с гравированным растительным декором (рис. 32: 12,17–26), со стилизованными дельфинами (рис. 32: 8–11), с частыми мелкими прорезями – имитациями орнамента «точка-запятая» (рис. 32: 4–6), некоторых типов и вариантов наконечников и накладок, показательных для кладов мартыновского круга (ср. карты распространения: Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 36, 39, 41, 44, 48). Это говорит о несколько различной ориентации престижной воинской культуры второй половины VI – первой половины VII вв. у этих народов. Складывается ощущение, что в мартыновском наборе византийские воинские элементы выступают более рельефно.

В 480-х – 530-х гг. степи к северу от Черного моря заселяют болгары (рис. 30: 1), хорошо известные Иордану своими безобразиями на дунайской границе Империи (см. Приложение 1)[20]. С 550 г. на этой территории, к западу от Танаиса и Меотийского болота доминируют кутригуры (рис. 30: 2), впервые появляющиеся у Прокопия Кесарийского (напр. Прокопий, Война с готами, IV.5.23), а восточнее их, за Боспором Киммерийским, по Прокопию, проживают их родственники утигуры (Прокопий, Война с готами, IV.5.15–21; подробнее история вопроса: Гадло, 1979, с. 81; Ромашов, 1994, с. 209–218). Если верить этногенетической легенде, оба народа сформировались на месте, в Северном Причерноморье, еще в V в. (Прокопий, Война с вандалами, IV.5), но, видимо, особой роли не играли, или даже входили в состав других кочевых обьединей, таких как болгары или хунугуры/оногуры. Болгары Иордана тоже никуда не делись из Причерноморья после 550 г. Они по прежнему упоминаются источниками, как народ причерноморских степей (Захария Ритор, 12.7) и даже, в 559 г.[21], совершают нападение на Фракию (Victor Tonnannensis episcopi chronca, 560), а в 590-е гг. появляются на Нижнем Дунае уже в составе войск аварского кагана (Феофилакт Симокатта, VII.4.1). Скорее всего к 550 г. болгары вошли в состав кутригур, то есть здесь сменилась политическая ситуация, но не основная масса населения[22]. Этим видимо и обьясняется тот факт, что более поздние византийские авторы (напр. Фелофан) практически не различают, хотя знают оба этнонима[23].

[18] Погребение содержало мало вещей из драгоценных металлов, но само по себе присутствие меча, на мой взгляд, является престижным признаком.

[19] О пряжках Сучидава и их дерватах см. в частности (Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 146–156; Kazanski, 2003, p. 40, 41; Ivanišević et alii, 2006, p. 24, 25; Гавритухин, 2009).

[20] Впрочем, греческие авторы до Феофилакта Симокатты вообще не знают болгар, а называют северопонтийское население гуннами (Артамонов, 1962, с. 81, 82).

[21] Это вторжение болгар происходит уже после 552 г., когда спадает волна нашествий склавинов 545–552 гг. (см. ниже). У других авторов это нападение приписано гуннам и склавинам (Иоанн Малала, 490.6–12; Феофан, 559 г.) или кутригурам под предводительством Завергана (Агафий, 5.12). Видимо в данном предприятии, в отличие от нападений 545–552 г. склавины выступают как вспомогательная сила – временные союзники или подчиненый народ.

[22] Показательна история Синния, гуннского офицера армии Велизария. В 530-е гг., когда кутригур не знает ни один источник, Синний командует гуннским («массагетским») полком у ромеев (Прокопий, Война с вандалами, I.11.12), затем сведения о нем на какое-то время исчезают. Однако в 551-552 г. он снова появляется в Импери во главе группы кутригурских беженцев (2000 бойцов с женами и детьми) из Северного Причерноморья, спасающихся от утигур, вторгнувшихся на земли северопричерноморских кутригур. Синний принят у ромеев с распростертыми обьятиями своми боевыми товарищами (Прокопий, Война с готами, IV.19.6–7). Итак, один и тот же человек сначала считался гунном, а затем кутригуром.

[23] А.В. Комар полагает, что в 551-552 гг. кутригуры были вытеснены утигурами на Нижний Дунай (Комар 2004, с. 169,170). Как показывает история Синния, отход части кутригур на Запад действительно имел место, однако охватил ли он весь народ, можно только гадать. Нам, например, ничего не известно о судьбе войска кутригур в 20 000

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Проход авар по черноморским степям в начале 560-х гг.[24] привел к разгрому кутригур и затяжной вражде с антами. Впоследствии кутригуры упоминаются в письменных источниках, как подчиненные союзники авар. Трудно сказать, имеются ли в виду все северопричерноморские кутригуры, или какая-то их часть, ушедшая вместе с аварами на Средний Дунай. Многочисленность кутригур в аварском войске свидетельствует скорее в пользу первой гипотезы. Однако в этом случае, оставаясь союзниками авар, понтийские кутригуры подвергались смертельному риску. Дело в том, что в 576-580 гг. тюркюты[25], самое мощное обьединение кочевников раннего средневековья и смертельные враги авар, врываются, при участии подчиненных им утигур, на Боспор Киммерийский и в Крым и захватывают господствующее положение в Причерноморье (Артамонов, 1962, с. 137). При этом владетель тюркютов Тюрксанф в 576 г. не скрывает от ромейского посла Валентина своих намерений добраться до авар, а заодно и до Византии, пройдя через днепровские степи (Менандр, фр. 45; Артамонов, 1962, с. 137). А с недругами тюркюты поступали радикально – трупами восставших против них в 598 г. угров была покрыта степь на расстоянии четырех дней пути (Феофилакт Симокатта, VII.8.7). В этой ситуации кутригуры причерноморских степей, прекрасно понимая, что аварский каган, занятый бесконечными дунайскими войнами, вряд ли придет к ним на помощь, наверное, не очень держались за аваро-кутригурскую дружбу.

Не исключено, что на Запад могла хлынуть волна беженцев из Причерноморья, спасающаяся от тюркютского нашествия, что и обьясняет наличие большого кутригурского контингента у авар. Не случайно в свое время М.И. Артамонов полагал, что ни о какой политической гегемонии авар в понтийских степях речи быть не может (Артамонов, 1936, с. 32). По крайней мере в 576 г. византийский посол Валентин, направляясь к тюркютам, проезжает через причерноморские степи, по землям, подчиненным Анагею, «владетелю племени утигур» (Менандр, фр. 45)[26]. Последний персонаж считается то ли утигурским вождем, то ли тюркютским наместником (по Менандру, в 576 г. на Боспоре Киммерийском он командовал корпусом тюркютов, что маловероятно для утигура). Впрочем, для нашего сюжета данный вопрос особого значения не имеет. Надо

бойцов, под предводительством Хиниалона, которое после набега на Империю вернулось в северопричерноморские степи и на Дунае больше нигде не показывалось (Прокопий, Война с готами, IV.19). Вряд ли все кутригуры покинули Северный Понт, иначе непонятно их участие в инциденте между аварами и антами около 560 г., произошедшем еще до выхода авар на Дунай (Менандр Протектор, II).

[24] Первое посольство авар явилось в Константинополь в 558 г. (Артамонов, 1962, с. 108, 109), но оно прибыло с Северного Кавказа. В Северном Причерноморье их тогда явно не было, что и позволило кутригурам предпринять нападение на Балканы.

[25] Тюркютами здесь именуются, вслед за М.И. Артамоновым и Л.Н. Гумилевым, собственно тюрки VI–VII вв., в отличие от всех остальных народов тюркской языковой группы.

[26] Маршрут поездки Валентина к Тюрксанфу выглядит странно. Валентин, сопровождаемый многочисленными тюркютскими посланниками, плывет на корабле мимо Синопы и Херсона и высаживается в Апатуре. Затем он переезжает горы Таврики, равнины, заболоченные местности и водные пространства, заросшие камышем и кустарником и прибывает в страну Аккаги, правящей местными варварами и подчиненной вождю утигур Анагею. Затем послы доезжают и до владений Тюрксанфа, одного из восьми предводителей тюркютов (Менандр, фр. 45). Считается, что Апатур, древнее святилище Афродиты Урании, находится где-то на Тамани (Качарава, Кверкелия, 1991, с. 24–27; Зубарев, 2005, с. 351–355). Поэтому полагают, что Валентин, прибыв в район Фанагории, вместо того, чтобы ехать куда-то на северо-восток во владения тюркютов, вдруг двинулся на запад – переправился в Восточный Крым, затем, по совершенно непонятным причинам углубился в Крымские горы начинавшиеся на юго-востоке полуострова, на довольно большом расстоянии от Керченского пролива, после чего всё-таки вернулся в степь, проехал около Сиваша и где-то в Приазовье попал во владения Аккаги, откуда наконец отправился по месту назначения, к Тюрксанфу (Айбабин, 1999, с. 134).

Если не предполагать, что Валентин использовал служебную командировку в личных целях, для экстремальной туристической поездки по землям северных дикарей в компании ста шести тюркютских посланников, то скорее всего, текст Менандра содержит неверные географические ориентиры и маршрут путешествия был несколько иным. Намек на такую возможность имеется в гневной речи Тюрксанфа, обрушившейся на Валентина. Тюрксанф вопрошает, зачем ромеи всегда ведут тюркютских посланников по трудной дороге через Кавказ, уверяя, что иного пути в Константинополь нет (Менандр, фр. 45). Можно предположить, что посольство Валентина, сопровождаемое многочисленными тюркютскими дипломатами, высадилось всё же не в Апатуре, кстати, к тому времени давно заброшенном (Зубарев, 2005, с. 352, 353), а где-то на черноморском побережье Кавказа, затем перевалило, как всегда в этих случаях, Кавказские (а не Таврийские, как указано у Менандра) горы, после чего по степям, мимо кубанских плавней, прибыло в земли Аккаги, а затем отправилось далее на восток, к тюркютам. Видимо, к возможности такой интерпретации пришел и М.И. Артамонов. Сначал он, как и все, локализовал страну Аккаги в Приазовье (Артамонов, 1936, с. 32), но впоследствии всё же поместил её на Северном Кавказе (Артамонов, 1962, с. 211).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

все же отметить, что в эмоциональной беседе с послом ромеев Валентином, описанной Менандром, Тюрксанф в качестве покоренных народов на западной окраине тюркютской империи называет алан и утигур, но кутригур не упоминает (Менандр, фр. 45).

В общем, что реально происходило на степной территории к северу от Черного моря после 580 г., не знает никто. Тюркюты после конфликта 576–580 гг. (Артамонов, 1962, с. 137; Гумилев, 1993, с. 48–50) замирились с византийцами, и даже вступили с ними в союз против Ирана (Артамонов, 1962, с. 139). Боспор Киммерийский к 590 г. возвращается под эгиду Империи, Херсонес и его округа хорошо укреплены, прочно удерживаются Византией (Айбабин, 1999, с. 134–170) и, видимо, особой опасности не подвергаются. Скорее всего, тюркюты сохраняют прочные позиции в Северном Причерноморье[27]. На северном пограничье понтийской степи находятся союзные Византии анты, враждебные аварам, что очевидно и было залогом мирных отношений с тюркютами. Достаточно вспомнить войну авар с антами в 560-е гг. (Менандр Протектор, II), нападение антов, по наущению Константинополя, на склавинские тылы в 584–585 г. г., в момент похода авар и склавинов на Империю (Иоанн Эфесский, приложение, II), наконец, опрометчивый приказ аварского кагана в 602 г. своему полководцу Апсиху уничтожить союзных ромеям антов. Дело, как известно, закончилось массовым дезертирством из рядов аварского войска, получившего это распоряжение (Феофилакт Симокатта, VIII.5.8–13, прим. 154; Феофан, 602 г.). В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что и военная активность антов против авар и склавинов в 580-е – 600-е гг. обуславливалась благословением тюркютов, которые гарантировали безопасность антских тылов в украинско-молдавской лесостепи.

Прямые контакты Империи с антами имели место на Нижнем Дунае, где памятники с керамикой пеньковской культуры блико подходит к византийской границе (рис. 2). Пеньковская лепная керамика также представлена в слоях некоторых византийских крепостей в Добрудже (напр. Teodor, 1994, fig. 1: 44–49, 7: 5,10; 9: 1–6,8,10,12; Ангелова, Колева, 1995). Даже после падения нижнедунайской границы в 602 г. в результате мятежа Фоки, Византия удерживает в 610-е гг. отдельные центры Малой Скифии, такие как Истрия (Histria), Томы (Tomis), Каллатис (Callatis), Новиодунум (Noviodunum) (Горюнов, Казанский, 1983, с. 194,195; Madgearu, 2001). Эти контакты могли осуществляться и через Юго-Западный Крым, точнее, через основную византийскую военную базу на Северном Понте, Херсонес. Немалое количество вещей круга «древностей антов», обнаруженное в Юго-Западном Крыму, а также наличие крымских вещей в Днепровской лесостепи (см. Приложение 2) свидетельствует в пользу такой гипотезы.

Союз Империи с антами распался к 612 г., когда в титулатуре Ираклия появляется наименование «Антский». Последнее обстоятельство, как мне указал К. Цукерман, свидетельствует о каких-то враждебных действиях Ираклия против антов. В первый раз этот титул себе присвоил Юстиниан в 533 г. (Иванов, 1994), когда анты потерпели ряд поражаний от византийского военачальника Хильбудия (Прокопий, Война с готами, III.25.17). Видимо, отношения между союзниками по каким-то причинам испортились. В это время император Ираклий должен отбиваться на двух фронтах – на востоке от персов, а на западе от авар и от склавинов[28]. Византия, всё же, сохраняет престиж у северопричерноморских варваров. В 619 г. какие-то знатные «гуннские» владетели, явно причерноморского происхождения, приезжали в Константинополь и крестились там, подчеркивая этим свои политические симпатии (Никифор, около 619 г.).

В 626 г. авары потерпели неудачу под Константинополем, а в 627–630 гг. Византия и

[27] Некоторые исследователи считают, что власть Тюркского каганата в Северном Причерноморье исчезает к концу VI в., хотя никакой аргументации не приводят (Галкина, 2011, с. 7). Эту точку зрения оспорил А.В. Комар, приведший китайский источник 619 или 622 г. о западных границах тюркского владычества (Дискуссия, 2012, с. 47). Китайский документ, правда, касается скорее Кавказа и Волги (упоминаются аланы и барсилы), а не Северного Причерноморья.

[28] В тот момент персы удерживают Египет, Палестину и Сирию, их войска вторгаются в Малую Азию. В то же время склавины, обосновавшиеся на Балканах с 580-х гг., грабят уже острова Эгейского моря, вплоть до Крита, а также побережье Адриатики, осаждают при поддержке авар Фессалонику. Совместная, наверняка, заранее спланированная акция персов и авар против Константинополя в 626 г. была наиболее опасным моментом для Византии, пожалуй, с начала ее истории. Кстати, единственным реальным передаточным звеном в аваро–сасанидских военных контактах могли быть как раз склавинские пираты Эгейского моря, вышедшие на оперативный простор Средиземноморья.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тюркюты совместными усилиями выигрывают войну с сасанидским Ираном. У авар же вспыхивает восстание болгар в 630 г., примерно, в это же время начинаются войны со склавинами – «венедами» Само и с хорватами на Среднем Дунае – Аварский каганат входит в полосу кризиса. Но одновременно могла деградировать и ситуация в Северном Причерноморье. Западно-Тюркский каганат погряз в междуусобной войне в 630–651 гг. между кланами Дулу и Нушиби (Артамонов, 1962, с. 154, 170, 171)[29]. В то же время в 632 г. Византия втягивается в войну с арабами. Не исключено, что этим вакуумом могли воспользоваться авары, несколько оправившиеся после провальной осады Константинополя 626 г. и внутренней смуты 630 г. Впрочем, это лишь одно из возможных предположений. Известно лишь, что между 634 и 640 гг. предводителю причерноморских болгар Кубрату пришлось освобожаться от аварской зависимости (см. ниже).

2. Время сокрытия кладов мартыновского типа и исчезновения пеньковской культуры в Среднем Поднепровье

Как уже говорилось, в VII в., в восточной части ареала пеньковской культуры и в южной части зоны колочинской культуры, происходят какие-то события военного характера, которые вызвали исчезновение пеньковской культуры, лесостепных памятников (если не всей) колочинской культуры и массовое сокрытие кладов типа Мартыновка в Среднем Поднепровье (Корзухина, 1955, с. 78; Kazanski, 1987, p. 84–90; Щеглова, 1990, рис. 1; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 119, 121, 147; Казанский, Середа, 2001, с. 24; Комар, 2005, с. 208, 209; Обломский, 2007, с. 5)[30]. Большинство исследователей не сомневается, что выпадение в землю кладов в Среднем Поднепровье и на Северском Донце было вызвано экспансией степных народов, болгар или хазар (см. историю вопроса: Комар, 2005, с. 208, 209). При этом пеньковские поселения забрасываются, а в непосредственной близости появляются памятники кочевников, такие как Рябовка или Малое Перещепино (Комар, 2005, с. 208, 209). Представляется, что эти события имели место в 620-е – 650-е гг., хотя часто предлагается несколько более поздняя дата, в рамках второй половины и даже конца VII в. Рассмотрим подробнее возможности археологической датировки этого события.

2.1. Дата сокрытия кладов типа Мартыновки (первая группа кладов)

По мнению О.А. Щегловой, первой выделившей эту группу «антских» кладов (см. Приложение 2), их сокрытие произошло не позднее середины – второй половины VII в. (Щеглова, 1990, с. 179). Очень близкую дату предлагают и авторы публикации Гапоновского клада – в рамках третьей четверти VII в., то есть 650е – 670е гг. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 93–95). Позд-

[29] Считается, что Дулу идентичны с болгарским правящим родом Дуло, т.е. Кубратом, а Нушиби являются предками хазарской династии (см. напр. Артамонов, 1962, с. 226, 228; Божилов, Димитров, 1985, с. 27; Гумилев, 1993, с. 202). Оба предположения чисто гипотетичны и никакими источниками не аргументированы.

[30] А.В. Комар полагает, что экспансия кочевников охватила территорию до Сейма и Средней Десны, где известны клады первой группы (Трубчевск), и даже до Верхнего Дона (погребение в Арцыбашево) (Комар, 2005, с. 209). На поселении Кривец-4, на р. Воронеж, по времени соответствующем кладам первой группы, зафиксированы следы пожара (Обломский, в печати). По информации, которую мне предоставили И.О. Гавритухин и А.М. Обломский, следы пожаров и разрушений на памятниках, а также клады того же времени имеются и в зоне рязано-окской культуры, в это время запустевают городища дьяковской культуры в бассейне р. Москва а также самые поздние городища культуры Мощино. Всё это, равно как следы пожаров на некоторых поселениях в бассейне Верхнего Днепра, свидетельствует о военной катастрофе охватившей широкую территорию (Обломский, в печати). Предполагается, что военный стресс охватил также зону пражской культуры, балтское население Мазурского Поозерья, Прикамье (Гавритухин, Обломский 1996, с. 147; доклад И.О. Гавритухина и А.М. Воронцова на 2-й международной конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов», Монастырщина, 2010 г.) Если все эти археологические явления действительно одновременны – что нуждается в развернутой аргументации – и очерчивают зону военной опасности, возникшую в связи с вторжением степняков, это еще не значит, что повсюду действовали именно они. Любая крупная военная акция в те времена, да и позднее, вызывала «эффект домино», когда нарушение стабильной ситуации приводило к немедленному появлению огромного количества агрессивных групп индивидумов – вспомним события связанные с экспансией гуннов, когда сдвинутые ими с места готы, аланы, свевы, бургунды и вандалы создали зону военного стресса, далеко вышедшую за пределы досягаемости гуннов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нее А.М. Обломский стал склоняться к более широкой датировке – вторая половина VII в. (Обломский, 2007, с. 5), в целом похожую датировку отстаивает и А.В. Комар – 640-е – 670-е гг. для большинства кладов, и 670-е – 690-е гг. для Мартыновского клада (Комар, 2006, с. 127).

Наиболее подробная аргументация датировок кладов представлена у И.О. Гавритухина и А.М. Обломского в монографии про Гапоновский клад (1996). Однако примечательно, что все артефакты, рассмотренные этими исследователями в качестве хронологических индикаторов – пальчатые фибулы, элементы поясной гарнитуры, псевдопряжки, зооморфные фигурки, трапециевидные, умбоновидные и проволочные подвески, бусы – по их же собственным наблюдениям, появляются ранее 640-650 г. (рис. 7). Действительно, в составе кладов нет ни одного предмета, который начал использоваться после 640-650 гг. Практически все вещи, изученные И.О. Гавритухиным и А.М. Обломским, бытуют уже в первой половине VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 91), а некоторые известны уже во второй половине – конце VI в. (см. подробнее Приложение 2). Между тем, как мы увидим далее, в Среднем Поднепровье существует устойчивый набор украшений второй половины VII в., хорошо представленный в днепровских кладах второй группы по О.А. Щегловой и отсутствующий в кладах первой группы (см. ниже).

Неоднократно отмечалась синхронность некоторых вещей из кладов первой группы с древностями перещепинского горизонта середины VII в. (о нем см. ниже) (см. например, Щеглова, 1990, с. 179). Хорошим индикатором являются т.н. псевдопряжки (рис. 8: 2), известные и в «антских» кладах (Мартыновка, Хацки, Углы) (Корзухина, 1996, табл. 19: 22, 21: 2–9, 98: 2). В целом, они отражают интернациональную воинскую моду, получившую широкое распространение в VII в. (Гавритухин, 2001; Комар, 2006, с. 40, 41). Дата, их наибольшего распространения, хорошо документированная находками вместе с монетами 640-х гг. в Поднепровье (Малое Перещепино, Келегеи), в целом может быть определена как вторая треть VII в. (Гавритухин, 2001; Гавритухин, 2005а, с. 387, 400; Gavritukhin, 2006, p. 14; Комар, 2006, с. 49–51)[31]. Поэтому И.О. Гавритухин, опираясь на заключения А.К. Амброза о синхронности мартыновских псевдопряжек с перщепинскими, отнес псевдопряжки из кладов первой группы к перещепинскому времени, т.е. 620/640 – 660/680 гг. (Гавритухин, 2001, с. 32; Gavritukhin, 2006, p. 14), что представляется вполне обоснованным. Впрочем, количество таких вещей в кладах первой группы невелико.

Сокрытие кладов первой группы отражает конец пеньковской культуры, которой эти вещи присущи (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 119,121; Родинкова, 1996а; 1996б). Это несомненно так, но надо при этом отметить, что часть вещей в кладах, например, псевдопряжки отражают некую интернациональную моду, расцвет которой приходится на 620/640-е – 660е/680-е гг., а формируется она, видимо, еще раньше и существует независимо от судеб пеньковской культуры. Поэтому конец пеньковской культуры в Поднепровье, а, стало быть, и сокрытие кладов, формально могли прийтись на любое время бытования моды на псевдопряжки, в диапазоне от 620/640 по 660/680-е гг.

Еще одним «поздним» индикатором является бляха со штампованным декором и орнаментом «точка-запятая» (рис. 8: 1), найденная в Мартыновском кладе (Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 40: 5)[32]. И.О. Гавритухин сопоставил ее с лангобардскими седельными накладками (Гавритухин, 1996а, с. 94), относящимися к IV фазе лангобардских

[31] Считается, что отсутствие более поздних монет в погребениях Поднепровья связано с прекращением византийских выплат варварам (например, Комар, 2006, с. 51–53). Поэтому можно, конечно, предположить, что пояса с псевдопряжками бытовали в Поднепровье и позднее, когда монеты сюда не поступали, но для подтверждения этой гипотезы нужны какие-нибудь доказательства. Часто в качестве таких доказательств рассматривается эволюционная разница между вещами, принадлежащими одному и тому же типу. Выстраивается цепочка предметов, в которой исходные вещи считаются более ранними, а их дериваты – более поздними. Собственно, так оно и есть, но при этом надо учитывать, что разница в датировке между «оригиналом» и его поздними «копиями» может составлять несколько месяцев, дней или даже часов – время необходимое для воспроизводства модного образца. Археологически такой хронологический диапазон неуловим. Можно лишь утверждать, что «оригинал» не может быть сделан позднее «копии», все остальные расчеты, без привлечения дополнительных данных для датировки, как правило, гадательны.

[32] Возможно к той же гарнитуре относятся продолговатые штамбованные бляхи из трех кружков (рис. 8: 3,4), сравните находку из аварского погребения Бекешчаба-аэродром (Békéscsaba – Repütőtér) с монетой 616-625 гг. (Garam, 1992, Taf. 14.1-22; Somogyi, 1997, Kat. 8). Абсолютная хронология аварских древностей в настоящее время является предметом дискуссии, поэтому в данной работе приходится опираться в первую очередь на погребения, содержащие монеты.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

древностей, т.е. к 620-м – 640-м гг. (Jørgensen, 1992, p. 118, fig. 14, type SB). Более близкими по функции являются похожие по форме ременные накладки из погр. 90 и 119 итало-лангобардского могильника Кастель Трозино (Castel-Trosino) (Paroli, Ricci 2007, tav. 67: 12, 100: 30b-f, 107: 44b, c). В этих же могилах, кстати, найдены и седельные бляхи типа Йоргенсен SB[33]. Находки похожих блях в аламанским контексте в погр. 3f могильника Нидерштотцинген (Niedersototzingen) подтверждают даты, предложенные для лангобардов (Paulsen, 1967, Taf. 44: 2; 86: 7b).

Наконец, еще один хронологический репер – недавно опубликованный В.Е. Родинковой фрагмент византийского серебряного сосуда из клада Суджа-Замостье, содержавшего вещи первой днепровской группы, предназначенные для переплавки. Фрагмент имеет остатки византийского клейма которое может принадлежать как императору Константину IV (668–685 гг.), так и его предшественнику Константу II (641–668 гг.) (Родинкова, 2012, с. 153).

Итак, наличие вещей, появившихся в 620/640е гг., определяет «нижний» хронологический предел сокрытия кладов. Отсутствие в кладах вещей, вошедших в моду после 640-х – 650-х г., заставляет сузить оптимальную дату выпадения в землю кладов мартыновского типа временем от 620/640 до 640/650 гг. При этом надо, конечно, помнить, что абсолютные археологические даты показывают время наибольшего бытования вещей, часть из них может «переживать» установленные хронологические рамки, поэтому граница 640/650гг., является, конечно, условной. Однако важно еще раз подчеркнуть отсутствие в мартыновских кладах основного набора вещей, характерых для второй половины VII в.[34]

Необходимо также отметить, что время сокрытия кладов не определяет дату повсеместного исчезновение убора мартыновского типа. Известны случаи попадания днепровских фибул в закрытые коплексы второй половины VII в. в Крыму и на Дунае (Приложение 2). Культурная традиция сохранилась и собственно в Поднепровье, о чем свидетельствует присутствие антрпозооморфных фибул в днепровских кладах второй группы (см. ниже).

2.2. Хронология финала пеньковской культуры

Такая традиция могла удержаться, например, в том случае, если какие-то группы носителей пеньковской культуры пережили военный стресс середины VII в. Поэтому рассмотрим основания датировок финала пеньковской культуры. В целом, самые поздние вещи на пеньковских и колочинских памятниках лесосепи представлены либо украшениями мартыновского убора, о верхней дате которых говорилось выше, либо малыми пальчатыми фибулами дунайского происхождения (Родинкова, 1996а, с. 126; Родинкова, 1996а, с. 158-161).

Малые фибулы были найдены в кладе на колочинском поселении Большие Будки (рис. 9: 1,2) в одном из жилищ (Горюнова, 1992, рис. 2: 5). Они, как представляется, более всего характеры для поледних десятилетий VI – первых десятилетий VII вв. (см. Приложение 2). Помимо клада в Великих Будках, в Поднепровье малые фибулы известны только в виде случайных находок, а на пеньковских памятниках – пока только в Подолии и Молдавии[35]. В Молдавии на поселении

[33] Пояса со штампованными бляхами, несущие декор «точка-запятая» по всеобщему мнению являются византийскими по происхождению, мода на них широко распространяется уже к 620-м – 630-м гг., как показывают находки в монетно-вещевых кладах Акалан (Akalan) под Константинополем и Мерсин (Mersin) в Малой Азии (Werner, 1974, S. 123; Fiedler, 1994; Kazanski, 2003, p. 47, 48; Хрисимов, 2009, с. 27). В аварском контексте эти пояса найдены в погребении Кунагота (Kunágota), с монетой Юстиниана, 542–562 гг. (Garam, 1992, S. 137, 138, Taf. 1,2; Somogyi, 1997, Kat. 44), Кишкёрёш-Похибуй Мацко (Kiskőrös – Pohibuj Mackó) и Озора (Ozora – Tótipuszta) с монетами 669-674 гг. (Garam, 1992, S. 147, Taf. 59: 3–7,59,60, 77: 1–7; Somogyi, 1997, Kat. 35,52). Ясно, что пояса со штампованными гарнитурами существовали долго. Что касается блях, подобных мартыновской, то на византийской периферии они известны не только в Италии, но и в Крыму (напр. Скалистое, склеп 336, в меньшей степени склеп 220 (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 75, рис. 20: 340; 51: 20).

[34] Лучше всего такой набор, даже при наличии некоторых расхожений в абсолютных датировках отдельных типов вещей, выявлен для Северного Кавказа (Афанасьев, 1979; Афанасьев, Рунич, 2001, с. 40–42, т.н. этап III; Гавритухин 2001а, с. 48 – т.н. период III). Северокавказский набор этапа/периода III, распространяющийся к 650 г., находит многочисленные соответствия в древностях горизонта Перещепино и Вознесенка или днепровских кладов второй группы (см. ниже) – это стремена с прямой подножкой, лировидные пряжки, серьги с гроздевидными подвесками и полыми шариками. В западноевропейской археологии изменения в наборе вещей на рубеже 640 – 650-х гг. четко выступают у лангобардов и меровингов.

[35] На пеньковских памятниках Молдавии также встречена пражская керамика (Рафалович, 1972, с. 34). По мне-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Ханска в постройке 14/1965 (Рафалович, 1968, рис. 29: 2; Гавритухин, 2005б, с. 453, рис. 20: 6,7) и в уже упоминавшемся погребении Селиште были найдены фибулы типа Пергамон – Тай-Зее (Pergamon -Tai -See) (рис. 9: 3), отнесенные И.О. Гавритухиным к VII в. по совместным находкам с развитыми формами керамики пражского типа (Гавритухин, 1991, с. 130, 131; Гавритухин, 2005б, с. 430). По находке близкой (хотя и трехпалой) фибулы в погр. 467 аварского могильника Замарди-Ретифёлдек (Zamárdi – Rétoföldek) (Bárdos, Garam, 2009, Taf. 58: 467.13), вместе с «губчатой» пряжкой, поясной гарнитурой с декором второго германского стиля и накладным крестом, как у аламаннов или лангобардов[36], тип Пергамон – Тай-Зее может быть датирован, особено с учетом аламаннской и лангобардской хронологии[37], приблизительно 570/600 – 640/660 гг. Ножка малой фибулы с растительным декором (рис. 9: 5) обнаружена на поселении Семенки на Южном Буге (Хавлюк, 1974, рис. 11: 2). Такие фибулы с ромбической ножкой и растительным декором хорошо известны на Нижнем Дунае (Teodor, 1992, fig. 7: 1, 3, 4, 7, 8; Curta, 2008a). Для их абсолютной датировки важна находка деградированого экземпляра такой застежки в погр. 20 могильника ольштынской группы Тумяны (Tumiany/Daumen) вместе с западнобалтской поясной гарнитурой периода E2b, то есть 570 – 610/625 гг. (Jakobson, 2009, Taf. 7: a). В целом, малые пальчатые фибулы, найденные на пеньковских и южноколочинских памятниках, относятся ко времени не позднее 640/660 гг.

Надо отметить и находку на поселении Семенки византийской «сумочной» пряжки типа Папа (Pápá) (рис. 9: 8). Подобные пряжки, выделенные М. Шульце-Дёррламм в тип D 36, хорошо известны в Малой Азии, на Среднем и Нижнем Дунае, реже они встречаются в Юго-Западном Крыму. На основании находок в аварском контексте они отнесены к 600-650 гг. (Uenze, 1966, S. 149–152, 165, 166; Горюнов, Казанский, 1983, с. 204; Schulze – Dörrlam, 2002, S. 224–228). Пряжка такого типа из верхнего горизонта погребений (с монетой Юстина II, 565-578 гг.) склепа 36 на могильнике Лучистое (рис. 43: 9) А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой была отнесена, как и весь данный горизонт, ко второй половине VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 18: 9). Погребение 4, в котором была найдена интересующая нас пряжка, содержало также пряжки типа Сиракузы и серьги с подвеской-шариком. Дата пряжек Сиракузы определена М. Шульце-Дёррлам в рамках 590-660 гг., в том числе и по находкам в закрытых комплексах с монетами 611-614 гг. на о. Самос и 641-668 гг. в Коринфе. Однако, такие пряжки встречены и на Афинской Агоре, в слое с монетами 711 и 713 гг. (Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 171–179), иными словами, они имеют довольно широкую дату. Серьги с привеской в виде полого шарика принадлежат большой европейской группе украшений, восходящей к античной традиции (Приходнюк, 2005, с. 43; Рябцева, 2005, с. 23,24). Широкое распространение сережек с полыми шариками отмечено уже в первой половине VII в. (Гавритухин, 2001б, с. 121, 123). Действительно, для интересующего нас времени серьги с полым шариком из двух половинок найдены в Юташ (Jutas), погр. 116, с монетами Фоки 603-610 гг. (Garam, 1992, S. 141, Taf. 30: 1,2; Somogyi, 1997, Kat. 33) и с пряжкой меровингского типа 157-159, т.е. 560/570 – 630/640-х гг. (Legoux et alii, 2009, n° 157–159). Есть серьга с шариком и в аварском погребении 2, могильника О в Кишзомбор (Kiszombor), с монетой Фоки, 603-607 гг. (Garam, 1992, 142, Taf. 22: 3,4; Somogyi 1997, Kat. 36). В меровингском контексте серьги с шариком известны с 630/640 по 700/710 гг. (Legoux et alii, 2009, n° 306). Таким образом, нет оснований ограничивать дату погребения 4 только второй половиной VII в., оно могло быть совершено и ранее 650 г.

К несколько более позднему времени в Подолии и Молдавии относятся украшения, типичные для днепровских кладов второй группы (см. ниже). Это серьги со звездчатой подвеской,

---

нию И.О. Гавритухина, в Подолии и Молдавии пражский культурный элемент выражен настолько ярко, в первую очередь, в керамических формах, что местные памятники можно отнести к смешанным, пражско-пеньковским или чисто пражским (Гавритухин, 2005б, с. 447). К сожалению, процентное соотношение пражских и пеньковских керамических форм на памятниках Подолии и Молдавии не стало предметом специального изучения, поэтому в данной работе они традиционно относятся к пеньковской культуре.

[36] В аламаннском контексте такие кресты датируются 570/590 – 650/670 гг. (Roth, Theune, 1988, S. 26, n° 52). В лангобардских погребениях кресты также появляются раньше, в раннелангобардском контексте в последней трети VI в., но и бытуют дольше, до первой половины VIII в. Один из них имеет отпечаток византийской монеты 717-741 гг. (Menghin, 1985, S. 174–177, Taf. 36–40).

[37] Сложнее обстоит дело с хронологией аварских древностей, см. в частности (Гавритухин, 2001б; Гавритухин, 2005а). Поэтому, как уже говорилось, в моей работе учитываются, прежде всего, находки, связанные с монетами, т.е. имеющие привязку к абсолютным датировкам, независимым от аварской хронологии.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

так называемого пастырского типа (рис. 9: 9–11), найденные на южнобугских поселениях пеньковской культуры Семенки[38] и Гайворон-Солгутов остров (Хавлюк, 1963, рис. 14: 1,3; Приходнюк, 1975, табл. 31: 2,5,6). Как мы увидим далее, серьги пастырского типа особенно характерны для времени после середины VII в., хотя их прототипы известны и ранее. В Молдавии, на пеньковском поселении Ханска II отмечены находки двухщитковых днепровских фибул (рис. 9: 6,7) типа Приходнюк, IX (Приходнюк, 2005, с. 39), также принадлежащих убору кладов второй группы, т.е. времени от середины VII в. и позднее (см. ниже). В это время, точнее на рубеже VII-VIII вв., в Молдавии памятники пеньковской культуры сменяются древностями культуры Луки-Райковецкой (Рафалович, 1972, с. 39; Тельнов, 1999, с. 323). Примечательно, что двущитковые фибулы найдены в непосредственной близости от постройки с керамикой типа Луки-Райковецкой (Рафалович, 1972, с. 39).

Итак, можно отметить, что наиболее массовые находки металлических предметов убора на поздних пеньковских памятниках Поднепровья, принадлежащие мартыновскому кругу, как, видимо, и малые дунайские фибулы, датируются временем не позднее 640/660-х гг. Некоторые находки предметов в западной половине пеньковского ареала свидетельствуют о сохранении в этих регионах пеньковской традиции, а стало быть, и каких-то групп ее носителей и во второй половине VII в. Видимо, о том же свидетельствуют и погребения по обряду трупосожжения с пеньковской керамикой на Дмитровском могильнике салтовской культуры, на противоположном конце пеньковского ареала, хотя, с другой стороны, представленная там посуда напоминает и колочинские формы (Плетнёва, 1999, рис. 31).

Такой дате не противоречат и находки чужеродной гончарной керамики южного происхождения (её в свое время Е.А. Горюнов называл «салтоидной») на пеньковских памятниках. Следует напомнить, что гончарная керамика, при наличии близлежащих центров ее производства, относится к числу довольно дешевой, общедоступной продукции, легко находимой на поселениях даже при поверхностной разведке. В первую очередь упомянем так называемую канцерскую керамику аланского происхождения, известную, как уже говорилась, на пеньковских памятниках в единичных обломках. Лишь на поселении Будищи из обломков удалось реконструировать кувшин аланского типа (рис. 3: 1). Еще один кувшин аланского облика найден на поселении Таранцево-Занки, но форма сосуда надежно не определяется (Берестнев, Любичев, 1991, рис. 1: 12). Гораздо лучше эта керамика известна по находкам в гончарных центрах, таких как Канцерка (рис. 17: 20, 21), о которых еще пойдет речь.

Данные кувшины соответствуют типу 2/подтипам 2-5 по Г.Е. Афанасьеву и лучше всего представлены в хронологических этапах III и, в меньшей степени, IV могильника Мокрая балка по схеме Г.Е. Афанасьева, т.е. в 625–750 гг. (Афанасьев 1980, с. 58, рис. 1,3–6, табл. 3; о хронологии этапов III и IV см.: Афанасьев, 1979, с. 48–50; Афанасьев, Рунич, 2001, с. 40–43). По мнению В.Ю. Малашева, на сегодняшний день ведущего специалиста по раннесредневековой керамике Северного Кавказа[39], опубликованные кувшины из Канцерки (Сміленко, 1975, рис. 56: 1–3), более всего соответствуют посуде из Кисловодской котловины, а именно типам Кв. 6 и 7 (Малашев 2001, рис. 50 и 66). Тип Кв. 7а датируется периодом IIIа по хронологии древностей Кисловодской котловины, предложенной И.О. Гавритухиным и В.Ю. Малашевым (Гавритухин, 2001а) т.е. 620/630 – 670/680-ми гг., и продолжает существовать какое-время в течение периода IIIб (650–670/680 гг.). Тип Кв. 6 относится к периоду IIIб-IIIв, т.е. к 650–730/760 гг. В целом, этап III по Г.Е. Афанасьеву или IIIа-б по И.О. Гавритухину и В.Ю. Малашеву, когда канцерские кувшины представлены лучше всего, характеризуется такими «узнаваемыми» для исследователей Днепровско-Дунайского региона вещами, как серьги с гроздчатой пирамидальной подвеской, лировидные пряжки, гладкие ременные наконечники с поперечными валиками у основания, пряжки с прямоугольной рамкой и геральдическим щитком, элементы ременной «геральдической» гарнитуры с прорезным декором, «геральдические» элементы с двумя птичьими головами, развернутыми в разные стороны, серьги с полыми ша-

[38] И.О. Гавритухин относит постройку VI на поселении Семенки, откуда происходит данная серьга, к пражской культуре (Гавритухин, 2005а, рис. 25). К сожалению, без детальной публикации материала данного поселения, выводы о его культурной принадлежности, а тем более, культурная идентификация отдельных комплексов, остаются в лучшем случае предварительными.

[39] Благодарю В.Ю. Малашева за любезную консультацию.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

риками и зерненым декором и т.д., ранние типы стремян с прямой подножкой (Афанасьев, 1979, рис. 1: III4; Гавритухин, 2001а, рис. 78: 22–29, 35, 47–53). Напомним, что хронологические схемы Г.Е. Афанасьева и И.О. Гавритухина построены по разным принципам, но при этом, в данном случае, они дают практически один и тот же результат. Итак, возможная дата бытования канцерской керамики пока определяется в рамках 620/630–730/760 гг., при этом наболее вероятна ранная часть этого периода. Малое количество канцерской керамики на пеньковских поселениях большинством археологов обьясняется асинхронностью основных фаз существования пеньковской культуры и гончарных аланских центров типа Канцерки.

Пастырская гончарная керамика, уже упоминашаяся выше, также представлена лишь единичными находками, рассеянными по всей зоне пеньковской культуры (Горюнов, Казанский, 1981, с. 12; Приходнюк, 2005, с. 77; Обломский, 2007, с. 8,9; Володарець-Урбанович, Скиба, 2011, рис. 2). Часто при этом синхронизируется время функционирования поселения на Пастырском городище и финал пеньковской культуры (например, Приходнюк, 2005, с. 77). Малое количество находок пастырской керамики в пеньковском контексте свидетельствут, все же, о том, что момент сосуществования «пеньковского» и «пастырского» населения был довольно кратковременным. Он приходится все всякого сомнения на начальную фазу существования Пастырского городища где то в рамках второй трети VII в. (о датировке Пастырского см. ниже).

Итак, пеньковская культура в Поднепровье исчезает около середины VII в., скорее всего, как предположила О.А. Щеглова, в результате болгарской экспансии (Щеглова, 1990, с. 179–181). Это событие маркируют клады мартыновского горизонта. Западнее, на Южном Буге и на территории Молдавии, носители пеньковской культуры могли «задержаться», отсюда и находки пастырских серег и фибул. Какие то островки пеньковской культуры во второй половине VII в. могли сохраняться в лесостепи и восточнее, о чем, возможно, свидетельствуют находки на Дмитровском могильнике. Но они уже не определяли этнокультурный облик населения днепровской лесостепи. Основная же масса носителей пеньковской культуры из Среднего Поднепровья могла отступить на север, на территорию, занятую их дальними родственниками, населением колочинской культуры (Горюнов, 1981, с. 94).

3. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VII в.

Археологическая ситуация второй половины VII в. в Среднем Поднепровье характеризуется, прежде всего, наличием ярких древностей «южного» происхождения, связанных как с кочевыми степными народами, так и с оседлыми группами понто-кавказского происхождения. В это же время в лесостепи могло появиться и новое славянское население, послужившее базой для формирования позднейших племенных обьединений полян, уличей и северян (рис. 10).

3.1. Древности неславянского населения

Горизонт Перещепино. Это наиболее выразительная группа древностей степного происхождения на территории Среднего и Нижнего Поднепровья, представляющая собой изолированные погребения и поминальники (Рашев, 2004, с. 120–136; Гавритухин, 2005а, с. 406–409; Комар, 2006). Наиболее известна «княжеская» находка в Малой Перещепине – то ли погребение, то ли поминальник с приношениями[40] (Бобринский, 1914; Werner, 1984; Werner, 1992; Залесская и др., 1997; Комар, 2006).

По мнению И. Вернера Перещепинская находка является могилой болгарского хана Кубрата, что подтверждается монограммой на перстне (Werner, 1984, S. 38–45). Впрочем В. Зайбт, изучавший монограмму, считал свое определение гипотетическим (Werner, 1984, S. 45). Куврат,

[40] Здесь не будет затрагиваться дискуссионный вопрос, является ли находка в Малом Перещепине захоронением или поминальником – для характеристики общей археологической ситуации в Поднепровье середины и второй половины VII в. это не имеет значения. Авторы издания перещепинской находки, вслед за И. Вернером, склонялись к предположению, что это, скорее всего, погребение (Залесская и др., 1997, с. 87, 88). Однако, как отметил А.К. Амброз, считавший находку поминальным местом (Амброз, 1982), количество вещей здесь далеко первосходит всё, что нам известно в «вождеских» погребениях, будь то у кочевников восточноевропейских степей или у оседлых варваров Европы раннего средневековья.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

глава причерноморских болгар, довольно хорошо известен по сообщениям византийских историков Феофана и Никифора (подробнее Артамонов, 1962, с. 157–164). Кубрат воспитывался при византийском дворе, получил крещение. Он являлся племянником гуннского вождя Органы. Последнего часто сопоставляют с анонимным знатным гунном, приехавшим в Константинополь в 619 г. и крестившимся здесь (Никифор, около 619 г.; подробнее: Ромашов, 1994, с. 235). Кубрат известен тем, что освободил болгар от аварской власти. Это произошло, по М.И. Артамонову, в 632-635 гг. (Артамонов, 1962, с. 160–163), хотя дата чисто гипотетическая, скорее, надо говорить, по логике письменных сообщений, о промежутке времени между 634 и 640 гг. (Львова, Маршак, 1997, с. 89).

З.А. Львова и Б.И. Маршак отмечают, что исторический Кубрат, в связи с освобождением от авар, мог был получить дары из Константинополя в 635–640 г., однако в перещепинской находке есть византийские монетные поступления 620-632 гг., что с точки зрения исследователей, не вяжется с информацией, которую мы имеем о Кубрате (Львова, Маршак, 1997, с. 90). З.А. Львова и Б.И. Маршак выдвигают дополнительную гипотезу, что монетные медальоны получены в 630 г. во время сватовства дочери Ираклия каганом тюркютов, впрочем, они резонно предполагают, что Кубрат мог иметь и другие оказии для получения даров, поскольку с юности он был связан с Византией (Львова, Маршак, 1997, с. 90). Такой оказией, кстати, могло быть болгарское восстание в Аварском каганате 630 г. (Артамонов, 1962, с. 112). При этом неважно, принимали ли в восстании участие только дунайские, или также и черноморские болгары. В любой ситуации Византия могла использовать это событие для закрепления своих позиций в Северном Причерноморье.

В составе перещепинской находки имеются также сасанидская и центральноазиатская престижная посуда. Сасанидские роскошные предметы, как справедливо отмечено З.А. Львовой и Б.И. Маршаком, не могли быть предметом торговли (Львова, Маршак, 1997, с. 92). Восточные сокровища, как полагают эти исследователи, могли оказаться в руках Ираклия в 628 г. как воинская добыча. Затем, по З.А. Львовой и Б.И. Маршаку, драгоценные предметы были подарены Ираклием варварам, скорее всего, тюркютам, а от них они уже и попали в Перещепино, может быть, при посредстве хазар, что делало бы возможной именно хазарскую атрибуцию находки. Однако сам факт дарения трофейной посуды со стороны византийцев кому бы то ни было сомнителен. Как правило, такого рода дары носили особую идеологическую нагрузку и служили, в первую очередь, пропаганде мощи и богатства Империи, а не ее врагов (о дипломатических подарках см. Засецкая и др., 2007, с. 93, 94).

Несомненно, сасанидские, центральноазиатские, согдийские и тюркские вещи в Перещепино явно указывают на какие-то восточные контакты их владельца. Такие контакты вполне обьяснимы в общем контексте истории Тюркского каганата, когда местная степная знать Северного Причерноморья, вроде уже упоминавшейся Аккаги, подчинявшейся Анагею, включена в тюркютскую управленческую систему. Похоже, что и знатные тюркюты, вроде Анагея, исполнявшие функции наместников кагана, могли проживать в причерноморских степях. Эти люди могли участвовать в военных предприятиях каганата, например в походах на Иран, а стало быть, в захвате и дележке добычи, получать дарения от своих властителей, просто имитировать престижную восточную «княжескую» цивилизацию. Феномен интернациональной аристократической моды, охвытывающий подчас огромные территории, достаточно хорошо известен в европейской археологии эпохи переселения народов и ранних варварских королевств. При этом всем совершенно очевидно, что распространение, например, престижных элементов меровингской аристократической культуры в Скандинавии в вендельскую эпоху, вовсе не означало физического присутствия здесь сколько-нибудь заметного количества франков. Можно смело предполагать, что подобные диффузионные процессы имели место и в вождеской среде евразийских степей, только здесь в моде были не Меровинги, а Ашина. К сожалению, хронология восточных вещей не разработана, авторы публикации Перещепинского клада, в целом, их датируют VII в. (Львова, Маршак, 1997, с. 98) и уточнять датировки азиатских древностей – вне моей компетенции. Кстати, находка восточной посуды в Перещепине не является уникальной для северопричерноморских степей. Сасанидские сосуды известны также в Лимаривке, Павловке, Глодосах (Даркевич, 1976, табл. 50: 13, 14, 16), а среднеазиатский металлический сосуд, но уже VIII в. – в Азове (Даркевич, 1976, с. 56, 57; Тревер, Луконин, 1987, с. 122). Севернее, уже

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

на территории пражской культуры в Хомяково в бассейне Горыни, также были обнаружены сасанидские чаша и ритоны (Корзухина, 1955, с. 78; Даркевич, 1976, табл. 50: 17).

Помимо перещепинской, следует назвать также такие «княжеские» находки, как Новые Сенжары/Зачепиловка, Макуховка, Келегеи (наиболее подробный разбор с библиографией: Комар, 2006; Комар, Хардаев, 2012), а также золотую гроздевидную серьгу из Чертоватого близ Ольвии (Капошина, 1950, рис. 46) и погребение в с. Печена, где найдены кости человека и коня, меч, удила, стремена, пряжки и золотая монета 613–631 г. (Кропоткин, 1962, с. 33). Видимо, перещепинскому горизонту синхронны, как уже говорилось, самые поздние погребения группы Суханово-Сивашевка. К их числу, возможно, надо отнести погребения с поясной гарнитурой, украшенной зернью, такие, как Васильевка (Balint, 1992, Taf. 49), Виноградное, 1983 г., на р. Молочной, где встречена также прямоугольная пряжка, как в Перещепине (о ней см. ниже) (Орлов, Рассамакин, 1996). В то же время, в этих же погребениях встречены и типичные для времени группы Суханово-Сивашевка геральдические гарнитуры с прорезным декором, отсутствующие в находках перещепинского уровня, что обычно обьясняется разными рангами владельцев этих поясов.

Принадлежность памятников горизонта Перещепино степным кочевым народам сейчас не у кого не вызывает сомнений, обычно их относят к болгарам, тюркютам или хазарам. Их концентрация и богатство, невиданные для степей Восточной Европы в VII в., бесспорно указывает на существование в Поднепровье мощного центра власти, видимо ставки предводителей какого-то объединения степных народов.

Датировка древностей этого горизонта определяется, прежде всего, по монетам, в значительном количестве происходящим из этих комплексов. Наиболее поздние из них (Малое Перещепино, Келегеи) относятся к 641-646 гг., сохранившийся солид из Макуховки – к 637-638 г. (см. обзор в: Гавритухин, 2005а, с. 387). Следует учесть и находку монеты 646-651 гг. в кочевническом погребении Журавлиха на днепровском Правобережье (Комар, 2005, с. 211). В самой перещепинскй находке нумизматы отмечают неоднократные поступления монет, в частности в 629-632 гг., а затем – в самом начале правления Константа II (Соколова, 1997, с. 24)[41].

Второй хронологический репер – параллели в «вождеских» аварских погребениях группы Боча – Кунбабонь (Bócsa – Kunbábony), обычно датируемых серединой или второй третью VII в. Все это и определило дату Перещепинского горизонта, приблизительно, в рамках 620/640-660/680-х гг. (Werner, 1986, S. 62; Kiss, 1986, S. 119; Гавритухин, 2001а, с. 46; Гавритухин 2005а, с. 406-409; Gavrituhin, 2006, p. 14–16 и т.д.).

Для находок перещепинского горизонта предлагаются и более поздние датировки: 670-е – 690-е гг. по А.В. Комару (Комар, 1999, с. 113–115; Комар, 2006, с. 78–125, в частности, с. 124), или даже начало VIII в. по А.И. Айбабину (Айбабин, 1999, с. 182; Aibabin, 2006, p. 54), что, разумеется, влечет за собой и иные реконструкции исторических событий. Но они, как подметил И.О. Гавритухин, не обьясняют ни постоянный разрыв между эмиссией монет, представленных в закрытых комплексах, и их попаданием в землю (Гавритухин, 2005а, с. 387), ни «хроническое отставание» распространения моды у кочевников, например, на различные виды ременных гарнитур, по сравнению с другими регионами Евразии, такими, как Средний Дунай или Северный Кавказ (Гавритухин, 2001б, с. 63)[42]. При этом византийские монеты второй половины и конца VII в. в степи Восточной Европы, всё же, поступают (Семенов, 1991, с. 126), но выпадают в погребения на других территориях (в бассейне Дона) и в ином археологическом контексте (Чембурко, Романовская, Подгорненский 4, Купянский уезд, Саловский 4, Большая Орловка, Потайное 1, Вакуровский Бугор, Козинский 1 и т.д.: Семенов,

[41] Близкую датировку находки, около 650 г., в свое время давал и И. Вернер, опираясь также на монеты (Werner, 1984, S. 18,43). Как уже говорилось, по И. Вернеру могила принадлежит Кубрату, исторически известному хану причерноморских болгар. Такое предположение, как уже было отмечено (Божилов, Димитров, 1985, с. 33), противоречит дате захоронения, предлагаемой И. Вернером. Дело в том, что Кубрат умер, скорее всего, в 663-668 гг., когда, согласно Феофану, Констант II «правил на Западе», т.е. находился в Сиракузах (см. об этом: Pritzak, 1955, S. 36; Guzelev 1979, 34; Бешевлиев, 1984, с. 174, 175). Впрочем, в отношении обоснованности предлагаемой даты смерти Кубрата в 663-668 г. высказаны сомнения: Цукерман 2001, 330, прим. 71.

[42] Напомним, что на Северном Кавказе ныне существующие хронологические системы Г.Е. Афанасьева и И.О. Гавритухина – В.Ю. Малашева дают, в целом, сопоставимые результаты (см. выше), а на Среднем Дунае значительное количество находок византийских монет в аварских погребениях (Garam, 1992; Somogyi, 1997) позволяет откорректировать спорные датировки ременных гарнитур.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1991, с. 126,127; Комар, 2006, с. 51,52; Безуглов, Науменко, 2007, с. 76–78; Безуглов, 2007).

У А.В. Комара обоснование абсолютных дат перещепинских находок опирается в конечном итоге на выборку из закрытых комплексов с монетами, как это, собственно, и делается в раннесредневековой археологии повсюду в Европе. Однако, при сопоставлении хронологии комплексов, предложенных А.В. Комаром, и их монетных датировок, можно заметить, что дата чеканки самой поздней монеты принимается им по сути как *teminus post quem* не только времени совершения погребения или попадания в землю клада, но и для времени бытования встреченных в погребении вещей (Комар, 2006, с. 124, 125). Такая ситуация в реальной жизни была возможна лишь в одном единственном случае: когда в землю (погребение, клад, приношение и т.д.) попадали исключительно новенькие, только что отчеканенные монеты и «авангардные» вещи, только начинающие входить в моду. Но понятно, что могли быть и иные обстоятельства, например, когда очень пожилой человек погребался с вещами, доставшимися ему в молодости и давно вышедшими из моды и, в то же время, с новой, недавно отчеканенной монетой (Мастыкова, 2009, с. 27). Возможны, и даже преобладают, и другие ситуации (см. подробнее рис. 11) (Steuer, 1977; Périn, 1980, p. 195–198; Шувалов, 1999).

Выводы А.И. Айбабина касательно даты перещепинского горизонта не всегда согласуются с его собственной хронологической системой, предложенной для древностей Крыма[43]. Так, пряжку с прямоугольной рамкой и обоймой из Перещепины (рис. 12: 1) А.И. Айбабин относит к последней четверти VII в. (Залесская и др., 1997, кат. 123; Айбабин, 1999, с. 182). Между тем в склепе 403 крымского могильника Скалистое (рис. 12: 10–18) такая пряжка была найдена в сопровождении большой пряжки с изображением льва на щитке (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 92, 93, рис. 65: 15,16). Последние сам А.И. Айбабин датирует временем от второй половины VI до второй четверти VII вв. (особенно наглядно: Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 16). В скалистинском склепе 403 обнаружены три скелета, прямоугольная обувная пряжка находилась среди костей скелета 1, а пряжка с изображением льва – среди костей скелета 3. Скорее всего, две ингумации не одновременны, но хронологический разрыв между ними вряд ли будет составлять 70 и более лет[44]. Кстати, такие пряжки не редкость в степных древностях. Они представлены в погребениях группы Суханово-Сивашевка (см. выше), напр. в Христофоровке, кург. 7, погр. 12, Виноградном, Сивашевке (рис. 12: 2–4, 6–9). В северокавказском контексте такие пряжки известны и в середине и второй половине VII в. (см. например: Афанасьев, Рунич 2001, рис. 38: 6). Видимо, дата цельнолитых пряжек с прямоугольной рамкой и прямоугольным щитком довольно широка и включает практически весь VII в.

Перекрестье одного из перещепинских мечей А.И. Айбабин относит к последней четверти VII в. на основании предлагаемых им дат степных комплексов Вознесенка и Глодосы (Айбабин, 1999, с. 182), однако хронология этих памятников сама по себе является предметом дискуссии (см. ниже). Отметим, что в двух случаях византийские мечи с расширением в средней части и на концах встречены в аварском контексте (Kiss, 1987, Abb. 2: 1; Kiss, 1996, Taf. 57) с поясами первой половины или середины VII в. (дискуссия о дате поясов: Гавритухин, 2005а).

Наконец, ко времени не ранее последней четверти VII в. А.И. Айбабин относит и серьги с каплевидными крупными подвесками (Айбабин, 1999, с. 182). Одна такая серьга с сапфировой подвеской есть в Перещепино (Залесская и др., 1997, кат. 67). Несомненно, такие серьги в Крыму в указанное время имеются, как свидетельствуют, например, находки в склепе 257 могильника Эски-Кермен (о нем см. Приложение 2). Однако, серьги вроде перещепинской, относящиеся к средиземноморской традиции позднеантичного времени (Залесская и др., 1997, с. 191), известны и ранее, например в таких общеизвестных находках, как могила первой половины V из Тубурбо Маюс (Thuburbo Maius) в Северной Африке (одна из последних публикаций: Erben des Imperiums.... 2009., Kat. 307a), клад из Рима,

[43] Дискуссия по поводу обоснованности абсолютных дат этой схемы: (Засецкая, Фурасьев, 2007; Гавритухин, 2011б).

[44] К сожалению не удается проверить по крымским комплексам второй хронологический репер, указанный А.И. Айбабиным: круглую бляху с отогнутыми вниз краями (видимо имеется в виду: Залесская и др., 1997, кат.124.3), по утверждению крымского исследователя, имеющую параллели в погр. 381 могильника Скалистое (Айбабин, 1999, с. 182, сноска 78). В публикации памятника бляха отсутствует (ср. Веймарн, Айбабин, 1999, с. 85, 86). В целом, подобные простые круглые пластины вряд ли вообще могут служить хронологическими реперами.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

позднего V – раннего VI вв. (Manière-Lévêque, 1997, p. 82, 83, pl. 2: c–e) или клад позднего V в. из Дезана (Desana) (Bierbrauer 1975, Taf. 8:3). В целом, датировка памятников перещепинского горизонта временем более поздним, чем 620/640-660/680-е гг. представляется необоснованной.

Группа (горизонт?) Вознесенка. Исследователи выделяют в отдельную группу или горизонт такие степные памятники, как Вознесенка (см. обзор Гавритухин, 2005а, с. 397, 398, 409). Они соответствуют аварской группе Озора-Тотипуста (Ozora -Tótipuszta) (Рашев, 2004, с. 166–170) или горизонту Игар-Озора (Igar-Ozora) (Гавритухин, 2005а, с. 409–411; Gavrituhin, 2006, с. 16–18). Аварские параллели, а именно, находка в Озора-Тотипуста имеют хронологический репер – монеты 660-674 гг.

Эпонимный памятник Вознесенка на Днепровских порогах, часто упоминаемый в работах по степным древностям, остается плохо опубликованным (из последних работ например: Aibabin, 2006, p. 59; Комар, 2006; Хрисимов, 2009). Прямоугольный невысокий вал, раньше интерпретировался как остатки укрепленного лагеря, а сама находка, в виде скопления престижных вещей, предметов вооружения и конского снаряжения, как коллективное захоронение воинов, может быть, вместе погибших в бою (Смиленко, 1975, p. 103–109). А.К. Амброз, сопоставив памятник с древностями Центральной Азии, предположил, что это, скорее, тюркское святилище-поминальник (Амброз, 1982).

Второй важный памятник этой группы – Глодосы в бассейне Южного Буга (Сміленко, 1975, с. 109–111). Здесь также место находки было отделено рвом, и также, как в Вознесенке, речь может идти о погребении или, как заключил А.К. Амброз, о святилище-поминальнике, вроде вознесенского. Здесь, правда, были обнаружены кальцинированные человеческие кости, однако А.К. Амброз считает их остатками человеческих жертвоприношений. Последние, впрочем, до сих пор у кочевников черноморских степей для V–VIII вв. нигде археологически не зафиксированы, но известны по письменным источникам у алтайских тюркютов (Амброз, 1982, с. 217, 218). По времени находка в Глодосах позиционируется как промежуточная между памятниками перещепинского и вознесенского горизонтов (Гавритухин, 2005а, с. 406, 407). Однако в Глодосах есть украшения византийской традиции, хорошо датирующиеся по параллелям в Китае первым десятилетием VII в. (Kiss, 1984).

Возможно, к группе Вознесенка относятся и погребения в Ясиново на Верхнем Ингуле (рис. 13: 1–9), Новогригорьевка, курган 17, в районе Надпорожья, возможно, Журавлиха в 90 км к югу от Киева, с солидом 646-651 г., Белая Церковь, также к югу от Киева (Комар, 2005, с. 211; Комар, 2006, с. 118). Надо вспомнить и находку Р-образной скобы ножен клинкового оружия из Переволочной. Ее декор в виде густой зерни напоминает вещи вознесенской группы (рис. 13: 10), а также некоторые дунайские находки времени Первого Болгарского царства и аварского горизонта Боча – Кунбабонь, синхронного, скорее, перещепинским древностям (напр. Станилов, 2005, обр. 1, 2, 11, 12).

По монетным находкам, а также аварским и лангобардским параллелям группа Вознесенка датируется, согласно И.О. Гавритухину – 660/680 – 690/710 гг. Однако прототипы – параллели вознесенской штампованной гарнитуры известны уже в эпоху Ираклия. Это уже упоминавшаяся находка в Акалан под Константинополем, а также аварское погребение в Ясапати (Jaszapáti), с монетами 637-641 гг. (Гавритухин, 2001б, с. 46, 55, 113; Гавритухин, 2005а, с. 409-411; Gavrituhin, 2006, с. 16–18). А.В. Комар предположил для памятников вознесенской группы несколько более позднюю дату, 705-725 г. По его мнению, Вознесенка должна быть позднее аварских находок группы Игар-Озора, поскольку необходимо время для адаптации аварской моды в чужой среде (Комар, 1999, с. 131, 132; Станилов, 2003, с. 46–48). Однако, время усвоения новой моды в Поднепровье могло быть очень непродолжительным и археологически неуловимым, а сами вознесенские пояса, как и схожие аварские, восходят к византийским образцам (Гавритухин, 2005а, с. 409). Позднее А.В. Комар изменил свою точку зрения и принял синхронность Вознесенки и горизонта Игар (Комар, 2006, с. 96).

Однако датировка вознесенской группы продолжает оставаться дискуссионной. По Н. Хрисимову, в погребении Вознесенка нет ни одной вещи, узкая дата которой могла бы соответствовать времени только после 650-660 гг., все они известны уже в 600 – 650/660- е гг. (Хрисимов, 2009). Впрочем, арочные стремена с изогнутой подножкой, как в Вознесенке (рис. 14: 2–4), в надежных закрытых комплексах времени ранее второй половины VII в. мне не известны. Такие стремена зафиксированы на китайском изображении 663 г. (Амброз, 1973, рис. 2: 25). Датировать арочные страмена с выгнутой подножкой

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

более ранним временем в других регионах Евразии тоже пока нет оснований (см. о них: Комар, 2006, с. 96, 100, 101, 119).

Датировка в пределах второй половины – последней трети VII в. предполагает две возможности: либо находки группы Вознесенка синхронны, хотя бы частично, памятникам перещепинского горизонта, либо непосредственно их сменяют в 660-е – 680-е гг.

Стойбища. Вне погребального контекста памятники кочевого населения второй половины VII в. представлены остатками стойбищ. Последние характеризуются находками отдельных фрагментов керамики, рассеянных на довольно большой площади при полном отсутствии культурного слоя. Точно такие же стойбища известны у раннесредневековых кочевников южнорусских степей (Плетнёва, 1967, с. 13–19; Плетнёва, 1981, с. 66). Остатки стойбищ на Днепровском Левобережье были выявлены работами Е.А. Горюнова и его сотрудников, в том числе и автора данной статьи, принявшего непосредственное участие в обследовании каждого из ниже перечисленных левобережных памятников. Особо отметим, что ни в одном случае не обнаружено ни культурного слоя, ни лепной керамики, типичной для славянского оседлого населения (Горюнов, 1987; Kazanski, 1987, p. 84–86; Горюнов, Казанський, 1998; Казанский, Середа 2001, с. 24). Все они располагаются на отлогах ли останцах надпойменных террас небольших рек. Приведем список таких памятников:

– ***Чередники.*** Найдены фрагменты оранжевой гончарной керамики, но преобладают обломки амфор, в том числе с зональным рифлением (рис. 15: 5–7).

– ***Лаврики.*** Найдены фрагменты оранжевой гончарной керамики с характерной «мажущейся» поверхностью, но преобладают фрагменты амфор (Горюнов, 1987, с. 6; Горюнов, Казанський, 1998, с. 76).

– ***Белокони.*** Найдены фрагменты серой гончарной керамики типа Канцерка с характерной «мажущейся» поверхностью и отдельные фрагменты амфор (рис. 15: 1–4).

– ***Полузорье-2.*** На поверхности найдены единичные фрагменты серой гончарной керамики типа Канцерка с характерной «мажущейся» поверхностью, редкие фрагменты амфор с желобчатым туловом, железная мотыжка (рис. 16). На памятнике, в его центральной части автором данной работы вскрыто 100 кв. м., что показало полное отсутствие культурного слоя и каких-либо построек. Керамика также полностью отсутствовала в снятом пахотном слое[45].

Подобные памятники, кажется, были открыты и в других регионах Днепровского Левобережья, в частности работами С.П. Юренко (Володарець-Урбанович, Скиба, 2011, с. 39, 40), но информацией об этих матералах я не располагаю.

В Надпорожье подобный материал присутствует в сборах А.В. Бодянского (ныне в коллекциях ИА НАНУ). Сложно сказать, не побывав на месте находки, идет ли речь действительно о стойбищах или, все же, это стационарные поселения[46], однако имеющийся материал очень напоминает левобережный. Это в первую очередь характерная «канцерская» керамика, отличающаяся от позднейшей салтовской, а салтовские памятники тоже есть в Надпорожье (Смиленко, 1975, с. 163–169), более светлым цветом, более густым лощеным и рельефным орнаментом, а также характером керамической массы и качеством обжига, что дает «мажущуюся» поверхность черепка. Имеются в виду следующие находки, изученные мною в коллекции ИА НАНУ:

– ***Вовниги – Балка Легкого – Скеля Громова*** (год обследования 1955 г.). Фрагменты серогончарной канцерской керамики, трехлопастный наконечник стрелы, один фрагмент лепного сосуда с органическими добавками в керамическую массу (трава), что типично для степной гонарной традиции (рис. 15: 8–10).

– ***Васильевка – Балка-Тягинка*** (год обследования 1958 г.). Фрагменты серогончарной канцерской керамики (Володарець-Урбанович, Скиба, 2011, рис. 3: 3–5) и амфор с зонным рифлением, немногочисленные обломки лепной посуды добавками травы и гончарной посуды, близкой салтовской кухонной.

– ***Орлово – Балка Калинова*** (год обследования 1953 г.). Фрагменты серогончарной канцерской керамики и амфор (рис. 15: 11–14).

– ***Федоровка – балка Квитна – Канцерка*** (год обследования 1961 г.). Фрагменты серогончарной канцерской керамики.

---

[45] К сожалению, в моем отчете, посвященном раскопками соседнего памятника Полузорье-1 в 1979 г., этот факт не был указан, поскольку планировалось продолжить работы в данном месте и проверить полученные результаты в следующем, 1980 г. Однако эти планы не осуществились.

[46] Насколько можно судить по архивным данным, в ряде случаев эти памятники располагались на обрывистом берегу надпойменной террассы, что не характерно для стойбищ.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

– ***Балка Клюшникова – 3*** (годы обследования 1958 и 1962 гг.). Фрагменты серогончарной канцерской керамики и амфор с зонным рифлением. Также имеются фрагменты лепных сосудов с овоидным туловом, отогнутым вечиком и защипами по краю (рис. 15: 17–24).

– Может быть, ***Балка Яцева***, многослойное поселение, где есть и пеньковский слой, а также материалы более поздней салтовской культуры. В северной части памятника в 1955–1957 гг. собраны фрагменты серогончарной канцерской керамики и амфор с зонным рифлением (Бодянский, 1960; Брайчевская, 1963).

– Может быть, ***Вороная*** (год обследования 1945 г.), многослойный памятник, в том числе со слоями пеньковской культуры и славянской культуры Луки -Райковецкой, занимавшей в VIII–X вв. Правобережную Украину. Имеются фрагменты серогончарной канцерской керамики и амфор (Березовец, 1963, с. 199).

А.В. Комар посчитал левобережные лесостепные памятники относящимися к группе Волынцево (см. ниже) (Комар, 2006, с. 128). Но, во-первых, на них нет диагностических волынцевских форм, а во-вторых, количество материала на волынцевских памятниках, найденного даже при поверхностном осмотре, несравнимо больше, причем доминируют лепные формы, в третьих, на славянских поселениях при раскопках фиксируются остатки археологического слоя, хотя бы в виде заметной насыщенности верхнего пахотного горизонта фрагментами лепных сосудов, пятен заполнения построек и ям на уровне материковой поверхности. Все это хорошо известно любому археологу, лично проводившему обследование таких памятников. Здесь же основной подъемный материал – немногочисленные фрагменты амфор, серой и оранжевой гончарной посуды при полном отсутствии признаков археологического слоя.

Дата вышеописанных стойбищ может быть установлена по серогончарной керамике канцерского типа и охватывает, таким образом, время от 620/630 по 730/760-е гг. (см. выше).

Оседлые памятники неславянского населения. Во второй половине VII в. в Среднем Поднепровье появляются и памятники со следами оседлого неславянского населения, пришедшего откуда-то с юга.

Стационарные поселения. Сюда относятся поселенческие памятники с фиксируемыми постройками и верхним горизонтом, содержащим заметное количество керамики.

– ***Вовки***, поселение на р. Грунь, в бассейне Псла. Поселение многослойное. К интересующему нас горизонту относятся одна полуземлянка и хозяйственная яма (Горюнов, 1987, с. 6). Основная масса керамики из них гончарная «мажущаяся» серого цвета, выделяются «канцерские» и «пастырские» формы, имеются обломки амфор. Подчеркнем, что на поселении имеется и горизонт славянской культуры Волынцево (см. ниже). В указанном жилище также представлена одна волынцевская форма сосуда (рис. 17: 1–19). Но на волынцевских памятниках, включая и соответствующий слой поселения Вовки, всё же доминирует лепная посуда славянского облика с расширением в верхней части сосуда (ср. Щеглова, 1986, рис. 3), не представленная в рассматриваемом косплексе. Наличие гончарного волынцевского сосуда в косплексе «южного» облика может указывать на сравнительно позднюю дату данного горизонта памятника, видимо около начала VIII в., но не на его культурную аттрибуцию.

– ***Стецовка*** на р. Тясмин на Правобережной Украине. Это – многослойный памятник (Петров, 1963; Рутковская, 1974). К интересующему нас горизонту 2, выделенному Л.М. Рутковской, относятся, по ее мнению, «юртообразное» жилище № 8 (размерами 6×7,2 м, овальной формы, глубиной 0,25 м с канавкой по краю: рис. 18: 1), наземное жилище № 1 с глиняными стенами, две полуземлянки №№ 7 и 9, а также жилища №№ 2-4, 10–12, с которыми связаны развалы печей-каменок и каменные вымостки. Обнаруженная на поселении гончарная посуда канцерского и пастырского типов (рис. 18: 3,5–7) составляет около 10 % керамической коллекции памятника, остальное – лепные сосуды, близкие, с одной стороны, керамике салтовской культуры (рис. 18: 2), а с другой – славянской керамике культуры Лука-Райковецкая (рис. 18: 4), или, точнее, керамике горизонта Сахновка, соответствующего начальной фазе культуры Луки-Райковецкой (см. ниже). Дата данного горизонта по серогончарной канцерской керамике определяется в рамках от 620/630 по 730/760 гг. (см. выше). О времени не ранее второй половины VII в. свидетельствуют и находки керамики типа Сахновки (см. ниже).

– ***Канцерка и Таранов Яр.*** Сейчас известны два центра производства серогончарной «канцерской» керамики: Мачухи – Таранов Яр на Днепровском Левобережье (Макаренко, 1911,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с. 116–118)[47] и Канцерка в Надпорожье. В последнем пункте изучены два памятника с гончарными мастерскими, там же имеются и жилые постройки (Сміленко, 1975, с. 118–160). Таранов Яр и Канцерка производили одинаковую продукцию (рис. 17: 20-23), наиболее примечательными являются серогончарные кувшины с лощеным декором и характерной «мажущейся» поверхностью, легко идентифицируемые и на других памятниках. По мнению В.Ю. Малашева (личная переписка), такие сосуды типичны для Верхней Кубани, Кисловодской котловины, западной части Кабардино-Балкарии, т.е. для зоны плотного расселения северокавказских алан в западной половине Предкавказья. Для Канцерки имеются археомагнитные даты: горн 13 – вторая половина VI в., горны 12 и 17 – конец VI и начало VII в. (Сміленко, 1975, с. 155). Напомним, однако, что по северокавказским параллелям канцерская керамика датируется более поздним временем, от 620/630 до 730/760 гг. (см. выше).

Пастырское городище и клады второй группы. Это большое многослойное городище на р. Сухой Ташлык на Днепровском Правобережье, возникшее в скифское время. В середине – второй половине VII в. на месте скифских укреплений появляется поселение, безусловно, являющееся одним из наиболее важных центров днепровского региона в это время. Городище подвергалось неоднократным раскопкам, начиная с XIX в., но памятник остается исследованным лишь в небольшой части. Материалы памятника опубликованы в монографии О.М. Приходнюка (Приходнюк, 2005). Оно состоит из двух частей, разделенных речкой, общая площадь укрепленного участка 20 га. Неясно, правда, вся ли эта площадь была заселена в раннесредневековое время, для ответа на этот вопрос нужны более широкие раскопки. На сегодняшний день находки раннесредневекового времени сосредотачиваются, в основном, в левобережной части городища, ее площадь составляет около 5 га, хотя остатки построек этого времени известны и в правобережной части. Укрепления относятся к скифскому времени. Вал сохранился до 3-3, 5 м, а ров до 2-4 м. Возможно, в раннесредневековое время, как предполагает О.М. Приходнюк, на нем существовала деревянная стена. На раскопанной площади выявлено большое количество раннесредневековых построек – наземных и полуземлянок, а также кузница и горн для выплавки железа. Следов взаимного перекрытия землянок не отмечено, что указывает на сравнительно короткий период существования поселения (Приходнюк, 2005, с. 79).

Материальная культура Пастырского городища имеет выраженный «южный» характер, близкий кругу салтовских древностей, в широком понимании этого термина (Горюнов, 1987, с. 4, 5). Именно поэтому в свое время Д.Т. Березовец первым высказал идею о принадлежности памятника неславянскому южному населению, связанному, по его мнению с салтовской культурой (Березовець, 1965, с. 55). По О.А. Щегловой памятник представляет собой место проживания осевших на землю ремесленников-болгар (Щеглова, 1990, с. 180)[48].

Однако О.М. Приходнюк в своей монографии настаивал на славянской атрибуции памятника. По его мнению об этом свидетельствует, в первую очередь, лепная керамика, найденная на Пастырском. Здесь, по О.М. Приходнюку доминируют славянские формы. К сожалению, О.М. Приходнюком для подстчетов учтено только 179 восстановленых форм, из них 81 лепных и 98 гончарных. В коллекции пастырской керамики, хранящейся в ИА НАНУ, которую автору данной работы удалось прдробно осмотреть, гончарная посуда неславянского облика явно довлеет, поэтому принять выводы О.М. Приходнюка о соотношении керамики нельзя, необходима подробная публикация всего известного материала.

Для лепной посуды Пастырского О.М. Приходнюк привел многочисленные параллели со славянских памятников (Приходнюк, 2005, с. 65), однако с неславянскими древностями Дуная, Крыма и Кавказа сопоставление им не проводилось. Приземистые округлобокие горшки с расширением в средней части (рис. 19), типа 1-А (Приходнюк, 2005, с. 60, рис. 75: 1, 76: 1, 77: 3, 78: 7), как и округлобокие 1-Ж (Приходнюк, 2005, с. 61, рис. 76: 5, 78: 7, 8, 83: 3) отнесены О.М. Приходнюком к пеньковским и сахновским формам. Там они действительно встречаются, но не только там. Лепные округлобокие сосуды, вытянутой и приземистой формы, с наибольшим расширением тулова на середине высоты и ото-

[47] К сожалению проведенные в Тарановом Яру разведки, в т.ч. Е.А. Горюнова и автора данной работы, следов соответствующего поселения не выявили.

[48] На сегодняшний день на Пастырском известны остатки кузницы, металлургический горн, клад инструментов ювелира, а также отдельные инструменты (Приходнюк, 2005, рис. 50, 62).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

гнутым венчиком, лучше всего представленные в керамике Пастырского, доминируют и в степных погребениях VI–VII вв., где ведущим считается гунно-болгарский культурный компонент (см. напр. Рашев, 2004, табл. 57: 2, 3, 5, 11, 12, 15, 16–18; Баранов, 1990, рис. 6: 3–5). Посуда близких форм хорошо известна также у оседлого болгарского населения Крыма (Баранов, 1990, рис. 29: 1–5; Баранов, 1991, рис. 3: 1–6), на Тамани (Плетнёва, 1963, с. 10–14, рис. 4) и на памятниках салтово-маяцкой культуры (Плетнёва, 1967, рис. 25: 1,3). Округлобокие лепные или слегка подправленные на круге горшки с расширением в средней или верхней части и отогнутым наружу венчиком, очень напоминающие пастырскую лепную посуду, найдены и на аланских поселках Канцирки (Сміленко, 1975, с. 150, рис. 56: 7, 9, 10). Разумеется, конкретные выводы о близости тех или иных керамических форм с разных территорий можно делать лишь после изучения состава их керамической массы, способов формовки и обжига, что никем не было сделано.

В принципе при сопоставлении керамики разных памятников следует сравнивать не отдельные формы, а их набор. Это прекрасно понимал и такой опытный археолог как О.М. Приходнюк, поэтому он отметил, что ни в одной славянской культуре нет схожего с Пастырским набора керамических форм, представленного в близких пропорциях. Получается, что жители Пастырского позаимствовали лишь отдельные формы, происходящие из самых разных регионов огромной зоны славянского расселения и вне её. О.М. Приходнюк обьяснял этот феномен своеобразной ситуацией эпохи славянского переселения, когда могли возникать самые разнородные по происхождению группы индивидумов (Приходнюк, 2005, с. 66).

Присутствие каких-то групп, принадлежавших славянской культурной традиции, среди жителей Пастырского, если судить по лепной керамике, вполне вероятно. Со славянами, в первую очередь с пеньковской культурой и с памятниками типа Сахновки, о которых речь пойдет ниже, могут быть связаны малочисленные керамические формы (рис. 20): высокие сосуды типа 1-В (Приходнюк, 2005, с. 60, рис. 78: 1, 2, 81: 2; 82), открытые сосуды типа 1-Д (Приходнюк, 2005, с. 61, рис. 78: 6; 80: 1), биконические формы типа 1-З (Приходнюк, 2005, с. 61, рис. 77: 1; 81: 3; 83: 2), сковороды (Приходнюк, 2005, с. 61, рис. 83: 6, 7). В керамических типах 1-Б (Приходнюк, 2005, с. 60), 1-Г (Приходнюк, 2005, с. 60,61) и 1-Е (Приходнюк, 2005, с. 61) славянской традиции могут принадлежать отдельные сосуды (например: Приходнюк, 2005. рис. 76: 4; 77: 2,4,5; 75: 2,3; 79: 3, 4; 80: 2, 3, 5), хотя керамика близких пропорций есть и на неславянском юге (Плетнёва, 1963, рис. 5: 1, 4). На сходстве лепной пастырской и сахновской керамики настаивала и В.А. Петрашенко (Петрашенко, 1992, с. 80, 81).

Но, в целом, гончарная и лепная керамика Пастырского городища больше напоминает древности неславянского «юга» – Подунавья, Причерноморья, Северного Кавказа. О лепных округлобоких горшках уже говорилось. Рассмотрим внимательнее гончарную посуду, доминирующую на Пастырском. Как указал О.М. Приходнюк, здесь имеются серогончарные миски и кувшины с лощеным орнаментом, восходящие к аланской тардиции Северного Кавказа и принадлежащие уже неоднократно упоминавшейся керамике канцерского типа (Приходнюк, 2005, с. 62, 65). Но лучше всего на памятнике представлены гончарные круглобокие горшки (рис. 21), обычно серого цвета, часто с горизонтальной полосой орнамента в средней части тулова и лощеным декором (Приходнюк, 2005, с. 61, 62). Они были отнесены к дунайской гончарной традиции (Приходнюк, 2005, с. 63, 64; Обломский, 2007, с. 9). Действительно, округлобокие горшки пастырского типа хорошо представлены в Болгарии (Ангелова, Дончева-Петкова, 1992; Рашев, 2008, табл. 113: 5, 9, 11–13; 115: 1, 2). Но дунайские находки датируются явно позднее, с конца VII в., когда их фиксируют в некрополях эпохи Первого Болгарского Царства (Ангелова, Дончева-Петкова, 1992, с. 18). Поэтому ряд болгарских археологов считает днепровские формы Пастырского городища исходными для дунайских (см. подробнее: Приходнюк, 2005, с. 64). Приведенный О.М. Приходнюком факт, что серогончарная керамика производилась на Дунае еще в римское время, ничего не меняет. Во-первых, она производилась везде на территории Римской империи, но представлена другими формами, а во-вторых, нет пока никаких доказательств переживания римской гончарной традиции в Мезии после падения византийского лимеса на Дунае в 602 г.

Уже давно было отмечено родство пастырской гончарной посуды с керамикой салтовского круга (Березовець, 1965, с. 56). Действительно, шаровидные гончарные горшки хорошо представлены в салтовской культуре (Плетнёва, 1963, рис. 11: 1–3; 1967, рис. 25: 9, 10; 1981, рис. 4: 16; 47: 14), в том числе и с горизонтальным пояском

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

декора и лощеным декором (Тамань: Плетнёва, 1963, рис. 25: 8; Луганский могильник: Писларий, Филатов, 1972: с. 115 и рис. на с. 117). Есть округлобокие формы в салтовское время и в Крыму, хотя, насколько можно судить по публикациям, без орнамента (Баранов, 1990, рис. 9: 11). Разумеется, как отметил О.М. Приходнюк, салтовские находки по времени позднее пастырских (Приходнюк, 2005, с. 64), как, кстати, и дунайские, но у тех и у других есть довольно ранние прототипы, на что, как мне кажется, пока не обращали должного внимания.

Эти прототипы округлобоких гончарных горшков имеются в Восточном и Центральном Предкавказье (рис. 22). Можно отметить наличие округлобоких форм на Андрей-Аульском городище римского времени в Северном Дагестане (Абрамова, Магомедов, 1980, рис. 7: 6,9,10), в дагестанском некрополе Чир-Юрт (горшки и миниатюрные сосуды второй половины VII или раннего VIII вв. с одним или двумя поясками в погр. 1, 31, 32, 119, 140, 143 (Ковалевская, 2005, рис. 81: 10-15; о дате Чир-Юрта см. Гавритухин, 2005а, с. 391, 392), на могильнике Харачой в Чечне (с горизонтальным пояском) (Багаев, 2008, рис. 147: 1; 208: 4), на аланском городище позднермского времени Зилги, в Северной Осетии (Arzhantseva, Deopik, Malashev, 2000, fig. 10), где есть и раннесредневековые слои, на могильнике Клин-Яр III в Пятигорье (без декора на тулове) (Малашев, 2000, с. 23, рис. 1: 10.57; сосуд происходит из погр. 57, позднего IV в.: Флёров, 2000, рис. 43: 57.6), на могильнике Мокрая Балка, также, в Пятигорье (с пояском декора посередине тулова – погр. 61 – позднего VII в., погр. 119 и погр. 4-К – шиповского горизонта)[49] (Малашев, 2001, с. 21, рис. 5: 5; 7: 12; 8: 7). Эти находки позволяют причислить округлобокие гончарные горшки Пастырского к южной, предположительно, северокавказской традиции.

Отметим также, что округлобокий горшок с линейно-волнистым орнаментом, стоящий особняком в коллекции Пастырского (Приходнюк, 2005, рис. 81: 5), имеет параллели в катакомбе 29 Клин Яра с типичным набором вещей перещепинского горизонта (Флёров, 2000, рис. 37–39) (рис. 23). При этом надо, конечно, помнить, что весь комплекс пастырской гончарной посуды отличается по составу от набора сосудов и Северного Каказа, и Северного Причерноморья, и Нижнего Дуная.

Выявленные на Пастырском полуземлянки с печью в углу (Приходнюк, 2005, рис. 6–11) напоминают типичные славянские жилища (о пеньковских параллелях см.: Приходнюк, 1998, с. 24, 25). Но такие постройки известны и у неславянского оседлого населения юга, например в Канцерке (Сміленко, 1975, с. 123) или в салтовской зоне (Плетнёва, 1967, рис. 13: 7; 1981, рис. 43: 6, 13, 14; Баранов, 1990, рис. 12: 6).

М.Ю. Брайчевский зафиксировал и остатки наземных построек с глиняной обмазкой. Контрольные раскопки О.М. Приходнюка на одной из таких построек выявили пятно глиняной обмазки, содержавшее материал скифского времени и раннего средневековья. Последний О.М. Приходнюк, посчитал за мусор и отнес этот объект к скифскому времени (Приходнюк, 2005, с. 17). Такая интерпретация представляется предвзятой, поскольку исследователь считал памятник заведомо славянским, а легкие наземные постройки со стенами, обмазанными глиной, как это общеизвестно, более характерны для неславянского «южного» населения (например, Плетнёва 1967, с. 61, рис. 14: 2). Кстати, смешение синхронных типов построек типично для салтовских памтников Дона и Приазовья (Плетнёва, 1967, с. 63).

Сельскохозяйственные орудия, оружие, бытовые предметы, обнаруженные на Пастырском, в общем интернациональны. Они принадлежат типам, известным как у славян (многочисленные параллели приведены в монографии О.М. Приходнюка), так и у степных оседлых народов раннего средневековья, в частности, в салтово-маяцкой культуре, и, в целом, не дают оснований для этнокульурной атрибуции памятника.

Часть металлических украшений, найденных на Пастырском, принадлежит убору днепровских кладов первой группы (Приходнюк, 2005, с. 36–39), которые можно, в целом, связать с пеньковской культурой (см. Приложение 2). Однако на Пастырском они присходят исключительно из покупок и сборов, таким образом, их связь с памятником поставлена под сомнение (Щеглова, 1990, с. 181, 182; Обломский, 2007, с. 5, 8). Однако, какая-то ювелирная традиция «антского» происхождения здесь явно существовала, поскольку к ней восходят очень распространеные на Пастырском двухщитковые фибулы (типы Приходнюк, IX и X: Приходнюк, 2005, с. 39, 40),

[49] Древности шиповского горизонта на Северном Кавказе относятся, скорее всего, к середине V – середине VI вв., см. например (Kazanski, Mastykova, 1999; Мастыкова, 2009, с. 19).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

явно производные от антропозооморфных фибул мартыновского горизонта (Приходнюк, 2005, рис. 97). При этом И.О. Гавритухин полагает, что в появлении фибул типа Приходнюк, X (тип IX вполне может рассматриваться, как литые имитации крупных эффектных образцов типа X) сыграли роль «южные» ремесленные традиции, так или иначе, связанные с Крымом и Кавказом (Гавритухин, 2010).

Найдены на Пастырском и малые пальчатые фибулы дунайского происхождения (Приходнюк, 2005, с. 35–36). Все они имеют широкое распространение, в первую очередь, в бассейне Дуная и на Балканах, а также хорошо представлены в Восточной Пруссии, Поднестровье, реже – в Поднепровье и в Крыму, и не могут быть этнокультурными нидикаторами. Но их частые находки в районе городища могут говорить о присутствии здесь какого-то дунайского элемента в VII в. Однако, как заметил И.О. Гавритухин, их дата не соответствует хронологии основной части материала памятника. Не исключено, что в каком-то из секторов Пастырского существовало поселение более раннего времени, по И.О. Гавритухину середины VII в или ранее, с которым и связаны находки дунайских (также, видимо, днепровских) пальчатых фибул (Гавритухин, 2005б, с. 430, 434). Возможно и еще одно предположение – металлические вещи собирались жителями Пастырского на недавно заброшенных поселениях пеньковской культуры, а также в кладах мартыновского типа и приносились как металлолом.

Довольно многочисленны на Пастырском вещи средиземноморско- византийской традиции: серьги (рис. 24: 1–6), пряжки (рис. 24: 8–11), перстни (рис. 24: 7), некоторые элементы поясной гарнитуры (рис. 24: 12,13), (сравни: Entwistle, 2010, n° 3). В целом, можно присоединиться к заключению О.М. Приходнюка о том, что «пастырское» ювелирное дело базировалось на византийской основе (Приходнюк, 2005, с. 76).

Основные элементы металлического убора, представленные на Пастырском, соответствуют кладам второй группы по классификации О.А. Щегловой (Щеглова, 1990). Показательно, что клады второй группы найдены и на самом Пастырском (рис. 25 и 26).

Клады включают двущитковые фибулы, серьги со звездообразной или полой сферической привеской, гривны с седловидным замком, бусы, браслеты с расширенными концами, в том числе, полые (Щеглова, 1990, с. 176). По набору вещей выделяются две группы кладов (Гавритухин, Щеглова, 1996, рис. 62):

– 2а, видимо более архаическая: Блажки[50], Киев 1898 г., Пастырское 1892 г.;

– 2б: Пастырское 1949 г. (рис. 25), Харьевка, Самгородок, Зайцево, Воробьевка и, видимо, Пастырское 1992 г. (рис. 26).

О.А. Щеглова намечает преемственность в наборе вещей и схеме костюма между первой, «мартыновской» (см. Приложение 2) и второй, «пастырской» группами кладов, но при этом она указывает, что различий между ними, все же, больше, чем сходства (Щеглова, 1990, с. 178). Подчеркивается, что клады первой группы «выпали» раньше, чем сформировался убор второй группы, то есть прямой преемственности между ними нет. Исследователи также отмечают выраженную дунайскую традицию в наборе украшений, представленных в кладах второй группы (Гавритухин, Щеглова, 1996а, с. 55).

В степных древностях VI–VII вв. в Северном Причерноморье такие вещи встречаются довольно редко. Можно, пожалуй, упомянуть лишь находку в Донецком бассейне[51] с двухщитковой фибулой и звездчатой серьгой в погребении (?) Ясиноватая (рис. 27: 5,6), о которой пойдет речь ниже. Двухщитковые фибулы имеют местное днепровское происхождение, браслеты с полыми концами лучше всего известны в среднедунайском регионе, но, видимо, восходят к византийской традиции, а звездчатые серьги являются византийскими по происхождению. Украшения в виде браслетов с расширенными концами и различных металлических гривен есть у авар (например гривны: Garam, 1992, Taf. 72:1; Garam, 1995, Taf. 232: 4; 241: 2,3; 245: 3; 247: 4). Браслеты с расширенными концами практически отсутствуют у болгар Северного Причерноморья, а гривны у степняков известны пока только в вождеских могилах: в закавказском погребении Уч-Тепе (Иессен, 1965, рис. 30; Bálint, 1992, S. 453. Taf. 17: 1), принадлежавшем степному воинскому предводителю первой половины или второй трети VII в. (о дате см.: Kiss, 1997), в богатой могиле в Старонижнестеблиевской в Восточном Приазовье (Атавин, 2008, табл. 24: 1), а в Поднепровье в уже упоминавшихся погребениях Келегеи

[50] Этот комплекс отнесен авторами к группе 2а условно-формально и, судя по всему, синхронен кладам группы 1.

[50] А.В. Комар уточнил, что данная территория представляет собой, скорее, островок лесостепной зоны вдоль Северского Донца.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(Айбабин, 1991, рис. 3: 10), Перещепино (Залесская и др., 1997, кат. 61), Новые Санжары (Комар, Хардаев, 2012, рис. 2: 12). Зато браслеты и гривны типичны для оседлых народов Восточной Европы: балтов, финно-угров и славян. Помимо пастырских, лишь клад в Харьевке (Корзухина, 1996, с. 406, 407, табл. 71–76) имеет культурную привязку: он найден на славянском поселении типа Волынцево (см. ниже). Скорее всего, со славянским контекстом связаны и находки в Киеве (Корзухина, 1996, с. 352, табл. 1; 2: 1,2), другого населения в это время там просто нет.

Клады второй группы О.А. Щеглова датирует в общих рамках второй половины VII – раннего VIII вв. (Щеглова, 1990, с. 178). Уточнить хронологию кладов второй группы по имеющемуся набору сложно, ведущие типы вещей имеют довольно широкие даты. Браслеты с полыми концами, хорошо известные на Пастырском и в кладах второй группы (напр. рис. 25: 14,15), принадлежат византийской ювелирной традиции (см. например: Ross, 1965, N° 179.G; Залесская, 2006: № 167, 168; Комар, 2010, с. 406-410). Полые браслеты были встречены в погребении 2 аварского могильника Сентендре (Szentendre) с монетой Юстина II (565-578 гг.) (Garam, 1992, S. 138, 139, Taf. 13: 1,2; Somogyi, 1997, Kat. 77) и, в то же время, с серьгами, типичными для горизонта Перещепино 620/640 – 660/680 гг. (см. выше). В кладе из Земьянского Врбовка (Zemianský Vrbovok) в Словакии полые браслеты сопровождались восемнадцатью серебряными византийскими монетами 659, 659-668 и 669-674 гг. (Radoměrský, 1953, S. 109–125; Somogyi, 1997, Kat. 88). В погребении Черкут (Cserkút), полые браслеты были найдены вместе со звездчатой серьгой (см. ниже) и парой меровингских фибул (Svoboda, 1953, obr. 8), дата последних – 560/570 – 600/610 гг. (Legoux et alii, 2009, n° 277; Koch, 2001, Abb. 16 – Sd-Phasen 6 – 7: 555-600 гг.). Зато в кладе в Харьевке полые браслеты найдены вместе с «губчатой пряжкой» с растительным декором начала VIII в. (Гавритухин, Щеглова, 1996а, с. 55). Всё это позволяет в целом датировать полые браслеты, приблизительно, 600/620 – 700/710-ми гг.

О серьгах с подвеской в виде шарика (напр. рис. 26: 5–9) уже говорилось выше. Серьги со звездчатой подвеской, иногда называемые «пастырского типа», также часто находимые на Пастырском городище (например, рис. 25: 4–7, 12, 13; 25: 3, 4) типичны для Византии уже с VI в. (Uenze, 1992, S. 165, 166) и широко распространены в VII в. как в империи, так и у варваров, от Сицилии до Донца (Svoboda, 1953, S. 50–53; Ugrin, 1987, p. 102–106; Uenze, 1992, S. 166). Они известны и на славянских памятниках Нижнего Дуная (например, в Сарата-Монтеору: Teodor, 1984, fig. 9: 3, 4), в кладах второй половины VII в. в Залесье (Ugrin, 1987, fig. 12; Казанский, 2011а, рис. 8: 9, 10) и Земянском Врбовке (Svoboda, 1953, obr. 4) а также у авар. В частности, большое количество таких серег происходит из некрополя Тисафюред (Tiszafüred), возникшего около середины VII в. (Garam, 1995, Taf. 234: 6, 7; 236: 2, 3, 5–8; 237: 1, 2, 6, 7, 10–12; 238: 2, 3). Однако в карпатском регионе такие серьги известы и ранее, как свидетельствует уже упомянутое погребение Чиркут с меровингскими фибулами второй половины VI – самого начала VII вв. В то же время, они есть и в уже упоминавшемся позднем кладе в Харьевке, а также в древностях Первого Болгарского царства (Рашев, 2008, табл. 81: 1–3). Поэтому, в целом, эти украшения могут иметь широкую дату, охватывающую время от первой половины VII до VIII вв.

Двухщитковые фибулы присутствуют как в отдельных находках на Пастырском городище (напр. рис. 25: 1, 2; 26: 1, 2), так и в кладах второй группы (типы Приходнюк, IX и X) (Приходнюк, 2005, с. 39, 40). Основной район распространения таких фибул – Среднее Поднепровье, но, как мы видели, они встречаются и западнее, например, на территории современной Молдавии (поселение Ханска, рис. 9: 6, 7, см. выше), на Днестре в Залесье (Ugrin, 1987, fig. 13; Казанский, 2012, рис. 7: 2) и у авар (могильник Тиссафюред, погр. 935) (Garam, 1995, Taf. 133: 935.1). На востоке, помимо вышеупомянутого погребения в Ясиноватой, поздний дериват двущитковых фибул найден на аланском могильнике Песчанка в Пятигорье (Ковалевская, 2005, рис. 32: 16). Собствено, в Поднепровье и сопредельных регионах двухщитковые фибулы, видимо, бытуют долго, возможно, до второй половины VIII – IX вв., об этом свидетельствуют находки их дериватов в кладе Ивахники и на могильнике Верхний Салтов (Корзухина, 1954, с. 79, 80, табл. 1; Приходнюк, 2005, рис. 97: 28, 29). Однако пересмотр хронологии ряда памятников (Песчанка, ранний горизонт салтовских могильников) позволяет ограничить их верхнюю дату временем не позднее середины VIII в. (Гавритухин, 2005а, с. 418).

Время появления Пастырского и связанного с ним убора кладов «пастырской» второй груп-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

пы определяется двумя факторами. Во-первых, это дата хорошо представленной на памятнике канцерской керамики. По В.Ю. Малашеву она появилась не ранее 620/630 гг. (см. выше). Во-вторых, это время выпадения кладов первой, мартыновской группы, когда убор, известный по кладам второй группы, еще не существовал (см. выше). Как мы видели, оптимальной датой сокрытия мартыновских кладов является период от 620/640 до 640/650 гг. Это совпадает со временем исчезновения пеньковской культуры, как самостоятельной группы в Днепровской лесосепи; недаром на Пастырском так мало пеньковской керамики, а на пеньковских памятниках фрагменты пастырской гончарной посуды единичны. С учетом этих двух обстоятельств, скорее всего, начало функционирования поселения на Пастырском приходится на 630-е – 650-е гг.

Сложнее определить дату гибели Пастырского. О военном разгроме поселения однозначно свидетельствуют находки сгоревших построек, человеческих останков, не подвергшихя захоронению, зарытие кладов, многочисленные находки стрел (Приходнюк, 2005, с. 79). По О.М. Приходнюку поселение погибло около 744 г., оно было уничтожено хазарами (Приходнюк, 2005, с. 79).

А.В. Комар отметил, что обнаруженные здесь крупные стрелы явно досалтовского времени и могут быть сопоставлены, скорее, с найденными на могильнике Чир–Юрт в Дагестане, а одна из стрел даже относится к перещепинскому горизонту. Это остоятельство, по А.В. Комару, датирует время разгрома Пастырского максимум эпохой начала горизонта Вознесенки, то есть, согласно этому исследователю, самым началом VIII в. (Комар, 2005, с. 211). Но если принять хронологию перещепинского и вознесенского горизонтов, предлагаемую И.О. Гавритухиным, которая мне представляются более аргументированной (см. выше), то дата гибели Пастырского придется на 660е – 680е гг.

Гибель Пастырского – не изолированное событие. Здесь на Пастырском были зарыты клады второй группы, такие же известны и в районе Киева, а также на Днепровском Левобережье (Щеглова, 1990, рис. 1). Разумеется, не следует распространять эту дату на все подобные клады. Следует вспомнить, что по А.В. Комару, клады второй группы на Правобережье и Левобережье не синхронны. Но им приведен лишь один археологический аргумент – на Правобережье, на Пастырском найдены классические экземпляры звездчатых сережек, а в Зайцевском кладе, на Левобережье есть лишь их схематичные имитации (Комар, 2005, с. 210, 211)[52]. Однако, как уже говорилось выше, эволюционно-типологические изменения могут происходить очень быстро, их хронология археологически может быть неуловимой. Не исключено, что просто в разных регионах существовали разные синхронные ремесленные школы.

Харьевский клад, самый поздний из второй группы, содержит, как уже говорилось, пряжку начала VIII в. Однако, он был найден на поселении типа Волынцево, то есть принадлежит иной этнокультурной среде, чем Пастырское, и может быть отнесен уже к другому периоду истории Поднепровья (Гавритухин, 1996а, с. 133, 134). Видимо, зарытие кладов второй группы не стоит привязывать к одному конкретному событию. Скорее всего, они маркируют довольно долговременную нестабильную ситуацию, возникшую предположительно в 660-е – 680-е г. и затянувщуюся до 700-720 гг.

Погребения – ингумации. Ко второй половине VII в. относятся и изолированные погребения по обряду ингумации, известные на периферии интересующего нас региона. Разрушенное парное погребение по обряду ингумации, обнаруженное в с. Разиньково под Курском (Мастыкова, 2012). Оно содержало браслеты с расширенными концами, которые не сохранились, и гривну с лопастями (рис. 27). В могилах кочевого населения понто-кавказских степей в это время гривны встречаются редко, да и браслеты с расширенными концами единичны. Гривны найдены в степи, как уже говорилось, пока только в «княжеском» контексте.

Золотые браслеты с расширенными концами известны в «княжеском» постгуннском погребении Морской Чулек (Засецкая и др., 2007, с. 170. Таб. III: 4, 5). Но для понтийской степи это – исключительный случай. В то же время, браслеты с расширенными декорированными концами

[52] По А.В. Комару (2005, с. 210) Зайцевский и Пастырский содержат «глазчатые» – «бородавчатые» бусы раннесалтовского времени, определяемого им в пределах 737-780 гг. Однако, насколько можно судить по имеющимся публикациям (Корзухина, 1996, табл. 106: 18), определение данных бус, как раннесалтовских, ошибочно, бородавчатые салтовские бусы значительно крупнее и не имеют дополнительного декора. Зато похожие бусы есть у авар в контексте среднеаварского времени (Garam, 1992, Taf. 13: 3; 29: 3; 30: 6), а также на Пастырском городище (Приходнюк, 2005, рис. 49:8, 9).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

встречаются в аварских захоронениях на Среднем Дунае, а также в ряде варварских культур, не связанных по происхождению со степью. Что касается гривен, то их различные типы распространены у авар (см. выше), известны они и в раннесредневековых северокавказских некрополях (Мастыкова, 2009, с. 74–76. рис. 73–81). Гривны с лопастью, напоминающей разиньковскую, найдены на Дунае, в Чадьявице (Čadjavica) (Vida, Völling, 2000, Abb. 28) и Залесье (Ugrin, 1987, fig. 14; Казанский, 2011а, рис. 5–7), а также в Каневском уезде (Корзухина, 1996, табл. 2: 3, кат. 51). Такие гривны, судя по находкам в Чадьявице и Залесье, датируются, скорее всего, второй половиной или последней третью VII в. На возможную аланскую принадлежность парного захоронения у с. Разиньково указывает странная позиция железной гривны – на голенях погребенного. Возможно, она была призвана ритуально «обезвредить» покойного, «связать» ему ноги. Точно такое же явление отмечено в погребениях салтово-маяцкой культуры на Маяцком селище. Дата погребения определяется в рамках второй половины VII в. (Мастыкова, 2012).

Еще одна находка, возможно, погребение, была сделана у с. Ясиноватая (рис. 22: 5–7), около Донецка. Строго говоря, оно находится вне пределов Поднепровья, однако найденые здесь вещи позволяют включить эту находку в интересующий нас круг древностей. Здесь обнаружены: двушипный наконечник стрелы, характерный в Восточной Европе раннего средневековья, прежде всего, для славянских культур и абсолютно не типичный для степных народов (Kazanski, 1999б, p. 201), звездчатая серьга пастырского типа и двухщитковая фибула типа Приходнюк, IX (Швецов, 2010, с. 94, 95, рис. 1: 10–12). Привлекает внимание тот факт, что все эти вещи, в общем, известные на раннесредневековых славянских поселениях лесостепной Украины и Молдавии (см. выше), найдены в ингумации, что исключительно для славянского культурного контекста, к тому же довольно далеко на восток от зоны расселения славян в VII в.

Пастырская культура? Итак, можно констатировать, что после какой-то катастрофы военного характера, археологически выразившейся в исчезновении пеньковской культуры в Лесостепном Поднепровье и зарытии здесь кладов мартыновской группы в 630-е – 650-е гг., на этой территории закрепляется некое неславянское население, пришедшее откуда-то с юга, т.е. из широкой зоны от Нижнего Дуная до Северного Кавказа. Этому населению принадлежат погребения и поминальники горизонта Перещепино, стойбища с канцерской керамикой, стационарные поселения и ремесленные центры с той же канцерской и пастырской керамикой, часть вещевых кладов второй, «пастырской» группы, возможно, отдельные погребения по обряду ингумации. Хронологическая позиция некоторых памятников, вроде Разинькова или Вознесенки, будет, видимо, уточняться в ходе дальнейших дискуссий. «Нижняя» дата остальных названных здесь памятников определяется по серой гончарной керамике и набору вещей, характерных для кладов второй, «пастырской» группы, в рамках 620–640-х гг. Повсеместное распространение серой гончарной керамики «салтоидного» облика и устойчивого набора «пастырских» вещей позволяют выделить днепровские «южные» древности в отдельную культурную группу, может быть, пока оставив за её рамками вождеские находки типа Перещепино и Вознесенки, в силу специфичного характера последних.

Вспомним, что в свое время М.И. Артамонов предложил для днепровских памятников VII в. термин «пастырская культура» (Артамонов, 1969). Это предложение тогда было воспринято негативно практически всеми археологами, непосредственно работавшими с днепровским материалом. И действительно, М. И. Артамонов включил в пастырскую культуру клады мартыновского облика с набором пальчатых фибул. Последние, как известно, связаны по происхождению с восточногерманским костюмом и отношения к «южной» традиции не имеют (см. Приложение 2). Позднее Е.А. Горюнов предлагал выделить древности типа Пастырского в отдельный вариант салтовской культуры (Горюнов, 1987), что также не получило поддержки, поскольку салтовская культура возникает позднее, в VIII в. Тем не менее, заключения М.И. Артамонова и Е.А. Горюнова о существовании на Среднем Днепре в VII в. некоей общности, связанной по происхождению с неславянским югом и культурно родственной населению, впоследствии оформившемуся в салтово-маяцкую культуру, мне представляются вполне правомерными. Речь идет, скорее всего, о довольно гетерогенных группах, продвинувшихся на Днепр с юга (Кавказ, Крым, Дунай, черноморско-каспийские степи), его общая культура находилось в интересующий нас период в стадии формирования. Может быть этому археологическому явлению и стоит вернуть название «пастырская культура»?

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Разумеется, синхронизация различных памятников по гончарной керамике, бытовавшей около столетия, весьма условна. Какие-то поселения, как Пастырское, погибают, как мне представляется, в 660-е – 680-е гг., другие, как Вовки, могли функционировать и в VIII в. Гончарные центры также могли продолжать свою деятельность и в меняющейся военно-политической обстановке и распространять свою продукцию в самой разной культурной среде.

Как уже отмечалось, керамика пастырского и канцерского типов крайне редко встречается на пеньковских поселениях. Но при этом она также представлена и на более поздних славянских памятниках Поднепровья, типа Сахновка и Волынцево (см. ниже). Получается, что реконструируемая «пастырская культура», если это определение будет всё-таки принято археологами, синхронна финалу пеньковской культуры и времени возникновения славянских древностей круга Сахновка-Волынцево. Она, как бы, вклинивается между пеньковскими и сахновско-волынцевскими древностями.

4. СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ТИПА САХНОВКА И ВОЛЫНЦЕВО

4.1. Памятники типа Сахновка на Днепровском Правобережье

В лесостепной зоне на Правобережье Днепра после гибели пеньковской культуры постепенно появляются памятники иного облика, т.н. типа Сахновка (о памятнике: Приходнюк, 1976), представляюшие начальную фазу славянской культуры Луки-Райковецкой (Петрашенко, 1992, с. 89), общей для всего славянского населения от Днепровского Правобережья до Прикарпатья VIII–X вв. В отличие от «классических» памятников культуры Луки-Райковецкой, в древностях типа Сахновки еще нет гончарной и лепной керамики с линейно-волнистым орнаментом, появление которой на Правобережной Украине относят к IX в. (Русанова, 1973, с. 18, 19). На памятниках типа Сахновка доминируют округлобокие сосуды с расширением в верхней части, орнаментрованные защипами по венчику (рис. 28), представляющие собой результат эволюции форм пражской лепной посуды (Приходнюк, 1975, с. 44–46; 1980, с. 14–19; Приходнюк, Казанський, 1978[53], с. 45, 46; Гавритухин, 1996б, с. 137)[54]. Основной вид известных памятников – отрытые поселения с жилищами, углубленными в землю, и печью в углу. Показательными являются материалы из поселений Сахновка (рис. 28: 1–13), Луг I (рис. 28: 14–17), Луг II, Ходосовка, Обухов-2, Монастырек (нижний слой), а также часть находок на Пастырском и в Стецовке (см. выше) (Петрашенко, 1992, с. 86–89). Эти древности восходят не к пеньковской, а к пражской культуре Днепровского Правобережья (Гавритухин, 1996а, с. 136), хотя в сахновской керамике есть и следы преемственности с пеньковской культурой (Приходнюк, 1998, с. 122). В целом, по керамике памятники типов Сахновка и Волынцево (см. ниже) представляют собой явления одного порядка, хотя полностью их идентифицировать нельзя (Щеглова, 1986, с. 21; Петрашенко, 1992, с. 94).

Геомагнитным способом жилища поселения Сахновка и близкие им комплексы с поселения Бакота, на Днесте датированы временем середины VII – середины VIII вв., что и обусловило хронологию сахновского горизонта (Приходнюк, 1975, с. 45; Приходнюк, Казанський, 1978, с. 46, 47; см. уточнения: Гавритухин 1996б, с. 138). По мнению В.А. Петрашенко, Сахновка относится, скорее, к VIII в. поскольку здесь не найдены биконические пеньковские формы и хорошо представлена керамика, украшенная защипами по венчику. Такой декор, по мнению исследовательницы, также не характерен для пеньковской керамики (Петрашенко, 1992, с. 86). Легко заметить, что в своих датировках В.А. Петрашенко исходила из априорного и очень распространенного мнения о том, что пеньковская культура доживает в Среднем Поднепровье до рубежа VII-VIII вв. и ее черты должны обязательно проявляться на памятниках всего VII в. Как мы видели выше, есть основания полагать, что в данном регионе пеньковское население исчезло несколько раньше, в 630-е – 650-е гг. Стоит вспомнить и о

[53] Кажется, в этой работе впервые появляется термин «памятники этапа Сахновка».

[54] Эпонимные поселения у с. Сахновка, как отмечал О.М. Приходнюк, являются многослойными и содержат и более поздний материал (Приходнюк, 1980, с. 18). Здесь в слое поселения найдены и отдельные фрагменты гончарной славянской керамики, по всей видимости, IX в. (Петрашенко, 1992, с. 85).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

присутствии керамических форм, близких Сахновке, в материалах Пастырского, погибшего, как мы видели, не позднее 700 г., а скорее в 660-680 гг. (см. выше). Наконец, керамика сахновского типа встречена вместе с гончарной пастырской на поселении Стецовка (Володарець-Урбанович, Скиба, 2011, с. 36). Это позволяет присоединиться к мнению О.М. Приходнюка, согласно которому тип Сахновка, как культурное явление, возникает уже во второй половине VII в.

Верхняя дата памятников типа Сахновки, или ранней фазы культуры Луки-Райковецкой, определяется И.О. Гавритухиным по находкам сережек на поселении Обухов 2 под Киевом. Одна из них сопоставима с украшениями из упоминавшихся кладов второй группы, а другая – с позднеаварскими, а также с болгарскими сережками Первого царства, т.е. времени не ранее конца VII – VIII вв. (Гавритухин, 1996б, с. 137, 138). На городище Монастырек в жилище 9, также относящемся к ранней фазе культуры Луки Райковецкой, найдена арабская монета 761/762 г. (Петрашенко, 1992, с. 80, 81). Близкие датировки для тех же памятников предлагает и Л.П. Михайлина (Михайлина, 2007, с. 15–26). Итак, время существования памятников типа Сахновка, занимающих промежуточную позицию между древностями пражской культуры V–VII вв. и материалом развитой фазы культуры Луки-Райковецкой с круговой керамикой IX вв. может быть определено в пределах второй половины VII – первой половины IX вв.

4.2. Памятники типа Волынцево и их формирование

Термин «памятники типа Сахновка», разработанный О.М. Приходнюком для конкретных памятников Правобережной днепровской лесостепи, сейчас распространяют и на древности Днепровского Левобережья, точнее на ранние памятники типа Волынцево. В это время здесь господствует лепная керамика, близкая сахновской (рис. 29), но еще не появились гончарные сосуды с расширением в верхней части и вертикальным венчиком, а также с характерным лощеным декором, традиционно называемые волынцевскими и по технологии изготовления близкие салтовской посуде (Щеглова, 1986, с. 21; 1996, с. 130; Гавритухин, Щеглова, 1996б, с. 131, 132; Гавритухин, 1996б, с. 144). Это, на мой взгляд, может внести путаницу в терминологию. Поэтому в данной работе соответствующие славянские древности Днепровского Левобережья пока определяются как памятники типа Волынцево.

Последние, как было сказано, особенно на ранней стадии, во многом схожи с памятниками сахновского горизонта, в частности, по лепной керамике (Щеглова, 1986, с. 21; Петрашенко, 1992, с. 94). На волынцевских поселениях доминирует лепная посуда, близкая сахновской, в могильниках гончарная посуда представлена лучше. Исключение составляет городище Битица, где процент гончарной керамими значительно выше обычного и достигает 55-65 %, а в материалах присутствуют вещи престижного уровня, предметы вооружения и конского снаряжения (Ляпушкин, 1959, с. 65–78; Сухобоков и др., 1989). До полной публикации памятника, в первую очередь, материалов О.В. Сухобокова, проводившего на этом городище широкие работы, сложно делать какие-либо выводы, но не исключено, что здесь находился какой-то центр власти, возможно связанный с присутствием хазар (Березовец, 1965, с. 55, 56; Гавритухин, Щеглова, 1996б, с. 134).

Волынцевские памятники распространяются в восточной половине пеньковского и на значительной части колочинского ареалов, на Днепровском Левобережье, а также на Правобережье и в районе Киева (Горюнов, 1981, с. 87–90, рис. 30; Щеглова, 1986; 1996, с. 130, 131; Обломский, Щеглова, 1996, с. 131–133). Они, судя по лепной керамике, также отражают пражские культурные традиции, при том, что участие пеньковского и колочинского элементов в формировании их культурного облика несомненно (Горюнов, 1981, с. 90 94; Обломский, Щеглова, 1996, с. 132, 133). Позднее на основе волынцевских памятников формируется роменская (роменско-боршевская) культура VIII–X вв., охватившая территорию славян на Днепровском Левобережье, на Десне, на Верхнем Дону и Верхней Оке. Отмечалось, что волынцевская культура отражает зону расселения славянских данников Хазарского каганата, т.е., согласно русской летописи, полян, северян, вятичей и радимичей (Гавритухин, Щеглова, 1996б, с. 134; Комар, 2006, с. 126). Отдельные памятники с волынцевской керамикой, такие, как Торхово, Болохово, Уткино, были зафиксированы на Верхней Оке, где проживали летописные вятичи (Григорьев, 2005, с. 145), но пока их нет на Соже, где летопись локализует радмичей (см карты: Горюнов, 1981, рис. 30; Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 106).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Предполагается, что в формировании волынцевской группы большую роль сыграло перемещение пеньковского населения на север, в колочинскую зону (Горюнов, 1981, с. 87–94; Щеглова, 1986, с. 20, 21; Обломский, Щеглова, 1996, с. 132). На Десне об этом могут свидетельствовать поселения Целиков Бугор (рис. 29: 1–8) и Стрелица, керамический комплекс которых ближе пеньковской, чем местной колочинской культуре. Важно подчеркнуть и влияние здесь пражской культуры, выразившееся в преобладании лепных форм с расширением в верхней части (Горюнов, 1981, с. 90). К этому же типу памятников относят и поздние горизонты некоторых поселений Нижней Десны, где встречена пастырская керамика: Роище (Щеглова, 1986, с. 20; Володарець-Урбанович, Скиба, 2011, с. 36, рис. 1: 6; Обломский, в печати)[55] и Александровка-1 (Терпиловький, Шекун, 1996, с. 39–43).

Возможно, в ту же категорию попадает и поселение Шоссейное с присутствием серой гончарной керамики пастырского облика (Приходнюк, 2005, с. 78; Обломский, 2007, с. 9; Володарець-Урбанович, Скиба, 2011, с. 36, рис. 1: 3, 5). Сюда же могут быть причислены и поздняя фаза поселения Полузорье-2, где в жилище 2 представлены как поздние пеньковские, так и волынцевские керамические формы (рис. 29: 9–12), а также третий горизонт поселения Хитцы, где сочетается керамика близкая пеньковской и волынцевской (Горюнов, 1981, с. 87, 90; Горюнов, Казанский, 1981, с. 11; Щеглова, 1986, с. 16). Точная датировка этих памятников пока не ясна, скорее всего, она будет заключаться в рамках второй половины VII – начала VIII вв. Неясно пока также, следует ли их причислять к типу Волынцево и выделять раннюю фазу, предшествующую распространению характерных серых гончарных сосудов с прямым венчиком, или же они составляют какую-то отдельную группу, являющуюся, по сути, исходной для памятников типа Волынцево. Как это часто бывает в восточноевропейской археологии, всё упирается в недостаточную степень опубликованности материала.

Время появления «классических» памятников типа Волынцево определяется по Харьевскому кладу (см. выше) началом VIII в. Клад находился в горшке, имитирующем волынцевскую гончарную посуду (Гавритухин, Щеглова, 1996б, с. 133, 134). Некоторые другие «классические» волынцевские памятники относятся по наличию салтовских вещей ко времени не ранее середины VIII в. (Щеглова, 1987, с. 13). Вещи позднеаварского и византийского стилей, как в Фативижском кладе второй трети VIII в. (о нем: Комар, Стрельник, 2011) есть на таких волынцевских памятниках, как Битица и собственно Волынцево. Для памятников роменско-боршевской культуры они отмечены на Новотроицком городище (Гавритухин, Щеглова, 1996б, с. 134–136).

5. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Представляется, что все эти изменения, а также появление пастырской культуры, связаны с прорывом каких-то групп степных кочевников в Среднее Поднепровье и их последующим закреплением на этой территории. Первая волна военного стресса приходится, скорее всего, на 620/630-е – 640/650-е гг. Происходит «выпадение» кладов мартыновского горизонта, пеньковская культура исчезает в Поднепровье как самостоятельное явление, основная масса ее носителей здесь либо погибает (клады остаются в земле), либо уходит на север и запад.

При обсуждении рукописи данной работы К. Цукерман высказал предположение, что степные кочевники, скорее всего, болгары, нанесли удар по антскому населению Приднепровья по наущению Византии. Действительно, как мы помним, к 612 г. отношения между Империей и антами портятся, Ираклий присваивает себе титул «Антского», то есть ведет против антов какие-то военные действия. Совсем не исключено, что, в конце концов, Ираклий обратился за помощью к провизантийски настроенным гунно-болгарам, вроде того анонимного правителя, крестившегося в Константинополе в 619 г., и спровоцировал их удар по антам. По мнению К. Цукермана значительный вброс византийского золота к кочевникам понтийской степи в 629–632 гг. (Соколова, 1997, с. 24) и обьясняется перепетиями ромейско-болгаро-антских военно-политических отношений.

В результате прорыва кочевников в Поднепровье возникает некий центр власти, о чем свидетельствует появление здесь «княжеских» находок типа Перещепино, принадлежавших знати степных народов. Сюда до 650 г. неоднократно поступают византийские солиды, которые по-

[55] Впрочем, и в более раннее время наблюдается проникновение пеньковских элементов в колочинскую зону (Терпиловский, 2004, с. 133).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

падают в землю не успев разойтись (Семенов, 1991, с. 126), а также престижные вещи из Византии, Ирана и Центральной Азии (Залесская и др., 1997).

Присутствие «южного» оседлого населения в этом кочевом обьединении не должно удивлять. Любое серьезное политическое образование в степи имело развитую систему стационарных ремесленных и торговых центров, постоянных «зимников» и резиденций знати. В таких поселениях проживало самое разнородное население, так или иначе обслуживающее кочевников. Всё это хорошо засвидетельствовано серией свидетельств древних авторов – очевидцев от Приска Панийского до Рубрука и Плано Карпини и в подробных разьяснениях не нуждается.

Времени появления перещепинского горизонта соответствует деятельность болгарского вождя Кубрата. Согласно византийским авторам, Кубрат создал в азовско-причерноморских степях заметное объединение степных народов, известное как Великая Болгария. По Никифору и Феофану в нее вошли кутригуры, оногуры и болгары (о структуре см. в частности: Йорданов, 1996; 1997). В это время, судя по письменным источникам, эти названия воспринимались как синонимы, отсюда и убеждение некоторых современных исследователей, что по сути это один и тот же народ (Ромашов, 1994, с. 219, 220, там же библиография). Напомним, однако, что в более раннее время Захария Ритор (12. 7), их четко различает, по крайней мере, для середины VI в. Часто Великую Болгарию локализуют к востоку от Дона на Кубани и Тамани (подробнее: Ромашов, 1994, с. 232–235, 237). Но в описаниях Никифора и Феофана Старая или Великая Болгария так или иначе увязывается с территорией котрагов, т.е. кутригур, вне всякого сомнения проживавших к западу от Дона, поэтому Северное Причерноморье также часто включают в состав территории Великой Болгарии (Guzelev, 1979, p. 29, 30; Божилов, Димитров, 1985, с. 29; Ромашов, 1994, с. 244, там же библиография по более ранним работам). Действительно, распространение на северокавказский регион власти авар, которым какое-то время подчинялись кутригуры, а затем и хан Кубрат, более чем сомнительно. Как уже говорилось, есть серьезные основания полагать, что азово-черноморские степи, по крайней мере к востоку от Дона, находились под властью Тюркского каганата. По ним проходит маршрут византийских и тюркютских посольств (Менандр Византиец, фр. 21, 45).

После публикации 1984 г. И. Вернера получила поулярность локализация на Днепре даже самого центра Великой Болгарии. Однако, обсуждение этой темы, опирающееся в основном на византийские тексты, должны вести специалисты по письменным источникам. По археологическим данным мы можем лишь утверждать, что какое-то обьединение под началом кочевников доминировало в Поднепровье в 630-е – 660-е гг., других равных ему по важности центров в это время в степи археологически не фиксируется. Это обьединение логичнее всего соотнести с Великой Болгарией Кубрата. Вероятнее всего, появление здесь центра власти и стимулировало приток в Среднее Поднепровье оседлого неславянского населения, пришедшего с юга – из Северного Причерноморья, Подунавья и Северного Кавказа.

Не исключено, что и продвижение на восток славян – носителей пражской культуры, т.е. склавинов византийских источников, внесших свой вклад в формирование облика древностей сахновского и волынцевского типа, также было обусловлено появлением днепровского центра власти. Может быть, именно так следует интерпретировать появление пред-волынцевских памятников славянского облика с находками пастырской керпамики. Возможно, могло иметь место и движение каких- то групп склавинов с Нижнего Дуная и Карпат после распада Первого Аварского Каганата в 630 г. Вместе с ними могли появиться пост-пражские формы лепной керамики, характерные для сахновских и волынцевских древностей, известные в славянском дунайском контексте, а также некоторые элементы дунайского убора, типичные для оседлого населения (звездчатые серьги, браслеты с полыми концами, гривны с лопастями и др.). Впрочем, на сегодняшний день «классические» памятники волынцевского типа в Днепровской лесостепи датируются с начала VIII в., поэтому передвижение склавинов на восток от Днепра могло произойти и несколько позднее, после 660-680 гг.

Вторая волна военного стресса в Среднем Поднепровье начинается в 660-е – 680-е гг., вероятно, после смери Кубрата. Скорее всего, в это время погибает поселение на Пастырском и зарываются наиболее ранние клады второй группы по О.А. Щегловой, прекращается совершение захоронений перещепинского горизонта. Византийское золото после 650 г. на Днепр практически не поступает, зато солиды второй половины VII в. появляются в погребениях ко-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

чевников на Дону и восточнее. Там очевидно формируется какой-то новый центр власти, скорее всего, уже связанный с хазарами (Семенов, 1991, с. 126, 127; Комар, 2006, с. 51, 52). Не исключено, что археологически зафиксированные изменения на Днепре связаны с вторжением хазар с востока, разгромом Великой Болгарии и уходом болгар Аспаруха на Дунай (о событии подробнее: Артамонов, 1962, с. 172; Ромашов, 1994, с. 249–251).

Ситуация военной напряженности могла тянуться десятилетия[56], об этом свидетельствует дата самых поздних кладов второй группы, относящихся, как Харьевка, к началу VIII в. Трудно сказать, как её пережило неславянское население Поднепровья, оставившее памятники, объединенные в данной работе в пастырскую культуру. В степи появляются новые кочевнические погребения т.н. горизонта Романовская – Галиат, 690/710 – 720/740 гг. (Гавритухин, 2005а, с. 409–411).

Славяне же, представленные древностями типа Сахновка и Волынцево (или их непосредственными прешественниками), частично подпадают под власть хазар. Как обоснованно считают А.М. Обломский и О. А. Щеглова, видимо, в ходе хазарского завоевания и был зарыт Харьевский клад, самый поздний из второй группы (Обломский, Щеглова, 1996, с. 134). На Днепровском Левобережье форпостом хазарской власти могло стать укрепленное поселение Битица (Березовец, 1965, с. 53; Гавритухин, Щеглова, 1996б, с 134). В IX в. на базе древностей типа Сахновки и Волынцево оформляются славянские культуры типа Луки-Райковецкой на Правобережной Украине и роменско-боршевская к востоку от Днепра, принадлежавшие славянским племенам полян, древлян, уличей, северян и др. Часть из них – поляне, северяне, радимичи, вятичи – оказываются включенными в состав Хазарского каганата. Другие, как уличи, остаются независимыми от хазар, видимо не без поддержки Первого Болгарского царства, военное присутствие которого на Днепре, хотя бы эпизодическое, эпиграфически зафиксировано для 814-831 гг. (Бешевлиев, 1979, с. 212–214; Станилов, 2003, с. 48). Эту ситуацию в Среднем Поднепровье и застает русская летопись.

[56] Напомним такие события европейской истории, как Столетняя война, Тридцатилетняя война или Смутное время.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1: ТЕРРИТОРИЯ АНТОВ ПО ДАННЫМ ИОРДАНА И ПРОКОПИЯ

Тексты Иордана и Прокопия Кесарийского являются основным источником для определения территории расселения антов в VI в. Однако, эти два автора, написавшие свои труды примерно в одно и то же время, дают несколько противоречивые сведения об ареале антов.

У Иордана (рис. 30: 1) территория антов показана к северу от излучины Понта от Днепра до Днестра, притом, что по Иордану эти реки находятся одна от другой на большом расстоянии (Иордан, Getica, 36, 37) – последнее обстоятельство соответствует реалиям лесостепной зоны и не позволяет размещать антов южнее, где-нибудь в степях под Одессой или Херсоном, поскольку там расстояние между дельтами Днепра и Днестра очень невелико. К западу от Днестра Иордан размещает склавинов.

Над Понтом Иордан размещает болгар[57]. Речь, несомненно, идет о территории около византийской границы, т.е. о Северо-Западном Причерноморье, поскольку упоминаются набеги этих болгар на Империю (Иордан, Getica, 36, 37). Насколько далеко на восток простирались земли болгар, включали ли они степи не только к западу, но и к востоку от Днепра, прямых сведений у Иордана нет. Однако указание Иордана на соседство болгар с акацирами предполагает и такую возможность (Засецкая и др., 2007, с. 103, 104; Kazanski, 2010, с. 225, 226).

Акациры, степной народ, проживавший в эпоху Аттилы в отдаленных районах припонтийской Скифии (Приск, фр. 1, 2), скорее всего, где-то на восточной окраине Северного Причерноморья (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 123, 124), названы Иорданом соседями эстиев, локализуемых к востоку от Вислы. Такое странное соседство вполне обьяснимо с точки зрения позднеантичных географов, которые представляли себе Восточную Европу в виде довольно узкой по-

[57] Показательно, что греческие авторы вообще не знают болгар (см. выше), а все степное причерноморское население причисляют к гуннам. Иордан же в своем этногеографическом описании Скифии четко отделяет болгар от гуннов, к которым относятся, согласно этому автору, альциагиры, савиры, хуннугуры.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лосы суши между северным Океаном и Меотидой (Джаксон и др., 2007, с. 23). На такой карте приазовские степняки неизбежно оказывались соседями прибалтийских народов. Известно, что акациры к 463 г. были разбиты коалицией народов, пришедшей откуда-то с востока, в которую входили хунугуры (оногуры), сарагуры и уроги (угры) (Приск, фр. 8). С тех пор акациры особой роли в событиях в Северном Причерноморье не играли. Можно предположить, что они были отброшены на северную окраину степи в бассейн Дона или в междуречье Дона и Днепра (Ромашов, 2001, с. 263). Победители акацир расселяются в восточной части южнорусских степей: сарагуры где-то на Северо-Восточном Кавказе (подробнее: Артамонов, 1962, с. 62–64) а угры, судя по более поздним источникам, на Нижней Волге (Феофилакт Симокатта, VII.7.1.13).

Хунугуры, промышлявшие торговлей мехом, Иорданом не локализованы (Иордан, Getica, 36, 37). Зато у Равеннского Анонима (конец VII – начало VIII вв.), использовавшего описание Скифии Иордана (он сам об этом говорит), страна Оногория находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота («Космография» Равеннского Анонима, IV.2). На этом основании хунугуров принято размещать в Северо-Восточном Приазовье, близ устья Дона (Altheim, 1952, p. 205). Не исключено, что в течении VII в. их территория могла сместиться к востоку от Дона и Азовского моря, где, вроде бы, их знает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар-пришельцы» (Артамонов, 1962, с. 167–169; Гадло, 1979, с. 58, 69). Локализация хунугур/оногур на Северном Кавказе ранее VII в., также предлагаемая исследователями (Гадло, 1979, с. 58, 69; Божилов, Димитров, 1995, с. 21; Ромашов, 2001, с. 288) вряд ли может быть принята, поскольку она, по сути, исключает участие в торговле мехом, который мог поступать только с севера, из лесной зоны (Kazanski, 2010, p. 225, 226).

У Прокопия Кесарийского (рис. 30: 2) анты обитают от территории недалеко от Нижнего Дуная, где с начала царствования Юстиниана отмечена их ежегодная военная активность (Прокопий, Тайная история, 18.20; Прокопий, Война с готами, III.14.1–2), и до пределов утигур (Прокопий, Война с готами, IV.4.9). Последние, как указывает Прокопий, проживали к востоку от Боспора Киммерийского и Танаиса (Дон или Донец) (Прокопий, Война с готами, IV.4.7–9, 5.15–21). Переход через Танаис знаменовал начало войны между утигурами и кутригурами (Прокопий, Война с готами, IV.18.22). При этом утигуры контролировали и северный участок черноморского побережья Кавказа, поскольку готы-тетракситы, проживавшие в районе современной Цемесской бухты, привлекалились утигурами для войны против кутригур (Прокопий, Война с готами, IV.18.22).

Представляется, что несоответствие между данными Иордана и Прокопия обьясняется их разницей во времени. Иордан дает этногеографическое описание Скифии между 490-ми и 520-ми гг., скорее всего, заимствованое у Кассиодора или какого-нибудь другого автора[58]. Действительно, он говорит о болгарах, впервые появившихся на северном рубеже Империи в 480 г. по приглашению императора Зенона для борьбы с остроготами (Артамонов, 1962, с. 80). Это дата и должна определять *terminus post quem* этногеографии Иордана. Болгары совершают ряд опустошительных набегов на Дунай в 491, 499, 502, 530 и 537 (Артамонов, 1962, с. 80, 81), что и отразил Иордан, но он не знает кутригур и утигур, доминировавших в понтийских степях в 550-е гг. Поскольку Иордан прямо говорит о враждебных действиях болгар, дата составления данного текста может быть отодвинута ко времени после 491 г. *Terminus ante quem* определяется сообщением об антах за Днестром. До 527 г. анты на Империю нападают лишь эпизодически, их на Дунае, видимо, еще тогда не было. Единственный серьезный поход за Дунай анты совершили при Юстине, т.е. в 518-527 г., но были разбиты (Прокопий, Война с готами, III.40.6). Их ежегодные нападения начинаются с началом царствия Юстиниана в 527 г. (Прокопий, Тайная история, 18.20), что возможно лишь при проживании недалеко от границы. Напомним еще раз о находках пеньковской керамики на поселениях к северу от Нижнего Дуная, а также на северной границе буджакского степного коридора (рис. 2). Видимо, географическое описание Иордана создавалось еще до того, как анты стали постоянным источником военной опасности на дунайском берегу, то есть ранее 527 г. Носители пеньковской культуры к востоку от Днепра – пеньковские памятники там известны уже в гуннское время (Горюнов, 1981, с. 79, 80) – видимо, по каким то причинам в 480-е- 520-е гг. еще не входят в антское обьединение

[58] Об этнополитической ситуации в черноморских степях в V в. см. (Засецкая и др. 2007, с. 102–105; Kazanski, 2010, p. 225, 226).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

или же просто Кассиодор не располагал о них какой-либо информацией.

Прокопий же, скорее всего, описывает ситуацию 540-х – 550-х гг., когда анты представляют реальную силу на Нижнем Дунае. Их последний большой набег на Империю имеет место в 545 г. (Прокопий, Война с готами, III.14.11). С антами идут переговоры, видимо, закончившиеся заключением военного союза: анты должны занять крепость Туррис (где-то на Нижнем Дунае, точная локализация не установлена) и не пропускать к византийской границе других варваров (Прокопий, Война с готами, III.14.31)[59]. С 545 по 552 г. активные военные действия против Византии на Дунае ведут уже не анты, а склавины (Прокопий, Война с готами, III.13.24, 29.1, 2, 38.1–23, 40.1–3, 31–45, 4.25.1–5). Прокопию также хорошо известны кутригуры и утигуры, военно-политическая активность которых начинается около 550 г., но он не упоминает болгар, ничем себя особенно не проявивших между 537 и 559 гг.[60] В 547 г. в Константинополь прибывает посольство от северокавказских готов – тетракситов, сообщившее подробную информацию о Северо-Восточном Причерноморье, в частности, о северопричерноморских «гуннах» (Прокопий, Война с готами, IV.4.12, 13). Скорее всего, именно тогда Прокопий и получает информацию о расселении утигур к востоку от Меотиды и Танаиса, а также о соседстве утигур с антами. Видимо, у Иордана, а точнее у его предшественников, такой информации еще не было. Возможно и другое обьяснение появления антов к восток от Днепра в тексте Прокопия – к этому времени пеньковское население Днепровского Левобережья, ранее сохранявшее по каким-то причинам обособленность, присоединилось к своим антским родственникам. В целом, информация Прокопия о расселении антов от Нижнего Дуная до бассейна Дона хорошо соответствует ареалу памятников с пеньковской керамикой (ср. например: Teodor, 1994, fig. 1; Приходнюк, 1998, рис. 1–6).

[59] Исход переговоров неизвестен, однако пеньковская керамика появляется в материалах нижнедунайских крепостей (см. выше).

[60] После 537 г. нападение болгар на Фракию упоминается Виктором Тунненским для 559/560 гг. (Victor Tonnannensis episcopi chronca, 560), когда труды Прокопия уже были написаны.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2: «ДРЕВНОСТИ АНТОВ»

С пеньковской и колочинской культурами (рис. 1) связан устойчивый убор так называемых антских древностей (свод на 1970-е гг.: Корзухина, 1996; краткая историография: Szmoniewski, 2010, с. 76–82), лучше всего известный по кладам первой днепровской группы согласно классификации О.А. Щегловой (Щеглова, 1990, с. 176). Его составляют характерные пальчатые зооморфные и и антропозооморфные фибулы, спиральные височные кольца, металлические венчики, гривны, браслеты с расширенными или расплющенными концами, т.н. геральдические гарнитуры многочастных поясов, бусы, пластинчатые подвески и др. (рис. 5). Предварительно выделяется несколько локальных групп этого убора (Гавритухин, Щеглова, 1996а, с. 56, 57)[61]. Вещи, аналогичные найденным в кладах, неоднократно встречались на пеньковских и колочинских памятниках (Щеглова, 1990, рис. 1; Родинкова, 1996б).

Показательно, что некоторые клады найдены на поселениях: клад Вильховчик был обнаружен в пеньковском лепном сосуде на пеньковском поселении, а клады Гапоново и Велики Будки найдены на колочинских поселениях, последний – непосредствено в одной из построек. Таким образом идентификация этих древностей как антских, восходящая еще к А.А. Спицыну (Спицын, 1928) не представляется столь уж архаичной, по крайней мере, для территории пеньковской культуры[62]. Исходя из принципов, при-

[61] Примечательно, что зоны этих локальных вариантов не соотносятся с границей пеньковской и колочинской культур, фиксируемой по распространени характерной керамики.

[62] Вызывает удивление сопоставление ареала днепровских кладов первой группы с территорией славянских племен северян, полян, радимичей и вятичей (Комар, 2006, с. 126), первые упоминания о которых в письменных источниках относятся к гораздо более позднему времени, в лучшем случае, к концу IX – X вв. Некоторые филологи склонны относить этнонимы «поляне» и «северяне», зафиксированые летописью, к более раннему времени (Хабургаев, 1979, с. 184–190), однако их гипотезы нуждаются в подтверждении конкретными упоминаниями этих народов в письменных источниках, имеющих отношение к Восточной Европе. Однако, некоторые параллели названиям летописных племен, всё же, зафиксированы для балкано – дунайских славян уже в контексте VII в.: это драгувиты из Чудес Св. Дмитрия Солунского, северяне, упоминаемые Феофаном и Никифором в истории Аспаруха и, возможно, хорваты, этногенетиче-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нятых в археологической терминологии, этот убор, типичный для кладов первой группы по О.А. Щегловой, уместнее всего называть, по эпонимному памятнику, мартыновским[63] (Гавритухин, 2005а, с. 388).

Как это свойственно любой варварской культуре, мартыновский убор имеет различные истоки. Отчетливо видны его восточногерманские корни (Щеглова, 1999). Так, пальчатые фибулы являются здесь восточногерманским, и более конкретно готским и гепидским заимствованием (Вернер, 1972, с. 104; Гавритухин, 2004, с. 209; Мастыкова, 2008, с. 367, 368; Curta, 2009; Гавритухин, 2011а, с. 477–479; Курта, 2011; Curta, 2012)[64]. Их прототипы попадают в Поднепровье уже в позднем V – раннем VI вв. В частности, одна из фибул (рис. 31: 3) в погребения в с. Мартыновка (о погребениях – ингумациях см. ниже) явно восходит к гепидским образцам конца V в. из Закарпатья и Трансильвании (Csallány, 1961, Taf. 108: 1, 204: 14, 206: 1, 2). Вторая фибула из того же погребения (рис. 31: 4), как и ее дериват, найденный на пеньковской територии у с. Деринковец (Корзухина, 1996, табл. 79: 4) также имеют параллели у гепидов (ср. Csallány, 1961 Taf. 219: 2, 9, 10, 270: 1, 2, 4; Bóna, Nagy, 2002, Taf. 48: 154.1). Фибулы с растительным декором из Княжей Горы и клада из Больших Будков, а также из Чапаевки (рис. 31: 5–8), скорее всего, тоже являются гепидскими по происхождению (ср. Barzû, 1991, Abb. 3:9; Harhoiu, 1998, Taf. 101: A.1, B, C, F). Присутствует германская дунайская фибула VI в. и в паре застежек, обнаруженной в погребении Буды-Березовка (рис. 31: 1, возможные прототипы: Bierbrauer, 1975, Taf. 78: 2, 34; Csallány, 1961, Taf. 200: 3, 4). Двухщитковые малые фибулы, предшественники антропозооморфных, представленные в уборе типа Мартыновка, также восходят к восточногерманским, вероятно дунайским, образцам (Амброз, 1993; Приходнюк, 2005, рис. 97; Родинкова, 2006)[65].

Исследователи также неоднократно отмечали византийские истоки многих элементов убора из кладов первой группы. Это подвязные фибулы с пластинчатой спинкой (Горюнов, Казанский, 1978) (рис. 32: 1), антропозооморфные фибулы (Амброз, 1993) (рис. 32:7), антропоморфные и зооморфные фигурки (рис. 32: 2) (Щеглова, 2010) и, разумеется, «геральдические» поясные наборы, отражающие ромейскую военную моду, возникшую в эпоху Юстиниана (Balint, 2000 ; Schmauder, 2000). Среди последних необходимо, в первую очередь, отметить металлические гарнитуры с растительным гравированным декором (Мартыновка, Хацки, Вильховчик: рис. 32: 12, 17–26,), со штампованным декором (Мартыновка: рис. 32: 3, см. выше), с частым прорезным декором, имитирующим гравировку в виде «точка-запятая» (Хацки: рис. 32: 4–6), последний широко распространен в византийской зоне от Сирии до Италии (Kazanski, 2003, p. 47, там же библиография), со стилизованными изображениями дельфинов (Мартыновка, Вильховчик, Козьевка: рис. 32: 8–11, 13–16). В лангобардских древностях, для которых разработана устоявшаяся хронология, и которая легко проверяема благодаря многочисленным аналогам в меровингских и аламанских древностях, прямые прототипы поясов из антских кладов распространяются, как мы увидим, уже в 570-е – 620-е гг. (Jørgensen, 1992, fig. 12). Вряд ли речь идет о прямых контактах Поднепровья с Италией, скорее всего, эти параллели отражают влияние об-

скую легенду которых пересказывает Константин Багрянородный. Поэтому, в конечном итоге не исключено, что некоторые названия славянских летописных племен восходят к более раннему времени, но такое утверждение требует развернутой аргументации.

[63] В венгерской археологии эти древности, также получившие там название «мартыновских» были приписаны степным кочевникам (Fettich, 1937). При этом никакой археологической аргументации для обоснования этой точки зрения предложено не было, если, конечно не принимать во внимание рассуждения о дебильности других возможных «претендентов» на эти древности – славян. В целом, популярность данной гипотезы среди зарубежных археологов была обусловлена весьма специфической политической ситуацией 1930-х – 1940-х гг. в Центральной Европе. Впоследствии, в 1950-е гг., в советской археологии эти древности, столь же бездоказательно, и опять-таки в духе времени, были приписаны гипотетическим русам VI в. (Рыбаков, 1953), хотя эта точка зрения, всё же, не получила широкого распространения среди советских археологов (ср. Корзухина, 1955; Артамонов, 1969).

[64] Нам ничего не известно о каких-либо контактах антов с германцами, однако они в принципе возможны. Так, соглашения военно-политического характера явно существовали у герулов и гепидов со склавинами, поскольку они пропускали друг друга через свою территорию (Прокопий, Война с готами, II.15, IV.25).

[65] Наряду с импортными пальчатыми фибулами, И.О. Гавритухин выделил для лесостепного Поднепровья и местные формы – имитации или развитие восточногерманских образцов, «подготовившие почву» для появления пальчатых фибул типичных для кладов круга Мартыновки (Гавритухин, 2004, с. 209; 2011а).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

щей византийской моды. Наличие в Мартыновском кладе византийского серебряного сосуда, изготовленного в 577 г. (Pekarskaja, Kidd, 1994, p. 36–38) подтверждает реальность византийско-антских контактов. Эти контакты прослеживаются и по наличию в Поднепровье византийских импортных изделий (Корзухина, 1996, табл. 8: 4, 9; 10: 1; 42: 11; 91: 26; 93: 7, 8; 95).

Влияние культуры степных народов проявляется, как мне кажется, в присутствии в поясных гарнитурах гладких полых наконечников (Мартыновка, Козиевка, Гапоново, Трубчевск: рис. 4: 1–4), широко представленных, например, у авар. Возможно, степной модой обьясняется и находка в Мартыновском кладе скоб от ножен меча или кинжала в форме Р (рис. 34: 5, 6). Такие скобы известны в Китае во второй половине VI в. (Залесская и др. 1997, с. 157; Koch, 1998; Koch, Wenzel, 2000). Предполагается возможность и их более раннего появления, еще в первой половине VI в. (Koch, 1999, S. 419; Засецкая и др., 2007, с. 85–89). Р – образные скобы получают широкое распространение Средней Азии и Иране, у степных народов, а также появляются на Кавказе, в бассейне Оки, в Прикамье, у лангобардов (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 119–126; Хрисимов, 2009, с. 19).

Женский убор кладов мартыновкого круга (рис. 5; 33), сочетающий многочисленные пластинчатые подвески, браслеты с расширенными концами и гравированным декором, гривны, металлические венчики, проволочные височные кольца, по происхождению, скорее всего, связан с культурной традицией населения лесной зоны, где он хорошо представлен в позднеримское время и в эпоху переселения народов (киевская, мощинская, позднедьяковская, тушемлинская культуры и их вариации) (Корзухина, 1978; Максимов, Терпиловский, 1993, с. 113, 114; Обломский, Терпиловский, 2007, с. 118–120; Родинкова, 2007[66]; Лопатин, Фурасьев, 2007а, с. 60; Лопатин, Фурасьев, 2007б, с. 280, 281; Обломский, Радюш, 2007, с. 36–38; Левада, 2010; Boulitchov, 1900, p. 15–19; Смирнов, 1974, с. 49–57; Розенфельдт, 1982, с. 58–124[67]; Шмидт, 2003, с. 80–88; Шадыра, 2003, с. 65–68 и др.).

Время появления мартыновского убора является предметом дискуссии. О.А. Щеглова полагает, что наличие в кладах первой группы вещей византийского происхождения является результатом военных контактов славян с Византией во второй половине VI в. Поэтому она датирует время формирования набора вещей из этих кладов не позднее конца VI в. Время же сокрытия кладов первой группы происходило, по О.А. Щегловой, не позднее второй половины VII в. в контексте миграции болгар в западном направлении, закончившейся на Нижнем Дунае в 679-680 гг., что, по сути, и определяет *terminus ante quem.* Более конкретно время выпадения в землю кладов первой группы может быть приурочено к середине VII в. (см. выше) и связано с вторжением болгар в Среднее Поднепровье, в эпоху Кубрата и Великой Болгарии (Щеглова, 1990, с. 179–181). Близкую позицию занял и Ф. Курта, отметивший распространение пальчатых днепровских фибул уже в конце VI в. В своих выводах он опирался, во-первых, на хронологию некоторых византийских элементов металлического убора, представленных в днепровских кладах мартыновской группы и, во-вторых, на датировку крымских орлиноголовых пряжек, предложенную И.П. Засецкой (см. ниже) (Curta, 2009, p. 61; Курта, 2011, с. 159–163; Curta, 2012, p. 12–23). В целом, такая хронология появления и начала распространения мартыновского убора – конец VI в. – соответствует нашей точке зрения, высказанной в свое время (Горюнов, Казанский, 1981, с. 14), разделяется она и авторами книги о Гапоновском кладе (Гавритухин, Обломский, 1996, p. 146). Постараемся конкретизировать обоснование этой даты.

В этом смысле показательны даты наиболее ранних находок некоторых типов поясной гарнитуры, представленной в днепровских кладах. Обращают на себя внимание металлические элементы со стилизованными изображениями дельфинов, не всегда правильно понятыми древними мастерами. Такие вещи, как уже говорилось, имеются в кладах Вильховчик и Козьевка, удаленный дериват представлен в Мартыновке (рис. 32: 8–11, 13–16). Днепровские бляхи и наконечники с дельфинами очень близки итало-лангобардским гарнитурам типа Jørgensen VGD, относящимся к первой фазе лангобардских девностей, т.е. 570-х – 580-х гг. (Jørgensen, 1992, p. 109, fig. 12). Бляхи со стилизованными изображениями дельфинов иногда встречаются у лангобардов в закрытых комплексах вместе с пояса-

[66] Непонятно, правда, почему в данной работе на рис. 16: 5 убор с парными эмалевыми фибулами, традиционнно считающийся типично женским, использован, вслед за Е.Л. Гороховским, для реконструкции мужского костюма.

[67] Абсолютные датировки вещей, предлагаемые в этой работе, являются слишком поздними и сейчас пересматриваются.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ми 550-х-590-х гг., имеющими прорезной декор типа Садовец (напр. Арциза [Arcisa], погр. 2, 5: Von Hessen, 1971, Tav. 4: 1–12; 10: 1–7; Kazanski, 2003, fig. 23), что подтверждает раннюю дату этого типа гарнитуры. Италийские и днепровские пояса явно принадлежат средиземноморской художественной традиции, где изображения дельфинов встречаются очень часто (см. напр. Eger, 2003).

С точки зрения византийского происхождения убора показательны находки таких поясов не только в Италии, на западной границе Византии, но и на восточной византийской периферии. В Сирии пряжку с дельфинами И. Вернер отнес, правда, без приведения аргументации, к позднему VI – раннему VII вв. (Werner, 1986, S. 56, Abb. 15: B)[68]. Дериват накладки того же стиля встречен и на северном византийском пограничье в погр. 449 крымского могильника Скалистое, содержавшего несколько ингумаций (Веймарн, Айбабин, 1991, рис. 59: 12). Гарнитуры со стилизованными дельфинами известны и позднее, в первой трети VII в. Так, гарнитура, включающая бляхи со стилизованными дельфинами и элементы пояса с растительным декором (см. ниже) найдена в аварском погребении 9 на одном из могильников в Кишкереш (Koskörös) (Fettich, 1951, Taf. 22: 11–15). В том же погребении имеются и розетки-накладки (Fettich, 1937, Taf. 126: 2,23), типичные для несколько более позднего времени – yfpjdtv погр. 1 в аварском некрополе Хайдудорог (Hajdudorog), с монетой Ираклия 610-613 гг. (Garam, 1992, Taf. 38: 15; Somogyi, 1997, Kat. 27) и уже упоминавшееся погр. 2 в могильнике Кишзомбор О (Kiszombor O), с монетой Фоки, 603-607 гг. (Garam, 1992, S. 142, Taf. 22: 3, 4; Somogyi, 1997, Kat. 36).

Элементы поясных гарнитур с гравированным растительным декором или его имитацией происходят из кладов Мартыновка, Хацки, Вильховчик (рис. 32: 2, 17–26). В лангобардской Италии они встречаются в закрытых комплексах вместе с накладками типа Jørgensen VGD с изображениями дельфинов, о которых шла речь выше (напр. Ночера-Умбра [Nocera-Umbra], погр. 18: Werner, 1974, Taf. 2: 13–20 и погр. 146: Menghin, 1985, Abb. 146) Последние, как мы видели, типичны для 570-х – 580-х гг., что, видимо, и является временем поясов с растительным декором. Мода на них бытует и в первой половине VII в., об этом свидетельствует уже упомянутое изделие из Кишкереш, а также находка наконечников с гравированным декором вместе с накладками-розетками (см. выше) в погр. 1140/B некрополя Замарди-Ретифёлдек (Zamárdi-Rétoföldek) (Bárdos, Garam, 2009, Taf. 130: 5–10, 29–34; 180: 2).

Гладкие коробчатые наконечники ремней с валиком на окончании представлены в кладе Мартыновка (рис. 34: 14). В лангобардской Италии такие вещи найдены в погр. 5 могильника Арциза (Arcisa) вместе с меровингской пряжкой VI в. со щитовидным основанием массивного язычка, а также вместе с ременными наконечниками типа Садовец, о которых уже шла речь (Von Hessen, 1971, Tav. 10: 4, 5). В Будапеште такой наконечник обнаружен в погребении аварского времени вместе с узкопластинчатой балкано-дунайской фибулой (Pusztadombi út 12, погр. 9) (Nagy, 1998, Taf. 33: 20, 21). Дата таких фибул по контекстсу балкано-дунайского региона не выходит за рамки VI в. (Ivanišević et alii, 2006, p. 18–20). Впрочем, пояса с подобными наконечниками существовали и позднее в VII в., когда они довольно часто встречаются в аварских погребениях.

Видимо, довольно рано возникают и геральдические гарнитуры с прорезным орнаментом, представленные в кладах типа Мартыновка. Уже упоминались элементы поясной гарнитуры из клада Хацки, прорезной декор которых имитирует византийский орнамент «точка-запятая» (рис. 32: 4–6). Такая же имитиация в прорезном декоре отмечена и на другом конце византийской ойкумены – на поясной гарнитуре в «вождеском погребении» Пышта – Верхняя Эшера в Абхазии (Воронов, Бгажба, 1979; Kazanski, Mastykova, 2007, pl. 11: 1-4). Геральдические поясные наборы из элементов, украшенных гравированным декором в виде точек и запятых, существуют довольно долго. В Италии они известны уже во второй половине VI в. Об этом свидетельствует находка наконечника этого стиля в погребении «T» лангобардского некрополя Кастель-Трозино (Castel-Trosino), вместе с так называемой «средиземноморской» пряжкой фаз 2 и 3 раннемеровингского периода (Kazanski, 2003, p. 47, fig. 15: 17, 18; Paroli, Ricci 2007, Tav. 23: 5, 6).

В мартыновских поясах встречаются ременные наконечники с заостренными боковыми выступами, с прорезным декором и без него,

[68] Еще одна поясная гарнитура со стилизованными изображениями дельфинов происходит откуда-то из Дейламана (Bálint,1992, Taf. 2: 2–5, 13, 14). Такие бляхи с дельфинами Ч. Балинт почему-то считает характерными только для сасанидского Ирана (Bálint, 1992, Taf. 54: B).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

т.н. типа Агафоново (Гавритухин, 1996а, с. 90). Такие наконечники известны во второй половине VI в. Об этом свидетельствуют находки формочек для изготовления подобных вещей в контексте третьего слоя Царичен-Града (рис. 35). Формирование этого слоя, судя по монетам, было особенно интенсивным после середины 570-х гг. в эпоху Юстина II – Маврикия и закончилось к 602 г. (Bavant, 1990, p. 220, pl. 38: 208–210). Напомним, что городское поселение в Царичен-Граде погибло в 614 – 615 гг. Еще одна формочка из Каппадокии, в коллекции Британского музея (рис. 36), использовалась для изготовления как наконечников с боковыми выступами, так и накладок типа Сучидава (Sucidava) (Bavant, 2005, p. 629–633, fig. 1,2), Накладки и пряжки типа Сучидава и их дериваты датированы серединой –второй половиной VI в. (Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 146–158; Kazanski, 2003, p. 41, 42; Bavant, 2005, p. 633, 634; Ivanišević et alii, 2006, p. 24, 25 и т.д.)[69].

Наконец, наконечники с боковыми вырезами и прорезным декором, известные в кладах круга Мартыновки, несомненно существовали уже во второй половине VI в. Они были обнаружены в склепе 107 некрополя Скалистое (Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 5: 9, 14, 15) на костяке вместе с пряжкой Сучидава (рис. 37: 2, 5–7), дата которой уже указывалась выше.

Итак, рассмотрение некоторых элементов днепровской ременной гарнитуры и их прямых прототипов показывает, что они распространяются уже во второй половине – конце VI вв., что, видимо, и является датой формирования наборов, показательных для кладов первой группы.

Некоторые другие элементы днепровского убора, имеющие интернациональный характер, также появляются достаточно рано. Например, умбоновидные подвески, встреченные в днепровских левобережных кладах Козиевка, Суджа, Гапоново (рис. 5: 27, 39, 33) и известные также Италии, в Крыму и в Мазурском Поозерье, видимо, отражают общую византийскую моду (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 47, 48). Интересно, что в Крыму они найдены в одном уборе с днепровскими фибулами (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 146). В лангобардской Италии в погр. 5 могильника Галло (Gallo) (I Langobardi, 1990, X. 49, p. 389–395) умбоновидные подвески встречены вместе с пальчатой и S-видной фибулами, типичными для второй половины VI в. (Jørgensen, 1992, Fig. 5, BF4a, SF). У западных балтов ольштынской группы умбоновидные подвески[70] найдены в погр. 102 могильника Тумяны (Tumiany/Daumen) (рис. 38) вместе с фибулой, украшенной кольчатой гарнитурой периода E2 (520-610/625 гг.) и пряжкой периода E2b западнобалтской хронологии (570 – 610/625 гг.)[71]. Погребения ольштынской группы периода E содержат заметное количество фибул и пряжек меровингской традиции, имеющих надежную датировку в западноевропейском контексте и поэтому хронологию западнобалтских закрытых комплексов следует признать обоснованной.

Проволочные подвески с двумя волютами, хорошо известные в днепровском контексте (напр. рис. 5: 25, 33–35), существуют в Восточной Европе очень давно, с бронзового века (Егорейченко, 1991). Что касается интересующей нас эпохи, то в погр. 135 могильника Ментке ольштынской группы (Кулаков, 1989, рис. 10: 3), такие подвески были найдены вместе с трехпалыми фибулами, характерными для периода E2a западнобалтской хронологии, т.е. для 520–570 гг. Бытуют они здесь и позднее. В погр. 30, 73, 102 могильника Тумяны (Tumiany/Daumen) (рис. 38), а также в погр. 8, 80a, 94 могильника Келлары (Kellaren) такие подвески найдены вместе с фибулами и поясной гарнитурой характерными для периода E2b, т.е. 570 – 610/625 гг. (Jakobson, 2009, Taf. 14: i.1; 45: c; 62: e; 113: h; 167: d; 178: e). Очень раннюю дату могут иметь и некоторые типы пластинчатых подвесок, а также браслетов из кладов мартыновского горизонта, но эти категории вещей остаются в Восточной Европе не изученными в достаточном обьеме.

Зооморфные фигурки-аппликации, принадлежащие византийской традиции, хорошо известные по находкам в пеньковской зоне, как в кладах, так и на поселениях (Щеглова, 2010), также появляются сравнительно рано. Об это свидетельствует находка в Галайты в Чечне (Багаев, 1977, рис. 1: 4). Судя по накладкам седла, га-

[69] Иногда предполагается, что пряжки и накладки типа Сучидава бытовали и в первые десятилетия VII в., но ни один закрытый комплекс, бесспорно подтверждающий такую датировку, пока не выявлен.

[70] Как правило, в Среднем Поднепровье умбоновидные и проволочные подвески выглядят крупнее, чем на других территориях. Это, видимо, обьясняется местной адаптацией общей моды.

[71] О состоянии западнобалтской хронологии см. (Скворцов, 2010, с. 180–188).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лайтинская находка, скорее всего, «вождеское» погребение. Оно относится к постгуннскому времени, т.н. горизонту Шипово, т.е. к 430/470 – 530/570 гг. (Казанский, Мастыкова, 2010, с. 160). Есть и более ранние находки таких аппликаций (см. подробнее: Щеглова, 2010).

Показательно, что в 600-е – 620-е гг. элементы днепровского убора и их дериваты уже попадают в инородную среду – в Мазурское Поозерье и в Юго-Западный Крым.

В Юго-Западном Крыму самые ранние днепровские фибулы появляются в могильнике Суук-Су уже в пределах 600-625 гг. (Фурасьев, 2010, с. 135). Это, в частности, погребения 28 и 86 могильника Суук-Су, где разные днепровские пальчатые фибулы быди найдены вместе с орлиноголовыми пряжками типа Засецкая IIБ. Последние по находке в могиле 77 того же памятника вместе с монетой 598-602 гг. относятся к концу VI – началу VII вв. (Засецкая, 2005, с. 64, 67). К близкой дате появления днепровских фибул в Крыму (конец VI – первая четверть VII в.) склоняются также А.И. Айбабин и Э.А. Хайрединова (Айбабин, 1999, табл. 29; Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 12).

В ольштынской группе в погребении 148 могильника Тумяны (рис. 39), найден миниатюрный дериват днепровской зооморфной фибулы (Jakobson, 2009, Taf. 78: a). Дата погребения определяется по пряжке меровингского стиля (Jakobson, 2009, Taf. 78: b). Их дата – 560/570 – 630/640 гг., а пик их распространения приходится на 580-е – 610-е гг. (Legoux et alii, 2009, n° 157–159; Koch, 2001, Abb. 24 – Sd-Phase 7, т.е. ок. 580-600 гг). В западнобалтской хронологии такие пряжки относят к периоду E2в, т.е. к 570 – 610/625 гг.

Одна из вариаций малых дунайских фибул типа Марош-Гымбаш – Пергамон (Werner, 1950; Гавритухин, 1991) представлена, как уже говорилось, в кладе из постройки на колочинском поселении Большие Будки (рис. 40: 1). Близкая параллель происходит из погр. 74 на могильнике Келлары (рис. 40: 2-8), где она сопровождалась балтским поясом периода E2b, т.е. 570 – 610/625 гг. (Jakobson, 2009, Taf. 161: a–d)[72]. В целом, фибулы типа Марош-Гымбаш – Пергамон считаются в ольштынской группе показательными именно для этого периода (Kowalski, 1991, Abb. 4: 2; Hilberg, 2009, S. 291–303).

Наконец, вспомним фибулу днепровского типа с циркульным орнаментом из Юстинианы Примы – Царичен Града, погибшего в 614-615 г. Но в данном случае речь, всё же, идет не о закрытом комплексе, а о находке в портике Южной улицы Верхнего города (Кондић, Поповић, 1977, табл. 2: 10; Popović, 1984, p. 175, 176, fig. 188).

Важно подчеркнуть, что практически все названные элементы днепровского убора бытуют довольно долго, по крайней мере, до 640-х – 660-х гг. Но, в то же время, все они уже существуют в 560-е – 600-е гг. Поэтому отнесение времени формирования убора к VII в. (Обломский, 2007, с. 4) мне представляется необоснованным. Скорее всего, период его сложения соответствует 560/570 – 590 гг. Пик распространения этих вещей, видимо, приходится на 590-е – 640/650-е гг.

Примерно этому же периоду, в целом, соответствуют находки основной массы вещей мартыновского типа в закрытых комплексах вне Среднего Поднепровья. В погребении 55 крымского могильника Суук-Су днепровские фибулы были найдены вместе с крестообразной пряжкой типа D22 по М. Шульце-Дерламм (Репников, 1906, табл. 6: 6; 10: 4). Эти пряжки, в целом, относят к 590-660 гг. В качестве опорных служат, в частности, находки с монетами 611 – 613/614 в погребении на о. Самос и из слоя с монетами первой половины VII в. в Анемориуме (Киликия) (Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 197).

Широкую известность получили находки в склепе 257 крымского могильника Эски-Кермен (рис. 41) (Айбабин, 1982). Здесь было обнаружено девять захоронений, из них два – с монетами: погр. 6 с монетой 629/630 – 641 гг. и погр. 4 с монетой 668-685 гг. В погребении 6 этого склепа

[72] Эти две фибулы отнесены И.О. Гавритухиным к разным вариантам типа Маро-Гымбаш – Пергамон (Гавритухин, 1991, с. 133, 134, табл. 2: 8, 11), но в его статье перепутаны ссылки на рисунки, что отразилось и на неверных атрибуциях в тексте. В ходе обсуждения моего текста И.О. Гавритухин уточнил: на табл. 2: 11 цитированной выше статьи изображена фибула из погр. 529 могильника Коссево, на табл. 2: 12 – из погр. 74 в Келларах. По мнению И.О. Гавритухина, последней очень близки находки из погр. 68 того же могильника, а также с поселения Сэкуень (Sâcuieni) в Трансильвании (Teodor, 1992, fig. 6: 4; Stanciu, 2011, pl. 22: 1). Соответственно, упомянутые находки из Келлар относятся к тому же варианту Варпелево, что и пара фибул из Больших Будков. Исправление этой ошибки не меняет вывод И.О. Гавритухина (1991, с. 133, 135) о связи фибулы из Больших Будков именно с мазурскими традициями, причем в рамках этого варианта наиболее типологически ранние образцы представлены в Сэкуень и, как теперь видно, в Келлярах.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

была также найдена пара днепровских пальчатых фибул с орнаментом в виде волют и кружков (рис. 41: 15, 16), орлиноголовая пряжка, а также крест (рис. 41: 14), близкий найденому в погребении Келегеи, на Нижнем Днепре, с монетой 646 г. или в аварском погребении Озора (Ozora-Tótipuszta) с монетами 669-674 гг. (Garam, 1992, Taf. 73: 1; Somogyi, 1997, Kat. 56). Такой же крест происходит из погр. 15 могильника Фрайберг III (Freiberg III), где он был найден вместе с лангобардской фибулой первой половины VII и меровингской ременной гарнитурой середины VII в. (Trier, 2002, Taf. 25). В целом, дата погребения 6 с днепровскими фибулами и монетой 629/630 – 641 гг. здесь может быть определена в рамках 630 – 660/670 гг., поскольку, судя по топографии склепа, оно явно раньше погребения 4 с монетой 668-685 гг.

В погребении 131 могильника Суук-Су две днепровские зооморфные фибулы найдены вместе с византийскими и орлиноголовой пряжками уже упоминавшегося типа Засецкая II Б (Репников, 1907, рис. 105, 108, 132, 133, табл. 14: 5). Византийские пряжки принадлежат к уже известному нам типу D22, а также к типам D7 и D14 по той же классификации М. Шульце-Дёрламм. Пряжки D7 известны в византийской Палестине в баптистерии монастыря Курси-Гераза (Kursi-Gerasa), датированного временем от 582-587 до 614 г., но они, скорее всего, существовали и позже (Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 161,162). Пряжки D14 широко распространены в Средиземноморье и датируются временем от 600 по 660/670 гг., в частности, благодаря находкам в закрытых комплексах с монетами в погр. 1 лангобардского могильника Треццо сул Альда (Trezzo sull'Alda) (*terminus post quem* – 607 г.) и в погр. вышеупомянутого склепа 257 могильника Эски-Кермен (Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 181–184).

В погребении 154 все того же могильника Суук-Су днепровские пальчатые фибулы найдены с пряжкой типа Сиракузы, имеющей широкую дату (см. выше) и орлиноголовой пряжкой (Репников, 1907, табл. 8: 1; 10: 19; 13: 3,6). Орлиноголовая пряжка принадлежит типу Засецкая IIА, который И.П. Засецкая датирует 600-650 гг. (Засецкая, 2005, с. 64, 67), а А.И. Айбабин – приблизительно 625-700 гг. (Айбабин, 1999, табл. 29: 11, 16, 24).

В могильнике Бакла-овраг в погр. 11 две днепровские фибулы, пальчатая с циркульным орнаментом и двухщитковая типа Приходнюк IX (Приходнюк, 2005, с. 39; о них см. выше) были найдены также вместе с пряжкой типа Сиракузы (Айбабин, Юрочкин, 1995, рис. 22: 1–3).

Днепровские фибулы были найдены в целом ряде погребений могильника Лучистое в Южном Крыму. Часть из них опубликована, что позволяет судить об их возможной дате. В склепе 38 (рис. 42) днепровские фибулы из погребений 8 и 9 слоя III отнесены ко второй четверти VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 19), что не противоречит имеющемуся там сопутствующему материалу (ременная гарнитура с гравированным декором, серьги с полиэдрической подвеской, орлиноголовая пряжка, браслеты), хотя дата может быть несколько шире и охватывать поздний VI в. В склепе 36 (рис. 43) днепровские фибулы из погр. 9 и 14, отнесены авторами публикации к первой половине VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 18), что формальных возражений не вызывает. В склепе 186 датировка днепровских фибул из погр. 3 второй половиной VII в., видимо, обуславливается присутствием здесь монеты Константа II, 647-648 г. (Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 22), хотя можно говорить и о середине – второй трети VII в., чему не противоречит и датировка остального инвентаря (орлиноголовая пряжка, серьги с многогранником). Сложнее уточнить дату фибул из слоя III склепа 54 (рис. 44). По сопутствующему инвентарю они могут относиться как к позднему VI, так и к VII вв.

В погр. 12 склепа 238 пара днепровских фибул (рис. 45: 25) находилась на скелете вместе с пряжкой типа Трапезунд (рис. 45: 20), последние по составу монетно – вещевого клада в Мерсине (монеты 613-630 гг. и крест как в Келегеях, Эски-Кермен и Фрайберг, см. выше) могут быть датированы 630-ми – 660-ми гг. (Kazanski, 2003, p. 38). Поэтому датировка данного погребения второй четвертью VII в., предлагаемая авторами публикации Лучистого, представляется приемлимой. Сложнее обстоит дело с точной привязкой погребения 6 из горизонта II того же склепа. Оно отнесено А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой ко второй половине VII в. по стратиграфическим данным (Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 13), одноко вещей, узко датированных этим временем, данное захоронение не содержит. Прорезные элементы ременной гарнитуры, а равно и ромбические зооморфные пряжки из этого слоя (рис. 45: 16), вряд ли позднее 660-х – 670-х гг. Перекрывают его погребения с византийскими пряжками типа Сиракузы, об их широкой дате речь уже шла.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Погребение 14 на будапештском могильнике Чепель-Харош (Csepel-Háros) (Nagy, 1998, Taf. 171: 1, 2, 5), содержало довольно поздние серьги с шариками и зернью (см. ниже) и пальчатую днепровскую фибулу с циркульным орнаментом (рис. 46). В погр. 388 могильника Келкед-Фекетекапу А, зооморфная днепровская фибула сопровождалась такими же серьгами с крупным шариком и наконечником аварского ремня, украшенного «плетенкой» (Kiss, 1996, Taf. 76:3, 5, 6). Последние появляются, самое позднее, в конце VI в. (см. погр. 85 могильника Келкед-Фекетекапу Б, с такой же ременной гарнитурой, византийской литой арбалетной фибулой второй половины VI в. и пряжкой меровингской традиции 560/570 – 630/640 гг.) (Kiss, 2001, Taf. 29: 8, 30: 40, 45) и существуют до второй трети VII в. Итак, вышеперечисленные находки в закрытых комплексах подтверждают предлагаемую здесь оптимальную дату широкого распространения мартыновского убора – 590-е – 640е/650-е гг.

Остановимся на вопросе социальной атрибуции кладов мартыновского типа. А.М. Обломский соотносит клады из Мартыновки, Козиевки-Новой Одессы, Гапоново, Суджи с местной знатью пеньковской и колочинской культур (Обломский, 2007, с. 10). Однако, единственный реально престижный клад, содержавший в своем составе византийскую серебряную посуду, серебряную поясную гарнитуру, фрагменты парадного клинкового оружия – это Мартыновка на Днепровском Правобережье (Pekarskaja, Kidd, 1994)[73]. Принадлежность клада населению пеньковской культуры, т.е. антам, несомненна. Он найден в пеньковском ареале и содержит женские украшения, характерные для пеньковских памятников. Современное село Мартыновка располагается, как смог воочию убедиться автор данной работы, в природно-ландшафтных условиях, типичных для пеньковских памятников. Все это позволяет, вслед за А.М. Обломским, связать Мартыновскую находку с «вождеской» культурой именно пеньковского населения т.е. антов. Для 560-х гг. наличие знати у антов засвидетельствовано и письменными источниками (Менандр Протектор, II)[74].

Другие клады и находки мартыновского круга, в основном, изделия из бронзы и низкопробного серебра[75], не имеют в своем составе особо престижных вещей, таких, как в Мартыновке, и поэтому в массе, может быть, за некоторыми исключениями[76], скорее, соотносятся со «средним классом» носителей пеньковской и колочинской культур (Щеглова, 1999, с. 290; Рябцева, 2005, с. 19). В целом, такое определение соответствует отсутствию выраженных признаков стратификации на поселениях и в погребениях среднеднепровского раннеславянского населения. Кроме того, украшения из недорогих металлов, часто довольно массивные, как, например, пальчатые фибулы, характерны для «среднего класса» и других варварских обществ, в том числе германцев Среднего Дуная (Bierbrauer, 1989а, S. 152–155; 1989б, S. 75–77), готов Юго-Западного Крыма (Амброз, 1968, с. 22), франков (Christlein, 1973) или алан и прото-адыгов Северного Кавказа (Мастыкова, 2009, с. 169–177). Показательно, что в ряде этих регионов, например, в Юго-Западном Крыму или Западном Предкавказье «вождеские» захоронения и клады того же времени пока крайне редки или неизвестны.

Если появление германских и степных элементов в мартыновском уборе обьясняется внутриварварскими контактами, о которых еще пойдет речь, то присутствие византийских элементов следует рассмотреть в рамках византийско-антских отношений. Напомним, что, по мнению О.А. Щегловой, византийская составляющая днепровских кладов отражает какие-то военные контакты славян с Империей (см. выше). Однако, в данном случае мы имеем дело не со славянами вообще, а с их конкретной группой –

[73] В кладе Суджа-Замостье, о котором информация появилась недавно (Родинкова, 2012) имеются фагменты византийской серебряной посуды (см. выше), но они там явно предназначены на переплавку.

[74] На территории славян в Восточной Европе для VI–VII вв. по степени богатства с Мартыновской находкой могут быть сопоставлены клады с серебряной посудой в бассейне Днестра: Крылос, Залесье, Великий Кочурив, находящиеся в зоне культуры Прага (Казанский, 2011а). При этом два из этих трех кладов содержали предметы женского убора, типичные, в первую очередь, для славян. Имеется и богатая находка сасанидской посуды в Хомяково в бассейне Горыни (см. выше), однако ее связь со славянским (или неславянским) контекстом требует развернутой аргументации.

[75] К сожалению, сравнительное металлографическое изучение находок из антских кладов не проводилось, поэтому данные о ценности металла, из которого сделаны вещи, пока не могут быть использованы для реконструкции социальной иерархии.

[76] В частности, к числу престижных может быть отнесена серебряная поясная гарнитура, найденная на пеньковском поселении Вильховчик. Не исключено, что это клад работавшего на местную знать ремесленника, поскольку некоторые вещи несут на себя явные следы производственного брака (Приходнюк, 1980, с. 129, рис. 61).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

антами, которые в последний раз воевали с Византией в 545 г., то есть лет за тридцать – сорок до эпохи возникновения днепровского убора. Прямые контакты антов с Империей через Дунай после 570-х гг. были возможны только на сравнительно небольшом секторе нижнедунайской границы: через Малую Скифию/Добруджу, а также через Крым.

Как мы видели, днепровские вещи в значительном количестве найдены в могильниках Юго-Западного Крыма. Исследователи даже допускают возможность производства днепровских фибул в Крыму (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 30). В то же время крымские вещи появляются на Днепре. Из Верхнеднепровского уезда происходит две боспорские орлиноголовые пряжки (Ханенко, Ханенко, 1900, табл. 51: 357), а из Никополя – орлиноголовая пряжка из Юго-Западного Крыма (Götze, 1907, Taf. B: 33). В Поднепровье имеется серия пальчатых фибул, украшенных птичьими головками, явно восходящих к керченским прототипам (Гавритухин, 1997): Княжья Гора, Каневский уезд (Корзухина, 1996, № 19, 42, табл. 79: 1, 2), Замощанская Дюна (Горюнов, 1981, рис. 14: 4)[77]. По мнению И.О. Гавритухина, некоторые пальчатые фибулы типа Удине-Планис, обнаруженные в Поднепровье, также отражают боспорское влияние (Гавритухин, 2011а, с. 486). Известны здесь и поздние дериваты больших двупластинчатых фибул (Новоселки) (Приходнюк, 1998, рис. 66: 6). Отметим, что мода на большие двупластинчатые фибулы после середины VI в. в Европе задержалась только в Юго-Западном Крыму (Амброз, 1968). Впрочем, дата фибулы из Новоселок может быть предметом отдельной дискуссии.

Видимо, эти находки свидетельствуют о налаженных контактах, которые могли принимать и форму смешанных браков. В этом случае носительницы мартыновского убора попадали в Крым, а женщины с крымскими украшениями германской традиции – на Днепр. Вряд ли передаточным звеном в распространении этих вещей были кутригуры (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 31), хотя бы потому, что в степи к югу от пеньковской зоны как днепровские, так и крымские вещи чрезвычайно редки. Да и в принципе, фибулы любого типа у кочевников V–VII вв. тюркского круга в южнорусских степях, как это уже отмечалось, полностью отсутствуют (Гавритухин, 2011б, с. 180).

[77] Возможно, и фибулы типа Гурзуф, найденные в Поднепровье, могут иметь крымское происхождение. Однако их прототипы находятся, все же, на Дунае и не исключено, что немногочисленные днепровские застежки имитируют дунайские образцы (Kazanski, 1996, p. 326).

Литература

Абрамова М.П., Магомедов М.Г. 1980. О происхождении культуры Андрей-Аульского городища // Северный Кавказ в древности и средние века. М.

Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод М.В. Левченко. М-Л. 1953.

Айбабин А.И. 1982. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.

Айбабин А.И. 1991. Келегейское погребение военного вождя. // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. София.

Айбабин А.И. 1999. Этническая история раннебизантийского Крыма. Симферополь.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2008. Могильник у села Лучистое. Раскопки 1977, 1982–1984 годов, 1. Симферополь-Керчь.

Айбабин А.И., Юрочкин В.Ю. 1995. Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1992–1993 гг.). // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь.

Аксенов В.С., Бабенко Л.И. 1998. Погребение VI–VII вв. у села. Мохнач // РА, 3. Амброз А.К. 1968. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.). // КСИА, 113.

Амброз А.К. 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // СА, 2.

Амброз А.К. 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.

Амброз А.К. 1993. К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул. // РА, 2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Ангелова С., Дончева-Петкова Л. 1992. Разпространение на т. пер. «пастирска керамика» в България. // Археология. 1. София.

Ангелова С., Колева Р. 1995. Археологически данни за ранното славянско заселвание в България. //Годишник на Софийския университет «св. Климент Охридски». Исторически факултет – специалност археология. 2. София.

Артамонов М.И. 1936. Очерки древнейшей истории хазар. Л.

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.

Артамонов М.И. 1969. Етническата принадлежност и историческото значения на пастирската култура // Археология 1969. София.

Атавин А.Г. 2008. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья. // Древности Юга России. М.

Афанасьев Г.Е. 1979. Хронология могильника Мокрая Балка. // КСИА, 158.

Афанасьев Г.Е. 1980. Керамика Мокрой Балки. //Средневековые древности евразийских степей. М.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. Дневник раскопок. 1. М.

Багаев М.Х. Галайтинский клад VI-VII вв. // СА, 2.

Багаев М.Х. 2008. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в до н.э. – XII в.н.э.) М.

Баранов И.А. 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.

Баранов И.А. 1991. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи. // Проблеми на прабалгарската история и култура. 2. София.

Безуглов С.И. 2007. О монете из Большое Орловки (к оценке датирующих возможностей) // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим.

Безуглов С.И., Науменко С.А. 2007. Курган раннехазарского времени на Нижнем Дону // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим.

Березовец Д.Т. 1963. Поселения уличей на р. Тясмине // МИА, 108. М.

Березовець Д.Т. 1965. Слов'яни і племена салтівської культури. // Археологія, XIX. Київ.

Берестнев С.И., Любичев М.В. 1991. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейне Северского Донца и Ворсклы. // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

Бешевлиев В. 1979. Първобългарските надписи. София.

Бешевлиев В. 1984. Първобълари. София.

Бобринский А.А. 1914. Перещепинский клад. // Материалы по археологии России, 34. Петроград.

Бодянский А.В. 1960. Археологические находки в Днепровском Надпорожье. // СА, 1.

Божилов И., Димитров Х. 1985. Protobulgarica (заметки по истории протоболгар до середины IX в.) // Byzantinobulgarica. 9. София.

Брайчевская А.Т. 1963. Поселение у Балки Яцевой в Надпорожье // МИА, 108. М.

Вернер И. 1972. К происхождению и распространению антов и склавенов. // СА, 4.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. Скалистинский могильник. Киев.

Володарець-Урбанович Я.В. 2009. Кочовницькі елементи з ареалу пеньківських старожитностей басейну рік Сули та Ворскли // Магистеріум, 36. Археологічні студії. Київ.

Володарець-Урбанович Я.В., Скиба А.В. 2011. Гончарний посуд VII–VIII ст. на півдні Східної Европи. // Археологія, 2. Київ.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. 1979. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии. // КСИА, 158. М.

Гавритухин И.О. 1991. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья. // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Гавритухин И.О. 1996а. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий. // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир, 3. М.

Гавритухин И.О. 1996б. Датировка начальных фаз культуры Луки Райковецкой // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир, 3. М.

Гавритухин О.И. 1997. Боспор и Поднепровье в VI–VII вв. (к изучению северопонтийских ювелирных школ) // Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6–11 июня 1997 г.). Симферополь.

Гавритухин И.О. 2001. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). 2. Самара.

Гавритухин И.О. 2001а. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. М.

Гавритухин И.О. 2001б. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. 2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Гавритухин И.О. 2004. Среднеднепровские ингумации второй половины V – VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-ти летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПБ.

Гавритухин И.О. 2005а. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы поясной гарнитуры). // Хазары. Евреи и славяне, 16. Иерусалим-Москва.

Гавритухин И.О. 2005б. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами. // Archeologia o początkach Słowian. Kraków.

Гавритухин И.О. 2009. Элементы «юстиниановского» воинского стиля у северных варваров (пряжки типа Сучидава). // Studia Antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Porfessoris Dan Gh. Teodor oblata. Iaşi.

Гавритухин И.О. 2010. Необычная фибула из Крыма (к изучению поздних форм двупластинчатых фибул) // Terra Barbarica. Łódź – Warszawa.

Гавритухин И.О. 2011а. Фибулы типа Удине-Планис // Петербургский Апокриф. Послание от Марка. Санкт-Петербург-Кишенёв.

Гавритухин И.О. 2011б. Рец.: Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., Могильник у села Лучистое. Том 1. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь-Керчь, 2008. // РА, 2.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. 1999. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья. // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. 3. М.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003. Могильники V–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII века). Археология. М.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. 1996а. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. 3. М.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. 1996б. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга. // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. 3. М.

Гадло А.В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.

Галкина Е.С. 2011. К вопросу о роли Великой Болгарии в этнополитической истории Восточной Европы // Петербургские славянские и балканские исследования. 1. СПб.

Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

Горюнов Е.А. 1987. Пеньковская и салтовская культуры в Среднем Поднепровье // КСИА, 190.

Горюнов Е.А., Казанский М.М. 1978. О происхождении широкопластинчатых фибул. // КСИА, 155.

Горюнов Е.А., Казанский М.М. 1981. Спорные вопросы изучения пеньковской культуры. // КСИА, 164.

Горюнов Е.А., Казанский М.М. 1983. К изучению раннесредневековых древностей Нижнего Подунавья (VI–VII вв.). // Славяне на Днесте и Дунае. Киев.

Горюнов Е.А., Казанський М.М. 1998. До археологічної карти сточища р. Полузір'я. // Археологчний Літопис Лівобережноі Украіни.1–2. Полтава.

Горюнова В.М. 1992. Новый клад антского времени из Седнего Поднепровья // Археологические Вести, 1. СПБ.

Григорьев А.В. 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула.

Гумилев Л.Н. 1993. Древние тюрки. М.

Даркевич В.П. 1976. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.

Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. 2007. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.

Дискуссия по статье Е.С. Галкиной. 2011. // Петербургские славянские и балканские исследования. 1. СПб.

Егорейченко А.А. 1991. Очковидные подвески на территории СССР. //СА, 2.

Засецкая И.П. 2005. О хронологии и взаимосвязи орлиноголовых пряжек из Боспорского некрополя и южнокрымских могильников раннесредневекового периода. // Нижневолжский археологический вестник. 7. Волгоград.

Залесская В.Н. 2006. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. СПБ.

Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В, Фонякова Н.А. 1997. Сокровища хана Куврата. Перещепинский клад. СПБ.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПБ.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Засецкая И.П., Фурасьев А.Г. 2007. Периодизация материалов раннего этапа могильника Суук-Су. // VIII Боспорские чтения. Керчь.

Захарий Ритор. Хроника // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПБ. 2000.

Зубарев В.Г. 2005. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.

Иванов С.А. 1994. Анты в титулатуре византийских императоров // Свод древнейших письменных известий о славянах. I. М.

Иессен А.А. 1965. Раскоки большого кургана Уч-Тепе. // МИА, 125.

Иоанн Малала. Текст, перевод Г.Г. Литаврина. // Свод древнейших письменных известий о славянах. I. М. 1994.

Иоанн Эфесский. Текст, перевод Н.И. Серикова. // Свод древнейших письменных известий о славянах, I. М.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Текст, перевод Е.Ч. Скржинской. СПБ. 2001.

Йорданов С. 1996. За социально-политичека организация на Кубратова Велика България: I. Племенната общность на Уногундурите, Patria Onoguria и Велика България. // Българите в Северното Причерноморие. 5. Велико Търново.

Йорданов С. 1997. За социално-политичека организация на Кубратова Велика България: II. Системата тьолис-тардуш и двудлябата «Българи-Котраги» в «старата Велика България» // Българите в Северното Причерноморие 6 Велико Търново.

Казанский М.М. 2009. О раннеславянской коннице. // Stratum Plus. 5. Кишинёв.

Казанский М.М. 2011а. О центрах власти у славян: днестровские клады VII в. // Петербургский апокриф. Послание от Марка. Санкт-Петербург-Кишенёв.

Казанский М.М. 2011б. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // Scripta Antiqua. 1. М.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2009. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПБ.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2010. О хронологии престижного оружия и конского снаряжения «шиповского горизонта» на Северном Кавказе. // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас.

Казанский М.М., Середа Д.Б. 2001. Поселение пеньковской культуры Полузорье I на Полтавщине. // Археологчний Літопис Лівобережноі Украіни, 1. Полтава.

Капошина С.И. 1950. Золотые серьги из Ольвии //КСИА, 33.

Качарава Д.Д., Квиркелия Г.Т. 1991. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси.

Ковалевская В.Б. 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. Пущино.

Комар А.В. 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии). // Vita Antiqua. 2. Київ.

Комар А.В. 2004. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. // Сугдейский сборник, I. Киев-Судак.

Комар А.В. 2005. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным. // Хазары. Евреи и славяне, 16. Иерусалим-Москва.

Комар А.В. 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. 5. Донецк.

Комар А.В. 2007. Что такое «пастырская культура»? // Проблеми на прабългарска история и култура. 4/1. София.

Комар А.В. 2008. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. // Сугдейский сборник III. Киев-Судак.

Комар А.В. 2010. Византийский золотой браслет VII в. из собрания Музея исторических драгоценностей Украины. // Сугдейский Сборник. IV. Киев-Судак.

Комар А.В., Стрельник М.А. 2011. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. 5. Кишинёв.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. 2006. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. 5. Донецк.

Комар А.В., Хардаев В.М. 2012. Зачепиловский («Новосанжарский») комплекс рубежа VII–VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. 9. Донецк.

Кондић В., Поповић В. 1977. Царичин Град. Београд.

Корзухина Г.Ф. 1954. Русские клады IX–XIII вв. М-Л.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Корзухина Г.Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс.н.э. // СА, XXI.

Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в.н.э. в Среднем Поднепровье // САИ, Е1 – 43. Л.

Корзухина Г.Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 5. Симферополь.

Кропоткин В.В. 1962. Клады византийских монет на территории СССР. //САИ, Е 4 – 4. М.

Кулаков В.И. 1989. Могильники западной части Мазурского Приозерья конца V – VIII вв. // Barbaricum, 1. Warszawa.

Курта Ф. 2011. Женщина из Данчень или о фибулах типа II С по Вернеру // Tyragetia. V (XX)-1. Кишенев.

Левада М.Е. 2010. Сухоносивка. // Terra barbarica. Lódź-Warsawa.

Лопан О.В. 2007. Средневековые глиняные подвесные котлы с внутренними ушками. // Средневековые древности Дона. Москва-Иерусалим.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 2007а. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н.э. Раннеславянский мир, 8. М.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 2007б. Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в I тысячелетии н.э. М.

Львова З.А., Маршак Б.И. 1997. Заключение (Кому принадлежало Перещепинское сокровище?) // Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В, Фонякова Н.А. Сокровища хана Куврата. Перещепинский клад. СПБ.

Ляпушкин И.И. 1959. К вопросу о памятниках волынцевского типа. // СА, XXIX–XXX.

Макаренко Н.Е. 1911. Археологические исследования 1907–1909 годов. С. Мачехи Полтавского уезда. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 43. СПБ.

Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. 1993. Киевская культура. // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. М.

Малашев В.Ю. 2001. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. М.

Мастыкова А.В. 2008. О костюме с пальчатыми фибулами в восточной Европе // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. I. Тула.

Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в.н.э. М.

Мастыкова А.В. 2012. Раннесредневековое погребение у с. Разиньково Курской области. // РА, 2.

Менандр Византиец. Перевод Д.Г. Дестуниса. // Византийские историки. Рязань. 2003.

Менандр Протектор. Текст, перевод И.А. Левинской и М.Р. Тохтасьева. // Свод древнейших письменных известий о славянах, I. М, 1994.

Михайлина Л.П. 2007. Слов'яни VIII–X ст. між Дніпром і Карпатами. Київ.

Никифор, патриарх. «Бревиарий» // Чичуров И.С., Византийскре исторические сочинения: «Хронография Феофана, ««Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М, 1980.

Обломский А.М. 1996. Инородные компоненты в зоне пеньковской культуры. // Гавритухин О.И., Обломский А.М., Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир, 3. М.

Обломский А.М. 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V) в.н.э. Раннеславянский мир, 5. М.

Обломский А.М. 2004. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-ти летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПБ.

Обломский А.М. 2007. Структура населения Лесостепного Поднепровья в VII в.н.э. // Археологічний літопис Лівобережної України. 1–2. Полтава.

Обломский А.М. 2012. Лепная керамика из погребений Верхнего Подонья середины 1 тыс.н.э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула.

Обломский А.М. (в печати). Колочинская культура // Археологические культуры V–VII вв. центральной части Восточной Европы. Раннеславянский мир, 16. М.

Обломский А.М., Радюш О.А. 2007. Вещевой комплекс. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.н.э.). Раннеславянский мир, 10. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2001. Славянское поселение и кочевнический мо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

гильник V–VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. 1. Полтава.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.н.э.). Раннеславянский мир, 10. М.

Обломский А.М., Щеглова О.А. 1996. Некоторые особенности культуры памятников волынцевского типа и спорные вопросы их происхождения. // Гавритухин О.И., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир, 3. М.

Орлов Р.С., Рассамахин Ю.Я. 1996. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.

Петрашенко В.О. 1992. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ.

Петров В.П. 1963. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э. (По материалам раскопок 1956–1958 гг. в Потясминье) // МИА, 108.

Пислярий И.А., Филатов А.П. 1972. Тайны степных курганов. Донецк.

Плетнёва С.А. 1963. Средневековая керамика Таманского городища. // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.

Плетнёва С.А. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.

Плетнёва С.А. 1981. Салтово-маяцкая культура. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Плетнёва С.А. 1999. Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим, 1999.

Приск Панийский. Готская история. Текст, перевод В.В. Латышева // В.В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. I. СПБ, 1890.

Приходнюк О.М. 1975. Слов'яни на Поділлі (VI –VII ст. н.е.). Київ.

Приходнюк О.М. 1976. Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ.

Приходнюк О.М. 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ.

Приходнюк О.М. 1990. Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье. // Раннеславянский мир. Исследования и материалы. М.

Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.

Приходнюк О.М. 2005. Пастирське городище. Київ-Чернівці.

Приходнюк, О.М., Казанський М.М. 1978. Керамичні комплекси поселення Луг I на Тясмині. // Археологія, 27. Київ.

Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. Перевод А.А. Чекалиной // Прокопий Кесарийский, Война с персами, Война с вандалами, Тайная история. СПБ. 2001.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод С.П. Кондратьева. М. 1950.

Прокопий Кесарийский. Тайная история. Перевод А.А. Чекалиной // Прокопий Кесарийский, Война с персами, Война с вандалами, Тайная история. Санкт-Петербург. 2001.

Равеннский Аноним. «Космография». // Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М. 2002.

Рафалович И.А. 1968. Поселение VI–VII вв. у с. Ханска. // КСИА, 113.

Рафалович И.А. 1972. Славяне VI–IX веков в Молдавии. Кишинёв.

Рашев Р. 2004. Прабългарите през V–VII век. София.

Рашев Р. 2008. Българската езическа култура VII–IX век. София.

Репников Н.И. 1906. Некоторые могильники области крымских готов // Известия Императорской археологической комиссии, 19. СПБ.

Репников Н.И. 1907. Некоторые могильники области крымских готов. // Записки Одесского общества истории и древностей, 27. Одесса.

Родинкова В.Е. 1996а. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы. // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир, 3. М.

Родинкова В.Е. 1996б. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир, 3. М.

Родинкова В.Е. 2006. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (сложные и двупластинчатые формы). // РА, 4.

Родинкова В.Е. 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный метод). // Восточная Европа в I тысячелетии н.э. М.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Родинкова В.Е. 2012. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом из Восточной Европы. // РА, 4.

Розенфельдт И.Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Ромашов С.А. 1994. Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 8. Wiesbaden.

Ромашов С.А. 2001. Историческая география Хазарского Каганата (V–XIII вв.) // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 11.Wiesbaden.

Русанова И.П. 1973. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. // САИ, Е1 – 25. М.

Рутковская Л.М. 1974. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р. Тясмине. // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Рыбаков Б.А. 1953. Древние русы. // СА, XVII.

Рябцева С. 2005. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПБ.

Семенов А.И. 1991. Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 31. Л.

Скворцов К.Н. 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. М.

Соколова И.В. 1997. Монеты Перещепинского клада. // Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В, Фонякова Н.А. Сокровища хана Куврата. Перещепинский клад. СПБ.

Сміленко А.Т. 1975. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.). Київ.

Смирнов К.А. 1974. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги). // Дьяковская культура. М.

Спицын А.А. 1928. Древности антов. // Сборник в честь академика А.И. Соболевского. Л.

Станилов С. 2003. Хазарската теза. Принос къи проблема за идентификацията на археологическата култура на Кубратова Велика България. // Българи и хазари през ранонто средневековие. София.

Станилов С. 2005. Художественият метал на българското ханство на Дунав (7–9 век). София.

Сухобоков О.В., Вознесенская Г.А., Приймак В.В. 1989. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.

Тельнов Н.П. 1999. Восточнославянские древности VIII–X вв. Дестровско-Прутского междуречья. // Stratum plus. 5. Кишинёв.

Терпиловский Р.В. 2004. Поселение Сенча и его место среди памятников Днепровского Левобережья // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Санкт-Петербург. С. 131–143.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. 1996. Олександрівка 1 – багатошарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів.

Тревер К.В., Луконин В.Г. 1987. Сасанидское серебро. М.

Третьяков П.Н. 1970. У истоков древнерусской народности. Л.

Феофан Исповедник. «Хронография» // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М, 1980.

Феофилакт Симокатта. История. Перевод М.П. Кондратьева. М, 1957.

Флёров В.С. 1996. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.

Флёров В.С. 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания покойных. М.

Фурасьев А.Г. 2010. О времени появления пальчатых фибул днепровской подгруппы (по материалам могильников Южного Крыма) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Часть 2. Тула.

Хабургаев Г.А. 1979. Этнонимия «Повести временных лет». М.

Хавлюк П.И. 1963. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. // МИА, 108.

Хавлюк П.И. 1974. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. 1900. Древности Поднепровья. III. Киев.

Хрисимов Н. 2009. Вознесенский комплекс. Проблемы хронологии и интерпретации. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. Донецк.

Шадыра В. І. 2006. Беларускае Падзвінне (I тысячагодзе н.э.). Мінск.

Швецов М.Л. 2010. Новогригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье IV–VII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Шмидт Е.А. 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Смоленск.

Шувалов П.В. 1999. Монеты между археологией и нумизматикой. // Археологические Вести, 6. СПБ.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Щеглова О.А. 1986. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа. // КСИА, 187.

Щеглова О.А. 1987. Проблемы формирования славянской культуры VIII–X вв. в Среднем Поднепровье (памятники конца VII – первой половины VIII вв.). Автореферат канд. дисс. Л.

Щеглова О.А. 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье. // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

Щеглова О.А. 1996. Термин «памятники волынцевского типа». // Гавритухин И.О., Обломский А.М., Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Москва. Раннеславянский мир, 3. М.

Щеглова О.А. 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. 5. Кишинёв.

Щеглова О.А. 2010. Тайна «плящущих человечков» и «следы невиданных зверей». Антропо- и зооморфные изображения в раннеславянской металлопластике. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПБ.

Юренко С.П. 1973. Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции «Днепр-Донбасс» в 1973 г. // Архив ИА НАНУ.

Юренко С.П. 1974. Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции «Днепр-Донбасс» в 1974 г. // Архив ИА НАНУ.

Цукерман К. 2001. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ, 8.

Aibabin A. 2006. Early Khazar Archaeological Monuments in Crimea and to the North of the Black Sea. // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris.

Altheim F. 1952. Attila et les Huns. Paris.

Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. 2000. Zilgi: An Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the Boundary between Steppe and Hill Countrty. // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Colloqua Pontica, 5. Leiden-Boston-Köln.

Bálint C. 1992. Der Gürtel im frühmittelalterlicehn Transcaucasus und das Grab von Üč – Tepe (Sowj. Azerbajdžan) // Awaren Forschungen, I. Wien.

Bárdos E., Garam E. 2009. Das awarenzeitliche Gräberfeld in Zamárdi – Rétiföldek. Budapest.

Bálint C. 2000. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des Vielteilen Gürtels. // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. Budapest-Napoli-Roma.

Bavant B. 1990. Les petits objets // Bavant B., Kondić V., Spieser J.-M. Caričin Grad II. Le quartier sud-ouest de le Ville haute. Belgrade-Rome.

Bavant B. 2005. Un moule d'orfèvre protobyzantin au British Museum. // Travaux et Mémoires, 15. Paris.

Barzû L. 1991. Gepidische Funde von Bratei. Dacia, 35.Bucarest.

Bierbrauer V. 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto.

Bierbrauer V. 1989a. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa. Jahresschrift für Mitteldeutche Vorgeschichte. 72. Halle.

Bierbrauer V. 1989б. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Milltelalters // Peregrinaio Gothica. Łódź.

Bóna I., Nagy M. 2002. Gepidische Gräberfelder am Theissgebiet, I. Budapest.

Boulitchev N. 1900. Fouilles de la Russie centrale. Kourgans et gorodetz. Recherches archéologiques sur la ligre de partage des eaux de la Volga et du Dniepr. Moscou.

Christlein R. 1973. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland. // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 20. Mainz.

Csallány D. 1961. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken. 454-568 u. Z. Budapest.

Curta F. 2008a. Once again on Bow Fibulae of the «Pietroasele Type» (Werner's Class IF) // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungarricae. 59. Budapest.

Curta F. 2008б. The North-Western Region of the Black Sea during the 6th aund Early 7th Century AD. //Ancient East & West, 7. Leuven-Paris-Valpole.

Curta F. 2009. Neither Gothic, not Slavic: Bow Fibulae of Werner´s Class II B. // Archaeologia Austriaca. 93. Wien.

Curta F. 2012. The Jägala Fibula revisited, or Remarks on Werner's Class II D // Estonian Journal of Archaeology. 16/1. Tallinn.

Eger C. 2003. Reiten und Delphinen. Byzantinische Pressblechmodel für Sattel- und Zaumzeugbeschläg aus dem Nationalmuszeum von Algier. // Madrider Mitteilungen. 44. Wiesbaden.

Entwistle C. 2010. Notes of Selected Recent Acquisitions of Byzantine Jewellery ar the British Museum. //Intelligible Beauty. Recent Research on Byzantine Jewellery. London.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Erben des Imperiums in Nordafrika. Das Königeich der Vandalen. 2009. Karlsruhe.

Fettich N. 1937. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Archaeologia Hungarica, XXI. Budapest.

Fettich N. 1951. Archäologische Studien zur Geschichte der Späthunnischen Metallkunst. Budapest.

Fiedler U. 1994. Die Gürtelbesatzstüke von Akalan. Ihre Funktion und kulturelle Stellung. // Известия на Археологическия Институт. 38. София.

Garam E. 1992. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit. // Awaren Forschungen, I. Wien.

Garam E. 1995. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Tiszafüred. Budapest.

Gavrituhin I. 2006. La date du «trésor» de Pereščepina et la chronologie des antiquités de l'époque de formation du khaganat khazar. // La Crimée entre Byzance et le khaganat khazar. Paris.

Godłowski K. 1979. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V–VII w.n.e. Kraków.

Götze A. 1907. Gotische Schnallen. Berlin.

Guzelev V. 1979. Les Protobulgares. Sofia.

Harhoiu R. 1998. Die Frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bucarest.

Hilberg V. 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren –Tumiany i Kielary, 2. Neumünster.

I Langobardi. 1990. Milan.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris.

Jakobson F. 2009. Die Brandgräber von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kelary, 1. Neumünster.

Jørgensen L. 1992. A Chronological analysis of Lombard Graves in Italy. // Chronological Studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden. Copenhagen.

Kazanski M. 1987. Note sur le peuplement de la région du Dniepr moyen pendant la seconde moitié du VIIe siècle et au VIIIe siècle. // Revue Archéologique. 1. Paris.

Kazanski M. 1996. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // Материалы по Археологии, истории и этнографии Таврии. 5. Симферополь.

Kazanski M. 1999a. Les Slaves. Les origines, Ier-VIIe siècles après J.-C. Paris.

Kazanski M. 1999б. L'armement slave du haut Moyen-Age (Ve – VIIe siècles). A propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens Slaves // Prehled vyzkumu. 39. Brno.

Kazanski M. 2003. Qal'at Sem'an. IV. Rapport final. 3: Les objets métalliques. Beyrouth.

Kazanski M. 2009. La cavalerie slave à l'époque de Justinien. // Archaeologia Baltica. 11. Klaipeda.

Kazanski M. 2010. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag. Internationale Archäologie, Studia honoraria, 31. Rahden/Westf.

Kazanski M., Mastykova A. 1999. Le Caucase du Nord et la région méditérranéenne aux 5e – 6e siècles. A propos de la formation de la civilistion aristocratique barbare. // Eurasia Antiqua. 5. Mainz.

Kazanski M., Mastykova A. 2007. Tsibilium, 2. La nécropole apsile de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Etude du site // BAR, International Series -1721-II. Oxford.

Kiss A. 1984. A Byzanitne Jewel from the 6th – 7th Century uin China. // Acta Orientalia Academiae Sceintiarum Hungaricae, 38. Budapest

Kiss A. 1986. Die Goldfunde des Karpatenbeckens vom 5.- 10. Jahrhundert // Acta Archaeologica Academiae Sceintiarum Hungaricae, 38. Budapest.

Kiss A. 1987. Frühmittelalterliche byzantinishce Schwerter im Karpatenbecken // Acta Archaeologica Academiae Sceintiarum Hungaricae. 39. Budapest.

Kiss A. 1996. Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kölked-Feketekapu A. Innsbruck.

Kiss A. 1997. Die Zeitstellung des «Münzdatierten» Grabes von Üč-Tepe (Aserbaidchan). // Acta Archaeologica Academiae Sceintiarum Hungaricae. 40. Budpaest.

Kiss A. 2001. Das awarenzeitlihe Gräberfeld in Kölked-Feketekapu B. Budapest.

Koch A. 1998. Überlegungen zum Transfer von Schwerttrag- und Kampfweise in Frühen Mittelalter am Beispiel chinesicher Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.-8. Jahrhundert N.Chr. // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 45. Mainz.

Koch A. 1999. Zum Prunkdolch von Kyerimno, Kyôngju (Südkorea) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 29. Mainz.

Koch A., Wenzel A. 2000. Waffentechnologie zwischen China und Byzanz. Anmerkungen zu einem Miniaturschwert aus dem Grab des Kaisers Wudi der Nördlichen Zhou-Dyanstie (557–581 n. Chr.). // Studia Antiquaria-Festschrifr für Niels Bantelmann. Mainz.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Koch U. 2001. Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Stuttgart.

Kowalski J. 1991. Z badań nad chronologią okresu węderówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich (faza E). // Archeologia bałtyjska. Olsztyn.

Legoux R., Périn P., Vallet F. 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye.

Madgearu A. 2001. The end of town-life in Scythia Minor. // Oxford Journal of Archaeology. 20. Oxford.

Manière-Lévêque A. – M. 1997. L'évolution des bijoux «aristocratiques» féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvreire. // Revue Archéologique. 1. Paris.

Menghin W. 1985. Die Langobarden. Archäologie und Geschichte. Stuttgart.

Nagy M. 1998. Awarenzeitliche Gräberfelder im Stadtgebiet von Budapest. Budapest.

Paroli L., Ricci M. 2007. La necropoli altomedievale de Castel Trosino. Borgo S. Lorenzo.

Paulsen P. 1967. Alamannische Adelsgräber von Niederstotzingen. Stuttgart.

Pekarskaja L., Kidd. 1994. D. Der Silberschtz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck.

Périn P. 1980. La datation des tombes mérovingiennes. Historique-Méthodes-Applications. Genève.

Popović V. 1984. Un étui de peigne en os de type «mérovingien» et les objets d'origine ethnique étrangère. // Caričin Grad, I. Belgrade-Rome.

Pritzak O. 1955. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgarien. // Ural-Altaische bibliothek, I. Wiesbaden.

Radoměrský P. 1953. Byzantské mince z pokladu v Zemianském Vrbovku // Památky Archeologické. XLIV. Praha.

Ross M.C. 1965. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, 2. Jewelery, Enamels and Art of the Migration Period. Washington.

Roth H., Theune C. 1988. SW ♀ I-V: Zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Südwestdeutshcland. Stuttgart (Archäologische Informationen aus Baden-Württemberg, 6).

Schmauder M. 2000. Vielteilige Gürtelgarnituren des 6.-7. Jahrhunderts : Herkunft, Aufkommen und Trägerkreis. // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Innsburck.

Schulze-Dörrlamm M. 2002. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuzeum. I. Mainz.

Somogyi P. 1997. Byzantinische Fundmünzen der Awarenzeit. Insbruck, 1997.

Stanciu I. 2011. Lovuirea territoriului nord-vestic al României între antichitatea târzie şi perioada de început a epocii medievale timpyrii (mijlocul sec. V – sec. VII timpuriu). Cluj-Napoca.

Steuer H. 1977. Bemerkungen zur Chronologie der Merowingerzeit. // Studien zur Sachsenforschung. Hildesheim.

Svoboda B. 1953. Poklad byzantského kovotepce v Zemianském Vrbovku // Památky Archeologické. XLIV. Praha.

Szmoniewski B.S. 2010. The Antes: Eastern «Brothers» of the Sclavenes? // Neglected Barbarians. Turnhout.

Teodor D. Gh. 1984. Romanitatea carpato-dunăreană şi Bizanţiul î veacurile V–XI e.n. Iaşi.

Teodor D.G. 1992. Fibule «digitate » din secolele VI–VII în spaţiul carpato-dunăreano-pontic // Archeologia Moldovei. XV. Bucureşti.

Teodor D. Gh. 1994. Slavii la nordul Dunării de Jos în secolele VI–VII d. H. // Arheologia Moldovei. XVII. Bucureşti.

Trier M. 2002. Das frühmittelalterliche Beseidlung des Unteren und Mittleren Lechtals nach archäologischen Quellen. Kallmünz.

Uenze S. 1966. Die Schnallen mit Riemenschlaufe aus dem 6. und 7. Jhrh. // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 31. München.

Uenze S. 1992. Die spätantiken Befestigungen on Sadovec (Bulgarien). München.

Ugrin E. 1987. Le trésor de Zalésie. Louvain-la-Neuve.

Victor Tonnannensis episcopi chronca a. CCCCXL–DCXII // Chronica minore II. Saec. IV.V.VI.VII. Berlin, 1894.

Vida T., Völling T. 2000. Das slawische Brandgräberfeld von Olympia. Radhen/Westf.

Von Hessen O. 1971. Primi contributio alla archaeologia longobarda in Toscana. Firenza.

Werner J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. // Reinecke-Festschrift. Mainz.

Werner J. 1974. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden. // La civilta longobarda in Europa. Roma.

Werner J. 1984. Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München.

Werner J. 1986. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. Wien.

Werner J. 1992. Neues zu Kubrat und Malaja Pereščepina. // Germania. 70/2. Darmstadt.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Список сокращений

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников.
BAR – British Archaeological Research.

M.M. Kazansky

Archaeological situation in the Middle Dniepr region in the VII c.

Abstract

According archaeological data, some cultural, ethnical and political alteration entailed by the nomadic invasion were flowing in the forest-steppe part of both the Left-Bank and the Right-Bank Middle Dnieper region during the 7'th century. A look at chronological correlation of sites of the Dnieper region allows to imagine evolution of archaeological situation in the region during that period more clearly.

Archaeological sites indicate that the first wave of the military stress mostly fell on 620'th – 630'th – 640'th-650'th when the hoards of the Martynovka horizon were deposited, the Penkovka culture was vanishing as a substantive phenomenon and the bulk of culture bearers was being destroyed or was moving to the North and to the West. Most likely, those events were bound up with expansion of the Bolgars. As a result of nomads' penetration a centre of power came into being in the Dnieper region as indicated by princely founds of the Pereschepino type appeared. There also appeared sites of both nomadic and settled non-Slavic population moved from somewhere in a wide area between the North Caucasus and the Lower Danube, such as Pastyrskoye hillfort or workshops in Kantserka. Perhaps the new ethno-political formation was bound up with Great Bulgaria of Kubrat. It is possible that the migration of the Slavs (the Prague culture bearers) to the East, to the forest-steppe Middle Dnieper region, was similarly due to the becoming of the center of power. These population also contributed into a character of antiquities of the Sakhnovka and the Volyncevo types.

The second wave of the military stress in the Middle Dnieper region began in 660'th-680'th possibly after Kubrat's death. Most likely, in that time the settlement of Pastyrskoe vanished and a series of hoards was buried (the second group by O.A. Scheglova), burials of the Pereschepino horizon stopped. The Byzantian gold after 650 practically did not arrive in the Dnieper region, but solidi of the 2nd half of the 7'th c. appeared in nomadic burials in the Don region and to the East of it. Obviously there was formed a brand new centre of power most likely related to the Khazars. It can be assumed that archaeologically detected changes in the Dnieper region are connected to the Khazar's invasion from the East, the defeat of Great Bulgaria and the Bolgars of Asparukh leaving to the Danube region. A situation of military tension could last for decades. That is indicated by the latest hoards of the Second group, date from the beginning of the 8'th c. The Slavs that are represented by antiquities of the Sakhnovka and Volyntsevo types (or their forerunners) partially fell under the Khazar rule. So the Russian chronicle finds that situation in the Middle Dnieper region.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

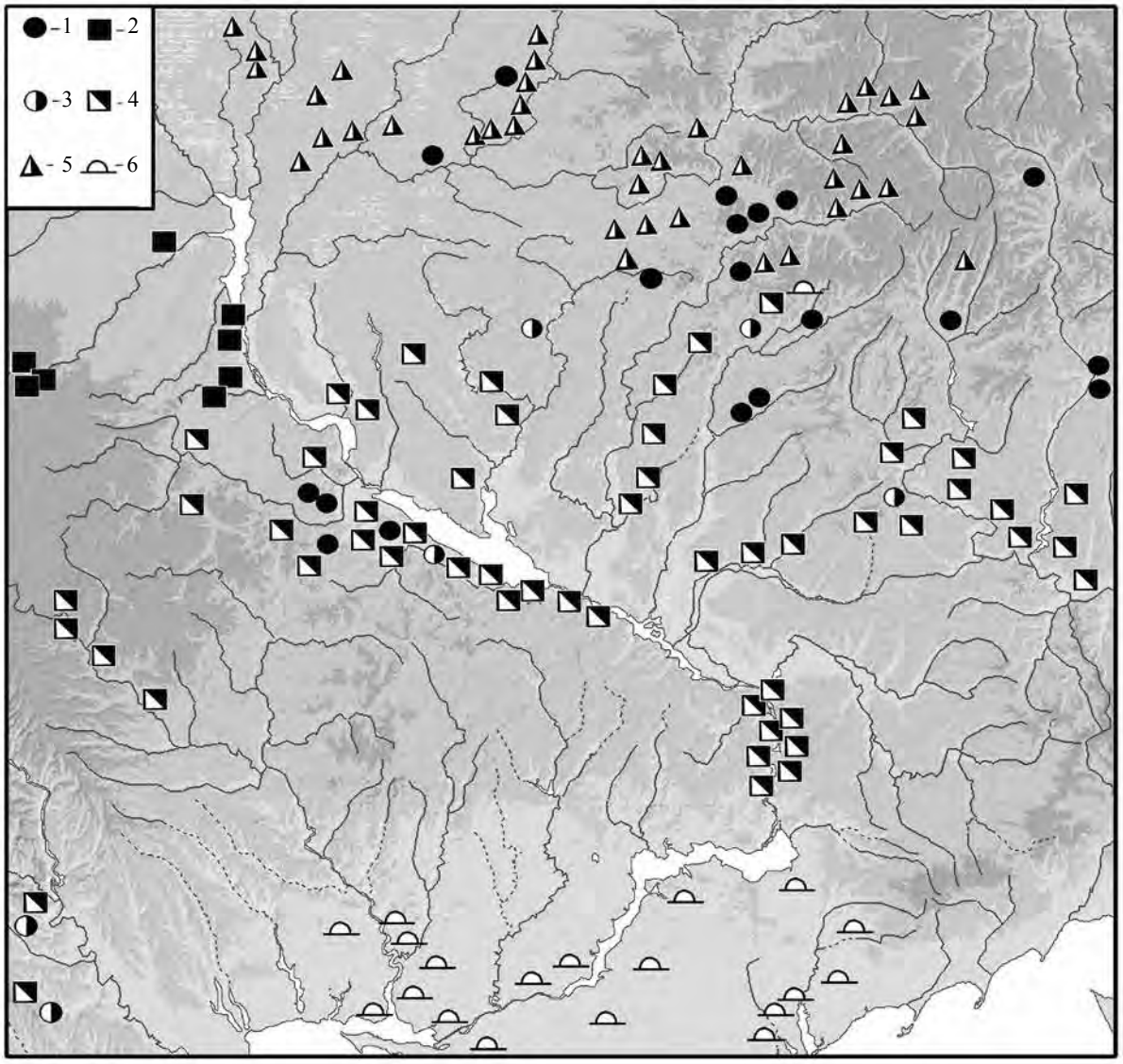


Рис. 1. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в первой половине VII в.
1 – клады круга Мартыновка (группа 1 по О.А. Щегловой); 2 – памятники культуры Прага; 3 – погребения – ингумации с вещами типа Мартыновки или с малыми «дунайскими» фибулами; 4 – памятники культуры Пеньковка; 5 – памятники культуры Колочин; 6 – памятники групп Сивашевка и Суханово.
По: (Щеглова, 1990; Гавритухин, Обломский 1996; Приходнюк, 1998; Комар 2006; Обломский 2007), с дополнениями и уточнениями.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

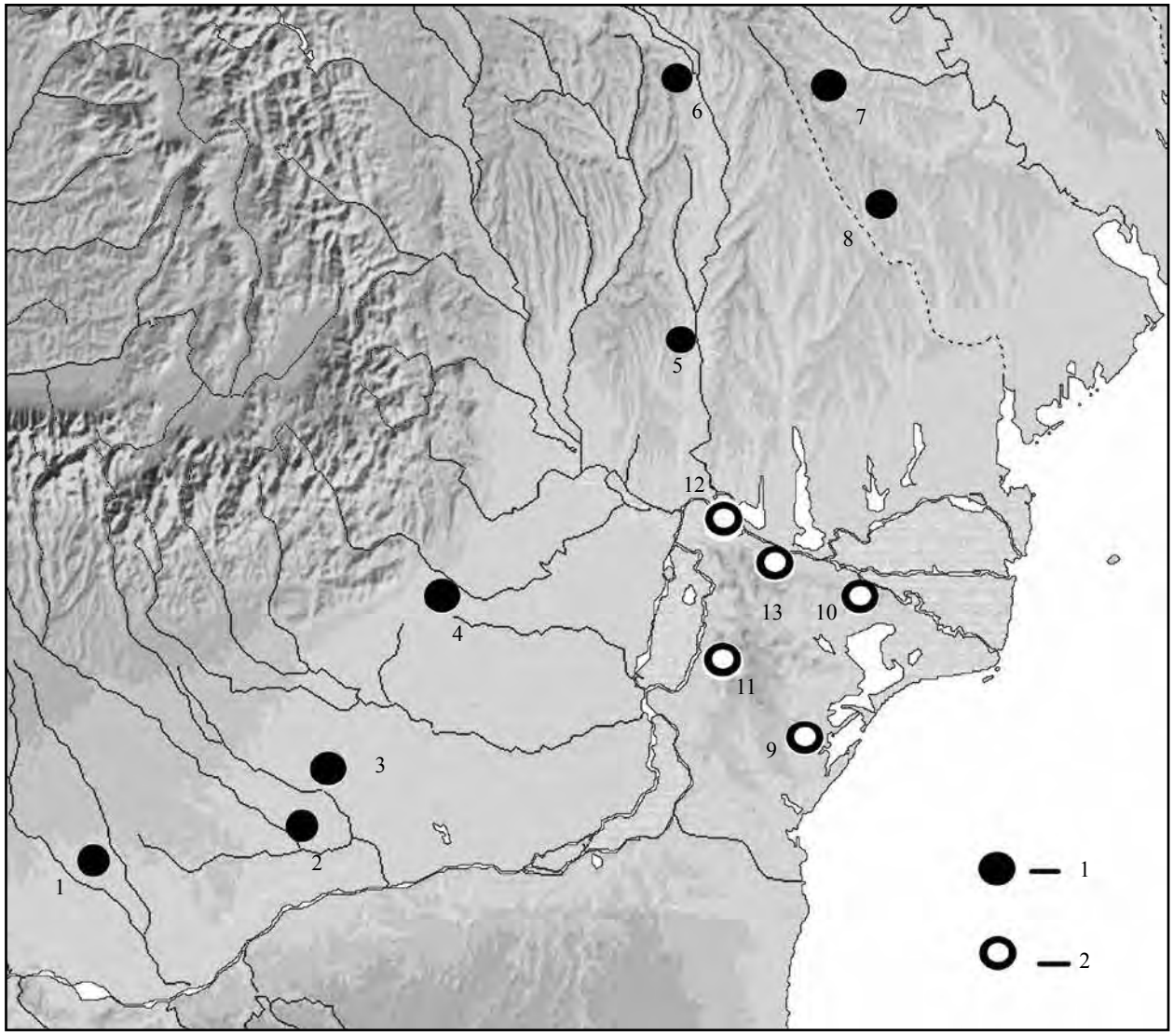


Рис. 2. Пеньковская культура и нижнедунайский лимес.
1 – памятники с материалами пеньковской культуры; 2 – находки пеньковской керамики на ранневизантийских памятниках.
1 – Дульчанка (Dulceanca); 2, 3 – Будурешти (Bucureşti); 4 – Сарата-Мотнеору (Sărata-Monteoru); 5 – Пойорани (Pojorăni); 6 – Чёртешти (Ciorteşti); 7 – Данчены (Dănceni); 8 – Ханска (Hansca); 9 – Истрия (Histria); 10 – Муригиол (Murighiol); 11 – Пьятра-Фрекацей (Piatra Frecăţei); 12 – Гарван/Диногеция (Garvăn/Dinogetia); 13 – Исакча /Новиодунум (Isaccea/Noviodunum).
По: (Teodor, 1994).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

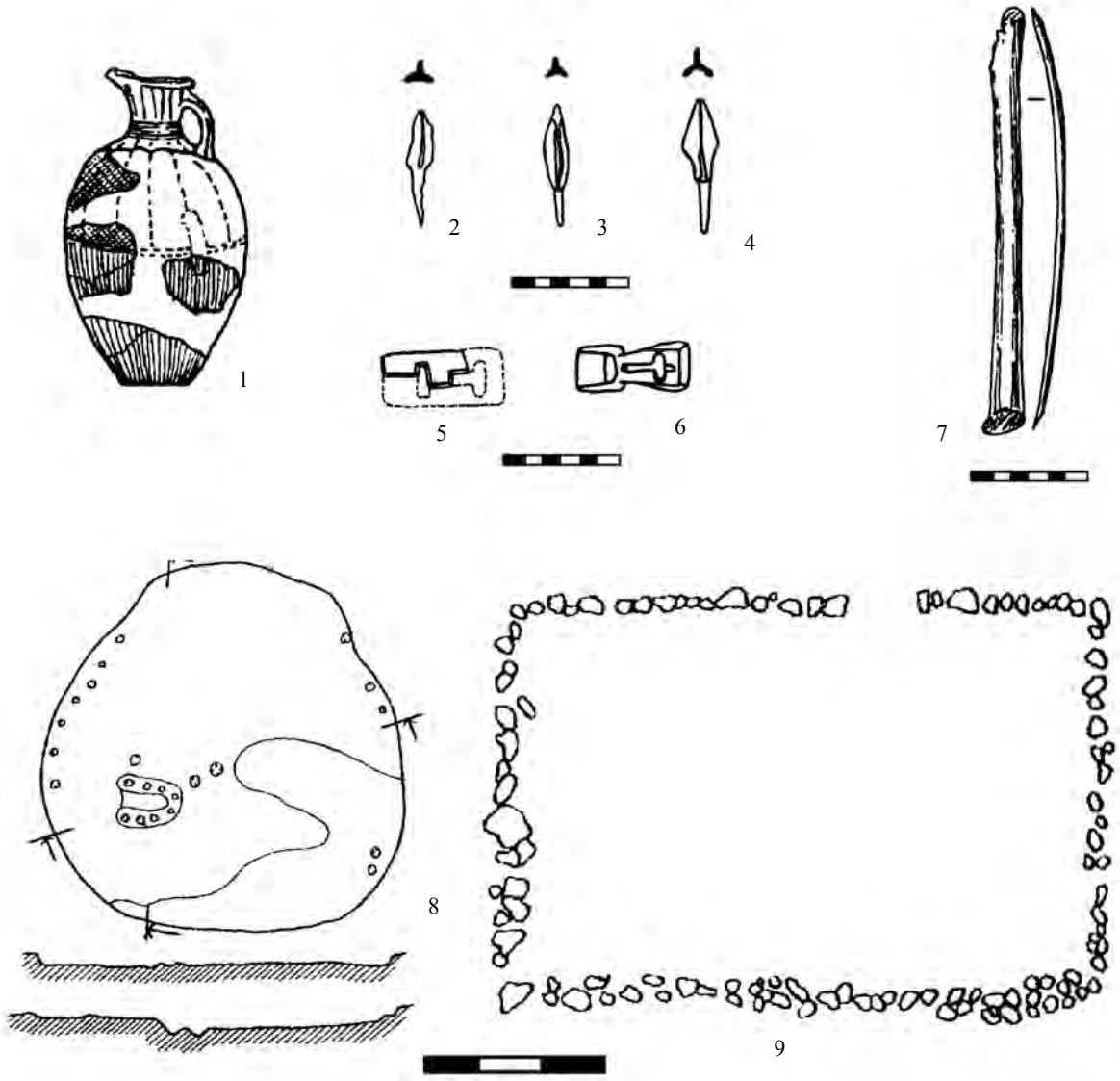


Рис. 3. «Южные» элементы на памятниках пеньковской культуры.
1 – Будищи; 2, 8 – Чернечина; 3 – Таранцево; 4 – Кизлевый; 5 – Селиште; 6 – Волошское-Сурская Забора; 7 – Хитцы; 9 – Майорка.
По: 1, 8, 9 – (Приходнюк, 1998); 2–7 – (Казанский, 2009).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

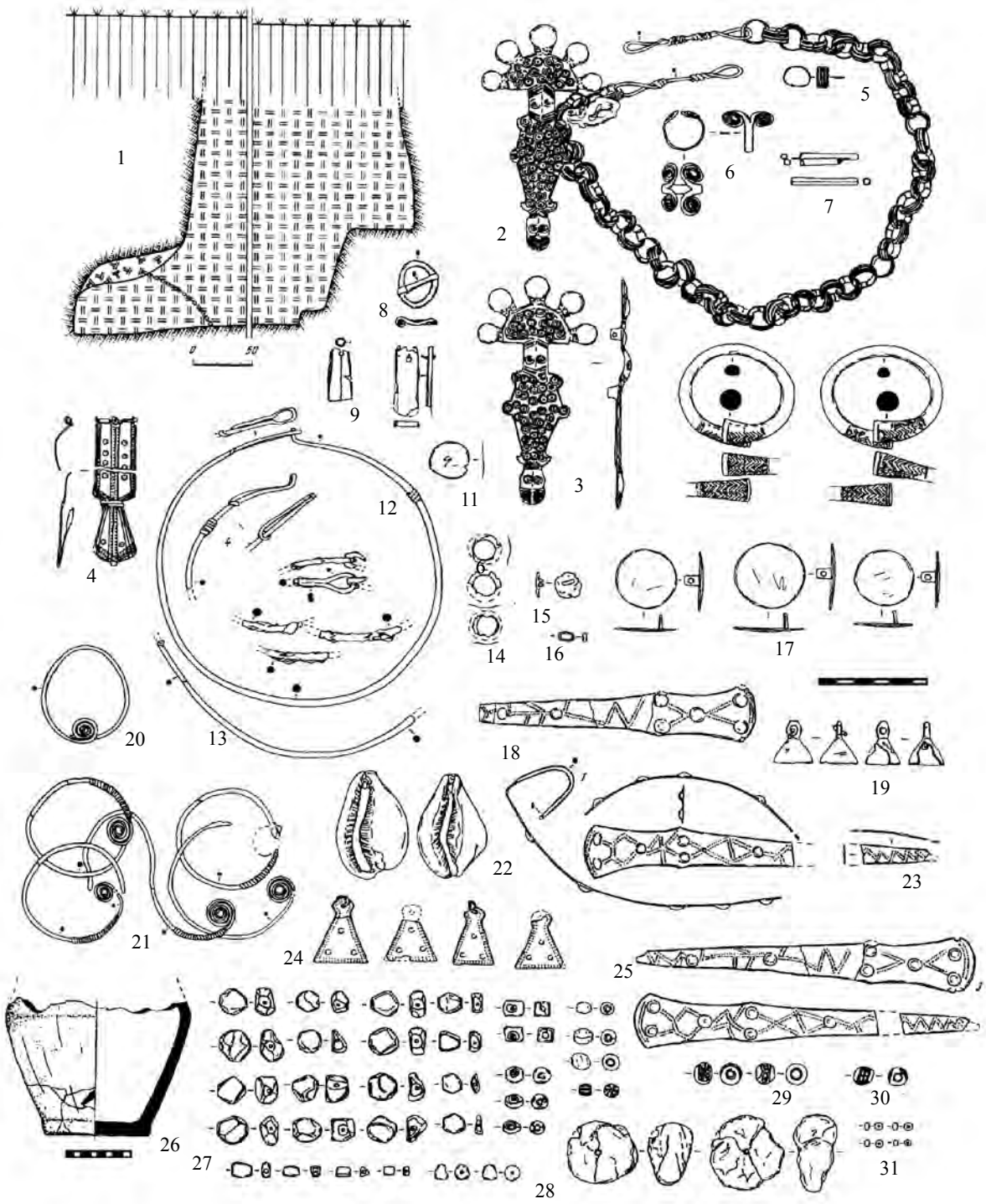


Рис. 4. Мохнач, погребение с вещами типа Мартыновки.
По: (Аксенов, Бабенко, 1998).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

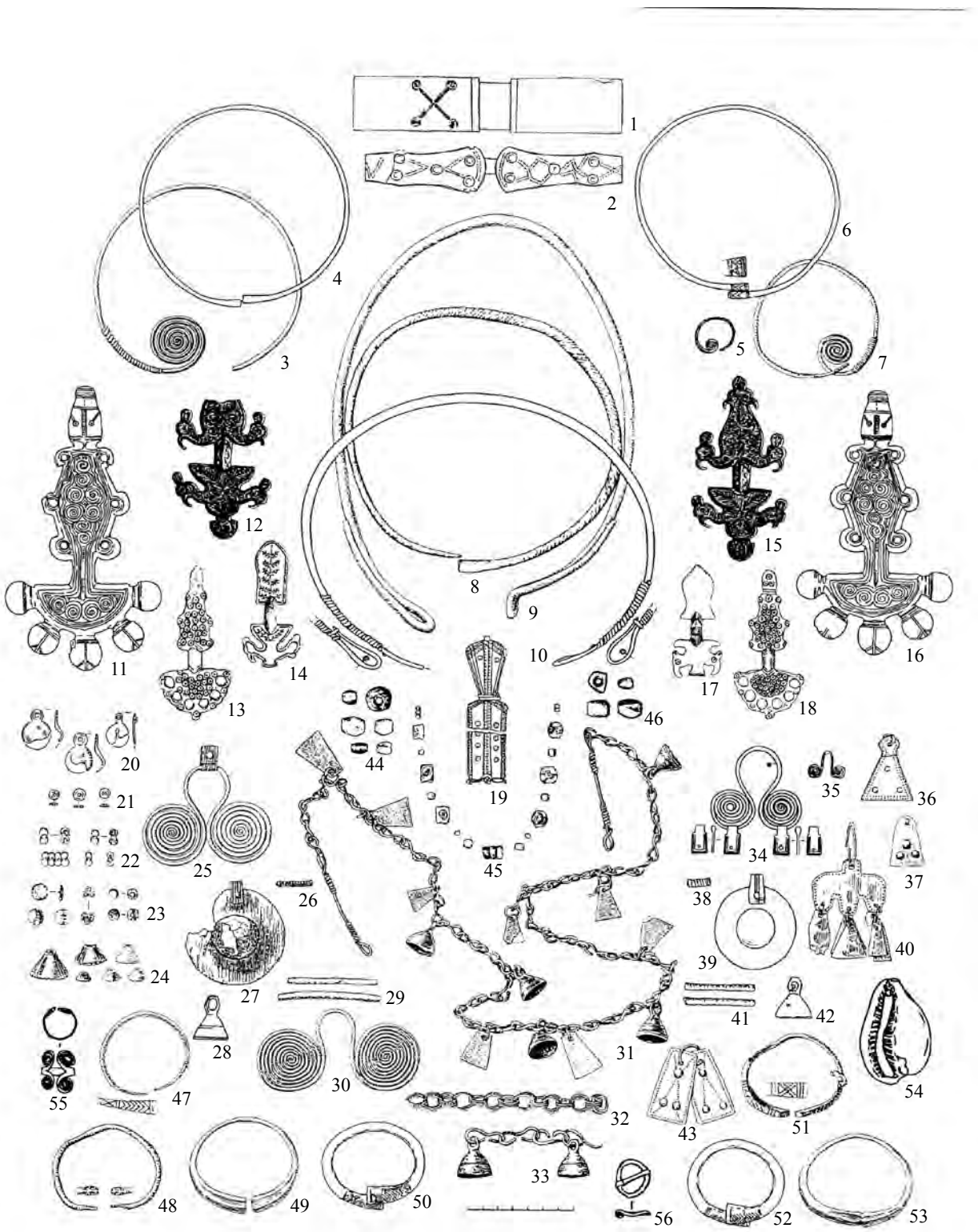


Рис. 5. Набор женских украшений мартыновского типа.
По: (Родинкова, 2007).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

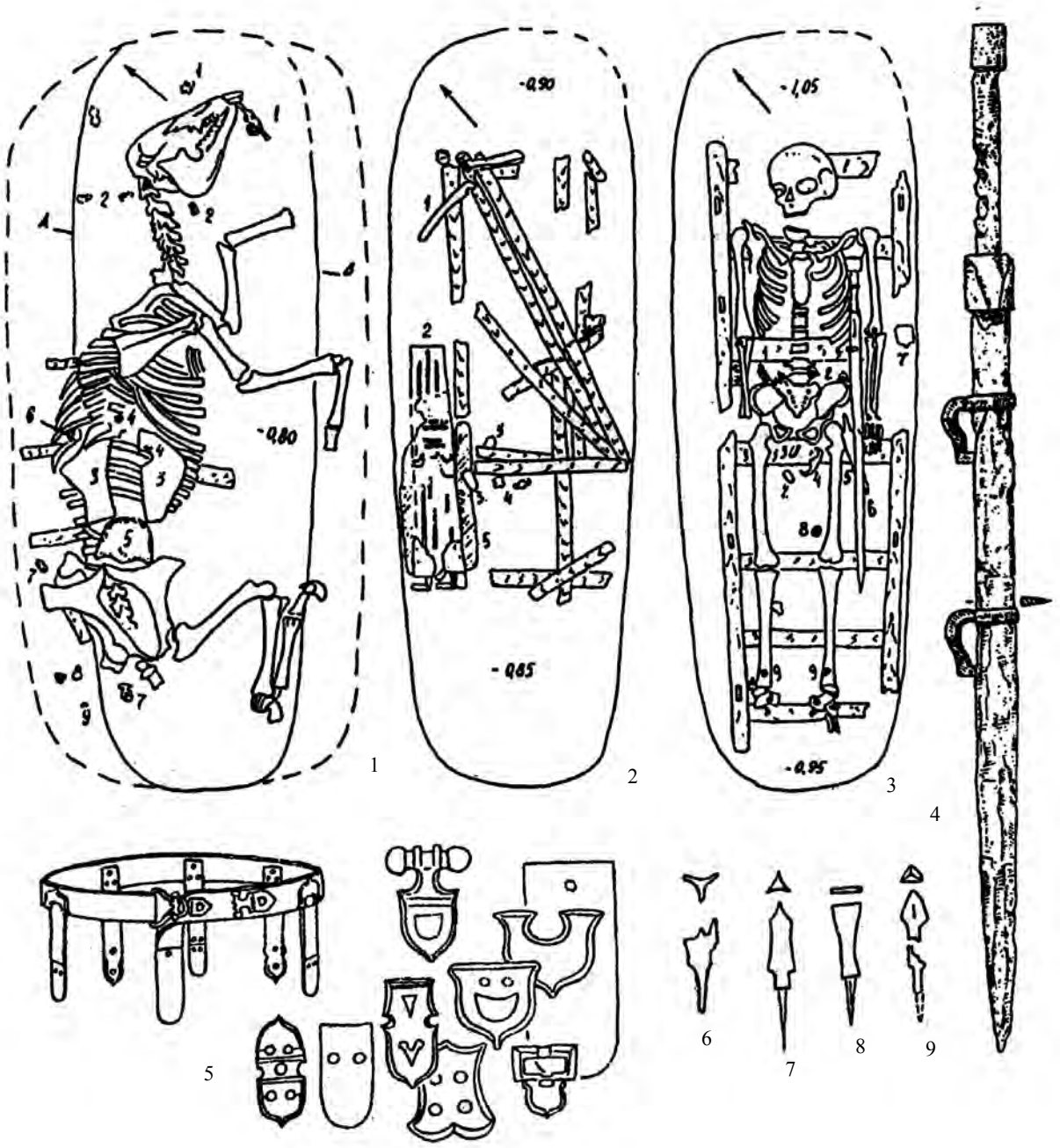


Рис. 6. Погребение Сивашовка.
По: (Рашев, 2004).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

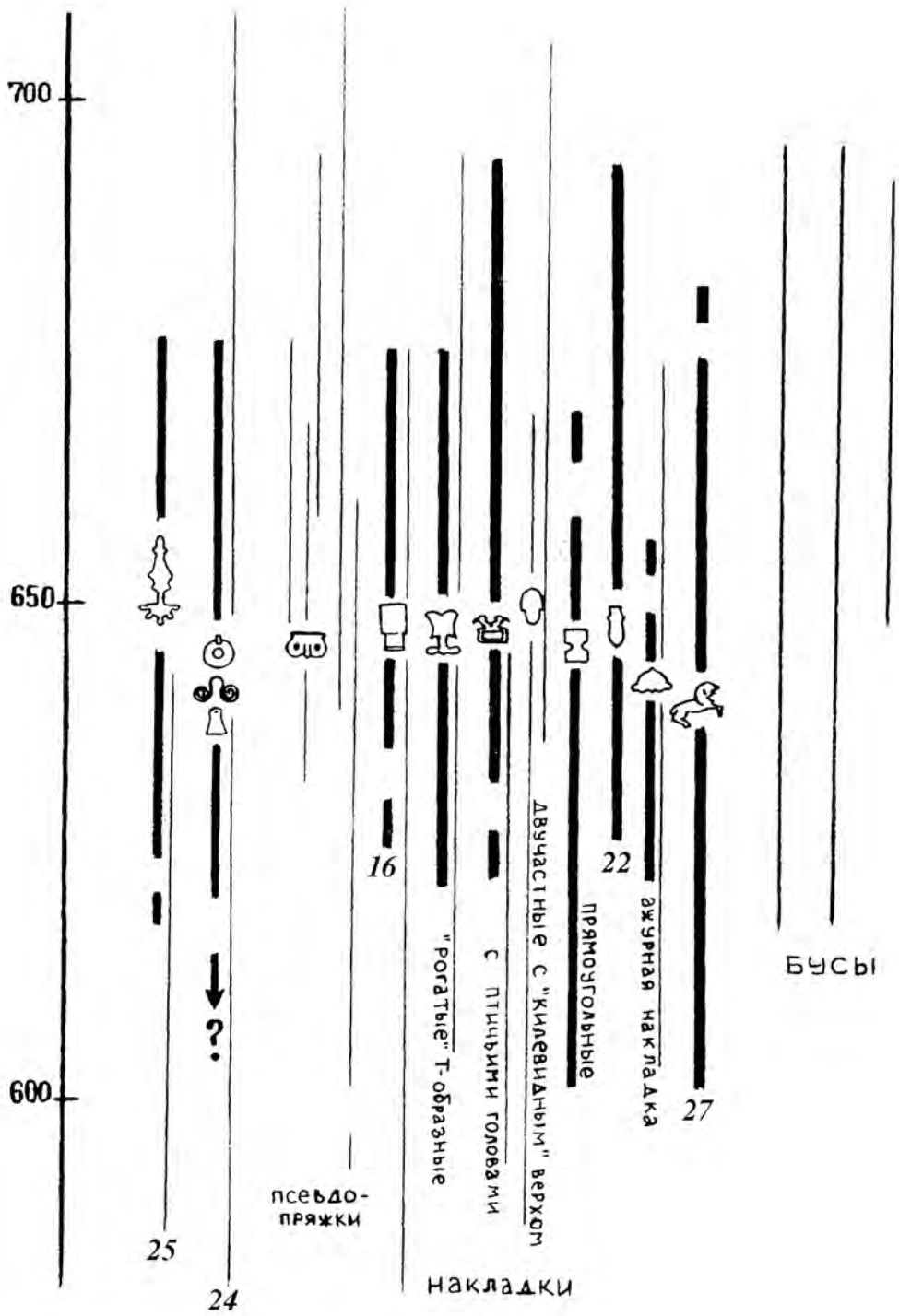


Рис. 7. Хронология кладов типа Мартыновка по И.О. Гавритухину и А.М. Обломскому (1996 г.).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

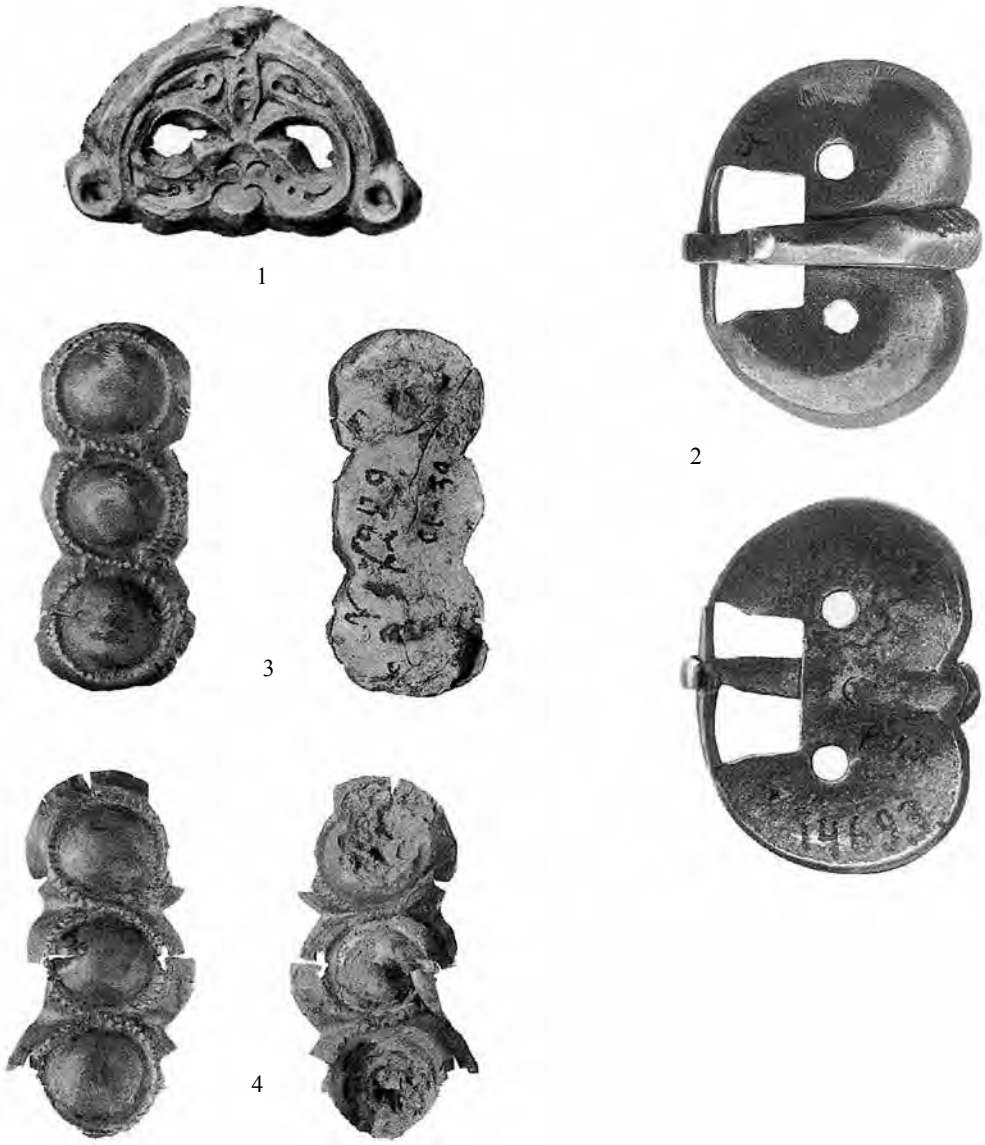


Рис. 8. Наиболее поздние вещи из Мартыновского клада.
По: (Pekarskaja, Kidd, 1994).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

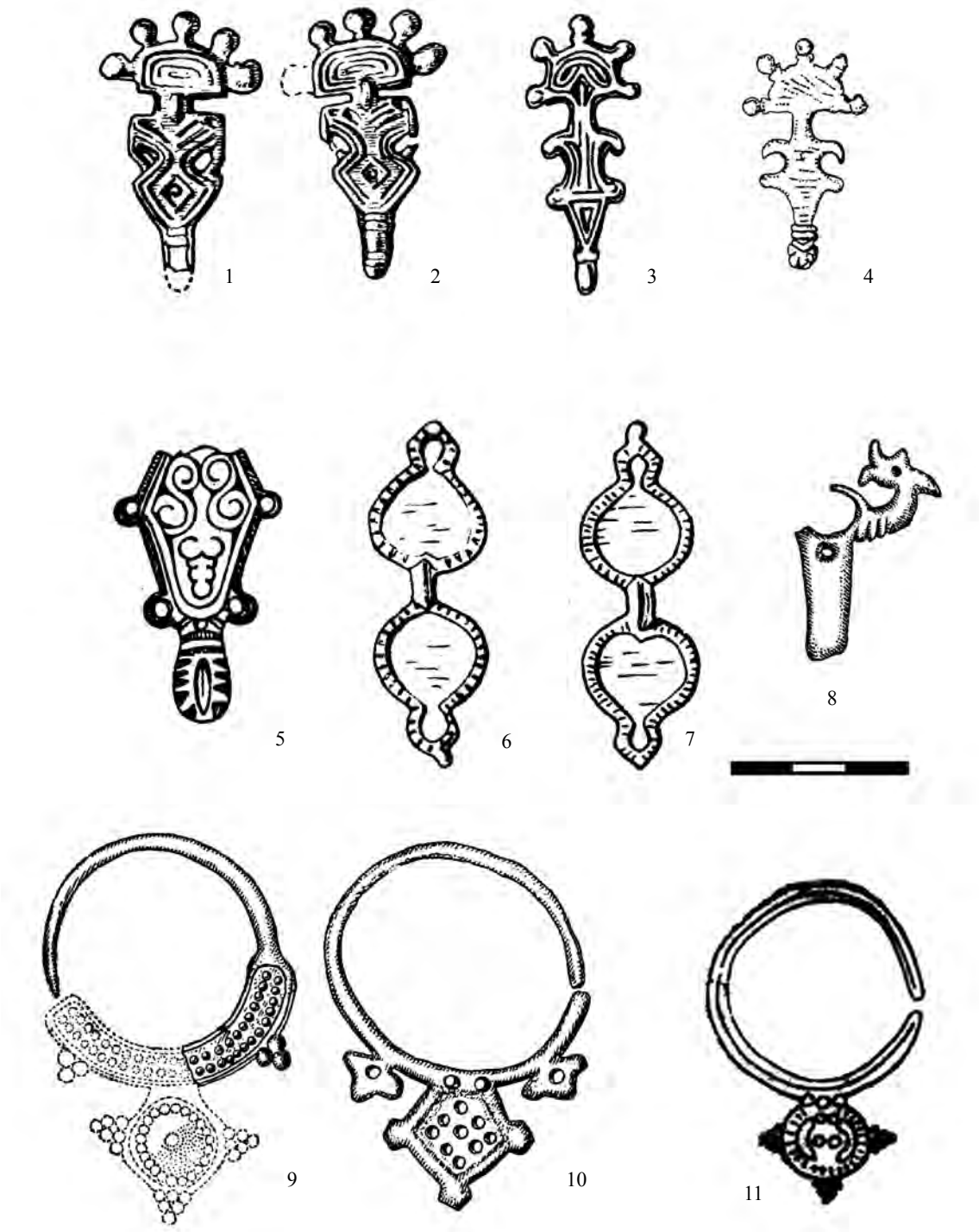


Рис. 9. Некоторые наиболее поздние вещи на памятниках пеньковской культуры украинской и молдавской лесостепи и на памятниках колочинской культуры Днепровского Лесостепного Левобережья.
1, 2 – Большие Будки; 3 – Ханска; 4 – Селиште; 5, 9, 10 – Семенки; 6, 7 – Ханска II; 8 – Самчинцы; 11 – Гайворон-Солгутов остров.
По: 1, 2 – (Горюнова, 1992); 3, 4 – (Гавритухин, 2005б); 5 – (Хавлюк, 1974); 6, 7 – (Teodor, 1994); 8–10 – (Хавлюк, 1963); 11 – (Приходнюк, 1975).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

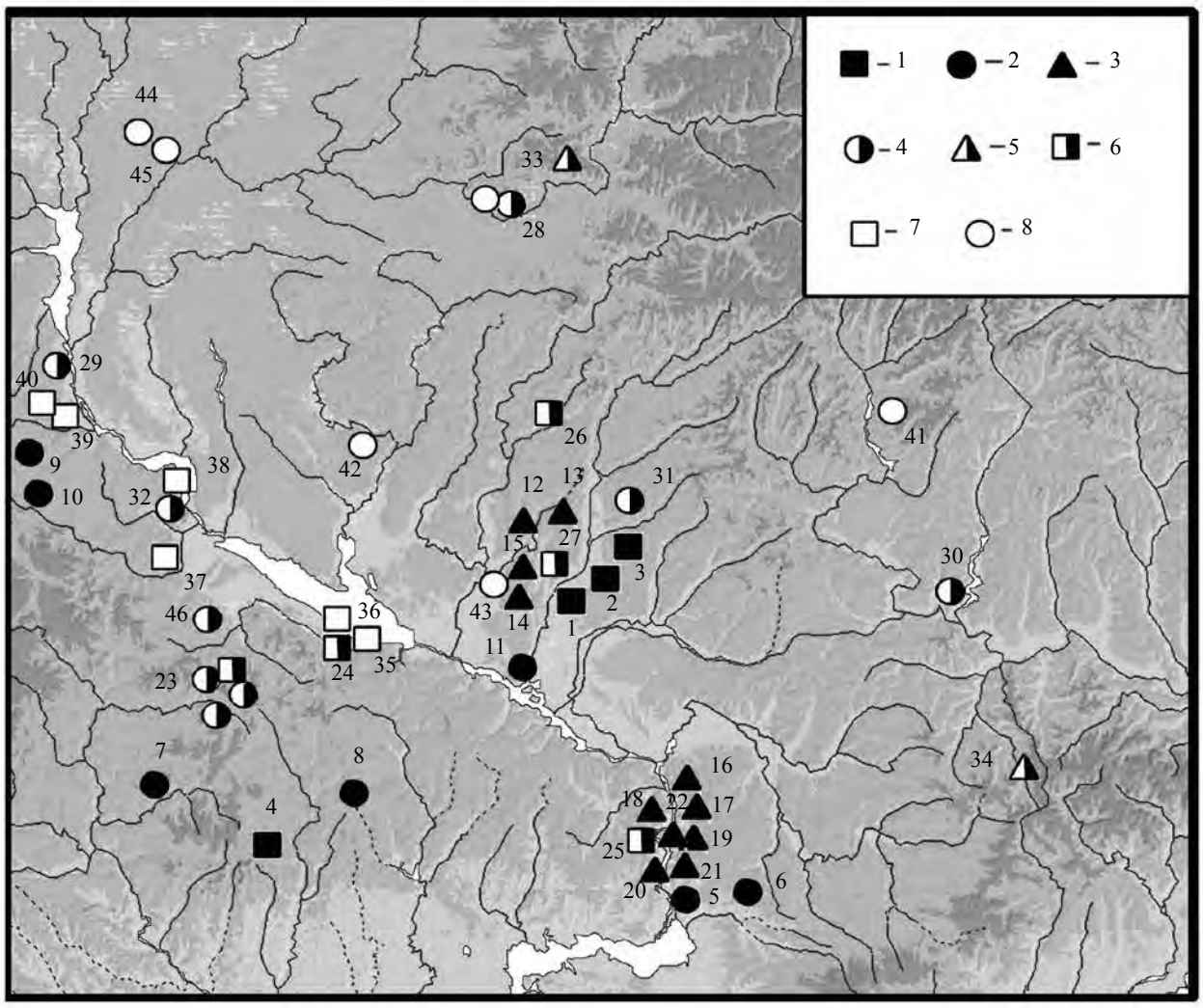


Рис. 10. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в середине и второй половине VII в. 1– памятники горизонта Перещепино; 2 – памятники группы Вознесенка; 3 – стойбища кочевого населения; 4 – клады группы 2 по О.А. Щегловой; 5 – ингумации второй половины VII в.; 6 – стационрные поселения с выраженными «неславянскими» чертами; 7 – памятники типа Сахновка (начальная фаза культуры Луки-Райковецкой); 8 – памятники «переходного» типа от пеньковских к волынцевским (раннее Волынцево?).

1 – Новые Санжары (Зачепиловка); 2 – Малое Перещепино; 3 – Макуховка; 4 – Печена; 5 – Вознесенка; 6 – Новогригорьевка; 7 – Глодосы; 8 – Ясиново; 9 – Журавлиха; 10 – Белая Церковь; 11 – Переволочная; 12 – Белокони; 13 – Лаврики; 14 – Полузорье-2; 15 – Чередники; 16 – Балка Яцева; 17 – Васильевка; 18 – Вовниги; 19 – Вороная; 20 – Федоровка; 21 – Орлово; 22 – Балка Клюшникова; 23 – Пастырское; 24 – Стецовка; 25 – Канцерка; 26 – Вовки; 27– Мачухи – Таранов Яр; 28 – Харьевка; 29 – Киев; 30 – Зайцев; 31– Блажки; 32 – Воробьевка; 33 – Разиньково; 34 – Ясиноватая; 35 – Луг I; 36 – Луг II; 37 – Сахновка; 38 – Монастырек; 39 – Ходосовка; 40 – Обухов-2; 41– Шоссейное; 42 – Хитцы; 43 – Полузорье-1; 44 – Александровка-I; 45 – Роище; 46 – Самгородок.

Ввиду масштаба карты, локализация памятников приблизительна.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

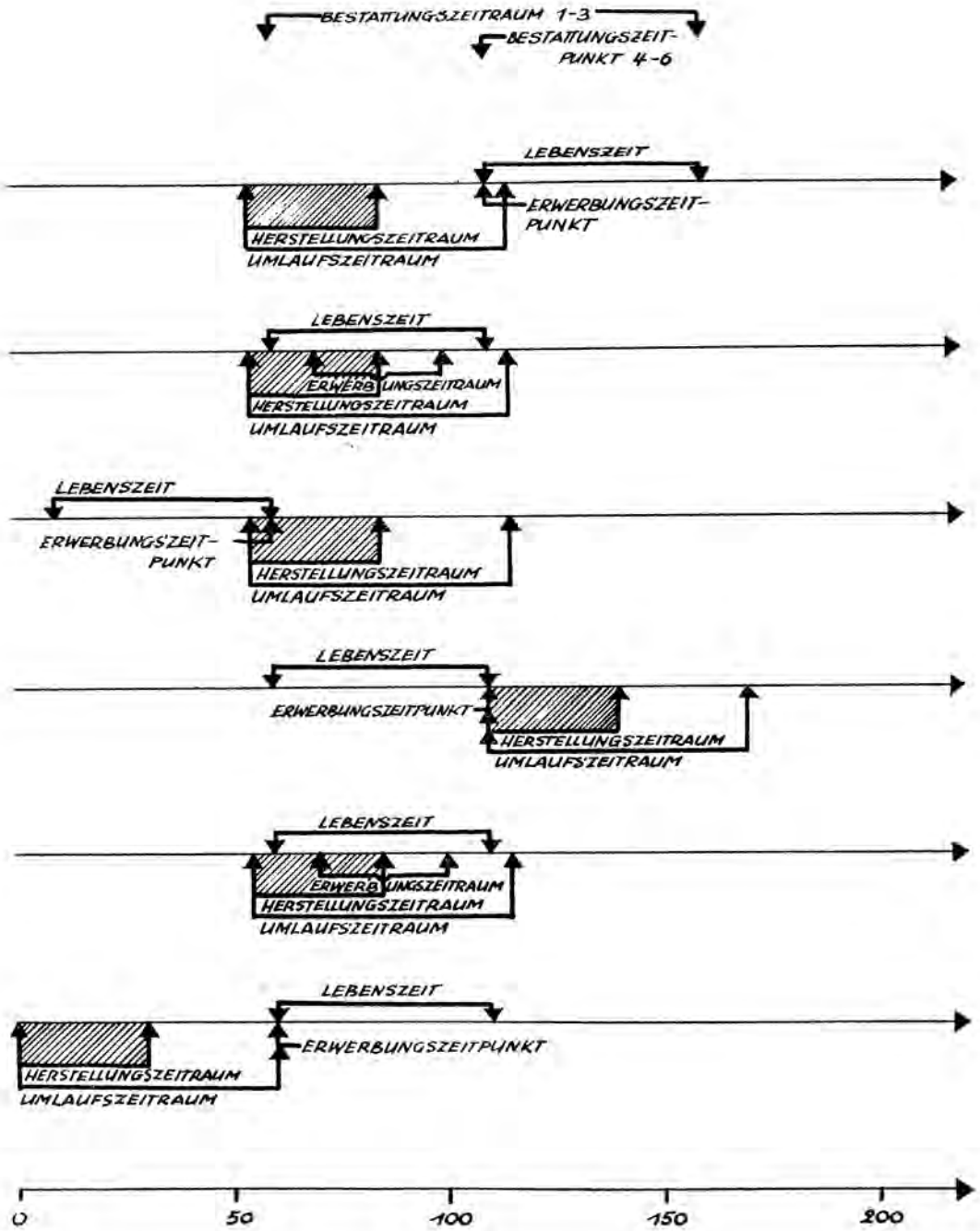


Рис. 11. Возможные соотношения между временем изготовления вещи (Herstellungszeitraum), периодом ее использования (Umlaufszeitraum), моментом ее попадания к владельцу (Erwerbungszeitpunkt) и его возрастом (Lebenszeit).
По: (Steuer, 1977).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

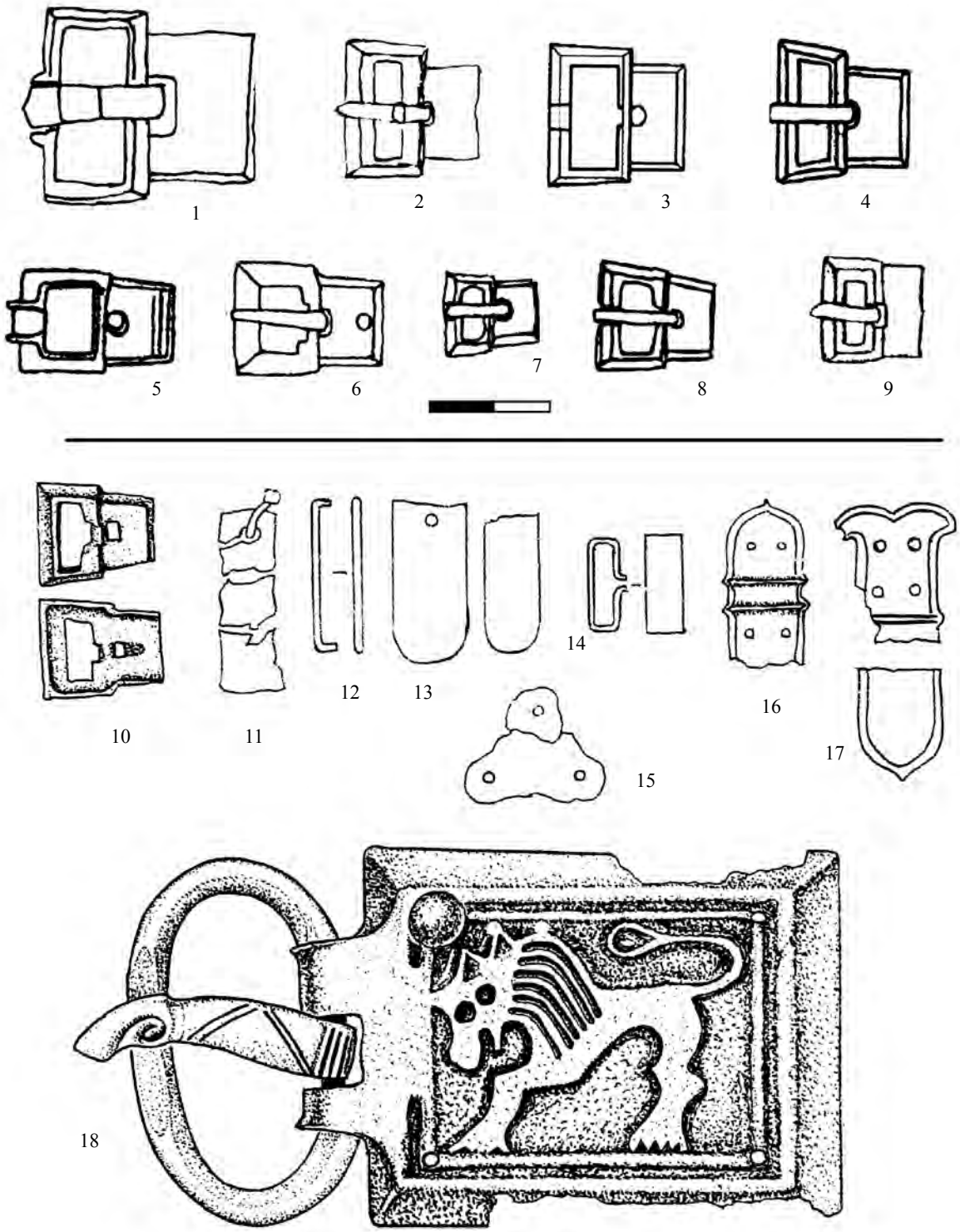


Рис. 12. Цельнолитые прямоугольные пряжки.
1 – Малое Перещепино; 2 – Христофоровка; 3 – Арцыбашево; 4 – Виноградное; 5 – Мокрая Балка; 6 – Зиновьевка; 7 – Сивашовка; 8 – «Царский курган»; 9 – Портовое; 10–18 – Скалистое, погр. 403. По: 1–9 – (Комар, 2006); 10–18 – (Веймарн, Айбабин, 1993).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

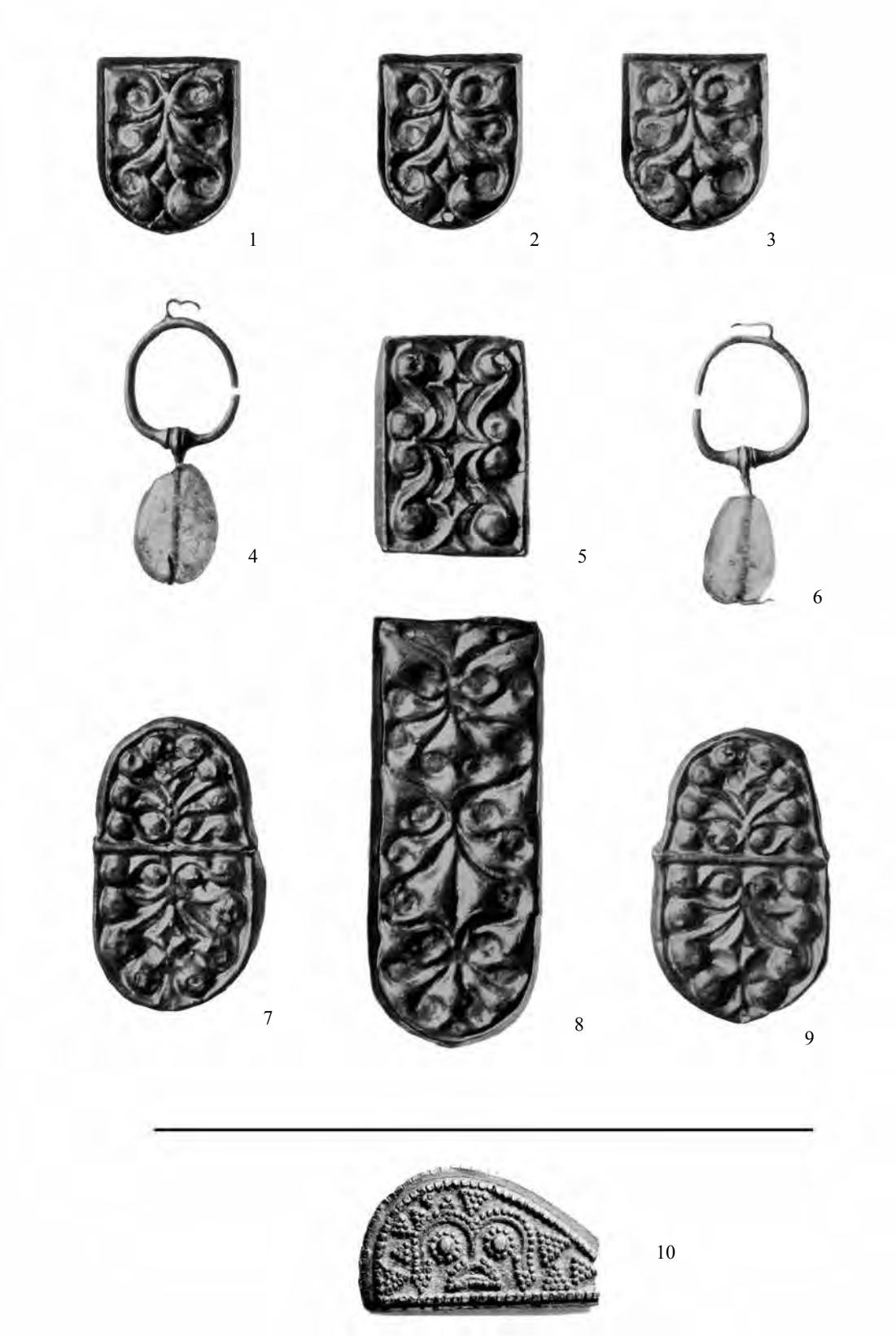
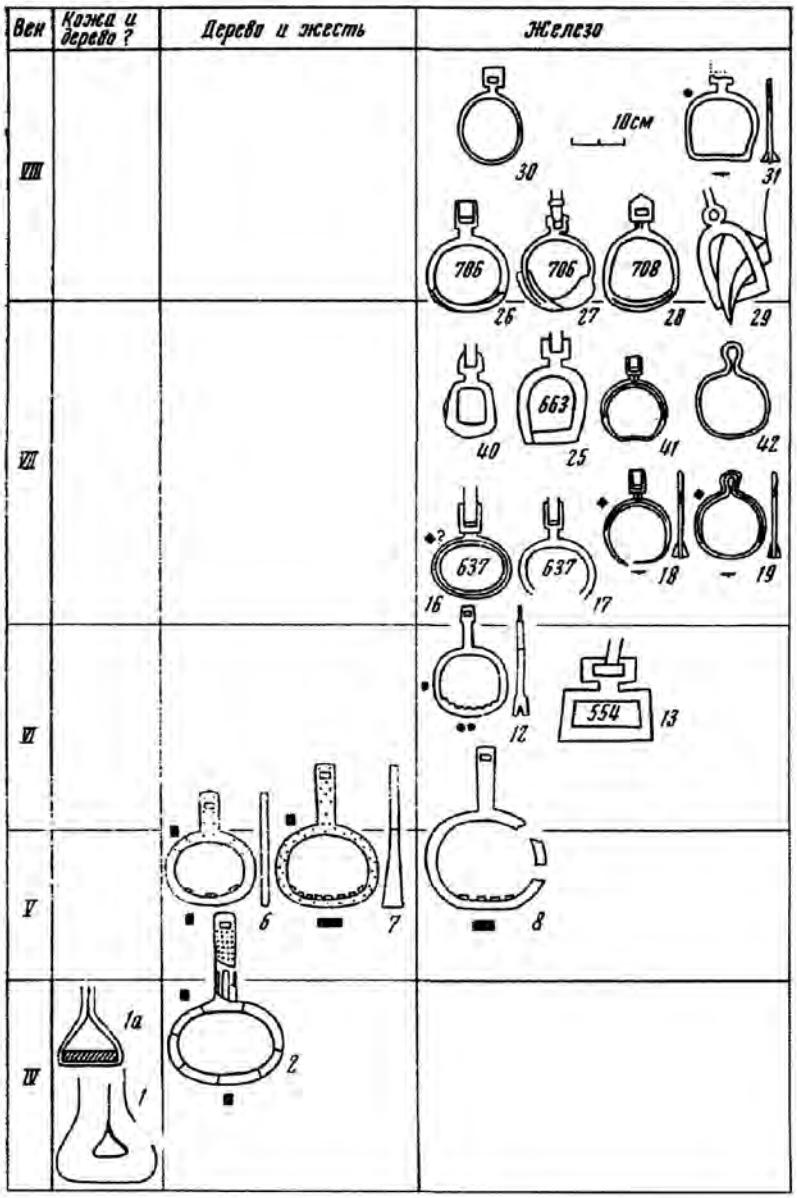
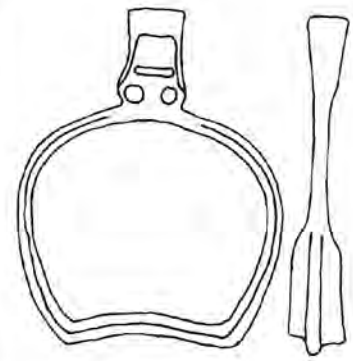


Рис. 13. Находки группы Вознесенка.
1–9 – Ясиново (Архив ИИМК РАН, фонд № PVII, Арх. № 112); 10 – Переволочная (Архив ИИМК РАН, негатив IV 921; В.В. Хвойка, ДАК 99, 1891).

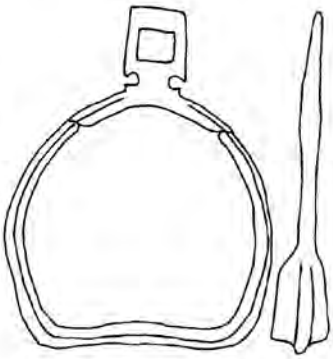
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



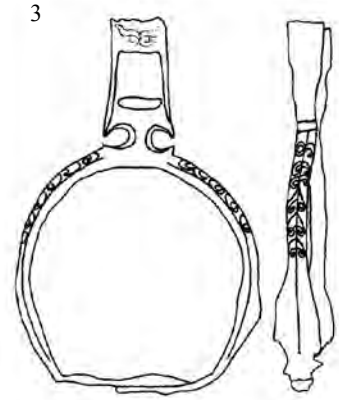
1



2



3



4

Рис. 14. Стремена с выгнутой подножкой и их место в эволюции стремян.
1 – схема эволюции стремян по А.К. Амброзу (1973); 2–4 – Вознесенка (Комар, 2006).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

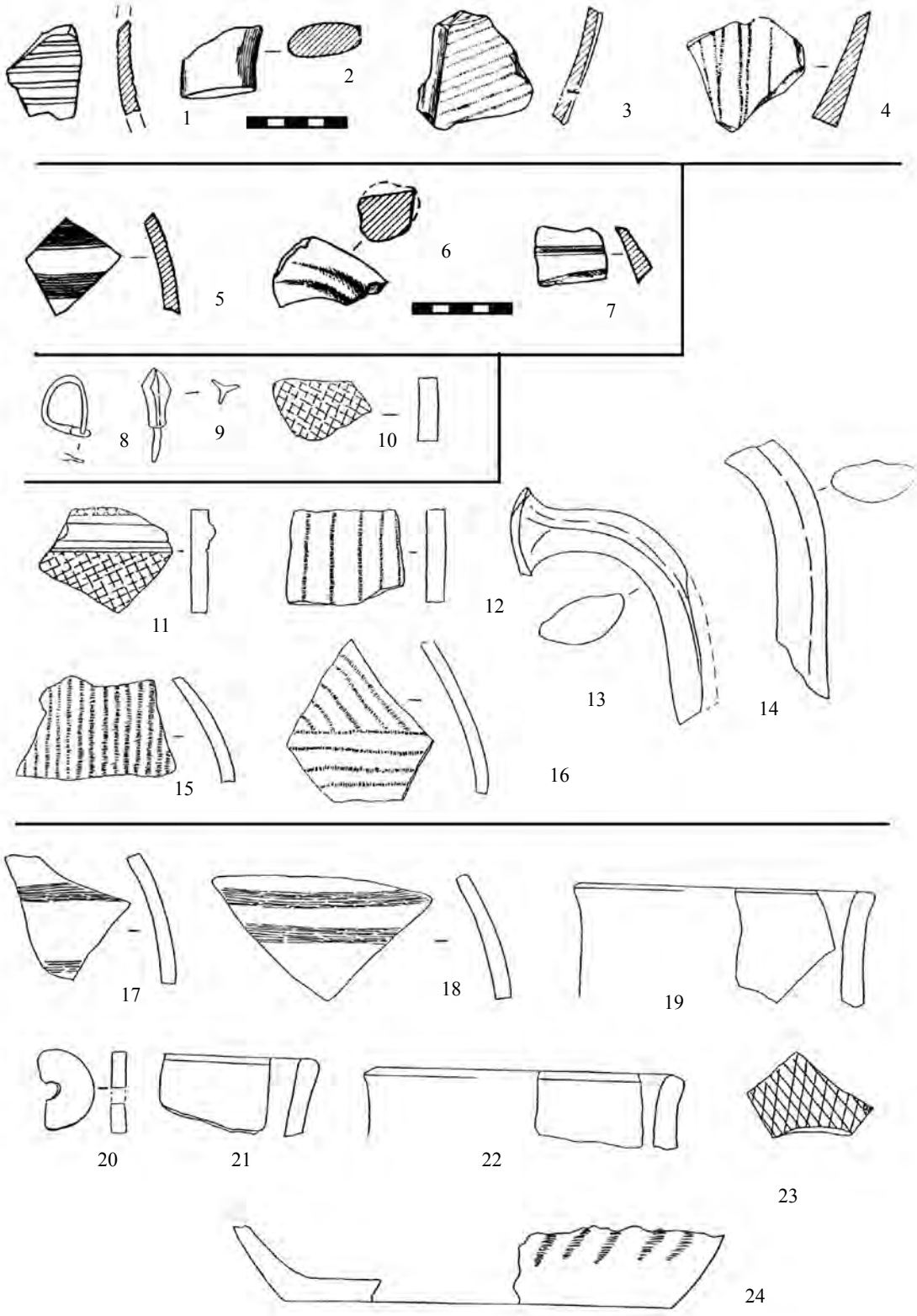
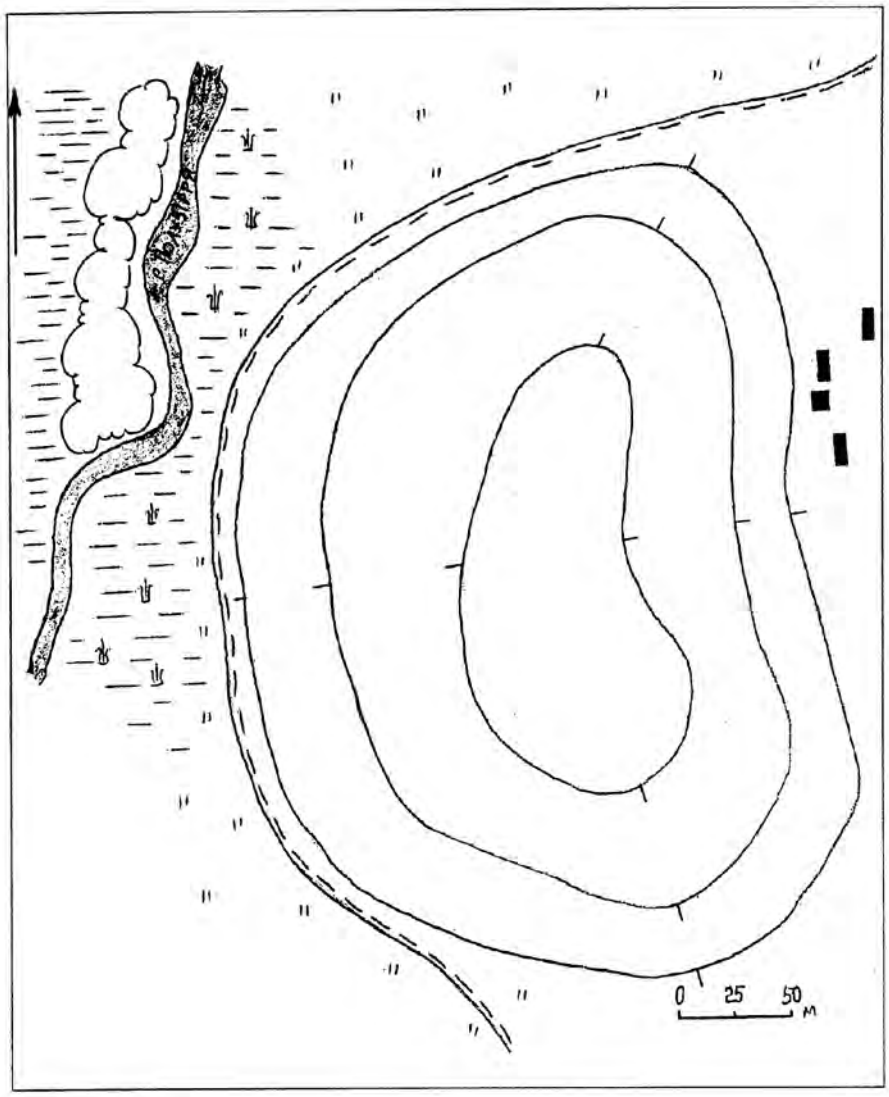


Рис. 15. Находки на стойбищах кочевников.
1–4 – Белокони; 5–7 – Чередники; 8–10 – Вовниги; 11–14 – Орлово; 17–24 – Балка Клюшникова. 1, 3–5, 7, 11, 12, 15, 16, 19–24 – гончарная лощеная керамика; 8 – бронза; 9 – железо; 2, 13, 14, 17, 18 – амфоры
По: 1 – (Горюнов, 1987); 8–24 – (Kazanski, 1987).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



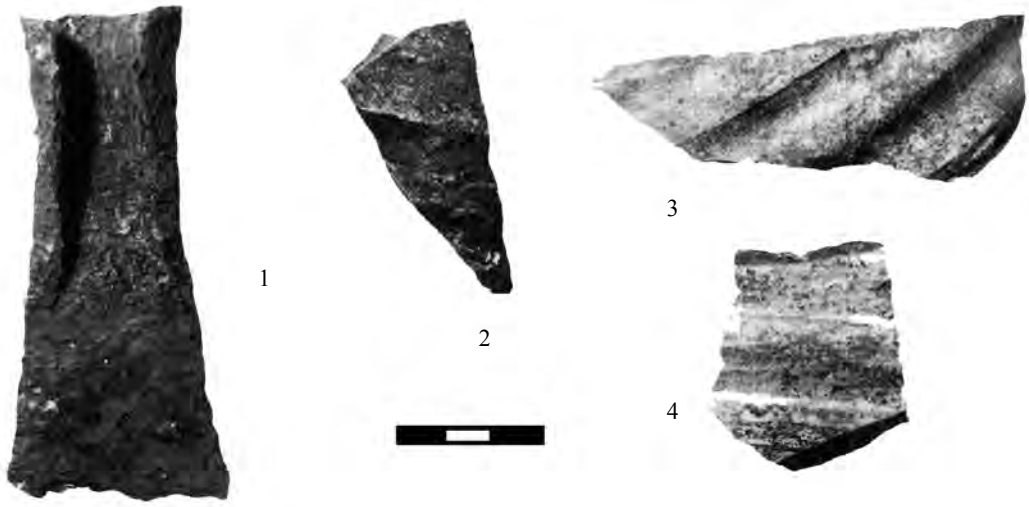


Рис. 16. Стойбище Полузорье-2 и находки на нем.
1 – железо; 2–4 – фрагменты амфор.
По: 1–4 – (Kazanski, 1987); глазомерный план памятника (Горюнов, Казанський, 1998).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

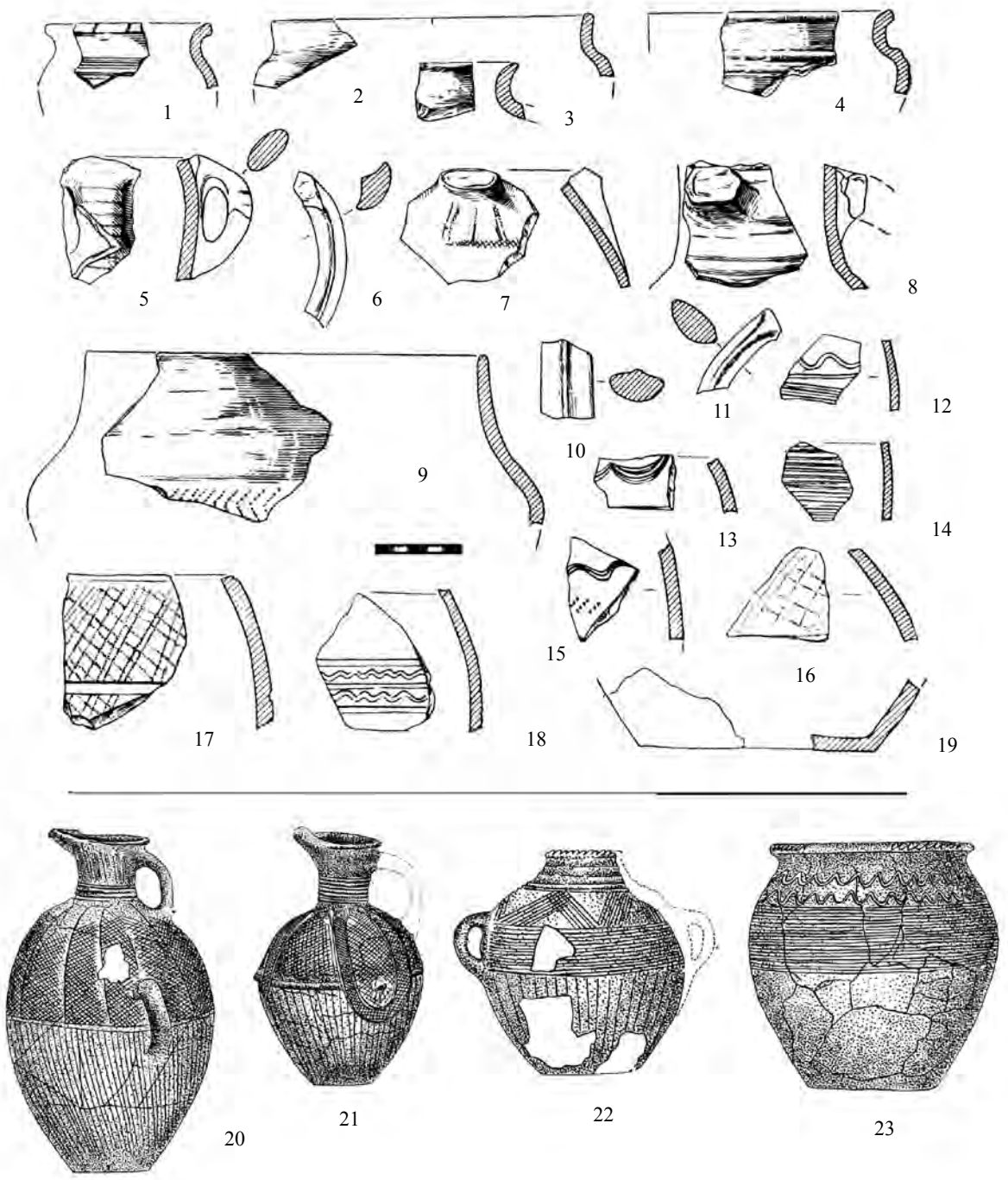


Рис. 17. Гончарная керамика стационарных памятников неславянского «южного» населения.
1–19 – Вовки; 20–23 – Канцерка.
По: 1–19 – (Горюнов, 1987); 20–23 – (Сміленко, 1975).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

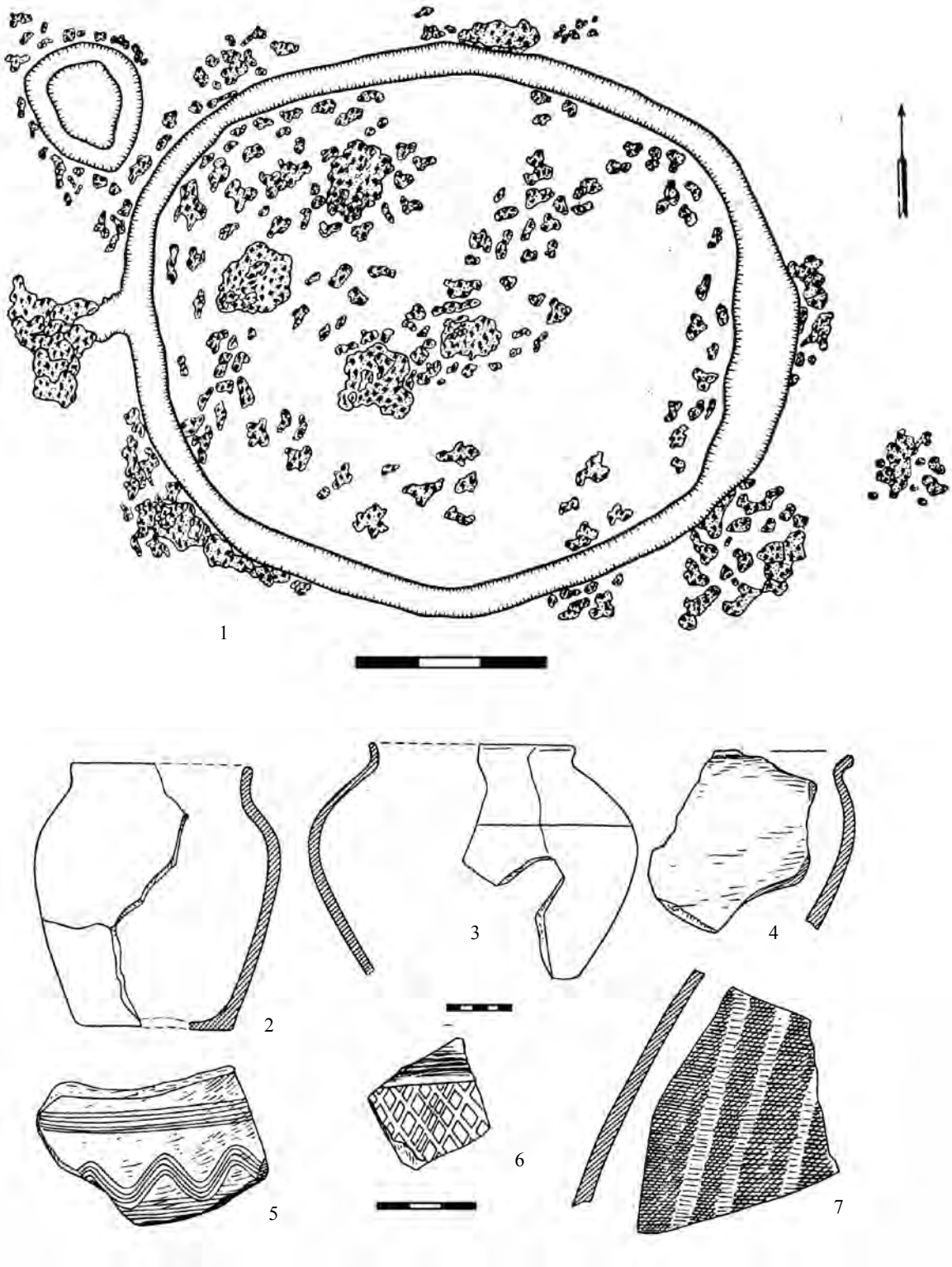


Рис. 18. Стецовка.
2, 4: лепная керамика; 3,5–7: гончарная керамикаБ
По: 1 – (Петров, 1963); 2–7 – (Рутковская, 1974).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

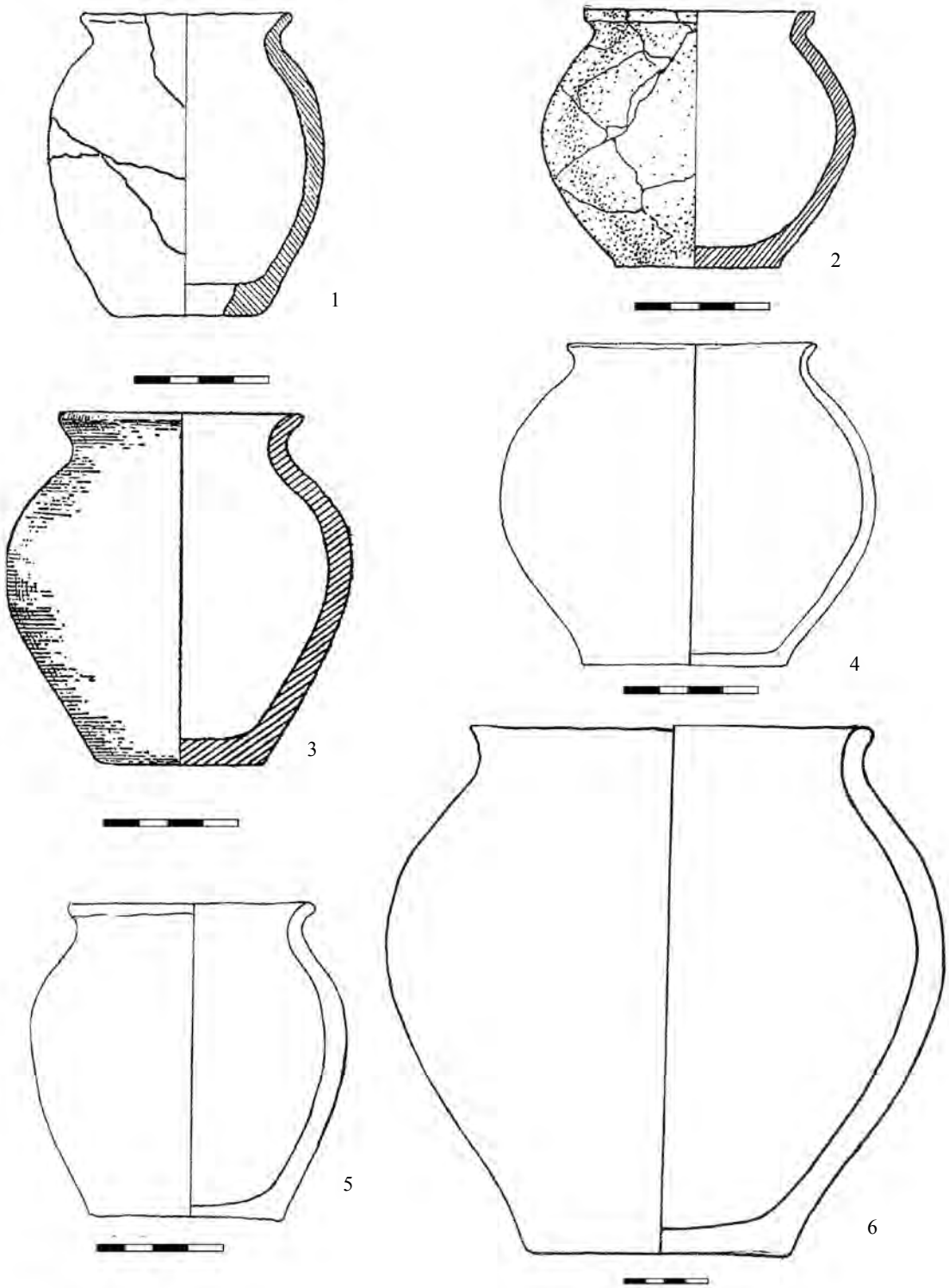


Рис. 19. Лепная керамика Пастырского городища.
По: (Приходнюк, 2005).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

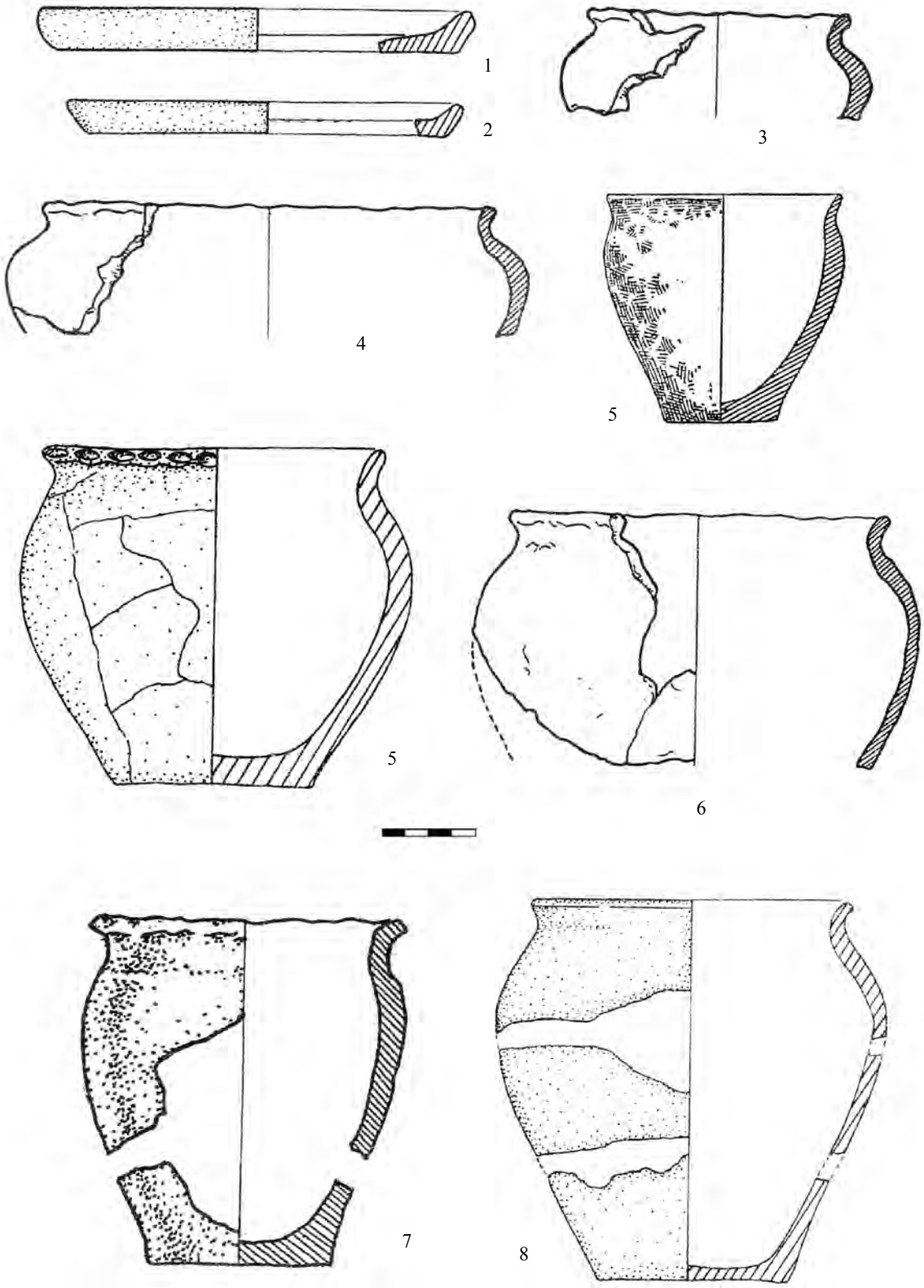


Рис. 20. Лепная керамика Пастырского городища.
По: (Приходнюк, 2005).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

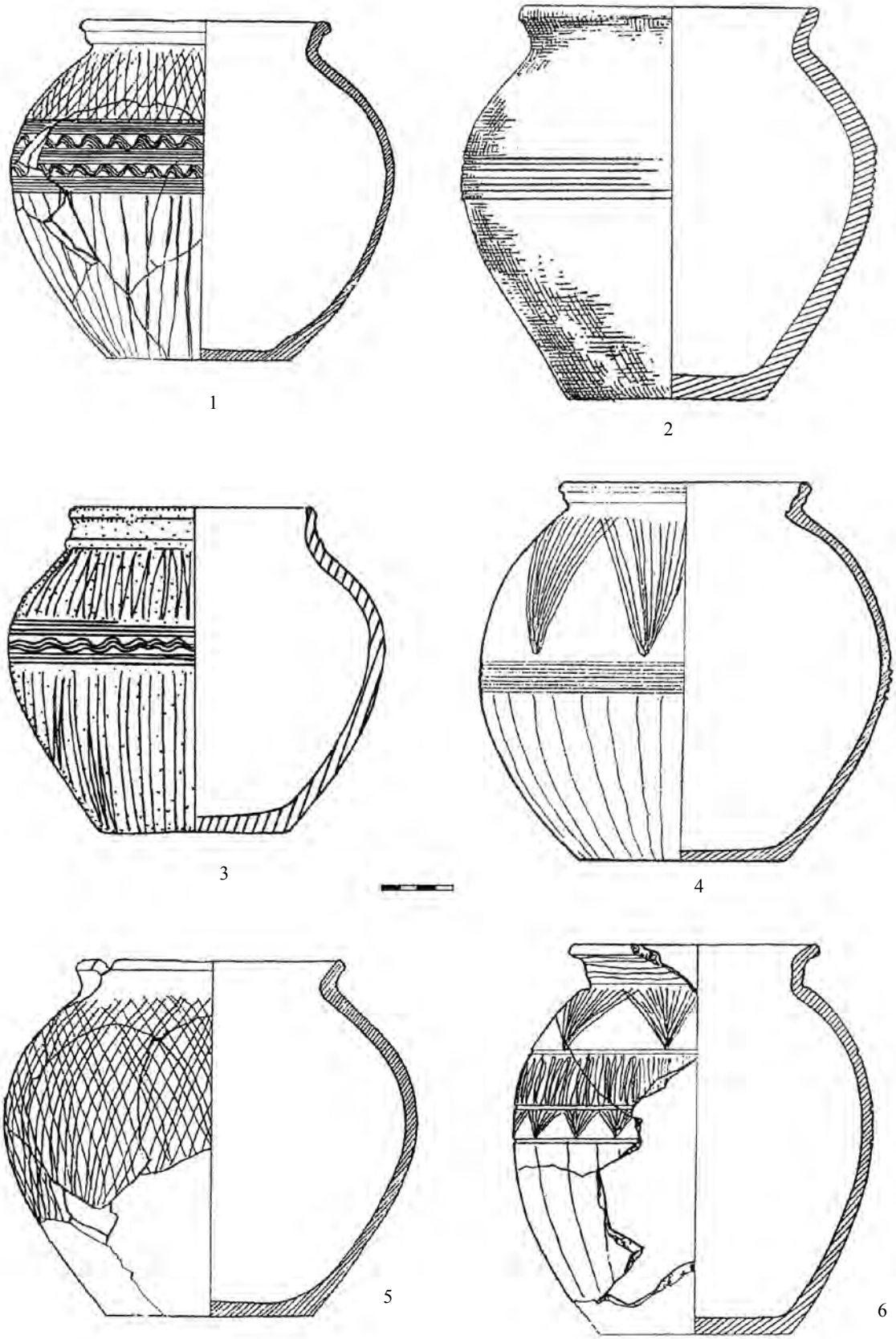


Рис. 21. Гончарная лощеная керамика Пастырского городища.
По: (Приходнюк, 2005).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

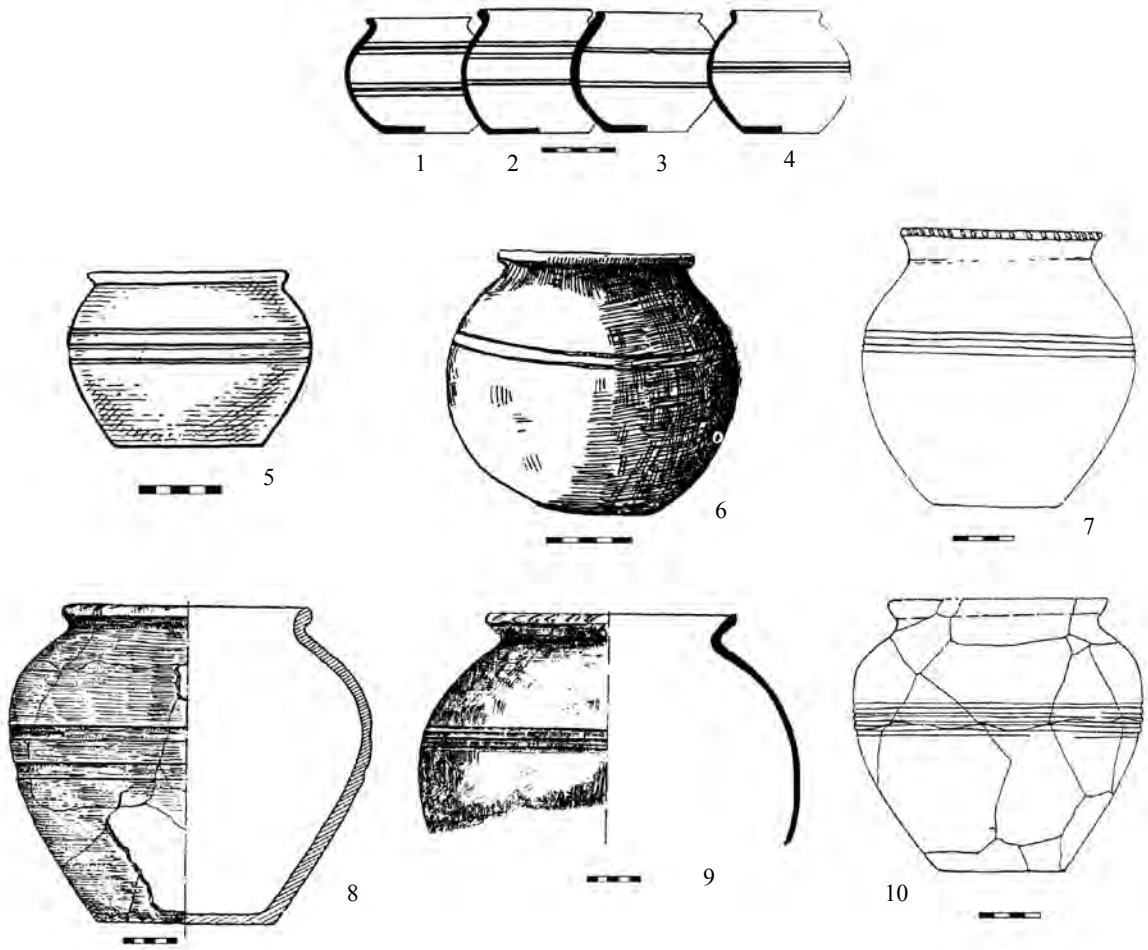


Рис. 22. Кавказские параллели гончарной керамике Пастырского городища.
1–4 – Чир-Юрт; 5 – Андрей-Аул; 6 – Харачой; 7, 10 – Мокрая Балка; 8, 9 – Зилги.
По: 1–4 – (Ковалевская 2005); 5 – (Абрамова, Магомедов, 1980); 6 – (Багаев, 2008); 7, 10 – (Малашев, 2001); 8, 9 – (Arzhantseva, Deopik, Malashev, 2000).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

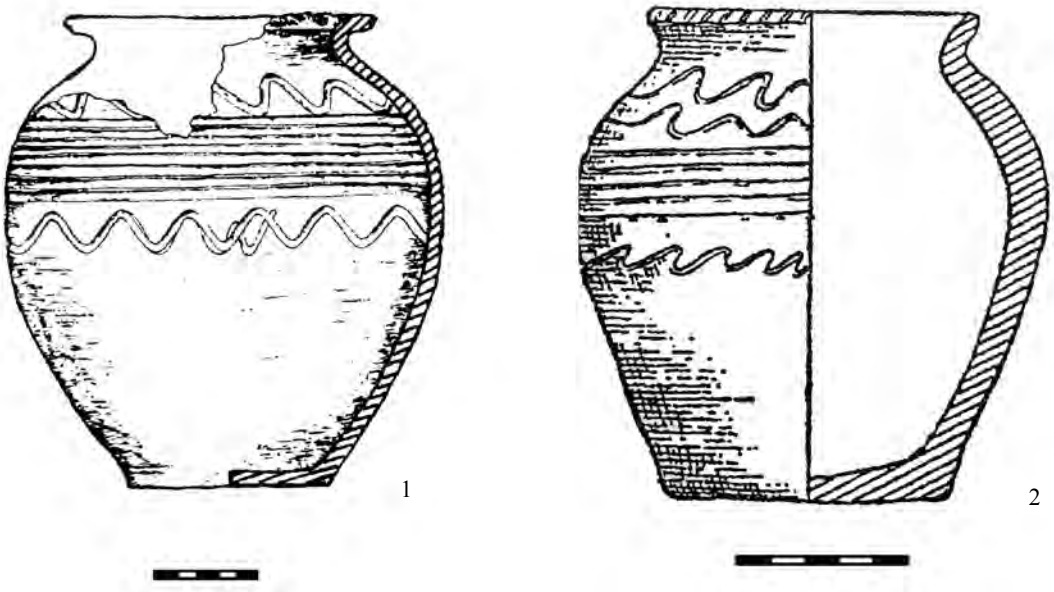


Рис. 23. Кавказские параллели гончарной керамике Пастырского городища.
1– Клин-Яр; 2 – Пастырское.
По: 1– (Флёров, 2000); 2 – (Приходнюк, 2005).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

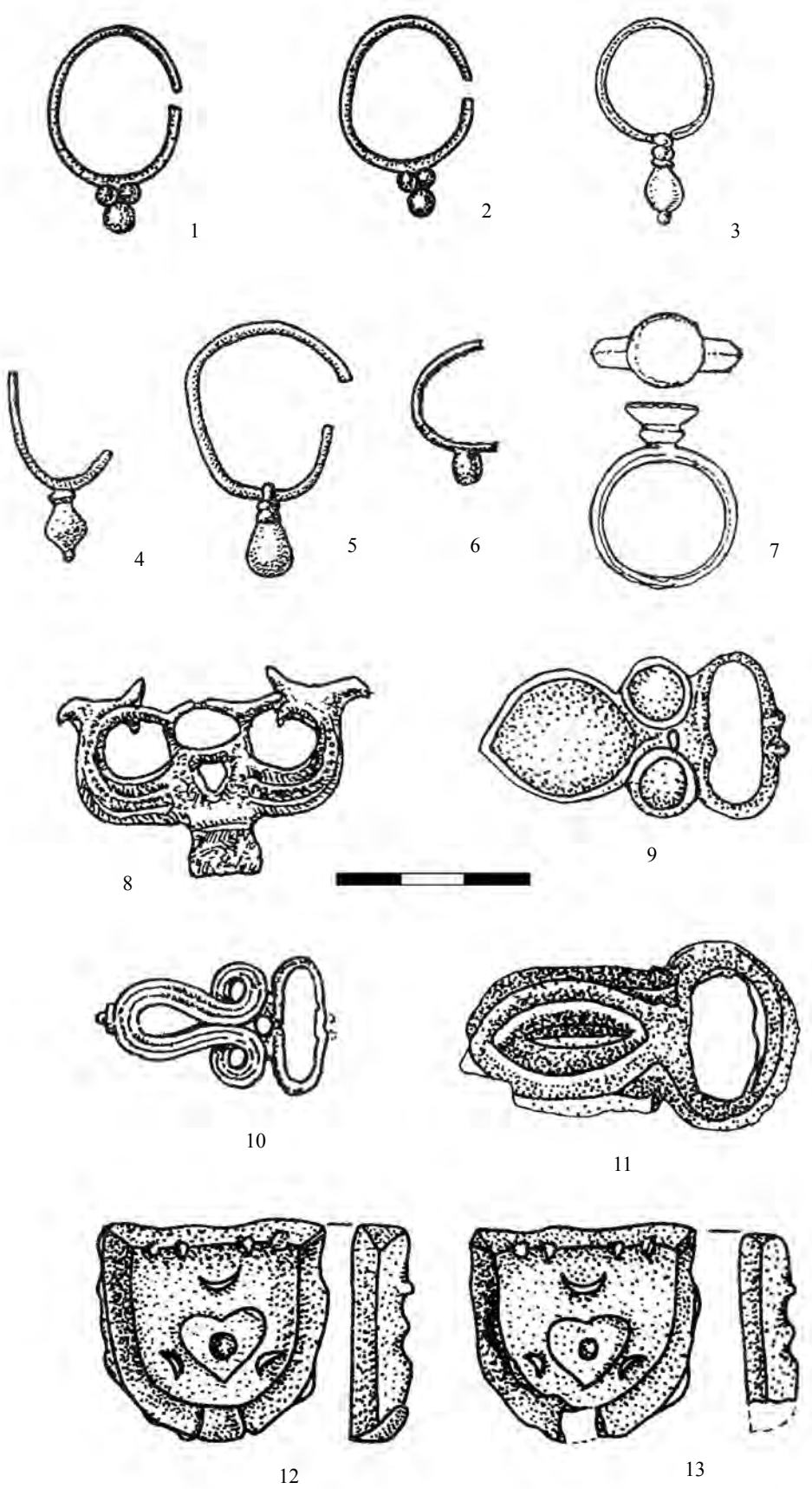


Рис. 24. Пастырское, вещи средиземноморско– византийской традиции. По: (Приходнюк, 2005).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

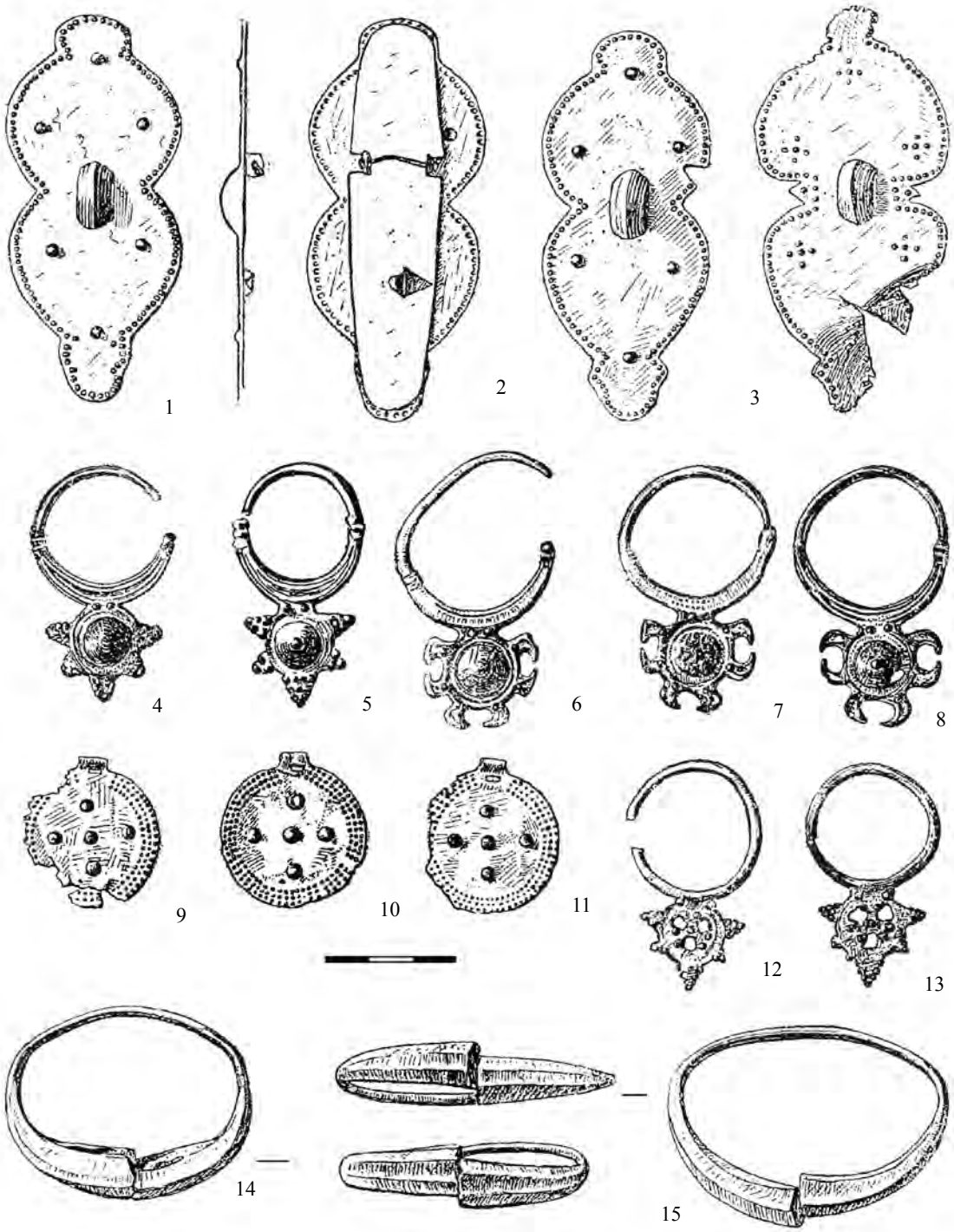


Рис. 25. Пастырское, клад 1949 г.
По: (Приходнюк, 2005).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

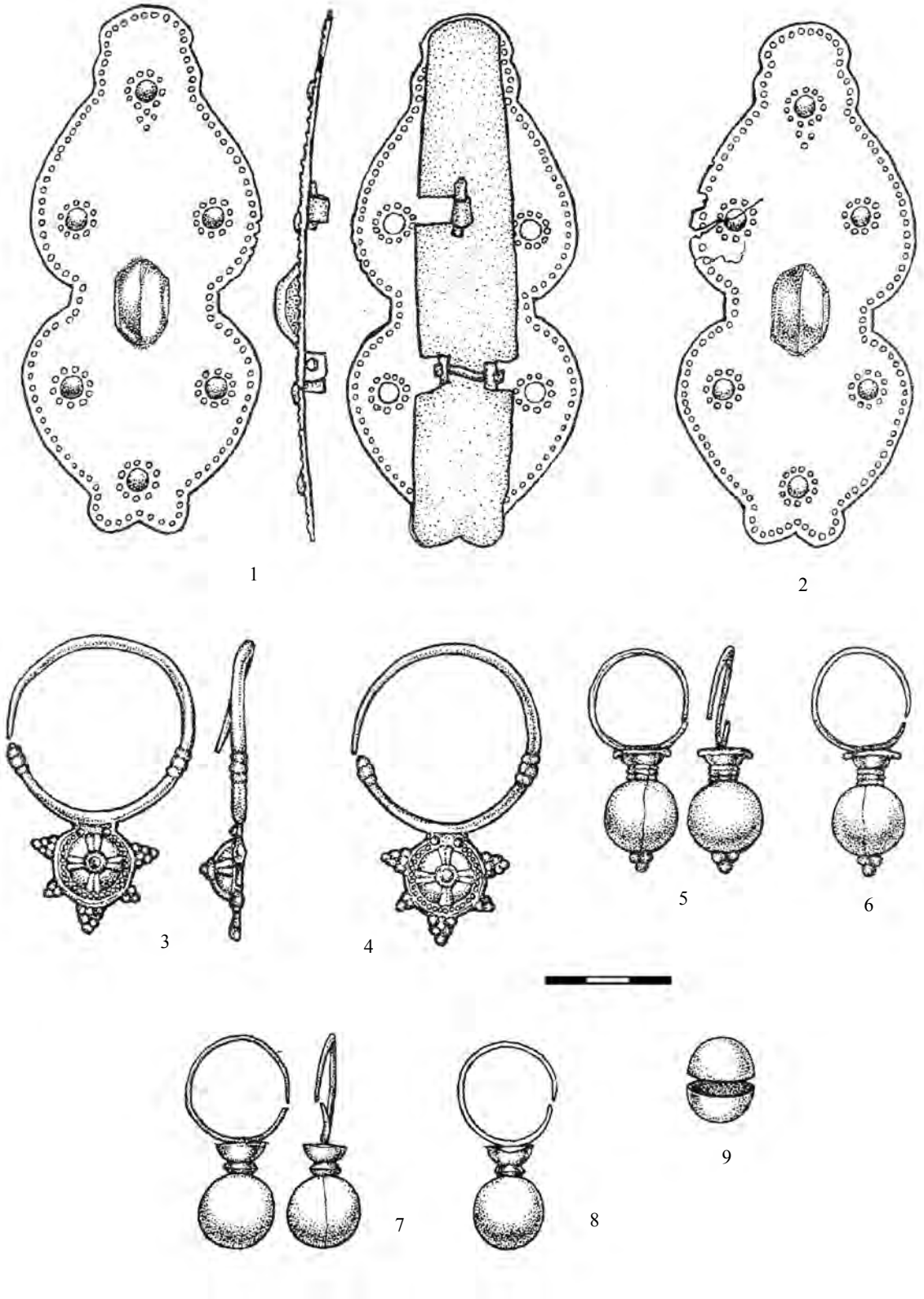


Рис. 26. Пастырское, клад 1992 г.
По: (Приходнюк, 2005).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

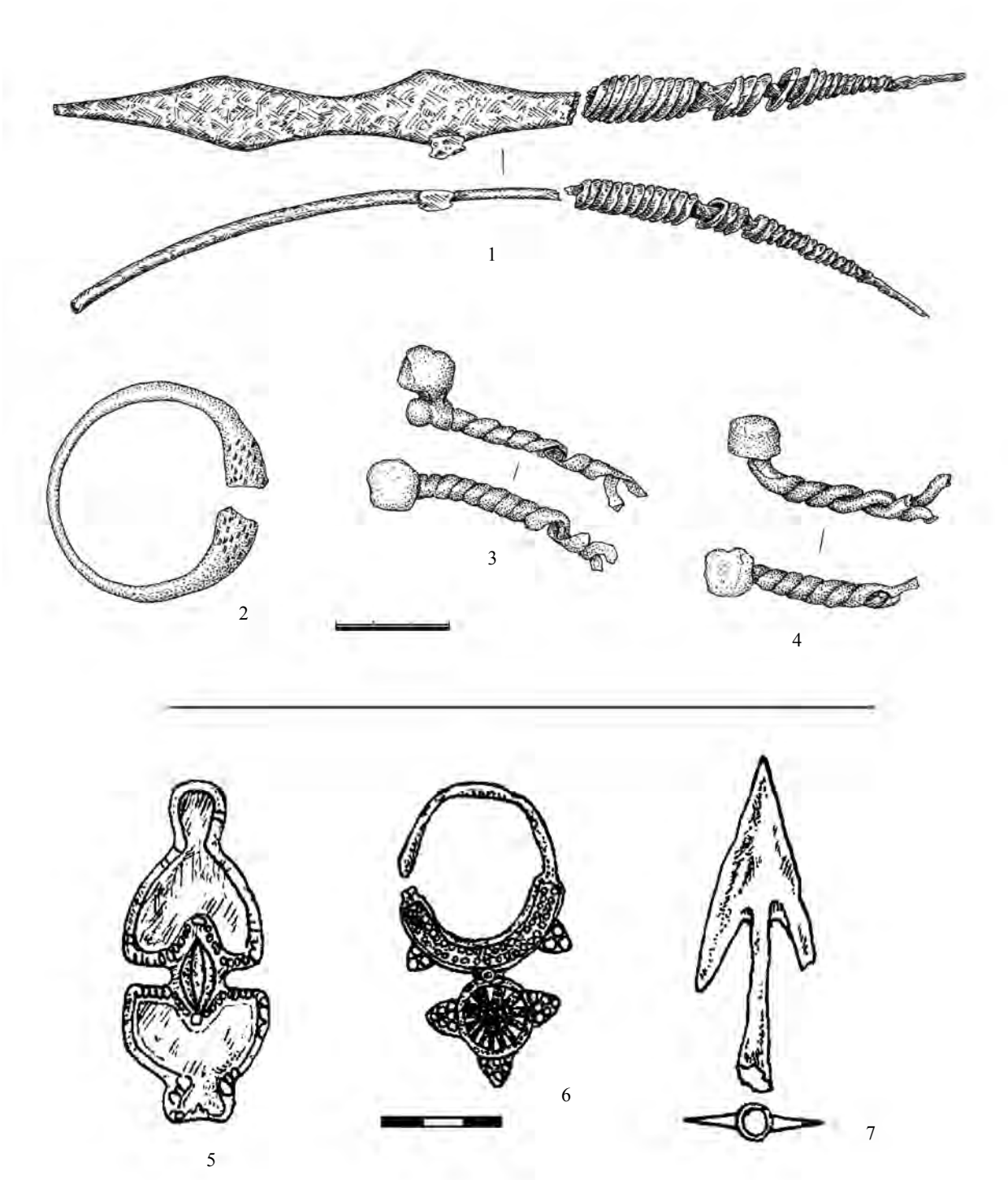


Рис. 27. Погребения второй половины VII в.
1–4 – Разиньково; 5–7 – Ясиноватая.
По: 1–4 – (Мастыкова, 2012); 5–7 – (Швецов, 2010).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

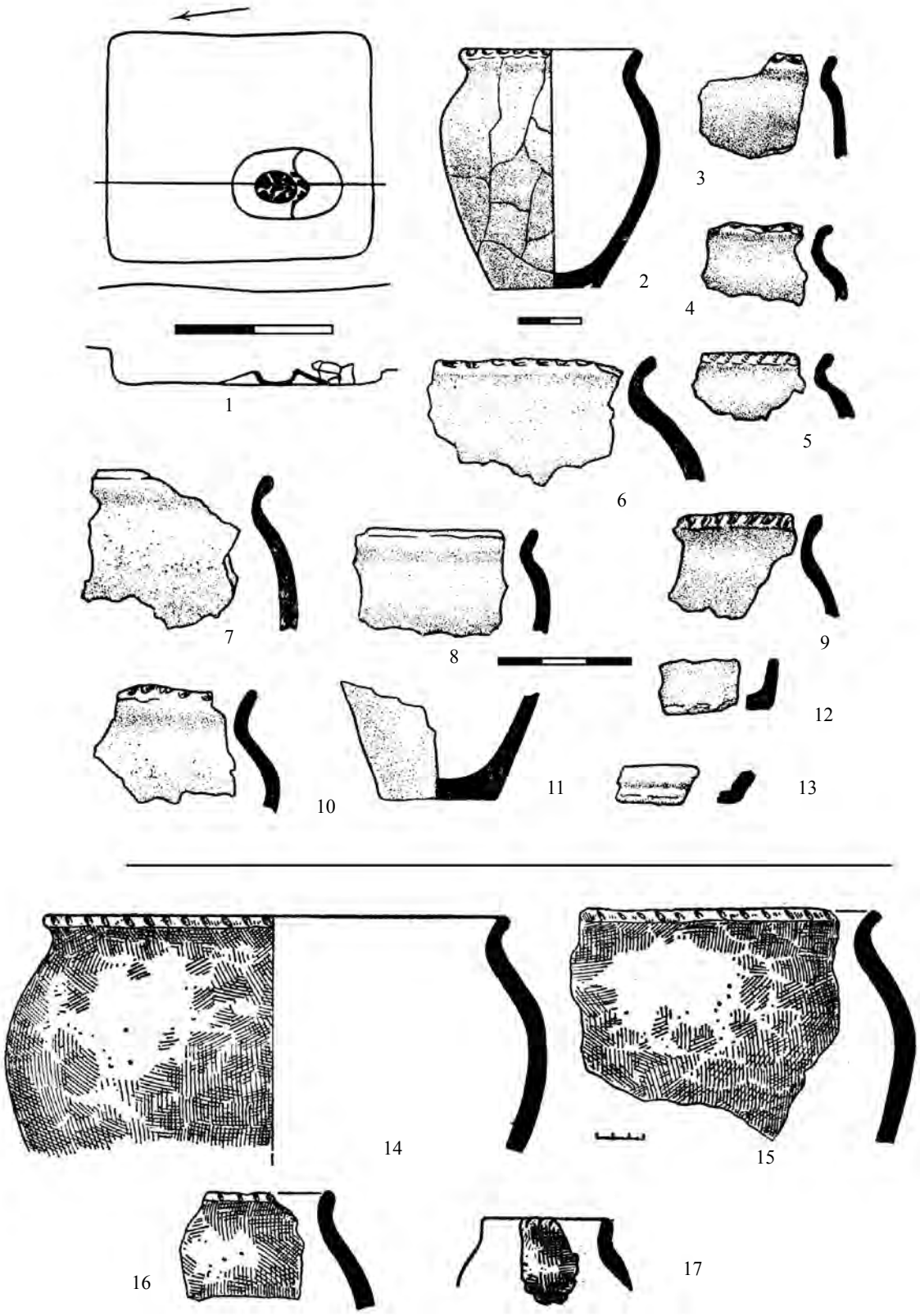


Рис. 28. Памятники типа Сахновка на Днепровском Правобережье.
1–13 – Сахновка; 14–17 – Луг I.
По: 1–3 – (Приходнюк, 1976); 14–17 – (Приходнюк, 1980).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

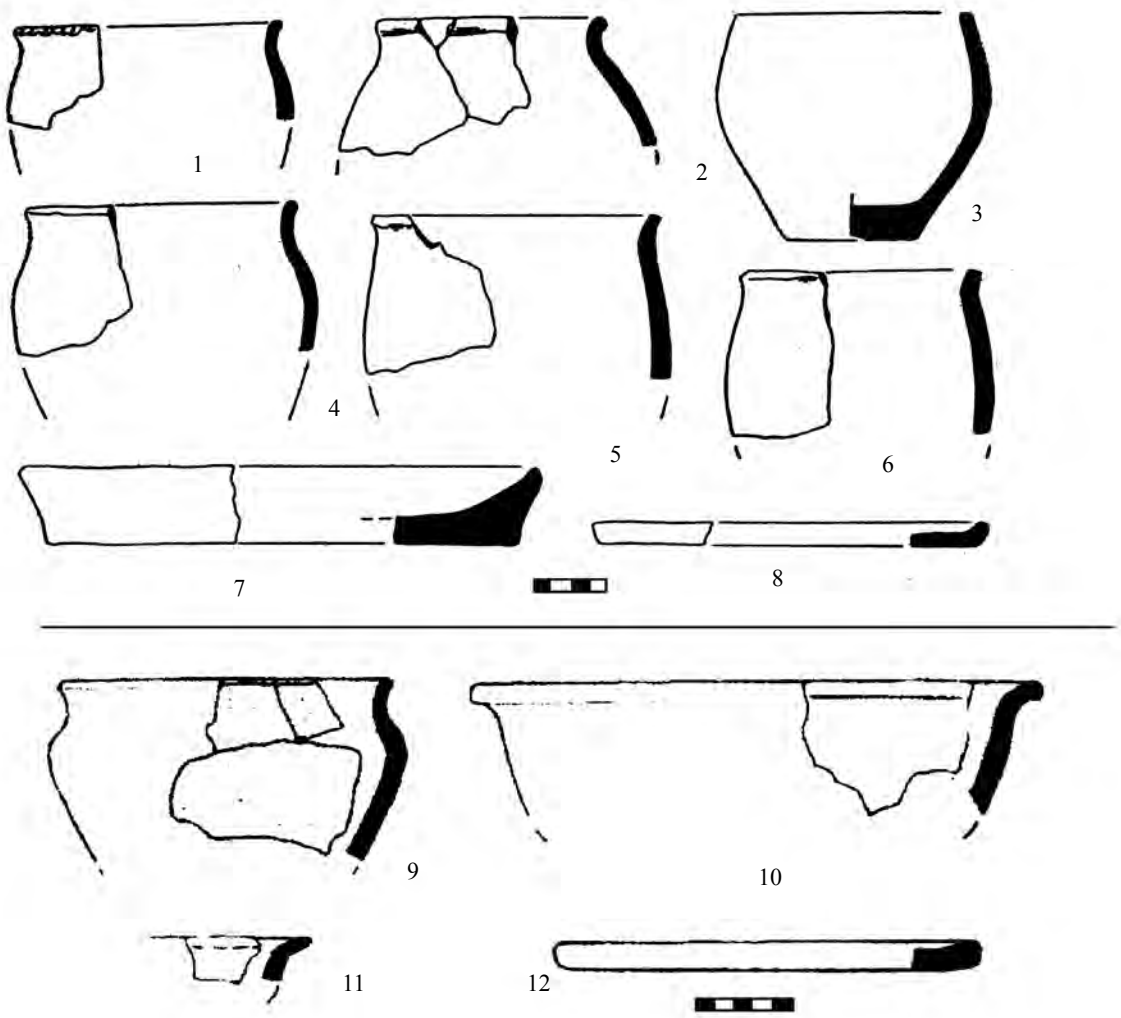
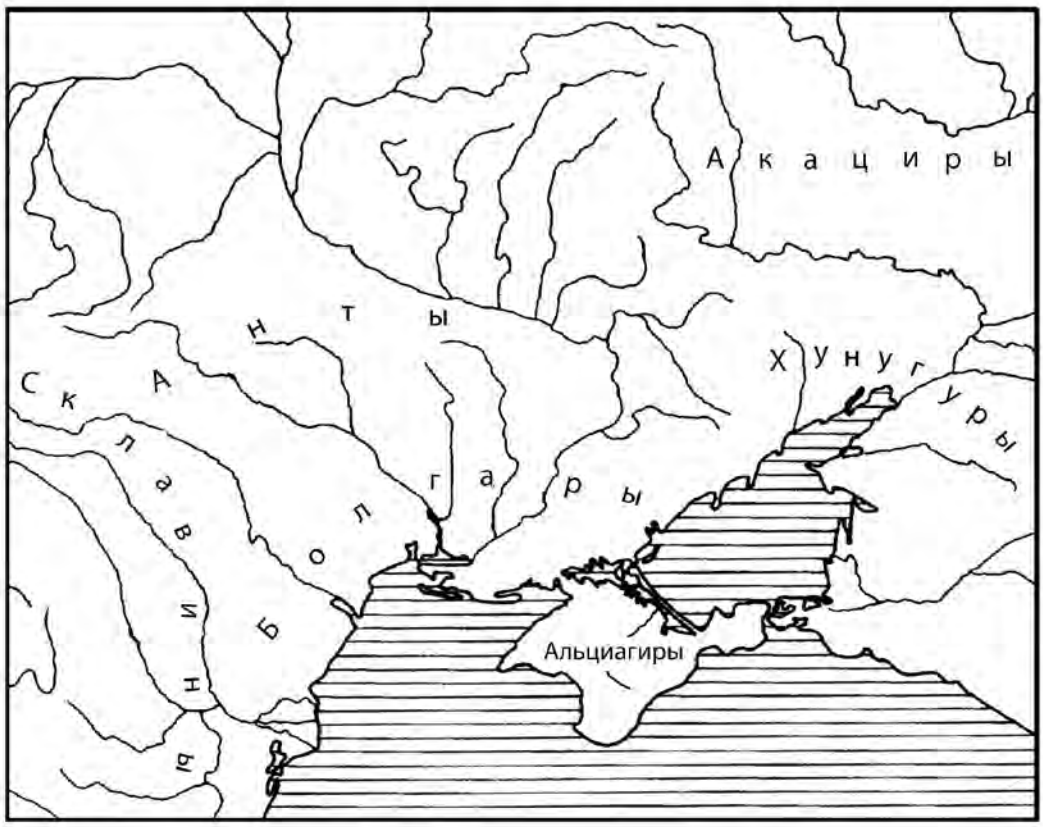


Рис. 29. Лепная керамика памятников типа Волынцево (начальной стадии).
1–8 – Целиков Бугор; 9–12 – Полузорье-2.
По: 1–8 – (Горюнов, 1981); 9–12 – (Казанский, Середа, 2001).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



1

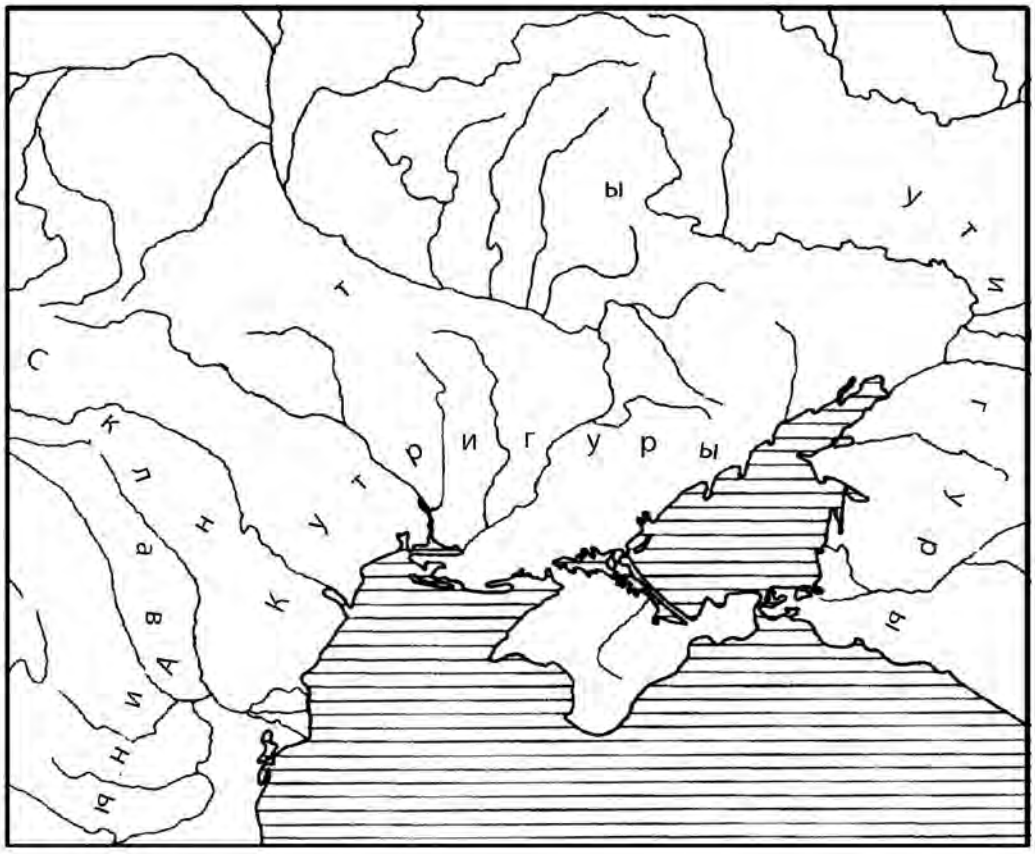


Рис. 30. Этногеография Северного Причерноморья по Иордану (1) и Прокопию (2).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

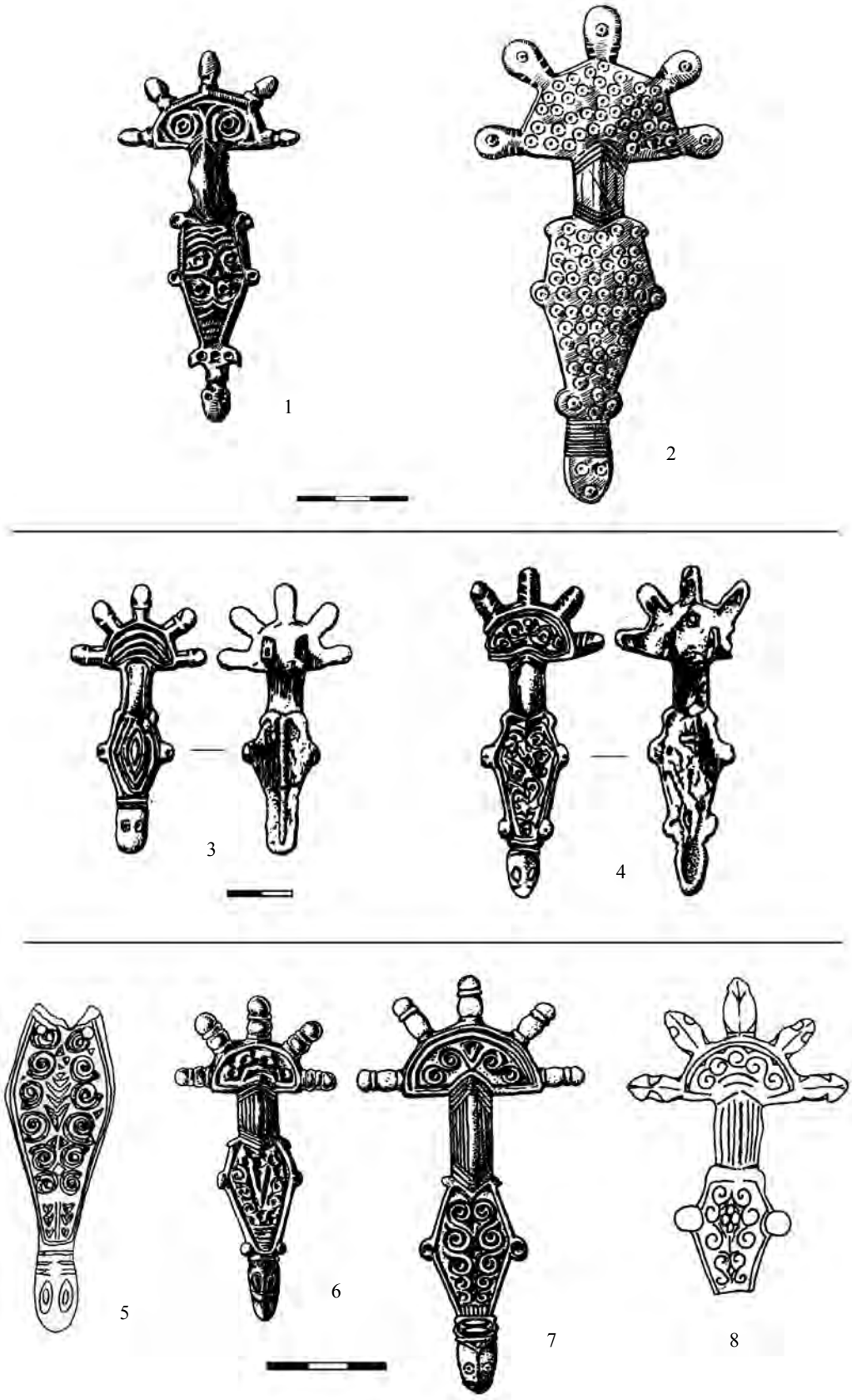


Рис. 31. Фибулы восточногерманского происхождения (кроме 2) в Поднепровье и на Донце.
1, 2 – Буды-Березовка; 3–4 – Мартыновка; 5 – Большие Будки; 6 – Чапаевка; 7 – Княжа Гора; 8 – Каневский уезд.
По: 1–4, 6–8 – (Корзухина, 1996); 5 – (Горюнова, 1992).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

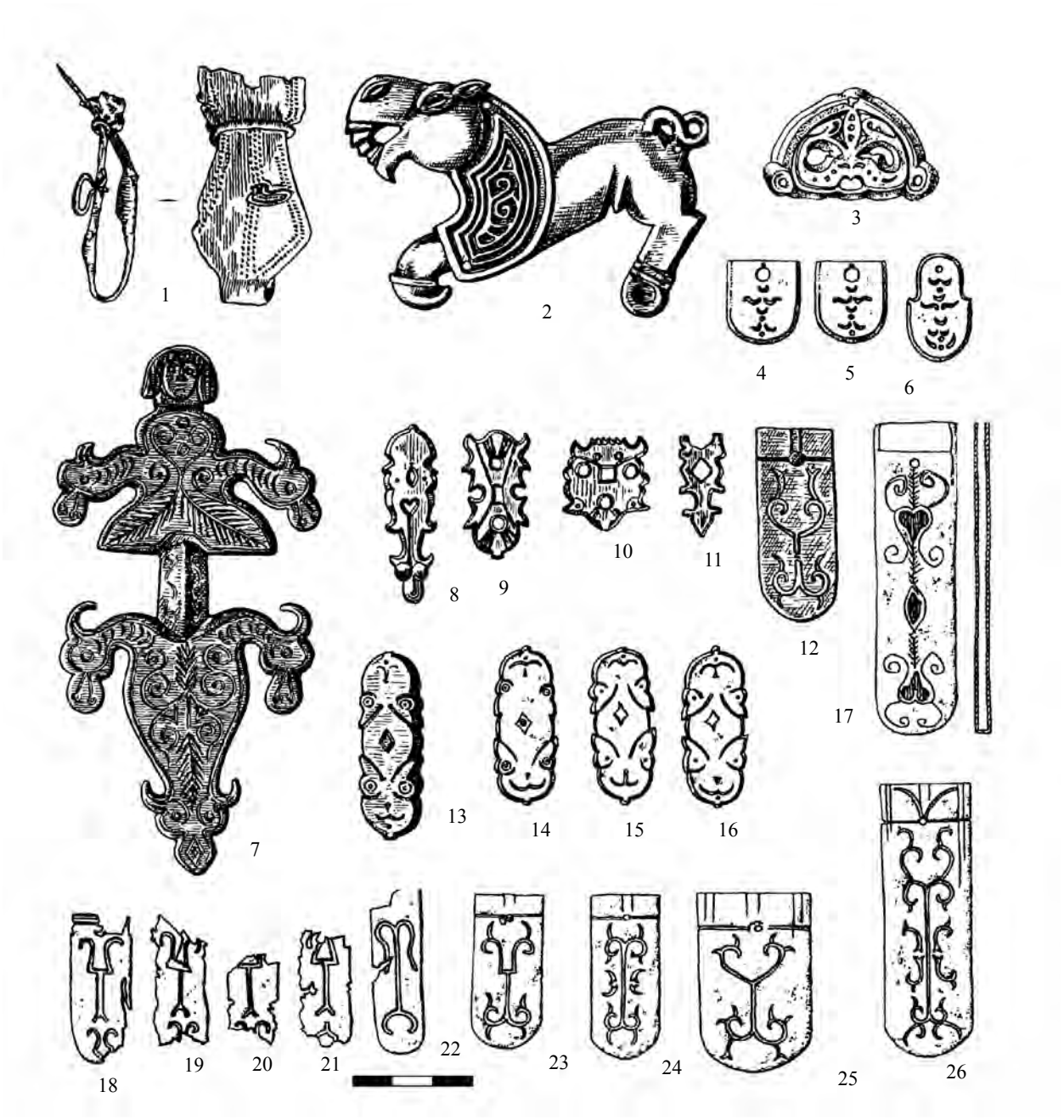


Рис. 32. Предметы убора византийского происхождения в кладах мартыновского круга. 1, 8–11– Козьевка; 2, 3, 7, 12–17, 23–26 – Мартыновка; 4–6, 18–21 – Хацки. По: (Корзухина, 1996).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

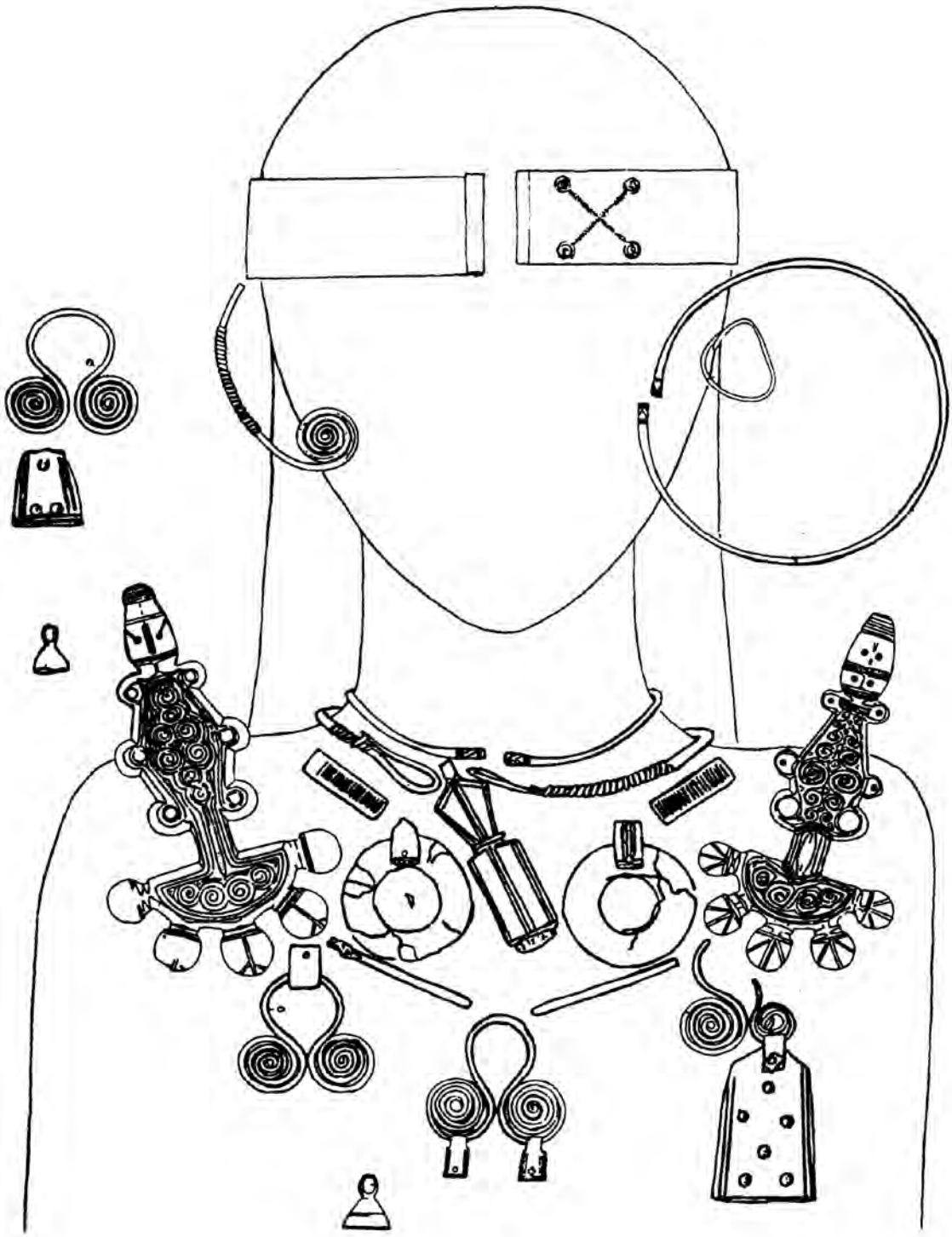


Рис. 33. Реконструкция женского убора из Гапоновского клада.
По: (Гавритухин, Обломский, 1996).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

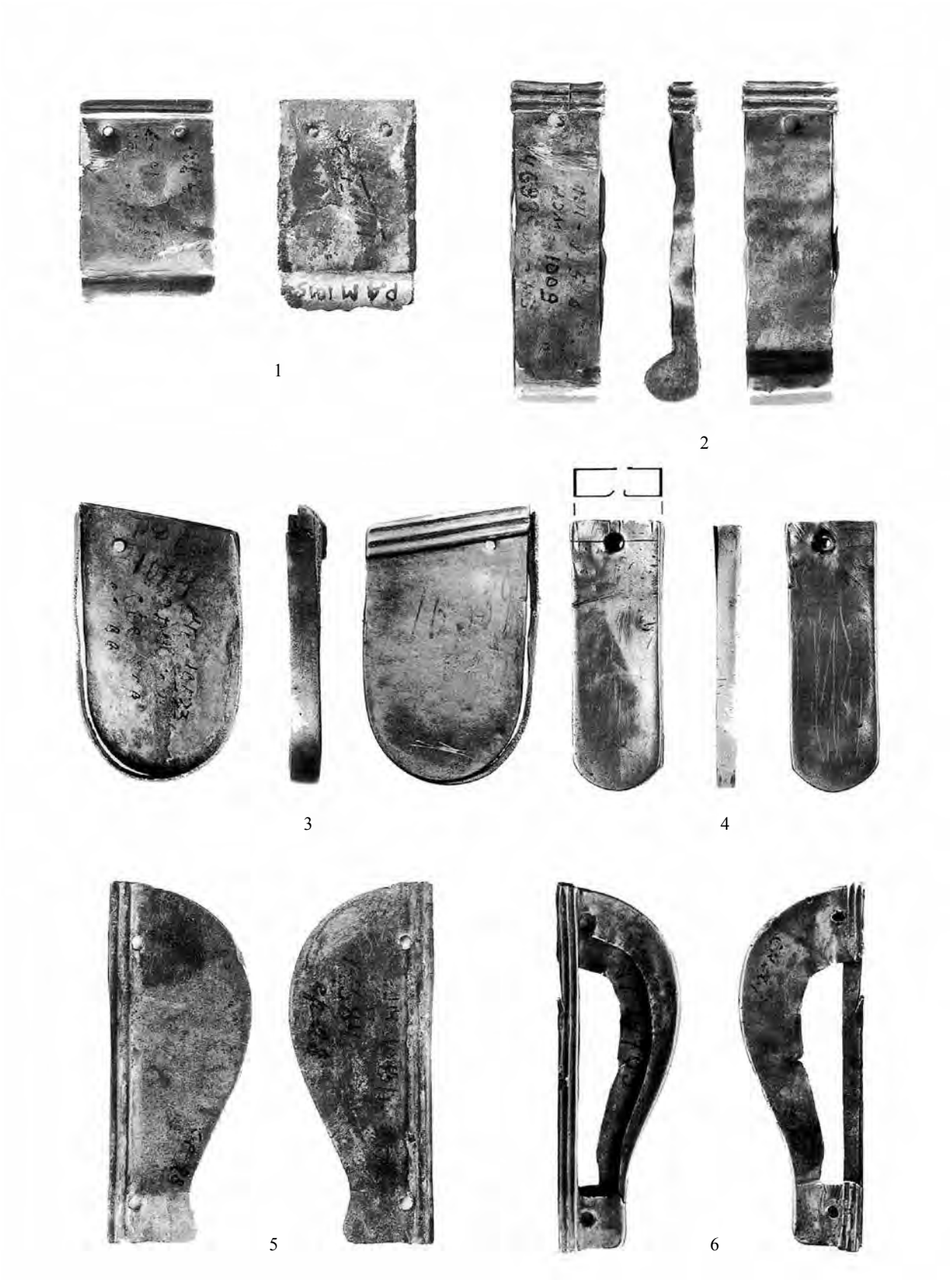


Рис. 34. Элементы пояса и воинской экипировки «степного» происхождения в Мартыновском кладе. По: (Pekarskaja, Kidd, 1994).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

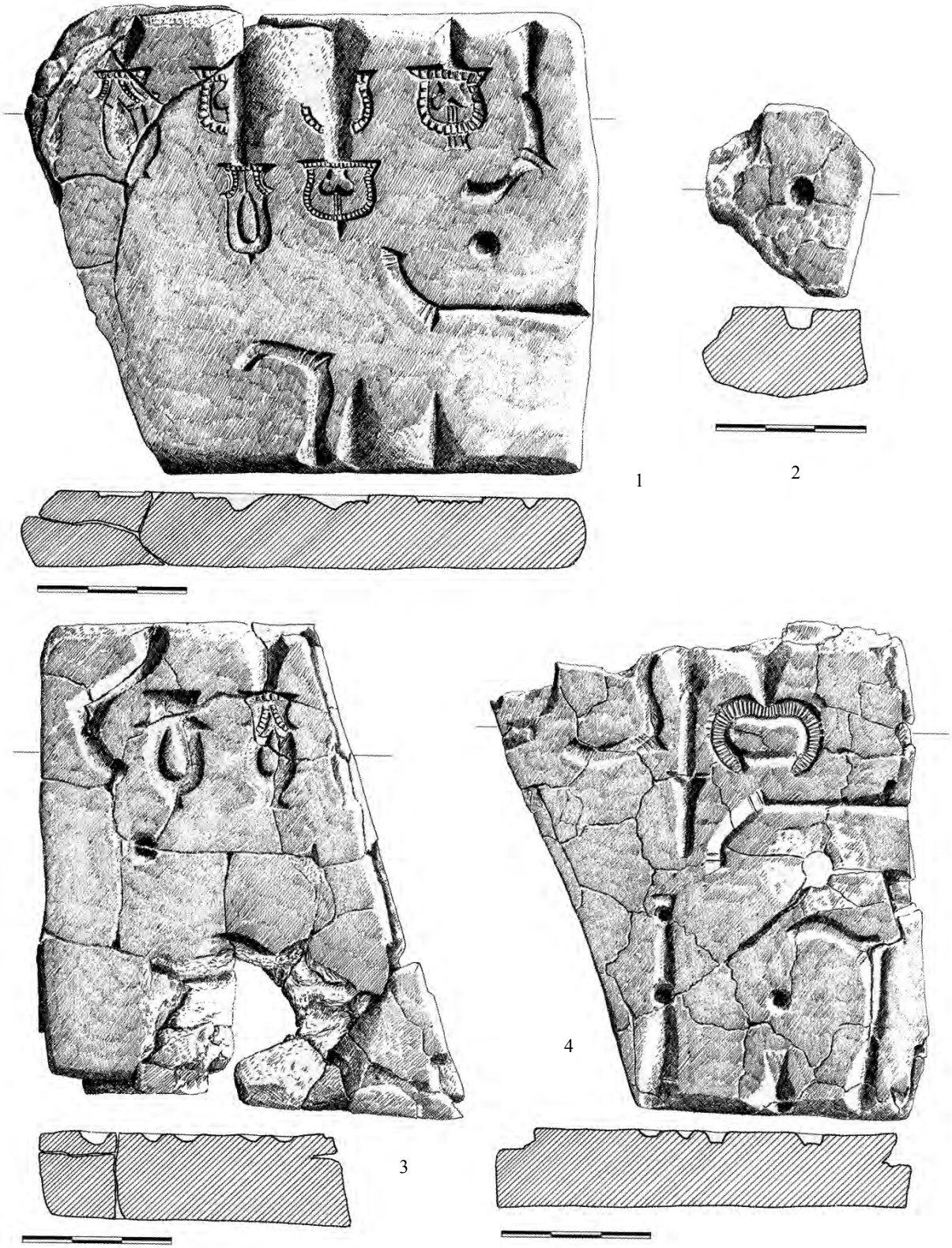


Рис. 35. Формочки из Царичен-Града.
По: (Bavant, 2005).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 36. Формочка из Каппадокии.
По: (Bavant, 2005).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

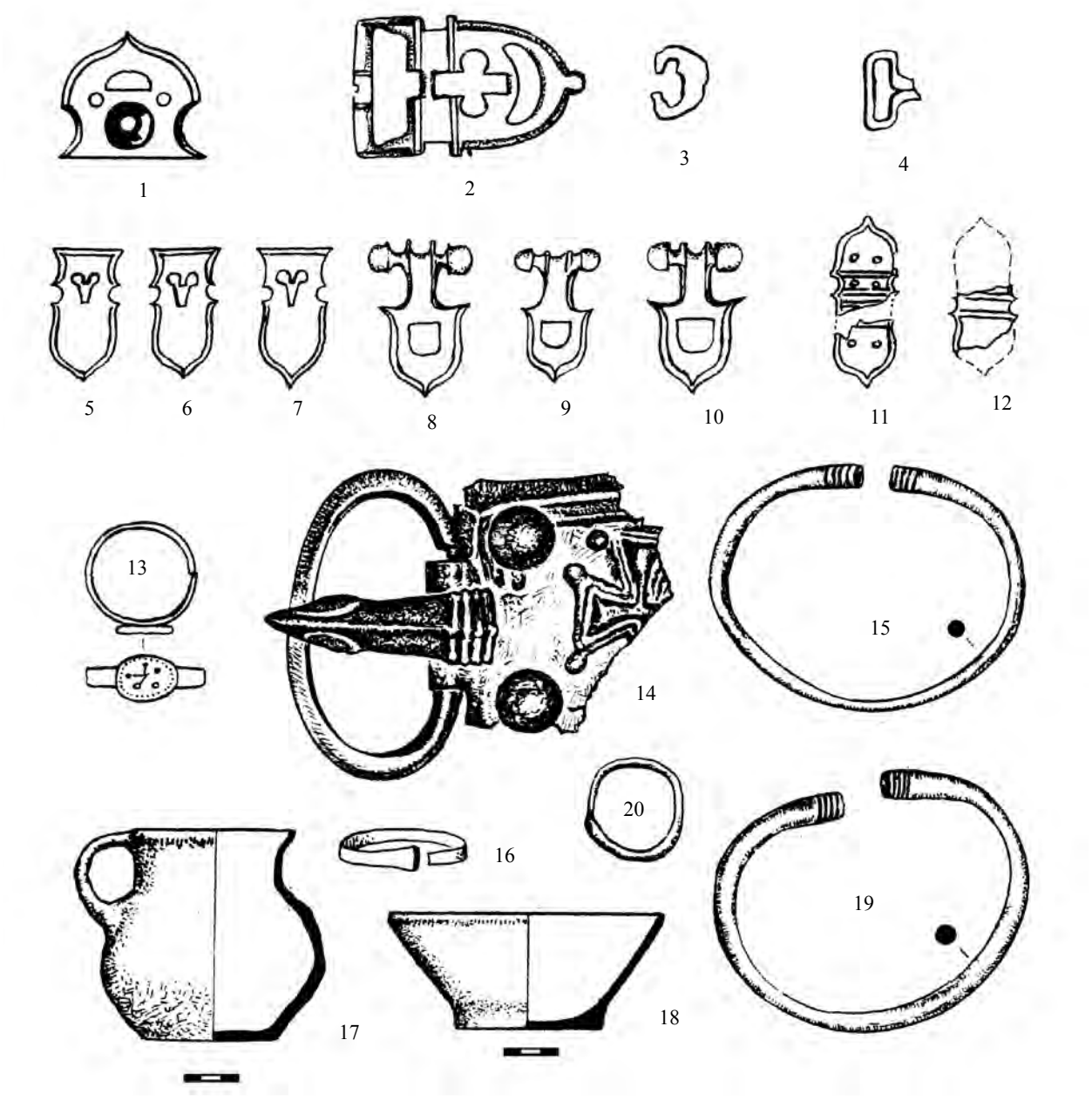


Рис. 37. Инвентарь погребения 107 на могильнике Скалистое.
По: (Веймарн, Айбабин, 1993).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

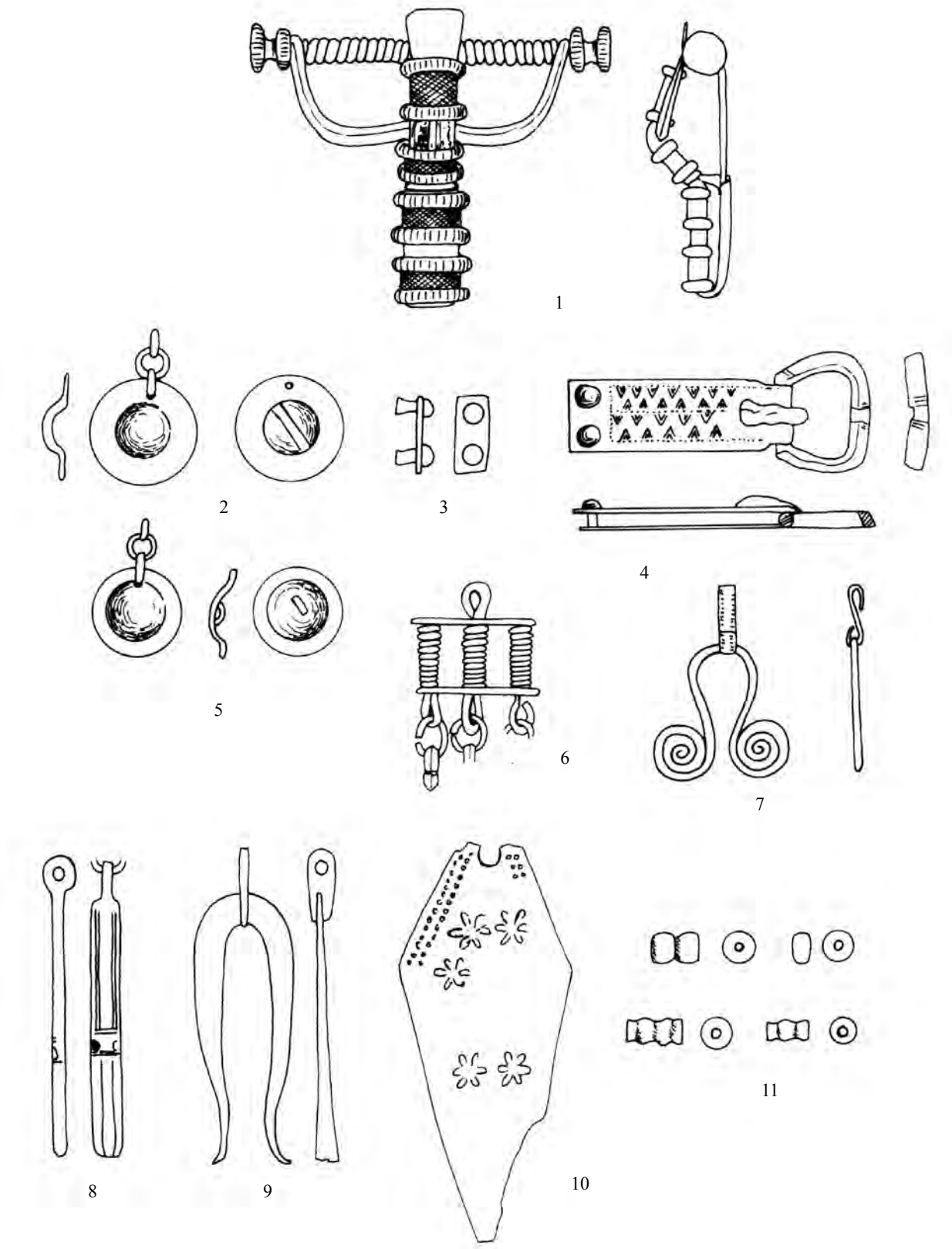


Рис. 38.Инвентарь погребения 102 на могильнике Тумяны.
По: (Jakobson, 2009).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

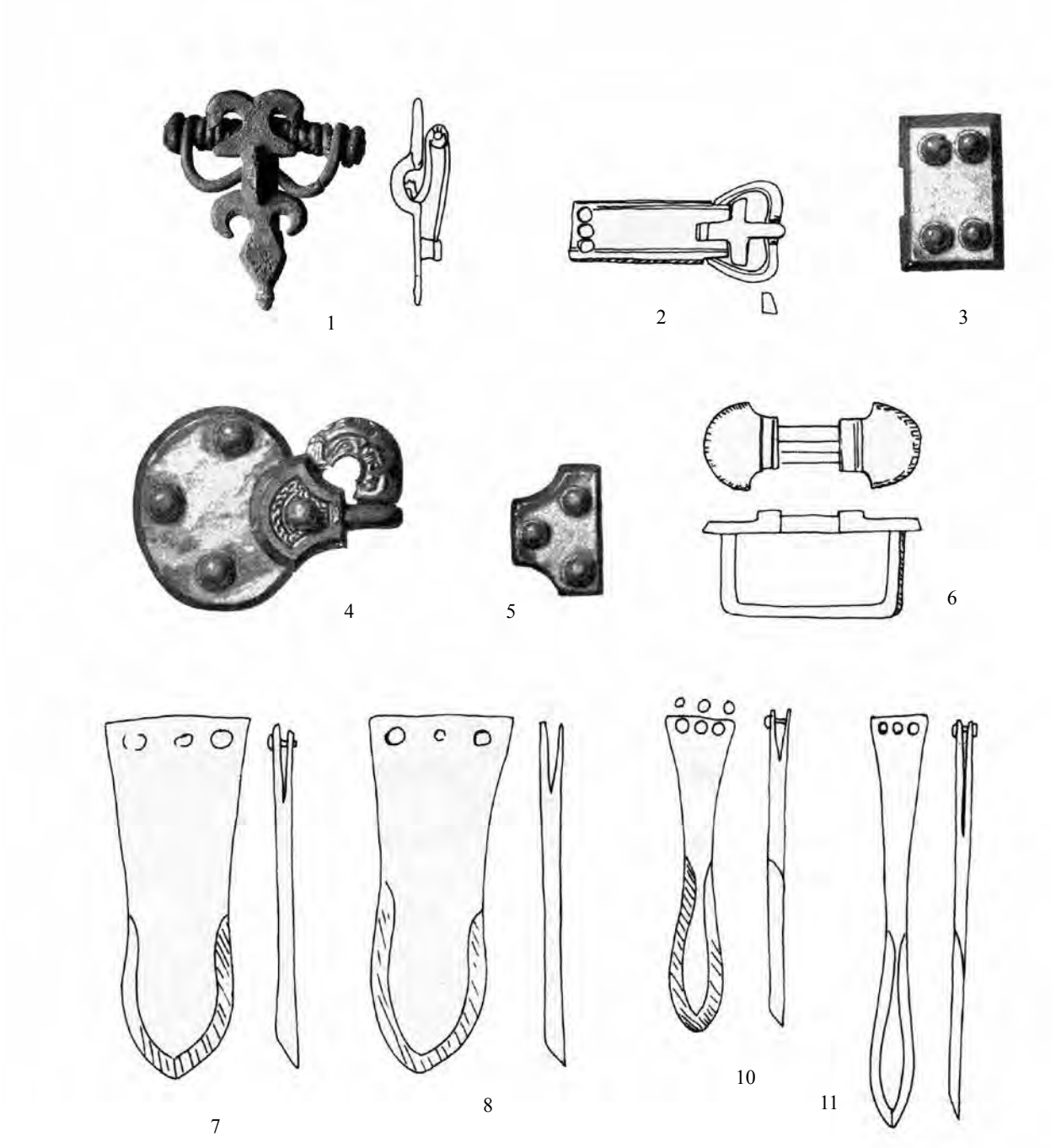


Рис. 39. Инвентарь погребения 148 на могильнике Тумяны.
По: (Jakobson, 2009).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

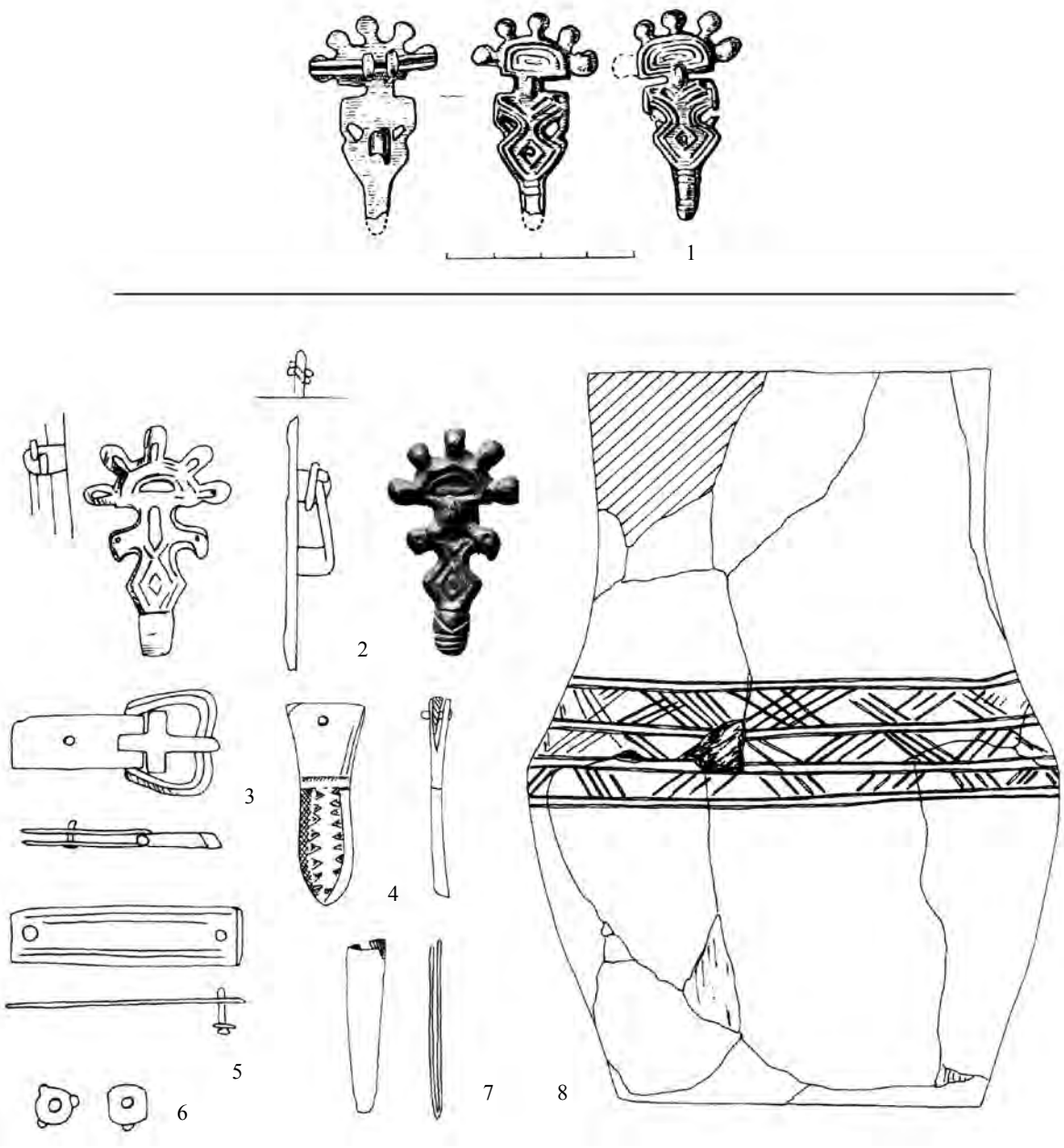


Рис. 40. Фибула из клада на поселении Большие Будки (1) и инвентарь погребения 47 на могильнике Келлары (2-8). По: 1 – (Горюнова, 1992); 2–8 – (Jakobson, 2009).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

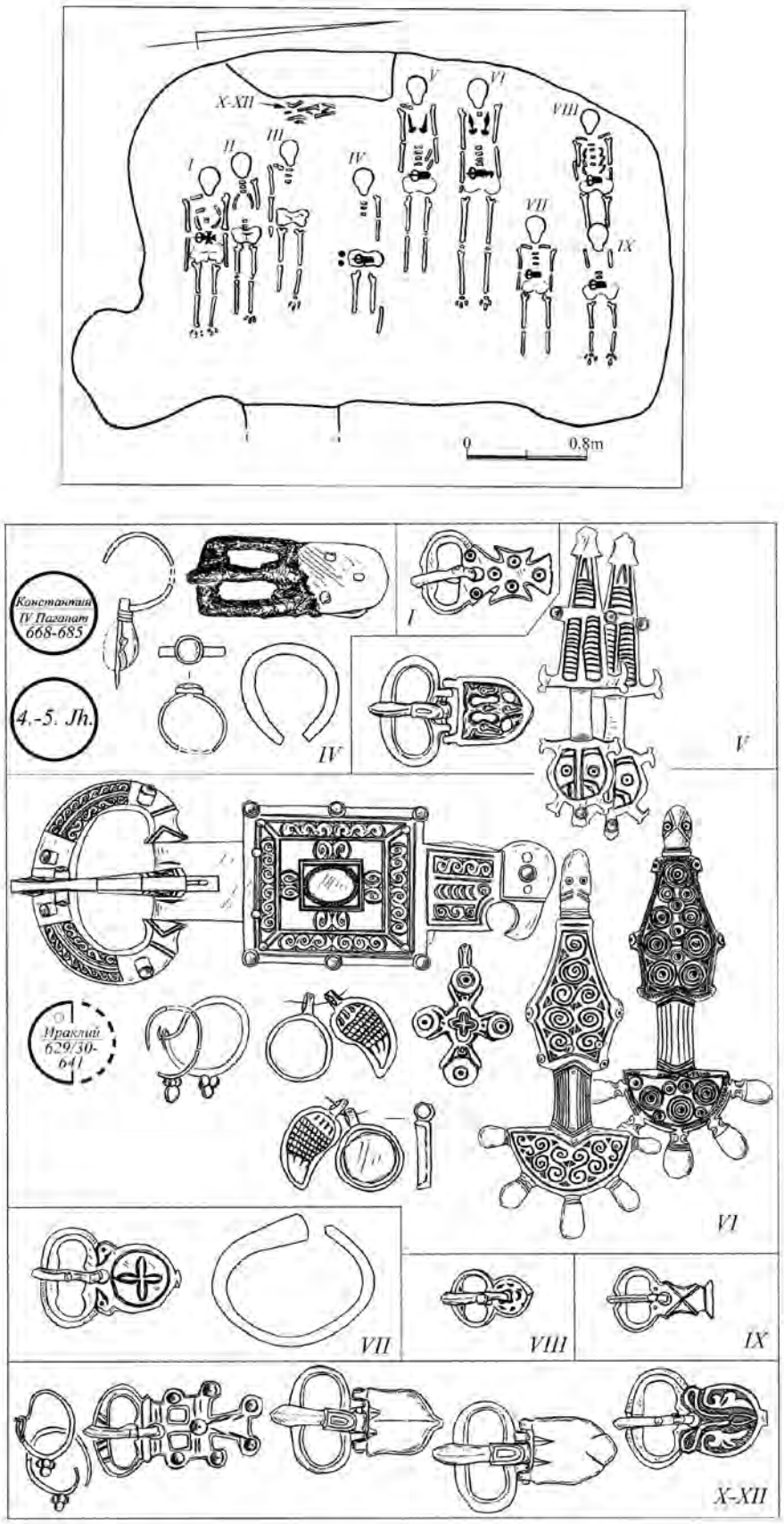


Рис. 41. Склеп 257 могильника Эски-Кермен.
По: (Айбабин, Хайрединова, 2008).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

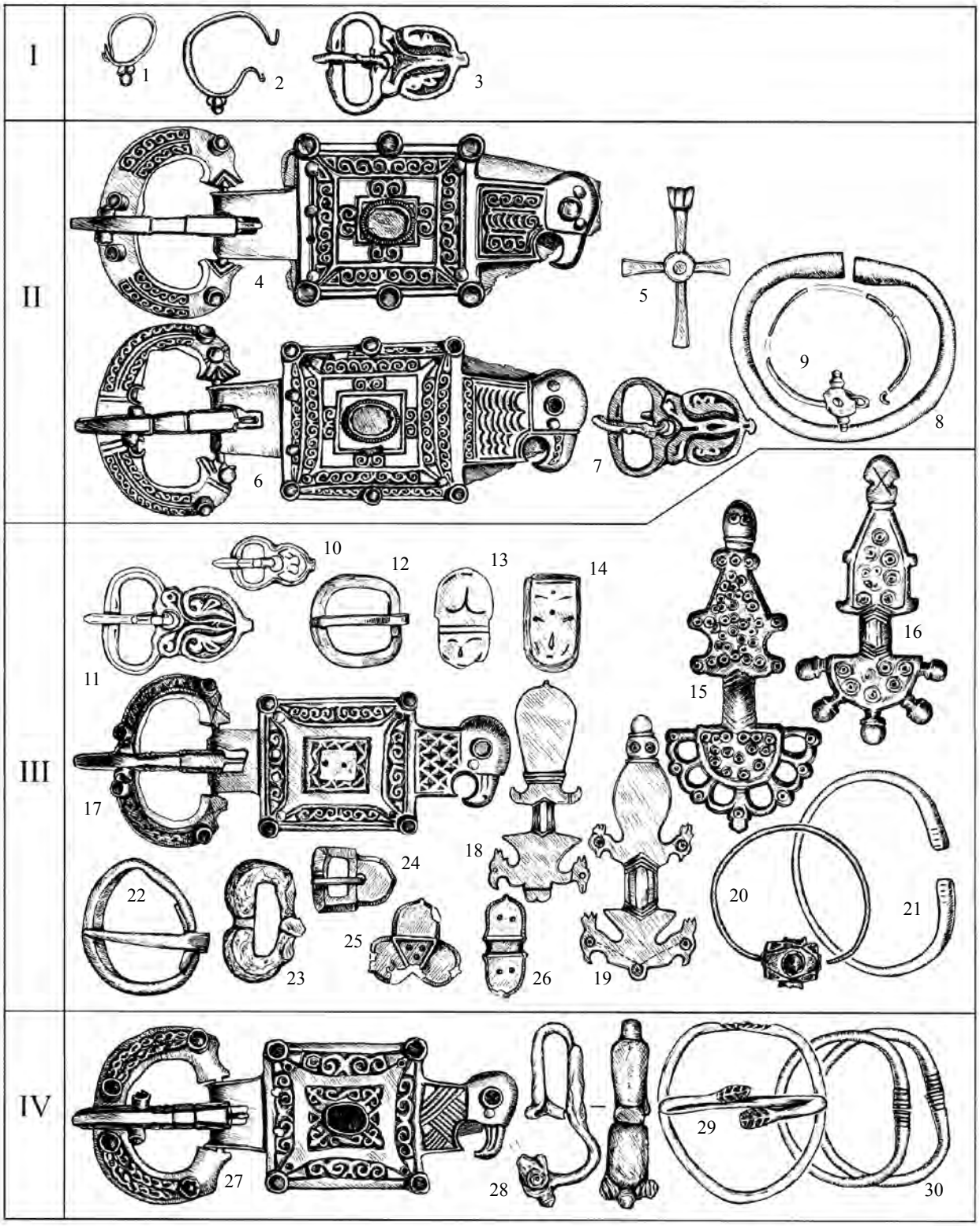


Рис. 42. Инвенарь склепа 38 на могильнике Лучистое.
По: (Айбабин, Хайрединова, 2008).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

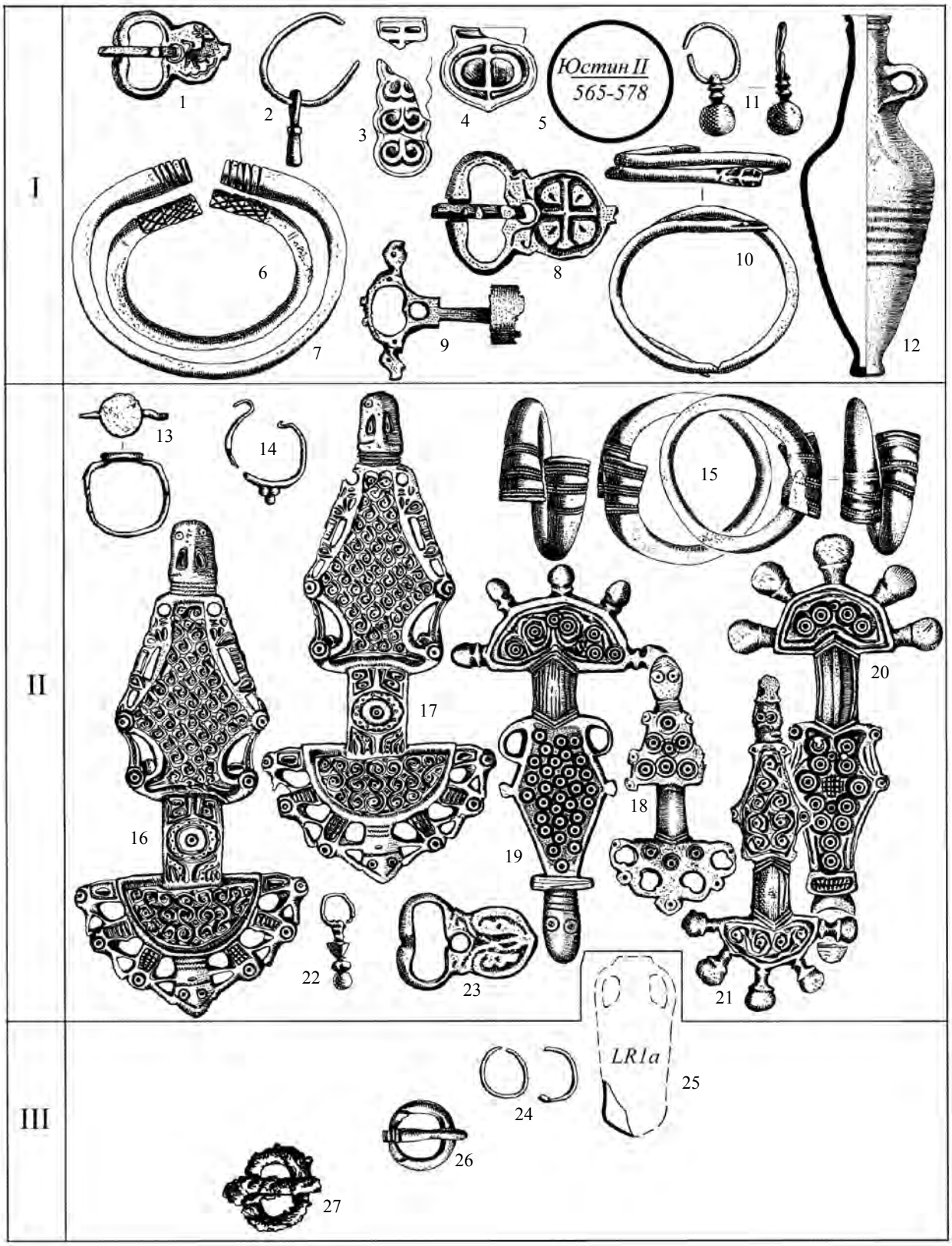


Рис. 43. Инвенарь склепа 36 на могильнике Лучистое.
По: (Айбабин, Хайрединова, 2008).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

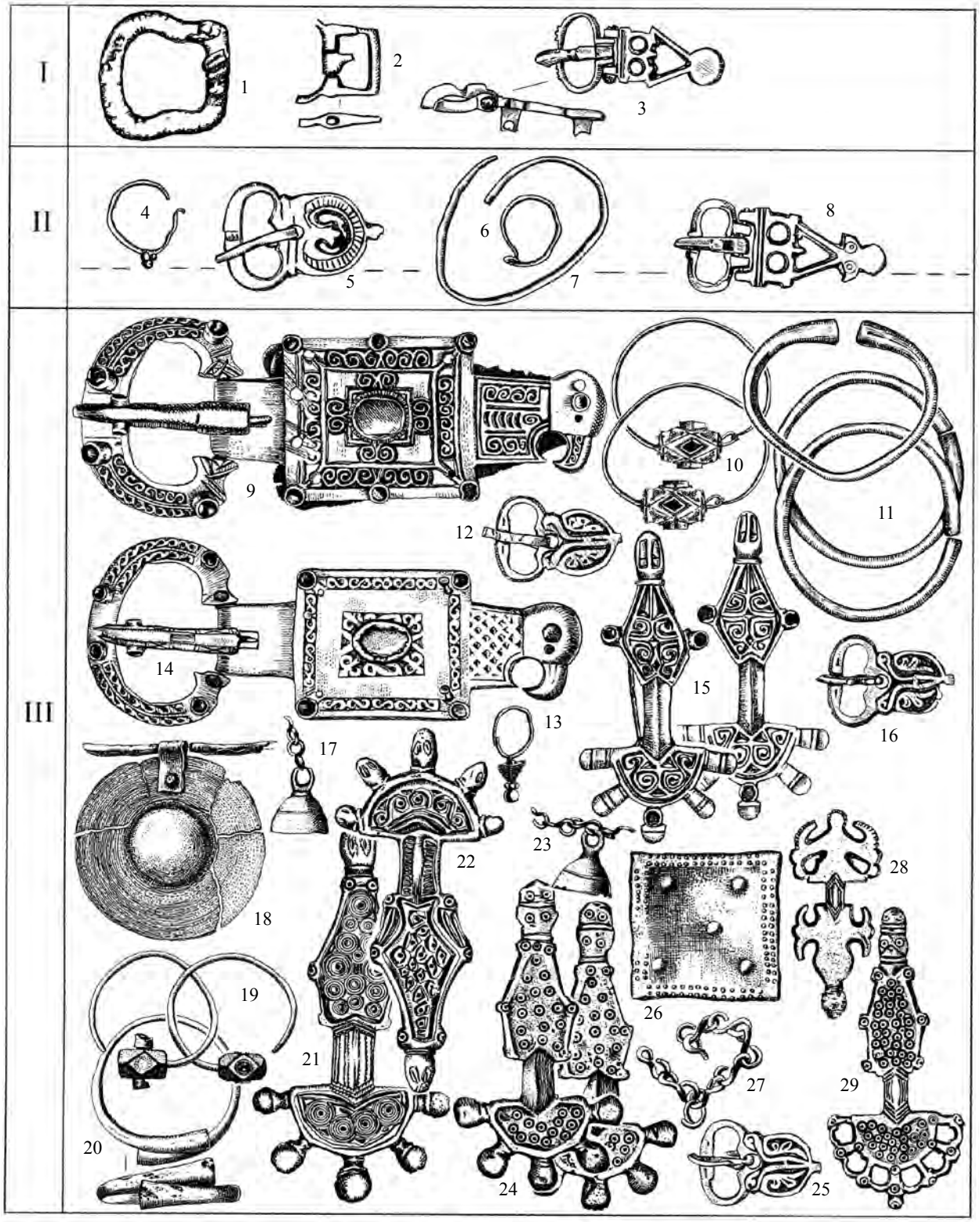


Рис. 44. Инвенарь склепа 54 на могильнике Лучистое.
По: (Айбабин, Хайрединова, 2008).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

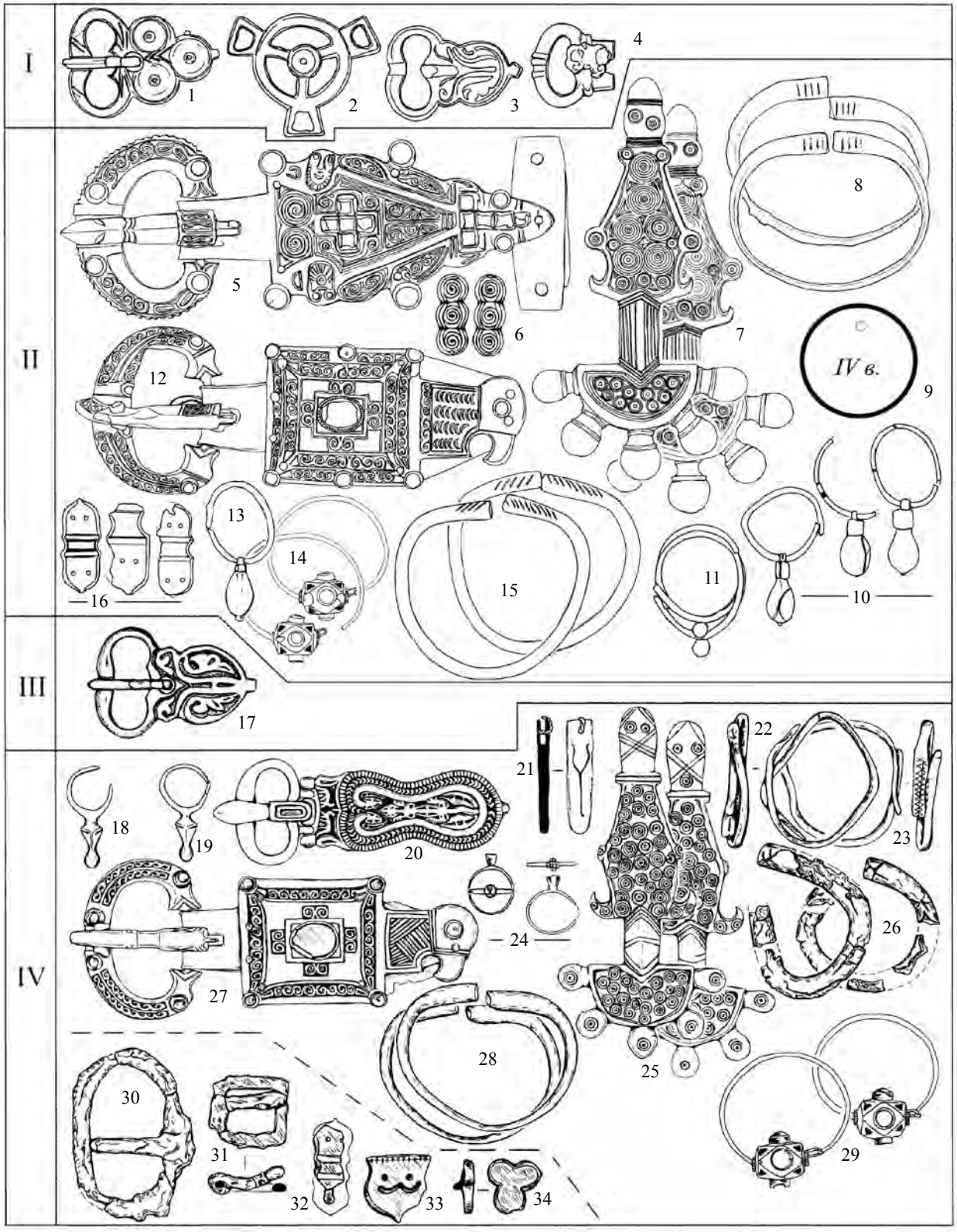


Рис. 45. Инвенарь склепа 238 на могильнике Лучистое.
По: (Айбабин, Хайрединова, 2008).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

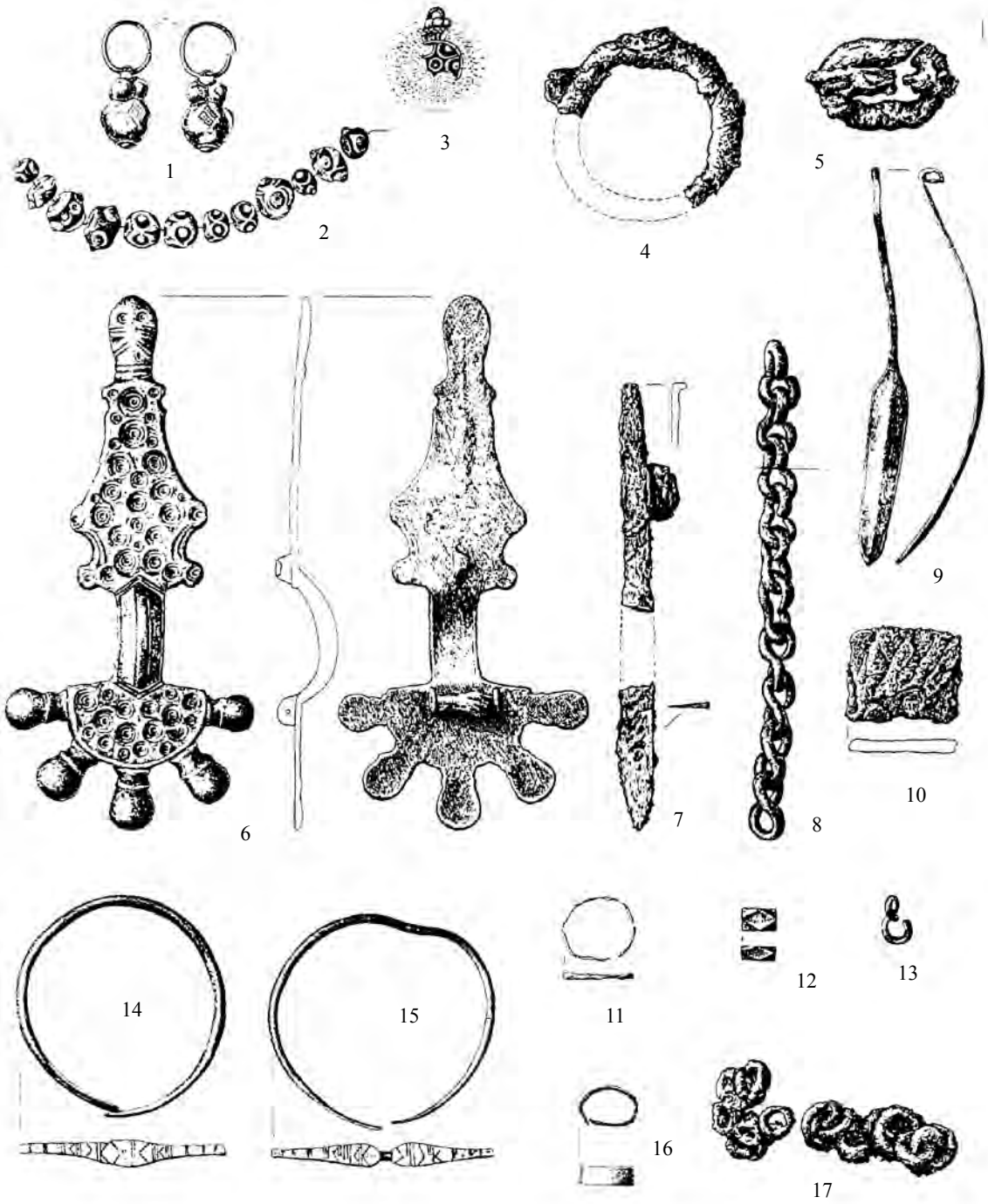


Рис. 46. Инвентарь погребения 14 на могильнике Чепель-Харош.
По: (Nagy, 1998).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI вв.

И.Р. Ахмедов (Москва)

В обобщающей работе, посвященной динамике развития предметов воинской культуры рязано-окских финнов в эпоху римских влияний и гуннское время, а также в ряде других работ автором было установлено, что в середине – третьей четверти V в., т.е. в периоды 3B и 3C относительной хронологии древностей рязанских финнов, соответствующие фазам D2 и D3 центральноевропейских древностей по Я. Тейралу наблюдается окончательное сложение яркого и самобытного комплекса предметов воинского обихода. Он характеризуется сочетанием местных элементов и большого количества новаций, к которым относятся изделия в стиле «Унтерзибенбрунн», головные ременные гарнитуры с декором в виде голов птиц, ременные гарнитуры дунайского и в некоторых случаях средиземноморского облика, новых категорий оружия, в первую очередь, коротких однолезвийных и двулезвийных мечей, а также использование в комплексе воинского обихода пар мечей – длинного и короткого. Используются также уздечные наборы «понтийского» облика, сопоставимые с находками «шиповского» горизонта в Причерноморье и степной зоне, и отдельные находки уздечных наборов центральноевропейского происхождения. Складывается набор элементов составляющих «престижный» комплекс знатных воинов и «вождей», не только подражающий элитной моде формирующихся в это время в Центральной и Западной Европе «варварских» королевств, но и свидетельствующий о сложении в этот период достаточно развитой иерархии общества. На материалах могильника Никитино были выделены три группы воинских захоронений, среди которых имеются погребения знатных воинов и вождей. Обращение к материалам других памятников показало наличие на могильнике Борок 2 двух погребений еще более высокого ранга, которые принадлежали лицам, возможно облеченным некоей верховной властью (Ахмедов, 2007, с. 151–152; 2010а; 2010в; 2011). Распространение этих новаций М.М. Казанским и автором объяснялось появлением отдельных инокультурных групп населения в Центральной России, верховьях Днепра, Оки и в западной части Волго-Окского междуречья (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 173 – 175). Для последних десятилетий V в. был также намечен ряд новаций, связанных по происхождению с прибалтийским миром (Ахмедов, 2007, с. 152). Был, кроме того, сделан обзор основных хроноиндикаторов финальной фазы культуры рязано-окских финнов рубежа VI – первой половины VII в. Среди них выделяются предметы поясных наборов, относящихся ко II периоду «геральдических» гарнитур Поволжья и Приуралья или поясов 3–7 групп, выделенных И.О. Гавритухиным в рамках нашей совместной работы для финских воинских комплексов Поочья, Посурья и левобережья среднего течения р. Волги. Яркими индикаторами являются однолезвийные палаши с Р-образными скобами, являющиеся

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в это время частыми находками в погребениях воинов (Ахмедов, 2010б). Указанные выше категории вещей являются новациями воинского и иерархического характера, появляющимися в Среднем Поочье в результате взаимодействия с политическими образованиями Северного Причерноморья и Северного Кавказа, находившимися в сфере византийского влияния.

Изложенные выше результаты показывают, что в стороне от исследования остались ведущие формы инвентаря конца V – начала VI вв. Изучение древностей Центральной России этого времени всегда вызывали затруднения у исследователей. Это объясняется, с одной стороны, немногочисленностью хронологически определимых находок инокультурного происхождения на памятниках лесной и лесостепной зоны России, с другой – общими проблемами в изучении хронологии древностей Восточной Европы. Для степной зоны Восточной Европы это время даже называют «темными веками» истории.

К этому времени относят степные древности II группы по А.К. Амброзу или памятники «шиповского» горизонта. До недавнего времени преобладали две основные точки зрения на датировку этого периода: А.К. Амброз считал, что эти памятники начинают бытовать в VI в. и относятся, в целом, к VII в. И.П. Засецкая датировала их второй половиной V – началом VI вв. Судя по последним разработкам, точка зрения И.П. Засецкой на датировку «шиповского» горизонта более правомерна. В то же время, появились новые материалы, в частности, комплекс кургана 35 Ливенцовского VII могильника в Нижнем Подонье, которые позволяют наметить верхнюю хронологическую границу этого горизонта в рамках середины VI в. (Засецкая и др., 2007, с. 83–91,113–120; Безуглов, Ильюков, 2007, с. 35–36). Более предпочтительно выглядит эта датировка и с культурно-исторической точки зрения. Во второй трети – середине VI в. происходят кардинальные этнополитические трансформации в южнорусских степях и Северном Причерноморье, а также в Центральной Европе, которые и могли быть причиной смены облика материальной культуры. (Засецкая и др., 2007, с. 105; Фурасьев, 2009, с. 231–232)

Таким образом, выделение новаций этого времени в культуре рязанских финнов, позволит не только определить направление культурных взаимодействий местного населения, но и получить новые материалы для уточнения раннесредневековой хронологии Восточной Европы в целом.

В числе наиболее характерных находок инокультурного происхождения для постгуннского времени следует выделить следующие категории:

1. Гривны с фасетированной поверхностью, утолщением в передней части и замком в двойную петлю серии «Плинкагайлис – Мамекино – Кузьминское».

В погребениях 71а могильника Заречье IV и 50 Кузьминского могильника в составе «престижного» инвентаря были обнаружены массивные серебряные гривны с поверхностью, украшенной сглаженными подромбическими фасетами. (Спицын, 1901, рис. 22; Эпоха Меровингов…., с. 359, кат. III, 13.3.4). Гривны утолщены в передней части. У гривны из погр. 71а замок изготовлен в виде крючка, выгнутого из тонкого раскованного и сложенного вдвое конца обруча, завязанного на обруче гривны. Подобным образом изготовлена и петля, располагающаяся перпендикулярно плоскости гривны. Несколько иначе сделан замок гривны из погр. 50 Кузьминского могильника. Он выгнут из утончающихся концов обруча, однако, в отличие от находки в п. 71а Заречье, они достаточно массивны, коротко обрезаны, обвиты на крючке двумя зонами широкой профилированной проволоки, а на приемнике – тонкой профилированной проволокой, свободный конец петли и конец проволоки обмотки здесь закрыт крупной металлической напускной бусиной (рис. 1: 1, 2).

Г.Ф. Корзухина считала, что гривна из п. 50 Кузьминского могильника имела гладкий обруч. Однако это мнение было основано на недостаточно четких деталях на фото и разночтениях в тексте публикации А.А. Спицына. Однако в фондах ГИМ комплекс этого погребения сохранился в том виде, в котором он был зафиксирован А.А. Спицыным. Действительно, фасеты на этой гривне очень сглажены, что отличает ее от гривны из п. 71а Заречье. Отличается она визуально и по металлу. Гривна из Заречья изготовлена из хорошего серебра, а из Кузьминского – из серебра более низкого качества со значительной примесью меди, окислы которой хорошо видны на поверхности, или же из сплава, имитирующего серебро. Гривны с подобной конструкцией замка известны в рязано-окских памятниках. Замки в двойную петлю весьма характерны для гривен с напускными бусами

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и обмоткой, появляющихся еще в начале гуннского времени и найденных в различных модификациях в погребениях V – начала VI вв., но замки у этих гривен ориентированы перпендикулярно плоскости обруча гривны, а обручи изготовлены из дрота одинаковой толщины по всей окружности украшения. Есть и гривны с замком в двойную петлю, перепендикулярным плоскости обруча, с утолщением в передней части – они найдены в погр. 130/14 Никитинского могильника (раскопки Р.Ф. Ворониной), в одном из погребений на могильнике Курман (раскопки И.И. Проходцева). Гривны с замками в двойную петлю в плоскости обруча и утолщением в передней части найдены в погр. 74 могильника Кораблино, 145/5б Никитинского могильника (раскопки Р.Ф. Ворониной), 197 Никитинского могильника. Все эти комплексы относятся ко второй половине V в.

Возможно, гривна из Кузьминского могильника была переделана по образцу гривны из погр. 71а могильника Заречье 4. Состав комплекса захоронения 71а свидетельствует о чрезвычайно высоком ранге погребенного. Здесь кроме серебряной гривны присутствует и крестовидная массивная фибула, а также привозной длинный двулезвийный меч с крупной янтарной бусиной-подвеской. Вполне вероятно, что гривна из погр. 50 Кузьминского могильника могла быть переделана из украшения, тоже инокультурного по происхождению, но более распространенного у местного населения, с применением обычных для местных украшений приемов: обмоткой из разноформатной профилированной проволоки и напускной бусиной, что всегда встречается на рязано-окских гривнах с замком в двойную петлю и обручем равномерной толщины, описанных выше, и гривен с замком в виде объемной коробочки, очень подробно рассмотренных в работе И.В. Белоцерковской (Белоцерковская, 2010)

Гривны с фасетированным обручем уже рассматривались автором (совместно с М.М. Казанским и самостоятельно) в качестве инокультурных новаций хронологического периода 3С, встреченных в комплексах середины – второй половины V в. (Ахмедов, Казанский, 2004, с 175; Ахмедов, 2007, с.148) В то же время, они не получили детального анализа и оценки их места в культурно-историческом контексте этого времени.

Серебряная гривна из Мамекино практически аналогична находке в погр. 71а могильника Заречье. Из трех экземпляров, составлявших находку в кладе, сохранился лишь один. При визуальном сравнении находок из Мамекино и Заречья создается впечатление, что они изготовлены одним мастером, на что указывает характерный выгиб крючка и узкая обмотка на концах подтреугольного сечения. (Отчет РИМ, с.7; Самоквасов, 1916, с. 41, рис. 14; Корзухина, 1978, с. 59–60, табл. 3: 4, кат. № 81, с. 72; Эпоха Меровингов, с. 125, 364, кат. III, 19.1).

Аналогичный экземпляр был найден и в Литве, в погр. 332 могильника Плинкагайлис (Kazakevičius, 1993, s. 97, 132, 179, pav. 207: 2). Поверхность петли и крючка покрыта рядом S-образных вдавлений. В. Казакявичус датирует эту находку концом V в. Известны они и на ряде других памятников.

Две находки аналогичных гривен происходят из кладов на территории Латвии: Мишкиневском (вместе с литовскими гривнами с ложчатым замком) и в кладе из Лейяслепьи, Мадонского р-на на Западной Двине. В. Уртан указывал, что эти гривны – «с костыльчатыми и петельчатыми концами» (на фасетировке обруча он не заострял внимание) относятся к середине I тысячелетия и «характерны для территорий к югу и юго-востоку от Латвии». Возможно, это мнение было основано на находках таких гривен вместе с обычными для литовских древностей этого времени гривнами с ложчатым замком (Рыдзевская, 1915, с. 194–195, табл. IX; Moora 1929, S. 83, N83; 1938, S. 315, 317, 319, 691–692, N23, Abb. 39; Urtāns, 1964, lpp. 51–52, 71 att. 21; 1977, s. 148–150, 250, att. 52: 1, 2; 55: 7).

Подобные гривны найдены в составе кладов в центральной и юго-восточной Эстонии. Клад в Пылва (Viira) состоял из 11 таких изделий, две целых и несколько фрагментов аналогичных гривен были найдены в кладе ювелира в Виллевере (Tallgren, 1922, S. 93–94, Taf. III,2, V, 6; Moora, 1932, S. 52, 89, Anm. 8, Abb. 31; Oras, 2010, p. 131–132, №№ 9, 15).

Эстонские украшения Х.А. Моора считал происходящими с территории «Южной и Средней России», попавшими в Прибалтику днепровским путем, указывая на находки гривен в Мамекино, гривны в Кузьминском могильнике, золотой браслет из Бори. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения, по его мнению, являлось отсутствие таких гривен в древностях Центральной и Западной Европы (Moora, 1938, S. 317–318).

Г.Ф. Корзухина не соглашалась с мнением Х.А. Моора, справедливо считая, что украшенный ромбическими фасетами браслет из Бори

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

относится к рубежу эр и не может быть использован в качестве аналогии днепровским и прибалтийским находкам. Она указывала, что только в кладах Эстонии и Латвии найдено не менее 16 гривен. Исходя из этого, а также из широкого распространения моды на шейные гривны в Прибалтике в течение всего I тысячелетия, исследовательница предполагала, что клад гривен в Мамекино имел прибалтийское происхождение (Корзухина, 1978, с. 60).

Единственной известной автору находкой фасетированной гривны на других территориях является серебряный экземпляр из могильника Грборези, расположенного рядом с Ливно в Герцегбосанском кантоне Федерации Босния и Герцеговина. Это изделие датируется первой половиной V в. и соотносится исследователями с престижной культурой варварской знати Центральной Европы гуннского времени. (Miletić, 1978, p. 98, fig. 1). Следует отметить, что набор признаков достаточно сильно отличает эту находку от гривен рассматриваемой серии – она менее массивная, фасеты мелкие, ячеистые, достаточно заглубленные, замок исполнен в виде круглого плоского щитка и крючка.[1]

Прием фасетировки поверхности известен также и в древностях позднеримского времени: в частности он встречен на пряжке типа Келлер А-В-С и наконечника пояса из Варпелев, связываемых М. Зоммером по происхождению с позднеримскими древностями. Подобные изделия распространяются на дунайском лимесе с конца III в. М.М. Казанский указывает на общую распространенность ячеистого или фасеточного декора на различных категориях вещей позднеримского времени, к которым относятся, например, кольца из состава узды из Кишпека и Экажево, стеклянные и металлические сосуды римского производства, ложки второй половины III – начала IV вв, а также центральноевропейские пряжки первой половины – середины V в. К этому следует добавить указание на фасеточный декор калот умбонов из Керчи и Цебельдинской долины, связанных по происхождению с ранневизантийским миром (Sommer, 1984, Taf. 41: 1–14; Засецкая, 1993, с. 46, табл. 16, кат . 42, 43; табл. 32, 150; Soupault, 1995, pl. 8: 1; Казанский, 2010б, с. 48–52).

Следует добавить, что в гуннское время подобный декор появляется на основаниях пряжек с массивными хоботковидными язычками и на других изделиях; например, таким способом оформлено основание спинки двупластинчатой позднечерняховской фибулы из погр. 131 Никитинского могильника.

Судя по всему, появление фасетированных гривен в Восточной Прибалтике следует связывать, в целом, с распространением позднеримских декоративных приемов, проявляющихся в варварской торевтике гуннского и постгуннского времени. На подобные инновации в постгуннское время, в частности дунайского происхождения, указывают находки в княжеском погребении в Таурапилсе и на других памятниках.

В то же время, подавляющее количество таких гривен в литовских, латышских и эстонских древностях может указывать на то, что эти вещи могли производиться в этих регионах Прибалтики. Уточнение места их производства пока не представляется возможным. Большое количество находок этих украшений в Литве, Латвии и Эстонии позволяет предположить, что находки в среднем Поднепровье и в среднем Поочье следует считать импортами с этих территорий.

2. Крупная Т-образная фибула, близкая типу «Прага» и сериям «Пильвины-Вилконис»

Это – литая массивная фибула со спинкой ромбического сечения, верхние грани которой украшены поперечным рифлением, ножка расширенная, трапециевидной формы (нижние углы обломаны), поверхность двускатная, сечение треугольное, пружинный механизм – из железа, тетива одинарная, на концах оси пружины – бронзовые напускные бусины уплощенно-сегментовидного сечения. Длина изделия – 6, 7 см (могильник Ундрих, погр. 380/8) (Рис. 2: 1).

Эта фибула близка по набору признаков застежкам типа “Прага”, которые характерны для древностей Моравии и Словакии и, появляются в середине – второй половине V в. а также их прибалтийским производным – фибулам серий «Пильвины» и «Вилконис (Вильканцы)» (Гавритухин, 1989, Schulze-Dörrlamm, 1986, S. 693–694; Blujenė, 2006, p.132–133, Fig.5).

Она найдена вместе с крупной пряжкой с массивной обоймой с гнездами для инкрустаций в стиле «клуазоне» центральноевропейского происхождения, которая указывает на наиболее вероятную дату погребения в рамках второй половины V – начала VI в. (Ахмедов, 2007, рис. 28:

[1] Автор выражает благодарность М.М. Казанскому за помощь в поиске этой работы Н. Милетич.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1-2, 8-9). Аналогичные пряжки М. Шульце-Дёрламм относит к типу C10, который она датирует серединой – второй половиной V. М.М. Казанский подобные пряжки датирует более широко в рамках V – первой половины VI вв. Пряжка из Ундриха близка к находкам в Малой Азии и в Хеброн/Ель-Халил. Тем не менее, найти аналог с такой же упрощенной схемой декора обоймы не удалось. Из центральноевропейских находок таких пряжек в комплексах следует указать на экземпляр из погр. 15 могильника Дешем, в котором она найдена вместе с солидом Флавия Василиска 475/477 гг. (Kazanski, 1994, p. 145–146, 151–152, fig. 7: 2; 11: 6; Shulze-Dörrlamm, 2009, Kat. 89, Taf 2: 3, Abb. 38, S.107–110, 244). Судя по типологическим особенностям пряжки, в частности по форме рамки, и типам браслетов, найденным в погр. 380/8, его датировка может быть определена в рамках последней четверти V – начала VI вв.

Из находок фибул на Средней Оке следует также указать застежку с территории памятника с остатками культурного слоя позднедьяковского поселения, курганным и грунтовым могильниками с кремациями середины – третьей четверти I тыс. в Щурово (левобережье р. Оки близ окраины современной Коломны) (рис. 2: 2) (Сыроватко и др., 2012, рис.2: 10), возможно, являющуюся дальним дериватом изделий типа Пильвины, наиболее ранние образцы которых известны в восточнолитовских курганах. Эту фибулу от прототипов «Прага» и «Пильвины-Вилконис» отличают более крупные размеры, общая массивность, спинка с мелким рифлением.

В настоящий момент выделяются следующие районы Восточной Европы, в которых концентрируются находки этих дунайско-германских фибул и их производных: Центральная Литва, Судавская группа памятников, культура восточнолитовских курганов, отдельные находки известны в поздневельбаркских памятниках и в культуре Доллькайм/Коврово. Фибулы, близкие типу Прага, известны и на других территориях: на пражском поселении Кодын и колочинском Колодезный Бугор. Находки фибул этих типов, по мнению исследователей, свидетельствуют о межкультурных контактах различных групп германцев, балтов, славян, рязано-окских финнов. (Гавритухин, 1989, с. 78–80, рис. 1–2; Казанский, 1999, с. 414; Ахмедов, Казанский 2004, с. 175).

Появление дериватов центральноевропейских и восточнобалтийских фибул уже рассматривалось в контексте усиления межкультурных контактов, одним из факторов которых являлось реконструируемое появление нового населения во второй половине V в. (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 173–175; Ахмедов 2007, с. 152; Ахмедов, Белоцерковская, 2007, с. 274). С этой средой связано появление на Верхней Оке серии фибул «Картавцево-Серенск», в облике которых сочетаются элементы, характерные для фибул типа «Прага» и «Пильвины-Вилконис»: имитация рифления и общие пропорции, и элементы, указывающие на рязано-окское влияние: размеры фибул, крупные биконические шишечки, широкие трапециевидные ножки, гравированный орнамент. К уже опубликованным экземплярам в настоящий момент добавилась находка на городище Дуна (фонды Калужского областного краеведческого музея, рисунок А.М. Воронцова) (Фролов, 1970, с. 81; Воронцов, 2003, с. 294–295, рис.1: 1; Ахмедов, 2008) (Рис. 2: 3–6). В пользу предположения об участии рязано-окских финнов в этом процессе свидетельствуют и находки рязано-окских фибул серий IA4 на селище на берегу р. Елинки, притоке р. Лопасни – левом притоке р. Оки (на границе Серпуховского и Ступинского района Московской области) и на городище у с. Нижняя Городня на р. Скниге, правом притоке р. Оки в Заокском районе Тульской области, а также находка на селище у Чертова городища, в Козельском районе Калужской области крестовидной фибулы серии IA5. (Рис. 2: 7). Эти фибулы датируются несколько более ранним временем: первой половиной – серединой V в. Дополнительным подтверждением этого предположения является и находка на реке Скниге несколько более поздней фибулы, сочетающей в себе элементы рязано-окских фибул серии IA4 и фибул серии «Картавцево-Серенск» (Ахмедов, 2012, с. 107–122, рис. 2: 1–4).

3. Поясные гарнитуры с декором в виде стилизованных головок птиц

Впервые к этой категории вещей привлек внимание специалистов А.К. Амброз, который, основываясь на известных в то время находках из Хотыщи, Демидовки, Посудичей, а также предметов найденных в XIX в. на территории Борковского могильника, выделил устойчивый набор признаков этого стиля украшений поясных гарнитур. Им была установлена стилистическая близость изобразительной системы и техники треугольной выемчатой резьбы многочисленным изделиям, появившимся на большой

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

территории от Дуная до Пиренейского полуострова во второй половине V и широко распространившимся в VI в. Он указал на отличие лесных находок от синхронных изделий Боспора. Устанавливая связь украшений, выполненных в этой стилистике, с традициями дунайской торевтики, он, в то же время, считал, что они являются результатом деятельности верхнеднепровского производственного очага или «ювелирной школы», которая существовала наряду с верхнеокским и среднеокским очагами производства. Эти «очаги», по его мнению, соответствовали археологическим культурам: верхнеднепровский – тушемлинской и колочинской, верхнеокский – шаньковскому типу (мощинской культуре), среднеокский – культуре рязано-окских финнов. А.К. Амброз предполагал, что проявление дунайской стилистики могло быть отражением культурного влияния гепидского ювелирного искусства, которое передавало «некоторые черты подунайской моды, освященной в глазах современников ореолом воспоминаний о былом могуществе и блеске гуннской державы» (Амброз 1970, с. 70–74) К сожалению, А.К. Амброзу остались неизвестны неопубликованные находки бляшек и противостоящей пластины принадлежавших этому стилю поясных украшений рязано-окских из могильника Курман и из сборов П.С. Уваровой из Касимовского уезда, попавшие в коллекции ГИМ и РИАМЗ еще в конце XIX – начале XX вв. Также не были использованы бляшка из погр. 5 Борковского могильника, опубликованная А.А .Спицыным, и обойма пряжки из Смоленской губернии (Спицын 1901, с. 29, табл. XVI: 11).

Новый всплеск интереса к этим вещам относится к 90-годам XX в. Известные на то время находки привлекались в серии работ М.М. Казанского, посвященных изучению археологического контекста миграционных процессов и культурных взаимодействий гуннского и постгуннского времени, не только как результаты дунайского культурного импульса, но и как индикаторы культурных взаимодействий между населением лесной зоны Поднепровья, западного Поволжья и среднего Поочья (Казанский, 1999; Kazanski, 2000). И.О. Гавритухин рассматривал окские находки бляшек с птицевидным декором в качестве прототипов некоторых бляшек «геральдического» облика в Поволжье и на Северном Кавказе. Им также предполагалось позднеантичное происхождение системы расположения элементов поясных наборов (пряжка и противостоящая пластина) и указывались ранневизантийские прототипы и параллели некоторым типам птицевидных бляшек (или Ж и Х-образных) (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 110–111). Автор настоящей статьи впервые обратился к их изучению в дипломной работе, посвященной поясному и конскому убору рязано-окских могильников, защищенной в 1992 г. на кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Новый этап в изучении этой категории вещей связан с появлением новых материалов, как выявленных в собраниях Шиловского районного музея, Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, Государственного Исторического музея, так и с находками этих уборов непосредственно в погребальных комплексах, в первую очередь, при исследованиях Никитинского могильника. Все это позволило вновь обратиться к этой тематике уже на более широком круге источников (Ахмедов, Казанский, 2004; Ахмедов, 2003; 2006а, 2006б, 2007; Akhmedov, 2007) Новые материалы были использованы при подготовке раздела по археологии лесной зоны Восточной Европы на международной выставке «Эпоха Меровингов. Европа без границ». Весь массив источников был систематизирован, предложена первичная классификация, которая с некоторыми модификациями изложена ниже. Автором готовится к печати полный каталог этих находок на среднем течении р. Оки, как опубликованных, так и еще не введенных в научный оборот находок, поступивших в собрание ГИМ в последнее десятилетие.

В настоящий момент эти находки в памятниках рязано-окских финнов составляют серию поясных наборов, резко выделяющуюся на фоне остальных предметов этой категории мужского воинского убора. В полных находках наборы состоят из пряжек с массивной литой полой обоймой, контрпластин и набора блях, в отдельных случаях прослеживаются наконечники дополнительных ремней, служивших для застегивания пояса и крепившиеся под контрпластинами. Обоймы пряжек и контрпластины в некоторых случаях украшены стилизованными головками птиц, бляшки же состоят из четырех таких головок, собранных в симметричной композиции таким образом, что они имеют вид стилизованной буквы Ж. Гарнитуры изготовлены при помощи одинаковых технологических приемов: литья, фасетировки, в отдельных случаях присутствует треугольно-выемчатая резьба по восковой модели. Головки птиц выполнены в характерной

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

«восточногерманской» манере, резко выделяется массивный клюв, головы изображены небольшими выступами в виде плоского сегмента, глаз показан головкой шпенька крепления. В тех случаях, когда наборы найдены в полном составе (погр. 69 Шатрищенского могильника; 4 и 99 Никитинского могильника), количество бляшек, покрывавших поверхность пояса, составляло около 20 шт.

Проведенные экспертом ГИМ А. Будниковым анализы находок деталей таких гарнитур из Касимовского уезда (коллекции П.С. Уваровой), погр. 4 и 99 Никитинского могильника, вещей из Курманского могильника и других, показали, что они изготовлены из сплавов на основе меди с присутствием олова и свинца. На лицевых поверхностях концентрация олова примерно в два раза выше, чем на оборотных. При этом на лицевых сторонах прослеживаются следы абразива. Это свидетельствует о применении приема лужения, который должен был придать изделиям вид серебряных. Иногда покрытие оловом сохраняется и прослеживается визуально.

На данный момент в рязано-окских древностях известно 19 находок наборов и отдельных предметов, основная часть которых происходит с памятников рязанского течения р. Оки. Исследование двух комплексов с такими гарнитурами в полностью раскопанном могильнике у с. Никитино позволило определить достаточно точно их хронологическую позицию. (Ахмедов, 2003; 2006б; 2007, с. 149–150, рис. 30, 31, схема 3: 50).

Наиболее многочисленны находки птицевидных бляшек. Первая попытка классификации этих бляшек была предпринята автором в 2006 г. (Ахмедов, 2006б) В предложенную в этой работе классификацию в настоящий момент внесены некоторые изменения, изложенные далее.

Эти бляшки делятся на шесть типов, наиболее ранние из которых (Тип 1) отличаются вытянутыми пропорциями. Эти изделия обработаны при помощи фасетировки. Они входят в состав поясного набора из погр. 124 могильник Борок II. (рис. 3: 1) (Ахмедов, 2007, с.149, рис.30). Набор включал в себя бронзовую пряжку с овальной, уплощенной в нижней части рамкой, поверхность которой покрыта поперечным рифлением, с массивным граненым язычком и прямоугольную противостоящую пластину. Пряжка из этого набора подробно рассмотрена ниже. Иногда в него входили и узкие фасетированные наконечники ремней, которые могли украшать дополнительный ремень, крепившийся к нижней поверхности противостоящей пластины. В состав комплекса входили набор металлических деталей крестовидной диадемы с декором в виде птичьих головок, крестовидная фибула, двулезвийный короткий меч, рукоять которого была украшена тремя «луновидными» бронзовыми накладками, а ножны были помещены в две бронзовые пластинчатые обоймы, бронзовый браслет. Близкая бляшка известна в находке в Бобраве в Беловском районе Курской области. (Фотоархив Курского государственного областного музея, любезное сообщение О.А. Радюша). Пряжка из этого набора подробно рассмотрена в одном из следующих разделов статьи.

В тип 2 выделяются бляшки из состава поясного набора, найденного в погр. 4 Никитинского могильника. Птицевидные бляшки в этом наборе литые, полые, средняя часть узкая, двускатная (рис. 3: 8) Пряжка и противостоящая пластина с парными птичьими головками, встреченные в этом наборе, украшены орнаментом из треугольников и линий, выполненным в технике кербшнита (рис.4: 4; 5: 6). Фрагмент близкой бляшки находится в составе депаспортизованной части коллекции раскопок Ф.А. Уварова на могильнике Курман. Известны бляшки этого типа и в составе случайных находок на территории Рязанской области, в частности из коллекции Г.А. Сатановского, поступившей в фонды ГИМ (рис. 3: 5–6). Аналогичные бляшки входили также в состав пояса в погр. 226 Армиевского могильника. (Полесских, 1968, рис.5: 3–3а). Такая же бляшка была найдена А.М. Воронцовым в 2009 году во время полевых работ на городище Акиньшино (рис.7: 3; 8: 14).[2]

Пряжка из набора в погр. 4 Никитинского могильника находит параллели второй половины V в.: в Гюлтлингене (рис. 4: 2) (Quast, 1993, Taf. 1), Бачки-Моностор и Шекей (Tejral, 1997a, Abb. 25: 14,18).

Следующая разновидность бляшек встречена в составе поясного набора, предположительно происходящего из Рязанской области (коллекция Г.А. Сатановского, фонды ГИМ). Бляшки – массивные, с широкой, слегка выделенной средней частью, без рельефного валика на ней (тип 3) (рис. 3: 7–8). Кроме того, в составе находки при-

[2] Находка была представлена автором раскопок А.М. Воронцовым и И.О. Гавритухиным в докладе на III Тульской конференции в октябре 2010 г. Автор выражает искреннюю признательность А.М. Воронцову, представившему для публикации фото находки.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сутствуют кованые серебряные имитации таких бляшек с прямоугольным расширением в средней части (тип 8), и характерные для местных поясных наборов подпрямоугольные бляшки с вогнутыми боковыми сторонами. Известны железные бляшки, близкие этому типу, найденные в погр. 65 Никитинского могильника (рис. 3: 9–13).

Наиболее массовыми являются бляшки типа 4 (рис. 3: 14–18). Этот тип бляшек отличается подквадратными пропорциями. Варианты декора: усеченные пирамидки, имитация пирамидок, косые линии. Они происходят из погр. 18 могильника Курман (раскопки И. Проходцева), случайной находки на этом же могильнике (пояс из фондов ГИМ), погр. 69 могильника Шатрищи, 4 могильника Борки, 99 могильника Никитино, сборов в Касимовском уезде Рязанской области и на могильнике Шагара V – Барское 2, из случайной находки в Рязанской области (поясной набор).

В составе поясов с этими бляшками встречены пряжки с полыми литыми обоймами, накладными, посаженными на припой массивными язычками, с широкой площадкой у основания, в отдельных случаях на задней стороне обоймы имеются украшения в виде головки птицы. Противостоящие пластины стандартны, прямоугольные с валиком, декорированным поперечными насечками и парными головками птиц, обращенных друг к другу. В наборе из погр. 69 могильника Шатрищи противостоящая пластина декорирована арочными выступами (рис. 5: 8) Наиболее «стильно» украшены крупные по размеру пряжка и противостоящая пластина из находки 1874 г. на территории Борковского могильника. (рис. 4: 3; 5: 7). Обойма и поверхность противостоящей пластины здесь украшена декором в виде четырехгранных пирамидок. Этот прием начинает распространяться в Центральной Европе со второй половины V в. (Vallet, 1988, p. 52) и восходит к способу усиления игры света на плоских стеклянных и каменных вставках на инкрустированных изделиях путем подкладывания под них золотой фольги, орнаментированной сеткой в виде выдавленных линий. Один из наиболее ранних примеров использования такого приема – изделия, изготовленные в этом стиле из погребений в Унтерзибенбрунн.

Близкие вышеописанным изделиям кованые и прессованные бляшки известны в сборах на территории могильника Ундрих. Все эти подражания, возможно, имеют местное происхождение, условно мы их относим к типам 5, 6, 7. В то же время, по внешнему облику бляшка типа 5 на могильнике Ундрих близка к поясным накладкам из погр. 525 могильника Борок 2, их отличает наличие клювовидных выступов на уплощенных окончаниях (рис. 3: 3). Эти бляшки могут быть дальнейшим развитием накладок гуннского времени, относимых исследователями к типу «Копуловка», широко распространенных в Восточной Европе и имитирующих образцы римского производства (например: Сент-Ирине, Трапейн-Ло и др., сводка этих находок была опубликована в 1993 г. М.М. Казанским) (рис. 3: 2–5) (Kazanski, 1993, p. 121–124, fig. 4–6). Бляшки типов 6 и 7 явно являются упрощенными версиями наиболее ранних накладок типа 1 (рис. 3: 2, 4).

Особо следует указать на случайную находку уникальной для рязано-окских древностей пряжки на территории могильника Заречье 4.[3] Это – бронзовое литое изделие с прямоугольной плоской рамкой и прямоугольной плоской обоймой. Лицевые стороны рамки и обоймы украшены зонами орнамента в виде решетки из четырехгранных пирамидок. По периметру зоны орнамента располагается выпуклый валик: одинарный на рамке и двойной на обойме. На рамке выделено гнездо для язычка. Язычок – массивный с широкой прямоугольной площадкой у основания, украшенной зоной параллельных выпуклых линий с выпуклым валиком по периметру, с тремя поперечными линиями у граненого окончания язычка. Тыльная сторона обоймы украшена двумя схематическими головками птиц, направленных клювами друг к другу. Глаза показаны при помощи плоских кружков, на клювах – орнамент, выполненный при помощи треугольно-выемчатой резьбы. Все части пряжки полые, рамка крепится прорезным выступом обоймы, ремень, фрагмент которого сохранился на обратной стороне обоймы, фиксировался при помощи шпеньков, пропущенных через сквозные отверстия. Размеры пряжки достаточно крупные: рамки – 5,7×2,5 см, обоймы – 5,8×1,7 см по прямоугольной части (рис. 6: 1). По всем признакам пряжка относится к рассматриваемым деталям поясных гарнитур. Необычно крупный размер, орнамент в виде пирамидок, форма язычка сближает эту пряжку с находкой 1874 г. на территории Борковского могильника, так же изготовлен язычок у пряжки из поясного набора из погр. 99 Никитин-

[3] Находка была передана в фонды ГИМ П. Бирюковым.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ского могильника, близок к ним и язычок пряжки из набора из коллекции Г. Сатановского (фонды ГИМ). Если рассматривать параллели с других территорий, следует указать на находку фрагмента аналогичной рамки от пряжки в Посудичах, прямоугольную рамку от пряжки с аналогичным декором и стилизованными изображениями птичьих голов по внешнему краю из Лукашовки 4 в Курчатовском р-не Курской области (устье р. Реут), обнаруженную при исследовании памятника О.А. Радюшем (рис. 6: 2–3)[4]. Прямоугольная обойма от пряжки с решетчатым орнаментом и стилизованными изображениями «хищников» известна в Смоленской области (рис. 6: 4). Судя по всему, эти пряжки воспроизводят центрально- и западноевропейские прототипы второй половины V – начала VI в., зачастую изготовленные из драгоценных материалов с полихромным декором в технике «клуазоне». Из близких находок, обнаруженных на других территориях, можно указать на бронзовую пряжку, хранившуюся до Второй мировой войны в фондах Museum für Vor und Frühgeschichte Государственных музеев Берлина и записанную в инвентарной книге, как происходящая из Суук-су (инв. № IIId, 6189) (рис. 6: 5).

Здесь можно упомянуть некоторые западные параллели пряжкам с прямоугольной плоской рамкой, большая часть из которых найдена в комплексах, связанных с представителями знати формирующихся «варварских» королевств. Такая пряжка вместе с прямоугольной противостоящей пластиной входила в состав погребения в Блучине (Моравия), серия инрустированных пряжек известна в раннемеровингских древностях, экземпляры с прямоугольными обоймами происходят из Армантьера, Брени, Арси-Сент-Реститю, пряжки с «почковидными» обоймами найдены в Армантьере, в комплексах погр. 68 в могильнике Шарлевиль-Мезье в Арденнах, погр. 319 могильника в Лавуа в Лотарингии, в погр. 16, могильника Ое (Haillot) (пров. Льеж, Бельгия), богато украшенная пряжка с прямоугольной рамкой и фигурной обоймой возможно византийского производства известна в Трессане в южной Франции (Лангедок-Руссильон) (Werner, 1966, Abb. 3: 5, 6, 9, 11; Arrhenius, 1985, fig. 40; Menghin, 1983, Kat. 3, S. 183–184; Kat. 46, S. 218; Kat. 51, S. 220–221). Пряжка с прямоугольной обоймой известна в женском погребении у ворот св. Северина в Кельне, инкрустированные экземпляры с обоймой «почковидной» формы найдены в погр. 174 могильника Аубинг и в Шварцрейндорфе (Werner, 1958, Taf. 11: 1–2, 11; 1966, Abb. 2: 2; 3: 8).

Все эти находки рассматриваются в европейской историографии как показатели тенденций средиземноморской моды, проявляющиеся, в том числе, и при участии развивающегося ювелирного дела восточногерманского населения в северной Италии, Подунавье и на северных Балканах.

Действительно, пряжки с прямоугольными рамками и обоймами, украшенными инкрустациями, чрезвычайно близкие находке в Кельне, известны в Тортоне и Асквасанте в северной Италии, подобная пряжка неизвестного происхождения находится также в составе коллекций RGZM. М. Шульце-Дёрлламм относит такие пряжки к типу C17. Аналогичная пряжка известна и в Подунавье в гепидских древностях – в погр. 181 могильника Сентеш-Берекхат (Csallány, 1961, Taf. XXIV: 4; Annibaldi, Werner, 1963, S. 363, Taf.41, 2; Shulze-Dörrlamm, 2009, Kat.105, S.132–134, Taf. 2: 10). Прямоугольная рамка пряжки с инкрустацией на лицевой поверхности и на прямоугольной площадке у основания язычка найдена в погр. 25 могильника Любляна-Дравлье, расположенного в северо-западной части столицы Словении. Эта вещь, наряду с другим значительным количеством находок в этом регионе, относится к переработкам средиземноморских образцов в эпоху правления Теодориха (Vinski, 1978, S. 41, Taf. 14: 4). Из Ландриано (область Павия) в северной Италии происходит уникальная золотая пряжка с декором в технике «клуазоне», которая, как находка в могильнике Заречье, украшена птичьими головками (Bierbrauer, 1975, S. 285–286, Tav. XXV: 1). Видимо, аналогичные этой пряжке образцы и пытались воспроизводить восточноевропейские мастера, явно связанные по происхождению с Подунавьем. Пряжки с прямоугольной рамкой без вставок известны и в ранневизантийских древностях. Экземпляр с прямоугольной рамкой с углубленным орнаментом в виде кружков и инкрустированной обоймой известен в Малой Азии (тип C16 по М. Шульце-Доррлам) (Shulze-Dörrlamm, 2009, S.129, Kat. 104, Taf. 219). Такая пряжка с массивным язычком с зооморфным окончанием, орнаментом в виде линий и косых пропилов на плоской прямоугольной рамке и с

[4] Автор благодарит О.А. Радюша, любезно предоставившего эту находку для публикации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

пластинчатой подтрапециевидной обоймой в виде стилизованных птичьих голов, смотрящих в разные стороны, найдена в Малой Азии (тип B1 по М. Шульце-Доррламм). Массивная бронзовая пряжка с прямоугольной плоской рамкой и массивной обоймой в виде узкого прямоугольника с изображением птичьих голов, смотрящих в разные стороны, украшенная углубленным циркульным и кружковым орнаментом, происходит из Сардис в Малой Азии. (Shulze-Dörrlamm, 2009, S. 36–37, Kat 31, Abb. 13). Подтрапециевидная литая пряжка с гравированым орнаментом и птичьими головками, смотрящими в разные стороны, известна в Керчи. (Айбабин, 1990, рис. 26: 3). Еще три аналогичных пряжки, происходящих из Керчи, Гурзуфа и Майкопа, до Второй мировой войны хранились в указанном выше собрании Museum für Vor und Frühgeschichte. (инв. № IIId, 6143, 6288, 6767). В инвентарных книгах музея сохранились прекрасные рисунки с указаниями размеров.

Пряжка типа B1 из Малой Азии М. Шульце-Дёррламм датируется в рамках последних десятилетий первой половины – серединой V в., пряжки типов C16 и C17 – в рамках последних десятилетий и первой трети VI вв. (Shulze-Dörrlamm, 2009, S. 240, 245). Тип B1 связан по происхождению с синхронными пряжками, входившим в парадные наборы с гравированным декором, представленными в комплексах погр.46 могильника Сент-Ирине (Saint-Irenée) в Лионе и в составе клада римских вещей в Трапейн – Ло в Шотландии, подобные пряжки также были найдены на правобережье среднего Дуная (Домбовар, Толна), в северной Швейцарии (Виндиш-Оберберг). М.М. Казанский предполагает, что такие пряжки изготавливались в позднеримских пограничных мастерских (Kazanski, 1993, p. 121–122, fig.3; Kazanski, Akhmedov, 2007, p. 253, fig. 5: 1–3, 5, 6). Пряжки с инкрустированными рамками и прямоугольными обоймами датируются М. Шульце-Дёррламм широко: в рамках последних десятилетий V – первой половины VI в. (Shulze-Dörrlamm, 2009, S. 245).

Пряжки с прямоугольной рамкой и «почковидной» обоймой, инкрустированные в стиле «клуазоне», в наиболее современной известной автору периодизации меровингских древностей, созданной с учетом предыдущих разработок К. Боннера, Г. Амента, В. Менгина, М. Мартина и с использованием формализованных методов, являются одним из индикаторов периода MA1 (Merovingien ancient 1), который датируется в рамках 470/480 – 520/530 гг. К нему и относятся комплексы погребений с этими пряжками: 319 Лавуа, 68 Шарлевилль-Мезье, Хайло (Legoux et alii, 2009, p. 10, 33, 60).

Погребение в Блучине-Чезави относится к фазе D3 (горизонт Апахида-Блучина или Каравуково-Гава) или среднедунайской фазе 2, по Я. Тейралу, которая датируется в рамках 450 – 470/480 гг. Судя по характеру инкрустаций и форме язычка, пряжка из Ландриано также может быть отнесена к этому времени. На это указывают и найденные вместе с ней накладки или шляпки заклепок, выполненные в виде строенных овалов или миндалевидных гнезд для инкрустаций альмандиндами. Подобные изделия известны в составе находки в Сегед-Нодьсекшош, которая датируется в рамках поздней фазы горизонта D2 – 420/430-450 центральноевропейской хронологии по Я. Тейралу, и в составе коллекции ювелирных изделий из Крыма А.Л. Бертье-Делагарда в Британском музее и в собрании И. Диергардта в Кельне. Такое же изделие найдено в Унтерзибенбрунне. Там же найдена нашивная бляшка с гнездом для инкрустации с окаймлением из «катушечной» проволоки и перстень с ромбической вставкой, гнездо для которой изготовлено таким же способом. Этот прием использован и в декоре небольшой прямоугольной броши с ромбической вставкой, также найденной в Ландриано. Подобное оформление ювелирных изделий широко представлено в уже упоминавшихся выше собраниях А.Л. Бертье-Делагарда и И. Диергадта, а также в материалах Боспорского некрополя в Государственном Эрмитаже. В частности, это находки из двух склепов 24 июня 1904 г (Kubitschek, 1912, Fig.13; Bierbrauer, 1975, S. 285–286, Tav. XXV, 2: 4, 5; Damm, 1988, Kat.111, 192–193, Abb. 210–211; Bóna, 1991, Farbtaf. XXIV, Taf. 78; Засецкая, 1993, с. 65–66, табл. 35; Tejral, 2007, S. 72; Andrási, 2008, cat. 23, 43, pl. 14). Таким образом, датировка пряжки из Ландриано достаточно ранним временем, близким хронологическим рамкам центральноевропейского горизонта D2/D3, представляется возможной. Можно пойти дальше и предположить, что она могла быть изготовлена римским мастером для одного из представителей восточногерманской элиты. На это указывает декор в виде птичьих голов. Отдельные составляющие ременных гарнитур, например, инкрустированные наконечники ремней в виде стилизованных головок птиц появляются уже в поздней фазе горизонта D2 (Сегед-Нодьсекшош). Воинские

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

погребения горизонта D2-D3 в среднем и верхнем течении Дуная и Потисья демонстрируют не только появление птичьих голов в декоре ножен, например, погребения в Тарнамера и Великой Бахте, но и сложение особой стилистики небольших пряжек с одиночным изображением птичьей головы (Виен-Леопольдау, Сигмундесберг, Мёщ, Яношхида, Мадьяр-Чанад-Бёкони, Эстергом-Зигелей, Чёни, Апархант, а также две находки без точной локализации, происходящие с территории Венгрии). Известна находка подобной пряжки в Италии (Nagy, 2002, S. 210–211, Abb.1: 2–14, 16–17). В это же время распространяются своеобразные кольца-распределители для ременных гарнитур с зажимами, выполненными в том же стиле. (Тиссанадьфалу, Маритейя, Мальберг, Гондорф, Сьюруп) (Ахмедов, 2006а, с. 157–158, рис. 1; Akhmedov, 2007, p. 263–265, fig 1: 17–20, 23). Вероятно, к этому же времени относится и своеобразный гибрид – фибула в виде цикады, но с птичьей головкой, аналогичной по стилистике изображениям на деталях гарнитур, указанных выше, происходящая из Дрёзинг в Нижней Австрии. Известна подобная композиция, выполненная в стиле «клуазоне» с парными головками, из собрания Т. Борениуса в Британском музее. Есть предположения о том, что изображения мух-цикад, головок птиц или животных, иногда комбинации этих изображений, помещенные на различные предметы убора, а также на оружие и конский убор, входили в формирующуюся в эпоху сложения ранних «варварских королевств» систему «космологических» символов власти (Wamers, 1990, S. 57–58, Abb. 9, 10; Ахмедов, 2009, с. 164–165). Таким образом, пряжка из могильника Заречье, как и отдельные детали, найденные в Посудичах и Лукашовке, воспроизводят восточногерманские образцы, формирующиеся в отрезок времени, границы которого, в целом, можно отнести к 450-480 гг.

Относительная хронология наборов определяется наиболее ранней находкой пояса с бляшками типа 1 в погребении 124 могильника Борок 2. Сам набор близок по облику поясу из погр. 5 склепа 88 могильника Лучистое. В составе погребального инвентаря также присутствует ременная диадема, зажимы которой соотносимы с указанными выше дунайскими находками горизонта D2/D3, при этом не поздней его части, что также указывает на наиболее предпочтительную датировку погребения в рамках середины – третьей четверти V в. К несколько более поздним находкам относятся бляшки типа 2. В погр. 4 Никитинского могильника с этими бляшками в состав пояса входила пряжка с прямоугольной обоймой, которая, как было указано выше, близка к находкам второй половины V в. Здесь также присутствует контрпластина со стилизованными головами птиц, украшенная декором, изготовленным при помощи треугольно-выемчатой резьбы. Характер декора на пряжке сопоставим с техникой «кербшнит», однако он более грубый, выполнен в виде крупных фигур. В погр. 226 Армиевского могильника была найдена небольшая круглодротовая сюльгама с косым рифлением и выступающими «усиками» – трубочками на концах рамки, что указывает на дату этого погребения в рамках последних десятилетий V – начала VI вв. (Пензенский объединенный областной краеведческий музей. Инв. № 10030). К этому же времени относится и комплекс погр. 65 Никитинского могильника, в котором в состав поясного набора входили железные бляшки, сопоставимые с накладками типа 8.

Большая часть гарнитур поясов включала в себя бляшки типов 3 и 4. Вместе с ними в наборах встречены пряжки с массивными рамками и полыми овальными обоймами, в некоторых случаях с изображениями птичьих головок на тыльной стороне. Язычки пряжек – крупные, подграненные на конце с широкими площадками у основания, как правило, напаянные на петли, крепящие их на рамках. Противостоящие пластины в этих наборах – подпрямоугольные, двух основных разновидностей: узкие и широкие, с изображениями головок птиц на обратной стороне. Отличается лишь противостоящая пластина из поясного набора захороненного в погр. 69 Шатрищенского могильника (раскопки Т.А. Кравченко). Узкая пластина с валиком украшена килевидными выступами по тыльной стороне, что находит параллели в ранневизантийских древностях. Эти наборы демонстрируют сложившуюся стилистику, характерную только для находок на среднем течении р. Оки. Возможно, все они являются продукцией одной мастерской, настолько близки между собой составляющие наборов, найденных в различных частях ареала культуры рязано-окских финнов. Особый характер имеет набор из находки 1874 г. на территории Борковского могильника. Пряжка здесь крупных размеров, рамка изготовлена из серебра или белого сплава, имитирующего серебро, обойма – из медного сплава с заглубленной площадкой, покрытой орнаментом в виде мелких четырехгранных пирамидок. Противостоящая пластина тоже

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

крупнее остальных, заглубленное поле также покрыто орнаментом в виде пирамидок, однако выполненных более грубо и несколько больших размеров, головки птиц проработаны более детально, чем обычно, с выемками на месте глаз и клюва. Создается впечатление, что пряжка имеет инокультурное происхождение, здесь же на Оке местный мастер изготовил новую рамку и противостоящую пластину для этого набора.

Инвентарь погребения 99 Никитинского могильника включал, наряду с другими вещами, и небольшую круглодротовую застежку-сюльгаму с поперечным рифлением на рамке и выступающими усами, круглодротовые браслеты с раскованными округлыми концами, такие же входили в погр. 69 Шатрищенского могильника. Концы одного из них украшены штампованными значками в виде буквы М. В погр. 5 Борковского могильника браслет имел уплощенные концы, срезанные под углом, что указывает на наиболее позднюю позицию этого погребения среди рассматриваемых комплексов (Спицын, 1901, с. 29,72; Кравченко, 1974, с.183; Ахмедов, 2010а, рис.7). Дату этих комплексов можно определить в рамках конца V – первых десятилетий VI вв.

Судя по всему, эта категория поясов существовала в течение достаточно короткого времени, возможно, в рамках активного периода жизни двух поколений их обладателей и, вероятно, мастеров, принадлежавших к одной семье или работавших в одной мастерской, и являвшихся носителями инокультурных производственных традиций. Эволюция наборов представлена на рис. 7, где они разделены на три серии. Возможно, наборы серий 2 и 3 частично сосуществовали.

Таким образом, время существования этого стиля поясных наборов, в целом, было весьма непродолжительным, если учесть датировку наиболее ранней серии 1 с бляшками типа 1, соотносимую с культурно-хронологическим горизонтом D2/D3, то бытование большинства поясных наборов этой стилистики должно укладываться в последнюю треть V – первые десятилетия VI в.

Наибольшее количество параллелей рассматриваемым наборам известно в регионах Поднепровья, в первую очередь, среднего и верхнего течения Днепра, в бассейнах Десны и Псла. Если говорить о находках сопоставимых с горизонтом D2-D3 центральноевропейской хронологии, то следует указать на находку небольшой пряжки, аналогичной указанным выше центральноевропейским находкам в Хмельне Каневского уезда Киевской губернии (рис. 8: 1) (Корзухина, 1996, с. 358, кат. 21, 8, табл. 91: 18). Распределитель ремня в виде кольца с зажимами с изображениями головок птиц на концах, найденный на острове Хортица, известен по схематическому рисунку А.А. Спицына, сохранившемся в его архиве (архив ИИМК, фонд 5). Несмотря на немногочисленность этих вещей, они вписываются в археологический контекст региона середины – третьей четверти V в. в котором дунайские элементы выделены на примере Киевского клада, клада и отдельных находок из Ольвии, а также других категорий, например «причерноморских» версий дунайских фибул, таких, как серия фибул «Левице-Токари», выделенная И.О. Гавритухиным. Этот импульс описывается в литературе, как южный, и, видимо, непосредственно связан с событиями, сопровождавшими распад державы гуннов, включая возвращение части их германских федератов в Восточную Европу.

Для развитых наборов известно большее количество параллелей, сосредоточенных в Среднем и Верхнем Поднепровье и прилегающих к нему районах. Для белорусского Верхнего Поднепровья это – находки нескольких птицевидных бляшек, фигурки человека и обоймы бронзовой позолоченной пряжки с орнаментом в технике «кербшнитт» с птичьей головкой из Хотыща в междуречье рек Прони (правый приток р. Сож) и Ухлясти (левый приток Днепра) (рис. 8: 5). Есть сведения о находке на р. Березине во время хищнических раскопок бляшки, близкой указанной ниже вещи из коллекции Рафа. В Смоленском Поднепровье к этой группе вещей относятся пряжка с городища Демидовка, обойма пряжки с парами головок животных с деградированным орнаментом, имитирующим четырехгранные пирамидки, на поле, противостоящая пластина с полем, заполненным прямоугольными валиками и птичьими головками (последние – фонды ГИМ) (рис. 6: 4; 8: 7, 10). Также известны сведения о наконечнике дополнительного ремня подпрямоугольной формы с приостренным концом и фигурками животным по краям, найденного по непроверенным данным на р. Сож.

В бассейне Среднего Поднепровья и Подесенья следует указать на находку птицевидной бляшки с декором в технике кербшнит в Хмельне. Близкая по форме бляшка, но с зоной из четырехгранных пирамидок в центре приводится в своде Г.Ф. Корзухиной, однако место ее находки неизвестно (Корзухина, 1996, с. 358, кат. 21: 9, табл. 92: 15) (рис. 8: 2, 3). Бляшки из незаконных

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сборов на археологических памятниках, близкие бляшке из коллекции Рафа, фиксировались на интернет-ресурсах в Полтавской и Черкасской областях. О.М. Приходнюком была опубликована крупная, противостоящая бронзовая со следами позолоты пластина, найденная в Чапаевке Золотоношского района Черкасской области (рис. 8: 4). Она имеет прямоугольную форму с полем, заполненным S-образными завитками, однако на тыльной стороне пластины вместо птичьих головок изображены головки фантастических «чудовищ», в которых угадываются прототипы «мартыновских» зверей, которыми, судя по всему, являются и изображения на изделии из Смоленской области из раскопок В.И. Сизова (рис. 6: 4). На внутренней стороне полой пластины во внешнем бортике на стороне, обращенной к пряжке, виден прямоугольный вырез, через который пропускался дополнительный ремень. Характер декора на противостоящей пластине близок орнаменту на знаменитой пряжке из собрания А.Л. Бертье-Делагарда (Британский музей), которую считают уникальной для крымских древностей и указывают, с одной стороны, на ее близость как находкам в Демидовке и Борковском могильнике, так и германским древностям Подунавья и более северных территорий (пряжке с овальной обоймой из Гроцка в Сербии, которую считают остроготской; экземплярам с прямоугольной обоймой из Гессена и Гютлингена) (Приходнюк, 1998, с. 59, рис. 87: 1; Andrási, 2008, p. 55–56, cat. 74, pl. 36) (рис. 8: 4).

В верхнем течении Десны до недавнего времени был известен только фрагмент прямоугольной рамки пряжки с орнаментом из четырехгранных пирамидок, найденный в раскопках П.Н. Третьякова в Посудичах в Брянской области, рассмотренный выше (рис. 6: 3). Однако, в последнее время появились сведения о значительном количестве находок грабителей в этой области. Это металлические детали ременных гарнитур, в частности серебряная, возможно позолоченная противостоящая пластина, украшенная по полю S-образными завитками, выполненными в технике треугольно-выемчатой резьбы, и бляшки, по характеру декора близкой находке в Хмельне. К той же стилистике относятся два ременных зажима, поступивших в собрание ГИМ, происходящие из Брянской области, один из которых представлен на рис. 8: 6.

Другое сосредоточение вещей прослеживается в Курской области. Кроме указанных выше находок на Бобраве и на Реуте, следует упомянуть давно известный специалистам крупный язычок пряжки из кремации 16 колочинского могильника Картамышево-2, щиток которого украшен площадкой с полем, заполненным четырехгранными пирамидками у основания, и с рельефной маской в центральной части (раскопки Е.А. Горюнова) (рис. 8: 11) (Горюнова, 2004, с. 19–20, рис. 6: 17). Кроме них известны находки наконечников дополнительных ремней в пос. Александровском (Курчатовский р-н) и в Беловском р-не на р. Псел. На этой же реке была найдена птицевидная бляшка, близкая по декору находке в Хмельне (Рис. 7: 12) (Гавритухин, Обломский, 2007, с. 31, рис. 22: 18; фотоархив Курского Государственного областного музея археологии). Две бляшки, близкие находкам в Хмельне и из коллекции Рафа, и серебряная с позолотой обойма зажима, по характеру декора очень похожая на экземпляр из Хотыщи, происходят из Белгородской области, возможно из северной ее части (фонды ГИМ) (рис. 8: 13). Для других территорий есть сведения о находке на реке Вырке в Калужской области птицевидной бляшки с декором в технике «кербшнит». Несмотря на то, что значительная часть сведений, приведенных в этом разделе, является непроверенной и не может считаться до конца достоверной в силу своего происхождения, тем не менее, размещенные на карте–схеме точки и предположительный ареал показывают, что необходимо обратить внимание на любые сведения о подобных вещах (рис.13).

В рамках данной работы невозможно изучить все аспекты и предложить решение проблем, которые встают перед нами в связи с этими немногочисленными и в значительной степени недокументированными находками. Можно выдвинуть лишь ряд предварительных соображений. Состав, а также устойчивая стилистическая и технологическая схема поясов подтверждает выдвигавшиеся ранее предположения, что их появление связано с группами мигрантов – носителей культурных традиций Подунавья. Параллели в дунайских древностях горизонта Апахида-Блучина указывают на время появления этих групп в рамках третьей четверти V в. А.Г. Фурасьев датирует находки этого круга в Демидовке и Хотыще второй половиной V – рубежом V-VI вв. (Казанский, 2010а, с. 89–90; Фурасьев, 2001, с. 25) Для понимания контекста находки в Смоленской области важны также находки в раскопках В.И. Сизова поясных накладок, инкрустированных в технике клуазоне, чрезвычайно характерных для Средиземноморья ранневизан-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тийского времени (рис. 8: 8–9). Становление же «верхнеднепровской» ювелирной школы, вероятно, следует относить уже к последней трети V в. Находки наиболее близких дунайским образцам вещей в северной части среднего и в верхнем течении Днепра, а также отсутствие вещей, выполненных в этой стилистике в Балтийском регионе (находки в Таурапилсе и подобные им в Литве сделаны по-иному и просто являются центральноевропейскими вещами), указывает на то, что маршрут этой части мигрантов из центральных районов Европы мог идти к северу от Карпат, но не через Прибалтику, а через западные районы Белоруссии. Дальнейшее накопление данных позволит проверить это предположение. Так или иначе, можно утверждать, что во второй половине V – начале VI вв. в Верхнем и Среднем Поднепровье, Подесенье и на Псле жили группы, развивавшие воинские, идеологические, технологические традиции, восходящие к культуре населения Подунавья, возможно, германской его части, и инкорпорированные в тушемлинскую, колочинскую, пеньковскую среду. Подобное развитие поясных гарнитур с «птицевидным» декором наблюдается в Крыму, в западной части Северном Кавказа, черноморском побережье этого региона и в западной части Закавказья (Kazanski, Mastykova, 1999; Ахмедов, в печати). Видимо, для германцев, живших на территории империи, могли производить подобные изделия, однако выполняли их в характерных для византийского искусства традициях. Устойчивое же развитие этой стилистики мы видим в гепидских древностях Подунавья, крымских готов, остготов королевства Теодориха Великого, у вестготов, у которых большие пряжки, украшенные головами птиц, в той или иной степени становятся важным атрибутом женского костюма, в некотором смысле этническим маркером. Однако это – тема уже другой работы (Bierbrauer, 1975; Nagy, 2002; Zasetskaya, 2004; Хайретдинова, 2000 и др.).

Для нашей темы важно, что даже оторванное от центральноевропейского контекста это производство продолжало сохранять и развивать дунайские (восточно-германские) традиции, но, судя по всему, очень недолго, пока были востребованы те представления и образы, воинско-иерархические маркеры, которые были заложены в изобразительно-идеологическом коде этой стилистики. Облик окских наборов свидетельствует о непосредственном контакте «верхнеднепровской» школы и рязано-окского производства, скорее всего, о появлении мастеров-носителей инокультурных производственных традиций и работавших уже для местного населения, или, что более вероятно, для появившихся вместе с ними и инкорпорированных в местную среду носителей восточно-германских традиций. Возможно, на это указывают и появившиеся в это время на короткий срок северные ориентировки в рязано-окских памятниках, (именно так были ориентированы погребенные в захоронениях 4 и 99 Никитинского могильника, в погр. 69 Шатрищенского могильника, а в погр. 5 Борковского могильника захороненный лежал головой на северо-северо-восток). Направление этого импульса может быть отмечено находками в Верхнем Поочье, упомянутыми выше. В то же время, следует обратить внимание на некоторое своеобразие находок на Смоленщине и на особую систему декора рязанских вещей, что указывает и на сложение региональных школ или очагов производства. Вероятно, связи не были устойчивыми, и в какой-то момент мастера начинали работать изолированно, согласно своим представлениям. Планируемое изучение технологии производства этих наборов может конкретизировать наши представления. Весьма перспективным представляется и вопрос об участии «верхнеднепровской» школы в становлении ювелирного искусства Среднего Поднепровья VI – первой половины VII в. Автор искренне надеется, что специалисты обратят внимание на эту тему.

4. Пряжки с В-образной рамкой

Эта группа пряжек, по мнению некоторых исследователей, появляются в Барбарикуме в рамках хронологического горизонта D по К. Годловскому (350–450 гг.) или в последней трети IV – начале V вв., как производные формы от позднеримских пряжек с рамкой, выполненной в виде парных протом различных животных, обращенных друг к другу, при этом место их соединения образует выемку для язычка, а изображения грив животных могло стать основой для применения поперечного рифления, которым украшены некоторые пряжки с В-образной рамкой (Бажан, Каргопольцев, 1989, с. 28–29).

В то же время, в Восточной Европе, в частности, в рязано-окских древностях и в памятниках Прикамья в середине – второй половине IV в. н.э. известны пряжки с достаточно тонкими В-образной рамками и пластинчатыми обоймами удлиненно подтрапециевидных и подпрямоугольных с вогнутыми боковыми сторонами форм

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(Генинг, 1979, с. 99, табл. А – Д; Ахмедов, 2007, с. 143, схема 1, № 59).

В период 3а 1-2, выделенный автором для погребального инвентаря мужских захоронений рязано-окских могильников и соответствующего, в целом, среднеевропейскому горизонту D1 – ранней части D2 по Я. Тейралу, пряжек с В-образными рамками на Средней Оке не известно. В начале периода 3в известна серебряная пряжка дунайского облика с полой В-образной рамкой и поперечным рифлением на основании язычка в комплексе погр. 28 могильника Курман, где она найдена вместе с украшением узды в стиле Сёсдала. К тому же времени относится и пряжка с В-образной рамкой круглого сечения и массивным язычком, с площадкой, украшенной косым крестом, из сборов на территории Шатрищенского могильника. (Ахмедов, 2007, рис.23: 13) (рис. 9: 1–2).

В погребениях развитой части периода 3в и в периоде 3с 1 пряжек с В-образными рамками становится больше, они – крупнее, изготовлены из серебра. Рамки этих пряжек – массивные, подграненные, имеют сечения следующих вариантов: круглое, сегментовидное, миндалевидное или подромбическое. Каждая пряжка достаточно индивидуальна, однако можно выделить несколько серий.

1. Пряжки без обоймы. Пряжка с массивной подграненной рамкой сегментовидного сечения, с массивным подграненным язычком с прямоугольной площадкой у основания из погр. 191 Никитинского могильника (рис. 9: 3).

2. Пряжки с овальной обоймой. Пряжка из «княжеского» погребения 525 могильника Борок 2 имеет массивную граненую рамку подромбического сечения, граненый полый язычок с тремя последовательно увеличивающимися валиками треугольного сечения у основания язычка и обоймой, выполненной в виде овальной коробочки с боковой частью, сделанной из согнутой пластинки прямоугольного сечения. Пряжка из погр. 55 могильника Заречье имеет рамку миндалевидного сечения, гладкий, слегка подграненный язычок и пластинчатую обойму (рис. 9: 4). На всех пряжках выделены места креплений: у пряжки из погр. 525 Борка 2 это – крупные полусферические бляшки, посаженные на головки штифтов крепления при помощи свинцово-оловянистого припоя, у пряжки из погр. 55 Заречья – при помощи полусферических выпуклостей на лицевой пластине обоймы, через которые пропущены шпеньки для крепления (рис. 9: 5).

Поясной убор из погр. 525 могильника Борок 2 включал в себя также серебряные противостоящую пластину, наконечник дополнительного ремня и большое количество прямоугольных полуцилиндрических бляшек, тисненых из листа.

Рамка пряжки с овальной обоймой с изображением головы птицы (рис. 9: 6)[5] – в-образная, подромбического сечения со сглаженными гранями, чрезвычайно близка по облику рамке пряжки из погр. 55 могильника Заречье 4. Язычок утрачен. Обойма – овальная, с заглубленным полем, в центре которого помещена рельефная тисненая фигура в виде креста. На тыльной стороне обоймы – стилизованное изображение птичьей головы с массивным клювом и поперечным рифлением на шее. Крепление обоймы к ремню осуществлялось при помощи трех шпеньков, пропущенных через сквозные отверстия в рельефном крае овальной части обоймы. Пряжка изготовлена из белого металла, судя по виду металла, возможно из серебра.

3. Пряжки с прямоугольными обоймами. Серебряная пряжка из погр.71 Борковского могильника имеет массивную подграненную рамку, подграненный язычок с прямоугольной площадкой у основания и полую высокую обойму из листа. Несколько отличается пряжка из сборов Н.В. Говорова на площади Борковского могильника в 1931 г. (Коллекции РИАМЗ). Рамка В-образной формы округлого сечения утолщена в передней части, с массивным подграненным язычком, обойма – прямоугольная пластинчатая (рис. 9: 8, 9). Места креплений выделены полусферическими бляшками на свинцово-оловянном припое.

Пряжка из погр. 4 Старокадомского могильника имеет более тонкую, но также подграненную рамку сегментовидного сечения, подграненный язычок с небольшой площадкой у основания и схематическим изображением звериной головки на конце, подпрямоугольную пластинчатую обойму (Шитов, 1988, табл. II: 3) (рис. 9: 7). Пряжка с подобной, достаточно тонкой рамкой и прямоугольной обоймой известна

[5] Пряжка происходит из случайных находок на территории Шиловского района Рязанской области и экспонируется в постоянной экспозиции Шиловского районного народного музея. Прорисована по фото. Судя по всему, рамка пряжки во время монтажа витрины была перевернута задней стороной вперед, т.к. крепления на обойме сломаны, а видимая поверхность рамки чрезвычайно близка обороту рамки из погр. 55 могильника Заречье 4.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в комплексе погр. 4 могильника на Животинном городище, датируемого в рамках второй половины V – начала VI в. (Медведев, Винников, 1989; Обломский, 2007, с. 78–79, рис. 25: 13).

Достаточно сложно классифицировать железные пряжки с гладкой В-образной рамкой, что вызвано плохой сохранностью их в рязано-окских погребениях. Возможно, они повторяли описанные выше формы пряжек из цветных сплавов. Встречены они в погребениях хронологического периода 3с. В некоторых случаях удается проследить остатки прямоугольных обойм и противостоящих пластин, например, в погр. 4 (второй пояс) и 19 Никитинского могильника, иногда без этих деталей – погр. 51, 120, 165, 169, 200, 214 Никитинского могильника (рис. 10: 6–10). Известны также железные пряжки с гладкими В-образными рамками и на других памятниках, например, в погр.10 Борковского могильника, 50 могильника Ундрих, а также вне погребений на Кошибеевском могильнике (раскопки А.А. Спицына). Следует отметить, что зачастую коррозированные железные пряжки В-образной формы гуннского и постгуннского времени трудно отличить от находок более позднего периода, относящегося к так называемому «геральдическому» горизонту.

Описанные выше крупные пряжки близки к большому массиву изделий средиземноморского происхождения, характерных для ранневизантийских гарнитур. Эти пряжки чаще всего имеют овальную рамку различных пропорций, в некоторых случаях с углублением во фронтальной части для язычка, гораздо меньше известно пряжек с В-образными рамками. Обоймы – «почковидные», овальные, прямоугольные, пластинчатые, часто украшены прочеканенными или гравированными изображениями, много экземпляров либо украшенных вставками, либо изготовленными в технике клуазоне (генеральные сводки: Айбабин, 1990; Kazanski, 1994; Shulze-Dörrlamm, 2009 и др.).

Следует указать на некоторые отличия окских изделий от находок в понтийском регионе, где известно наибольшее количество таких пряжек. Это – своеобразное оформление язычков некоторых экземпляров, найденных на Оке: наличие декора в виде поперечных валиков на основаниях пряжек из погр. 28 могильника Курман и 525 могильника Борок 2, что указывают на несколько иную традицию. Близкое оформление также известно на язычке пряжки парадного пояса из погр. 191 Никитинского могильника, которую имеет овальную утолщенную в передней части подграненную рамку и обойму, аналогичную по конструкции пряжке из погр. 525 могильника Борок 2 (Ахмедов, 2010а, рис.11: 10).

Подобным образом иногда оформлялись язычки у позднеримских пряжек, например у роскошной римской пряжки из поясного набора, входившего в состав клада в Трапейн-Ло в Шотландии (Curle, 1923, p. 85, taf. 32; Shulze-Dörrlamm, 2009, S. 42, Abb.17: 1). Для гуннского времени в Подунавье известны находки двух золотых пряжек с хоботковидными массивными язычками с подобным декором на основании, массивными «калачевидными» рамками и инкрустированными «почковидными» обоймами из собрания Венгерского национального музея, таким же образом украшен язычок крупной поясной серебряной пряжки из погребения гуннского времени в Лендьелтоти, язычки пряжек из погребений в Мурга и Межоберени. Следует также указать на роскошную золотую инкрустированную пряжку византийского производства с рамкой в виде противопоставленных львиных голов, найденную в Сегед-Оталом. Основание ее язычка украшено аналогично язычку пряжки, входившей в состав поясного набора в погр. 191 Никитинского могильника (Bóna, 1991, S. 94, 169, 293, Farbtaf. XXII, XXVI, Abb. 68, 169).

Традиция подобного оформления оснований язычков византийских пряжек известна и в более позднее время: так, например, украшены язычки пряжек с В-образной полой рифленой рамкой типа А5 конца V – начала VI вв. и типа А6 первой половины – середины VI вв. по М. Шульце-Дёрламм, найденных в пределах империи (Малая Азия, Византия – коллекции Римско-Германского центрального музея в Майнце), известных также и на других территориях: в Египте, Ливане, на Кавказе, в Среднем и Нижнем Подунавье (Shulze-Dörrlamm, 2009, S.13-15, Kat. 5–7).

Указанные дунайские находки гуннского времени максимально близки по облику рассматриваемым рязано-окским серебряным пряжкам, что, вероятно, позволяет считать их дунайскими по происхождению.

Пряжка из Шиловского района весьма примечательна. Форма рамки чрезвычайно близка рамке пряжки из погр. 55 могильника Заречье. Рельефная же обойма отличается кардинально, в первую очередь, способом ее изготовления тиснением из достаточно толстого листа металла, наличием изображения в углубленном поле и, конечно же, изображением птичьей головки. Не-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

смотря на общую «идейную» близость композиции обоймы описанным выше поясным набором с декором в виде птичьих головок, эта пряжка, несомненно, принадлежит к несколько иному кругу древностей. С одной стороны, можно указать на экземпляры с пластинчатыми обоймами, часто украшенными прочеканенными надписями и изображениями, в том числе и с христианскими символами и сценами, которые широко распространены в средиземноморском мире. Находки, в целом, датируются второй половиной V – VI вв. (IV.1 A-B по М.М. Казанскому). Пряжка с B-образной рамкой и прочеканенным изображением птицы на обойме была найдена в склепе 6 1905 г. некрополя Боспора. Экземпляры с изображением креста в композициями с двумя птицами известны в Чонград-Кетёшалом в Подунавье и в Томах (Констанца) на румынском побережье Черного моря (Айбабин, 1990, с. 37, рис. 37: 1; Kazanski, 1994, p. 159–161, fig. 16: 8, 12; 17: 1). Пряжка с тонкой B-образной рамкой ромбического сечения, широким пластинчатым язычком, с зоной поперечных валиков, пластинчатой обоймой с гравированым геометрическим орнаментом происходит из Малой Азии. М. Шульце-Дёррламм датирует эту пряжку, которую она относит к типу B7, почти всем IV в. – первыми десятилетиями V в. Выделенная ею же в тип B8 пряжка с аналогичной рамкой овального сечения, язычком с квадратной площадкой у основания и овальной пластинчатой обоймой датируется первой половиной V в.

Представляется, что датировки бытования этих типов могут быть близкими. Ближе к рассматриваемой нами пряжке являются византийские пряжки с более массивной B-образной граненой рамкой из Рейнской области и Малой Азии, выделенные ею в тип C1 и датируемые второй половиной V – началом VI вв. (Shulze-Dörrlamm 2009, S. 51–54, 84–86, 241, 243, Kat. 43, 44, 73, 74).

Известна также и серия пряжек, найденных в Керчи, в Майкопе и на черноморском побережье в районе Туапсе. Это – литые пряжки с B-образной полой рамкой, массивными язычками, в двух случаях из трех – с зооморфным окончанием на конце язычка и во всех трех – с квадратной площадкой, а также обоймой с изображением птичьей головки на широкой рифленой шее. Пряжки из погр. 9 склепа 78 1907 г. боспорского некрополя и пряжка из Майкопа (собрание Museum für Vor und Frühgeschichte. Ст. инв. № IIId, 6287, новая экспозиция MVF) имеют выделенную узкую овальную обойму с потреугольным выступом-шейкой у изображения птицы. У пряжек из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда (Британский музей) и из погр. 22 могильника Бжид овальная часть плавно перерастает в широкую шейку изображения. У первой из пряжек птичья головка выполнена относительно детально, на двух других – более схематично. Различно и исполнение окончаний язычков. У пряжек из склепа 78 и из Майкопа это – схематичное изображение звериной головки, у пряжки из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда зооморфная композиция украшена стилизованным изображением гривы, у пряжки из могильника Бжид язычок простой, двускатный. Фрагмент изображения птичьей головки на шейке с поперечным рифлением, возможно, обломок обоймы пряжки, аналогичной вышеуказанным, известен также среди материалов конца V – первой половины VI вв. из Ильичевского городища на Тамани (Айбабин, 1990, рис. 39: 5; Гавритухин, Паромов, 2003, с. 153, табл. 63: 24; Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 76: 10; Andrási, 2008, p. 56, cat. 73, pl. 36). К близким производным относятся также пряжка с овальной рамкой, с совсем узкой вертикальной овальной обоймой и треугольными выступами с птичьими головками на тыльной стороне из Керчи. Близкая по общей схеме обойма от пряжки найдена на мысе Калиакра (южная часть побережья Болгарии). Последняя изготовлена в традиционной для византийских изделий манере – с использованием циркульного орнамента (Nagy, 2002, Abb. 1: 19–20).

Датировки этих пряжек, в целом, укладываются в конец V – первую половину VI вв. (Айбабин, 1990, с. 37; Засецкая, 2003, с. 38, табл. 12: 49; Andrási, 2008, p. 56).

А.И. Айбабин считает эти изделия продукцией боспорских мастерских, в которых сочетаются черты как византийских пряжек (форма рамки и язычка), так и германских – изображения птичьих голов на тыльной стороне обоймы. Ю. Андраши также указывает на сочетание различных традиций в облике этих вещей, однако, считает форму язычка германским признаком (Aibabin, 2008, 145; Andrási, 2008, p. 56).

Близость схемы пряжки из Шиловского музея и указанной серии находок позволяет предположить, что шиловская пряжка относится к прототипам, которые легли в основу «керченской» серии. Рамка пряжки аналогична образцам второй половины V в., в это же время появляются изображения крестов на пластинчатых, иногда

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

объемных обоймах. Однако, следует указать, что аналогов обойме шиловской пряжки найти не удалось, а изображение на ней может и не относиться к христианской символике. Оно может быть и изображением «крестовидной» диадемы – символа власти, как например, на лангобардских фибулах и распределителях уздечных наборов (Ютас, Ночера Умбра, Вечкени) (Akhmedov, 2007, fig.6: 3–9).

Следует указать, что если пряжка из Шилово и является продукцией боспорского производства, то форма рамки и иконография изображения птичьей головки указывают на развитие этим центром традиций культуры германского населения Подунавья.

5. Пряжки с рифленой В-образной рамкой

Известно пять находок таких пряжек.

Бронзовый экземпляр с рамкой В-образной формы, с сегментовидным, слегка подгранённым сечением, с косым рифлением по поверхности, с тонким язычком происходит из погр. 121/18 Никитинского могильника. Судя по рисунку в публикации материалов этого памятника из раскопок Р.Ф. Ворониной пряжка может быть определена как близкая серии Притцир-Полибино V – начала VI вв. по И.А. Бажану и С.Ю. Каргопольцеву (Бажан, Каргопольцев, 1989, рис. 1: 2) (рис. 10: 1).

Бронзовая пряжка с полой рамкой, вытянутой В-образной формы, с гнездом для язычка, зонным рифлением на лицевой поверхности – случайная находка в районе городища у с. Терехово находится в фондах Шиловского народного музея. Язычок – с прямоугольной плоской площадкой у основания и выделенным концом (рис. 10: 2).

По пропорциям рамки и характеру рифления близка пряжкам серии Витково по И.А. Бажану и С.Ю. Каргопольцеву, однако зонный орнамент сближает эту пряжку с изделиями серии Риттердорф-Понизье, среди которых есть и экземпляры с вытянутой рамкой (Рекучяй) . Все это позволяет датировать пряжку в рамках второй половины V – первых десятилетий VI в. (Бажан, Каргопольцев, 1989, рис. 1: 2).

Пряжка с массивной овальной рамкой подтрапециевидного сечения с мелким поперечным рифлением и выделенным гнездом для язычка, наличие которого и придает рамке чуть намеченный В-образный абрис, массивным язычком с трапециевидным выступом у основания, массивной сегментовидной обоймой с дуговидными вырезами и крупными полусферическими головками штифтов для крепления найдена в погр. 124 могильника Борок 2 в составе пояса с противостоящей пластиной и птицевидными бляшками типа 1 (см. выше) (рис. 10: 3).

Одной из наиболее ранней параллелью поясному набору из погр.124 могильника Борок 2 является ременная гарнитура из комплекса погр. 5 склепа 88 могильника Лучистое, расположенного близ Алушты на южном берегу Крыма. Здесь в состав поясного набора входила серебряная пряжка с D-образной рифленой плоской рамкой, вероятно с выемкой для язычка, хоботковидным массивным язычком с поперечными валиками на основании, между которыми расположена зона украшенная, треугольными гранями и поперечными нарезками на окончании, крупной прямоугольной пластинчатой обоймой, а также три серебряных поясных накладки в форме стилизованной буквы Ж – прототипы рязано-окских бляшек с птицевидным декором типа 1. Следует указать и на то, что и в погр. 124 и в комплексе погр. 5 склепа 88 присутствуют прямоугольные фасетированные наконечники с окончанием в виде полумесяца. Склеп 88 датируется А.И. Айбабиным и Э.А. Хайретдиновой в рамках первой половины V в. (Айбабин, Хайретдинова, 1997, с. 2 91, 293, рис. 15; 21: 1–4). Вероятно, эти два набора происходят из единого контекста, связанного с позднеримской воинской культурой. При этом набор из Поочья – более поздний по времени. Присутствие в комплексе распределителей головного убора, выполненных в стилистике, характерной для дунайских мелких пряжек горизонта D2/D3 по Я. Тейралу (Сигмундесберг, Мёщ, Виен-Леопольдау и др.) дает дополнительные аргументы в пользу этого предположения.

По форме рамки и характеру рифления также близки две пряжки из княжеского погребения 5 в Таурапилас типа III 1с по Э. Бутенасу (Tautavičius, 1981; Butėnas, 1999, s. 38–40, pav. 2: 13) Близка по общей схеме и пряжка из Куроны, у которой рифленая рамка уже имеет характерную В-образную вытянутую форму. Исходя из формы рамки, И.А. Бажан и С.Ю. Каргопольцев считали ее близкой серии пряжек Притцир-Полибино. В то же время, у этой пряжки достаточно массивный язычок с прямоугольной площадкой у основания и овальная обойма, что является редкостью для пряжек с В-образной рифленой рамкой (Бажан, Каргопольцев, 1989, рис.2: 20).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Вероятно, дальнейшим развитием этой схемы следует считать находку пары пряжек в погр. 140 могильник Махлайстентокка в Финлядии (Mahlaistentökkä-Vähäkyrö) и двух пряжек из Карби в Швеции (Kivikoski, 1973, S. 54, Taf. 38, Abb. 323; Franzén, 2009, p. 59–60, fig. 9: 5–6). Эти пряжки с В-рамкой, покрытой поперечным рифлением в виде крупных валиков сегментовидного сечения, и с неподвижной обоймой сегментовидной формы, являются типологически наиболее поздними из приведенных экземпляров рассматриваемой схемы. Находки в Махлайстентокка для территории Финляндии уникальны. А. Хакман считал их принадлежащими к «восточнобалтийским формам периода Е», по происхождению связанными с «южногерманским» культурным импульсом (Hackman, 1905, S. 195). Р. Францен считает конструкцию этих пряжек (С2 – пряжки с неподвижной обоймой и язычком, закрепленным на отдельном стержнеоси) специфической для Скандинавии (Franzén, 2009. p. 59).

Железная пряжка с В-образной слегка утолщенной в передней части рамкой подтрапециевидного сечения, с зонным рифлением на поверхности и вытянутой обоймой подтрапециевидной формы, найдена в погр. 117 а Никитинского могильника (рис. 10: 5). Эта находка близка пряжкам серии Притцир-Полибино, выделенным И. Бажаном и С. Каргопольцевым, и бытующим в V – начале VI вв. Аналоги с вытянутыми подпрямоугольными обоймами более характерны для второй половины V – начала VI вв. В то же время, зонный орнамент и вытянутая прямоугольная обойма сближает ее с пряжками серии Риттерсдорф-Понизье (Бажан, Каргопольцев, 1989, с. 28–33, рис.1, 2, серии V и VIII). Железные пряжки с В-образной рамкой были найдены также в нескольких погребениях Никитинского могильника второй половины V – первой половины VI , однако определение их типов затруднено из-за плохой сохранности (рис. 10: 6–10).

Бронзовая пряжка с рамкой прямоугольного сечения и имитацией зонного рифления на лицевой поверхности была найдена в погр. 76 могильника Кораблино (рис. 10: 4). По пропорциям рамки и наличию зонного орнамента ее можно считать вариантом серии пряжек Риттерсдорф–Понизье, бытующих во второй половине V – начале VI вв. (Бажан, Каргопольцев, 1989, с. 28–33, рис.1, 2, серии V и VIII).

На близких территориях необходимо указать на находки В-образных пряжек, в том числе, и с рифлеными рамками, близких серии Притцир-Полибино на памятниках Верхнего Подонья: Замятнино 8, Чертовицкое 3, Замятнино 3. (Обломский, 2007, рис. 20: 4, 6, 13; Медведев, 2007, рис. 4: 14).

6. Пряжки с массивными подпрямоугольными рифлеными рамками

Пряжки – бронзовые с массивной овальной рамкой, сегментовидного сечения, сильно расширяющейся в передней части, поверхность украшена глубокими поперечными линиями, имитирующими рифление. Язычок загнут за переднюю часть рамки, у основания имеется подтрапециевидная площадка, далеко выступающая за боковые стороны язычка, украшенная гравировкой в виде косого креста, обоймы – прямоугольной формы (2 экземпляра) – погр. 52 Кузьминского могильника, погр.32 могильника Курман (рис. 11: 2–3).

Язычок еще одной пряжки имеет прямоугольную площадку, украшенную поперечными насечками (1 экз. из погр.74, М-1, могильника Кораблино) (рис.11: 1).

Наиболее близкие пряжки с длинными пластинчатыми обоймами известны в литовских древностях. В могильнике Плинкагайлис, расположенном в центрально-литовской группе памятников середины I тыс., пряжки с подпрямоугольной рифленой рамкой и язычком с выделенной площадкой у основания находились в погр. 180, где входили в состав гарнитур обувного набора. Пряжка, близкая находкам на средней Оке по форме рамки, но без рифления, с язычком с прямоугольным расширением в средней части и длинной прямоугольной пластинчатой обоймой, находилась в погр. 148 того же памятника (Kazakevičius, 1993, pav. 193: 1, 20–21). Среди пряжек, входивших в состав обувных наборов, на этом памятнике присутствуют экземпляры с овальной рифленой рамкой, вероятно, округлого сечения, с язычками с площадками у оснований и вытянутыми прямоугольными обоймами (погр. 61), а также пряжка, выполненная по той же схеме, но с плоской рамкой сегментовидной формы, украшенной зонами поперечных линий, имитирующих рифление. (погр. 332). В этом погребении также была найдена гривна с фасетированным обручем и замками в двойную петлю, аналогичная изделиям группы «Мамекино», время бытования которой В. Казакявичус

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

относит к концу V в., и шпоры группы H по Е. Гинальскому. Последние также известны в погр. 65 этого же могильника и в княжеском погр. 5 могильника Таурапилас (культура восточнолитовских курганов) (Kazakevičius, 1993, pav. 136: 4–5, 207; Tautavičius, 1981, s. 25–26, pav. 18). Два комплекта шпор группы H происходят также из могильника Видгиряй (погр. 23 и 26) (Šimenas, 2006, pav. 32, 33). Шпоры группы H в западноевропейских древностях, в целом, относят к первой половине – середине V в., указывая, в то же время, на находки подобных шпор в погребениях раннемеровингского времени (Jahn, 1921, 76 n; Giesler, 1978, 52; Ginalsky, 1991, s. 70–71, ryc. 17: 2, 18, 19; Rettner, 1997, S. 135–136, Abb. 1: 2–3). Погребение 5 в могильнике Таурапилас было отнесено А. Таутавичюсом к концу V – началу VI вв. (Tautavičius, 1981, s. 31–32). Оно, судя по всему, синхронно дунайским княжеским погребениям хронологического горизонта D3 (450–480 гг.) выделенного Я. Тейралом для центрального Подунавья (Блучина, Валеа-Луи Михай, Бешенов и др.). По В. Менгину погребение в Таурапилас относится к 450–490 гг. (Tejral, 1997б, p. 156–162, Menghin, 1983, s. 31, 205). Для всех наборов характерно устойчивое сочетание элементов, которое указывает, что время их формирования может быть отнесено, в целом, к третьей четверти V в. Близкие им, но типологические более поздние находки в погр.148 и 180 могильника Плинкагайлис, судя по всему, следует датировать в рамках конца V – начала VI вв.

Из находок на соседних территориях следует указать на пряжку из Леясбитени (Aizkraukles Lejasbitenu), с территории Латвии, опубликованную Я. Циглисом. Эта пряжка состоит из овальной плоской рамки с прямоугольной прорезью, на передней части – зоны поперечных прочерченных линий. Язычок прогнут, с поперечными нарезками у основания, обойма пластинчатая, прямоугольная. Автор выделяет близкие пряжки в тип 5, группы 2 (пряжки с овальными рамками), который датирует в пределах VI в. (Ciglis, 2006, s.160, pav. 1: 16).

Судя по всему, эти пряжки следует считать синтезной формой, возникшей у восточных балтов в контексте широкого использования изделий с В-образными рифлеными рамками, среди которых встречаются образцы с массивными рамками, по пропорциям близким к трапециевидной форме, например в Таурапилсе и Белозерке. (Серии «Витково» и «Притцир-Полибино»). Подобные варианты можно отметить и среди прототипов балтских пряжек в древностях Центральной Европы гуннского времени – Чорна (серия Глувчице) (Бажан, Каргопольцев, 1989, рис. 1, 2).

В отличие от пряжек с В-образной рифленой рамкой, которые описаны выше, автору неизвестны находки рассматриваемых пряжек на других территориях лесной зоны Восточной Европы. Вероятно, импульс, в результате которого эти три пряжки попали к рязано-окским финнам, носил кратковременный характер. В то же время, если учитывать находки гривен типа Мамекино в Среднем Поднепровье и связь рязано-окских поясных «птицевидных» гарнитур с верхнеднепровской «ювелирной школой», можно предположить, что прибалтийские пряжки могли попасть на Среднюю Оку по этому маршруту.

Современное состояние данных по хронологии рязано-окских могильников позволяет уточнить датировку погребений, в которых встречены эти пряжки. В комплекс погр. 74 мыса 1 могильника Кораблино входили пластинчатые со слабо выступающими «усиками» и небольшие круглодротовые сюльгамы, украшенные поперечными нарезками, имитирующими тордирование. На шее погребенного находилась достаточно массивная гривна, утолщенная в передней части, с замком в виде петли, расположенной перпендикулярно плоскости гривны, и крючком. Кроме пряжки с рифленой рамкой, здесь также была найдена пряжка с достаточно тонкой сегментовидной рамкой, хоботковидным язычком, загнутым за передний край рамки, и прямоугольной вытянутой обоймой. Обнаружены также два браслета – массивный круглодротовый с расширяющимися обрезанными концами, в средней части – сегментовидного сечения, на концах – в виде трапеции со скругленными углами, и обычный для рязано-окских древностей середины – второй половины V в. круглодротовый браслет с раскованными концами, украшенными треугольными пропилами и продольными параллельными линиями, составленными из прямоугольных вдавлений. В погребении также находились типичные для рязано-окских древностей нож с прямой спинкой и остатками пластинчатых железных обкладок ножен, втульчатый топор и лепной горшок. Если гривны и браслеты, подобные описанным выше, начинают встречаться в погребениях рязано-окских финнов уже в периоде 3Б (в целом, соответствующего первой половине V в.), то небольшие сюльгамы с имитацией тор-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

дирования и пластинчатые сюльгамы с выступающими усами более характерны для финальной части V в. (Ахмедов, 2007, с. 145–146, 149–150). Небольшая сюльгама с имитацией тордирования входила в состав инвентаря погр. 99 Никитинского могильника вместе с поясным набором с птицевидными бляшками типа 2, описанного выше. Также ко второй половине V в. относятся изготовленные в традициях массивных пряжек с круглой рамками и хоботковидным язычком гуннского времени, облегченные версии с тонкой рамкой, в некоторых случаях употребляющиеся вплоть до начала VI в. Все это позволяет отнести комплекс погр. 74 мыса 1 могильника Кораблино к последним десятилетиям V в.

В составе поясного набора в погр. 52 Кузьминского могильника находились пластины, начинающие бытовать в V в. (Ефименко, 1975, с. 17), а инвентарь погребения включал в себя браслеты, характерные для VI в. (Шитов, 1988, с. 27).

Наличие крупных подтрапециевидных площадок на язычках пряжек из Кузьминского могильника и могильника Курман свидетельствует о том, что эти пряжки можно считать одними из самых поздних экземпляров среди находок таких изделий в Восточной Прибалтике и на Оке, развивающие более мелкие образцы второй половины V в., найденные в Плинкагайлисе. Сопоставление данных по хронологии находок с территории Литвы и рязано-окских комплексов позволяет предложить датировку этих пряжек в древностях рязанских финнов в рамках конца V – первых десятилетий VI вв. н.э.

Возможно, дальним дериватом окских находок является найденная в Прикамье в погр.6 Бурковского могильника пряжка близкого облика. Она имеет подпрямоугольную рифленую рамку, утолщенную в передней части, и небольшую суживающуюся к концу пластинчатую обойму, язычок достаточно массивный, но в отличие от рязано-окских находок, без площадки у основания. В.Ф. Генинг относил ее ко второй половине V в., Р.Д. Голдина датировала концом V – VI вв. без последней четверти VI в. (Генинг, 1979, табл. Бурково; Голдина, 1985, с. 38, 125–126, табл. VI: 18).

Обзор ряда культурно-хронологических индикаторов, сделанный в данной статье, позволяет выдвинуть некоторые предположения.

Рассмотренные категории находок не являются массовыми, за исключением среднеокских поясов с птицевидным декором. Однако они являются достаточно яркими индикаторами, появление которых в культуре среднеокских финнов следует считать отражением культурных взаимодействий и трансформаций в районах Верхнего Поочья, Среднего и верхнего Поднепровья, Подесенья и сопредельных территорий.

Можно предложить следующую последовательность появления этих индикаторов у местного населения.

Гривны с фасетированной поверхностью, фибула, соотносимая со стилистикой типа Прага и серий Пильвины-Вилконис, крупные пряжки с гладкой В-образной рамкой и крупными обоймами, поясной набор с пряжкой с рифленой обоймой и бляшками с птицевидным декором типа 1, попадают к рязано-окским финнам в контексте «дунайского» (центральноевропейского) импульса середины – третьей четверти V в. н.э., который сопоставляется с финалом горизонта D2/D3 – началом горизонта D3, выделенных Я. Тейралом для центральноевропейских древностей. Это подтверждает выдвинутые ранее предположения о непосредственном взаимодействии рязано-окского населения с носителями центральноевропейских традиций (Ахмедов, Казанский, 2004; Ахмедов, 2007).

Распространение на средней Оке устойчивых серий поясных наборов с птицевидными деталями, тесно связанной с верхнеднепровским производством, свидетельствует о присутствии здесь мастеров – носителей иных производственных традиций, удовлетворявших спрос потребителей именно на специфические формы поясов, которые играли чрезвычайно важную роль в системе внешних признаков воинской иерархии. Представляется правомерным предположить, что столь широкое использование этих поясов, выполненных в одной особой стилистике, подразумевает и присутствие в местной среде людей, которые понимали культурный код, скрытый в составе и декоре этих поясов. В то же время, своеобразие окских серий поясов заключается в сочетании элементов, восходящих к дунайским типам, появившимся в третьей четверти V в., и новых, развивающих новации, которые появляются в результате нового импульса «днепровского» происхождения. Тезис о появлении носителей инокультурных традиции подтверждается появлением на некоторое время северных ориентировок и отдельных групп погребений вокруг захоронений с северной ориентировкой.

Появление пряжек с В-образной рифленой рамкой, «литовских» с крупной подпрямоугольной рифленой рамкой, судя по всему, относит-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ся уже к несколько более позднему времени – к концу V – первым десятилетиям VI вв. Этих находок сравнительно немного, однако они позволяют наметить направления устойчивых контактов. Судя по всему, они осуществлялись через продвинувшихся в Верхнее Поочье носителей центрально-европейских традиций, часть из которых, возможно, была инкорпорирована в среду рязанских финнов. Направление, по которому шло взаимодействие, хорошо читается по находкам в Заокском районе Тульской области на городищах Картавцево, Акиньшино, Дуна, Серенск. Вероятно, население, жившее в этих районах, и следует считать контрагентами в контактах рязано-окских финнов с обитателями Верхнего Поднепровья и Подесенья.

Это направление использовалось и в позднеримское время. На археологических материалах зафиксировано как присутствие носителей мощинской культуры на Смоленщине (городища у д. Наквасино, Перстенки, Мартынково и др. в верховьях Днепра и его притоках, городища у д. Никола, Городок, Мясники в междуречье Днепра и Угры и у д. Федотково, Кобелево, Василевщина в бассейне Угры), так и взаимодействие их с населением тушемлинской культуры, выражающееся в присутствии на тушемлинских памятниках находок мощинской керамики, а также, в появлении местных типов сосудов, сформировавшихся под влиянием мощинских технологических традиций. Е.А. Шмидт указывает, что проникновение мощинского населения в бассейн верхнего Днепра относится к поздней фазе существования мощинской культуры. Исследователь также отмечает наличие определенных контактов тушемлинских племен Смоленщины в позднеримское время с населением Подесенья, вектор которых находился южнее Смоленска в бассейне р. Сож в пограничных с верхним Подесеньем районах. Вещи же центральноевропейского и «южного» облика, по его мнению, попадали на эту территорию в результате импорта с других территорий (Шмидт, 2003, с.149–151; 152–154).

А.Г. Фурасьев, в отличие от Е.А. Шмидта, считает, что находки оружия и предметов поясного убора и клад на городище Демидовка связаны с горизонтом штурма и пожара. Та же судьба постигла и другое исследованное Е.А. Шмидтом поселение – городище Близнаки, где находки оружия также связаны с горизонтом штурма. Типы оружия (наконечников копий и дротиков, топора, наконечников стрел), по мнению А.Г. Фурасьева, собственно, как и поясов, не характерны для вооружения лесной зоны, а, скорее, принадлежали пришлому населению. Время этих событий определяется в рамках середины – второй половины V в. Пришлые группы были воинственны, но явно немногочисленны, так как коренных изменений в жизни обитателей Верхнего Поднепровья не произошло. (Фурасьев, 1996; Лопатин, Фурасьев, 2007, с. 285). В то же время, если учесть находки типологически более поздних, чем пряжка из Демидовки, деталей поясных уборов «верхнеднепровской» школы на территории Смоленщины, можно предположить, что какая-то часть пришельцев оставалась здесь и на рубеже V-VI вв.

М.М. Казанский также указывает на проникновение в культуру тушемлинских племен вещей, как типичных для восточных балтов, так и принадлежащих дунайской традиции, при этом дунайские вещи появляются здесь вместе с новыми группами дунайского населения (Казанский, 2010а, с. 104–106).

Еще Г.Ф. Корзухина указывала, что Подесенье – сопредельный со Смоленщиной регион – являлось связующим звеном между лесными и лесостепными районами уже в позднеримское время. Это подкрепляется находкой в Козловке серебряной гривны «окского» типа (Корзухина, 1978, с. 60). Осмотр этой гривны, хранящейся в коллекции ГИМ, показал, что «окский» характер ей придает наличие напускных бусин, а сама гривна имеет мощное утолщение в передней части, что свидетельствует о переработке и имитации рязано-окских гривен.

Попадают сюда и мощинские вещи. Е.А. Шинаков сообщает о находке фибулы «окского» типа у с. Слободище в лесах между реками Десна и Болва (Шинаков, 2008, с. 115).

Возможно индикатором появления каких-то групп, двигавшихся из районов Поднепровья и Подесенья в Поочье, являются находки в Спас-Перекше на р. Угре двух фибул и большой бронзовой пряжки (рис. 12: 1–3). Одна из них, пальчатая с декором, имитирующим треугольно-выемчатую резьбу, рассматривалась А.К. Амброзом, как подражание боспорским образцам, «…но со значительной переработкой прототипа» (Амброз, 1970, с. 74). Возможно, более вероятными прототипами являлись небольшие дунайские фибулы, например, из Сикенице – Велки Песек, Базель-Кляйхюнингена, Базель-Готтермбарвега и производные от них фибулы, найденные в Поднепровье в Каневском уезде, на Звонецких порогах, в Мартыновке (Ахмедов, Казанский, 2004,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рис. 2: 8, 10, 4: 10, 11, 13; Корзухина, 1996, с. 359, табл. 7: 5, 80: 9; Tejral, 2012, fig. 5: 8–9).

Другая фибула изготовлена из железа, с пластинчатой спинкой и узкой ножкой, со сплошным приемником. Она близка широкопластинчатым фибулам, известным в Среднем Поднепровье (в частности, в Пеньковке в урочище Молочарня) (Приходнюк, 1998, рис.64: 5).

Намеченные направления контактов и их характер требуют дальнейшей работы по выявлению древностей этого круга в Верхнем Поочье и Подесенье. В настоящий момент уже известны сведения о погребальных памятниках на р. Оке, происхождение которых может быть связано с этим горизонтом (грунтовый могильник Лужки в Серпуховском районе и упомянутый выше могильник с кремациями в Щурово на левом берегу р. Оки на южной окраине пригорода Коломны). Новый могильник середины I тысячелетия с погребениями по обряду кремации найден на правом берегу р. Оки на поселении у Соколовой пустыни. Его материалы были представлены О.Ю. Потемкиной, А.С. Сыроватко, А.А. Трошиной на четвертой конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» (Тула 2012). Если говорить о находках уже находящихся в музейных коллекциях, то, кроме уже публиковавшегося умбона типа «Либенау» на городище Луковня (Музей истории города Москвы), для изучения стали доступны два шлема средиземноморского и центральноевропейского происхождения, найденные в Касимовском районе Рязанской области и поступившие в собрание Государственного Исторического музея. Изучение контекста таких экстраординарных для Центральной России находок, выявления вещей рассматриваемого горизонта в музейных коллекциях, а также анализ вновь выявленных погребальных памятников позволит проверить и конкретизировать выдвинутые в статье предположения.

Так или иначе, рассмотренные в статье категории инвентаря не только свидетельствуют о взаимодействия рязано-окских финнов с населением Верхнего Поочья, но и могут быть использованы в качестве хронологических реперов для выделения древностей конца V – первой половины VI вв. как на территории Среднего Поочья, так и в сопредельных регионах.

Литература

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ, I.

Айбабин А.И., Хайретдинова Э.А. 1997. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ, VI.

Амброз А.К. 1970. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. МИА, 176.

Ахмедов И.Р. 2003. Новые находки гарнитур с птицевидным декором в лесной зоне Восточной Европы гуннского и постгуннского времени // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. II. М.

Ахмедов И.Р. 2006а. Крестовидные диадемы в эпоху Великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого Переселения народов. Ижевск.

Ахмедов И.Р. 2006б. Поясные гарнитуры с птицевидным декором в лесной зоне Восточной Европы в эпоху Великого Переселения народов // Наследие М.Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии. 2. Саранск.

Ахмедов И.Р. 2007. Инвентарь мужских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. 9. М.

Ахмедов И.Р. 2008. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи Римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Ахмедов И.Р. 2009. Новые материалы к истории престижной узды Восточной Европы гуннского и постгуннского времени // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. К 80-летию И.П. Засецкой. СПб.

Ахмедов И.Р. 2010а. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Тула.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Ахмедов И.Р. 2010б. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (К современному состоянию вопроса) // Раннеславянский мир. 13. М.

Ахмедов И.Р. 2010в. Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника // Germania – Sarmatia, II. Калининград-Курск.

Ахмедов И.Р. 2011. Находка медальона Септимия Севера на р. Оке // Проблемы истории, философии, культуры, 4. Москва-Магнитогорск-Новосибирск.

Ахмедов И.Р. 2012. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: Мир и человек: теоретический и научно-теоретический журнал. 3. Самара.

Ахмедов И.Р. в печати. Поясной набор с птицевидной накладкой из погребения 14 1949 г. Пашковского могильника № 1 // Казанский М.М., Мастыкова А.В. Пашковский могильник № 1 из раскопок К.Ф. Смирнова. Институт археологии. М.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., 2007. К реконструкции исторических процессов. В: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир, 9. М.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Атиллы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб.

Белоцерковская И.В. 2010. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Тула.

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации / /КСИА, 198.

Безуглов С.И., Ильюков Л.С. 2007. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. 2. Москва-Иерусалим.

Воронцов А.М. 2003. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История, 1 Тула.

Гавритухин И.О. 1989. Кодынские фибулы (Типы и некоторые проблемы интерпретации) // Vakaru baltu archeologija ir istorija. Klaipeda.

Гавритухин И.О. Иванов А.Г. 1999. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 2007. Днепровское лесостепное левобережье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир, 9. М.

Гавритухин И.О., Паромов Я.М. 2003. Ильичевское городище и поселения его округи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003. Могильники V–VII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Генинг В.Ф. 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (По материалам могильников Прикамья) // КСИА, 158.

Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в верхнем Прикамье. Иркутск.

Горюнова В.М. 2004. Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб.

Ефименко П.П. 1975. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. 48. Саранск.

Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ, III.

Засецкая И.П. 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. 2007. Погребения у р. Морской Чулек. СПб.

Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести, 6. СПб.

Казанский М.М. 2010а. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus, 4. Кишинёв.

Казанский М.М., 2010б. Кишпек, Экажево и Варпелев: К вопросу о понто-скандинавских связах

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в позднеримское время // Международная конференция «Inter ambo maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время». 21–25 октября 2010 г. Гаспра, Крым, Украина. Симферополь.

Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ, Е1-43. Л.

Корзухина Г.Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ, V.

Кравченко Т.А. 1974. Шатрищенский могильник // Археология Рязанской земли. М.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 2007. Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. 9. М.

Медведев А.П. 2007. Лесостепное Подонье накануне средневековья // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. 2. Москва-Иерусалим.

Медведев А.П., Винников А.З. 1989. Грунтовый могильник на Животинном городище // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.

Обломский А.М. 2007. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. 9. М.

Отчет РИМ – Отчет Российского исторического музея за 1911 г. М.1912.

Полесских М.Р. 1968. Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа // СА, 1.

Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Воронеж.

Рыдзевская Е.А. 1915. Клады старых серебряных шейных гривен западного типа // ЗОРСА, XI.

Самоквасов Д.Я. 1916. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М.

Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, вып. 1.

Сыроватко А.С., Трошина А.А., Спиридонова Е.А. 2012. Хронология Щуровского могильника по естественно-научным данным // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула.

Фролов И.К. 1970. Нижний слой городища у дер. Серенск //Древние славяне и их соседи. М.

Фурасьев А.Г. 1996. Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. Мінск.

Фурасьев А.Г. 2001. О датировке и происхождении одной группы пряжек эпохи Великого переселения народов // Сообщения Государственного Эрмитажа, LIX. СПб.

Фурасьев А.Г. 2009. Этнокультурные особенности населения южного Крыма в VI – начале VII вв. // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.

Хайрединова Э.А. 2000. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ, VII.

Шинаков Е.А. 2008. Находки предметов с эмалями позднеримской эпохи в Подесенье и вопросы их происхождения и атрибуции // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный аспект. Материалы тематической научной конференции. СПб.

Шитов В.Н. 1988. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ, 85. Саранск.

Шмидт Е.А. 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск.

Эпоха Меровингов – Европа без границ. 2007. Merowingerzeit – Europa ohne Grenzen. Archäologie und Geschichte des 5. bis 8. Jarhunderts. Staatliche Museen zu Berlin. Edition Minerva. Каталог выставки.

Aibabin A. 2008. Commentary on Select Items and Groups in the Collection // Andrási J. The Berthier-Delagarde collection of Crimean jewellery in the British museum and related material. London.

Akhmedov I.R. 2007. “Cross-like diadems” in the Great Migration epoch (Preliminary Communication) // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR, 26. Brno.

Andrási J. 2008. The Berthier-Delagarde collection of Crimean jewellery in the British museum and related material. London.

Annibaldi G., Werner J. 1963. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta Prov. Ascoli Piceno (Marche) // Germania, 41-2. Berlin.

Arrhenius B. 1985. Merovingian Garnet Jewellery. Emergence and Social Implications. Stockholm.

Bierbrauer V. 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto.

Bliujenė A. 2006. Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration period // Lietuvos archaeologia. 7. Vilnius.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Bóna I. 1991. Das Hunnenreich. Budapest-Stuttgart.

Butėnas E. 1999. Sagtys iš ritų lietuvos pilkapių (Tipai, paskirtis) // Lietuvos archeologija, 18. Vilnius.

Curle A.O. 1923. The Treasure of Trapain: a Scottish hoard of Roman silver plate. Glazgow.

Ciglis J. 2006. V–IV amžiaus diržų sagtys Rytų Lavijoje // Archaeologia lituana, 7. Vilnius.

Csallány D. 1961. Archäologisches Denkmäler der Gepiden im Mitteldonauraum 454-568 u.Z. Budapest.

Damm I. G. 1988. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Shwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, 21. Berlin.

Giesler U. 1978. Jüngerkaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // Saalburg-Jahrbuch, 35. Mainz am Rhein.

Ginalsky J. 1991. Ostrogi kabłąkowe kultury przeworskiej // Przegląd Archeologiczny, 38. Poznań.

Franzén R. 2009. The image of Loki from Proosa in Estonia: a migration period high status buckle with an elevated circular fastening plate in the light of similar buckles recovered in Scandinavia // Fennoscandia archaeologica, XXVI. University of Oulu.

Hackman A. 1905. Die ältere Eisenzeit in Finnland. Helsingfors.

Kazakevičius V. 1993. Plinkagailio kapinynas // Lietuvos Archeologija, 10. Vilnius.

Kazanski M. 1993. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloirs rhodanien // Antiquités Nationales, 25. Saint-Germain-en-Laye.

Kazanski M. 1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siecles. //Archéologie Médiévale, 24. CNRS Éditions.

Kazanski M. 2000. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserziet und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź.

Kazanski M. Akhmedov I. 2007. La tombe de Mundolshem (Bas-Rhin): Un chef militaire Nomade au service de Rome // Barbaren im Vandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Spisy archeologického ústavu AV ČR, 26. Brno.

Kazanski M., Mastykova A. 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua, 5. Mainz.

Kivikoski E. 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Neuasgabe. Helsinki.

Kubitschek W. 1912. Grabfunde in Untersiebenbrunn // Jarbuch für Altertumskunde., 1911. 5. Bd. l–3. Wien.

Legoux R., Périn P., Vallet F. 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire merovingien entre Manche et Lorraine // Bulletin de liaison de l'Association française d'Archéologie mérovingenne, № hors série, 2004. Condé-sur-Noireau.

Menghin W. 1983. Der Schwert im frühen Mittelalter. Nürnberg.

Miletić, N. 1978. Reflets des Grandes Invasions en Bosnie-Herzegovine // Problemi seobe naroda u Karpatskoj kotlini. Novi-Sad.

Moora H. 1929. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n Chr. I Teil. Die Funde. Tartu (Dorpat).

Moora H. 1932. Die Vorzeit Estlands. Tartu.

Moora H. 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n Chr. II Teil. Analyse. Tartu.

Nagy M. 2002. A gepida sasfejes csatok és kapcsolataik // Studia archaeologica, VIII. Szeged.

Oras E., 2010. Ritual wealth deposits in Estonian middle iron age material // Estonian Journal of Archaeology, 14-2. Tallinn.

Quast D. 1993, Merowingerzeitliche Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart.

Rettner A. 1997. Sporen der älteren Merowingerzeit // Germania, 75.

Šimėnas V. 2006. Etnokultūriniai procesai. Vacarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje. Vilnius.

Schulze-Dörrlamm M. 1986. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den armbrust- und bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n Chr. Aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen zentralmuseum, Mainz, 33-2. Mainz.

Shulze-Dörrlamm M. 2009. Byzantinishe gürtelschnallen und gürtelbeschlage im römisch-germanischen zentralmuseum. Teil I. Gie schnallen ohne beschlag, mit laschenbeschlag und mit festem beschlag des 5. Bis 7. Mainz.

Sommer M. 1984. Die Gürtel und Gürtelbeschlage des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich // Bonner hefte zur vorgeschichte, 22. Bonn.

Soupault V. 1995. Les tombes à épée au nord-est et à l'est de la mer Noire au Bas-Empire // La nobles romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé – sur – Noireau.

Jahn M. 1921. Der Reitersporn seine Entstehung und fruheste Entwicklung. Leipzig.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Tautavičius A. 1981. Taurapilio “kunigaikščio” kapas // Lietuvos archeologija. T.2. Vilnius.

Tallgren A.M. 1922. Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. // Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis, VIII-1. Dorpat.

Tejral J. 1997a. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.

Tejral J. 1997б. Les fédérés de l’Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen á la lumiére des données archéologiques // Antiquités Nationales, 29. Saint-Germain-en-Laye.

Tejral J., 2007. Das Hunnenreich und Identitätsfragen der barbarischen “gentes” im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Vandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Spisy archeologického ústavu AV ČR, 26. Brno.

Tejral J. 2012. Cultural or ethnic changes? Continuity and discontinuityon the middle Danube ca A.D. 500 // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration. College de France – CNRS. Centre de recherche d’histoireet civilisation de Byzance. Monographies 36. Paris-Beograd.

Urtāns V. 1964. Latvijas 5-9 gs. Depositi // Archeologija un Etnografija, VI, № 18. Riga.

Urtāns V. 1977. Senākie depozīti Latvijā (lidz 1200. g.). Riga.

Vallet F. 1988. A propos des tombes a épées d’apparat de la Rue Saint-Pierre (Oise) et d’Arcy-Sainte-Restitue (Aisne) // Revue archéologique de Picardie. N°3-4, 1988. Actes des VIIIe journées internationales d’archéologie mérovingienne de Soissons (19-22 Juin 1986). Amiens.

Vinski Z. 1978. Archäologische spuren ostgotischer anwesenheit im heutigen bereich Jugoslawiens // Problemi seobe naroda u Karpatskoj kotlini. Novi Sad.

Wamers E. 1990. Bemerkungen zu zwei Zikadenfibeln aus westdeutschen Privatsammlungen. //Franfurter Beiträge zur Mittelalter-Archäologie II. Schriften des Frankfurter museums für vor- und frühgeschichte. Archäologisches Museum, XII. Bonn.

Werner J. 1958. Eine ostgotische Prunkshnalle von Köln-Severinstor (Studien zur Sammlung Diergardt II) // Kölner Jahrbuch fur vor- und frühgeschichte. 3. Berlin.

Werner J. 1966. Zu den Donauländischen beziehungen des alamannischen gräberfeldes am alten Goterbarmweg in Basel // Helvetia Antiqua. Festschrift Emil Vogt. Beiträge zur Prähistorie und Archäeologie der Schweiz. Zürich.

Zasetskaya I.P. 2004. On the chronology of eagle-head buckles from the necropolis of bosporus and south-crimean burial-grounds of the early medieval period (6th – early 7th centuries AD) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 10, No. 1-2. Leiden – Boston.

Список сокращений

ГИМ – Государственный Исторический музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
САИ – Свод археологических источников
MVF – Museum für Vor und Frühgeschichte
МАР – Материалы по археологии России
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества, С.-Петербург
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum
MVF – Museum fur Vor- und Fruhgeschichte
AV ČR – Akademie věd České republiky

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

I.R. Akhmedov

Some indicators of cross-cultural interaction in antiquities of Ryazan-Oka Finns of the 2nd half of the 5'th c. – the beginning of the 6'th c.

Abstract

The article is dedicated to some classes of finds related to the culture of Ryazan-Oka Finns of the 2nd half of the 5'th c. – the beginning of the 6'th c. The author singles out some classes of artifacts which can be used as indicators of cross-cultural interaction of the Ryazan-Oka Finns and various groups of people from the Upper Oka region – the Upper and Middle Dnieper region.

These classes include neck-rings with faceted surface singled out to the «Plinkaigalis-Mamekino-Kuzminskoe» series. Two of such neck-rings appear from the Zarechye and Kuzminskoe burial grounds. The similar artifacts also were found in the Middle Dnieper region (Mamekino) and in the Baltic region. The similar to the Prague type fibula from the Undrich burial ground is a significant find. Numerous finds are remains of belt fittings decorated with stylized birds' heads. Some of them are the production of the Upper Dnieper jewelry school singled out by A.K. Ambroz. The others are from the special group of regional artifacts which could be produced by craftsmen of another culture origin working among the Ryazan-Oka Finns.

As details of belt-fitting sets of the "Upper Dnieper" jewelry school and Bosporian workshops, they represent one of East European variations of belt-fitting sets reproducing Central Europeans schemes.

Cross-cultural contacts are also indicated by the belt-buckles with a smooth B-shaped frame. They can be compared with the types of belt-buckles which are the result of development Danube region traditions. These types had widespread over the Black Sea coast of the Caucasus and Crimea in that time. The similar belt-buckles with a ribbed surface have even more wide circle of analogues from Crimea to Finland and the Upper Don region.

The bronze belt-buckles with a massive ribbed rectangular frame and rectangular beckets represent a special variety. The analogies are known in Lithuania and Latvia (Plinkaigalis, Aizkraukles, Lejasbitenu).

The review of those categories of artifacts provided in this article allowed the author to put some suppositions. According to them, the neck-rings with a faceted surface, the belt-buckles with a smooth B-shaped frame, the fibula which is close to the Prague type are similar to Central Europe antiquities of the end of the horizon D2/D3 and the start of the horizon D3 (by J. Tejral). This similarity confirms earlier suppositions concerning the immediate contacts between the Ryazan-Oka Finns and the Central European culture bearers. The local version of the belt fitting decorated with birds' heads also testify presence of those culture bearers in the Ryazan-Oka cultural society.

The belt-buckles with a B-shaped ribbed frame and with a massive rectangular ribbed frame arose in the end of the 5'th c. – the begining of the 6'th c.

The sum of locations of finds allows to indicate directions of cultural contacts from the Ryazan-Oka Finns areal through the Upper Oka region to the Desna region and the Middle and Upper Dnieper region. The allogenous groups of population, perhaps from the Danube region, incorporated into the society of Kolochin, Tushemlya, late Moschiny cultures could take the part of mediators of these contacts.

The route of cross-cultural contacts with population of the Upper and Middle Dnieper as well as the Middle Desna regions went through the Upper Desna and the Upper Oka regions to the Middle Oka area. Some finds on the left bank of the Oka between Serpukhov and Kolomna, the Kasimov part of the Oka basin could mark the regions of direct contacts between Ryazan-Oka Finns and allogenous groups of population.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

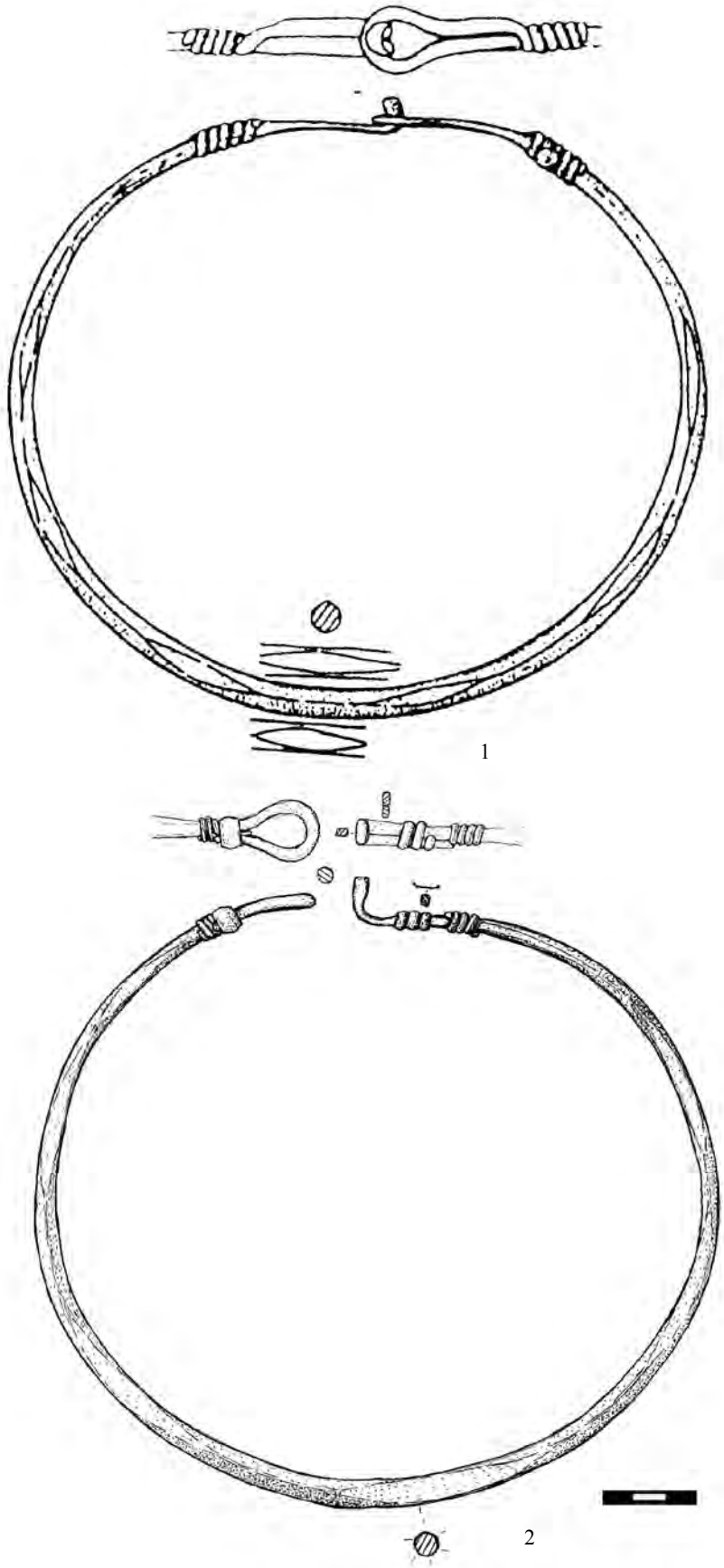


Рис. 1. Гривны с фасетированной поверхностью из рязано-окских могильников.
1 – гривна из погр. 71а могильника Заречье 4, белый металл; 2 – гривна из погр. 50 Кузьминского могильника, белый металл.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

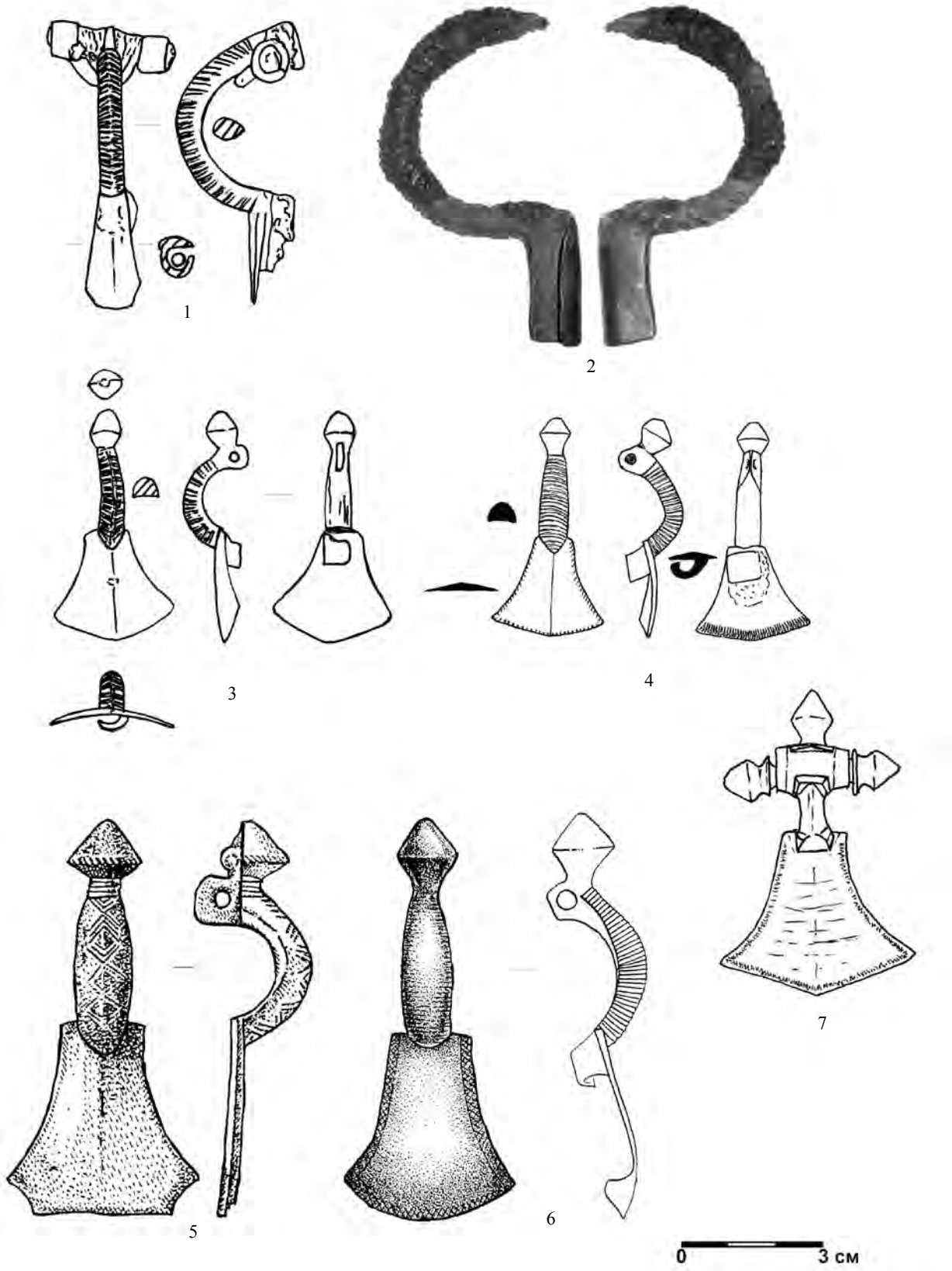


Рис. 2. Фибулы.
1 – Ундрих, погр. 380; 2 – Щурово; 3 – случайная находка в районе г. Козельска; 4 – Дуна; 5 – Серенск; 6 – Картавцево; 7 – Заокский район Тульской области; 1–7 – бронза; 2 – по А.С. Сыроватко; 4, 6 – по А.М. Воронцову, 5 – по И.К. Фролову.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

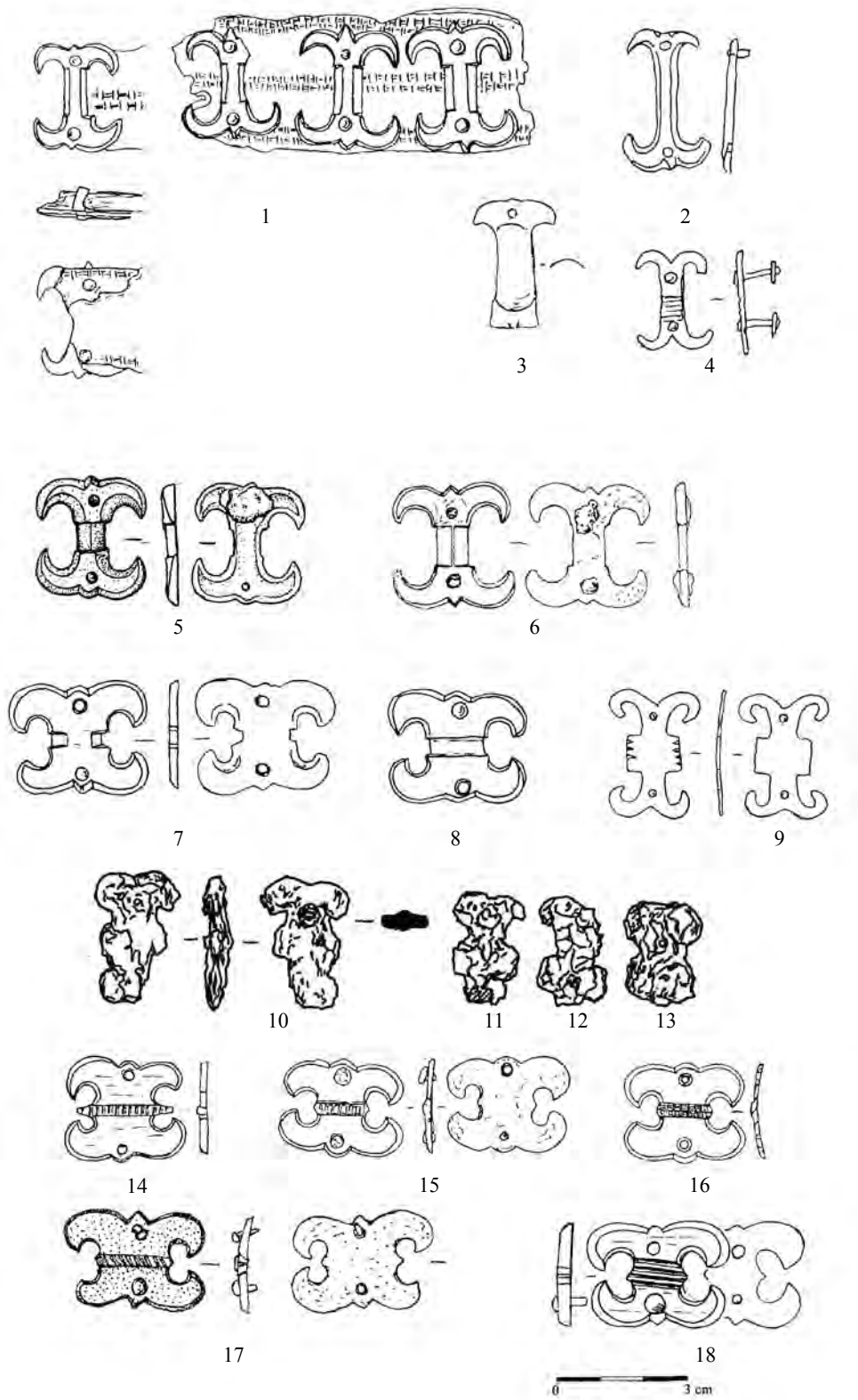


Рис. 3. Поясные накладки с птицевидным декором.
1 – погр.124 могильника Борок II; 2–4 – сборы на территории могильника Ундрих; 5 – погр. 4 Никитинского могильника; 6–9 – случайные находки с территории Рязанской области; 10–13 – погр. 65 Никитинского могильника; 14 – погр. 69, Шатрищенского могильника; 16 – погр. 5 Борковского могильника; 15, 18 – Касимовский уезд; 17 – погр. 99 Никитинского могильника;

10–13 – железо, остальное сплавы цветных металлов. 6–9 – по рисунку И.О. Гавритухина.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

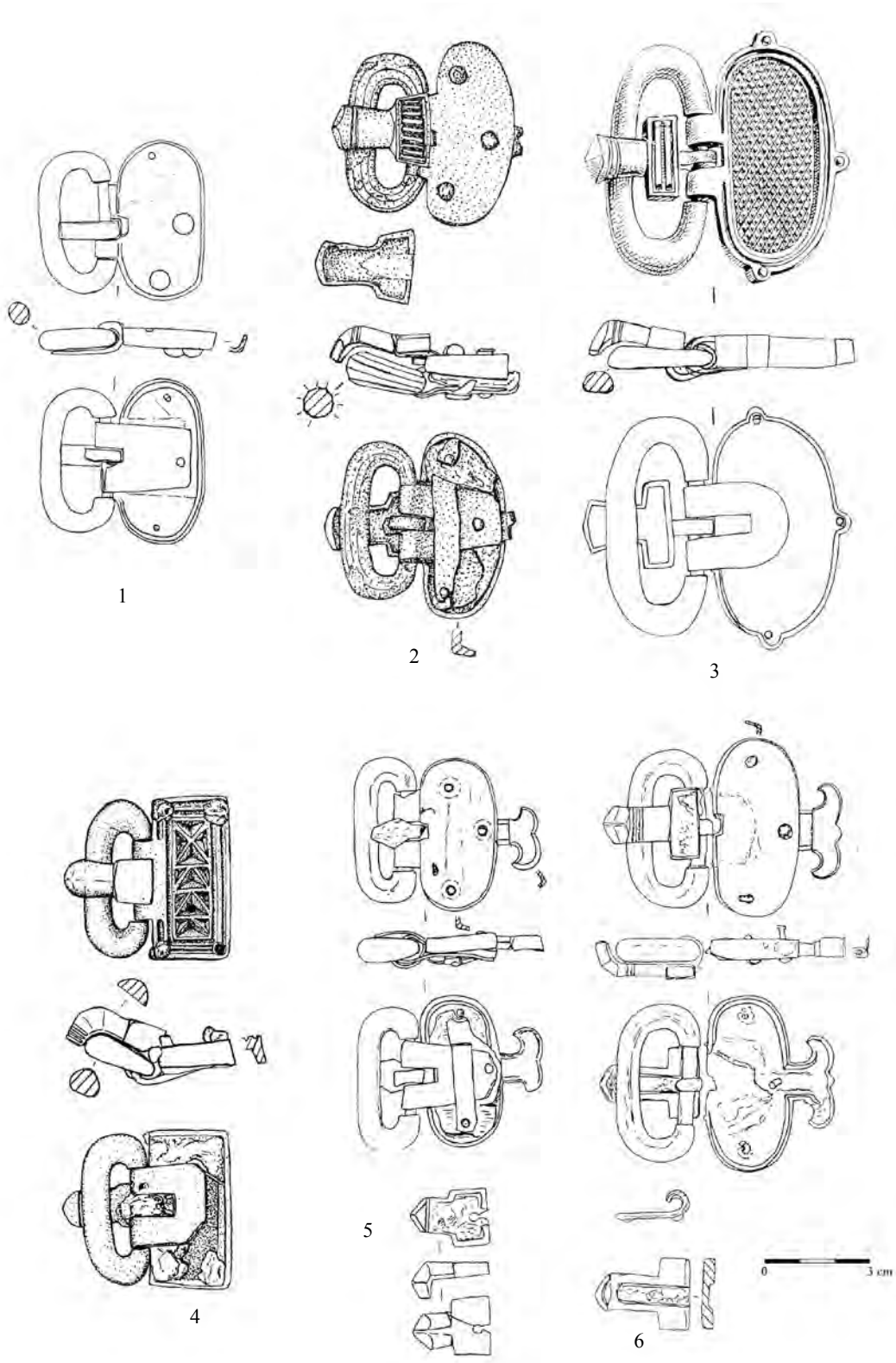


Рис. 4. Литые пряжки из наборов с птицевидным декором.
1 – погр. 69 Шатрищенского могильника; 2 – погр. 99 Никитинского могильника; 3 – Борковский могильник; 4 – погр. 4 Никитинского могильника; 5–6 – случайные находки из Рязанской области (Фонды ГИМ);
все предметы – сплавы цветных металлов. 3 –по А.А. Спицыну с дополнениями автора, 5 – по рисунку И.О. Гавритухина.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

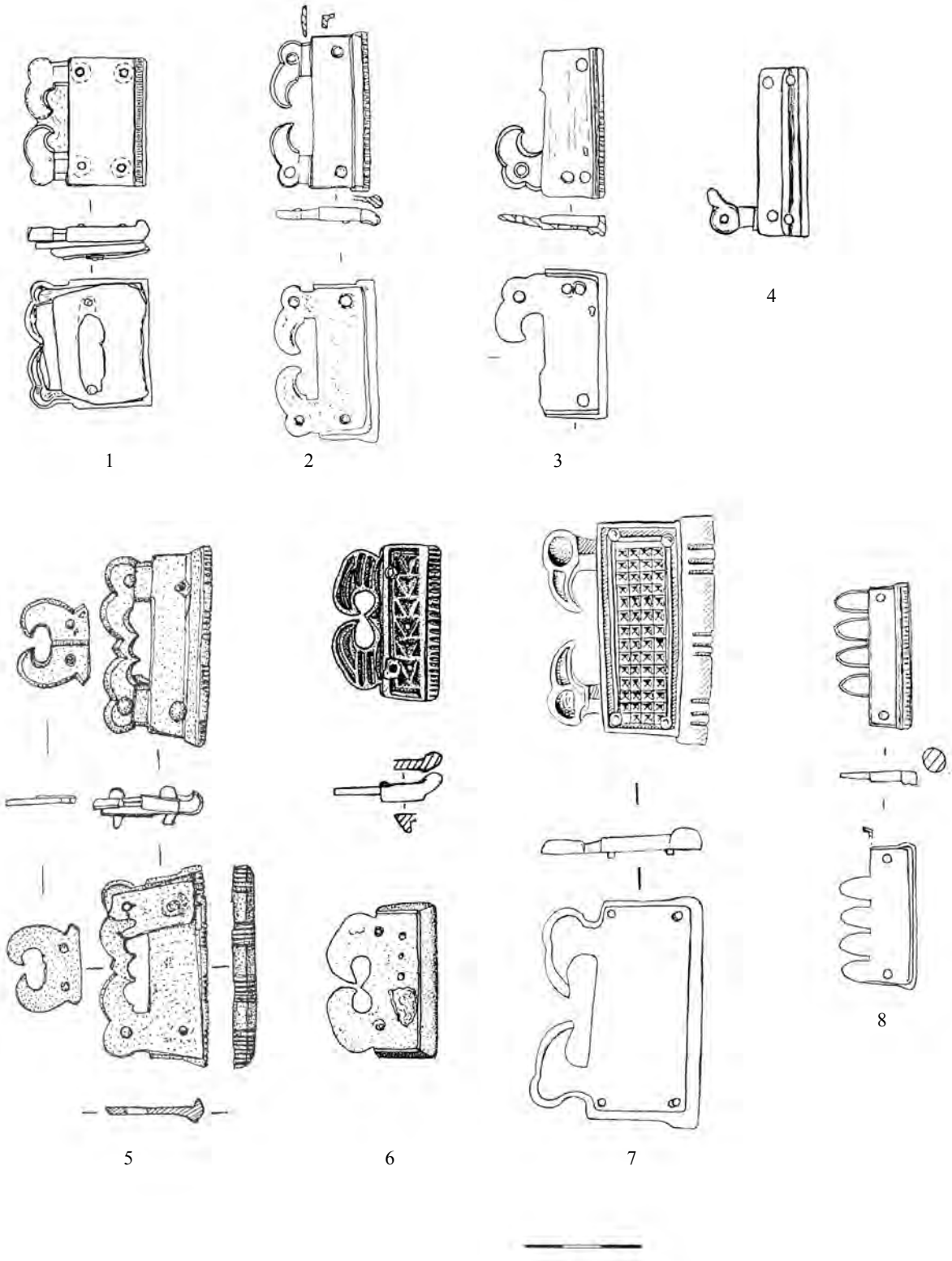


Рис. 5. Контрпластины из поясных наборов с птицевидным декором.
1, 2, 4 – случайные находки (Фонды ГИМ); 3 – Касимовский уезд; 5 – погр. 99 Никитинского могильника; 6 – погр. 4 Никитинского могильника; 7 – Борковский могильник; 8 – погр. 69 Шатрищенского могильника. 1 – по рисунку И.О. Гавритухина, 7 – по А.А. Спицыну с дополнениями автора.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

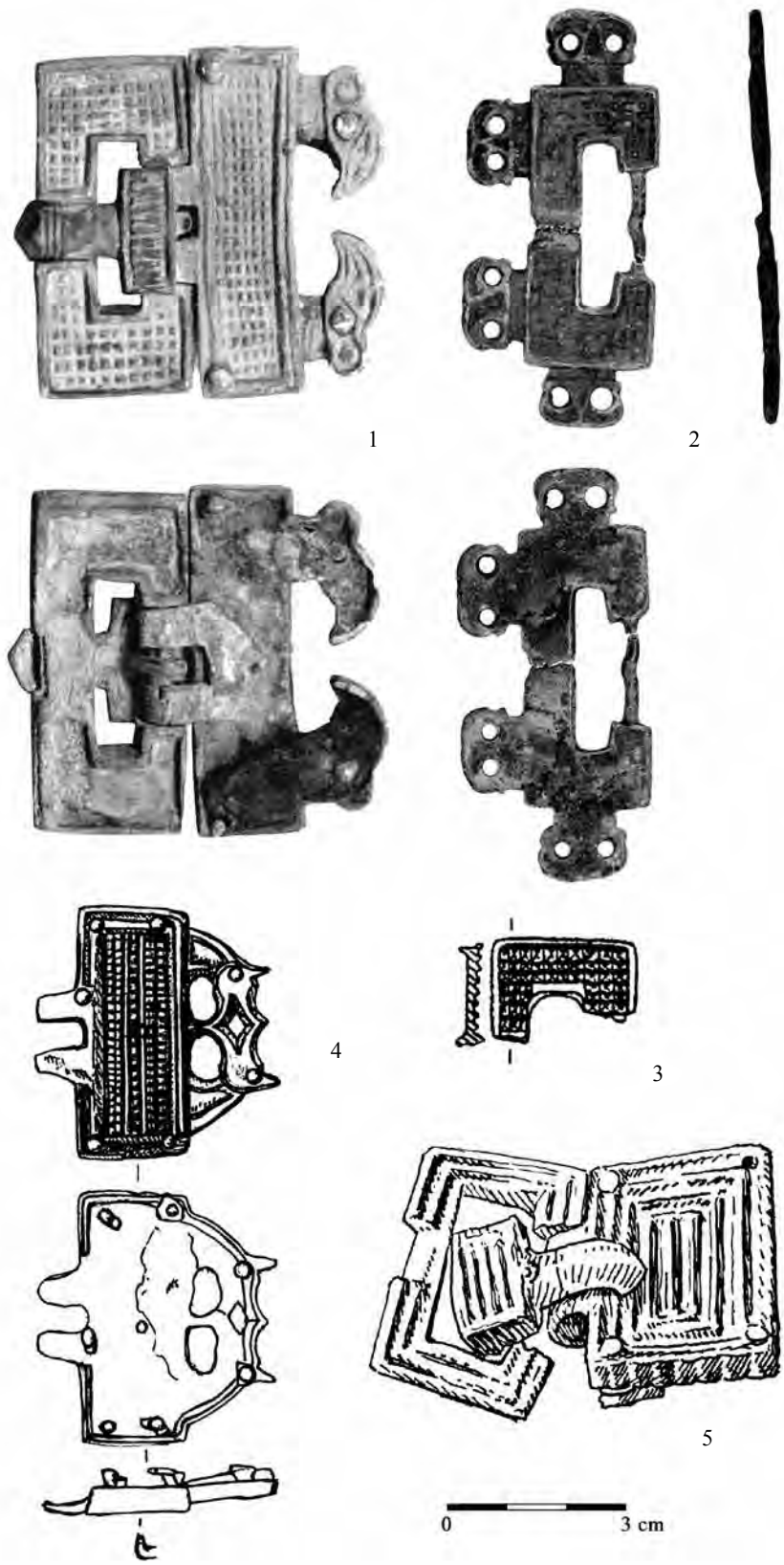


Рис. 6. Пряжки с прямоугольной рамкой.
1 – находка на площади могильника Заречье 4; 2 – Лукашовка 4; 3 – Посудичи; 4 – Смоленская губерния; 5 – Суук-Су.
3 – по И.О. Гавритухину и А.М. Обломскому; 5 – инвентарная книга IIId MVF. Все вещи – сплавы цветных металлов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

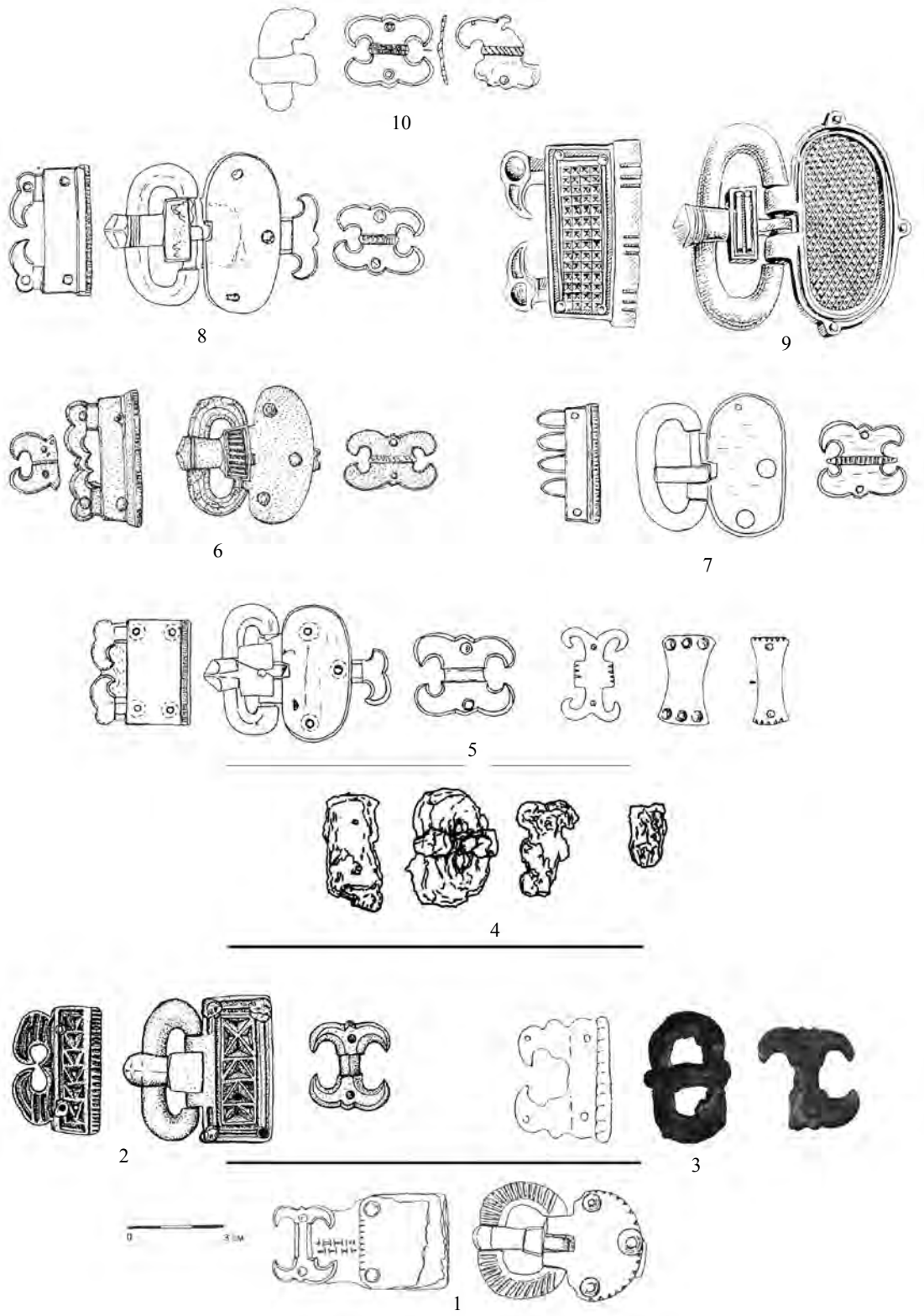


Рис. 7. Серии поясов с птицевидными деталями.
1 – погр. 124 могильника Борок 2; 2 – погр. 4 Никитинского могильника; 3 – погр. 226 Армиевского могильника; 4 – погр. 65 Никитинского могильника; 5 – Рязанская область; 6 – погр. 99 Никитинского могильника; 7 – погр. 69 Шатрищенского могильника; 8 – случайная находка в Рязанской области, коллекция Г. Сатановского, фонды ГИМ; 9 – находка на Борковском могильнике 1874 г.; 10 – погр. 5 Борковского могильника;

1 – серия 1; 2–3 – серия 2; 4–10 – серия 3.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

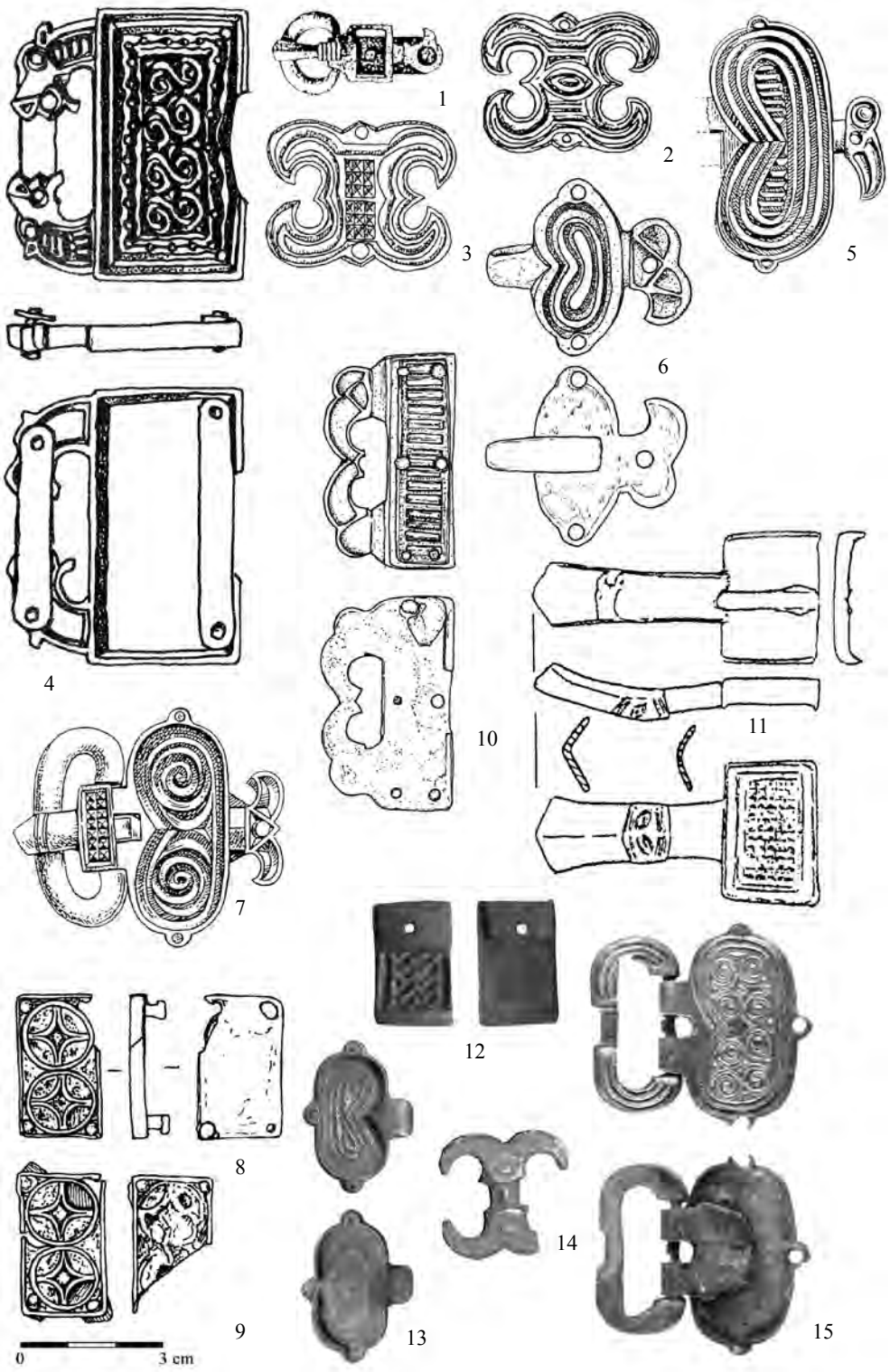


Рис. 8. Находки деталей поясных гарнитур в Среднем и Верхнем Поднепровье, Подесенье, бассейнах верхнего течения рек Сейм и Псел, в Керчи.

1, 2 – Хмельна; 3 – Коллекция Рафа; 4 – Чапаевка; 5 – Хотыща; 6 – Брянская область; 7 – Демидовка; 8–10 – Смоленская область; 11 – Картамышево 2; 12 – Александровский; 13 – Белгородская обл. (Фонды ГИМ); 14 – Акиньшино; 15 – Керчь, коллекция А.Л. Бертье-Делагарда (Британский музей). 1–2 – по Г.Ф. Корзухиной; 3 – по рисунку И.О. Гавритухина; 4 – по О.М. Приходнюку; 5, 7 – по А.К. Амброзу; 11 – по В.М. Горюновой; 12 – по фото О.А. Радюша; 15 – по Ю. Андраши; остальное с натуры.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

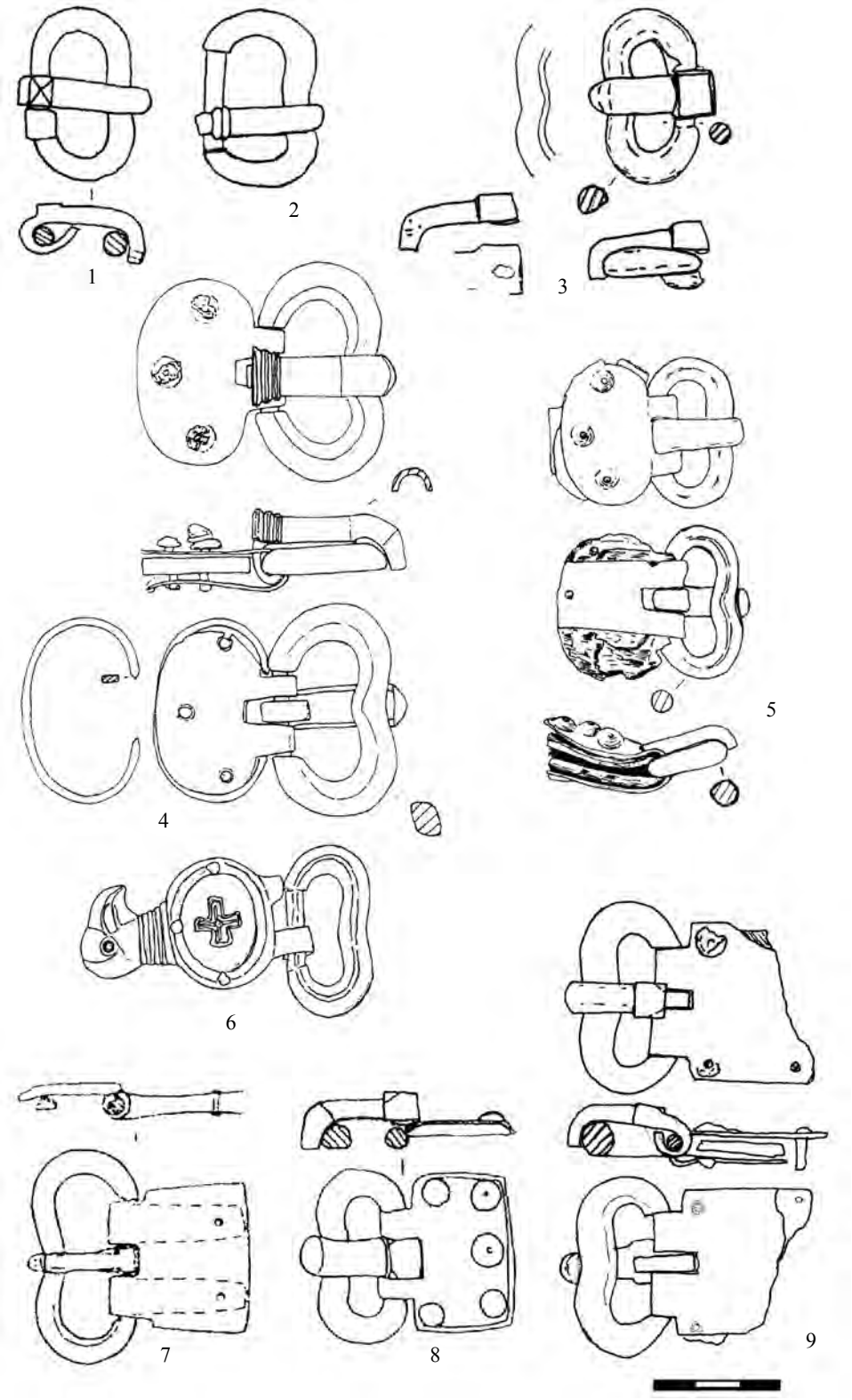


Рис. 9. Пряжки с В-образной гладкой рамкой.
1 – сборы на территории Шатрищенского могильника; 2 – погр. 28 могильника Курман (раскопки Ф.А. Уварова); 3 – погр. 191 Никитинского могильника; 4 – погр. 525 могильника Борок 2; 5 – погр. 55 могильника Заречье; 6 – погр. 4 Старокадомского могильника; 7 – погр. 71 Борковского могильника; 8 – сборы Н.В. Говорова на территории Борковского могильника в 1931 г. ; 2–6, 8 – белый металл, остальное – сплавы цветных металлов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

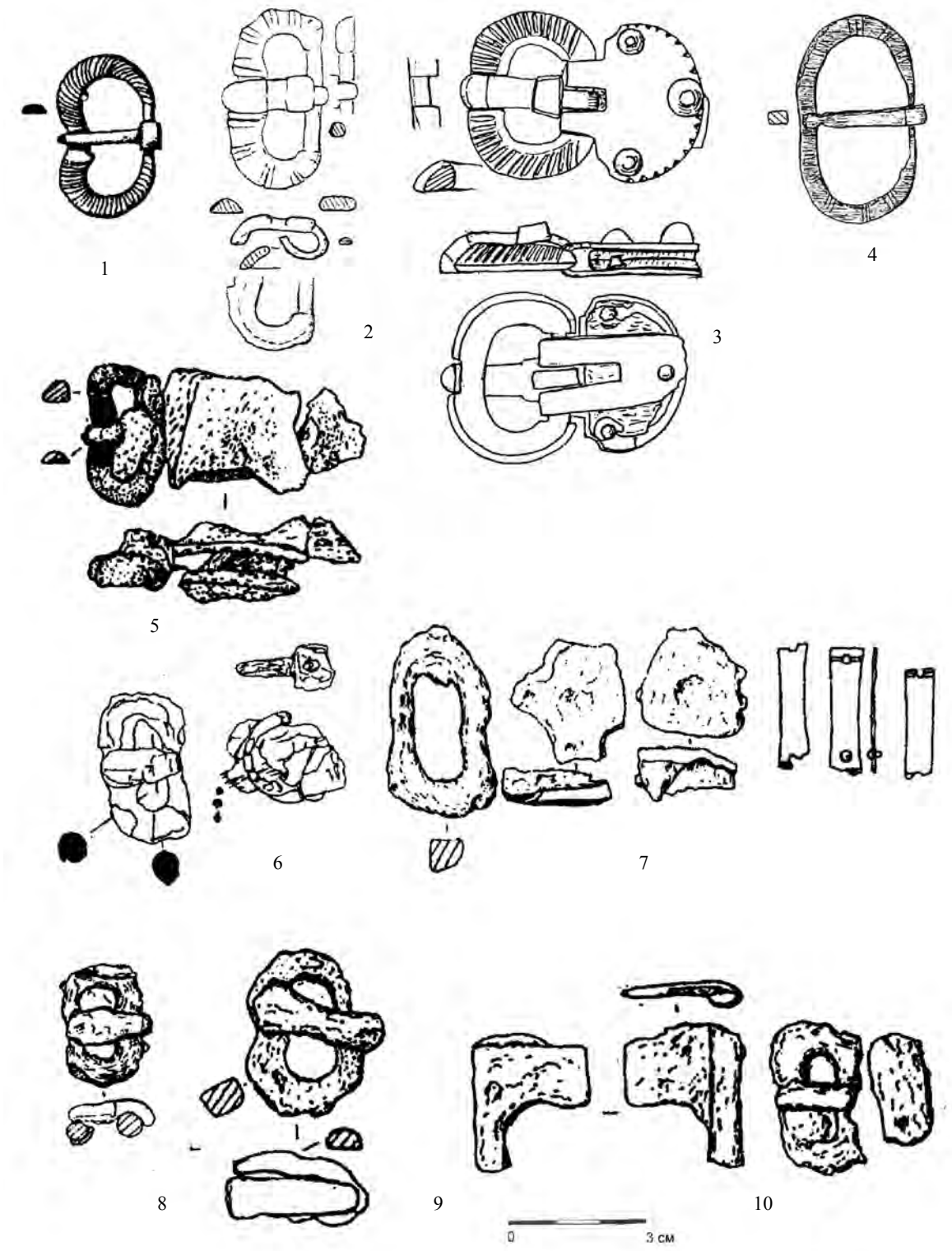
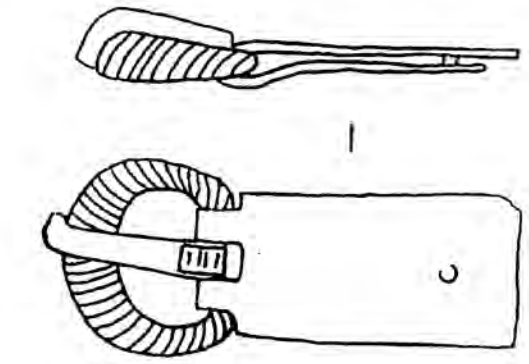


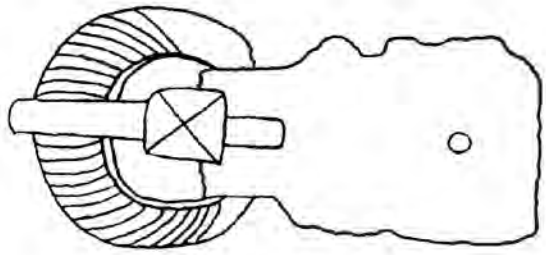
Рис. 10. Пряжки с В-образной рифленой рамкой и находки железных пряжек с В-образной рамкой. 1 – погр. 121/18 Никитинского могильника; 2 – сборы на территории Тереховского городища; 3 – погр.124 могильника Борок 2; 4 – погр. 76 мыса 2 могильника Кораблино; 5 – погр. 117 Никитинского могильника; 6 – погр. 51 Никитинского могильника; 7 – погр. 4 Никитинского могильника; 8 – погр. 165 Никитинского могильника; 9 – погр. 120 Никитинского могильника; 10 – погр.19 Никитинского могильника;

1–4 – сплавы цветных металлов; 5–6, 8–10 – железо; 7 – железо, белый металл..

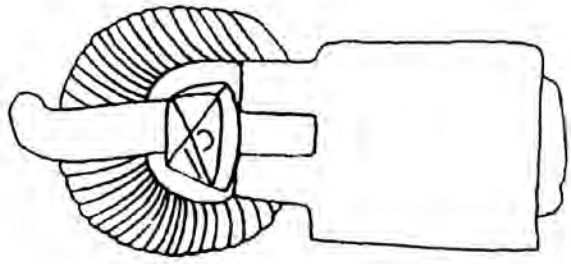
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



1



2



3

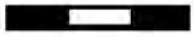


Рис. 11. Пряжки с массивной рифленой рамкой.
1 – погр. 74 могильника Кораблино; 2 – погр. 32 могильника Курман, раскопки Ф.А. Уварова; 3 – погр. 52 Кузьминского могильника; 1–3 – сплавы цветных металлов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

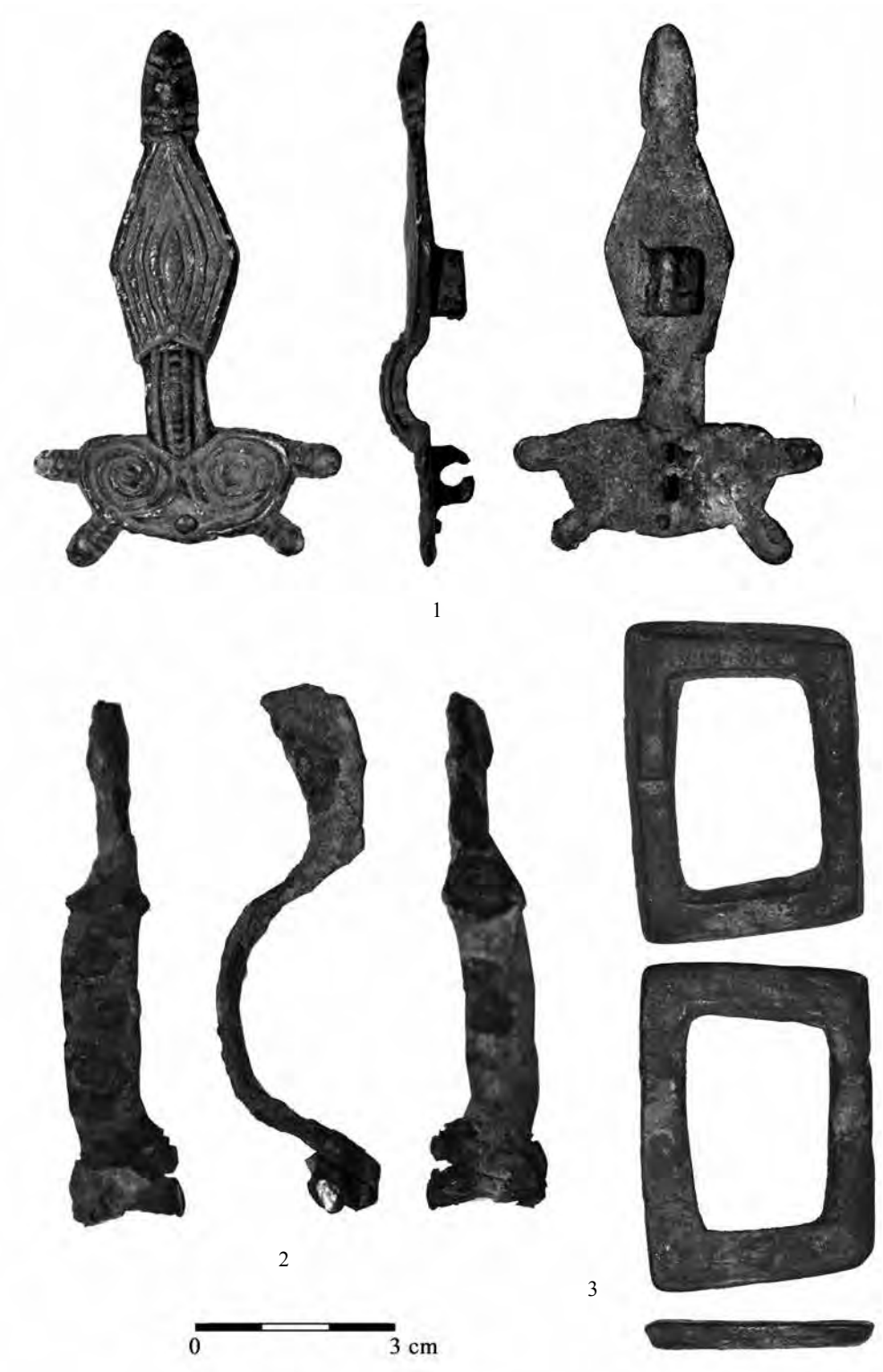


Рис. 12. Спас-Перекша. Раскопки Н.И. Булычева.
1, 3 – сплавы цветных металлов; 2 – железо.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

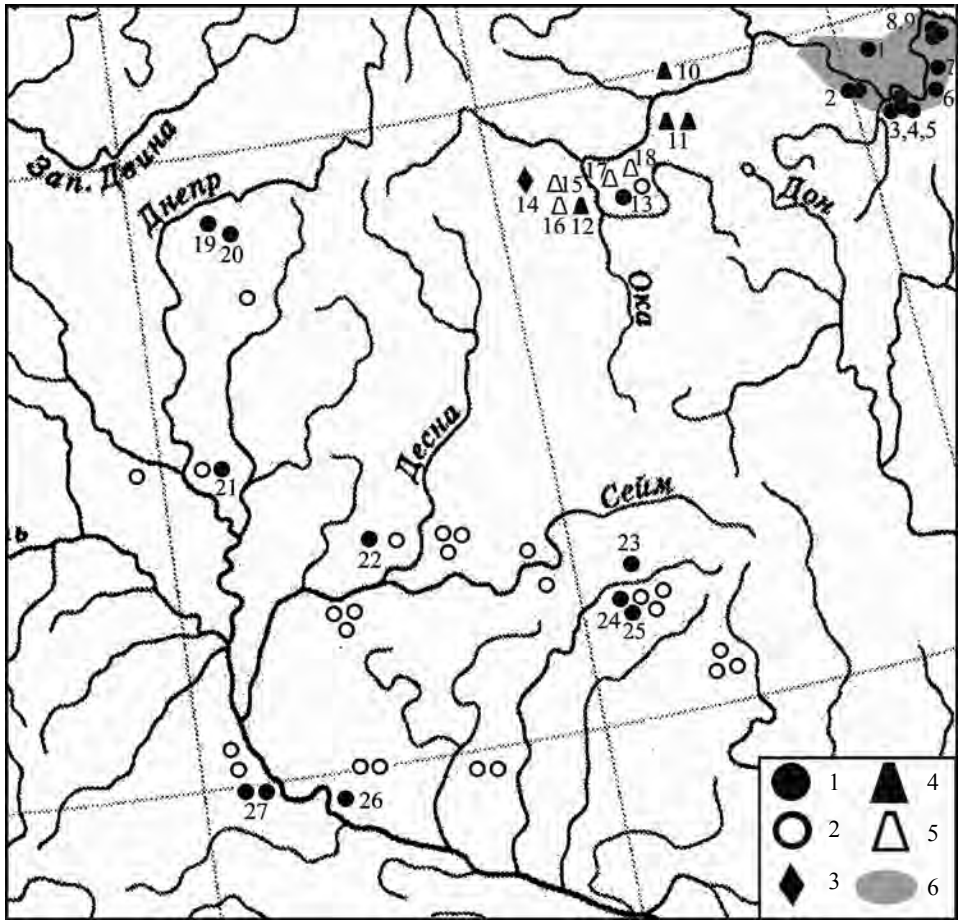


Рис. 13. Находки фибул и предметов поясных гарнитур.
1 – достоверные находки предметов поясных гарнитур с птицевидными деталями; 2 – непроверенные сведения о находках предметов поясных гарнитур с птицевидными деталями; 3 – находки на поселении Спас-Перекша; 4 – находки рязано-окских фибул в верхнем Поочье; 5 – находки фибул «Картавцево-Серенск»; 6 – ареал культуры рязано-окских финнов.
Список памятников: 1 – могильник Барское 2; 2 – Борковской могильник; 3 – могильник Заречье; 4 – Никитинский могильник; 5 – Шатрищенский могильник; 6 – могильник Борок 2; 7 – могильник Ундрих; 8 – могильник Курман; 9 – Касимовский уезд; 10 – селище на р. Елинке; 11 – находки в Заокском районе Тульской области; 12 – Козельский район; 13 – Акиньшино; 14 – Спас-Перекша; 15 – Серенск; 16 – Козельск; 17 – Дуна; 18 – Картавцево; 19 – Демидовка; 20 – Смоленская губерния; 21 – Хотыща; 22 – Посудичи; 23 – Картамышево; 24 – Лукашовка; 25 – Александровский; 26 – Чапаевка; 27 – Хмельна.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации

И.В. Белоцерковская (Москва)

Традиционный женский костюм, значение которого для осознания этногенетических и иных культурных процессов древности трудно переоценить, с давних пор привлекает к себе внимание исследователей. Рассматривают как отдельные составные части убора, выявляя их истоки, анализируя особенности их формирования, развития и семантику, так и комплексы в целом при реконструкции типов археологически прослеживаемого женского костюма. С этой точки зрения костюм[1] раннесредневекового рязано-окского населения не является исключением.

Уже при публикации первой обобщающей работы по раскопкам Борковского, Кузьминского и Кошибеевского могильников А.А. Спицын проанализировал виды некоторых украшений, способы их ношения и частоту встречаемости в женском костюме (Спицын, 1901). В дальнейшем исследователи сосредоточили внимание на разработках хронологической шкалы, проблем генезиса и развития культуры окских финнов в целом (Ефименко, 1926, 1975; Шитов, 1988а; 1988б), одновременно рассматривая происхождение, назначение, датировку отдельных категорий украшений и на этой основе – направления культурных связей (Зеленеев, Шитов, 1979; Белоцерковская, 1999, 2001, 2003, 2007 и др; Воронина и др., 2005 и др.).

Были предприняты и попытки реконструкции типов женского костюма раннесредневекового рязано-окского населения: в 1974 г. Т.А. Кравченко на материалах могильника Шатрище (Кравченко, 1974, с.116-183) и в 2005 г. на основе небольшого комплекса захоронений могильника Никитино (Воронина и др., 2005). Более широкая источниковая база, включающая материалы полностью или масштабно исследованных могильников Кораблино, Заречье и Никитино[2], отдельные комплексы могильников Ундрих (раскопки М.М. Макарова), Борковского, Кузьминского (Спицын, 1901), Шатрище (Кравченко, 1974) позволяют уточнить и расширить наши представления об основных этапах сложения и развития костюма окских финнов V–VII вв., что и является темой данной работы.

Предварительно необходимо отметить следующее. На протяжении всего периода суще-

[1] Под термином «женский костюм» или «убор» большинство современных археологов подразумевает полный комплекс археологических признаков, относящихся к характеристике традиционного костюма, а именно: конструктивные элементы и детали, скреплявшие, дополнявшие и украшавшие головной убор, одежду и обувь, а при наличии информации – типы, покрой, цвет костюма, виды причесок и пр.(Мастыкова, 2009, с. 11–13; Гопкало, 2011а, с. 179–180).

[2] В работе использованы материалы могильников Кораблино (из раскопок И.В Белоцерковской), Заречье (29 комплексов в раскопках А.Н. Сорокина и более 200 – И.В Белоцерковской); Никитино (23 комплекса в раскопках Р.Ф. Ворониной и более 200 – И.Р. Ахмедова). Приношу глубокую благодарность И.Р. Ахмедову за возможность работы с неопубликованными материалами исследованных им комплексов. Погребения могильника Никитино, изученные Р.Ф. Ворониной, помечены литерой «В».

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ствования культура рязано-окских финнов, уже изначально складывавшаяся как синкретичное образование, впоследствии впитавшее в себя элементы восточнобалтского (мощинского и москворецкого), поволжско-финского (прикамско-уральского), позднесарматского и черняховского происхождения, и далее оставалась достаточно открытой для взаимодействия с инокультурными группами населения (Ахмедов, Белоцерковская, 1998а; Ахмедов, 2007; Белоцерковская, 2007). В процессе развития культуры конструктивные и декоративные элементы женского костюма, составлявшие, несомненно, некие семантические ряды, неоднократно менялись. Кардинальные изменения, находившие отражение в смене структуры головного убора – наиболее представительной по значимости части костюма – совершенно очевидно, были обусловлены характером этногенетических процессов в среде окского населения. Но развитие женского убора могло идти и по линии относительно кратковременного включения в его состав нехарактерных для него украшений, либо усложнения уже закрепившихся элементов. Это направление в большей степени было связано, очевидно, с развитием местной моды и, возможно, выработкой маркеров для идентификации возрастной и социальной принадлежности владельцев костюма.

В рамках этой работы предполагается дать общую характеристику основных элементов женского и детского (девичьего) убора, по возможности проследив его развитие с V в. по, предположительно, первую половину VII в., когда культура окских финнов как монолитный этнический массив прекращает свое существование (Ахмедов, 2010б, с. 7–16). Помимо того, современная источниковая база и возможности существующих разработок по выделению в мужском погребальном инвентаре этой культуры (Ахмедов, 2010а) и других общностей (например, черняховской – обзор: Гопкало, 2011б, с. 70–72) индикаторов социальной стратификации позволяет наметить предположительный набор элементов–признаков, характеризующих женский костюм разных социо–возрастных групп окского населения рассматриваемого времени. Именно эти аспекты изучения женского костюма окских финнов в предлагаемой работе – основные.

Наиболее доступны для анализа детали и украшения, изготовленные из металлов[3] и стекла. Все стеклянные бусы являются предметом импорта, они изучены и изданы (Румянцева, 2005а, б; 2007), поэтому здесь специально не рассматриваются. Вследствие неудовлетворительной в целом сохранности органических материалов, состав и покрой одежды, головных и обувных уборов также выходят за рамки нашей работы. Самой распространенной категорией, входившей в состав каждого костюмного комплекса окских финнов этого времени, являются металлические пластинчатые и дротовые застежки-сюльгамы. Этот массив требует специального рассмотрения. В предлагаемой же работе остановимся лишь на основных и **типичных** для культуры женских украшениях и только в ряде случаев – на деталях, кратковременное появление которых связано либо с процессом выработки новых форм украшений в составе женского костюма, либо с инокультурными влияниями на него.

Источниковой базой работы стали около 200 могильных комплексов окских финнов центрального и западного вариантов культуры. Опорными памятниками являются могильники Заречье, Никитино и Кораблино, исследованные в последние десятилетия. Восточный вариант культуры (Курман, Старокадомский и Шокшинский могильники) не рассматривается, поскольку обладает рядом специфических особенностей, нуждающихся в детальном анализе.

Необходимо отметить, что анализируемый женский костюм в силу специфики основного источника – погребального инвентаря – не мог быть повседневным. Речь пойдет о комплексах, приуроченных к значимому событию, и потому не всегда полностью соответствовавших обыденным условиям. Но с учетом того, что обрядовый характер костюма в большей степени подчеркивал статус его владельца, нежели повседневный, появляется возможность выделения видов уборов, маркирующих социо–возрастную принадлежность их носителей.

Наиболее активное инокультурное воздействие на окское население приходится на период 2б развития женского костюма окских финнов (Белоцерковская, 2007, с. 193–200), который в целом соответствует периоду D1 хронологии европейских варварских древностей по Я. Тейралу, и V в. в целом. И, хотя оно значительно быстрее и более ощутимо отразилось на составе и типах мужского погребального инвентаря, значительные изменения произошли и в женском уборе.

[3] Подавляющая часть металлических украшений изготовлена из сплавов на основе меди, особые случаи будут специально оговорены.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Ставший классическим для окских финнов ансамбль женского традиционного костюма в основных чертах сложился именно в конце IV – начале V в. (Белоцерковская, 2007). Он включал височные кольца и подвески с разными типами концевых привесок, налобные венчики, накосники, затылочные кисти, ожерелья, гривны и другие шейные украшения, нагрудные бляхи, украшения пояса, браслеты, нарукавные повязки, перстни, украшения обуви. В целом для женского убора V–VII вв. стало характерным обилие *наборных украшений*, куда как обязательный элемент входили цилиндрические проволочные спиральные пронизи; округлые литые кольца для крепления украшений к головным уборам, пластинчатые прямоугольные обоймы разных размеров, разнообразные концевые привески, в том числе составные.

Во избежание повторов следует кратко остановиться на истории формирования наиболее распространенных составных элементов наборных украшений.

В основе таких украшений – узкие кожаные ремешки, впущенные в сплошные бронзовые цилиндрические спиральные пронизи диаметром 0,3-0,5 см (рис.1: 12, 24), изготовленные из трехгранной в сечении проволоки (Сарачева, 2005, с. 117). Уже в период А функционирования могильника Кошибеево (конец I–вторая половина II в.) (Ахмедов, Белоцерковская, 1999, с. 56–58) из таких ремешков, продетых в узкие прямоугольные пластинчатые рифленые обоймы, расположенные вплотную друг к другу, состояли налобные венчики (Кошибеево, 42С[4]). Примерно в то же время появляются и узкие литые одиночные обоймы (по терминологии А.А. Спицына, «кольчужки» – Кошибеево, 64С) (рис.1: 9), которые и являются предшественниками сплошных проволочных цилиндрических спиральных пронизей, распространившихся позже, скорее всего, с конца III–первой половины IV в. (период В Кошибеево) и ставших непременным элементом наборных украшений.

В составе налобных венчиков периода А Кошибеево появились и гладкие прямоугольные пластинчатые обоймы с жемчужным орнаментом[5] и без него (Кошибеево, 64С). Далее они получают широкое распространение, как в накосниках, так и в затылочных кистях, ожерельях, нарукавных повязках и налобных венчиках (рис.1: 12, 24, 54; 3: 37, 4: 58; 5: 12). Подвесные проволочные и пластинчатые кольца к таким обоймам появились одновременно с узкими литыми обоймами также в составе налобных венчиков (Кораблино, 25А). Позже они стали обязательным элементом венчиков IV–VII вв. и изредка – ожерелий V–VI вв. (рис. 4: 58; 5: 12).

До V в. накосные и иные наборные украшения окских финнов завершались литыми объемными с петлей для подвешивания и беспетельчатыми объемными и пластинчатыми разных видов и форм привесками. Литые привески с петлей конической или колокольчатой формы, как и лапчатые, были излюбленной деталью ажурных застежек окского населения, украшавших женские шапочки с головной бляхой, вероятно, с III в. Беспетельчатые литые привески в виде уточек известны уже в Андреевском кургане, а литые колокольчатые привески без петель широко распространились на Средней Оке в IV в. Эти формы особенно в это время сочетались с коробчатыми, изготовленными из округлой пластины с отверстием в центре, сжатой с четырех сторон, либо с небольшими пластинчатыми с тремя секировидными или округлыми лопастями привесками в составе коротких затылочных кистей, украшавших центральную часть женских шапочек сзади. Основой кистей служили ремешки, продетые в спиральные пронизи, перехваченные в нескольких местах уже упоминавшимися прямоугольными обоймами.

Составные украшения типа ажурных застежек или пронизей москворецкого облика с концевыми объемными петельчатыми привесками также характеризуют относительно ранний убор окских финнов (Белоцерковская, 2007, с. 186–212), отдельные их элементы получили дальнейшее развитие в конце IV – V вв.

Костюм V–VII вв. обильно украшался тонкими пластинчатыми трапециевидными, реже – треугольными привесками с небольшим отверстием в верхней части для крепления мелких круглопроволочных колечек. Привески, как правило, гладкие и очень редко – с мелким жемчужным орнаментом или насечками по краю (рис. 1: 43). Их нашивали на борта, ворот, нагрудники и подол одежды, на головное покрывало или платок в лобной части и сзади на край тканой лопасти, включали в состав височных украшений, налобных венчиков, ожерелий и перстней. Но появились

[4] Литерой «С» помечены в отличие от исследованных в 1902 г. В.Н. Глазовым погребения могильника Кошибеево, изученные в 1895 г. А.А. Спицыным. Во избежание загромождения текста нумерация погребальных комплексов дается по схеме: название могильника, далее номер погребения.

[5] Орнамент в виде полушарных или сегментовидных в разрезе округлых выпуклых бляшек, нанесенных чеканом (Сарачева, 2005, с. 118) – далее жемчужины.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

они на Средней Оке, очевидно, не ранее второй половины IV в. В Кошибеево привески этого типа еще неизвестны. Окские экземпляры – разной величины: от крупных, высотой 2,5-3 см в составе височных и шейных украшений, и до 1 см и менее – в качестве привесок к перстням.

Богато орнаментированные трапециевидные привески, как правило, крупные, высотой более 3 см, были распространены в зарубинецких памятниках и, как полагают, они могли иметь генетическую связь с подвесками круга восточноевропейских варварских эмалей (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 119–120). Крупные привески со сложным чеканным орнаментом и отверстием для крепления есть в Мощинском кладе и других памятниках этого круга в лесной и лесостепной зоне, иногда вместо отверстия приклепана петля для подвешивания. Но они относятся к более раннему, нежели среднеокские подвески, времени.

Определить источник заимствования окскими финнами формы таких привесок пока не представляется возможным, можно лишь констатировать, что прототипы этих украшений появились на Средней Оке как импорт не ранее IV в. Отголоски традиции украшать их чеканным орнаментом прослеживаются в ряде тех окских уборов, где привески орнаментированы небольшими жемчужинами (рис. 3: 27).

В конце IV – начале V в., а в ряде случаев и чуть позже, в женском костюме сочетаются элементы уходящей поры и только начавшие свое распространение. С этой точки зрения интересен ряд комплексов.

Борок 2 комплекс 222[6]. В составе головного убора – шапочка с дисковидной бляхой с радиальными накладками и ажурной застежкой с объемными привесками, короткая (?) затылочная кисть с объемными концевыми привесками, налобный венчик с подвесными кольцами и нашивные полушарные и умбоновидные бляшки. На шее – 3 гривны: массивная обрубленноконечная, тонкая проволочная, с округлым щитком и крючком, и гривна с коробкой. В нижней части груди – крупная ажурная застежка без привесок.

В составе ожерелья и, возможно, расшивки головного убора – традиционные непрозрачные стеклянные бусы печеночно-красного цвета и прозрачные «золотостеклянные». На руках – пластинчатые браслеты и спиральный перстень с пластинчатыми привесками.

В этом уборе наряду с наиболее характерными для IV в. (шапочка с головной бляхой и нашивными бляшками, массивная и с округлым небольшим щитком гривны, пластинчатые браслеты, «золотостеклянные» бусы) появляются элементы, широко распространившиеся уже в V в. – гривна с коробкой, перстни с привесками, крупные объемные беспетельчатые привески, позже входившие в состав длинных затылочных кистей.

Никитино 7В. Содержало 3 одновременных захоронения (Воронина и др., 2005, с. 18–22; рис. 12,13). В двух из них – гривны с коробкой, в одном – нагрудная дисковидная бляха с отверстием в центре, без крышки, в другом – дисковидная бляха с двумя взаимно перпендикулярными накладками (далее – с перекрестьем). И если первый тип блях уже выходит из обихода, то второй, как и гривны с коробкой, продолжает свое бытование и позже. Браслеты, в основном, еще пластинчатые. В подростковом комплексе 7аВ есть поясные кисти с круглыми литыми пронизями с концевыми привесками; и такие же пронизи с двумя привесками использованы в качестве накосных украшений в комплексе 7бВ и височных – в 7аВ (подробнее см. Белоцерковская, 2012в).

Заречье 77 (рис. 1: 1–12). На головном уборе-шапочке – спиральные пронизи и литая привеска с пятью лопастями с жемчужным орнаментом, характерная для более раннего времени; два височных кольца с объемными привесками, получившими далее широкое распространение; а также два накосника уже классической схемы с двухъярусными объемными подвесками с объемными же концевыми привесками. В центре шапочки сзади двумя мелкими пряжками прикреплена длинная затылочная кисть с двумя крупными коническими привесками высотой 3 см с гравированным линейным орнаментом (рис.1: 8). Эти привески, ранее здесь неизвестные, вероятно, импортного происхождения, распространения не получили. На шее погребенной – гривна с коробкой раннего вида; на груди – отживающая свой век бляха с вырезом в центре и иглой для крепления.

На руках – довольно массивные браслеты. Один – литой полуовального сечения с сильно утолщающимися овальными в сечении концами

[6] Далее – Борок 2, Шиловский район Рязанской области. Частично разрушенное захоронение доисследовано А.Н. и А.П. Гавриловыми. Приношу им глубокую благодарность за возможность использования неопубликованных материалов (хранятся в Шиловском музее).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с орнаментом из трех зон косых насечек, расположенных в разных направлениях (рис. 1: 6). Ближайший аналог происходит с поселения позднего этапа киевской культуры Ульяновка в Подесенье (Максимов, 1982, с. 149, табл. XXXII: 1).

Обе нарукавные повязки – еще с круглыми литыми пронизями, характерными для предыдущего периода, но в одной из них ремешки продеты уже в проволочные спиральные цилиндрические пронизи, а в другой – в отдельные узкие, плотно подогнанные друг к другу, литые обоймы, типичные для ранней поры (рис.1: 9).

Заречье 213 (рис. 1: 13–28). В головном уборе еще использованы нашивные бронзовые бляшки (рис. 1: 18, 19). К шапочке, расшитой также очень мелкими разложившимися бронзовыми и из оловянистого сплава бляшками, расположенными параллельными рядами, сзади в центре двумя пряжками крепилась короткая затылочная кисть с 4-мя крупными объемными привесками (рис. 1: 24). В качестве височных использованы трапециевидные привески из сплава меди с серебром[7] – явно привозные, с крупным жемчужным орнаментом (рис. 1: 23). Появились классической схемы накосники с концевыми привесками, бытовавшими впоследствии весь V в. (рис.1: 13).

Две из трех гривен уже отживают свое время (массивная с овальным сечением дрота и тордированная, но с замком в виде двух крючков, а не раскованной пластины с отверстием как ранее – рис. 1: 25), третья же – гривна с коробкой. На груди – дисковидная бляха с отверстиями, без крышки, частично на ней – крупная подвязная местная, подражавшая черняховским, фибула. На руках – пластинчатый, дротовый и в 2 оборота пластинчатый, подобный кошибеевским, браслеты. Дротовый браслет (рис.1: 14) с полуовальными сечениями основной части дрота и сильно утолщенных концов, но без орнамента, по общему облику близок формам из Заречья, 77 и поселения Ульяновка. Среди бусинного материала – традиционные печеночно-красные и «золотостеклянные» бусы.

В составе костюма погребенной женщины 35-45 лет прослежены остатки кофты, украшенные в области горловины, проймы рукавов и по бортам спереди сверху вниз мелким золотостеклянным и печеночно-красного цвета бисером. У головы погребенной положены удила.

В области ног выявлены бронзовые наконечники ремней, изготовленные из узкой, перегнутой пополам, пластины с жемчужным орнаментом, скрепленной заклепкой, и нашивные бляшки – украшения обуви (рис.1: 22). Наконечники подобной конструкции известны достаточно широко, в том числе в могильниках Нейзац (Храпунов, 2011, рис.: 23: 11), Курское и др. (Труфанов, Колтухов, 2001-2002, рис. 12: 12, с. 294).

По всем параметрам – тип погребального обряда, структура и составляющие костюма – погребение принадлежало представительнице местного населения, но ряд украшений костюма для окских финнов нехарактерен.

Среди них – небольшое серебряное ожерелье (рис.1: 28)[8], состоит из пельтовидной лунницы, тонких трапециевидных привесок на колечках, часть из них, вероятно, с двумя концевыми пластинчатыми привесками; ромбовидной с крупной жемчужиной в центре привески (умбоновидная); и полых, округлых и яйцевидной формы бус, состоящих из двух половинок, с мелкими зубчиками в месте стыка. Сквозь бусины продеты перевитые серебряные проволочки с петлей для крепления к низке сверху, в нижней части на той же проволочке – двурогие пластинчатые гладкие лунницы.

Ожерелье, на первый взгляд, представляется предметом импорта с территорий, связанных с черняховским населением. Бронзовые умбоновидные привески известны в погребении черняховского могильника Соснова на Украине (тип II/11 по О.В. Гопкало) (Гопкало, 2008, фото 2: 5а; с. 66); в Интернет-ресурсах есть сведения о находке подобных украшений на одном из поселений (?) в Белгородской области. Такие подвески из комплекса в Якушовице К. Годловский считает редкой формой, а их находки на центральноевропейских памятниках типа культурной группы Сынтана–де–Муреш относит к поздней стадии черняховской культуры – периодам C3 – началу D1 хронологии европейских варварских древностей (Godlowski, S. 157, abb. 7:2).

Центральная лунница близка пельтовидной привеске из погребения Петрикивцы, 3 (Бобровская, 1999, рис. 1: 2), но наш экземпляр меньших размеров. По этому параметру он ближе к наиболее крупной пельтовидной луннице на литейной

[7] Cu – 51, 68; Ag – 40, 72; Fe – 3,59; Zn – 2,62; Pb – 1,38. Определение эксперта ГИМ Будникова А.В.

[8] Все элементы ожерелья, за исключением двухъярусной трапециевидной подвески, изготовленной из медно-свинцового сплава, содержат от 91,47 до 93,73 серебра. Определение эксперта ГИМ Будникова А.В.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

формочке с городища Отсечен на Верхней Волге (Исланова, 2007, рис.26: 2) и привескам из черняховского могильника Тыргшор (Каргопольцев, Бажан, 1993, рис. 4: 13). Похожая на нашу золотая лунница происходит из комплекса Валя Стрымба (Teiral, 1986, S. 199, abb. 8: 6).

Двурогие лунницы, подобные использованным в этом ожерелье в качестве привесок к бусам, для черняховский культуры не характерны. Гладкие лунницы иных форм, бронзовые и серебряные, встречаются в позднеримское время на широкой территории – от Нижнего Поволжья до ареала пшеворской культуры (Стоянова, 2011, с. 106). Они известны в могильниках Нейзац (Храпунов, 2011, с. 39, рис. 35: 12), Совхоз 10 (Алексеева, 1982, табл. 42: 4), Черная речка (Бабенчиков, 1963, табл. XIV: 7), Дружное (Храпунов, 2004, рис. 46: 23–25), Брут 2 (Габуев, Малашев, 2009, рис. 35: 15) и др. Подобная рассматриваемой, но золотая лунница есть и в комплексе Валя Стрымба (Teiral, 1986, Abb. 8: 8).

Время бытования указанных привесок определено в рамках III – начала V в.: второй половиной III – IV вв. датируют их в могильниках Совхоз 10 и Дружное (Стоянова, 2004, с. 298).; к концу IV – началу V в. относят указанную выше привеску из могильника Брут 2 (Габуев, Малашев, 2009, с. 141); временем, переходным от среднеевропейской фазы C3 к D1, определяют комплекс из Валя Стримбы (Teiral, 1986, S. 199; 1995, S. 329–331).

Рассмотренные выше украшения имеют петлю для подвешивания, на привеске из Заречья этой цели служит круглое отверстие. За исключением двурогой лунницы из Валя Стримба, очертания остальных, с глубоким вырезом в центральной части и хорошо выраженными узкими окончаниями-«рогами», сильно отличаются от формы зареченской привески. С этой точки зрения, она в большей степени напоминает гладкие серебряные ременные лунницы-накладки с тремя заклепками для крепления из курганов 1 и 3 у с. Кантемировка (Kazanski, Mastykova, 2000, fig. 2: 10–12) и еще большее сходство, в том числе и по размерам, наблюдается с бронзовыми и серебряными такими же накладками из могил 22 и 84 IV в. могильника Дружное (Храпунов, 2002, рис. 107: 6; 200: 19, 25–27; с. 68, 71). Подобные накладки спорадически встречаются в южнорусских комплексах V в. (Абрамова, 1997, рис. 12: 24; 73: 6), на основании находок в ряде памятников (в том числе и Кантемировке) полагают, что они бытовали в период, соответствующий среднеевропейской переходной фазе D1, и позже (Арсеньева и др. 2001, с. 79–80).

Не удалось найти и полные аналоги трапециевидным привескам, в том числе и двухъярусной (неудовлетворительная сохранность не позволила определить вид концевых привесок к ней). То же относится и к серебряным бусам. Хорошо известные золотые полые, спаянные из двух половинок, бусы более раннего времени считают продукцией античных ювелирных мастерских (Погребова, 1961, рис. 7: 6, с. 156; Гущина, Засецкая, 1994, табл. 20: 189/2; 48: 441; Сергацков, 2000, рис. 94: 6, с. 140). В кургане 8 (погребение 2) I – начала II в. у станции Бердия в составе двух сложносоставных золотых серег наряду с золотыми бусами были и серебряные плохой сохранности, очевидно, полые (Сергацков, 2000, с. 75, 76). Изготовление бус, подобных зареченским, требовало высокой квалификации мастера, скорее всего, они были произведены в одной из мастерских, работавших в античных традициях.

На шапочку погребенной наряду с хорошо известными в финской среде бронзовыми бляшками была нашита золотая штампованная, с рельефным бортиком по краю и полушарным выступом в центре бляшка (рис.1: 17, деформирована). Аналогичные хорошо известны в южных областях еще со среднесарматского времени: «Золотое кладбище» в Прикубанье, могильник Брут в Осетии, и др. (Мошкова, 1989, с. 190; табл. 82: 41 и; Гущина, Засецкая, 1994, с. 48; табл. 12: 111/1; Габуев, 2005, каталог № 82 и др.). В связи с тем, что в позднеримский период одежда с золотыми нашивками у кочевников южнорусских степей прослеживается слабо, полагают, что прямая преемственность между обычаями украшения одежды сарматов I – начала III вв. и населения, оставившего памятники, родственные горизонту Унтерзибенбрунн, отсутствовала. В настоящее время золотые нашивные украшения одежды этого времени рассматривают как одну из качественных новаций в культуре полиэтничной социальной элиты раннего этапа эпохи переселения народов, полагая, что одним из компонентов новых культурно-этнографических образований с ведущей ролью восточногерманских племен были аланы и, возможно, сарматы (Арсеньева и др., 2001, с. 219–220)[9].

[9] Надо заметить, что предположение об активной роли алан как распространителей металлических вещей причерноморского типа в Западной Европе, в том числе золотых нашивных бляшек, было высказано уже более полувека назад (Кузнецов, Пудовин, 1961, с. 91).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Создается впечатление, что комплекс импортных предметов из рассматриваемого погребения был собран из разных источников. Одним из них, очевидно, была какая-то группа черняховского населения (пельтовидная лунница, умбоновидная подвеска). В Заречье, 213 помимо указанных предметов, найден массивный железный инструмент (?) длиной 12,7 см подпрямоугольного сечения в верхней и округлого в сужающейся нижней частях. Похожее изделие есть только еще в одном, но мужском, захоронении этого же времени – Заречье, 206. Подобные предметы (зубила?) известны на поселении Боромля II (Некрасова, 2006, рис. 33: 2).

Для определения группы населения, в костюмном комплексе которой использованы золотые бляшки, серебряные бусы и трапециевидные привески, подобные рассмотренным, данных пока недостаточно. Ближайший же, но удаленный по времени аналог височным трапециевидным привескам с 4-мя крупными жемчужинами происходит из иллирийских могильников конца II в. до н.э. – начала I в. н.э. (Янкович, 2012, рис. 2: A12[10]). Совпадает не только количество жемчужин и их расположение на плоскости, но и форма привески в виде не совсем правильной трапеции со слегка вогнутыми длинными сторонами. Более близкие по времени украшения этого типа мне пока неизвестны.

Находка в Заречье, 213 целого комплекса импортов, возможно, разного происхождения свидетельствует о неординарном положении их владелицы в обществе. Предметы из драгоценных металлов, а также редкие или уникальные изделия в окских, как и в некоторых других древностях этого времени, например, в черняховских, считают престижными или «статусными» (Гопкало, 2011б, с. 71–72). Золотую нашивную бляшку, вероятно, можно рассматривать как один из элементов интернационального престижного костюма, получающего в это время распространение у разных групп населения на широкой территории.

Все три рассмотренных погребения, в целом, относятся к периоду 2б развития женского костюма окских финнов, т.е. к концу IV – началу V в., и каждый по-своему наглядно характеризует этап смены уже отживающего свое время комплекса женского убора и основные направления в формировании нового. Некоторые элементы убора подчеркивают продолжающееся инокультурное влияние на окских финнов этого времени, которые, как уже не раз отмечено, принимали активное участие в процессах эпохи переселения народов[11]. Наиболее наглядно это представлено в инвентаре Заречья, 213, который, очевидно, отражает еще и начальный этап процесса социальной стратификации населения Средней Оки рассматриваемого времени.

Несмотря на преобладание в женском уборе деталей и украшений традиционно местного характера, тесные контакты окских финнов с другими группами населения, очевидно, дали толчок к дальнейшему его развитию и, в целом, смене облика женского костюма. Появление в нем ранее неизвестных структурных элементов и украшений, широко распространившихся в V в., было обусловлено развитием новой системы представлений окских финнов, которая складывается к V в. (Белоцерковская, 2005, с. 283–292).

Как массовое явление остаются в прошлом шапочки с головными бляхами[12], ажурными застежками с привесками и нашивными бляшками. Однако сами шапочки, иногда с имитацией головной бляхи, продолжают свое бытование, вероятно, в течение всего рассматриваемого периода. Наиболее известной реминисценцией убора с головной бляхой, на которую обратил внимание еще П.П. Ефименко (1926, с. 72), является известный комплект V в. из погр. 42 Кузьминского могильника, где бляху с радиальными накладками имитировали нашитыми на шапочку ремешками в спиральных пронизях (рис. 2: 20).

Выходят из обихода и бусы ранних типов, в том числе так называемые «золотостеклянные» прозрачные бусы и многочастные пронизи, но появляются и широко распространяются бусы непрозрачного стекла печеночно-красного цвета группы II, предположительно, ближневосточного происхождения, (Румянцева, 2007, с. 219–233; 2010, с. 277–300). Это явление связывается с нарушением прежних связей финского населения вследствие гуннского нашествия. Печеночно-красные бусы остаются одним из наиболее узнаваемых элементов культуры, дополняясь в

[10] Вторая слева привеска к фибуле.

[11] Определение конкретных путей поступления импортов в Среднее Поочье выходит за рамки данной работы.

[12] Самая поздняя находка такой бляхи в детском погребении Никитино, 88 конца V – VI вв. (предварительная датировка И.Р. Ахмедова). В этом комплексе помимо поясных украшений есть серповидная гривна и бусы печеночно-красного стекла, изготовленные в технике навивки, которые распространились на Оке с конца V в. (Румянцева, 2007, с. 221). Возможная дата комплекса – конец V – начало VI в.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ожерельях широко распространившимися литыми цилиндрическими пронизями с объемными привесками.

Изредка продолжают использовать и наиболее характерные для IV в. налобные венчики с обоймами с подвесными кольцами (рис. 5: 12), и круглые литые пронизи с привесками на поясных кистях (рис. 5: 16). Происходит смена видов шейных гривен, престижной их формой становится гривна с коробкой (рис. 1: 27). У нагрудных блях с отверстием в центре начинают расковывать иглу, и такие бляхи с крышкой (рис. 3: 13) получают широкое распространение в костюме замужних женщин. По-прежнему продолжают использовать и бляхи с перекрестьем (рис.1: 47). Однако крупные ажурные нагрудные бляхи-застежки выходят из употребления. Пластинчатые браслеты вытесняются дротовыми; нарукавные повязки продолжают свое бытование, но вместо круглых литых пронизей в их составе появляются пластинчатые прямоугольные обоймы, а узкие литые обоймы для ремешков окончательно сменяются проволочными цилиндрическими пронизями (рис. 3: 37).

Вырабатывается комплекс украшений женского костюма, придавший ему в V в. классический для рязано-окских финнов облик.

В состав убора прочно входят разные виды <u>височных украшений</u>. Для рассматриваемого периода – это литые височные кольца с трапециевидной привеской (вид А – рис. 1: 37, 55);[13] такие же кольца, но с одной литой петельчатой довольно крупной <u>объемной привеской</u> колокольчатой формы (вид Б – рис. 1: 2, 3);[14] подвески височные – литые, составные в виде петли с завернутыми в спираль концами, двумя кольцами и двумя петельчатыми объемными концевыми колокольчатыми привесками (вид В – рис. 1: 29; 3: 15)[15] – подвешивались к головному убору при помощи литых колец.

В середине – второй половине V в. височные украшения вида А усложняются и представляют собой небольшие проволочные кольца с двухъярусной привеской в виде крупной трапециевидной (реже – треугольной) пластины-держателя с двумя небольшими отверстиями в нижних углах и двумя мелкими такими же привесками на тонкопроволочных колечках (вид Д – рис. 2: 20). Несколько позже – во второй половине V в. – концевые привески к ним становятся коническими, свернутыми из тех же трапециевидных пластин (вид Е – рис. 4: 14). Количество концевых привесок варьировало в пределах 2-4 экземпляров, в последнем случае они помещались на очковидных проволочных держателях (рис. 3: 12; 7: 10). Виды подвесок Д и Е использовали как височные украшения,[16] а также помещали на центральную часть шапочек сзади.[17] Подвески обоих видов могли сочетаться в одном уборе (Белоцерковская, 2012в). Возможно, такие парные концевые подвески на кожаных шнурках в бронзовых пронизях с кольцом для крепления могли рассматриваться и как накосники, там, где накосники классического вида отсутствовали (рис. 3: 12).[18] Обе формы, вероятно, в силу своей хрупкости, бытовали недолго, широкого распространения не получили, и, по-видимому, как результат неудачного эксперимента в начале – первой половине VI в. вышли из обихода.

Не ранее, вероятно, первой половины – середины V в. появилась новая, стандартизированная форма височных подвесок – двухъярусные в виде литого треугольного с ложновитым каркасом щитка с кольцом в верхней части, тремя колечками в нижней и тремя литыми объемными петельчатыми привесками к ним (вид Ж – рис. 3: 4, 44).[19] Они различаются, в основном, только видами концевых привесок, форма которых изменяется в русле развития местных типов петельчатых привесок. Вид Ж использовали в височных, очень редко, в накосных и затылочных украшениях. Определенная редкость этих подвесок, недолгий в целом период их бытования, отсутствие строго определенного места для них в системе головных уборов – все свидетельству-

[13] Комплексы V–VI вв.: Кораблино, 4, 23 , 35 , 84, 85, 129, 142, 148; Заречье, 15, 36, 44, 87, 99, 104, 111, 195АБ, 239Б; Никитино, 40, 112, 176; Шатрище, 4, 24, 25, 124; Борковский, 19, 66, 70, 85, 92, 93, 108; Кузьминский, 12.

[14] Комплексы V–VI вв.: Кораблино, 25, 28, 35, 82, 100, 124,142, 184А; Заречье, 34, 77, 99, 100, 184А, 239Б; Никитино, 86, 197Б, 215; Кузьминский, 30.

[15] Кораблино, 16, 44, 46, 85, 87, 99, 126; Заречье, 31, 43, 50, 95, 144, 183, 195А, 216, 239А; Никитино, 22, 80, 114, 160,176, 203, Кузьминский, 51. Вариант привесок вида В – с тремя литыми стержнями и тремя привесками к ним (Кораблино, 18, Никитино, 64) – рис.7: 2. В Кузьминском, 72 V в. вместо объемных использованы парные пластинчатые трапециевидные привески (Спицын, 1901, табл. XIV: 10).

[16] Никитино, 55, 62, 197, Кузьминский, 42.

[17] Заречье, 100, 195Б, Кораблино, 48; возможно, Никитино, 57.

[18] Никитино, 1В, 127, Заречье, 29, Шатрище, 10 (раскопки П.П. Ефименко).

[19] Заречье, 13, 46, 48, 148, 164; Кораблино, 28; Никитино, 57, 215.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ет о нетрадиционном для Средней Оки типе этих украшений. Но они изготовлены в присущей для окских финнов технике, формы концевых привесок к ним прошли тот же путь развития, что и петельчатые привески местных видов.

Эти подвески также крепились к головным уборам при помощи литых колец, но иногда между кольцом крепления и подвеской размещался недлинный узкий кожаный шнурок в бронзовых спиральных пронизях – Заречье, 148, Никитино, 215. При использовании в качестве височных подвесок другими видами височных украшений не дополнялись.

Такие подвески с ранним видом концевых привесок были найдены вместе с литыми пирамидальными колокольчиками с выступами по углам в составе височных украшений (Кораблино, 28 – рис. 3: 4, 5) и маленькой затылочной кисти (Никитино, 57). В. Новаковский, картографировав места находок таких колокольчиков, пришел к выводу о том, что на территории Причерноморья в памятниках позднескифской культуры и севернее в степях времени господства в них сарматов, они известны уже в I–III вв. Позже отдельные находки пирамидальных колокольчиков появились на памятниках киевской культуры и у населения Оки и Верхней Волги. В римское время широкое распространение подобных привесок интерпретируется как результат имитации местными мастерами иноземных образцов, вероятно, изначально римского производства (Nowakowski, 1988, s. 99–121). Два пирамидальных колокольчика высотой около 3 см были найдены в Кошибеево, 88С вместе с украшениями поясных кистей, относящихся ко времени не позже первой половины II в. (Ахмедов, Белоцерковская, 1999, 56–58).

Находки подобных колокольчиков известны в мерянских и марийских памятниках более позднего времени (Горюнова, 1961, рис. 39: 3; Голубева, 1987, табл. XXIX: 18; XLIX: 5). Примечательно, что в Безводнинском могильнике они завершали наборные накосные украшения VI в. (Краснов, 1980, рис. 30, 31; табл. на с. 94–95; с. 106–107).

Кораблино, 28 и Никитино, 57 относятся к V в., вероятно, ко второй его половине. Колокольчики в них небольшие, высотой до петли не более 2,6-3 см, при этом в кораблинском экземпляре – очень крупная петля, что не характерно для этого вида украшений. При редкой встречаемости в рязано-окских могильниках таких подвесок предполагать их местное производство вряд ли возможно. Пирамидальные колокольчики на Средней Оке были привозными, а потому, возможно, что и треугольные щитки привесок вида Ж могли быть итогом адаптации к местному костюму каких-то инокультурных украшений, бытовавших вместе с пирамидальными колокольчиками.

Заметим, что височные кольца с пластинчатыми привесками (вид А) по одному располагались у обоих висков,[20] в ряде случаев дополняясь другими видами височных украшений или украшений шапочки.[21] Иногда кольцо с привеской было в единственном экземпляре, симметрично ему располагалось височное украшение другого вида. Изредка в поздних уборах наблюдается иной способ крепления привески к кольцу и большее количество привесок к одному кольцу.[22] Кольца с привесками вида А бытовали с конца IV по начало VII в., могли сочетаться с другими видами височных украшений – Б, В и Г.

Височные кольца с объемными привесками (вид Б) известны в женских уборах уже в конце IV в. Размеры колец отчасти зависят от возраста их владелицы и хронологической принадлежности убора, но прямая связь между этими факторами отсутствует. В женских костюмах диаметр кольца со временем возрастает (от 2,7 см в Кораблино, 124 V в. до 4,3 см в Кораблино, 25 VI в.). В то же время в детских уборах даже на поздней стадии диаметр одного кольца мог быть небольшим, а вместо второго кольца использовали браслет (рис. 7: 19). Максимально распространены в V в. и реже – в VI – начале VII в.

Как единственный вид парных височных украшений кольца с объемными привесками встречаются относительно редко,[23] чаще они дополняют другие виды.[24] В части уборов такие кольца

---

[20] Кораблино, 4, 84,148, 150, Заречье, 15, 36, 44, 87, 195А, Никитино, 176.

[21] С привесками вида Б – Кораблино, 35, 142, Заречье, 239Б; с привесками вида В – Кораблино, 85, Заречье, 195А, Никитино, 176; с привесками вида Г(см. ниже) – Кораблино, 23, Никитино, 40; вида Д – Заречье, 195Б.

[22] В Кораблино,150 и Никитино, 40 на очковидных проволочных держателях, подвешенных к кольцу – по две привески. В Кораблино, 147 на таком же держателе расположены две конические беспетельчатые, свернутые из трапециевидной пластины, привески – это поздний вариант колец с пластинчатыми привесками.

[23] Кораблино, 82,124, Заречье, 34, 77, 145, 184 А, Никитино, 197Б.

[24] Кораблино, 25, 35, Заречье, 99; Никитино, 86, Кузьминский, 30; дополнены привесками вида А – Кораблино, 35; вида Г – Кораблино, 25, Кузьминский, 30.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с привесками встречены только у одного из висков.[25] В Кораблино, 28 на симметрично расположенном кольце – пирамидальный колокольчик (рис. 3: 5, 6). В одном уборе кольца с объемными привесками могли сочетаться только с височными украшениями видов А и Г (см. ниже).

Височные привески вида В использовали попарно как единственный вид височных украшений[26] в течение, в основном, V в., либо дополненными другими видами височных подвесок.[27] В ряде комплексов их применяли по одной, но иногда дополняли иными видами височных украшений.[28] Эти подвески в одном уборе сочетались только с кольцами с привеской вида А.

Налобные венчики. Единственный и очень редкий для V – начала VII вв. вид украшений головных уборов, который определенно можно рассматривать в качестве налобных венчиков, состоял из двух, чаще трех рядов узких кожаных ремешков, продетых в цилиндрические спиральные пронизи, с несколькими крупными прямоугольными пластинчатыми обоймами с подвешенными к ним овальными кольцами – проволочными или пластинчатыми; последние могли иметь более сложную форму (рис. 4: 58; 5: 12). Застегивались сзади при помощи пряжки. Такие венчики были наиболее характерны для предшествующего периода (Белоцерковская, 2012в).

Накосные украшения, парные. Крепились к головному убору сзади с боков при помощи округлых литых колец, которые соединялись с двумя ремешками в бронзовых спиральных пронизях, перехваченных в трех-четырех местах пластинчатыми прямоугольными обоймами; внизу завершались концевыми привесками разных видов. В ряде случаев отмечено, что ремешок в пронизях был один, но сложен вдвое и перекинут через обод кольца-держателя.

Наибольшее распространение и только, в основном, в V в. получили пластинчатые округлые диаметром 5-7,3 см привески (рис. 3: 32) с 5 секировидными лопастями с тремя мелкими жемчужинами каждая, округлым отверстием в центре округлой, приподнятой по отношению к лопастям, части.[29]

Являются дальнейшим развитием пластинчатых 3-4 лопастных привесок более раннего времени[30], начиная с небольших экземпляров с лопастями округлой или секировидной формы второй половины – конца IV в., когда отверстие для крепления находилось не в центре изделия, а с краю, и кончая классическими округлыми с минимальным расстоянием между секировидными лопастями (рис.4: 12).

Входили в состав около 70% уборов V в., в основном, замужних женщин, единственное исключение – костюм девочки 6-8 лет в Никитино, 188.

В ряде случаев их дополняли двумя-тремя крупными объемными беспетельчатыми литыми подвесками цилиндрическими с усечено-конической верхней частью.[31] Достоверно установлено, что в Никитино, 55 по 2 такие подвески на кожаных ремешках в спиральных пронизях крепились к кольцам основных накосников – с пятилопастными привесками. В Ундрих, 54 и в Кораблино, 15 (дар в мужском комплексе – рис.7: 16) и 99 они также попарно крепились ниже пятилопастной привески. В Заречье, 144 (рис. 4: 12) по 3 такие подвески также соединены, возможно, с кольцами основных накосников, а в погр. 183 того же памятника три привески найдены только вместе с левым накосным украшением. В Заречье, 95 по паре крупных подвесок лежали у локтевых суставов обеих рук.

Менее распространенными были литые двухъярусные подвески с тремя округлыми лопастями с крупной жемчужиной в центре каждой лопасти, окантованной ложновитым орнаментом, отверстием для крепления, тремя-четырьмя петлями с объемной петельчатой привеской каждая (рис. 1: 13; 3: 41).[32] Это украшение сложилось, очевидно, во второй половине – конце IV в. на основе появившихся ранее трехлопастных литых украшений без концевых привесок. Бытовали до конца V в. (Белоцерковская, 2010б,

[25] Кораблино, 100, 142, 158, Заречье, 100, 118, 239Б, Никитино, 215; при этом вторая височная привеска вида А – Кораблино, 142, Заречье, 239Б; вида Г – Кораблино, 100, Никитино, 86, вида Е – Заречье, 100.

[26] Кораблино, 16, 18Б, 87, 99, 126, Заречье, 31, 43, 50, 95, 183, 216, 239А, Никитино, 22, 80, 114, 203, Борковский, 66, Кузьминский, 51.

[27] Дополнены привесками вида А – Кораблино, 85, Заречье, 195А, Никитино, 176.

[28] Кораблино, 44, 46; дополнены привеской вида А – Кораблино, 85; петлей-держателем от ажурной застежки с двумя объемными концевыми привесками – Заречье, 144.

[29] Кораблино, 16, 41, 48, 83, 99, 102, 124, 126, Заречье, 28, 33, 34, 71Б, 95, 100, 144, 183, Никитино, 17В, 22, 29, 53, 55, 69, 160,184, 201; Борковский, 37, 50, 58, Кузьминский, 42, 50 и др.

[30] Кошибеево, 49С, 76С, Кораблино, 53, Заречье, 1, 4, 5, 74, 78, 102, 210, 240, Борковский, 102,107 и др.

[31] Высота 2,8-3,6 см, диаметр нижней части – 1,7-2,2 см.

[32] Заречье, 48, 213 , 223Б; Кораблино, 18; Никитино, 18, 80, 197, 203; Кузьминский, 2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с. 197–198) и были характерны в этот период только для женского костюма (около 23% уборов с накосниками).

Новацией периода 2б стали литые беспетельчатые объемные двухъярусные подвески с рельефными, иногда ложновитыми, бортиками на обоих концах, двумя-тремя кольцами и двумя-тремя петельчатыми объемными привесками к ним. Ранний вариант с держателем усечено-конической формы с ложновитыми бортиками по краям и 2-3 кольцами для подвешивания концевых привесок происходит из погр. 77 в Заречье (рис. 1: 12). В V в., в отличие от более позднего времени, подвески этого вида широкого распространения не получили (Борковский, 58). В это время накосные украшения указанных видов стали принадлежностью исключительно женского убора (Белоцерковская, 2003, с. 143; Воронина и др., 2005, с. 89–91).

Еще одним новшеством V в. стали длинные затылочные кисти классического облика. Они состояли из широкого ремня, крепившегося к головному убору сзади двумя пряжками с прямоугольными обоймами. Ниже ремень разрезан на 4 узкие полосы, впущенные в цилиндрические пронизи и перехваченные в верхней части одной-двумя крупными пластинчатыми обоймами, ниже – несколько меньших обойм скрепляют ремешки попарно[33] и только в самом низу на свободно висящих ремешках закреплено по одной подвеске (рис. 4: 10). Длина кистей – от 26 см (Заречье, 183) до 40 см и более (Заречье, 95).

Прототипом их были, очевидно, короткие кисти–украшения центральной части шапочек IV в., завершавшиеся объемными литыми привесками (рис. 1: 24), (как правило, в комплекте – 4 привески), либо набором пластинчатых и объемных привесок. Создается впечатление, что такие кисти поначалу имитировали стержни-держатели ажурных головных застежек рязанского типа с концевыми привесками, которыми ранее и вплоть до конца IV – начала V в. украшали шапочки с головными бляхами. Уже в этих небольших кистях появились прямоугольные пластинчатые обоймы и пряжечки для крепления (Заречье, 213 – рис. 1: 24). В принципе длинные затылочные кисти представляют собой тот же накосник, но с удвоенным количеством ремешков и большим числом концевых привесок к ним.

Одним из первых опытов конца IV – начала V вв. включения в состав убора затылочной кисти на длинных ремешках, пристегивавшихся к шапочке двумя пряжками, является комплекс Заречье, 77, где в составе кисти – всего две крупные импортные привески. Обоймы здесь еще отсутствовали (рис.1: 8). Непременной составной частью длинных затылочных кистей у окских финнов стали крупные литые объемные беспетельчатые разных видов концевые привески, которые использовались вплоть до середины VII в.

В V в. они – цилиндрической с усечено-конической верхней частью формы (рис. 4: 10)[34]. Другой характерный для этого времени вид – тулово с плавным расширением, но уже обозначено невысокое горло (рис. 3: 42).[35] В период 2б в качестве привесок к затылочной кисти изредка использовали двухъярусные объемные подвески как в накосниках в Заречье, 77 (рис.1: 12). В ряде случаев в состав одного убора входили подвески разных видов. В классическом варианте V в., носившемся только замужними женщинами, на концах затылочной кисти было 4 подвески.

Шейные украшения.[36] Наиболее распространенным видом шейных украшений у окских финнов, начиная с раннего периода, были ожерелья из бус – непрозрачного стекла и так называемых золотостеклянных. Но с V в. они становятся наборными из бус непрозрачного стекла печеночно-красного цвета и бронзовых элементов разных форм, а потому чрезвычайно разнообразными и красочными. Часть ожерелий попрежнему состоит только из бус. Металлические элементы представлены следующими формами:

1 – пронизи литые цилиндрические с имитацией проволочной обмотки (как исключение – гладкие), с двумя кольцами и двумя концевыми петельчатыми объемными привесками (рис. 1: 54). В ожерелье их могло быть от 1-3 (в детских костюмах) до 13 экз. в женских уборах.[37]

[33] Расположение обойм в конструкции кистей разное: в Заречье, 100, 109 и 144 (рис.4: 10; 6: 27) крупные обоймы были только в верхней части, а в Заречье, 48 сверху шла крупная обойма, ниже – 2 небольшие, затем снова крупная, ниже – две более мелкие (рис.3: 42).

[34] Высота подвесок – 3,3-3,5 см, диаметр нижней части – 1,7-2,3 см (Кораблино, 99; Заречье, 144, 223; Никитино, 197).

[35] Высота их – 4,2-4,8 см, диаметр – 2,7-3 см (Заречье, 48, 95, 100, 183). В раннем варианте (Заречье, 175) высота их – 3,5-3,7 см, диаметр – 2,2 см.

[36] Здесь перечислены составные элементы ожерелий V–VII вв.

[37] Длина 1-1,5 см, диаметр, как правило, 0,5 см – Кораблино, 16, 18, 23, 25, 35, 44, 98, 126, 132, 136; Заречье, 13, 15, 18, 31, 40, 44, 46, 99, 119, 135, 183, 195, 204, 216, 233; Никитино, 16В, 40, 57, 86, 127, 197, 203, 230, 237.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Подобные пронизи, но с разными видами концевых привесок, бытовали, примерно, с первой половины V в. по VI – начало VII в. Это – излюбленный в этот период элемент ожерелий. Уникально использование в качестве концевых привесок к цилиндрической гладкой пронизи раковин cauri в Кораблино, 23 (рис.7: 12).

Судя по всему, прототипом таких пронизей с привесками были проволочные цилиндрические спиральные пронизи, типа входивших в состав накосников.

2 – пронизи литые цилиндрические с имитацией проволочной обмотки, с тремя кольцами и тремя концевыми петельчатыми объемными привесками (рис. 6: 44). Этот усложненный вариант пронизей предыдущего вида изредка включался в состав женских ожерелий в VI – начале VII в., как правило, в одном экземпляре.[38]

3 – пронизи литые прямоугольные с тремя кольцами для петельчатых привесок и петлями на тыльной стороне (рис. 5: 31).[39] Орнаментированы тремя круглыми выпуклыми жемчужинами внутри рамки из ложновитого орнамента, в Кораблино, 18 их было 6 экз.(рис.7: 4).[40] Часть таких пронизей украшена имитацией плетения по всему полю (рис. 5: 11).[41] В погр. 26 Борковского могильника пронизи трапециевидной формы высотой 0,8 см.

В состав ожерелья включали по одной-две таких пронизи, но в погр. 26 Борковского могильника VII в. их было 10.

Прямоугольные пронизи – редкий вид украшений, использовавшийся в конце V – начале VII вв. преимущественно в женских уборах. Концевые привески к ним – все объемные петельчатые разных форм, изменявшиеся по мере развития моды.

4 – обоймы пластинчатые прямоугольные с подвесными кольцами (рис.1: 54) как в составе налобных венчиков.[42]

В ожерельях второй половины V–VI вв. таких обойм могло быть от 2-3 до 9 (Заречье, 194). Как правило, украшали женский костюм, в погр. 30 Кузьминского могильника они скрепляли две низки бус.

5 – привески отдельные литые петельчатые объемные довольно часто включали в состав наборных ожерелий V–VI вв. вместе с пронизями с привесками (рис. 3: 14).[43]

Реже, но не позже V в., в ожерелья входили и круглые литые пронизи с ложновитым бортиком и крупной жемчужиной внутри с двумя кольцами и петельчатыми привесками к ним[44] (рис. 4: 20).

6 – детали из металлического лома – части сюльгам, свернутые из пластин обоймы, кольца, обрезки пластин и пр.[45] иногда включали в состав ожерелий V – начала VI в. Любопытно, что некоторые владелицы таких ожерелий обладали высоким социальным статусом (рис. 1: 31; 4: 26).

7 – отрезки проволочных цилиндрических спиральных пронизей, нанизанные на нить или на узкий кожаный ремешок (рис.4: 43, 47). Пронизи длиной 2,5-3,5 см чередовались с одной – тремя стеклянными бусинами, но есть и более сложные схемы.[46] Длина отрезков пронизей могла достигать и 5-7 см (Кораблино, 145).

Первоначально такие пронизи служили, скорее всего, для подвешивания лунниц[47] (рис. 4: 20), а затем, не ранее второй половины, а скорее конца V в., их стали включать и в состав наборных ожерелий, как самостоятельный элемент. Ожерелья из спиральных пронизей и бус без дополнительных элементов были характерны для женского и детского уборов VI – первой половины VII в., когда появляется тенденция к упрощению этого вида украшений (за исключением престижных костюмов).

Ожерелья наряду с перстнями и браслетами – непременный атрибут женского костюма, независимо от возраста его владелицы. В уборах было, как правило, по одному ожерелью, иногда свернутому в два-три оборота. При этом металлические пронизи с привесками, перемежаясь с бусами, сосредотачивались в передней, реже – боковых, его частях, сзади нанизаны только бусы. Но в ряде комплексов таких ожерелий было 2-3.

Наборные ожерелья с металлическими составляющими в детском костюме – более про-

[38] Длина – 1,7-1,8 см, диаметр – 0,5 см (Кораблино, 98, 136, Заречье, 119, 204, Борковский, 44).

[39] Высота – 1,3 см, длина – 2-2,7 см (Кораблино, 18, 25).

[40] Кораблино, 18, 25, 98.

[41] Высота – 0,5 см, длина – 2,5 см (Заречье, 18, 46, 204; Никитино, 249, Борковский 26).

[42] Кораблино 132, Заречье 31, 99, 194, 216, Никитино 230, Кузьминский 15, 30.

[43] Кораблино 99, 126, Заречье 99, 164, 183, Никитино 86, 127.

[44] Кораблино, 99, Заречье, 71Б.

[45] Кораблино, 41, 132, Заречье, 31, 71Б, 242, Никитино, 160.

[46] В Кораблино, 155: в центре – от 4 до 6 бусин, чередующиеся со спиральными пронизями; в Кораблино, 170, 171 в каналы крупных бусин продето по два ряда пронизей.

[47] Кораблино, 41, 83, 84, 124; Заречье, 71Б, 223, Никитино, 29.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

стые и менее тяжелые, в них меньше литых пронизей с привесками. В состав детских ожерелий входили 1-2, редко 3 элемента, как правило, бусы или бусы со спиральными пронизями и литые с двумя концевыми привесками пронизи. Длинные с тремя привесками пронизи в них отсутствуют, а другие металлические элементы встречены единично, и, в основном, в подростковых уборах.

Наряду с металлическими деталями ожерелий, изготовленными на месте, в течение V в. в их состав иногда включают бронзовые ведерковидные привески – Кораблино, 16, Заречье, 99 (рис. 3: 23). Это, как и формирование на основе черняховских местного вида крупных прогнутых подвязных фибул, является отголоском сильнейшего влияния на окских финнов черняховского населения (Белоцерковская, 2012а, с. 35, 36).

В V в. формируются и другие виды шейных украшений, представляющие собой самостоятельный элемент убора, не входящий в наборные ожерелья.

1 – наборное украшение из кожаного ремешка, впущенного в прямоугольные пластинчатые обоймы, чередующиеся с узкими литыми обоймами с S-видными проволочными держателями с трапециевидной пластинчатой привеской каждый[48] (рис. 3: 47; 4: 5). Чаще всего находится в области шеи, что позволяет рассматривать его как своеобразное ожерелье, и реже – под головой погребенных или на головном уборе, где это украшение могли использовать в качестве налобного венчика. Исследователи Никитинского могильника рассматривают этот элемент убора, как налобный венчик, а расположение его в области шеи объясняют определенными погребальными традициями (Воронина и др., 2005, с. 89).

Это украшение входило в состав чуть более 10% детского (в возрасте 6-7; 8-10 лет и старше) и около 32% женского костюмов V – начала VI в. О самостоятельном значении этого элемента убора свидетельствует наличие его в комплектах, где обычные ожерелья отсутствовали (Заречье, 50, Никитино, 55, 57). Являются частой находкой в составе жертвенных даров из элементов женского убора в мужских погребениях,[49] вероятно, им придавалось особое значение.

Этот вид украшений сложился в местной среде, судя по находке в составе жертвенного комплекса в мужском погребении 206 в Заречье, вероятно, уже в начале V в.. Прямоугольные и узкие литые обоймы появились уже в раннем Кошибеево, а с распространением трапециевидных привесок в конце IV – начале V в. оформился классический облик этого украшения (далее для краткости – венчик-ожерелье).

2 – еще одной новацией рассматриваемого времени стало шейное украшения в виде крупных пластинчатых трехрогих подвесок–лунниц с петлей и жемчужным орнаментом[50] (рис. 1: 39; 7: 11,13), которые бытовали в V и, возможно, самом начале VI в. Они входили в состав около 20% женского и 18% детского уборов этого периода. На одно шейное украшение приходится не более одной лунницы, но есть исключения: Никитино, 29б – 2 экз., Кораблино, 4 – 3 экз.

Изготовлены из очень тонкой бронзовой или серебряной пластины, поэтому в большинстве уборов они крепились на отдельную низку, продетую в спиральные пронизи.[51] Длина лунниц варьирует в пределах 4,7-9,4 см, но, в основном, они составляют в длину 6,4-8 см. Наиболее характерен орнамент в виде жемчужин, изредка дополненный оттисками зубчатого колесика.

Эта своеобразная форма в одном из вариантов изначально могла представлять собой стилизованное изображение птицы с распушенным хвостом и раскрытыми, опущенными вниз, крыльями (рис.4: 20). Особенно хорошо это видно на экземплярах, где мелким жемчужным орнаментом показано оперение хвоста (рис.7: 11, 13). Местная форма трехрогих лунниц сложилась на Оке, вероятно, на основе привозных изделий.

Любопытно, что лунницы украшали костюм, преимущественно, замужних женщин и, вместе с тем – детские уборы. Как единственный вариант шейных привесок они использовались в отдельных женских и детских костюмах только в начале – первой половине V в., позже их включали в убор наряду с ожерельями, в том числе, наборными.

---

[48] Кораблино, 87, 132, Заречье, 33, 34, 50, 144, 195; Никитино, 55, 57, 69, 127, 160, 184, 192, 197, 203, 215, Кузьминский, 15, 30, 42, 50, 51, Шатрище, 38 (Раскопки П.П. Ефименко).

[49] Кораблино, 15, 79, 97, Заречье, 28, 206, 224; Никитино, 200 и др.

[50] Кораблино, 4, 41, 83, 84, 99, 124; Заречье, 1, 77, 99, 183, 223; Кузьминский, 42; Никитино, 3, 17, 29, 62, 184.

[51] Кораблино, 124, Заречье, 223, Никитино, 29; в Заречье, 71Б лунница дополнена круглыми пронизями с привесками (рис. 4: 20), в Кораблино, 41 – свернутыми из пластины обоймами; в Кораблино, 83 нитка продета в спиральные пронизи и на нее подвешены лунница, а на тонких цепочках из отдельных колечек – трапециевидные привески (рис.7: 21).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Необходимо отметить, что лунницы и венчики-ожерелья за очень редким исключением (Никитино, 184, Кузьминский, 42) в один комплект не объединяли, хотя вместе с ними могли использовать наборное ожерелье.

Практически каждое ожерелье по количеству и видам составляющих его элементов было неповторимо. В Кораблино, 16 зафиксировано несколько шейных украшений, представлявших собой: небольшое ожерелье из бус и ведерковидных привесок, нить с трапециевидными привесками, ремень с прямоугольными обоймами, и, последнее – из бус и цилиндрических литых пронизей с привесками (рис. 3: 23, 25, 26, 33). В Кораблино, 35 одно из ожерелий было наборным из бус с литыми пронизями с привесками, а другое состояло только из двух рядов спиральных пронизей, нанизанных на нити и пропущенных через равные промежутки через одну крупную бусину. В Кораблино, 23 одно ожерелье также было наборным с литыми пронизями, где спиральная пронизь чередовалась с тремя бусинами (рис. 7: 12); а в двух других, где литые пронизи отсутствовали, каждая спиральная проволочная пронизь чередовалась с четырьмя бусинами.

Замечено, что в ряде случаев элементы ожерелья были нанизаны на нить (Кораблино, 35), иногда двойную перевитую (Кораблино, 98 – рис. 6: 7); в Заречье, 71Б одно из ожерелий было нанизано на кожаный ремешок, как в Никитино, 128 и 160 (рис. 4: 26).

Очевидно, к типу шейных можно отнести и своеобразное украшение, состоявшее из трапециевидных пластинчатых привесок высотой 1,5-2,3 см, на небольших круглопроволочных колечках, которые либо нашивались на ворот рубахи, либо, как в ряде комплексов[52], нанизывались на нити или кожаные ремешки (рис. 1: 43). В последнем случае носились как ожерелье (рис. 3: 25). Во второй половине V в. в составе этих и других украшений платья появились конические беспетельчатые привески, свернутые из трапециевидных пластин (рис. 4: 42). Но только с конца этого столетия они получили широкое распространение, тем не менее, и в поздних комплексах VI–VII вв. трапециевидные привески как шейное украшение использовались также широко, как и ранее (рис. 6: 5). Иногда в таком украшении сочетались оба вида пластинчатых привесок (Никитино, 203).

[52] Кораблино, 16 (на нити), 126 (на кожаном ремешке, обернутом листом бронзы).

Гривны. Чрезвычайно характерны для женского костюма почти на всем протяжении бытования культуры, в предыдущие периоды отдельные уборы включали 4 и более гривен. Однако с развитием моды на наборные ожерелья с металлическими элементами и другие виды шейных украшений с V в. на один женский костюм в среднем приходилось по одной гривне (в основном, по одной, реже – по две, и в виде исключения – по три гривны, около 30% комплексов гривен не содержали). В состав детского костюма входило не более 1-2 гривен, а, примерно, у 50% они отсутствовали.

В первой половине V в. еще изредка используются, но уже выходят из обихода, гривны круглопроволочные с замком в виде раскованной округлой пластины с пробитым отверстием на одном и крючком, иногда с грибовидной головкой на другом концах.[53] В начале века практически прекращают изготавливать и наиболее характерные для предыдущего периода прямоугольные в сечении тордированные гривны – одна из них, но с замком в виде двух крючков, а не раскованной пластины с крючком, как ранее, происходит из Заречье, 213 (рис. 1: 25).

Наиболее простыми и потому широко распространенными в рассматриваемый период стали гладкие круглопровочные гривны, иногда с небольшим утолщением в срединной части и замком в виде двух крючков (один из них расположен в плоскости гривны – типа рис. 1: 58; 6: 54).[54] Иногда один из концов загнут в округлую или зигзагообразную петлю.[55] Бытовали на протяжении всего рассматриваемого периода, но в V в. они были более массивными с максимальным поперечником дрота 0,5–0,6 см, а позже – 0,3–0,4 см. В позднем погр. 247 в Никитино на концах гривен была проволочная обмотка.

Несомненной новацией периода 2б стали гривны с коробкой (рис. 1: 7,27; 3: 11, и др.). Иногда коробка или верхняя ее пластина изготовлена из серебра. Эти гривны являются имитацией западных образцов престижных золотых гривен с дисками со вставками, и рязано– окские финны, скорее всего, использовали их в качестве индикатора определенного статуса их владелиц (Белоцерковская, 2010а, с. 75–85). Максималь-

[53] Кораблино 46, 83, Заречье 1, 33; Никитино 22 (?), 80.

[54] Кораблино 4, 35, 126, Заречье 31, 87, 111, 119, 123А, 138, 195А, Никитино 40, 114, 124, 127,176, 197, 237, Борковский 58.

[55] Кораблино 35; Заречье 87.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ные диаметры коробок – более 6 см – есть только в престижных уборах замужних женщин.[56]

Наибольшее распространение подобные гривны получили в V в., когда они входили в 44% женского костюма, но встречались и позже вплоть до начала VII в. в особо значимых женских уборах (примерно, в 10%). В каждом уборе было не более одной гривны с коробкой (исключение – 2 экз. в Никитино, 7бВ и в более позднем Шатрище, 110). В 38% уборов с таким типом украшений они дополнены другими формами гривен. В 64% случаев сочетаются с нахождением в костюме нагрудной бляхи с крышкой (замужние женщины).

Для детского костюма они не характерны, встречены только в двух неординарных по составу комплектах (Никитино, 7аВ и Заречье, 195А), принадлежавших в последнем случае девушке на пороге совершеннолетия.

Некоторое распространение вплоть до середины VII в. получают появившиеся в период 2б как мужское украшение гривны круглопроволочные с проволочной обмоткой и тремя напускными бусинами усеченно-биконической или бочонковидной формы с каждой стороны от замка, замок – в виде округлой и изогнутой в виде буквы М проволочных петель (в двойную петлю – рис. 1: 68). Они известны в 13% женских уборов, более 60% которых приходится на V в., в двух из них они найдены парами[57]. В V в. 37% женских уборов с этим типом гривен дополнены гривнами с коробкой. В VI – начале VII в. другими типами гривен дополнено уже 60% костюмов с гривнами в двойную петлю, которые стали менее массивными (рис. 5: 7; 6: 21).

Для детского костюма они еще менее характерны – включены в состав менее 5% уборов детей старше 5-7 лет, а в конце VI– начале VII вв. и вовсе отсутствуют. В целом, в женских уборах с гривнами гривны с коробкой составляют 30%, гривны в двойную петлю – 17% от общего количества находок гривен.

Бляхи нагрудные. Для рассматриваемого периода характерны всего два типа нагрудных блях – среди них так называемые бляхи с крышкой (раскованной иглой – рис. 3: 13, 21, 38). Они – округлые пластинчатые диаметром 15-20 см, с округлым вырезом в центре с приподнятым вокруг него валиком, как правило, с 6 треугольными вырезами вокруг него, на крышках и корпусе – крупные жемчужины, по краю бляхи – 3 ряда мелких жемчужных вдавлений. Самые ранние экземпляры были с ромбовидной крышкой с длинным язычком, поздние – с крышкой округлой формы с ромбовидным язычком. В промежуточных видах крышка была, в целом, шестигранная с различной формы вырезами у петли и язычка. Бытовали с начала V в. и по первую половину VII в.

Бляхи с крышкой, судя по всему, носились подвешенными на тонких веревочках из переплетенных нитей ниже груди. Входили в костюм только замужних женщин (Зеленеев, Шитов, 1979, с. 138; Белоцерковская, 2003, с. 139–154).

Эти украшения-обереги являются продукцией местных мастеров, дальнейшим развитием таких же блях, но без крышек, характерных для более раннего времени. Ранние бляхи отличаются меньшими размерами (8,5–13 см в поперечнике), разным количеством и иной формой геометрических вырезов на корпусе, наличием только относительно крупных жемчужин, расположенных по краю, в основном, в 1-2 ряда, и способом крепления. В центре помещались крупная сюльгама с иглой или приподнятый валик вокруг округлого выреза также с иглой для крепления, на корпусе по кругу – 5-10 треугольных или подтрапециевидных вырезов, разделенных крупными жемчужинами. Пристегивались к платью бронзовой, а чаще железной иглой (рис. 1: 10, 26).

Второй тип – пластинчатые округлые бляхи с двумя взаимно перпендикулярными накладками (с перекрестьем – рис. 1: 47). Как и бляхи с крышкой, подвешивались на веревочках или кожаных ремешках в спиральных пронизях (рис. 6: 53), пропущенных сквозь два небольших отверстия в центре.

Произошли от ранних блях того же вида, которые использовали в составе головных уборов. Именно поэтому в ряде нагрудных блях есть фигурные накладки, характерные для головных блях, и размеры ранних нагрудных блях соответствуют размерам блях головных уборов – 8-12 см. В состав нагрудных украшений стали переходить, вероятно, с первой половины IV в. (Кошибеево, 67С); бытовали по первую половину VII в. (Никитино, 247).[58]

[56] Заречье, 48, 71Б, 95, 119, 183, Кузьминский, 51.

[57] Кораблино, 13, 44, 89, 99, 171; Заречье, 29, 46, 50, 71Б, 144, 183; Никитино, 7аВ, 40, 57, 158, 160, 247; Кузьминский, 42, Борковский, 44.

[58] Ранее я ошибочно полагала, что бляхи с перекрестьем со временем вытесняют бляхи с крышкой (Белоцерковская, 2007, с 197–198).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Ранние экземпляры – все с подвесными кольцами на концах накладок и украшены крупным жемчужным орнаментом, иногда дополненным гравировкой. Расположение и количество рядов жемчужин на плоскости блях и накладок – еще не устоявшееся. Но в V в. подвесные кольца у блях уже отсутствуют, и традиционным становится украшение плоскости и накладок блях тремя рядами мелких жемчужин. В это время диаметр блях варьировал в пределах 12-16 см, а с конца этого столетия и по начало VII в. не превышал 10-12 см. В поздний период в отдельных случаях орнамент блях отличается от канонического: вместо трех рядов жемчужин по краю могут быть два, но в углу каждого сектора помещено по одной крупной жемчужине, либо на плоскости бляхи есть еще и зигзагообразный орнамент, нанесенный мелким ювелирным инструментом.

Из 28 экз., происходящих из современных раскопок, более 60% входили в состав костюмов девочек и девушек в возрасте от 5-7 до 17-20 лет. Остальные принадлежали неопределенной или более старшей возрастной группе 20-25 и 30-35 лет. Костюмные комплексы старшей группы неординарны (см. ниже). Похоже, что бляхи с перекрестьем, в основном, особенно, в IV–V вв., маркировали детский и девичий костюмы, что же касается наличия таких блях у женщин старшего возраста, то это могло быть связано как с их статусом, так и с формированием определенных погребальных традиций.

Подвески-броши нагрудные. В V в. появляются довольно крупные литые ажурные подвески–броши, которые носили либо на груди, либо в области одного из плеч. Такие украшения у окских финнов известны в единичных экземплярах и каждый из них уникален (Белоцерковская, 2012б, с. 120, 121; рис. 2: 8–14). За редким исключением, они представляют собой треугольный щиток-каркас с несколькими кольцами по нижней планке, к которым крепились, иногда при помощи длинных петель-держателей (рис. 7: 8, 9), объемные петельчатые привески. В верхней части щитка – подражание сюльгамам с имитацией проволочной обмотки кольца (рис. 7: 6) или кольцо-держатель (рис.7: 8, 9), отлитые вместе со щитком. Типы щитков представляют собой: ложноплетеный каркас (рис. 7: 8), щиток из волют с ложной зернью (рис. 1: 48) и волюты, вписанные в ложноплетеный каркас (рис. 7: 5, 6, 7, 9).[59]

Орнамент из композиций разнообразно расположенных волют характерен, прежде всего, для треугольных щитков «серег» так называемого позднедьяковского типа из Луковни, Кунцевского, Щербинского, Дьякова и др. городищ; у части из них под волютами находится ложновитая планка (Розенфельдт, 1982, рис.8: 1, 3, 11–14; Кренке, 2011, рис. 68: 173–81, 139: 313–81). Чрезвычайное сходство в приеме оформления щитка подвесок наблюдается также и с экземплярами из более поздних Сарского городища и Михайловского могильника (Горюнова, 1961, рис. 39: 3; 40: 3). И на позднедьяковских, и на мерянских подвесках, как и в Заречье, 216, использован прием ложного зернения.

Похоже, что одним из прототипов окских брошей-подвесок послужили «позднедьяковские» «серьги» с волютами, одна из них найдена и в комплексе IV в. в Заречье, 116. О продолжающихся в V в. контактах окских финнов с москворецким населением свидетельствуют своеобразные концевые литые привески к височным подвескам вида Ж с перекрученным стержнем (Заречье, 164 конца V в.), которые характерны для москворецкого региона (Дьяковская культура, 1974, табл. V: 13; Розенфельдт, 1982, рис. 3: 1, 3–7, 12–17).

Брошь из Кораблино, 18 (рис. 7: 8) напоминает треугольные щитки мелких ажурных литых височных подвесок вида Ж, которые получают распространение примерно с этого же времени.

Треугольная форма ажурных привесок для Средней Оки до этого момента нехарактерна, скорее всего, это привнесенный в местную среду элемент. Что же касается длинных литых с волютами стержней-держателей концевых привесок к брошам, то подобные, напротив, были широко известны в окских древностях предшествующего времени, где составляли часть ажурных застежек головных уборов[60] (Белоцерковская, 1999, рис. 2: 5, 10, 15, 16; 3: 1).[61] Одиночные волюты иногда также размещали между кольцами и по внешнему краю ажурных застежек, но сложных композиций они не составляли. Совмещение в одном изделии треугольного каркаса и композиции из волют, с одной стороны, и держателей

[59] Под волютами подразумевается орнаментальный мотив в виде лежащей буквы S со спирально завернутыми концами.

[60] Борковский, 13,107; Кошибеево, 49С; Кузьминский, 78; Гавердово, 3; Шатрище, 5 (раскопки И.Р. Ахмедова) и др.

[61] Любопытно, что в Заречье, 144 в качестве второй височной подвески был использован такой же стержень с привесками от ажурной застежки (рис. 4: 1).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

привесок с волютами, с другой, привело к появлению гибридных форм окских брошей.

По имеющимся данным нагрудные броши–подвески бытовали в течение одного столетия и украшали как детский, так и женский костюм.

Браслеты, виды которых менялись с развитием культуры и изменением моды, были излюбленным украшением окского населения. Для женского костюма характерны браслеты с несомкнутыми или слегка сведенными концами, формы же с заходящими друг за друга концами происходят только из детских комплексов (рис. 2: 12), когда браслет не изготавливался специально для ребенка, а «взрослая» форма подгонялась под его руку.

Более 80% женских и 60% детских уборов включали первые от 2-3 до 4-6, вторые – 1-2, редко 3-4 браслета; в престижных костюмах количество их возрастает до 8 и более.

В конце IV – начале V вв. изредка использовали пластинчатые браслеты с жемчужным или гравированным орнаментом, широко распространенные в предыдущий период. Но ведущими в V в. стали другие типы этих украшений.

1. Литые дротовые со схематичным изображением головок змеи? на слегка уплощенных концах. Эти браслеты массово изготавливались местными мастерами, появились, широко распространились и не выходили из моды в течение всего V в. Изображения на концах были нескольких видов:

а – с двумя парными треугольными пропилами на длинных сторонах окончаний браслетов, между ними и немного далее на корпусе – подпрямоугольные или трапециевидные регулярные оттиски штампа, имитирующие кожу? змеи (рис. 2: 1);

б – то же, но оба пропила образуют фасетки (рис.2: 2);

в1 – треугольные пропилы или вдавления – одинарные, между ними и далее на тулове регулярные оттиски прямоугольного или трапециевидного штампа (рис. 2: 3);

в2 – то же, но оттиски нерегулярные, несколько смазанные, разнообразной формы – округлые, штриховидные и пр. (рис.2: 4);

г1 – без пропилов, но с регулярными оттисками правильной формы (рис. 2: 5);

г2 – то же, но оттиски нерегулярные и разных форм как в виде в2 (рис. 2: 6);

д – с двойными треугольными пропилами или вдавлениями для обозначения глаз и нерегулярными оттисками, как в предыдущем виде штампа (рис. 2: 7).

Различия в этих изображениях, вероятно, обусловлены, с одной стороны, видом образца, к которому стремился мастер, с другой – уровнем его мастерства или степенью сработанности штампа.

Самым распространенным видом таких украшений из 26 учтенных комплексов[62] были браслеты в1 (14 экз.), в два раза реже встречен вид в2; в 5 комплексах есть виды а и б, реже встречаются виды г1 и г2 (соответственно 3 и 2 раза).

Любопытно, что виды а и б, т.е. с наиболее искусно выполненными изображениями более типичны для первой половины V в., позже они единичны и встречаются, как правило, в неординарных комплексах (мужской комплекс Заречье 28 периода 3С по И.Р. Ахмедову с крестовидной фибулой) (Ахмедов, 2007, табл. 2; схема 3). Надо думать, что хорошо проработанные сложные изображения видов а и б и упрощенные виды в1 и г1 и стали образцами для подражания. Остальные виды в той или иной степени сходства лишь имитируют их.

Судя по отсутствию в окских памятниках более раннего времени явных прототипов подобных браслетов, форма их первоначально могла быть заимствована, но определить источник для подражания пока не представляется возможным. Браслеты с изображениями головок змеи, но с разными типами стилизации и технических приемов их оформления были широко распространены в разные эпохи на широкой территории. Близкие в некоторой степени окским формам браслеты также со штампованным орнаментом известны, например, в памятниках цебельдинской культуры (Воронов, Юшин, 1973, рис. 10: 11).

2. Литые дротовые браслеты с хорошо проработанными рельефными антропо-зооморфными изображениями на концах, бытовали в нескольких видах.

Первый представлен формами с округлым сечением дрота и закругленными концами той же ширины, что и корпус браслета, с изображениями личины с гривой и брыльями (морда льва?) – рис. 2: 12. Входили в состав детских костюмов, один из них – начала V в.[63] Менее удачное изображение, но того же персонажа, есть на браслете из женского костюма в Заречье 183 и в мужском комплексе Кораблино, 42 периода 3В,

[62] Учтены браслеты только могильников Кораблино и Заречье.

[63] Кораблино, 45, Заречье, 87, Ундрих, 53, возможно, Никитино, 176.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

соответствующего среднеевропейской фазе D2 (Ахмедов, 2007, табл.2).

Другой вид – на несколько расширенных по отношению к основной части браслета концах изображение продолговатой личины с волосами (?) в лобной части, на щеках и подбородке, напоминает бородатое мужское лицо (рис. 2: 14). Дрот таких браслетов чаще имеет подромбическое сечение, реже – округлое или линзовидное. Появились на Оке в начале V в. (Кораблино, 83), характерны, особенно подграненные экземпляры, для мужского (Кораблино, 127, Заречье, 206, Шатрище, 85) и престижного женского костюма (Заречье, 95). В Кораблино, 99 при общем стилистическом сходстве волосяной покров на щеках и подбородке изображения отсутствует.

Одновременно с этим в состав престижного, чаще мужского, костюма входили браслеты с более условным антропоморфным изображением (Кораблино, 79, 86 – период 3В по И.Р. Ахмедову), крайне редки они в женском уборе (рис. 2: 13). В это же время появляются варианты и со схематично выполненными изображениями с обозначением глаз, носа и рта (рис. 1: 42).

Как и предыдущие, рассмотренные браслеты использовали в составе мужского, женского и детского костюмов в течение только одного века – V и, может быть, в начале VI в. Первые два вида браслетов этого типа, похоже, импортировали из какого-то развитого ремесленного центра, скорее всего, южного. Любопытно, что в Кораблино, 83 они найдены вместе с привозной бронзовой цепочкой из мелких колец (рис.7: 21). На Оке браслетов с подобным оформлением концов сравнительно немного (Кравченко, 1974, рис.17: 11), а изобразительные мотивы, да и уровень исполнения нехарактерны для местного населения. На ближайших соседних территориях такие браслеты неизвестны, но подобные есть в захоронениях Цибилиума 1, 2 (Воронов, 2003, рис. 4: 25, 26; 198: 7, 8).

Есть и другие антропо-зооморфные изображения на концах браслетов этого времени, но они единичны (рис. 7: 14, 17). Браслет, аналогичный форме из Кораблино, 41 (рис. 7: 18), происходит из погр. 60 могильника Шатрище (Кравченко, 1974, рис. 17: 3).

3. Литые массивные круглодротовые с утолщенными раструбообразными концами округлого или овального сечения, с гравированным орнаментом браслеты первоначально использовали только в мужских комплексах, затем их стали включать в определенные типы женского костюма (рис. 4: 25, 28). Известны на памятниках разных культур на широкой территории (Белоцерковская, 2007, с. 195). Полагают, что такие формы представляют собой неотъемлемый атрибут воинской моды V в. и восходят к германским «королевским» золотым браслетам (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 176).

4. Очень редким видом являются многовитковые спиральные браслеты, они входили в состав только престижных костюмов, начиная с периода 2б, т.е. с конца IV – начала V в. Наиболее поздние относятся к началу VII в. Происходят из погр. 69 в Кузминском могильнике и Никитино, 7аВ периода 2б, Заречья, 119 начала–первой половины VII в. и сборов В.И. Зубкова на территории Борковского могильника (Зубков, 1950). В Заречье, 119 они – в 9 оборотов, изготовлены из трехгранной проволоки, на концах она– плоская в сечении (рис. 6: 48, 58). На одном конце пластина сужена и завернута в петлю, сквозь которую пропущено литое кольцо. На другом – узкая пластина образует крючок. Высота таких браслетов – 10 см. Того же типа браслеты, но в 15 оборотов, найдены в погр. 69 Кузминского могильника.

Браслеты, изготовленные по той же технологии, и такой же формы также в единичных экземплярах известны и на сопредельных территориях – в частности, в Безводнинском могильнике (Краснов. 1980, рис. 38: 18).

5. Изредка в V–VI вв. встречаются круглодротовые браслеты с обрубленными слегка утолщенными концами и нарезным орнаментом «в елочку» (рис.1: 11). Такие формы с одинаковой по всему корпусу толщиной дрота либо со слегка утолщенными концами с тем же орнаментом, либо в виде поперечных нарезок известны в памятниках разных культур на широкой территории. Они есть в комплексах V–VI вв. Армиевского могильника (Рыков, 1930, рис. 79; с. 38), в погребениях IV в. в Цебельде (Гей, Бажан, 1997, табл. 12: 1; 23; Воронов, 2003, рис. 155: 16); схожие формы с орнаментом «в елочку», иногда также на немного утолщенных концах, происходят из алано-болгарского могильника у станицы Старокорсунской на Кубани (Каминский, 1987, рис. 1: 34, 35; 3: 17; 4: 42; 6: 19).

Специально изготавливавшиеся детские браслеты просты – из дрота сегментовидного, полуовального или подчетырехугольного сечения с обрубленными концами, иногда украшенными насечкой (рис. 1: 40). Временами один конец обрублен, другой, орнаментированный,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

уплощен (рис. 1: 53) и т.д. Но детских браслетов сравнительно немного, часто при погребении детей использовали изделия для взрослых людей, даже не всегда подгоняя их по размеру.

Повязки нарукавные. Как правило, парные, наборные – из 3-4 рядов узких ремешков в спиральных пронизях, 2-4 пластинчатых прямоугольных обойм, пряжки и 1-2 наконечников ремней; изредка входили в состав нестандартного женского костюма в течение всего рассматриваемого периода (рис. 3: 37). С V в. их стали включать в костюм замужних женщин с бляхами с крышкой[64] и, возможно, совершеннолетних девушек (Кораблино, 18), а также женщин с неопределенным статусом, но по составу костюма – взрослых (Кузьминский, 30, Борковский, 26).

Что касается детских костюмов, то очень редко, возможно, в качестве нарукавного украшения использовались повязки с несколькими бусинами.[65]

Перстни. Для рязано-окского населения всех периодов бытования культуры типичен один вид перстней – многовитковые спиральные, сначала из круглой, а затем из трехгранной в сечении проволоки (рис. 3: 8, 19, 39). Наиболее характерны для женского костюма, где их носили на обеих руках; в каждом уборе могло быть от одного-двух – до 11 перстней, и в среднем на один убор приходится 4,75 экз. Известны очень редкие случаи помещения перстней на пальцы ног и на гривны. Без перстней были погребены менее 2% женщин.

В детский костюм включали от 2 до 7 перстней, в среднем 3,2 экз. Около 30% детей были погребены без перстней (либо они не сохранились).

В отдельных уборах перстни были с парными трапециевидными привесками на проволочных очковидных держателях, пропущенных через пару колечек, образованных концами проволоки. Их включали в женские уборы с V по первую половину VII в., а, начиная с середины – второй половины V в., могли использовать и конические, свернутые из трапециевидных пластин, беспетельчатые привески. Оба вида привесок к спиральным перстням были небольших размеров (рис. 3: 28, 31).

Очень редки и только в женском костюме V в. известны литые широкие ажурные с двумя-тремя кольцами для крепления трех небольших петельчатых объемных привесок перстни – рис. 7: 3 (Белоцерковская, 2012б, рис.1: 8; 2: 5, 6).[66] Подобные формы, но с другими привесками, есть в более поздних мерянских, муромских и мордовских древностях (Спицын, 1901, табл. XXVII: 7; Голубева, 1987, табл. XXXV: 5; Розенфельдт, 1982, рис. 21: 9, 11–13). Еще более редки гладкие довольно широкие пластинчатые перстни из серебра (Кораблино, 28), являвшиеся, похоже, предметами импорта (рис. 3: 3). Именно в этом комплексе была подвеска в виде пирамидального колокольчика.

Пояса. Женское платье окских финнов, вероятно, с начального этапа бытования культуры повязывалось поясом, на концы которого помещали различные бронзовые бляхи и привески. Уже на раннем кошибеевском этапе в части комплексов у пояса находились парные спиральные диаметром 0,9-1 см пронизи, свернутые из круглой в сечении проволоки.[67] Более сложные украшения поясных кистей из крупных блях или мелких бляшек, пронизей, наконечников ремней есть и в других погребениях Кошибеево (12С, 69С, 88С и др.). Традиция ношения поясов с металлическими украшениями на концах, очевидно, ведется еще со времен Андреевского кургана, где у девушки из погр. 39 (Степанов, 1980, с. 20, табл. 23: 11, 19–20) от пояса и лежащей ниже бляхи спускались нити с обоймами и тремя «лапчатыми» привесками. П.Д. Степанов считал это украшение накосником, но его местоположение указывает на иную роль этой детали убора. Было бы заманчиво полагать, что совмещение в одном украшении бляхи (бляшки) – пронизи и привесок к ней и дало систему более поздних украшений поясных кистей.

В рассматриваемый период поясные украшения прослеживаются редко, выделяясь по наличию привесок и/или расшивки мелкими бляшками в области пояса и бедер погребенных.

Наиболее четко определяются парные поясные кисти, украшенные нашитыми на них или нанизанными округлыми литыми пронизями с концевыми привесками (рис. 5: 16). Они, как правило, спускаются от пояса вниз между бедренными костями. В полном комплекте каждая из двух кистей состоит из трех небольших пронизей с двумя привесками каждая, располо-

[64] Кораблино 16, Заречье 48,140, 194, Шатрище 15, Никитино16В.

[65] Кораблино 23, Заречье 44.

[66] Кораблино 18, 120, Никитино 114, Кузьминский 50, Курман 42.

[67] Кошибеево 40, 92 (раскопки В.Н. Глазова), 42С, 50С, 59С; Заречье 61 – в пределах III – первой половины IV вв.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

женными друг под другом через относительно равные промежутки, и одной крупной пронизи с тремя-четырьмя привесками, завершающей кисть снизу. Но в ряде случаев небольших пронизей в составе одной кисти всего 1-2 (Белоцерковская, 2012в).

Оформление поясов литыми пронизями с привесками, очевидно, более характерно для детских и подростковых костюмов V в.[68] Три таких комплекта найдены в составе престижных женских уборов, включавших явно пережившие свое время элементы[69] (Белоцерковская, 2012 в).

Итак, комплекс женского убора V в. совершенно определенно развивается на традиционной для окских финнов основе. По схеме, сложившейся на местной почве, и из привычных же деталей изготавливали наборные украшения. Традиционно использовали нагрудные бляхи с перекрестьем и импортные стеклянные бусы печеночно-красного цвета, а также литые объемные беспетельчатые и с петлей привески. Некоторые появившиеся на Оке ранее виды украшений прочно вошли в состав женского убора и продолжили дальнейшее развитие – концевые литые трехлопастные и пластинчатые лопастные привески к накосникам. Широчайшее распространение в женском уборе получили также появившиеся раньше трапециевидные привески. На основе местной формы нагрудных блях возникли бляхи с крышкой.

Но наряду с этим возникает и широко распространяется традиция включения в бусинные ожерелья металлических деталей с привесками, а также дополнительного украшения ворота платья пластинчатыми привесками; одной из ведущих форм гривен становятся гривны с коробкой; из мужского в женский костюм переходят гривны в двойную петлю, прототипы обоих видов – в европейских памятниках. В составе височных и накосных украшений, скорее всего, как реплика на инокультурные изделия появляются треугольные литые ажурные подвески с концевыми привесками. Возможно, получив некий импульс извне, в среде окских финнов массовое распространение получают дротовые браслеты со штампованными изображениями на концах, и несколько реже – трехрогие привески-лунницы, венчики-ожерелья, литые ажурные перстни и нагрудные броши с привесками.

Появление этих украшений на Оке, скорее всего, было изначально обусловлено мощным культурным влиянием групп населения, с которыми окские финны взаимодействовали в эпоху Великого переселения народов. Одной из таких групп, несомненно, было черняховское население, благодаря которому в женский убор конца IV–V в. входили ведерковидные и умбоновидная подвески, пельтовидные лунницы, маленькие подвязные фибулы; под влиянием черняховских форм у окских финнов выработалась местная серия крупных подвязных фибул как в Заречье, 213 (рис. 1: 21). В окских древностях IV в. количество черняховских украшений было значительно большим, а ассортимент их – шире (Белоцерковская, 2012а).

С другой стороны, браслет в Заречье, 77, аналогичный происходящему с поселения Ульяновка киевской культуры, может указывать на существование в конце IV– начале V в. и определенных связей между окскими финнами и населением позднего этапа киевской культуры. О существовании таких связей во второй половине IV в. свидетельствуют находки круглой бронзовой фибулы–броши с напаянными рельефными дисками и прорезями разных форм в Заречье, 174 и очень похожего на нее экземпляра из уже упомянутого комплекса 222 периода 2б могильника Борок 2. Г.Ф. Корзухина подобные изделия относила к типу круглых ажурных с фестончатым краем фибул–брошей (Корзухина, 1978, с. 32, 33). Несмотря на отсутствие эмалей, их включают в круг изделий с восточноевропейскими эмалями (Фролов, 1974; Корзухина, 1978; Гороховский, 1988) – подробнее см.: (Белоцерковская, в печати). Полагают, что предметы третьей стадии развития стиля восточноевропейских варварских эмалей, распространение которых связывают с киевской культурой, продолжали бытовать вплоть до гуннского времени (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 123–124).

На одном из поселений третьего этапа развития (не ранее второй половины-третьей четверти IV в. (Обломский, 2007, с. 42) киевской культуры – Каменево 2 – найдена трапециевидная привеска без орнамента меньших, нежели в комплексах с вещами с эмалями, размеров (Обломский, Радюш, 2007, с. 37, рис. 95: 8), но аналогичная окским украшениям того же типа. Однако для

[68] Заречье, 36, 195А, Никитино, 7аВ, 57, 88, Ундрих, 53.

[69] Никитино, 80 – головной убор с бляхой, ажурной застежкой с привесками, налобным венчиком и небольшой затылочной кистью с коробчатыми привесками; Старокадомский, 7 – налобный венчик и маленькая затылочная кисть с такими же привесками; Шатрище, 110 – имитации спиральных многовитковых браслетов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

киевской культуры подобные привески не являются массовыми находками, нехарактерны они и для черняховской культуры, с носителями которой у окских финнов были тесные связи. Тем не менее, представители обеих культур в равной степени могли быть тем передаточным звеном, благодаря которому трапециевидные привески попали в поле зрения среднеокского населения.

Литые браслеты с хорошо проработанными антропо-зооморфными изображениями вида 2 на концах, как и массивные с сильно утолщенными концами появились на Оке в качестве импорта и сначала, возможно, в составе мужского костюма. Традиция ношения воинского браслета, как и престижных золотых гривен с медальонами со вставками – прообраза окских гривен с коробкой, была характерна для разных групп европейского населения (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 176; Ахмедов, 2007, с. 145–146). Надо думать, что контакты окских финнов не ограничивались связями с москворецким, черняховским и киевским населением, а были многообразнее, что особенно ярко отражено в мужском инвентаре (Ахмедов, 2007, 2010а и др.).

Женский костюм V в. в сравнении с более поздним временем отличается наибольшим разнообразием деталей и количеством входивших в его состав видов украшений. Различные шейные украшения, в том числе и гривны, височные привески, накосники, затылочные кисти, браслеты, броши – все в целом создает впечатление красочности, богатства и парадности убора. Идея использования многочисленных шейных и, возможно, каких-то иных украшений могла быть воспринята окскими финнами под воздействием населения, испытывавшего, как полагают, в эпоху переселения народов сильное влияние средиземноморской моды (Мастыкова, 2005). Очевидно, оно же стало проводником массово распространившегося в этот период на Оке обычая аппликации одежды мелкими полусферическими бляшками из сплава на основе олова – манжет рукавов, области груди и плеч, подола – и головных уборов. Судя по элементам причерноморско-северокавказского происхождения в воинской культуре окских финнов V в. (Ахмедов, Белоцерковская, 2007, с. 274), население этих регионов могло быть одним из передаточных звеньев новой моды.

Участие рязано-окских финнов в процессах эпохи переселения народов повлияло не только на общий облик женского костюма, но и на формирование комплекса признаков, отличавших престижные уборы от рядовых. Появление подобных маркеров связано, очевидно, с процессами социальной стратификации в среде окского населения этого времени, катализатором которого и послужили, вероятно, контакты с инокультурными группами населения. Анализ мужского погребального инвентаря позволяет полагать, что в гуннский период «рязано-окские финны не просто заимствовали внешние признаки социальной иерархии…, они могли находиться в непосредственном контакте с носителями этой системы маркеров, были включены в политические процессы, происходившие в восточной части гуннской державы…» (Ахмедов, 2010а, с. 109).

И.Р. Ахмедов, исследуя на материалах могильника Никитино стратификацию окского населения V в., в качестве маркеров высокого социального положения погребенных выделил отдельные категории и виды мужского инвентаря. При определении менее престижных групп он применил метод анализа нарастания количества составных элементов инвентаря. Механизм формирования традиционного женского костюма в силу многофункциональности отдельных его частей был, конечно, более сложным. Этнографический костюмный комплекс мордвы, например, на протяжении жизни женщины многократно менялся в зависимости от возраста и социальной принадлежности его владелицы: от одного года, от трех лет, от 7-8 лет, от 16-17 лет и далее – от свадебного костюма, который был наиболее богатым и тожественным, до убора замужней женщины и, наконец, костюма женщины старше 40 лет (Корнишина, 2002; Мордовский народный…,1990, с. 32–97). Тем не менее, по мере взросления обладательниц традиционных уборов прослеживается тенденция к постепенному увеличению количества составлявших костюм деталей и элементов, достигавших своего максимума в свадебном уборе, и уменьшению их числа при выходе женщины из репродуктивного возраста.

Точное соотнесение археологически выделенных наборов женского костюма с определенной возрастной и социальной группой их носителей невозможно. Но такая попытка может быть предпринята, тем более, что к концу IV – началу V в., похоже, уже происходит оформление набора украшений, маркирующих разные социо-возрастные группы, в частности, замужних женщин и детей.

Часть элементов детского (девичьего) костюма этого времени аналогична женским, но, как

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

уже было отмечено, далеко не всегда. Детские комплексы выделены нами по размерам могильных ям, имеющимся возрастным определениям по состоянию зубной системы, присутствию браслетов с заходящими концами и перстней малого диаметра. При совстречаемости одного или нескольких из указанных признаков в одном комплексе выяснено, что *височные кольца* с трапециевидными привесками (вид А), а также в большинстве своем *нагрудные бляхи с перекрестьем, поясные украшения в виде круглых пронизей с привесками* присущи, в основном, детскому или девичьему костюму. В IV в. короткие затылочные кисти с литыми объемными и пластинчатыми привесками, как и налобные венчики с подвесными кольцами также были характерны, как правило, для детского костюма (Белоцерковская, 2012в). По содержанию отдельных категорий украшений комплексы детского костюма V в. распадаются на 4 группы[70] (табл. 1).

Предварительно следует отметить, что около 77% детских костюмов V в. сопровождались браслетами. Набор их примерно тот же, что и в женском костюме, но есть и специфически детские браслеты с обрубленными концами. Наиболее распространены змеиноголовые браслеты с хорошо проработанными изображениями видов а и в, но в 4-х из 20 учтенных комплексов присутствовали браслеты с антропо-зооморфными рельефными изображениями первого вида. В Заречье 87 был целый комплект из 4 таких браслетов (Белоцерковская, 2012в, рис.1: 10, 13, 14).

В уборах каждой группы изредка встречаются лунницы (в среднем по 0,2 экз. на костюм), а в группах 2–4 – венчики-ожерелья с привесками – в среднем по 0,13 экз. Детские ожерелья, в основном, состояли из бус, лишь изредка дополнявшихся отдельными бронзовыми привесками и, еще реже – литыми пронизями с привесками.

В большинстве случаев детский костюм группы 1 (7 комплектов) содержал лишь элементы ожерелий, 1-2 перстня и браслет. В качестве височных украшений использованы, в основном, кольца с трапециевидными привесками (вид А). В среднем в этой группе уборов приходится по 1,6 браслета и 2 перстня на один костюм. Браслеты, как правило, змеиноголовые и в виде исключения – с антропо-зооморфными рельефными изображениями. Определимый возраст их носителей – от младенческого до 10 лет.

Типичным для этой группы является набор украшений из Кораблино, 84 – с височными привесками вида А, 4-мя браслетами, лунницей и трапециевидными привесками в области ворота (рис. 1: 37–43).

Следующая группа 2 из 7 комплексов наряду с указанными выше элементами включает по *одной гривне* (за исключением двух уборов) и чаще, чем в предыдущей группе, височные украшения, но уже видов А и В. На один убор здесь приходится по 0,7 гривны, 1 браслету и 0,4 перстня. Среди браслетов – как змеиноголовые, так и с хорошо проработанными антропо-зооморфными изображениями. Возраст детей – от младенческого до 6-7 лет.

Костюм этого вида из Кораблино, 45 сопровождали гривна, 2 браслета и перстень (рис. 1: 44–46). Платье на груди было расшито мелкими бляшками.

Группу 3 (6 комплектов) детского костюма наряду с указанными выше категориями определяет наличие в *каждом* уборе *нагрудной бляхи с перекрестьем* и браслетов. Почти во всех комплектах – одна гривна, несколько реже встречены височные украшения (в основном, вида В). На один убор здесь приходится по 1 гривне, 2,6 браслета и 2,3 перстня. Среди браслетов – как змеиноголовые, так и с великолепно выполненными рельефными антропо-зооморфными изображениями. Возраст носителей – от 6-7 до 17-20 лет (исключение – Никитино, 117 – 1-1,5 года).

У девочки 7-8 лет из Заречья, 216 в составе костюма – височные привески вида В, ожерелье из стеклянных бус, литых пронизей с привесками и обойм с подвесными кольцами, на груди – бляха с перекрестьем и нагрудная привеска-брошь, на руках – браслет и перстень (рис. 1: 47–54).

В следующей группе 4 из 6 комплектов *все уборы* (за исключение двух) – *с поясными кистями с литыми пронизями* и браслетами, большинство – с гривнами, в трех случаях – с двумя, с височными привесками, бляхами с перекрестьем и перстнями. В двух костюмах – височные привески двухсоставные видов Д и Е. На один убор приходится по 1,3 гривны, 2,5 браслета и 2,8 перстня. Определимый возраст обладателей таких уборов – от 6-7 до 17-20 лет.

Наиболее полный комплект украшений представлен в двух погребениях – 195А в Заречье

[70] Анализируемые комплексы отвечают требованиям достаточно полной археологической сохранности при их исследовании и наличия в их составе соответствующих рассматриваемому периоду хроноиндикаторов. Костюмы переходного периода – конца IV – начала V в. – здесь не рассматриваются.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(около 15-17 лет) и 127 в Никитино (17-20 лет). В первом уборе – 2 гривны, одна из них с *коробкой* с рельефными ободками вокруг жемчужин, поясные кисти с бронзовыми пронизями, височные привески, нагрудная бляха с перекрестьем, ожерелье, 2 браслета, 5 перстней. Этот костюм отличает еще и любопытная конструкция височных украшений – они вида В, но к кольцу каждого из них присоединено еще и височное кольцо вида А с пластинчатой привеской.

Примечательно, что на плечах девушки лежали по 2 крупные объемные литые подвески без петель, подвешенные на лентах (подобные – в затылочных кистях и накосниках у замужних женщин). Такие же парные привески были и у девушки из Никитино, 127. Возможно, они маркировали костюм девушек, достигших совершеннолетия.[71] Сочетание височных привесок двух видов – «детского» А и В в Заречье, 195А – служило, вероятно, той же цели.

Наряд девушки из Никитино 127 включал ожерелье с бронзовыми пронизями, венчик–ожерелье, височные привески или накосники из трапециевидной пластины с коническими пластинчатыми концевыми привесками (вид Е), гривну, нагрудную бляху с перекрестьем, 3 браслета, 6 перстней и крупные литые привески без петель.

В обоих случаях представлен практически полный набор известных на этот период украшений детского костюма, дополненный элементами, возможно, отражавшими статус уже не девочки-подростка, а совершеннолетней девушки на пороге замужества – крупными литыми привесками, гривной с коробкой.

Уникален скромный, в целом, костюм девочки из Кораблино, 4, включавший височные привески вида А, тонкую проволочную гривну, 3 лунницы, 3 браслета, 2 перстня (рис. 1: 55–62). Выделяет его наличие крестовидной фибулы, которые в V в. были атрибутом, прежде всего, мужского костюма группы населения с высоким социальным статусом (Ахмедов, Белоцерковская, 1998б, с. 107–110, 119–120; Ахмедов, 2010а). Находка крестовидной фибулы в погребении девочки – пока единственная в памятниках рязано-окских финнов. Включение ее в убор ребенка может быть обусловлено только определенными особенностями механизма передачи властных функций, когда лидерство в коллективе вместе с олицетворяющими его предметами в ряде случаев могло передаваться от мужа к жене и наследникам, в том числе к сыну или дочери, т.е. оставаться в рамках одной семьи (Ахмедов, 2010а, с. 104–105).

Несмотря на скромную источниковую базу, можно полагать, что некоторые виды украшений маркировали костюм, прежде всего, определенной возрастной группы девочек.

В традиционный набор детского костюма V в. до 6-7– летнего возраста его носителя входили бусинные ожерелья, височные привески, перстни и браслеты (группа 1), но для детей младенческого возраста, как, собственно, и более старшего, подобная полнота комплекса была не обязательна. Гривны уже с младенческого возраста могли сопровождать детский костюм, но далеко не каждый, в 39% комплексов они отсутствовали. Бляхи с перекрестьем, как и височные привески вида В, начинали включать в состав уборов обычно не ранее 6-7 летнего возраста. За очень редким исключением они обязательно сочетались с гривнами.[72]

Вероятно, подростковый возраст длился примерно до 15-17 лет, когда в убор девушки могли включать уже и крупные литые беспетельчатые подвески, и гривны с коробкой. С этой точки зрения представляет интерес тот факт, что мордовские девушки, например, выдавались замуж относительно поздно – в возрасте около 20 лет (Майнов, 1885, с. 28, 54).

С некоторой степенью вероятности можно предположить, что ряд элементов костюма отражал не только возраст, но и социальное положение семьи ребенка. К ним, в первую очередь, относится нагрудная бляха с перекрестьем – ее включают в убор, только начиная с группы 3. Похоже, что появление в костюме девочек неординарных, редко встречаемых в это время украшений, например, броши–подвески в Заречье, 216 (рис. 1: 48) или импортных, прекрасно выполненных браслетов в Заречье, 87 (рис. 2: 12) также повышало статус их владельцев.

[71] Чтобы не возвращаться к этому вопросу, надо заметить, что и позже, в VI – начале VII вв. эта традиция не прекращалась. Так в девичьем уборе в Заречье, 13 6 объемных беспетельчатых привесок найдены в районе левого плеча; в погр. 46 того же памятника они выявлены, лежащими по 3 экземпляра в два яруса на груди слева, в Кораблино, 35 по 3 такие привески найдены на обеих сторонах груди. В более сложном уборе в Заречье, 119 они также представлены (см. ниже).

[72] В том числе и в не рассматриваемых здесь комплексах IV–V вв. – Кошибеево, 7С, 8С, 27С, 70С, Гавердово,. 23; Шатрище, 4, 38; Кузьминский, 20, 36, 66, 69, 90; Никитино, 69.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Включение в состав детских (девичьих) костюмов, наряду с бляхой с перекрестьем и/или предметами импорта (пирамидальный колокольчик в Никитино 57), поясных кистей с литыми пронизями с привесками или гривны с коробкой свидетельствует уже о более высоком положении их владелиц (группа 4). В этот ряд костюмных комплексов входят как, вероятно, праздничные наряды взрослых девушек, так и престижные комплекты одежды девочек младшего возраста, но не ранее 6-7 лет (Белоцерковская, 2012в).

Однако наиболее высоким социальным статусом, бесспорно, обладала девочка с крестовидной фибулой из Кораблино, 4.

Таким образом, детский костюмный комплекс V в., в первую очередь, отражал возрастную принадлежность его владельца, но крестовидные фибулы, гривны с коробкой и поясные кисти с литыми пронизями, а также нагрудные бляхи с перекрестьем можно рассматривать и в качестве маркеров более высокого социального статуса семьи ребенка.

Убор взрослых женщин V в.,[73] специфическими признаками которого можно считать наличие накосников, нагрудных блях с крышкой и затылочных кистей, по нарастанию в его составе количества элементов-признаков распался на 4 условные группы. В выборку включено 36 комплексов, отвечающих тем же требованиям, что и рассмотренные выше детские (табл. 2).

Группу 1 (8 комплексов) объединяет наличие накосников, височных привесок, одной гривны, 1-4 браслетов и 1-8 перстней в наборе. Но в полном комплекте они есть не в каждом костюме. В среднем на один убор приходится по 0,8 гривны, 1,6 браслета и 3 перстня. В этой группе – всего один убор с гривной с коробкой.[74] В половине комплектов в качестве шейных украшений использованы венчики–ожерелья, в составе бусинных ожерелий очень редки отдельные металлические пронизи с привесками. Лунницы отсутствуют. Определимый возраст обладателей такого костюма – от 25 лет и старше.

В группе 2 (11 комплексов) уже в каждом уборе есть *накосники* и нагрудные бляхи с крышкой. Но полный комплект, состоявший, в том числе и из височных украшений, гривны, 2-4 браслетов и 1-6 перстней, сопровождал не каждый костюм. В среднем на один убор приходится 0,5 гривны, 2,5 браслетов и 2,7 перстня. Гривны с коробкой здесь отсутствуют. В качестве шейных украшений появляются лунницы, а венчики-ожерелья используют несколько реже, чем в предыдущей группе. Бронзовые пронизи в составе бусинных ожерелий практически отсутствуют.

В следующей группе 3 (11 комплексов) – тот же набор, что и в предыдущей, но как обязательный элемент выступают *гривны с коробкой*, а височные привески, гривны других форм, накосники, нагрудные бляхи, браслеты и перстни сопровождают почти каждый костюм. В трети уборов появляются *длинные затылочные кисти* (рис. 4: 10). Гривны используют по одной, но в двух уборах их 2 и 3; количество браслетов – от 2 до 6. В среднем на один костюм приходится 1,2 гривны, 2,9 браслета и 4,3 перстня. Размеры коробок гривен от 5,4 до 7 см, декор в половине случаев простой (виды В, Г) (Белоцерковская, 2010а), но в трех экземплярах – это виды А и Б с рельефными ободками вокруг жемчужин. В трети комплектов есть лунницы, в половине – венчики-ожерелья. В одном уборе отсутствует гривна с коробкой, но вместо нее включены 2 гривны в двойную петлю. В трех комплектах встречены *нарукавные повязки*; есть и *импортные украшения* (ведерковидные привески). Нагрудная бляха с крышкой отсутствует в комплексе одновременного парного погребения женщины и мужчины (Заречье, 223), что, вероятно, и сделало ее присутствие излишним. Выделяется убор из Кораблино, 18 – с височными привесками и накосниками усложненных форм, нарукавными повязками, треугольной брошью, литым ажурным перстнем с привесками и крупной серебряной бусиной (рис. 7: 1–4, 8), но без гривны и нагрудной бляхи. Этот престижный костюм мог принадлежать либо погибшей девушке–невесте (накосники могли включить в костюм для совершения обряда свадьбы во время похорон, отмечая еще не прожитый девушкой этап) (Павлова, 2008, с. 113), либо молоденькой

[73] Здесь не рассматриваются комплексы, обладающие признаками переходного характера – периодов 2б и первых десятилетий (?) VI в., когда происходят существенные изменения в типах погребального инвентаря. Но отдельные комплекты, синхронизируемые с периодом D3 хронологии европейских древностей по Я. Тейралу (Ахмедов, 2007, таблица 2, с. 148), как наиболее ярко характеризующие достижения V в. (Заречье, 71Б, 95, Кузьминский, 50), учтены.

[74] Отнесение комплекса Заречье, 29 с гривной с коробкой к этой группе условно – этот убор без классических височных украшений, но с привесками вида Е на недлинных ремешках, возможно, маркировал статус девушки. В Кораблино 13 отсутствовали накосные и височные украшения, но яма по параметрам – как у взрослых женщин. Однако браслеты – с почти сомкнутыми концами, возможно, здесь захоронена была девушка-подросток.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

женщине, похороненной вместе с мужем (Белоцерковская, 2010б).

В этой группе в половине уборов в состав ожерелий включены бронзовые *пронизи с привесками* и отдельные привески; помимо браслетов со штампованным орнаментом встречаются формы с сильно утолщенными концами (Заречье, 48) и с антропо-зооморфными изображениями.[75] Только здесь есть спиральные *перстни с привесками*. Определимый возраст женщин с таким набором украшений менее 25 лет и старше.

Группу 4 (6 погребений) определяет наличие в обязательном порядке *двух гривен*[76] (одна из них – с коробкой), височных привесок, накосников, браслетов, перстней, блях с крышкой и *крестовидных фибул*. Размеры коробок гривен те же, что и в предыдущем наборе, но орнамент, в основном, сложных видов А и Б. Анализ распределения гривен с коробкой в девичьих и женских уборах подтверждает мнение об использовании их в качестве маркеров соответствующего статуса владелицы. Очевидно, их включали в состав костюма *при переходе от подросткового возраста*, но только при достаточно высоком положении в обществе семьи девушки. Виды А и Б орнаментации гривен характерны, как правило, для престижного женского костюма (Белоцерковская, 2010а, табл. 5). В половине уборов есть длинные затылочные кисти, ожерелья с металлическими деталями и венчики-ожерелья.

В каждом костюме – от 4 до 8 браслетов и от 3 до 11 перстней. В среднем на один убор приходится 1,3 гривны; 4,5 браслета и 5,6 перстня. Определимый возраст погребенных – от 15-20 до 45 лет.

Ожерелья из бус характерны практически для всех женских костюмов, в третьей их части они дополнены различными бронзовыми привесками, литыми пронизями и пр. Но лунницы есть, в основном, в группах 2-4, где в среднем приходится по 0,2 экз. на убор, а венчики–ожерелья встречены, примерно, в 44% комплексов во всех группах костюма. Любопытно распределение разных видов браслетов между выделенными группами женских уборов. Если в группе 1 браслеты, в основном, массового типа со схематичным изображением головок змеи видов а и б, то наряду с такими же, в группе 2 появляются экземпляры с рельефными литыми, но несколько небрежными антропо-зооморфными изображениями (рис. 3: 20). В следующей, третьей, группе уборов количество экземпляров с очень хорошо проработанными антропо-зооморфными изображениями возрастает, появляются браслеты с сильно утолщенными концами без орнамента (рис. 3: 43). Группа 4 включает указанные выше формы браслетов и наряду с ними – очень массивные с сильно утолщенными концами с гравированным орнаментом и гладкие (рис. 34: 25. 28), а также подграненные с антропо-зооморфными изображениями вида 2 (рис. 2: 14).

Возрастные характеристики обладательниц всех групп уборов примерно одинаковы. Но на этом фоне совершенно ясно, что наиболее полными по составу являются костюмы замужних женщин, возможно, начиная с группы 2, что свидетельствует об их более высоком статусе, в то время как группа 1 объединяет наиболее скромные по числу украшений уборы женщин.

Самым престижным является костюм женщин группы 4, на что указывает наличие крестовидных фибул, определяющих высокий статус их владельцев. Такие фибулы в Никитино маркировали мужской убор группы 3 – по И.Р. Ахмедову, лидеров, «вождей» коллективов. Включение предметов подобного ранга в женский костюм, очевидно, могло подчеркивать близкородственные связи их носителей с «элитой» коллективов окских финнов (Ахмедов, 2010а, с. 102–103).

В этом уборе присутствовал почти полный набор элементов костюма этого времени, а в части его – еще и удвоенный (2 гривны; шейные ожерелья разных видов, множество браслетов). Судя по всему, костюм женщины с высоким положением в обществе включал все необходимые категории украшений и в большем, нежели рядовом уборе, количестве, а в ряде случаев – и редкие типы гривен. Такая гривна – в погр. 50 Кузьминского могильника, она массивная с утолщением в средней части, орнаментированным вытянутыми ромбическими фасетками со сглаженными гранями, подобна известной гривне из Мамекино (Корзухина, 1978, табл. 3: 4). Схожие формы происходят также из памятников бассейна Дуная, Галлии периодов D2, D2/D3-D3, а с фасетированной поверхностью – из кладов Латвии и Эстонии этого времени (Ахмедов, 2007, с. 148). Высокий статус обладательниц костюмов этой группы подчеркивали и крупные размеры коробок гривен, и наличие на них усложненного декора в виде жемчужин с рельефными ободками.

[75] Заречье, 34, 183, 223Б, Кораблино, 48.

[76] Исключения – Заречье, 95 и Кузьминский, 50 – с одной гривной.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Надо заметить, что в этой группе в составе одного костюма наблюдается наибольшее разнообразие форм браслетов – до 3 видов: из змеиноголовых – с хорошо проработанными изображениями б, в1; в двух комплексах – изначально мужские массивные браслеты с сильно утолщенными гравированными концами (Заречье, 71Б, 95) и в двух – с четко выполненными антропо-зооморфными изображениями. Включение в состав женского костюма типично «мужских» форм браслетов, очевидно, также повышало социальный статус женщины.

Все уборы группы 4 принадлежали замужним женщинам, что согласуется с обычаем, например, позднейшей мордвы считать полностью правоспособными только женщин, доказавших свою половую зрелость (Майнов, 1885, с. 165).

Показательным для этой группы является комплекс Заречье, 71Б (рис. 4: 13-29) с крестовидной фибулой, височными подвесками вида Е, пятилопастными привесками к накосникам, лунницей, ожерельем из стеклянных бус, пронизей с объемными привесками и лома бронзовых изделий; бляхой с крышкой, двумя гривнами (одна – с коробкой); пятью браслетами (2 – с сильно утолщенными концами) и 11 перстнями. Помимо платья на погребенной была надета кофта, спускавшаяся немного ниже пояса, расшитая по низу рядами округлых мелких бляшек из сплава на основе олова. О многослойности одежды свидетельствует также большое количество застежек-сюльгам.

Высокий статус женщины подчеркнут и редким для окских финнов обрядом дозахоронения ее в общую с умершим ранее мужем (?) могилу. В мужском инвентаре были меч, браслет, гривна и крестовидная фибула.

Очевидно, несколько ниже рангом стояли обладательницы уборов группы 3, у которых фибула отсутствует. Костюм этой группы, вероятно, принадлежал замужним женщинам также с особым статусом, но не столь высоким, как у предыдущей. Наличие гривны с коробкой у замужней женщины, на наш взгляд, свидетельствует о неординарном положении в обществе семьи ее мужа, что подчеркнуто и сложным декором коробок (Белоцерковская, 2010а). В костюмах этой группы также не менее 2–3 видов браслетов. Интересно, что венчики-ожерелья включают в состав шейных украшений *вместе* с наборными из бус и металлических пронизей или привесок ожерельями только в костюмах групп 3 и 4, что также подчеркивает достаточно высокий статус обладателей этих уборов.

Характерен для этой группы комплекс Кораблино, 16 (рис. 3: 21-37) с височными привесками вида В, головным ремнем с двумя рядами округлых бляшек из сплава, накосниками с пятилопастными привесками, гривной с коробкой, тремя ожерельями (см. выше). В составе одного из них – импортные привески. Кроме того, на отдельную нить в районе ворота платья были нанизаны трапециевидные привески. Костюм дополнен бляхой с крышкой, 4 браслетами, двумя нарукавными повязками, 8 перстнями, в том числе с привесками. Платье погребенной было расшито трапециевидными привесками в нижней части спереди и по бокам.

Еще один комплекс этой группы – в Заречье, 48 (рис. 3: 38–47), он с височными привесками вида Ж, накосниками с литыми двухъярусными привесками, гривной с коробкой диаметром 7 см и усложненным вариантом орнамента вида Б, бляхой с крышкой, нарукавными повязками (типа рис. 3: 37), 10 перстнями и одним массивным браслетом с утолщенными концами. Ворот платья украшен пластинчатыми коническими привесками, в области бедер, вероятно, на поясе – трапециевидные привески. Одежда дополнена, очевидно, передником подпрямоугольной формы, который определяется по наличию двух вертикально расположенных полос аппликации бляшками светлого металла, идущими от пояса вниз вдоль бедренных и берцовых костей погребенной.

В составе головного убора было тканое покрывало, от которого сзади сохранилась лопасть, расшитая мелкими металлическими бляшками. Поверх нее выявлена длинная затылочная кисть, а под ней была свернута жгутом коса, под убором прослежены остатки еще двух кос.

Более скромные костюмы групп 1-2 могли принадлежать женщинам, составлявшим основную часть окского населения. Разница в количественном и качественном составе украшений этих костюмных комплексов могла быть обусловлена принадлежностью их женщинам разного возраста и положения (замужние бездетные, вдовы, женщины, вышедшие из репродуктивного возраста и т.д.) (Белоцерковская, 2012в). В группе 2 уборов в 5 комплектах отсутствуют гривны, причем два из них принадлежали достаточно пожилым женщинам – около 40 лет и старше. Как известно, у поздней мордвы, как и у других поволжских народов, при выходе женщины из репродуктивного возраста отдельные части ее костюма становились менее сложными

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и праздничными, и костюм в целом сильно обеднялся (Корнишина, 2002, с. 17).

Тем не менее, костюм женщины в возрасте 25-35 лет в Кораблино, 102 также был неполным – без височных украшений, гривны и браслетов, что лишний раз подчеркивает возможность неоднозначного толкования.

Группу 2 костюма представляет не совсем обычный комплекс Кораблино, 126 (рис. 3: 13–20), принадлежавший девочке около 12 лет, захороненной в небольшой могильной яме. В ее уборе – височные привески вида В, накосники (типа рис. 3: 32), проволочная гривна, ожерелье с литыми пронизями с привесками, 2 браслета, 5 перстней и нагрудная бляха с крышкой. В области шеи – на кожаном ремешке, обернутом листом бронзы, подвешены трапециевидные привески, а судя по двум вертикальным рядам мелких бляшек под нагрудной бляхой, на девочке была и распашная одежда. Это – исключительный случай находки полного костюма замужней женщины в подростковом захоронении. Одна из возможных трактовок этого убора – использование его при совершении имитации свадебного обряда во время похорон, когда в костюм девушки могли включать элементы, маркирующие еще непрожитый ею этап жизни (как накосники в Кораблино, 18).

Одновременный рассмотренному комплект происходит из Кораблино, 124, принадлежал замужней женщине 40-45 лет. Он включает височные привески вида Б, накосники, бляху с крышкой, 3 змеиноголовых браслета, перстень. Затылочная кисть, гривна и ожерелье отсутствуют.

Группу 1 костюма представляет комплекс пожилой женщины в Кораблино 44 (рис. 1: 63–68) с височными привесками вида В, ожерельем с металлическими привесками, гривной в двойную петлю и 5 перстнями. Нагрудная бляха, как и во всех уборах этой группы, и накосники отсутствуют.

Нагрудные бляхи с крышкой, несомненно, осуществляли функцию оберега, отсутствие их в костюмах вполне зрелых для вступления в брак женщин требует объяснения. Возможно, в ряде случаев это были уборы вышедших из репродуктивного возраста женщин, как в Кораблино, 44. С другой стороны, определить момент, когда бляху с крышкой включали в состав женского костюма, практически невозможно: это могло происходить и во время или сразу после свадьбы, и с рождением первого ребенка. Этнографические источники указывают, что замена девичьих головных уборов на женские, например, у разных групп населения могла происходить в каждый из этих моментов. Остается неизвестным к тому же, носили ли такую бляху замужние, но бездетные женщины. Есть данные о том, что у некоторых групп мордвы еще в начале XX в. молодая женщина, не имевшая детей, продолжала носить девичий убор в течение трех лет после свадьбы (Корнишина, 2002, с. 31). Не исключено, что отсутствие накосных украшений и блях с крышками в ряде рассматриваемых уборов обусловлено сходными причинами.

В отличие от детского костюма V в., в женских комплектах серия статусных предметов выделяется более четко. Тем не менее, каждый костюм требует индивидуального анализа, т.к. большую роль при этом играет степень его комплектности и качественный состав украшений.

Следует еще раз подчеркнуть, что выделенные наборы сопровождающих женский и детский костюм V в. категорий и видов украшений за исключением, вероятно, наиболее скромных и самых престижных нельзя однозначно рассматривать как показатель более низкого или высокого общественного статуса их владелиц. Механизм формирования женского убора диктовался необходимостью соблюдения комплекса различных обрядов, связанных с возрастными особенностями и сменой статуса владелицы костюма. К тому же основным источником нашей работы являются погребальные памятники, обладающие соответствующей спецификой, а во все времена существовали моменты, когда похоронные ритуалы не могли быть соблюдены полностью. В таких случаях, вероятно, допускались отступления от обряда, диктовавшие и неполноту костюмного комплекса погребенных (Белоцерковская, 2012б, с. 123, 124).

Тем не менее, представляется возможным полагать, что комплект украшений группы 4 принадлежал праздничному костюму замужних женщин. О бытовании таких костюмов у мордвы позднего времени сообщают этнографы.[77] Включение же в убор этой группы крестовидных фибул и «мужских» форм браслетов определенно свидетельствует о высоком социальном статусе их носителей.

[77] «У каждой бабы найдется свой собственный праздничный наряд, ценностью в 30-150 рублей, а иногда доходящий и до 800 р.; эти украшения переходят от матери к дочери…» (Майнов, 1885, с. 164).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таким образом, можно констатировать, что в V в. процесс социальной стратификации общества нашел отражение и в системе женского костюма. О высоком социальном статусе можно определенно говорить лишь в отношении уборов группы 4 и отчасти 3, которые маркируют: в первом случае – крестовидные фибулы, полный набор женских украшений, «мужские» браслеты с утолщенными концами и подграненные с антропо–зооморфными изображениями вида 2, а также имитации престижных украшений европейского облика, во втором – наряду с достаточно полным набором элементов костюма обязательное присутствие гривен с коробкой и/или предметов импорта (ведерковидные подвески),[78] изделий из серебра (крупная бусина в Кораблино, 18), нарукавных повязок, нагрудных брошей, литых ажурных перстней с привесками. Затылочные кисти есть тоже только в этих двух группах убора. Как правило, эти костюмы принадлежали замужним женщинам репродуктивного возраста.

Заметим, что при наличии крестовидной фибулы костюм женщин совершенно не обязательно включал все известные к тому времени категории украшений, и количество их также не было максимальным. С этой точки зрения интересно погр. 71Б в Заречье, где было очень скромное ожерелье с деталями, изготовленными из бронзового лома.

Конец V– начало VI в. для традиционного костюма рязано-окских финнов – время ощутимого изменения типов составляющих его деталей.

Среди височных привесок распространение получает вид Г – это усложненная форма подвесок вида В – двухъярусная в виде округлого или овального кольца-петли, часто с ложновитой внешней поверхностью, с двумя кольцами под волютами, соединенными по центру короткой ложновитой планкой; на каждом из них находится по одной петле с ложновитым стержнем-держателем с волютами на конце и 2-мя концевыми петлеконечными объемными привесками удлиненной бутыльчатой формы с проволочной обмоткой горла каждая (рис.4: 37; 5: 32, 41). При общей стандартизации этого украшения известны и несколько видоизмененные формы (рис. 6: 18).

Такие привески в силу их громоздкости чаще использовали в женских уборах[79] попарно, иногда дополняли простыми височными кольцами и значительно реже – кольцами с объемной привеской (вид Б).[80] В детском варианте они чаще небольшие – только с двумя концевыми привесками и, соответственно, без дополнительных держателей (рис. 4: 45, 46).

Между видами В и Г височных подвесок были переходные формы: у одной из них – небольшие конические концевые привески и без проволочной обмотки горла, но сами подвески уже двухъярусные, с двумя держателями и 4 концевыми привесками. Другой вид – еще с двумя концевыми, но уже бутыльчатыми с проволочной обмоткой горла, привесками (рис. 5: 32).

Общая длина рассматриваемых подвесок вместе с концевыми привесками со временем увеличилась с 6,2 см до 9 см. По коэффициенту Стерджесса и компактности расположения значений общей длины подвесок был определен интервал между группами – он составляет 0,5 см (учтен 41 экземпляр). Таким образом, привески по длине распались на 5 групп: А) 6,2-6,7 см; Б) 6,9-7,2 см; В) 7,3-7,5 см; Г) 7,7-8,2 см; Д) 8,5-9 см. [81]

Вид А бытовал, в основном, в конце V – начале VI в.; вид Б – также с конца V до середины (?) VI в.; вид В – весь VI в., начиная с конца V в.; вид Г – VI – начало VII в.; вид Д – с конца VI в. по начало – первую половину VII в. (даты предварительные). В пределах отдельных памятников периоды бытования разных видов этих подвесок разграничиваются более строго.

Длина концевых бутыльчатых с проволочной обмоткой горла привесок также со временем возросла с 2,8 см до 4,4 см. В целом, прослеживается тенденция увеличения и общей длины височных подвесок, и концевых привесок к ним, но полного соответствия между этими процессами нет. В одном украшении могли использовать концевые привески разной длины (Заречье, 204).

Появляются пластинчатые серповидные гривны, которые, судя по всему, имитировали массивные дротовые гривны с утолщением в срединной части предыдущего периода (Ахмедов, 2007, с. 150). На первых порах они с упло-

[78] Широко распространенные импорты стеклянных бус не учитываются.

[79] Исключение составляют детские погр. Кораблино, 23, Заречье, 170, Никитино, 40; в Кораблино, 23 и Никитино, 40 дополнены височными украшениями вида А.

[80] С крупными височными кольцами – Кораблино, 171, Заречье, 59, 161 , 201 и др.; с кольцами с привеской вида Б – Кораблино, 25, 100, Никитино, 86.

[81] Вид А – Кораблино, 132, Заречье, 75, Никитино, 15В, Кузьминский, 30; вид Б – Кораблино, 25, 98, 100; Заречье, 135, 232; вид В – Кораблино, 136, Заречье, 109, 170; Никитино, 40, 86; вид Г – Кораблино, 23, 171; Заречье, 59, 119, 161, 201; Никитино, 128; Кузьминский, 15; вид Д– Заречье, 204; Никитино, 15В, 128, 230.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

щенно-треугольным сечением пластины. Эти гривны включали в состав костюма, как правило, по одной, и, в виде исключения, по 2 (Заречье, 204). Часто они изготовлены из серебра; бытовали по VII в.

Наиболее ранние экземпляры имели замок в виде вытянутой подпрямоугольной или подтреугольной раскованной пластины с отверстием в центре на одном конце и проволочного крючка на другом (рис. 4: 40); а также из двух проволочных крючков, один из которых расположен в плоскости гривны (рис. 4: 53). Позже пластина замка приобрела округлую форму. Значительно реже встречаются гривны с плоской пластиной, и, единственный раз – с 9 пластинчатыми накладками с проволочными подвесными кольцами по нижнему краю (Заречье, 18) – тип, получивший широкое распространение у поволжских финнов в последней четверти I тыс.

Появление первых серповидных гривен по встречаемости их в мужских комплексах можно отнести к этапу 3С развития мужского инвентаря, синхронизиуемого И.Р. Ахмедовым с периодом D3 европейских древностей по Я. Тейралу (Кораблино, 97) (Ахмедов, 2007. табл. 2; схема 3). Но массовое распространение они получили позже.

В большей степени эти гривны были характерны для женского костюма, где составляют около 43% всех гривен конца V – первой половины VII вв., в детском уборе они встречаются реже (Заречье, 13, 143[82], Кораблино, 35). Для него в большей степени характерны более «легкие» проволочные формы.

Появляются и получают распространение дротовые браслеты с раскованными плоскими концами овальной формы. С одной стороны, они, являются результатом дальнейшего развития змеиноголовых браслетов, иногда воспроизводя их орнаментацию (рис. 2: 8, 9), с другой – имитируют массивные браслеты V в. с раструбообразными концами. Новый вид браслетов на концах довольно часто имеет гравированный орнамент в виде сетки, параллельных линий, елочки, регулярных треугольных пропилов по краям, зигзагообразных контурных линий, нанесенных мелким ювелирным инструментом, подчеркивающих форму окончаний браслетов и т.д. (рис. 2: 10–11; 4: 30). Большая же часть таких браслетов не была орнаментирована. Одновременно с приданием раскованным концам браслетов овальной формы стали срезать их под углом (рис. 4: 30, 32), или делать вертикальный обрез (рис.4: 30).

Первоначально толщина таких браслетов достигала 0,45-0,6 см, позже, особенно, во второй половине VI – первой половине VII в. – 0,35-0,4 см. Поперечники концов могли превосходить толщину браслета от менее чем в два раза и более, чем в 4. Входили в состав как женского, так и детского костюмов.

Из продолжавших бытование элементов костюма следует отметить височные украшения видов Б и Ж[83], а также литые пронизи с привесками в составе ожерелий. Маркером костюма замужних женщин по-прежнему являются нагрудные бляхи с крышкой, но шестигранной формы с вырезами разных форм у петли и язычка. Нарукавные повязки также редки и того же вида, как и в V в. Перстни как и ранее – многовитковые спиральные, иногда с привесками.

Изредка встречаются круглодротовые браслеты с обрубленными концами той же толщины, что и в основной части, с нарезным орнаментом «в елочку», либо в виде поперечных нарезок того же вида, что и в предыдущий период.

Похоже, что в это время единственным маркером высокого социального статуса ее владелицы становится гривна с коробкой.

В Заречье, 75 (рис. 4: 30–44) помимо такой гривны была и серповидная форма, а также бляха с крышкой, височные привески вида Г, 5 браслетов двух видов (с раскованными концами и дротовые с орнаментом в «елочку»), 10 перстней. На голове женщины – тканая шапочка, расшитая пронизями из сплава на основе олова, а сзади – лопасть тканого головного покрывала длиной не менее 30 см, украшенная мелкими круглыми бляшками из такого же сплава, а в нижней части – коническими пластинчатыми привесками (рис. 4: 30–44). Несколько скромнее Заречье, 178, там 6 браслетов тех же видов, но с более богатым орнаментом, на погребенной наряду с рубахой была надета распашная кофта, расшитая на груди и по манжетам рукавов мелкими бляшками. Слева на груди сохранилась,

[82] Здесь, несмотря на возраст девочки в 5-7 лет, за исключением одного перстня, все вещи были как бы с «чужого плеча» – крупные, не подогнанные на толщину руки, браслеты, гривна.

[83] В единственном костюме представлен эксклюзивный вариант височных привесок в основе вида В, но с тремя стержнями и таким же числом объемных привесок к ним, как в Кораблино, 18 более раннего времени, но концевые привески здесь уже более вытянутой формы и с имитацией проволочной обмотки горла (Никитино, 64).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

вероятно, часть нагрудника с трапециевидными привесками (рис. 5: 34–39).

Для детского убора как и раньше характерны височные кольца с пластинчатой привеской вида А, единственный раз использована привеска вида Г и один раз – вида Ж. (Заречье, 148). Наиболее часты ожерелья из бус со спиральными проволочными пронизями, но иногда в них включают литые пронизи с привесками. Гривны чаще круглопроволочные, у девочки 6-7 лет один раз встречена серповидная гривна. Браслеты используют в количестве не более 2 экземпляров и тех же форм, что и у взрослых женщин.

Следующий крупный этап в развитии женского костюма окских финнов приходится на VI – первую половину VII вв. Разделить его на более мелкие периоды сложно, поскольку хронологические индикаторы, четко маркирующие начало и конец VI в., в женском уборе в силу его традиционности пока не определены. Одна из основных причин – прекращение сопровождения мужских захоронений дарственными комплексами женских украшений, что лишает возможности синхронизации женского инвентаря с более динамично изменяющимся мужским. Поэтому женские погребения рассматриваемого времени выделяются, в основном, по соответствующим этому периоду участкам могильников и по изменению видов некоторых составляющих инвентаря. С целью выяснения наличия/отсутствия крупных изменений в составе женского костюма V и VI[84] – середины VII вв. логично, исключив престижные, сопоставить *ординарные* комплексы костюма обоих периодов (табл. 3).

Как видим, основные категории украшений в составе рядового женского костюма продолжили свое бытование и в VI–VII вв., но лунницы, нагрудные броши-подвески и в большинстве своем венчики-ожерелья[85] практически выходят из употребления. Вместе с ними прекратили существование наиболее популярный вид браслетов – со штампованными изображениями змеиных головок, а также пятилопастные пластинчатые и литые трехлопастные с привесками концевые подвески к накосникам. Перестали изготавливать и крупные объемные привески цилиндрической с усечено-конической верхней частью формы. Наиболее поздний комплекс с такими привесками – Заречье, 233 (рис. 4: 56) – не позже первой половины VI в. Перестают использовать двухъярусные пластинчатые привески видов Д и Е. Несколько реже стали включать в состав рядового костюма гривны, накосники классического облика (с обоймами и проволочными пронизями) и перстни, а гривны с коробкой в нем полностью отсутствуют.

Похоже, что после бурного периода конца IV–V в., когда окские финны активно взаимодействовали с разными инокультурными группами населения, наступил период относительно спокойного развития культуры. В это время в женском костюме остались, в основном, украшения и детали традиционно местного характера или сложившиеся ранее под воздействием престижных образцов варварской европейской моды. К последним относятся красочные ожерелья из бус с металлическими пронизями и привесками, гривны с коробкой и в двойную петлю, перстни с пластинчатыми привесками.

Еще в большей степени происшедшие изменения заметны в рядовом детском костюме (табл. 4).

Из рядового детского костюмного комплекса позднего периода, как и из женского, исчезли лунницы и венчики–ожерелья, значительно уменьшилась встречаемость гривен, браслетов и литых пронизей в ожерельях, полностью перестали включать в его состав гривны с коробкой и в двойную петлю. Последние известны только в престижных детских уборах.

В VI – первой половине VII вв. в женском костюме продолжают использовать: в качестве височных украшений, как правило, двухъярусные привески вида Г, значительно реже – вида Б;[86] в ожерельях – пронизи литые прямоугольные с тремя кольцами для петельчатых привесок, с тремя круглыми выпуклыми жемчужинами в центре рамки с ложновитым орнаментом (рис. 5: 31); такие же, но с имитацией плетения (рис. 5: 11). В состав ожерелья включали по одной – две такие пронизи. Продолжают бытовать в ожерельях и пластинчатые с подвесными кольцами обоймы, и литые цилиндрические пронизи с двумя концевыми привесками. В основе ожерелий – стеклянные бусы с отрезками проволочных спиральных цилиндрических пронизей (рис. 4: 43).

[84] Начало VI в. здесь и далее не рассматривается.

[85] Единственный раз венчик–ожерелье встречен в комплексе VI в. в Никитино, 224 вместе с крупными височными кольцами из олова (дата по И.Р. Ахмедову).

[86] В височных украшениях видов Б и Г стали использовать одинаковые концевые привески – крупные вытянутые цилиндрические с имитацией проволочной обмотки горла (рис. 5: 29).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Конструкция накосников и затылочных кистей осталась традиционной. В качестве концевых к затылочным кистям использовали объемные литые беспетельчатые привески, по форме близкие колокольчатым с плавным расширением тулова, но с выделенным невысоким горлом (рис. 6: 14,45).[87] Эти привески продолжают традицию V в.

По-прежнему в обиходе гривны в двойную петлю, но они составляют лишь 14% из учтенных на этот период. Всего в 3 комплексах есть гривны с коробкой (8%), остальные – серповидные и круглопроволочные с крючками на концах. Костюмы замужних женщин, как и ранее, маркируют нагрудные бляхи с шестигранной с вырезами разных форм крышкой. Из браслетов наиболее распространены дротовые с раскованными овальными концами, экземпляры со срезанными под углом или вертикально обрезанными концами встречаются реже. По-прежнему не выходят из обихода спиральные перстни с пластинчатыми привесками и нарукавные повязки традиционного вида.

Наряду с этим происходит дальнейшее развитие элементов женского костюма. Вероятно, с VI в., но не с самого его начала, а ближе к середине, как новый вид самостоятельных височных украшений стали использовать крупные округлые бронзовые, но чаще из сплава на основе олова проволочные *височные кольца* диаметром 5-7 см, без привесок (рис. 4: 65). Особый вид тонкопроволочных бронзовых колец диаметром 7,8 и 8,2 см с проволочной обмоткой одного из концов выявлен в Кораблино, 170 (рис. 7: 20). Крупные кольца входили в состав чаще женских, нежели детских головных уборов попарно, но в ряде комплексов они зафиксированы по одному,[88] что, возможно, объясняется их неполной сохранностью. В качестве височных колец выступали и браслеты, типичные для культуры этого времени.[89] Примерно в 30% височными кольцами дополняли привески вида Г.

В состав ожерелий в VI – начале VII в. изредка включают цилиндрические литые пронизи с имитацией проволочной обмотки, с тремя кольцами и тремя привесками (см. выше).[90]

В качестве концевых привесок к накосникам в рассматриваемый период стали широко использовать литые двухъярусные объемные подвески-держатели цилиндрической с выделенным узким горлом формы и выступающими бортиками по краям, гладкими или ложновитыми, с двумя и более кольцами для концевых привесок. Высота держателей – 2,2-2,6 см,[91] диаметр – 1,1-1,2 см (Борковский, 26 – 1,5 см). Количество подвесок-держателей в каждом накоснике разное – от 2 в Никитино, 209 до 5 в Кораблино, 90 (рис. 5: 55). Концевые привески к ним – бутыльчатые с проволочной обмоткой горла. В Заречье 109 подвески-держатели – той же формы, но с проволочной обмоткой горла (рис.6: 25). Высота – 2,3 см, диаметр 1,2 см; в каждом накоснике по 3 держателя с двумя привесками каждый. Подвески-держатели являются дальнейшим развитием простых литых объемных беспетельчатых привесок.[92]

Возможно, во второй половине – конце VI – начале VII в. появился и распространился новый вид концевых подвесок к накосникам – беспетельчатые двухъярусные в виде крупной конической, свернутой из трапециевидной пластины, подвески-держателя с 2-3 отверстиями в нижней части для крепления проволочных колец, держащих соответствующее число более мелких, но той же формы привесок.

В каждый накосник в Заречье, 140 включено по 4 такие подвески-держателя, а на ремешки или нити вместе со спиральными пронизями были нанизаны синие стеклянные цилиндрические пронизи (рис. 5: 49). В Никитино, 128 и 247 в накосниках – по 3 держателя привесок.

В конструкции накосников с этими подвесками пластинчатые обоймы, как правило, отсутствуют, но в Никитино, 128 они есть, а каждый накосник здесь пристегивался к головному убору пряжкой, как затылочные кисти более раннего времени. Необходимо отметить, что такие же и

[87] Высота их – 2,8-4,2 см, диаметр – 1,7-2,2 см – Кораблино, 171 (рис. 6: 14), Никитино, 230, 247. Исключение составляет Заречье, 119 с высотой привесок 4,8-5,1 см, диаметром 3 см (рис. 6: 45, 47). В Никитино, 230 использованы 4 подвески цилиндрической со слегка выделенным горлом формы высотой около 4 см, и диаметром 2,6 см. Такие же, но мельче, входили здесь и в состав накосников (?) (высота привесок около 3 см, диаметр – 1,5-1,6 см).

[88] Заречье, 58, 59, 109, 138 ,140, 164, 170, 192, Никитино,124, 209.

[89] Кораблино, 92, 117, 161,Заречье, 170, Никитино, 204.

[90] Кораблино, 98, 136 , Заречье, 119, 204, Борковский, 44, Никитино, 107.

[91] Кораблино, 90, 161, Никитино, 209, исключения: Кораблино, 177 – 1,6-2 см; Борковский, 26 – 2,9 см.

[92] Высота держателя – 2,4 см (Заречье, 140), 3,3-3,4 см (Никитино, 109, 128, 247), диаметр, соответственно, – 0,5 и 0,7-1 см. Высота концевых привесок – 2,2-3 см.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

более мелкие двухъярусные привески украшали передник (Заречье, 119) и другие детали костюма, не поддающиеся точному определению.[93]

Эти подвески совершенно определенно произошли от простых конических пластинчатых привесок, которые появились еще в V в. и бытовали до середины VII в., а идея их двухъярусности, очевидно, подсказана более ранними формами подвесок видов Д и Е с трапециевидным держателем.

В затылочных кистях также использовали литые двухъярусные объемные подвески с 2-3 концевыми привесками, как и в накосниках, но более крупные. Высота держателей с кольцами – 3-3,4 см, диаметр нижней части – 1,5-1,9 см.[94] В составе кистей – 4 подвески-держателя (Никитино, 86–6). Концевые привески – бутыльчатые с проволочной обмоткой горла. В Заречье, 109, 161 держатели той же формы, но с проволочной обмоткой горла (рис. 5: 40; 6: 27). В Заречье, 109 вместе с бронзовыми деталями на ремешки нанизаны и 4 бусины печеночно-красного стекла.

Такие подвески-держатели являются дальнейшим развитием форм, появившихся еще в начале V в. (Заречье, 77, Борковский, 58, Ундрих, 54 – рис. 1: 12), но не получивших ранее столь широкого распространения.

Одновременно с этим использовали и литые беспетельчатые подвески в основе своей цилиндрические с выделенным довольно узким и высоким горлом (бутыльчатые)[95] – рис. 6: 4,39. Это – результат дальнейшего развития крупных беспетельчатых литых привесок V в.

В ряде случаев в состав одного убора входили подвески разных видов – так в Никитино, 247 и Заречье, 119 использованы подвески и близкие бутыльчатым формам, и с выделенным невысоким горлом (рис. 6: 39, 45). Иногда концевые подвески к накосникам и затылочным кистям составляли комплекты, изготовленные одним и тем же мастером и отличавшиеся только размерами привесок (рис. 6: 25, 27).

Доминирующей формой гривен стали пластинчатые серповидные, иногда изготовленные из серебра. Из 34 учтенных для этого времени гривен они составляют 59%.

Вероятно, ближе к середине VII в. крышки нагрудных блях приобретают округлую форму, хорошо известную по цнинским могильникам последней четверти I тыс.

Среди браслетов VI в. появляются литые округлые в сечении со слегка уплощенными неправильной формы концами с небрежными рельефными антропо-зооморфными изображениями, где показаны округлые глаза, небольшой нос и рот, иногда намечены волосы на лбу или борода. Эти формы отличает небольшая толщина дрота, а расширение его части, содержащей изображение, на некоторых образцах производит впечатление наличия у модели тонкой «шеи», диаметр сечения 0,25-0,35 см (рис. 2: 15, 17).[96] Эти изображения выполнены не столь профессионально и узнаваемо, как у рассмотренных выше серий V в. Иногда наблюдается их асимметричность, зачастую они смещены по отношению к средней линии окончания браслета.

Ближайшие аналогии этим формам есть в крымском могильнике Суук-Су (ГИМ, № 43879, погребение 59/III). Этот комплекс относят ко второму периоду отложения нижнего слоя Суук-Су, т.е. к концу VI–VII вв. (Родинкова, 1995. с. 76–77). Следует отметить, что изображения на браслетах из Суук-Су в большинстве случаев развернуты в противоположную сторону, т.е. «подбородком» к корпусу браслетов. Однако единый стиль, наличие, как бы, тонкой «шеи» и общая небрежность в нанесении рязанских и крымских изображений дают возможность предполагать, что они имели какой-то общий прототип. В пользу этого свидетельствуют и наличие «анатомически» верного, как в Суук-Су, расположения изображения на браслете из Заречья, 13 (рис. 2: 21), и общая неправильность формы концов браслетов. Известны подобные изображения и в цебельдинской культуре (Воронов, 2003, рис. 125: 13).

Эти браслеты на Оке часто сопровождают захоронения девочек и относятся к VI – первой половине VII в. Упомянутые браслеты из Суук-Су также были детскими. Изображения, подобные рассмотренным, зафиксированы также на детской гривне и височном браслетообразном кольце. Установить происхождение подобных браслетов без специальных анализов не пред-

[93] Заречье, 129, Никитино, 237 (возможно, затылочную кисть), Кораблино, 171, Борковский, 26. Размеры подвески-держателя в Заречье, 119 – 2 х 0,6 см (рис.6: 41), Заречье, 129 – 2,7 х 0,7 см.

[94] Заречье, 109, 161, Борковский, 26, 44.

[95] Высота х 2,8-3,3 см, диаметр 1,3-1,5 см – Заречье 119, Кораблино 98, Никитино 247.

[96] Заречье 13, 15 (гривна), 43, 46, 111, 204; Кораблино 23 (височное кольцо).[94] Заречье, 109, 161, Борковский, 26, 44.

[97] Кораблино, 35 (височное кольцо), Кораблино, 161 (височное кольцо), Заречье, 109, 119, 204.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ставляется возможным. Распространение их в Крыму и на Кавказе, возможно, указывает на импортный характер таких браслетов у рязано-окских финнов.

Другой вид представлен одновременными формами также с антропо–зооморфными рельефными изображениями на закругленных концах, ширина которых, как правило, не превышает толщину браслета.[98] Изображения мелкие, но симметричные (рис. 2: 18). Эта серия могла быть как местным воспроизведением импортных браслетов V в. с крупными четкими изображениями, у которых хорошо читаются глаза, нос, рот, иногда борода (?), так и импортом.

Еще один вид браслетов с рельефными схематичными изображениями округлых глаз, рта и челки (?) на расширенных подтрапециевидных или подпрямоугольных концах появился также не ранее VI в. и бытовал по начало VII в. (рис. 2: 19; 7: 19). Такие изображения есть не только на браслетах, но и на браслетообразных височных кольцах, на одном из них изображение завершается бородой (рис. 2: 16).

Стилистически схожие изображения есть на браслетах I Пашковского могильника в Прикубанье (Амброз, 1989, рис. 21: 28, 32), в склепе 163 (вторичное захоронение) в Боспорском некрополе (Засецкая, 2003, табл. 17: 16), сельских некрополях позднеантичного Боспора (Масленников, 1997, рис. 12: 12), погребениях могильника Чми I на Северном Кавказе (Абрамова, 1997, рис. 60: 7; 61: 11), в комплексах второй половины VI в. цебельдинской культуры в Абхазии (Гей, Бажан, 1997, табл. 12: 9; 31: 18) и т.д. Эти и окские экземпляры сближают подпрямоугольные очертания концов, стиль и изображенный на них персонаж с большими круглыми глазами, челкой на лбу, подчеркнутой прямой или ломаной линией. М.П. Абрамова, в свое время, отмечала, что подобные браслеты были характерны для раннесредневековых памятников Грузии IV – VII вв. (Абрамова, 1997, с. 131). Действительно, очень похожие изображения с выразительными округлыми глазами и треугольным ртом есть на браслетах некрополя Мцхета (Рамишвили, 2003, табл. 113: 11).

Судя по находке точной копии браслета южного образца в одном из центральных окских могильников Ундрих, подобные экземпляры поступали сюда откуда-то из южных областей, а на месте могли предприниматься попытки их самостоятельного производства. Возможно, по этой причине большинство браслетов этой серии на Оке содержит несколько смазанные, как бы незавершенные, отличающиеся от оригиналов, изображения. Правда, производство таких браслетов могло происходить и вне окского региона.

Появляются и редкие виды изображений на браслетах, представленные единицами (рис. 7: 15).

Необходимо отметить, что браслеты с антропо-зооморфными рельефными изображениями на концах включали в это время в состав достаточно престижных костюмов, причем количество их находок возрастает по мере близости к центральной, шиловской, группе рязано-окских финнов. Так, в Заречье рассматриваемого времени они найдены в 11 женских и детских комплектах из всего анализируемого массива, а на западной окраине культуры, в Кораблино, только в 3, хотя число исследованных в обоих памятниках погребений примерно одинаково. Но доминирующим типом остаются местные дротовые браслеты с раскованными концами.

Существенно изменяются типы петельчатых литых объемных привесок к разным видам украшений. Если раньше они были конической или колокольчатой формы, то уже в конце V в. верхние части некоторых привесок начинают вытягивать, а под петлей появляется обмотка из 2-3 рядов проволоки (рис. 7: 2, 3). С этого времени и далее в качестве концевых, особенно в ожерельях, стали использовать вытянутые цилиндрические с небольшим диаметром нижней части и узким высоким горлом привески (рис. 5: 11, 31, 36; 6: 44). Именно подобные формы лежат в основе крупных цилиндрических привесок с узким горлом с имитацией на нем проволочной обмотки, которые стали использовать как концевые к височным украшениям VI – начала VII в.[99] (рис. 4: 37; 5: 5 и др.). Но одновременно с этим изредка в ожерельях на литых пронизях использовали и привески раннего вида – укороченных пропорций и с большим диаметром тулова (рис. 5: 31).

Детский (девичий) костюм рассматриваемого периода по составу основных элементов можно условно разделить на 4 группы (табл. 5).

[98] Диаметр округлого сечения корпуса – 0,25-0,4 см – Заречье, 13, 43, 135, 161, 170 (височное кольцо), Шатрище, 73, Ундрих, 45.

[99] Кораблино, 23, 25, 90, 98, 100, 136, 161, 162, 171; Заречье, 13, 15, 42, 43, 46, 59, 75, 109, 119, 135, 161, 164, 170, 201, 204, 232; Никитино, 64, 86, 107, 128, 209, 215, 230, 237; Борковский, 26; Кузьминский, 15, 30.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

В первую группу из 20 комплексов входят скромные уборы с небольшими бусинными и из отрезков спиральных пронизей ожерельями, 1-2 браслетами и таким же количеством перстней. Но полный набор этих украшений практически не встречается, в среднем на один детский костюм приходится по 0,8 браслета и 0,7 перстня. Браслеты были либо с обрубленными или слегка приостренными концами, либо с раскованными овальными. Возраст носителей этих уборов – от младенческого до 5-7 лет.

Во второй группе из 16 комплектов наряду с указанными каждый убор содержит *височные украшения* видов А, реже Б, в трех случаях – Г и в виде крупных колец. В одном уборе могли сочетаться только виды А и Б. В ожерелья изредка включали литые пронизи с концевыми привесками. Браслеты и перстни по-прежнему сопровождали не каждый костюм, количество их в одном комплекте было в первом случае 1-2 (в среднем по 0,7) и во втором – 1-3 (в среднем также по 0,7). Наряду с браслетами с раскованными овальными концами здесь изредка встречаются экземпляры с антропо-зооморфными изображениями. Возраст владельцев этих костюмов – от младенческого до подросткового. Именно в подростковых костюмах использованы височные привески вида Г.

Типичным для этой группы является убор из Заречья, 43 с двумя, явно, детскими височными привесками в основе вида В, но с бутыльчатыми концевыми привесками с проволочной обмоткой горла; двумя детскими браслетами с обрубленными концами, двумя перстнями и ожерельем из бус и спиральных пронизей (рис. 4: 45–51).

Группа 3 (11 комплектов) – каждый из них с одной *гривной*, почти все с браслетами и перстнями, реже – с височными кольцами с привесками вида А и крупными кольцами без привесок. Ожерелья, в основном, состоят из бус и отрезков спиральных пронизей, но есть и с литыми пронизями с привесками. В одном уборе, как правило, 2 браслета (в среднем по 2,1 на группу) и 2 перстня (в среднем 1,7). Наряду с браслетами с неорнаментированными раскованными концами, в равных количествах представлены формы с гравированным орнаментом и с антропо–зооморфными рельефными изображениями. Подобный состав костюма характерен для девочек от 5-7 до 8-10 лет, т.е. в основном, подросткового возраста. Так, в Заречье, 111 было 2 крупных височных кольца, кольцо с привеской вида А, проволочная гривна, 2 браслета и 2 перстня. В районе ворота отмечены расшивка пластинчатыми коническими привесками и ожерелье из бус и спиральных пронизей (рис. 4: 59–67).

В группе 4 – 5 комплектов, в которых наряду с уже описанными украшениями появляются нагрудные *бляхи с перекрестьем*, а в некоторых комплексах – по 2 гривны (в среднем 1,4 гривны на убор); во всех в составе ожерелий есть литые *пронизи с привесками*, а в трех уборах – также и крупные объемные литые беспетельчатые привески. В Заречье, 233 4 такие привески лежали под головой погребенной, вероятно, они завершали маленькую затылочную кисть (рис. 4: 52), на голове был налобный венчик (рис.4: 58).

Среди височных украшений – дважды встречены редкие треугольные вида Ж привески, дважды привески вида А и один раз – вида Г. Среди гривен – в двух комплексах экземпляры в двойную петлю. В каждый убор входило по 2-4 браслета (в среднем по группе 2,2) и 4-7 перстней (в среднем 4,2). Браслеты были с антропо-зооморфными позднего вида изображениями, либо с раскованными концами, в том числе – орнаментированными.

Такие костюмы носили, вероятно, подростки, начиная с возраста смены зубов – (Никитино, 40) и совершеннолетние девушки (Заречье, 233 – около 17-20 лет – рис. 4: 52–58).

Как видно из приведенных данных, состав украшений детского костюма, как и ранее, зависел, в первую очередь, от возраста его владельца. Наиболее скромным является убор групп 1-2, что подчеркивается и соответствующим набором деталей ожерелья практически без литых пронизей, браслетов, в основном, массового типа – с раскованными концами. Две последующие группы, принадлежавшие подросткам и совершеннолетним девушкам, представляют уборы с большим количеством браслетов (среди которых много с антропо-зооморфными изображениями), перстней, более сложными по составу ожерельями. Наиболее ярким является убор группы 4 – с нагрудными бляхами с перекрестьем, литыми пронизями в ожерельях, дополнительными объемными привесками и в ряде случаев – с налобными венчиками.

В частности, в Заречье, 46 (рис. 5: 1–12) на погребенной девушке[100] была шапочка с налобным венчиком с подвесными кольцами, в центре ее сзади прикреплена небольшая затылочная кисть с коробчатыми привесками; в ожерелье

[100] Моляры девочки еще молочные.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

входили литые пронизи не только с двумя, но и тремя привесками. Гривна – в двойную петлю. На груди размещена бляха с перекрестьем, на руках – по браслету с антропо-зооморфными изображениями и по 2 перстня. В качестве височных использованы привески вида Ж, которые уже переживают свое время. Шапочка, ткань рубахи до пояса и манжеты рукавов расшиты мелкими бляшками из сплава на основе олова. На груди – остатки нагрудника с нашитыми на него трапециевидными привесками. Архаичные налобный венчик и затылочная кисть с коробчатыми привесками, которые были наиболее распространены в детских уборах IV–V вв., могут свидетельствовать о свадебном (?) характере этого костюма (Белоцерковская, 2012в). Любопытно, что в этом костюме количество привесок в затылочной кисти превосходит число их в классическом варианте – 6 вместо 4.

Женский убор рассматриваемого периода по нарастанию в его составе числа признаков (категорий и отдельных украшений) распался на 3 условные группы (табл. 6).

Первая группа состоит из 19 комплектов, в которые входят гривны, нагрудные бляхи с крышкой, височные украшения, браслеты и перстни, но в полном наборе они сопровождают не каждый костюм. Привески вида Г здесь включены только в 36% уборов с височными украшениями. Браслеты, как правило, с раскованными неорнаментированными концами. Количество их не превышает 4 экз., но чаще – 2-3, в среднем по 2 браслета и по 1,8 перстней на убор. Ожерелья состоят, в основном, из стеклянных бус и отрезков спиральных бронзовых пронизей.

Типичными для этой группы являются два комплекса. Из Кораблино, 117 происходят серповидная гривна, положенная на лицо погребенной в возрасте около 35-40 лет, два браслета, выполнявшими роль височных колец, нагрудная бляха с крышкой, три перстня. Ворот платья расшит мелкими бляшками из сплава на основе олова и трапециевидными привесками. Накосники и затылочная кисть отсутствовали.

В Кораблино, 155 (рис. 5: 18–25) у женщины того же возраста были крупные височные кольца из оловянистого сплава, ожерелье из стеклянных бус и отрезков спиральных пронизей, серповидная гривна, бляха с крышкой, 4 браслета с раскованными концами и 4 перстня. Ворот рубахи расшит двумя рядами трапециевидных привесок; на нагруднике зафиксированы ряды трапециевидных привесок. Под бляхой выявлены борта распашной одежды, расшитые по вертикали такими же привесками; от обуви сохранились спиральные бронзовые пронизи. Накосники и затылочная кисть отсутствовали.

Следующая группа 2 из 18 уборов состоит из двух подгрупп: 2а включает костюмы, почти все – с височными украшениями, нагрудными бляхами с крышкой, гривнами, браслетами и перстнями. В составе некоторых ожерелий есть *литые пронизи* с привесками. Количество браслетов в одном уборе – от 2 до 5. Наряду с браслетами с раскованными концами здесь часты и экземпляры с антропо-зооморфными изображениями. В среднем приходится по 2,3 браслета и по 3,9 перстня на костюм.

В Кораблино 25 (рис. 5: 26-33) группы 2а с височными привесками вида Г и одним крупным кольцом с бутыльчатой привеской (вид Б) было ожерелье из стеклянных бус и литых пронизей с привесками, серповидная гривна, бляха с крышкой, 2 браслета. Ворот рубахи расшит коническими пластинчатыми привесками, а на груди (нагрудник?) – трапециевидными привесками. Накосники и затылочная кисть отсутствовали.

В подгруппе 2б наряду с указанными выше категориями почти во всех уборах появляются *затылочные кисти*, но при этом накосники, нагрудные бляхи и гривны присутствуют не во всех комплектах. Однако только в ряде именно этих уборов есть *нарукавные повязки*. Количество браслетов в одном костюме – от 2 до 4, в среднем – по 2,6; а перстней в среднем – по 3,4. Браслеты представлены дротовыми экземплярами с раскованными овальными или срезанными под углом концами и с антропо-зооморфными изображениями.

У женщины 35-40 лет из Кораблино, 171 (рис. 6: 14–23) был головной убор, расшитый мелкими бляшками и застегнутый сюльгамой. У висков – привески вида Г и крупные кольца из сплава. На шее – кожаный шнурок, обвитый бронзовой проволокой, с нанизанными пластинчатыми коническими и трапециевидными привесками; ожерелье из крупных бус, сквозь которые пропущено по 2 ряда отрезков спиральных пронизей, и две гривны: серповидная и в двойную петлю. Сзади к головному убору крепилась затылочная кисть из 4-х нитей в спиральных пронизях, с крупной прямоугольной обоймой и 4-мя крупными объемными привесками. Нагрудник справа расшит бляшками и трапециевидными привесками. С обеих сторон в районе груди были относительно крупные пластинча-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тые конические держатели с отверстиями для таких же концевых привесок к ним. Возможно, это – остатки накосников (рис. 6: 19). На пальцах обеих рук было по 3 перстня. В области левого бедра выявлены трапециевидные привески, возможно, от пояса типа мордовского пулагая.

В Заречье, 109 (рис. 6: 24–37) были височные привески вида Г, два накосника с 3 (?) объемными держателями с привесками; затылочная кисть с 4-мя такими же, но более крупными держателями с привесками, серповидная гривна, 2 браслета и 2 перстня с привесками. На голове была, вероятно, войлочная (?) шапочка, расшитая мелкими оловянными бляшками, сзади прослежена тканая лопасть, возможно, от головного покрывала, расшитая понизу пластинчатыми коническими привесками. На шее – ожерелье из бус и спиральных пронизей, по вороту – трапециевидные привески, как и на нагрудной части одежды.

В среднем на один убор в группе 1 приходится по 0,63 гривны, а в группе 2 – по 0,7, при этом в последней – в трех случаях было по 2 гривны. В группе 2 значительно чаще встречаются височные привески вида Г. Определимый возраст погребенных в костюмах обеих групп был примерно одинаков – от 17-20 до 40-50 лет. Похоже, что убор этих групп маркировал основной состав женского населения рассматриваемого времени и лишь, возможно, группа 2б уборов – женщин с несколько более высоким статусом, о чем свидетельствует наличие затылочных кистей и нарукавных повязок.

Следующая группа 3, состоящая из 5 уборов, отличается от предыдущих, в первую очередь, наличием в них *гривен с коробкой* (в 3-х комплектах) и в одном случае – трех гривен. Как правило, в этих костюмах гривны с коробкой дополнены либо круглопроволочными, либо серповидными формами. Все уборы – или с накосниками, или с затылочными кистями, височными украшениями, браслетами, перстнями. В качестве нагрудных блях использованы бляхи с крышкой и в двух случаях – с перекрестьем; в составе ожерелий – литые пронизи с привесками; в части комплектов – затылочные кисти. Среднее количество гривен на один костюм составляет 2 экземпляра, браслетов – более 7, перстней – 6.

Два убора этой группы (Никитино, 247, Шатрище, 126) (Ахмедов, 2010б, рис.10) совершенно определенно представляют собой престижный вариант женского костюма. В них использованы крупные пластинчатые сюльгамы с расширением пластины у основания иглы – прототипы застежек «с крылатой» иглой, которые в развитой форме характерны для поволжских финнов последней четверти I тыс. (Ахмедов, 2010б, с. 12–13). Застежки с «крылатой» иглой, как и ранее, крестовидные фибулы, к VI в. в основном, уже вышедшие из обихода, изначально маркировали также мужской костюм лидирующей группы населения.[101] При этом в Шатрище, 126 наряду с полным набором украшений нагрудная бляха была уже с округлой крышкой (Кравченко, 1974, с. 174), т.е. владелица костюма была замужней женщиной, обладавшей высоким социальным статусом.

Но такое же положение занимала и погребенная в Никитино, 247 первой половины VII в. женщина 30-35 лет с крупными височными кольцами, ожерельем из стеклянных бус и бронзовых литых пронизей с привесками; тремя гривнами (1 в двойную петлю, 2 круглопроволочные с крючками и проволочной обмоткой на концах); 6 крупными литыми привесками от затылочной кисти(?), накосниками и имитацией спиральных браслетов (14 экземпляров) (Ахмедов, 2010б, рис. 10). На обеих руках – по 5 перстней, в районе ступней – остатки украшений обуви в виде спиральных бронзовых пронизей; на двух пальцах правой ноги – 2 перстня. Но нагрудная бляха в этом костюме была с перекрестьем, т.е. девичья.

Включение девичьей по первоначальному назначению нагрудной бляхи в костюмный комплекс замужней женщины можно объяснить только формированием к этому времени особого вида престижного погребального костюма. В его основе, как у некоторых поздних финских народов (Мордовский народный…, 1990, с 32), свадебный девичий костюм. На свадебный характер костюма из Никитино, 247 указывают, вероятно, и имитации многовитковых спиральных браслетов. У этнографической мордвы, например, долгое время сохранялся обычай надевать на руки невесте «медные запястья до самых локтей, на пальцах кольца и перстни до 10» (Майнов, 1885, с. 98).

Три других костюма группы 3 выделяет наличие в каждом из них *гривны с коробкой*, которые к этому времени, вероятно, стали атрибутом исключительно престижного костюма. В двух – по 2 гривны и затылочные кисти; в двух – у женщин 30-35 и 40-45 лет отсутствуют нагрудные бляхи

[101] Кораблино, 153, 160, 176, Шатрище, 108 и др.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(Никитино, 86, 109), но при наличии накосников либо затылочной кисти, это могло быть обусловлено особенностями их семейного и возрастного статуса.

Наиболее представителен костюм молодой женщины или девушки в Заречье, 119 (рис. 6: 38–60). В его составе – налобный венчик с подвесными кольцами – украшение, давно вышедшее из употребления, ранее характерное для девичьего убора. Два парных набора по 4 небольшие объемные привески, возможно, составляли накосные украшения (рис. 6: 39), а еще 13 очень крупных объемных привесок в утрированном виде воспроизводили затылочные кисти V в. (рис. 6: 45, 47). Убор дополнен височными привесками вида Г; ожерельем из стеклянных бус и литых бронзовых пронизей с привесками; обшивкой ворота платья мелкими бляшками из сплава и трапециевидными привесками на тесьме шириной около 2 см, 2 гривнами (одна – с коробкой). На руках – 10 браслетов, 8 из них – с антропо-зооморфными изображениями и два – многовитковые спиральные. На правой руке – 5 перстней, на левой – один; 2 перстня на пальцах правой ноги, один – на мизинце левой; передник спереди обшит составными коническими пластинчатыми привесками; на ногах – единственные в своем роде украшения обуви из бронзовых обойм с привесками. Прослежена часть нагрудника размерами 22 х 24 см, расшитая тремя горизонтальными рядами пластинчатых конических привесок. На груди – девичья бляха с перекрестьем.

Этот убор отличается явной избыточностью различных украшений и включением в его состав либо уже забытых, либо чрезвычайно редких элементов – налобного венчика с подвесными кольцами и спиральных браслетов. Подобное сочетание свидетельствует о принадлежности рассматриваемого костюма представительнице группы населения, безусловно, обладавшей высоким статусом, и погребенной, возможно, в свадебном девичьем костюме, для которого характерно наличие бляхи с перекрестьем, сочетание украшений архаичного облика[102] и современных на момент события элементов.

У рязано-окских финнов начало процесса формирования праздничного свадебного костюма, характерной особенностью которого является перечисленное выше, уходит своими корнями, вероятно, еще в период DI,[103] как и погребального женского на основе свадебного примерно того же времени (Никитино, 80 – первая половина V в.). Окончательное же оформление последнего происходит, вероятно, к VII в. (Белоцерковская, 2012в).

Костюмный комплекс группы 3 бесспорно принадлежал женщинам с высоким социальным статусом.

В конце VI – первой половине VII в. в женском, особенно престижном, костюме окских финнов наблюдается любопытное явление – помимо избыточности количества украшений и воспроизведения некоторых из них, вероятно, по старым образцам, увеличивают и их размеры. Это хорошо заметно на налобном венчике, коробке гривны диаметром 7 см и литых беспетельчатых подвесках в Заречье, 119. Здесь использованы очень крупные подвески, повторяющие форму, характерную для V в. По старым образцам изготовлена и затылочная кисть в Кораблино, 171.[104] Создается впечатление возрождения традиций V в., когда окские финны проявляли наибольшую активность, осуществление которой без создания сильной политической структуры было бы невозможно. Вероятно, к явлениям того же порядка относится и включение фрагмента венчика-ожерелья в женский костюм второй половины VI – первой половины VII в. в Никитино, 225. Одна из возможных причин этого явления в конце VI – начале – первой половине VII вв. – оживление внешних связей рязано-окского населения, которое наиболее яркое отражение, как и прежде, получает в воинских комплексах. В их составе появились поясные и уздечные наборы с деталями «геральдического» облика, а местами возродился (?) обычай сопровождения погребенных мужчин жертвенными комплексами женских украшений (браслет и накосник в Кораблино, 177).

[102] Короткие затылочные кисти с коробчатыми привесками, налобные венчики с подвесными кольцами, поясные кисти с литыми пронизями.

[103] Никитино, 7аВ и Кузьминский, 69, где наряду с шапочкой с головной бляхой и ажурной застежкой, украшениями обувных ремней, обрубленно-конечной и массивной витой гривной мощинского типа, есть нагрудная бляха с перекрестьем и гривна с коробкой, а также спиральные браслеты.

[104] Что симптоматично, поскольку даже в V в. здесь зафиксирована единственная такая кисть и только в очень престижном комплексе Кораблино, 99 – с крестовидной фибулой.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Итоги

Женский костюмный комплекс окских финнов на протяжении V – первой половины VII вв. развивался, в целом, на местной основе, наиболее активно в конце IV – V вв., когда была окончательно сформирована его структура и определены маркеры социо–возрастной принадлежности владелиц уборов. Несмотря на традиционный характер, женский костюм отражал процесс стратификации общества этого времени и направления межкультурных связей, которые были наиболее активны и многообразны в V в. Благодаря этим контактам в его состав включались и предметы импорта, и местные переработки престижных европейских вещей.

Убор лидирующей группы населения маркируют, прежде всего, крестовидные фибулы и «мужские» формы браслетов (в сочетании с полным костюмным комплексом). Гривны с коробкой, затылочные кисти, предметы импорта, нарукавные повязки, нагрудные броши, литые ажурные перстни с привесками, изделия из серебра включают и в состав костюмов взрослых женщин несколько более низкого ранга. Остальные уборы принадлежали рядовому населению.

Детский (девичий) костюм, прежде всего, отражал возрастную принадлежность его владельца, но и здесь сложился набор элементов (поясные кисти с литыми пронизями, гривны с коробкой), характерных только для девочек–подростков и девушек из семей с высоким статусом. Нагрудные бляхи с перекрестьем, крупные привески-броши и предметы импорта маркировали убор детей из семей с несколько более низким положением в обществе.

В VI в. из женского убора исчезают некоторые характерные для предшествующего этапа украшения, придававшие ему парадный облик. Но на местной основе развиваются новые виды гривен, привесок, браслетов и пр. Несмотря на некоторое «обеднение», костюм VI – первой половины VII вв., по-прежнему, отражал сложившуюся структуру общества. Но маркеры костюма женщин с высоким социальным статусом изменились: на смену крестовидным фибулам раннего периода в первой половине VII в. пришли прототипы крупных застежек «с крылатой» иглой. Гривны с коробкой, которые ранее отмечали уборы и рангом ниже, чем с фибулами, стали маркировать только престижный костюм. В то же время, затылочные кисти и нарукавные повязки, похоже, играли ту же роль, что и раньше, входя в костюм женщин с достаточно высоким, но не лидирующим положением в обществе.

Детский костюм, как и в V в., в первую очередь, соответствовал возрастному статусу его владелиц. Но здесь, как и в женском уборе, некоторые украшения (нагрудные бляхи с перекрестьем) из ранга престижных перешли в разряд элитарных, а одновременно с этим маркером девичьего убора чуть более низкого ранга стали гривны. Литые пронизи с привесками в составе бусинных ожерелий, похоже, также приобретают статусный характер, маркируя детский костюм в основном групп 3-4.

Одновременно с этим на протяжении V– первой половины VII вв. формировались особые виды престижного погребального женского костюма – девичьего праздничного, и, возможно, для совершения обряда свадьбы во время похорон (Зеленин, 1991, с. 347; Мордва, 1995, с. 262; Корнишина, 2002, с. 41–45), а также женского праздничного, возникшего на основе девичьего свадебного убора. В обоих случаях в их состав входили нагрудные бляхи с перекрестьем, а в первый – наряду с другими и элементы девичьего костюма, уже вышедшие из обихода.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблицы

Таблица 1.[105] Встречаемость некоторых видов украшений по группам детского убора V в. (в %).

Группа	1	2	3	4	5	6	7
4	40	82	82	82	82	100	82
3			100	82	66	100	82
2				71	71	71	42
1					62	75	37

1 – гривны с коробкой; 2 – поясные кисти с литыми пронизями с привесками; 3 – бляхи с перекрестьем; 4 – гривны; 5 – височные украшения; 6 – браслеты; 7 – перстни.

Таблица 2. Встречаемость некоторых видов украшений по группам женского убора V в. (в %).

Группы убора	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
4	100	50	-	83	100	83	100	100	100	50	16	50	100
3		36	27	82	83	91	91	100	100	45	28	45	85
2					55	27	100	82	82	-	55	27	100
1				12	75	63	75	75	88	25		50	-

1 – крестовидные фибулы, 2 – затылочные кисти; 3 – нарукавные повязки; 4 – гривны с коробкой; 5 – гривны; 6 – височные украшения; 7 – накосники; 8 – браслеты; 9– перстни; 10 – бронзовые пронизи с привесками в составе ожерелий; 11 – лунницы; 12 – венчики-ожерелья, 13 – нагрудные бляхи с крышкой.

Таблица 3. Встречаемость некоторых украшений женского костюма в V и VI – первой половине VII вв. (в %).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
V в.[106]	64	79	36	21	86	18	54	79	89	28	25	48	2,1	3,2
VI–VII в.	70	59	-	15	27	22	65	83	67	27	-	3	2,3	2,8

1 –височные украшения; 2 – гривны; 3 – гривны с коробкой; 4 – гривны в двойную петлю; 5 – накосники; 6 – затылочные кисти; 7 – бляхи с крышкой; 8 – браслеты; 9 – перстни; 10 – ожерелья с литыми пронизями с привесками; 11 – лунницы; 12 – венчики–ожерелья; 13 – среднее количество браслетов в одном уборе (от общего количества комплексов этого времени); 14 – среднее количество перстней в одном уборе (от общего количества комплексов этого времени). Процентные соотношения вычислены от общего количества комплексов рассматриваемого времени, за исключением гривен с коробкой и в двойную петлю – процент их встречаемости вычислен от общего количества находок гривен. Так, гривны сопровождали 10 из 28 учтенных комплексов V в., общее количество их – 25 экз. В VI – первой

[105] Здесь и в последующих таблицах в процентах показано количество комплектов, содержавших рассматриваемые элементы костюма, по отношению к общему количеству уборов каждой группы.

[106] Комплексы конца IV – начала V в. и конца V – началаVI вв. как переходных этапов в развитии костюма здесь не учтены.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

половине VII в. гривны найдены в 22 из 37 учтенных комплексов, общее количество этих украшений составляет 26 экз.

Таблица 4. Встречаемость некоторых украшений детского (девичьего) костюма в V и VI –первой половине VII вв. (в %).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
V в.[106]	55	41	-	-	19	78	55	23	23	4,5	1,5	1,2
VI–VII в.	48	18	-	-	-	57	57	11	-	-	1,1	1,1

1 – височные украшения; 2 – гривны; 3 – гривны с коробкой; 4 – гривны в двойную петлю; 5 – бляхи с перекрестьем; 6 – браслеты; 7 – перстни; 8 – ожерелья с литыми пронизями с привесками; 9 – лунницы; 10 – венчики–ожерелья; 11 – среднее количество браслетов в одном уборе (от общего количества комплексов этого времени); 12 – среднее количество перстней в одном уборе (от общего количества комплексов этого времени). Процентные соотношения вычислены от общего количества комплексов рассматриваемого времени – 22 Vв. и 44 VI– первой половины VII в.

Таблица 5. Встречаемость некоторых видов украшений по группам детского девичьего) убора VI – первой половины VII вв. (в %).

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8
4	50	25	60	100	80	100	100	100
3				100	54	90	72	27
2					100	43	62	18
1						50	40	

1 – небольшие затылочные кисти с коробчатыми привесками; 2 – налобные венчики; 3 – нагрудные бляхи с перекрестьем; 4 – гривны; 5 – височные украшения; 6 – браслеты; 7 – перстни; 8 – литые пронизи с привесками или отдельные бронзовые привески в составе ожерелий.

Таблица 6. Встречаемость некоторых видов украшений по группам женского убора VI – первой половины VII вв. (в %).

Группы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
3	25	75	50	-	50	75	100	25	100	75	100	75
2				16	44	50	55	66	61	88	88	88
2б				30	88	55	44	44	55	88	88	88
2а						44	66	88	66	88	77	77
1								63	57	63	78	57

1 – прототип застежки с крылатой иглой; 2 – гривны с коробкой; 3 – нагрудные бляхи с перекрестьем; 4 – нарукавные повязки; 5 – затылочные кисти; 6 – бронзовые литые пронизи и привески в составе ожерелий; 7 – накосники; 8 – нагрудные бляхи с крышкой; 9 – гривны; 10 – височные украшения; 11 – браслеты; 12 – перстни

[107] Комплексы конца IV – начала V в., конца V – началаVI вв. и широко датирующиеся V–VI вв. в целом здесь не учтены.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Литература

Абрамова М.П. 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.

Алексеева Е.М. 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, Г-1-12. М.

Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.

Ахмедов И.Р. 2007. Инвентарь мужских погребений. В: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ. 9.

Ахмедов И.Р. 2010а. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов (по материалам могильника у села Никитино) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула.

Ахмедов И.Р. 2010б. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) //Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. РСМ, 13.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1998а. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. Труды ГИМ, 96. М.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1998б. О месте фибул в рязано-окских могильниках: постановка вопроса //Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1999. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова. М.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 2007. К реконструкции исторических процессов. В: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ, 9.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-ти летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб.

Белоцерковская И.В. 1999. Ажурные застежки из могильника Кораблино // Труды ГИМ, 103. М.

Белоцерковская И.В. 2001. Затылочные кисти из рязано-окских могильников как элемент головного убора // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма), 2. Самара.

Белоцерковская И.В. 2003. Некоторые черты погребального обряда рязано-окских могильников // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.

Белоцерковская, 2005. Уникальный сосуд из рязано-окского могильника Заречье // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Труды ГИМ,. 145. М.

Белоцерковская И.В. 2007. Инвентарь женских погребений. В: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ, 9.

Белоцерковская И.В. 2010а. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Белоцерковская И.В. 2010б. Литые подвески к накосникам из рязано-окских могильников // Материалы по истории и археологии России, 1. Рязань.

Белоцерковская И.В. 2012а. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ, 191. М.

Белоцерковская И.В. 2012б. Женский комплекс из могильника Кораблино // Образы времени. Из истории первобытного искусства. М.

Белоцерковская И.В. 2012в. Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула.

Белоцерковская И.В. В печати. Две фибулы-броши из памятников оскских финнов // Труды ГИМ. М.

Бобровская О. 1999. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. 2005. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977-78 гг. Труды отдела охранных раскопок, 3. М.

Воронов Ю.Н. 2003. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. 1973. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА, 1.

Габуев Т.А. 2005. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. Каталог выставки. М.

Габуев Т.А., Малашев И.Ю. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Голубева Л.А. 1987. Меря. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Гопкало О.В. 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев

Гопкало О.В. 2011а. Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями) // Европейская Сарматия и Херсонес. Stratum plus, 4. Кишинев.

Гопкало О.В. 2011б. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры. К постановке проблемы // Oium, 1. Киев.

Гороховский Е.Л. 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дисс. канд. ист. наук. Киев // Архив ИА НАНУ.

Горюнова Е.А. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА, 94. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Дьяковская культура. 1974. М.

Ефименко П.П. 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии, III-1. Л.

Ефименко П.П. 1975. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. МНИИЛИЯЭ. Труды. 48. Саранск.

Засецкая И.П. 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Зеленеев Ю.А., Шитов В.Н. 1979. О планировке Старокадомского могильника // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н.э. Труды МНИИЯЛИЭ, 63. Саранск.

Зеленин Д.К. 1991. Восточнославянская этнография. М.

Зубков В.И. 1950. Результаты археологического надзора за Борковским могильником. // Архив РИАМЗ. III-1601.

Исланова И.В. 2007. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ, 9.

Каминский В.Н. 1987. Алано-болгарский могильник у станицы Старокорсунской на Кубани // СА, 4.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // ПАВ, 7.

Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ, Е1-43. Л.

Корнишина Г.А. 2002. Знаковые функции народной одежды мордвы. Саранск.

Кравченко Т.А. 1974. Шатрищенский могльник (по раскопкам 1966-1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.

Краснов Ю.А. 1980. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.

Кренке Н.А. 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. М.

Кузнецов В.А., Пудовин В.К. 1961. Аланы в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов. СА, № 2.

Майнов В. 1885. Очерк истории юридического быта мордвы // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии, XIV-1. СПб.

Максимов Е.В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев

Масленников А.А. 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.

Мастыкова А.В. 2005. Средиземноморский костюм с фибулами и брошами на Северном Кавказе в V–VI вв. // СА, 1.

Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в.н.э. М.

Мордва. Историко-культурные очерки. 1995. Саранск.

Мордовский народный костюм. 1990. Саранск.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Мошкова М.Г. 1989. Среднесарматская культура. Позднесарматская культура. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. Археология СССР. М.

Некрасова А.Н. 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. Киев.

Обломский А.М. 2007. Киевская культура на фоне этнокультурных процессов в лесостепной зоне в III–V вв. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). РСМ, 10.

Обломский А.М., Радюш О.А. 2007. Вещевой комплекс // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). РСМ, 10.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). РСМ, 10.

Павлова М.С. 2008. Женский костюм и структура традиционного общества: опыт построения модели // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.

Погребова Н.Н. 1961. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА, 96. М.

Рамишвили Р.М. 2003. Грузия // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Родинкова В.Е. 1995. К вопросу о хронологии нижнего горизонта могильника Суук-Су // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков.

Розенфельдт И.Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Румянцева О.С. 2005а. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А.Городцова в ГИМ. Труды ГИМ,. 145. М.

Румянцева О.С. 2005б. Бусы Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977-78 гг. Труды отдела охранных раскопок, 3. М.

Румянцева О.С. 2007. Бусы массовых типов. В: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ, 9. М.

Румянцева О.С. 2010. Некоторые особенности распространения бус в Поочье и окско-Сурском междуречье в эпоху Великого Переселения народов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир, 13. М.

Рыков П. 1930. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов

Сарачева Т.Г. 2005. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977-78 гг. Труды отдела охранных раскопок, 3. М.

Сергацков И.В. 2000. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград.

Спицын А.А. 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР, 25. СПб.

Степанов П.Д. 1980. Андреевский курган. Саранск.

Стоянова А.А. 2004. Бусы и подвески из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. V. Симферополь-Керчь

Стоянова А.А. 2011. Аксессуары женского костюма II – первой половины III. в.н.э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нйзац. Симферополь.

Труфанов А.А., Колтухов С.Г. 2002. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. 4, 2001–2002. Кишинев.

Фролов И.К. 1974. Фибулы-броши с выемчатой эмалью // КСИА, 140.

Храпунов И.Н. 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin.

Храпунов И.Н. 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. VI. Симферополь-Керчь.

Храпунов И.Н. 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нйзац. Симферополь.

Шитов В.Н. 1988а. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Труды МНИИЯЛИЭ, 93. Саранск.

Шитов В.Н. 1988б. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ, 85. Саранск.

Янкович Дж. 2012. Нероманизированные иллирийцы и славяне // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Бабенчиков В.П. 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. XIII. Київ.

Godlowski K. 1995. Das "Fürstengrab" des 5. Jhs. Der "Fürstensitz" in Jakuszowice in Südpolen // La . noblesse Romaine et les chefs Barbares. Du III au VII siècle. Condé-sur-Noireu.

Kazanski M., Mastykova A. 2000. Les Alains sur le Dnieper L'époque des Grandes Migrations: Le temoignage de Marcien et données archéologiqes // Gentes, Reges und Rom.Auseinandersetzung-Anerkennung-Anpassung. Brno.

Nowakowski W. 1988. Import czy imitacja? Brązowe dzwonki ze "skarbu z Mieżigorje" na tle znaleziskz Europy wschodniej // Archeologia, XXXVIII. Warszawa.

Teiral J. 1986. Fremde Einflüsse und kulturalle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderunszeit //Peregrinatio Gothica. Archaeologia Baltica . VII.. Łodź.

Teiral J., 1995. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.

Список сокращений

ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии, М.
МАР – Материалы по археологии России.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МНИИЯЛИЭ – Труды Мордовского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и этнографии при Совете Министров Мордовской АССР.
САИ – Свод археологических источников.
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология. М.
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

I.V. Belotserkovskaya

Female costume of the Ryazan-Oka Finns in the 5th–7th cc. AD. Traditions and innovations

Abstract

Constructive and decorative elements of female costume repeatedly changed on the process of development of the Ryazan-Oka Finns culture. The complex of traits of traditional costume mostly formed in the end of the 4'th c – the beginning of the 5'th c AD. At that time headware set changed – caps with head plaques, open-worked fastenings with pendants and sewed plaques stay in the past. New headware set included temporal ornaments of different types, braid pendants, occipital tassels and rarely – headbands. Necklace set included glass beads equally with bronze tubes with pendants, and as an independent type of jewelry – the three point lunulae and jewelries composed of hoops and plate pendants. The types of breast plaques also got alterations – breast plaques with covers came into use in married woman's costume and plaques with cross-hair – in girl's costume. Instead of banded bracelets the round in cross-section ones with different types of ends, pendants for traditional spiraled finger-rings appeared, cast round hoops were replaced by banded ones in sleeve bands. The neck-rings with lock as small round box and ones with double loop which have its prototypes among the materials of European sites got widespread.

The interaction between the Ryazan-Oka Finns and allogenous groups of people played an important role in forming of costume complex for the Migration period. Due to that interaction female attire included imported things as well as local imitations of prestigious European goods, and the costume became to look like gala owing to the multiplicity of elements. The connections with groups of people of the Chernyakhov culture (pic. 1: 21, 28; 3: 23), perhaps the Kiev culture (pic. 1: 6) and also the Moskva River region (pic. 1: 48) and the Black Sea Coast – North Caucasus region (pic. 2: 12, 14) are traced for the period. Events of the Migration Period acted as the catalyst for the process of development of social relations of the Ryazan-Oka Finns. As a result costumes of different age-social groups formed and the markers of the prestigious attire were defined in female and infant costume. The women whose graves contained cross-shaped brooches and "male" forms of bracelets with bell-shaped ends (pic. 4: 13–29) and the girls, buried with belt tassels and cast bronze tubes with pendants were of high social status.

In the 6'th century serious alterations of women's jewelry occurred though attire structure and the bulk of its elements remained the same. Lunulae, composed neck jewelries with pendants, brooch-pendants, cast finger-rings with pendants got out of usage. The types of ending-pendants of braid and temporal ornaments were changed. Types of bracelets, neck-rings were transformed too. The shapes of breast plaques covers became more complicated.

Female attire of the 6'th century became more common in comparison with one of the 5'th century, further its development went in the direction of modification and complication of components which had became the traditional ones (pic. 4: 30–67). Nevertheless glass beads and bracelets of some types were still being imported to the Oka region (pic. 2: 16, 19).

From the 6'th century the composed cast pendants for braid ornaments and occipital tassels (pic. 6: 25, 27) got widespread, the bunk conical banded pendants (pic. 5: 49) appeared later. The massive rings without pendants one began to use as independent category of temporal ornaments. The banded sickle-shaped neck-rings (pic. 4: 40, 53) as well as the wiry ones (pic. 6: 54) and bracelets with round cross-section and flattened ends (pic. 5: 35) gained ground. Shapes of temporal pendants of some types (pic. 5: 32, 41) became more complicated. The covers of breast plaques attained round form at the middle of the 7th c.

The ornaments that in the 5th century marked out the attires of population group that was lower than the leading one in social hierarchy became the markers of highest social status of women and children in the 6th c. Those are the neck-rings with receptacle and breast plaques with cross-hair (pic. 4: 30–44). At the middle of the 7th c. the prototypes of massive fastenings with winged needle became the markers of high social status. At the same time the prestigious female burial costume with cross-haired breast plaques and rare archaic jewelries such as headband and multi-spiral bracelets (pic. 6: 38–60) was generated on the base of wedding finery.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

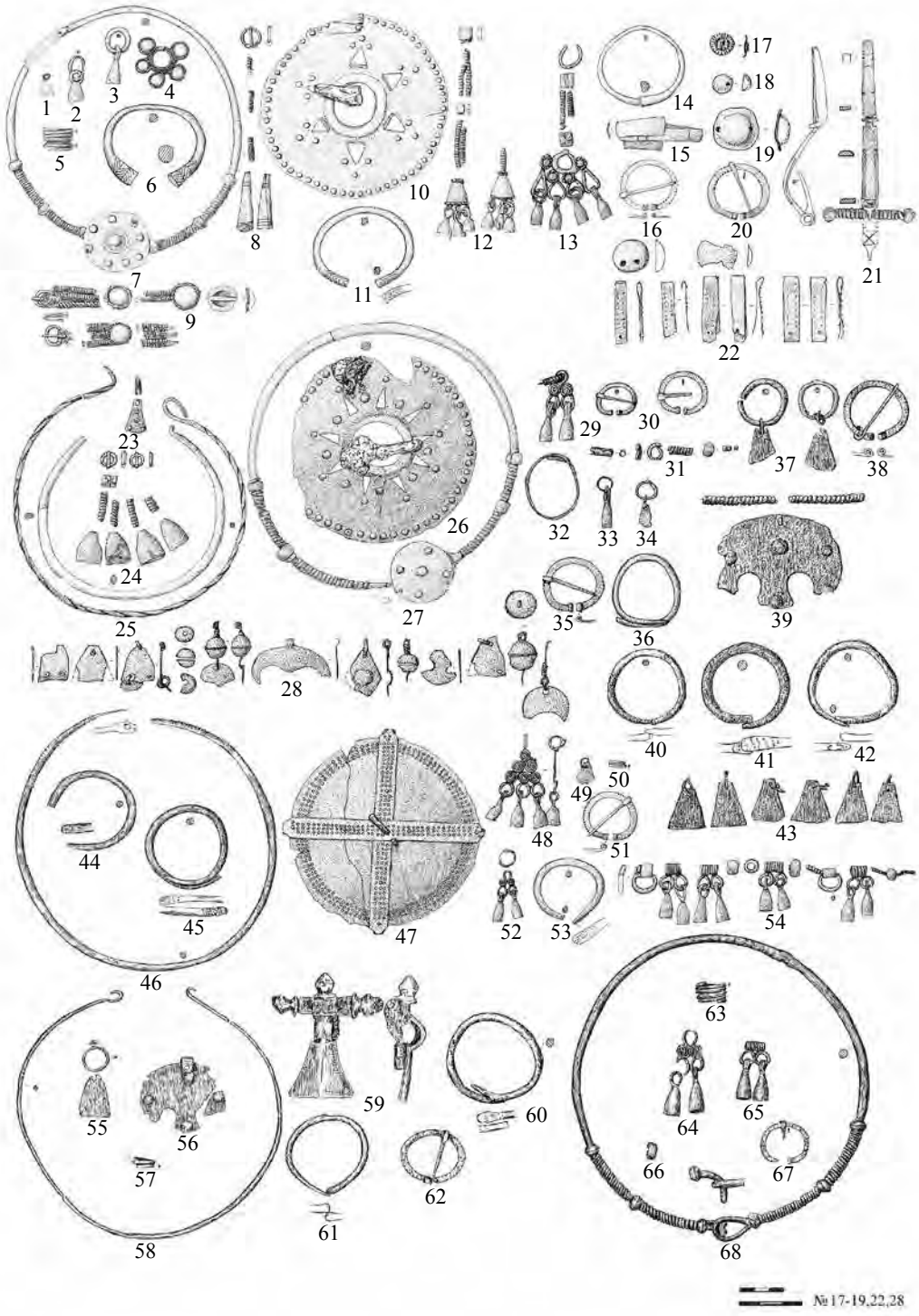


Рис. 1. Комплексы женского костюма конца IV–V вв. из рязано-окских могильников.
1–12 – Заречье 77; 13–28 – Заречье 213; 29–32 – Заречье 239А; 33–36 – Заречье 239Б; 37–43 – Кораблино 84; 44–46 – Кораблино 45; 47–54 – Заречье 216; 55–62 –Кораблино 4; 63–68 – Кораблино 44. Височные украшения: 2, 3, 23, 29, 34, 37, 52, 55, 64; накосники: 12, 13; кисти затылочные: 8, 24; бляшки: 17(деформирована)–19; элементы ожерелий: 28, 31, 54, 65; сюльгамы: 16, 20, 30, 31, 35, 51, 62, 67; браслеты: 6, 11, 14, 15, 31, 36, 40–42, 44, 45, 53, 60, 61; гривны: 7, 25, 27, 46, 58, 68; бляхи нагрудные: 10, 27, 47; брошь – 48; фибулы: 21, 59; лунницы: 39, 56; перстни: 5, 50, 57, 63; привески: 1, 4, 33, 43, 49; повязка нарукавная: 9; украшения обуви: 22; бусина: 66.
9, 12, 13 – кожа, бронза; 10, 26, 59 – бронза, железо; 17 – золото; 28 – серебро; 31, 54 – стекло, бронза; 66 – стекло; остальное – бронза.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

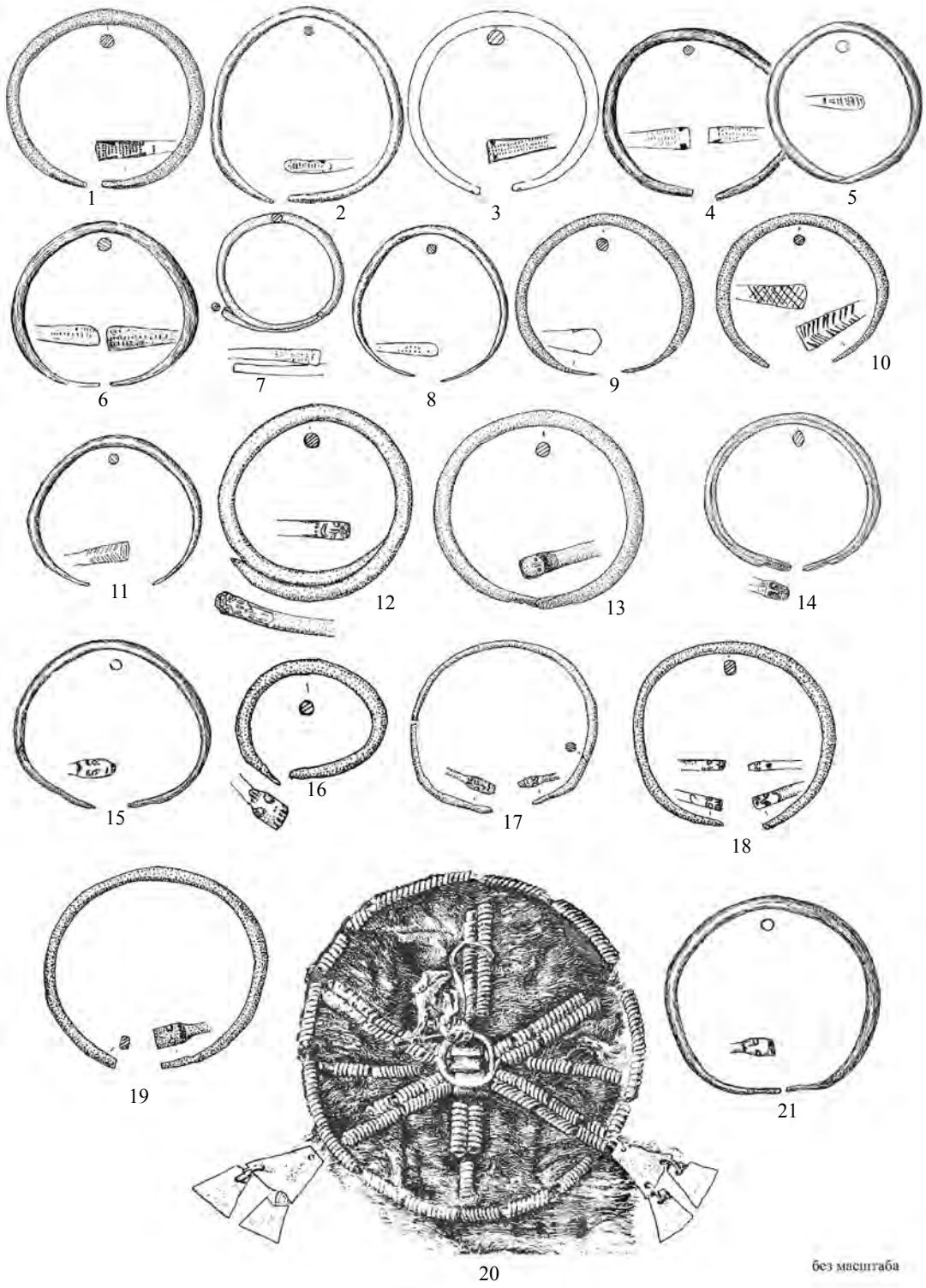


Рис. 2. Браслеты окских финнов и украшения головного убора (бронза).
1 – Кораблино 124; 2 – Кораблино 29; 3 – Заречье 55; 4 – Кораблино 46; 5 – Заречье 1; 6 – Кораблино 28; 7 – Заречье 45; 8 – Кораблино 89; 9 – Заречье 145; 10 – Заречье 178; 11 – Кораблино 147; 12 – Заречье 87; 13 – Заречье 223Б; 14 – Заречье 95; 15 – Заречье 15; 16 – Заречье 170 (височное кольцо); 17 – Заречье 204; 18 – Заречье 119; 19 – Заречье 161; 20 – Кузьминский (по А.А. Спицыну 1901, табл. XIX), 42; 21 – Заречье 13.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

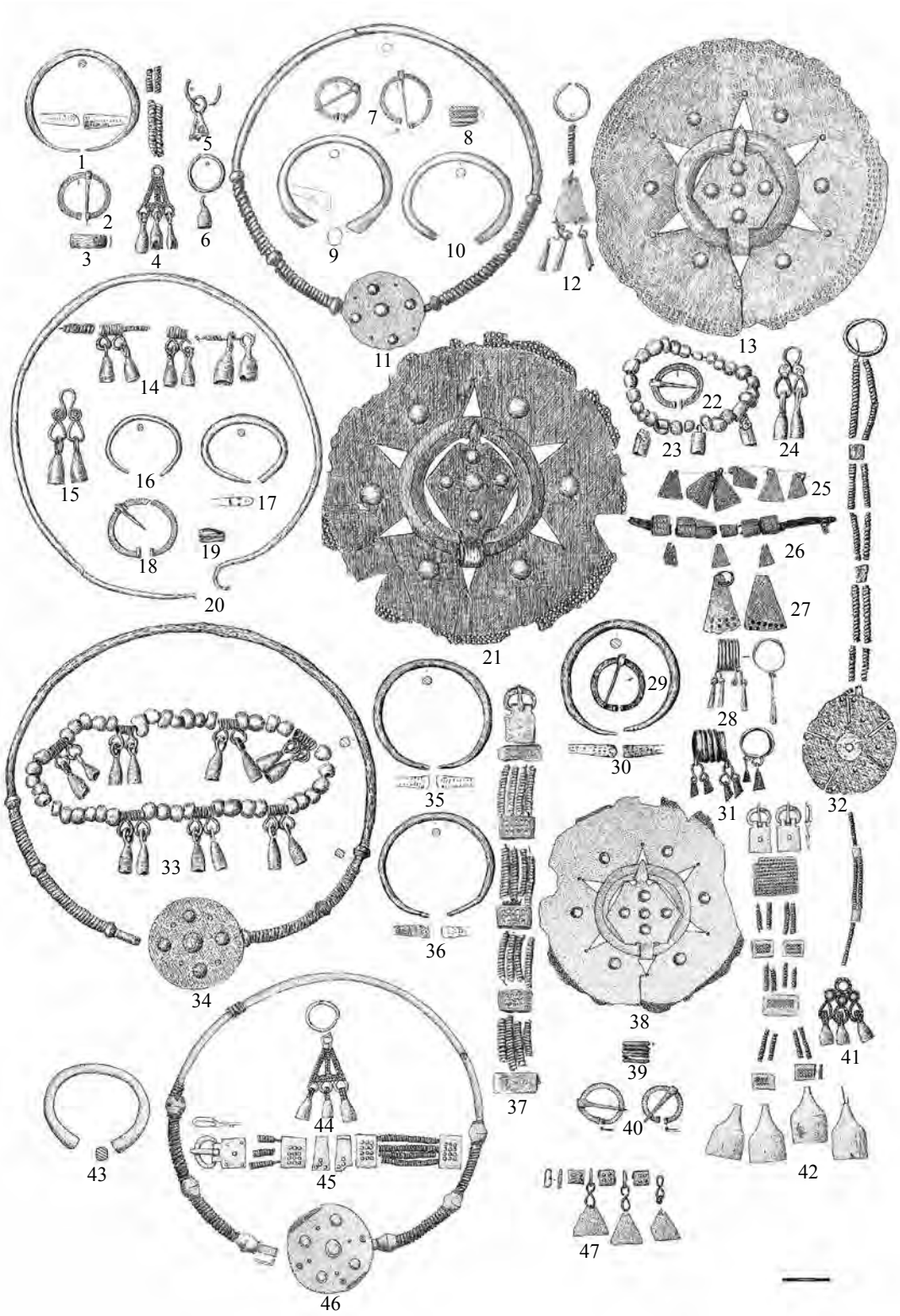


Рис. 3. Комплексы женского костюма V в. из рязано-окских могильников.
1–6 – Кораблино 28; 7–12 – Заречье 29; 13–20 – Кораблино 126; 21–37 – Кораблино 16; 38–47 – Заречье 48. Височные украшения: 5, 6, 15, 24, 44; браслеты: 1, 9, 10, 16, 17, 30, 35, 36, 43; сюльгамы: 2, 7, 18, 22, 29, 40; перстни: 3, 8, 19, 28, 31, 39; шейные украшения: 14, 23, 25, 26, 33, 47; гривны: 11, 20, 34, 46; накосники: 4, 12, 32, 41; бляхи нагрудные: 13, 21, 38; повязки нарукавные: 37, 45; кисть затылочная: 42; привески: 27.
3 –серебро; 23 – стекло, бронза, железо; 33 – стекло, бронза; 26, 32, 37, 42, 45, 48 – кожа, бронза; 46 – бронза, серебро; остальное – бронза.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

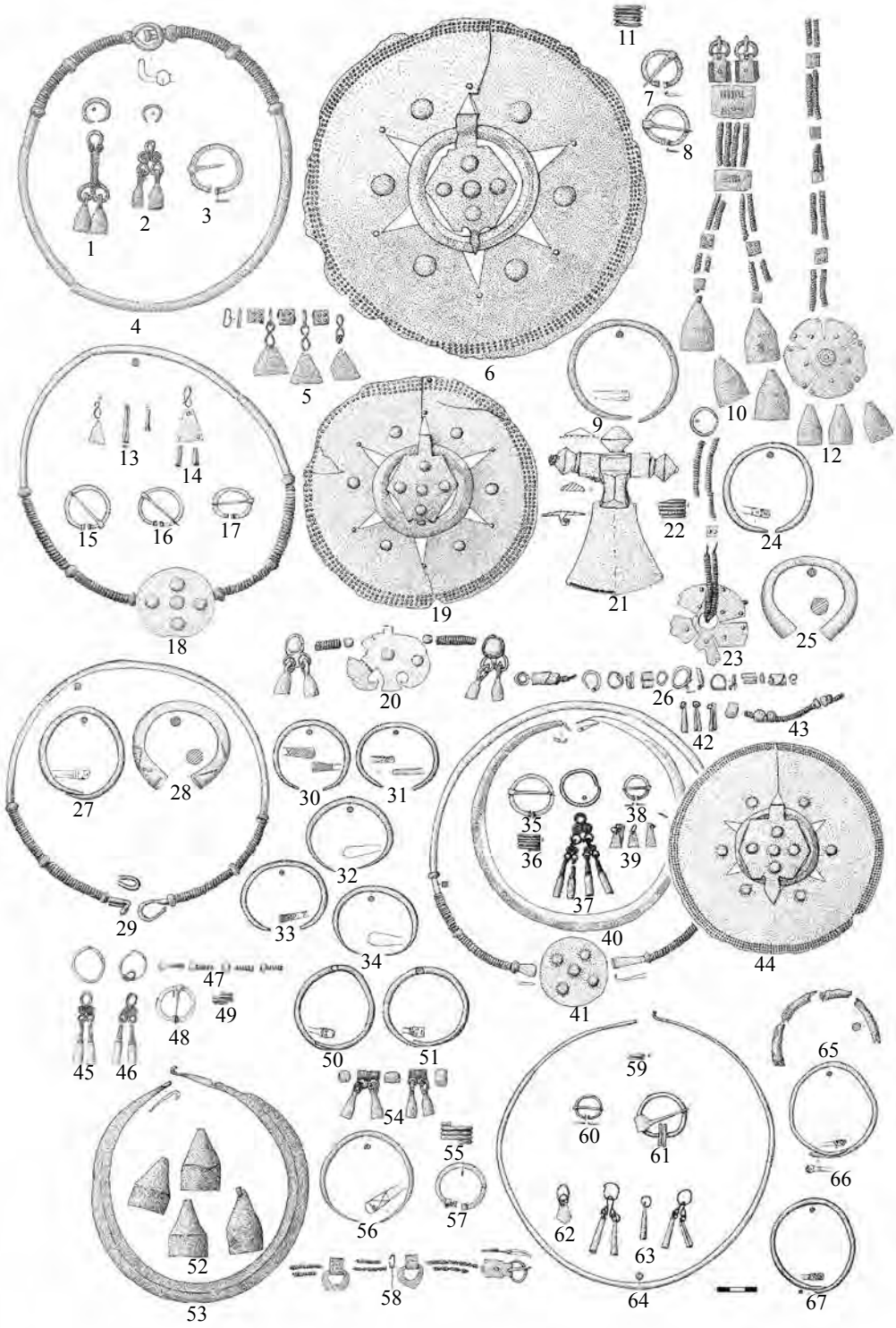


Рис. 4. Комплексы женского костюма V–VI вв. из рязано-окских могильников.
1–12 – Заречье 144; 13–29 – Заречье 71Б; 30–44 – Заречье 75; 45–51 – Заречье 43; 52–58 – Заречье 233; 59–67 – Заречье 111. Височные украшения: 1, 2, 14, 37, 45, 46; гривны: 4, 18, 29, 40, 41, 53, 64; сюльгамы: 3, 7, 8, 15–17; 35, 38, 48, 60, 61; шейные украшения: 5, 20, 26, 43, 47, 54; бляхи нагрудные: 6, 19, 44, 52; кисти затылочные: 10, 56; накосники 12, 23; фибула: 21; браслеты: 9, 24, 25, 27, 28, 30–34, 50, 51, 56, 66, 67; привески: 13, 39, 42, 62, 63; перстни:11, 22, 36, 49, 55, 59; кольцо височное: 65; венчик налобный: 58.
5, 10, 12, 23, 26, 58 – кожа, бронза; 20, 43, 47, 54 – бронза, стекло; 21 – бронза, железо; 65 – олово; остальное – бронза.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

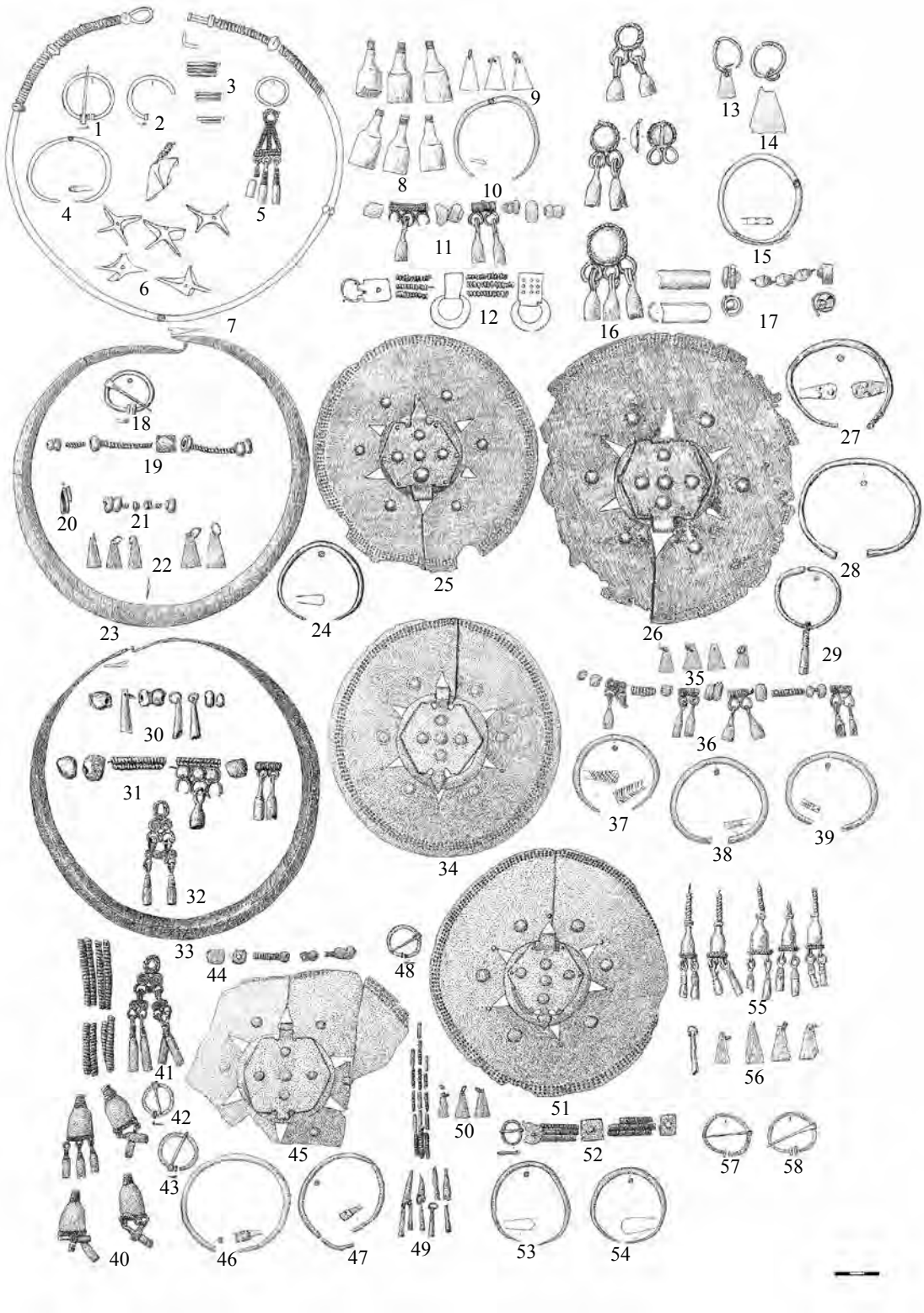


Рис. 5. Комплексы женского костюма VI–VII вв. из рязано-окских могильников.
1–12 – Заречье 46; 13–17 – Заречье 36; 18–25 – Кораблино 155; 26–33 – Кораблино 25; 34–39 – Заречье 178; 40–47 – Заречье 161; 48–54 – Заречье 140; 55–58 – Кораблино 90. Сюльгамы: 1, 2, 18, 42, 43, 48, 57, 58; затылочные кисти: 6, 40; перстни: 3, 20; браслеты: 4, 10, 15, 24, 27, 28, 37–39, 46, 47, 53, 54; гривны: 7, 23, 33; подвески: 8, 9, 22, 30, 35, 56; шейные украшения: 11, 17, 19, 21, 31, 36, 44; повязка нарукавная: 52; подвески височные: 5, 13, 14, 29, 32, 41; бляхи нагрудные: 25, 26, 34, 45, 51; накосники: 49, 55; венчик налобный: 12; украшения пояса: 16.

11, 19, 21, 30, 31, 36, 44, 49 – стекло, бронза; 12, 52 – кожа, бронза; остальное – бронза.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

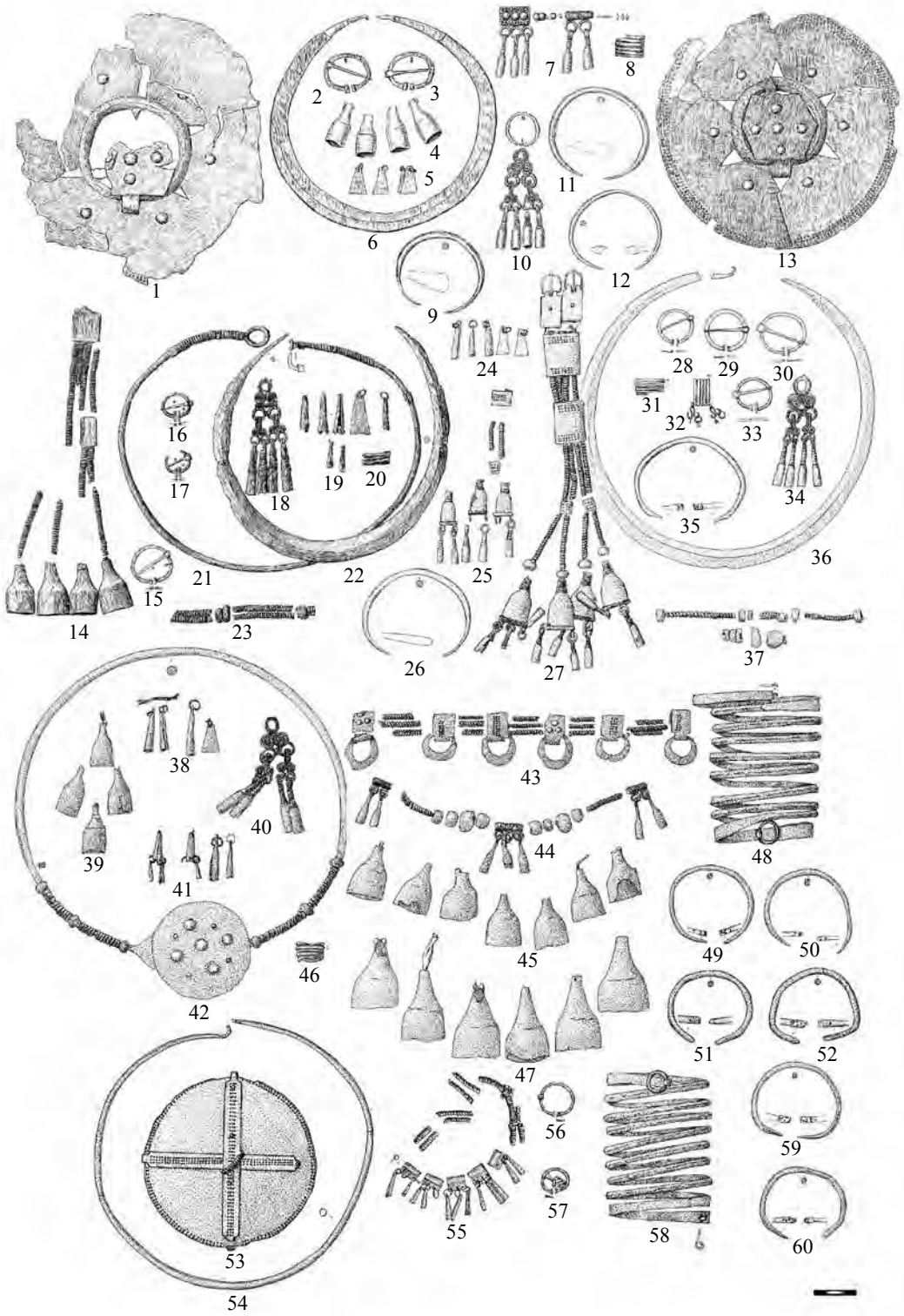


Рис. 6. Комплексы женского костюма VI–VII вв. из рязано-окских могильников.
1–6 – Кораблино 90; 7–13 – Кораблино 98; 14–23 – Кораблино 171; 24–37 – Заречье 109; 38–60 – Заречье 119. Бляхи нагрудные: 1, 13, 53; гривны: 6, 21, 22, 36, 42, 54; сюльгамы: 2, 3, 15–17; 28–30, 33, 56, 57; накосники: 25, 39; элементы ожерелий: 7, 23, 37, 44; подвески височные: 10, 18, 34, 40; украшения платья: 5, 19, 24, 38; браслеты: 9, 11, 12, 26, 35, 48–52, 58–60; кисти затылочные: 14, 27, 45, 47(?); перстни: 8, 20, 31, 32, 46; украшение передника: 41; венчик налобный: 43; украшения обуви: 55.

7, 23, 37, 44 – стекло, бронза; 14, 25, 27, 43, 55 – кожа, бронза; остальное – бронза.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

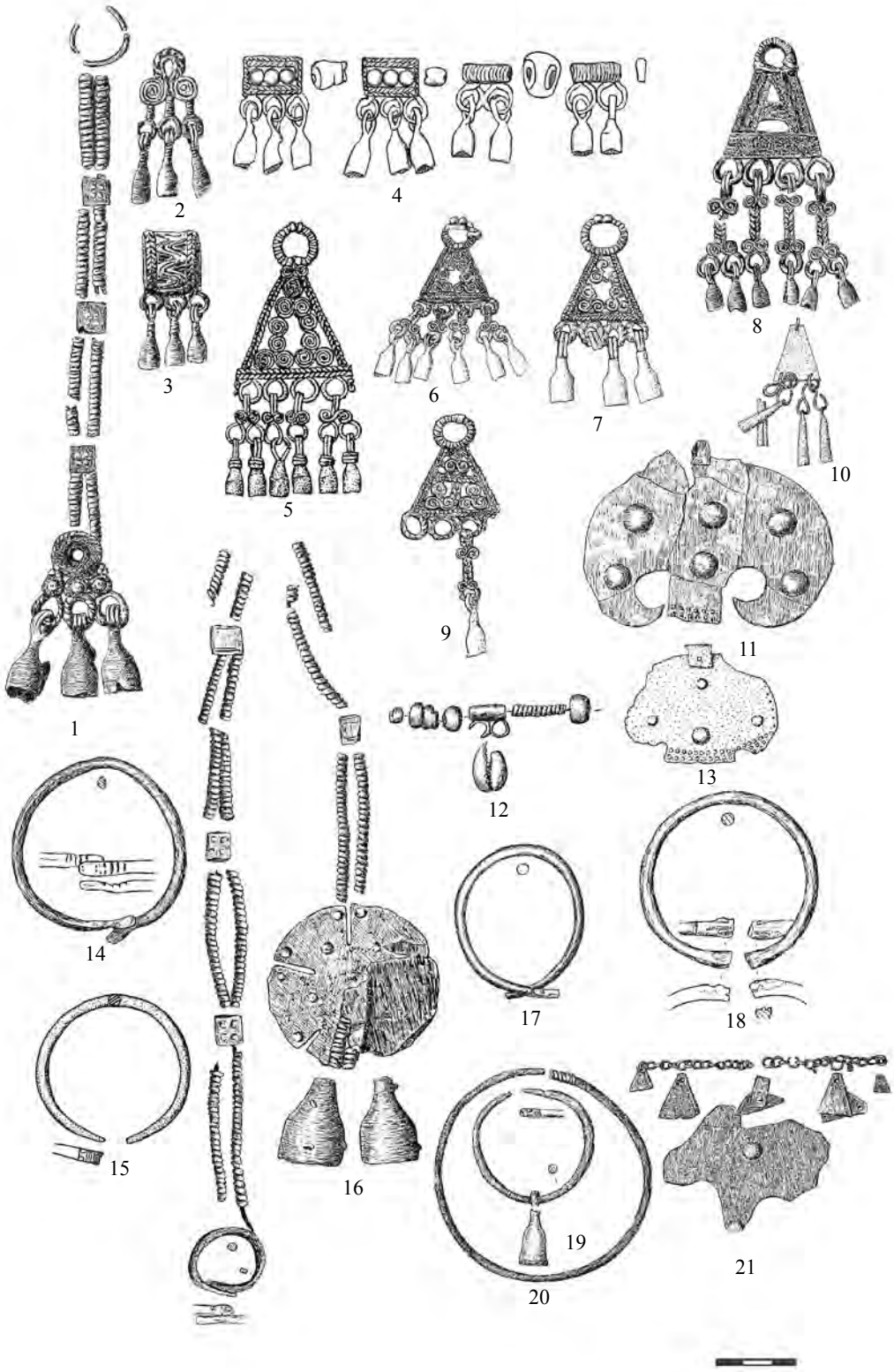


Рис. 7. Отдельные виды женских украшений.
1–4; 8 – Кораблино 18; 5 – Никитино 18; 6 – Борок 2; 7, 9 – фонды Шиловского музея (прорисовка по фотографии); 10 – Заречье 100; 11 – Кораблино 99; 12 – Кораблино 23; 13 – Заречье 99; 14 – Кораблино 46; 15 – Заречье 53; 16 – Кораблино 15; 17 – Заречье 1; 18 – Кораблино 41; 19 – Кораблино 35; 20 – Кораблино 170; 21 – Кораблино 83. Накосники:1, 16; привески височные: 2, 10, 19; перстень:3; ожерелья: 4, 12, 21; броши-привески: 5–9; лунницы:11, 13; браслеты:14, 15; 17–18; кольцо височное: 20.
1, 16 – кожа, бронза; 4 – стекло, серебро, бронза; 12 – стекло, бронза, раковина; остальное – бронза.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Особенности культурного состава населения Самарского Поволжья в первой половине I тыс. н.э. по данным технологического анализа керамики

Н.П. Салугина

Основной проблемой, связанной с именьковской культурой, является вопрос о ее происхождении. Историография вопроса обширна и хорошо знакома специалистам, очень полно ее представил в своей работе Д.А. Сташенков (Сташенков, 2005, с. 9–16). На протяжении двадцати с лишним лет особо дискуссионной стала гипотеза, высказанная Г.И. Матвеевой, о формировании именьковской культуры на основе культур полей погребений (Матвеева, 1981; 1986; 2000; 2003). С момента ее обнародования интерес к памятникам именьковской и предшествующих культур не ослабевает. Обсуждение данной гипотезы поставило перед исследователями вопросы более четкого анализа всех артефактов, в том числе и особенностей гончарного производства. К середине 80-х годов был проведен технико-технологический анализ керамики славкинского типа, городища Лбище и, собственно, именьковской культуры всех территориальных групп и было высказано мнение, что население памятников типа Славкино, Лбище и именьковских можно отнести к кругу родственных, возможно, имеющих общие истоки происхождения (Салугина, 1987; 2000, с. 238). Некоторые общие черты были зафиксированы в гончарстве зарубинецкой (Бобринский, 1978, с. 151–152, 172–173; Дубицкая, 1986, с. 49–50) и именьковской культур, что дало основание высказать предположение о некоторой их родственности (Салугина, 2000, с. 238). В то же время необходимо отметить, что исследования, проведенные в 80-е годы, были только началом большой работы, которую нужно продолжать. К настоящему времени накоплены новые материалы, которые могут уточнить конкретные проблемы населения раннего средневековья: комплекс памятников у с. Сиделькино, поселение Крепость Кондурча, Тимяшевское I селище (Сташенков, 2005). Д.А. Сташенков на основе морфологического исследования керамики с указанных памятников выделил особые группы керамики, названные «сиделькинский» и «тимяшевский» типы. Он датировал их, в целом, III–V вв. н.э., отметил близость указанных керамических наборов к керамике киевской культуры (Сташенков, 2005, с. 34, 39, 44, 45, 47) и высказал предположение, что потомки населения, оставившего памятники типа Сиделькино – Тимяшево, могли принять участие в формировании именьковского населения в качестве одного из компонентов (Сташенков, 2005, с. 46). Приведенные в работе Д.А. Сташенкова данные по технологии изготовления глиняной посуды единичны и отрывочны, поскольку изучались лишь отдельные фрагменты сосудов с указанных памятников. Чтобы проводить квалифицированное сравнение указанных материалов с материалами по технологии гончарства славкинского и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лбищенского типов и собственно именьковской культуры, их также необходимо изучить с точки зрения технологии изготовления, чему в значительной мере и посвящена настоящая статья.

Методика исследования

Исследование технологии изготовления керамики проводилось при помощи микроскопа МБС-10 в соответствии с методикой, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978, 1999) и заключалось в изучении следов технического происхождения, оставленных на поверхностях и в изломах изделий, и сравнения их с эталонной базой, созданной в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению гончарства. Чтобы привлечь полученную информацию к исследованию конкретных исторических процессов, необходимо помнить, что любая гончарная технология – это системное образование, обладающее определенной устойчивостью. Признаки устойчивости проявляются в фактах многократного воспроизведения одних и тех же навыков работы в каждом новом цикле производственного процесса. Устойчивость системы обеспечивается четырьмя факторами: изготовлением привычных (традиционных) форм посуды; наличием устойчивой среды потребителей; наличием технических средств изготовления посуды; доступностью сырья (Бобринский, 1999, с. 8, 48–49). Данные этнографии показывают, что устойчивое состояние систем технологии характеризует относительную замкнутость по отношению к внешнему миру носителей гончарных систем – гончаров, их «привязанность» к ограниченному пространству, очерченному рамками поселения, где они работают, и ближайшей периферией, где распространяется их продукция. Вероятно, в древности подобные условия были более жесткими, и связь с внешним миром жителей отдельных поселков регламентировалась строже (Бобринский, 1999, с. 52). Когда подобная замкнутость нарушалась и происходили контакты с инокультурными группами, начинались процессы смешения между носителями разных культурных традиций, что проявлялось и в технологии изготовления керамики.

В системе гончарной технологии выделяются две группы навыков: приспособительные (отбор и подготовка исходного сырья, составление формовочных масс и способы обработки поверхностей) и субстратные (способы конструирования и формообразования). Первые в условиях смешения населения изменяются достаточно быстро, в течение жизни 1-2-х поколений, субстратные – наименее подвержены изменениям, и могут сохраняться даже в условиях смешения населения в течение жизни 5-6 поколений. Различение керамики по этому признаку очень важно, оно позволяет заглянуть, как бы, в прошлое культурных традиций изучаемого населения и определить, было ли это население единым или различалось в культурном отношении. Кроме того, представления о том, какое сырье необходимо использовать для изготовления посуды, также указывает на культурное единство или различие населения (Бобринский, 1978, с. 69).

Прежде чем перейти к непосредственному анализу результатов исследования, необходимо отметить, что материал, предоставленный автором раскопок для технологического исследования, сильно фрагментирован, поэтому технологический анализ был ограничен, в основном, изучением приспособительных навыков и лишь частично – субстратных. Наиболее подробно рассмотрены особенности отбора исходного сырья. Это объясняется следующими обстоятельствами. Несмотря на внешнюю близость исходного сырья, каждый памятник имеет свою специфику, которая выражается, в основном, в количественной представленности песка. А.А. Бобринским для характеристики навыков отбора и добычи сырья выделены три уровня представлений о глине, как об исходном сырье. Различение керамики по этому признаку является свидетельством того, что она оставлена, скорее всего, изначально неродственными группами населения. Использование глин в качестве основного исходного сырья, а непластических материалов – в роли примесей, отнесены им к третьей ступени второго уровня представлений (Бобринский, 1978, с. 67–69). Позже А.А. Бобринским введены понятия о районах и местах его добычи. Предполагаемый район добычи (Р) характеризуется качественным составом естественных примесей, а условное место добычи (М) – количественным соотношением этих составляющих (Бобринский, 1999, с. 25–26). Данные понятия являются исследовательскими категориями, но их учет дает четкие представления об особенностях навыков на определенной ступени технологии.

По материалам всех трех поселений зафиксированы общие навыки придания сосудам прочности, т.е. обжига. Чтобы избежать повторов, остановимся на этих особенностях здесь. Обжиг посуды производился в простых обжиговых

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

устройствах типа кострищ или очагов. Излом сосудов имеет, как правило, трехцветную окрашенность, т.е. прилегающие к внешней и внутренней сторонам сосуда слои коричневого цвета, середина – темно-серого. Толщина слоев составляет от 1 до 4 мм. Подобная окрашенность излома указывает на то, что сосуды обжигались в условиях окислительной, т.е. с доступом кислорода, атмосферы и находились в зоне температур каления (650º и выше) непродолжительное время (10-15 мин.). Граница между цветовыми слоями может быть либо четкой, либо «размытой». В первом случае сосуды по достижении высоких температур извлекались из обжигового устройства, во втором – они оставались в обжиговом устройстве до их полного остывания. Часть сосудов имеет темно-серую окрашенность излома, что свидетельствует о том, что данные сосуды обжигались в условиях восстановительной атмосферы, т.е. без доступа кислорода.

Всего с трех памятников было исследовано 65 фрагментов керамики от условно разных сосудов, представленных верхними и донными частями и стенками: Сиделькино – 39, Тимяшево – 13, Крепость Кондурча – 13 фрагментов.

Поселение у с. Сиделькино

В данной части статьи представлен анализ керамики **сиделькинского типа.**

Исходное сырье. Для изготовления керамики гончарами поселения отбирался один вид исходного сырья – ожелезненные глины, которые по качественному составу естественных примесей (песок и бурый железняк) происходили из одного района (Р1). По количественному составу естественных примесей были определены подвиды сырья, которые маркируют шесть конкретных мест добычи (М). Их характеристика следующая:

Р1М1 – не запесоченная или высоко пластичная глина (ВОГ), в которой содержался песок размером 0,1-0,2 мм (4-5 включений на 1 кв. см); оолитовый бурый железняк размером до 1,5 мм.

Р1М2 – слабо запесоченная или пластичная глина (ПОГ-1), в которой содержалось совсем небольшое количество песка размером до 0,1 мм и песок размером 0,2-0,3 мм (до 50 включений на 1 кв. см) и бурый железняк в виде гомогенных ярко-оранжевых округлых включений.

Р1М3 – также слабо запесоченная или пластичная глина (ПОГ-2), в которой на 1 кв. см содержалось до 70 включений песка размером 0,1 мм и до 15 включений песчинок размером 0,2 мм.

Р1М4 – средне запесоченная или средне пластичная глина (СОГ-1), в которой на 1 кв.см содержалось до 100 включений песчинок размером 0,2-0,3 мм; бурый железняк в виде гомогенных ярко-оранжевых округлых включений.

Р1М5 – также средне запесоченная или средне пластичная глина (СОГ-2), в которой на 1 кв. см зафиксировано до 120 включений песчинок размером 0,1 мм и до 25 включений песчинок размером 0,2 мм; оолитовый бурый железняк размером до 1,0 мм.

Р1М6 – запесоченная глина (ЗОГ), которая содержала следующий по размерам песок: на 1 кв. см – до 200 включений песка размером 0,1 мм и до 30 включений песчинок размером 0,2-0,3 мм; бурый железняк в виде гомогенных ярко-оранжевых округлых включений размером до 1,5 мм.

Наиболее часто использовались высоко пластичная глина из первого места добычи (около 30%), пластичная и средне пластичная глины (соответственно из третьего и пятого мест добычи) – по 25% (табл. 1). Как правило, глины перед составлением формовочной массы использовались в естественно увлажненном состоянии, очень редко – специально готовились, т.е. высушивались и дробились, на что указывает наличие комочков той же глины в изломах сосудов.

Формовочные массы подавляющего большинства исследованной посуды составлялись по рецепту шамот+органика. Шамот перед введением в формовочную массу калибровался до определенной крупности. Выделяются две группы сосудов, в которых представлен шамот разной величины: в первой представлен шамот мелких и средних размеров, т.е. от 0,5 до 1,9 мм, во второй – в основном, крупный шамот размером более 2,0 мм, хотя есть и более мелкие экземпляры. Вероятно, для гончаров важна была «верхняя граница» крупности. В формовочную массу шамот вводился в разной концентрации: мелкий и средний – в концентрации 1:5/6; крупный – 1:3 и 1:4. Причем, никакой взаимозависимости между степенью запесоченности глины и концентрацией шамота не наблюдается, нередки случаи, когда в запесоченную глину вводился крупный шамот в концентрации 1:3/4. Преобладают рецепты с крупным шамотом, в целом, они составляют 75%. В качестве органики использовался навоз жвачных животных, как в его естественном состоянии, так и в виде выжимки. Наиболее часто использовался состав шамот крупный + выжимка из навоза (50%) (табл. 1). Единично представлены сосу-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ды, в формовочную массу которых введена специально подготовленная (нагретая) раковина и выжимка из навоза. Наличие подобного рецепта указывает на присутствие особой группы населения со своими навыками. Показательно, что в составе шамота части сосудов также фиксируется раковина.

Анализ особенностей **конструирования** посуды проведен по шести сосудам, количественная представленность способов конструирования не приводится, фиксируется лишь факт наличия того или иного способа. Зафиксированы две основные программы создания начина – донно-емкостная и донная (табл.2). В качестве строительных элементов для создания донных начинов использовались глиняные жгуты, для донно-емкостных – жгуты и лоскуты. В одном случае при изготовлении донно-емкостного начина зафиксированы следы, указывающие на возможность применения формы-емкости. При анализе способов конструирования полого тела оказалось меньше данных для их идентификации. Можно лишь отметить, что использовались лоскуты и жгуты, которые наращивались, как правило, по траектории, близкой к спиралевидной. По двум сосудам зафиксировано наращивание элементов по кольцевой траектории. По двум сосудам отмечены особенности конструирования, указывающие на смешения в составе навыков конструирования посуды: 1) после создания донного спирально-жгутового начина, вероятно, с его середины начиналось навивание жгута для создания полого тела. В этом случае дно приобретает своеобразную двухслойность; 2) полое тело одного сосуда изготовлено из жгутов, которые наращивались по кольцевой траектории, а не по спиралевидной, как это принято для жгутов. Окончательная форма сосудам (формообразование) придавалась путем выдавливания пальцами.

Обработка поверхностей посуды производилась одним способом – простым механическим заглаживанием. Основным инструментом для заглаживания служили кусочки ткани; в трех случаях заглаживание производилось каменной галькой; на четырех сосудах зафиксировано сочетание заглаживания деревянным скребком и тканью. Поверхность одного сосуда обработана лощением по подсушенной основе. На внешней поверхности части посуды следы заглаживания определенным инструментом практически не фиксировались, можно предположить лишь инструмент с эластичной рабочей поверхностью.

Придание сосудам прочности. Излом большей части сосудов имеет трехцветную окрашенность, граница между цветовыми слоями четкая. Небольшая часть посуды имеет темно-серую окрашенность излома. По ряду сосудов сделать заключения о характере обжига не удалось, поскольку они побывали в зоне действия огня вторично (возможно, в пожаре) и первоначальные следы утрачены.

Технико-технологический анализ керамики сиделькинского типа позволяет предварительно заключить, что в сложении населения, оставившее данный тип керамики, принимали участие несколько культурных групп, владевших собственными навыками изготовления посуды. На это, прежде всего, указывают следующие факты.

1. Наличие двух основных программ конструирования начина: донной и донно-емкостной и принципиально различных способов изготовления полого тела – спирально-лоскутный, спирально-жгутовой и жгутовой по кольцевой траектории. В процессе жизни в единых условиях, в пределах одного поселения, происходили процессы смешения, выразившиеся в смешанных навыках конструирования посуды: 1) изготовление полого тела из жгута по спирали, начиная с середины уже сделанного донного начина. При этом внешне, как бы, создается еще один – полный донно-емкостный начин; 2) не характерное для жгутов наращивание по кольцевой траектории.

2. Выявленное множество конкретных мест добычи сырья указывает на существование, по крайней мере, трех крупных родственных коллективов, которые разрабатывали основные места залегания глин, различающиеся по степени пластичности: Р1М1 – глина высокой пластичности, Р1М3 – пластичная, слабо запесоченная глина и Р1М5 – глина средней пластичности. Наличие других мест добычи может отражать процесс привыкания определенных групп населения к новым для них источникам сырья.

3. Наличие двух групп керамики, в которых шамот представлен разной степенью крупности и разной концентрацией (мелкий и средний шамот в концентрации 1:5, крупный шамот в концентрации 1:3 и 1:4) может указывать на существование на поселении двух больших родственных групп, обладающих собственными навыками на данной ступени технологии. Кроме того, наличие сосудов с раковиной в составе формовочной массы также указывает на существование в среде населения особой группы гончаров. То, что в составе шамота ФМ многих

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сосудов зафиксирована раковина, указывает, что это население уже «влилось» в состав основного населения.

4. Отсутствие строгой зависимости между способами конструирования посуды и навыками отбора исходного сырья и составления формовочных масс (табл. 2), что также указывает на процессы смешения в среде производителей посуды.

В то же время, следует отметить, что процессы смешения, происходившие в среде населения изучаемого поселка, приводили к сложению его внешней культурной однородности. Основанием для подобного заключения служат следующие факты:

1. Единые представления об исходном сырье – отбирались только ожелезненные глины, происходящие из одного района их распространения.

2. Составление формовочной массы по преобладающему рецепту: шамот+органика.

3. Изучение качественного состава шамота показало, что для изготовления сосудов, из которых делался шамот, при составлении формовочных масс к глинам добавляли также шамот. Следовательно, традиция составления формовочных масс с шамотом является устойчивой для изучаемого населения. В ряде случаев удалось определить обработку поверхностей сосудов, из которых изготовлен шамот, также простым заглаживанием, следовательно, и данный элемент технологии является устойчивым для изучаемого населения.

4. Изучение обжига сосудов также показало большую однородность производственных навыков на данной ступени технологии.

Тимяшевский тип керамики выделен Д.А. Сташенковым по поселениям Тимяшево I и Сиделькино.

Тимяшевское I селище

Исходное сырье. Для изготовления керамики гончарами поселения отбирался один вид исходного сырья – ожелезненные глины, качественный состав естественных примесей которых позволяет отнести их к одному району их распространения. Внутри района по количественному составу естественных примесей было выделено четыре конкретных места добычи (М).

Р1М1 – не запесоченная или высоко пластичная глина (ВОГ), которая содержала очень небольшое количество пылевидного песка, который фиксировался только по блеску, и до 10 включений на 1 кв. см песчинок размером 0,1-0,2 мм; в редких случаях – очень небольшое количество чешуек слюды размером до 0,2 мм; оолитовый бурый железняк размером до 1,5 мм.

Р1М2 – слабо запесоченная или пластичная глина (ПОГ), в которой на 1 кв. см содержалось до 80 включений песчинок размером 0,1 мм, единично были представлены песчинки размером от 0,2 до 0,6-1,0 мм; оолитовый бурый железняк размером до 1,0 мм.

Р1М3 – средне запесоченная или средне пластичная глина (СОГ1), в которой на 1 кв. см содержалось до 100 включений песчинок размером 0,1 мм и до 40 песчинок размером 0,2-0,3 мм; бурый железняк в виде гомогенных ярко-оранжевых округлых включений.

Р1М4 – также средне запесоченная глина (СОГ2), которая содержала разнообразный по размерам песок: на 1 кв. см зафиксировано до 70 включений песка размером 0,1 мм, до 80 включений песчинок размером 0,2-0,3 мм, 5-7 песчинок размером 0,5-0,6 мм; оолитовый бурый железняк и железистые включения в виде гомогенных ярко-оранжевых округлых включений размером до 1,5 мм.

Преобладает использование глин средней запесоченности из третьего места добычи, единично представлены не запесоченные глины (табл. 3). Глины перед составлением формовочной массы либо специально готовились, т.е. высушивались и дробились, на что указывает наличие комочков той же глины в изломах сосудов, либо глины использовались в естественно увлажненном состоянии.

Формовочные массы всей исследованной посуды составлялись по рецепту шамот+органика. Шамот перед введением в формовочную массу калибровался до определенной крупности. Выделяются две группы сосудов, в которых представлен шамот разной крупности: в первой – мелких и средних размеров, т.е. от 0,5 до 1,9 мм, который вводился в формовочную массу в концентрации 1:6 до 1:4; во второй – в основном, крупный шамот размером более 2,0 мм, который представлен в концентрации 1:3 и 1:4. Рецепты с крупным и мелким шамотом представлены практически поровну. В качестве органики использовался навоз жвачных животных, как в его естественном состоянии, так и в виде выжимки (табл. 3).

Заключения по **конструированию** посуды, в силу фрагментарности материала, сделаны по

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

пяти сосудам и носят самый общий характер. Зафиксирована одна программа создания начина – донно-емкостная. Можно предположить спиралевидный налеп из лоскутов. Для изготовления полого тела использовались также лоскуты, которые наращивались, как правило, по траектории, близкой к спиралевидной. В двух случаях зафиксированы следы применения формы-основы и формы-емкости. Таким образом, допустимо предположить, что для данного населения характерным было конструирование посуды спирально-лоскутным налепом с применением форм-моделей. Окончательная форма сосудам (формообразование) придавалась путем выдавливания пальцами.

Обработка поверхностей посуды производилась одним способом – простым механическим заглаживанием. По мнению автора раскопок данного поселения, отличительным признаком данного керамического комплекса была так называемая «мажущаяся» поверхность сосудов (Сташенков, 2005, с. 44). Микроскопическое исследование показало следующее. На части поверхностей посуды следы заглаживания определенным инструментом не фиксировались, их поверхности как бы замыты, именно к этой группе допустимо применить определение «мажущаяся» поверхность. Значительную часть этой посуды составляют сосуды с крупным шамотом в формовочной массе. На поверхностях остальной части посуды под слоем известковой корки достаточно хорошо фиксировались следы заглаживания. Инструментами для заглаживания служили, в основном, мягкие, эластичные материалы: ткань и кожа. На двух сосудах зафиксировано сочетание заглаживания деревянным скребком и тканью.

Придание сосудам прочности. Изломы сосудов имеют, в основном, трехцветную окрашенность, единичные сосуды имеет темно-серую окрашенность излома.

Поселение Сиделькино

Исходное сырье. Для изготовления керамики гончарами поселения отбирался один вид исходного сырья – ожелезненные глины, которые различались по их качественному составу. По этому признаку условно выделен один район добычи исходного сырья, внутри которого по количественному составу естественных примесей были определены подвиды сырья, которые маркируют три конкретных места добычи (М) или глинища.

Р1М1 – не запесоченная или высоко пластичная глина (ВОГ), в которой на 1 кв. см содержалось до 10 включений песчинок размером 0,2 мм; оолитовый бурый железняк размером до 1,5 мм.

Р1М2 – слабо запесоченная или пластичная глина (ПОГ), которая содержала очень небольшое количество пылевидного песка, до 50 включений на 1 кв. см песчинок размером 0,1 мм, 5-7 песчинок размером 0,2 мм; оолитовый бурый железняк размером до 1,5 мм.

Р1М3 – средне запесоченная или средне пластичная глина (СОГ), в которой на 1 кв. см содержалось до 150 включений песчинок размером 0,1 мм и до 10 песчинок размером 0,2 мм; бурый железняк в виде гомогенных ярко-оранжевых округлых включений.

Все подвиды глин представлены примерно в равных количествах. Глины перед составлением формовочной массы либо специально готовились, т.е. высушивались и дробились, на что указывает наличие комочков той же глины в изломах сосудов, либо глины использовались в естественно увлажненном состоянии.

Формовочные массы всей исследованной посуды составлялись по рецепту шамот+органика. Выделяются две группы сосудов, в которых представлен шамот разной крупности: в первой представлен шамот мелких и средних размеров, т.е. от 0,5 до 1,9 мм, который вводился в формовочную массу в концентрации 1:5/6, во второй – в основном, крупный шамот размером более 2,0 мм в концентрации 1:3 и 1:4. Причем никакой взаимозависимости между степенью запесоченности глины и концентрацией шамота не наблюдается, есть случаи, когда в средне запесоченную глину вводился крупный шамот в концентрации 1:3/4. Преобладают рецепты с крупным шамотом. В качестве органики использовался навоз жвачных животных, как в его естественном состоянии, так и в виде выжимки (табл. 4).

Заключение по **конструированию** посуды в силу фрагментарности материала сделано только по одному сосуду. Зафиксирована донно-емкостная программа создания начина. Для изготовления как начина, так и полого тела использовались лоскуты, которые наращивались по траектории, близкой к спиралевидной. Предположительно применение формы-основы. Окончательная форма сосудам (формообразование) придавалась путем выдавливания пальцами.

Обработка поверхностей посуды производилась одним способом – простым механиче-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ским заглаживанием. На поверхностях части посуды под слоем известковой корки зафиксированы следы заглаживания тканью. На большей части поверхностей посуды следы заглаживания определенным инструментом не фиксировались, они, как бы, замыты. Каких-либо закономерностей в соотношении между способами обработки поверхности и составом формовочных масс не зафиксировано.

Придание сосудам прочности. Излом сосудов имеет, в основном, трехцветную окрашенность, у небольшого количества сосудов – излом темно-серого цвета. Цвет излома одного сосуда однотонно коричневого цвета, что свидетельствует о полной его прокаленности, т.е о нахождении его в зоне действия температур каления продолжительное время.

Сравнительный анализ технологии изготовления керамики тимяшевского типа из раскопок Сиделькинского и Тимяшевского I поселений показывает значительную общность гончарных традиций. К ним относятся следующие:

1. Единые представления об исходном сырье – отбирались только ожелезненные глины, происходящие из одного района их распространения и содержащие в своем составе песок и бурый железняк. При этом в рамках одного района выделяются места добычи, различающиеся по количественным показателям естественных примесей, из которых происходят глины незапесоченные, слабой и средней запесоченности; запесоченные глины не зафиксированы.

2. Однородные навыки конструирования посуды спирально-лоскутным налепом с применением форм-моделей, в частности, форм-основ.

3. Составление формовочной массы по единому рецепту: шамот+органика. Анализ качественного состава шамота показал, что в его составе также фиксируется шамот, что указывает на устойчивость данной традиции.

4. Однородные навыки обработки поверхностей заглаживанием инструментом с эластичной рабочей поверхностью, в частности, тканью, что подтверждается и анализом шамота.

5. Наличие двух групп посуды, отличающихся крупностью и концентрацией шамота в составе формовочных масс (введение мелкого и среднего шамота в концентрации 1:5 и крупного шамота в концентрации 1:3 и 1:4).

На основании проведенного технико-технологического исследования с большой долей уверенности можно заключить, что изначально это было единое в культурном отношении население, обладавшее особыми навыками конструирования посуды спирально-лоскутным способом с применением форм-основ, навыками отбора глин средней пластичности и составления формовочных масс по рецепту шамот+органика. Дальнейшая его история протекала, возможно, в разном культурном окружении, что проявилось и в гончарных навыках. Так, если для поселения Сиделькино характерна примерно равная представленность глин разной степени запесоченности, то в материалах Тимяшевского поселения не запесоченные и слабо запесоченные глины представлены единично. При составлении формовочных масс с шамотом разной крупности несколько преобладающим для населения Сиделькинского поселения было использование крупного шамота, а для Тимяшевского поселения – мелкого шамота. Указанные особенности свидетельствуют о формировании в среде в целом однородного населения особых, скорее всего, родственных групп с собственными навыками изготовления посуды.

Поселение Крепость Кондурча

Исходное сырье. Для изготовления керамики гончарами поселения отбирался один вид исходного сырья – ожелезненные глины, которые различались по их качественному составу. По этому признаку условно выделены два района добычи исходного сырья. Глины первого района (Р1) имеют в своем составе песок и бурый железняк; в глинах второго района, кроме песка и бурого железняка, присутствуют карбонатные включения и реже – комочки сланцевой глины и единичные чешуйки раковины. Внутри районов выделялись подвиды сырья по количественному составу естественных примесей, которые соответствуют конкретным местам добычи (М) или глинищам. Внутри первого района (Р1) выделено два подвида глин, внутри второго района (Р2) – два подвида. Ниже приводится их характеристика.

Р1М1 – не запесоченная или высоко пластичная глина (ВОГ), которая содержала очень небольшое количество пылевидного песка, который фиксировался только по блеску, 20-30 включений песчинок размером 0,1 мм и единично представленные песчинки размером 0,2 мм; оолитовый бурый железняк размером до 1,5 мм.

Р1М2 – слабо запесоченная или пластичная глина (ПОГ), которая содержала очень небольшое количество пылевидного песка и до 80 включений песчинок размером 0,1 мм; оолитовый бурый железняк размером до 1,5-2,0 мм.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Р2М1 – слабо запесоченная или пластичная глина (ПОГ), которая содержала очень небольшое количество пылевидного песка, до 70 включений песчинок размером 0,1 мм, единично представлены песчинки размером 0,2-0,3 мм; карбонатные включения в виде округлых комочков серого цвета размером до 2 мм; округлые комочки сланцевой глины размером до 3 мм; в отдельных фрагментах единичные окатанные чешуйки раковины размером до 1-1,5 мм; оолитовый бурый железняк размером до 1,5-2,0 мм.

Р2М2 – запесоченная глина, которая содержала значительное количество песка размером от пылевидного до 0,1 мм (до 200 включений на 1 кв. см) и незначительное количество песчинок размером 0,2-0,3 мм; карбонатные включения в виде округлых комочков серого цвета размером до 2 мм; оолитовый бурый железняк размером до 1,5 мм.

Большая часть посуды (около 80%) изготовлена из глин, происходящих из первого района (Р1), преимущественно, использовалась незапесоченная глина (ВОГ) – 46%.

Все подвиды глин перед составлением формовочной массы находились в естественно увлажненном состоянии.

Формовочные массы подавляющей части посуды составлялись по рецепту шамот+органика. Как и в материалах предыдущих памятников, выделяются две группы сосудов: в одной их них в состав формовочной массы вводился мелкий и средний шамот, в основном, в концентрации 1:5, в другой – крупный шамот в концентрации 1:3 и 1:4. Необходимо отметить, что в формовочную массу одного сосуда введен только калиброванный мелкий шамот размером 0,5-0,9 мм. Единично зафиксирован еще один компонент формовочной массы – дробленая кальцинированная кость. В качестве органики использовался навоз жвачных животных, как правило, в виде выжимки. Преобладает керамика, формовочная масса которой составлена по рецепту шамот крупный + выжимка из навоза. Эта посуда изготовлена из глины высокой пластичности. Других зависимостей между особенностями исходного сырья и составом формовочных масс не обнаружено (табл. 5).

Заключения по **конструированию** посуды, в силу фрагментарности материала, носит альтернативный характер. Зафиксирована одна программа создания начина – донно-емкостная. Можно предположить спиралевидный налеп, но определение конкретных «строительных элементов» или порций глины, из которых он конструировался, оказалось невозможным. Для изготовления полого тела использовались лоскуты и, возможно, жгуты. Достоверно лишь, что элементы наращивались по спиралевидной траектории. Следует отметить такую особенность конструирования: в месте наибольшего расширения тулова накладывался целый жгут, завершающий или ограничивающий определенную часть тулова. В этом месте, как правило, происходила смена наложения элементов. Окончательная форма сосудам (формообразование) придавалась путем выдавливания пальцами.

Обработка поверхностей посуды производилась одним способом – простым механическим заглаживанием. Инструментами для заглаживания служили, в основном, мягкие, эластичные материалы: ткань и кожа. В одном случае зафиксировано заглаживание твердым предметом – каменной галькой. Часть посуды не имеет четко выраженных следов от использованных инструментов, их поверхности, как бы, замыты. Подобную посуду исследователи называют сосудами с «мажущейся» поверхностью. Можно отметить, что в данной коллекции сосуды с такой поверхностью изготовлены из незапесоченной глины с добавлением крупного шамота и выжимки.

Придание сосудам прочности. Излом сосудов имеет, как правило, трехцветную окрашенность, у одного сосуда излом темно-серого цвета. Его механические свойства свидетельствуют, что он также испытал воздействие температур каления.

Технико-технологический анализ керамики из раскопок поселения Крепость Кондурча позволяет предварительно заключить, что население, оставившее данный памятник, было неоднородным в культурном отношении. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Несмотря на то, что зафиксированы единые представления об исходном сырье (использование только ожелезненных глин), выделяется два района их распространения, отличающиеся по качественному составу естественных примесей. При этом подавляющая часть посуды изготовлена из незапесоченных и слабо запесоченных глин, происходящих из одного района их распространения (Р1), т.е. имеющих один качественный состав (они в сумме составляют около 80%). Наличие посуды, изготовленной из глин, происходящей из второго района (Р2), может указывать на инфильтрацию групп населения и привыкание их к новым для себя глинам.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

При составлении формовочной массы по практически единому рецепту шамот+органика, выделяется две группы керамики, в которых шамот представлен разной степенью крупности и разной концентрацией, что может указывать на существование на поселении двух больших родственных групп, обладающих собственными навыками на данной ступени технологии. В качестве органики преобладающим было применение выжимки из навоза жвачных животных. Применение навоза отмечено для посуды, изготовленной из глин из второго района, т.е. характерно для групп – инфильтрантов. В составе изученного керамического комплекса выделен один сосуд с иным составом формовочной массы: шамот+кость+выжимка, что также не случайно и может указывать на существование еще одной группы гончаров с собственными навыками изготовления посуды.

Изучение качественного состава шамота показало следующее. Во-первых, для изготовления сосудов, из которых изготовлен шамот, использовалось в основном сырье, происходящее из глинищ первого района, т.е. без карбонатных включений и раковины. Подобный шамот зафиксирован в сосудах, изготовленных из глин, добываемых в обоих районах. Следовательно, мы фиксируем уже начавшиеся процессы смешения между группами гончаров, отбиравших глину в разных районах. Во-вторых, при составлении формовочных масс к глинам добавляли также шамот, что указывает на устойчивость данной традиции для изучаемого населения. Кроме того, в ряде случаев удалось определить обработку поверхностей сосудов, из которых изготовлен шамот, также простым заглаживанием, следовательно, и данный элемент технологии является устойчивым для изучаемого населения.

Из общей массы исследованной посуды выделяется один сосуд, отличающийся и по морфологическим, и по технологическим характеристикам. Он представлен стенкой темно-серого цвета, с более гладкой, чем у других сосудов, поверхностью. Анализ технологии показал, что он изготовлен из незапесоченной глины, к которой при составлении формовочной массы добавлен калиброванный только мелкий шамот и выжимка из навоза. Поверхность его заглажена галькой, что не характерно для основной массы посуды. Обожжен он в условиях восстановительной атмосферы, что также не характерно для материалов данного памятника. Его наличие в материалах памятника может указывать как на импорт, так и на контакты с инокультурными группами населения, возможно, на их смешение.

Изучение технологии изготовления керамики с поселений Сиделькино, Тимяшево и Крепость Кондурча позволяет привлекать полученные данные к обсуждению вопросов историко-культурного характера. Выяснилось, что состав населения, оставившего указанные памятники, было неоднородным в культурном отношении. Керамический комплекс сиделькинского типа демонстрирует значительную неоднородность материала. Даже если учесть, что это население пришло из условно одного района распространения памятников киевского типа, то в его составе уже фиксируются разные культурные группы с собственными гончарными традициями. Следует согласиться с выделением Д.А. Сташенковым по материалам Сиделькинского и Тимяшевского поселений особой группы керамики так называемого тимяшевского типа. Подобная группа фиксируется и по материалам поселения Крепость Кондурча, это керамика с замытой, «мажущейся» поверхностью, изготовленная из высоко пластичной глины с примесью крупного шамота и выжимки из навоза. Причем по особенностям исходного сырья она ближе к материалам из Тимяшевского поселения, а по составу формовочных масс – Сиделькинского поселения. Только в материалах керамических комплексов поселения Сиделькино (сиделькинский тип) и Крепость Кондурча отмечены навыки отбора запесоченных глин. Учитывая, что гончары, судя по данным этнографии, отбирали глину «на ощупь», факт наличия особых запесоченных глин свидетельствует о существовании в среде изучаемого населения особой группы гончаров, для которых был характерен отбор именно таких глин. Эти группы проживали как на Сиделькинском поселении, так и на поселении Крепость Кондурча. Кроме того, в исследованных материалах зафиксированы единичные сосуды с нехарактерными для общей массы материала составами формовочных масс и способами обработки поверхности, что также указывает на неоднородность населения.

Д.А. Сташенков считает, что не прослеживается непосредственная связь между предыменьковскими (Лбище, Сиделькино и Тимяшево) и собственно именьковскими памятниками (Сташенков, 2005, с. 45–46), что для именьковской керамики не характерна примесь мелкого и среднего шамота и гладкая поверхность (Сташенков, 2005, с. 33). Могу с уверенностью сказать, что примесь мелкого и среднего шамота зафиксирована в составе формовочных масс именьковской керамики. Это, конечно, не основная группа, но

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

она довольно широко представлена в материалах именьковских памятников (Салугина, 1985, с. 171; 2000, с. 232). Что касается памятников типа Тимяшево I и Сиделькино (сиделькинский и тимяшевский типы), то и на ступени отбора исходного сырья, и на ступени составления формовочных масс фиксируется, с одной стороны, близость части керамики этих памятников собственно именьковским, с другой – их некоторое своеобразие (табл. 6, 7). Относительно соотношения памятников типа Лбище и именьковских следует еще раз подчеркнуть, что предыдущие исследования технологии изготовления их керамических комплексов и на уровне приспособительных навыков, и на уровне субстратных, и по характеру использования технических средств достаточно убедительно доказали значительную близость населения, оставившего указанные памятники (Салугина, 2000, с. 229–237). В настоящей статье позволю себе привести некоторые общие таблицы, демонстрирующие данный тезис (табл. 6–9). Особое внимание следует обратить, что по материалам памятников Лбище и именьковских, и, частично, поселения Славкино было выделено 14 технологических схем конструирования посуды, отражающих как несмешанные навыки, так и зафиксированные процессы смешения (Салуина, 2000, с. 233). Три из них являются «сквозными» для указанных материалов, что, несомненно, указывает на культурную близость, а, возможно, и родственность определенных групп населения внутри этих поселений. Эта близость подтверждается и наличием технических средств для изготовления посуды, по этому признаку особую близость демонстрируют материалы городища Лбище и собственно именьковских (табл. 8, 9).

Особое внимание в данном контексте нужно уделить поселению Славкино. Действительно, значительная часть коллекции утрачена. Но сохранились прорисовки, материал довольно полно опубликован (Агапов и др., 1981) и, на мой взгляд, нет основания не доверять исследователям. Это также особый памятник, на котором значительная часть посуды по форме не находит аналогий ни в материалах Лбища, ни в именьковских. Когда авторы раскопок обрабатывали материал, готовили его к публикации и выделяли особый тип памятников, был проработан большой объем литературы в поисках аналогий. Наиболее близкие аналогии были обнаружены, в том числе, в круге сарматских культур, что позволило датировать его III-IV вв. н.э. Что касается технологии, то отдельные группы керамики находит соответствие в материалах Лбища и, собственно, именьковских (Салугина, 2000, с. 237, см. также табл. 6-9 настоящей статьи). При анализе материалов с поселения Тимяшево был обнаружен один фрагмент горшка славкинского типа, по технологическим особенностям он ничем не отличался от основной массы материалов поселения.

Что касается Царевкурганского типа, то это – особая группа, которая выделяется прежде всего по составу формовочных масс, в которых фиксируется большое количество кости, и данная керамика маркирует приход совершенно новой группы на нашу территорию. Материалы выборочного анализа технологии изготовления данной керамики приведены в работе Д.А. Сташенкова (Сташенков, 2005, с. 18–20). Д.А. Сташенков считает, что непосредственного продолжения в собственно именьковских древностях материалы данного типа не имели (Сташенков, 2005, с. 22). Сравнительный анализ технологии показывает, что в материалах Славкино, и Лбища, и в собственно именьковских памятниках есть небольшой процент керамики, в ФМ которой зафиксирована кальцинированная кость. Возможно, какая-то часть потомков царевокурганского населения, видоизменяясь, смешиваясь с другими культурными группами, сохранила эту традицию.

Исследованные материалы очень важны при обсуждении процессов сложения именьковской культуры. В одной из недавних работ, посвященной ранней дате именьковской культуры, Д.А. Сташенков приходит к выводу о сосуществовании в IV в. н.э. памятников типа Лбище, Сиделькино-Тимяшево и ранних именьковских. Г.И. Матвеевой была предложена схема сложения именьковской культуры на базе последовательно сменявших друг друга памятников славкинского и лбищенского типов (Матвеева, 2000). Д.А. Сташенков считает, что данная схема нуждается в корректировке. Основой для сложения развитой именьковской культуры, по его мнению, явилось население, оставившее раннеименьковские памятники на Самарской Луке (Сташенков, 2010, с. 116). При этом за рамками работы остается вопрос о соотношении ранних именьковских материалов и материалов городища Лбище: оставлены эти материалы родственным, возможно, генетически связанным населением, или это были изначально неродственные группы. В то же время технико-технологический анализ керамики с городища Лбище и ранних именьковских показывает их значительную бли-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

зость, что может указывать на общие истоки формирования, а, следовательно, и их родственность (Салугина, 2000). Некоторые различия в морфологии посуды (определяемые визуально, поскольку конкретного сравнительного анализа форм посуды с количественными показателями не производилось) могут свидетельствовать как о микрохронологии, так и о конкретных культурных связях. Таким образом, в ранний этап именьковской культуры допустимо включать «раннеименьковские материалы Самарской Луки» (по Д.А. Сташенкову), так и часть материалов городища Лбище. А уже развитая именьковская культура явилась продолжением раннего этапа.

Общая динамика процессов, происходивших в Самарском Поволжье в первой половине I тыс. н.э., представляется следующим образом. В период, видимо, II – III вв. появляется население, оставившее памятники типа Царев курган, а затем в III – IV вв. был приток населения из разных районов: киевской культуры, круга сарматских культур, что проявляется в керамике с поселений Славкино, Лбище и Сиделькино. Возможно, были контакты между этими группами населения, и, возможно, действительно приток еще каких-то новых групп. Это в конечном итоге и дало нам такое образование, как именьковская культура.

Таблицы

Таблица 1. Пос. Сиделькино. Сиделькинский тип. Соотношение подвидов глин и рецептов формовочных масс.

Формовочные массы	Исходное сырье						Всего
	Р1М1 (ВОГ)	Р1М2 (ПОГ-1)	Р1М3 (ПОГ-2)	Р1М4 (СОГ-1)	Р1М5 (СОГ-2)	Р1М6 (ЗОГ)	
Ш1,2+Выж.	2	1			2		5-17,8%
Ш1,2+Н.			1		1		2-7,1%
Ш3+Выж.	4		4	1	2	2	13-46,4%
Ш3+Н.	1	2	2		2		7-25%
ДР1,2+Ор	1						1-3,6%
Всего	8-28,6%	3-10,7%	7-25%	1-3,6%	7-25%	2-7,1%	28-100%

Ш1,2 – шамот мелких и средних размеров; Ш3 – крупный шамот;
Н – навоз жвачных животных; Выж. – выжимка из навоза; ДР –дробленая раковина.

Таблица 2. Поселение Сиделькино. Сиделькинский тип. Соотношение способов конструирования и навыков отбора исходного сырья и составления формовочных масс.

Способы конструирования					
Полое тело	Начины				
	ДЕ, спж	ДЕ, спл	ДЕ, спл (Ф-Е)	Д, спж	?
лоскут				ПОГ2+Ш3+Н	
жгут, кольцо	ВОГ+Ш3+Н				ПОГ1+Ш3+Н
кольцо					ВОГ+Ш3+Выж00
жгут, спираль				ВОГ+Ш3+Выж	
?	ПОГ2+Ш3+Выж СОГ2+Ш3+Н	ПОГ2+Ш3+Н	ПОГ2+Ш3+Н	СОГ1+Ш3+Выж СОГ2+Ш3+Н	

ДЕ – донно-емкостная программа конструирования; Д – донная программа конструирования; Ф-Е – форма-емкость; спж – спирально-жгутовой налеп; спл – спирально-лоскутный налеп.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 3. Поселение Тимяшево. Тимяшевский тип. Соотношение подвидов глин и рецептов формовочных масс.

Формовочные массы	Исходное сырье				Всего
	Р1М1 (ВОГ)	Р1М2 (ПОГ)	Р1М3 (СОГ-1)	Р1М2 (СОГ-2)	
Ш1,2+Выж.	1	3	2	1	7-53,8%
Ш3+Выж.			2	1	3-23,1%
Ш3+Н.			2	1	3-23,1%
Всего	1-7,6%	3-23,1%	6-46,2%	3-23,1%	28-100%

Ш1,2 – шамот мелких и средних размеров; Ш3 – крупный шамот;
Н – навоз жвачных животных; Выж. – выжимка из навоза.

Таблица 4. Поселение Сиделькино. Тимяшевский тип. Соотношение подвидов глин и рецептов формовочных масс.

Формовочные массы	Исходное сырье			Всего
	Р1М1 (ВОГ)	Р1М2 (ПОГ)	Р1М3 (СОГ)	
Ш1,2+Выж.	1		2	3-27,2%
Ш3+Выж.	2	3	1	6-54,6%
Ш3+Н.	1	1		2-18,2%
Всего	4-36,4%	4-36,4%	3-27,2%	11-100%

Ш1,2 – шамот мелких и средних размеров; Ш3 – крупный шамот;
Н – навоз жвачных животных; Выж. – выжимка из навоза.

Таблица 5. Поселение Крепость Кондурча. Соотношение подвидов глин и рецептов формовочных масс.

Формовочные массы	Исходное сырье				Всего
	Район 1		Район 2		
	Р1М1 (ВОГ)	Р1М2 (ПОГ)	Р2М1(ПОГ)	Р2М2(ЗОГ)	
Ш1+Выж.	1				1-7,7%
Ш1,2+Выж.		2	1		3-23,1%
Ш1,2+Н.			2	1	1-7,7%
Ш3+Выж.	5	1	1		6-46,1%
Ш3+Н.				1	1-7,7%
Ш2+К+Выж.		1			1-7,7%
Всего	6-46,1%	4-30,8%	2-15,4%	1-7,7%	13-100%

Ш1,2 – шамот мелких и средних размеров; Ш3 – крупный шамот;
Н – навоз жвачных животных; Выж. – выжимка из навоза; К – кальцинированная кость

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 6. Особенности отбора исходного сырья, зафиксированные по предименьковским и именьковским материалам.

Памятник	ВОГ	ПОГ	СОГ	ВОГ+ Раков	ВОГ+ карбон.	ПОГ+ сланц.+ карбон. +раковина	ЗОГ	ЗОГ+ карбон	Смесь глин
Царев курган	+	+	+	+	+				
Сиделькино	+	+	+				+		
Крепость Кондурча II	+	+	+			+		+	
Тимяшево	+	+							
Славкино	+	+	+	+					+
Лбище	+	+	+					+	+
Именьковская культура	+	+	+	+					+

ВОГ – высоко пластичная глина; ПОГ – пластичная глина; СОГ – средне пластичная глина; ЗОГ – запесоченная глина.

Таблица 7. Особенности составления формовочных масс по предименьковским и именьковским материалам.

	Памятники						
	Царев курган 2-я пол. I – III вв	Сидель-кино II–IV вв	Крепость Кондурча III–V вв	Тимя-шево III–V вв	Слав-кино III–IV вв	Лбище III–IV вв	Имень-ковская культура
Н						+	+
Ш1,2+О			+	+	+	+	+
Ш3+О	+	+	+	+	+	+	+
Ш1,2+ДР+О		+					
Ш1,2+К+О	+				+	+	+
К+О			+				
ДР+О	+	+					

Таблица 8. Технологические схемы конструирования посуды.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV
Славкино		+			+			+						
Лбище	+	+	+	+	+	+	+	+						
Именьковская культура	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 9. Использование технических средств при производстве посуды.

Технические средства		
Формы-модели	Подставки	Гончарный круг в роли подставки
Славкино Сиделькино Тимяшево Лбище ? Именьковская к-ра	Славкино Крепость Кондурча Лбище Именьковская к-ра	Лбище Именьковская к-ра

Литература

Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П. 1978. Памятники славкинского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.

Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения //Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара.

Дубицкая Н.Н. 1986. К вопросу о технологии изготовления керамики в Верхнем Поднепровье (по материалам поселения Дражня) // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М.

Матвеева Г.И. 1981. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.

Матвеева Г.И. 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

Матвеева Г.И. 2000. Памятники именьковской культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.

Матвеева Г.И. 2003. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Учебное пособие. Самара.

Салугина Н.П. 1985. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.

Салугина Н.П. 1987. Технология гончарного производства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именьковской культуры). Автореф. дис. канд. ист. наук. М.

Салугина Н.П. 2000. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.

Сташенков Д.А. 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. Раннеславянский мир, 7. М.

Сташенков Д.А. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып.XV. Самара, **2010**.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

N.P. Salugina

Peculiarities of cultural structure of the Middle Volga population in the 1′st half of the 1′st millennium AD

Abstract

The problem of genesis of the Imenkovo culture which occupied sizeable territory of the Middle Volga region in the middle and 2'd half of the 1'st millennium AD is a debatable problem. It is important to use all data from original sources for investigation of the problem. The article is dedicated to study of pottery technology. The investigation had been conducted using methods of A.A.Bobrinsky. These methods allow to reconstruct forming techniques, to identify skills of work and cultural pottery traditions of specified groups of population, to adapt received data for use as an original source of history of ancient people.

The article puts into scientific use new unpublished data of investigation of pottery technology on materials from the settlements Sidelkino, Timyashevo, Krepost' Kondurcha. The materials are compared with previously obtained data.

Received technological data is used for reconstruction of general dynamic of processes that had been occuring in the Samara-Volga region for the 1'st half of the 1'st m. AD.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Технология изготовления кузнечной продукции городища Лбище по результатам металлографического исследования

Ю.А. Семыкин (Ульяновск)

Настоящая статья[1] посвящена введению в научный оборот результатов металлографических исследований кузнечной продукции, происходящей из раскопок на территории городища Лбище на Самарской Луке в Самарской области. Коллекция вещественных археологических источников с городища Лбище хранится в археологических фондах Самарского Государственного университета.

Вот уже более 60 лет в отечественной и зарубежной археологии исследование кузнечного производства древности и средневековья не обходится без применения металлографического метода, разработанного применительно к археологии Б.А. Колчиным (Колчин, 1953, с. 10–15).

Металлографические исследования были выполнены автором статьи в археологической лаборатории Ульяновского Государственного педагогического университета на металографическом микроскопе МИМ-7. Замеры микротвердости микроструктур производились на микротвердомере ПМТ-3. Травление полированных металлографических шлифов выполнялось 3 и 5% растворами азотной кислоты в этиловом спирте. Фотографирование макро и микроструктур производилось на цифровой фотоаппарат Samsung zoom lens через оптическую систему микроскопа МИМ-7. Для макрофотографирования шлифов был применен нештатный для МИМ-7 объектив от фотоувеличителя. Поверхность всех металлографически исследованных шлифов фотографировалась при макро- и микроувеличениях в полированном нетравленом и травленом состояниях. Для создания макрофотографии всех металлографических шлифов применялся операционный метод с помощью компьютерной программы Adobe Photoshop.

Давно известно, что городище Лбище является исключительно ценным поселенческим памятником эпохи Великого переселения народов на территории Среднего Поволжья. Раскопками этого памятника, проводившимися в начале 80-х годов XX в. и в начале 2000-х годов XXI вв. Средневолжской археологической экспедицией под руководством Г.И. Матвеевой были получены значительные вещевые археологические коллекции. Ряд археологических материалов с городища Лбище имеет западные прототипы и аналогии в материалах черняховской и зарубинецкой археологических культур, что позволило Г.И. Матвеевой выдвинуть гипотезу о миграциях групп населения с западных территорий Восточной Европы на восток в эпоху Великого переселения народов (Матвеева, 1998. с. 87–96). Г.И. Матвеева предположила, что население памятников лбищенского типа сыграло значительную роль в формировании раннего этапа именьковской культуры Среднего Поволжья (Матвеева, 2003).

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 12-11-63005).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Среди археологических материалов городища Лбище представлена выразительная коллекция кузнечной продукции, технология изготовления которой и является предметом исследования в настоящей статье. Эта коллекция включает 2 топора, 1 молоток, 1 зубило, 1 кузнечные клещи, 7 ножей, 3 экземпляра рыболовных крючков и снастей для добычи рыбы, 2 предмета вооружения (наконечники дротика и стрелы), 1 кресало и 3 экземпляра шильев, 1 конские удила и 4 пряжки от конской подпруги, а также 2 предмета неопределенного функционального назначения.

Металлографическое исследование коллекции кузнечной продукции городища Лбище позволяет не только выявить уровень кузнечно-технологического развития у населения памятника, но и сопоставить эти результаты с данными по зарубинецкой, черняховской и пшеворской археологическми культурами, аналогии материалам которых усматриваются и в других категориях археологической культуры городища Лбище.

Результаты металлографических анализов рассмотрим по отдельным функциональным группам кузнечных изделий.

Технология изготовления топоров

Металлографическим анализом исследованы два топора (рис. 1, анализы 848, 849). Топор (анализ 848) с узким, клиновидным, слегка расширяющимся книзу лезвием и округлым обушком. При визуальном осмотре выяснилось, что топор был изготовлен способом кузнечной сварки двух частей: 1) клиновидного лезвия, 2) обушка.

На обушковой части топора с внешней и внутренней сторон присутствуют оттянутые щековицы с выступающими наружу заостренными краями. Внутреннее отверстие для рукояти в верхней части – округлое, а в нижней – слегка уплощенное. Для металлографического анализа с топора были отобраны два образца. Анализ 848а – с лезвия, анализ 848б – со щековицы.

Металлографическим анализом установлено, что лезвие топора 848 было отковано из цельностальной заготовки с неравномерным распределением углерода, приготовленной, возможно, способом сквозной цементации с применением операции кузнечной сварки, которая выполнялась не всегда качественно. Обушковая часть топора откована из неравномерно науглероженной сырцовой стали.

На лезвии топора (анализ 848а) была выявлена феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 159 кг/мм^2, а на самом кончике лезвия (и клиновидного шлифа) – феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 178 кг/мм^2.

На обушковой части топора (анализ 848б) выявлена неравномерно науглероженная сырцовая сталь. Об этом свидетельствует феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью от 201 до 278 кг/мм^2. На шлифе также присутствуют участки малоуглеродистой феррито-перлитовой микроструктуры с пониженной микротвердостью – 106 кг/мм^2 (анализ 848 б). На этом шлифе наблюдается глубокая трещина, делящая шлиф на две неравные части. Здесь присутствуют темные точечные неметаллические включения и отдельные шлаки, а также вытянутые ковкой волокнистые мелкие шлаки. Трещина, предположительно, является результатом некачественной кузнечной сварки. Металл прокован очень слабо (рис. 2).

Второй металлографически исследованный топор с городища Лбище снабжен узким клиновидным, слегка расширяющимся книзу лезвием и округлым обушком (рис. 1, 849). На обушковой части топора с внутренней стороны присутствует оттянутая щековица с вертикальным срезом. Внутреннее отверстие для рукояти округлое. Визуальный осмотр показал, что топор также был изготовлен способом кузнечной сварки двух частей: 1) клиновидного лезвия, 2) округлого обушка.

Топор 849 по данным металлографического анализа был откован из цельностальной заготовки, но с неравномерным распределением углерода. На лезвии топора металл прокован хорошо. Неметаллические темные точечные включения немногочисленны.

Феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 212 кг/мм^2 наблюдается на шлифе 849а, взятом с рабочего лезвия топора. Угадывается стремление кузнеца, изготовившего рассматриваемый топор, вывести на режущую часть орудия наиболее богатый углеродом участок заготовки.

На шлифе 849б, взятом с обушовой части топора, наблюдается однородная феррито-перлитовая высокоуглеродистая микроструктура с микротвердостью 212 кг/мм^2 (рис. 3).

Технология изготовления кузнечных инструментов

Металлографически исследованы 1 молоток (рис. 1: 850), 1 кузнечно-металлургические клещи (рис. 1: 851) и 1 зубило (рис. 1: 868). Сам факт обнаружения этих инструментов в культур-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ном слое памятника, да к тому же в совместном залегании, свидетельствует о присутствии на территории городища мастера-кузнеца, вероятно, с подмастерьем, которые могли быть изготовителями какой-то части исследованной кузнечной продукции.

Как в древности, так и до сих пор, основным ручным инструментом в кузнечном и слесарном производствах являются молоток и кувалда. Для металлографического анализа с молотка 850 были взяты образцы с двух противоположных рабочих частей. Шлиф 850а присходит с клиновидно сужающейся рабочей части молотка. Шлиф 850б дает представление о микроструктуре плоской бойковой рабочей части молотка.

По данным металлографического исследования молоток был откован из цельностальной, специально приготовленной высокоуглеродистой заготовки. Качество кузнечной проковки металла было невысоким, о чем свидетельствуют многочисленные шлаки и темные точечные неметаллические включения. Конечной операцией при изготовлении исследованного молотка была мягкая закалка всего изделия. На шлифах молотка выявлена однородная сорбитовая микроструктура с микротвердостью 324-358-370 кг/мм^2 (рис. 4).

Составной частью инструментария кузнеца и металлурга являются кузнечные клещи. Важно отметить, что исследованные нами кузнечные клещи (рис. 1, 851) имеют полне современный вид. У них – тонкие, узкие рукоятки и мощная зажимная рабочая часть, способная зафиксировать массивную заготовку либо поковку для нагрева в пламени горна или костра. Для металлографического исследования с клещей были взяты два образца: анализ 851а – с рабочей губы, анализ 851б – с верхней дуги клещей.

По результатам металлографических анализов клещи были изготовлены из слабо прокованной неравномерно науглероженной сырцовой стали. Отметим, что при изготовлении клещей для шарнирного соединения двух его подвижных частей была применена операция клепки.

На рабочей губе (анализ 851б) и на верхней части дуги клещей (анализ 851а) выявлены микроструктуры феррита и феррито-перлита с микротвердостью 201 кг/мм^2.

Важнейшим инструментом кузнеца, применявшимся для разделения металлического блока на отдельные части заготовок, было зубило. Один экземпляр такого инструмента – массивное зубило, был обнаружен на городище Лбище (рис. 1: 868). Важно отметить, что зубило с городища Лбище, как и выше рассмотренные кузнечные клещи, имеет вполне современный облик. Стержень подпрямоугольного сечения в нижней рабочей части, завершается острым, слегка расширенным краем. А в верхней ударной части зубило заканчивается грибовидной, расплющенной шляпкой. Образец для металлографического анализа, шлиф 868, был взят с нижней рабочей части инструмента.

Металлографическим анализом установлено, что рабочая часть зубила была изготовлена из однородного пакетного металла. На шлифе хорошо замета картина сваренных воедино многочисленных, узких феррито-перлитовых полос, отделенных друг от друга сварочными швами, местами засоренными мелкими и крупными шлаками.

Заготовкой для этого зубила была специально приготовленная процементованная сталь. Следует отметить, что качество кузнечной сварки при пакетовании заготовки для зубила было невысоким. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры составляет 146-225 кг/мм^2 (рис. 5).

Технология изготовления ножей

Из раскопов 1982-1983 и 2003 гг. с городища Лбище происходят 7 железных ножей (рис. 6: 854, 869, 874, 875, 876, 878, 5050). Сечение лезвий у ножей клиновидное. Ножи имеют типологические различия.

На ноже 854 присутствует прямая, слегка опушенная вниз спинка, Нижний, режущий край лезвия относительно ровный, но слегка поднимающийся кверху. Сечение черешка прямоугольное. Переход от черешка к лезвию резкий, почти под углом в 90^0. Форма этого ножа более характерна для эпохи развитого средневековья, чем для средневековья раннего (рис. 7).

Нож 869 (рис. 6) имеет ровную спинку, но ближе к кончику лезвия слегка понижающуюся. Рабочая часть лезвия поднимается кверху в направлении к его кончику. Переход от лезвия к черешку сверху – плавный, снизу – под небольшим уголком. Сечение черешка – подклиновидное.

У ножа 874 спинка ровная, но ближе к кончику – слегка опущенная книзу. Рабочая режущая часть лезвия плавно поднимается кверху. Черешок широкий, подпрямоугольного сечения. Сверху переход от спинки лезвия к черешку – с прямым углом, снизу – плавный.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

У ножа 875 спинка лезвия плавно понижается в направлении к кончику, а режущая часть лезвия плавно поднимается. Короткий, обломленный черешок ножа – широкий, подпрямоугольного сечения. Переход от черешка к лезвию резкий, с тупыми углами.

У ножа 876 спинка лезвия прямая, но ближе к кончику заметно опускается книзу. Рабочий край лезвия ножа ровный, но очень плавно поднимается кверху. Короткий черешок подпрямоугольного сечения ближе расположен к спинке лезвия, чем к его рабочей части. Переход от черешка к лезвию плавный, без резких углов.

У ножа 878 прямая спинка лезвия плавно понижается ближе к кончику, а режущая часть лезвия ближе к кончику плавно поднимается. Широкий черешок ножа имеет подпрямоугольное сечение. Переход от черешка к лезвию на ноже плавный.

Спинка ножа 5050 прямая, ровная. Рабочий край лезвия ножа плавно поднимается кверху в направлении к кончику. Переход от узкого черешка к лезвию плавный.

По результатам металлографических анализов на ножах с городища Лбища выявлены следующие технологические схемы изготовления.

Ковка из заготовки пакетного металла выявлена на ножах 854, 869 (рис. 7, 8). Ковка из цельностальной пакетованной заготовки отмечена на ножах 874 и 876 (рис. 9, 11). Торцовая наварка стальной высокоуглеродистой пластины на основу из неравномерно науглероженной стали выявлена на ноже 875 (рис. 10). Ковка из заготовки среднеуглеродистой стали с локальной цементацией присутствует на ноже 5050.

В самой простой технологии – ковка из кричного железа с последующей локальной цементацией кончика лезвия – был откован нож 878 (рис. 12). Металлографически установлено, что металл ножа прокован слабо. На нетравленом шлифе заметны многочисленные мелкие темные точечные неметаллические включения, а также крупные и мелкие шлаки. Основное тело шлифа занимает мелкозернистая ферритовая микроструктура с микротвердостью 159 кг/мм^2. На кончике шлифа локализована зона сорбитовой микроструктуры с микротвердостью 305 кг/мм^2. Заключительный этап ковки проходил при пониженной температуре. Конечной операцией при изготовлении этого ножа была мягкая закалка.

Нож 5050 был откован из хорошо прокованной среднеуглеродистой стальной заготовки с неравномерным распределением углерода. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры на ноже – повышенная и составляет 263 кг/мм^2. Кончик режущей части лезвия ножа подвергся локальной цементации и мягкой закалке. На это указывает сорбитовая микроструктура с микротвердостью 305 кг/мм^2.

Два металлографически исследованных ножа (№№ 854 и 869), были откованы из заготовок пакетного металла. Нож 854 изготовлен из сваренных воедино полос среднеуглеродистой стали. Обращает на себя внимание очень высокое качество кузнечной сварки при изготовлении этого ножа. На нетравленом шлифе 854 наблюдаются многочисленные мелкие округлые темные точечные неметаллические включения. Присутствуют также цепочки мелких шлаков, предположительно, маркирующих сварочные швы. Металл – средней степени прокованности. На протравленном 3% раствором азотной кислоты в этиловом спирте шлифе отчетливо проявилась картина пакетного металла (рис. 7). На шлифе видны многочисленные узкие полоски феррито-перлитовой микроструктуры, разделенные между собой очень узкими светлыми сварочными швами. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры 191-201 кг/мм^2.

Не менее яркая картина типичного классического пакетного металла выявлена на шлифе ножа 869 (рис. 8). Металл на лезвии ножа прокован хорошо. Заметны немногочисленные и очень мелкие шлаки, а также неметаллические включения. На травленом шлифе наблюдаются многочисленные узкие длинные феррито-перлитовые полоски металла, разделенные между собой светлыми и чистыми сварочными швами. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры на шлифе составляет 156-201 кг/мм^2. Обращает также на себя внимание очень высокий уровень выполнения операции кузнечной сварки при изготовлении этого ножа.

Ковка из цельностальной пакетованной заготовки зафиксирована на ноже 874 (рис. 9). Качество проковки на данном ноже хорошее. На травленом поле шлифа наблюдаются опускающиеся сверху вниз полоски сорбитовой микроструктуры, перемежающиеся полосками мартенситовой микроструктуры. Зоны различных микроструктур разделены между собой сварочными швами хорошего качества. Микротвердость мартенситовой микроструктуры варьирует в пределах 632-805 кг/мм^2. Качество кузнечной сварки при изготовлении данного ножа было очень высоким. Конечной операцией при его изготовлении была резкая закалка.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Технологическая схема торцовой наварки высокоуглеродистой стальной пластины на малоуглеродистую стальную основу выявлена на ноже 875 (рис 10). Металл ножа прокован слабо, о чем свидетельствуют многочисленные мелкие темные точечные неметаллические включения, а также крупные и мелкие вытянутые по направлению ковки шлаки. В верхней части шлифа (на основном теле ножа) наблюдается феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 182 кг/мм^2, а нижнюю часть шлифа занимает высокоуглеродистая сорбитовая микроструктура с микротвердостью 296 кг/мм^2. На травленом шлифе отчетливо наблюдается косо расположенный сварочный шов темного цвета с неровными краями. Качество кузнечной сварки среднее. Качество проковки металла было слабым. Конечной операцией при изготовлении данного ножа была мягкая закалка.

Неоднозначный результат был получен металлографическим исследованием ножа 876 (рис. 11). Качество проковки металла можно оценить как среднее. На травленом шлифе выявлена мелкозернистая феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 159-201 кг/мм^2. В нижней половине клиновидного шлифа заметны светлые сварочные швы внутри однородной феррито-перлитовой микроструктуры. Форма расположения сварочных швов, ограничивающих линзовидную зону феррито-перлитовой микроструктуры, внешне напоминает технологическую схему вварки стальной лезы в основу ножа, откованную из кричного железа или неравномерно науглероженной сырцовой стали. Качество кузнечной сварки при пакетовании заготовки ножа было высоким. Тем не менее, технологическая схема вварки стальной лезы для эпохи раннего средневековья не была характерна. Более вероятно, что нож был откован из цельностальной заготовки, приготовленной способом сварки. Сходство с технологической схемой вварки стальной лезы носит здесь, скорее, случайный характер.

Нож 878 (рис. 12) был откован из заготовки, сваренной из кричного железа с локальной цементацией кончика ножа. Конечной операцией при изготовлении этого изделия была мягкая закалка. Металл ножа прокован был слабо. На нетравленом поле шлифа заметны многочисленные мелкие темные точечные неметаллические включения. Наблюдаются также крупные и мелкие шлаки. Основную площадь шлифа занимает зона мелкозернистой ферритовой микроструктуры с микротвердостью 159 кг/мм^2, а на кончике шлифа локализована зона сорбитовой микроструктуры с микротвердостью 305 кг/мм^2. Зоны различных микроструктур сварочными швами между собой не разделены.

Технология изготовления орудий рыболовства.

Городище Лбище находится в непосредственной близости от р. Волги. Вполне закономерно, что обитатели городища в эпоху раннего средневековья занимались ловлей рыбы, которая делала более разнообразным рацион их питания. Поэтому находки в культурном слое памятника предметов рыболовства, рыболовных крючков и снастей не вызывает удивления.

К группе изделий из черного металла, относящихся к рыболовным орудиям, принадлежат три предмета с городища Лбище: (рыболовный крюк 855, рыболовный крючок 860, и микробагор 859) (рис. 13).

Рыболовный крюк 855 представляет собой массивный стержень прямоугольного сечения, в верхней части оканчивающийся загнутой внутрь небольшой петлей. В нижней части стержень завершается острым коротким отогнутым вверх под углом в 45^0 крюком без жала. Этот предмет мы, предположительно, относим к орудиям рыболовства. Петля в верхней части крюка, скорее всего, служила для крепления в ней шнура. Такой крюк мог применяться для добычи очень крупной рыбы, например, сома или белуги.

Предмет 859 – небольшой по размеру крюк – имеет оригинальную форму. В верхней части стержень прямоугольного сечения согнут под углом в 90 градусов. Нижняя часть предмета завершается небольшим угловато изогнутым крюком с острым концом. Отсутствие петли на крюке не позволяет предполагать использование его в качестве обычного рыболовного крючка. Более вероятно, что этот крюк крепился на деревянном стержне, и в таком виде, как маленький багор, служил для вытаскивания на берег крупной пойманной рыбы. Подобные снасти нередко применяются и современными рыбаками для подледного лова крупной рыбы.

Третий предмет – рыболовный крючок классической формы (рис. 13: 860) – характе-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рен для эпохи средневековья. В нижней части крючок снабжен острым жалом. В верхней части крючка расположена загнутая петля для фиксации шнура.

Рыболовный крюк 855 по данным металлографического анализа был откован из слабо прокованной цельностальной высокоуглеродистой заготовки. На нетравленом шлифе наблюдаются многочисленные неметаллические включения и мелкие шлаки. На травленом шлифе наблюдается однородная высокоуглеродистая феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 263 кг/мм^2.

Рыболовный крючок-багорчик 859 (рис. 15) по данным металлографических анализов был откован из цельностальной заготовки с разной степенью прокованности. С этого предмета образцы для анализов были взяты с обоих концов крючка. Шлиф 859а взят с рабочего края крючка, а шлиф 859б – с противоположного края. Металл рабочей части крюка-багра прокован слабо, о чем свидетельствуют мелкие темные неметаллические включения и многочисленные крупные шлаки (анализ 859а). На травленом шлифе здесь выявлена среднеуглеродистая феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 178 кг/мм^2. Однако в центральной части шлифа наблюдается зона узкого шлака, по краям которого локализована ферритовая микроструктура, плавно переходящая в феррито-перлит.

В отличие от рабочей части крюка его противоположная часть (анализ 859б), служившая для крепления к древку, прокована была удовлетворительно. На травленом шлифе наблюдается однородная картина среднеуглеродистой феррито-перлитовой микроструктуры с микротвердостью 178 кг/мм^2.

Рыболовный крючок 860 – классической формы (рис. 13: 860) со специальным жалом для захвата рта рыбы и петлей для крепления к шнуру (леске). Шлиф для металлографического анализа взят с рабочего жала. По данным металлографического исследования рыболовный крючок был откован из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали. На травленом поле шлифа наблюдается среднеуглеродистая феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 201 кг/мм^2, а также участки ферритовой микроструктуры. На шлифе виден изогнутый сварочный шов, что говорит об использовании в процессе изготовления крючка операции кузнечной ковки (рис. 16).

Технология изготовления предметов вооружения

В коллекции кузнечных изделий с городища Лбище представлены два предмета вооружения – наконечники дротика (рис. 17: 861) и стрелы (рис.17: 859).

Небольшой по размеру наконечник дротика имеет трубчатую втулку и боевое жало линзовидного сечения. По данным металлографического анализа он был откован из цельностальной среднеуглеродистой заготовки. Металл наконечника прокован был очень хорошо. На шлифе темные точечные неметаллические и шлаковы включения немногочисленны и практически незаметы.

На травленом шлифе наблюдается однородная феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 146-191 кг/мм^2. Зернистый феррито-перлит местами имеет сорбитообразную ориентацию. При этом феррито-перлит более концентрирован в центральной части шлифа. А по краям шлифа феррито-перлитовая микроструктура становится менее насыщенной. Здесь увеличивается площадь, занимаемая участками феррита. На этом основании можно предположить, что в процессе ковки, вероятно, в результате перегрева, произошло обезуглероживание поверхностных участков лезвия дротика (рис. 19).

Трехлопастной наконечник стрелы (рис. 17: 856) по данным металлографического анализа был откован из цельностальной стеднеуглеродистой заготовки, науглероженной способом сквозной цементации. В целом металл прокован достаточно хорошо. На травленом шлифе выявлена однородная пластинчатая феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 201 кг/мм^2 (рис. 18).

Технология изготовления предметов быта

Из раскопов городища Лбище происходят несколько предметов бытового обихода, без которых жизнь его обитателей была бы весьма затруднительна. К ним относится кресало редкой для средневековья формы (рис. 20: 852), и три шила (рис. 20: 857, 858, 877).

Кресало имеет форму лопаточки, рабочий край которой клиновидно расплющен и завершается несомкнутык колечком (рис. 20: 852). Технологическая схема изготовления этого кресала оказалась вполне рациональной – ковка из цельностальной высокоуглеродистой заготовки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с наваркой на рабочую часть еще более высокоуглеродистой стальной пластины. Качество кузнечной сварки при этом было высоким, но металл основы кресала прокован был слабо. Здесь на нетравленом поле шлифа наблюдаются многочисленные крупные грубые и мелкие шлаки и неметаллические включения. На травленом шлифе проявилась феррито-перлитовая микроструктура. С одного края шлифа (с выходом на рабочую грань изделия) наблюдается парная линия светлого сварочного шва, отделяющего основу кресала от зоны сорбитовой микроструктуры на рабочей части изделия. Микротвердость сорбитовой микроструктуры составляет 305 кг/мм^2. Конечной операцией при изготовлении этого кресала была мягкая закалка (рис. 21).

Шилья представляют собой стержни, один край которых предназначен для крепления в деревянной рукоятке. Они имеют подпрямоугольное сечение и заостренный конец, а противоположные, рабочие края шильев имеют овальное сечение и острый конец.

Для металлографического исследования образцы брались с обоих концов предметов.

С шила 857 были взяты два образца. Анализ 857а был взят с рукояточной части шила. Анализом 857б исследован металл рабочей, колющей части. Шило 857, как показал металлографический анализ, было отковано из заготовки, предварительно сваренной кузнечной сваркой из кусочка неравномерно науглероженной сырцовой стали и куска цельной среднеуглеродистой стали. Качество кузнечной сварки было средним. На рабочий край лезвия кузнец вывел наиболее богатый углеродом участок металла. На рабочей части шила (анализ 857б) выявлена среднеуглеродистая стальная феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 159-178 кг/мм^2. Металл здесь прокован удовлетворительно. На шлифе заметны мелкие темные точечные неметаллические включения и мелкие шлаки. На участке шила, который крепился в деревянной рукоятке (анализ 857а), отмечена сварка полоски неравномерно науглероженной сырцовой стали и полоски цельной среднеуглеродистой стали. Металл здесь прокован слабо, о чем свидетельствуют заметные многочисленные мелкие темные неметаллические включения, а также грубые шлаки и пустоты. Качество кузнечной сварки здесь было средним, но на кончике шила присутствует наиболее богатый углеродом участок металла. Микроструктура металла здесь – среднеуглеродистый феррито-перлит с микротвердостью 178 кг/мм^2, и участки ферритовой микроструктуры с микротвердостью 131 кг/мм^2. Отмечены также узкие изогнутые сварочные швы, местами заполненные шлаковыми включениями (рис. 22).

С шила 858 были взяты два образца: анализ 858а был – с рабочей, колющей части предмета, а анализ 858б – с рукояточной части шила. Это изделие по результатам металлографического анализа было отковано из цельностальной заготовки, предварительно сваренной кузнечной сваркой из среднеуглеродистой стали. Качество кузнечной сварки здесь было средним.

Анализом 858а установлено, что металл был прокован слабо, но на травленом шлифе отмечена неоднородная картина. Здесь была выявлена зона среднеуглеродистой феррито-перлитовой микроструктуры с микротвердостью 212 кг/мм^2, а также заметен изогнутый сварочный шов.

На черешковой части шила (анализ 858б) выявлены мелкие темные точечные неметаллические включения и мелкие шлаки. Металл – средней степени прокованности. После травления шлифа на его площади проявилась среднеуглеродистая феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 263 кг/мм^2. На краю шлифа отмечен участок сорбитообразного феррито-перлита с микротвердостью 305 кг/мм^2. Это стало, вероятно, результатом охлаждения шила после ковочного нагрева в теплой воде (рис. 23).

Из цельностальной среднеуглеродистой заготовки было отковано шило 877 (рис. 20: 877). На рабочем краю шила располагается среднеуглеродистая цельная сталь, приготовленная, предположительно, сквозной цементацией. В процессе охлаждения шила на его рабочем краю образовалась сорбитообразная феррито-перлитовая микроструктура. Противоположный край шила, предназначенный для закрепления в деревянной рукоятке, был откован из простой, неравномерно науглероженной сырцовой стали. С шила были взяты два образца: анализ 877а – с рукояточной части предмета, а анализ 877б – с рабочей, колющей части.

На рабочей части шила металл прокован достаточно качественно (анализ 877б). Здесь выявлена среднеуглеродистая цельная сталь, приготовленная, предположительно, сквозным науглероживанием способом цементации. Основную площадь шлифа занимает зона среднеуглеродистого сорбитообразного феррито-перлита с микротвердостью 191 кг/мм^2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

На шлифе 877а, взятом с рукояточной части шила, металлографическим анализом установлено, что металл здесь – средней прокованности. Наблюдаются мелкие округлые темные неметаллические включения. После травления шлифа на его поверхности выявлена неравномерно науглероженная сырцовая сталь. Основную площадь шлифа занимает зона среднеуглеродистой феррито-перлитовой микроструктуры с микротвердостью 206 кг/мм^2, местами граничащая с участками ферритовой микроструктуры (рис. 24).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что шило было отковано из цельностальной среднеуглеродистой заготовки с локальной цементацией рабочего участка. В процессе охлаждения шила на его рабочем крае образовалась сорбитообразная феррито-перлитовая микроструктура, а противоположный, рукояточный край шила, был откован из простой неравномерно науглероженной сырцовой стали.

Технология изготовления предметов конской упряжи

Среди домашних животных населения городища Лбище присутствовали лошади, которые, судя по находкам артефактов – предметов конской упряжи – использовались для верховой езды. Среди них – одни удила (рис.25: 853), и 4 пряжки от конской сбруи (рис. 25: 864, 865, 866, 867).

Конские удила – односоставные и состоят из моноблочного грызла в виде подпрямоугольного стержня с петлями по краям и кольцами в них (рис. 25: 853). При этом петли на краях грызл соединены с основным стержнем кузнечной сваркой.

По результатам металлографического анализа удила были откованы из слабо прокованной заготовки кричного железа (рис. 25: 853). При их изготовлении была применена операция кузнечной сварки. Металл был прокован слабо, на что указывают заметные многочисленные крупные и мелкие шлаковые поля, а также мелкие темные неметаллические включения. На травленом шлифе основой является ферритовая микроструктура с микротвердостью 201 кг/мм^2, а по краям шлифа наблюдаются участки феррито-перлита с такой же микротвердостью (рис. 26).

Пряжки от конской упряжи – однотипные и представляют собой овальную рамку с простым язычком (рис. 25: 864, 865, 866, 867).

Сырьем для их изготовления, в основном, была цельная сталь (анализы 865, 866, 867). Только пряжка 864 была откована из неравномерно науглероженной сырцовой стали (рис.25). Металл на этой пряжке прокован слабо. На нетравленом поле шлифа заметны многочисленные крупные шлаковые поля грубой формы, а также темные округлые неметаллические включения. На травленом поле шлифа выявлена неоднородная феррито-перлитовая и сорбитовая микроструктуры. Сварочных швов между зонами различных микроструктур не наблюдается. Микротвердость сорбитовой микроструктуры на шлифе составляет 314 кг/мм^2. Микротвердость феррито-перлита составляет 182 кг/мм^2. В процессе охлаждения поковки в теплой воде в металле предмета образовалась микроструктура мягко закаленной стали. Считать, что в данном случае имела место преднамеренная мягкая закалка, оснований нет.

Металл цельностальной пряжки 865 был средней прокованности. На шлифе отмечены немногочисленные мелкие шлаки и неметаллические включения. Заметна также глубокая трещина, которая, возможно, указывает на некачественный кузнечный шов. Микроструктура на травленом шлифе – однородный феррито-перлит с микротвердостью 201-221 кг/мм^2.

Такое же качество средней степени проковки цельной стали прослежено на пряжке 866. Мелкие шлаки и неметаллические включения немногочисленны. И здесь заметна глубокая трещина, предположительно – след некачественного кузнечного шва. Микротвердость однородной феррито-перлитовой микроструктуры на шлифе 866 составляет 143 кг/мм^2.

Хорошо прокованная цельностальная заготовка отмечена на пряжке 867. Шлаки и неметаллические включения здесь немногочисленны. На шлифе заметна глубокая трещина (след некачественного кузнечного шва?). На травленом шлифе отмечена однородная феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 196 кг/мм^2. При изготовлении этой пряжки была применена операция кузнечной сварки, качество которой нельзя признать высоким.

Предметы неопределенного назначения

Из культурного слоя городища Лбище происходят два предмета неопределенного функционального назначения и фрагментарной сохранности. Технология их изготовления не

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

представляет существенного значения для реконструкции истории кузнечной техники Среднего Поволжья эпохи раннего средневековья. Тем не менее, они также прошли металлографическое исследование.

Один из этих предметов – небольшая плоская пластина с изгибом (рис. 27: 862). На ее изготовление пошла заготовка неравномерно науглероженной сырцовой стали с содержанием углерода до 0,6%. Металл прокован был слабо. Заметны многочисленные крупные шлаковые поля грубой формы, а также темные округлые неметаллические включения. На травленом шлифе выявлена неоднородная феррито-перлитовая и сорбитовая микроструктуры. Сварочных швов между зонами различных микроструктур не наблюдается. Микротвердость сорбитовой микроструктуры на шлифе составляет 305 кг/мм^2. В процессе охлаждения поковки в теплой воде в металле предмета образовалась микроструктура мягко закаленной стали. Считать, что в данном случае имела место преднамеренная мягкая закалка, оснований нет (рис. 28).

Второй предмет неопределенного функционального назначения – овально закругленная несомкнутая скоба – (рис. 27: 863). Скоба была откована из высокоуглеродистой стали с содержанием углерода до 0,6%. На этом предмете металл прокован хорошо. Наблюдаемые на нетравленом шлифе мелкие неметаллические включения немногочисленны. После травления шлифа на его поверхности была выявлена однородная сорбитовая микроструктуры с микротвердостью 324 кг/мм^2. В процессе охлаждения поковки в теплой воде в металле предмета образовалась микроструктура мягко закаленной стали. Считать, что в данном случае имела место преднамеренная мягкая закалка, оснований также нет (рис. 29).

Итак, проведенные металлографические исследования кузнечной продукции городища Лбище позволяют нам подвести некоторые итоги. Результаты металлографических исследований кузнечной продукции городища Лбище в обобщенном виде представлены в таблице 2. В этой таблице все выявленные технологические схемы распределены по двум технологическим группам. В группу I включены простые технологические схемы, имеющие истоки в традициях металлообработки раннего железного века. К ним относятся: ковка из простого кричного железа и сырцовой стали, цементация, ковка из цельностальных и пакетованных заготовок. В эту технологическую группу не входят схемы, основанные на конструктивной кузнечной сварке специально приготовленной стали с железом. Такие приемы и схемы, которые в таблице 2 включены в технологическую группу II, уже являются техническим достоянием кузнечного ремесла эпохи государственных образований (Древней Руси, Волжской Болгарии). Рассматривая результаты металлографических анализов кузнечной продукции городища Лбище с этих позиций, мы видим, что основная масса изделий – 26 предметов из 28 (92,8%) входит в технологическую группу I. Только 2 предмета (7,2%) из числа исследованных металлографически, вошли в состав группы II. Это свидетельствует о сохранении в кузнечной продукции городища Лбище производственных традиций раннего времени – эпохи раннего железного века.

В тоже время, следует отметить, что в распоряжении кузнецов, изготовивших рассмотренные нами кузнечные изделия, в наличии были основные виды кузнечного сырья – кричное железо, сырцовая неравномерно науглероженная сталь, высокоуглеродистая специально приготовленная, предположительно способом цементации, сталь (табл. 2). Мастера-кузнецы, изготовители кузнечной коллекции городища Лбище, прекрасно владели основными технологическими приемами свободной ковки. Судя по наличию среди артефактов с территории памятника кузнечных инструментов, техническая оснащенность этих мастеров была вполне достаточной. Были ли металлографически исследованные нами кузнечные изделия продукцией кузнецов с городища Лбище, или привозными изделиями, попавшими в Среднее Поволжье с мигрантами из западных регионов Восточной Европы, на этот вопрос ответить пока трудно. Однако, в любом случае, выявленные нами особенности технологии кузнечного производства на материалах городища Лбище, отражают уровень развития железообработки этого населения в эпоху Великого переселения народов.

В материалах кузнечной продукции городища Лбище металлографическими анализами выявлено 6 технологических схем: 1) ковка из кричного железа; 2) ковка из неравномерно науглероженной сырцовой стали; 3) цементация; 4) ковка из цельностальной заготовки; 5) пакетный металл; 6) торцовая наварка.

Обращает на себя внимание абсолютное преобладание в технологическом арсенале кузнечной продукции городища Лбище поковок, из-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

готовленных из цельностальных заготовок – 15 предметов, что составило 53,6%. Из них только 3 предмета дополнительно подверглись термообработке. Два предмета подверглись мягкой закалке (молоток 850 и пластина 863). Один предмет – нож 874 – подвергся резкой закалке на мартенсит. На втором месте по частоте применения в материалах городища Лбище находится ковка из неравномерно науглероженной сырцовой стали – 6 случаев из 28 предметов. Эта технологическая схема составила 21,4%. Среди специальных высокотехнологичных схем на кузнечной продукции городища Лбище отметим пакетный металл, который выявлен на 3 предметах (2 ножах и 1 зубиле). При этом на ножах качество выполнения операции кузнечной сварки выглядит как высокопрофессиональное, а вот на зубиле операция пакетования заготовки была крайне некачественной.

В технологическом арсенале кузнечной продукции городища Лбище по два раза встречены технологии цементации и торцовой наварки. Цементация отмечена на двух ножах, а торцовая наварка встречена на одном ноже и на одном кресале. При этом на кресале, как это и положено, отмечена термообработка. Однако, закалка на кресале мягкая. В идеале для получения энергетически полноценной искры желательно было иметь на рабочей части кресала резко закаленную микроструктуру стали типа мартенсита.

Операцию термообработки кузнецы лбищенского кузнечного центра применяли не очень часто. Только на 7 предметах кузнечной продукции городища Лбище встречена термообработка, что составило 25%. Но только на 3 ножах , 1 молотке и на 1 кресале термообработка была целесообразной.

Преимущественно мастерами-изготовителями кузнечной продукции городища Лбище применялась мягкая закалка, и только в 1 случае – закалка резкая. Качество кузнечной сварки на изделиях из черного металла городища Лбище, в основном, было высоким. Конструктивное соединение в одном предмете железа и неравномерно науглероженной стали отметается не часто, но целенаправленно (на ноже и на кресале).

Таким образом, уровень технологического мастерства изготовления кузнечной продукции городища Лбище мы оцениваем как очень высокий для эпохи Великого переселения народов.

У нас есть возможность сопоставить уровень развития и технологический материал кузнечного производства городища Лбище с уровнем технологического развития кузнечного производства зарубинецкой, черняховской и пшеворской археологических культур.

Отметим, что в кузнечных изделиях городища Лбище присутствуют некоторые технологические общие черты с изделиями из черного металла этих культур. Это общее усматривается в частом применении ковки из цельностальных заготовок (Вознесенская, 1972, с. 31, рис. 7) . Однако, на этом сходство металлообработки лбищенского кузнечного комплекса с железообработкой зарубинецкой и пшеворской археологических культур заканчивается. А вот сходства с черняховской железообработкой намного больше. Это наблюдается в применении операции цементации, технологии пакетного металла, торцовой наварки в кузнечном производстве городища Лбище и черняховской культуры. Однако мы должны отметить, что такое же сходство наблюдается и в железообработке балтов римского времени (Вознесенская,. 1972, с. 31, рис. 7). Впрочем, это сходство, скорее, объясняется мощным влиянием провинциально-римской культуры на железообработку населения черняховской археологической общности и балтов.

Вспомним в этой связи, что в материалах городища Лбище его исследовательница Г.И. Матвеева выделила ряд вещей (керамическую посуду, украшения из цветного металла), имеющих аналогии в археологических материалах черняховской культуры. Таким образом, сходство отдельных черт материальной культуры городища Лбище и черняховской культуры дополняются результатами металлографических исследований черного металла с этого замечательного археологического памятника.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблицы

Таблица 1. Сводные данные по аналитическим исследованиям коллекции кузнечных изделий городища Лбище.

N анализа	Категория изделия	Паспортные данные	Микроструктурные составляющие	Термообработка	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
848а	Топор, лезвие	Раскоп IV, кв. 32, гл. -167 см. от 0	Феррито-перлит		159 кг/мм^2, 178 кг/мм^2	Темные точечные неметаллические включения и отдельные шлаки	Ковка из цельностальной заготовки с неравномерным распределением углерода, операции кузнечной сварки – некачественная
848б	Топор, обушок	Раскоп IV, кв. 32, гл.-167 см. от 0	Феррито-перлит		201-278 кг/мм^2		Неравномерно науглероженная сырцовая сталь
849а	Топор, лезвие	Раскоп IV, кв. 32, гл.-167 см. от 0	Феррито-перлит		212 кг/мм^2	Неметаллические темные точечные включения немногочисленны	Ковка из цельностальной заготовки с неравномерным распределением углерода
849б	Топор, обушок	Раскоп IV, кв. 32, гл.-167 см. от 0	Однородный высокоуглеродистый феррито-перлит		212 кг/мм^2	Неметаллические темные точечные включения немногочисленны	Ковка из цельностальной заготовки с неравномерным распределением углерода
850а	Молоток, клиновидная часть	Раскоп IV, кв. 32, гл.-167 см. от 0	Однородный сорбитовая	Мягкая закалка	324-358-370 кг/мм^2	Многочисленные шлаки и темные точечные неметаллические включения	Ковка из цельностальной, специально приготовленной высокоуглеродисто заготовки.
850б	Молоток, бойковая часть	Раскоп IV, кв. 32, гл.-167 см. от 0	Однороднаый сорбитовая	Мягкая закалка	324-358-370 кг/мм^2	Многочисленные шлаки и темные точечные неметаллические включения	Откован из цельностальной, специально приготовленной высокоуглеродистой заготовки
851а	Клещи кузнечные, дуга	Раскоп IV, кв. 32, гл.-167 см. от 0	Феррит, феррито-перлита		201 кг/мм^2	Многочисленные шлаки и темные точечные неметаллические включения	Ковка из неравномерно науглероженной сырцовой стали
851а	Клещи кузнечные, зажимная губа	Раскоп IV, кв. 32, гл.-167 см. от 0	Феррит, феррито-перлита		201 кг/мм^2	Многочисленные шлаки и темные точечные неметаллические включения	Ковка из неравномерно науглероженной сырцовой стали

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 1. Сводные данные по аналитическим исследованиям коллекции кузнечных изделий городища Лбище (продолжение).

N анализа	Категория изделия	Паспортные данные	Микроструктурные составляющие	Термообработка	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
868	Зубило	Раскоп III, кв. 434, гл.-167 см. от 0	Феррито-перлит		146-225 кг/мм^2	Шаки, неметаллические включения, ногочисленные, трещины	Пакетный металл, сварочные швы низкого качества
869	Нож	Раскоп III, кв. 558, соор. 41	Феррито-перлит		156-201 кг/мм^2	Немногочисленные очень мелкие шлаки и неметаллические включения.	Ковка из заготовки пакетного металла.
874	Нож	Раскоп III, кв. 745	Сорбит, мартенсит	Мягкая закалка	632-805 кг/мм^2	Немногочисленные очень мелкие шлаки и неметаллические включения	Ковка из цельностальной пакетованной заготовки, сварочные швы хорошего качества
875	Нож	Раскоп III, кв. 558	Феррито-перлит, сорбит	Мягкая закалка	182 кг/мм^2 296 кг/мм^2	Многочисленные мелкие темные точечные неметаллические включения и крупные и мелкие, вытянутые по направлению ковки шлаки	Наварка высокоуглеродистой стальной пластины на малоуглеродистую стальную основу
876	Нож	Раскоп III, кв. 666	Мелкозернистый феррито-перлит		159-201 кг/мм^2	Шлаки и неметаллические включения, средний уровень проковки	Ковка из цельностальной заготовки, приготовленной способом сварки относительно однородного металла – неравномерно науглероженной стали
877а	Шило. Рукояточная часть	Раскоп III, кв. 653, шт. 2	Среднеуглеродистый феррито-перлит		206 кг/мм^2	Шлаки и неметаллические включения, средний уровень проковки	Неравномерно науглероженная сырцовая сталь
877б	Шило. Рабочая часть	Раскоп III, кв. 653, шт. 2	Среднеуглеродистый сорбитообразный феррито-перлит		191 кг/мм^2	Металл прокован качественно	Откован из неравномерно науглероженной сырцовой стали
878	Нож	Раскоп III, кв. 108, шт.1	Плохо травящийся феррит		Феррит – 201-229 кг/мм^2	Сильная коррозия. Металл засоренный неметаллическими включениями	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 1. Сводные данные по аналитическим исследованиям коллекции кузнечных изделий городища Лбище (продолжение).

N анализа	Категория изделия	Паспортные данные	Микроструктурные составляющие	Термообработка	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
5050	Нож		Феррит, сорбит	Мягкая закалка	263 кг/мм^2 305 кг/мм^2	Засоренный шлаками и неметаллическими включениями	Ковка из среднеуглеродистой стали с неравномерным распределением углерода
854	Нож	Раскоп III, кв. 217	Полоски ферритоперлитовой микроструктуры		191-201 кг/мм^2	Многочисленные мелкие округлые темные точечные неметаллические включения, цепочки мелких шлаков. Металл средней степени прокованности	Технологическая схема пакетного металла. Сварочные швы хорошего качества
855	Рыболовный крюк	Раскоп II, кв. 26	Однородный высокоуглеродистый ферритоперлит		263 кг/мм^2	Многочисленные неметаллические включения и мелкие шлаки	Ковка из слабо прокованной цельностальной высокоуглеродистой заготовки
859а	Рыболовный багорчик. Рабочий край	Раскоп II, кв. 26	Среднеуглеродистый ферритоперлит		178 кг/мм^2	Мелкие темные неметаллические включения и многочисленные крупные шлаки	Ковка из цельностальной заготовки
859а	Рыболовный багорчик. Край фиксации в древко	Раскоп II, кв. 26	Однородный ферритоперлит		178 кг/мм^2	Немногочисленные неметаллические включения шлаки	Ковка из цельностальной заготовки с разной степенью прокованности
860	Рыболовный крючок	Раскоп II, кв. 26	Среднеуглеродистый ферритоперлит, участки ферритовой микроструктуры		201 кг/мм^2	Шлаки, неметаллические включения, изогнутый сварочный шов	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали
861	Наконечник дротика	Раскоп III, разрез вала	Однородный зернистый ферритоперлит с сорбитовой ориентировкой, следы обезуглероживания	Следы непреднамеренной мягкой закалки	146-191 кг/мм^2	Немногочисленные точечные неметаллические и шлаковые включения	Ковка из цельностальной среднеуглеродистой заготовки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 1. Сводные данные по аналитическим исследованиям коллекции кузнечных изделий городища Лбище (продолжение).

N анализа	Категория изделия	Паспортные данные	Микроструктурные составляющие	Термообработка	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
856	Наконечник стрелы трехлопастной	Раскоп IV, кв. 169, шт. 1	Однородный пластинчатый феррито-перлит		201 кг/мм^2	Металл прокован хорошо	Ковка из цельностальной среднеуглеродистой заготовки, науглероженной сквозной цементацией
852	Кресало	Раскоп III, кв. 313, шт. 2	Феррито-перлит, сорбит	Термообработка, мягкая закалка	305 кг/мм^2	Многочисленные крупные грубые и мелкие шлаки, неметаллические включения	Ковка из цельностальной высокоуглеродистой заготовки с наваркой на рабочую часть еще более высокоуглеродистой стальной пластины. Качество кузнечной сварки высокое
857а	Рукояточная часть шила	Раскоп II, соор. 1	Среднеуглеродистый феррито-перлит, участки феррита		178 кг/мм^2, 131 кг/мм^2	Многочисленные мелкие темные неметаллические включения, грубые шлаки и пустоты	Сварка полоски неравномерно науглероженной сырцовой стали и полоски цельной среднеуглеродистой стали
857б	Рабочая, колющая часть шила	Раскоп II, соор. 1	Среднеуглеродистый феррито-перлит		159-178 кг/мм^2	Мелкие темные точечные неметаллические включения и мелкие шлаки	Ковка из среднеуглеродистой стальной заготовки
858а	Рабочий, колющий край шила	Раскоп III кв. 449, шт.2	Среднеуглеродистый феррито-перлит		212 кг/мм^2	Металл прокован слабо	Ковка из цельностальной заготовки, кузнечная сварка среднеуглеродистой стали. Изогнутый сварочный шов. Кузнечная сварка среднего качества
858б	Рукояточная часть шила	Раскоп III кв. 449, шт.2	Среднеуглеродистый феррито-перлит, участок сорбитообразного феррито-перлита		263 кг/мм^2 305 кг/мм^2	Мелкие темные точечные неметаллические включения и мелкие шлаки. Металл средней степени прокованности	
853	Конские удила	Раскоп IV, кв. 16, шт.	Феррит, участки феррито-перлита по краям шлифа		201 кг/мм^2 201 кг/мм^2	Многочисленные крупные и мелкие шлаковые поля, также мелкие темные неметаллические включения	Откованы из слабо прокованной заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали , операция кузнечной сварки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 1. Сводные данные по аналитическим исследованиям коллекции кузнечных изделий городища Лбище (окончание).

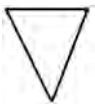
N анализа	Категория изделия	Паспортные данные	Микроструктурные составляющие	Термообработка	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
864	Пряжка от конской упряжи	Раскоп 4, кв. 142, шт.1	Неоднородный феррито-перлит, сорбит	Непреднамеренная термообработка – мягкая закалка	182 кг/мм^2 314 кг/мм^2	Многочисленные крупные шлаковые поля грубой формы, а также темные округлые неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали
865	Пряжка от конской упряжи	Раскоп 3. кв. 819. Погребение 2	Однородный феррито-перлит		201-221 кг/мм^2	Немногочисленные мелкие шлаки и неметаллические включения, глубокая трещина	Ковка из цельностальной заготовки
866	Пряжка от конской упряжи	Раскоп 4, кв. 142, шт.1	Однородный феррито-перлит		143 кг/мм^2	Мелкие шлаки и неметаллические включения немногочисленны, глубокая трещина	Ковка из цельностальной заготовки
867	Пряжка от конской упряжи	Раскоп 4, кв. 15	Однородный феррито-перлит		196 кг/мм^2	Шлаки и неметаллические включения немногочисленны, глубокая трещина	Ковка из цельностальной заготовки, операция кузнечной сварки невысокого качества
862	Фрагмент пластины	Без паспорта	Неоднородный феррито-перлит и сорбит		305 кг/мм^2	Многочисленные крупные шлаки и темные округлые неметаллические включения	Ковка из неравномерно науглероженной сырцовой стали
863		Без паспорта	Однородный сорбит	Термообработка непреднамерен-ная мягкая закалка	324 кг/мм^2	Мелкие неметаллические включения немногочисленны	Ковка из высокоуглеродистой стали

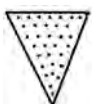
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 2. Технологические схемы кузнечных изделий городища Лбище.

№№	Категории изделий	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ						Термообработка	ВСЕГО
1	Топоры				ан. 848, ан. 849				2
2	Молотки				ан. 850			ан. 850 мз	1
3	Кузнечные клещи		ан. 851						1
4	Зубила					ан. 868			1
5	Ножи			ан. 878, ан. 5050	ан. 874, ан. 876	854, 869	ан. 875	ан. 874рз, ан. 878мз, ан. 5050мз	7
6	Рыболовные крючки		ан. 860		ан. 855, ан. 859				3
7	Наконечники дротиков				ан. 861				1
8	Наконечники стрел				ан. 856				1
9	Шилья		ан. 877		ан. 857, ан. 858				3
10	Кресала						ан. 852	ан. 852мз	1
11	Конские удила	ан. 853							1
12	Пряжки подпружные		ан. 864		ан. 865, ан. 866, ан. 677			864 мз	4
13	Пластина		ан. 862						1
14	Скоба				ан. 863			ан. 863 мз	1
15	ВСЕГО:	1	6	2	15	3	2	7	28
16	ВСЕГО В %:	3,57	21,4	7,14	53,6	10,7	7,14	25	100
Распределение исследованных предметов по технологическим группам		Технологическая группа II 26 (92,8%)					Технологическая группа II 2 (7,2%)		

Условные обозначения к рисункам 1-6, к таблице 2:

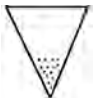

– кричное железо

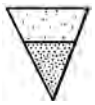

– цельная сталь

– термообработка (закалка); Мз- мягкая закалка; Рз – резкая закалка.

– сырцовая неравномерно науглероженная сталь

– пакетный металл


– цементация


– торцовая наварка

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Литература

Вознесенская Г.А. 1972. Техника обработки железа и стали // Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры. М.

Колчин Б.А. 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА, 32.

Матвеева Г.И. 1998. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара, 17–20 ноября 1997 г. Самара.

Матвеева Г.И. 2003. Среднее Поволжье в IV–VII вв. Именьковская культура (учебное пособие). Самара.

Сокращения

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

Y.A. Semykin

Smithing technology of Lbische hillfort on the results of metallorgaphic examination

Abstract

The article introduses the results of metallorgaphic examination of smithing production from the Lbische hillfort – a notable settlement of the Migration period which is situated in the Middle Volga region (the Samara Luka, Samara region). Blacksmiths of the Lbische smithing centre used all basic types of raw materials for ironworks, as was set by metallorgaphic examination of the smithing production, collected during the excavations (28 items). These are wrought iron, unevenly or low carbonized steel, high-carbonized (cementated) steel. Blacksmiths of this centre were skilled in forging process and were well-equiped. Among the smithing production from Lbische hillfort blacksmithing tools are presented too (the pincers, the chisel, the hammer). Metallorgaphic examination reveals 6 techniques used in products from Lbische hillfort: 1) forging the wrought iron; 2) forging low carbonized steel; 3) cementation; 4) forging the all-steel billet; 5) sheet pack; 6) butt-welding. Products of all-steel manufacture prevailed (15 items, 53,6%). Seven items show heat treatment technique (25%). The bulk of products are of the 1st technological group (manufactured with techniques, inherited the production traditions of Early Iron age). The purposeful constructive welding of wrought iron and unevenly carbonized steel is detected for two items (the knife and the firesteel). These products are included in the 2nd technological group, most typical for blacksmithing centres of medieval East European states. Smithing products from the Lbische hillfort and ones of the Zarubintsy, the Przheworsk and the Chernyakhov cultures reveal mutual technological traits. Some analogies could be found in smithing technologies of the Roman time Balts too. It can be explained by the influence of provincial Roman culture on ironworks technologies of both the Chernyakhov culture population and the Balts. In general, the level of smithing production of Lbische hillfort population could be evaluated as high enough for the Migration period cultures.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

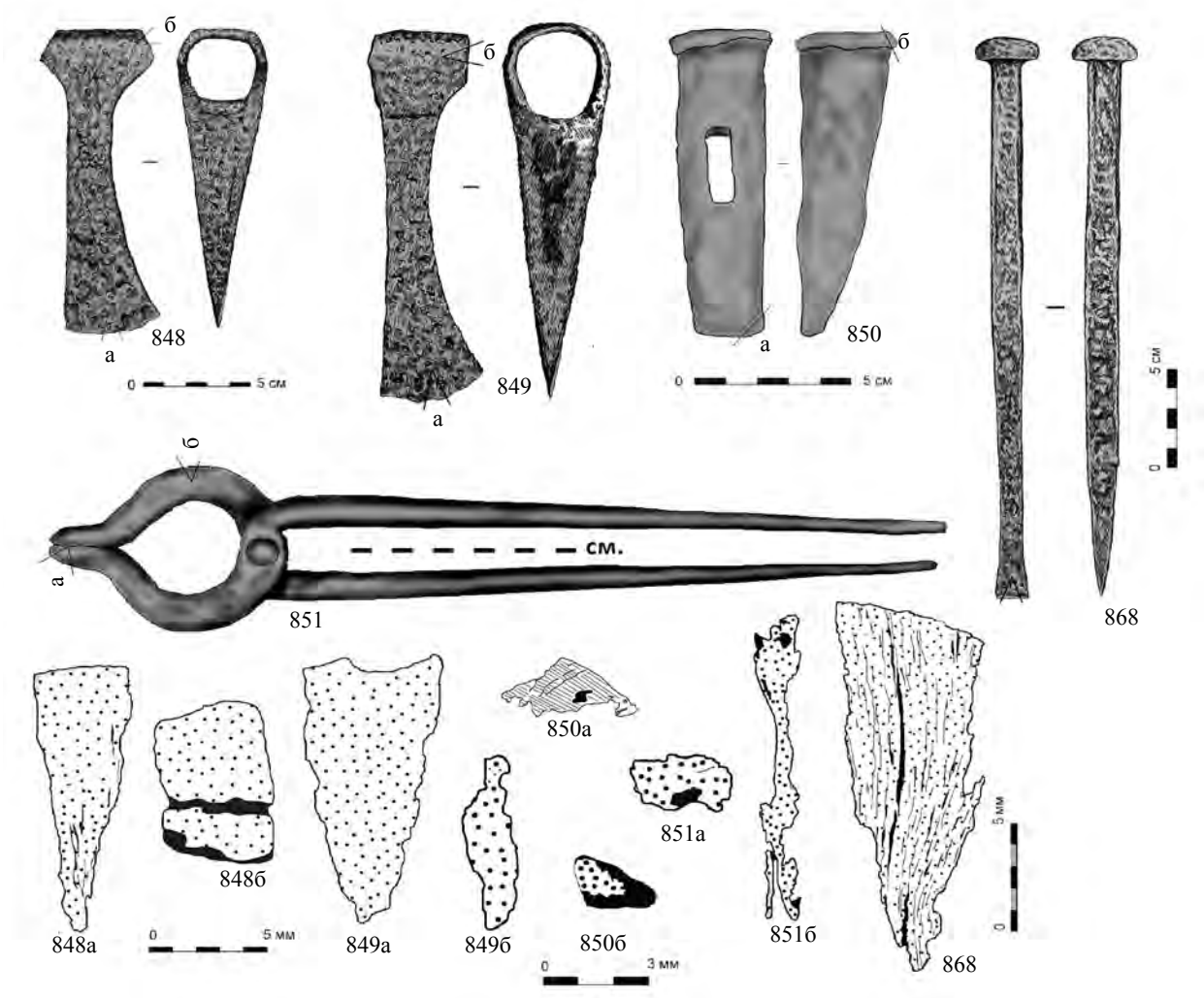


Рис. 1. Топоры, кузнечный инструментарий городища Лбища и технологические схемы их изготовления.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

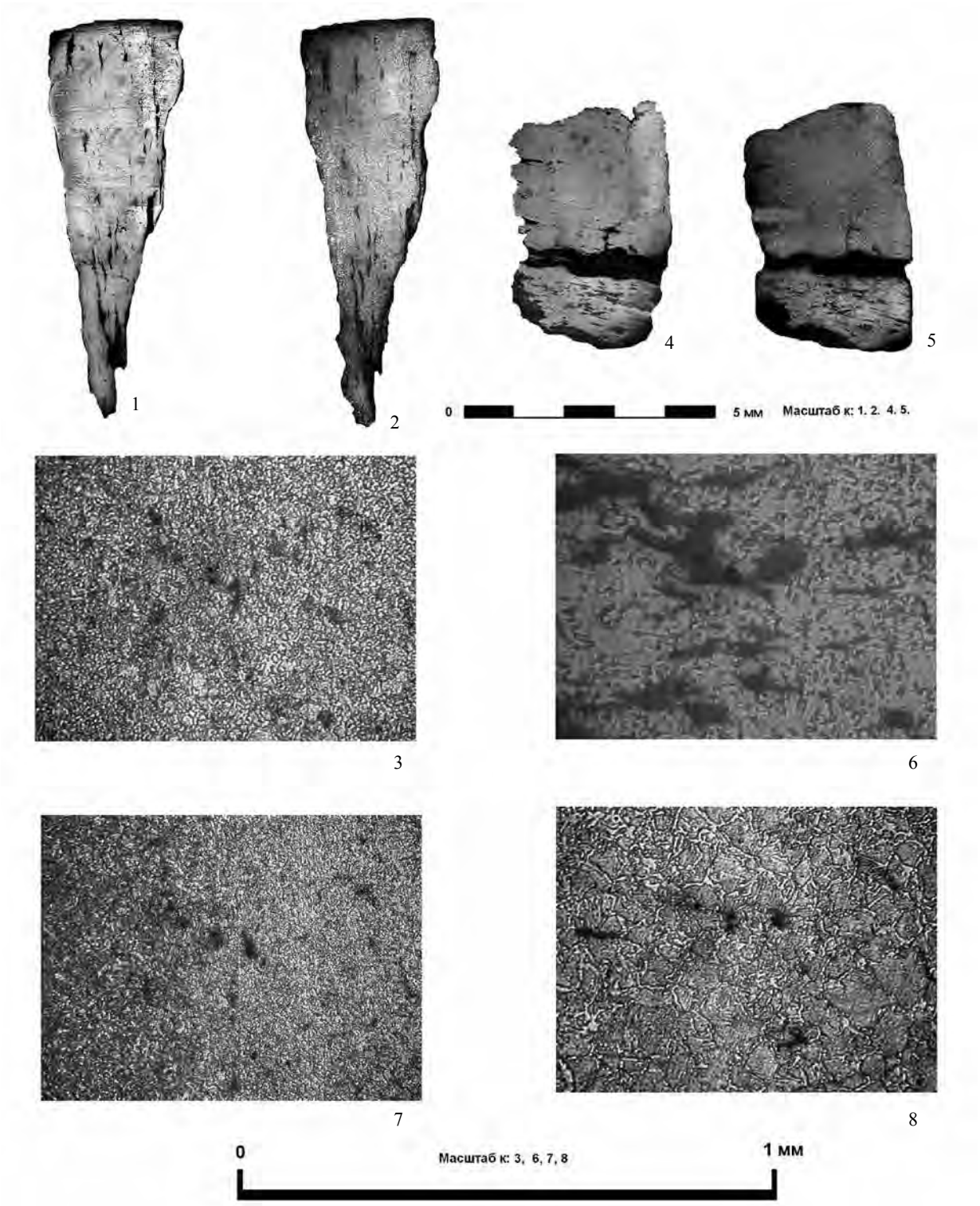


Рис. 2. Металлографические шлифы к анализу 848.
1 – анализ 848а. Макрофотография нетравленного шлифа. Шлаки неметаллические включения; 2 – анализ 848а. Макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 3 – анализ 848а. Микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 4 – анализ 848б. Макрофотография нетравленного шлифа. Шлаки неметаллические включения; 5 – анализ 848б. Макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 6 – анализ 848б. Микрофотография травленого шлифа. Малоуглеродистый феррито-перлит; 7 – анализ 848б. Микрофотография травленого шлифа. Высокоуглеродистый феррито-перлит; 8 – анализ 848б. Микрофотография травленого шлифа. Высокоуглеродистый феррито-перлит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

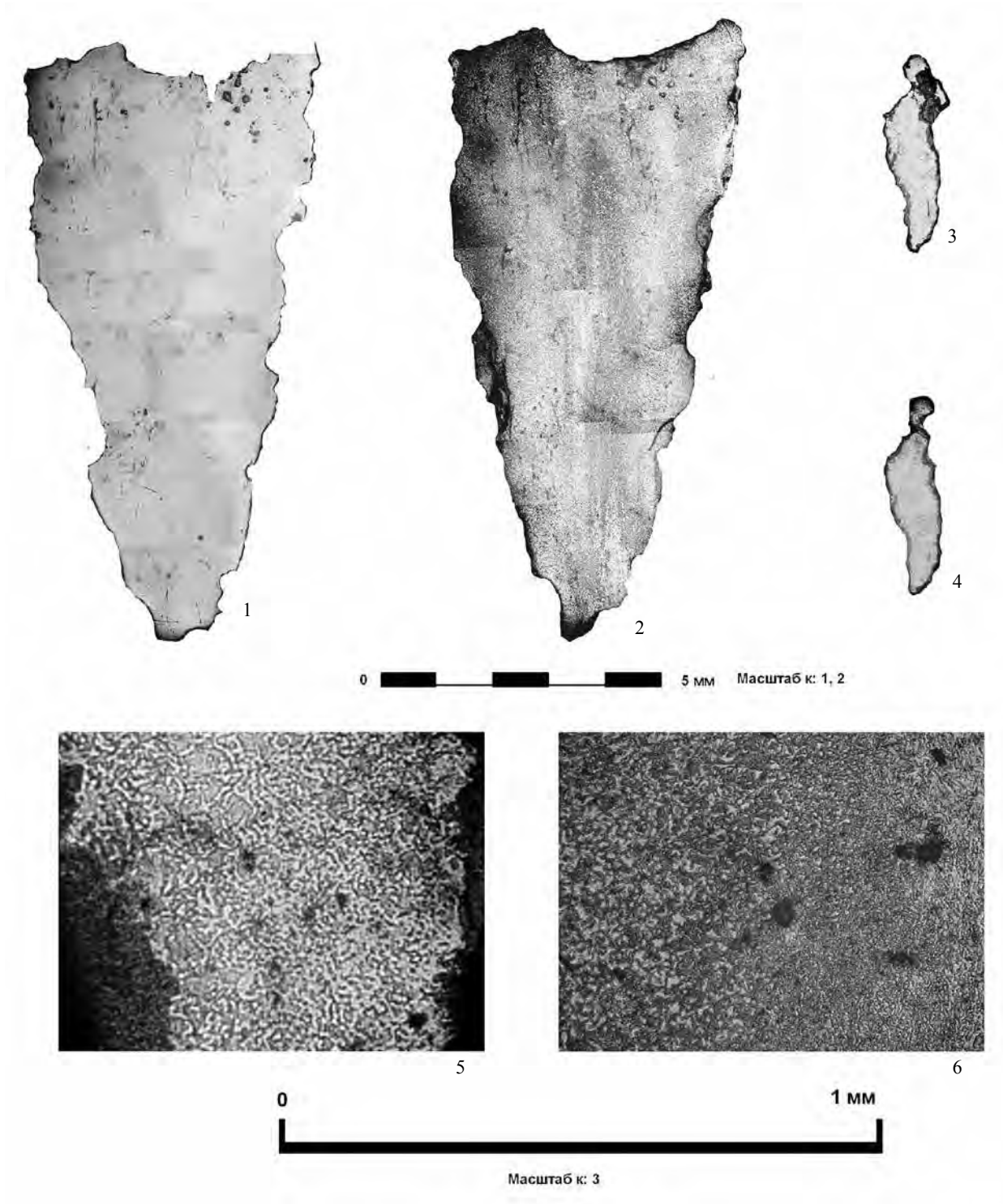


Рис. 3. Металлографические шлифы к анализу 849.
1 – анализ 849а. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, мелкие шлаки; 2 – анализ 849а. Макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 3 – анализ 849б. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, мелкие шлаки; 4 – анализ 849б. Макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 5 – анализ 849б. Микрофотография травленого шлифа. Высокоуглеродистый феррито-перлит; 6 – анализ 849а. Микрофотография травленого шлифа. Высокоуглеродистый феррито-перлит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

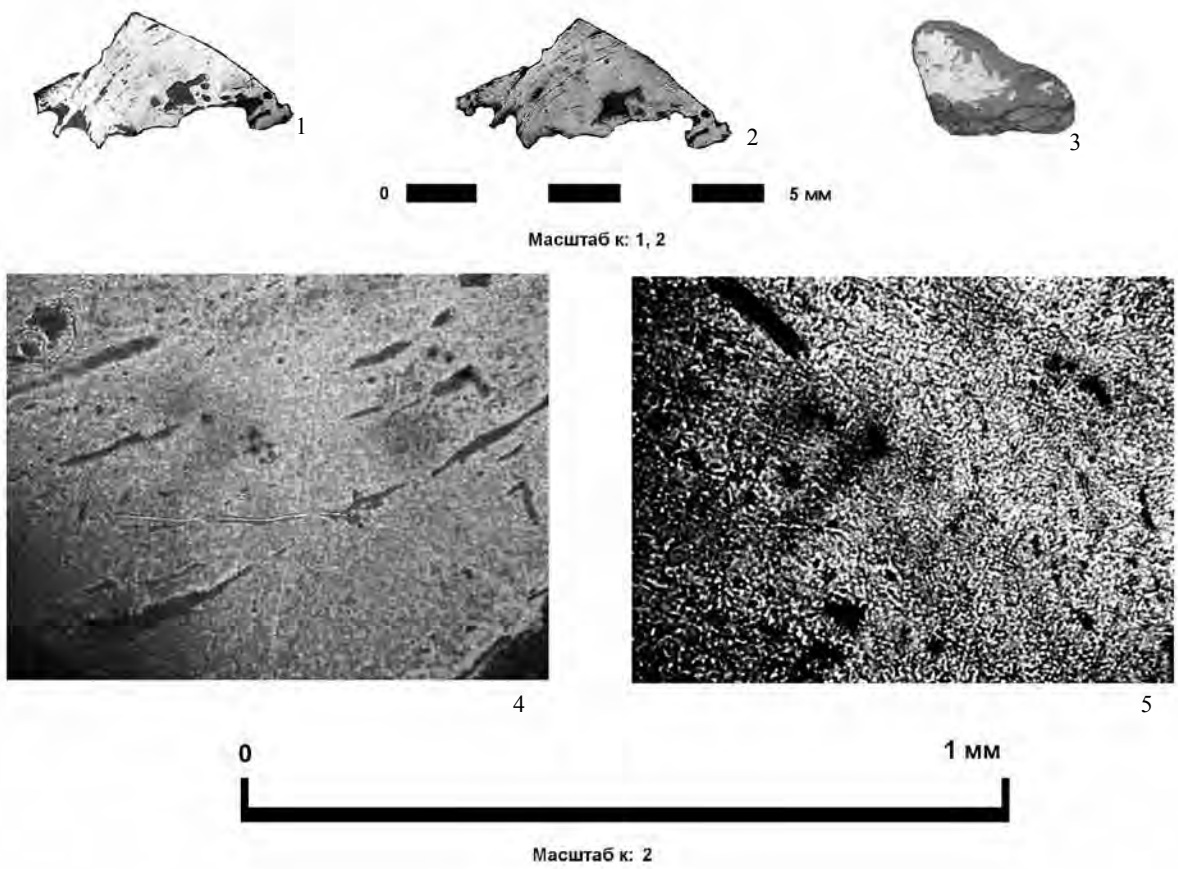


Рис. 4. Металлографические шлифы к анализу 850.
1 – анализ 850а. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – анализ 850а. Макрофотография травленого шлифа. Мартенсит; 3 – анализ 850б. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 4 – анализ 850а. Микрофотография травленого шлифа. Мартенсит; 5 – анализ 850б. Микрофотография травленого шлифа. Мартенсит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

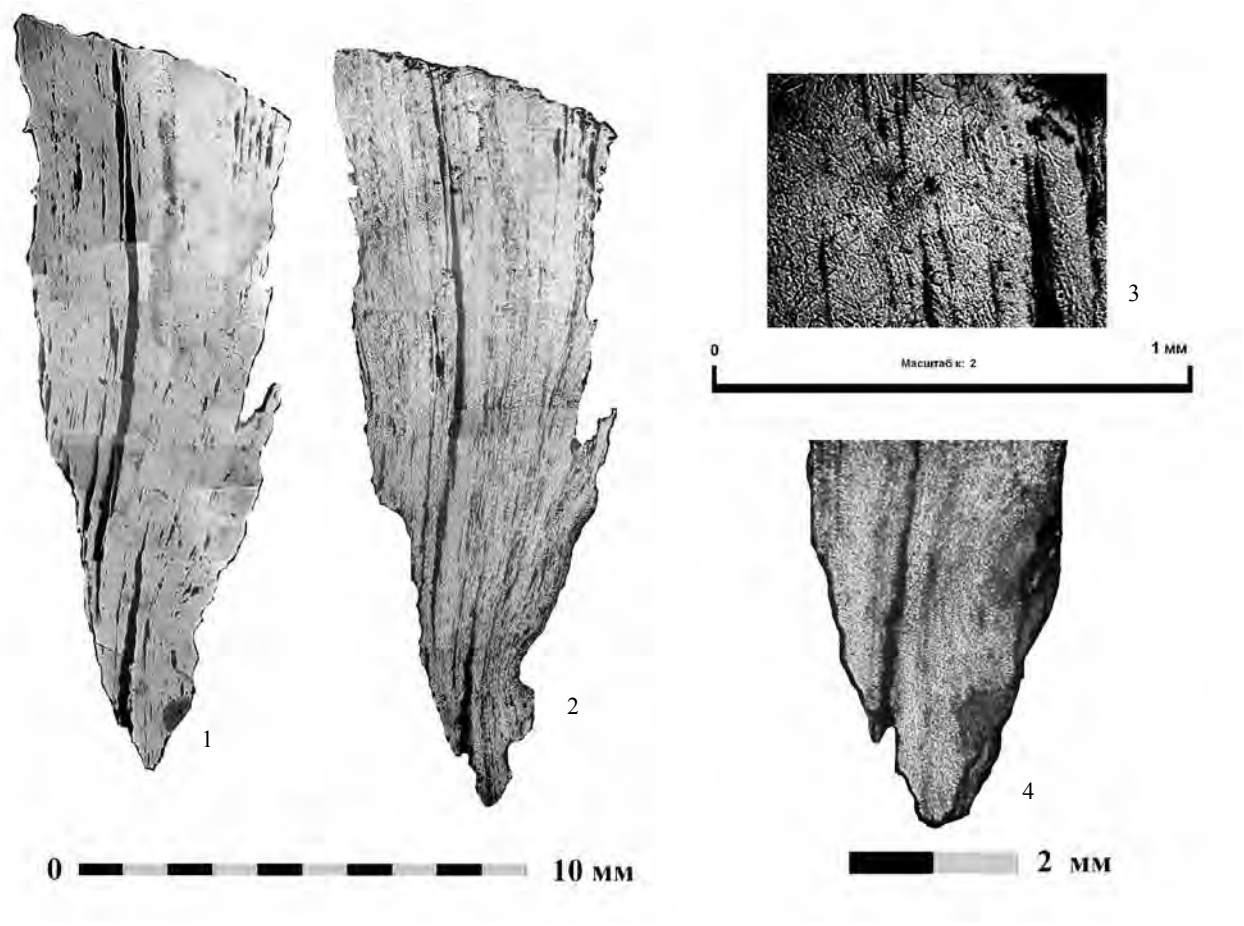


Рис. 5. Металлографические шлифы к анализу 868.
1 – шлиф нетравленый. Грубые шлаки, многочисленные неметаллические включения, трещины; 2 – шлиф травленый. Феррито-перлит, грубые шлаки, многочисленные неметаллические включения, трещины; 3 – шлиф травленый. Феррито-перлитовая микроструктура, шлаки; 4 – шлиф травленый. Участок феррито-перлитовой микроструктуры на кончике клиновидного шлифа.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

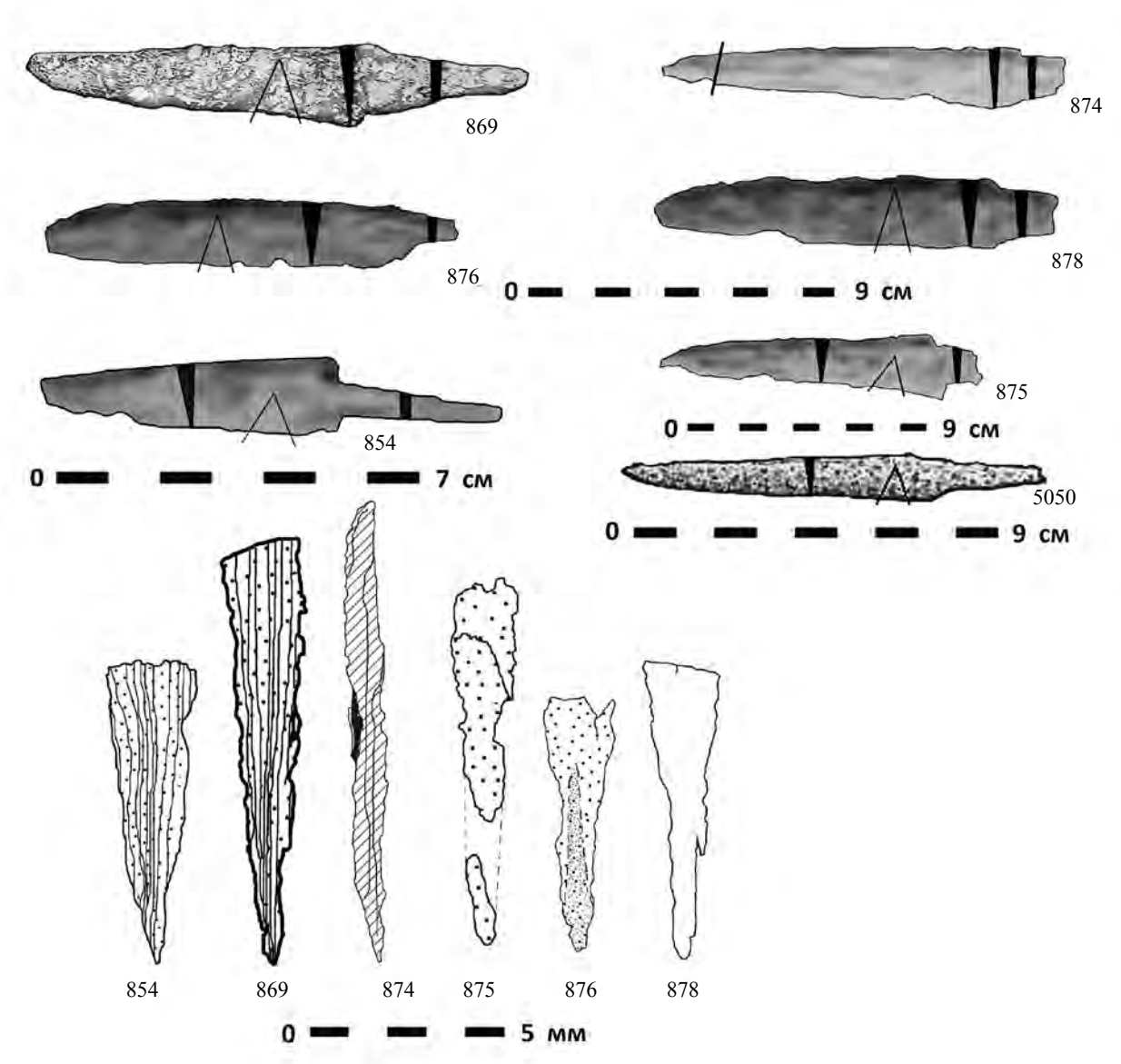


Рис. 6. Ножи городища Лбище и технологические схемы их изготовления.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

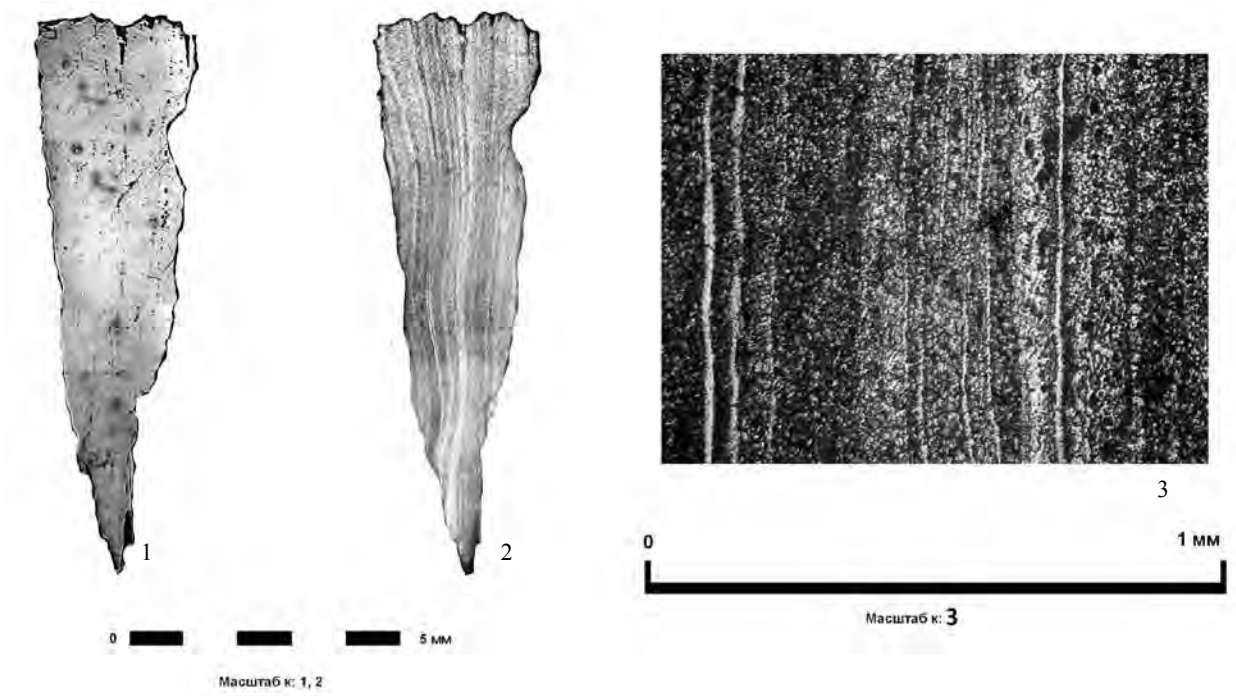


Рис. 7. Металлографические шлифы к анализу 854
1 – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – макрофотография травленого шлифа. Пакетный металл, феррито-перлит; 3 – макрофотография травленого шлифа. Пакетный металл, феррито-перлит.

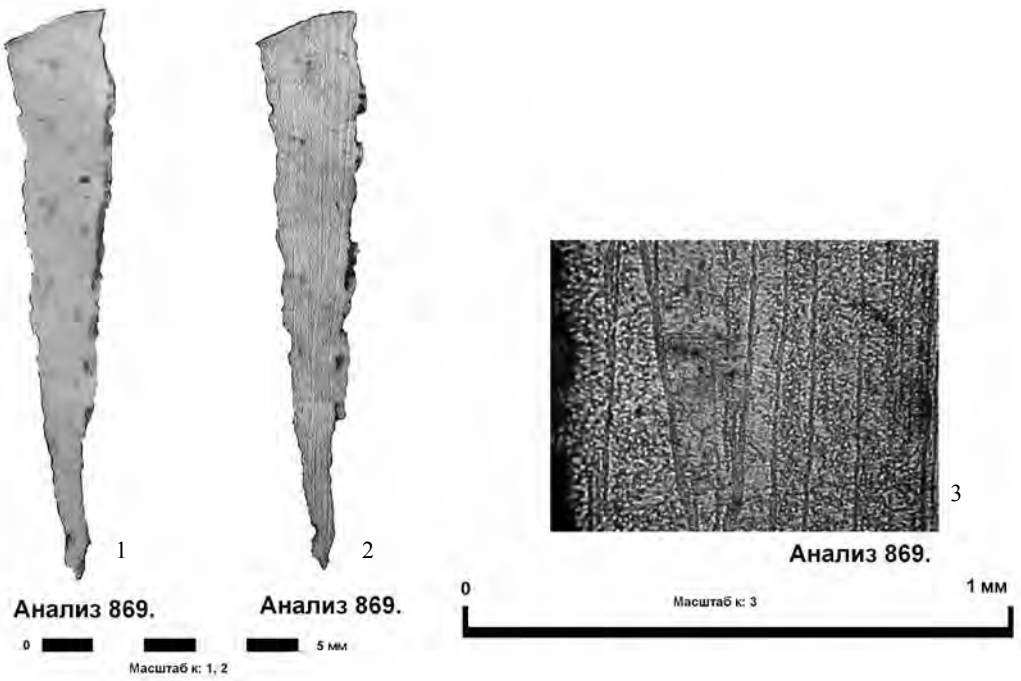


Рис. 8. Металлографические шлифы к анализу 869.
1 – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – макрофотография травленого шлифа. Пакетный металл, сварочные швы, микроструктура феррито-перлита. 3 – микрофотография травленого шлифа. Пакетный металл, сварочные швы, микроструктура феррито-перлита.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

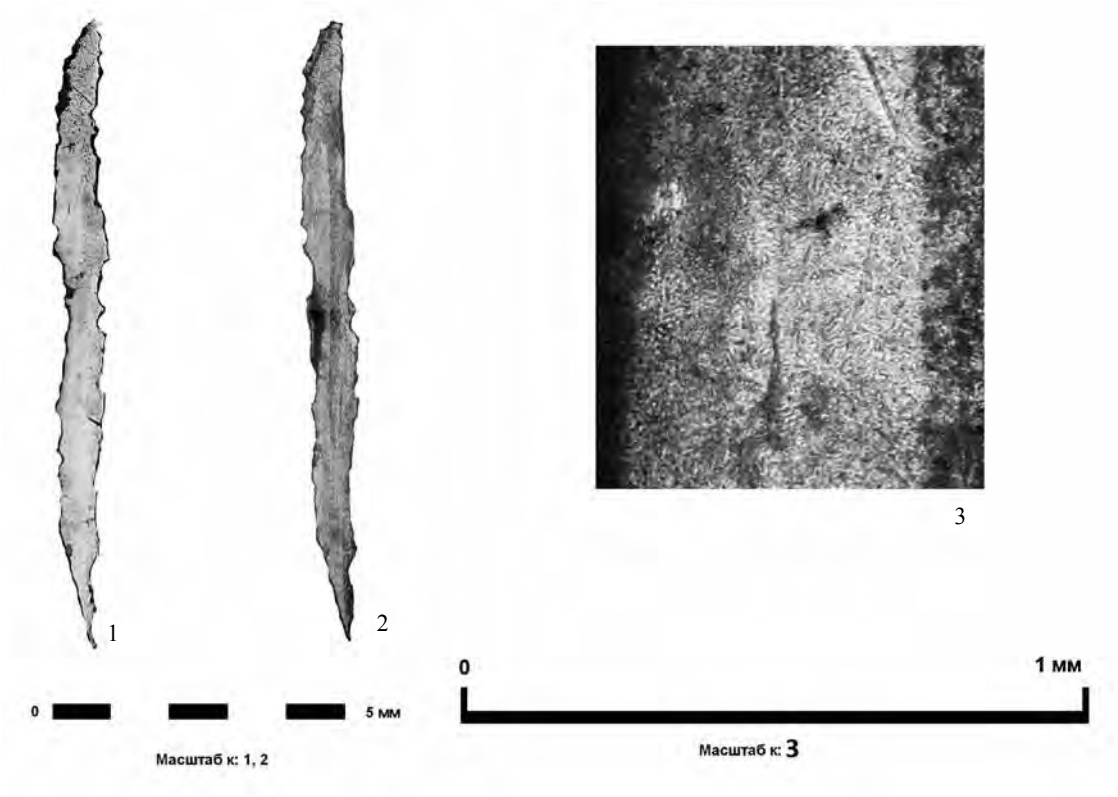


Рис. 9. Металлографические шлифы к анализу 874.
1 – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения; 2 – макрофотография травленого шлифа. Пакет; 3 – микрофотография травленого шлифа. Мартенсит.

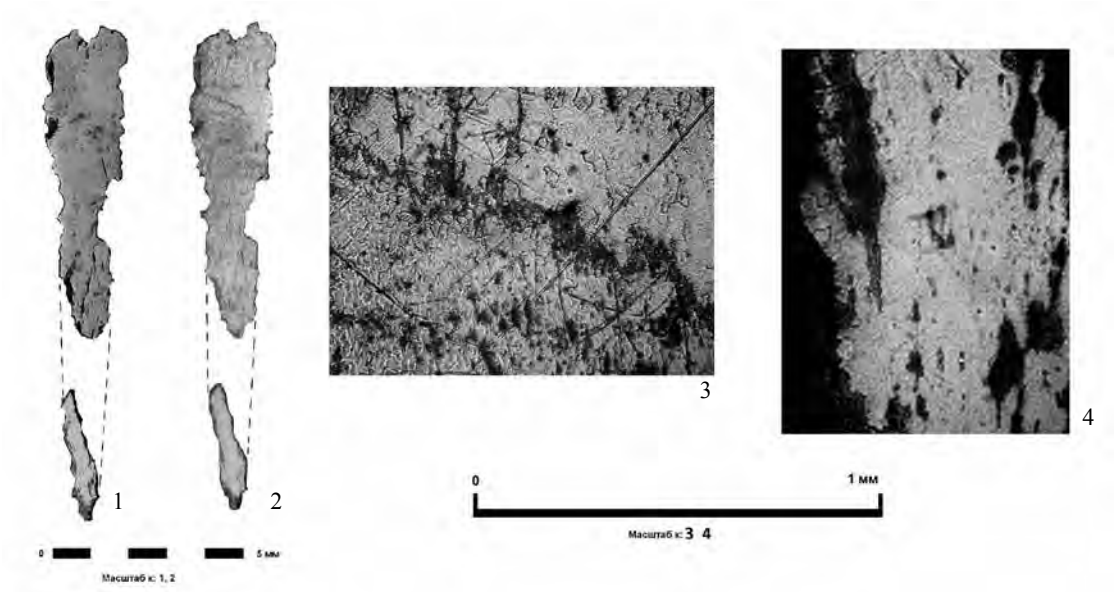


Рис. 10. Металлографические шлифы к анализу 875.
1 – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – макрофотография травленого шлифа. Сварочный шов, феррито-перлит, мартенсит; 3 – микрофотография травленого шлифа. Сварочный шов, феррито-перлит; 4 – микрофотография травленого шлифа. Мартенсит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

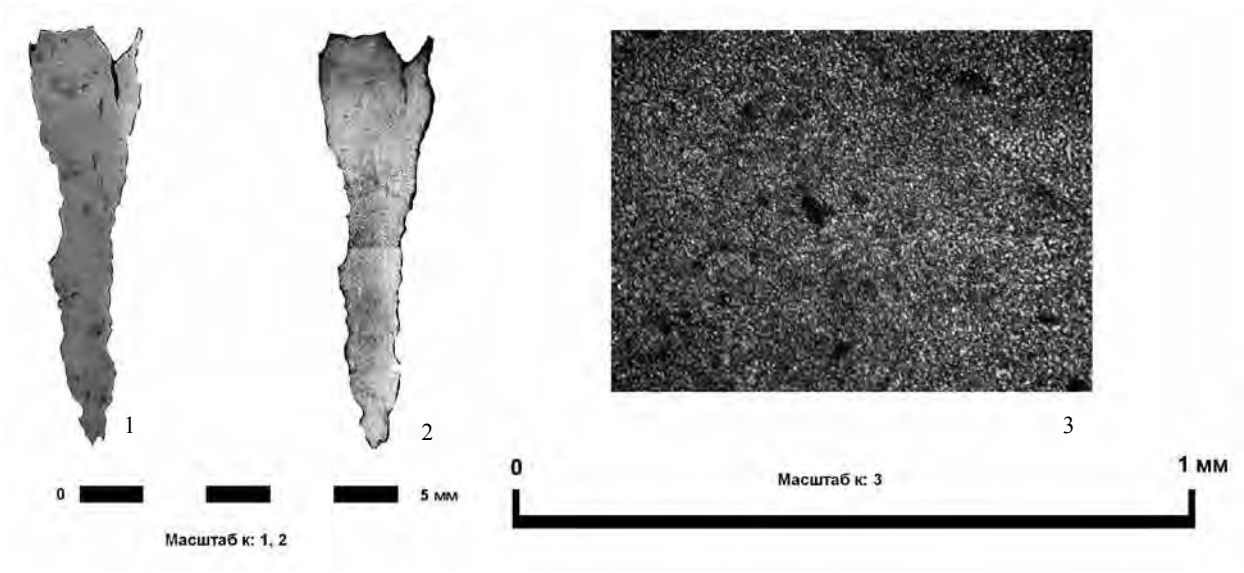


Рис. 11. Металлографические шлифы к анализу 876
1 – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – макрофотография травленого шлифа. Сорбито-троостит; 3 – микрофотография травленого шлифа. Сорбито-троостит.

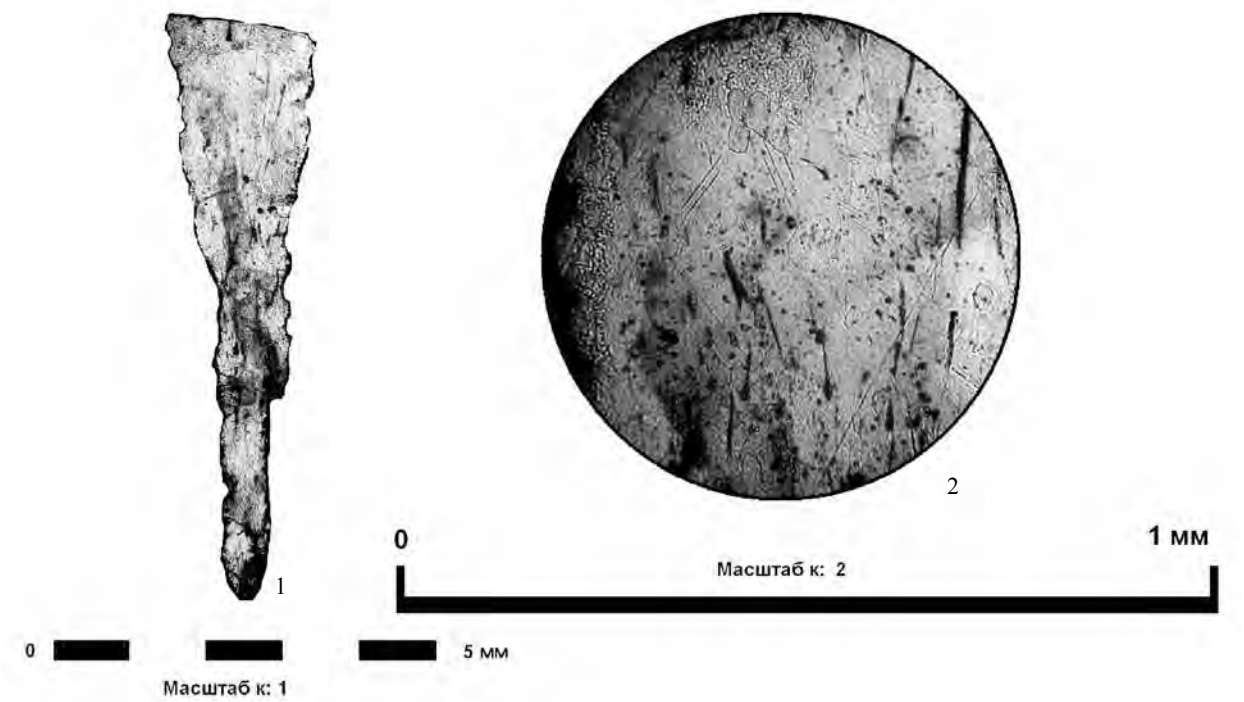


Рис. 12. Металлографические шлифы к анализу 878.
1 – макрофотография травленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – микрофотография участка травленого шлифа. Феррит феррито-перлит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

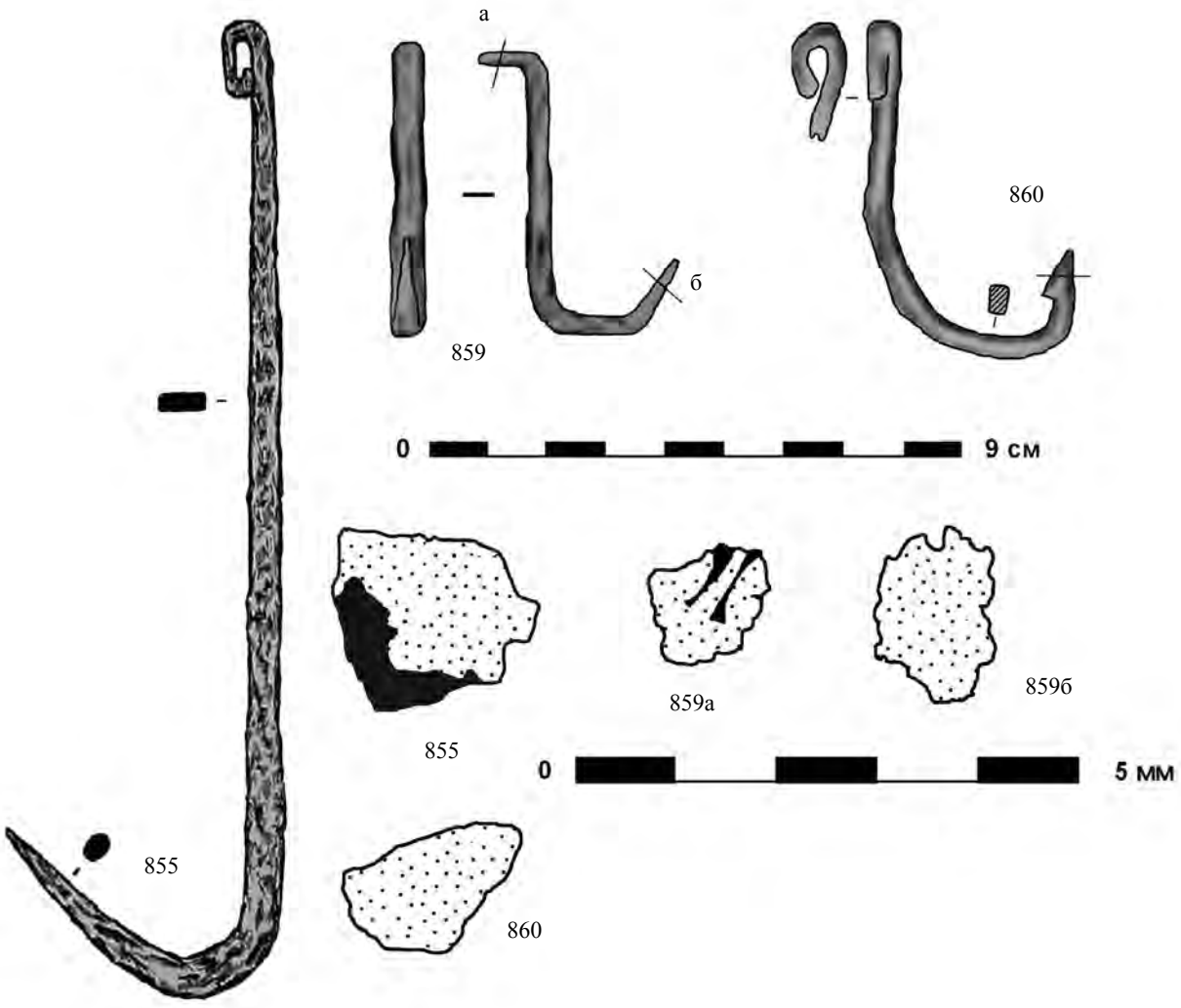


Рис. 13. Орудия рыболовства городища Лбище.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

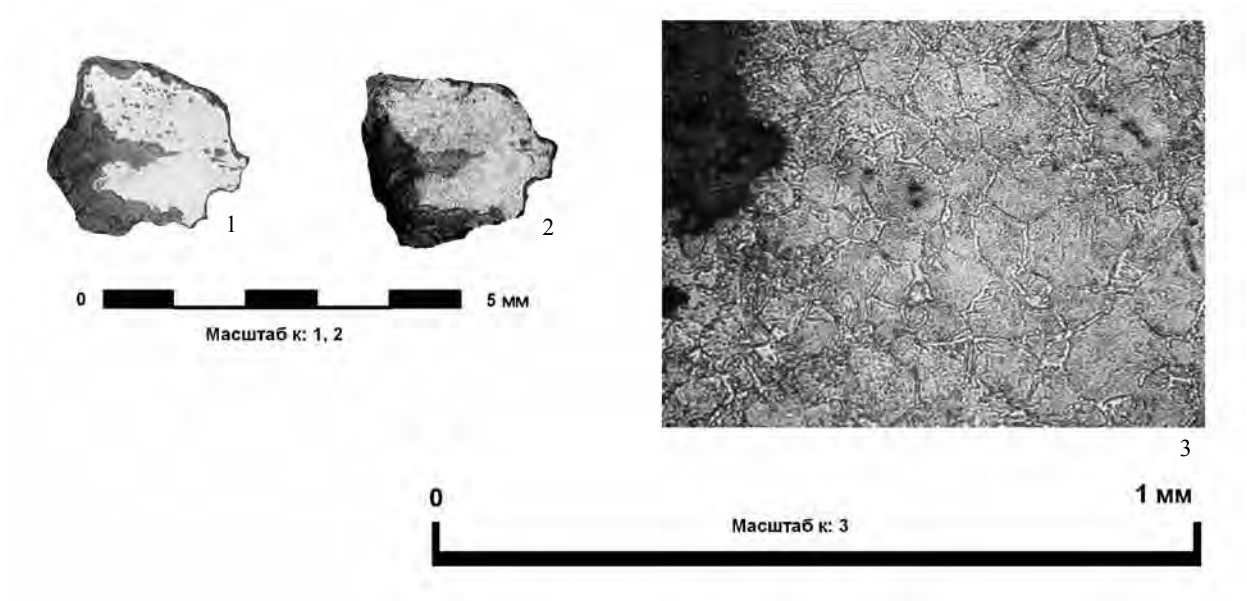


Рис. 14. Металлографические шлифы к анализу 855.
1 – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 3 – микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит пластинчатый.

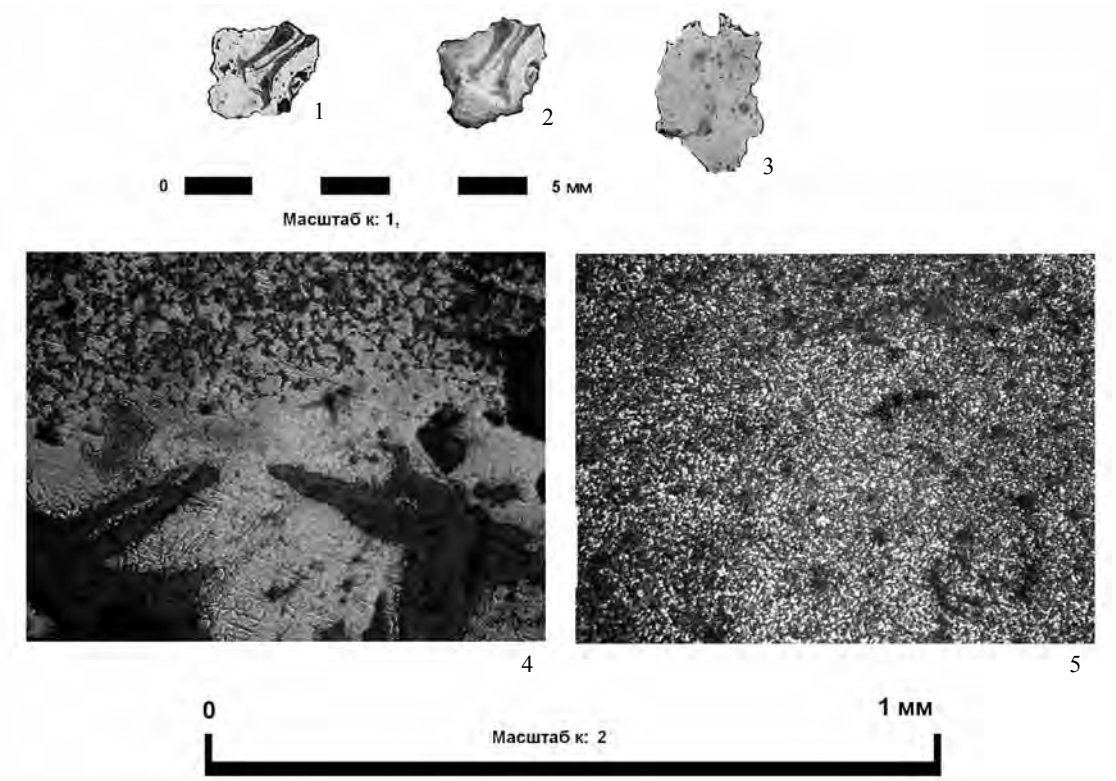


Рис. 15. Металлографические шлифы к анализу 859.
1 – анализ 859а. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – анализ 859а. Макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 3 – анализ 859б. Микрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения; 4 – анализ 859а. Микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 5 – аназиз 859б. Микрофотография участка травленого шлифа. Сорбитообразный феррито-перлит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

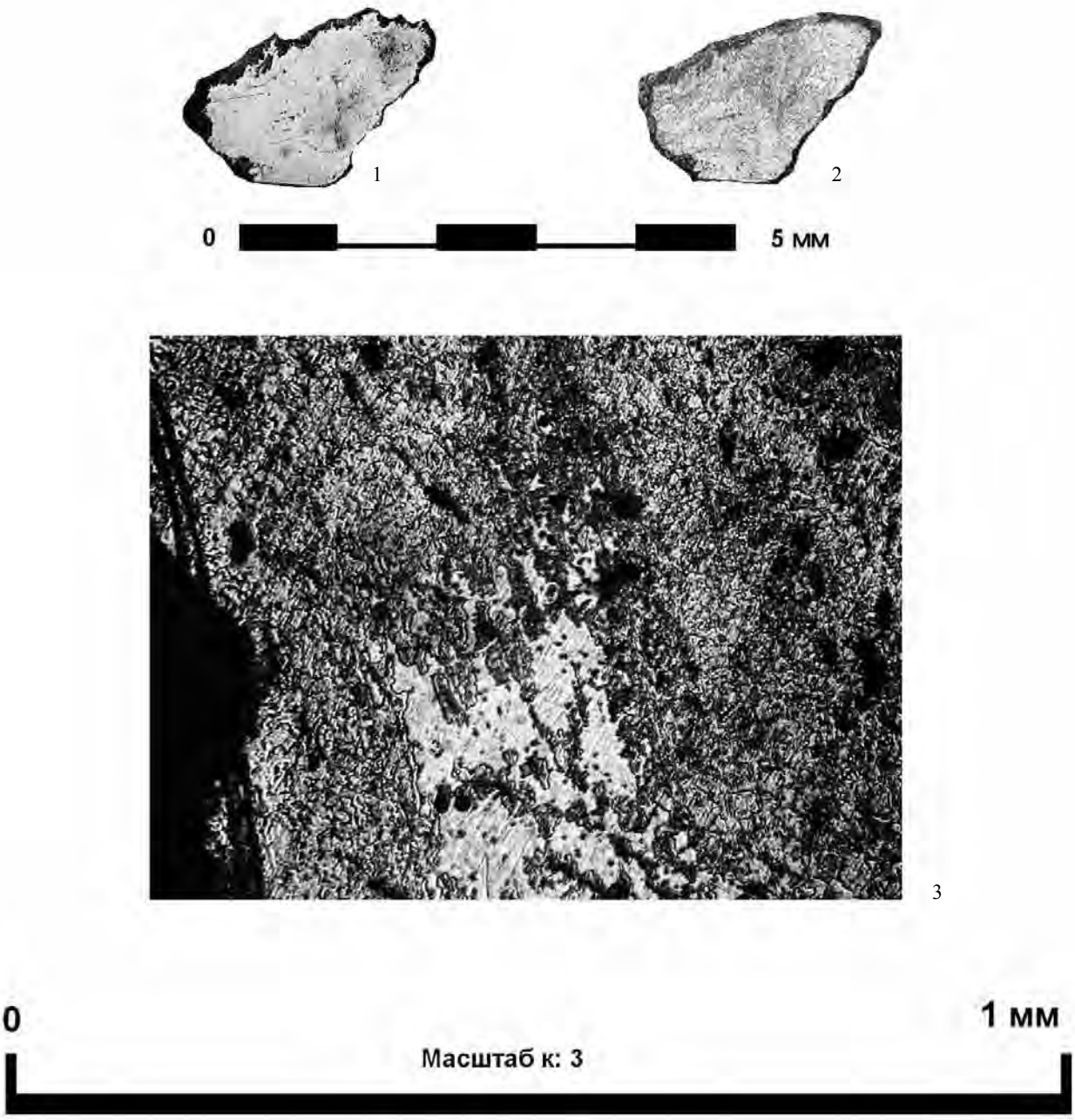


Рис. 16. Металлографические шлифы к анализу 860.
1 – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 3 – макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

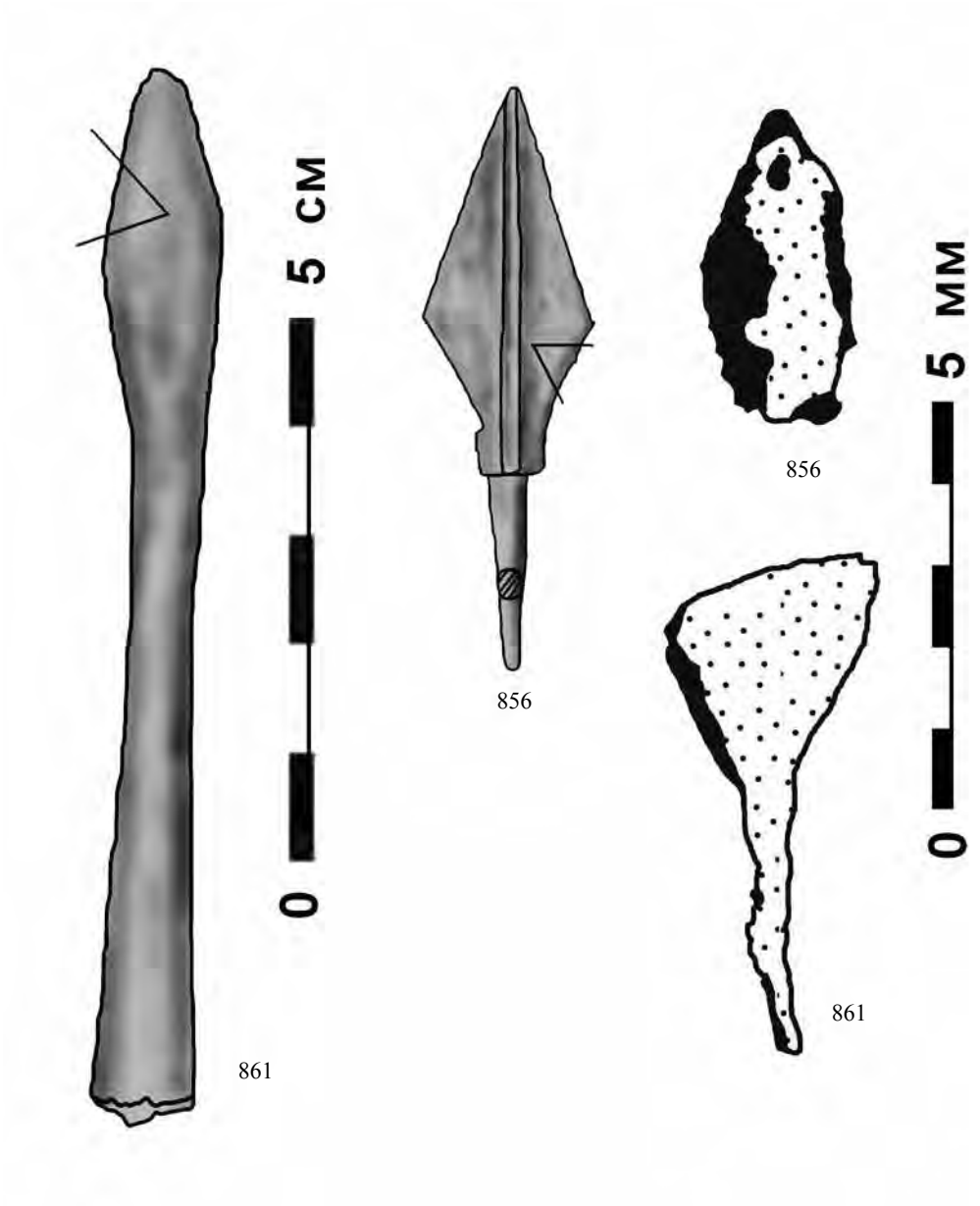


Рис. 17. Предметы вооружения городища Лбище.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

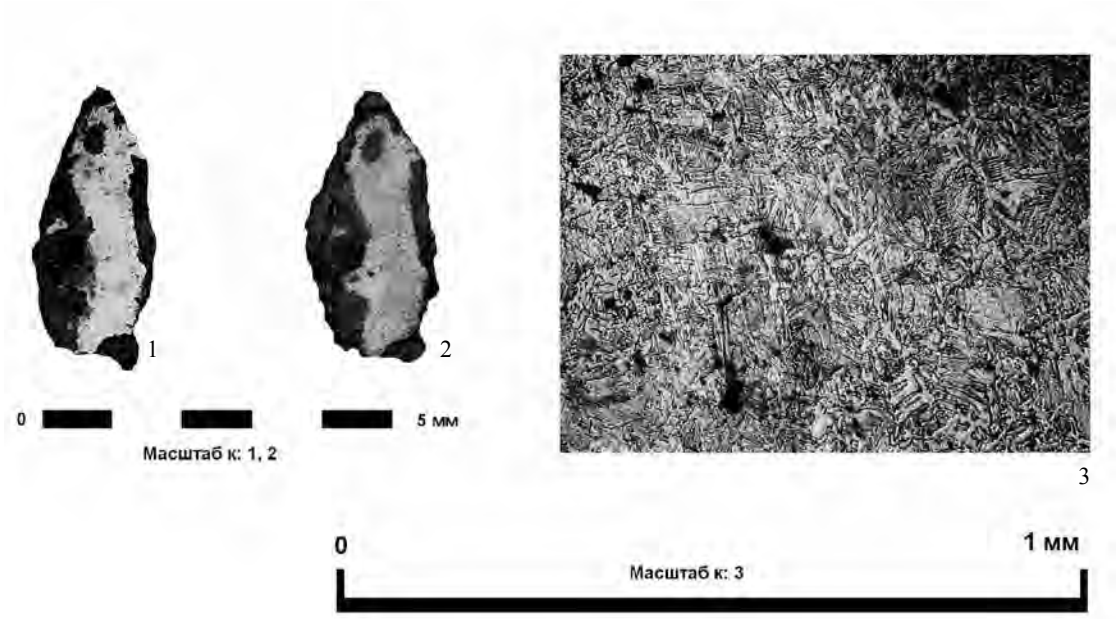


Рис. 18. Металлографические шлифы к анализу 856.
1 – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 3 – микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит пластинчатый.

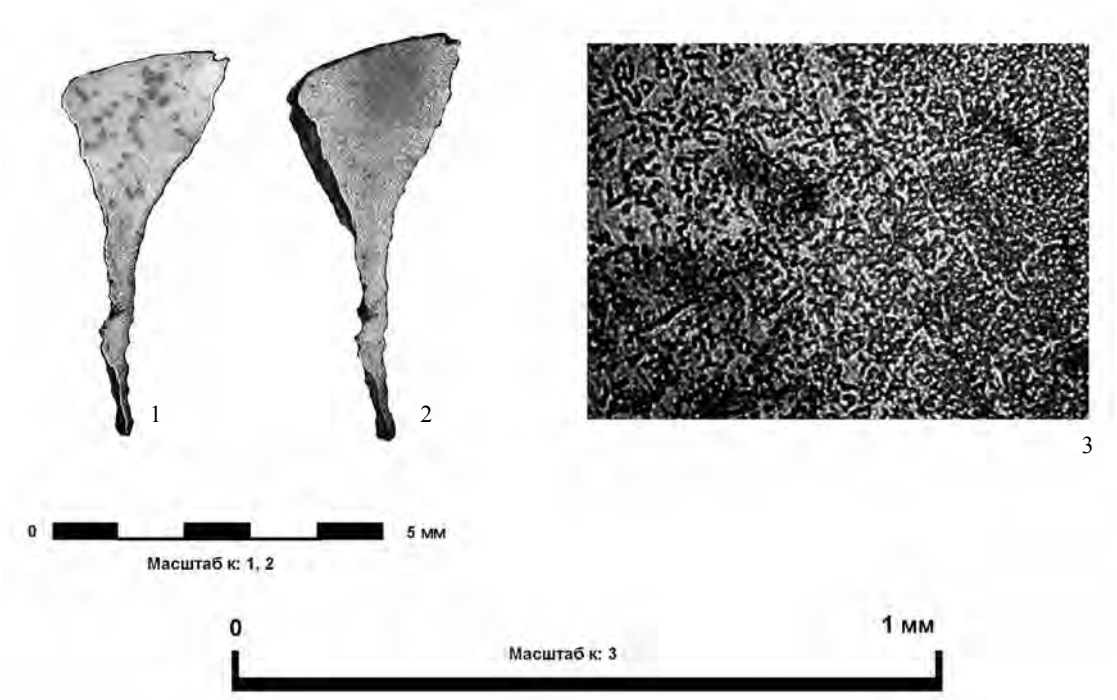


Рис. 19. Металлографические шлифы к анализу 861.
1 – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения; 2 – макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 3 – микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

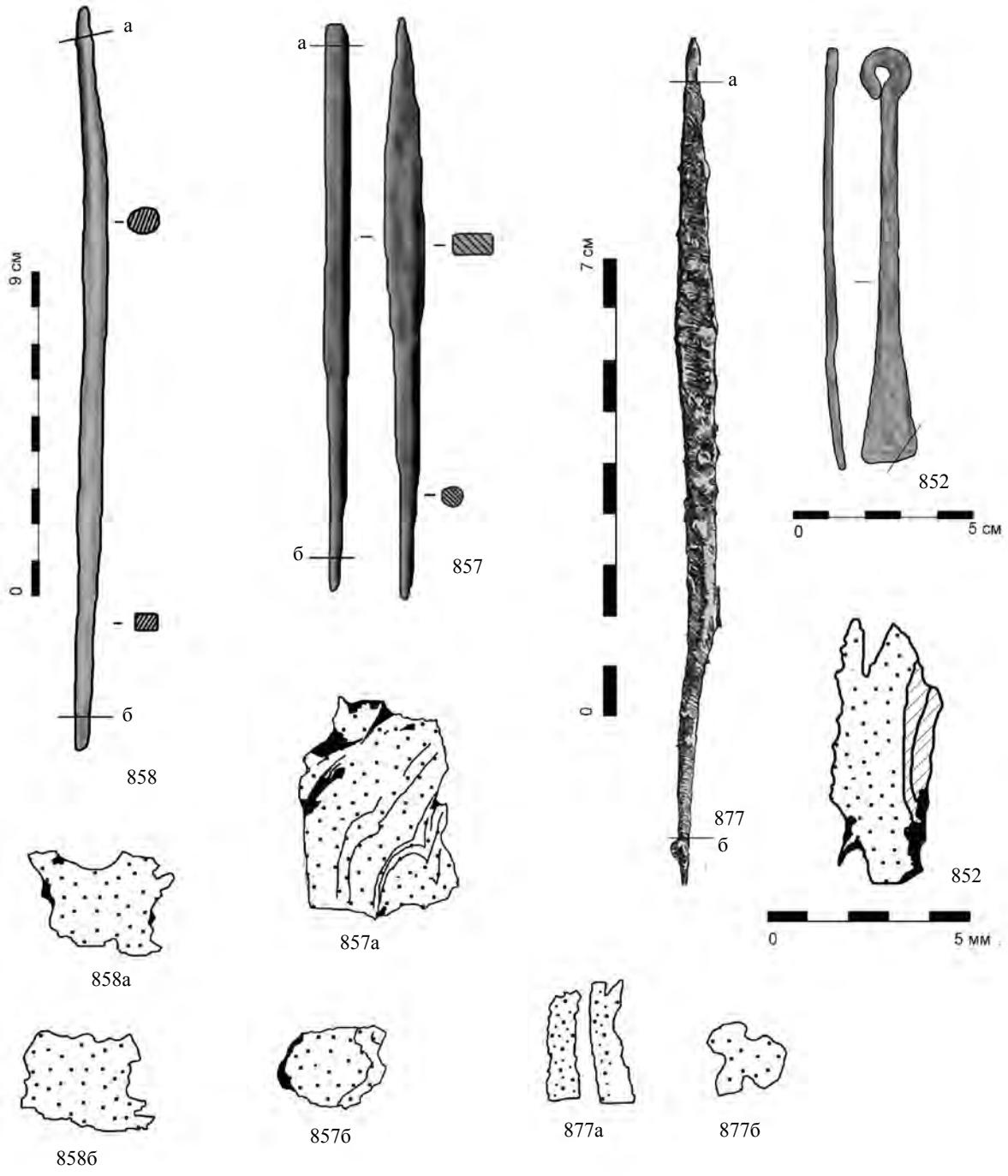


Рис. 20. Предметы быта городища Лбище.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

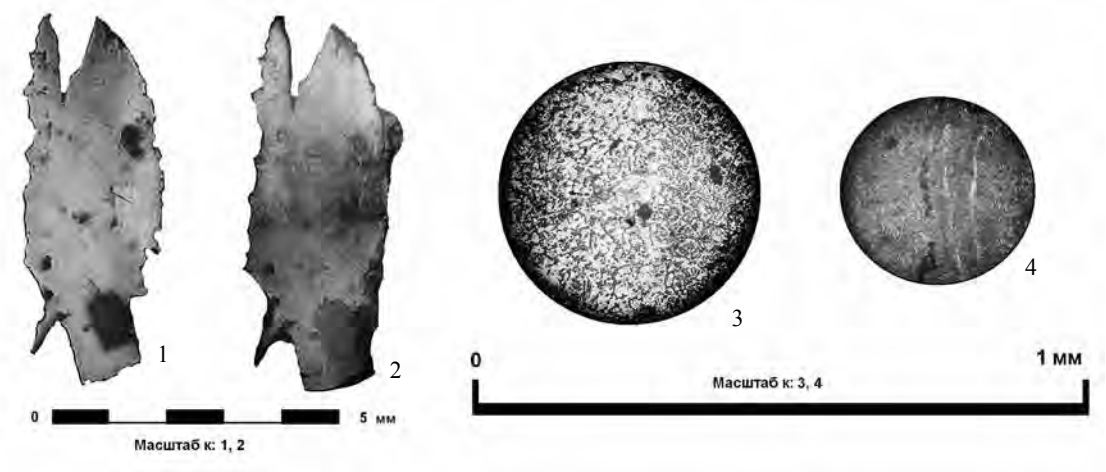


Рис. 21. Металлографические шлифы к анализу 852.
1 – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит, сорбит, сварочный шов; 3 – микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 4 – микрофотография травленого шлифа. Сварочный шов, сорбит.

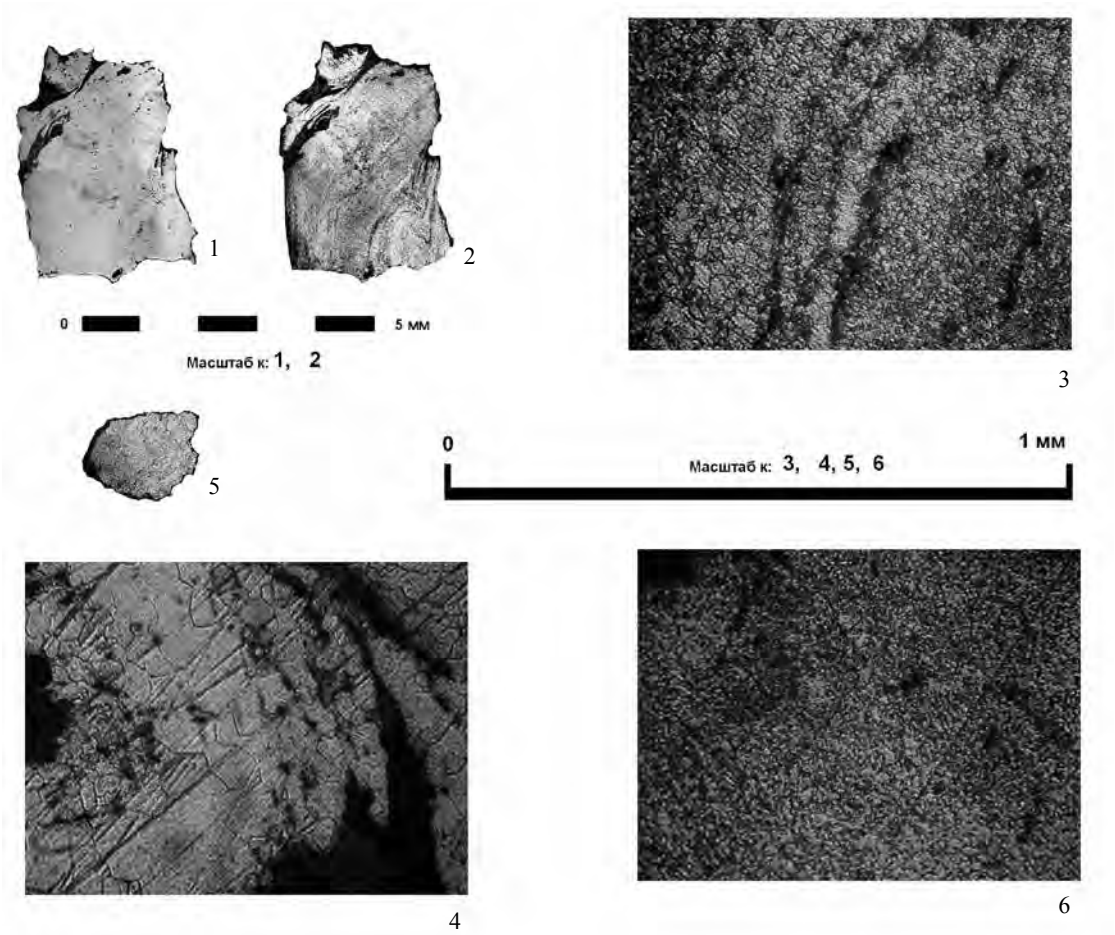


Рис. 22. Металлографические шлифы к анализу 857.
1 – анализ 857а. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – анализ 857а. Макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит, сварочные швы; 3 – анализ 857а. Микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 4 – анализ 857а. Микрофотография травленого шлифа. Шлаки, феррит; 5 – Анализ 857б. Макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 6 – анализ 857б. Микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

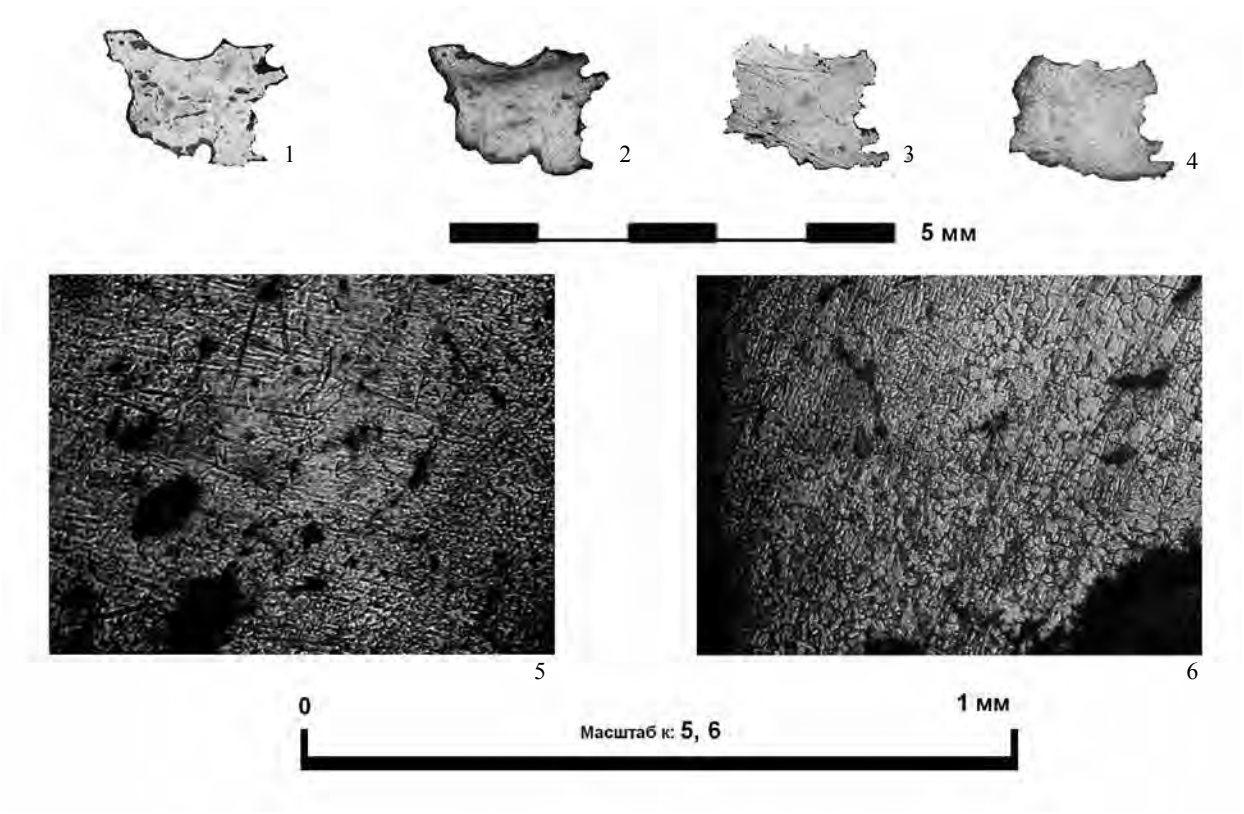


Рис. 23. Металлографические шлифы к анализу 858.
1 – анализ 858а. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – анализ 858а. Макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 3 – анализ 858б. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 4 – анализ 858б. Макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 5 – анализ 858а. Микрофотография травленого шлифа. Пустоты, неметаллические включения; 6 – анализ 858б. Микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

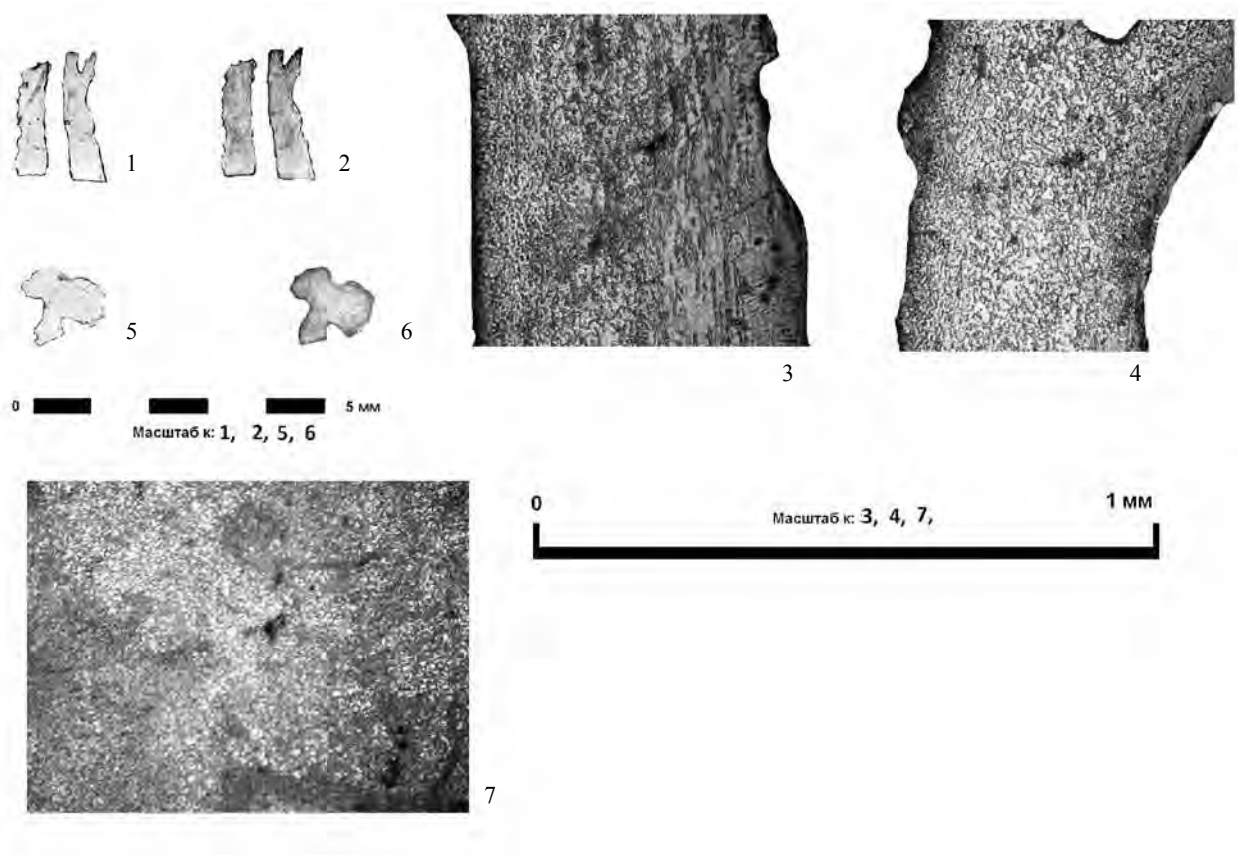


Рис. 24. Металлографические шлифы к анализу 877.
1 – анализ 877а. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – анализ 877а. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 3 – анализ 877а. Макрофотография травленого шлифа. Феррит, феррито-перлит; 4 – анализ 877а. Микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 5 – анализ 877б. Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 6 – анализ 877б. Микрофотография травленого шлифа. Сорбит; 7 – анализ 877б. Микрофотография травленого шлифа. Сорбит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

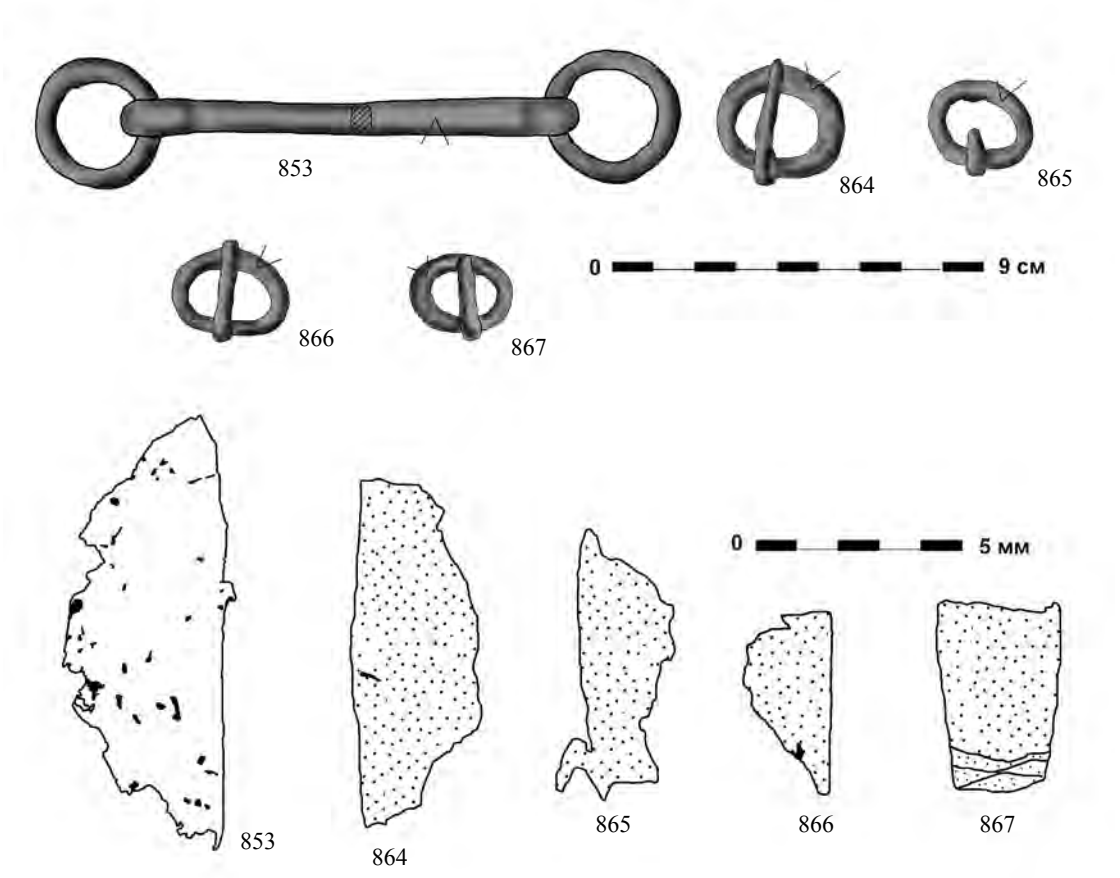


Рис. 25. Предметы конского снаряжения городища Лбище.

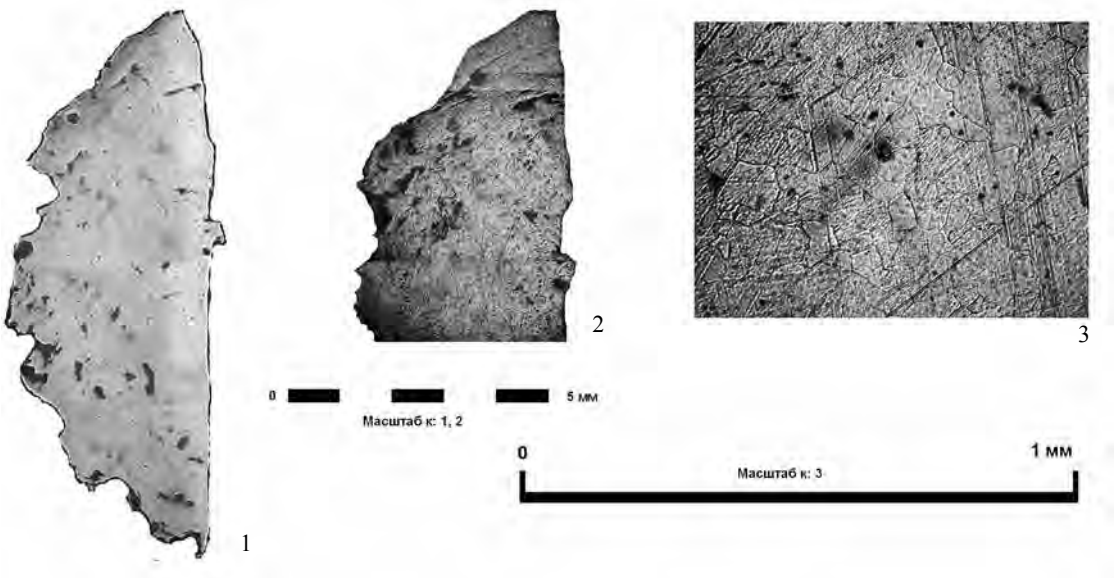


Рис. 26. Металлографические шлифы к анализу 853.
1 – Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – макрофотография участка травленого шлифа. Феррит, феррито-перлит; 3 – Микрофотография травленого шлифа. Феррит.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

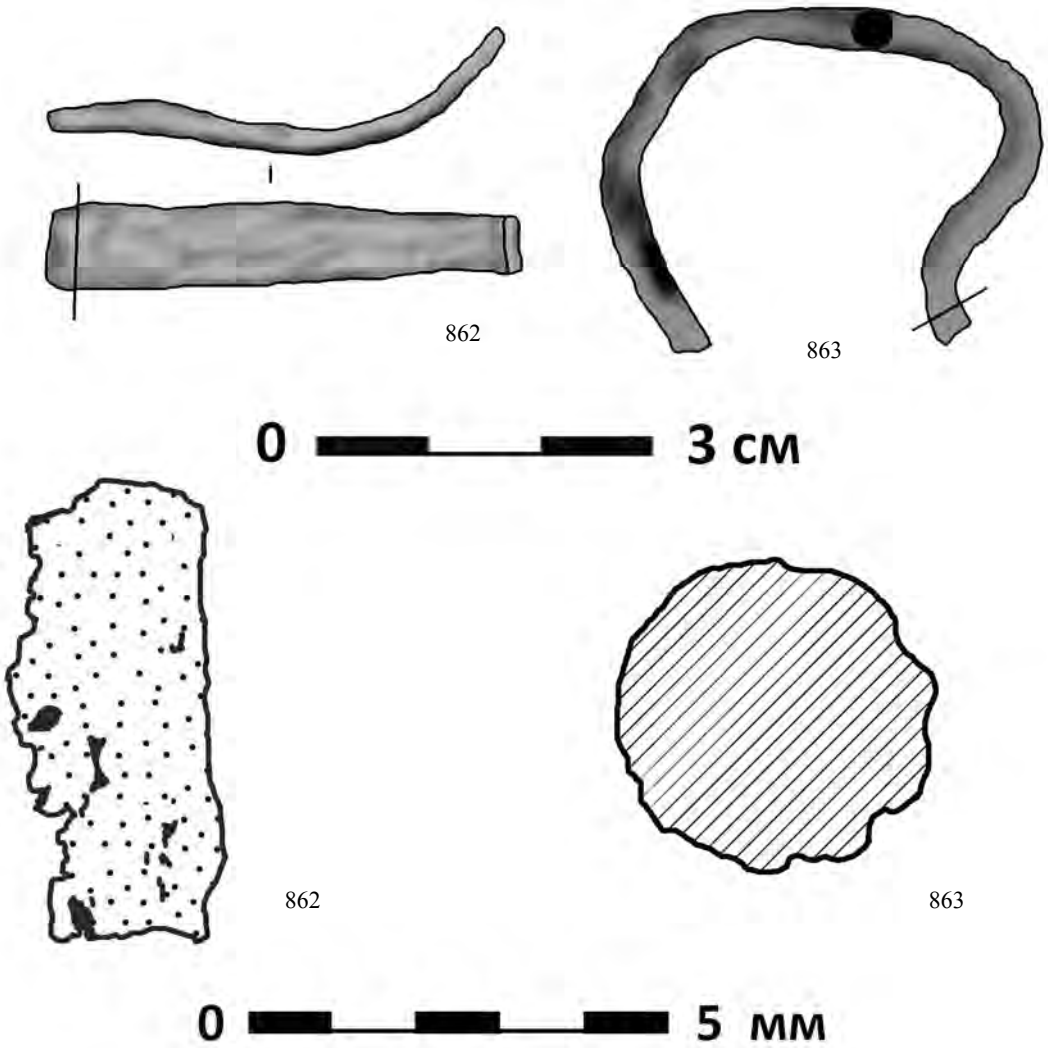


Рис. 27. Предметы неопределенного назначения городища Лбище.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

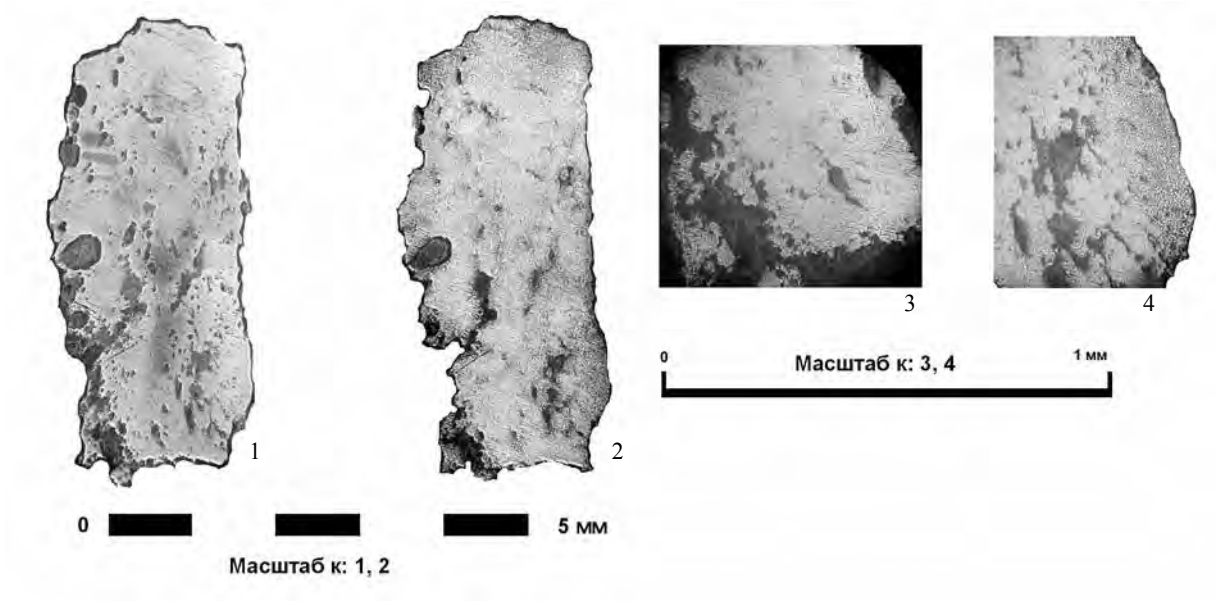


Рис. 28. Металлографические шлифы к анализу 862.
1 – Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 2 – Макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит, сорбит; 3 – Микрофотография травленого шлифа. Сорбит; 4 – Микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит, сорбит

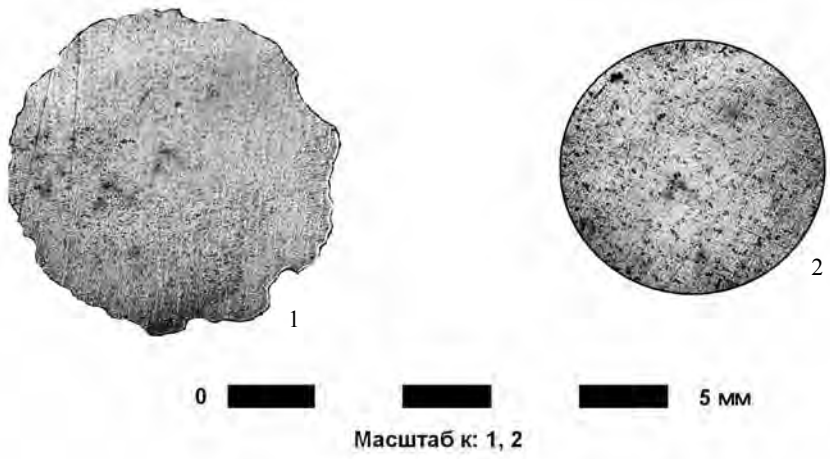


Рис. 29. Металлографические шлифы к анализу 863.
1 – Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения; 2 – Макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, сорбитовая микроструктура.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Новые данные о земледелии черняховской культуры (по палеоэтноботаническим материалам)

С.А. Горбаненко (Киев)

История изучения вопроса о происхождении земледелия черняховской культуры (по сравнению с собственно исследованием самой этой археологической общности) в целом незначительна. Сразу следует оговориться, что в рамках нашей работы мы не будем привлекать данные историографического характера о происхождении черняховской культуры с дальнейшей целью их экстраполяции на интересующий нас более узкий вопрос.

Сузив, таким образом, тему, приведем в хронологической последовательности немногочисленные сведения из научной литературы, касающиеся непосредственно происхождения земледелия черняховской культуры.

М.Ю. Брайчевский, излагая вступительное слово в разделе, посвященном земледелию черняховской культуры, не утверждал прямо о его местном происхождении. Тем не менее, раздел предваряется достаточно глубоким экскурсом об исконности земледелия в лесостепи на территории черняховской культуры, начиная с неолитических времен. Если прямо идея о преемственности традиций и не звучит, то, по крайней мере, прочтение указанной преамбулы создает отчетливое впечатление, что черняховское земледелие имеет глубокие автохтонные корни (Брайчевський, 1964, с. 28–29).

Наиболее современным исследованием на заданную тему в широком смысле является статья Г.Ф. Никитиной за 2006 г. По этому поводу считаем возможным привести здесь довольно обширную цитату, практически, без купюр.

«Черняховская культура приписывается готам (о славянах говорить не будем). Археологически готские памятники не выделены, но все культуры, которые можно приписывать готам до формирования черняховской культуры, не могли привнести железные орудия для пахоты. Железных орудий не было ни в поморской, ни в пшеворской, ни в вельбарской культурах, а места их расселений лишний раз подтверждают, что земледелие у них было на более низком уровне. Они пользовались деревянными пахотными орудиями, у них не было чересел, они получали муку, растирая зерно на зернотерках. Так откуда же пришел народ, обладавший новыми, более высокими технологиями земледелия?

На территорию Поднестровья, как уже говорилось, в I в. н. э. продвигаются племена липицкой культуры, носителями которой считаются даки. Это единственная культура с серой лощенной гончарной керамикой, с поселениями, расположенными на черноземах, где, правда, только в одном случае найден железный наральник, по форме близкий наральникам из Галиш-Ловачки. Памятники этой культуры датируются временем не позднее конца II в. н. э. С черняховской культурой разрыв в пол столетия. Но складывается

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

впечатление, что именно эта культура сыграла значительную роль в формировании черняховской, и, возможно, через нее на эту территорию попадают все многочисленные новации в экономике, которые свойственны черняховской культуре» (Никитина, 2006, с. 48–49).

Таким образом, можно выделить два подхода к решению вопроса о происхождении черняховского земледелия: самостоятельное развитие на месте и привнесение традиций извне. Видимо, более верным будет предположение о неком промежуточном варианте: дальнейшем развитии местных традиций под влиянием внешнего импульса.

Работая над близкой темой, мы косвенно касались вопроса происхождения, в том числе, комплекса земледельческий орудий, свойственных черняховской археологической культуре. Результат данных исследований (скорее историографического, нежели сравнительного характера) более чем скромен: мы пришли к выводу, что для образования известного нам ныне черняховского комплекса орудий земледелия, в основном, было достаточно традиций, имеющих местные корни; незначительная же доля могла быть привнесена извне, с запада, либо образоваться в результате симбиоза орудий, сложившихся на местной основе, с привлечением инноваций, привнесенных с западных территорий (подробно см.: Горбаненко, 2010; Горбаненко, Пашкевич, 2010, с. 245–248; 252–260).

Итог историографического исследования также оставляет желать лучшего: комплекс орудий, и, видимо, техника земледелия носителей черняховской археологической культуры является симбиозом традиций, присущих местному населению, а также инноваций, привнесенных извне (со стороны западных соседей).

Видимо, такие незначительные выводы вполне оправданы, учитывая, что гораздо более интересным вопросом является не откуда, а как. В самом деле, проблема происхождения традиций земледелия меркнет перед столь же гипотетическим (на данный момент) вопросом об эволюционном процессе. С этой точки зрения представляется важным замечание Б.В. Магомедова о том, что принципиальное значение имеет способ приспосабливания носителей черняховских традиций к местным возможностям, а не привнесенные традиции (Магомедов, 2001).

Ввиду вышесказанного сосредоточим внимание на материалах по земледелию; в частности – на данных о культурных растениях, выращиваемых древними жителями – носителями черняховской культуры.

Первые сведения о находках зерен культурных растений в большом количестве известны еще благодаря работам В.В. Хвойко. Исследователь опубликовал данные собственных археологических раскопок в обобщающей монографии, где отметил, что в ходе изучения «антских» поселений Среднего Приднепровья зерно было обнаружено в большом количестве в помещениях и посуде (Хвойка, 1913, с. 61). Позднее это зерно было проанализировано консерватором Киевского ботанического сада А.М. Окснером; в 1930 г. – профессором К.А. Фляксбергером из Ленинграда (Коршак, 1935, с. 9–55). Это было первое определение ископаемых остатков растений, сделанное специалистами.

В целом же, планомерное профессиональное исследование палеоэтноботанических материалов из археологических памятников (в том числе и черняховской культуры) началось с 1960-х гг. с деятельностью молдавского ботаника З.В. Янушевич. Буквально на несколько лет позже (в начале 1970-х гг.) на базе Института археологии УССР начала исследования Г.А. Пашкевич. В результате их работ сделаны определения материалов для 26 памятников черняховской культуры (Янушевич, 1973; Пашкевич, 1991; 2007; Пашкевич, Горбаненко, 2010).

В течение последних лет нами проведен анализ материалов с 4 памятников черняховской культуры, расположенных в бассейне среднего течения р. Днепр: Барбара I, Великая Бугаевка 1, Войтенки 1, Дмитровка III (рис. 1). Выбор памятников носил случайный характер.

Поселение Барбара I (г. Комсомольск, Комсомольский горсовет, Полтавская обл.) находится на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Днепр. Памятник обнаружен в 1922 г. М.Я. Рудинским (Рудинський, 2002–2003, с. 24); осмотрен в 1960 г. Д.Я. Телегиным, Е.В. Махно, И.М. Шарафутдиновой. С 2005 г. на поселении проводятся планомерные раскопки Комсомольской раннеславянской археологической экспедицией под руководством Ю.Ю. Башкатова. С поселения происходят незначительные материалы неолита, эпохи бронзы, древнерусских времен. Преобладающее большинство материалов и объектов принадлежит черняховской культуре и датировано исследователем, вероятно, первой половиной IV в. Автор раскопок считает, что поселение оставленно вельбарско-пшеворским и позднескифо-сарматским населением (Башкатов, 2008; 2010).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Материал хранится в Комсомольском историко-краеведческом музее. Просмотрена коллекция находок из раскопок за 2005–2006, 2011 гг., частично, непосредственно в ходе раскопок 2011 г.; результаты подготовлены к печати лишь в качестве упоминания сравнительного характера (Башкатов, Горбаненко, 2012).

Комплекс Великая Бугаевка (синхронные могильник и поселение; Васильковский р-н, Киевская обл.) находится на восточном и западном склонах истока обводненной балки, по дну которой протекает безымянный ручей (левый приток р. Стугна – правый приток р. Днепр). Могильник обнаружен в 1980, поселение – в 1985 г. археологической экспедицией Национального музея истории Украины (Магомедов и др., 2003, с. 25; Кравченко и др., 2007, с. 15–16). С 1994 по 2005 г. на комплексе проводились планомерные исследования совместной экспедиции Института археологии НАН Украины и Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова под руководством О.В. Петраускаса и Р.Г. Шишкина. Материалы по годам раскопок, а также по отдельным категориям своевременно вводились в научный оборот (подробно см.: Петраускас, Шишкин, 2009); в настоящее время готовится монографическая публикация. Подавляющая часть находок относится к позднеримскому времени (конец III – первая половина V в.), отдельные материалы – к эпохе позднего палеолита, тщинецкой культуре (XVI–XIII вв. до н.э.), эпохе раннего железного века (IX–IV вв. до н.э.), раннему средневековью (V–VII вв.), древнерусскому (XI–XIII вв.) и позднесредневековому времени. В настоящее время материал хранится в фондах лаборатории археологических исследований Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова. Просмотрена вся коллекция идентифицируемых фрагментов изделий из глины (более или менее крупные части), а также практически неинформативный «статистический» материал (мелкие, сильно разрушенные фрагменты) и археологически целые формы из погребений[1]; результаты публикуются впервые.

Комплекс Войтенки 1 (синхронные поселение и могильник; Валковский р-н, Харьковская обл.) расположен на южном склоне влажной балки, где в древности находилась маленькая речка шестого порядка днепровской гидрологической системы (речка – Мокрый Мерчик – Мерчик – Мерла – Ворскла – Днепр). Поселение открыто в 1972 г. А.К. Дегтярем; в 1975 р. небольшие раскопки провел А.Г. Дьяченко. С 2004 г. археологический комплекс большими площадями ежегодно исследует Германо-славянская археологическая экспедиция Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина под руководством М.В. Любичева. Памятник датирован исследователем концом III – началом V в. Материалы постоянно вводятся в научный оборот (см., напр.: Любичев, 2006; 2008; 2011 и др.). Просмотрен материал раскопок до 2010 г. включительно, частично, непосредственно в ходе раскопок 2010 г.; результаты опубликованы (Горбаненко, 2011а; Любичев, Горбаненко, 2011).

Поселение Дмитровка III (г. Комсомольск, Полтавская обл.) находится на мысу, образованном старицей р. Псел в широкой Днепро-Псёлской пойме, недалеко от впадения Псла в Днепр. Памятник известен по результатам разведок краеведов с 1993 г. Стационарные археологические исследования в 2003–2004, 2007–2008, 2010 гг. проводила Комсомольская раннеславянская экспедиция под руководством Ю.Ю. Башкатова (Башкатов, 2008, с. 46–48; 2010, с. 215–239; Башкатов, Шита, 2010, с. 148–151). Лепная керамика относится к трем традициям: северо-западной (германской), южной (постскифское население), восточноевропейской (праславянской). Материал хранится в фондах Комсомольского историко-краеведческого музея; просмотрены изделия из глины до 2010 г. включительно. Результаты исследования германских и постскифских материалов (Башкатов, Горбаненко, 2012), приведены в данной работе; славянские материалы из этого памятника, опубликованные ранее (Башкатов, Горбаненко, Пашкевич, 2010), в данной статье не упоминаются.

При изучении палеоэтноботанических остатков использован метод визуального осмотра изделий из глины с целью обнаружения отпечатков зерновок и семян культурных и сорных растений, которые в ходе обжига изделий, выгорая, оставляют характерные пустоты. Снятие отпечатков проводилось по методике, впервые использованной в СССР З.В. Янушевич – получение оттиска зерновки из пластического материала (пластилина) (Янушевич, Маркевич, 1970). В дальнейшем материал проанализирован путем его сравнения с полученными ранее аналогичными образцами, и широким кругом публикаций на эту тему; отпечатки зерновок сорных растений определялись по атласу-определителю сорняков (Веселовсь-

[1] В эту статью не включены материалы из объекта 3, поскольку последний интерпретирован как жилище пражской культуры.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

кий, Лисенко, Манько, 1988). По результатам анализов составлены палеоэтноботанические спектры (ПБС) зерновок культурных растений по количеству (базовые понятия см.: Кравченко, Пашкевич, 1985), а также сделан его перерасчет по объему. Для проведения сравнения использован кластерный анализ.

Суммарные результаты исследований по всем памятникам сведены в таблицу (табл. 1). В дальнейшем для статистического анализа полученных данных использованы показатели проса, пшеницы двузернянки, пшеницы голозерной, ячменя пленчатого, ржи, овса[2]. Результаты количественного анализа (с учетом отпечатков зерновок проса на днищах) показаны на рис. 2.

Однако, представленные данные (верно отображающие первичный уровень анализа), дают несколько искаженное представление об **объемах выращивания (или употребления в пищу)** указанных зерновых культурных растений. Очень часто именно количественный анализ приводит к распространенному заблуждению об относительном или даже абсолютном преобладании проса в посевах и, соответственно, хозяйстве археологических культур первой половины I тыс.н.э. В связи с этим для анализа места отдельных зерновых предложено учитывать разницу в размерах зерновок: зерновка проса как минимум в 3 раза меньше любой другой[3] (Пашкевич, Горбаненко, 2002–2003; Горбаненко, 2011б). Кроме того, при пересчете по объему зерновых не учтены отпечатки проса на днищах сосудов, что является причиной ошибки при расчетах. Просо (в отличие от других зерен) целенаправленно добавляли под днища (Горбаненко, 2011б). Результаты пересчета объемов зерна приведены на рис. 3.

Как видно из приведенных гистограмм, в хозяйственной деятельности жителей указанных поселений черняховской культуры просо не играло ведущей роли; наиболее важное место занимала пшеница двузернянка (3 случая) и рожь (1 случай). На двух памятниках в большом количестве представлены пшеницы голозерные и рожь: фактически – маркеры высокого уровня развития земледелия, поскольку для их выращивания требовалась хорошая обработка почвы.

Кластерный анализ показывает большую степень сходства ПБС пары поселений Великая Бугаевка, Войтенки 1. Также более близки показатели другой пары: Барбара I, Дмитровка III (рис. 4).

Полученные результаты достаточно закономерны: обе пары поселений также находятся в различных природных условиях, аналогичных внутри этих пар. Потенциальные ресурсные зоны поселений Великая Бугаевка и Войтенки 1 охватывают высокую черноземную равнину и увлажненные балки с незначительными включениями лесов. Характер местности равнинный, в основном пригоден для ведения земледелия. Такое расположение считается типичным для поселенческих памятников черняховской культуры.

Иную картину демонстрируют природные условия вокруг памятников Барбара I и Дмитровка III. Ландшафт окрестностей – равнинный надпойменный, всхолмления первой террасы заняты кустами и деревьями. Вокруг поселений находятся обширные территории поймы левого берега реки без резких перепадов высот. По данным, собранным и проанализированным А.М. Обломским, памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья, расположенные в подобных условиях (в поймах), составляют, скорее, исключение, чем правило (около 6%) (Обломский, 2002, с. 30), как и для других территорий ее распространения.

Как отмечают исследователи, пойменные почвы не нуждаются в отдыхе или комплексе мероприятий по поддержанию плодородия, поскольку они ежегодно возобновляются во время разливов рек (Краснов, 1967, с. 20). По предложенному нами упрощенному делению (Горбаненко, 2003–2004, с. 405), грунты такого типа принадлежат к почвам, на формирование и плодородие которых влияет влажностный режим местности (вблизи русла рек, в низинах, болотистых местностях и т. д.), поскольку их плодородие постоянно поддерживается посредством попадания почвообразующих элементов через грунтовые и сточные воды (см.: Природа, 1986). Их объединяет также специфика эксплуатации. Таким образом, описанные участки для земледелия можно было использовать практически неограниченное время. Такие же участки удобны для животноводства.

Следует отметить, что расположение поселений Барбара I и Дмитровка III является несколько нехарактерным для черняховской культуры

[2] В течение I тыс. н.э. овес, чаще всего, в незначительном количестве, представлен практически во всех археологических культурах. Поэтому считаем, что он все же выращивался как отдельная зерновая культура, а не являлся примесью к посевам других зерновых. В отличие от овса, единичные отпечатки зерновок пшеницы однозернянки и ячменя голозерного мы склонны причислять к сопутствующим растениям основных посевов пшеницы двузернянки и ячменя пленчатого соответственно.

[3] Этот тезис требует дальнейшей работы по установлению более точных соотношений между размерами зерновок.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(см. выше). Так, Р.Г. Шишкин на основе анализа хорошо исследованного региона Среднего Приднепровья (в основном, правобережной части) пришел к выводу, что черняховское население предпочитало легкосуглинистые равнины с маломощными черноземами или ровные повышенные надпойменные террасы с черноземными почвами (Шишкін, 1999, с. 133). Для территории левобережья Днепра также характерно расположение памятников черняховской культуры на черноземах: исключение составляют немногочисленные поселения на дюнах (до 4%) (Обломский, 2002, с. 31). Анализ, проведенный для памятников Западного Подолья, показал, что там также практически все черняховские поселения были расположены на черноземах (Строцень, 2008, с. 24).

Носители черняховской культуры должны были перейти от примитивных форм хозяйствования (земледелие в поймах, подсека) к более прогрессивным (переложной системе). По мнению Р.Г. Шишкина, именно то, что черняховская культура в хозяйственных целях заняла определенную экологическую нишу, удобную для перелога, в результате стало одной из важных причин ее исчезновения. Ресурсы этой экологической ниши были исчерпаны, и население не смогло перепрофилироваться для освоения других территорий или форм хозяйствования (Шишкін, 1999; Шишкин, 1996; 2001–2002).

На примере приведенных пар поселений видно, что для «классической» модели характерны более прогрессивные показатели ПБС. В то же время, нетипичное расположение поселений черняховской культуры в поймах демонстрирует упрощенные составы ПБС, в которых преобладают более устойчивые и неприхотливые зерновые культурные растения (пшеница двузернянка, ячмень пленчатый, просо). Дополняют картину находки отпечатков сорняков из памятников, расположенных на черноземах (в целом – как показатель постоянно используемых земель). В Великой Бугаевке зафиксирован костер, который, в частности, является показателем озимых посевов. Отсутствие же сорняков среди материалов другой пары поселений (Барбары I и Дмитровки III) вполне может быть дополнительным косвенным подтверждением использования пойменных участков для посевов, поскольку такие участки обычно естественным путем освобождаются от сорной растительности.

Таблица 1. Результаты палеоэтноботанических исследований отпечатков зерновок и семян культурных и сорных растений с черняховских памятников.

Название	Барбара I	Великая Бугаевка	Войтенки 1	Дмитровка III
Просо	14 (10)	19 (16)	48 (34)	18 (12)
Пшеница двузернянка	7	7	23	7
Пшеницы голозерные	3	5	21	–
Пшеница однозернянка	1	–	–	–
Ячмень пленчатый	3	5	20	2
Ячмень голозерный	–	1	–	–
Рожь	2	8	12	
Овес	–	2	6	1
Горох	–	2	–	–
Чечевица	2	–	–	–
Костер	–	3	–	–
Сорняки	–	3	10	–
Итого	32	55	140	28

Примечание. В графе «просо» без скобок дано количество отпечатков зерновок, привлеченных исключительно к количественному анализ (рис. 2). В скобках дано количество отпечатков, привлеченных к анализу по объему; разницу составляют отпечатки на днищах.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Литература

Башкатов Ю.Ю. 2008. Матеріали пізньоримського часу півдня Полтавської обл. // АЛЛУ. 1–2.

Башкатов Ю.Ю. 2010. Новые исследования черняховских памятников на Юге Среднего Поднепровья» // Germania-Sarmatia. II. Калининград; Курск.

Башкатов Ю.Ю., Горбаненко С.А., Пашкевич Г.О. 2010. Матеріали з землеробства середини I тис. н. е. //Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Київ-Полтава.

Башкатов Ю.Ю., Шита Т.М. 2010. Нові дослідження пам'яток черняхівської культури на півдні Середнього Подніпров'я. //Археологія Правобережної України . АДІУ. 2.

Башкатов Ю.Ю., Горбаненко С.А. 2012. Земледелие древних жителей поселения Дмитровка III // Stratum plus. 4. Кишинёв.

Брайчевський М.Ю. 1964. Біля джерел слов'янської державності. Київ.

Веселовський І.В., Лисенко А.К., Манько Ю.П. 1988. Атлас-визначник бур'янів. Київ.

Горбаненко С.А. 2003–2004. Окружающая среда и славянские памятники второй половины I тыс. н. э. (по материалам Левобережья Днепра) // Stratum plus. 5. Кишинев.

Горбаненко С.А. 2010. Знаряддя землеробства кінця I тис. до н. е. – I тис. н. е. Порівняльний аналіз // Археологія. 4. Київ.

Горбаненко С.А. 2011а. Палеоетноботанічний спектр поселення Войтенки 1 // Черняховская культура. Oium. 1. Київ.

Горбаненко С.А. 2011б. Методы интерпретации сельскохозяйственных материалов // Stratum plus. 5. Кишинев.

Горбаненко С.А., Пашкевич Г.О. 2010. Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н.е. – I тис. н. е.). Київ.

Коршак К. 1935. Землеробство давніх родових громад Середнього Подніпров'я // Наукові записки ІІМК. 5–6. Київ.

Кравченко Н.М., Пашкевич Г.А. 1985. Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.) // Археология и методы исторических конструкций. Киев.

Кравченко Н.М., Петраускас О.В., Шишкин Р.Г., Петраускас А.В. 2007. Памятники археологии позднеримского времени правобережной Киевщины. Киев.

Краснов Ю.А. 1967. О системе и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА., 1.

Любичев М.В. 2006. О постройках на селище черняховской культуры Войтенки (по материалам раскопок 2004–2005 гг.) // АЛЛУ. 2.

Любичев М.В. 2008. Об этнокультурных процессах позднеримского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследования археологического комплекса Войтенки) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Тула.

Любичев М.В. 2011. Наземные сооружения на поселении черняховской культуры Войтенки (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // АДІУ. 6.

Любичев В.М., Горбаненко С.А. 2011. Земледелие жителей поселения Войтенки 1 // Stratum plus. 4. Кишинёв.

Магомедов Б.В. 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin.

Магомедов Б.В., Абашина Н.С., Солтис О.Б. 2003. Пам'ятки черняхівської культури в Київській області. Київ.

Никитина Т.Б. 2006. Земледелие в черняховской культуре // РА. 4.

Обломский А.М. 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). Раннеславянский мир. 5. М.

Пашкевич Г.А. 1991. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. Каталог I. Киев.

Пашкевич Г.А. 2007. Палеоэтноботанический анализ материалов поселения и могильника черняховской культуры Обухов-1 и 1а. // Кравченко Н.М., Петраускас О.В., Шишкин Р.Г., Петраускас А.В. Памятники археологии позднеримского времени правобережной Киевщины. Киев.

Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А. 2002–2003. Відбитки зернівок культурних рослин на кераміці Опішнянського городища. //АЛЛУ. 2; 1.

Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А. 2010. Каталог палеоботанічних матеріалів пам'яток

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

слов'янських культур // Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Матеріали та дослідження. АДІУ. 3. Київ.

Петраускас О.В., Шишкин Р.Г. 2009. Некоторые результаты исследования поселения черняховской культуры Великая Бугаевка 1 //Vita Antiqua. 7–8. Київ.

Природа Украинской ССР. Почвы. Киев. 1986.

Рудинський М.Я. 2002–2003. Результати екскурсії в Кременчуцький та Кобеляцький повіти 20.IX–29.X.1922 р. //АЛЛУ. 2; 1.

Строцень Б.С. 2008. Черняхівська культура Західного Поділля. Тернопіль.

Хвойка В.В. 1913. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев.

Шишкин Р.Г. 1996. Система заселения Среднего Поднепровья в I–V вв. //Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.). Київ.

Шишкін Р.Г. 1999. Господарсько-екологічна модель черняхівської культури (за матеріалами Середнього Подніпров'я) // Археологія. 4. Київ.

Шишкин Р.Г. 2001–2002. К вопросу о природных условиях киевских и черняховских памятников Среднего Поднепровья // Stratum plus. 4. Кишинёв.

Янушевич З.В. 1973. Находки культурных растений на поселении у с. Лепесовка // Acta museorum agricultura. 8, 1.

Янушевич З.В., Маркевич В.И. 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья. //Интродукция культурных растений. Кишинёв.

Список сокращений

АДІУ – Археологія і давня історія України. Київ.
АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава
ІІМК – Інститут історії матеріальної культури. Київ
РА – Российская археология. Москва
СА – Советская археология. Москва

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

S.A. Gorbanenko

A new data on agriculture of the Chernyakhov culture (on paleoethnobotanical materials)

Abstract

The article introduces results of paleoethnobotanical investigations of four Chernyakhov culture sites of the Middle Dnieper region (Barbara I, Velikaya Bugayevka, Voytenki I, Dmitrovka III), analyzed by the author for the last years. The material is counted by the volume of cultivated grains (or feeding), instead of their size not only quantity. The results of statistic analyses shows, that millet did not play the leading role in economy of mentioned settlements' inhabitants. Wheat was on the top in 3 cases, and rye in 1 case. Hulless wheat and rye, markers of high level of agriculture, were represented in the two sites.

Cluster analysis demonstrates similarity of marks of two pair of sites: Barbara I and Dmitrovka III, and on the other hand Velikaya Bugayevka and Voytenki I. The first pair is represented by simplified compositions of paleobotanic spectrum, in which stable and undemanding cultivated crops prevail. The second pair demonstrates developed spectrum, where "progressive" cereals play important role. Remains of weeds are also presented among other materials as a marker of instantly used land in all and as a marker of winter crops in particular. Regularity of paleobotanic spectrums likeness is confirmed by similarity of natural conditions of their sites locations.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

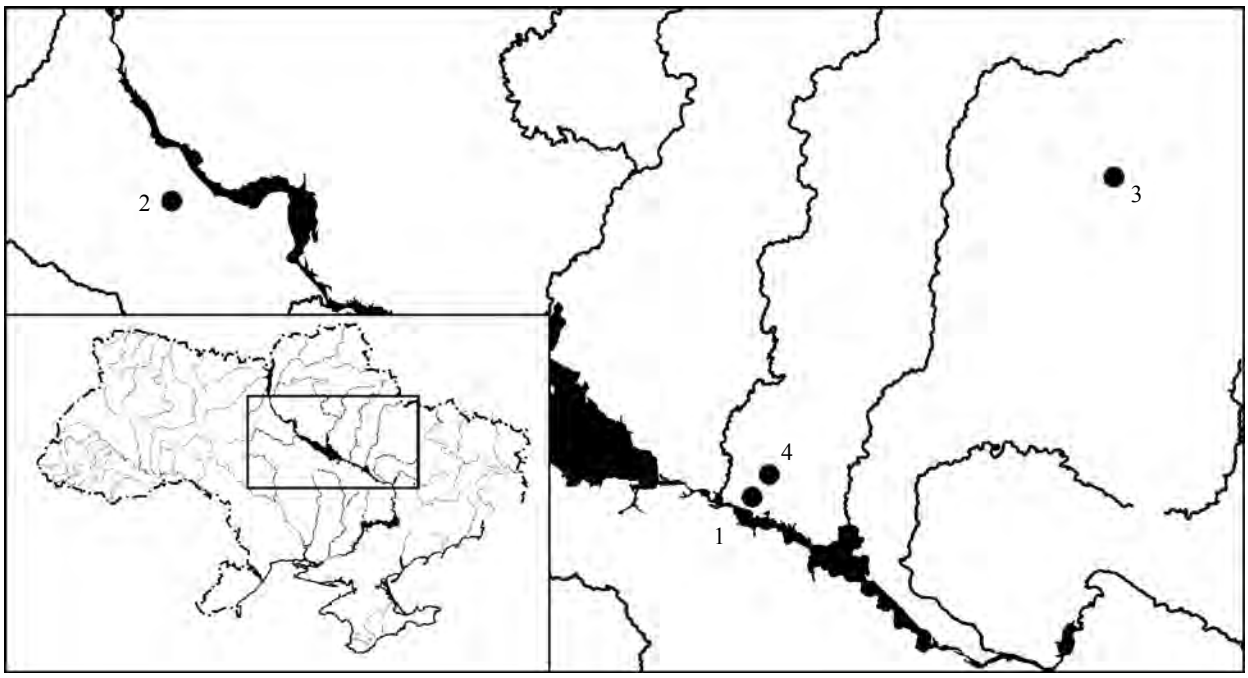


Рис. 1. Схема расположения памятников черняховской культуры, материалы которых привлечены к анализу: 1 – Барбара I; 2 – Великая Бугаевка; 3 – Войтенки 1; 4 – Дмитровка III.

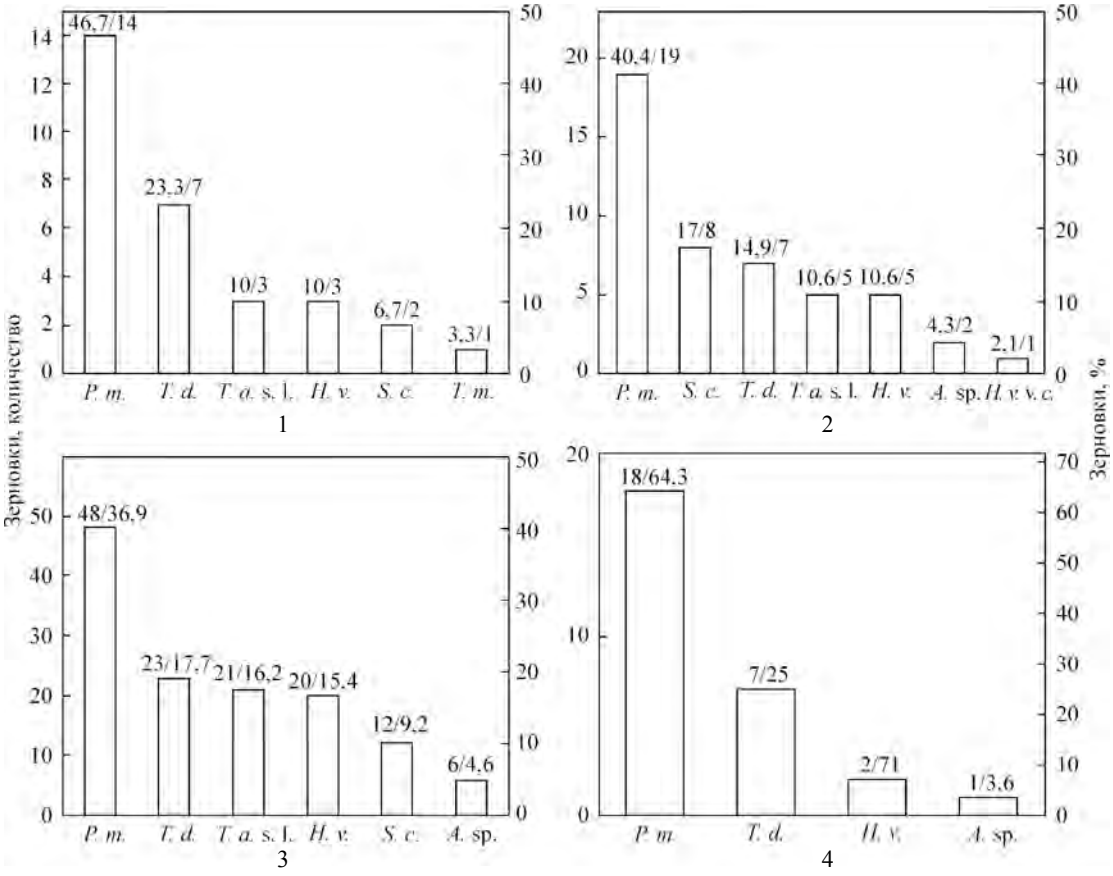


Рис. 2. Палеоэтноботанические спектры зерновок культурных растений (по количеству): 1 – Барбара I; 2 – Великая Бугаевка; 3 – Войтенки 1; 4 – Дмитровка III. Сокращения: P. *m.* – *Panicum miliaceum, T. d.* – *Triticum dicoccon, T. a. s. l.* – *Triticum aestivum s. l., H. v.* – *Hordeum vulgare, S. c.* – *Secale cereale, T. m.* – *Triticum monococcum, A. sp.* – *Avena sp.* Над столбцами дано количество зерновок / процент.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

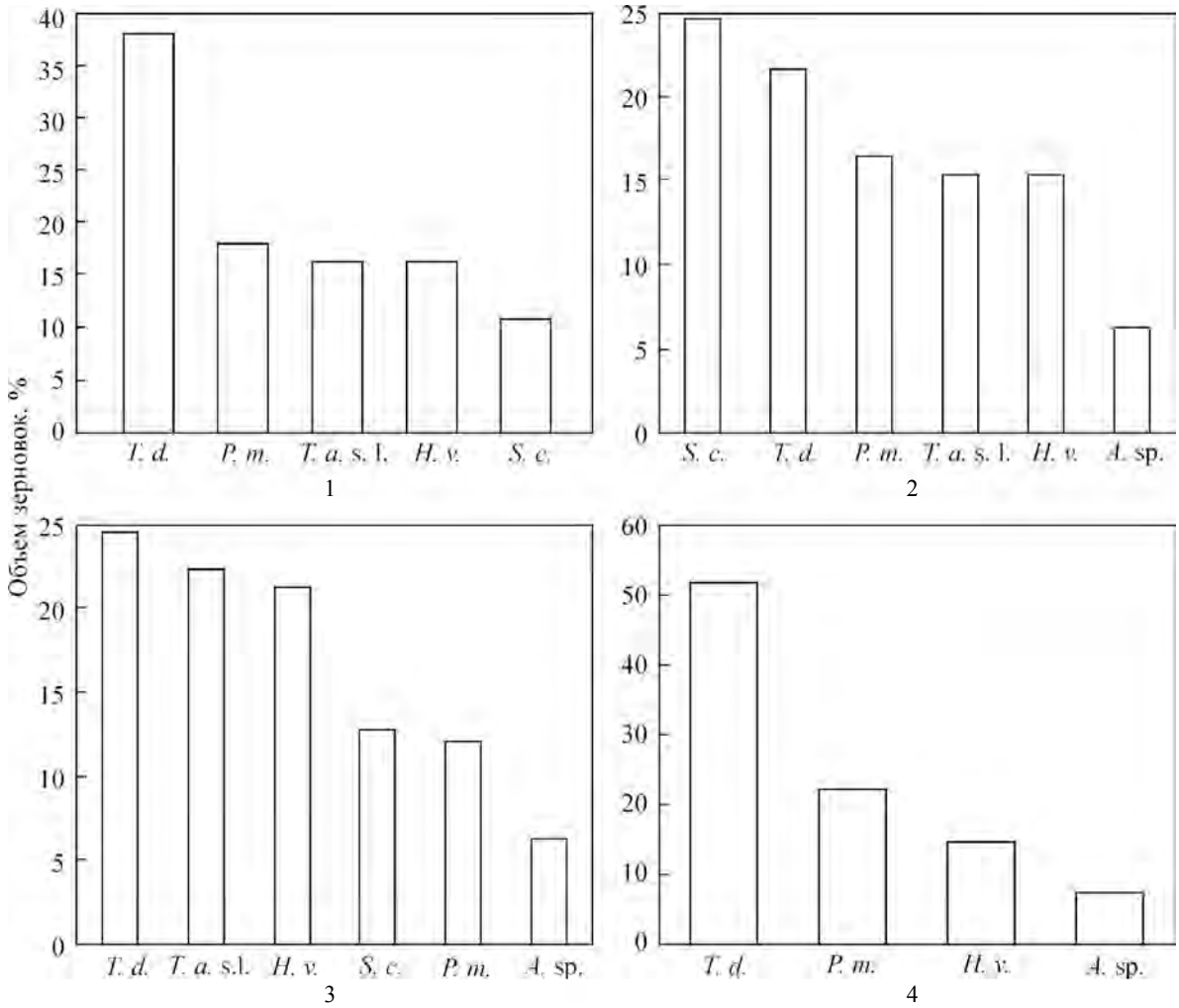


Рис. 3. Палеоэтноботанические спектры зерновок культурных растений (по объему): 1 – Барбара I; 2 – Великая Бугаевка; 3 – Войтенки 1; 4 – Дмитровка III. Сокращения см. на рис. 2.

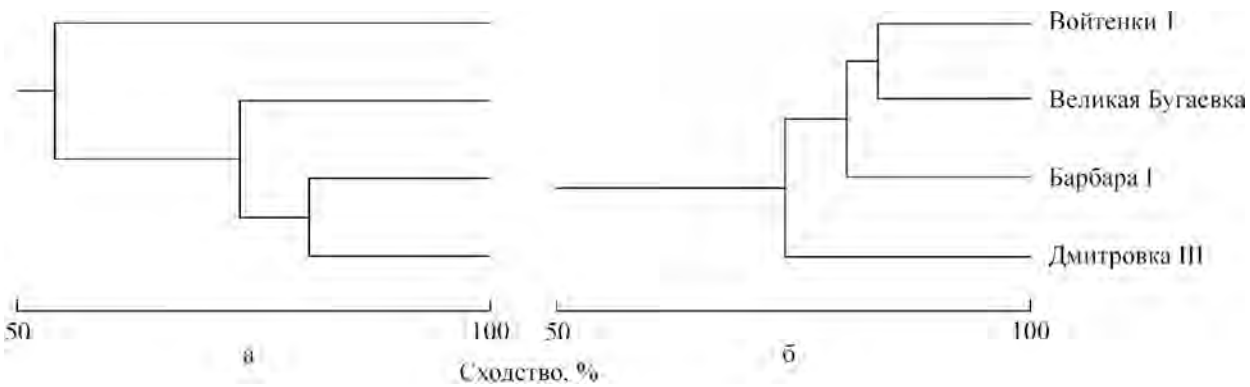


Рис. 4. Результаты кластерного анализа палеоэтноботанических спектров зерновок культурных растений: а – по количеству; б – по объему.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Идентификация находок I–VII вв. из Музея «Пруссия», хранящихся в фондах Калининградского областного историко-художественного музея

В.И. Кулаков (Москва)

Проблема поисков и изучения наследия старой прусской археологической школы в юго-восточной Балтии не теряет актуальности последние 40 лет. II Мировая война внесла свои кровавые коррективы в судьбы многих миллионов граждан различных стран Европы, Азии и Америки. Жертвы войны исчисляются не только человеческими жизнями. Под ее тяжёлой пятой изменили свой облик многие исторические города нашего континента. Невосполнимые утраты понесли многие музейные и художественные собрания СССР, Польши, стран Балтии. По территории Германии в 1945 г. прокатился стальной вал неотвратимого возмездия. В частности, он затронул и те музейные собрания, которые были накоплены в Кёнигсберге за предшествовавшие полтора века археологических исследований в юго-восточной Балтии, в ареале западных балтов. Долгие десятилетия после войны считалось невозможным возродить археологию эстиев и пруссов без этих считавшихся безвозвратно утраченных музейных собраний. Ведущим среди них по праву считается коллекция и экспозиция Музея «Пруссия» в Кёнигсберге (Prussia-Museum in Königsberg). В ранних работах советских археологов, приступивших к изучению древностей пруссов в послевоенное время, собрания Музея «Пруссия» и их роль в изучении местных древностей не упоминались (Гуревич, 1960, с. 334, 335; Кулаков, 1977, с. 74). Однако уже первые шаги в познании прусской археологии показали, что без данных старой прусской школы (экспонаты и архивалии) работы в Калининградской области результативными не будут. Год обнаружения автором этих строк в фондах Калининградского областного историко-художественного музея остатков описей и коллекций Музея «Пруссия» (1976 г.) стал решающим в процессе возвращения археологического наследия земли пруссов. Тогда, в разгар брежневской эпохи в этом музее (далее – КОИХМ) были выявлены находки, добытые краеведом В.Н. Строкиным в 1967 г. в руинах Замка Кёнигсберг (Кулаков, 2000, с. 207). С этого момента вещи, хранившиеся ранее в самом крупном археологическом музейном собрании Балтии, вместе с фрагментами архива Музея «Пруссия» и части его экспозиции, находятся в фондах КОИХМ. Сюда же в 1999 и в 2000 гг. были помещены остатки экспозиции Музея «Пруссия», обнаруженные группой сотрудников КОИХМ под руководством А.А. Валуева в форте № 3 внешнего пояса укреплений Кёнигсберга. Современный уровень развития археологии земли пруссов позволяет, опираясь на данные старых изданий и обнаруженных в последнее время архивалий, идентифицировать часть массива находок, хранившихся в Музее «Пруссия» и переживших суровые события 1945 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Перечень находок I-VII вв. н.э. з фондов Prussia-Museum, находящихся в фондах КОИХМ и идентифицированных

1 – Alt-Kossewen-I, Kr. Sensburg (ныне – Kosewo, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 368. Бронзовая пряжка (рис. 1) (Kemke, 1914, Abb. 3; Фон Карнап-Борнгейм и др., 2005, с. 96) гепидского облика (Hilberg, 2009, S. 175), обнаружена вместе с парой бронзовых арбалетовидных фибул (рис. 2) (Kemke, 1914, Abb. 2) типа Кулаков 2 (Кулаков, 1990б, рис. 20: 3), согласно Н. Обергу – конца VI в. (Åberg, 1919, S. 117, 118). Центральной фигурой обоймицы пряжки является квадрат, по сторонам и в центре которого представлены гнезда с остатками синей стекловидной пасты, практически полностью уничтоженной в послевоенное время. Тогда же уничтожению подвергся клювовидный язычок.

2 (35)[1] (здесь и далее – порядок номеров по внутренней описи остатков фондов Музея «Пруссия» в КОИХМ). Labaticken, Kr. Memel, грунтовой могильник (ныне – Labotakiai, Klaipėdos raj., Lietuva) (Moora, 1938, S. 79, Abb. 18: 2), Инв. КОИХМ № 16421/146. Бронзовая фибула типа AV,133. На Т-образной спинке фибулы имеется грубая имитация штампованного орнамента, обычно представленного на покрывающем данную часть фибулы куске серебряной фольги. Этот признак, а также несвойственная для продукции северной и восточной зон Барбарикум (в них распространены фибулы типа AV,133) прорезь в цилиндрическом футляре, прикрывающем пружину фибулы, позволяет предполагать её местное производство. Согласно аналогиям с территории «богачёвской культуры» такие фибулы в западнобалтском ареале датируются фазой B2c (Juga-Szymańska, 2004, s. 102).

3 (86). Greyszönen, Kr. Tilsit, грунтовой могильник (ныне – Grejzenai, Tauragė raj., Lietuva) (Åberg, 1919, S. 55, Abb. 57), Инв. № КОИХМ 5007/74. Бронзовая фибула типа Schönwarling (фазы D1-D2)(Кулаков, 2003, рис. 121) с зонами рифления по спинке, разделёнными не тройными, как на рисунке кон. XIX в., а одиночными пропилами. Такая орнаментика, восходящая к фибулам с кольцевой гарнитурой, транслируется на фибулах куршами и ламатами в VI в. и даже позже (Кулаков, 2010, с. 292, рис. 2).

4 (124). Mingfen, Kr. Ortelsburg (ныне – Miętkie, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 87, Инв. КОИХМ № 16419/33, около 470-525 гг., Inv. Pr. M. I B. Бронзовая трёхлучевая фибула типа Kühn Gursuf, обнаруженная в комплексе с бронзовой пряжкой с подпрямоугольной рамкой (Кулаков, 1990б, рис. 10: 1).

5 (125). Alt-Kossewen, Kr. Sensburg (ныне – Kosewo, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 411, пара (?) бронзовых фибул с прямоугольной верхней и ромбической нижней пластинами. Inv. Nr. P.M. неизвестен, Инв. № КОИХМ 5007/87 и 5007/86. Херберт Кюн в данном комплексе отмечает только одну фибулу, однако в форте № 3 была обнаружена пара весьма близких по размерам и форме фибул. Возможно, они относятся к одному комплексу (Kühn, 1981, S. 58, Taf. 3: 16). Одна из фибул на прямоугольной пластине имеет сквозную трещину технологического происхождения. Данные фибулы являются местными дериватами скандинавских пальчатых с прямоугольной пластиной.

6 (126). Alt-Kossewen, Kr. Sensburg (ныне – Kosewo, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. o/Nr, Inv. Pr. M. VII.76.9284, Инв. № КОИХМ 5007/85. Бронзовая трехлопастная фибула типа Kühn Breitenfurt (Kühn, 1981, S. 57, Taf. 2: 8).

7 (127). Gross Waldeck, Kr. Pr. Eylau (ныне – Осокино, Багратионовский р-н), погр. o/Nr. Серебряная золоченая звериноголовая арбалетовидная фибула (сохранилась только ножка), около 550-700 гг. (Кулаков, 1990в, с. 208, рис. 3: 7).

8 (128). Daumen, Kr. Allenstein, грунтовой могильник (ныне – Tumiany, woj. warmińsko-mazurskie Polski), одиночная находка пальчатой фибулы, позолоченное серебро с чернью, Инв. № КОИХМ 17291/21, согласно Х. Кюну тип Sontheim, ок. 600-650 гг. (Kühn, 1981, S.112, 113; Taf. 23: 143), согласно Ф. Хильбергу – рейнский импорт, поступивший на Мазуры в середине или третьей четверти VI в. (Hilberg, 2009, S. 231, 233, 378, Taf. 9: 64). В форте № 3 сохранились лишь мелкие обломки этой фибулы, соответствующие частям её миндалевидной верхней пластины (рис. 3: 1). Остальные части данной находки, известной по фото из Архива «Пруссия» (Музей прото- и доистории, Берлин) (рис. 3: 2) отсутствуют.

9 (132). Daumen, Kr. Allenstein грунтовый могильник (ныне – Tumiany, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 37, серебряная с чернёными и позолоченными зонами фибула, обнаружена с аналогичной фибулой, с ножом и с лепной

[1] В скобах указана нумерация по внутренней описи из архива автора.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

урной крупных размеров, VI в. н.э., Inv. Pr. M. V. 46. 6929, Инв. № КОИХМ 5007/88 (Кулаков, 1990б, рис. 5: в; 2000, рис. 3: 1). Впервые данная фибула после своего обнаружения в форте № 3 была опубликована в 2005 г. (Фон Карнап-Борнгейм и др., 2005, с. 100) (рис. 4). Правда, на этой фотографии не видны орнаментальные полосы, окружавшие по периметру всю фибулу и покрытые чернением (рис. 5). Ф. Хильберг справедливо отметил близость этой застежки скандинавским находкам (о. Готланд) первой половины VI в. и сходство ее декора с орнаментальным стилем Nydam (Hilberg, 2009, S. 191).

10 (139). Alt-Kossewen, Kr. Sensburg, грунтовый могильник (ныне – Kosewo, woj. warmińsko-mazurskie Polski), бронзовая фибула типа J. Werner mit Tierkopffuß (тип Katsougiannopoulou Suuk-Su), Inv. Pr. M. VII. 76. 9285, Инв. № КОИХМ 5007/101 (рис. 6) из погр. 172, в котором находилась аналогичная фибула (?)(Кулаков, 1990б, рис. 3: а). Лишь из недавней публикации В. Новаковского, допущенного к осмотру архива Музея «Пруссия» в Музее прото- и доистории (Берлин), стал известен состав этого комплекса (рис. 7). В него, кроме фибул, входили бронзовая посоховидная булавка с кольцом, несколько пастовых и стеклянных бусин (Nowakowski, 2006, rys. 7). Представленная здесь фибула относится к отделу застёжек «с каймой из птичьих голов», характерному для Среднего Поднепровья начала VII в. (Родинкова, 2010, с. 264).

11 (144). Dollkeim, Kr. Fischhausen, грунтовый могильник (ныне – пос. Коврово, Зеленоградский р-н Калининградской обл.), погр. 165 (урновое трупосожжение), бронзовая арбалетовидная фибула типа Schönwarling, около 450 г. (Günther, Voss, 1880, Taf. 10: 430; Кулаков, 2004а, с. 25, рис. 63), обнаруженная в комплексе с урной и небольшим сосудом-приставкой сфероидной формы, Инв. КОИХМ № 17296/44. На корпусе фибулы (остальные ее детали в форте № 3 не сохранились) на площадке, расположенной в точке совмещения ножки и дуги, виден горизонтальный пропил. На рисунке из книги О. Тишлера и Г. Кемке, представленном в моей публикации старых раскопок могильника Dollkeim/Коврово, этот пропил отсутствует.

12 (145). Eschenort, Kr. Angerburg (Jasienec в окрестностях Węgorzewo, woj. warmińsko-mazurskie Polski), случайная находка бронзовой фибулы (рис. 8: 1), Inv. Pr. M. III. 254.1184, около 450-550 гг. (Кулаков, 1990в, с. 205, рис. 2, 16). В собрании Музея «Пруссия», судя по находкам в форте № 3, хранилась аналогичная (парная?) фибула, обломок которой также был обнаружен в 1999-2000 гг. в указанном укреплении. К сожалению, пребывание в форте № 3 сохранности фибулы не способствовало, она, очевидно, подверглась обжигу, благодаря чему были утрачены детали орнамента (рис. 8: 1,2).

1**3 (153).** Zohpen, Kr. Wehlau, грунтовый могильник (ныне- Суворово, Гвардейский р-н), погр. 362, Опись Музея «Пруссия» Nr 997 (Кулаков, 1990а, табл. XVIII: 5). Бронзовая арбалетовидная фибула (рис. 9: 1,2) типа Åberg 175 (вар. Кулаков 3а1) (Кулаков, 2003, рис. 88), Инв. КОИХМ № 16971/1, датируется началом VI в. Согласно новейшей типологии фибул с расширением на ножке, принадлежащей Мирославу Рудницкому, фибула из погр. 362 относится к находкам группы 1 и датируется фазой E1 (450/475-525 гг. (Rudnicki, 2008, Abb. 12). Таким образом, не зная моей типологии таких фибул, варшавский коллега независимо от меня подтвердил датировку одного из их типов.

14 (160). Lehlesken, Kr. Ortelsburg, грунтовый могильник (ныне – Leleszki, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 269, пара бронзовых пластинчатых фибул (Кулаков, 1990б, рис. 24: 2), Инв. КОИХМ № 16419/160, кон. VII в. Данные застёжки представляют собой симбиоз прорезных круглых пластин, подвешивавшихся германскими женщинами в эпоху Меровингов к поясу, и прусскими арбалетовидными фибулами типа Кулаков 4. Весьма близкий аналог (тоже пара бронзовых фибул) этим редким для юго-восточной Балтии находкам встречен в погр. XXIX (трупосожжение в урне?) грунтового могильника Kellaren/Kielary (ныне – woj. warmińsko-mazurskie Polski) вместе с обломками крупного сосуда (урна?), бронзовой пряжкой, обломком поясной накладки и куском кожи от ремня (Bezzenberger, 1900, S. 195, Abb. 76) и в могильнике Leleszki, погр. 12 (Rudnicki, 2008, Abb. 11: a).

15 (161). Kl. Puppen, Kr. Ortelsburg, грунтовый могильник (ныне – Pupki, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 2 (Åberg, 1919, S. 109, Abb. 158). Серебряная (?) пряжка с полукруглой обоймицей варианта Кулаков 1.2б (Кулаков, 1990в, рис. 2), Инв. КОИХМ № 16421/80, вторая половина VI в.

16 (217). Daumen, Kr. Allenstein, грунтовый могильник (ныне- Tumiany, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 55, около 550 г. (Кулаков, 1990б, рис. 40: 1). Обломки двух бронзовых пояс-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ных накладок с тисненым узором (рис. 10), Инв. № КОИХМ 17291/17. Узор на поперечной накладке (рис. 10: 1) выполнен в виде «ионического» меандра с довольно нечеткими очертаниями. Линейный декор на продольной накладке (рис. 10: 2) выполнен более чётко вследствие простоты его очертаний. В состав инвентаря погр. 55 входит серебряная пряжка вар. Кулаков 1.2б (рис. 11), крепившая пояс, украшенный упомянутыми накладками. Роскошное убранство поясного набора показывает высокий социальный статус его владельца. Накладки имели бронзовые (?) основы, покрытые серебряными тиснёными пластинами. Фрагмент одной из них, покрывавшей наконечник ремня, хранится в фондах КОИМ, куда он поступил из форта № 3. Декор накладок выполнен в I аварском стиле (на это указывает басменная технология его изготовления), что подтверждает датировку комплекса началом VI в. по пряжке. Единственными несомненно балтскими по своему происхождению деталями инвентаря в этом комплексе являются два спиральных перстня с расширенной центральной частью.

17 (298). Keimkallen, Kr. Heiligenbeil, грунтовый могильник (ныне – Краснодонское, Багратионовский р-н), погр. o/Nr, Фрагмент бронзовой литой пряжки с ажурной обоймицей (рис. 12), Inv. Pr. M. II, 5,50, I в. н.э. (Jankuhn, 1933, S. 59, Taf. II: 3), Инв. КОИХМ № 17296/28. К сожалению, находившаяся в этом комплексе симметричная пряжке ажурная поясная накладка и пара ладьевидных накладок (рис. 13) не сохранились. Хранящаяся в фондах КОИХМ пряжка из пос. Краснодонское сделана в литейной форме и является продукцией провинциально-римской мастерской фазы B2.

18 (299). Dollkeim, Kr. Samland, грунтовый могильник (ныне – Коврово, Зеленоградский р-н), погр. 4. Фрагмент бронзового поясного крючка (рис. 14), Inv. Pr. M. 6391, I в. н.э. (Jankuhn, 1933, S. 60, Abb. 9). Данная находка встречена в погр. 4 с большим числом находок (рис. 15), позволяющих датировать его фазами B1a-B1b (Кулаков, 2004а, с. 14).

19 (301), 20 (373) – Lobitten-2, Kr. Fischhausen, грунтовый могильник (ныне – Луговское, Зеленоградский р-н), погр. 21. Бронзовые серповидный предмет, налобник с обоймицей и четверик конского оголовья (рис. 16), Inv. Pr. M. 1938:1352/4, Инв. КОИХМ №№ 17296/34, 165347/5 (Фон Карнап-Борнгейм и др., 2005, с. 17). Центральной деталью этого комплекса конского снаряжения являлись удила с бронзовыми кольцами и цепеобразными поводьями. Кроме того, в инвентарь погр. 21 входили бронзовая фибула типа Альмгрен (далее A) II,42, бронзовая глазчатая фибула типа AIII,60/61, наконечник дротика (?), втульчатый топор, нож, бронзовая пряжка с обоймицей типа Мадыда-Легутко G12, два наконечника ремня, близкие типам Raddatz O1 и O18 (La Baume, 1944, S. 7, Abb. 9; Wilbers-Rost, 1994, S. 203) (рис. 17). По комплексу погр. 21 датируется фазой B1a.

21 (313). Ostpreußen (место находки неизвестно), бронзовая трёхлучевая фибула типа Kühn Gursuf, Inv. Pr. M. (?) KAS 559 (Kühn, 1981, S. 261, Taf. 61: 396), Инв. КОИХМ № 17332/19, V в. н.э. (см. ниже).

22 (319). Daumen, Kr. Allenstein, грунтовый могильник (ныне – Tumiany, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 30, бронзовая фибула группы Katsougiannopoulou C (тип J. Werner Plenita-Daumen, тип Katsougiannopoulou Edessa) (Katsougiannopoulou, 1999, Abb. 3: 1) с серебряной накладкой (рис. 18), VI в. Inv. Pr. M. V. 46.6829, Инв. № КОИХМ 16461/6 (Kühn, 1981, S. 105, Taf. 18: 112; Кулаков, 1990б, с. 188, 189; рис. 28). В составе инвентаря погр. 30 – пара пальчатых фибул, между ними (?) – группа стеклянных желтых и орнаментированных красных бусин, бронзовый цепедержатель с тремя цепочками, оканчивающимися подвесками, два фрагмента ремней с поперечными и продольными бронзовыми накладками и ланцетовидными наконечниками ремней, две биспиралевидных подвески (рис. 19).

23 (320). Daumen, Kr. Allenstein, грунтовый могильник (ныне – Tumiany, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 150, фрагмент серебряной пряжки (рис. 20) варианта Кулаков 1.2в с прорезной полукруглой обоймицей, VI в. Inv. Pr. M. неизвестен (Кулаков, 1990б, с. 191; рис. 53: 3), инв. КОИХМ № 16971/33. В составе инвентаря погр. 150 представлены арбалетовидная фибула со звериной головкой на ножке (Кулаков, 1990в, рис. 4: 4) – дериват типа Schönwarling, бронзовая (?) пряжка подтипа Кулаков 2.3 с полукруглой обоймицей, типологически близкая пряжка с прямоугольной обоймицей, ланцетовидный наконечник ремня, пластинчатая шпора (Битнер-Врублевска и др., 2008, табл. XXVII) (рис. 21).

24 (322). Mingfen, Kr. Ortelsburg, грунтовый могильник (ныне – Miętkie, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 38, серебряная арбалетовидная фибула (рис. 22) вар. Кулаков 3а2, Inv. Pr. M. неизвестен (Кулаков, 1990б, с. 180; рис. 7: 3),

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

VII в. По данным описей Музея «Пруссия» восстановлен состав комплекса: серебряная арбалетовидная фибула, пряжка подтипа Кулаков 4.1, продольная поясная накладка с фасками и ланцетовидный наконечник ремня [Битнер-Врублевска и др., 2008, табл. CLIV) (рис. 23). Сравнение изображения фибулы в описи музея «Пруссия» и ее современного состояния выявляет утерю наверший стержня для крепления пружины. Инв. № КОИХМ 1.6461.4.

25 (337). Gruneiken, Kr. Darkehmen, грунтовый могильник (ныне – Gruneiki, woj. warmińsko-mazurskie), случайная находка, бронзовая фибула (рис. 24) отдела Sprossenfibeln, типа Moora Klaipėda (Michelbertas, 1998, S. 428). Фазы C1a-C1b (около 275-300 г. н.э.). Inv. Pr. M. неизвестен (Tischler, 1879, Taf. V: 4), Инв. КОИХМ № 17237/55.

26 (354). Lehlesken, Kr. Ortelsburg (ныне – Leleszki, woj. Warmińsko-Mazurskie Polski), разрушенное погр. o/Nr, бронзовая пряжка вар. Кулаков 4.2 с фрагментированной обоймицей (рис. 25), VII в. Inv. Pr. M. неизвестен (Кулаков, 1990б, с. 186; рис. 24: 7), Инв. КОИХМ № 16971/31. Состав инвентаря погр. o/Nr восстановлен по описи ПМ и содержит, кроме упомянутой пряжки, бронзовую пальчатую фибулу типа Katsougiannopoulou Suceava (Hilberg, 2009, S. 296) (рис. 26).

27 (359). Ostpreußen, Inv. OPM KAS 551, бронзовая пальчатая (4 кнопки) миниатюрная фибула (Tischler, Kemke, 1902, Taf. VII, 9) (рис. 27), Инв. КОИХМ № 16971/15, VII в.

28 (381). Mingfen, Kr. Ortelsburg, грунтовый могильник (ныне – Miętkie, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 108, бронзовая трёхлучевая фибула (рис. 28) типа Kühn Gursuf, около 470-525 гг., Inv. Pr. M. неизвестен, Инв. № КОИХМ 16513/20 (Kühn, 1981, S. 220, Taf. 53: 339). По описи музея «Пруссия» воссоздан комплекс погр. 108: бронзовые пара трёхлучевых фибул, дротовый браслет, три биS-видные подвеска, урна, пряжка подтипа Кулаков 5.1, нож (Кулаков, 1990б, рис. 10, 2) (рис. 29).

29 (382). Dollkeim, Kr. Samland, грунтовый могильник (ныне – Коврово, Зеленоградский р-н), погр. 114, бронзовая трехлучевая фибула (рис. 30) типа Kühn Breitenfurt около 470-500 гг., Inv. OPM 7508, Инв. № КОИХМ 16517/21 (Kühn, 1981, S. 119, Taf. 26: 161). В состав инвентаря погр. 114 входит, кроме фибулы, бронзовый дротовый браслет (Кулаков, 2004а, с. 22, рис. 48) (рис. 31).

30 (386). Daumen, грунтовый могильник (ныне – Tumiany, woj. warmińsko-mazurskie Polski), погр. 80, бронзовая поясная продольная накладка (рис. 32) с прорезным и чеканным орнаментом, начала VII в. Inv. Pr. M. неизвестен (Кулаков, 1990б, с. 194; рис. 42: 2), Инв. КОИХМ № 17332/24. По описи воссоздан инвентарь погр. 80: бронзовые арбалетовидная фибула типа Кулаков 4, пряжка с обоймицей подтипа Кулаков 4.2, две накладки с прорезным и чеканным орнаментами (одна из них – № 386), ланцетовидный наконечник ремня, спиральный перстень (Битнер-Врублевска и др., 2008, табл. XIV) (рис. 33). В архиве Феликса Якобсонса инвентарь этого комплекса представлен в несколько ином виде: двутавровидная накладка и наконечник ремня лишены заклепок, вместо перстня изображен фрагмент пластинчатой (?) накладки (рис. 34) (Rudnicki, 2008, Abb. 7). Вероятно, латышский коллега рисовал данные находки много позже фиксации их в описи Музея «Пруссия» и к этому времени ряд заклёпок был утрачен. По какой причине перстень на рисунке Ф. Якобсонса был заменён накладкой, остаётся неясным. В. Новаковский декларировал: картотекам учеников М. Эберта, среди которых был и Ф. Якобсонс, были свойственны «точность описания и хорошее качество рисунков…» (Новаковский, 2005, с. 44). К сожалению, пример фиксации находок из погр. 114 Daumen/Tumiany показывает несправедливость замечания варшавского археолога. Рисунки из описи музея «Пруссия», несомненно, более высокого качества, нежели чем изображения инвентаря из картотеки Ф. Якобсонса. В последней, как уже отмечалось, отсутствует рисунок перстня из указанного комплекса, что снижает информативность данной архивалии.

31 (Gru-A). Gruneiken, Kr. Darkehmen, грунтовый могильник (ныне – Gruneiki, woj. warmińsko-mazurskie), случайная находка, ножка фибулы со звёздчатой ножкой типа Bitner-Wróblewska II, датируемый варшавской исследовательницей фазой D (V в.) (Bitner-Wróblewska, 1986-1990, s. 58; Фон Карнап-Борнгейм, 2005, с. 90) (рис. 35: 1). Данный предмет является частью фибулы, опубликованной в конце XIX в. (рис. 35: 2) (Tischler, 1879, Taf. III: 12). За время нахождения в форте № 3 эта фибула утратила пружину и иглу. Отличие оригинала фибулы от ее рисунка состоит в том, что площадка в центре дужки фибулы в реальности имеет прямоугольную форму (рис. 35: 1), на рисунке она – квадратная (рис. 35: 2).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

32 (Gru-B). Gruneiken, Kr. Darkehmen, грунтовый могильник (ныне – Gruneiki, woj. warmińsko-mazurskie), случайная находка, орнаментированная прорезным зигзагом дужка и пружина бронзовой фибулы, близкой типам AII,29 и AII,30, датируется около 20-80 гг. н.э. (Кулаков, 1998, с. 41). За период хранения в форте № 3 фибула утратила трапециевидную ножку (рис. 36), украшенную прорезной фигурой в виде треугольника, по вершинам которого располагались группы кружков, прорезанных циркулем (рис. 37). До обнаружения фрагмента этой фибулы в форте № 3 она стала первым артефактом археологии юго-восточной Балтии, восстановленной методом 3D-Studio (рис. 38) (Кулаков, Кулаков, 1996, с. 37).

33 (312). Dollkeim, Kr. Samland, грунтовый могильник (ныне – Коврово, Зеленоградский р-н), погр. 161 (урновая кремация), ножка бронзовой фибулы вар. Schulze IzAd2c со звездчатой ножкой (рис. 39) с признаками типа Bitner-Wróblewska II, датируемый варшавской исследовательницей фазой D (V в.) (Bitner-Wróblewska, 1986-1990, s. 58, tab. II: 3). Ранний экземпляр этого типа с характерной лопатковидной формой «звезды» на конце ножки встречен в погр. 1 могильника Pruszcz Gdanski-5, датируемом фазами D1-D2 (первая пол. V в.) (Кулаков, 2004б, с. 57). Фолькер Хильберг этот комплекс относит к фазе D1 (Hilberg, 2009, S. 151). Состав инвентаря погр. 161: бронзовые фибула варианта Schulze IzAd2c с признаками типа Bitner-Wróblewska II, сходная фибула меньших размеров, пряжка типа Madyda-Legutko H38, бронзовый языковидный наконечник ремня (покрыт серебром?) со звёздчатым орнаментом, три бронзовые ведерковидные подвески типа Оберг (далее Å) 31, лепные урна типа Grebieten и сосуд-приставка, два бронзовых спиральных перстня, четыре янтарные бусины типа Basonia (рис. 40), стеклянная бусина больших размеров с орнаментом типа Millefiori, фрагмент браслета с утолщенными концами типа Kolbenarmring, 8 стеклянных голубых бусин кубо-октаэдральной формы, обожжённая стеклянная бусина с мозаичным орнаментом, две бронзовые спирали, бронзовая (?) оковка устья питьевого рога типа Andrzejowski K.1. Согласно набору инвентаря погр. 161 датируется фазами D2-D2/D3 (Кулаков, 2004а, с. 24). За время пребывания в форте № 3 фибула утратила пружину и иглу, некоторые из девяти лучей звезды, венчавшей ее ножку, погнуты или обломаны. Кроме того, нет следов серебряного покрытия частей ножки фибулы, присущего застежкам этого типа.

34 (Do-162). Dollkeim, Kr. Samland, грунтовый могильник (ныне – Коврово, Зеленоградский р-н), погр. 162 (урновая кремация), ножка бронзовой фибулы со звёздчатой ножкой (рис. 41: 1) (Фон Карнап-Борнгейм, 2005, с. 90) типа Bitner-Wróblewska II, датируемый варшавской исследовательницей фазой D (V в.) (Bitner-Wróblewska, 1986-1990, s. 58), Inv. Nr OPM 7734. Данный предмет является частью фибулы из погр. 162, в инвентаре которого, кроме того, присутствуют: вторая звездчатая фибула типа Bitner-Wróblewska II (рис. 41: 2), три бронзовые ведерковидные подвески типа Å31, лепной биконический сосуд-приставка типа EW XVIII, двусторонний костяной гребень с бронзовыми заклёпками, два железных стержня четырехугольного сечения, четыре янтарные литавровидные бусины типа Basonia, 6 стеклянных голубых бусин кубо-эктаэдральной формы, нож, железное кольцо, два бронзовых кольца, глиняное биконическое пряслице (Кулаков, 2004а, с. 24). С учётом новейших данных погр. D-162 (и, соответственно, найденные в его составе фибулы), может датироваться, фазой D2 (Кулаков, 2006, с. 63). К сожалению, время не пощадило фибулу из погр. Do-162. В послевоенное время в период «хранения» в фонте № 3 она лишилась пружины и иглы, некоторые из 9 «лучей», венчавших её ножку, были погнуты или вообще отломаны. Кроме того, нет следов серебряного покрытия частей ножки фибулы, присущего застежкам этого типа. При анализе данной фибулы после реставрации видно отличие оригинала от рисунка кон. XIX в.: площадка в центре дужки фибулы имеет не ровные верхнюю и нижнюю грани (рис. 41: 2), а выгнутые (рис. 41: 1).

Несмотря на кажущийся незначительным объем идентифицированных находок из Музея «Пруссия», хранящихся в фондах КОИХМ, они в настоящее время уже готовы к обработке с применением различных, в том числе, естественнонаучных методов и в значительной мере уже опубликованы (Кулаков, 2011а). Эти вещи украшают витрины Калининградского историко-художественного музея. Правда, ныне они хранятся уже не по комплексам, как это было в Музее «Пруссия» (Кулаков, 2011б, рис. 30), но, как и в предвоенное время, могут быть использованы в деле популяризации наших знаний о древней истории Янтарного края. Более того, значительная часть этих артефактов, а также экспонатов Музея «Пруссия», опубликованных в старой не-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мецкой литературе и хранящихся ныне в фондах Музея прото- и доистории в Берлине может позволить раскрыть те стороны археологии земли пруссов, которые остаются неясными, если опираться лишь на материалы новейших раскопок. Речь идет прежде всего о находках, редко встречающихся в нашей работе, на накопление которых в музейных фондах уходят многие десятилетия. История Музея «Пруссия» (1878–1945 гг.) была достаточной для накопления такого материала. Сейчас пришла пора пустить его в научный оборот.

Литература

Битнер-Врублевска А., Новакевич Т., Жешостарска-Новакевич А., Врублевски В., 2008. Археологические инвентарные книги бывшего музея «Пруссия». Ольштын.

Гуревич Ф.Д., 1960. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э. //МИА, 76, М.-Л.

Фон Карнап-Борнгейм К., Ибсен Т., Валуев А.А., 2005. Каталог // Адлунг Ф., фон Карнап-Борнгейм К., Ибсен Т., Валуев А.А., Коллекция Пруссия в фондах Калининградского областного историко-художественного музея. Шлезвиг.

Кулаков Д.В., Кулаков В.И., 1996. Сокровища исчезнувших музеев – на экране компьютера // Austrvegr, 2. Tallinn.

Кулаков В.И., 1977. Итоги изучения древностей пруссов // Проблемы этнической истории балтов. Рига.

Кулаков В.И., 1990а. Древности пруссов VI–XIII вв. //САИ, Г1-9. М.

Кулаков В.И., 1990б. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) //Barbaricum-1989. Warszawa.

Кулаков В.И., 1990в. «Звериноголовые» фибулы балтов (V–VII вв.) // СА, 2.

Кулаков В.И., 1998. Майнцский регистр фибул из музеев Кёнигсберга // Гістарычна-археалагічны зборник, 13. Мінск.

Кулаков В.И. 2000. История обнаружения части коллекций Музея «Пруссия» // РА, 4.

Кулаков В.И., 2003. История Пруссии до 1283 г., М.

Кулаков В.И., 2004а. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск.

Кулаков В.И., 2004б. Боги Видевута // Letonica, 10б.

Кулаков В.И., 2006. Комплексы с оружием горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн в Балтии //Матэрыялы па археологіі Беларусі, 12, Мінск.

Кулаков В.И., 2010. Прусские находки в Британском музее // Stratum plus, 4. Кишинёв.

Кулаков В.И., 2011а. Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII веков. Saarbrücken.

Кулаков В.И., 2011б. История Музея «Пруссия». Калининград.

Новаковский В. 2005. «Кёнигсбергская школа» археологии с ее начала и до 1945 года // Коллекции музея «Пруссия» в фондах Калининградского областного историко-художественного музея. Шлезвиг.

Родинкова В.Е., 2010. Пальчатые фибулы из Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир, 13. М.

Åberg N., 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit, Uppsala-Leipzig.

Bezzenberger A. 1900. Das Gräberfeld bei Kellaren im Kreise Allenstein // Prussia, 21. Königsberg.

Bitner-Wróblewska A., 1986-1990. Zapinki z gwiazdistą i łopatkowatą nózką z południowo-wschodnich wybrzeży Bałtyku // Wiadomości Archeologiczne, LI-1, Warszawa.

Günther C., Voss A., 1880. Photographisches Album der Prähistorischen und Anthropologischen Ausstellung zu Berlin, I. Berlin.

Heym H. 1938. Das Gräberfeld Zophen. Biblioteka. Muzeum Archeologicznego w Poznaniu, Nr 9177.

Hilberg V. 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungs-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

zeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kelary, 2. Neumünster.

Jankuhn H., 1933. Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samland // Prussia, 30, Königsberg.

Juga-Szymańska A., 2004. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w Tałtach na Pojezerzu Mazurskim //Barbaricum, 7, Warszawa.

Katsougiannopoulou Chr., 1999. Studien zu ost- und Südeuropäischen Bügelfibeln, Inaug.-Diss., Bonn.

Kemke H., 1914. Kritische Betrachtungen über Tischlers Periode E der ostpreußischen Gräberfelderzeit //Prussia, 23. Königsberg.

Kühn H., 1981. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutsch-land //Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit, III. Graz.

La Baume W., 1944. Altpreussisches Zaumzeug // Alt-Preussen, 9 (1-2), Königsberg.

Michelbertas M., 1998. Die römerzeitliche Fibeln in den baltischen Staaten // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, Wünsdorf.

Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., II. Tartu.

Nowakowski W., 2006. Korzenie prusów. Stan i możliwosci badań nad dziejami plemion bałtyjskich w starożytności i początkach średniowiecza // Pruthenia, I, Olsztyn.

Rudnicki M., 2008. Bemerkungen zur Entwicklung von Armbrustsprossenfibeln aus dem Territorium der Olsztyn-Gruppe. Erste Feststellungen // The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period, II, Lublin.

Tischler O., 1879. Ostpreussische Gräberfelder, III, Königsberg.

Wilbers-Rost S., 1994. Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germanis Libera. Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des “Zaumzeugs mit Zügelketten” , Oldenburg.

Список сокращений

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология, М.
СА – Советская археология, М.
М. – Москва

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

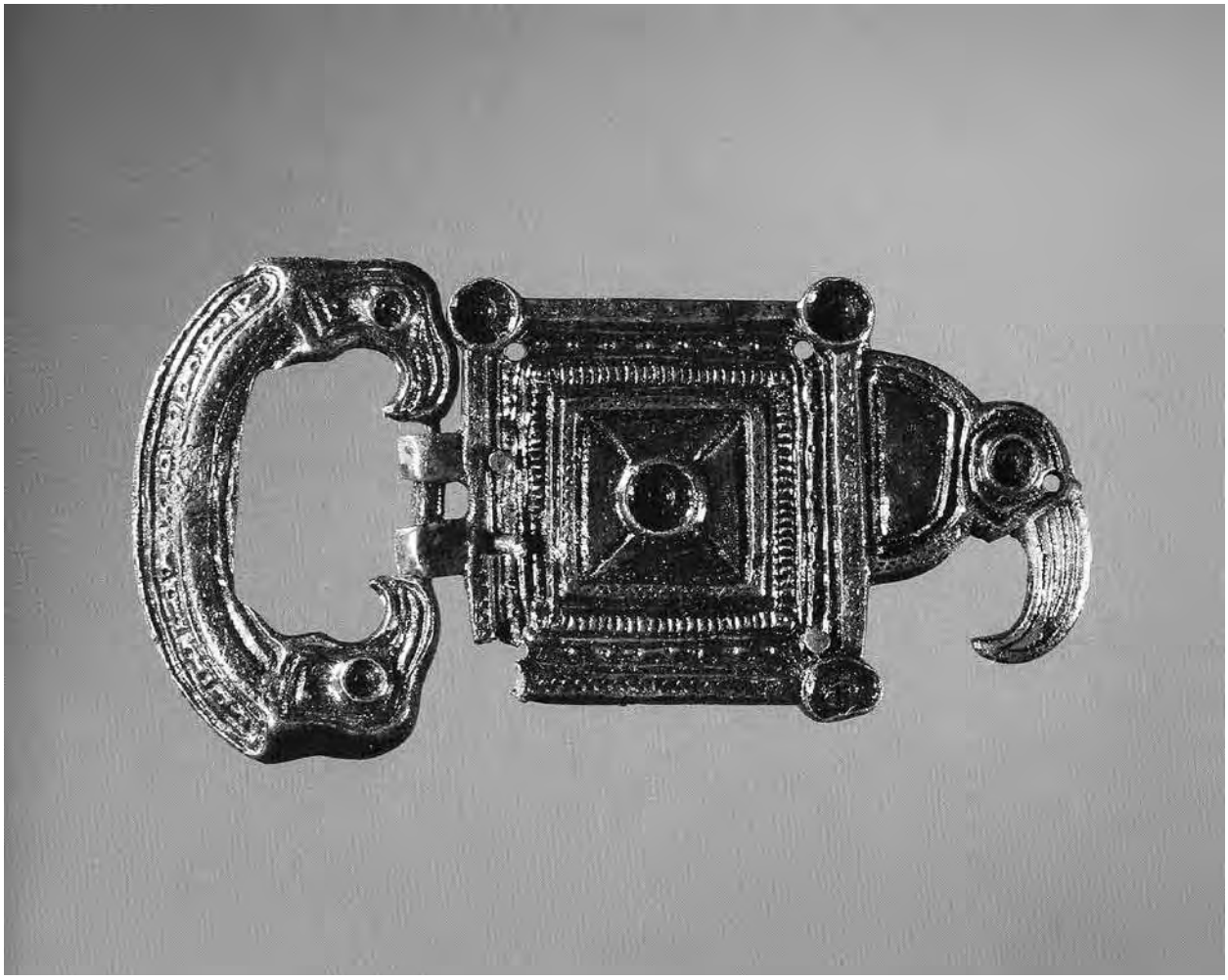


Рис. 1. Пряжка из погр. 368 Alt-Kossewen/Kosewo после реставрации по (Адлунг и др. 2005, с. 240).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

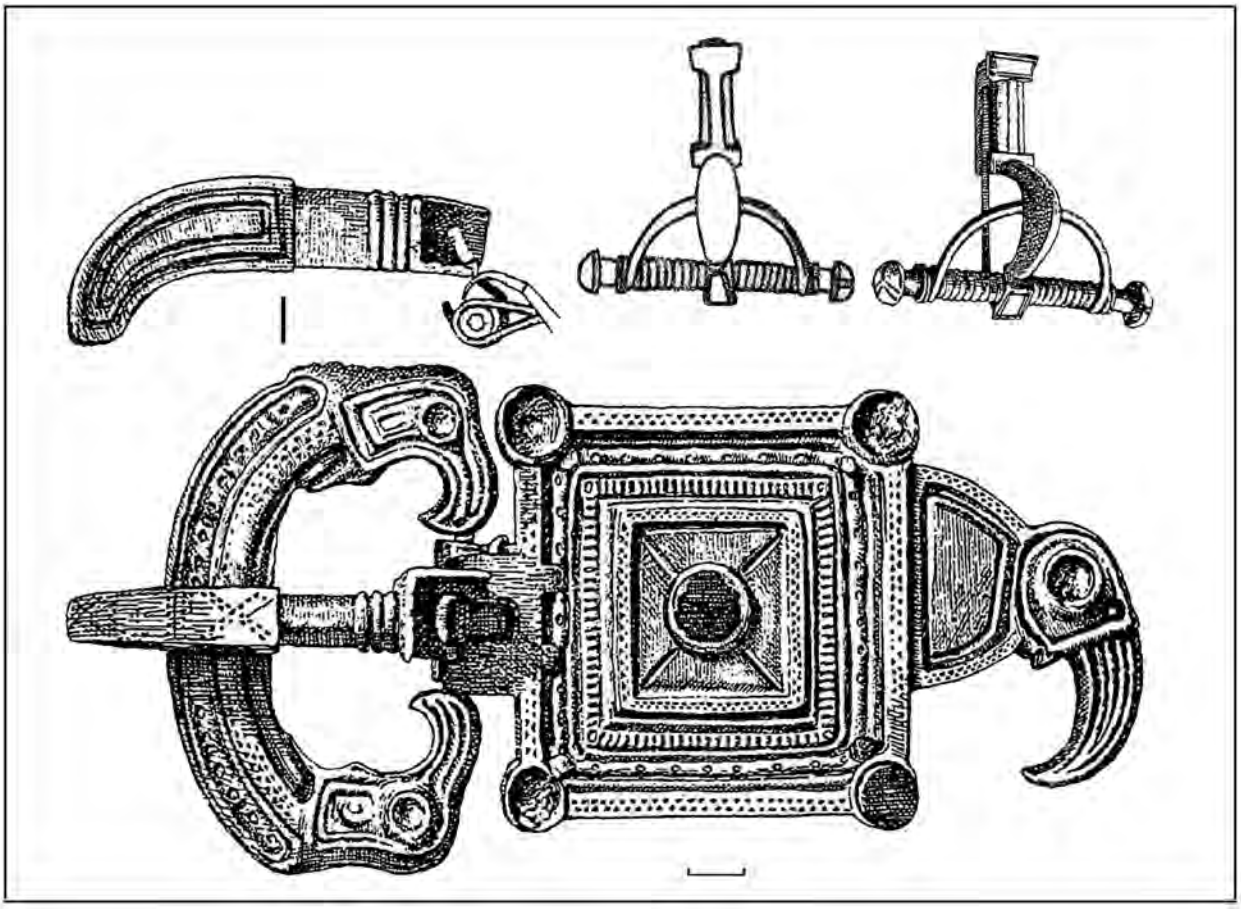


Рис. 2. Инвентарь погр. 368 Alt-Kossewen/Kosewo
по: 1, 3 – (Kemke H., 1914, Abb. 3: 2); 2 – (Кулаков, 1990в, рис. 20:3).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 3. Фибула из Daumen/Tumiany – расположение обнаруженных в 2000 г. обломков на рисунке фибулы; 2 – фото фибулы из Архива «Пруссия» (Hilberg, 2009, Taf. 9:64).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 4. Фибула из погр. 37 Daumen/Tumiany (Адлунг и др. 2005, с. 100).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 5. Фибула из погр. 37 Daumen/Tumiany сразу после обнаружения в форте № 3.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 6. Фибула из погр. 172 Alt-Kossewen/Kosewo после обнаружения в руинах Замка Кёнигсберг (1976 г.).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

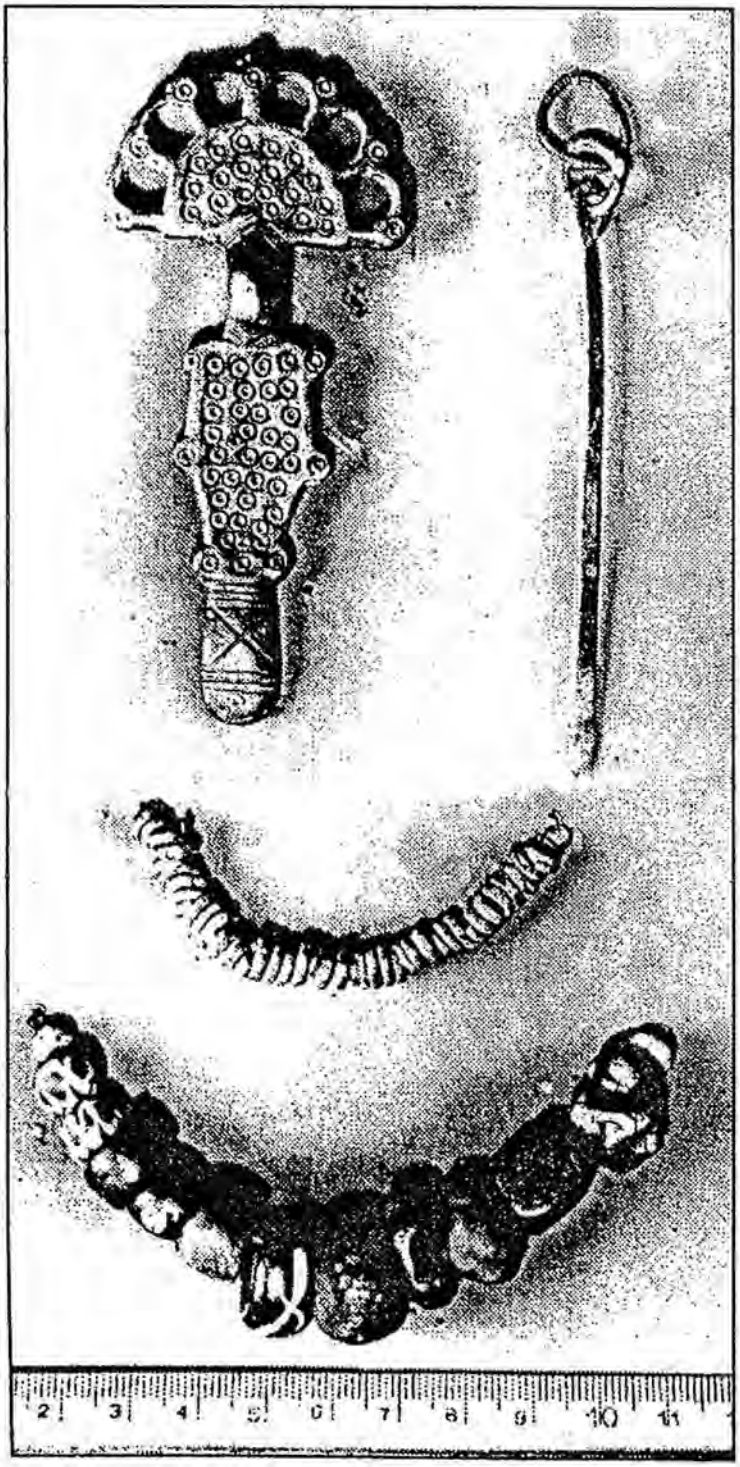


Рис. 7. Комплекс погр. 172 Alt-Kossewen/Kosewo (Nowakowski, 2006, ryc. 7).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

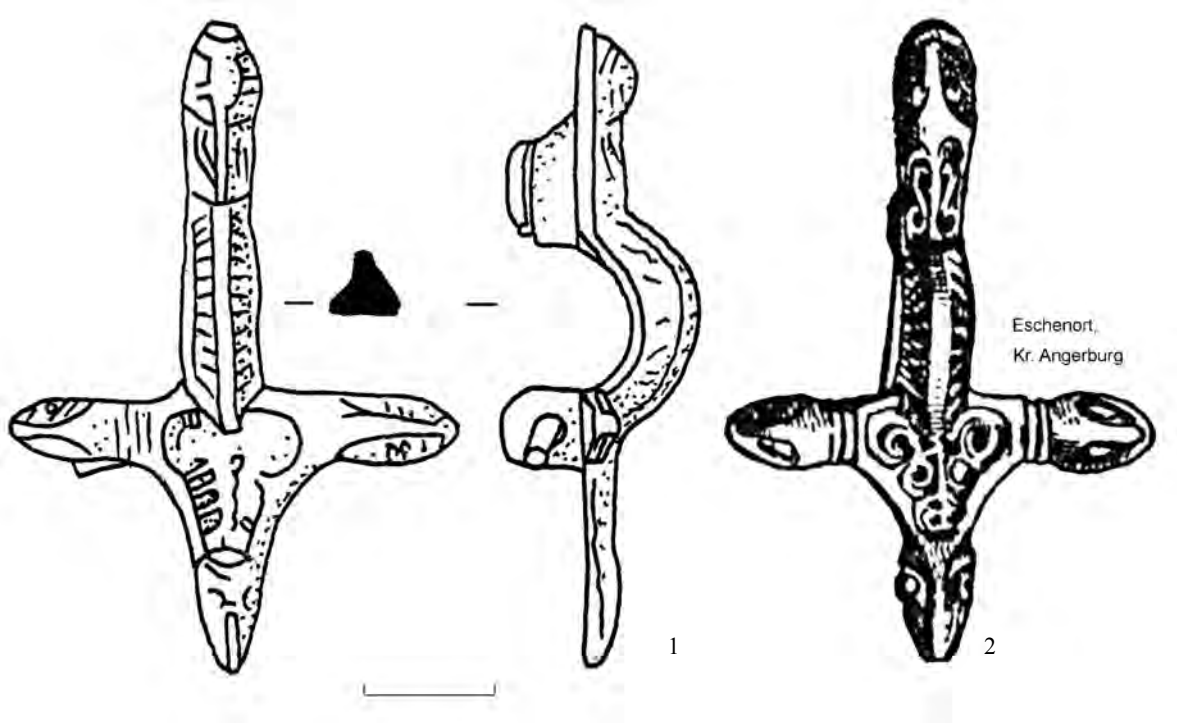


Рис. 8. Фибула из Eschenort/Jasienec: 1 – вид фибулы после реставрации; 2 – фибула по (Heim H., 1938)..

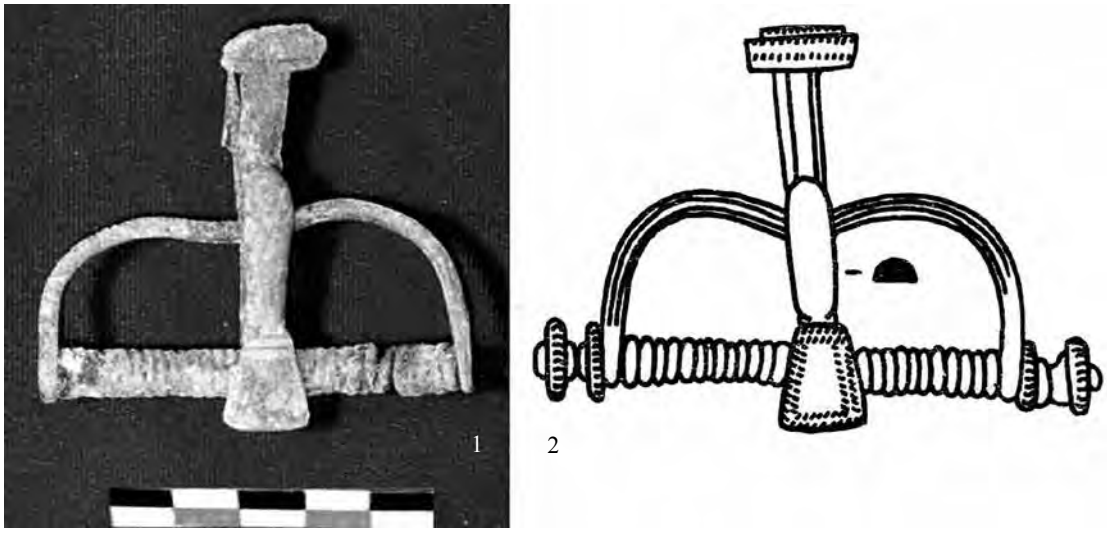


Рис. 9. Фибула из погр. 362 Zohpen/Суворово: 1 – состояние до реставрации; 2 – фибула по описи Музея «Пруссия» (Научная библиотека, г. Познань).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 10. Накладки из погр. 55 Daumen/Tumiany после расчистки.

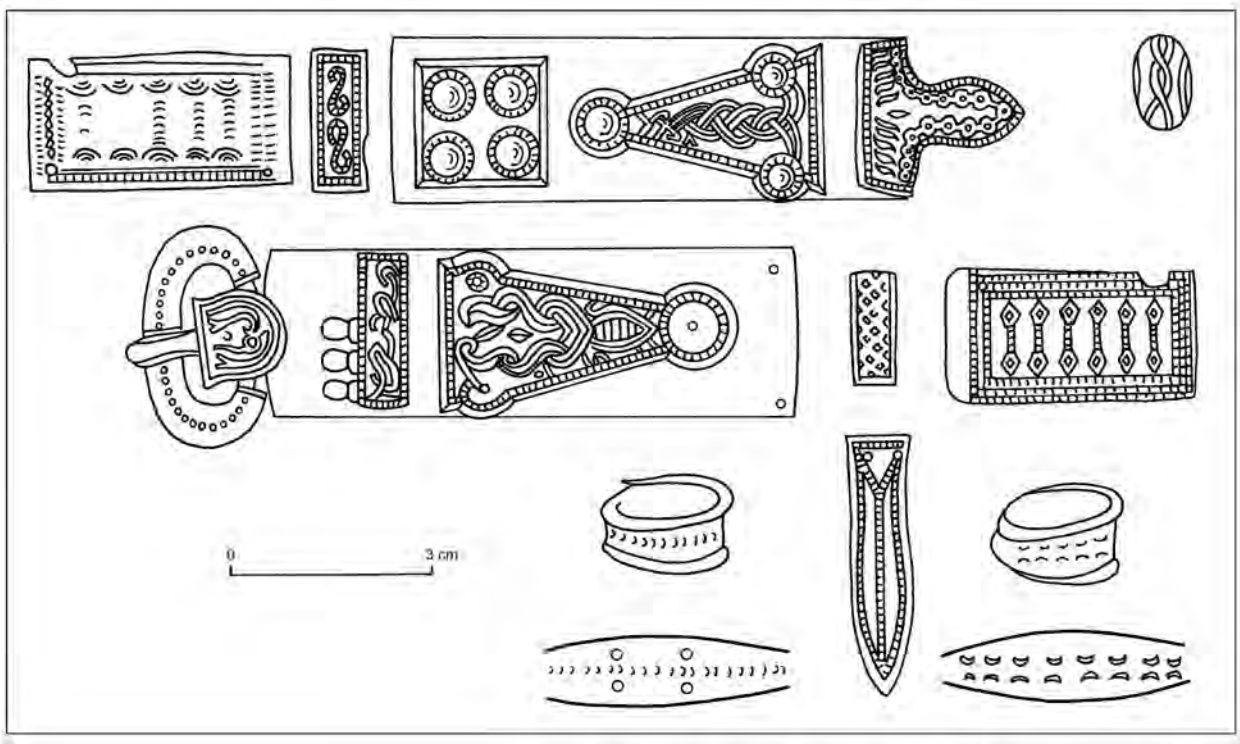


Рис. 11. Комплекс погр. 55 Daumen/Tumiany в описи Музея «Пруссия» (Кулаков, 1990в, рис. 40: 1).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

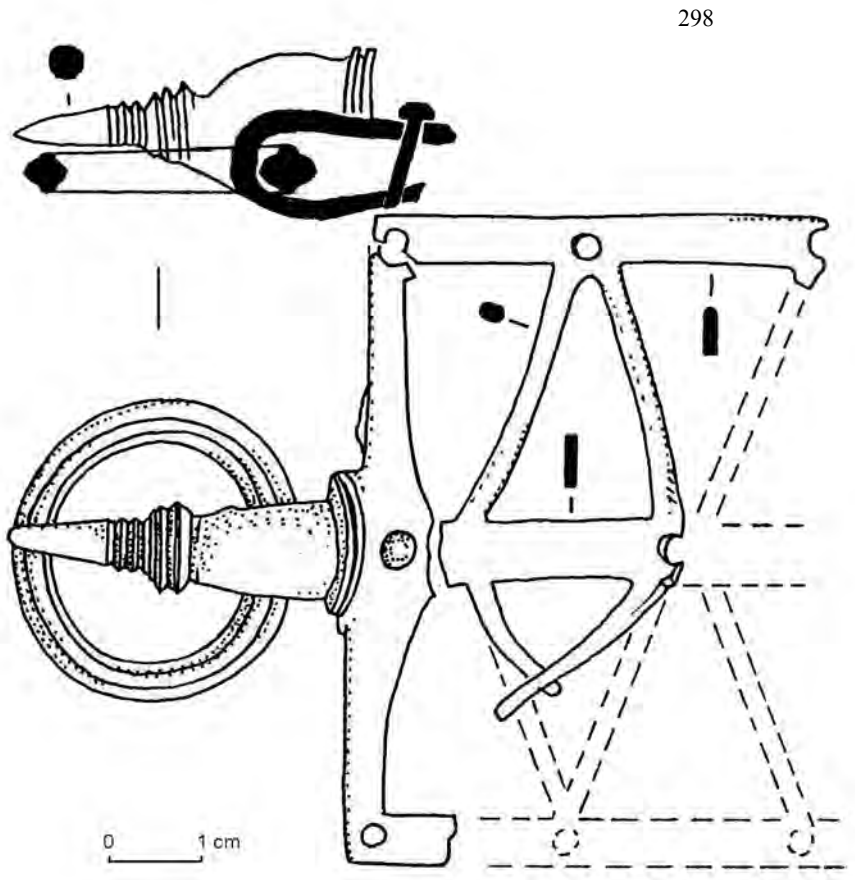


Рис. 12. Фрагмент пряжки из погр. o/Nr Keimkallen/Краснодонское.

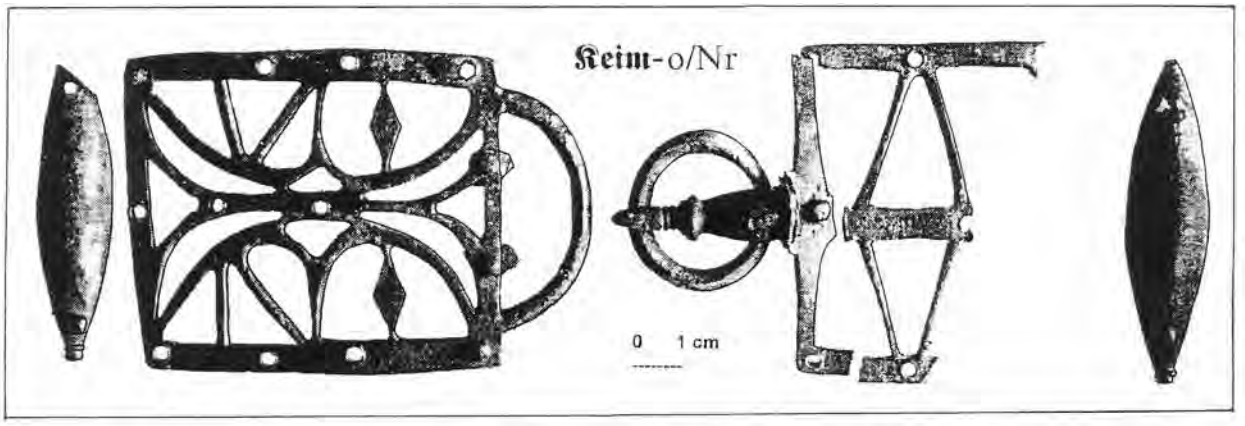


Рис. 13. Поясной набор из погр. o/Nr Keimkallen/Краснодонское в экспозиции Музея «Пруссия».

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

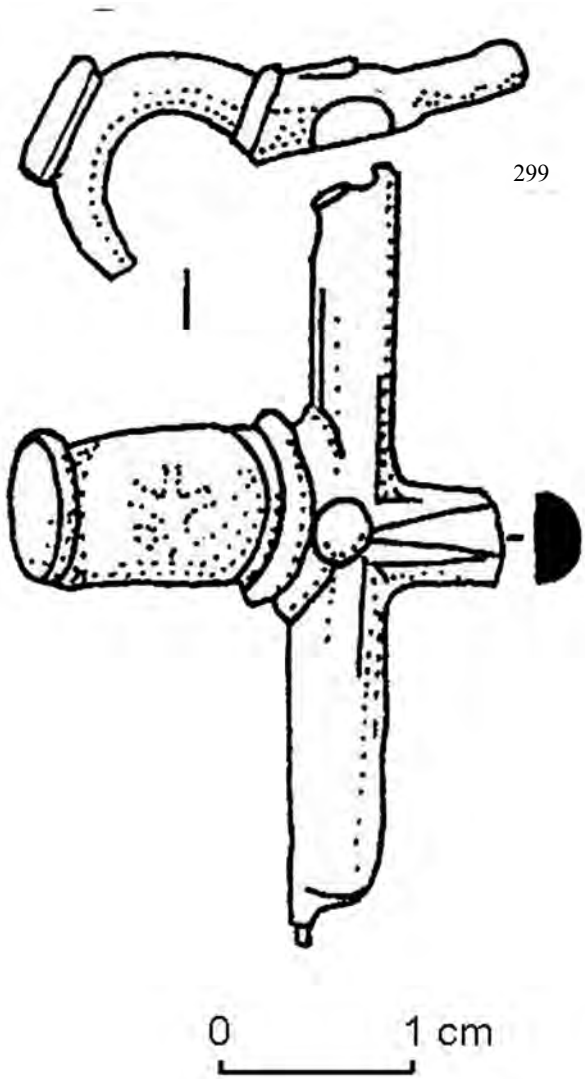


Рис. 14. Фрагмент поясного крючка из погр. 4 Dollkeim/Коврово.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

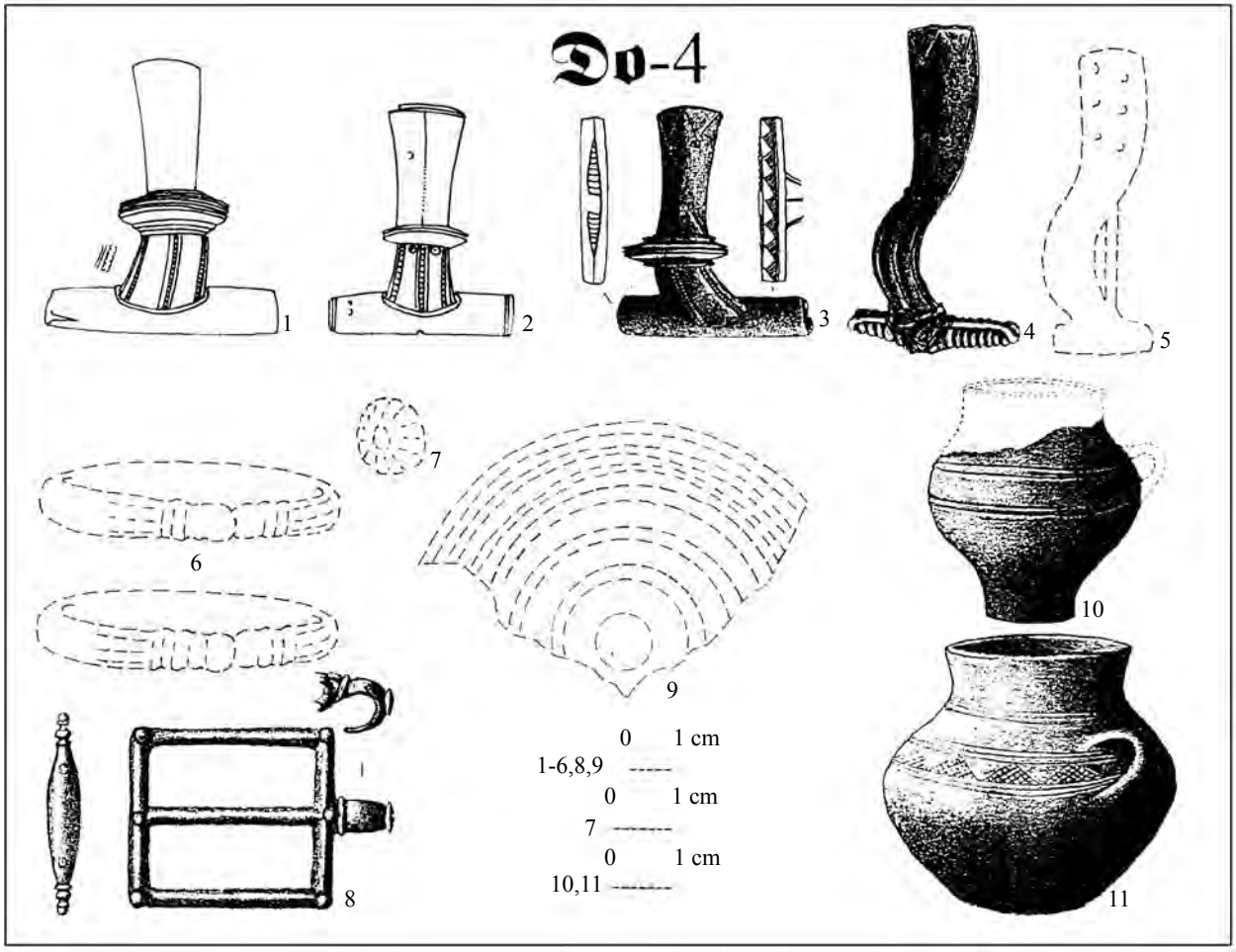


Рис. 15. Инвентарь погр. 4 Dollkeim/Коврово.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

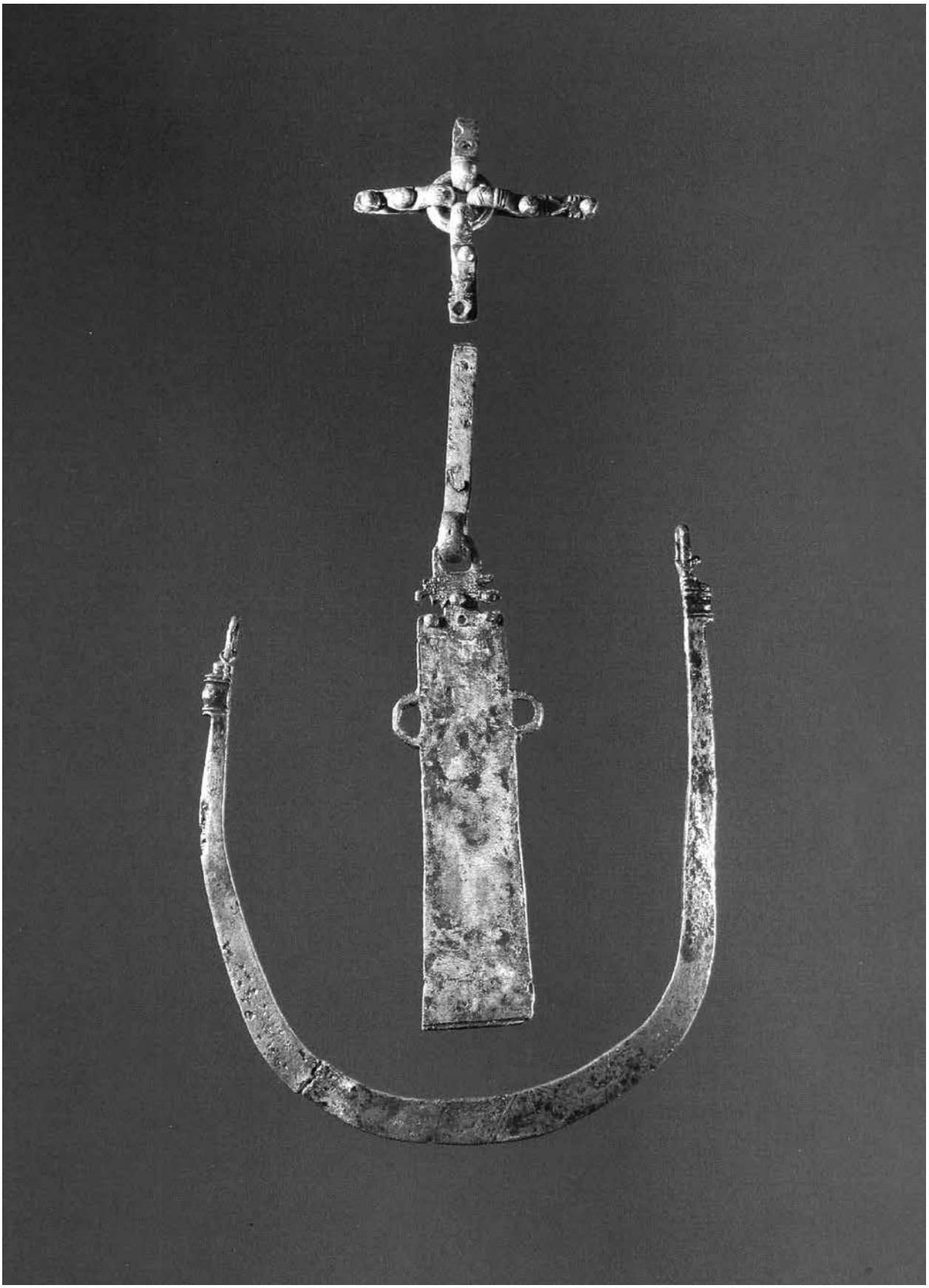


Рис. 16. Детали конского оголовья из погр. 24 Lobitten-2/Луговское (Адлунг и др., 2005, с. 17).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

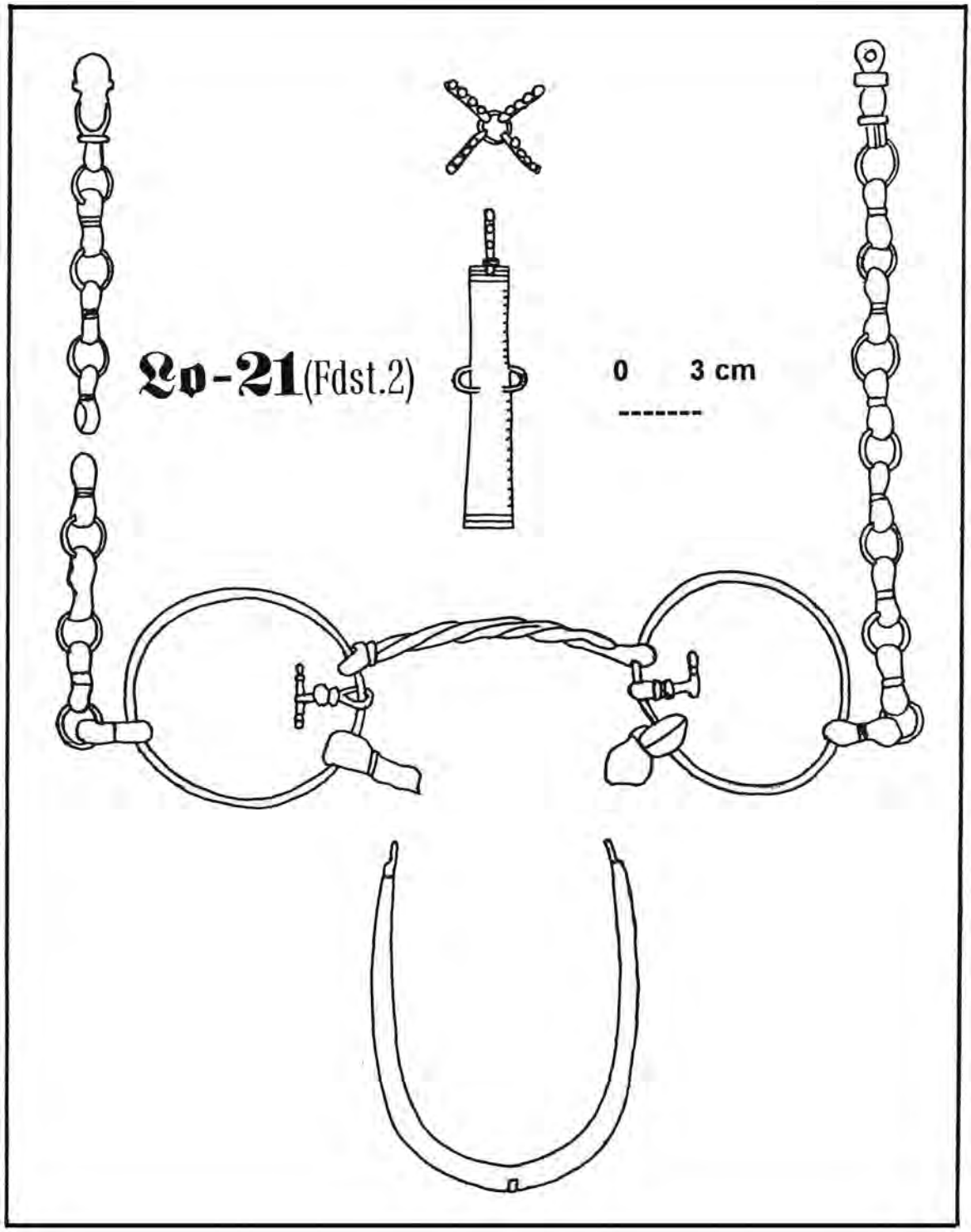


Рис. 17. Оголовье из погр. 24 Lobitten-2/Луговское.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

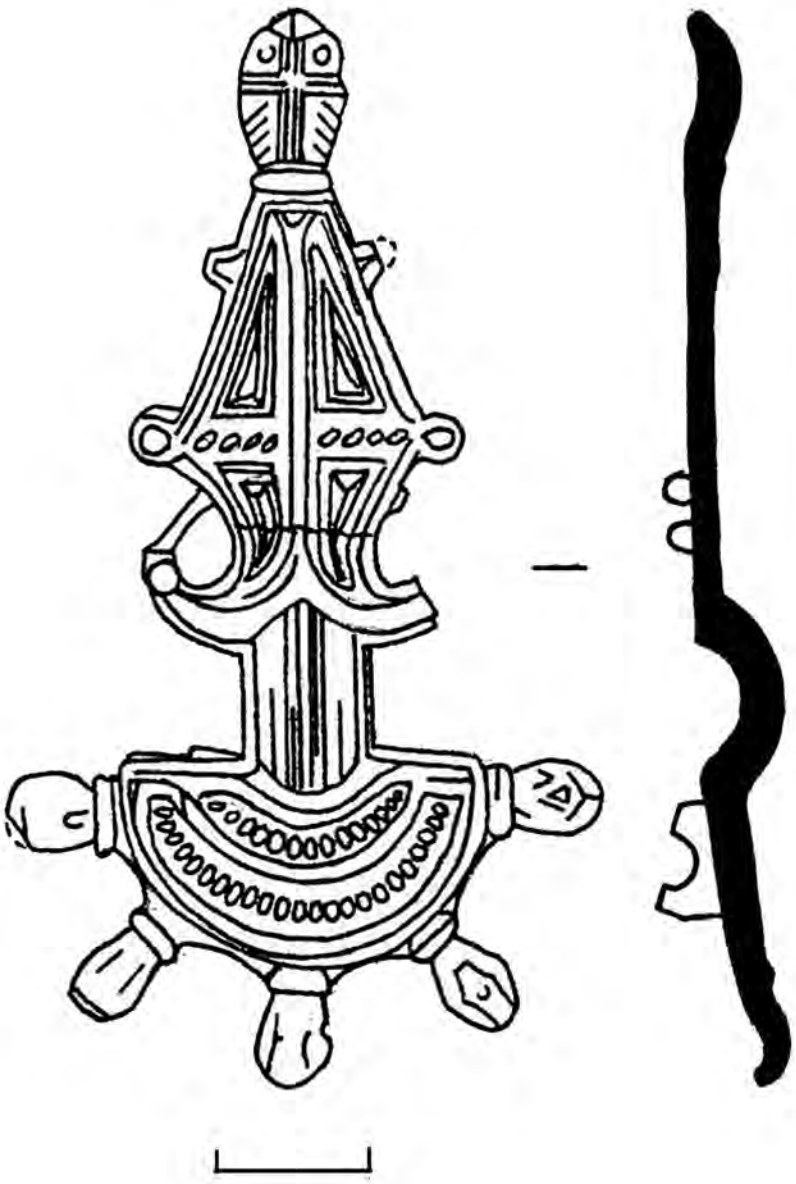


Рис. 18. Фибула из погр. 30 Daumen/Tumiany после реставрации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

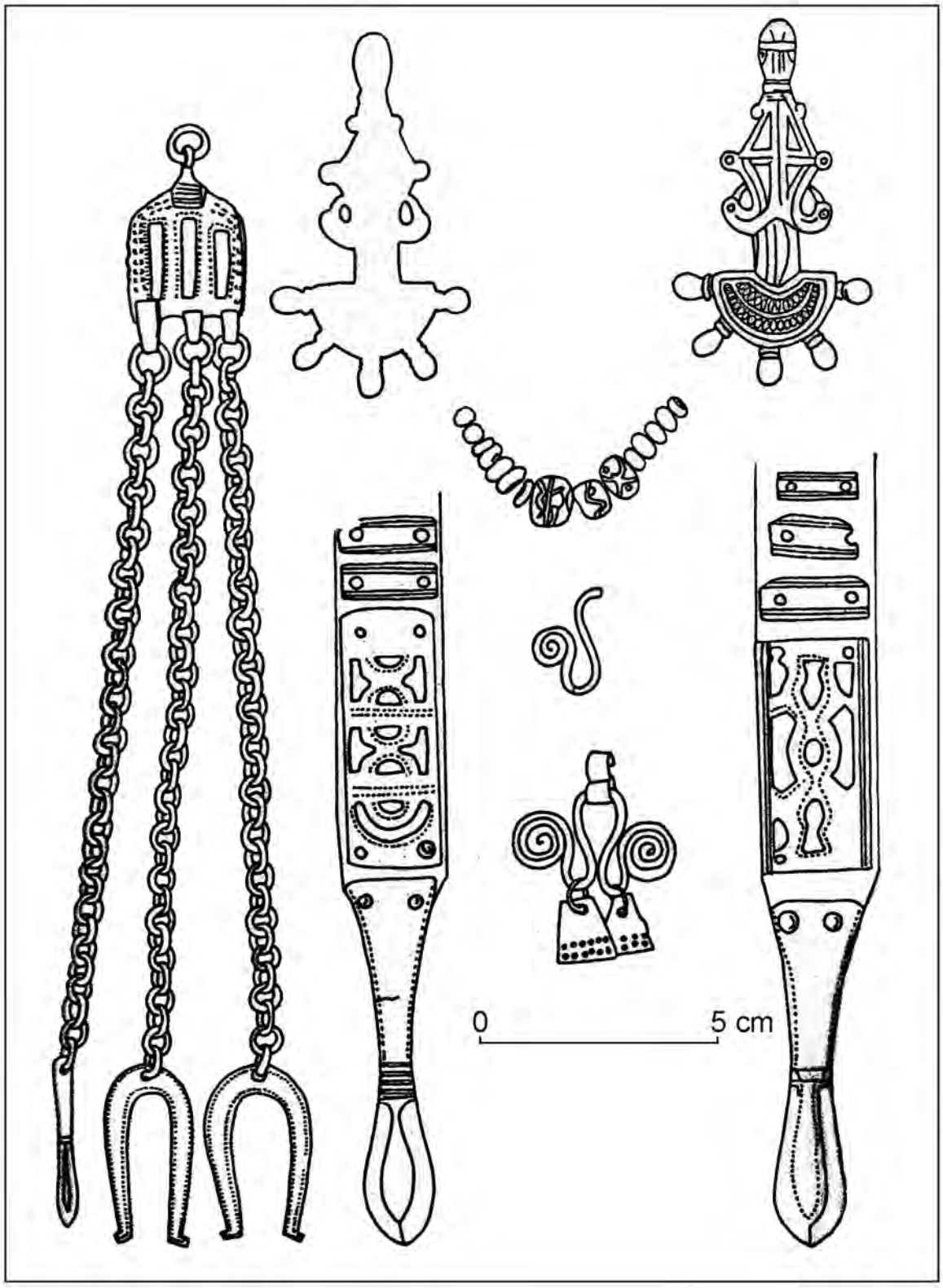


Рис. 19. Инвентарь погр. 30 Daumen/Tumiany в описи Музея «Пруссия» (Кулаков, 1990в, рис. 28).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

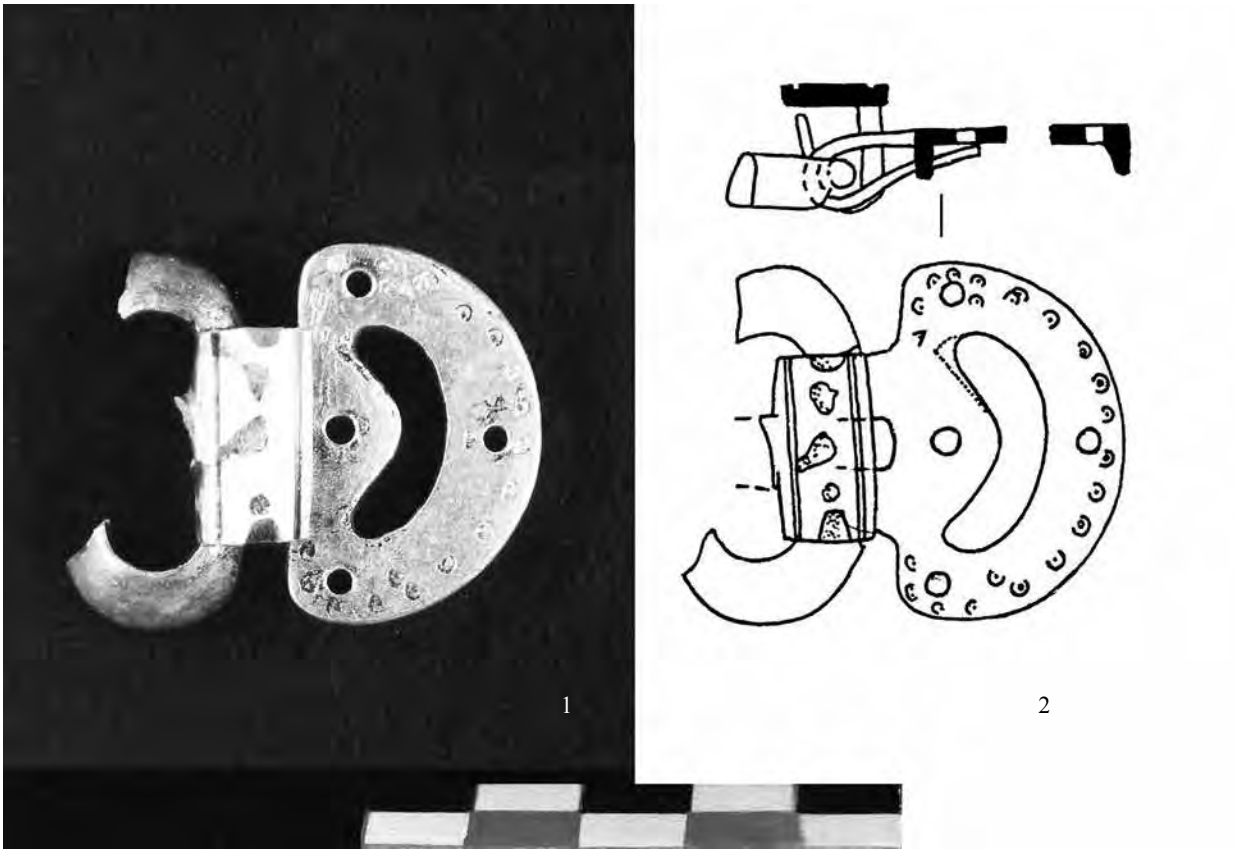


Рис. 20. Фрагмент пряжки из погр. 150 Daumen/Tumiany:
1 – фото после реставрации; 2 – рисунок после реставрации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

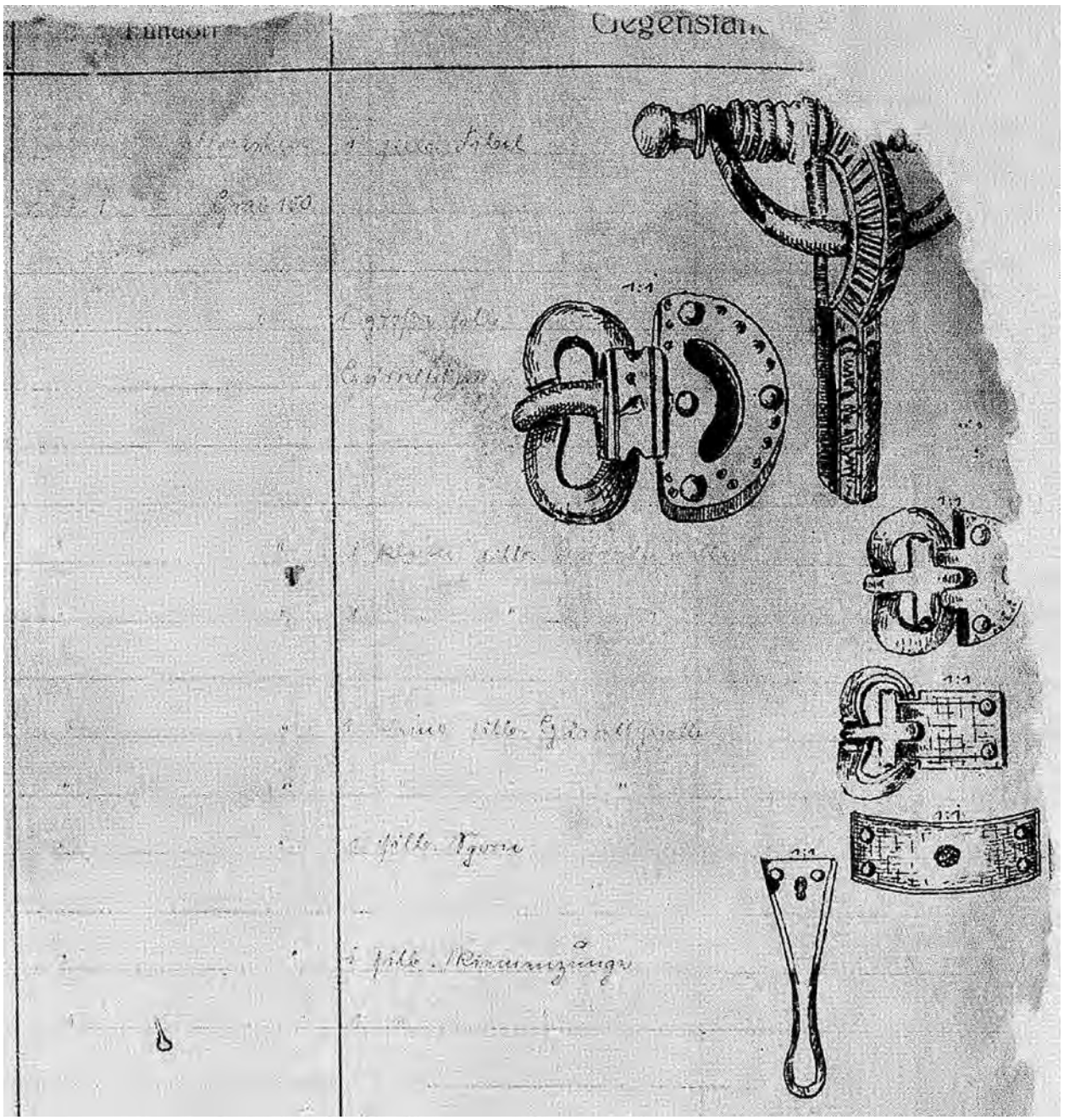


Рис. 21. Инвентарь погр. 150 Daumen/Tumiany (Битнер-Врублевска и др., 2008, табл. XXVII).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

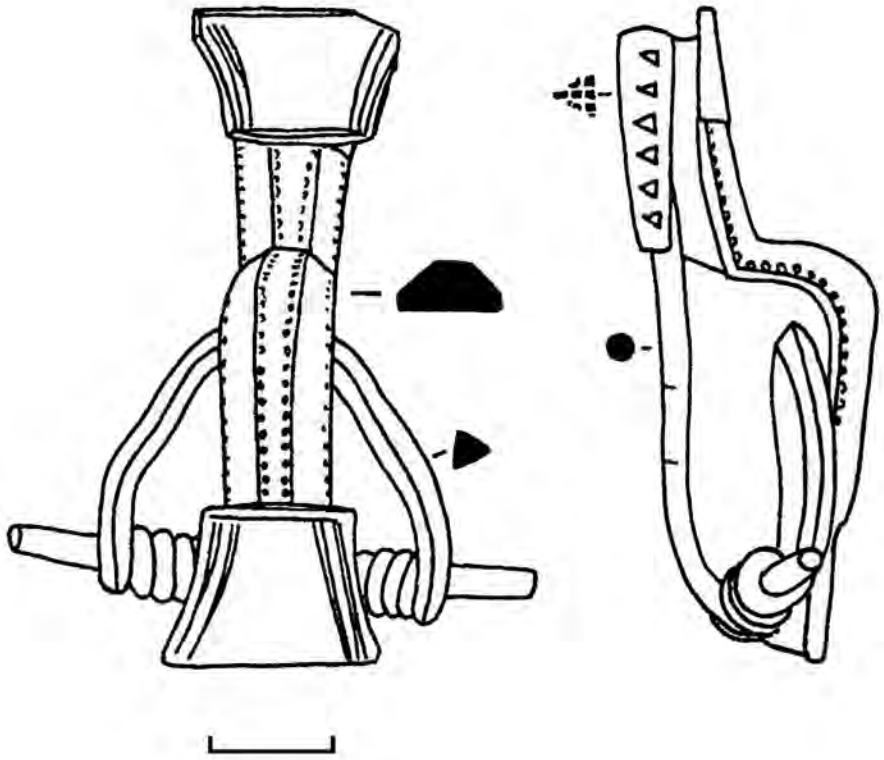


Рис. 22. Фибула из погр. 38 Mingfen/Miętkie после реставрации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

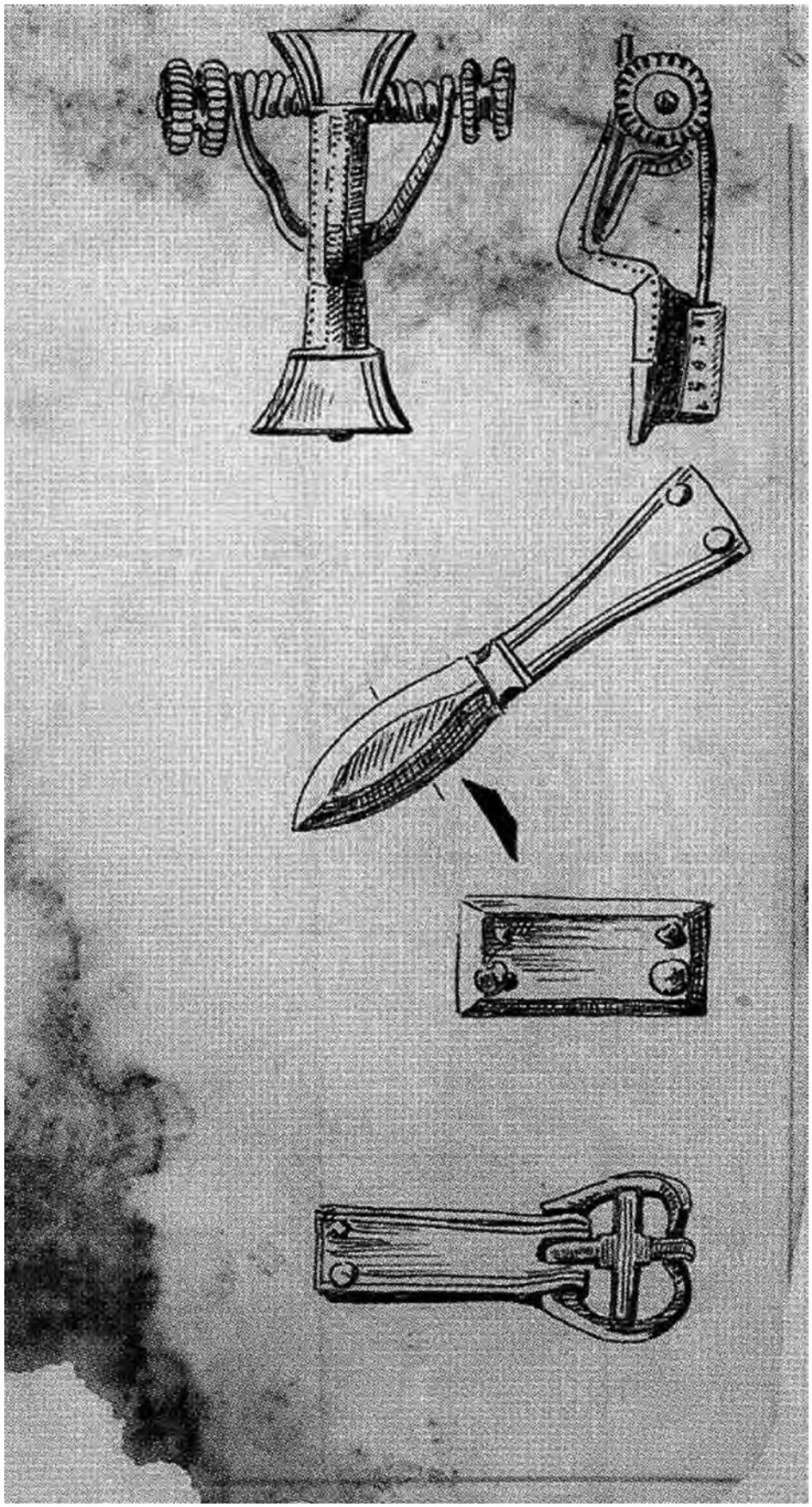


Рис. 23. Инвентарь погр. 38 Mingfen/Miętkie в описи Музея «Пруссия» (Битнер-Врублевска и др., 2008, табл. CLIV).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

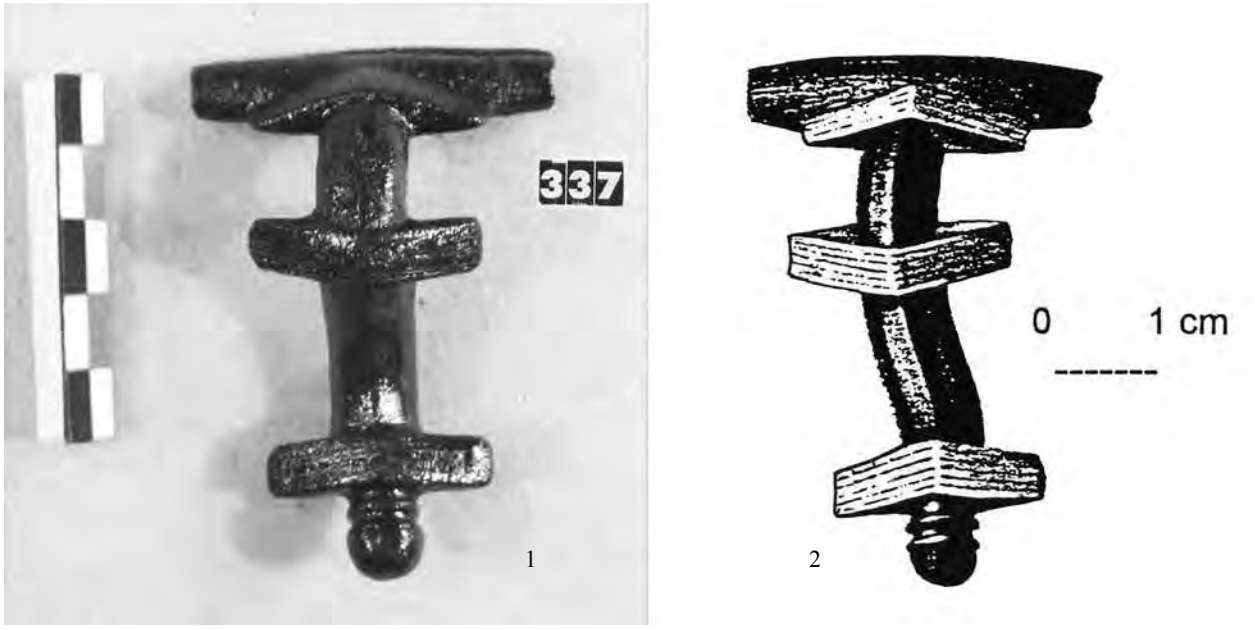


Рис. 24. Фибула из Gruneiken/Gruneiki: 1 – вид после реставрации; 2 – рисунок фибулы (Tischler, 1879, Taf. V:4).

Рис. 25. Пряжка из погр. o/Nr Lehlesken/Leleszki после реставрации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

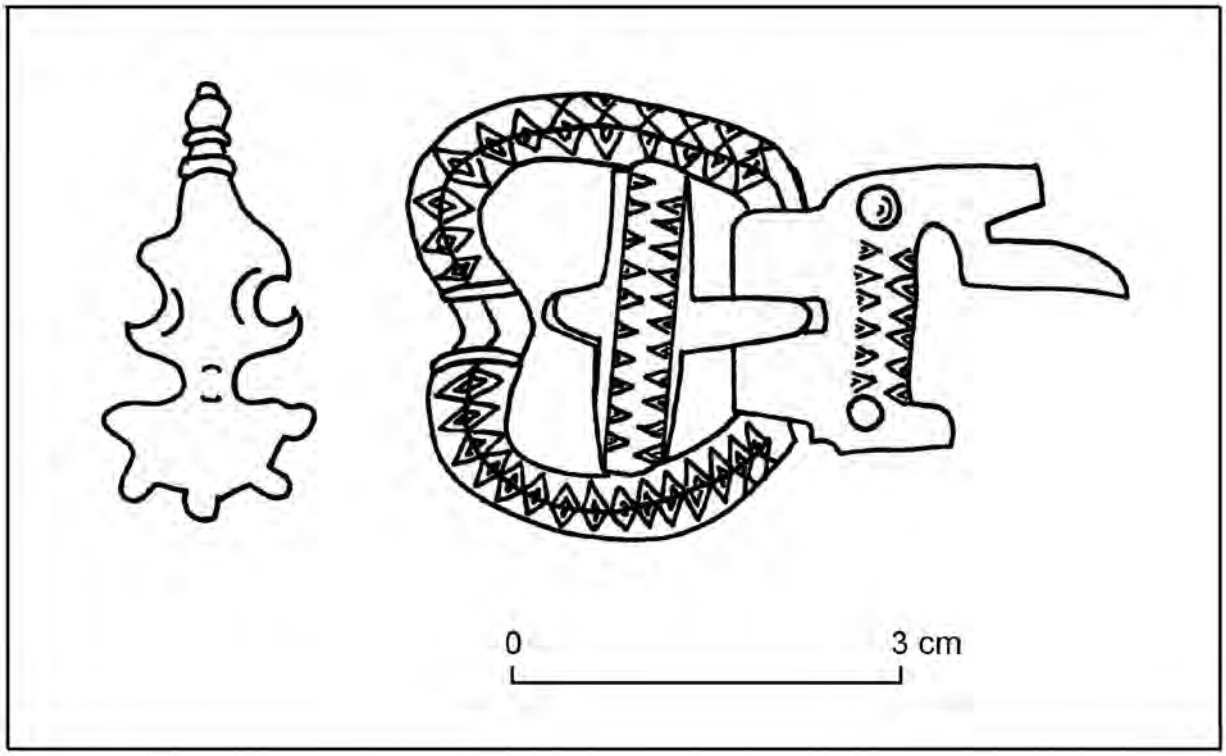


Рис. 26. Инвентарь погр. o/Nr Lehlesken/Leleszki по описи ПМ (Кулаков, 1990в, рис. 24: 7).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 27. Фибула из Ostpreußen после реставрации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

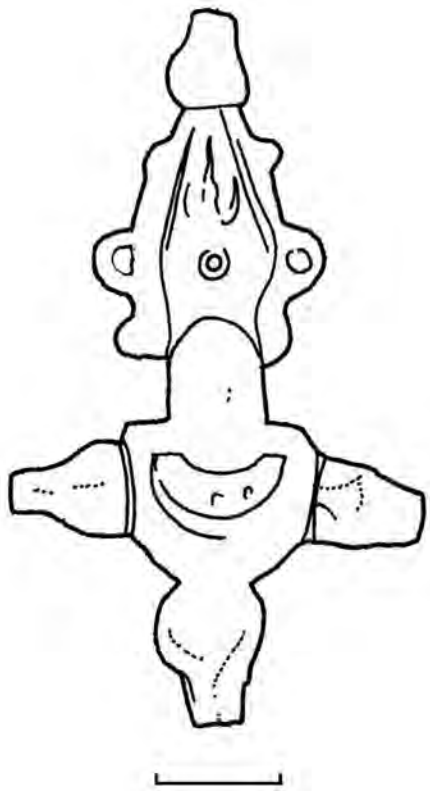


Рис. 28. Фибула из погр. 108 Mingfen/Miętkie после реставрации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

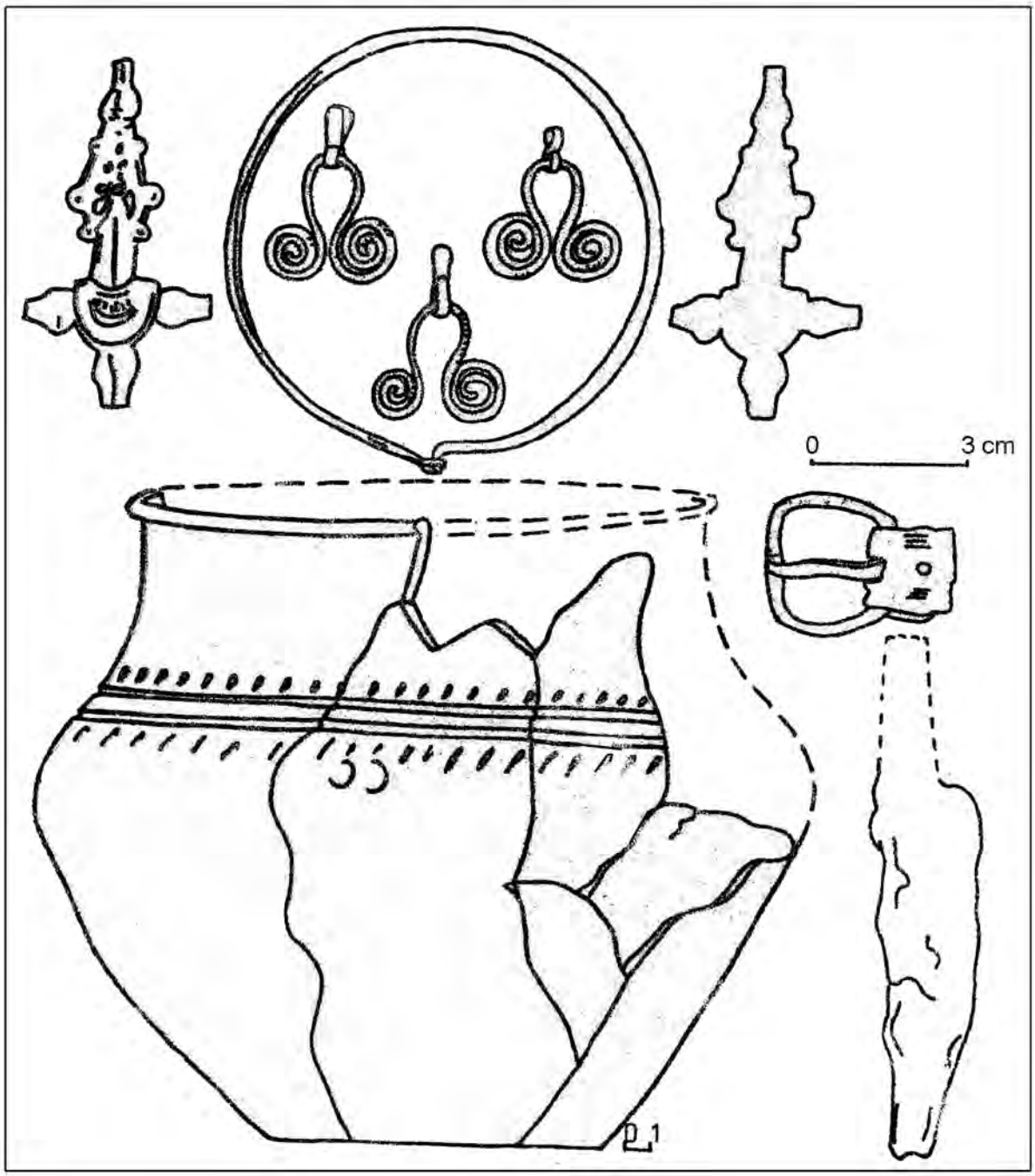


Рис. 29. Инвентарь погр. 108 Mingfen/Miętkie
в описи Музея «Пруссия» (Кулаков, 1990в, рис. 10: 2).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

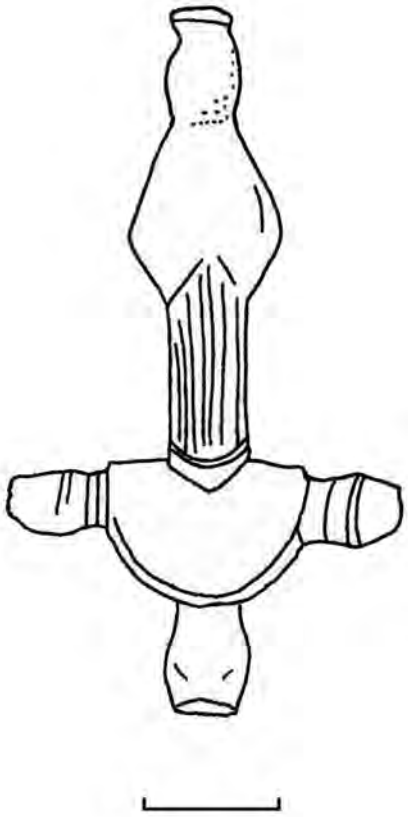


Рис. 30. Фибула из погр. 114 Dollkeim/Коврово после реставрации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

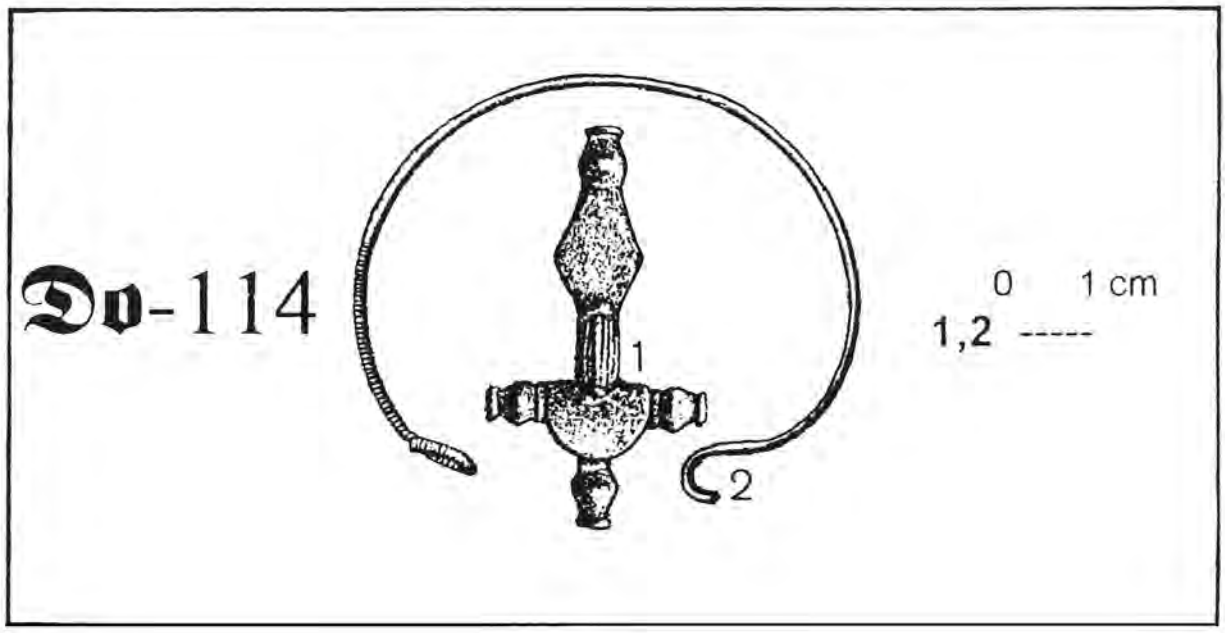


Рис. 31. Инвентарь погр. 114 Dollkeim/Коврово (Кулаков, 2004а, рис. 48).

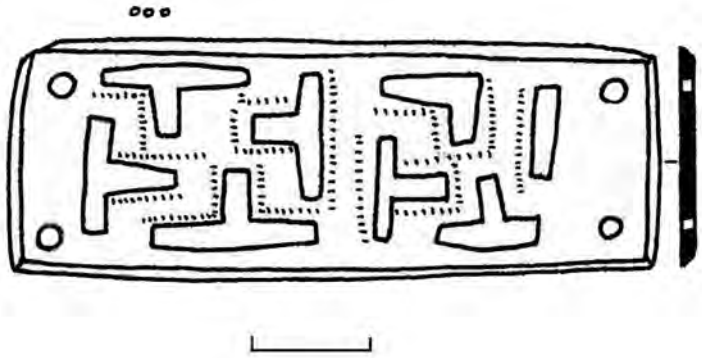


Рис. 32. Накладка из погр. 80 Daumen/Tumiany после реставрации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

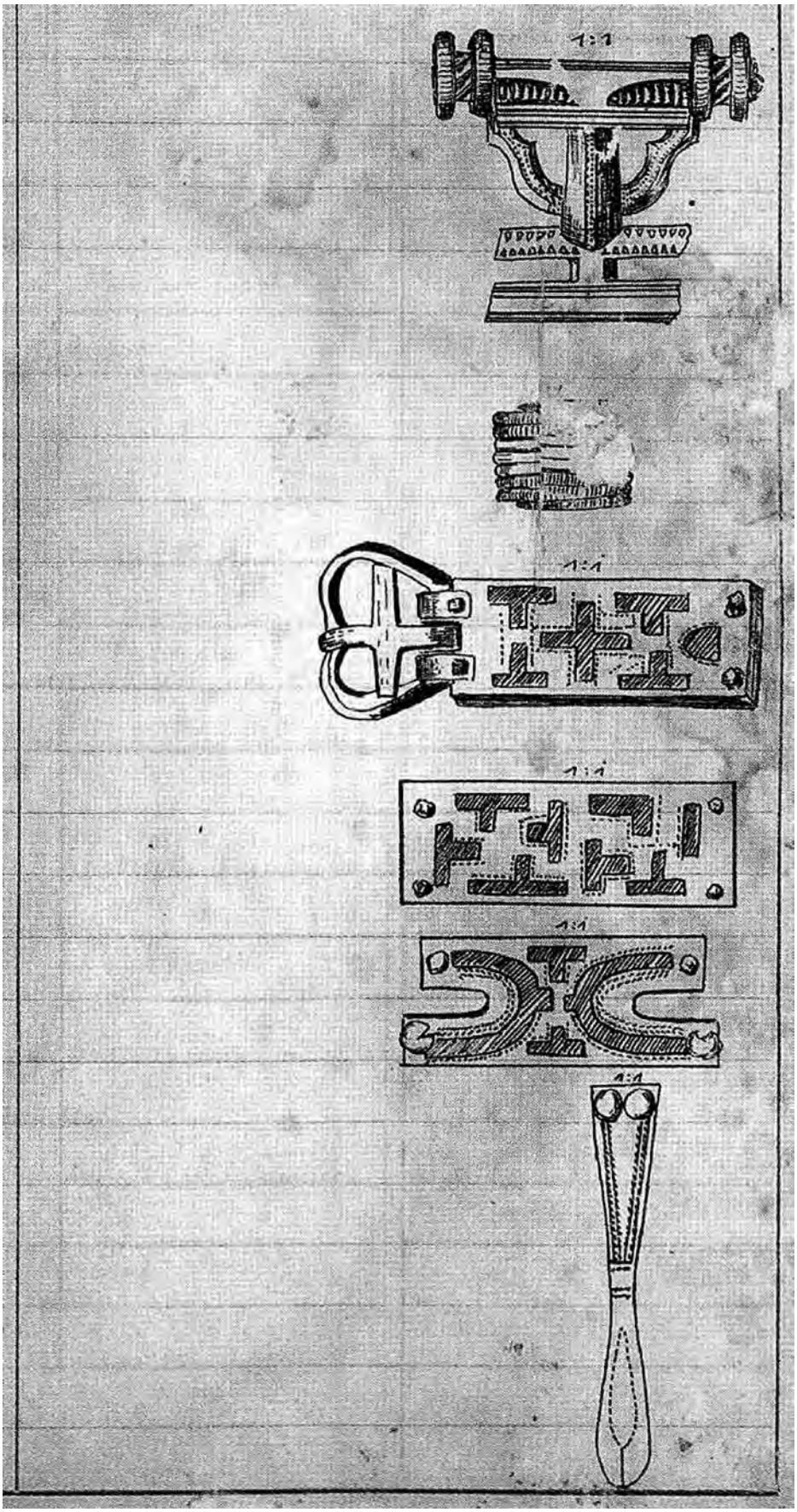


Рис. 33. Инвентарь погр. 80 Daumen/Tumiany в описи Музея «Пруссия» (Битнер-Врублевска и др., 2008, табл. XIV).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

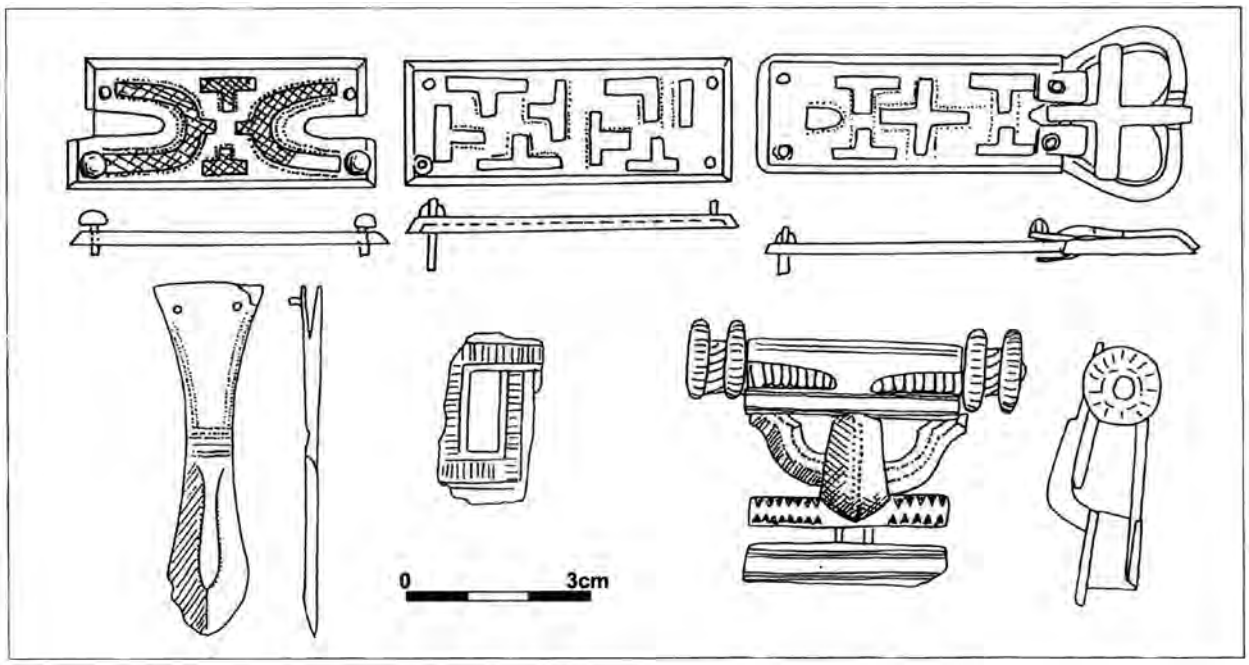


Рис. 34. Инвентарь погр. 80 Daumen/Tumiany в архиве Ф. Якобсонса (Rudnicki, 2008, Abb. 7).

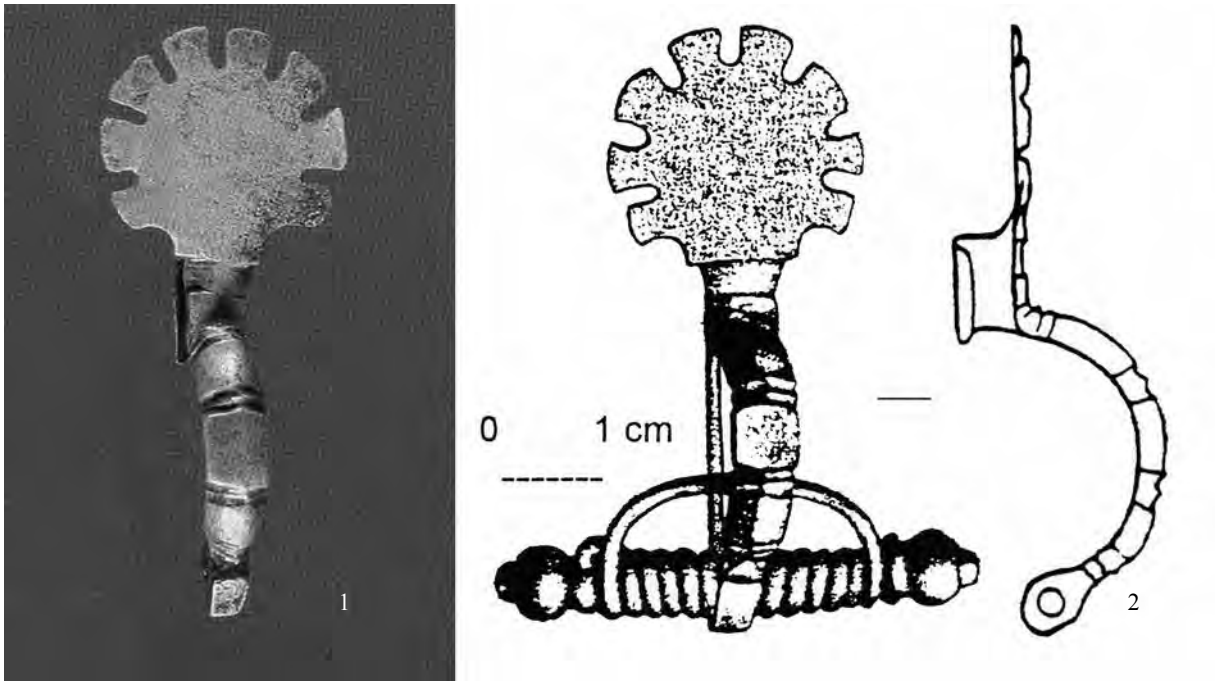


Рис. 35. Фибула, случайно найденная на могильнике Grunaiken/Grunajki: 1 – состояние после реставрации (Адлунг, 2005, с. 90; 2 – рисунок фибулы (Tischler, 1879, Taf. III: 12).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

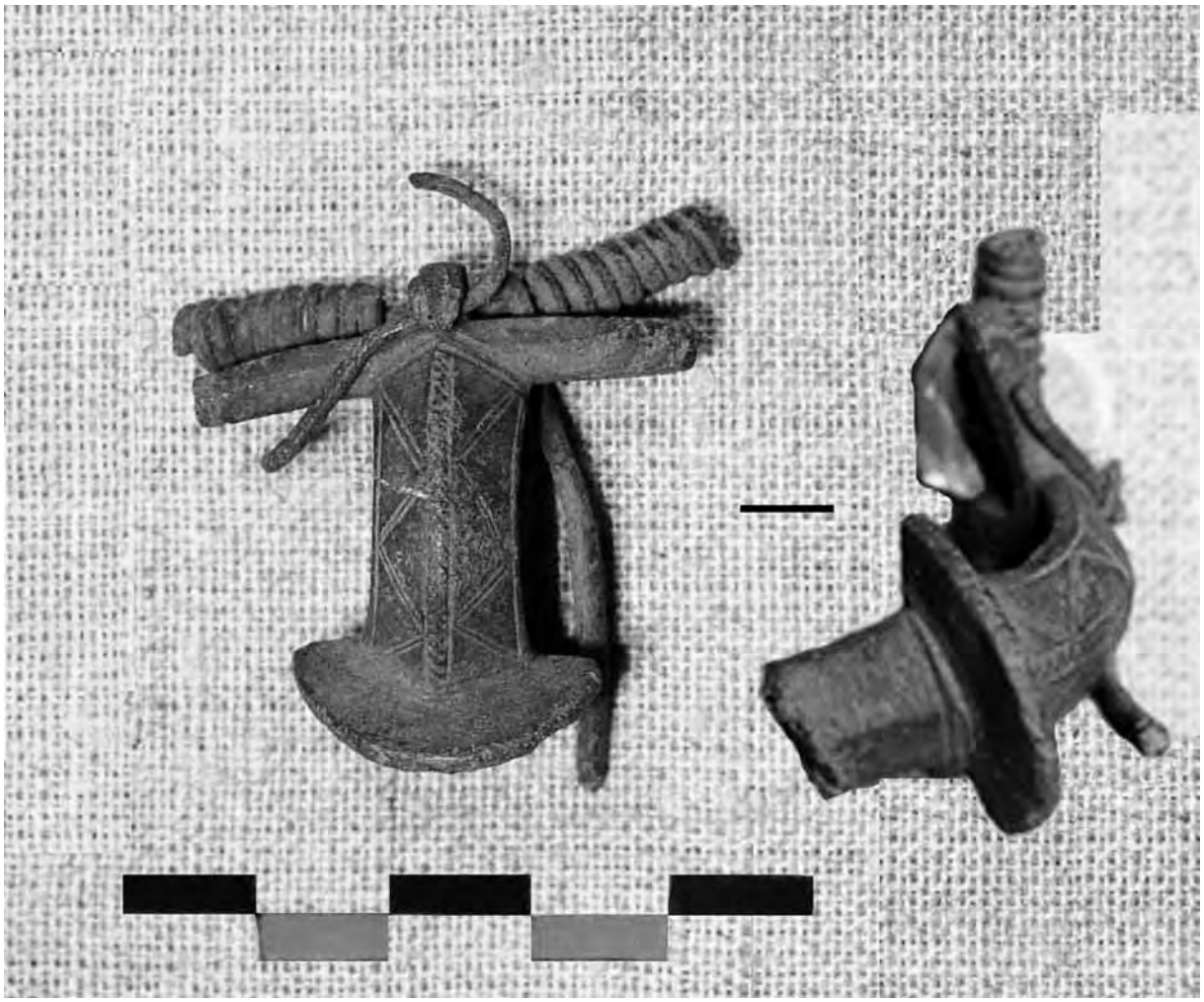


Рис. 36. Фрагмент фибулы из Grunaiken/Grunajki после обнаружения в форте № 3.

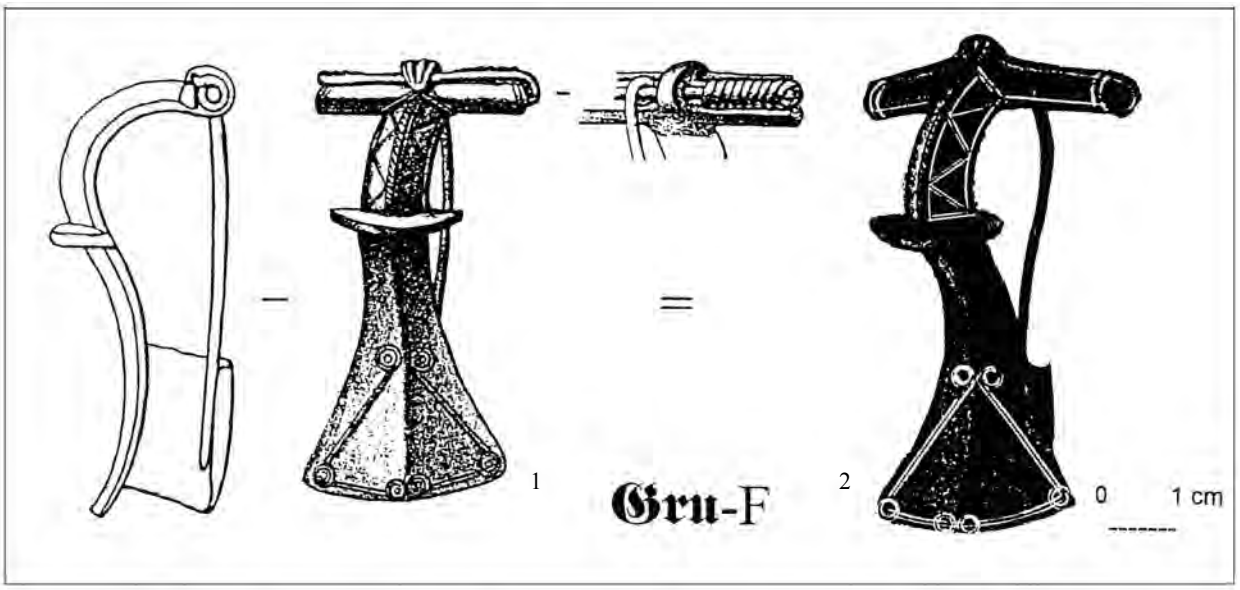


Рис. 37. Рисунки фибулы из Grunaiken/Grunajki по:
1 – по: (Tischler, 1879, Taf. III: 17a, b); 2 – по: (Кулаков, 1998, рис. 8).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 38. Компьютерная реконструкция фибулы из Grunaiken/Grunajki (Кулаков, Кулаков, 1996, с. 37).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

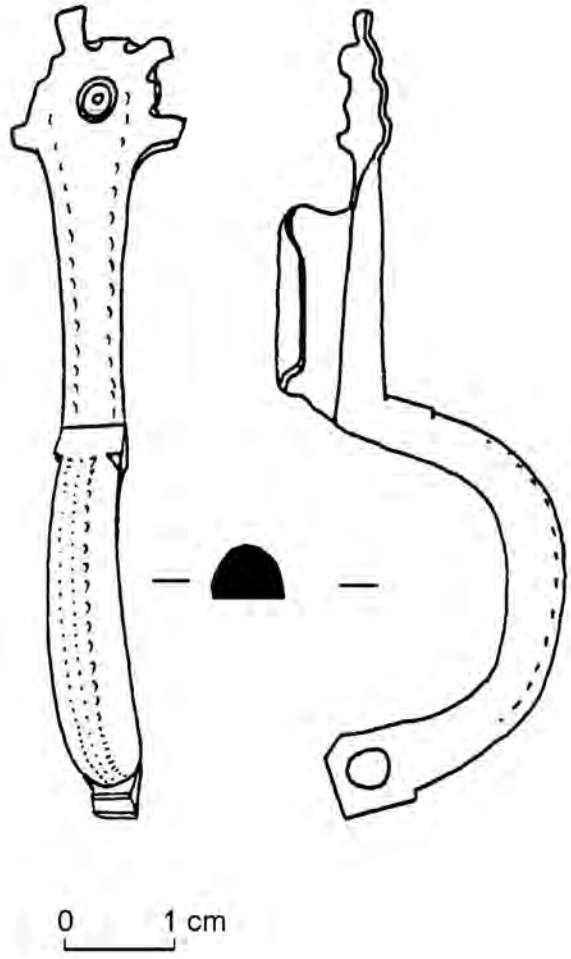


Рис. 39. Ножка фибулы из погр. 161 Dollkeim/Коврово после реставрации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

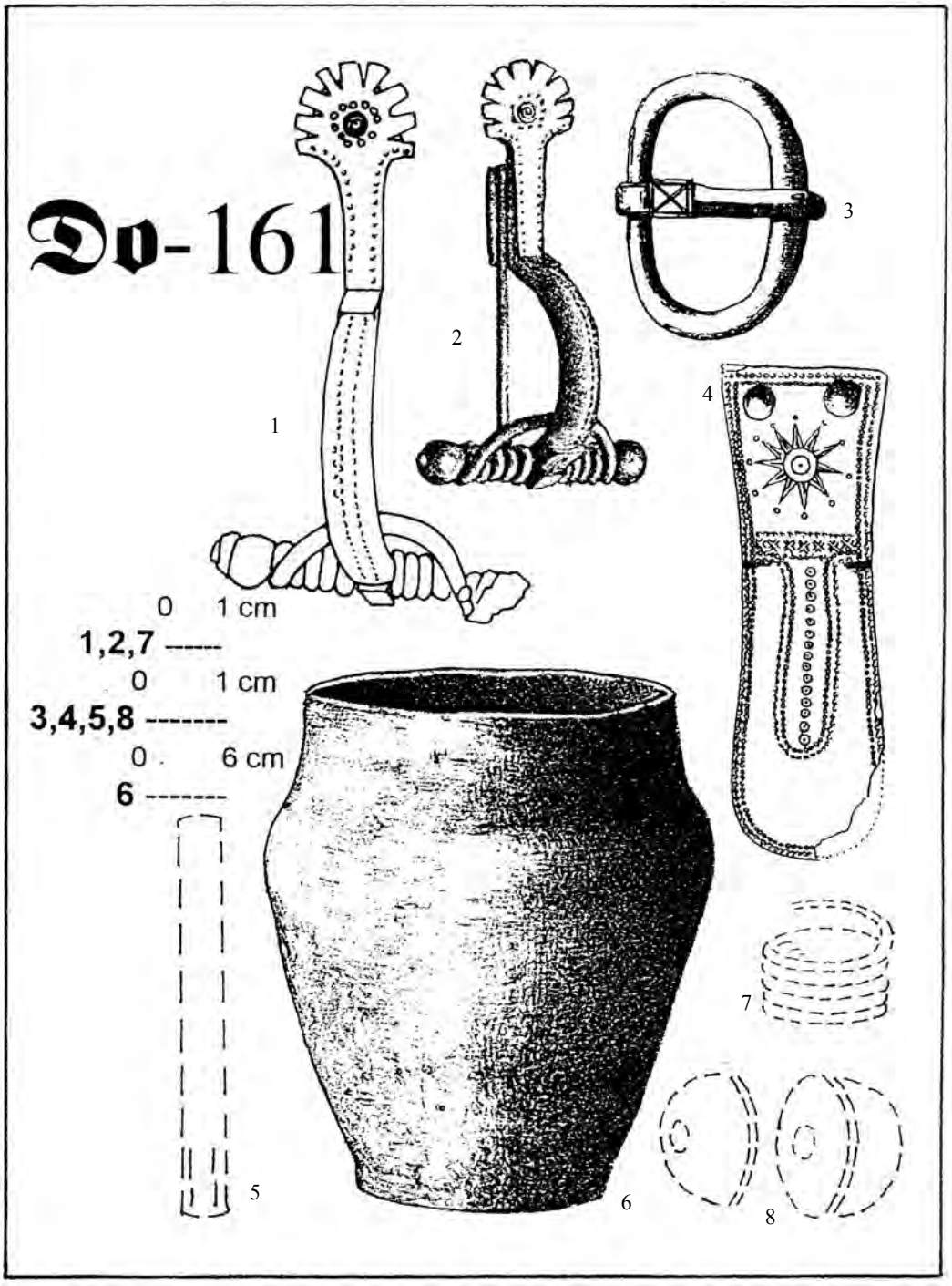


Рис. 40. Инвентарь погр. 161 Dollkeim/Коврово (Кулаков, 2004б, рис. 60).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

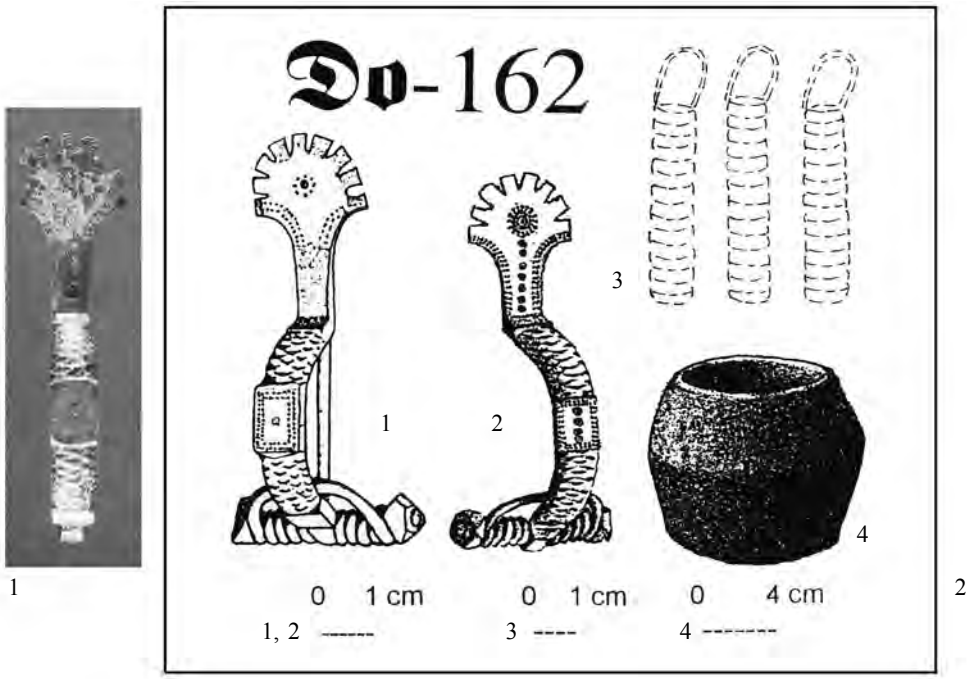


Рис. 41. Ножка фибулы из погр. 162 Dollkeim/Коврово (1) и инвентарь погр. 162 Dollkeim/Коврово (2). 1 – по: (Фон Карнап-Борнгейм и др., 2005, с. 90); 2 – по: (Кулаков, 2004б, рис. 61).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Новое поселение типа Сиделькино-Тимяшево в Татарстане

К.А. Руденко (Казань)

Русскочебоксарское поселение находится в Новошешминском районе Республики Татарстан в левобережье реки Чебоксарки (рис.1). Открыто оно было в 2008 г., при обследовании трассы новой дороги Алексеевское – Альметьевск разведочным отрядом НЦАИ ИИ АН РТ. Охранно-спасательные работы начались осенью 2009 г. под руководством К.А. Руденко. Раскопы были разбиты там, где должна была проходить насыпь дорожного полотна.

Это была небольшая возвышенность площадью 80×120 м, вытянутая в направлении север-юг по правому берегу овражка Абыска, впадающего в речку Чебоксарку (рис.1). Она ограничивалась с запада небольшим пересохшим ручейком, а с востока ложбинкой глубиной до 30-40 см. Поверхность имеет небольшой наклон к северу и югу. Северная часть возвышения к моменту начала работ уже была срыта при прокладке дороги. Территория долго время распахивалась, здесь же, вероятно, в недавнем прошлом стояли емкости с удобрениями для полей (рис. 2).

На пашне при предварительном осмотре на площади 20×70 м в направлении запад-восток были собраны несколько мелких фрагментов лепной шамотной керамики, что дало основание сначала считать данный объект местонахождением без культурного слоя. Это, казалось бы, подтверждалось данными по раскопу I, разбитому в том месте, где были найдены первые артефакты. При вскрытии первого и большей части второго пласта здесь находок практически не было, за исключением нескольких фрагментов от стенок лепных керамических сосудов. Поэтому через 6 м к югу от раскопа I был заложен раскоп II, которым планировалось выявить границы распространения находок, наличие культурного слоя и, тем самым, определить возможные пределы памятника (рис. 3).

Таким образом, всего на памятнике было заложено два раскопа общей площадью 600 м^2 (раскоп I – 70 участков, 280 м2; раскоп II – 80 участков, 320 м^2), располагавшихся параллельно друг другу с запада на восток. Раскопы были разбиты на участки 2×2 м, пронумерованные арабскими цифрами с востока на запад, а затем – с запада на восток (вторая линия).

Как показали результаты раскопок, почва практически везде распахана на глубину до 45-50 см, т.е. до материка. Памятник однослойный. Стратиграфия проста: серая комковатая супесь – пашня, ниже – материк (красно-коричневый суглинок). Незначительные линзы в материковых западинах свидетельствуют о том, что изначально культурный слой представлял собой серую, белесоватую, однородную по составу и цветности супесь. Материк на большей части раскопов затронут распашкой[1]. На некоторых участках

[1] Кроме того, он имеет следы многочисленных нор животных.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

имеется незначительный (8-10 см) слой суглинистого пестроцвета коричневатого цвета с пятнами чистого суглинка – следы переработки материка в процессе функционирования древнего поселения.

Распашкой перемещены практически все материалы, за исключением тех, которые находились на уровне предматерика. Отметим, что в культурном слое не обнаружены кости животных и изделия из металлов. Керамика, чаще всего стенки лепных шамотных сосудов (рис. 9), концентрируется у объектов. Единственной категорией находок являются фрагменты лепной шамотной керамики.

На уровне материка[2] были выявлены остатки хозяйственных ям (рис. 3). Всего в раскопах I и II на Русскочебоксарском поселении было выявлено 12 объектов: два исследованы на раскопе I, остальные десять – на раскопе II (одна яма не вскрывалась) (таблица 1). На раскопе II они концентрируются в двух местах, образуя компактные группы по несколько объектов в каждой. Причем на раскопе II в одном случае ямы распложены в шахматном порядке в направлении юго-запад – северо-восток, а в остальных случаях – вытянуты, как бы, в цепочку в этом же направлении (рис. 3). Расстояние между ямами составляет от 1,2 до 2 м.

Выявленные ям просты по конструкции: в большинстве они круглой формы диаметром от 110 до 160 см. Глубина ям от материка в среднем составляет 40-70 см (таблица 1; рис. 4: 1,2; 5; 6). Одна яма имела сложную конструкцию. В центре цилиндрического котлована вырыта еще одна яма прямоугольной формы глубиной 50 см (рис. 6: 2). Самая маленькая яма имеет диаметр 70 см (раскоп II, яма 4) (таблица 1: 16).

Ямы вскрывались пластами по 20-25 см, что позволяло фиксировать изменение цветности заполнения и наличие находок. Заполнение всех ям – однородная тёмно-серая супесь с небольшими вариациями цвета, зависящими от количества осевших в них химикатов удобрений.

Параметры объектов приведены в таблице 1.

[2] Дневной уровень выявленных объектов из-за распашки не фиксируется, но учитывая незначительность культурных отложений можно предполагать, что разница в дневных уровнях объектов была невелика. Судя по небольшим изменениям цветности почвы над ямами можно предполагать, что их дневной уровень был на 20-25 см выше материка, то есть на уровне поверхности древней почвы.

Раскоп I. Описание сооружений

Яма № 1 (участки 4, 67) (рис.4: 2) глубина 67 см, круглая, диаметром 130 см, стенки вертикальные, дно плоское. Выявлена в материке на глубине –16-19 см. Заполнение при зачистке – темно-серое, гумированое; при выборке котлована – темный гумированый пестроцвет. В верхней части заполнения найдены крупные фрагменты лепного горшка (рис. 7: 2), а на дне сооружения – днище (рис. 10) и фрагменты стенок (рис. 12; 13) от таких изделий.

Яма № 2 (участки 61, 62) (рис.4: 1) глубина 33 см, круглая, диаметром 110 см. Стенки суживаются к донной части, дно плоское. Выявлена в материке (желто-оранжевом суглинке) на глубине –9 см; заполнение при зачистке – темно-серое, гумированое. Над ямой было найдено несколько фрагментов стенок шамотной керамики. Котлован ямы заполнен темной гумированой комковатой супесью с угольками и золистыми (?) включениями. На первой выборке в северной части объекта найдены фрагменты плоскодонных керамических сосудов (рис.7: 3–7), в их числе – и донце с просверленным сквозным отверстием (рис. 7: 4; 14; 15: 1). Отдельные фрагменты керамики встречены и на второй (рис. 7: 8, 9; 16: 1, 2) и третьей (рис. 16: 3; 17) выборках.

На раскопе I в 130 см севернее ямы 1, в стенке раскопа выявлен край еще одной ямы (в раскоп она зашла на 10-15 см) близкого диаметра. Эта яма не вскрывалась. На участке 8 также в материке выявлена нора животного.

Раскоп II. Описание сооружений

На раскопе II первый пласт пришелся на слой пашни, на втором пласте (слое серой супеси с редкими включениями линз светло-серой супеси) было зафиксировано следующее. На участках 1–7 и 80–75 имеются отложения гумированой серой супеси; на участках 3 и 4 – серой супеси с белесоватым оттенком. На участках 8, 73, 74, расположенных на более высоком месте, прослежены выходы предматериковых отложений – суглинистого пестроцвета с включениями линз серого пестроцвета. На участках 9–11 и 71–73 отмечен выход материкового суглинка. Он на участках 70 и, частично, 12 сменяется серой супесью с коричневатым оттенком, занимающей участки 19–12 и 63–69. На участках 24–20 и 57–62, где культурный слой исчерпался и выявлен материк, и зафиксированы контуры хозяйственных ям.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Яма № 1 (участок 48) (рис. 5: 1) глубина – 64 см, круглая диаметром 150 см, стенки вертикальные, дно плоское. Выявлена в материке на глубине –19 см, заполнение – темно-серая гумированная супесь. Находок практически нет, за исключением одного фрагмента лепной шамотной керамики на первой выборке.

Яма № 2 (участок 49, 32) (рис. 5: 2) глубина 63 см, округлая, диаметром 160 см. стенки вертикальные, дно плоское. Выявлена в материке на глубине –19 см, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированное; заполнение котлована – плотная темная гумированая супесь и суглинистый комковатый пестроцвет. Находки – фрагменты стенок шамотной керамики (рис. 18; 19) и мелкие куски ракушечника (?) на второй выборке.

Яма № 3 (участок 23, 24) (рис. 5: 3) глубина 22 см, округлая диаметром 120 см, стенки – вертикальные, дно – плоское. Вскрыта на 2/3: часть объекта уходит в стенку раскопа. Выявлена в материке на глубине –10 см, заполнение при зачистке серое, гумированое; заполнение котлована – плотное серое супесчаное с пестроцветными включениями. На первой выборке найдены фрагменты лепной шамотной керамики (рис. 7: 10, 11; 20). В их числе части венчиков и обломки донцев от разных сосудов (рис. 20: 1, 2, 3).

Яма № 4 (участок 22) (рис. 5: 4) глубина 10 см, округлая диаметром 70 см. стенки вертикальные, дно плоское. Выявлена в материке на глубине +25 см, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированое; заполнение котлована – плотная темная гумированая супесь. Из заполнения происходят 4 фрагмента шамотной лепной керамики (рис. 21).

Яма № 5 (участок 27, 28, 53, 54) (рис. 6: 1) глубина 61 см, круглая диаметром 150 см. стенки вертикальные, дно плоское. Выявлена в материке. Заполнение при зачистке – темно-серое, гумированое; заполнение котлована – плотный суглинистый пестроцвет. У самого дна найдено несколько фрагментов керамики, в том числе часть днища (рис. 7: 12; 22: 1), а также фрагменты стенок (рис. 22: 2,3).

Яма № 6 (участок 54, 55) (рис. 6: 2) глубина 108 см, круглая диаметром 150 см. стенки вертикальные, дно плоское. В центре ямы – прямоугольный вкоп 100 х 60 см, вытянутый в направлении северо-восток – юго-запад. Дно ее – плоское, стенки – вертикальные. Яма выявлена в материке, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированое. Заполнение котлована – плотная темная гумированая супесь с пестроцветными включениями (выборка 1); суглинистый пестроцвет (2 и 4 выборки) и темный гумированый пестроцвет (3 выборка). Находок нет.

Яма № 7 (участок 26, 27) (рис. 6: 3) глубина 75 см, круглая диаметром 150 см, стенки вертикальные, дно плоское. Яма выявлена в материке на глубине +18 см, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированое; заполнение котлована на первой выборке – плотная темная гумированая супесь с пестроцветными включениями; на второй выборке – темно-серая супесь без находок; на третьей выборке – темный гуммированный пестроцвет без находок; на четвертой выборке – суглинистый пестроцвет без находок.

Яма № 8 (участок 25, 26, 56, 55) (рис. 6: 4) глубина 75 см, круглая диаметром 150 см, стенки вертикальные, дно плоское. Яма выявлена в материке на глубине +16 см, заполнение при зачистке – темно-серое гумированое. Заполнение на первой выборке – плотный суглинистый пестроцвет; на второй – темно-серая супесь; на третьей – темный гумированый пестроцвет; на четвертой – суглинистый пестроцвет. Находок нет.

Яма № 9 (участок 12, 13) (рис.6: 5) глубина 8 см, круглая диаметром 70 см, стенки вертикальные, дно плоское. Яма выявлена в материке на глубине + 19 см. Заполнение – плотная темная гуммированная супесь с пестроцветными включениями без находок.

Яма № 10 (участок 53, 54) не вскрывалась.

Интересной особенностью этого поселения является обнаружение в материке небольших ямок (раскоп I, участок 9) (рис. 4: 3) в которые были поставлены глиняные сосуды. Фрагменты керамики обнаружены по большей части в заполнении объектов (3,3% из общего числа объектов). В раскопах вне объектов были найдены немногочисленные черепки, аналогичные тем, что обнаружены в ямах. Это позволяет говорить об одновременности накапливания культурного слоя и сооружения ям.

Основная масса находок состоит из фрагментов шамотной лепной неорнаментированной керамики горшковидной формы с плоским дном. Шамот в тесте средний и крупный (рис. 8: 2, 3; 15: 1), черепок рыхлый, поверхность рыжеватого цвета, сильно пачкающаяся. Обжиг сосудов неровный, костровой (рис.8: 1, 2). Некоторые сосуды имеют следы ремонта (рис. 15: 1).

К сожалению ни одного сосуда с полным профилем не сохранилось. Можно предполагать,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

что, в основном, на поселении бытовали сосуды горшковидных форм; также имелись плоские дисковидные крышки с округлым краем. Диаметр дна сосудов колеблется в пределах 8–9 и 14–15 см. Диаметр венчиков – 7–10 и 24–26 см. Горло сосудов закрытое, венчики – прямые, иногда чуть отогнутые.

Поблизости от Русскочебоксарского поселения другие селища такого типа не известны. Памятник с лепной шамотной керамикой именьковской культуры открыт в бассейне левого притока Камы реки Прость (Русскосарсазское I селище) (Руденко, 1989а) севернее Русскочебоксарского поселения. Кроме того, лепная посуда с шамотом встречается на именьковских памятниках бассейна левого притока Камы реки Шешмы, в частности, на Ленинских селищах (Руденко, 1998б), Екатеринослободском II городище и Екатеринослободских селищах (Руденко, 1989б) к востоку от рассматриваемого поселения. Раскопками исследован только один именьковский памятник этого микрорегиона – Малополянское V селище (Руденко, 1998а, с. 185–197).

Материальная культура этих археологических объектов сильно отличается от находок на Русскочебоксарском поселении. Отличается и их топография. Вышеперечисленные памятники располагаются либо в развитой овражной системе – глубоких суходолах или оврагах с родниками, на мысах в глубине оврага, либо на краю надлуговой или, чаще всего, коренной речной террасы. Несколько селищ занимают небольшие площадки на склоне террасы р. Шешма.

Среди находок на этих памятниках – не редкость керамические пряслица, миниатюрные глиняные фигурки животных, железные изделия. Формы сосудов здесь также горшковидные, однако сами сосуды имеют более тонкие стенки, поверхность части из них залощена. Шамот в тесте – мелкий и средний, встречаются сосуды только с добавкой песка. Не редкость и плоскодонные горшочки небольших размеров. Датируются эти памятники VI–VII вв.

Фрагменты шамотных сосудов типа керамики Русскочебоксарского поселения встречаются на ряде селищ правого берега р. Большой Черемшан. Нередко они обнаруживаются вместе с материалами булгарской культуры, поэтому здесь необходимо проведение раскопок, чтобы проверить наличие культурного слоя соотнесенного с этими находками. Известны памятники, где встречаются фрагменты только шамотной плоскодонной лепной неорнаментированной керамики, так же аналогичной керамике Русскочебоксарского поселения. К ним, например, относится Новоальметьевское поселение в Нурлатском районе Республики Татарстан, обследованное разведками в 1995 г. Такие поселения занимают низкие надлуговые террасы в неглубоких овражках поблизости от Большого Черемшана или пологие склоны таких террас. Раскопки их не проводились.

Материал Русскочебоксарского поселения имеет наиболее близкие параллели на памятниках, отнесенных Д.А. Сташенковым к типу Сиделькино-Тимяшево (Сташенков, 2005, с. 96–99, рис. 42–46) и, видимо, относится к этому кругу. Исходя из этого, Русскочебоксарское поселение может быть датировано первой половиной I тыс. н.э.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 1. Характеристика ям I и II раскопов Русскочебоксарского поселения.

№ п/п	Раскоп	Участок	Яма №	Форма	Глубина выявления	Диам.	Глубина	Форма дна	Находки
1.	I	4;67	1	кр.	–16	130	–67	пл	к
2.	I	61;62	2	кр.	–9	110	–33	ч	к
3.	II	48	1	кр.	–19	150	–64	пл	нет
4.	II	49;32	2	кр.	–19	160	–63	пл	к
5.	II	23;24	3	кр.	–10	120	–22	пл	нет
6.	II	22	4	кр.	+25	70	–10	пл	к
7.	II	27;28;53;54	5	кр.	0	150	–61	пл	нет
8.	II	54;55	6**	кр.	0	150	–108	пл	нет
9.	II	26;27	7	кр.	+18	150	–75	пл	нет
10.	II	25,26,56,55	8	кр.	+16	150	–75	пл	нет
11.	II	12;13	9	кр.	+19	70	–8	пл	нет
12.	II	53;54	10	кр.	+19	150	–8		

Примечание: к – фрагменты керамики; кр – круглая: пл. – плоская; ч – чашевидная; * – яма не вскрывалась; ** – яма сложной конструкции со вкопом в центре.

Литература

Руденко К.А. 1989а. Отчет о разведках в Чистопольском районе ТАССР в 1989 г. Казань // Архив ИА РАН, р-1, № 14836.

Руденко К.А. 1989б. Отчет о разведках в Чистопольском районе Татарской АССР в 1988 г. Казань // Архив ИА РАН, р-1, № 12730.

Руденко К.А. 1998а. Малополянское V селище //Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции. Самара.

Руденко К.А. 1998б. Отчет об археологических разведывательных работах в Татарстане в 1997 г. V. Казань. // Архив ИА РАН.

Сташенков Д.А. 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. Раннеславянский мир. 7. М.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

K.A. Rudenko

New settlement of the Sidel'kino-Timyashego type in Tatarstan

Abstract

The article is dedicated to the results of archaeological investigations of the settlement of the 1st half of the 1st millennium AD situated in Tatarstan Republic. The settlement is situated in the Left-Bank Cheboksarka region (fig.1), on a low hill close to a dried brook.

In 2009 development excavation was carried out because of road building. There were excavated two parallel trenches oriented in latitudinal direction measuring in total 600 meters in square on the site. The site is single-layered. The stratigraphy of the site is simple: surface layer is plough layer of grey lumpy sandy loam, underlaying layer is russet clay loam. As excavation results show the soil is ploughed to a depth of 45-50 cm – to the subsoil surface.

Twelve utility pits were found on subsoil surface of the trenches (fig. 4-7, tab. 1). In the trench 2 they concentrate in two places forming compact groups of several objects. In one case pits are situated in staggered rows in the direction from the South-West to the North-East and in other cases they drawn out like a chain in the same direction (fig. 3). A distance between pits is from 1,2 to 2 meters. Pits are round, from 110 to 160 cm in diameter. The depth is 40-70 cm from the natural surface at an average. There was one structure of complex construction (pic. 6-2). The smallest pit have 70 cm in diameter (tab. 1: 16). The interesting feature of this settlement is presence of small pits in subsoil surface (fig. 4: 3), in which vessels were put.

The bulk of finds consists of sherds of grog-tempered hand-made pot-shaped flat-bottomed vessels without decoration. The pots are fired in bonfires (fig. 8: 1, 2). Some vessels have signs of repair (fig. 15: 1). The vessels mainly were pots, there also were flat discoid covers with rounded edge. Bottom diameter is about 8-9 and 14-15 cm, rim diameter – 7-10 and 14-15 cm. Throats of pots are closed. Rim-necks are straight, sometimes slightly deflected.

The materials of settlement find the closest analogies in sites, referred to the Sidel'kino-Timyashego type by D.A. Stashenkov and probably could be associated with their cultural circle. On this basis, the settlement Russkaya Cheboksarka could be dated to the 1st half of the Ist millennium AD.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

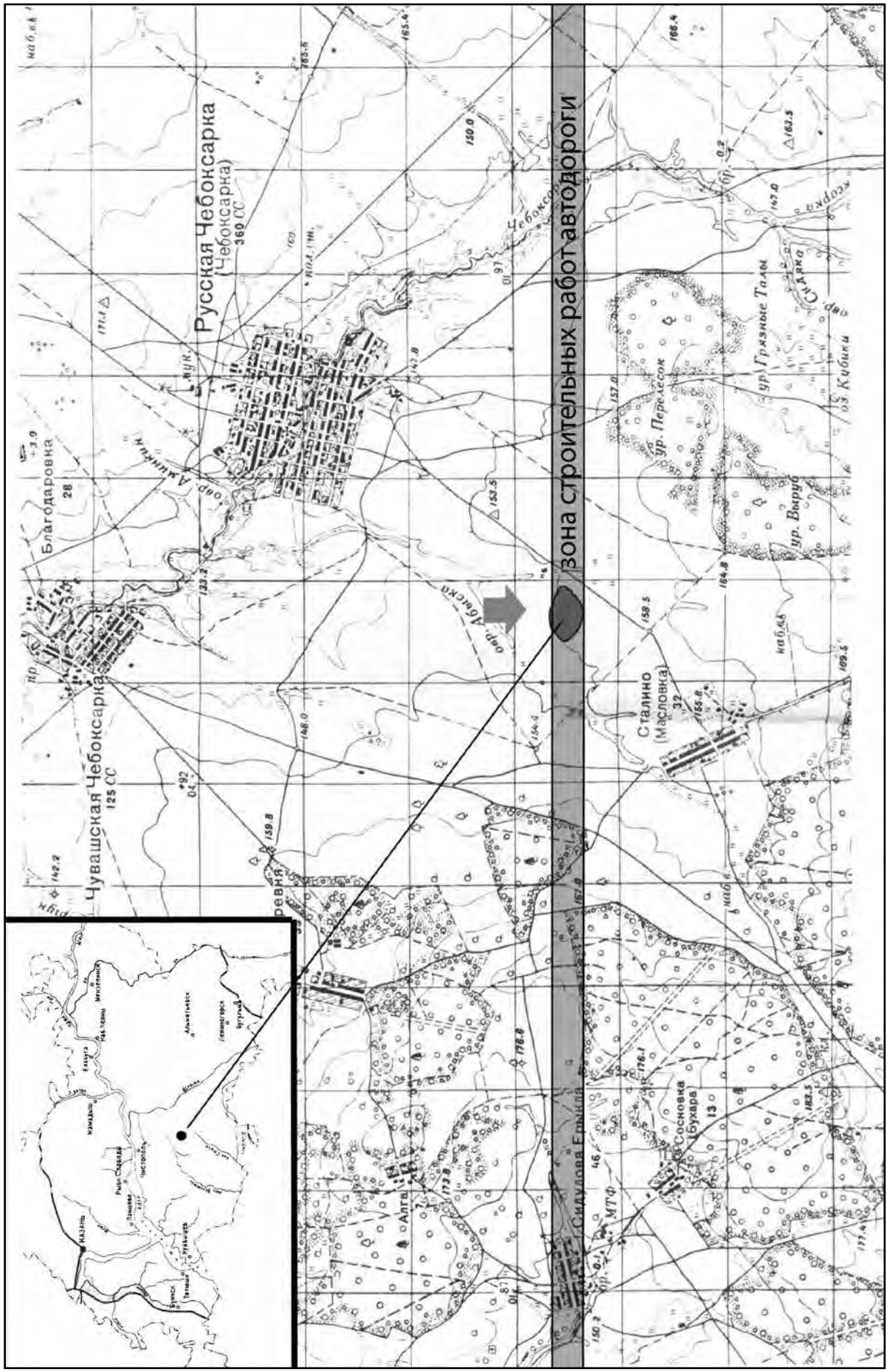


Рис. 1. Расположение Русскчебоксарского поселения (по топографической основе 1: 50 000).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

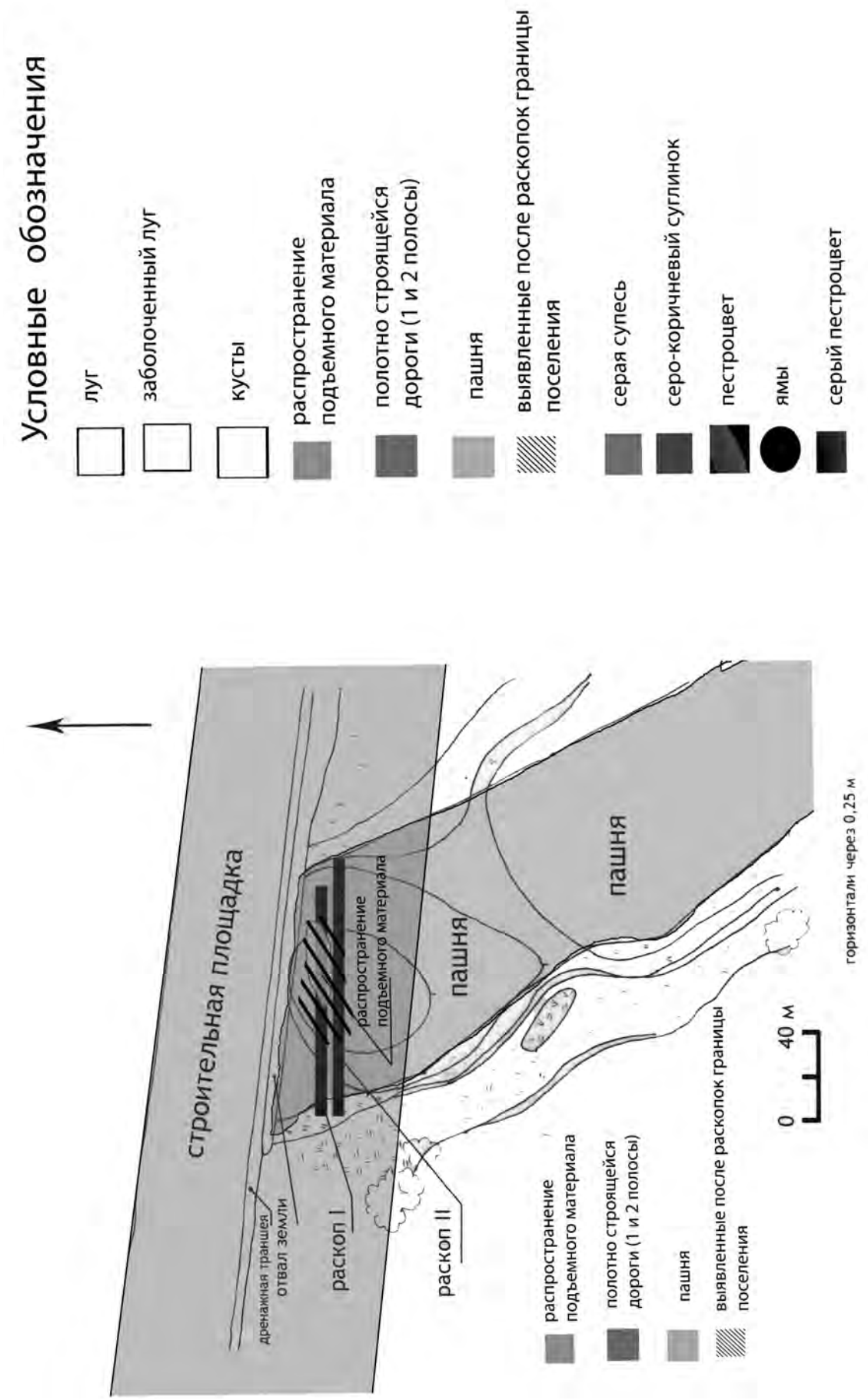


Рис. 2. План Русскочебоксарского поселения

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

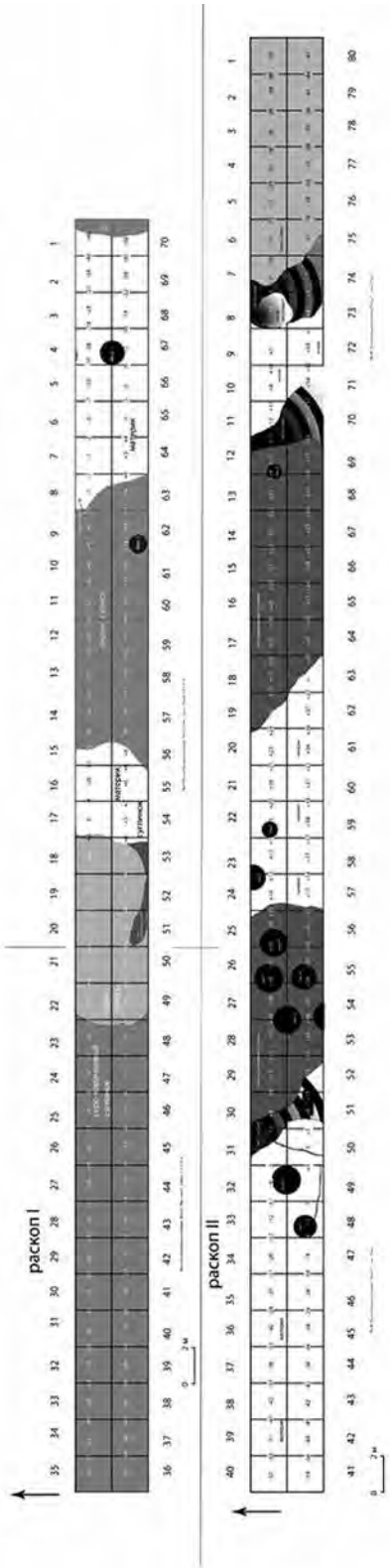


Рис. 3. Русскочебоксарское поселение. Общий план раскопов I II и выявленных сооружений на уровне второго пласта.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

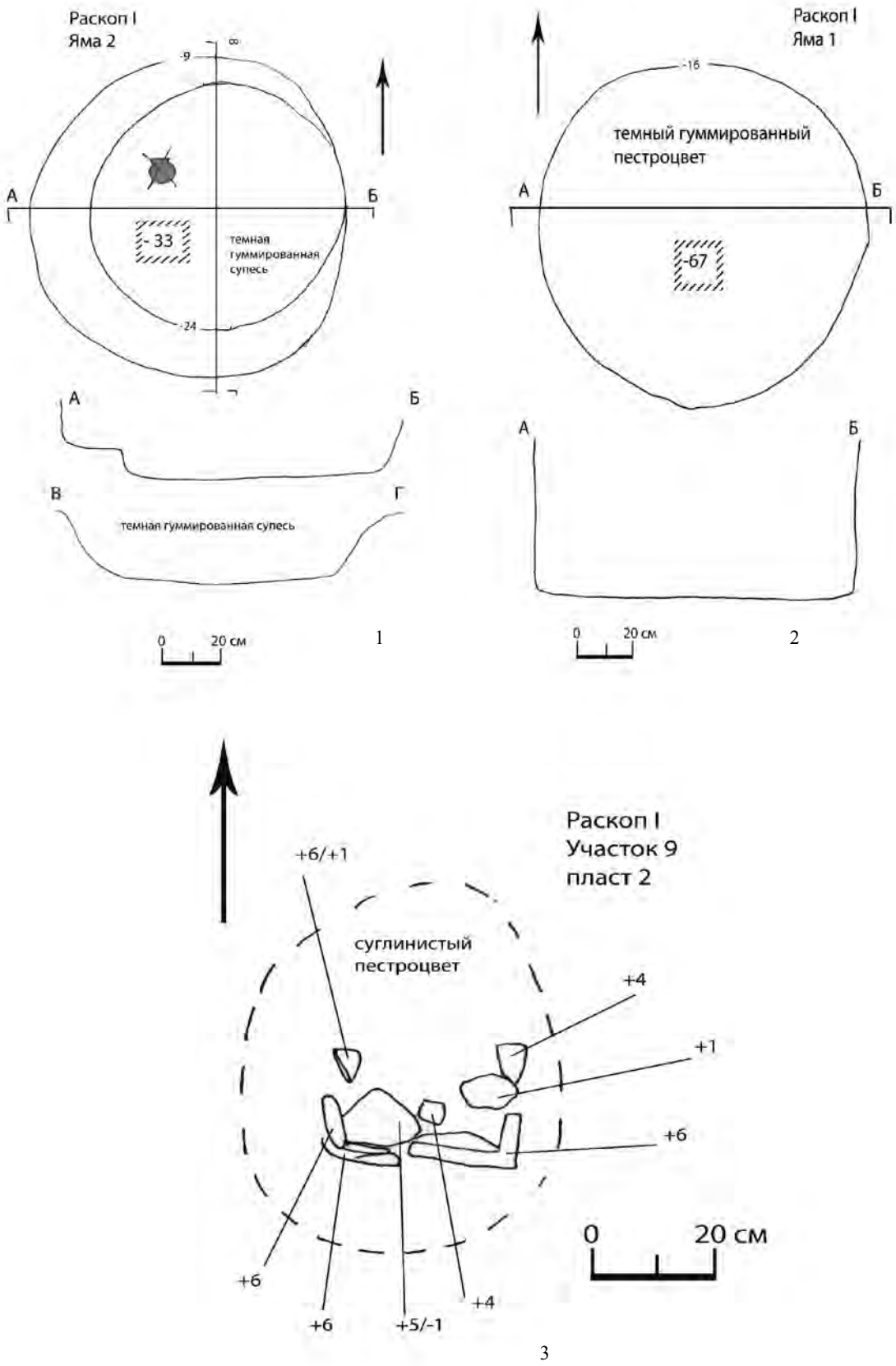


Рис. 4. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Планы объектов.
1 – яма 2; *2* – яма 1; *3* – развал сосуда на участке 9, глубина +1 +6 см от «0» раскопов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

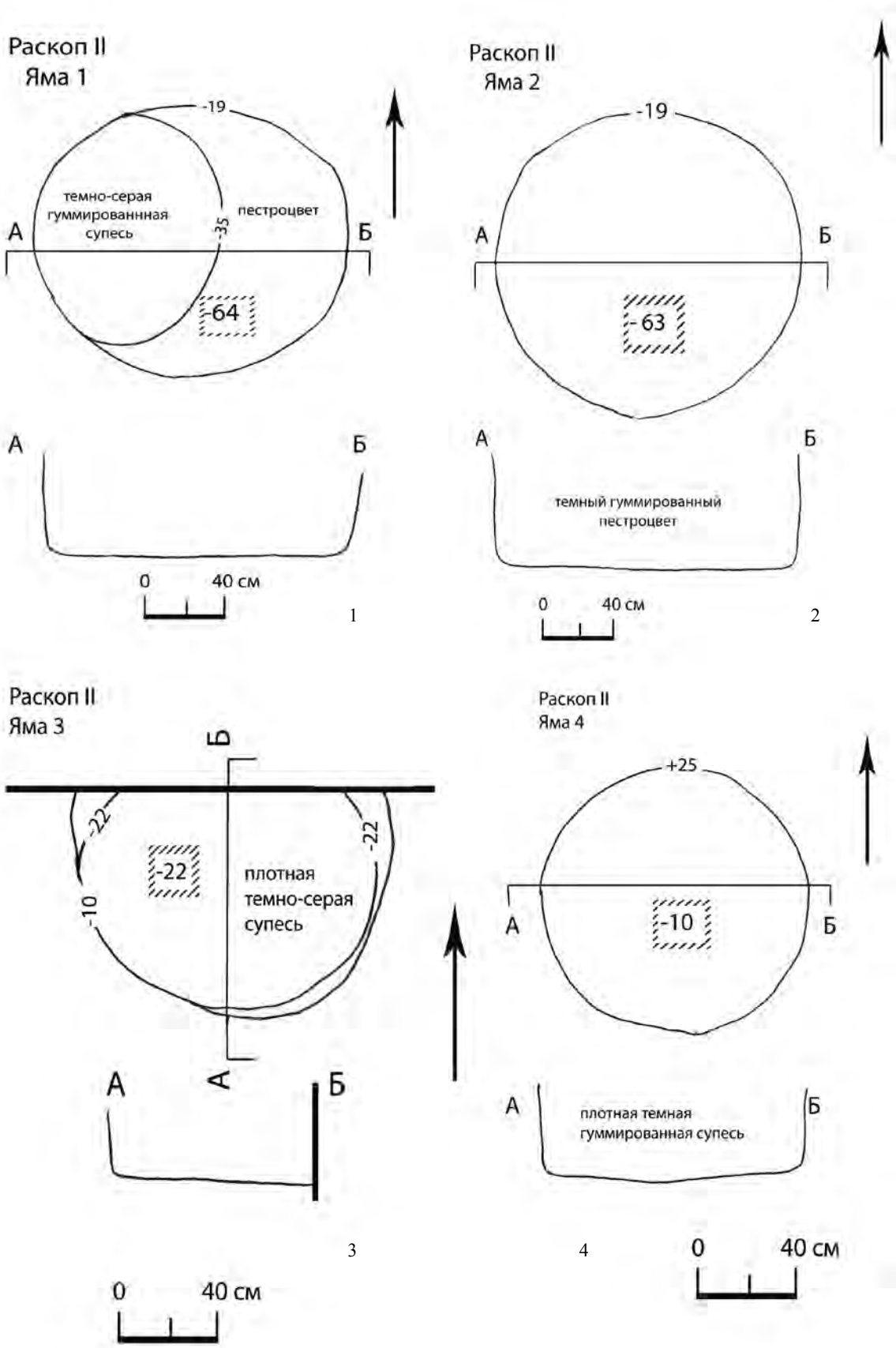


Рис. 5. Русскочебоксарское поселение. Раскоп II. Планы объектов.
1 – яма 1; *2* – яма 2; *3* – яма 3; *4* – яма 4.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

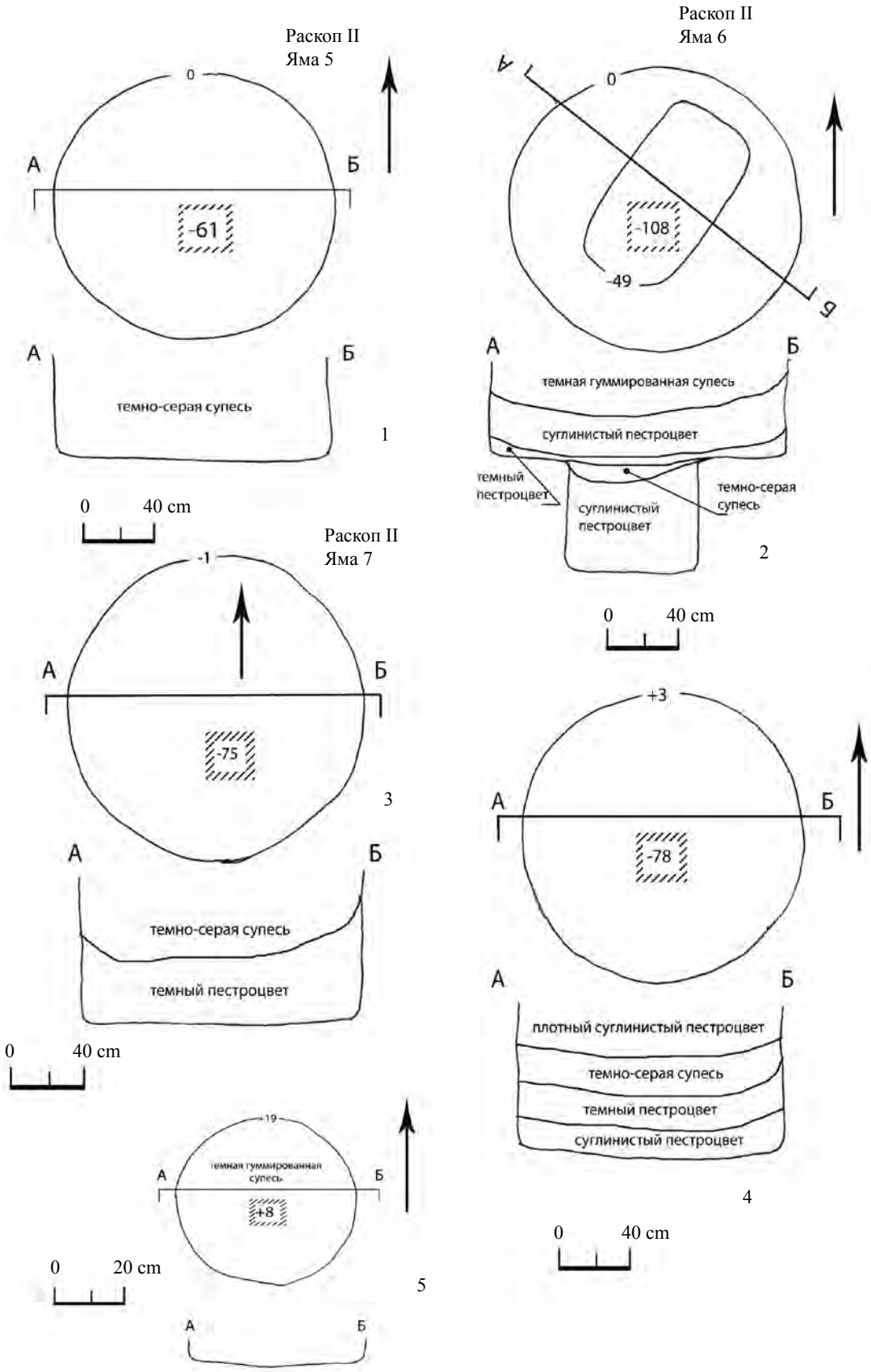


Рис. 6. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Планы объектов.
1 – яма 5; *2* – яма 6; *3* – яма 7; *4* – яма 8; *5* – яма 9.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

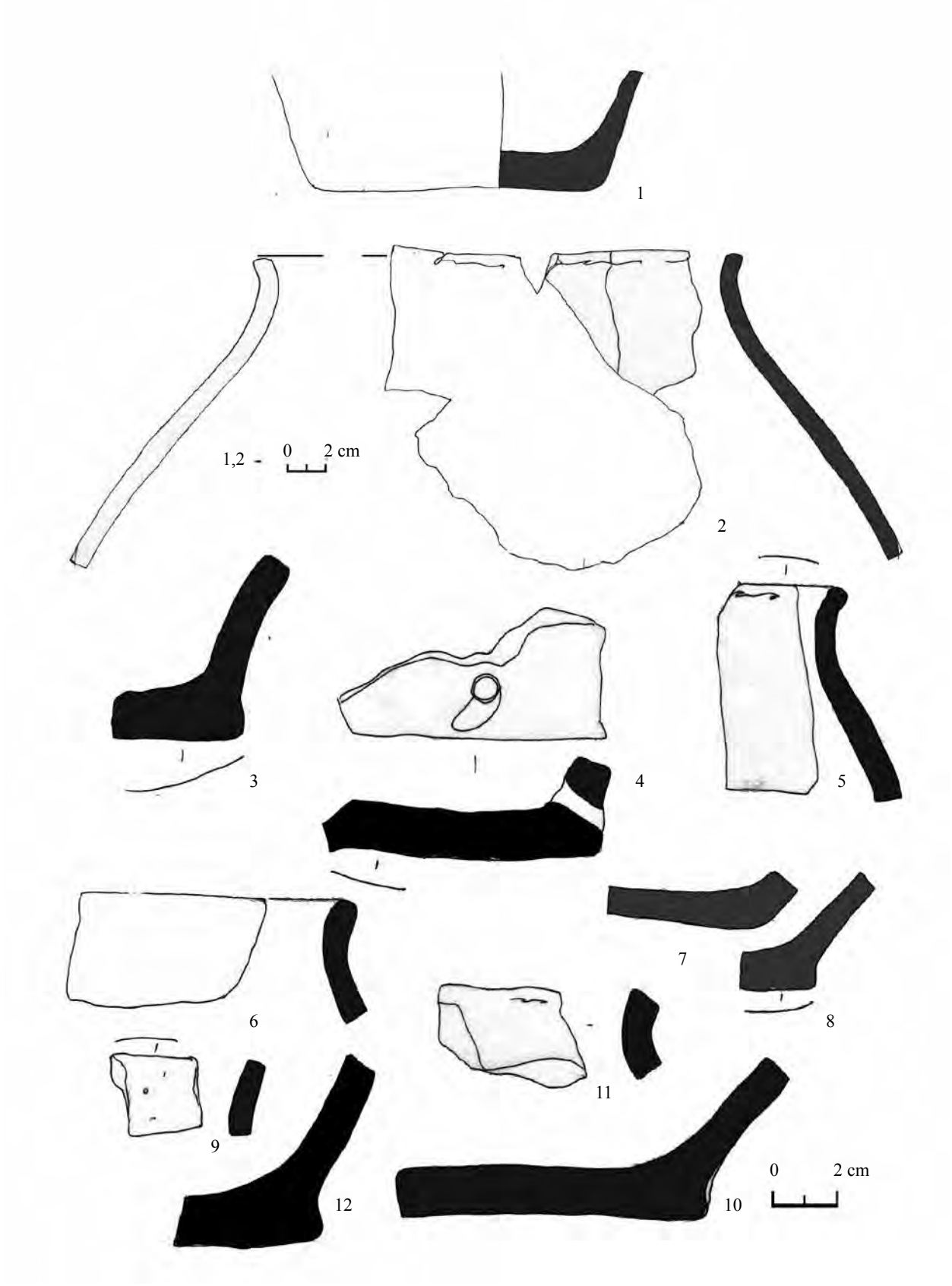


Рис. 7. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Планы объектов. Керамика раскопов I *(1–9)* и II *(10–12)*. *1* – уч. 9, пласт 2; *2* – яма 1, выборка 1; *3,4* – яма 2,выборка 1; *5,7* – яма 2, выборка 1; *8,9* – яма 2, выборка 2; *10,11* – яма 3, выборка 1; *12* – яма 5, выборка 2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

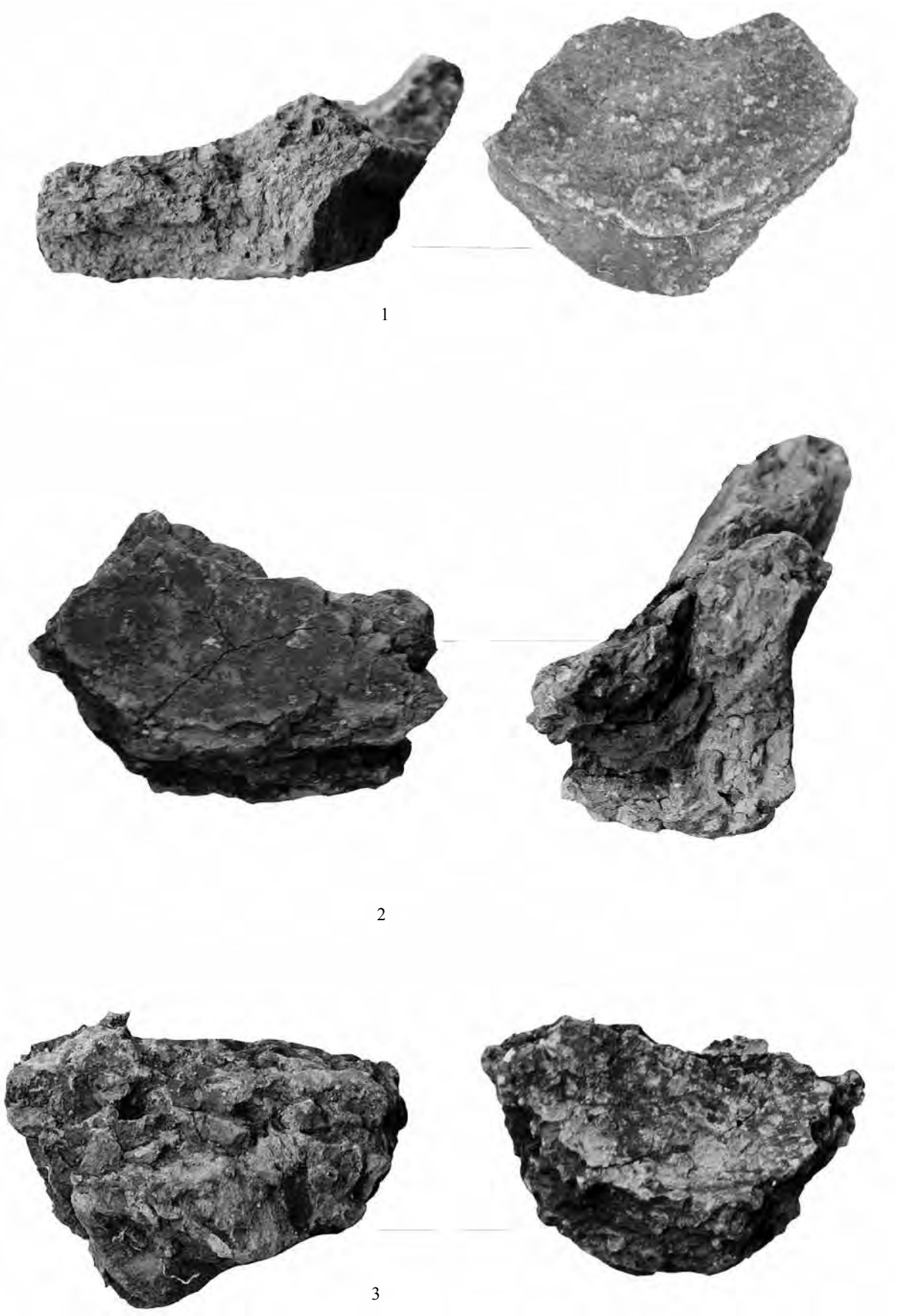


Рис. 8. Русскочебоксарское поселение. Керамика раскопов I и II.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

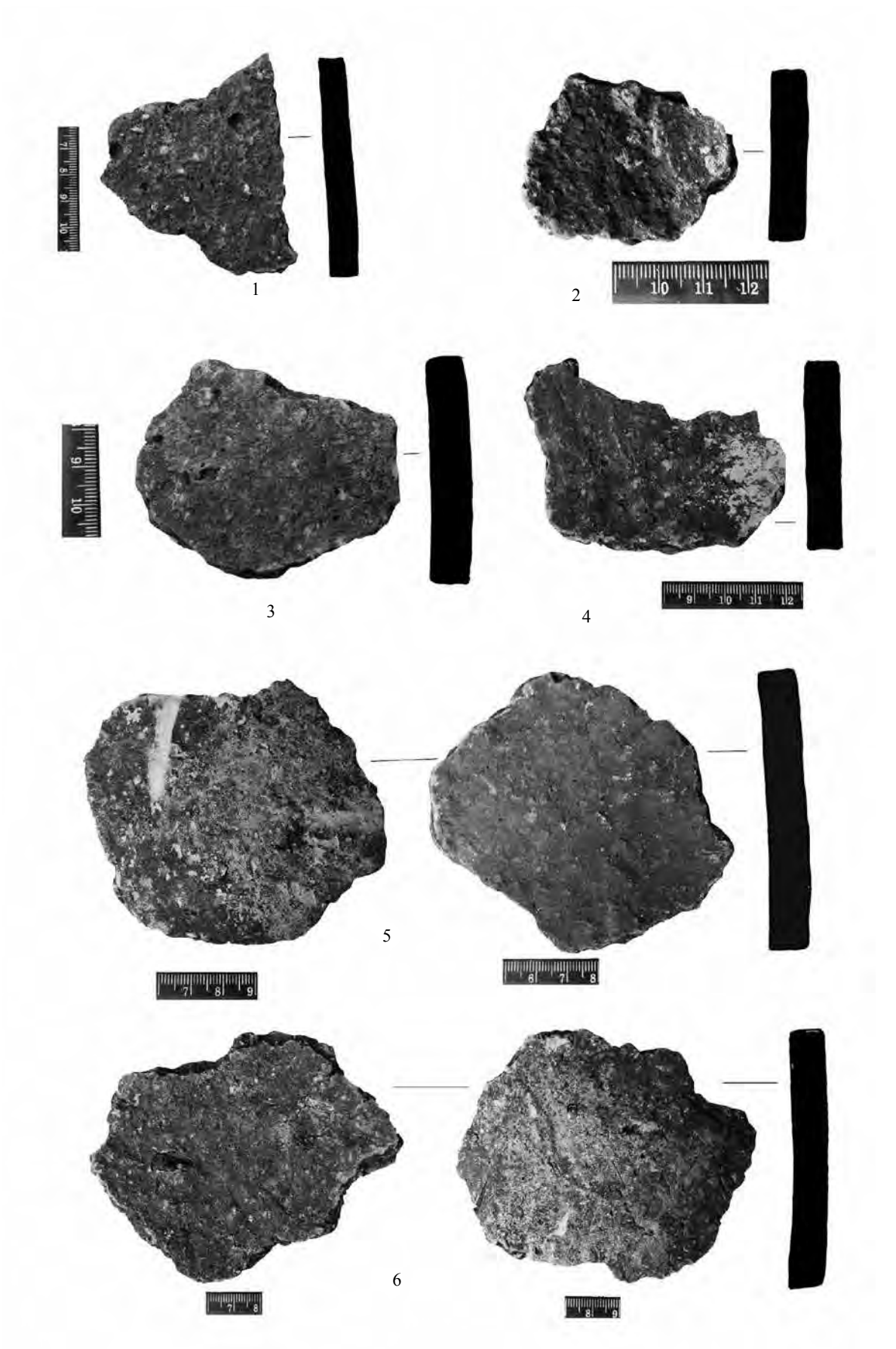


Рис. 9. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Участок 9, пласт 2. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

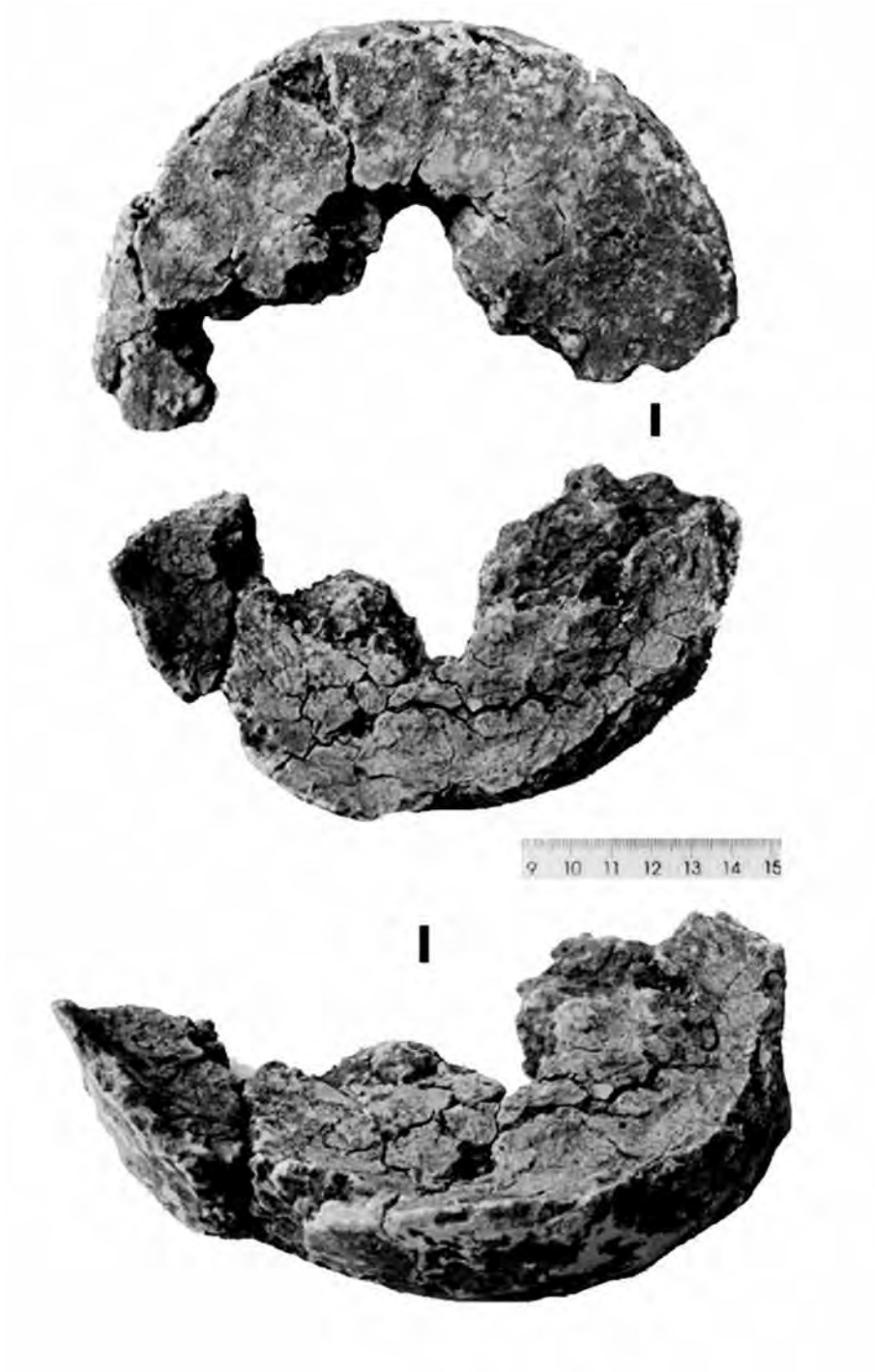


Рис. 10. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Яма 1. Дно керамического сосуда.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

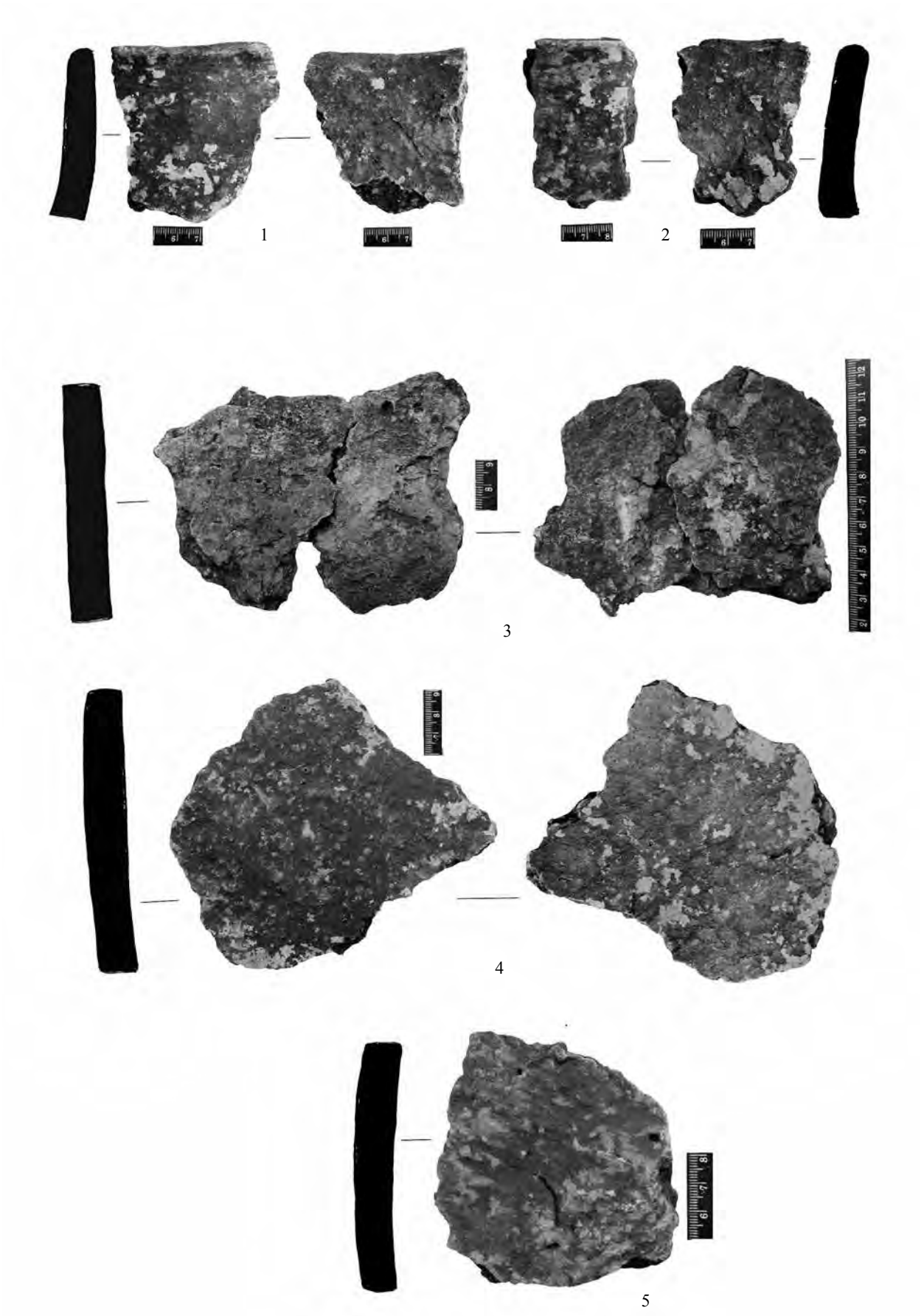


Рис. 11. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Яма 1, выборка 1. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

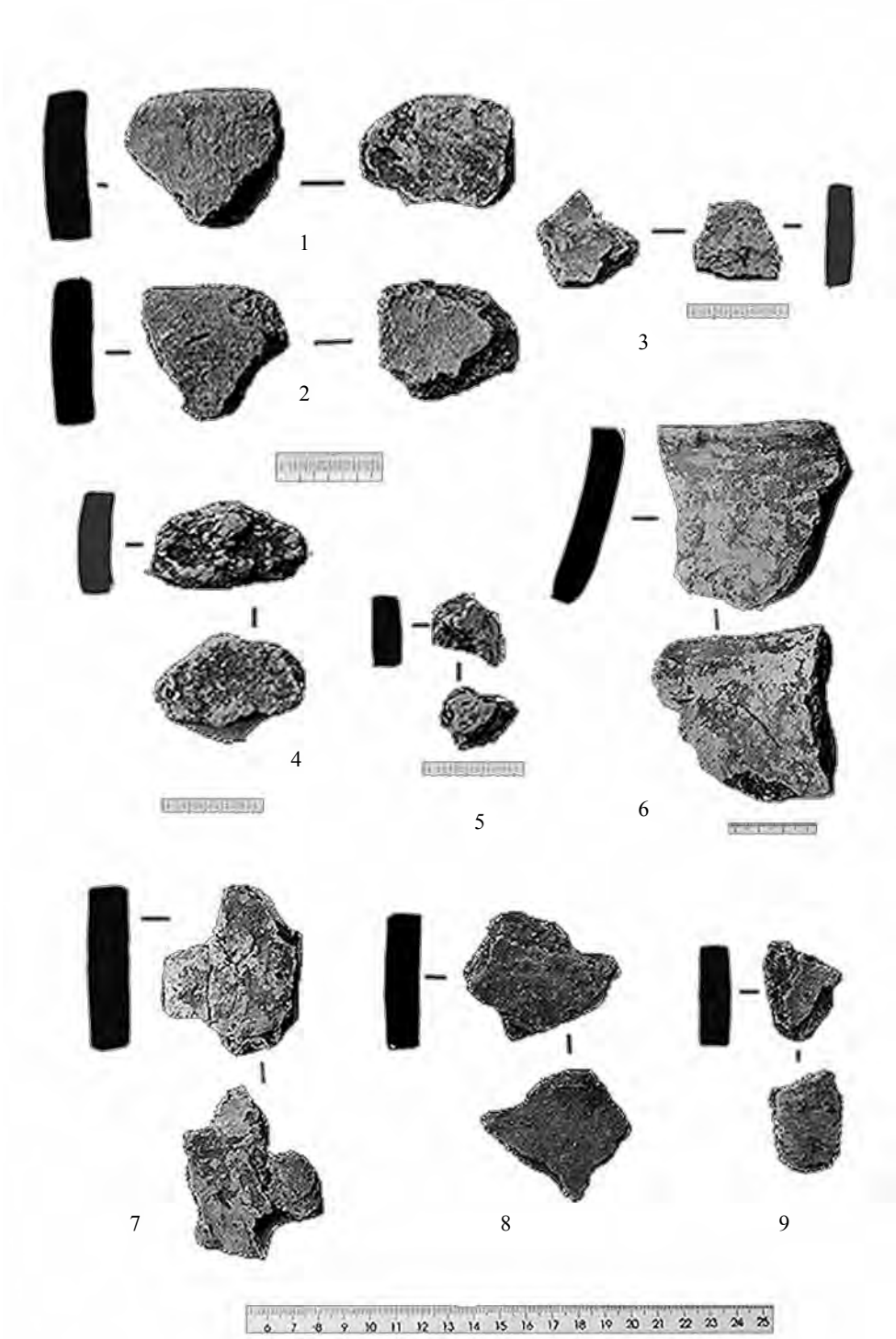


Рис. 12. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Яма 1,выборка 3. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

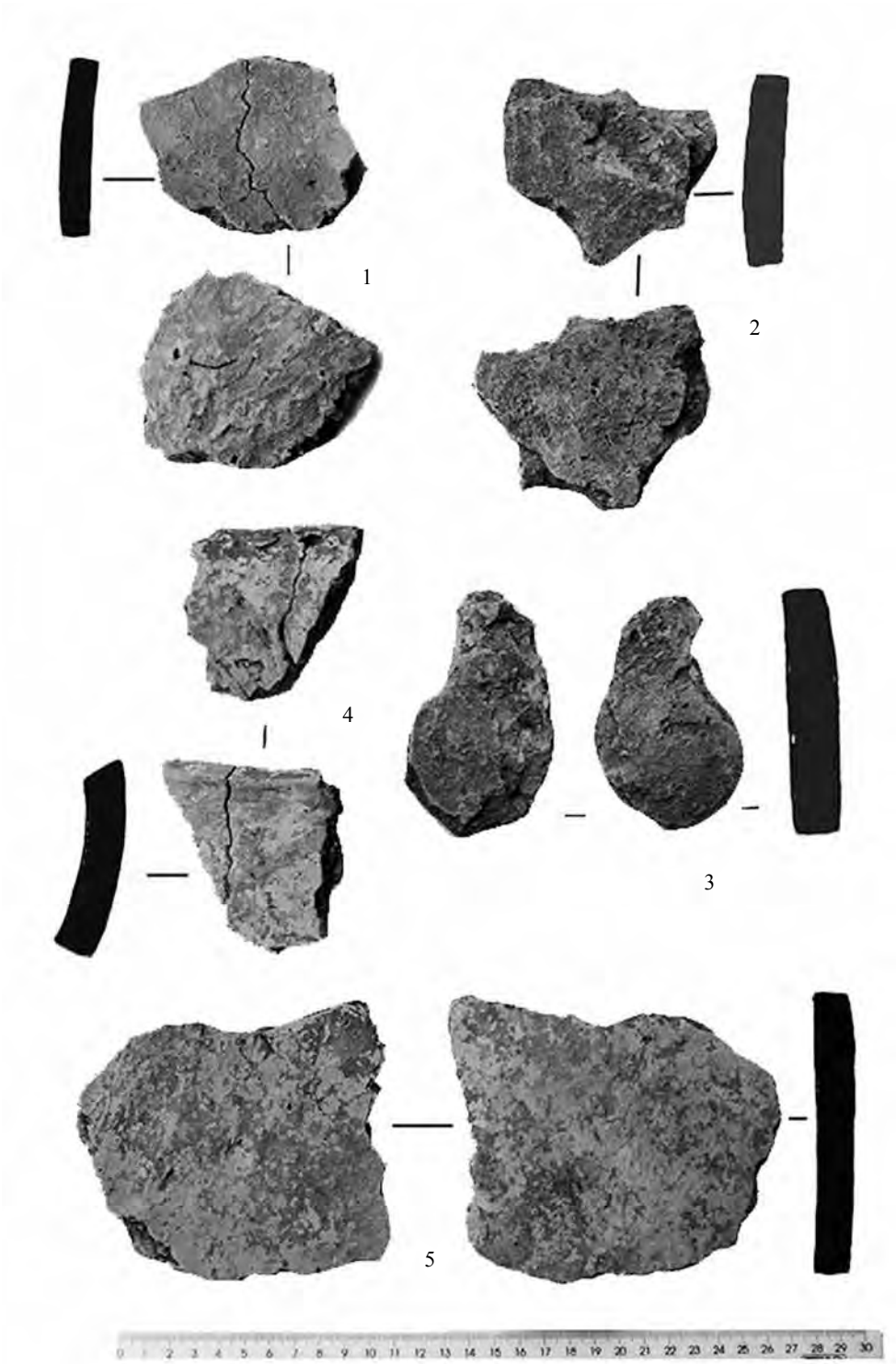


Рис. 13. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Яма 1, выборка 3. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

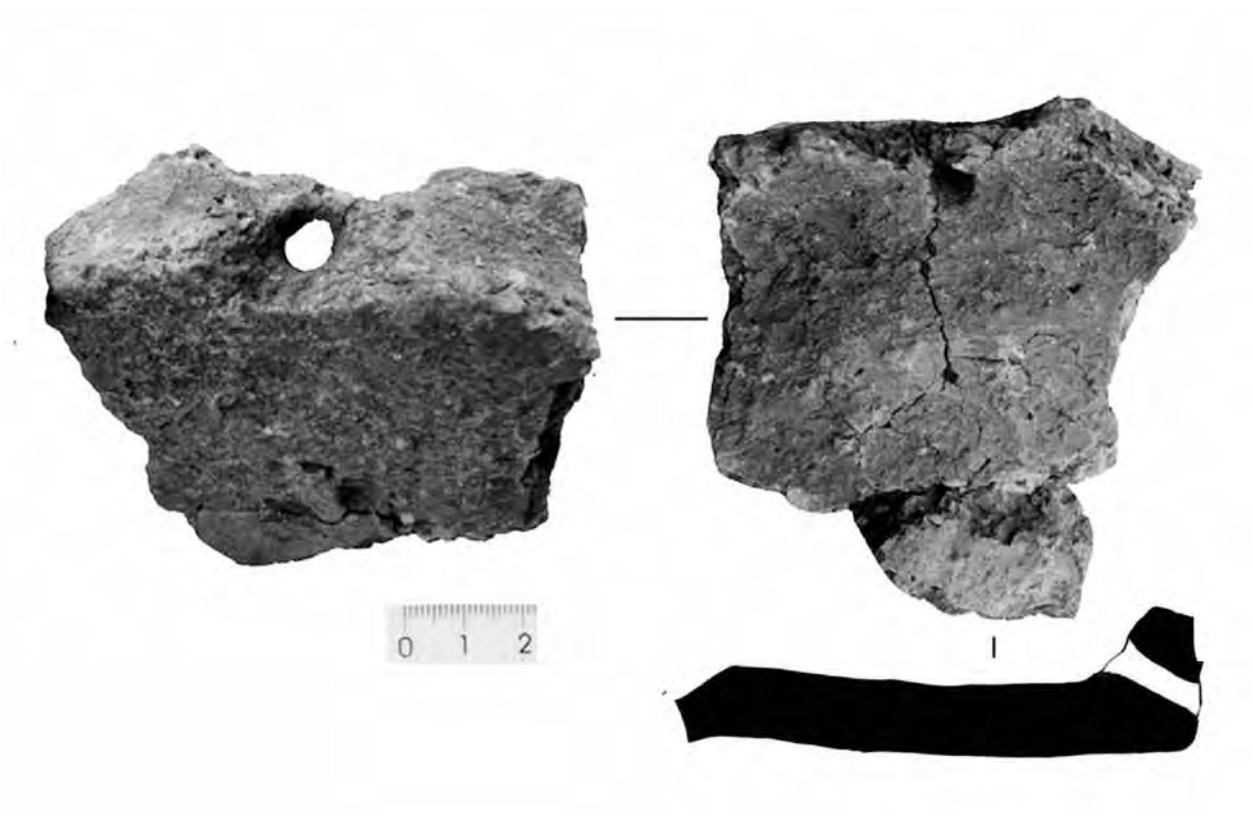


Рис. 14. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Яма 2, выборка 1.
Дно сосуда со следами ремонта (?).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

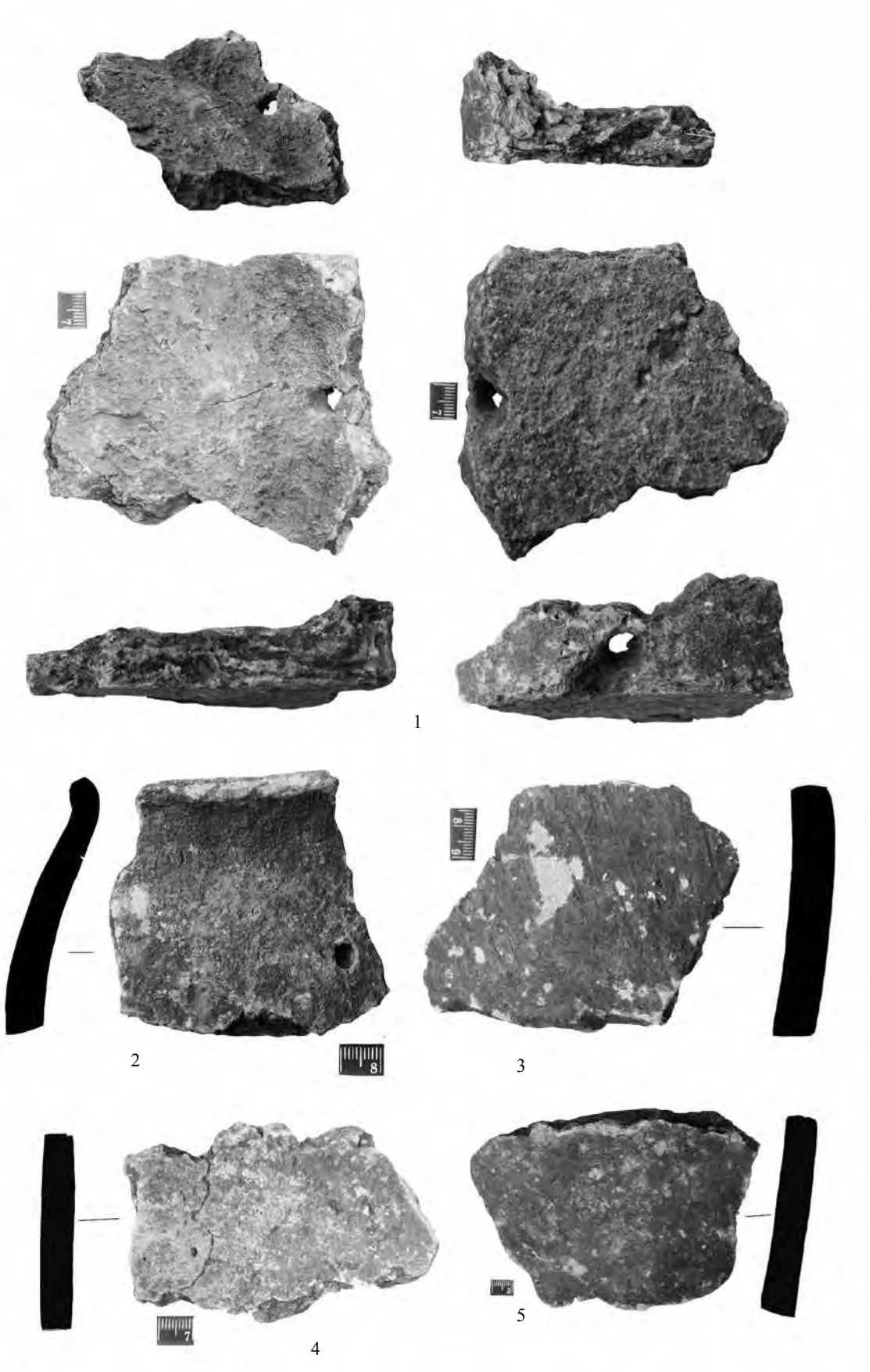


Рис. 15. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Яма 2, выборка 1. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

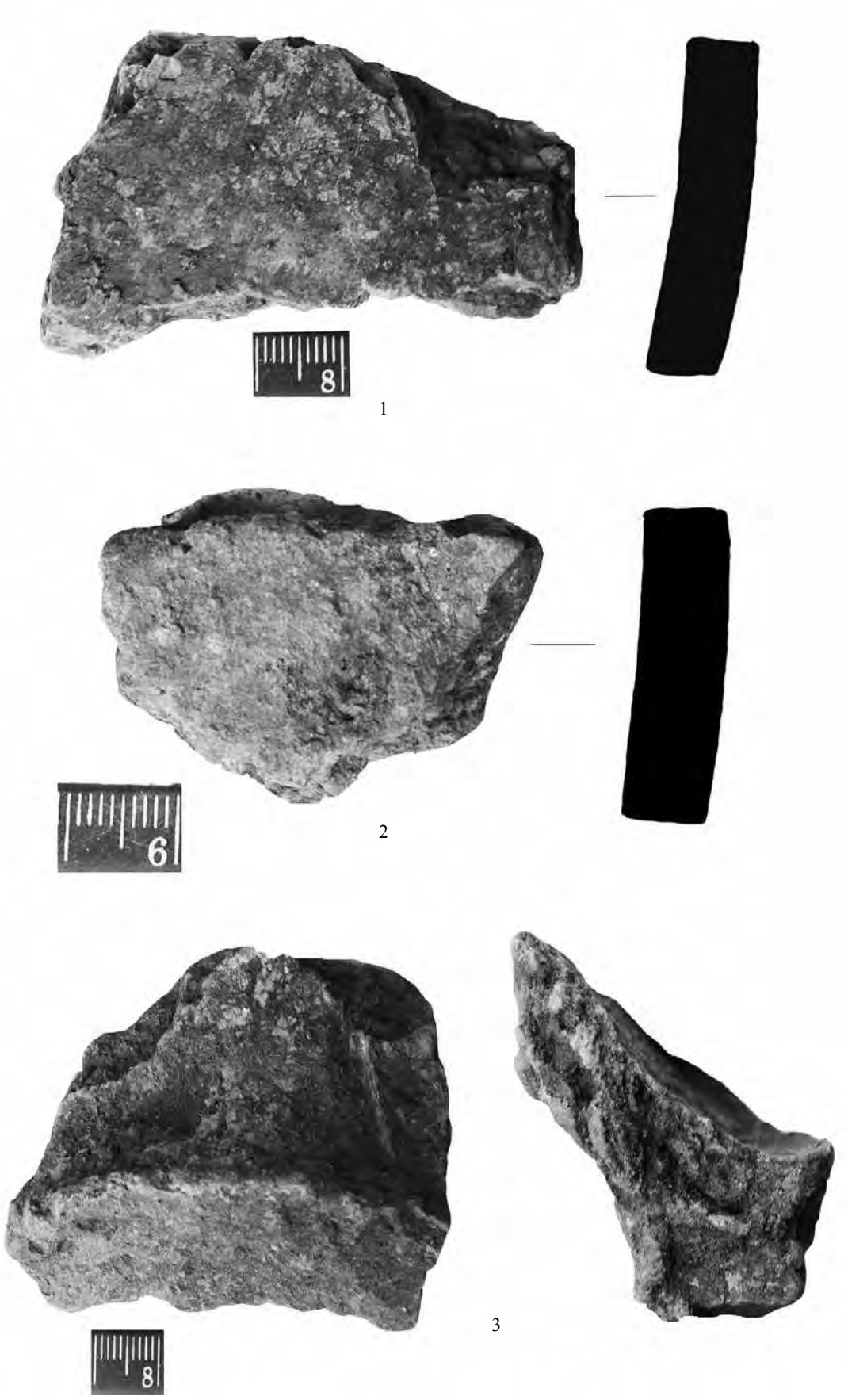


Рис. 16. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Яма 2, выборка 2 *(1,2)*, выборка 3 *(3)*. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

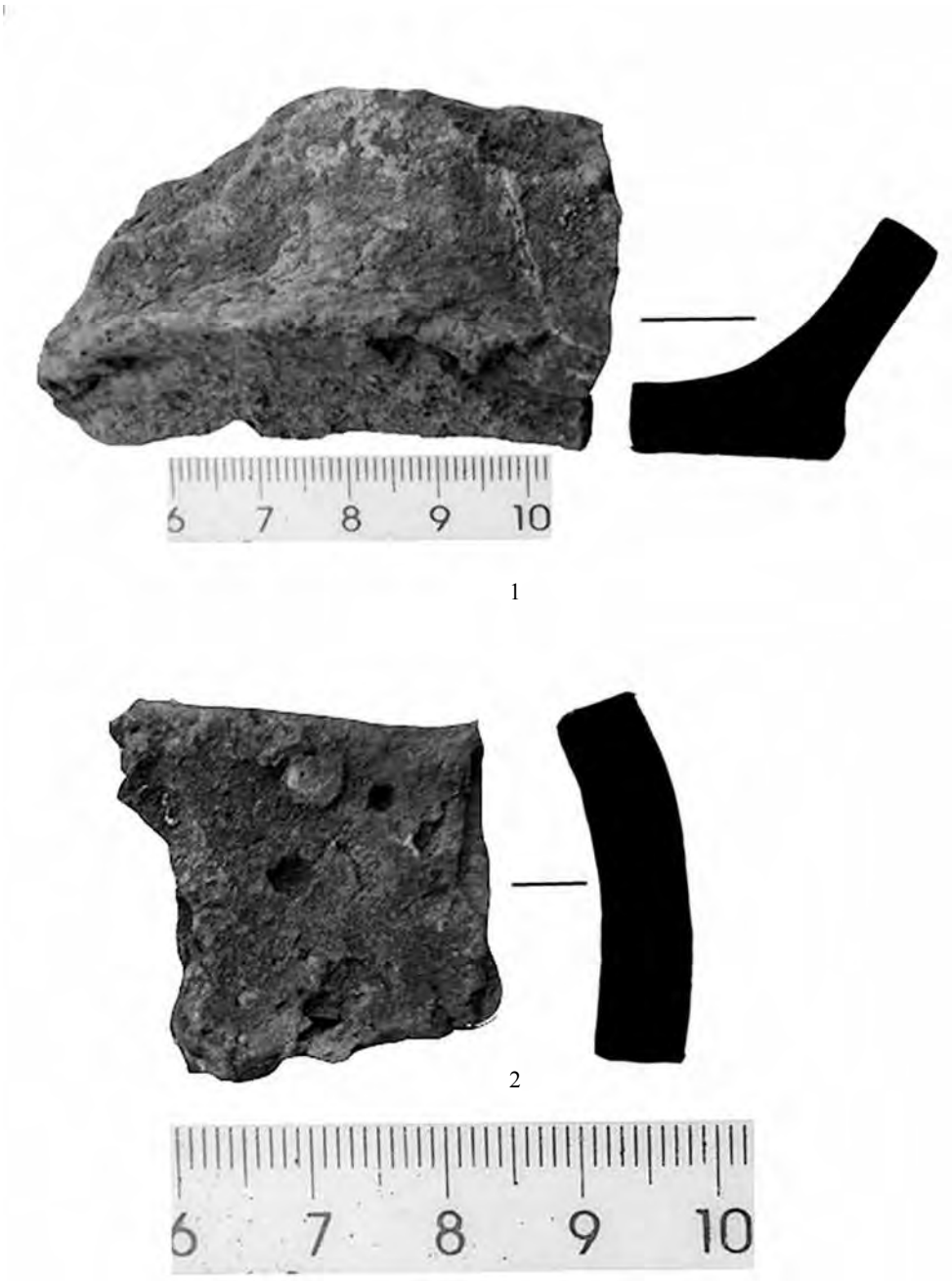


Рис. 17. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Яма 2, выборка 3. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

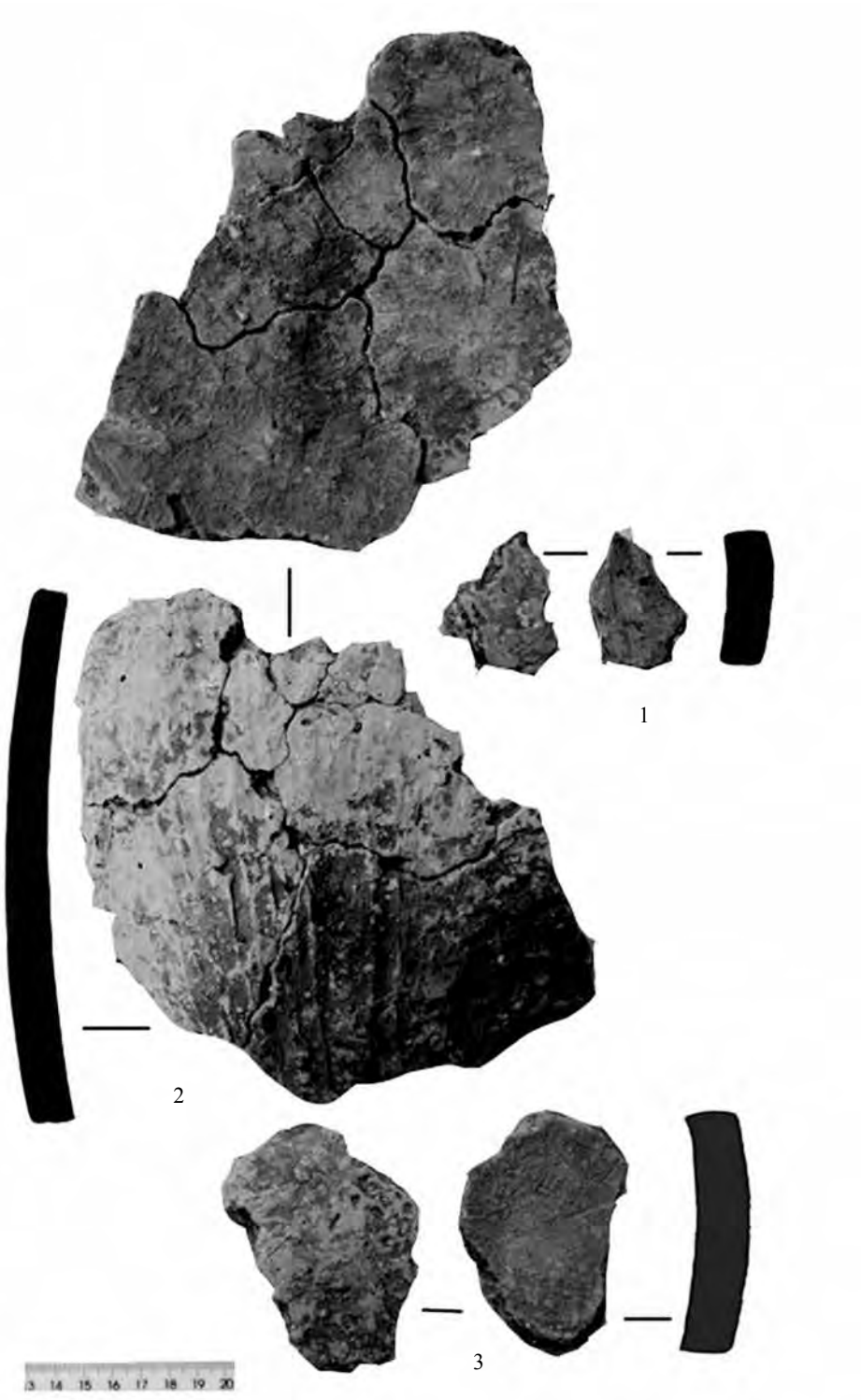


Рис. 18. Русскочебоксарское поселение. Раскоп II. Яма 2, выборка 2. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

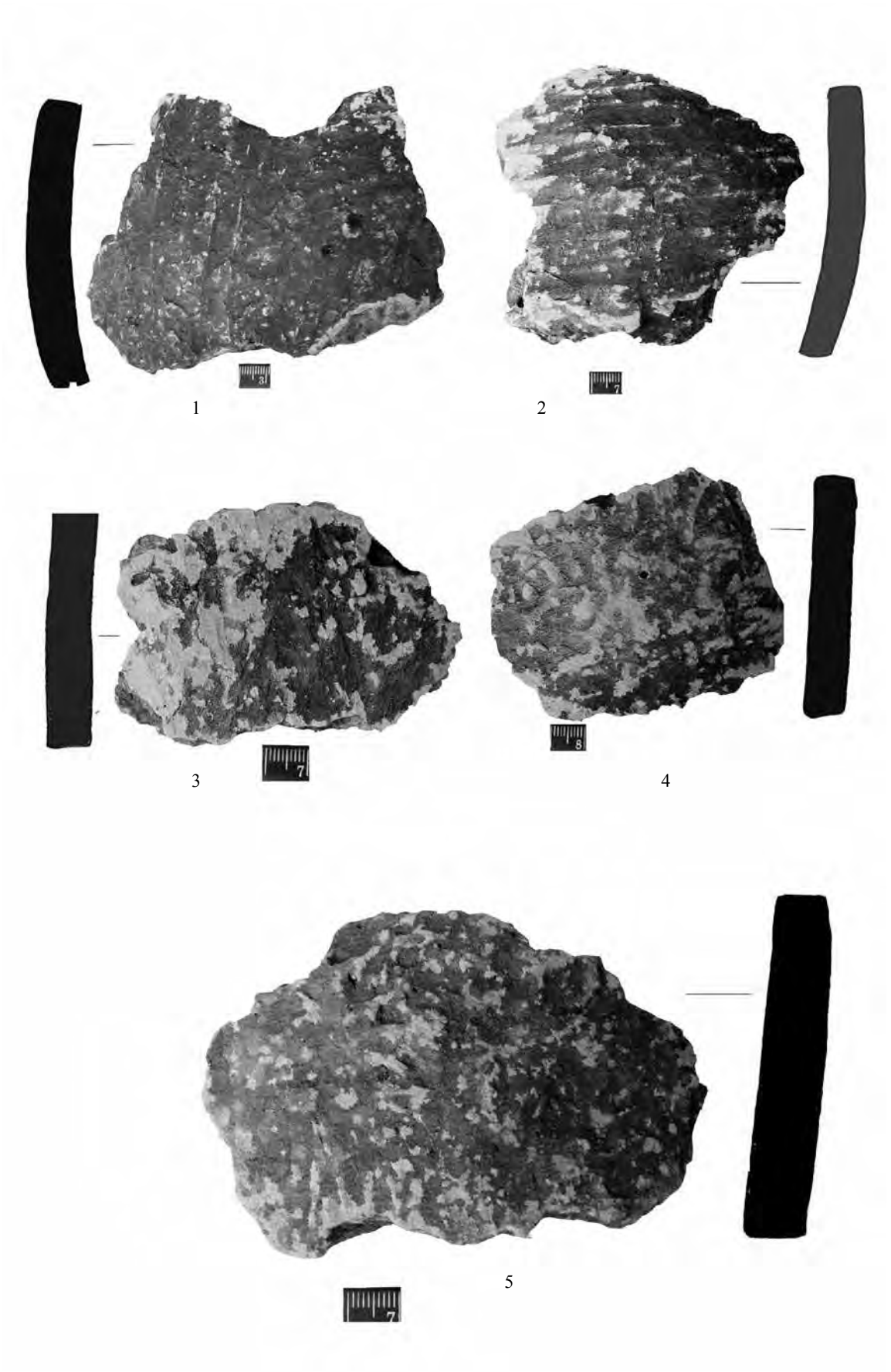


Рис. 19. Русскочебоксарское поселение. Раскоп II. Яма 2. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

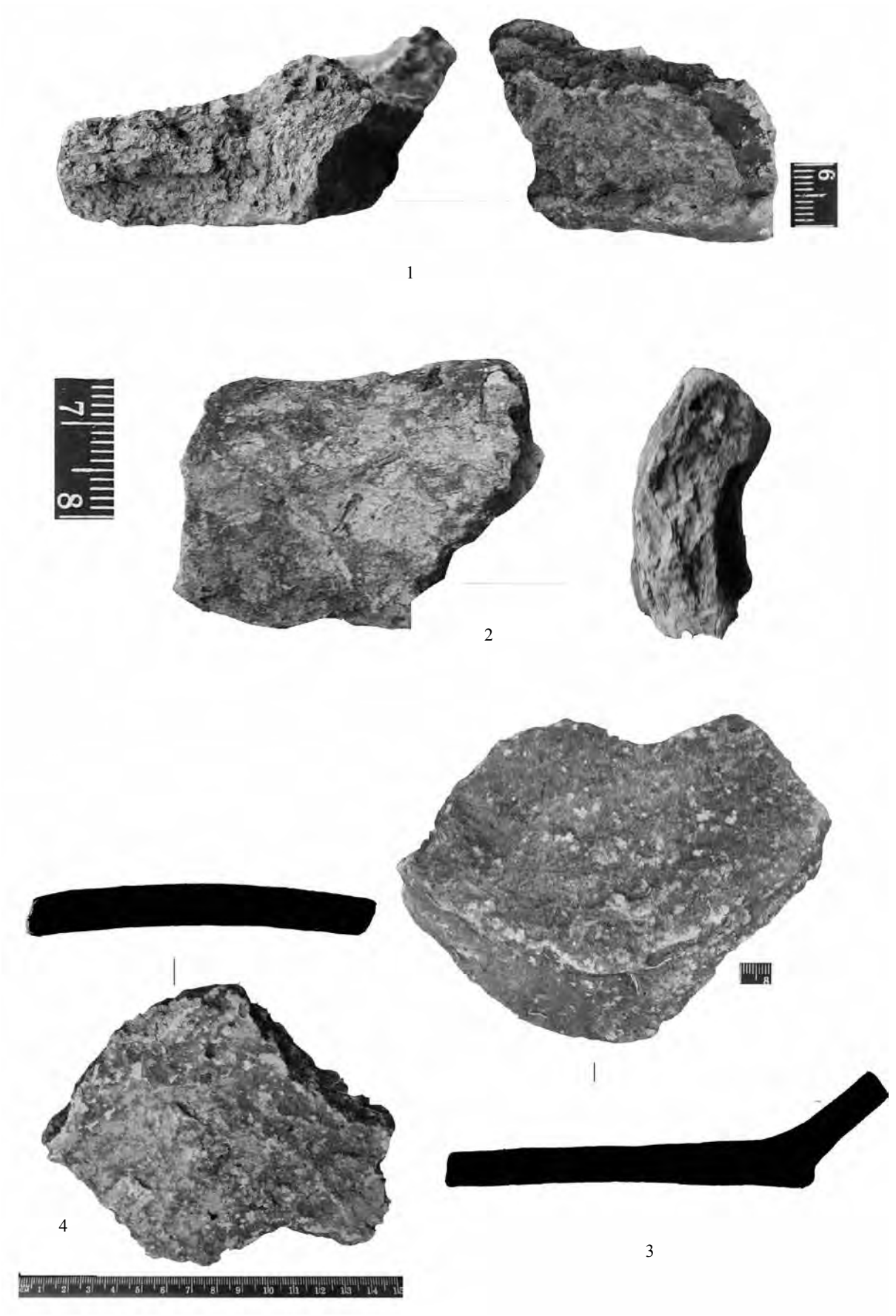


Рис. 20. Русскочебоксарское поселение. Раскоп II. Яма 3. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

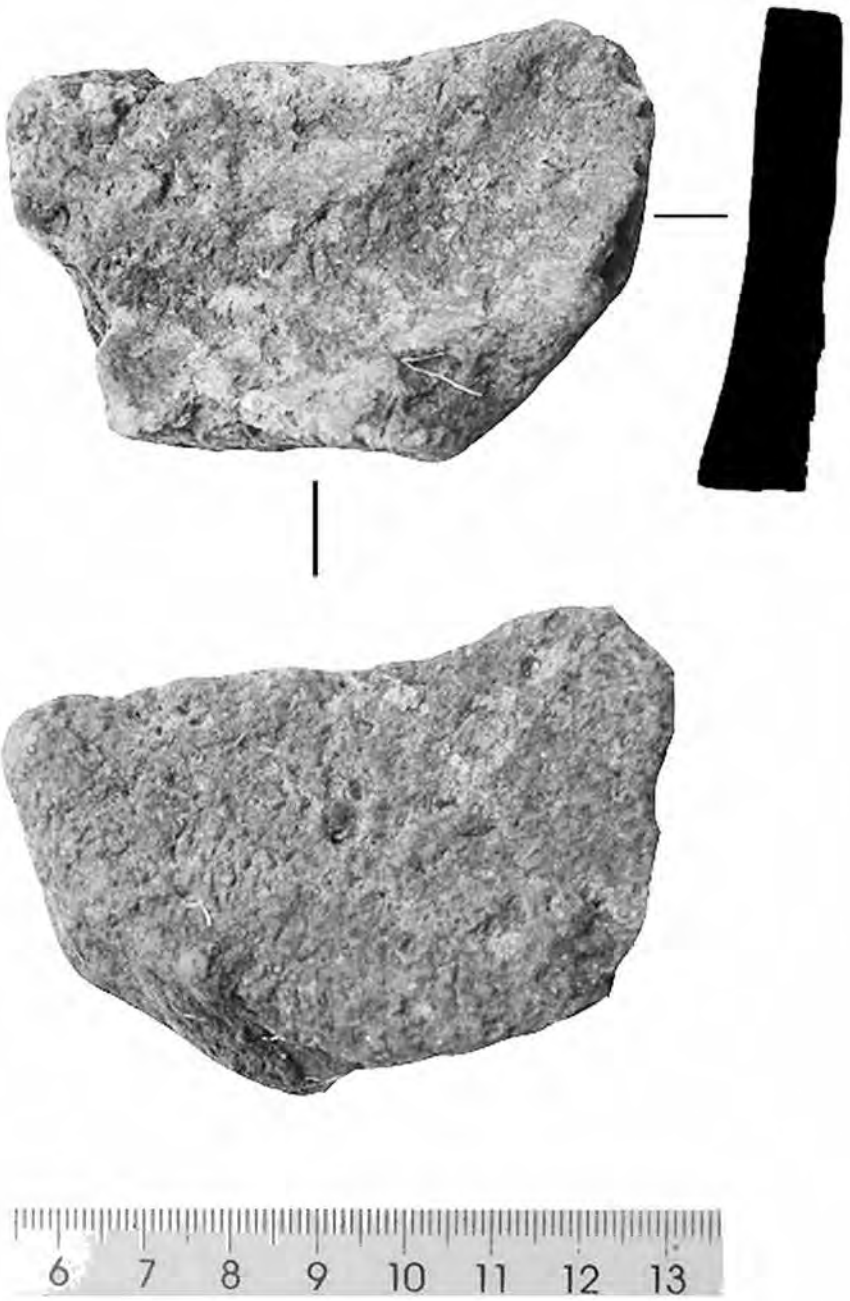


Рис. 21. Русскочебоксарское поселение. Раскоп II. Яма 4, выборка 1. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

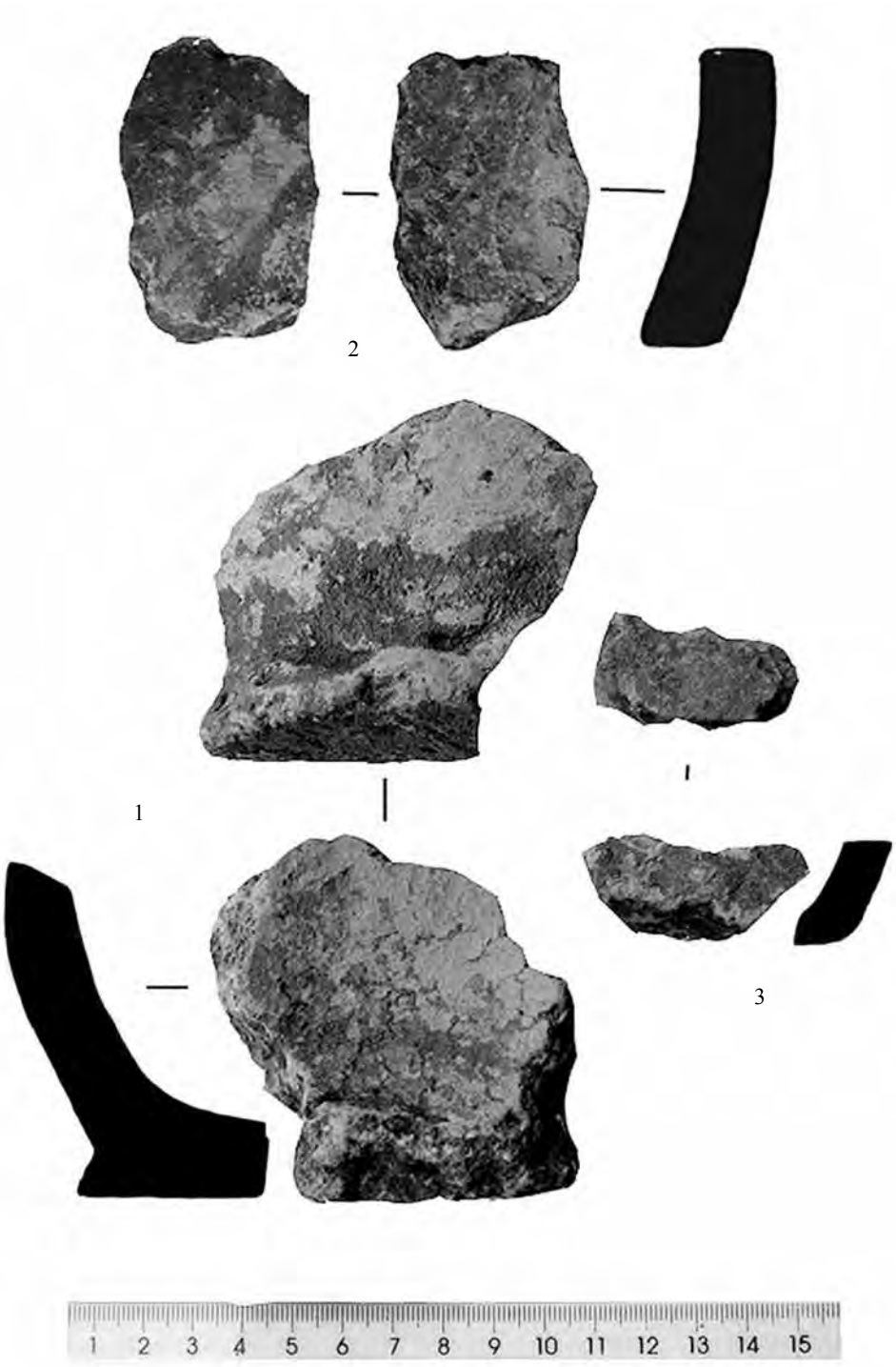


Рис. 22. Русскочебоксарское поселение. Раскоп II. Яма 5, выборка 2. Керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Городище и селище Новая Беденьга I[1]

Л.А. Вязов (Казань), Н.П. Салугина (Самара),
Ю.А. Семыкин (Ульяновск)

Несмотря на многолетнюю историю исследований древностей эпохи Великого переселения народов на территории Среднего Поволжья, в регионе остаются обширные малоизученные участки, на которых памятники практически неизвестны или исследованы только разведками, а их культурно-хронологическая позиция не уточнена. Одним из таких участков остается Ульяновское Предволжье.

Первые сведения о городищах, отнесенных впоследствии ко второй-третьей четверти I тыс. н.э., были опубликованы К.И. Невоструевым (Невоструев, 1871), П.Л. Мартыновым (Мартынов, 1896) и В.Н. Поливановым (Поливанов, 1900). С середины 1940-х гг. памятники этого времени начал исследовать П.Д. Степанов. В ходе его работ была выявлена группа городищ и селищ в долине р. Суры, осмотрены некоторые памятники в Волго-Свияжском междуречье. Результаты этих работ легли в основу составленной исследователем археологической карты Западного Поволжья (Степанов, 1961).

Памятники эпохи Великого переселения в Ульяновском Предволжье были изучены в начале 1970-х гг. Г. М. Буровым (Буров, 1971; 1972; 1985), который отнес их к именьковской культуре и датировал V–VI вв. н.э. (Буров, 1985). Дальнейшие исследования дополнили картину распространения памятников (Вискалин, 1989; Бурундуков, Вискалин, 1990).

В 2006–2012 гг. авторами настоящей статьи были проведены новые исследования на территории Ульяновского Предволжья. В результате этих работ были выявлены новые памятники I тыс. н. э. (рис. 1) и проведены раскопки на городище и селище Новая Беденьга I. Первые результаты раскопок были частично опубликованы (Вязов, Багаутдинов, Нерушин, Семыкин, 2012), настоящая статья в полном объеме вводит в научный оборот результаты изучения этих памятников.

Городище и селище Новая Беденьга I были открыты в 2006 г. Ю.А. Семыкиным. Памятники расположены в Правобережье р. Волги (ныне – Куйбышевского водохранилища) в Ульяновском районе Ульяновской области в 13,5 км к северо-северо-востоку от выезда из г. Ульяновск по шоссе Ульяновск-Ундоры, в 1,5 км к юго-востоко-востоку от с. Новая Беденьга, в 1,5 км к западу от берега Куйбышевского водохранилища (рис. 2).

Памятники занимают залесенную часть мыса коренного берега р. Волги, образованного двумя глубокими водоносными древними оврагами, вытянутыми в направлении запад-юго-запад – восток-северо-восток, выходящими устьями к берегу водохранилища. Глубина северного оврага достигает 35-40 м, южного – 10-20 м. Площадка мыса плавно понижается в направлении с

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 12-11-63004).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

юго-запада на северо-восток, от опушки лесного массива к стрелке. Перепад высот от западной границы селища до края мыса составляет 8-10 м. Более богатый водотоком ручей протекает по дну северного оврага. Поверхность мыса покрыта лиственным лесом, состоящим преимущественно из осины и клена, изредка встречаются мелколиственные и хвойные породы.

Городище расположено на восточной оконечности мыса, его площадка имеет неправильно – подпрямоугольную форму. Внутренняя площадь городища в пределах оборонительной линии составляет около 200 м^2. Оборонительные сооружения представлены слабо заметным на поверхности дуговидным валом и рвом. Высота вала из рва в северной части городища составляет 0,6 м, в южной части они практически незаметны. Ширина вала составляет около 9 м. Ширина площадки городища по оборонительной линии составляет 60 м, длина по линии запад-восток – 65 м. С восточного края площадка памятника завершается обрывистой линией, слегка вогнутой во внутреннюю (западную) сторону городища.

Селище Новая Беденьга I непосредственно примыкает к оборонительным сооружениям городища с запада. Протяженность селища вдоль оврагов, в направлении запад-юго-запад – восток-северо-восток, составляет около 500 м. В ширину площадка памятника достигает в западной части 300 м, по направлению к востоку, к стрелке мыса, она уменьшается до 60 м.

На территории памятника встречаются округлые в плане углубления диаметром до 7-8 м. Как показали исследования в раскопе VI, как минимум некоторые из них маркируют места древних ям для добычи руды. Часть углублений может иметь естественное происхождение.

По территории памятника в направлении с запада на восток проходит проселочная дорога, ведущая из с. Н. Беденьга к площадке городища. К западу от памятника расположена территория туристско-рекреационной зоны «Центр ремесел» и турбаза «Венеды».

Раскопки городища и селища Новая Беденьга I проводились в 2009–2012 гг. совместной экспедицией Ульяновского государственного педагогического университета, Самарского и Тольяттинского государственных университетов. В ходе исследований было заложено 11 раскопов (4 – на городище и 7 – на селище) и вскрыто 1372 кв. м.

Материалы, полученные в результате раскопок, относятся к нескольким эпохам. Основная часть находок может быть датирована 2-3 четвертью I тыс. н.э. Наряду с ними встречаются и артефакты последней четверти I тыс. н.э., а также в единичном количестве представлены фрагменты сосудов эпохи поздней бронзы-раннего железного века и домонгольской Волжской Болгарии X–XIII вв. Стратиграфически эти группы находок не разделяются, но залегают, как правило, отдельно друг от друга на различных участках раскопа. Древности конца эпохи бронзы-начала железного века, VIII–X вв. н.э. и X–XIII вв. н.э. не вошли в настоящую публикацию.

Стратиграфия памятников

Раскопки как на городище, так и на селище, продемонстрировали достаточно единообразную стратиграфическую картину, за исключением отдельных нюансов. На всей исследованной площади фиксируются следующие слои:

1. Дерн, коричнево-бурого цвета, переплетенный тонкими корнями растений, мощностью 4-6 см.

2. Суглинок, серо-коричневого цвета, мелкозернистый (зерно до 1 см), гумусированный, мощностью 5-20 см. Это – основной культурный слой памятника, содержащий наибольшее количество находок.

3. Суглинок, серого (от светло-серого до темно-серого) цвета, крупнозернистый, с белесыми включениями, оподзоленный, мощностью 5-25 см. От вышележащего слоя отличается более крупной структурой и меньшим содержанием гумуса. Слой содержал меньшее количество находок, чем вышележащий.

4. Суглинок, черного цвета, с вкраплениями мелких оранжевых камней и желтой материковой глины, плотный, бесструктурный, заполнявший углубления в материке. Находки в этом слое не встречены.

5. Материк – плотная глина различных оттенков (от желтой до черной), с вкраплениями камней оранжевого и серого цвета.

Границы стратиграфических слоев нечеткие в результате размывов и «заплывов» вышележащего грунта в трещины почвы. Такие трещины в условиях засухи 2010 г. достигали 5 см в ширину. Поверхность материка очень неровная, местами образующая западины, заполненные плотным гумусированным суглинком. Данные западины, скорее всего, не связаны с деятельностью человека. Во всяком случае, ни одна из них не содержала находок.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Культурный слой памятников на различных участках имеет мощность 5-20 см. Он не имеет следов повреждений в результате распашки. Керамический материал во всех раскопах расположен неравномерно, места скоплений фрагментов сосудов чередуются с практически пустыми участками. В среднем на 1 кв.м культурного слоя приходится 8,4 фрагментов керамики.

Часть скоплений керамики состоит из отдельных фрагментов различных сосудов, не поддающихся реконструкции. Создается впечатление, что образование таких скоплений происходило в результате естественных процессов, например, сезонных водотоков, которыми изобилует поверхность мыса в весеннее время. В пользу этого говорит также тот факт, что такие «естественные» скопления как правило расположены в местах наличия материковых углублений.

Вторая часть скоплений содержит однородный археологический материал: фрагменты 1-5 сосудов, поддающихся реконструкции, причем у всех этих сосудов совпадает место наибольшей концентрации фрагментов. Нанесение на план раскопа фрагментов полностью реконструированных сосудов, например, из скопления керамики 1 раскопа IV селища, показывает, что в составе скопления обнаруживается примерно половина фрагментов разбитого горшка, в то время, как остальные рассеяны в радиусе 3-5 м. Представляется, что такие скопления маркируют места хозяйственной активности древнего населения, а сосуды, найденные в их составе, можно с долей условности считать оставленными одной и той же группой людей.

Насыщенность культурного слоя остеологическим материалом крайне низкая. Незначительно и количество обнаруженных сооружений с углубленными в материк частями.

Снятие культурного слоя на всех раскопах велось по пластам глубиной 18-20 см. При этом первый пласт в основном совпадал с двумя верхними стратиграфическими пластами – дерном и серо-коричневым суглинком, в то время, как второй пласт соответствовал стратиграфическому слою светло-серого крупнозернистого оподзоленного суглинка, представляющего собой погребенную почву памятника. В результате этого большая часть находок фиксировалась на уровне зачистки первого пласта, то есть фактически на уровне дневной поверхности. Статистический учет материала при составлении полевой и отчетной документации велся отдельно по пластам, однако каких-либо особенностей залегания материала в результате этого зафиксировать не удалось: там, где скопление керамики было обнаружено при снятии первого пласта, отмечалась повышенная концентрация находок и во втором пласте. Поэтому в настоящей статье статистический учет материала дается совокупно по первому и второму пластам.

Городище Новая Беденьга I

Всего за время исследований на городище было заложено четыре раскопа общей площадью 412 кв. м. Раскопы I, III и IV соприкасались друг с другом, они располагались в восточной части памятника, примыкая к обрывистому краю мыса. Раскоп II был заложен в северо-западной части городища, прорезая его оборонительные сооружения.

Культурный слой на городище не имеет заметных отличий от культурного слоя селища. Его мощность невелика и не превышает 15-20 см. Основная масса находок залегает на глубине 15-20 см от поверхности, на уровне погребенной почвы. Массовый материал распространен по площади неравномерно, образуя скопления, состоящие из фрагментов нескольких разбитых сосудов.

Раскопы I, III, IV. Раскоп I был заложен в северо-восточной части памятника, вдоль восточной оконечности мыса. Общая площадь раскопа составила 196 кв.м. Раскопы III (36 кв.м) и IV (116 кв.м) были прирезаны к раскопу I с южной стороны. Общая исследованная раскопами I, III, IV площадь, таким образом, составила 348 кв.м (рис. 3).

Стратиграфия раскопов I, III, IV единообразна и не отличается от стратиграфии других исследованных участков городища и селища.

Сооружения раскопов I, III, IV. В раскопе I были выявлены 5 сооружений, два из которых являются ямами позднего времени образования, прорезающими культурный слой, еще два – остатками костров неизвестного времени, одно сооружение представляло собой фрагмент котлована или естественного углубления в материке, уходящего под стенку раскопа (табл. 9). Ни в одном из этих объектов находок не было, что не позволяет однозначно определить время их функционирования. В раскопах III и IV сооружений не найдено.

Распределение массового материала по площади раскопов было неравномерным. В раскопе I скопления керамики были выявлены в квадра-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тах 9, 18, 26; в раскопе III скопление керамики было выявлено в кв. 9; в раскопе IV – в кв. 5 и 18.

Находки в раскопах I, III, IV.

Находки в раскопе I. В раскопе I в кв. 49 найдена сердоликовая 14-гранная *бусина* уплощенно-призматической формы. Размеры бусины составляют 1,8×1,3×0,4 см. Диаметр отверстия 0,1 см. Цвет бусины оранжево-красный (рис. 4: 9).

В кв. 46 обнаружен *нож* (длина 10,5 см, ширина лезвия 1,6 см), с уступами при переходе от черешка к лезвию, как со стороны спинки, так и со стороны лезвия (рис. 4: 1). Из кв. 19 происходит небольшой трехлопастной *наконечник стрелы* с треугольными лопастями длиной 4 см (рис. 4: 4). Железное (трензельное?) кольцо диаметром 4 см было найдено в кв. 40 (рис. 4: 5).

Усечено-биконические пряслица низких пропорций обнаружены в кв. 5 и в кв. 28 (табл. 8; рис. 4: 7, 8). К числу предметов *неопределенного назначения* относится половина керамического изделия в форме цилиндра с вогнутыми основаниями и боковыми гранями (диаметр 3,3 см, высота 2 см). В центрах обоих оснований прослеживаются конусовидные вдавления диаметром 0,5 см (рис. 4: 6).

В кв. 9 был найден *терочник* вытянуто-овальной формы, размером 11,2×5×3 см. Точильные камни представлены двумя фрагментами. Один из них был найден в кв. 6 (рис. 4: 3), другой в кв. 26.

Находки в раскопе III представлены двумя небольшими *керамическими дисками* и фрагментом *изделия неясного назначения* с отверстиями (рис. 4: 10–12).

Находки в раскопе IV также немногочисленны. В кв. 2 был обнаружен небольшой железный нож, с плавным переходом от черешка к лезвию и уступом со стороны спинки (рис. 4: 13). В кв. 29 был найден *круглодонный миниатюрный сосуд* со сквозным отверстием (для подвешивания?) в противолежащих стенках (рис. 4: 14). В кв. 5 и 9 найдены усечено-биконические пряслица низких пропорций (табл. 8; рис. 4: 15, 16).

Отдельно следует отметить наличие в материалах раскопов I, III, IV значительного количества черно-металлургических шлаков и кусков сидеритовой руды.

Керамический материал раскопов I, III, IV.

В общей сложности из раскопа I происходит 2080 фрагментов керамики и развал лепного сосуда. В раскопе III найдено 329 фрагментов керамики и в раскопе IV – 797 фрагментов. Плотность распространения массового материала составляет 9 фрагментов на 1 кв.м.

Лощеная посуда представлена единичными фрагментами небольшой чашевидной миски из раскопа IV (рис. 5: 11).

Найденные в раскопах I, III, IV фрагменты *керамики с шероховатой поверхностью* относятся к горшкам, мискам и дискам-лепешечницам.

Горшки. Полностью удалось реконструировать профиль одного горшка, найденного в кв. 29. Сосуд имеет округлобокое тулово с хорошо выраженными плечиками, шейка короткая, слегка отогнутая наружу. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть профиля. Высота сосуда – 20 см (рис. 5: 1).

Частично реконструированные фрагменты верхних частей горшков показывают, что преобладают слабопрофилированные формы (рис. 5: 2). Шейки сосудов короткие, прямые или отогнутые наружу. По сравнению с другими участками, изученными раскопами, в материале раскопов I, III, IV сравнительно чаще встречаются горшки с резким переходом от тулова к шейке и прямой расширяющейся кверху шейкой (рис. 5: 4, 7).

Из общей массы выделяется верхняя часть сосуда с высокой прямой расширяющейся кверху шейкой и резким переходом от тулова к шейке, сделанным почти под прямым углом (рис. 5: 6). Сосуд отличается плотной формовочной массой и тщательно заглаженной поверхностью.

Миски. Керамический комплекс раскопов I, III, IV отличается от материалов других исследованных участков высокой долей мискообразных сосудов. Фрагменты мисок составляют не менее 2,5% от общего количества. По числу реконструированных сосудов миски составляют абсолютное большинство.

Особенно много фрагментов мисок было обнаружено в южной части участка, исследованного раскопами. В раскопе IV их фрагменты составили 6% всей керамики.

Все миски имеют открытую чашевидную форму. Поверхность большинства мисок тщательно заглажена, за исключением одного случая (рис. 5: 3). Удалось полностью реконструировать две миски (рис. 5: 5, 8). Одна из них имела ребро в верхней части тулова (рис. 5: 8).

Диски-лепешечницы составляют 1,5% от всего количества керамики. Встречаются как диски без бортика, так и с небольшим бортиком по краю (рис. 5: 9, 10). Фрагментов с отверстиями не встречено. Диаметр реконструированных лепешечниц составляет 25-26 см.

Миниатюрные сосуды. Единственный миниатюрный сосуд, найденный в раскопе IV, имел

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

круглодонную форму и отверстия для подвешивания (рис. 4: 14).

Раскоп II. Раскоп II размером 16×4 м, вытянутый по линии запад – восток, был заложен на расстоянии 36 м к западу от раскопа I, непосредственно на оборонительных сооружениях городища (рис. 6).

Сооружения, исследованные в раскопе II, представлены укреплениями городища – рвом и валом и связанными с ними объектами.

Разрез укреплений выявил следующую картину. Верхние слои в раскопе II были представлены лесным дерном, и гумусированным мелкозернистым суглинком серо-коричневого цвета. В обоих слоях, которые по толщине в совокупности не превышали 20 см, встречались немногочисленные фрагменты керамики. Единичные фрагменты керамики, выявленные в насыпи вала, аналогичны материалу основного слоя городища.

Ниже залегал слой крупнозернистого суглинка светло-серого цвета. Этот слой имел различную мощность на разных участках раскопа. Наиболее мощным он был на внешней, ближней ко рву, поверхности вала, наименьшим – над рвом, где практически не прослеживался. Слабо выражен слой крупнозернистого суглинка и с внутренней стороны вала. Под слоем светло-серого крупнозернистого суглинка был выявлен еще один слой – плотного темно-серого, почти черного суглинка, ниже которого материк залегал на всей площади раскопа.

В кв. 6–7, 13–14 практически сразу под слоем дерна была выявлена полоса прокаленной глины шириной около 1 м. Она располагалась вдоль верха вала. Мощность прокала достигала 10 см. В прокале встречались отдельные угли, расположенные полосой, вытянутой вдоль вала. Под слоем прокала был выявлен плотный, темно-серый, почти черный суглинок.

Сооружение 1. В кв. 2–3, 9–10, на дне рва, на фоне материка были выявлены две параллельные канавки шириной около 20 см каждая и глубиной 14-20 см. Расстояние между канавками составило 55-85 см. В разрезе траншейки имели корытообразную форму с плоским дном и наклонными стенками. Над канавками в квадратах 2 и 9 на уровне зачистки первого пласта были встречены несколько мелких кусочков железных шлаков и более крупная крица.

Сооружение 2. В кв. 15 и 16 на фоне материка было выявлено темное пятно, примыкающее к валу. После расчистки выяснилось, что это пятно является следом незначительного углубления в материке. Непосредственно над ним было найдено скопление материала, включавшее в себя биконические пряслица, керамическую фигурку животного и развал горшковидного сосуда (рис. 7: А, 1–5). На основании наличия скопления материала и углубления в материке можно предположить, что в этом месте к валу городища примыкала какая-то постройка, частично вошедшая в пределы раскопа.

По прослеженным деталям можно реконструировать следующий несложный порядок возведения укреплений. Перед строительством во внутренней части будущего вала была выровнена площадка, после чего ее внутренняя часть была сильно обожжена. Затем на обожженной поверхности были устроены какие-то сооружения с использованием нетолстых веток, вероятно, для предотвращения оползания вала в сторону городища. После этого был выкопан ров, в основном – на глубину залегания почвенного слоя. При этом вынутая почва была использована для насыпания вала, а на дне рва были вырыты две продольные канавки.

Конструкция оборонительных сооружений городища не может быть восстановлена в полной мере. Возможно, по верху вала шел невысокий плетень, от которого остались отдельные угли, выявленные при расчистке, но следов более капитальных сооружений не было. Исследованные оборонительные сооружения вряд ли могли иметь серьезное фортификационное значение в древности, являясь, скорее, защитой от весеннего водотока или диких зверей.

На территории Среднего Поволжья известны 96 городищ 2-3 четверти I тыс. н.э. Их особенно много в северо-западной части региона, на территории Предволжья, в долине рр. Суры и Свияги. В непосредственной близости (в радиусе 10 км) от городища Новая Беденьга I расположены городища Круглая Поляна, Сланцевый Рудник II, Поливненские I и II, Комаровские I и II, относящиеся ко 2-3 четверти I тыс. н.э. Особенности оборонительных сооружений, однако, позволяют выделить городище Новая Беденьга I из общего ряда.

Подавляющее большинство городищ эпохи Великого переселения народов в Среднем Поволжье сооружены на узких вытянутых мысах. С напольной стороны такие мысы защищены высокими (3-6 м) валами шишковидной или кокошниковидной формы. Лишь 14 городищ (15%) имеют валы дуговидной формы, без возвышения в средней части. Как правило, такие валы восхо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

дят еще к I тыс. до н.э. Использование их населением 2-3 четверти I тыс. н.э. носило вторичный характер.

Сооружение укреплений на городище Новая Беденьга I относится ко 2 четверти I тыс. н.э. Об этом свидетельствует как керамический материал из насыпи вала, так и отсутствие материала раннего железного века на городище и на прилегающем к нему селище.

Конструкция оборонительных сооружений не находит аналогий среди раскопанных памятников Среднего Поволжья. Так, для городищ именьковской культуры характерно использование деревянных конструкций, наличие ям от столбов (Именьковское I городище; Калинин, Халиков, 1960), срубов (городище Шолом; Жиромский, 1958), иных деревянных бревенчатых сооружений (Старостин, 1967. С. 12).

Близкие по форме и размерам оборонительные сооружения известны на памятниках Чувашского Поволжья, содержащих материалы I тыс. н.э. (городище Иваньковская Стрелка; Мясников, 2012. С. 333). Невысокие валы с продуктами горения по верхнему краю отмечаются на городецких укрепленных поселениях (Разуваев, 2008. С. 71). Использование обожженной глины в насыпи вала Н.В. Трубникова и А.П. Смирнов отмечают как характерную черту укреплений городищ городецкой культуры (Смирнов, Трубникова, 1965).

Находки в раскопе II немногочисленны. Все они обнаружены в его восточной части со стороны площадки городища в кв. 15-16 на месте предполагаемой постройки. В кв. 14 была найдена лепная керамическая *фигурка* животного (рис. 7: А, 1), которая сохранилась фрагментарно. В кв. 16 найдены половина и целое лепное *пряслице* (табл. 8; рис. 7: А, 2, 3). Еще одно *пряслице* (табл. 8; рис. 7: А, 4) было найдено на кв. 15. Все пряслица имели усечено-биконическую форму и низкие пропорции.

Керамика раскопа II. Керамический материал раскопа II также небогат. Основная масса керамики найдена в кв. 14–16, в восточной части раскопа. Керамический комплекс представлен 101 фрагментом лепных сосудов. Удалось реконструировать только один горшок, обломки которого были найдены в кв. 16 на месте предполагаемого сооружения 2.

Горшок имел достаточно крупные размеры. Высота сосуда составляет 35 см, диаметр дна равен 16 см, диаметр венчика составляет 22 см. Наибольшее расширение тулова приходится на середину профиля, оформлено в виде сглаженного ребра, его диаметр составляет 35 см. Линия профиля сосуда на уровне его плеча (от максимального расширения до перехода к шейке) слегка выпуклая. Шейка сосуда невысокая, прямая, вертикальная. Срез венчика округлый, слегка отогнутый наружу. Сосуд плохо обожжен, имеет характерную «мажущуюся» поверхность (рис. 7: А, 5).

Горшок и индивидуальные находки из раскопа II, вероятно, составляют единый комплекс.

Селище Новая Беденьга I

Исследования селища начались одновременно с раскопками городища в 2009 г. За все время исследований были заложены три разведывательных шурфа и семь раскопов. Шурфы 1 и 2 впоследствии были включены в границы раскопов I и VII соответственно.

Шурф 3 площадью 4 кв. м был заложен на селище, на берегу южного оврага, в 30 м к западу от городища. Стратиграфия шурфа не отличалась от других участков памятников. Шурф оказался богат находками.

Вещевой комплекс представлен двумя железными пряжками, ножом, пряслицем и фрагментом керамического изделия.

Длина сохранившейся части *ножа* 15,5 см, ширина лезвия 2 см. Переход от черешка к клинку оформлен в виде уступов, как со стороны лезвия, так и со стороны спинки (рис. 7: Б, 1).

Одна из *пряжек* имеет В-образную форму, прямоугольную в сечении рамку, язычок, выходящий за пределы рамки. Кончик язычка загнут (рис. 7: Б, 2). Небольшая *пряжка* овальной формы также имела прямоугольное сечение рамки, язычок выступает за пределы пряжки. Кончик язычка загнут (рис. 7: Б, 3). *Пряслице* – усечено-биконической формы, низких пропорций, украшено мелкой радиальной насечкой по ребру и верхним граням (табл. 8; рис.7: Б, 4).

Из керамических находок в шурфе 3 наибольший интерес представляет развал чашевидной миски, которую удалось полностью реконструировать. Миска (рис. 7: Б, 6) имела довольно высокие пропорции. В верхней части прослеживается едва заметная шейка.

Раскоп I был заложен в центральной части памятника в 110 м к юго-западу от раскопа II на городище. Южная стенка раскопа находилась в 23 м к северу от края оврага. Его площадь составила 304 кв. м (рис. 8).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Стратиграфия раскопа I не отличалась от наблюдавшейся в других частях селища и на городище. Подавляющее большинство находок было обнаружено в слое мелкозернистого гумусированного суглинка на глубине 10-20 см от поверхности. На этой же глубине (на зачистке первого пласта) были зафиксированы и очертания сооружений. Всего было прослежено три сооружения, несколько ям (в кв. 1–2, 12, 14–15, 17–18 и в кв. 52, 55), канава естественного происхождения и восемь пятен прокала округлой или неправильной формы до 70 см в окружности и мощностью 4-10 см (табл. 9).

В процессе исследования удалось выявить несколько скоплений керамики, включавших в себя также кости животных.

Скопление 1 и 2 были выявлены в кв. 32, 33, 35, 36 (рис. 15). Фрагменты керамики (вместе со скоплением 2 – 335 фр.) располагались тремя группами: в юго-западной части кв. 36 на участке 90×50 см, в 30 см восточнее на участке размером 40×30 см, на границе кв. 33-36 и в кв. 35 на участке размером 40×40 см. Большинство фрагментов относится к относительно крупным слабопрофилированным горшковидным сосудам с шероховатой поверхностью (рис. 15: 1, 2, 4–6, 11). Среди них реконструируются формы со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 15: 7–10) и округлобокие (рис. 15: 9). Часть фрагментов (10 экз.) принадлежала лепешечницам с невысоким бортиком (рис. 15: 16), без бортика (рис. 15: 12–15, 17), крышке (рис. 15: 18), миниатюрным сосудам (3 экз.). Найден один фрагмент венчика лощеного сосуда (рис. 15: 3).

Скопление 4 было выявлено в кв. 38–39 (рис. 16). Фрагменты керамики (всего 233 фрта с первого и второго пластов) располагались несколькими небольшими группами размером 20-30×15-20 см на площади 2,3×2,2 м. Большая часть фрагментов принадлежит четырем горшкам. Два сосуда из скопления 4 удалось реконструировать до полного профиля. Один из них – горшок крупных размеров, со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова, короткой прямой расширяющейся кверху шейкой. Второй горшок небольших размеров, слабопрофилированный, со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 16: 2, 3). Частично реконструированные фрагменты верхних частей принадлежат сосудам небольших размеров, судя по сохранившимся частям – округлобоким (рис. 16: 5, 6, 7). В скоплении 4 также обнаружены фрагменты лепешечниц (3 экз.), мискообразного (?) сосуда (рис. 16: 4) и обломок керамического изделия (рис. 16: 1), предположительно – зооморфной фигурки или ножки сосуда.

Скопление 5 было выявлено в кв. 60 на участке размером 115×70 см (рис. 8). В состав скопления входили фрагменты (всего 207 шт. с первого и второго пластов), подавляющая часть которых принадлежала одному очень крупному округлобокому горшковидному сосуду (рис. 17: 3). Культурный слой в месте расположения фрагментов керамики содержал мелкие угольки.

Скопления 3, 6 и 7 включали в себя обломки сосудов последней четверти I тыс. н.э. и в настоящей статье не рассматриваются.

Сооружения раскопа I. Всего в раскопе I было выявлено три сооружения, два из которых представляли собой остатки наземных построек, зафиксированные по пятнам прокала, а одно – углубленную в материк яму. Все сооружения были прослежены на фоне погребенной почвы – крупнозернистого слабогумусированного суглинка.

Сооружение 2 было обнаружено на зачистке первого пласта в кв. 9, 11, 13–14, 16, 19, 22, 25, 39, 42–51, 53–54, 57 (рис. 18: А). Оно фиксировалось в виде полос прокаленных глины и суглинка шириной 1-1,7 м. Полосы образовывали почти правильный прямоугольник, вытянутый в направлении северо-запад – юго-восток на 9,3 м, а в направлении юго-запад – северо-восток – на 7 м. Прокал хорошо фиксировался в профиле, он залегал на слое крупногранулированного суглинка (в отдельных местах прорезая его), верхняя часть которого в некоторых местах также была прокалена. Мощность прокала составляла 5-15 см. Под слоем прокала в слое суглинка встречались отдельные находки, среди них – фрагмент ручки амфоры (рис. 18: В, 6), найденный в кв. 16 (см. ниже).

В кв. 48, 51 было выявлено пятно прокала округлой формы размером 64×54 см. Мощность прокала составляла 10-15 см. Вероятно, он маркирует место расположения открытого очага.

Заполнение сооружения 2 представляет собой светло-серый крупногранулированный суглинок, слабо отличающийся от стратиграфического слоя № 3 на других участках: единственным отличием был более светлый, белесый цвет этого слоя в границах сооружения 2. Наиболее светлый оттенок он имел непосредственно под полосами прокала.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Верхняя граница заполнения сооружения 2 может быть определена только приблизительно, видимо, она совпадает с границей слоя серо-коричневого мелкогранулированного суглинка и слоя светло-серого крупногранулированного суглинка. Дно сооружения 2 находилось на уровне материка, не углубляясь в него.

Находки, которые можно отнести к заполнению постройки, немногочисленны. В кв. 51 на втором пласте в сооружении 2 найдено глиняное изделие округлой формы с углублением внутри (рис. 18: Б, 2). На том же квадрате при расчистке прокала был найден фрагмент продуха (рис. 18: Б, 1). В кв. 16 под слоем прокала и над слоем крупнозернистого серого суглинка, то есть непосредственно между двумя слоями, найден фрагмент ручки амфоры овально-уплощенной формы (рис. 18: В, 6).

Из сооружения 2 происходит 120 фрагментов лепной керамики, в основном – невыразительные обломки горшковидных сосудов с шероховатой поверхностью (рис. 18: В, 1–4, 7–10), обломок горшковидного сосуда с тщательно заглаженной поверхностью (рис. 18: В, 3), фрагмент мискообразного сосуда, а также два фрагмента лепешечниц (рис. 18: В, 5, 11).

Сооружение 2 представляет собой остатки разрушенной (в результате пожара?) наземной постройки. Характер ее заполнения, малочисленность находок, отсутствие выровненного пола позволяют предположить, что постройка не являлась постоянным жилищем. Конструкцию стен определить трудно, но ясно, что она не была каркасно-столбовой, поскольку ямы от столбов не зафиксированы. Вероятно, стены были сооружены с использованием минерального материала, прокалившегося в результате пожара и при разрушении образовавшего описанные выше полосы прокала. Постройка имела внутреннюю перегородку, делившую ее на две части. В центре северо-западной камеры (в кв. 48, 51) находился открытый очаг. Возможно, он был связан с производственной деятельностью: об этом свидетельствует обнаружение в слое прокала фрагмента продуха (рис. 18: Б, 1).

Аналогии сооружению 2 в древностях Среднего Поволжья I тыс. н.э. авторам неизвестны. Наземные постройки глинобитной конструкции исследованы в материалах черняховской культуры (Рикман, 1975. С. 69, рис. 7; Обломский, 2003. С. 207, рис. 58), традиция сооружения стен с использованием глинобитной техники, по мнению А.М. Обломского, распространяется под черняховским влиянием и в киевской культуре на позднем этапе ее развития (Обломский, 2003. С. 52). Имеющиеся материалы, однако, пока не дают достаточных оснований для отождествления сооружения 2 с киевскими и черняховскими постройками.

Сооружение 3 было зафиксировано в кв. 31, 32, 34, 35, 62, 63, 65, 66, 70 на зачистке первого пласта в виде крупного пятна прокаленных глины и суглинка неправильной «С»-образной формы, размером 5,3×2,7 м (рис. 19: А). Мощность прокала в профиле достигала 13 см. Прокал залегал на слое крупнозернистого суглинка, который имел под ним меньшую мощность, чем на других участках раскопа. В кв. 31 прокал доходил до уровня поверхности материка.

Под слоем прокала было выявлено незначительное углубление в материке. Только в северной части оно достигало 36 см от поверхности материка, южнее оно практически исчезало. В центральной и южной части углубление не превышало 5 см.

Находки в сооружении 3 представлены 48 фрагментами лепных сосудов, найденными в слое прокала. Наибольшую их часть составляют фрагменты (всего 25 шт.) горшковидного сосуда с защипами по краю венчика (рис. 19: В, 1), найденные в кв. 35 в слое прокала на площади 35×40 см. Кроме того, были обнаружены невыразительные обломки горшковидных сосудов (рис. 19: В, 3) и один – мискообразного (рис. 19: В, 2). В кв. 31 и 32 найдены фрагменты миниатюрных сосудов (рис. 19: Б, 34, 35).

Единственной индивидуальной находкой из сооружения 3 является обломок таранной кости лошади (рис. 19: Б,1), кальцинированный, с просверленным сквозным отверстием, обнаруженный в нижней части скопления керамики 3 в слое прокала.

Вероятно, сооружение 3 представляло собой какую-то наземную постройку, погибшую в результате пожара.

Сооружение 4 было выявлено в кв. 67, 68, 73, 74. Оно представляло собой яму квадратной формы в верхней части, размером 1×1 м (рис. 20: А). Заполнение сооружения состояло в верхней части из глины желтого цвета, в нижней – из плотного черного суглинка.

В заполнении обнаружено 15 фрагментов лепных сосудов (рис. 20: Б,1-3), среди которых – придонная часть горшковидного сосуда (рис. 20: Б,4). Стенки ямы сужались ко дну, ее наиболее глубокая часть находилась в северо-западном

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

углу (106 см от уровня фиксации контуров). Возможно, яма использовалось в качестве столбовой и была забутована желтой глиной в верхней части для лучшего укрепления столба.

Следует отметить, что подпрямоугольную форму хозяйственных ям Д.А. Сташенков считает одним из признаков памятников типа Сидельки-но-Тимяшево (Сташенков, 2005. С. 44).

В общей сложности, материалы раскопа I позволяют выделить два условных комплекса:

1) комплекс сосудов из скопления керамики 1, включающий в себя два крупных фрагмента сосудов средних размеров со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова, округлобокий сосуд с высокой прямой вертикальной шейкой и несколько верхних частей сосудов, имевших, судя по сохранившимся фрагментам, округлобокое тулово (рис. 15);

2) комплекс сосудов из скопления керамики 4, включающий в себя крупный сосуд со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова, слабопрофилированный сосуд со сглаженным ребром на середине высоты, и верхние части округлобоких сосудов средних размеров (рис. 16).

Вещевой материал из раскопа I.

Спинка фибулы (рис. 9: 3 (2009)) была обнаружена в кв. 2. Длина фибулы – 11 см, ножка имеет ромбовидное расширение в средней части размером 3,5×2 см. Углы ромба закруглены. Спинка уплощена, ее ширина – 0,8 см. Стойка имеет отверстие диаметром 2 мм, заполненное коррозированными остатками железной оси пружины. В средней части ножки сохранилась железная заклепка, крепившая утраченный приемник.

Рамка пряжки (рис. 9: 8), округлой формы, с внешним диаметром 2,3 см и внутренним – 1,2 см, изготовленная из круглой в сечении проволоки толщиной 0,6 см, найдена в кв. 33. С передней, несколько утолщающейся, стороны рамки имеется накипь, возможно, след от язычка.

Железный *нож* (шурф 1, 2009 пл.) черешкового типа (рис. 9: 1) был найден в кв. 1. Длина сохранившейся части – 11,8 см, с максимальным расширением лезвия – 2 см, длина черешка – 3,7 см, кончик обломан. Переход от черешка к клинку оформлен в виде уступов, как со стороны лезвия, так и со стороны спинки.

Еще один *нож* черешкового типа (рис. 9: 2) длиной 8,8 см, с максимальным расширением лезвия 1,8 см, длиной лезвия 6,3 см, длиной черешка 2,5 см имел резкий переход от черешка к клинку, оформленный в виде уступов, как со стороны лезвия, так и со стороны спинки. Он был найден в кв. 55.

Фрагмент *ножа* (рис. 9: 51) размером 3,5×1,5×0,5 см был найден при разборке отвала. Несмотря на незначительные размеры обломка, на нем явно прослеживается переход от черешка к клинку со стороны спинки, оформленный в виде уступа. Линия спинки лезвия находится под тупым углом к линии черешка. Переход от черешка к клинку со стороны лезвия плавный.

Шилья круглые в сечении были найдены в кв. 2 и 54 (рис. 9: 7). У обоих экземпляров один конец заострен, другой тупой, в средней части имеется утолщение от коррозии. Шилья относятся к общераспространенным типам.

Небольшое (видимо, ювелирное) *зубильце* (рис. 9: 4) было обнаружено в кв. 64. Оно имеет длину 8,6 см, квадратное у основания и суживающееся к рабочему краю сечение. Из-за коррозированности невозможно понять, имело ли зубило на основании квадратную грибовидную шляпку изначально, или она возникла в процессе пользования орудием.

Двусоставные кольчатые *удила* (рис. 9: 5) длиной 17 см (длина грызла 11,5 см) были найдены в кв. 75. Трензельные кольца отсутствуют.

Кончик *серпа* (рис. 9: 50), состоящий из двух фрагментов, был найден в кв. 65. Общая длина его составила 6,8 см, наибольшая ширина лезвия – 1,1 см. Кончик загнут внутрь. На лезвии просматриваются зазубрины.

Единственный найденный в раскопе I *наконечник стрелы* (рис. 9: 6) ромбовидный, черешковый, трехлопастной обнаружен при разборке слоя в кв. 31–36. Общая длина его составляет 5,1 см, длина черешка – 1,8 см. Лопасти имеют ромбовидную форму, верхняя часть боевой головки несколько больше нижней. Грани нижней части боевой головки слегка вогнуты.

Невыразительные предметы из железа представлены *фрагментами двух пластин*, прямоугольной формы (рис. 9: 86) и аморфным со следами заклепок (рис. 9: 53), а также *обломком какого-то изделия* (рис. 9: 52).

Среди глиняных изделий можно отметить находки *миниатюрных лепешкообразных глиняных грузиков* (рис. 10: 31, 32), *лепного лепешкообразного «хлебца»* округлой формы (рис. 10: 29), *фрагмента керамического диска*, украшенного точечными вдавлениями с обеих сторон (рис. 10: 63), *модели или заготовки пряслица* (рис. 10: 22), *предмета грибовидной формы* (рис. 10: 37) и других изделий (рис. 10: 76, 99; 16, 1; 18: Б, 2).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Отдельно следует упомянуть находки *«жетонов»*, изготовленных из стенок амфоры с рифленой поверхностью. Один из них, найденный на кв. 13 имел форму четырехугольника со скругленными углами (рис. 10: 26); второй, округлый, был склеен из двух фрагментов, найденных в кв. 28 и 54 (рис. 10: 28).

Продух. На кв. 51 в сооружении 2 при расчистке пятна прокала был обнаружен *фрагмент продуха* (рис. 18: Б,1) размером 4,0×4,5 см толщиной 2,5-3,8 см. Внешняя поверхность продуха бесформенная, внутренняя ровная, слегка вогнутая. С одной стороны фрагмента сохранился след от отверстия диаметром около 2 см.

Пряслица и их фрагменты из раскопа I (табл. 8) представлены 14 экземплярами. Усечено-биконические пряслица средней высоты со сглаженным ребром найдены на кв. 22 (рис. 11: 17, 20), с резким ребром – в кв. 20, 23 (рис. 11: 15) и на кв. 53 (рис. 11: 19). Усечено-биконические пряслица низких пропорций и их фрагменты найдены в кв. 15, 19, 20, 23, 27, 29, 32, 42, 51–52, при разборке отвала кв. 76–78 (рис. 11: 9–16, 18–19, 21). Можно отметить, что пряслица из кв. 20, 23 и 52 отличаются относительно меньшим диаметром отверстия и общей «массивностью» (рис. 11: 15, 19).

Фрагмент квадратного (2,1×1,8 см) в сечении *оселка* (рис. 10: 48) длиной 2 см был обнаружен на кв. 69. Камень, вероятно, использовавшийся в качестве *точильного*, имел трехгранную форму и размеры 4,5×3,2×2,5 см. Он был найден на кв. 3. Следы сработанности обнаруживаются на всех гранях камня. Камень трехгранной формы со следами сработанности на одной стороне, вероятно, использовавшийся как *терочный*, был обнаружен на кв. 36. Его размеры составляют 8,5×8,2×3,0 см.

Костяные изделия из раскопа I представлены единственным *фрагментом кальцинированной таранной кости лошади* (рис. 20: Б,1) с просверленным отверстием, найденным в кв. 35 в составе скопления керамики 3 в прокале сооружения 3.

Керамика раскопа I, относящаяся ко 2-3 четверти I тыс. н.э., представлена 2862 фрагментами лепных и 46 фрагментами круговых сосудов.

Сосуды, изготовленные с применением гончарного круга, представлены обломками двух амфор. Корпус одной из них, с рифленой внешней поверхностью, удалось частично реконструировать (рис. 14: 23). Вторая представлена овально-уплощенной в сечении ручкой (рис. 18: 6). Следует отметить, что из фрагментов амфоры с рифленой поверхностью сделаны два керамических жетона (рис. 10: 26, 28).

Лепная посуда имела лощеную и шершавую поверхность.

Лощеная керамика представлена единичными фрагментами (7 шт.) трех сосудов.

Форма двух из них не поддается восстановлению. Сохранились только обломки высокой прямой расширяющейся кверху шейки с уплощенным верхом, переход от плеча к шейке выполнен почти под прямым углом (рис. 29: В, 1), (рис. 18: В, 3). Фрагменты одного из этих сосудов встречены также в раскопе IV (рис. 15: 3).

Третий сосуд представлен нижней частью миски (рис. 14: 11).

Посуда с шероховатой поверхностью представлена горшками, мисками, дисками-лепешечницами, крышками и миниатюрными сосудами.

Горшки. В материалах раскопа I выявлены фрагменты примерно 50 различных горшковидных сосудов. Реконструированы в достаточной для понимания формы сосуда степени могут быть только 11 из них. Среди этих последних могут быть выделены следующие формы:

1) очень крупный округлобокий сосуд с высокой прямой вертикальной шейкой (1 экз.) (рис. 17: 3);

2) крупные сосуды, со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова, с короткой прямой или слегка отогнутой наружу шейкой (1 экз.) (рис. 16: 3);

3) горшки средних размеров, округлобокие, с короткой прямой или отогнутой наружу шейкой (рис. 15: 1, 2; 16: 6);

4) горшки средних размеров, высоких пропорций, округлобокие, с высокой прямой вертикальной шейкой (2 экз.) (рис. 13: 1; 15: 9);

5) небольшие округлобокие горшки с относительно хорошо профилированной верхней частью, относительно высокой прямой расширяющейся кверху шейкой, орнаментированным венчиком (в 50% случаев) (4 экз.) (рис. 14: 1, 2, 4, 7).

6) небольшой сосуд с узким дном, выраженными плечиками, относительно высокой отогнутой наружу шейкой, венчиком, украшенным пальцевыми вдавлениями (1 экз.) (рис. 19: В, 1).

Фрагментированные верхние части сосудов демонстрируют абсолютное преобладание слабопрофилированных форм с плавным переходом от тулова к шейке, короткой и очень короткой шейкой, прямой или отогнутой наружу (рис. 13).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Миски. В раскопе найдены единичные фрагменты (7 шт.), по всей видимости одной миски чашевидной формы (рис. 19: В,2).

Диски-лепешечницы. Довольно многочисленной категорией керамического материала являются фрагменты дисков-лепешечниц. Всего найдено 57 фрагментов дисков, что составляет 2% от всей керамики. Они встречены в составе скоплений 1–2 (рис. 15: 12–17), скопления 4, сооружения 2 (рис. 18: 5,11). В культурном слое встречены экземпляры с небольшим (до 1 см) бортиком (рис. 14: 8–10, 12–13) и без него (рис. 14: 14–16, 18–22). Толщина лепешечниц составляет от 0,7 до 1,3 см. Диаметр варьируется очень широко: от 10 до 40 см. Фрагментов с отверстиями не встречено. Следует отметить, в раскопе I преобладают лепешечницы диаметром менее 25 см.

Крышки (3 экз.). К этому типу керамики относятся воронковидные изделия с высокой вертикальной ручкой, предположительно использовавшиеся как крышки для сосудов (рис. 14: 17; 15: 18). Всего найдены фрагменты от трех крышек, одна из которых реконструируется полностью (рис. 14: 24).

Миниатюрные сосуды (33 экз.) и их фрагменты являлись довольно многочисленной категорией находок в раскопе I. Всего было найдено 53 фрагмента от различных миниатюрных сосудов. Можно выделить горшковидные и рюмкообразные формы.

Горшковидные миниатюрные сосуды (17 экз.) были обнаружены в скоплениях 1–2, сооружении 3, культурном слое памятника. Высота сосудов варьируется в пределах 4–6,5 см, диаметр днища – около 3 см, диаметр по венчику – 2–4,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 3–7 см (рис. 12: 43, 55, 59, 68, 75). Форма горшковидных миниатюрных сосудов характеризуется наличием ребра в месте наибольшего расширения тулова, выраженных плечиков и короткой прямой шейки. Поверхность сосудов тщательно заглажена или подлощена. Отдельные экземпляры (рис. 12: 61) орнаментированы насечкой по ребру сосуда.

Полностью реконструируемый горшковидный сосуд (рис. 19: Б, 34) был собран из фрагментов, найденных в кв. 28, 32 и в прокале сооружения 3. Высота сосуда составила 6,3 см, диаметр по дну – 2,8 см, в месте наибольшего расширения тулова (по ребру) – 5,3 см, по венчику – 4,4 см. Поверхности заглажены мягким предметом. Край венчика скошен наружу, шейка короткая, слегка отогнутая наружу.

Рюмкообразные миниатюрные сосуды (16 экз.). Их фрагменты найдены в скоплении 5 (рис. 17: 1), сооружении 3 (рис. 19: Б, 35) и культурном слое памятника (рис. 12: 33, 36, 65). Диаметр сосудов по венчику колеблется в пределах 2,5–3 см.

Раскоп II (рис. 21) был заложен на западной окраине памятника, к северо-западу от края водоносного оврага, в 10 м от него, в 360 м к западо-юго-западу от раскопа I. Площадь раскопа составила 128 кв.м.

Стратиграфия раскопа II несколько отличалась от других участков исследованных памятников. Слой мелкозернистого суглинка встречался не на всей площади раскопа, в основном, заполняя поверхностные углубления. Только в северно-восточной части исследованной площади он становился непрерывным. Находки залегали не в этом слое, а в нижележащем сильно оподзоленном суглинке светло-серого (пепельно-серого, желтовато-серого) цвета, в верхней части – мелкозернистом, в нижней части – крупнозернистом, мощностью до 30 см.

Культурный слой в раскопе II имел мощность 10-20 см. На зачистке первого пласта были зафиксированы скопления керамики 1 и 2, очертания пятен прокала (табл. 9) и сооружения 1.

Скопление 1 было выявлено в кв. 28. Фрагменты сосудов (всего 85 шт.) располагались на участке неправильной формы размером 50×80 см (рис. 21). В состав скопления входили фрагменты крупного горшковидного сосуда со сглаженным ребром (рис. 22: В, 2), лепешечницы, фрагментированные части других горшковидных сосудов (рис. 22: В, 1).

Скопление 2 было выявлено в кв. 1, 2, 5, 6. Фрагменты сосудов (всего 431 шт.) располагались несколькими группами на общей площади 370×210 см (рис. 21). Черепки принадлежат сильно профилированной миске с высокой прямой расширяющейся кверху шейкой (рис. 23: Б, 1), нижней части еще одной миски (рис. 23: Б, 14), лепешечницам (рис. 23: Б, 7) и горшковидным сосудам (рис. 23: Б, 2–6, 11, 15–17). Со скоплением 2, вероятно, составляют единый комплекс находки обломка керамического пряслица усечено-биконической формы (рис. 23: А, 3) и фрагмент глиняной зооморфной фигурки (рис. 23: А, 1).

В кв. 2 в центральной части скопления керамики 2 было выявлено пятно прокала серо-розоватого цвета, овальной формы, размером 68×30 см, мощностью до 5 см. Культурный слой побли-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

зости от прокала был насыщен мелкими угольками. Пятно прокала получило название ***очаг 1.***

Сооружение 1 (рис. 21) было выявлено на зачистке материка после снятия второго пласта в кв. 6. Пятно сооружения на уровне фиксации контуров имело неправильную, почти округлую форму и размеры 80×60 см. В его центральной части располагались пятна переотложенного прокаленного минерального вещества. Заполнение сооружения представляло собой зернистый гумусированный суглинок с вкраплениями углей. В нем выявлено 16 мелких фрагментов лепной керамики. Глубина сооружения не превышала 25 см от уровня фиксации. К центру ямы дно ее было слегка углублено.

Сооружение 1, вероятно, составляет единый комплекс с обнаруженным при снятии первого пласта прокалом (очаг 1) и скоплением керамики 2. Возможно, что в этой части раскопа находилась какая-то легкая, не углубленная в материк постройка. В этом случае можно интерпретировать сооружение 1 как столбовую яму.

Таким образом, в материалах раскопа II можно выделить два условных комплекса.

1) Комплекс скопления керамики 1, представленный крупным горшком со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова и верхней частью округлобокого горшка средних размеров (рис. 22: В).

2) Комплекс сооружения 2, в составе которого выявлены фрагменты мисок и верхние части слабопрофилированных горшков (рис. 23).

Вещевой материал раскопа II. Индивидуальные находки из раскопа II немногочисленны. Они представлены 5 керамическими изделиями: обломком зооморфной фигурки и четырьмя пряслицами (одним целым и тремя фрагментами).

Обломок зооморфной фигурки (рис. 23: А,1) представляет собой переднюю часть изображения животного с сохранившимися двумя ногами и массивным туловищем. Голова обломана. Вид животного по имеющейся части определить невозможно. Ее размеры – 3,8×3,3×2,6 см.

В раскопе II найдены четыре *усечено-биконических пряслица.* Одно из них (рис. 23: А, 3) относится к комплексу находок в скоплении 2, оно найдено на кв. 6. Остальные три обнаружены на кв. 20, 22, 23 (рис. 22: А). Пряслица из раскопа II отличаются малыми размерами (табл. 8).

Керамика раскопа II. Керамический комплекс раскопа II представлен 915 фрагментами лепных сосудов. По форме сосуды подразделяются на горшки, миски, диски-лепешечницы и крышки.

Горшки. Всего в материалах раскопа II насчитывается не менее восьми горшков. Удалось реконструировать профиль крупного слабопрофилированного горшка со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова из скопления 1. В том же скоплении найдена верхняя часть округлобокого горшка средних размеров (рис. 22: В, 1, 2).

Миски. Найдены фрагменты двух мисок, одну из которых удалось реконструировать почти полностью (рис. 23: Б, 1). Миска имела округлобокое тулово с максимальным расширением в верхней трети сосуда (соотношение верхней и нижней частей 1/3), хорошо выраженными плечиками, высокой прямой расширяющейся кверху шейкой. Верхняя часть сосуда заметно асимметрична. Вторая миска представлена небольшим фрагментом придонной части (рис. 23: Б, 14).

Диски-лепешечницы. Фрагменты дисков-лепешечниц составляют 2,5% всей керамики, найденной в раскопе II. В скоплении 2 встречены экземпляры с небольшим (до 0,5 см) бортиком (рис. 23: Б, 7), в культурном слое – с бортиком (рис. 22: Б, 7, 8) и без него (рис. 22: Б, 10). Толщина лепешечниц составляет от 1,1 до 1,5 см. Диаметр варьируется очень широко: от 10 до 40 см. Значительная часть фрагментов из скопления 2 и культурного слоя имеет многочисленные отверстия диаметром 0,2-0,4 см (рис. 22: Б, 10; 23: Б, 7). Два фрагмента с бортиком (из культурного слоя) орнаментированы по бортику косой насечкой (рис. 22: Б, 7, 8). На одном фрагменте сохранились заметные отпечатки грубой ткани типа рогожи.

Крышки представлены единственным фрагментом, найденным в кв. 29 (рис. 22: Б, 9). Форма крышки аналогична найденной в раскопе I. Реконструируемый диаметр нижней части составляет 12 см.

Раскоп III был прирезан с юга к раскопу I. Расстояние от южного края раскопа III до края оврага составляет около 10 м. Площадь раскопа IV составила 120 кв.м (рис. 24). Стратиграфия раскопа III полностью аналогична стратиграфии раскопа I.

Культурный слой в раскопе III оказался очень беден находками. Всего в ходе работ в раскопе был найден 631 фрагмент сосудов, что в среднем составляет 5 фрагментов на 1 кв. м. Кроме керамики, обнаружены два обломка пряслица усечено-биконической формы.

Основная часть находок концентрировалась в кв. 1–3, 19 и 28. В ходе исследований в раскопе

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

III были выявлены два скопления прокаленных минеральных частиц и продуктов горения дерева, обозначенные как очаги 1 и 2 (табл. 9). Кроме того, в кв. 1, 3 и 20 обнаружены скопления керамики. После снятия культурного слоя в материке в кв. 7, 10, 16, 19, 20, 23, 24 были прослежены углубления-западины, заполнение которых не содержало культурных остатков. Западины, вероятно, имеют естественное происхождение.

Скопление керамики 1 обнаружено в кв. 3. Оно представляет собой южную часть скопления керамики 4 раскопа I. Фрагменты сосудов (36 шт.) располагались двумя участками 50×40 см. Удалось реконструировать верхние части четырех горшков (рис. 25: А, 1–3, 5). Наряду с горшками, в составе скопления 1 выявлены фрагменты дисков-лепешечниц (рис. 25: А, 4). В 1,5 к западу от скопления 1 были найдены два расположенных перпендикулярно друг к другу обугленных куска дерева, сохранивших структуру.

Скопление керамики 2 было найдено в северо-западной части кв. 1. Всего найдено 25 черепков. Частичной реконструкции поддаются фрагменты диска лепешечницы и верхней части горшка (рис. 25: Б, 1, 2).

Скопление керамики 3 находилось в кв. 20. В состав скопления входили 15 фрагментов сосудов, залегавших вперемешку с углями и сажей на участке 100×30 см. Реконструировать не удалось ни одного сосуда.

Таким образом, в материалах раскопа III можно условно выделить только один относительно представительный комплекс, включающий в себя материалы скопления 1 раскопа III и скопления 4 раскопа I (рис. 16; 25, А). Этот комплекс включает в себя (с учетом материалов раскопа I) крупный сосуд со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 16: 3), слабопрофилированный сосуд со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 16: 2) и несколько верхних частей слабопрофилированных, вероятно, округлобоких сосудов (рис. 16: 6, 7), (рис. 25: А, 5).

Находки из культурного слоя раскопа III очень немногочисленны. Они представлены двумя фрагментами пряслица усечено-биконической формы, найденными в кв. 28 (табл. 8; рис. 25: В, 16).

Керамика из раскопа III. Керамический комплекс раскопа III представлен фрагментами горшков, мисок, дисков-лепешечниц, конических крышек с высокой вертикальной ручкой и миниатюрных сосудов.

Вся керамика раскопа III лепная; она представлена посудой с лощеной и шершавой поверхностью.

Лощеная керамика представлена 11 фрагментами нижней части сосуда, вероятно – миски, найденными в кв. 4, 6 и 9 (рис. 25: В, 13).

Вся остальная керамика имеет шершавую поверхность. Подавляющую ее часть составляют фрагменты горшков. Фрагменты мисок составляют около 4% комплекса, дисков-лепешечниц – 2,7%. Фрагменты крышек единичны.

Горшки. Всего в раскопе III найдены фрагменты пяти горшков, у которых удалось частично реконструировать верхние части (рис. 25: А, 1–3, 5; Б, 2). Фрагментарность материала не позволяет точно определить форму сосудов. Можно лишь отметить, что все они – слабопрофилированные и, по всей видимости, округлобокие.

Миски. В кв. 28 найдено 26 фрагментов миски чашевидной формы (рис. 25: В, 12). Диаметр ее по венчику составляет 26 см, край венчика уплощен.

Диски-лепешечницы. Всего из раскопа III происходят 17 фрагментов, как минимум, четырех дисков-лепешечниц. Диаметр реконструируется только у лепешечницы с кв. 19, он составляет 28 см (рис. 25: В, 15). Только один из дисков, найденный в кв. 23, имеет небольшой (0,5 см) бортик по краю (рис. 25: В, 14), остальные – без бортиков.

Крышки. В раскопе IV в кв. 11 и 12 найдены три фрагмента двух крышек конической формы с высокой вертикальной ручкой (рис. 25: В, 9, 11).

Раскоп IV был прирезан с севера к раскопу I. Площадь раскопа IV составила 96 кв.м. Каких-либо стратиграфических особенностей на этом раскопе не замечено (рис. 24).

Культурный слой на раскопе IV относительно богат находками. Всего в ходе работ было найдено 1567 фрагментов сосудов, что в среднем составляет 16 шт. на 1 кв. м. Кроме керамики, было обнаружено 20 индивидуальных находок.

Материалы распространены по площади раскопа неравномерно. Наибольшая концентрация материалов наблюдалась в восточной части раскопа. В ходе исследований в раскопе IV было выявлено пять пятен прокала (табл. 9) и восемь скоплений керамики.

Прокал в кв. 10 представлял собой округлое пятно обожженной глины и суглинка, перемешанного с продуктами горения дерева, размерами 50×60 см и мощностью 7-8 см. В 0,5 м к юго-западу от него на в кв. 9 располагалось еще одно

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

пятно прокала, размерами 100×35 см, вытянутое в направлении север-юг. Пятно представляло собой скопление прокаленных минеральных частиц и продуктов горения дерева.

Вероятно, прокалы в кв. 9 и 10 представляют собой остатки открытого очага и составляют единый комплекс вместе со скоплением керамики 2 в кв. 10 и 4.

Прокал в кв. 11 представлял собой округлое пятно обожженной глины и суглинка, перемешанных с продуктами горения дерева, диаметром 35 см и мощностью около 5 см. В средней части прокала находилась небольшая западина, заполненная продуктами горения. Скорее всего, прокал образовался в результате функционирования на этом месте в древности открытого очага. Обращает на себя внимание, что уровень прокала в кв. 11 на 10-15 см глубже, чем у аналогичного прокала в кв. 10. В непосредственной близости от прокала в кв. 11 были найдены фрагменты тщательно заглаженного горшка. Предположительно, они составляют единый комплекс.

Скопление керамики 1 было обнаружено в юго-восточной части раскопа, в кв. 5–6. На участке 2×0,7 м, вытянутом в направлении северо-запад – юго-восток, найдены 103 фрагмента сосудов. Большая их часть относится к двум горшкам: крупному грубому со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 27: А, 1) и небольшому округлобокому сосуду (рис. 27: А, 2). Оба горшка удалось реконструировать до полного профиля. Этим же сосудам принадлежали фрагменты, найденные в раскопе I в кв. 76–78. Фрагменты других сосудов, обнаруженных в составе скопления 1, невыразительны.

Скопление керамики 2 было зафиксировано в кв. 4, 10, в 0,3 м к югу от прокала в кв. 10. Фрагменты сосудов располагались на овальном участке размером 190×120 см. Всего в скоплении 2 найден 181 фрагмент сосудов. Черепки принадлежат различным сосудам, но наибольшее их количество относится к трем горшкам: крупному очень грубому сосуду со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 27: Б, 1) и двум небольшим сосудам – округлобокому (рис. 27: Б, 2) и «тюльпановидному» (рис. 27: Б, 3). Наряду с горшками, в составе скопления 1 выявлены фрагменты дисков-лепешечниц (рис. 27: Б, 4) и усечено-биконическое пряслице (табл. 8; рис. 27: Б, 6).

Скопление керамики 3. В восточной части кв. 11 при снятии первого пласта были выявлены крупные фрагменты горшка широких пропорций с тщательно заглаженной поверхностью (рис. 29: В, 5), которые были обозначены как скопление керамики 3. Однако в ходе расчистки выяснилось, что фрагменты единичные и не образуют скопления.

Скопление керамики 4 было выявлено в кв. 24. Здесь на участке 75×40 см были найдены 35 черепков разных сосудов. Поддаются реконструкции только верхние части отдельных горшков (рис. 29: А, 1, 2, 3).

Вместе с фрагментами сосудов был найден обломок усечено-биконического пряслица (табл. 8; рис. 29: А,17).

Скопление керамики 5 зафиксировано в кв. 21. На площади, занятой скоплением, и рядом с ним какие-либо признаки прокалов отсутствуют, однако имеются следы активной хозяйственной деятельности в древности. В непосредственной близости от скопления 5 найдены два усечено-биконических *пряслица* низких пропорций (табл. 8; рис. 28: 7, 8), *терочный камень* (рис. 28: 19), фрагмент *миниатюрного сосуда* (рис. 28: 18), глиняная *бусина* бочонковидной форму, высотой 1,3 см диаметром 0,9 см в месте наибольшего расширения (рис. 28: 4).

В составе скопления и в непосредственной близости от него найдены фрагменты крупного сосуда со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 28: 1).

Скопление керамики 6 выявлено в кв. 17 и 23. Здесь на площади 70×40 см были найдены 48 фрагментов различных сосудов, в том числе обломки дна крупного горшка из скопления 1 (рис. 27: А, 1) и несколько крупных фрагментов горшка широких пропорций с тщательно заглаженной поверхностью из кв. 11 (рис. 29: В, 5).

Вероятно, скопление образовалось под воздействием естественных факторов на месте материкового углубления.

Скопление керамики 7 в кв. 22 состояло из четырех фрагментов придонной части горшка (рис. 29: Б, 1).

Скоплением керамики 8 были названы четыре крупных фрагмента горшка широких пропорций с тщательно заглаженной поверхностью из кв. 11, найденные в кв. 23 (рис. 29: В, 5).

На наш взгляд, можно условно выделить в материалах раскопа IV несколько условных комплексов:

1) комплекс из двух сосудов, фрагменты которых были найдены в скоплении керамики 1 в кв. 5, 6 (рис. 27: А, 1, 2);

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2) комплекс, связанный с очагом в кв. 10, состоящий из пряслица и трех сосудов, большая часть фрагментов которых была найдена в скоплении керамики 2 (рис. 27: Б, 1–4, 6);

3) комплекс, состоящий из набора бытовых предметов с кв. 21 и горшка, фрагменты которого были найдены в скоплении 5 и прилегающей части культурного слоя (рис. 28).

Находки из культурного слоя раскопа IV. Большинство находок из культурного слоя затруднительно отнести к тому или иному выделенному комплексу даже условно.

Железные предметы представлены обломком лезвия топора, небольшим ножом, булавкой (?) и кольцом.

Кончик лезвия *топора* обнаружен в кв. 1 (рис. 26: 1). Судя по сохранившейся части, топор был узколезвийным, вероятно, с прямой спинкой. Ширина лезвия – 4 см.

Нож черешкового типа (рис. 26: 3), со слегка выгнутой спинкой и небольшим пологим уступом при переходе от черешка к лезвию со стороны лезвия (кончик лезвия обломан, длина сохранившейся части 6,8 см, ширина лезвия 1,3 см) был найден в кв. 3.

Булавка (?) длиной 10 см имеет округло-уплощенное навершие, прямоугольную в сечении ножку, переходящую в круглое острие (рис. 26: 2). Она была найдена в кв. 12.

В кв. 6 было обнаружено железное незамкнутое *кольцо* (рис. 26: 16). Его диаметр – 2,6 см. Кольцо изготовлено из уплощенного прута. В средней части сечение прута составляет 0,9 см, к краям оно уменьшается до 0,3 см. Вероятно, кольцо является рамкой железной пряжки.

Помимо описанных выше, в раскопе были найдены фрагменты еще двух усечено-биконических *пряслиц*, близкие по форме и размерам (табл. 8; рис. 26: 10, 11).

Каменные изделия представлены двумя фрагментами *точильных камней*, найденными в кв. 1.

Керамика из раскопа IV. Керамический комплекс раскопа IV представлен фрагментами горшков, дисков-лепешечниц, конических крышек с высокой вертикальной ручкой и миниатюрных сосудов.

Круговая керамика представлена тремя фрагментами рифленой амфоры (см. раскоп I).

Лепная керамика представлена посудой с лощеной и шершавой поверхностью.

Лощеная керамика составляет крайне незначительный процент керамического комплекса (6 фр-тов). Она представлена обломками венчика единственного сосуда, найденными в кв. 4, 10, 11, 17. Шейка сосуда прямая, слегка расширяющаяся кверху. Край венчика уплощен. Судя по сохранившейся части, переход от плеча к шейке был выполнен практически под прямым углом. Определить форму сосуда по сохранившейся части не представляется возможным. Один фрагмент этого же сосуда найден в раскопе I.

Вся остальная керамика имеет шершавую поверхность. Подавляющую ее часть составляют фрагменты горшков. Диски составляют 1,4% от всего керамического материала, фрагменты крышек и миниатюрных сосудов единичны.

Горшки. До получения полного профиля удалось реконструировать оба горшка из скопления керамики 1, а также горшок широких пропорций с тщательно заглаженной поверхностью, фрагменты которого концентрировались в кв. 11 и 23 (рис. 29: В, 5). Частично реконструированы также три горшка из скопления керамики 2 (рис. 27: Б, 1, 2, 3) и нижняя часть сосуда, фрагменты которого были рассеяны по всему раскопу (рис. 29: В, 4).

На основании реконструированных форм можно выделить четыре вида горшков:

1) крупные сосуды, со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова, с короткой прямой или слегка отогнутой наружу шейкой (3 экз.) (рис. 27: А, 1; 27: Б, 1; 28: 1);

2) горшки средних размеров, высоких пропорций, округлобокие, с короткой прямой или слегка отогнутой наружу шейкой (2 экз.) (рис. 27: А, 2; 27: Б, 2);

3) горшок средних размеров, широких пропорций, максимальное расширение тулова оформлено в виде сглаженного ребра, с прямой расширяющейся кверху шейкой, четко выраженным переходом от плеча к шее, тщательно заглаженной поверхностью (1 экз.) (рис. 29: В, 5);

4) горшок небольших размеров, округлобокий, с прямой расширяющейся кверху шейкой и уплощенным венчиком, диаметр которого превышает наибольший диаметр тулова (1 экз.) (рис. 27: Б, 3).

Следует отметить, что сосуды последних двух видов в других раскопах не встречены.

Диски-лепешечницы. Всего в материалах раскопа IV имеются 22 фрагмента, как минимум, трех дисков-лепешечниц (рис. 29: В, 2, 3). Диаметр лепешечниц колеблется в пределах 15–28 см, на двух из них заметен небольшой (0,5 см) бортик, на третьем – утолщение по краю.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Миниатюрные сосуды. Миниатюрные сосуды из раскопа 4 представлены тремя экземплярами. Как и на других участках исследованных памятников, они делятся на два вида – горшковидные (3 экз.) (рис. 26: 13; рис. 28: 18) и рюмкообразные (1 экз.) (рис. 26: 12).

Крышки. В раскопе IV в кв. 11 и 12 найдены три фрагмента от одной крышки конической формы с высокой вертикальной ручкой (рис. 26: 14, 15).

Раскоп V. Раскоп V был заложен в западной части памятника в 450 м к западу от реперного кола городища Новая Беденьга I (рис. 30), непосредственно к востоку от ограды турбазы. Северная стенка раскопа находилась в 15 м к югу от края оврага. Площадь раскопа составила 132 кв. м.

Культурный слой в этой части селища оказался наименее мощным и наименее насыщенным керамикой. Как и на других исследованных участках, стратиграфическая колонка представлена пятью слоями: дерном, мелкозернистым суглинком, содержащим фрагменты сосудов, крупнозернистым оподзоленным суглинком – погребенной почвой, темным плотным суглинком, заполняющим углубления в материке и материковой глиной. Особенностью раскопа V являются участки, где отсутствует крупнозернистый суглинок, и слой, содержащий находки, залегает непосредственно на материке.

Мощность культурного слоя составляет 5-15 см. В нем встречены единичные черепки. Плотность залегания массового материала составила в среднем 1 фр-т сосуда на 2 кв.м. Помимо керамики, на некоторых участках культурного слоя были найдены отдельные угли и скопления углей. На уровне зачистки первого пласта были выявлены несколько пятен прокала. Наиболее крупные из них найдены в кв. 9 и 13. Эти пятна были обозначены как ***очаги 1 и 2*** (табл. 9). Пятна прокаленной глины аморфных очертаний были прослежены также в кв. 25, 31–32 (табл. 9).

Индивидуальные находки в раскопе не обнаружены (за исключением цилиндрического пряслица, относящегося к последней четверти I тыс. н.э. и в настоящей работе не рассматриваемого).

Основная часть керамики (312 ф-тов, 82% от всей керамики 2-3 четверти I тыс. н.э.), найденной в раскопе V, обнаружена в виде скопления в кв. 8 и 14.

Скопления керамики 1 и 2. Скопление керамики 1 было найдено в кв. 8, 14 при снятии первого пласта. Всего на участке 80×40 см было собрано 229 фрагментов, принадлежавших трем горшкам. При снятии второго пласта немного к югу от скопления 1 было выявлено скопление керамики 2. Фрагменты сосудов (39 шт.) залегали довольно плотно на площади 100×75 см. Они принадлежат тем же сосудам, что были найдены в скоплении 1. Оба скопления составляют единый комплекс.

Всего в обоих скоплениях керамики найдены фрагменты трех горшков (рис. 31: 1–3). Все они частично реконструируются до полного профиля. Они резко отличаются от всего остального материала памятников. У всех трех горшков венчики орнаментированы защипами по краю. Формовочные массы сосудов более плотные. Сильно отличается и форма сосудов: они имеют более выраженную шейку, отогнутую наружу, относительно большой диаметр венчика (рис. 31: 1–3).

После снятия культурного слоя на уровне зачистки материка были выявлены 14 ям аморфной формы. Большинство из них, вероятно, имеют естественное происхождение. Культурные остатки были встречены только в яме 1, на основании чего можно предположить ее искусственное происхождение.

Яма 1 имела округлую форму, размеры ее на уровне фиксации контуров составляли 77×55 см. Глубина ямы – 20-23 см. Стенки пологие. Находки в яме представлены четырьмя фрагментами стенок горшка. Возможно, яма 1 составляет единый комплекс с очагом 1.

Раскоп VI был заложен в восточной части селища, непосредственно перед рвом городища Новая Беденьга I. Площадь раскопа составила 80 кв.м (рис. 32). Западная часть раскопа (кв. 12–20) была разбита над одним из углублений-западин, имевшим диаметр около 6 м и максимальную глубину 30 см.

Стратиграфия раскопа VI не отличалась от наблюдавшейся на других участках селища. Культурный слой в раскопе VI – мелкозернистый гумусированный суглинок, мощностью до 20 см. Большая часть находок встречена при снятии первого пласта. В ходе работ в раскопе VI выявлены два скопления керамики, прокал (табл. 9) и сооружение 1 (рис. 32).

В культурном слое исследованного раскопом VI участка памятника найдено 472 фрагмента сосудов, или, в среднем, 5,9 фрагментов на 1 кв.м. Распределение керамики по площади раскопа неравномерное. На двух участках раскопа зафиксированы скопления обломков сосудов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Скопление керамики 1 было прослежено в кв. 3, 4, где на участке 100×50 см было найдено 98 фрагментов сосудов, большая часть которых относится к пяти горшкам. Четыре из них поддаются частичной реконструкции.

Полностью удалось восстановить профиль горшка средних размеров, со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 34: 9–10). Наибольшее расширение тулова у него приходится на середину высоты линии профиля. Верхняя часть горшка слабопрофилирована. Шейка очень короткая, слегка отогнута наружу.

Еще один полностью реконструированный горшок небольших размеров имеет округлобокое тулово и короткую прямую вертикальную шейку. Еще два горшка, у которых удалось реконструировать только верхние части, вероятно, близки к нему по форме (рис. 34: 1, 7, 9–10, 11).

Скопление керамики 2 было найдено в кв. 9–10, где на участке размерами 120×50 см располагались 14 фрагментов сосудов. Их формы реконструировать не удалось. Вероятно, скопление сложилось в силу естественных причин над западиной в материке.

Сооружение 1. Снятие первого пласта на участке расположения поверхностного углубления выявило пятно золистого суглинка округлой формы диаметром около 5 м. Мощность слоя золистого суглинка составляла до 25 см.

После снятия 2 пласта на всей площади раскопа, за исключением кв. 13–20 был выявлен материк, в некоторых местах нарушенный естественными углублениями (вывалами от деревьев?).

В кв. 13–20 на зачистке 2 пласта было прослежено пятно неправильной подчетырехугольной формы, размером 6×6 м, заполненное переотложенной материковой глиной и слоем материковой глины, перемешанной с темно-серым плотным суглинком. Пятно выходило за пределы раскопа в южном и западном направлениях. В заполнении были выявлены фрагменты керамики, что однозначно указывало на его происхождение в результате человеческой деятельности. Пятно было обозначено как сооружение 1, была начаты выборка его заполнения по пластам (по 10 см, пл. 3–6).

В заполнении котлована сооружения 1 встречались пряслица усечено-биконической формы и фрагменты лепной керамической посуды (рис. 34: В).

После выборки заполнения выяснилось, что сооружение 1 представляло собой котлован глубиной 19-32 см от уровня материка размером около 6×6 м. Дно котлована было очень неровным, в его юго-восточной части имелась ступенька высотой до 20 см. На дне котлована была прослежена полоса конкреций сидеритовой руды, пересекавшая его в направлении с севера на юг. Глубина залегания конкреций руды составила 63-69 см от современной поверхности. Удалось зафиксировать, что рудная прослойка на дне сооружения 1 выходит за пределы котлована в северном направлении, то есть ее происхождение носит естественный характер. На уровне залегания конкреций руды, непосредственно на них, встречены отдельные фрагменты лепных сосудов.

Находки в заполнении котлована сооружения 1 представлены тремя пряслицами усечено-биконической формы (рис. 34: В, 1–3) и обломками сосудов.

Пряслица усечено-биконической формы низких пропорций найдены на уровне четвертого пласта на кв. 14, 17, 20 (табл. 8; рис. 34: В, 1–3).

Всего из заполнения сооружения 1 происходит 346 фрагментов сосудов. Сохранность керамики плохая. Фрагменты сосудов несут следы вторичного пребывания в огне.

Несмотря на то, что керамический материал залегал скоплениями, а в некоторых случаях фиксировались развалы сосудов, только один горшок удалось реконструировать до полного профиля. Он имеет небольшие размеры, максимальное расширение тулова оформлено в виде сглаженного ребра и находится примерно на середине высоты сосуда; шейка короткая, отогнутая наружу, край венчика уплощен (рис. 34: В, 5).

Форма остальных сосудов из заполнения сооружения 1 не поддается восстановлению. Можно лишь однозначно утверждать, что основную массу керамики из заполнения сооружения 1 составляют фрагменты горшков (95 %). В большинстве случаев сосуды были представлены только нижней частью (рис. 34: В, 4, 6, 7, 9). Найдены также верхние части двух крупных слабопрофилированных горшков (рис. 34: В, 8, 11).

Еще 5% всего керамического материала принадлежит лепешечницам. Большая часть их фрагментов относится к одному изделию, с отогнутым бортиком высотой 1 см, диаметром около 38 см и толщиной 0,8 см (рис. 34: В, 10).

Учитывая неровность пола котлована сооружения 1, отсутствие следов отопительных устройств и каких-либо строительных конструкций, наличие на дне котлована рудной жилы, представляется, что этот объект был ямой для

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

добычи железной руды открытым способом. В пользу этого предположения свидетельствует также неоднородность заполнения котлована, которое сформировалась, на наш взгляд, в ходе разработки рудной жилы: древние рудокопы не выбрасывали образовывавшийся в процессе добычи отвал за пределы котлована, а лишь отодвигали его на отработанные ранее участки.

Находки из культурного слоя раскопа VI. В числе находок из культурного слоя следует отметить округлую *бусину* фиолетового прозрачного стекла диаметром 0,6 см (рис. 33: 8), железное шило, круглое в сечении, длиной 6 см (рис. 33: 4), терочный камень (рис. 33: 19).

Керамические изделия представлены фрагментом *ложки-льячки* из кв. 20 (рис. 33: 5), *керамическим диском* («хлебцем»?) (рис. 33: 9), найденным в кв. 9, диаметром 2,8 и толщиной 0,6 см. Обнаружены также пять *пряслиц* усечено-биконической формы низких пропорций (на кв. 5, 7, 8, 10) (табл. 8; рис. 33: 10–11, 13–15).

Керамика из раскопа VI. Все реконструируемые сосуды относятся к четырем категориям: горшкам, мискам, дискам-лепешечницам и миниатюрным сосудам.

Горшки составляют наиболее многочисленную категорию сосудов. К ним можно отнести 98% всех черепков, найденных в культурном слое. Четыре частично и полностью реконструируемых сосуда происходят из скопления керамики 1 (рис. 34: А). За пределами скопления керамики 1 найдены еще несколько фрагментов профилированных частей сосудов, которые могут быть частично восстановлены (рис. 34: Б). Верхняя часть округлобокого сосуда с высокой прямой расширяющейся кверху шейкой найдена в кв. 13. Насколько можно судить по сохранившейся части, наибольшее расширение у этого горшка приходится на середину профиля (рис. 34: Б,5). Верхняя часть слабопрофилированного горшка обнаружена в кв. 10. Все описанные выше сосуды можно разделить на четыре вида:

1) горшок средних размеров, низких пропорций, с ребром в месте наибольшего расширения тулова и очень короткой шейкой (1 экз.) (рис. 34: А, 9, 10);

2) горшки средних и небольших размеров, округлобокие, с короткой отогнутой наружу шейкой (3 экз.) (рис. 34: А, 1, 7, 11).

3) горшок небольших размеров, округлобокий, с наибольшим расширением тулова на уровне середины высоты сосуда (рис. 34: В, 5).

4) горшок небольших размеров, сильнопрофилированный, с высокой, прямой расширяющейся кверху шейкой (1 экз.) (рис. 34: Б, 5).

Следует отметить, что последняя форма не находит аналогий в материалах других раскопов.

Еще несколько фрагментов нижних частей сосудов широких пропорций кв. 9–10, 12 и 20 затруднительно отнести к горшкам или мискам (рис. 34: Б, 2, 3, 4). Они выделяются более качественным обжигом и плотностью формовочных масс. Отсутствие верхних частей этих сосудов не позволяет сделать выводы относительно их форм.

Диски-лепешечницы. Наряду с горшками, в раскопе VI найдены фрагменты лепешечниц, составляющие около 1% всей керамики. Лепешечницы не имеют бортиков, их диаметр, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, составляет 20-30 см. Единственный экземпляр лепешечницы относительно большого диаметра (около 38 см) найден в заполнении сооружения 1 (рис. 34: В, 10)

Миски. Единственный экземпляр миски представлен несколькими фрагментами венчика и стенки (1% керамики), найденными в кв. 9–11. Судя по ним, миска имела чашевидную форму, в верхней части миски слегка намечена короткая отогнутая наружу шейка. Внешняя поверхность венчика имеет следы лощения (рис. 34: Б, 12).

Миниатюрные сосуды. Всего в материалах раскопа VI найдены пять миниатюрных сосудов.

Наиболее крупный из них найден в кв. 17, в верхней части заполнения сооружения 1 (рис. 33: 1). Высота его – 6,2, максимальное расширение тулова оформлено в виде сглаженного ребра и имеет диаметр 8 см.

Остальные миниатюрные сосуды типичны для материалов селища. Два из них имеют горшковидную, а два – рюмкообразную форму. Ножка рюмкообразного сосудика, найденного в кв. 10, имеет сквозное отверстие (рис. 33: 2, 3, 6–7, 18).

Раскоп VII находился в 80 м к юго-западу от раскопа VI, ближе к центральной части памятника, к востоку от раскопов I и IV (рис. 35).

Исследование культурного слоя на участке раскопа VII было начато в 2009 г. закладкой здесь рекогносцировочного шурфа 2 площадью 8 кв.м. Находки в шурфе были достаточно многочисленны.

На кв. 1 найдено лезвие ножа длиной 8 см и шириной 2 см (рис. 36: 1(2009). Кончик и черешок изделия обломаны. Там же найден фрагмент усечено-биконического пряслица (табл. 8; рис. 36: 2(2009)).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

На кв. 2 была обнаружена 14-гранная бусина синего прозрачного стекла (рис. 36: 4(2009)). Размеры бусины 1,6×1,3 см, сечение квадратное. На том же квадрате был найден фрагмент усечено-биконического пряслица (табл. 8; рис. 36: 3(2009)) и горшковидный миниатюрный сосуд (рис. 36: 5(2009)).

Наряду с вещевым и керамическим материалом, в шурфе было зафиксировано значительное количество черно-металлургического шлака (более 40 кг). Это позволяло предположить наличие в непосредственной близости от шурфа остатков металлургических производственных сооружений. С целью их выявления и исследования был заложен раскоп VII (рис. 35).

Площадь раскопа составила 96 кв.м (включая площадь шурфа). Культурный слой в раскопе представлял собой гумусированный суглинок мощностью до 20 см. Находки встречались преимущественно в верхнем пласте. Всего на раскопе обнаружено 578 фрагментов сосудов 2-3 четверти I тыс. н.э., или, в среднем, 6,5 фрагментов на 1 кв. м.

Находки из культурного слоя раскопа VII. Вещевой материал небогат. На кв. 7 было найдено усечено-биконическое *пряслице* (табл. 8; рис. 36: 1). Железные предметы представлены кольцом и обломком клинкового оружия (рис. 36: 2, 4).

Железное *кольцо*, возможно, трензельное, диаметром 4,5 см, изготовленное из округлого прута 0,8 см сечением, было найдено в кв. 9 (рис. 36: 2).

В кв. 18 был обнаружен обломок *кончика клинка* с односторонней заточкой (рис. 36: 4). Длина сохранившейся части составляет 10 см, ширина лезвия 3,2 см. Сечение лезвия клиновидное, толщина по спинке 0,7 см. Массивность изделия, большая ширина его лезвия позволяют предположить, что это – обломок клинка типа палаша.

В процессе снятия верхнего пласта на нескольких участках раскопа были выявлены крупные скопления металлургического шлака. Как правило, к этим же скоплениям были приурочены и зоны концентрации керамического материала. Всего зафиксировано 5 скоплений керамики и шлака.

Скопление керамики и шлаков 1 в кв. 16. Вероятно, большая его часть выходила за пределы раскопа. Всего в скоплении было обнаружено 60 фрагментов лепных сосудов. Частично реконструируется верхняя часть небольшого округлобокого горшка с короткой прямой расширяющейся кверху шейкой (рис. 37: Г, 1).

Скопление керамики и шлаков 2 в кв. 14, 17. Всего в нем обнаружено 9 фрагментов сосудов, формы не реконструируются.

Скопление керамики и шлаков 3. Самое крупное из обнаруженных скоплений располагалось в кв. 6, 8, 11. Представляло собой множество кусков черно-металлургического шлака, залегавших практически вплотную друг к другу на площади 3,5×1,5 м. Западная часть скопления керамики и шлаков 3 попала в пределы шурфа 2009 г. и была исследована тогда же. В скоплении найдено 98 фрагментов сосудов. Удалось частично реконструировать верхние части двух горшков (рис. 37: А, 2, 3). Кроме горшков, в составе скопления были найдены фрагменты дисков-лепешечниц без бортика или с небольшим бортиком (рис. 37: А, 4). Под слоем шлаков в кв. 8, 11 был выявлен развал сковороды (лепешечницы) с небольшим бортиком (рис. 37: А, 1). Диаметр сковороды составляет 21 см, высота бортика – до 1 см.

Скопление керамики и шлаков 4 в кв. 6. В его составе находился развал верхней части округлобокого горшка с относительно высокой прямой вертикальной шейкой (33 ф-та) (рис. 37: Б,1).

Скопление керамики и шлаков 5 в кв. 14. Шлаки и немногочисленные фрагменты сосудов (11 шт.) залегали на участке 120×150 см.

Помимо скоплений керамики и шлаков, в раскопе VII были прослежены два скопления только керамики без примеси отходов металлургического производства.

Скопление керамики 1 в кв. 21. В его составе были найдены фрагменты округлодонных лепных сосудов, относящихся к последней четверти I тыс. н. э.

Скопление керамики 2 в кв. 9. В него входили 32 обломка сосудов, принадлежащих нескольким горшкам. Удалось реконструировать до получения полного профиля один небольшой слабопрофилированный сосуд со сглаженным ребром на середине высоты (рис. 37: В, 2).

Сооружения раскопа VII. После снятия слоя шлаков под скоплением 5 и на пространстве между скоплениями 3 и 5 было выявлено золистое пятно овальной формы, размером 2,6×2 м – ***сооружение 1***. Мощность слоя золы составила 10-15 см, следов углубления не обнаружено: зола залегала непосредственно на погребенной почве. В центральной части сооружения 1 под слоем золы находилось пятно прокала овальной формы размером 0,4×0,6 м. Вплотную к нему с

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

восточной стороны примыкала яма 3, овальная в плане, размером 1×0,5 м. Яма 3 была заполнена рыхлым золистым слоем с многочисленными кусками шлака и мелкими фрагментами сидеритовой руды, в том числе обожженными. Яма 3 суживалась книзу и в профиле имела форму неправильного усеченного конуса, обращенного вершиной вниз. Глубина ямы 3 от материка составила 20 см. Следов воздействия высоких температур на стенках и дне ямы не зафиксировано.

Особенности сооружения 1, обнаружение в непосредственной близости от него многочисленных кусков черно-металлургического шлака позволяют предположить, что данный объект является сильно разрушенным металлургическим горном.

Серьезной проблемой является определение типа выявленного горна. Отсутствие следов прокаленности на стенках ямы 2 свидетельствует, скорее, в пользу наземной его конструкции, однако следов глиняных стенок, типичных для таких горнов, также не обнаружено. Вероятно, ближайшие аналогии исследованному горну следует искать в материалах позднезарубинецкого поселения Лютеж, где были обнаружены сильно разрушенные горны без предгорновых ям (Биддзиля, Пачкова, 1969, с. 62).

В Среднем Поволжье горны такой конструкции ранее не были известны. Все исследованные металлургические печи относились либо к наземным горнам шахтного типа с предгорновой ямой и шлаковыпуском (Маклашеевское II городище, Рождественское IV селище (Старостин, 1967; Генинг и др., 1962), либо к ямным горнам (горны у с. Кармалы и на Новинковском I селище на Самарской Луке (Семыкин, 1986; Сташенков, 2009). Горны этих типов широко распространены в восточноевропейских культурах первой половины I тыс. н.э. (Паньков, 1993, с. 82–83), а в Среднем Поволжье появляются с формированием именьковской культуры, не позднее IV в. н.э. Об этом свидетельствуют датировки Новинковского и Маклашеевского металлургических комплексов. Древесный уголь из горна на Новинковском I селище был подвергнут радиоуглеродному датированию, и дал некалиброванную дату 280±50 г. н. э. (Сташенков, 2009. С. 79). Горн с Маклашеевского II городища может быть относительно узко датирован концом IV – началом V в., благодаря находке в предгорновой яме серебряной позолоченной серьги полихромного стиля со стеклянными вставками.

Металлургический горн, исследованный на селище Новая Беденьга I, однако, имеет существенное конструктивное отличие от именьковских, поскольку в нем отсутствует предгорновая яма. Вероятно, он связан с традицией сооружения металлургических печей, восходящей к позднезарубинецким прототипам.

Керамика раскопа VII. В керамическом комплексе раскопа VII присутствуют горшки, диски-лепешечницы и миниатюрные сосуды.

Горшкам принадлежит подавляющее большинство фрагментов (97,2%). Только два сосуда удалось частично реконструировать. Оба они выглядят необычно для керамического комплекса селища. Округлобокий горшок имеет относительно высокую прямую шейку, что выделяет его на фоне материалов других раскопов (рис. 37: Б, 1). Не обнаруживаются аналогии в материалах памятника и второму реконструированному сосуду – небольшому слабопрофилированному горшку со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 37: В, 2).

Фрагментов мисок не обнаружено. Миниатюрные сосуды представлены единичными обломками горшковидных и рюмкообразных форм (рис. 36: 5, 6, 10).

На раскопе обнаружены диски-лепешечницы как с бортиком (1 экз.) (рис. 37: А, 1), так и без него (2 экз.) (рис. 37: А, 4; Г, 3). Диаметр дисков составляет около 20 см.

Остеологические материалы[2]

Костные остатки на характеризуемых памятниках очень немногочисленны и присутствуют не на всех исследованных участках. Не обнаружены кости на раскопах II и VI на селище, III и IV – на городище. В раскопе VII кости встречены только в комплексе с керамикой конца I тыс. н.э., в раскопе V обнаружено две кости.

Наиболее представительные, хотя и тоже немногочисленные, выборки остеологических материалов происходят из раскопов I и IV.

Распределение костей по участкам раскопов показывает, что они приурочены к местам скопления керамики. В раскопе I кости расположены поблизости от скоплений, в раскопе IV встречены и в составе самих скоплений.

В общей сложности остеологическому определению подверглось 946 костей (табл. 7). Из

[2] Анализ остеологического материала проведен к.б.н. В.В. Гасилиным.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

них 173 определимы до вида. Проведенный анализ выявил присутствие на памятнике всех четырех основных сельскохозяйственных видов и собаки. Основную роль в пищевом рационе играла говядина (КРС принадлежит 68% костных остатков). Обращает на себя внимание практически полное отсутствие костей рыб и диких видов. Единственная кость дикого животного принадлежит медведю.

Соотношение видов в составе остеологических находок, зафиксированное на поселениях у с. Новая Беденьга, выглядит достаточно необычно для памятников Среднего Поволжья. От именьковских памятников его отличает отсутствие диких видов, от памятников типа Сиделькино-Тимяшево – меньший процент костей мелкого рогатого скота. Расчет степени сходства остеологических спектров (Вязов, 2011) показывает, что наиболее близкими (коэффициент сходства 0,94-0,95) к ним по соотношению видов в составе остеологических материалов являются памятники киевской культуры гуннского времени – Роище и Киселевка 2 (остеологические определения этих памятников см.: Пашкевич, Терпиловский, 1981).

Результаты технико-технологического анализа керамики из раскопок городища и селища Новая Беденьга I.

Исследование керамики выполнено в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским и основанной на бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте (Бобринский, 1978; 1999).

Прежде чем перейти к конкретной характеристике гончарной технологии, следует сделать несколько общих замечаний:

1. Представленные на технологический анализ образцы керамики обладают различными информативными возможностями в силу своей сохранности, поэтому не по всем ступеням гончарной технологии получена полная информация.

2. Исследование организовано следующим образом: первоначально приводится описание следов работы по каждой ступени технологии, выявленных в целом по представленной керамике. На основании анализа изученных следов работы реконструируются навыки труда. Вся информация сведена в таблицы, в которых цифрами обозначены номера сосудов.

3. Описание особенностей технологии начинается с определения районов и мест добычи исходного сырья. Здесь необходимо пояснить, что эти дефиниции введены в научный оборот А.А. Бобринским (Бобринский, 1999, с. 25-26) и означают не указание конкретного места на карте памятника (например, место №3 расположено в 300 м к северу от памятника), а являются исследовательской категорией. Район добычи сырья определяется по качественному составу естественных примесей в глине, а место – по количественному соотношению этих примесей. Внутри каждого района может быть выделено от одного до множества мест.

На технологический анализ было представлено 36 сосудов, целых и частично сохранившихся.

Ступени 1-3 – отбор, добыча и подготовка исходного сырья.

Для изготовления своей посуды гончары, оставившие поселения у с. Новая Беденьга, отбирали один вид исходного сырья – ожелезненные глины, происходящие из двух районов (Р1 и Р2).

Район 1 (Р1).

Глины из этого района характеризуются следующим качественным составом: песок, в основном – мелкий, представленный разным количеством, и бурый железняк. Внутри указанного района выделено четыре конкретных места (М) добычи, которые различаются количественным соотношением естественных примесей. Ниже дается их характеристика:

Р1М1 – глина не запесоченная, «жирная», в ней отмечены следующие естественные примеси: 1) песок, представленный очень небольшим количеством пылевидной фракции, который фиксируется только по блеску, и единичными включениями песчинок размером 0,2-0,3 мм; бурый железняк в виде оолитовых включений коричневато-бордового цвета, размером до 1,5 мм. Данная глина определена как не запесоченная или высоко пластичная (ВОГ).

Р1М2 – в указанной глине содержится песок разной степени крупности: небольшое количество пылевидной фракции, основная часть песка имеет размер зерен 0,2-0,5 мм, он присутствует в небольшой концентрации (до 20-30 включений на 1 кв. см); бурый железняк в виде оолитовых включений размером до 1,5 мм и красно-малиновых гомогенных мягких включений, которые при легком воздействии иглы оставляют глубокий след, размером до 5 мм. Данная глина квалифицирована как слабо запесоченная или пластичная (ПОГ).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Р1М3 – глина, происходящая из данного места добычи, содержит значительное количество очень мелкого песка (от пылевидного до 0,1), песок с размером зерен 0,2-0,3 мм составляет до 40 включений на 1 кв. см, единично представлены песчинки размером 0,7-0,8 мм; бурый железняк в виде твердых плиточных включений размером до 2 мм и красно-малиновых гомогенных мягких включений, которые при легком воздействии иглы оставляют глубокий след размером до 1 мм. Данная глина квалифицирована как средне запесоченная или средней пластичности (СОГ).

Р1М4 – в данной глине в качестве естественных примесей присутствует небольшое количество очень мелкого песка: от пылевидного до 0,1 мм, основную массу песка составляет песок размером 0,2-0,7 – от 60 до 100 включений на 1 кв.см и бурый железняк в виде оолитовых включений размером до 1 мм и красно-малиновых гомогенных мягких включений размером до 0,5 мм. Условно данную глину можно определить как запесоченную или «тощую».

Район 2 (Р2).

Глины указанного района по своему качественному составу близки пластичным глинам из района 1 (ПОГ), отличает их наличие беловато-серых минеральных включений, насыщенных мелким песком, по внешнему облику напоминающих частицы песчаниковой породы. Из указанного района происходит один вид глины, он обозначен как Р2М1.

Кроме того, в одном образце (крышка) зафиксированы включения беловато-кремового цвета, твердые, с HCl не взаимодействуют. Предположительно эти включения определены как неожелезненная глина. И хотя концентрация их по отношению к основному сырью невелика, игнорировать данный факт нельзя. Предварительно мы делаем заключение о составлении глиняных смесей из пластичной ожелезненной и неожелезненной глин.

Количественная представленность описанных глин следующая: из глин, происходящих из первого района добычи (Р1) изготовлено 83,3% исследованных сосудов, из глин второго района (Р2) – 16,7%; 2,8 % – один сосуд – изготовлен из смеси двух глин: ожелезненной и неожелезненной; при этом наиболее часто среди глин первого района отбирались глины из первого и четвертого мест добычи, то есть глины высокой пластичности и запесоченные (табл. 2).

Следует отметить, что анализ исходного сырья сосудов, пошедших на изготовление шамота, показал использование глин, аналогичных глинам из первого района. Следовательно, традицию разработки глинищ района 1 следует считать устойчивой для данного населения. В нескольких случаях зафиксировано, что в сосуды, изготовленные из не запесоченного сырья, добавлялся шамот сделанный из сосудов из запесоченного сырья. Данный факт косвенно свидетельствует об общей родственности населения, оставившего данный памятник.

Глины использовались преимущественно в природном увлажненном состоянии.

Ступень 4 – составление формовочной массы (ФМ).

При изучении составов формовочных масс зафиксированы следующие искусственно введенные компоненты: шамот и органические добавки, представленные навозом жвачных животных и выжимкой из него, а также органическим раствором. Шамот дробился до определенной степени крупности – максимально до 4 мм. В формовочную массу он в большинстве случаев вводился не калиброванным, то есть представленным всеми размерами. В данном случае фиксируется наибольшая допустимая крупность шамота и его количественная представленность. По этому показателю можно заключить, что гончары с поселения Беденьга вводили в формовочную массу в основном крупный шамот (размером более 2 мм). Только в двух сосудах (№ 8, 12) зафиксировано введение калиброванного шамота крупностью менее 2 мм. В составе формовочной массы шамот занимает разные объемы: от 17 до 33% (т. е. его концентрация колеблется от 1:5 до 1:2). Наиболее привычной была концентрация 1:4 и 1:3 (табл. 3).

В качестве органических добавок применялся навоз жвачных животных и выжимка из него, а также органический раствор. В составе ФМ навоз жвачных животных фиксируется по включениям и отпечаткам растительных остатков с характерными следами расщепления от перекусывания; «выжимка» – по наличию небольшого количества мелких растительных включений (2-4 включения размером 2-4 мм на 1 кв. см), различных «растеков», черных блестящих пленок сочетающихся с аморфными пустотами; органический раствор – по наличию аморфных пустот от выгоревшего органического вещества, «растеков» желтоватого цвета и паутинообразного налета белого цвета и отсутствию растительных остатков.

Конкретный состав формовочных масс определяется по сочетанию указанных составляю-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

щих. В исследованном материале большая часть посуды изготовлена из формовочной массы, составленной по рецептам Ш крупный + выжимка из навоза (38,9%) и Ш крупный + органический раствор (33,3%), 22,2% посуды изготовлено по рецепту Ш крупный + навоз, 5,6% (два сосуда) – по рецепту Ш средний + выжимка из навоза; в формовочную массу одного сосуда (№23) добавлен только органический раствор без минеральных примесей (табл. 4). Анализ ФМ шамота показал, что традицию Ш+органика можно считать устойчивой, т. к. она повторяется в нескольких «уровнях» шамота.

Корреляция видов исходного сырья и составов формовочных масс показала, что жесткой зависимости между местом добычи сырья и составом ФМ нет (см. табл. 3).

Ступени 5 – 7 – конструирование посуды и формообразование.

Начин: зафиксировано две программы его изготовления: донная и донно-емкостная. Все исследованные донные начины делались с помощью спирально-жгутового налепа. Для донно-емкостной программы в качестве «строительных элементов» выступают жгуты и лоскуты, которые наращиваются по спиралевидной траектории. Наиболее часто, судя по исследованному материалу, применялись донный спирально-жгутовой и донно-емкостный спирально-жгутовой начины (25,7 и 28,6% соответственно). На внешней стороне днищ сосудов фиксировались остатки подсыпки. В качестве подсыпки использовались, вероятно, песок или зола. Наличие подсыпки свидетельствует о конструировании методом скульптурной лепки без применения форм-моделей.

Донно-емкостные спирально-лоскутные начины делались, как правило, с использованием форм-моделей (табл. 5). Конструирование начинов сосудов в соответствии с разными программами отражает довольно глубокие культурные различия в традициях изготовления посуды.

Для изготовления *полого тела* применялись жгуты и лоскуты, наращиваемые по спиралевидной траектории, и ленты, наращиваемые по кольцевой траектории. Кроме того, часть сосудов делалась в несколько приемов, «зонами», составленными из лоскутов. Сами зоны соединялись по кольцевой траектории. Зафиксировано некоторое преобладание навыков изготовления полого тела из жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории (28,6%) (табл. 5).

Соединение в пределах одного сосуда способов изготовления начина и полого тела дает нам представление о технологической схеме изготовления каждого конкретного сосуда. По исследованному материалу выделено шесть технологических схем, три из которых можно условно считать не смешанными, т. к. при изготовлении сосудов по указанным схемам использовались одинаковые «строительные элементы» как для начина, так и для полого тела (группы I и II):

I – начин изготовлен по донной программе с помощью жгутов, навиваемых по спиралевидной траектории; полое тело также изготовлено из жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории (сосуды №№ 1, 4, 7, 10, 14, 18, 35, 36).

II – начин изготовлен по донно-емкостной программе с помощью лоскутов, наращиваемых по траектории, близкой к спиралевидной; полое тело также изготовлено из лоскутов, наращиваемых по спиралевидной траектории (сосуд № 6).

III – начин изготовлен по донно-емкостной программе с помощью жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории; полое тело также изготовлено из жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории (сосуд № 24).

Следующие группы представляются смешанными:

IV – начин изготовлен по донно-емкостной программе с помощью лоскутов, наращиваемых по траектории, близкой к спиралевидной; полое тело изготовлено из лент, которые наращивались по кольцевой траектории (сосуд № 5, происходящий с городища).

V – начин изготовлен по донно-емкостной программе с помощью жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории; полое тело изготовлено зонами, составленными из лоскутов, наращиваемых по траектории, близкой к спиралевидной. Полученные зоны соединялись по кольцевой траектории (сосуды №№ 9 и 15).

VI – начин изготовлен по донно-емкостной программе с помощью жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории; полое тело изготовлено из лент, наращиваемых по кольцевой траектории (сосуды №№ 11, 21).

Возникновение технологических схем IV–VI связано с притоком или контактами с инокультурной группой населения, которая для изготовления полого тела применяла ленты, наращиваемые по кольцевой траектории.

На настоящем уровне исследования, в связи с небольшим количеством изученного материала, сложно говорить, происходили зафиксирован-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ные процессы смешения в пределах поселения Беденьга или население поселилось здесь уже со сложившимися смешанными навыками конструирования посуды. Необходимо лишь отметить, что мастера, делавшие посуду в соответствии с I технологической схемой, принадлежали, вероятно, к обособленной группе населения, не вступавшей в контакты с инокультурными группами. Допустимо предположить, что население, делавшее посуду в соответствии с IV–VI технологическими схемами, сложилось на основе контактов и смешения населения, делавшего посуду в соответствии с I–II технологическими схемами конструирования с группами населения, владевшими навыками изготовления полого тела с применением лент, наращиваемых по спиралевидной траектории.

Часть посуды, представленной только донными или верхними частями, можно условно отнести к той или иной технологической группе по способам конструирования либо начина (сосуды №№ 3, 8, 20, 22, 32, 33), либо полого тела (2, 12, 16, 17, 19, 23, 26-30). Они условно названы альтернативными группами (в отличие от групп I–VI, названных достоверными) (табл. 6).

Исходя из данных табл. 5, можно достаточно уверенно говорить о сосуществовании на поселении трех больших родственных групп населения, которые выделяются по способам конструирования в соответствии с технологическими схемами I, II и III.

Сопоставление данных по конструированию с данными по исходному сырью дало следующие результаты:

Гончары, делавшие посуду в соответствии с первой технологической схемой, использовали пластичные, среднепластичные и запесоченные глины, происходящие из первого района (Р1М2, Р1М3 и Р1М4). Их продукция зафиксирована в материалах раскопов 4, 6 и 7. т. е., не смотря на то, что данная группа населения выглядит особо монолитной, вероятно, внутри нее мы можем выделить семейные группы, владевшими собственными местами добычи (глинищами). Кроме того, выделяется один маленький сосудик, ФМ которого составлена по совершенно отличному рецепту – введен только органический раствор.

Гончары, делавшие посуду в соответствии со второй технологической схемой, использовали высокопластичные, среднепластичные и запесоченные глины, происходящие из первого района (Р1М1, Р1М3 и Р1М4). Их продукция зафиксирована в материалах раскопов 1, 4, 5 и 6. Следует отметить, что способы конструирования, отмеченные для данной группы (лоскутный налеп с использованием форм-моделей) можно отнести к числу архаичных. Данный вид налепа больше характерен для более ранних эпох (неолита-эпохи бронзы, ржв). Присутствие его в исследованных материалах можно объяснить двояко: 1) эта группа населения является несколько более ранней по отношению к другим, зафиксированным на данном памятнике; 2) эта группа керамики одновременна с другими группами, но гончары использовали более архаичную технологию.

Гончары, делавшие посуду в соответствии с третьей технологической схемой, использовали только высокопластичные глины, происходящие из первого района (Р1М1).

Гончары, делавшие посуду в соответствии с четвертой технологической схемой, использовали запесоченные глины, происходящие из первого района (Р1М4). Их продукция зафиксирована только в материалах городища.

Гончары, делавшие посуду в соответствии с пятой и шестой технологическими схемами, использовали все подвиды глин, происходящих из первого района (Р1М1, Р1М2, Р1М3 и Р1М4), а также глины из второго района, то есть все подвиды глин, зафиксированные в изученных материалах. Их продукция отмечена в материалах всех раскопов поселения, кроме городища.

Соотношение выделенных технологических групп сосудов с концентрацией шамота в ФМ дало интересные результаты: для I группы наиболее привычной была концентрация 1:3 и 1:4; для II – 1:4-5; для III – 1:4. В смешанных группах шамот представлен в разной концентрации, но следует отметить, что только в них в ФМ шамот вводился в том числе в концентрации 1:2-3 и 1:5. Таким образом, комплекс технологических признаков указывает на присутствие групп населения с довольно устойчивыми навыками в области технологии.

Придание сосудам формы *(формообразование)* осуществлялось в процессе конструирования и окончательно оформлялось при помощи выдавливания пальцами и слабого выбивания колотушкой с гладкой рабочей частью.

Ступень 8 – обработка поверхности.

По исследованным материалам зафиксировано два способа обработки поверхности – простое заглаживание и лощение. Лощение осуществлялось каменной галькой по слегка подсушенной поверхности, этим способом обработан один сосуд (№ 26). В качестве материала для заглажи-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

вания выступали кусочки ткани, кожи, галька, деревянный скребок. Иногда на одном сосуде встречаются следы от обработки двумя видами материала. Галькой обычно обрабатывались верхние части сосудов. Следует отметить, что у определенной части сосудов не удалось определить конкретный материал для обработки поверхности, часто из-за первичной обработки материала. Иногда подобная поверхность сосудов оставляет впечатление «замытости». Наиболее часто поверхность заглаживали кусочком ткани или сочетали заглаживание тканью и пальцами. Также значительно представлена посуда с так называемой замытой поверхностью.

Ступени 9-10 – придание изделиям прочности и влагонепрницаемости осуществлялось путем термической обработки. Исследование данной ступени технологии производится путем сравнительного изучения цветовых особенностей свежих изломов изделий.

Цвет изломов сосудов как однотонно серый, так и двух- и трехцветный. Абсолютно преобладают двух- и трехцветные изломы. Однотонный серый цвет означает, что термическая обработка проводилась без доступа кислорода в условиях восстановительной атмосферы. Испытание образцов на наличие остаточной пластичности показало, что на изделия в течение короткого времени воздействовали температуры не ниже 650°. Вероятно, затем изделия были перекрыты слоем материала, препятствующего доступу кислорода, и находились там достаточно длительное время. Двух- и трехцветность же излома свидетельствует о кратковременном воздействии температур каления. Причем, исследованные сосуды находились в зоне действия этих температур непродолжительное время, после чего их извлекли из обжигового устройства, об этом свидетельствует четкая граница между различно окрашенными слоями в изломе черепка.

Подводя итоги технико-технологического исследования керамики из раскопок поселения Беденьга, необходимо отметить следующее:

1. Население, жившее в данном поселке, разрабатывало преимущественно один район залежей глин. Малые группы, возможно, группы родственников, внутри этого района добывали глину в нескольких конкретных местах – глинищах. Причем, традиция разработки указанных мест распространения глин была устойчивой, поскольку анализ шамота указывает на использование тех же самых глин.

2. При составлении формовочных масс использовался шамот, в основном крупный, и органические остатки в виде навоза, выжимки из него и органического раствора. Повторение этого же рецепта в шамоте свидетельствует об устойчивости данной традиции. Различия на уровне концентрации шамота, использование навоза в разных его состояниях (естественно влажное и выжимка) указывают, вероятно, на конкретные семейные группы изготовителей керамики.

3. Навыки конструирования посуды свидетельствуют о значительной смешанности населения. Сложно на сегодняшнем уровне исследования судить о месте и времени смешения. Оно могло происходить как в рамках поселения, так и вне его пределов. Однако можно утверждать, что в пределах поселка жило население как минимум трех культурных групп, имеющих глубокие родственные связи (субстратные навыки и выделение трех несмешанных схем конструирования). Однозначно можно говорить о складывающейся внешней культурной однородности населения, о чем свидетельствуют устойчивые навыки составления формовочных масс.

Характеристика культурно-хронологических групп

Первая культурно-хронологическая группа представлена находкой развалов трех горшков в раскопе V. Вещевой материал отсутствует.

Все три горшка имеют различную форму.

Горшок (рис. 31: 1) высоких пропорций, высотой 30 см, диаметр дна 15 см, имеет округлобокое тулово с плавной линией профиля, наибольшее расширение тулова диаметром 24 см находится на середине высоты, шейка высокая, отогнутая наружу. Край венчика диаметром 21 украшен пальцевыми вдавлениями. На поверхности имеются следы тщательного вертикального заглаживания.

Второй горшок (рис. 31: 2) более приземист, высота его 22 см, дно широкое, диаметром 15 см. Тулово сосуда округлобокое, асимметричное, наибольшее расширение диаметром 24 см приходится на треть высоты. Шейка относительно короткая, отогнутая наружу. Венчик диаметром 20 см украшен пальцевыми защипами. Поверхность заглажена. Результаты технико-технологического анализа показывают, что горшок изготовлен при помощи лоскутного налепа с использованием формы-модели – архаичной технологии, более характерной для гончарства эпохи бронзы и раннего железного века.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Третий сосуд (рис. 31: 3) также имеет невысокие пропорции. Его высота 24 см, дно узкое, диаметром 11 см. Тулово сосуда округлобокое, наибольшее расширение диаметром 26 см находится чуть выше середины высоты сосуда. Шейка относительно высокая, плавно отогнутая наружу, диаметр венчика превышает максимальный диаметр тулова. Венчик диаметром 27 см украшен пальцевыми защипами. Поверхность заглажена.

Поиск аналогий описанным сосудам представляет определенную проблему. Наибольшее сходство с найденными сосудами обнаруживает керамика позднескифского населения лесостепи первой четверти I тыс. н.э. Сосуды с высокой отогнутой или прямой расширяющейся шейкой и венчиком, орнаментированным пальцевыми вдавлениями, характерны для материалов памятников типа Царев Курган в Самарском Поволжье, связываемых с позднескифским населением и датируемых первой четвертью I тыс. н.э. (Сташенков, 2005, с. 22, 71–74). Однако для царевокурганской керамики характерно выраженное внутреннее ребро при переходе от шейки к венчику, чего не наблюдается в исследованном комплексе. Близкие изученному комплексу по форме сосуды обнаруживаются на пямятниках оседлого населения Верхнего Подонья сарматского времени (Разуваев, 1998, с. 85–96). Здесь, однако, значительно реже встречается орнаментация сосудов пальцевыми защипами.

На наш взгляд, комплекс сосудов из раскопа V связан с носителями позднескифских традиций и может быть датирован не позднее III в. н.э.

Вторая культурно-хронологическая группа представлена основной массой находок на памятниках.

Вещевой комплекс.

Фибулы и булавки. Фибулы представлены единственным экземпляром с ромбовидной ножкой (рис. 9: 3(2009)). Фибула находит аналогии в материалах черняховской культуры среди группы фибул с «ромбической» ножкой и может быть датирована гуннским временем (Восточная Европа в середине…, 2007, с. 21, 56, рис. 11: 30–34). Следует отметить, что относительно крупные размеры и характер крепления приемника свидетельствуют в пользу местного производства фибулы. *Железный предмет* (рис. 26: 2) с круглым уплощенным навершием встречен также в единственном экземпляре. Скорее всего, он представляет собой булавку. Аналогии данному изделию авторам неизвестны.

Пряжки. Всего с изучаемых памятников происходит четыре пряжки. Все они изготовлены из железа. По форме их можно разделить на три типа.

Тип 1. Пряжки с рамками круглой формы, с утолщением в передней части. Найдено две пряжки, которые можно отнести к этому типу (рис. 9: 8; 26: 16). Железные пряжки с утолщающейся рамкой широко известны в древностях эпохи Великого переселения народов. Близкая по форме и размерам железная пряжка известна в материалах селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке (Ключникова, Матвеева, 1985, с. 154, рис. 16).

Тип 2. Пряжка (рис. 7: Б, 2) с рамкой В-образной формы, прямоугольного сечения, с прямоугольным в сечении язычком, выступающим за пределы рамки. Кончик язычка загнут. Ближайшие аналогии данной пряжке обнаруживаются в материалах именьковской культуры. Они найдены на Коминтерновском поселении «Курган», Щербетьском I островном селище (Старостин, 1967, с. 85), Коминтерновском II могильнике (Казаков, 1998, с. 137, рис. 25, 28), городище Ош-Пандо (Степанов, 1967, с. 205, табл. XIX: 14, 17). Подобные пряжки датируются гуннским временем; в Среднем Поволжье они массово распространяются в древностях именьковской культуры в V–VI вв. На именьковских памятниках, в которых преобладают ранние материалы, подобные пряжки не встречены (Сташенков, 2010).

Тип 3. Пряжка (рис. 7: Б, 3) с небольшой рамкой овальной формы, уплощенного сечения, с прямоугольным в сечении язычком, выступающим за пределы рамки. Кончик язычка загнут. Близкая по форме железная пряжка (правда, с круглым сечением рамки) известна на позднекиевском поселении Александровка (Обломский, 2003, с. 226, рис. 77).

Бусины. Всего найдено 4 бусины.

Сердоликовая бусина в форме уплощенного 14-гранника (рис. 4: 9) найдена в раскопе I на городище. Уплощенные полиэдрические сердоликовые бусы находят многочисленные аналогии в комплексах черняховской культуры (Никитина, 1995, с. 72–73), в Крыму, в Танаисе, в Предкавказье (Мастыкова, 2009, с. 101–103; Ковалевская, 1998, с. 20). По классификации О.В. Гопкало сердоликовые граненые призматические бусы со срезанными углами относятся к типу 1 и встречаются на всем протяжении существования культуры (Гопкало, 2008, с. 74–75). Очень широкое распространение в Приуралье упло-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

щенные сердоликовые бусы получают у позднесарматского населения (Малашев, Яблонский, 2008, с. 64). В Среднем Прикамье такие бусы неизвестны (Голдина, 2010, с. 43–44). На территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья уплощенные полиэдрические сердоликовые бусины очень немногочисленны. Единственное ожерелье из таких бус происходит из погребения 35 могильника Гулюшево, датирующегося второй половиной III в. н.э. (Бугров Д.Г. Фибулы Нижнего Прикамья. Доклад на конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2». Тула, 2008). Один экземпляр такой бусины найден в погребении 76 Рождественского II могильника именьковской культуры (Генинг и др., 1962, с. 33). Обожженая 14-гранная уплощенная сердоликовая бусина найдена на Старомайнском городище (Археологические фонды СамГУ).

Представляется, что сердоликовая полиэдрическая бусина, найденная на городище Новая Беденьга I, может быть датирована в рамках второй четверти I тыс. н.э., скорее всего – IV–V вв. н.э.

Полиэдрическая бусина синего прозрачного стекла из раскопа VII (рис. 36: 4 (2009)) является частой находкой в древностях именьковской культуры и имеет широкую датировку (Матвеева, 2004. С. 48).

По классификации Е.М. Алексеевой, такие бусы относятся к типу 134 и датируются II–IV вв. н.э. (Алексеева, 1978, с. 70). Такие бусы часто встречаются в материалах черняховской культуры (тип XVII/10 по О.В. Гопкало), но там, как правило, они имеют меньшие размеры (Гопкало, 2008, с. 40–41). Согласно А.В. Мастыковой, сине-фиолетовые полиэдрические бусы со срезанными или скругленными углами являются римским импортом и проникают на восточноевропейские территории из Средиземноморья. Бусы этого типа широко представлены в европейских материалах в позднеримское и гуннское время (Мастыкова, 2009, с. 106–108). В Прикамье, напротив, синих полиэдрических бус (тип IVA49 по классификации Е.В. Голиной) немного в IV–V вв., а широкое их распространение начинается с VI в., достигая пика в конце VII-VIII вв. (Голдина, 2010, с. 32; с. 132, рис. 22; с. 59–60).

Небольшая бочонкообразная бусина фиолетового прозрачного стекла (рис. 33: 8) относится к типу IVA20 по Е.В. Голдиной и датируется широко, в рамках IV–VII вв. (Голдина, 2010, с. 31, 144, рис. 34).

Глиняная вытянутая бочонкообразная бусина (рис. 28: 4) находит широкие аналогии в древностях лесной зоны Восточной Европы.

Ножи. Всего найдено 8 ножей. По особенностям формы их можно разделить на несколько типов.

Тип 1. Ножи с прямой спинкой, прямоугольным в сечении черешком, переход от лезвия к черешку оформлен в виде уступов со стороны лезвия и рукояти (2 экз.).

Такие ножи найдены на селище в раскопе I (рис. 9: 1(2009), 2). Аналогии им известны в древностях киевской культуры (Памятники киевской культуры, 2007, с. 223, рис. 71, 3, 4; Терпиловский, 1984, с. 103, табл. 10: 4; 13: 14), в материалах замятинского археологического комплекса (Острая Лука Дона…, с. 95; с. 308, рис. 123: 10472; с. 100; с. 312, рис. 127: 10510, 10511). Для именьковских древностей подобная форма ножей не характерна.

Тип 2. Ножи с прямой спинкой, плоским черешком, переход от лезвия к черешку оформлен в виде уступа со стороны спинки, со стороны лезвия переход плавный (4 экз.).

Такие ножи и их обломки найдены на городище в раскопах I и IV (рис. 4: 1, 13), на селище в шурфе 3 (рис. 7: Б, 1), раскопе I (рис. 9: 51), Ближайшие аналогии таким ножам обнаруживаются в именьковских древностях (Матвеева, 2004. с. 148, рис. 25: 14).

Тип 3. Ножи с округлой спинкой, переход от лезвия к черешку оформлен в виде уступа со стороны лезвия (2 экз.).

Такие ножи найдены на селище в раскопе IV (рис. 26: 3) и в шурфе 2 (рис. 36, 1(2009). Близкий по форме нож из Ульяновского Поволжья происходит с Карлинского III селища (Буров, 1971, с. 285, рис. 7). Более далекие аналогии ножам такого типа обнаруживаются в позднедьяковских комплексах IV–V вв. (Сыроватко и др., 2012, с. 119).

Клинковое оружие. Представлено обломком клинка с односторонней заточкой, происходящего, видимо от меча или палаша (рис. 36: 4).

В Ульяновском Поволжье односторонне заточенные мечи-палаши в последнее время обнаружены в кремационном могильнике у с. Комаровка. Палаш с односторонней заточкой, согнутый втрое происходит из комплекса вещей, сданных на хранение в Ульяновский областной краеведческий музей находчиками памятника. В составе той же коллекции находятся обломки бронзовых пластин и железных

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

осей пружин двух двупластинчатых фибул, обнаруженные, по словам находчика, вместе с палашом. На основании этого можно предполагать, что мечи-палаши с односторонней заточкой распространяются в Ульяновском Поволжье в VI в. Вероятно, тем же временем может быть датирован и обломок клинка из раскопа VII.

Наконечники стрел. В раскопах найдены три наконечника стрел. Сохранность одного из них слишком плохая для определения формы, два других – трехлопастные.

Наконечник стрелы из раскопа I на городище (рис. 4: 4) «сарматского» типа, с треугольной формой пера и небольшим уступом при переходе к черешку относится к типу наконечников с лопастями, срезанными под прямым углом к черешку. Он находит многочисленные аналогии в познесарматских древностях (Хазанов, 2008, с. 98–101). Наконечник может относится как к первой, так и ко второй культурно-хронологической группе, но в материалах городища, где был найден наконечник, древностей первой группы не найдено.

Наконечник стрелы из раскопа I на селище (рис. 9: 6), «гуннского типа», с ромбической формой пера. Он относится к типу 3 в по И.П. Засецкой (Засецкая, 1994, с. 37). Ближайшие аналогии ему в Среднем Поволжье обнаруживаются в материалах именьковской культуры (Старостин, 1967, с. 77, табл. 15: 9).

Наконечники стрел «гуннских» и «сарматских» типов известны в киевской культуре (Памятники киевской культуры, 2007, с. 35).

Топоры. На раскопе IV найден обломок узколезвийного топора (рис. 26: 1). Определение типа топора невозможно из-за фрагментированности. Узколезвийные топоры появляются в Среднем Поволжье в IV в. и бытуют до VII в. Они известны в материалах азелинской и именьковской культур (Вязов, 2012). В материалах Верхнего Подонья и Поочья узколезвийные топоры известны с более раннего времени (Ахмедов, Воронцов, 2012).

Серпы. Представлены единственным фрагментом с зазубренным лезвием (рис. 9: 50). Подобные серпы известны на памятниках именьковской культуры (Матвеева, 2004, с. 147, рис. 24: 9–10).

Зубила. Близкая аналогия найденному зубилу обнаруживается в древностях киевской культуры (Памятники киевской культуры, 2007. С. 190, рис. 38: 8).

Предметы конского снаряжения. Представлены в материалах памятника простыми кольчатыми удилами, найденными на селище в раскопе I (рис. 9: 5). Ближайшие аналогии им имеются в именьковских материалах (Старостин, 1967, с. 77, табл. 15: 12). Возможно, трензельными являются также два железных заваренных кольца из раскопов I на городище (рис. 4: 5) и VII на селище (рис. 36: 2), имеющие диаметр около 4 см. Впрочем, они могли использоваться и как самостоятельные изделия.

Оселки и точильные камни. Единственный обломок специально изготовленного оселка квадратного в сечении был найден в раскопе I. Квадратные в сечении оселки характерны для позднесарматских памятников (Малашев, Яблонский, 2008, рис. 156, 4; 166: 12; 174: 4; 184: 3; 185: 5), известны и на памятниках киевской культуры (Памятники киевской культуры, 2007, с. 33). Остальные точильные камни не имели определенной формы.

Пряслица. Представляют собой наиболее массовую категорию вещей. В общей сложности найдены 44 пряслица и фрагмента пряслиц. Все они имеют усечено-биконическую форму. По соотношению наибольшего диаметра и высоты (табл. 8) можно выделить два вида усечено-биконических пряслиц.

Усечено-биконические пряслица средней высоты. Высота этих пряслиц меньше их максимального диаметра в 1,3-1,5 раза, отверстие относительно небольшого размера. Всего найдено 2 экземпляра таких изделий, оба в раскопе I (рис. 11: 17, 20).

Низкие усечено-биконические пряслица характеризуются вдвое большим максимальным диаметром по отношению к высоте. Они составляют подавляющее большинство находок – 42 экземпляра (рис. 4: 7–8; 7: 2–4; 11; 22: А; 23: А, 3; 25: В, 16; 26: 10–11; 27: Б, 6; 28: 7–8; 33: 10–11, 13–15; 34: 1–3; 36: 1) и найдены во всех раскопах, за исключением раскопа V. Можно отметить наличие в материалах раскопа I трех относительно массивных пряслиц, у которых диаметр отверстия составляет 1/3 от максимального (рис. 11: 15, 19). Все остальные пряслица имеют относительно широкое отверстие, которое меньше максимального диаметра в 1,7-2,7 раза.

Усечено-биконические пряслица находят очень широкие аналогии в культурах Восточной Европы I тыс. н.э. Близкие по пропорциям пряслица найдены, например, на поселениях киевской культуры Роище и Ульяновка I (Терпи-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ловский, 1984, с. 103, табл. 10: 7–18; 16: 8–15). Преобладание низких биконических пряслиц, по мнению А.М. Обломского, характерно для позднекиевских поселений деснинской традиции (Памятники киевской культуры, 2007, с. 32).

Зооморфные керамические фигурки. Найдено два экземпляра, в раскопе II на городище (рис. 7: 1) и раскопе II на селище (рис. 23: А, 1). Зооморфные фигурки являются частыми находками на памятниках именьковской культуры (Матвеева, 2004, с. 157, рис. 34). Известны они и на памятниках типа Сиделькино-Тимяшево (Сташенков, 2005, с. 109, рис. 60: 2, 3).

«Жетоны». «Жетоны» представляют собой изделия округлой формы, изготовленные из стенок сосудов, но отличающиеся от пряслиц отсутствием отверстия. Таких изделий было найдено два, оба на раскопе I (рис. 10: 26, 28). Материалом для их изготовления послужили стенки амфоры. «Жетоны» находят аналогии в материалах памятников первой половины I тыс. н.э. (Позднезарубинецкие памятники, 2010, с. 230, рис. 65: 1, 2; Памятники киевской культуры, 2007, с. 224, рис. 72: 16). Среди ближайших из них можно указать памятники типа Сиделькино-Тимяшево в Самарской области (Сташенков, 2005. С. 42, рис. 90: 5–6) и Карлинское IV селище в Ульяновской области (Буров, 1971, с. 285, рис. 7: 3).

Среди *остальных керамических предметов* следует отметить «заготовку пряслица» с раскопа I на селище (рис. 10: 22), полная аналогия которому известна в материалах Именьковского I городища именьковской культуры (Старостин, 1967, с. 89, табл. 21: 2, 3), и предмет грибовидной формы (рис. 10: 37), аналогии которому обнаруживаются на городище Ош-Пандо в Мордовии (Степанов, 1967, с. 51, рис. 26: 1, 3–5). Там они были отнесены П.Д. Степановым к фатьяновскому пласту, но, поскольку на исследуемом памятнике фатьяновских материалов не выявлено, можно предположить, что и на городище Ош-Пандо, и на селище Новая Беденьга I грибовидные керамические предметы относятся к слою второй четверти-середины I тыс. н. э. Найденные лепные «хлебцы» известны и на других памятниках Среднего Поволжья: на Сиделькинском II селище (Сташенков, 2005, с. 32, рис. 40: 4; 60: 4), а также на Щербетьском I островном селище именьковской культуры (Старостин, 1971, с. 42, табл. II: 9).

Таким образом, большая часть датирующихся предметов, связанная с этой культурно-хронологической группой, относится к гуннскому времени – концу IV-V вв. н.э., хотя присутствуют и материалы VI в. Аналогии вещевому комплексу исследуемых памятников наблюдаются в материалах именьковской культуры. Некоторые предметы в именьковских древностях неизвестны (ножка фибулы, наконечник стрелы «сарматского» типа).

Керамический комплекс.

Круговая керамика. Сосуды, изготовленные с применением гончарного круга, представлены исключительно импортной посудой – амфорами.

Амфоры. Представлены двумя экземплярами. Одна из них с рифленой внешней поверхностью, желто-оранжевого цвета, толщина стенки 0,6-0,8 см. На одном из фрагментов заметно место прикрепления ручки. Максимальный диаметр сохранившейся части тулова составляет 34 см (рис. 14: 23). Вероятно, амфора относилась к категории ценных вещей: после того, как она разбилась, из ее стенок были изготовлены «жетоны». Еще одна амфора представлена ручкой (рис. 18: 6), массивной, овально-уплощенной в сечении формы (размер сечения 4,2×3,5 см).

Предположительно, фрагменты амфор имеют средиземноморское происхождение и датируются римским временем, вероятно – III-IV вв. н.э. Единичные находки фрагментов амфор встречаются на поселениях киевской культуры (Памятники киевской культуры, 2007, с. 38). В Среднем Поволжье амфоры позднеримского или гуннского времени на поселениях неизвестны.

Лепная лощеная керамика. Представлена единичными фрагментами сосудов, но встречается на большинстве раскопов.

1. Миски. Всего найдены фрагменты четырех мисок. Две из них представлены придонными частями (рис. 14: 11; 25: 13), еще две – фрагментами венчиков. Одна из них – чашевидная, с едва намеченной шейкой (рис. 34: Б, 12). Вторая – также чашевидная, венчик слегка загнут вовнутрь (рис. 5: 11).

2. Сосуды неизвестной категории. Верхнюю часть лощеного сосуда из раскопов I и IV нельзя однозначно отнести к горшкам или мискам в силу фрагментированности (рис. 29: В, 1). Сосуд изготовлен из очень плотного теста, он имел высокую прямую расширяющуюся шейку и уплощенный венчик. Переход от тулова к венчику почти под прямым углом. Лощеные сосуды с высокими шейками, переходящими к тулову под прямым углом, характерны для керамических традиций культур лесной зоны Восточной Европы (Румянцева, 2007, с. 262, рис. 8; Розенфельдт, 1974, с. 173, рис. 42: 9).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Лепная керамика с шероховатой поверхностью.

1. Горшки. Представляют собой наиболее многочисленную категорию посуды. Часть форм горшков представлена единичными экземплярами, остальные можно разделить на четыре типа.

Тип 1. Горшки крупных размеров, со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (5 экз.), которое приходится на верхнюю половину высоты сосуда, ближе к трети. Высота примерно равна ширине и составляет 28-38 см. Шейка сосудов короткая, прямая или отогнутая, переход от тулова к шейке плавный. Сосуды этого типа найдены на всех участках, исследованных раскопами (рис. 7: 5; 16: 3; 22: В, 1; 27: А, 1, Б, 1; 28: 1). По данным технико-технологического анализа, большинство сосудов этого типа изготовлены в соответствии с технологической схемой I. В нескольких случаях описываемые сосуды найдены вместе с горшками типа 3. Несколько отличается от остальных один из сосудов раскопа IV (рис. 28: 1): он имеет более высокие пропорции и вогнутую линию перехода от дна к тулову. Технология его изготовления также отличается (он относится к технологической группе VI).

Тип 2. Горшки средних размеров и небольшие, округлобокие, с короткой прямой или отогнутой наружу шейкой. Наибольшее расширение тулова на поддающихся реконструкции экземплярах находится выше середины высоты, которая у реконструированных сосудов составляет около 20 см. Фрагменты этих сосудов встречены на всех исследованных участках (рис. 5: 1; 13: 3, 12, 14; 15: 1; 16: 6; 23: Б, 2; 27: А, 2; 34: А, 1, В, 7). Сосуды типа 2 изготовлены в соответствии с I и III технологическими схемами.

Тип 3. Горшки средних размеров, широких пропорций, со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова, которое приходится на середину высоты (4 экз.). Шейка сосудов короткая, прямая, вертикальная или расширяющаяся кверху. Высота меньше диаметра тулова, она составляет 20-25 см, диаметр тулова – 25-30 см. Сосуды этого типа найдены на раскопах I, IV, VI (рис. 15: 7, 10; 29: В, 5; 34: 9,10). Сосуды типа 3 изготовлены в соответствии с I и II технологическими схемами.

Тип 4. Горшки небольших размеров, слабопрофилированные, высоких пропорций, со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (2 экз.). Наибольшее расширение тулова приходится на середину высоты сосудов. Обнаружены на раскопах I и VII. Изготовлены в соответствии с I технологической схемой.

К числу форм, представленных *единичными экземплярами*, относятся крупный сосуд с высокой цилиндрической шейкой (рис. 17: 3); слабопрофилированный сосуд тюльпановидной формы (рис. 27: Б, 3), округлобокий сосуд с раструбовидной шейкой (рис. 34: Б, 5), небольшие округлобокие сосуды с наибольшим расширением в средней части (рис. 14: 1; 34: В, 5), округлобокие сосуды с высокой прямой вертикальной шейкой (рис. 15: 9; 37: Б, 1), сосуд, украшенный пальцевыми защипами по венчику (рис. 14: 2), сосуды с высокой прямой шейкой, переходящей в тулово под прямым углом (рис. 5: 6). Эти сосуды изготовлены в соответствии с технологическими схемами II–III, V–VI.

Таким образом, в материалах памятников наиболее представительную серию образуют горшки со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова. Почти все они изготовлены в соответствии с I технологической схемой. В рамках выделенных на памятниках условных комплексов эти сосуды сочетаются с округлобокими горшками с короткой шейкой. Такой набор форм в целом характерен для памятников киевской культуры и для древностей, оставленных населением, сохраняющим киевские традиции в более позднее время.

Сосудам с раструбообразной шейкой и резким переходом от шейки к тулову, представленным единичными экземплярами, можно указать аналогии в культурах лесной зоны (Кренке, 2011, с. 506, рис. 208: 166, 167; Румянцева, 2007, с. 257, рис. 3: 9, 10).

2. Миски.

Тип 1. Сильно профилированные сосуды с высокой прямой расширяющейся шейкой (1 экз.). Миска этой формы обнаружена в раскопе II (рис. 23: Б, 1). Близкие формы сосудов характерны для культур лесной зоны (Румянцева, 2007, с. 262, рис. 8: 7).

Тип 2. Чашевидные миски, у которых отсутствует или очень слабо выражена шейка (5 экз.). Такие сосуды найдены на городище в раскопах III, IV (рис. 5: 3, 5, 8) и на селище в раскопах I (рис. 19: В, 2), III (рис. 25: В, 12) и шурфе 3 (рис. 7: Б, 6). У большинства сосудов – плавная линия профиля, один экземпляр чашевидной миски имеет ребро в месте перегиба тулова (рис. 5: 8). Эта миска изготовлена в соответствии с IV технологической схемой. Миска из шурфа 3 отличается слабой профилированностью тулова. Ана-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

логии ей можно найти в материалах дьяковской культуры (Кренке, 2011, с. 483, рис. 185: 36, 32).

Миски чашевидной формы в Среднем Поволжье выразительно представлены в материалах Старомайнского городища (раскоп III, кв. 32, шт. 5; см.: Матвеева, 1991, рис. 38). Очень близкие миске с ребром по форме сосуды найдены в Тезиковском могильнике (один из них – в погр. 38) (фонды Пензенского государственного краеведческого музея). Вопрос об истоках распространения чашевидных мисок в Среднем Поволжье нуждается в самостоятельном изучении.

3. Диски-лепешечницы. Диски с бортиком и без него представлены на всех исследованных участках. Абсолютно преобладают диски небольшого диаметра (до 30 см).

Диски-лепешечницы широко распространены в культурах Восточной Европы первой половины I тыс. н.э. Они являются одной из категорий посуды в составе керамического комплекса киевской, колочинской и пеньковской культур на всем протяжении их существования. Близкие аналогии лепешечницам в Среднем Поволжье могут быть найдены в материалах именьковской культуры и памятниках типа Сиделькино-Тимяшево. Относительно малые размеры дисков с поселений у с. Новая Беденьга отличают их от как от именьковских, так и от тимяшевских, для которых характерны более крупные диаметры (Старостин, 1967, с. 20; Сташенков, 2005, с. 43). В то же время, диски-лепешечницы небольших (12-28 см) размеров известны на киевских памятниках Подесенья (Терпиловский, 1984, с. 24).

4. Крышки. Представлены в материалах большинства раскопов на селище, но полностью отсутствуют на городище. В Среднем Поволжье воронкообразные крышки известны на городище Лбище (Матвеева, 2004, с. 138, рис. 15: 20), но они несколько отличаются размерами и формой ручки.

5. Миниатюрные сосуды.

Тип 1. Горшковидные сосуды. Их формы повторяют формы крупных сосудов. Некоторые из них (рис. 19: Б, 34) находят полные аналогии в керамическом комплексе киевской культуры (Памятники киевской культуры, 2007, с. 177, рис. 25: 1). Следует отметить, что в киевских древностях миниатюрные сосуды единичны. Миниатюрные сосуды известны и в именьковской культуре, но их форма – иная, горшки с ребром отсутствуют.

Тип 2. Рюмкообразные сосуды. Представлены на селище, на городище отсутствуют. Единичные экземпляры рюмкообразных миниатюрных сосудов встречаются в материалах киевской культуры (Памятники киевской культуры, 2007, с. 173, рис. 21: 23). Известны они и в именьковском слое городища Ош-Пандо (Степанов, 1967, с. 205, табл. XIX: 10-13, 18), но в целом для именьковской культуры не характерны. Очень близкие по форме к найденным на исследуемом памятнике миниатюрные сосуды обнаруживаются среди древностей дьяковской культуры (Кренке, 2011, с. 374, рис. 76: 70/83, 451/83, 645/83; 154; Сыроватко, 2009, с. 334, рис. 101; с. 331, рис. 98: 4).

Тип 3. Круглодонные сосуды. Единственный экземпляр такого сосуда найден на городище. Аналогии авторам неизвестны.

Таким образом, материалы описываемого культурно-хронологического комплекса носят смешанный характер. В его формировании приняли участие группы населения различной культурной принадлежности. Анализ находок позволяет выделить в составе всего комплекса находок группу древностей, отражающую материальную культуру основной части обитателей памятника. Для этой группы характерно изготовление посуды в соответствии с I и III технологическими схемами. Набор форм состоит из горшков типов 1-4, конических крышек, дисков-лепешечниц и миниатюрных сосудов при практически полном отсутствии мисок и лощеной керамики. Наиболее часто наблюдается сочетание горшков типов 1 и 2. Остеологический спектр, сопутствующий этим древностям, характеризуется сочетанием всех четырех сельскохозяйственных видов при преобладании костей крупного рогатого скота и крайне незначительном количестве диких видов. Материалы этой группы составляют своеобразное «ядро» всего комплекса находок. Характерные черты комплекса позволяют усматривать в его создателях носителей традиций киевской культуры. Это население также было смешано в культурном отношении, сочетая черты, характерные для традиций киевской культуры и культур лесной зоны.

***

В заключение можно подвести некоторые итоги. Городище и селище Новая Беденьга I являются важными памятниками, отражающими этнокультурные процессы, происходившие в Ульяновском Предволжье в эпоху Великого переселения народов.

Можно с большой долей вероятности предположить, что основной деятельностью обитателей изучаемых памятников была черная метал-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лургия. Об этом свидетельствуют выявленные места заготовки руды, скопления железного шлака и следы производственных сооружений. Вероятно, эта деятельность носила непостоянный (сезонный?) характер: на всей исследованной площади не выявлены следы долговременных жилищных сооружений. Возможно, что на поселении постоянно обитала какая-то небольшая группа, а в теплое время года к ней присоединялись металлурги из окрестных поселков, приносившие с собой запасы пищи и керамические сосуды. Такие группы могли обитать во временных сооружениях, не углубленных в материк и обогреваемых открытыми кострами.

Материалы, выявленные на городище и селище Новая Беденьга I, позволяют выделить две культурно-хронологические группы.

Первая из них представлена развалами сосудов с раскопа V. Население, оставившее эти древности, связано с позднескифским культурным кругом. Вероятно, эта группа населения занимает относительно более раннюю хронологическую позицию.

Вторая культурно-хронологическая группа материалов связана с освоением территории исследованных памятников населением гуннского времени. Эта группа сильно смешана в культурном отношении.

Более-менее четко выделяется комплекс материалов, находящих аналогии в древностях киевской культуры. К нему относятся относительно крупные горшки со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова и небольшие слабопрофилированные сосуды, как округлобокие, так и со сглаженным ребром; шейки сосудов короткие, прямые или отогнутые наружу, высокие шейки не встречаются. Комплексы керамики «киевской традиции» выделяются планиграфически; для них характерно сохранение традиции изготовления начина по донной программе с помощью жгутов, навиваемых по спиралевидной траектории; полое тело также изготовлено из жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории.

Помимо «киевского» комплекса, в материалах поселений присутствуют многочисленные древности, находящие аналогии в культурах лесной зоны. Однако каких-то групп материала, набора керамических форм, которые можно было связать с той или иной конкретной культурной группой, не выделяется. Обнаруживаемые аналогии носят единичный характер. Если сосуды «киевского» облика присутствуют на всех исследованных участках поселений, то остальные группы керамики различны на разных раскопах.

Материалы второй культурно-хронологической группы древностей могут быть датированы в рамках конца IV-VI вв. н.э.

Полученные в результате исследований городища и селища Новая Беденьга I являются отражением исторических процессов эпохи Великого переселения народов. Ядром миграционной волны, достигшей Ульяновского Предволжья в гуннскую эпоху, стали группы носителей традиций киевской культуры, в которых с большой долей вероятности можно видеть раннеславянское население. Однако в ходе миграционных процессов культурный комплекс этого населения испытал сильное влияние других этнокультурных групп. В результате к моменту заселения изучаемой территории культурный облик пришлых групп уже был неоднородным. Вероятно, что определенный вклад в его формирование внесло и местное население позднеримского времени. Взаимодействие различных этнокультурных групп продолжалось и на протяжении существования поселений у с. Новая Беденьга в Ульяновском Предволжье.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблицы

Таблица 1. Сосуды, подвергнутые технико-технологическому анализу.

№ сосуда	Раскоп	Место нахождения	Тип	Рисунок
1	Селище; VII	Кв. 9, пл. 1–2; скопл. кер. 2	горшок	37: В, 2
2	Селище; VI	Кв. 13, пл. 1	в.ч. горшка	34: Б, 5
3	Селище; VI	Кв. 12, пл. 1	н.ч. горшка	34: Б, 2
4	Селище; VI	Кв. 3, пл. 1, скопл. 1	горшок	34: А, 1
5	Городище; IV	Кв. 5, пл. 1.	миска	5:
6	Селище; V	Кв. 14, пл. 1; скопл. 1	горшок	31: 2
7	Селище; IV	Кв. 5, 6, пл. 1; скопл. 1 (отд. фр-ты: Р. IV, кв. 10; пл. 1; скопл. 2. Р.I, кв. 77, 78, пл.1)	горшок	27: А, 1
8	Селище; VI	Кв. 6, 9–10, пл. 1; скопл. 2	н.ч. горшка	34: Б, 4
9	Селище; V	Кв. 8; пл. 2; скопл. 2	горшок	31: 1
10	Селище; VI	Кв. 19; пл. 6; сооружение 1	н.ч. горшка	34: В, 7
11	Селище; VI	Кв. 19; пл. 3; сооружение 1	горшок	34: В, 5
12	Селище; IV	Кв. 9–12, 16–17, пл. 1–2; скопл. 2, 3, 6, 8	горшок	29: В, 5
13	Селище; VII	Кв. 8, пл. 2; скопл. кер. и шл. 3	диск	37: А, 1
14	Селище; IV	Кв. 5, 6, пл. 1; скопл. 1 (отд. фр-ты: Р. IV, кв. 10 пл. 1; скопл. 2. Р. I, кв. 77, 78, пл. 1)	горшок	27: А, 2
15	Селище; VI	Кв. 17, пл. 4; сооружение 1	н.ч. горшка	34: В, 9
16	Селище; VII	Кв. 6, пл. 1; скопл. кер. и шл.4	в.ч. горшка	37: Б, 1
17	Селище; VI	Кв. 4, пл. 1	в.ч. горшка	34: А, 11
18	Селище; IV	Кв. 22, пл. 2, скопл. 7	н.ч. горшка	29: Б, 1
19	Селище; IV	Кв. 10, пл. 1, скопл. 2	горшок	27: Б, 3
20	Селище; IV	Кв. 4, пл. 1	н.ч. горшка	29: В, 4
21	Селище; IV	Кв. 18, пл. 1; кв. 21, пл. 1	горшок	28: 1
22	Селище, VI	Кв. 3, пл. 1, скопл. 1	горшок	34: А, 9, 10
23	Селище; I	Кв. 28, 31, 32, пл. 1, 2, соор. 3	горшок	19: Б, 34
24	Селище; I	Кв. 69, 70, 75, пл. 1	горшок	14: 1
25	Селище; II	Кв. 1–2б? 5–6 , пл. 1–2, скопл. 2	миска	23: Б, 1
26	Селище; I	Кв. 16, 17, 47, 48, пл. 1	н.ч. миски	14: 11
27	Селище; I	Кв. 54, пл. 1	в.ч. горшка	14: 2
28	Селище; I	Кв. 30, 33, пл. 1	в.ч. горшка	15: 8
29	Селище; I	Кв. 33, 35, 36, пл. 1, скопл. 1	в.ч. горшка	15: 9
30	Селище; I	Кв. 32, 33, 35, пл. 1, скопл. 1	в.ч. горшка	15: 1
31	Селище; I	Кв. 31, 33, 36, пл. 1, скопл. 1	в.ч. горшка	15: 2
32	Селище; I	Кв. 54, 60, пл. 1, 2, скопл. 5	горшок	17: 3
33	Селище; I	Кв. 36, пл. 1, скопл. 1	н.ч. горшка	-
34	Селище; I	Кв. 33, 35, 36, пл. 1, скопл. 1	ср. ч. горшка	15: 10
35	Селище; I	Кв. 38, пл. 1, скопл. 4	горшок	16: 2
36	Селище; I	Кв. 38, пл. 1, скопл. 4	в.ч. горшка	16: 6
37	Селище; I	Кв. 38, пл. 1, скопл. 4	горшок	16: 3

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 2. Количественная представленность глин внутри раскопов.

Место нахождения	Исходное сырье – Р1				ИС – Р2	Смесь глин	Всего
	Р1М1	Р1М2	Р1М3	Р1М4	Р2М1		
Сел., Р. I	24; 26; 28; 29; 32		27; 35; 36; 37	23	30; 31; 33; 34		13
Сел., Р. II	25						1
Сел., Р. IV		7; 14	12;	18; 19; 21	20		7
Сел., Р. V	6; 9						2
Сел., Р. VI	2; 3	22	17;	4; 10; 11;15	8		9
Сел., Р. VII	16		1			13	3
Гор., Р. IV				5			1
Всего	11-30, 6%	3-8, 3%	6-16, 7%	9-25%	6-16, 7%	1-2, 8%	36-100%

Таблица 3. Концентрация шамота в составе ФМ.

1:2-3	1:3	1:4	1:4-5	1:5
8; 9	1; 2; 5; 13; 14;16; 27; 33; 36; 37	3; 6; 7; 10; 15; 18; 19; 20; 21; 22; 24; 25; 28; 29; 30; 32; 34; 35	17; 26; 31;	4;11; 12;
2 – 5, 7%	9 – 25, 7%	17 – 48, 6%	4 – 11, 4%	3 – 8, 6%

Таблица 4. Соотношение исходного сырья и составов формовочных масс.

Формовочные массы	Исходное сырье – Р1				ИС – Р2	Смесь глин	Всего
	Р1М1	Р1М2	Р1М2	Р1М4	Р2М1		
Ор				23			1-2, 8%
Ш3+Н	16; 24	7; 14		4;10;	20; 34;		8-22, 2%
Ш3+Выж.	2; 3; 6; 9	22	1; 17	5; 11; 15;18; 19; 21		13	14-38, 9%
Ш3+Ор	25; 26; 28; 29; 32		27; 35; 36; 37		30; 31; 33		11-30, 6%
Ш2+Выж.			12		8		2-5, 6%
Всего	11	3	6	9	6	1	36-100%

(Ш3 – шамот крупный; Ш2 – шамот средний; Н – навоз; Выж. – выжимка из навоза; Ор – органический раствор)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 5. Способы изготовления начина и полого тела сосудов.

Способы конструирования полого тела	Программы и способы конструирования начинов						Всего
	ДЕ, спл, ФО	ДЕ, спл, ФЕ	ДЕ, спж	ДЕ	Д, спж	?	
спл		6				2; 17; 31	4-11, 4%
спл, ФО						19;	1-2, 9%
спл, ФЕ, зоны						12;	1-2, 9%
спл, зоны по кольцу			9	15		16	3-8, 6%
жгут, спираль			24;		7; 18; 4; 1; 10; 14; 35; 36; 37	28	11-31, 4%
лента, кольцо	5		11; 21;			27	4-11, 4%
спиральный налеп			34	25		26; 29; 30	5- 14, 3%
?			20; 3; 8;32; 33	22			6-17, 1%
Всего	1-2, 9%	1-2, 9%	10-28, 6%	3-8, 6%	9-25, 7%	11-31, 4%	35-100%

ДЕ-донно-емкостная программа конструирования начина; Д – донная программа конструирования начина; ФО – форма-основа; ФЕ – форма-емкость; спл – спирально-лоскутный налеп.
№ 13 здесь отсутствует, поскольку является диском-лепешечницей

Таблица 6. Выделение достоверных и альтернативных технологических групп (схем) конструирования и распределение их по участкам поселения.

Степень достоверности групп	Номера технологических схем конструирования					
	I	II	III	IV	V	VI
Селище, раскоп I						
Достоверные	23, 35, 36, 37	-	24	-	-	-
Альтернативные		31	26, 28, 29, 30	27, 32, 33		
Селище, раскоп II						
Достоверные	-	-	-	-	-	-
Альтернативные	-	-	-	-	-	-
Селище, раскоп IV						
Достоверные	7, 14, 18	-			-	21
Альтернативные	-	12, 19			20	
Селище, раскоп V						
Достоверные	-	6			9	-
Альтернативные	-	-			-	-
Селище, раскоп VI						
Достоверные	4, 10	-			15	11
Альтернативные	-	2, 17			3, 8, 22	
Селище, раскоп VII						
Достоверные	1	-			-	-
Альтернативные	-	-			16	-
Городище, раскоп IV						
Достоверные	-	-		5	-	-
Альтернативные	-	-		-	-	-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 7. Остеологические материалы раскопов I, III–V селища Новая Беденьга I.

Вид	I		III	IV						V	Итого	%
	пл.1	*пл. 2*	*пл.1*	*пл. 1*				*пл. 1*	*пл. 2*			
				скопление								
				2	*3*	*4*	*6*					
Крупный рогатый скот	51	15	6	2	4	-	8	30	-	-	**116**	**68**
Мелкий рогатый скот	5	1	-	-	1	-	-	3	1	-	**11**	**6**
Свинья	8	-	1	-	-	-	1	-	1	1	**12**	**7**
Лошадь	8	8	2	1	1	-	1	7	2	-	**30**	**18**
Собака	1	-	-	-	-	-	-	2	-	-	**3**	**-**
Медведь	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	**1**	**1**
Неопределимые												
«крупное копытное»	303	23	27	21	14	1	28	245	15	1	**678**	**88**
«мелкое копытное»	53	4	7	4	2	2	-	21	2	-	**95**	**12**
Всего	**582**	**50**	**44**	**30**	**22**	**3**	**38**	**308**	**21**	**2**	**946**	

Таблица 8. Размеры пряслиц из раскопов городища и селища Новая Беденьга.

Пам-к/раскоп		кв.,пл.	Объект	Размеры, мм				Ребро	Грани	Поверхность	Рисунок
				D max	D осн.	D отв.	H				
Городище	I	кв.5,пл.1		23	14	11	12	округ.	прямые	загл.	4:7
		кв.28,пл.1		29	22	13	16	резк.	прямые	загл.	4:8
	IV	кв.9,пл.1		28	20	16	11	резк.	прямые	загл.	4:15
		кв.5,пл.1		26	20	14	14	округ.	вогн.	шерох.	4:16
	II	кв.16,пл.1	соор.2	27	19	15	10	резк.	прямые	шерох.	7:А,2
		кв.16,пл.1	соор.2	29	21	14	15	резк.	вогн.	загл.	7:А,3
		кв.15	соор.2	28	19	15	12	резк.	прямые	загл.	7:А,4
Селище	ш.3			23	16	12	11	резк.	прямые	шерох.	7:Б,4
	I	кв.32,пл.1		25	20	13	12	округ.	прямые	шерох.	11:9
		кв.19,пл.1		26	18	14	12	резк.	вогн.	загл.	11:10
		кв.29,пл.1		27	19	14	11	резк.	прямые	шерох.	11:11
		кв.27		28	21	16	13	резк.	прямые	загл.	11:12
		кв.23,пл.2		24	19	13	16	резк.	прямые	загл.	11:13
		кв.51,пл.1		28	23	17	14	резк.	прямые	шерох.	11:14
		кв.20,23, пл.1		32	21	10	17	резк.	прямые	загл.	11:15
		кв.10–78		26	19	15	15	резк.	вогн.	шерох.	11:16
		кв.22,пл.1		33	24	10	22	округ.	прямые	загл.	11:17
		кв.42		28	21	15	14	резк.	прямые	шерох.	11:18
		кв.52,пл.1		27	23	9	16	резк.	прямые	загл.	11:19
		кв.22,пл.1		25	13	7	19	округ.	прямые	загл.	11:20
		кв.15,пл.1		33	20	14	16	округ.	вогн.	шерох.	11:21
		кв.23,пл.2		33	22	70	19	?	прямые	загл.	-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 8. Размеры пряслиц из раскопов городища и селища Новая Беденьга (окончание).

Пам-к/раскоп		кв.,пл.	Объект	Размеры, мм				Ребро	Грани	Поверх-ность	Рисунок
				D max	D осн.	D отв.	H				
Селище	II	кв.20,пл.2		23	13	10	10-14	округ.	прямые	шерох.	22:А,2
		кв.23,пл.1		19	12	9	11	резк.	прямые	загл.	22:А,4
		кв.22,пл.1		25	13	9	15	резк.	прямые	загл.	22:А,5
		кв.6,пл.1	ск.кер.2	19	15	13	10	округ.	прямые	шерох.	23:А,3
	III	кв.28,пл.1		25	18	12	12	резк.	прямые	шерох.	25:В,16
	IV	кв.17,пл.1		24	18	12	12	округ.	прямые	загл.	26:10
		кв.23,пл.1		30	24	16	13	резк.	прямые	шерох.	26:11
		кв.10,пл.1	ск.кер.2	28	21	15	14	резк.	вогн.	загл.	27:Б,6
		кв.22,пл.1	ск.кер.5	23	18	13	12	резк.	вогн.	загл.	28:7
		кв.21,пл.1	ск.кер.5	24	17	15	15	резк.	вогн.	загл.	28:8
		кв.24,пл.1	ск.кер.4	28	24	12	16	резк.	прямые	загл.	29:А,17
	VI	кв.5,пл.1		26	19	13	12	резк.	прямые	загл.	33:10
		кв.8,пл.2		23	18	12	10-13	резк.	прямые	шерох.	33:11
		кв.10,пл.1		25	20	15	13	резк.	вогн.	лощеная	33:13
		кв.7,пл.1		26	19	13	12	резк.	прямые	загл.	33:14
		кв.10,пл.1		24	15	9	11	резк.	прямые	шерох.	33:15
		кв.20,пл.4	соор.1	25	20	13	13	резк.	вогн.	загл.	34:В,1
		кв.17,пл.4	соор.1	25	18	13	15	округ.	прямые	шерох.	34:В,2
		кв.14,пл.4	соор.1	28	19	14	9	резк.	прямые	шерох.	34:В,3
	VII	кв.7,пл.1		29	20	13	14	резк.	прямые	шерох.	36:1
	ш.2	кв.1,пл.2		29	23	19	10	резк.	прямые	шерох.	36:2(2009)
		кв.2,пл.1		35	25	17	15	округ.	прямые	загл.	36:3(2009)

Таблица 9. Объекты, не содержавшие значительного количества культурных остатков.

Пам-к/раскоп		Кв.	Назв.	Объект	Размеры	Заполнение	Примечания
Городище	I	2	Соор. 3	Остатки кострища (?)	80 × 50 см	гумус с вкраплениями мелких углей и золы	-
		39, 41	Соор. 4	Участок котлована (?)	250 × 30 см, глуб. 19 см	гумус, мелкие угольки	-
		43	Соор. 5	Остатки кострища (?)	120 × 80 см	угли и зола	-
Селище	I	23, 26	-	Прокал	69 × 60 см, мощность 10-13 см	прокаленные минеральные частицы	-
		32	-	Прокал	68 × 60 см, мощность 4-8 см	прокаленные минеральные частицы	-
		65	-	Прокал	90 × 80 см, мощность до 6 см	прокаленные минеральные частицы	-
		71, 77	-	Прокал	63 × 34 см, мощность 4-10 см	прокаленные минеральные частицы	-
		34, 66, 70	-	Прокал	48 × 34 см, мощность до 10 см	прокаленные минеральные частицы	-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 9. Объекты, не содержавшие значительного количества культурных остатков (окончание).

Пам-к/раскоп		Кв.	Назв.	Объект	Размеры	Заполнение	Примечания
Селище	II	3	-	Прокал	45 × 35 см, мощность 2-3 см	прокаленные минеральные частицы	-
		18	-	Прокал	30 × 20 см, мощность 1-2 см	прокаленные минеральные частицы	-
	III	14	Очаг 1	Остатки кострища (?)	90 × 60 см, мощность 10 см	угли, сажа, прокаленные минеральные частицы	в 30 см к востоку от очага 1 находилось еще одно пятно прокала, уровень его фиксации был на 15 см ниже очага; вероятно, пятно образовалось в результате оползания прокаленных частиц из очага в расположенное на этом месте углубление в материке
		26	Очаг 2	Остатки кострища (?)	30 × 40 см; 15 × 25 см	угли, сажа	ва скопления в 40 см друг от друга
	IV	2	-	Прокал	23 × 40 см, мощность 3-15 см	прокаленные минеральные частицы	-
		18	-	Прокал	48 × 30 см, мощность 5-6 см	прокаленные минеральные частицы	-
	V	9	Очаг 1	Остатки кострища (?)	диам. 55 см, мощность до 15 см	прокаленные минеральные частицы, сажа	в 20 см к юго-западу от очага 1 находилось скопление углей
		13	Очаг 2	Остатки кострища (?)	80 × 60 см, мощность до 10 см	прокаленные минеральные частицы, угли, сажа	с запада от пятна прокала были обнаружены угли
	VI	7 и 8	-	Остатки кострища (?)	150 × 25 см, мощность до 30 см	прокаленные минеральные частицы	рядом с прокалом найдено пряслице усечено-биконической формы (рис. 33: 14)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Литература

Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12. М.

Ахмедов И.Р., Воронцов А.М. 2012. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья //Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Бидзиля В.И., Пачкова С.П. 1969. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА, 160. Л. Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения //Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара.

Буров Г.М. 1971. Археологические памятники Ульяновска и его окрестностей // Краеведческие записки Ульяновского областного музея краеведения. Ульяновск. 3.

Буров Г.М. 1972. Археологические памятники Верхней Свияги. Ульяновск.

Буров Г.М. 1977. Археологическая карта Ульяновской области. Симферополь // Архив Археологической лаборатории УлГПУ.

Буров Г.М. 1985. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.

Бурундуков Р.Р., Вискалин А.В. 1990. Отчет об археологических разведках в Ульяновском районе Ульяновской области // Архив ИА РАН. Р-1 № 15677.

Вискалин А.В. 1989. Отчет об археологических разведках в Ульяновском и Старомайнском районах в 1989 году. Ульяновск, 1989 // Архив Археологической лаборатории УлГПУ.

Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. 9. М., 2007.

Вязов Л.А. 2011. О возможностях сравнительного анализа остеологических спектров поселений (по материалам памятников Среднего Поволжья середины I тыс. н.э.) // Следы веков: материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы археологии Поволжья и Приуралья», посвященной 65-летию археологического кружка Казанского университета. Казань.

Вязов Л.А. 2012. О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. Казань.

Вязов Л.А., Багаутдинов Р.С., Нерушин И.А., Семыкин Ю.А. 2012. Исследования селища Новая Беденьга I в 2010 г. (новые материалы I тыс. н.э. с территории Ульяновского Поволжья) // Проблемы археологии Евразии. Казань.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. 1962. Археологические памятники у села Рождествено. Казань.

Голдина Е.В. 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.) Ижевск, 2010. (МИ КВАЭ, 6).

Гопкало О.В. 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев.

Жиромский Б.Б. 1958. Древнеродовое святилище «Шолом» // МИА, 61. М.

Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.

Казаков Е.П. 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара, 17–20 ноября 1997 г. Самара.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. 1960. Именьковское городище // МИА, 80. М.

Ключникова Р.М., Матвеева Г.И. 1985. Селище Ош-Пандо-Нерь // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев. С. 131–150.

Ковалевская В.Б. 1998. Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Каменные бусы Кавказа и Крыма. 1. М.

Кренке Н.А. 2011. Дьяково городище: культура населения Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.

Мартынов П.Л. 1896. Остатки старины, сохранившиеся в Симбирском уезде. Симбирск.

Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Матвеева Г.И. 1991. Отчет о раскопках Старомайнского городища в 1991 г. Самара // Архив Археологической лаборатории СамГУ.

Матвеева Г.И. 2004. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара.

Мясников Н.С. 2012. Исследования археологических памятников в Алатырском и Порецком районах (по материалам разведок 2009 г.) // Чувашская археология. 1. Чебоксары.

Невоструев К.И. 1871. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. // Труды I археологического съезда. II. М.

Никитина Г.Ф. 1995. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М.

Обломский А.М. 2003. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). Раннеславянский мир. 5. М.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Раннеславянский мир. 6. М., 2004.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). Раннеславянский мир. 10. М., 2007.

Паньков С.В. 1993. Чорна металургія населення Українського лісостепу (перша половина I тис. н.е.). Київ.

Пашкевич Г.А., Терпиловский Р.В. 1981. Сельское хозяйство деснинских племен III–V вв. // Использование методов естественных наук в археологии. Киев.

Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.). Раннеславянский мир. 12. М., 2010.

Поливанов В.Н. 1900. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск.

Разуваев Ю.Д. 1998. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. 12. Воронеж.

Разуваев Ю.Д. 2008. О ландшафтной приуроченности скифоидных городищ Верхнего Дона // Верхнее Подонье: Археология. История. 3. Тула.

Рикман Э.А. 1975. Жилище племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.

Розенфельдт И.Г. 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Румянцева О.С. 2007. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Раннеславянский мир. 9. М.

Семыкин Ю.А. 1986. О металлургических горнах именьковской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. 1965. Городецкая культура // САИ. Д-1-14. М.

Старостин П.Н. 1967. Памятники именьковской культуры // САИ. Д1-32. М.

Старостин П.Н. 1971. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.

Сташенков Д.А. 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. Раннеславянский мир. 7. М.

Сташенков Д.А. 2009. Металлургический комплекс Новинковского I селища на Самарской Луке // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань.

Сташенков Д.А. 2010. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. 15. Самара.

Степанов П.Д. 1961. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // МИА, 111. М.

Степанов П.Д. 1967. Ош-Пандо. Саранск.

Сыроватко А.С. 2009. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.

Сыроватко А.С., Трошина А.А., Спиридонова Е.А. 2012. Хронология Щуровского могильника по естественнонаучным данным // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев.

Хазанов А.М. 2008. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Список сокращений

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
МИ КВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
САИ – Свод археологических источников
СамГУ – Самарский государственный университет
УлГПУ – Ульяновский государственный педагогический университет

L.A.Vyazov, N.P. Salugina, Y.A. Semykin

Hillfort and settlement Novaya Beden'ga I

Abstract

The hillfort and the settlement at Novaya Beden'ga village are situated on watershed between the rivers Volga and Sviyaga, at a head of deep watered gully outfalling in the Volga. The excavated area is 1368 square meters in total. Within the hillfort fortifications were studied; the most of features within the settlement were patches of burnt subsoil and natural clay marking the locations of fireplaces. Around some of them potsherds were grouped. Also remains of on-ground buildings, iron ore open mining pit and remains of hardly damaged bloomery were found. Probably, inhabitants of the sites were engaged in iron ore (siderite) mining and iron production.

The excavated artifacts could be refered to two cultural-chronological groups.

First of them is represented by three pots restored from sherds from excavation V of the settlement. One can find analogies to them in the pottery assemblage of sites of the Late-Scythian tradition. The pots are probably dated from the 1st – beginning of 2nd quarters of the I millennium AD.

The second cultural-chronological group includes the bulk of finds. Among the artifacts a body of fibula with rhomb-shaped foot, arrow-heads of "sarmatian" and "hunnish" types, iron buckles with round and B-shaped frames, polyhedral beads (cornelian and of blue glass), tools (knifes, truncated-biconical spindle whorls with low proportions, etc.) are to be mentioned. The range of artifacts allows to relate the second cultural-historical group to "Hunnish period" and to date it from the end of the 4'th – the 6'th century.

Pottery complex of the second group includes imported amphora sherds and hand-made pottery: slightly biconical and round-bodied pots, hemispherical bowls, disks, conical covers with vertical handles and miniature vessels. The assemblage is mixed, but the basic set of forms, recorded in all the excavated areas of the settlements could be distinguished. This set comprises pots with short straight or everted neck with non-decorated rim, slightly biconical or round-bodied with maximal width in the top third of profile, discs of smaller diameter. Technological data show that the most of slightly biconical vessels made with similar methods, and can be united in a specific technological group. The distinguished "main body" of ceramic assemblage goes back to pottery tradition of the Kiev culture, whereas individually recorded vessel shapes mark participation of forest zone cultures' beams in forming of this cultural-chronological group.

Thereby, the most of archaeological evidence which come from the settlements at Novaya Beden'ga refer to one of the population groups that developed the Middle Volga area in the Migration epoch and preserved the Kiev culture traditions.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

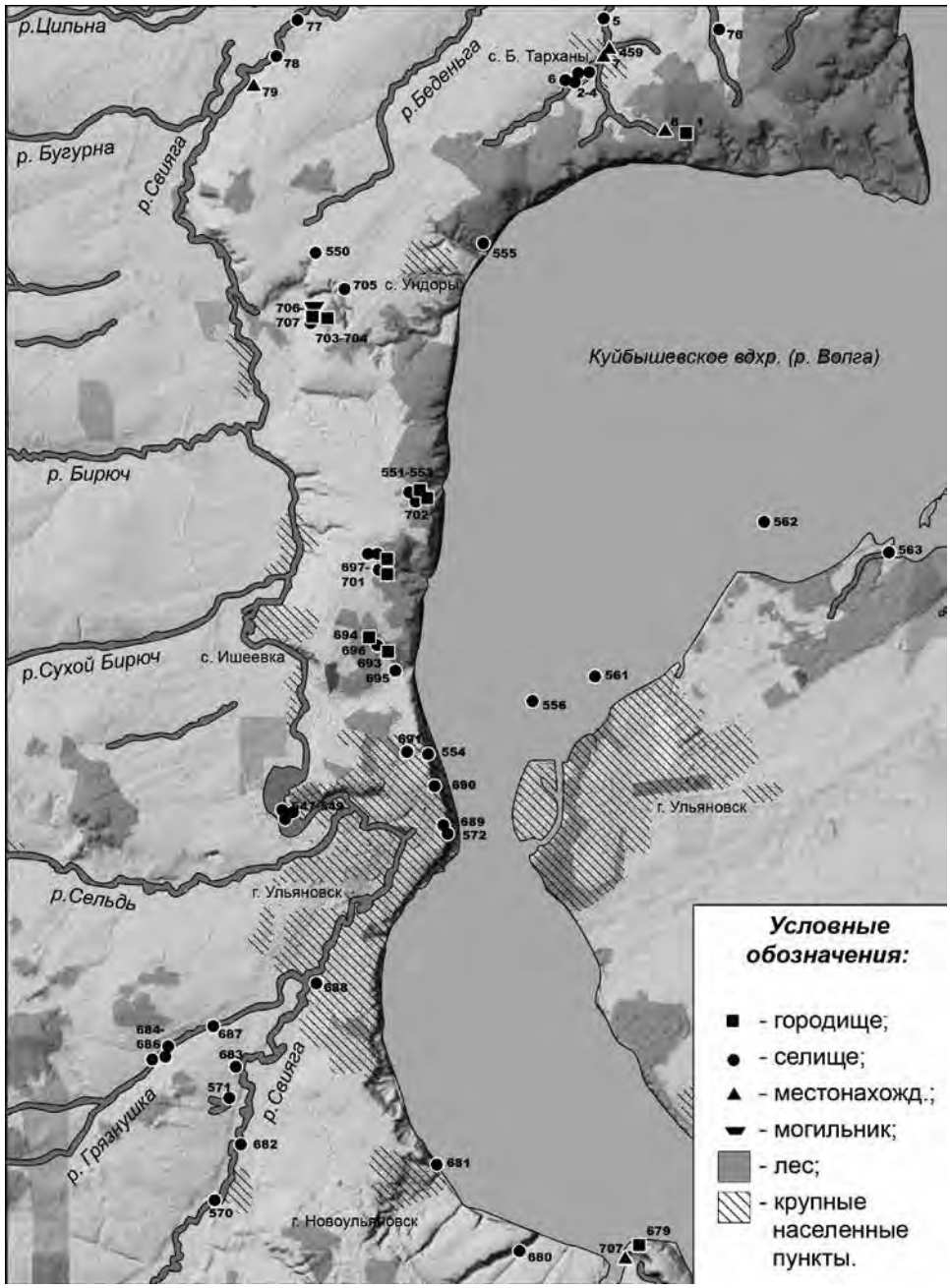
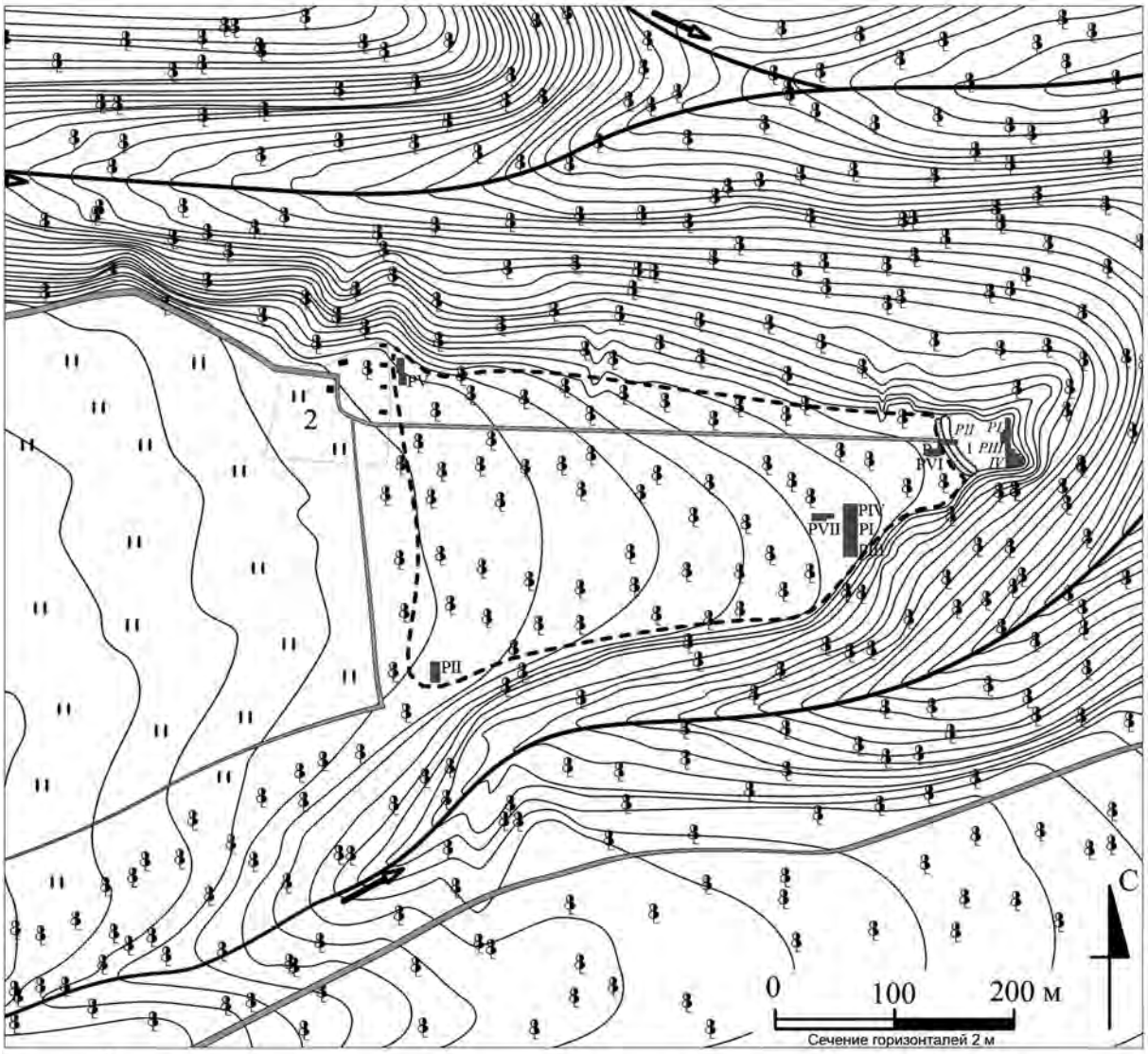


Рис. 1. Археологические памятники 2-3 четверти I тыс. н.э. в Ульяновском Предволжье. ***Городища:*** 1 – Большетарханское; 551 – Новая Беденьга I; 552 – Новая Беденьга II; 679 – Арбужское; 693 – Поливна I; 694 – Поливна II; 697 – Круглая Поляна; 698 – Сланцевый Рудник II; 703 – Комаровка I; 704 – Комаровка II. ***Селища:*** 2 – Большетарханское Iа; 3 – Большетарханское II; 4 – Большетарханское I; 5 – Большетарханское VI; 6 – Большетарханское IV; 76 – Красный Восток; 77 – Сюндюковское I; 78 – Сюндюковское II; 547 – Карлинское III; 548 – Карлинское IV; 549 – Карлинское V; 550 – Комаровка II; 553 – Новая Беденьга I; 554 – Ульяновск II; 555 – Черталинский Овраг; 556 – Малое Пальцино; 561 – Алексеевка I; 562 – Ботьма I; 563 – Юрманки I; 570 – Большие Ключищи II; 571 – Кувшиновка I; 572 – Ульяновск I; 680 – Панская Слобода IV; 681 – Кременки V; 682 – Большие Ключищи IV; 683 – Луговое VII; 684 – Анненково I; 685 – Анненково II; 686 – Анненково III; 687 – Анненково IV; 688 – Белый Ключ IV; 689 – Ульяновск III; 690 – Северный Венец; 691 – Ипподром; 695 – Поливна I; 696 – Поливна II; 699 – Сланцевый Рудник I; 700 – Круглая Поляна I; 701 – Сланцевый Рудник II; 702 – Новая Беденьга II; 705 – Комаровка I; 706 – Комаровка III. ***Местонахождения:*** 7 – Большетарханское III; 8 – Тюкашинское; 79 – Сюндюковское; 459 – Большетарханское V; 707 – Криушинское. ***Грунтовые могильники:*** 707 – Комаровка. (По: Буров, 1977; Вискалин, 1989; 1990).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



- ручей;
- луг;
- границы селища;
PI - раскопы на селище;
- смешаный лес;
- проселочная дорога;
- ров и вал городища;
PI - раскопы на городище.

Рис. 2. Городище и селище Новая Беденьга I. Топографический план.
1 – площадка городища Новая Беденьга I; 2 – турбаза «Венеды».

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

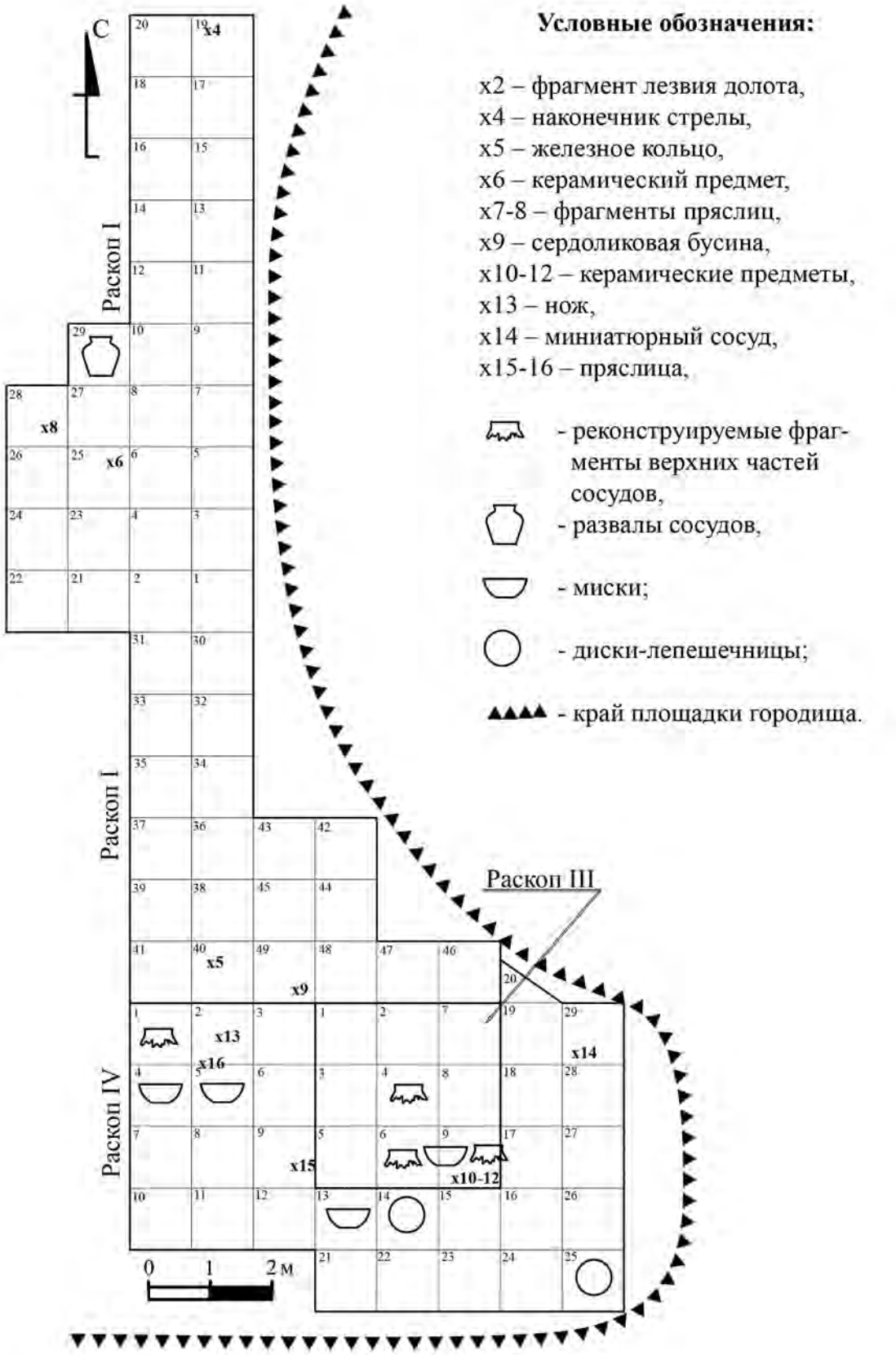


Рис. 3. Городище Новая Беденьга I. План раскопов I, III, IV.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

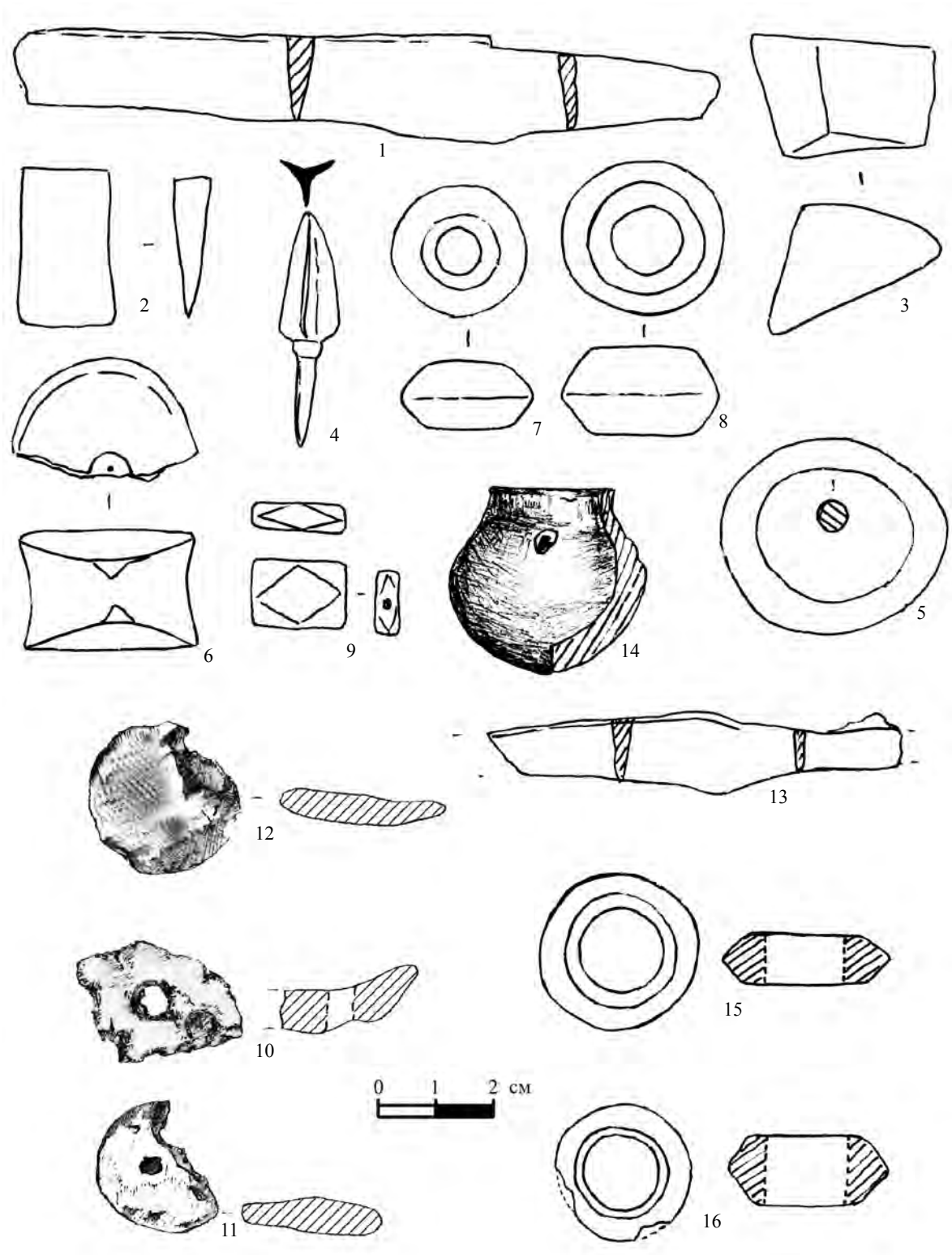


Рис. 4. Городище Новая Беденьга I. Вещевой комплекс раскопов I, III, IV.
1 – железный нож (р. I, кв. 46, пл. 1), 2 – фрагмент лезвия долота (р. I, кв. 40, пл. 2), 3 –фрагмент каменного оселка (р. I, кв. 6, пл. 2), 4 – наконечник стрелы (р. I, кв. 19, пл. 1), 5 – железное кольцо (р. I, кв. 40, пл. 1), 6 – керамический предмет (р. I, кв. 25, пл. 1), 7-8 – фрагменты пряслиц (7 – р. I, кв. 5, пл. 1; 8 – р. I, кв. 28, пл. 1), 9 – сердоликовая бусина (р. I, кв. 49, пл. 1), 10-12 – керамические предметы (р. III, кв. 9, пл.1), 13 – нож (р.IV, кв.2, пл.1), 14 – миниатюрный сосуд (р.IV, кв.29, пл.1), 15,16 – пряслица (15 – р.IV, кв.9, пл.1. 16 – р.IV, кв.5, пл.1).

1-2, 4-5, 13 – железо; 3,9 – камень; 6-8, 10-12, 14-16 – лепная керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

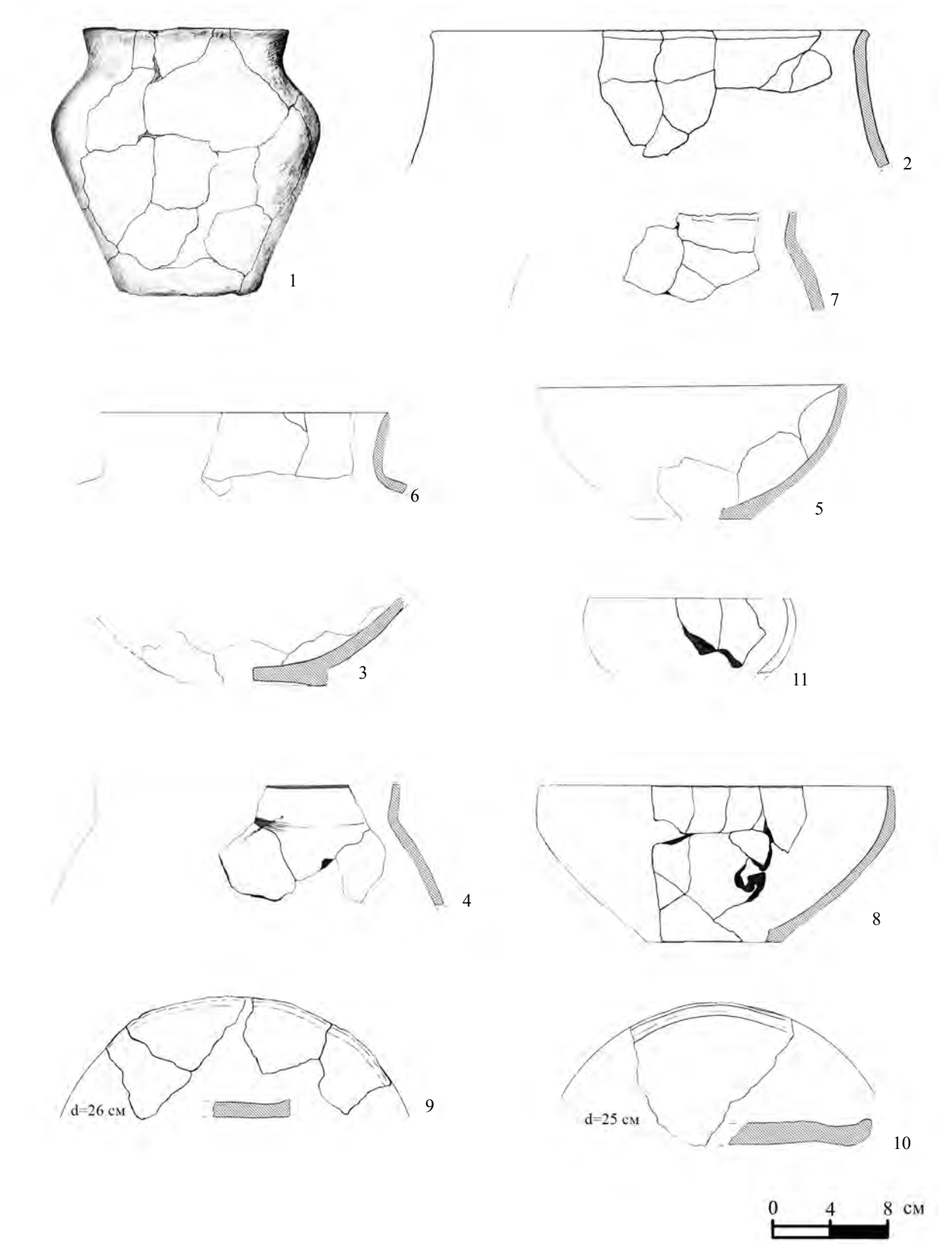


Рис. 5. Городище Новая Беденьга I. Керамический комплекс раскопов I, III, IV.
1 – р. 1, кв.29, пл.1; 2 – р. III, кв. 4, пл.1; 3 – р. IV, кв.13, пл.1; 4 – р.IV, кв. 1, пл. 1; 5 – р. III, кв. 9, пл.1; 6 – р. III, кв. 9, пл.2; 7 – р. III, кв. 6, пл.1; 8 – р. IV, кв.5, пл.1; 9 – р. IV, кв.14, пл.1; 10 – р. IV, кв.25, пл.1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

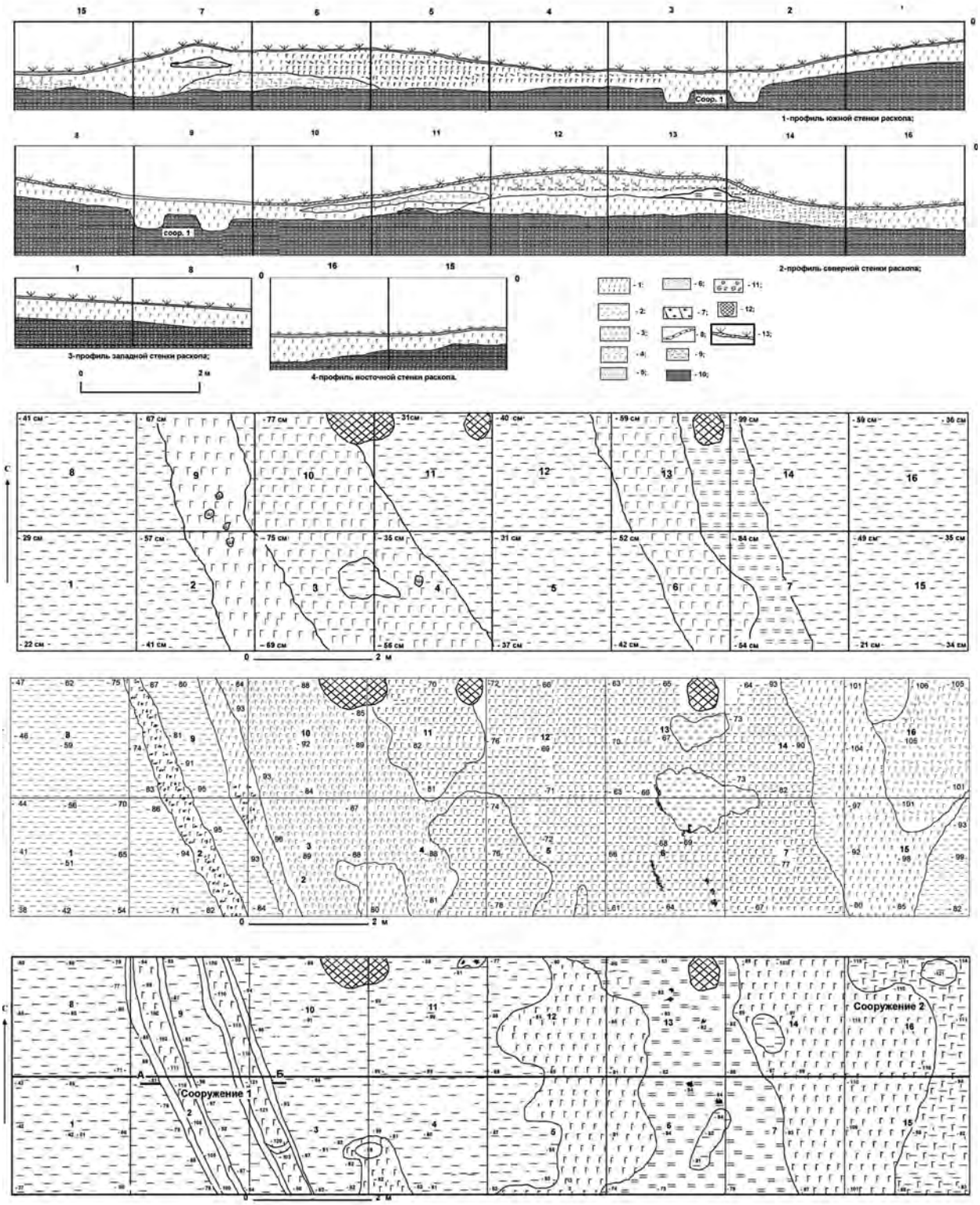


Рис. 6. Городище Новая Беденьга I. План и профиль раскопа II.
1 – гумусированный суглинок; 2 – материковая глина желто-коричневого цвета; 3 – прокаленная глина красно-коричневого цвета; 4 – гумусированный суглинок с включениями глины, 5 – гумусированный суглинок с супесью; 6 – слабогумусированный оподзоленный суглинок; 7 – древесные угли; 8 – следы горелого дерева; 9 – гумусированный суглинок с включением углей; 10 – материковая глина (в профилях раскопа); 11 – железные шлаки; 12 – крупные деревья; 13 – дерн.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

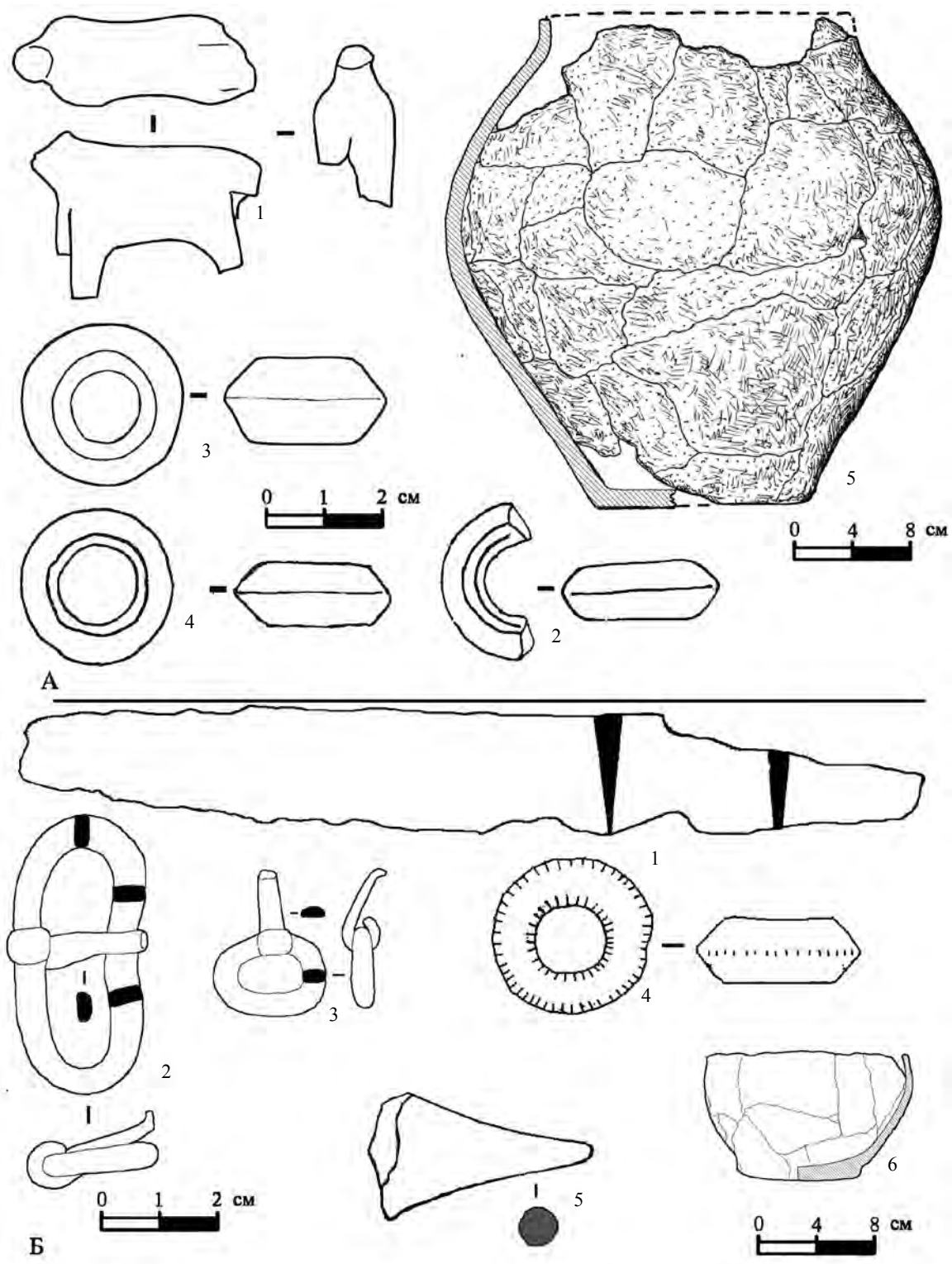


Рис. 7. Материал раскопа II на городище Новая Беденьга I и шурфа 3 на селище.
А. Материалы раскопа II на городище Новая Беденьга I. 1 – фрагмент фигурки животного (кв. 14, пл. 2), 2-4 – фрагменты пряслиц (2-3 – кв. 16, пл. 1; 4 – кв. 15), 5 – лепной горшок (кв. 14, 16, пл. 1-2).
1-5 – лепная керамика.
Б. Материалы шурфа 3 на селище Новая Беденьга I. 1 – нож; 2,3 – пряжки; 4 – пряслице; 5 – керамический предмет; 6 – миска.
1-3 – железо, 4-4 – лепная керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

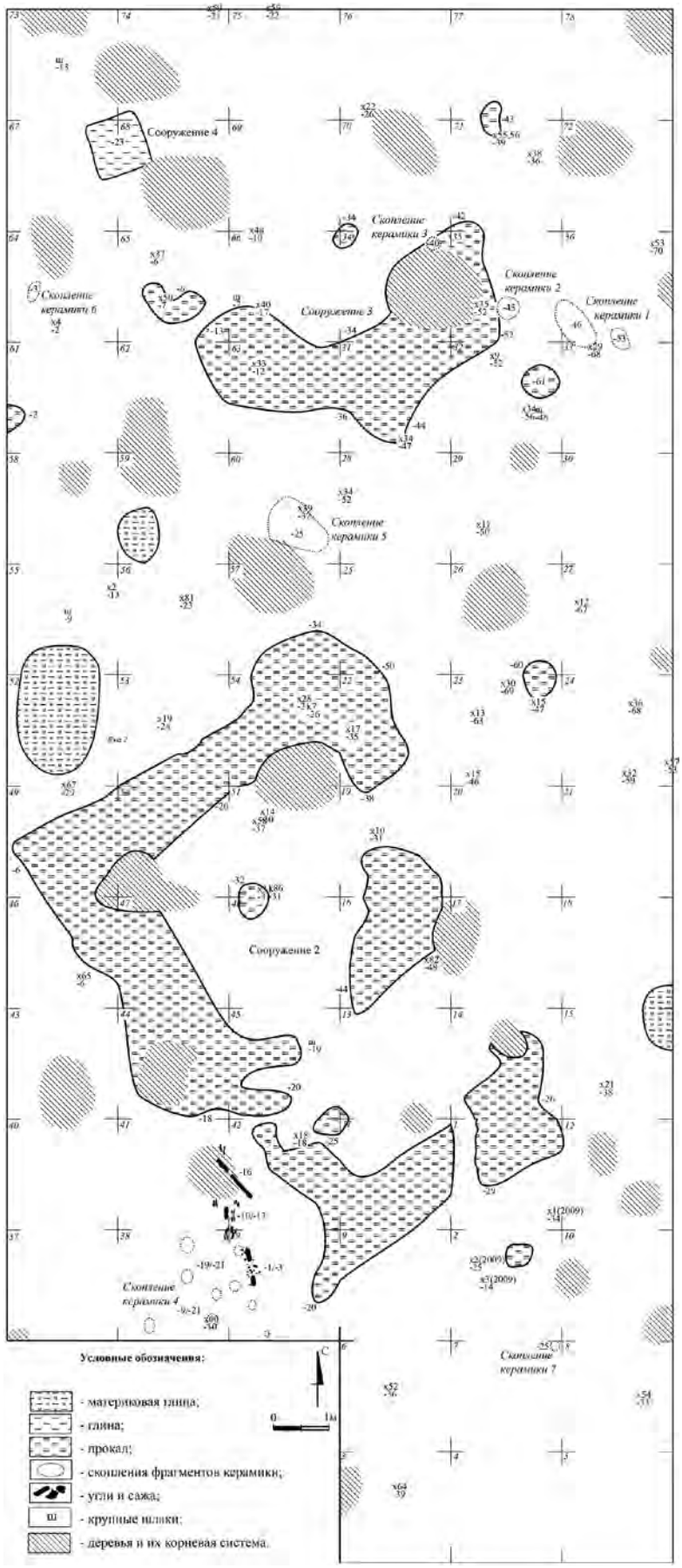


Рис. 8. Селище Новая Беденьга I. План раскопа I.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

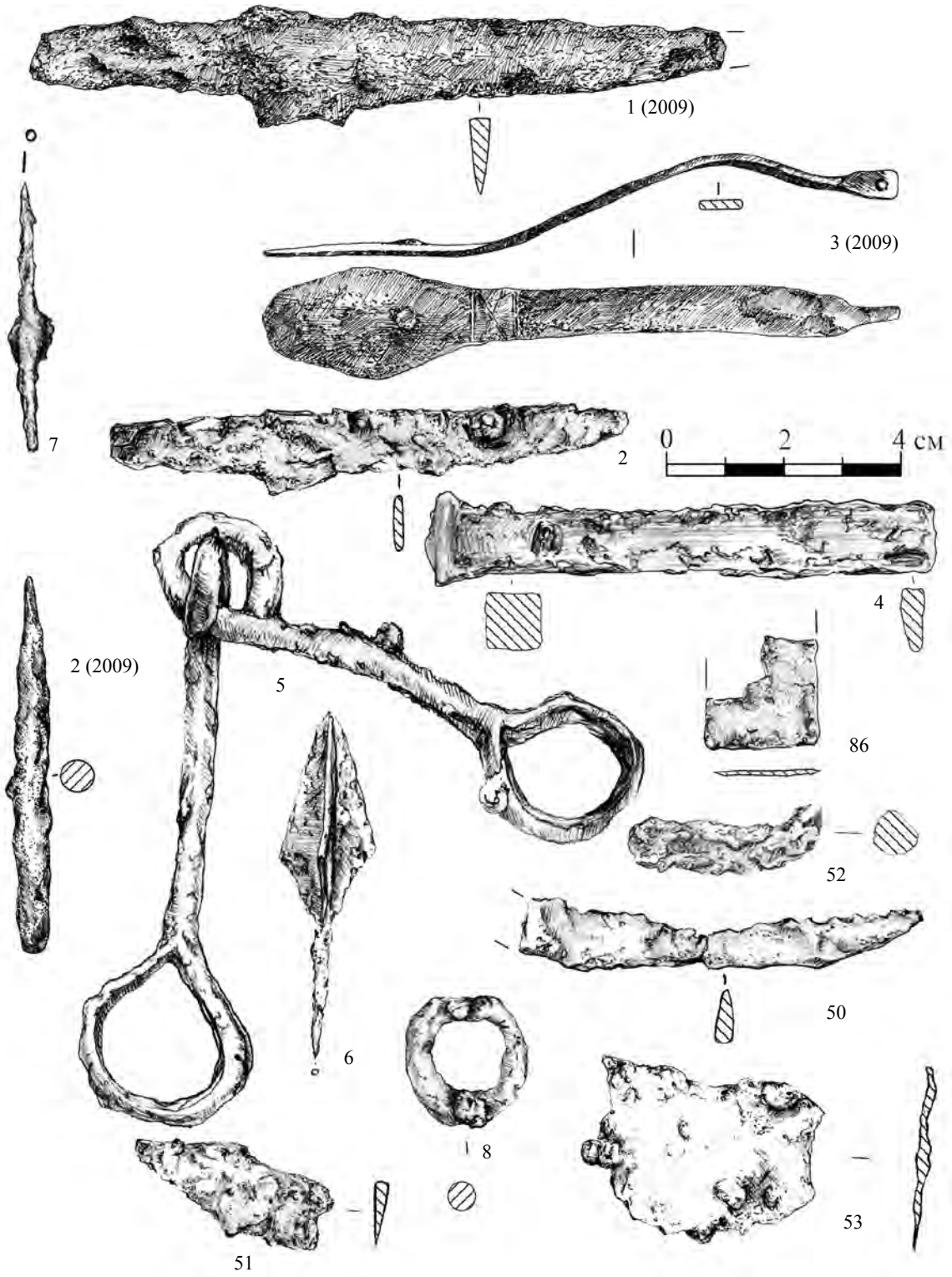


Рис. 9. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. Металлические изделия.
1 (2009) – железный нож (кв. 1, пл. 1); 2 (2009) – шило (кв. 1, пл. 1); 3 (2009) – ножка фибулы (кв. 2, пл. 1); 2 – железный нож (кв. 55, пл. 1); 4 – зубило (кв. 64, пл. 1); 5 – удила (кв. 75, пл. 1); 6 – наконечник стрелы (кв. 31-36,отвал); 7 – шило (кв. 54, пл. 1); 8 – железное кольцо (кв. 33, пл. 1); 50 – кончик серпа (кв. 65, пл. 1) 51 – фрагмент ножа (отвал); 52 – железный предмет (кв. 6, пл. 2); 53 – фрагмент пластины (кв. 36, пл. 1); 86 – фрагмент пластины прямоугольной (кв. 51, пл. 1).
1, 2(2009) – железо, 3(2009) – сплав цветных металлов; 2-8, 51-53, 86 – железо.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

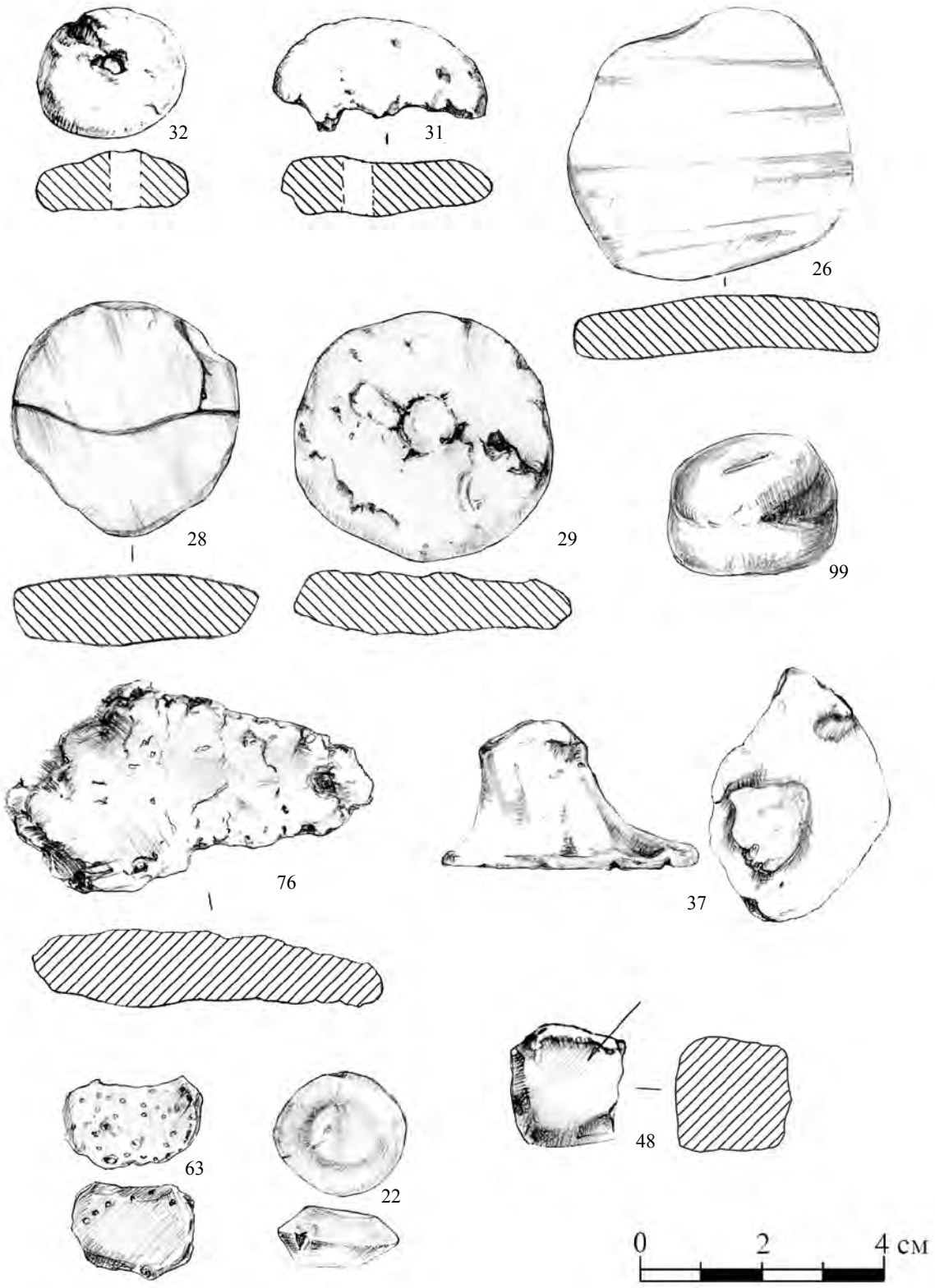


Рис. 10. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. Керамические и каменные изделия.
22 – «заготовка» пряслица (кв. 76, пл. 2); 26 – «жетон» (кв. 13, пл. 1); 28,31 –«жетон», грузик (кв. 51, гор 1); 29 – «хлебец» (кв. 33, пл. 2); 32 – грузик (кв. 24, пл. 1); 37 – грибовидный предмет (кв. 65, пл. 1); 48 – фрагмент оселка (кв. 69, пл. 1); 76, 99 – предметы (кв. 54, пл. 1); 63 – диск (отвал). 26,28 – стенки амфоры, 48 – камень, остальное – лепная керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

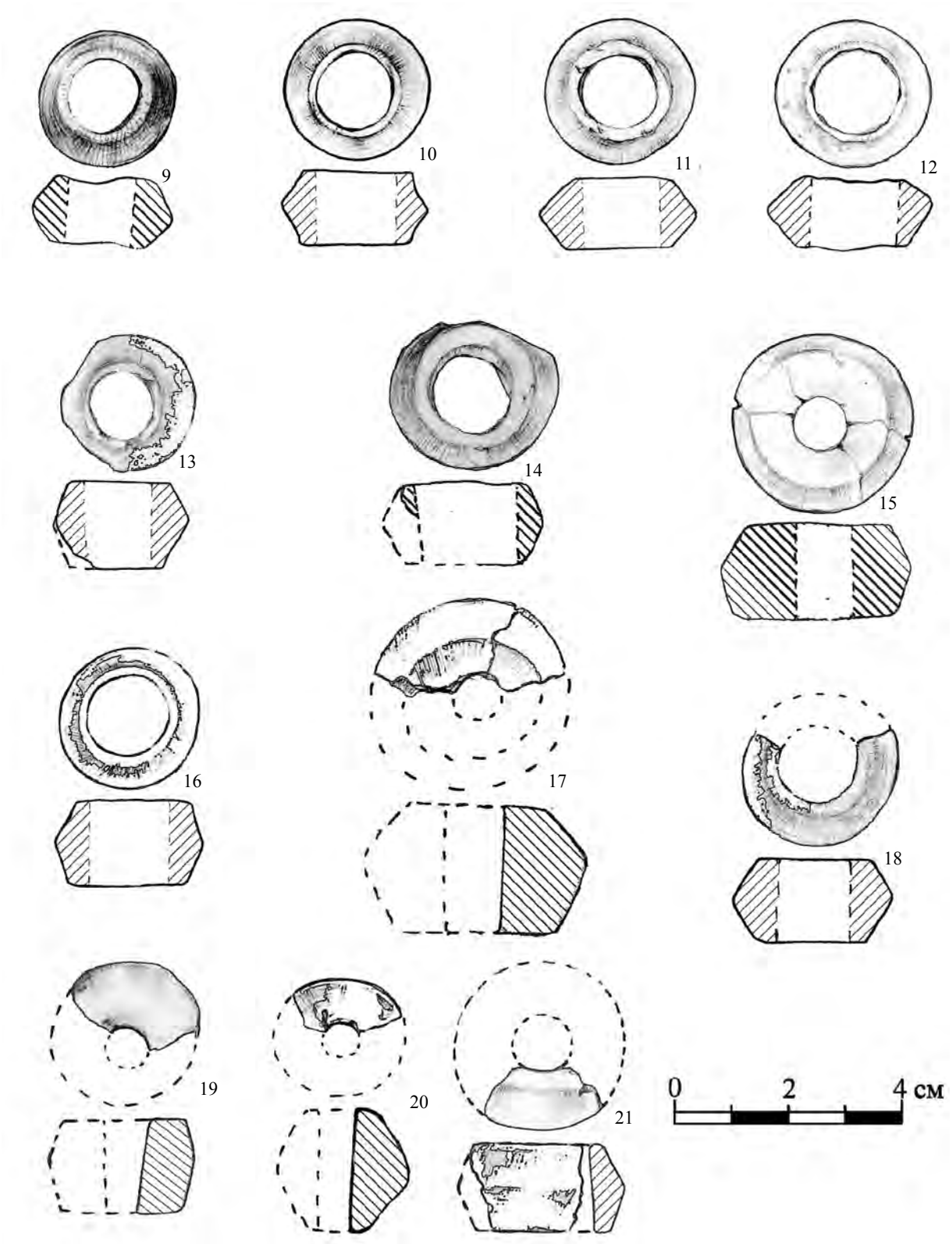


Рис. 11. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. Глиняные пряслица.
9 – кв. 32, пл. 1; 10 – кв. 19, пл. 1; 11 – кв. 29, пл. 1; 12 – кв. 27, пл. 1; 13 – кв. 23, пл. 2; 14 – кв. 51, пл. 1; 15 – кв. 20, 23, пл. 1; 17, 20 – кв.22, пл. 1; 18 – кв. 42, пл. 1; 19 – кв. 53, пл. 1; 21 – кв. 15, пл. 1; 16 – отвал кв. 76–78.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

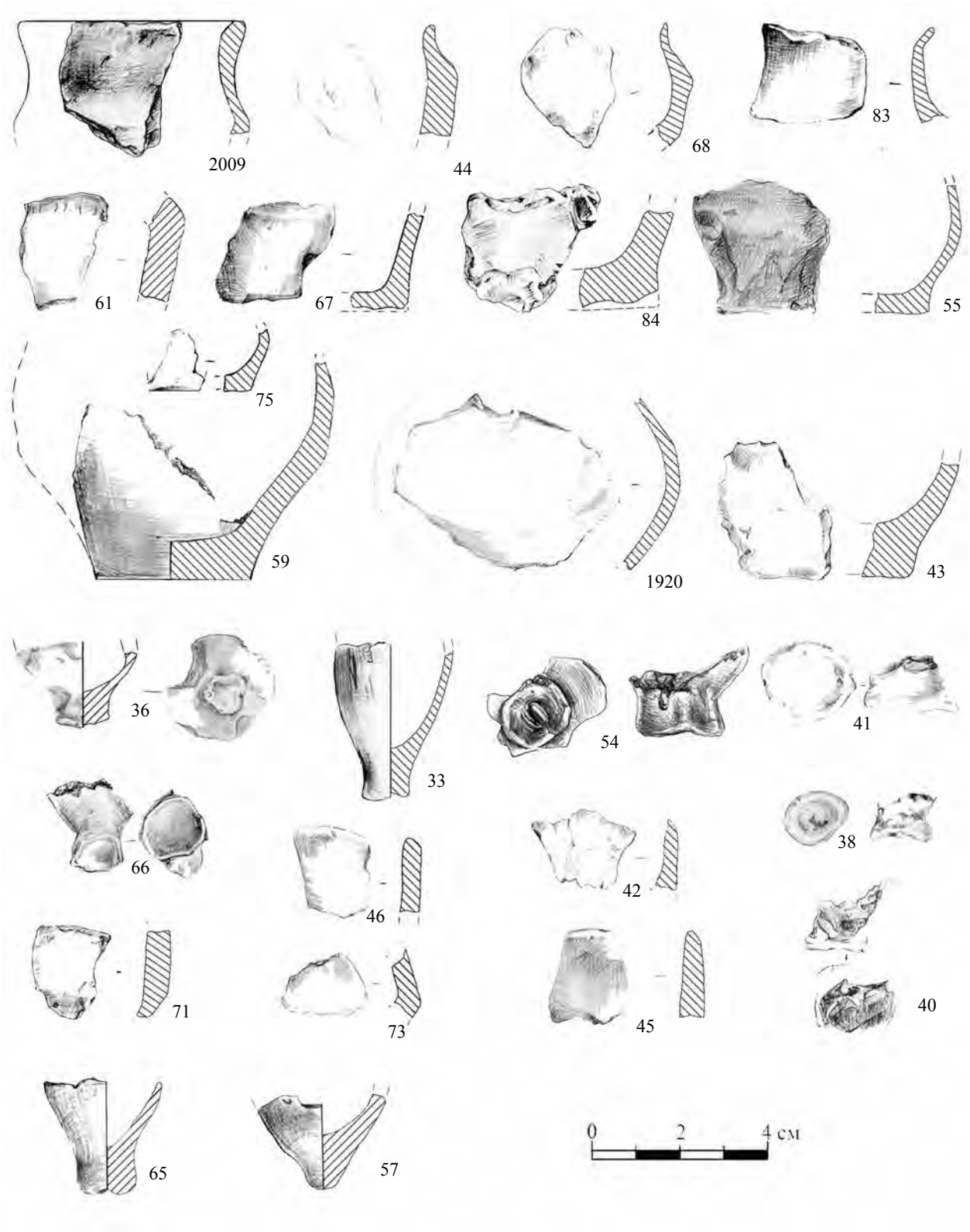


Рис. 12. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. Лепные миниатюрные сосуды.
33 – кв. 63, пл. 1; 36 – кв. 24, пл. 2; 38, 55, 1920 – кв. 71, пл. 1; 40, 73 – кв. 66, пл. 1; 42, 43, 61, 66 – отвал; 44 – кв. 13, пл.1; 45 – кв. 25, пл. 1; 46 – кв. 54, пл. 1; 54 – кв. 8, пл. 1; 59 – кв. 74, 75, пл. 1; 67 – кв. 49, пл. 2; 68 – кв. 30, пл. 1; 71 – кв. 51, пл. 1; 75 – кв. 14, пл. 2; 83, 84 – кв. 61, пл. 1; 2009 – кв. 77, пл. 1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

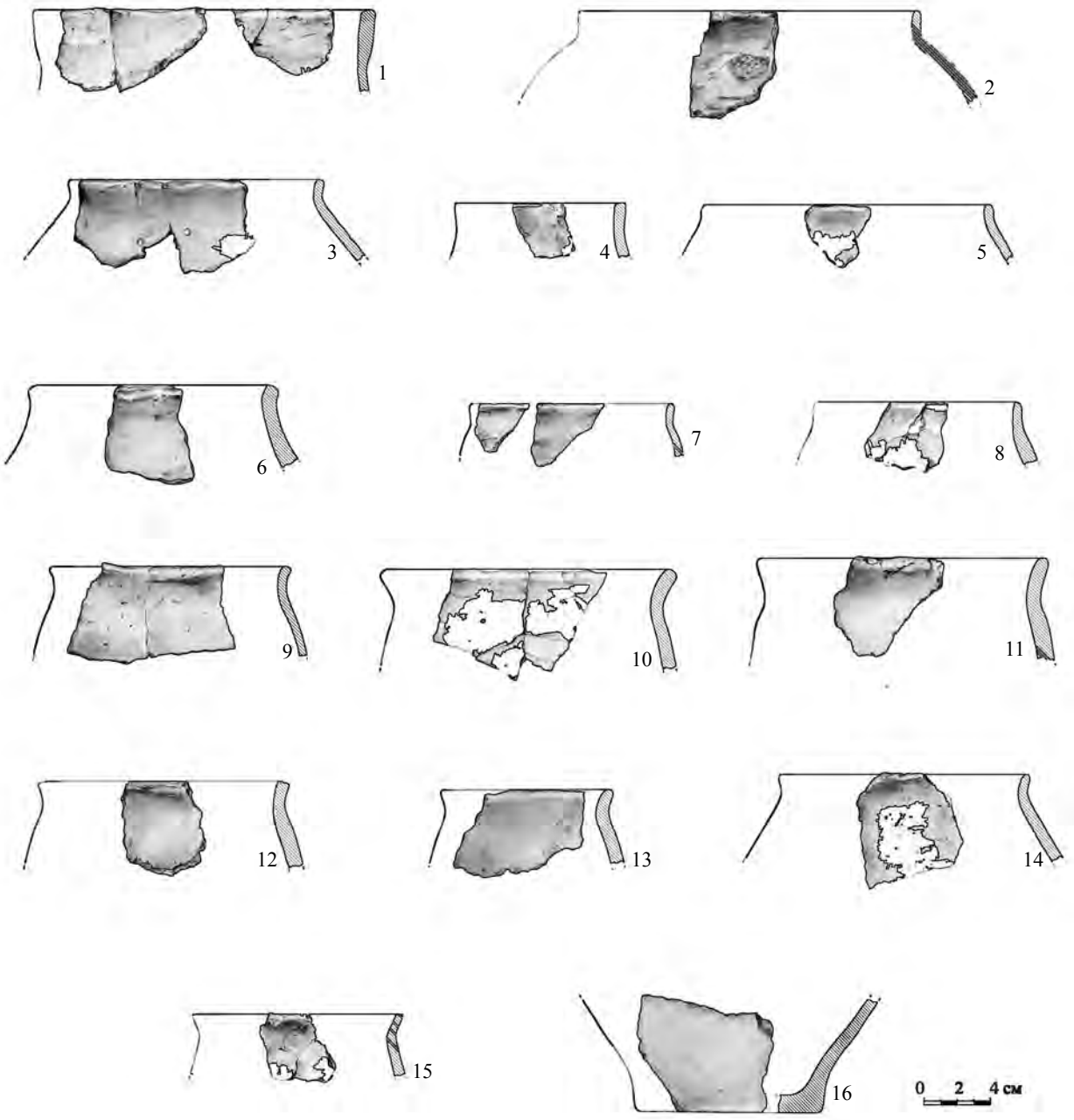


Рис. 13. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. Лепная керамика.
1 – кв. 34, 66, пл. 1; 7– кв. 15, пл. 1, кв. 14, пл. 2; 3 – кв. 31, пл. 1; 5 – кв. 78, пл. 1; 8 – кв. 72, пл. 1; 2 – кв. 60, пл. 2; 4 – кв. 78, пл. 2; 15 – кв. 23, пл. 1; 9– кв. 67, пл. 1; 10 – кв. 72, 78, пл. 1; 11 – кв. 78, пл. 1; 14 – кв. 31, пл. 1; 13 – кв. 53, пл. 1; 12 – кв. 78, пл. 2; 6 – кв. 42, пл. 1; 16 – кв. 63, пл. 1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

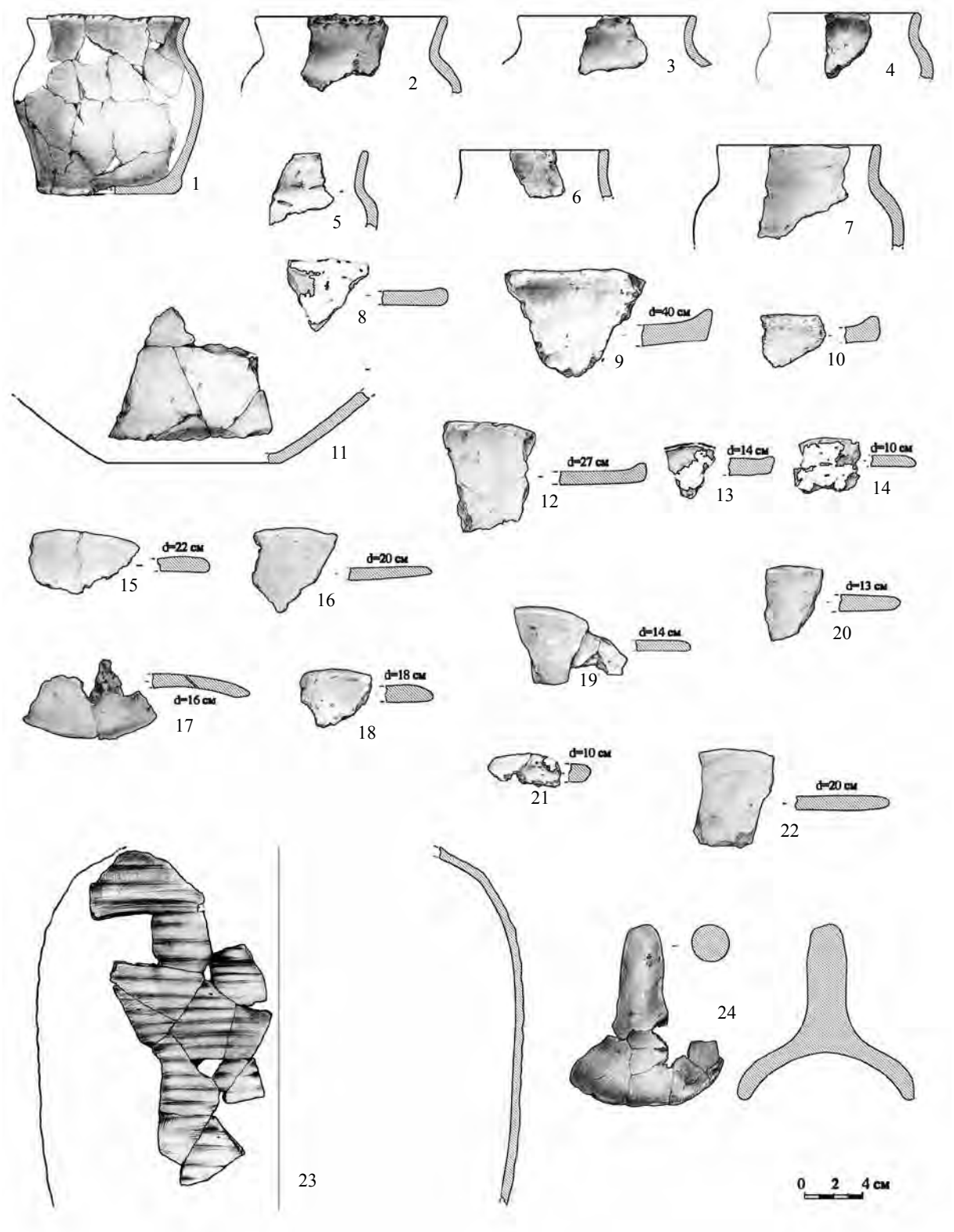


Рис. 14. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. Лепная и круговая керамика.
24 – кв. 9, пл. 1; 1 – кв. 69, 70, 75, пл. 1; 21 – кв. 9, пл. 1; 12, 13 – кв. 19, пл. 1; 22, 19 – кв. 29, пл. 1; 18 – кв. 31, пл. 1; 14 – кв. 32, пл. 1; 10 – кв. 43, пл. 1; 16 – кв. 50, пл. 1; 5 – кв. 51, пл. 1; 2, 4 – кв. 53, пл. 1; 15 – кв. 78, пл. 1; 11 – кв. 16, 17, 47, 48, пл. 1; 23 – кв. 22, 27, 45, 54, 57-58, 61, 63, 65, 66, пл. 1, 2; 8 – кв. 38, пл. 1; 9 – кв. 51, пл. 2; 3 – кв. 57, пл. 2; 6 – кв. 78, пл. 2; 20- кв. 9, пл. 1.
23 – фрагменты амфоры, остальное – лепная керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

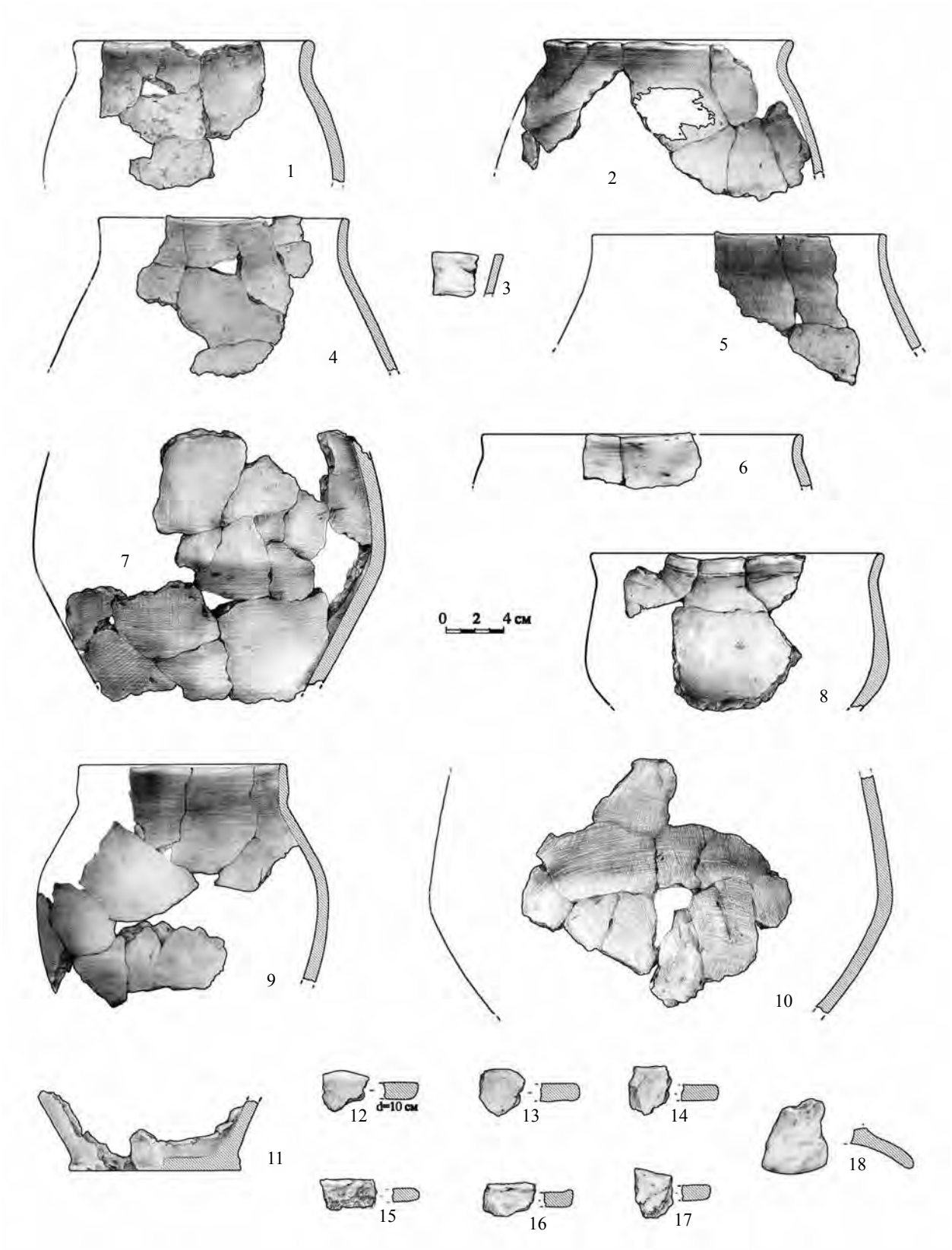


Рис. 15. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. Лепная керамика из скоплений 1 и 2.
7, 9, 10 – кв. 33, 35, 36, пл. 1; 6 – кв. 33, пл. 1; 3 – кв. 35, пл. 1; 5 – кв. 35, 36, пл. 1; 4 – кв. 23, 35, 36, пл. 1; 8 – кв. 23, 30, 33, 36, 71, пл. 1-2; 2 – кв. 31, 33, 36, пл. 1; 1 – кв. 32, 33, 35, пл. 1; 11 – кв.36, пл. 1; 12-18, – кв. 32, 33, 35, 36, пл. 1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

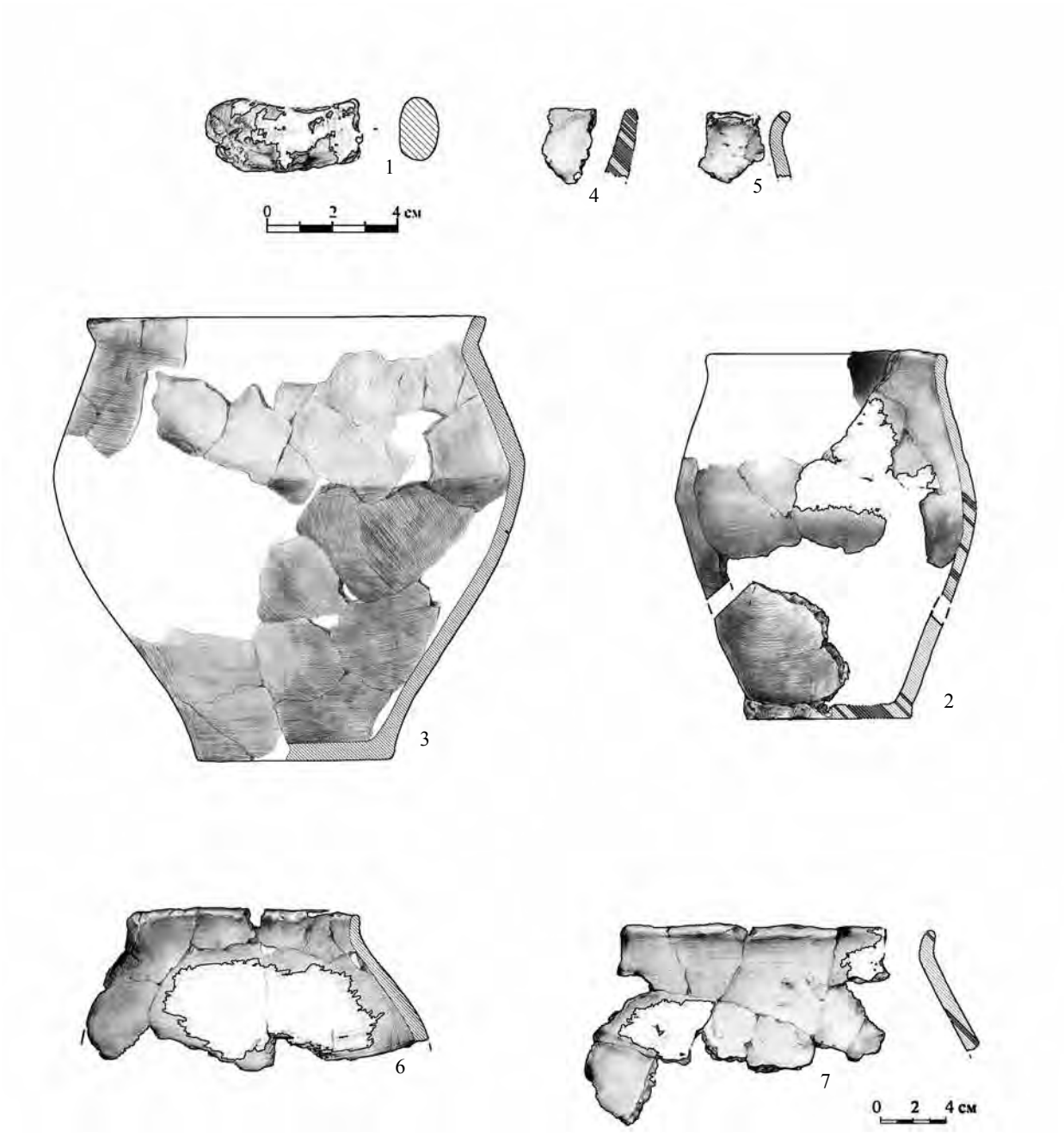


Рис. 16. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. Лепная керамика из скопления 4. 3, 5, 7 – кв. 38, 39, пл. 1, 2; 1, 2, 6 – кв. 38, пл. 1; 4 – кв. 38, 39, пл. 1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

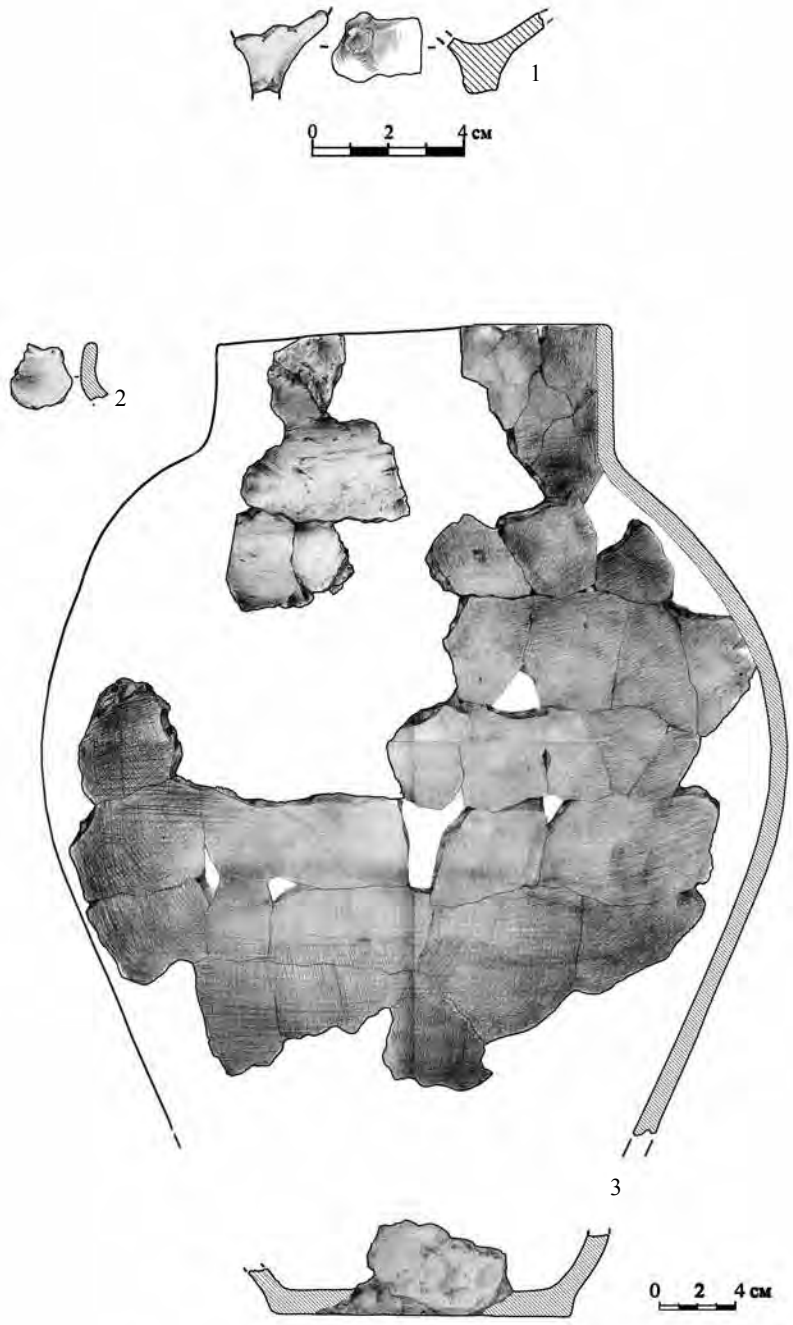


Рис. 17. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. Лепная керамика из скопления 5. 1, 2 – кв. 60, пл. 1-2; 3 – кв. 16, 23, 50, 57, 58, 60, пл. 1, 2, соор. 3.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

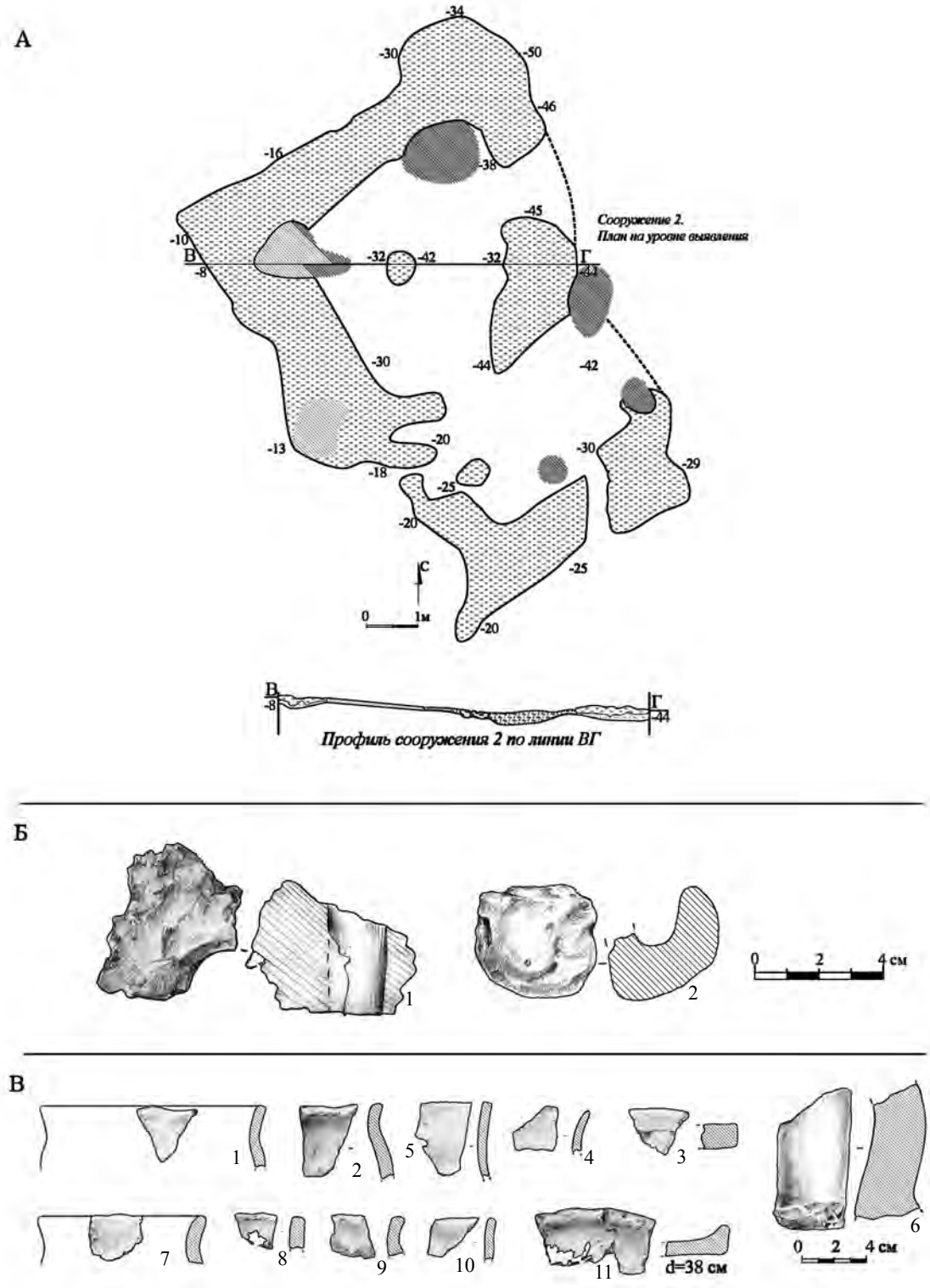


Рис. 18. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. План и разрезы сооружения 2. Комплекс находок из сооружения 2.

А. План и разрезы сооружения 2.

Б. Находки в сооружении 2. 1, 2 – кв. 51, пл. 2.

В. Лепная керамика из сооружения 2. 11 – кв. 51, пл. 2; 6 – кв. 16, пл. 2; 7 – кв. 44, пл. 2; 1 – кв. 45, пл. 2; 3 – кв. 48, пл. 2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

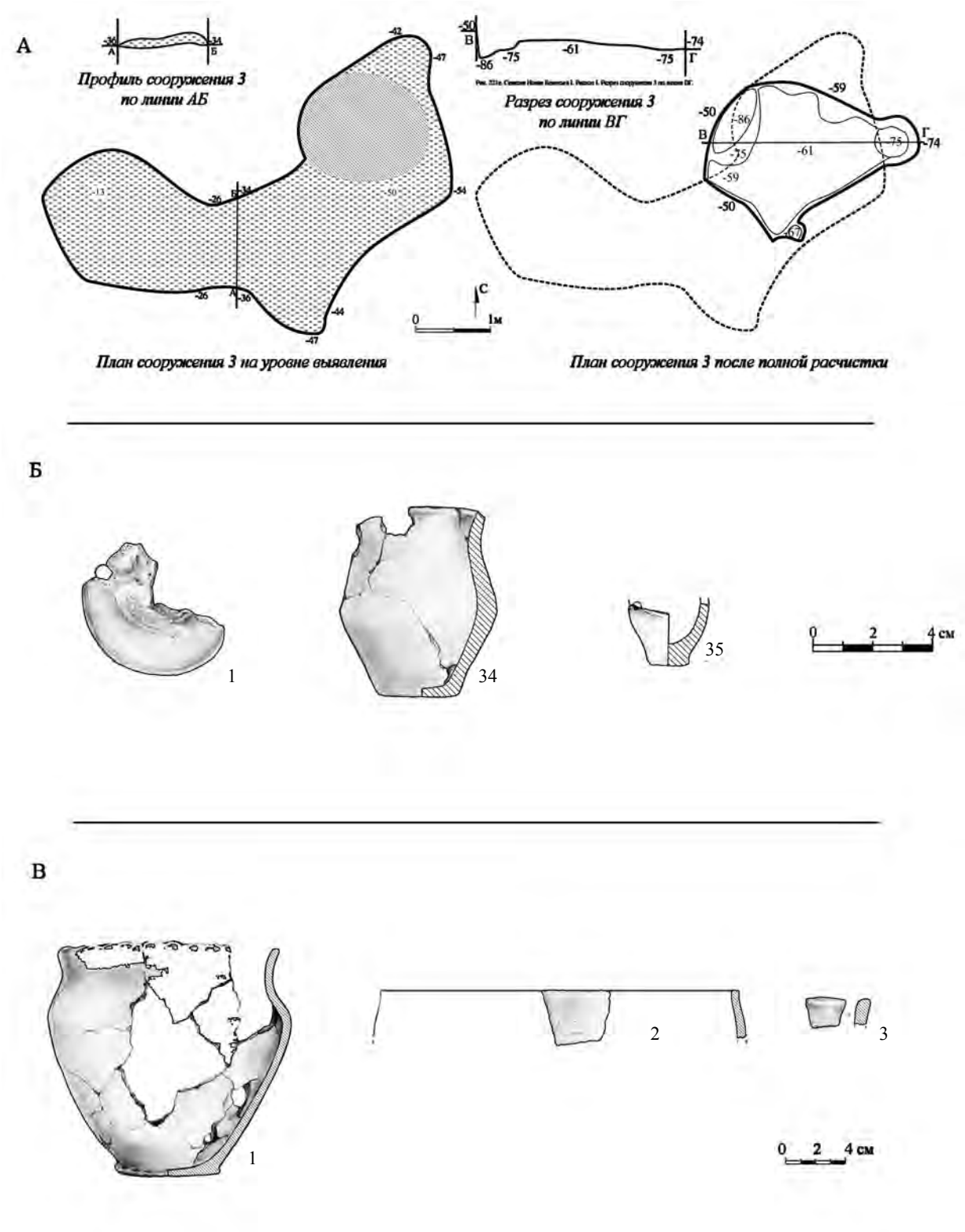


Рис. 19. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. План и разрезы сооружения 3. Комплекс находок из сооружения 3.
А. План и разрезы сооружения 3.
Б. Находки в сооружении 3. 1, 34, 35 – соор.3, пл. 2.
1 – кость, 34-35 – лепная керамика.
В. Лепная керамика из сооружения 3. 1-3 – соор.3 , пл. 2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рис. 20. Селище Новая Беденьга I. Раскоп I. План, разрез (А) и лепная керамика из сооружения 4 (Б).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

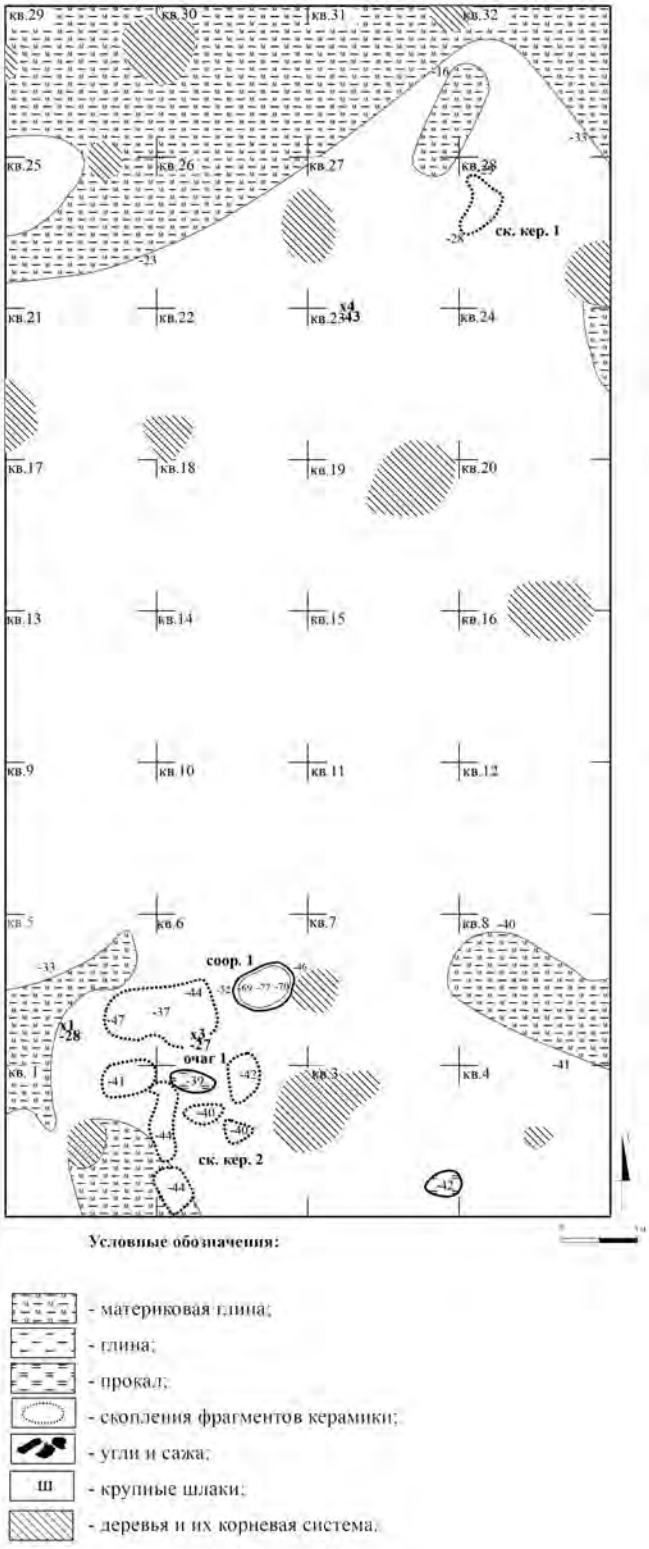


Рис. 21. Селище Новая Беденьга I. План раскопа II.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

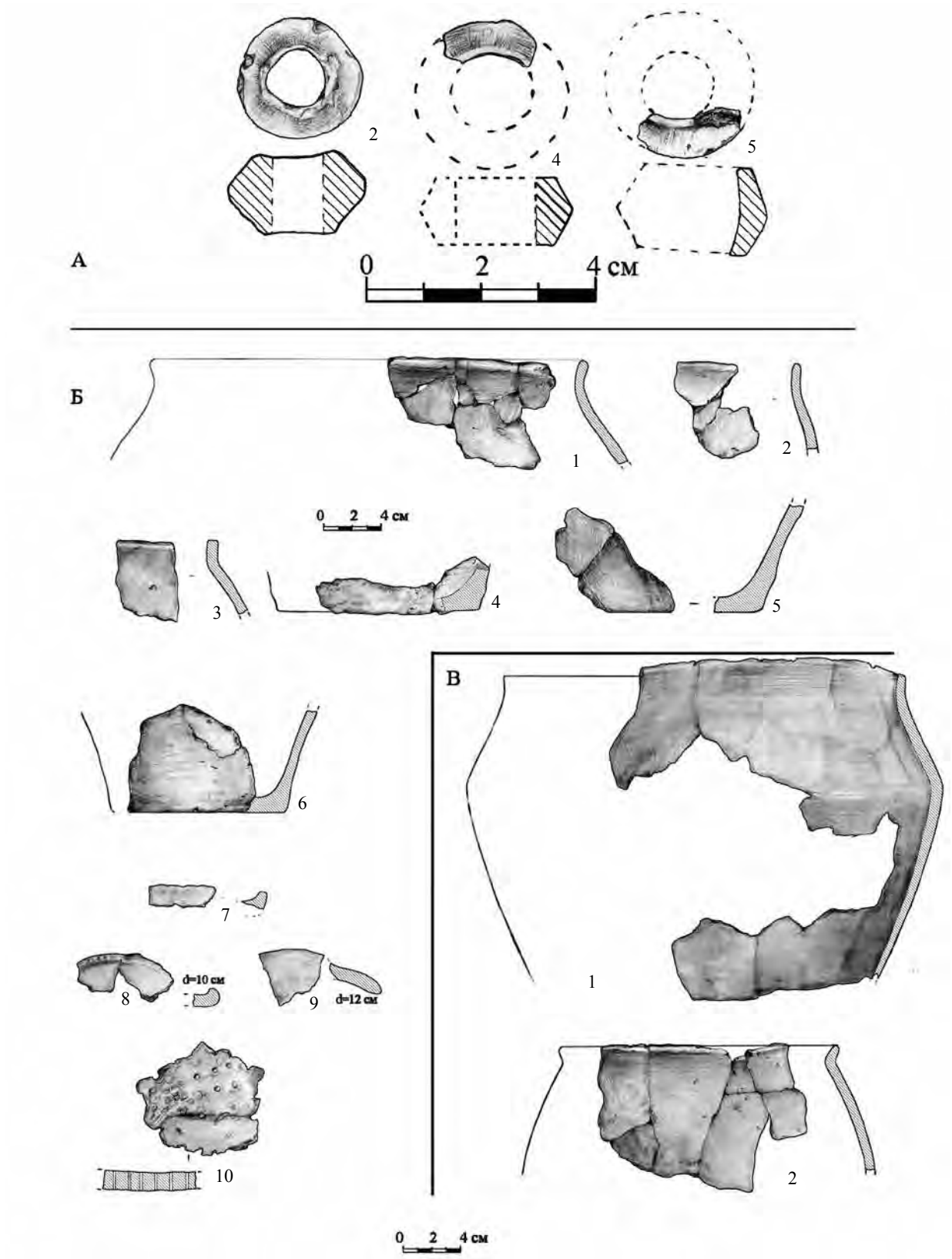


Рис. 22. Раскоп II. Находки и керамика из культурного слоя и скопления 1.
А. Находки из культурного слоя. 2 – кв. 20, пл. 2; 4 – кв. 23, пл. 1; 5 – кв. 22, пл. 1.
Б. Лепная керамика из культурного слоя. 2, 7 – кв. 3, пл. 1; 5 – кв. 13, пл. 1; 3 – кв. 16, пл. 1; 4, 8 – кв. 22, пл. 1; 9 – кв. 29, пл. 1; 6 – кв. 1, пл. 2; 1 – кв. 6, пл. 2; 10 – кв. 26, пл. 1.
В. Лепные сосуды из скопления 1. 1, 2 – кв. 28, пл. 1, скопл. 1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

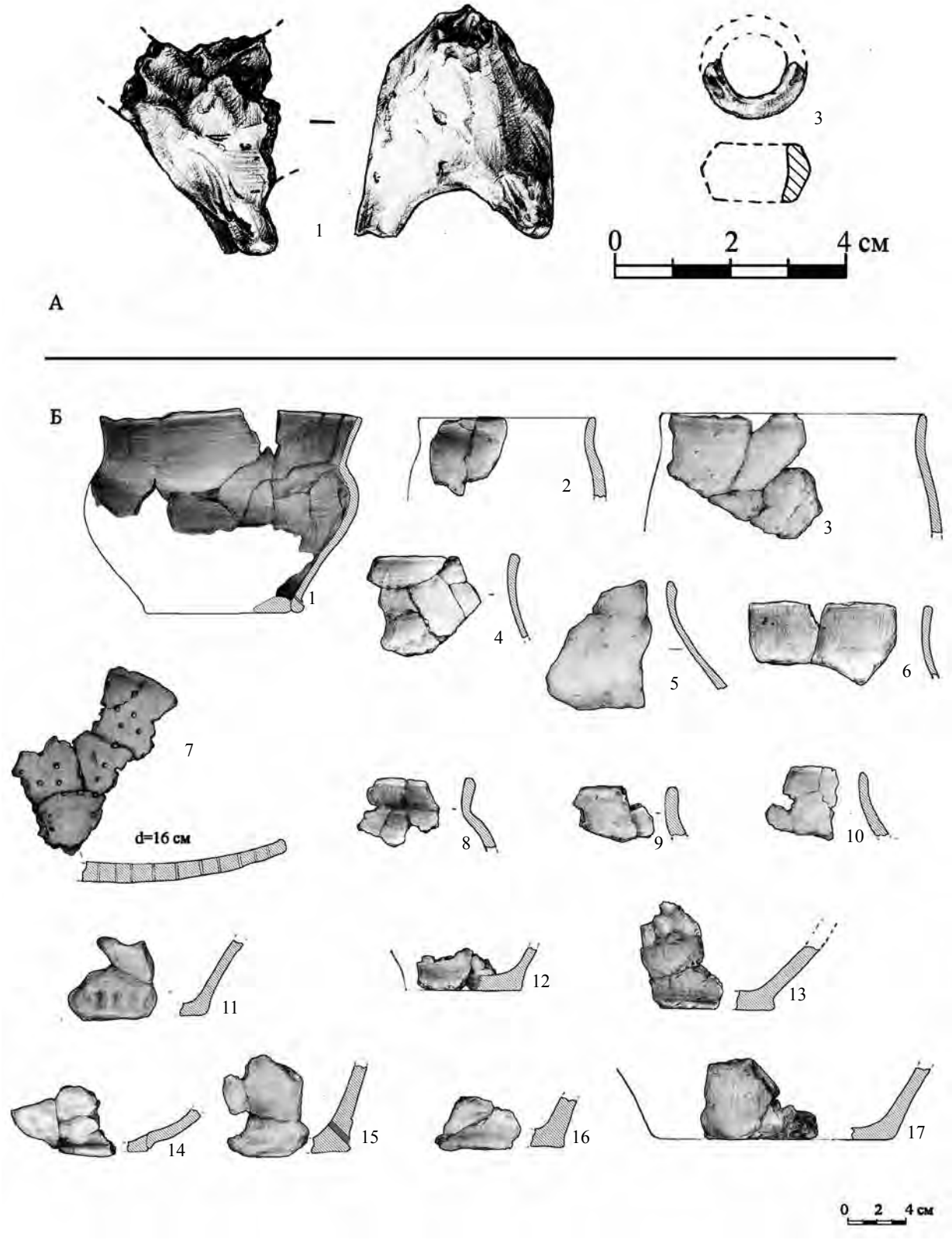


Рис. 23. Селище Новая Беденьга I. Раскоп II. Фрагменты керамики и реконструированные части сосудов из скопления 2 и прилегающей части культурного слоя.
А. Находки из скопления 2. 1 – фрагмент зооморфной фигурки (кв. 5, пл.1); 3 – пряслице (кв. 6, пл. 1).
Б. Лепная керамика из скопления 2. 1-7, 9, 11, 13, 14, 16, – кв. 1, 2, пл. 1; 15, 17 – кв. 2, пл. 1; 12 – кв. 5, 6, пл. 1; 8 – кв. 6, пл. 1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

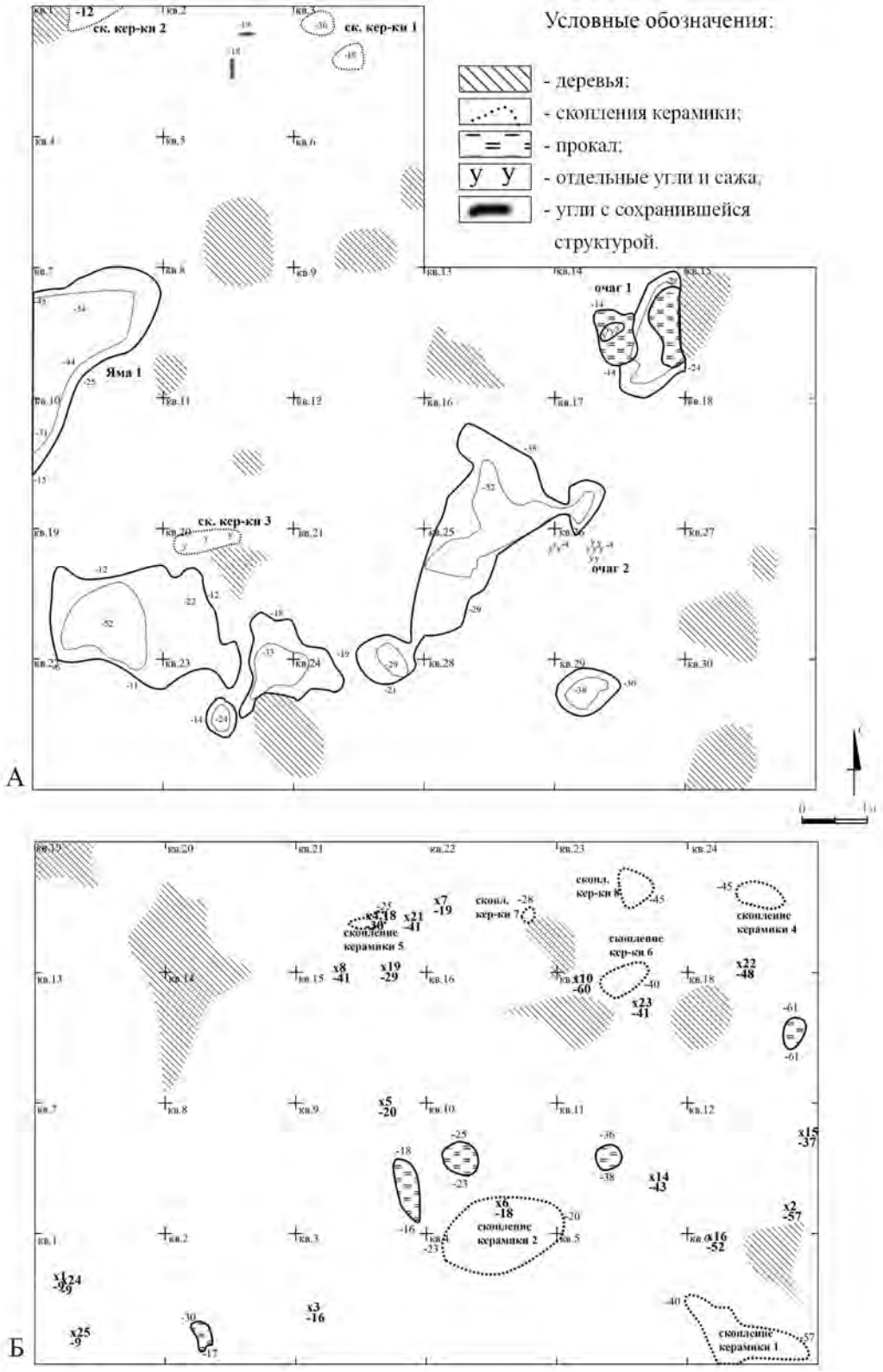


Рис. 24. Селище Новая Беденьга I. План раскопов III и IV.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

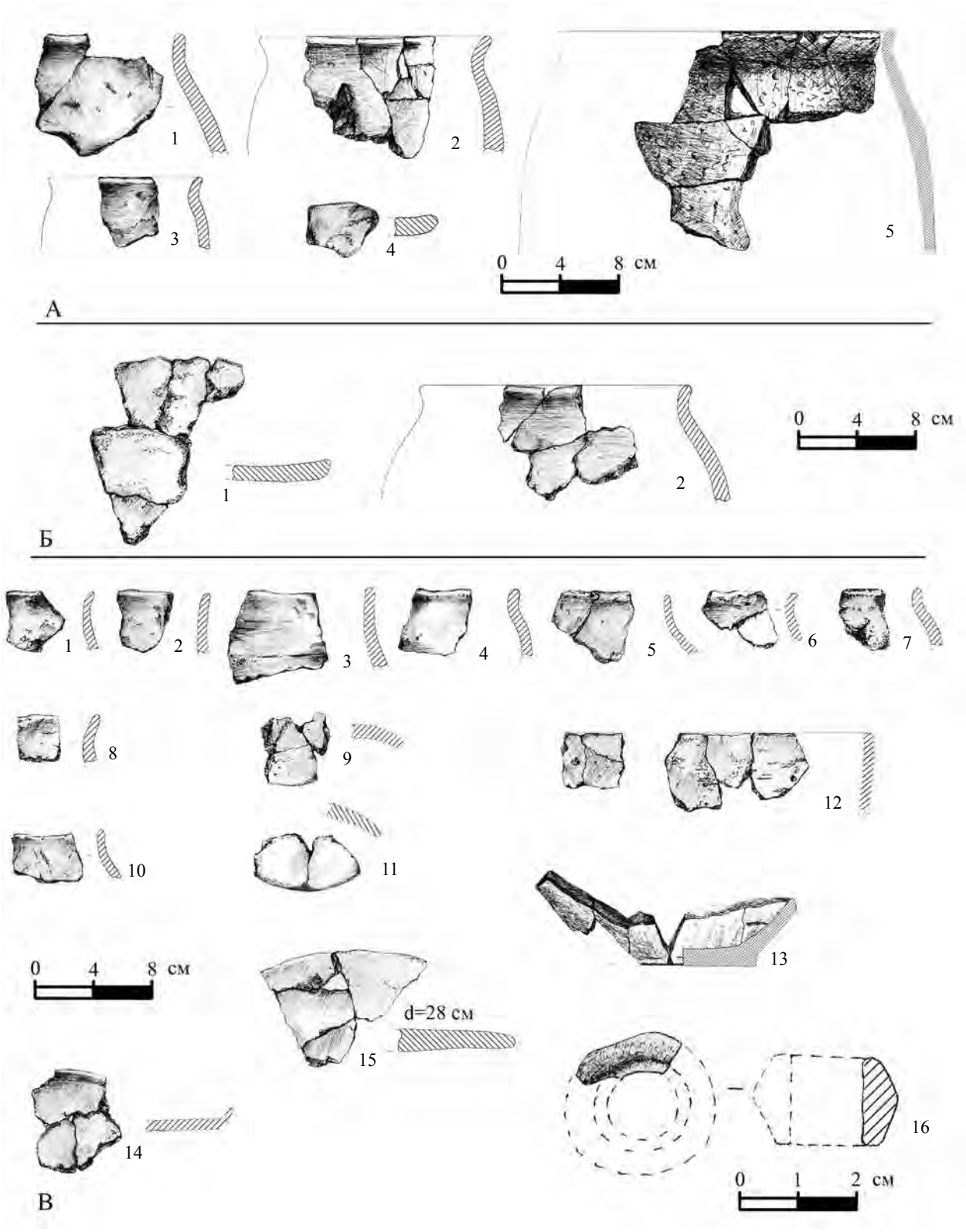


Рис. 25. Селище Новая Беденьга I. Лепная керамика и глиняное пряслице из раскопа III.
А. Керамика из скопления 1. 1, 2, 4, 5 – кв. 3 пл.1, ск.к.1; 3 – кв. 2 пл.1, ск.к.1.
Б. Керамика из скопления 2. 1, 2 – кв.1 пл.2, ск.к.2.
В. Находки из культурного слоя. 1 – кв.15, пл.1; 2 – кв.16, пл.1; 3, 4, 15 – кв.19, пл.1; 5 – кв.23, пл.1; 6 – кв.11, пл.1; 7 – кв.19, пл.2; 8 – кв. 25-30 (отвал), пл.1; 9 – кв.5, пл.1; 10 – кв. 29, пл.2; 11 – кв.6, пл.2; 12 – кв.21, пл.1; 13 – кв.9, пл.1; 14 – кв. 23, пл.1; 16 – кв.28, пл.1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

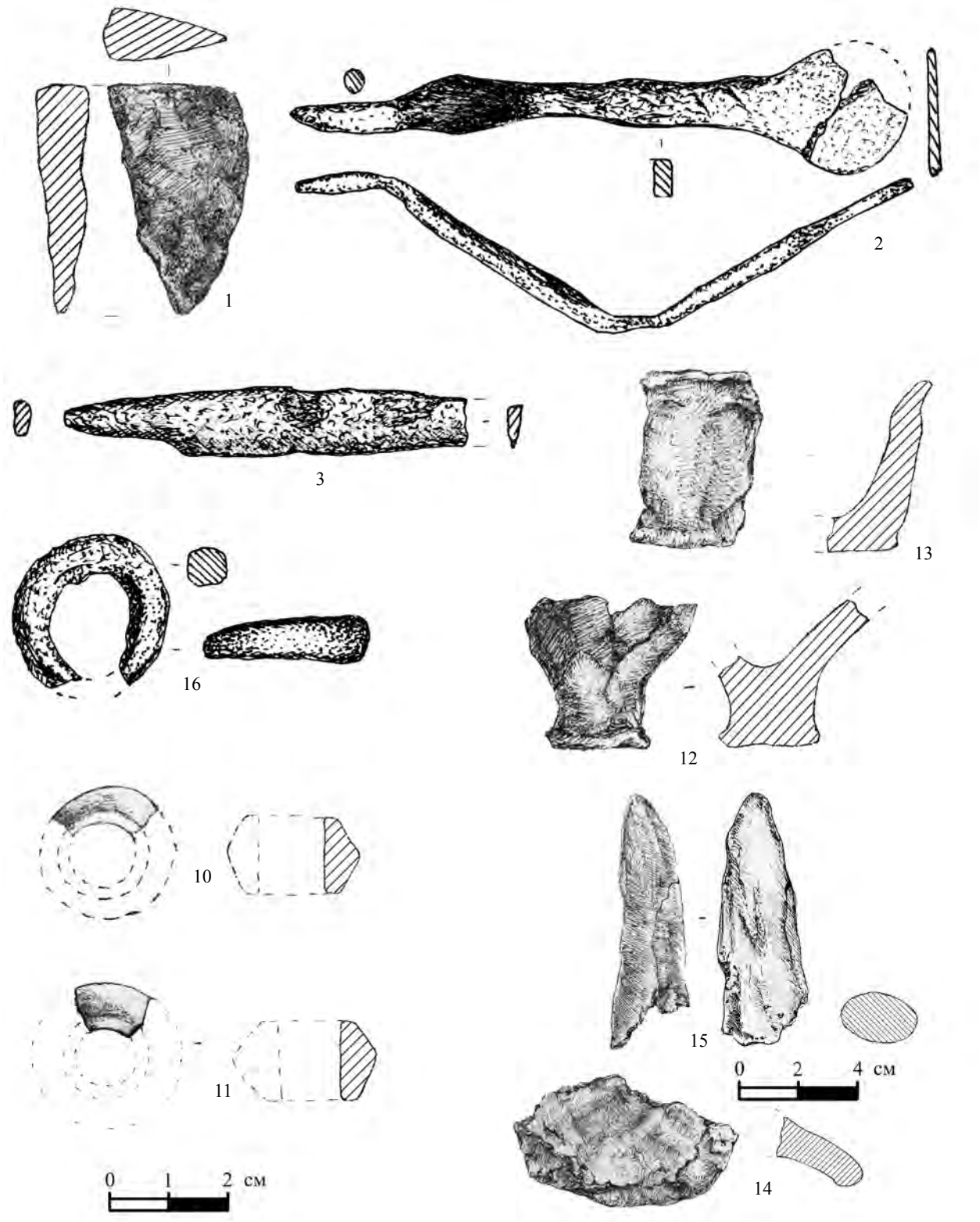


Рис. 26. Селище Новая Беденьга I. Вещевой комплекс раскопа IV.
1 – лезвие топора (кв.19, пл.1), 2 – булавка (кв.12, пл.1), 3 – нож (кв.3, пл.1), 10 – пряслице (кв.17, пл.1), 11 – пряслице (кв.23, пл.1); 12 – сосуд миниатюрный (кв.18, пл.2) 13 – сосуд миниатюрный (кв.17, пл.1), 14-15 – крышка сосуда (кв. 11, 12, пл. 1), 16 – рамка пряжки (?) (кв.6, пл.1).
1,2,3,16 – железо, остальное – лепная керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

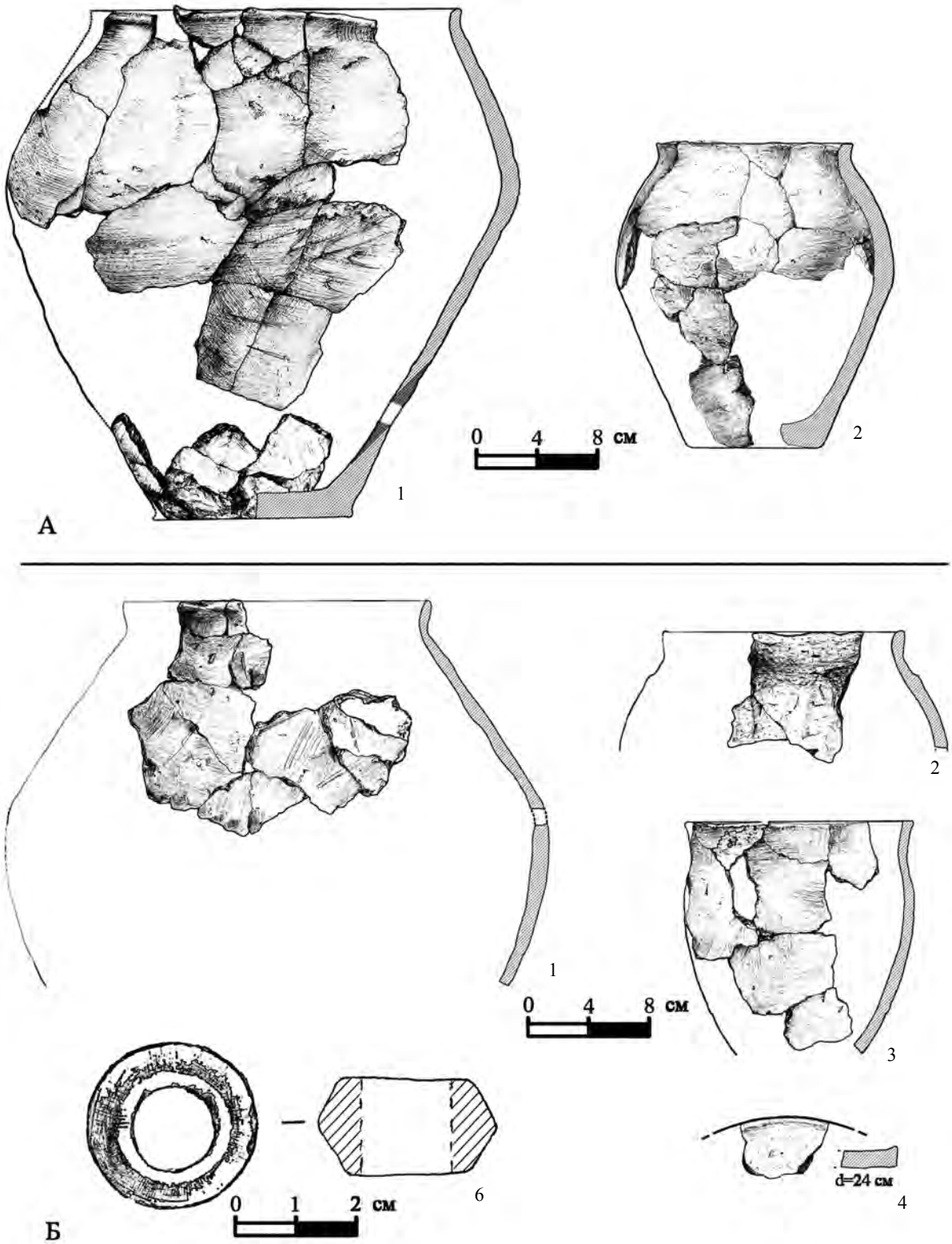
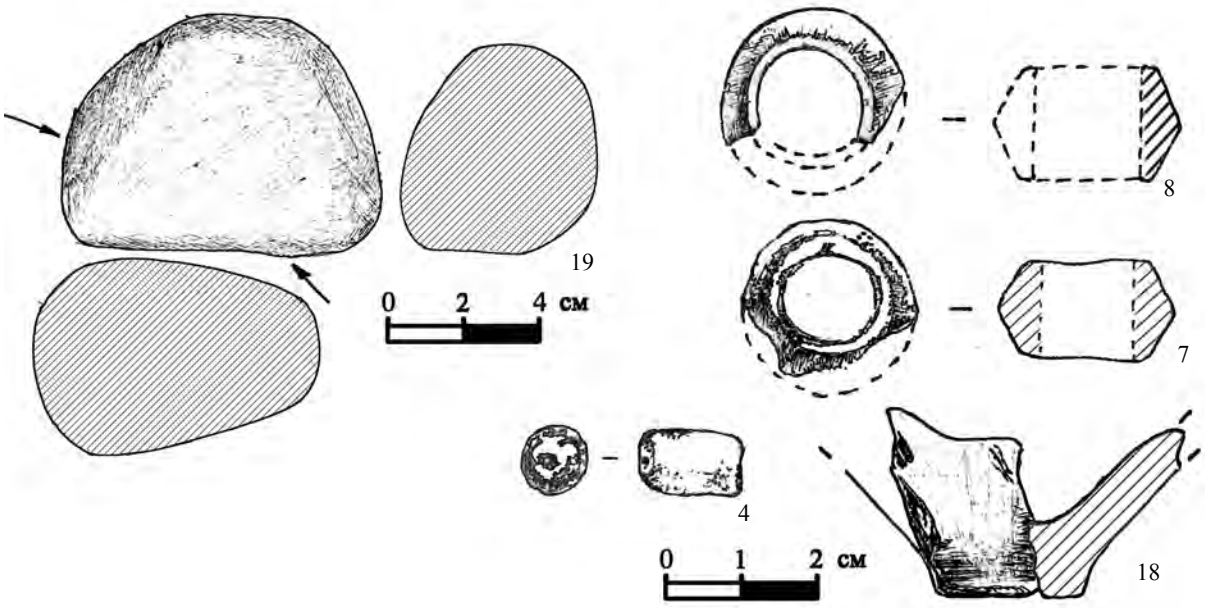


Рис. 27. Селище Новая Беденьга I. Раскоп IV.
Лепная керамика и глиняное пряслице из скоплений 1 и 2.
А. Сосуды из скопления 1. 1 – кв.4,5,11,23, пл.1,2; 2 – кв.5,6,10, пл.1.
Б. Находки из скопления 2. 1 – кв.10, пл.1; 2 – кв.18,19, пл.1; 3 – кв.4,10,11, пл.1; 4,6 – кв.10, пл.1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



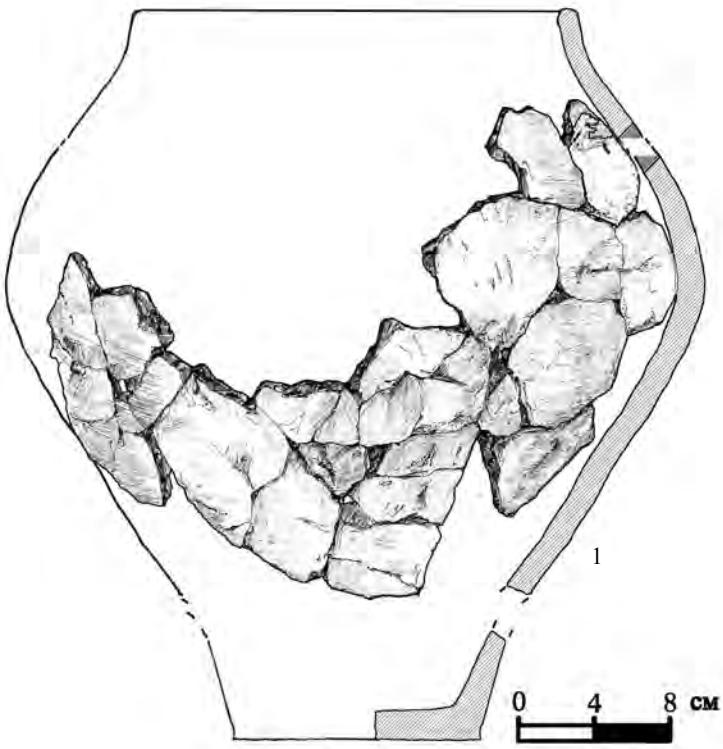


Рис. 28. Селище Новая Беденьга I. Раскоп IV. Комплекс находок в скоплении 5 и прилегающей части культурного слоя.

1 – лепной горшок (кв. 10,11,12,15,16,17,21,22,23, пл. 1), 4 – бусина (кв.21, пл.1), 7,8 – пряслица (7 – кв.22, пл.1; 8 – кв.21, пл.1), 18 – сосуд миниатюрный (кв.21, пл.1), 19 – камень терочный (кв. 21, пл.2).

19 – камень, остальное – лепная керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

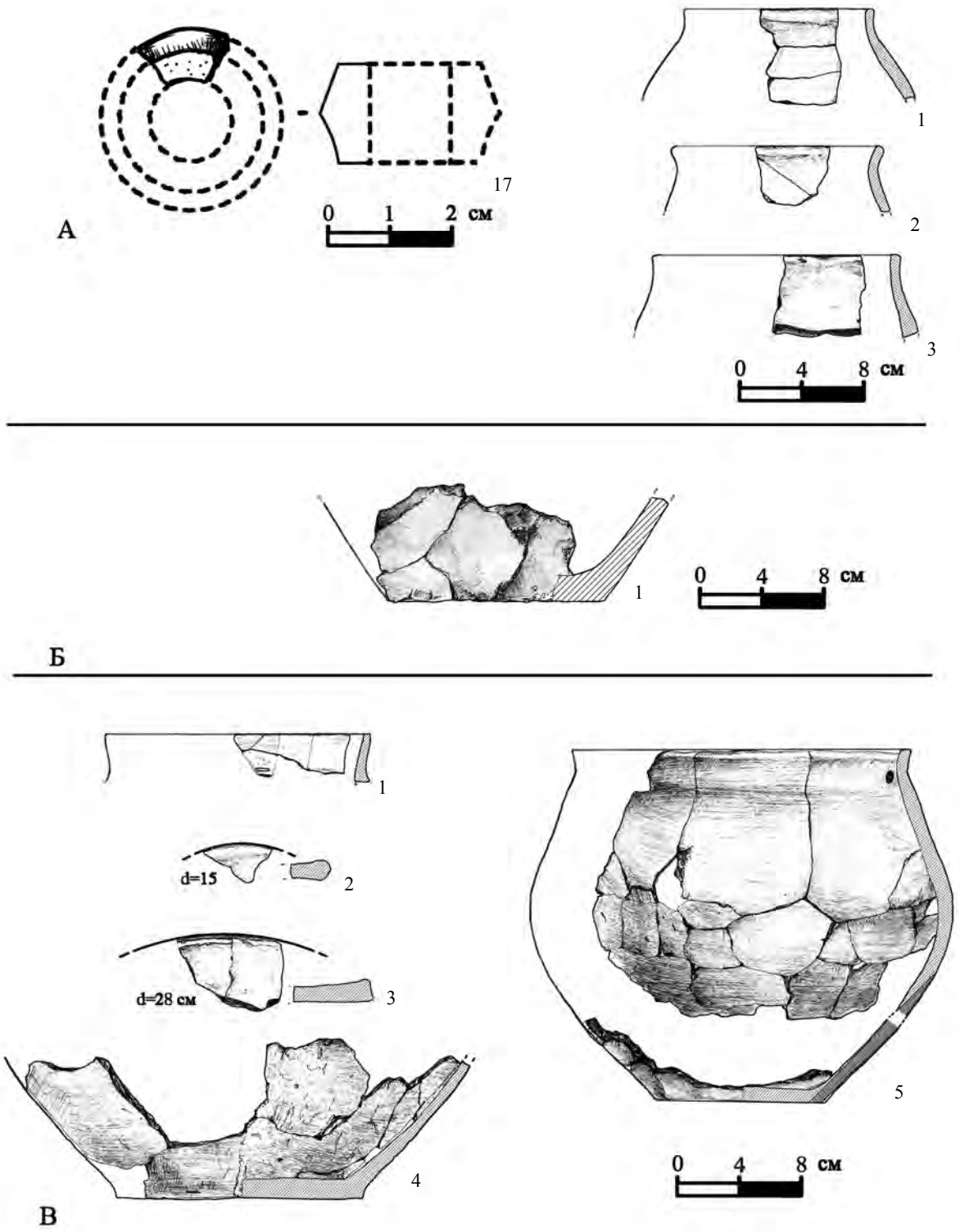


Рис. 29. Селище Новая Беденьга I. Раскоп IV. Лепная керамика и глиняное пряслице из скоплений 4, 7 и культурного слоя.

А. Сосуды из скопления 4. 1, 2, 3, 17 – кв.24, пл.1.

Б. Сосуд из скопления 7. 1 – кв.22, пл.2.

В. Сосуды из культурного слоя. 1 – кв.4, пл.1; 2 – кв.18, пл.1; 3 – кв.14, пл.1; 4 – кв.3,4,10,23,24, пл.1-2; 5 – кв.9,11,16,17,18,23, пл.1-2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

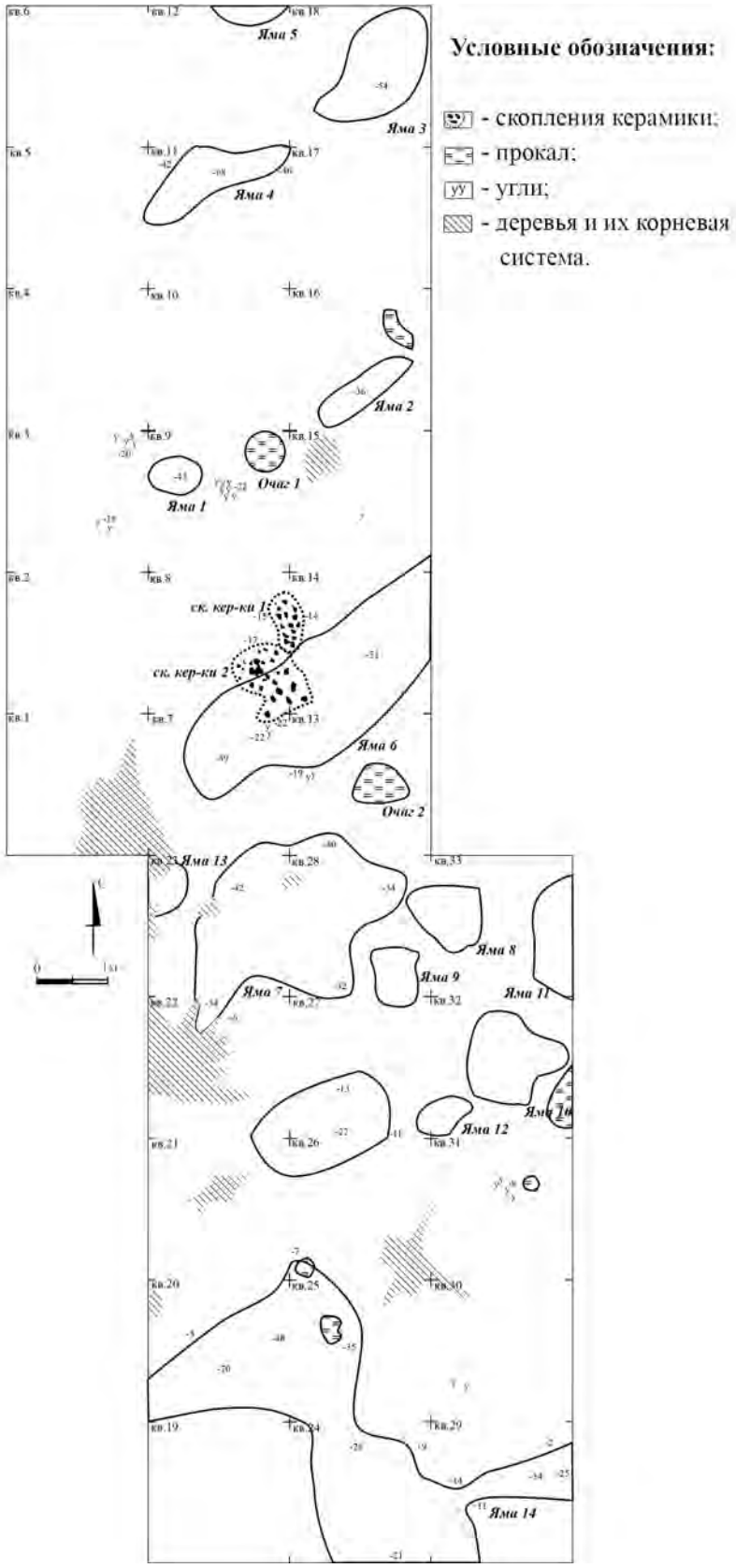


Рис. 30. Селище Новая Беденьга I. План раскопа V.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

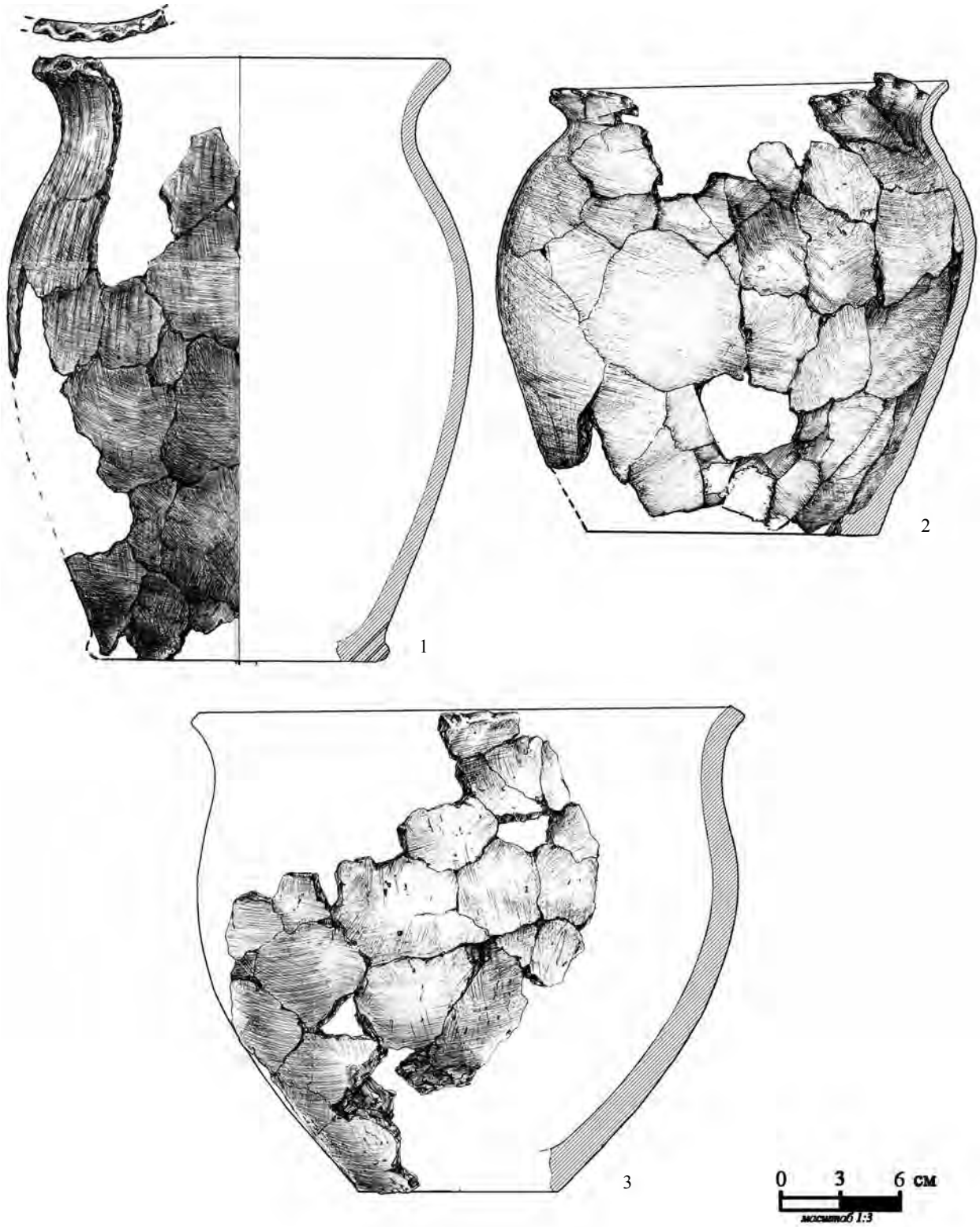


Рис. 31. Лепная керамика из раскопа V.
1-3 – горшки из скоплений керамики 1 и 2 (кв.8, 14; пл. 1, 2).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

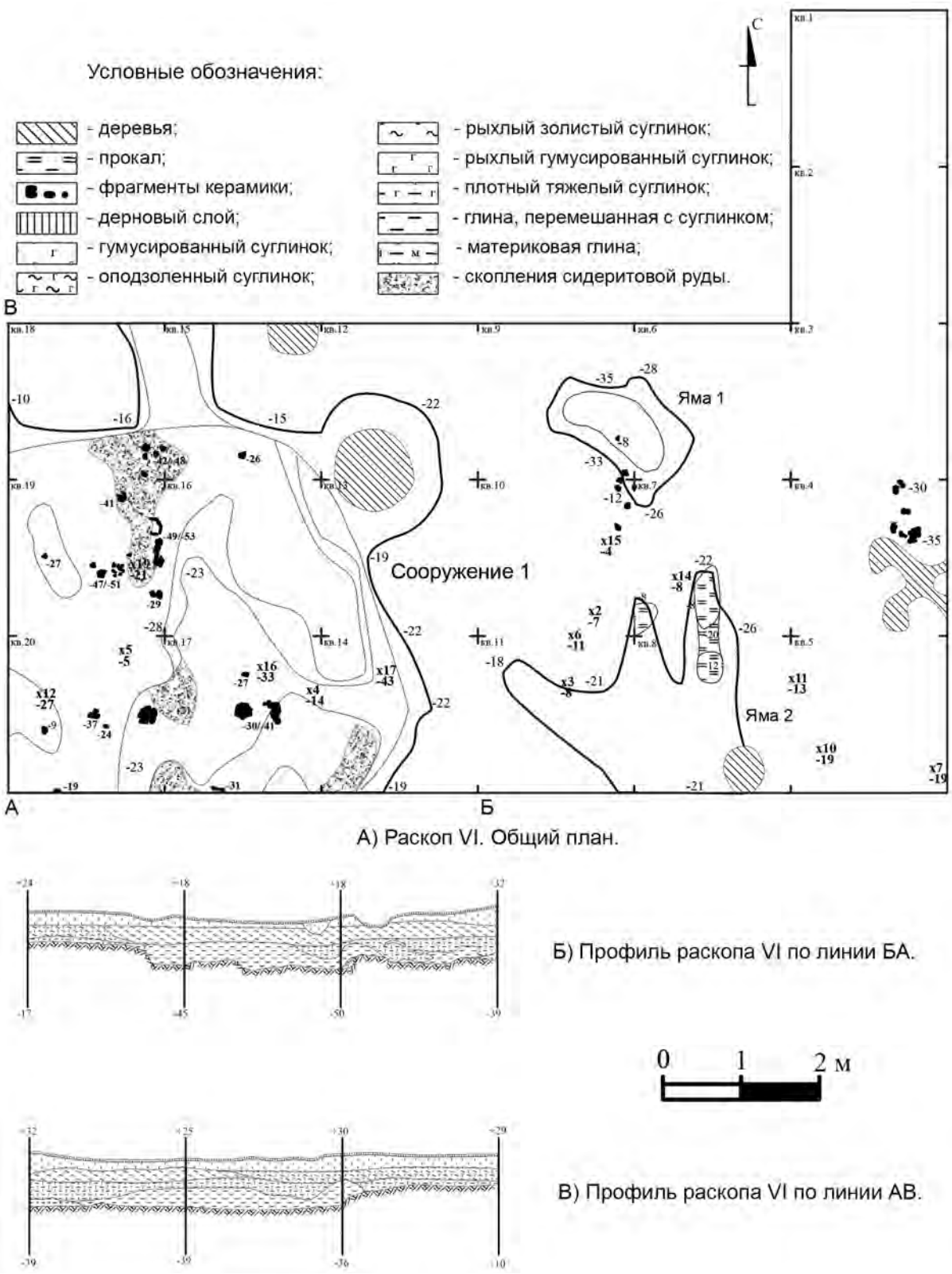


Рис. 32. Селище Новая Беденьга I. Раскоп VI. План и профили.
Находки на раскопе VI. Пласт 1: х2 – миниатюрный сосуд, х5 – льячка, х7 – миниатюрный сосуд, х10 – пряслице, х14 – пряслице, х15 – пряслице. Пласт 2: х3 – миниатюрный сосуд, х4 – шило, х6 – миниатюрный сосуд, х11 – пряслице, х19 – терочный камень. Сооружение 1, пл. 4-6: х12 – пряслице, х16 – пряслице, х17 – пряслице.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

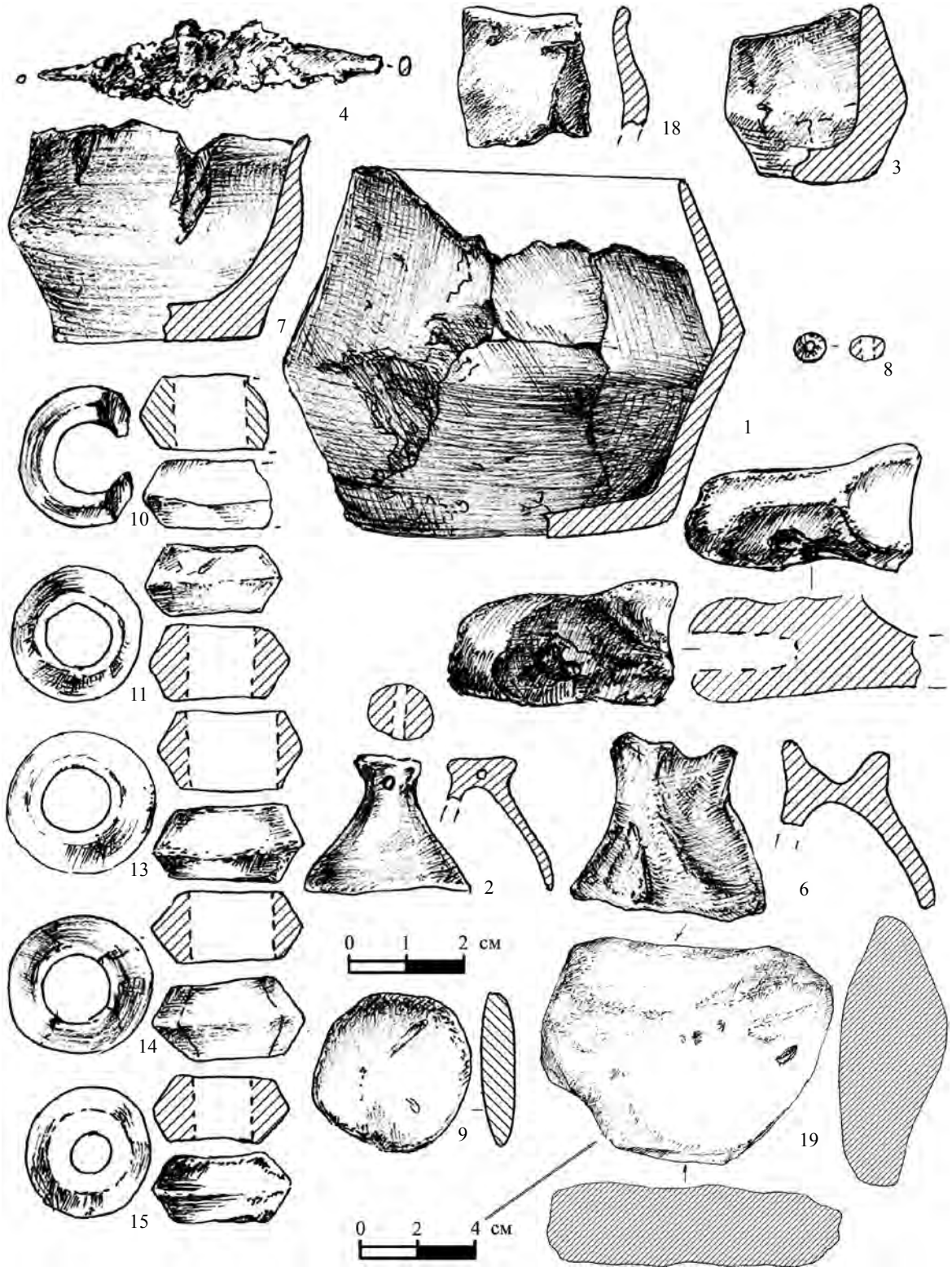


Рис. 33. Селище Новая Беденьга I. Вещевой комплекс раскопа VI.
1 – лепной горшок небольших размеров (кв. 17, пл. 3), 2 – миниатюрный сосуд (кв. 10, пл. 1), 3, 6 – миниатюрный сосуд (кв. 11, пл. 2), 4 – шило (кв. 17, пл. 2), 5 – льячка (кв. 20, пл. 1), 7 – миниатюрный сосуд (кв. 5, пл. 1), 8 – бусина (кв. 16, пл. 2), 9 – диск (кв. 9, пл. 1), 10 – пряслице (кв. 5, пл. 1), 11 – пряслице (кв. 8, пл. 2), 13, 15 – пряслица (кв. 10, пл. 1), 14 – пряслице (кв. 7, пл. 1), 18 – миниатюрный сосуд (кв. 9, пл. 1), 19 – терочный камень (кв. 19, пл. 2).

4 – железо, 8 – стекло, 19 – камень, остальное – лепная керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

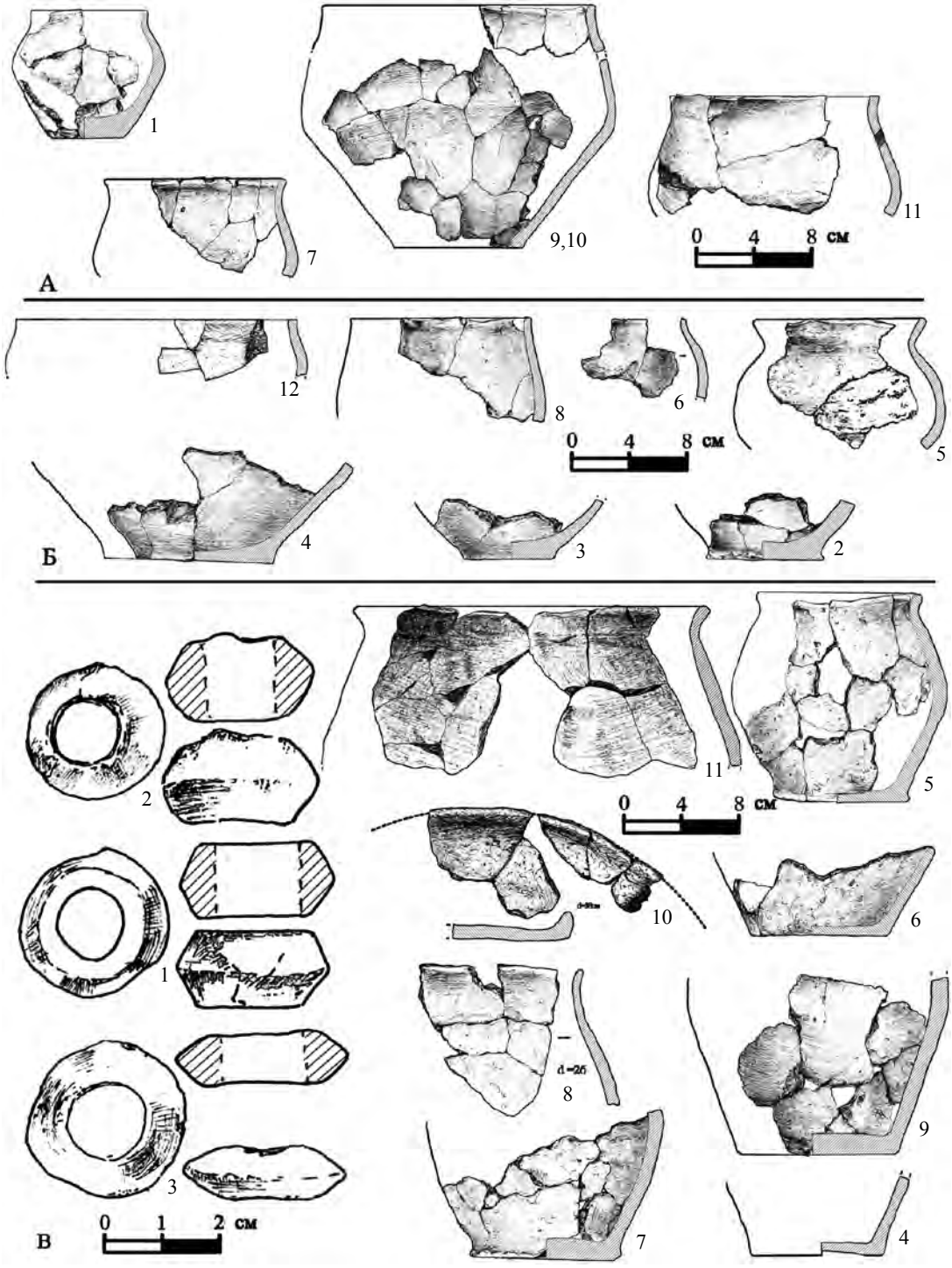


Рис. 34. Селище Новая Беденьга I. Лепная керамика из культурного слоя на раскопе VI и комплекс находок из заполнения сооружения 1.

А. Сосуды из скопления керамики 1. 1 – кв. 3-4, пл. 1; 7 – кв. 4, пл. 1; 9,10 – кв. 3-4, пл. 1,11 – кв. 4, пл. 1.

Б. Сосуды из культурного слоя. 2 – кв. 12, пл. 1, 3 – кв. 20, пл. 1), 4 – кв. 9-10, пл. 1, 5 –кв. 13, пл. 1, 6 – кв. 5, пл. 1, 8 – кв. 10, пл. 1, 12 – кв. 9-11, пл. 1.

В. Находки из сооружения 1. 1 – пряслице (кв. 20, пл. 4), 2 – пряслице (кв. 17, пл. 4), 3 – пряслице (кв. 14, пл. 4), 4 – нижняя часть лепного горшка (кв. 18, пл. 6), 5 – лепной горшок (кв. 19, пл. 3), 6 – нижняя часть лепного горшка (кв. 17, пл. 3), 7 – нижняя часть лепного горшка (кв. 19, пл. 6), 8– верхняя часть лепного горшка (кв. 18, пл. 5), 9 – нижняя часть лепного горшка (кв. 17, пл. 4), 10 – фрагменты лепешечницы (кв. 19, пл. 3), 11 – верхняя часть лепного горшка (кв. 20, пл.3).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

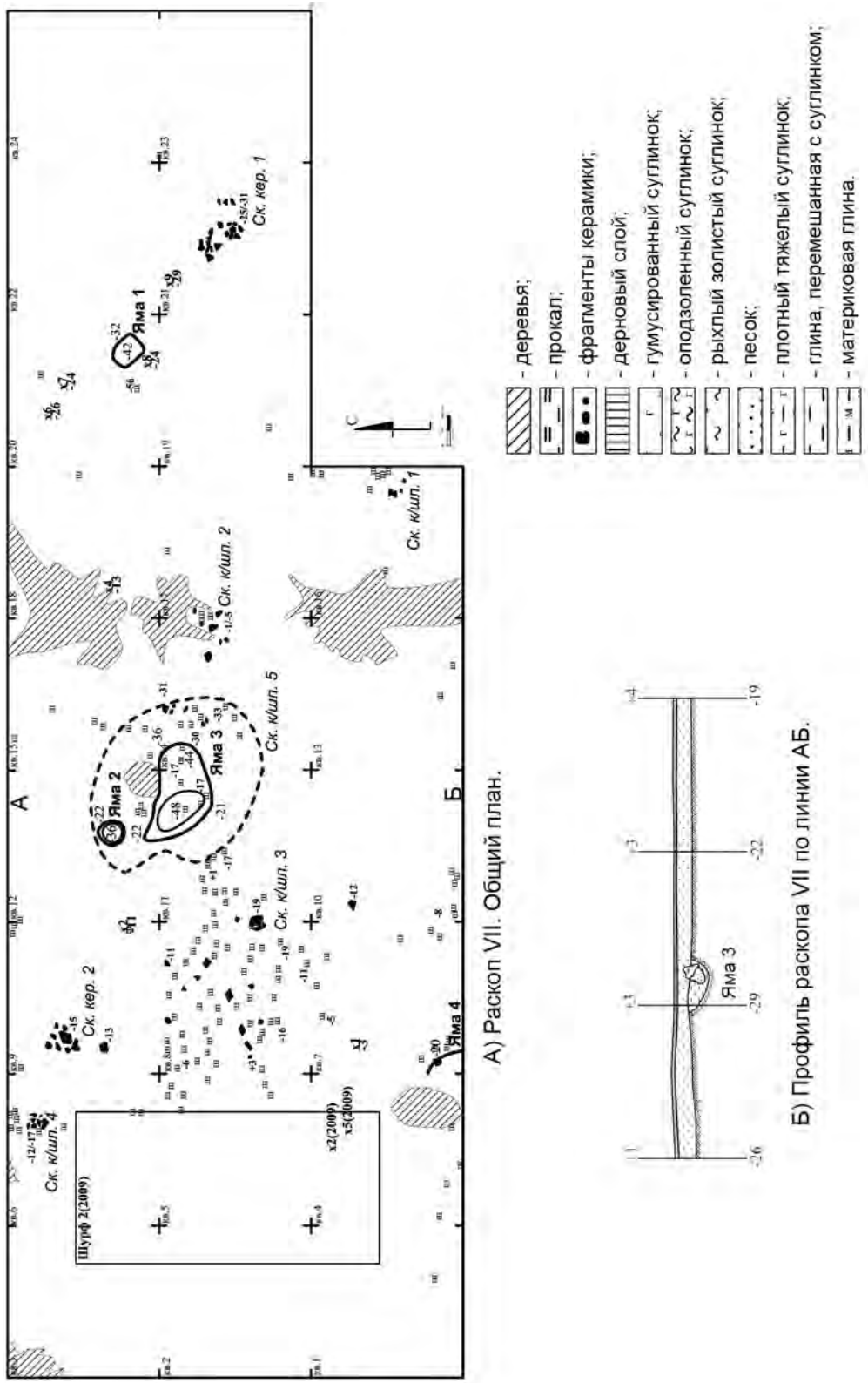


Рис. 35. Селище Новая Беденьга I. Раскоп VII. План и профиль.
Находки на раскопе VII. Пласт 1: х1 – пряслице, х2 – железное кольцо, х4 – ф-т лезвия клинкового оружия, х6 – миниатюрный сосуд, х7 – пряслице, х8 – пряслице, х9 – пряслице. Яма 1: х10 – ф-т миниатюрного сосуда.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

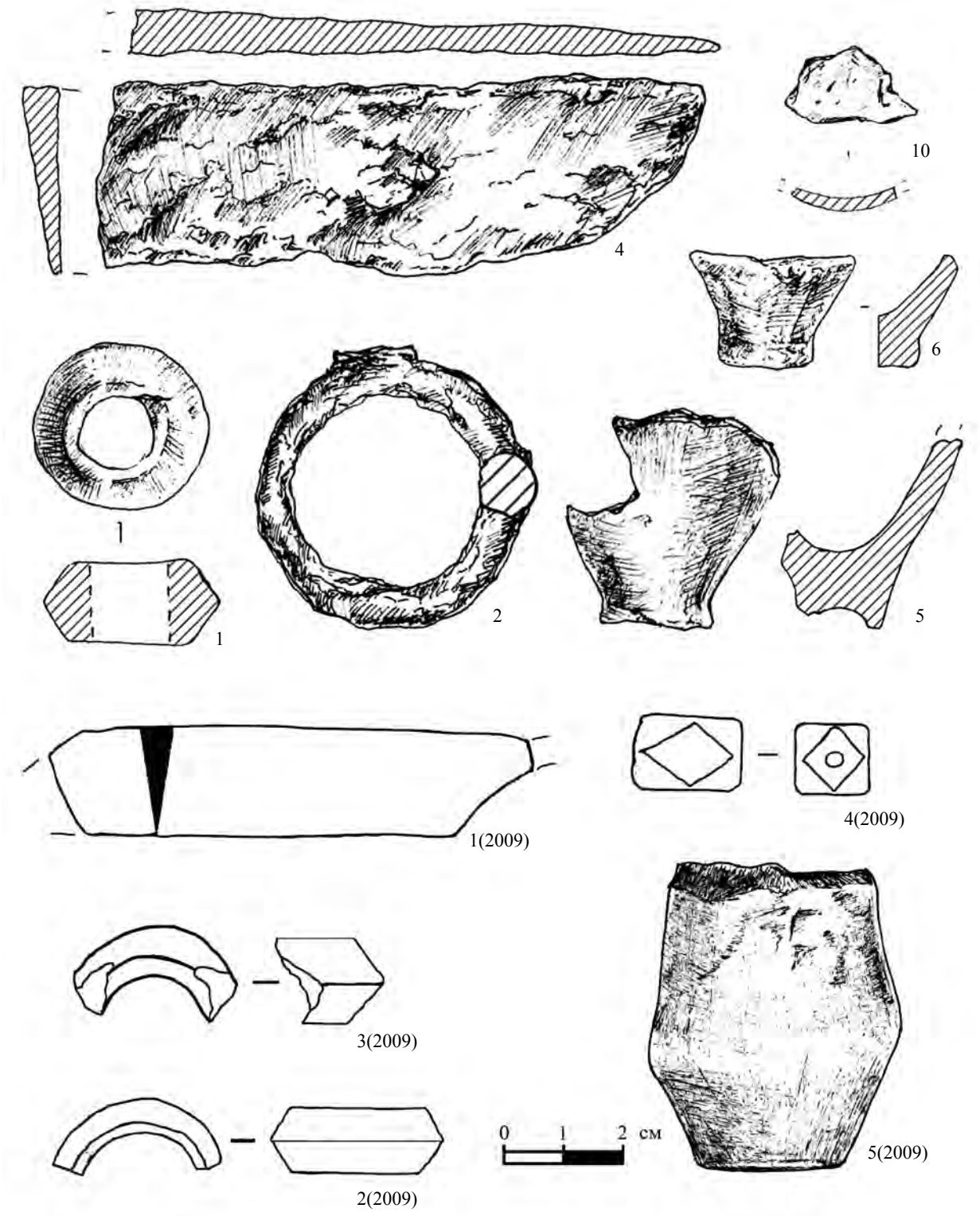


Рис. 36. Селище Новая Беденьга I. Вещевой комплекс раскопа VII.
1 – пряслице (кв. 7, пл. 1), 2 – железное кольцо (кв. 9, пл. 1), 4 – ф-т лезвия клинкового оружия (кв. 18, пл. 1), 5 – миниатюрный сосуд (кв. 18, пл. 1), 6 – миниатюрный сосуд (кв. 20, пл. 1), 10 – миниатюрный сосуд (яма 1); 1(2009)– фрагмент ножа (шурф 2, кв. 1, пл. 1), 2(2009)– фрагмент пряслица (шурф 2, кв. 1, пл. 2), 3(2009)– фрагмент пряслица (шурф 2, кв. 2, пл. 1),4(2009)– бусина стеклянная (шурф 2, кв. 2, пл. 1), 5 (2009)– миниатюрный сосуд (шурф 2, кв. 2, пл. 2).

2, 4, 1(2009) – железо, 4(2009) – стекло, остальное – лепная керамика.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

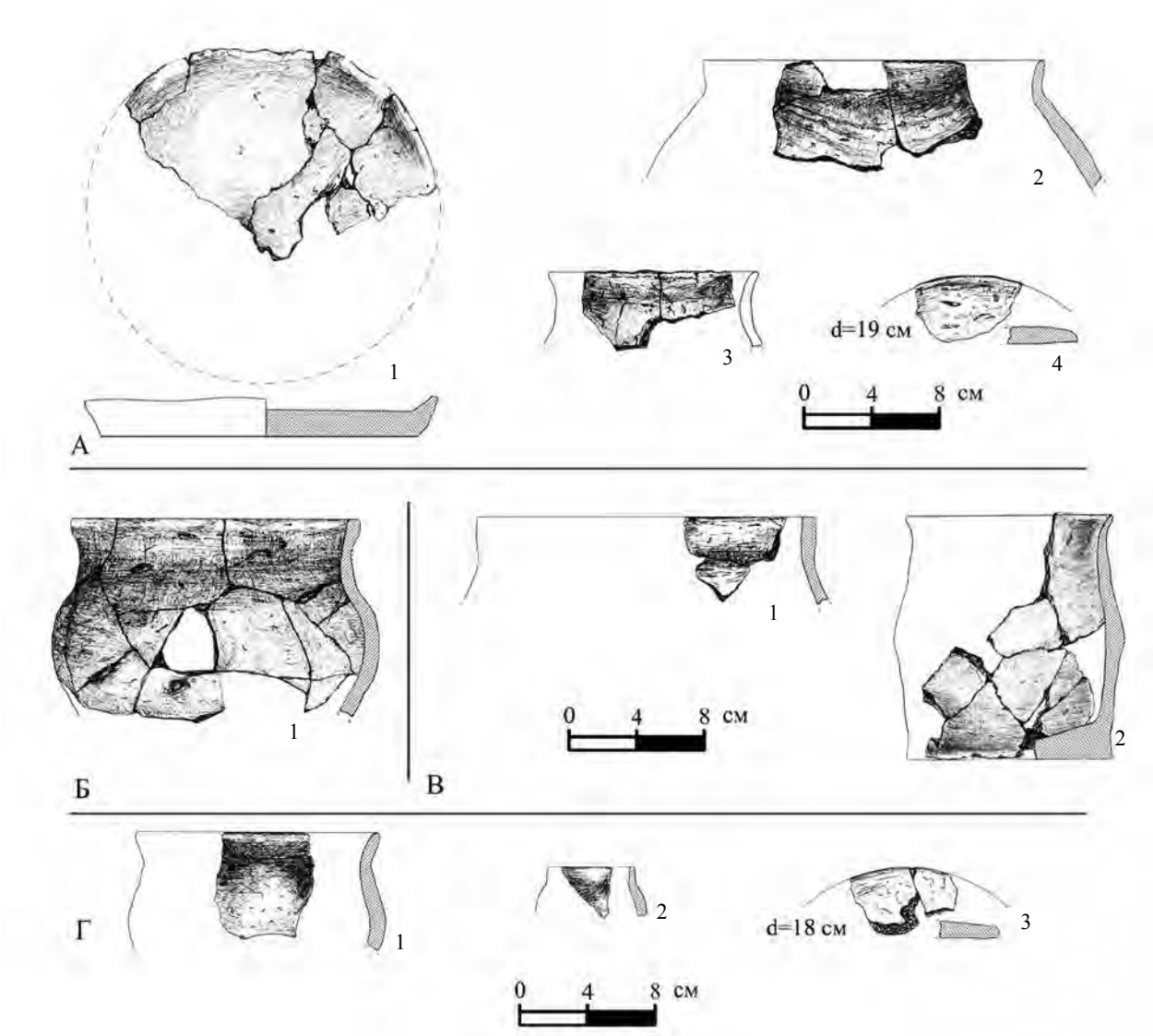


Рис. 37. Селище Новая Беденьга I. Лепная керамика из культурного слоя на раскопе VII.
А. Сосуды из скопления керамики и шлаков 3. 1, 4 – кв. 8, пл. 1; 2, 3 – кв. 8, пл. 2.
Б. Сосуд из скопления керамики и шлаков 4. 1 – кв. 6, пл. 1.
В. Сосуды из скопления керамики 2. 1-2 – кв. 9, пл. 1.
Г: Сосуды из скопления керамики и шлаков 1 и культурного слоя. 1 –кв. 16, пл. 1, ск. кер. и шл. 1; 2 – кв. 19-24, пл. 1; 3 – кв. 21, пл. 1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Стеклянные сосуды со шлифованным декором и хронология поселения Комаров[1]

О.С. Румянцева (Москва)

Одной из актуальных проблем изучения черняховской культуры является уточнение хронологии ее древностей, в частности, времени существования археологических памятников в разных частях ее ареала. Данная задача крайне важна и для поселения Комаров, расположенного на Среднем Днестре, в Кельменецком р-не Черновицкой области Украины. Раскопки на памятнике проводились в 1956, 1957, 1962, 1965 и 1969 гг. Днестровской раннеславянской экспедицией Института общественных наук АН УССР под руководством М.Ю. Смишко; в 1974 г. – МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Ю.Л. Щаповой. В 2012 г. исследования на памятнике возобновлены Институтом археологии НАН Украины совместно с Научно-исследовательским центром «Спасательная археологическая служба» (руководитель экспедиции О.В. Петраускас).

Яркими особенностями данного памятника является присутствие в материальной культуре выраженного античного компонента, включая уникальную для поселения черняховской культуры стекольную мастерскую – единственную известную за пределами римского лимеса (Смишко, 1964). Несмотря на широкомасштабные полевые исследования – общая площадь раскопок 1950-70х гг. составила 3876 тыс. кв.м (3684 кв. м – раскопки М.Ю. Смишко и 192 кв.м – Ю.Л. Щаповой) (Вакуленко, 2000, с. 15) – только незначительная часть их материалов была опубликована. Введены в научный оборот лишь важнейшие результаты раскопок 1956–1957 гг.: в форме предварительного сообщения были опубликованы раскопанные объекты, наиболее значимые находки (в т.ч. некоторые фрагменты стеклянных сосудов), на основе которых памятник был датирован второй половиной III – IV вв. (Смишко, 1964, с. 79), и данные о керамическом комплексе. Эти материалы, включая изделия из стекла, впоследствии неоднократно обсуждались в работах, посвященных различным аспектам археологии позднеримского времени (Кропоткин, 1970; Сорокина, 1976; Лихтер, 1998; Гавритухин, 1999 и др. работы; Rau, 1972; Straume, 1987 и др.). Серия публикаций посвящена анализу свидетельств стеклоделательного производства на памятнике; в них рассмотрены его химико-технологические аспекты, сделана попытка определить время существования мастерской и набор производимых здесь форм, установлена связь «с провинциально-римскими традициями производства», рассмотрено происхождение и возможные обстоятельства переселения сюда ремесленников-стеклоделов (Безбородов, 1964; Щапова, 1964, 1978, 1983; Цигилик, Мартынюк, 1995; Вакуленко, 2000; Цигилик 2006). В настоящее время активно вводятся в научный оборот первые итоги исследований 2012 г. (см.: http://komariv.in.ua/public.html).

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-90404-Укр_а.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таким образом, полная публикация материалов раскопок Комаровского поселения 1950-1970-х гг. до сих пор не осуществлена, хотя именно она необходима как для решения проблем хронологии памятника, так и для определения места поселения в системе экономических отношений между населением римских провинций и носителями черняховской культуры.

Основной задачей данной работы является введение в научный оборот коллекции стеклянных сосудов со шлифованным декором, обнаруженных на памятнике[2]. На сегодня данная категория находок представляет собой один из наиболее широко применяемых хронологических индикаторов при датировании древностей черняховской культуры. Они достаточно хорошо изучены и распространены на широкой территории, что при датировании позволяет опираться не только на разработки по хронологии черняховской культуры, но и на широкий круг аналогий, происходящих из Центральной и Северной Европы[3]. Данная возможность особенно актуальна для поздних фаз черняховской культуры, в частности, для выделения на черняховских памятниках горизонта гуннского времени (Гавритухин, 2000, с. 261–264).

Публикуемые материалы позволяют уточнить верхнюю хронологическую границу существования Комаровского поселения, которая на основе металлических находок и фрагментов амфор, ранее введенных в научный оборот, была широко определена в рамках IV в. (Смишко, 1964; Кропоткин, 1970 и др.). И.О. Гавритухин и О.В. Петраускас обращали внимание на присутствие здесь стеклянных сосудов поздних типов, однако по публикациям ранее были известны лишь некоторые из них (Гавритухин, 1999 и др.; Петраускас и др., 2012). В статье публикуются материалы раскопок М.Ю. Смишко 1956, 1957, 1962, 1965 и 1969 гг., хранящиеся в Институте украиноведения им. И. Крипьякевича Национальной академии наук Украины.[4]

При определении типологической принадлежности сосудов я опираюсь на ставшие классическими системы Х.Ю. Эггерса (Eggers, 1951) и Э. Штрауме (Straume, 1987), привлекая также типологические разработки Г. Рау (Rau, 1972), И.О. Гавритухина (1999) и других исследователей.[5]

Коллекция сосудов со шлифованным декором, происходящая с Комаровского поселения, является наиболее представительной среди опубликованных материалов черняховских памятников. Она представлена 122 экземплярами, что составляет около 5% фрагментов обнаруженных здесь стеклянных изделий. Среди них выделяются три серии сосудов, фрагменты которых представлены массовыми находками:

– кубки или чаши, украшенные прошлифованными овалами или кругами (типы E-223/ Straume-XII-1; E-230/ Straume -I) – 42 экземпляра (рис. 1, 2);

– конические кубки с фасетами в форме овалов и шестиугольников-сот (тип E-237/ Straume -VII и близкие им по декору сосуды) – 24 экземпляра (рис. 3, 4);

– обломки кубков с медальонами, заключенными в дуги и окружности, и/или пластическим декором тулова и венчика (тип E-238/ Straume-VIII и близкие им по декору сосуды) – 27 экземпляров (рис. 5).

Кроме них, в коллекции встречены:

– фрагменты чаш (?) с орнаментом из прошлифованных линий, кругов и овалов, образующих геометрические композиции (6 экз., рис. 7),

– фрагменты конических кубков с линейным декором (5 экз., рис. 8),

– фрагменты сосудов с глубоко прошлифованными кругами и овалами (3 экз., рис. 6),

---

[2] В работе рассматриваются толстостенные формы, типичные для варварских памятников Восточной, Центральной и Северной Европы. Индивидуальные образцы тонкостенного выдувного стекла со шлифованным декором будут опубликованы отдельно.

[3] При ссылках на центральноевропейскую систему хронологии используется шкала, разработанная К. Годловским и Я. Тейралом (Godłovsky, 1970; Tejral, 1997 и др.). В ее современном состоянии приняты следующие датировки периодов (фаз), упоминающихся в тексте: C1b – 220/230-250/270; C2 – 250/260-300/320; C3 – 300/320-350-370; D1 – 360/370-400/410; D2 – 380/400-440/450; D2/D3 – 430/440-460/470; D3 – 450-470/480 (см.: Ivanišević et al., 2006, p. 13); D (по системе К. Годловского) – 330/350-ок. 450 г. Для периодов (фаз) скандинавской системы хронологии приняты следующие даты: C1b – 210/220-250/260; C2 – 250/260-310/320; C3 – 310/320-400; D – V в., D1 – около первой половины V в., D2 – около второй половины V в. (Lund Hansen, 1987; Straume, 1987, S. 14-18; Гавритухин, 1999).

[4] Предположительно, часть коллекции вещей из раскопок этих лет была передана также в Черновицкий областной краеведческий музей; данные материалы в статье не рассматриваются.

[5] Выражаю благодарность И.О. Гавритухину за консультацию и ценные критические замечания, высказанные им при подготовке данной работы.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

– ряд единичных находок сосудов с индивидуальными видами декора (8 фрагментов, рис. 9);

– 7 фрагментов (рис. 10) типологически неопределимы.

Методика анализа материалов обусловлена степенью сохранности находок. В коллекции нет полных форм сосудов, и большинство из них представлены фрагментами орнаментированных стенок. Поэтому, несмотря на то, что одними из важнейших типообразующих и хронологических признаков являются особенности морфологии сосудов, их систематизация производится в данной работе прежде всего на основе характера декора. В связи с этим типологическая атрибуция некоторых из них дана условно: их фрагменты могут быть определены как близкие определенному типу по орнаментации, но, возможно, не относящиеся к нему по морфологическим признакам.

Сосуды с фасетами в виде кругов и овалов (типы Е-223/ Straume -XII-1; Е-230/ Straume -I)

Фрагменты цилиндрических кубков (тип Е-230, или Straume -I) или чаш (Е-223, или Straume-XII-1) с несколькими рядами фасет в виде кругов или овалов являются самой многочисленной серией находок со шлифованным декором, встреченных на поселении Комаров. Они представлены 42 экземплярами и составляют около трети коллекции шлифованного стекла из Комарова (рис. 1, 2). Одна находка представлена фрагментом невысокого кубка или чаши (тип Е-223, или Straume -XII-1, рис. 1: 1), форма и пропорции остальных сосудов не определяются. Среди них – 7 фрагментов венчиков (рис. 1: 2–5, 13, 14; 2: 21)[6], 7 фрагментов закругленных к дну придонных частей (рис. 1: 12, 19; 2: 32-35, 37), 1 фрагмент плоского дна (рис. 2: 36) и 21 фрагмент стенок (рис. 1: 6–11, 15–18, 20; 2: 22–31, 38–42). Данные фрагменты сосудов могут относиться к типу Е-230, он же – тип Ковалк (Rau, 1972) или тип Straume-I. Однако не исключено, что среди них присутствуют также чаши типа Е-223, или Straume-XII-1. Венчики украшены одной или двумя прошлифованными горизонтальными полосами. Толщина стенок сосудов составляет от 2 до 7 мм, цвет стекла – бесцветный, светло-зеленый или оливковый прозрачный. 5 фрагментов стенок и один венчик отнесены к данному типу с определенной долей условности: размер стенок (рис. 2: 38–42) слишком мал для однозначного типологического определения, а на сохранившейся части венчика (рис. 1: 3) отсутствует декор в виде кругов или овалов (что может объясняться степенью его сохранности). Его отличают также более массивные (на фоне остальных сосудов данной группы) стенки. В то же время, с сосудами типа Ковалк данный фрагмент сближает цилиндрическое тулово и две неполированные полосы декора на венчике.

Исследователи сходятся во мнении, что сосуды типа Ковалк получают наибольшее распространение в период, синхронный фазе С3 центральноевропейской хронологии. Однако немногочисленные их находки, а также прототипы известны, вероятно, во время, синхронное центральноевропейской и скандинавской фазам С2 (возможно, финалу, т.е., концу III – началу IV в.) (Rau, 1972; Straume, 1987, S. 29; Stawiarska, 1999, S. 147–151, 291–298, Gavritukhin, 2011, p. 39–46). Отдельные экземпляры также встречаются еще и в начале эпохи Великого переселения народов (фаза D1), однако, согласно разработкам И.О. Гавритухина, достоверные находки кубков данного типа в комплексах эпохи Великого переселения народов известны лишь в северной части их ареала. На территории черняховской культуры такие кубки характерны для периода ее расцвета, т.е. для времени, синхронного центральноевропейской фазе С3 (Gavritukhin, 2011, p. 43–46). На скандинавских находках Э. Штрауме были выделены две серии: IA -тонкостенные кубки с неполированными фасетами (финал периода С2 и период С3 скандинавской хронологии) и IB – более толстостенные сосуды с полированными овалами и кругами (IB, периоды С3-D) (Straume, 1987, S. 29). В коллекции Комарова встречены сосуды как с неполированными фасетами (12 фрагментов, серия 1А по Э. Штрауме – рис. 1: 1–12), так и с полированными (17 фрагментов, серия 1В по Э. Штрауме – рис. 2: 21–40, 42). Вероятно, к промежуточному типу можно отнести сосуды с неряшливой полировкой, при которой края фасет часто остаются неполированными (9 фрагментов, рис. 1: 13–20; 2: 41).

Сосуд, имеющий наиболее полную сохранность (рис. 1: 1), относится к типу Е-223 (Straume-IA или Straume-XII-1). Его отличают низкая форма и декор неполированными овалами. Сосуды с прошлифованными овалами близких пропорций

[6] Позиции на рисунках совпадают с номерами каталога, в котором дано подробное описание находок – см. приложение 1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Г. Рау датировал концом III – первой половиной IV в. (Rau, 1972, S. 128, 129, 138). По наблюдениям И.О. Гавритухина, сосуды низких форм известны среди прототипов кубков типа Ковалк (Gavritukhin, 2011, p. 46). Тонкие стенки и неглубокие, неполированные фасеты сближают сосуд из Комарова с серией IA, относимой Э. Штрауме к финалу периода C2 и периоду C3 скандинавской хронологии (Straume, 1987, S. 29). Из ареала черняховской культуры ему наиболее близок сосуд из могильника Великая Бугаевка (погребение 100, которое датировано авторами публикации первой половиной IV в. (Петраускас, Пастернак, 2003, с. 68, рис. 1: 13)).[7] Очень близкая форма происходит из погребения 139 некрополя Нейзац в Крыму, содержавшего боспорскую монету 313-314 гг.; комплекс датирован первой половиной IV в. (Храпунов, 2004, с. 304; Shabanov, 2011, p. 209). Среди наиболее близких параллелей из Центральной и Северной Европы – чаши с прошлифованными овалами из Редлино (единичная находка), из погребения 250а могильника Прущ Гданьский-7 центральноевропейской фазы C2 (Stawiarska, 1999, p. 286, 287: № 147, 148), скандинавских Хунштада (поздняя часть периода C2) (Straume, 1987, S. 88-89, Taf. 2: 24) и Зигерштеда (наиболее вероятная дата – период C3 скандинавской хронологии) (Straume 1987, S. 120, Taf.12: 89.1).

Количество сосудов из Комарова, которые могут относиться к типу Ковалк, представляется исключительным для поселения черняховской культуры на фоне имеющихся статистических данных: по данным Ю.А. Лихтер и О.В. Гопкало, общее число кубков данного типа, происходящих с территории Украины, составляет около 60 экз., а с территории Румынии – около 100 экз. (Ліхтер, Гопкало, 2007, с. 6). Новый каталог находок кубков типа E-230 к востоку от р. Прут, включая недостоверные, содержит немногим более 100 экземпляров (Gavritukhin, 2011). Безусловно, имеющиеся данные не отражают реальное количество находок, т.к. большой массив материалов черняховской культуры остается неопубликованным, однако в целом позволяет оценить, сколь велико их число на исследуемом памятнике.

[7] Даты комплексов черняховской культуры, приведенные в работе, основаны на разных системах хронологии, разработанных для ее древностей; для могильника Великая Бугаёвка они определены в работах: (Petrauskas, 2003; Петраускас, Шишкин, 2010).

Сосуды с рядами прошлифованных овалов или шестиугольников (тип E-237/ Straume-VII и близкие им по декору фрагменты)

Кубки с декором в виде прошлифованных овалов или шестиугольников-«сот», иногда – закругленных в верхней части (тип E-237) Э. Штрауме выделила в тип VII; обычно они имеют коническую форму. Близкие по форме конические сосуды на ножке были отнесены ею к типу IX (тип Хебнес по И.О. Гавритухину) (Straume 1987, S. 40, 86–88, 98; Гавритухин, 1999, с. 54). В коллекции Комарова подобные сосуды представлены 24 экземплярами, среди которых – одна почти полная форма сосуда с утраченным венчиком, 5 венчиков, два фрагмента донец и 16 стенок (рис. 3, 4).

Исследователи сходятся во мнении, что сосуды типа Straume-VII характерны для поздних этапов черняховской культуры, при этом дискуссионным остается время их появления. К признакам, наиболее значимым хронологически, относятся форма тулова сосуда и его придонной части. Наиболее поздними, которые ряд исследователей относит к гуннскому времени, принято считать конические кубки типа Хёгом и сосуды типа Straume-IX (Гавритухин, 1999, там же см. обзор литературы; Казанский, 2011). Фрагментарная сохранность находок из Комарова не позволяет в большинстве случаев оценить данные признаки, чаще всего говоря лишь о характере их декора. Последний стал основой для сопоставления сосудов из Комарова с прочими кубками типа Straume-VII.

Приводимая в работе реконструкция формы сосуда с утраченным венчиком (рис. 3: 43) немного отличается от той, что представлена в более ранних публикациях (Смишко, 1964, рис. III:2). Стенки кубка, вероятно, слабо наклонены наружу, хотя точно судить об этом признаке практически невозможно: отсутствие венчика и малый фрагмент дна не позволяют точно «поставить» сосуд на горизонтальную поверхность. Максимальная высота сохранившейся части сосуда фиксируется по прошлифованной горизонтальной полосе, обозначающей переход к венчику (на рисунке слева). В придонной части сосуда расположен пояс из глубоко прошлифованных кругов, его тулово украшено пятью рядами шестиугольных фасет вытянутой формы.

Аналогию данному сосуду Г. Рау видит в кубке из Ясалшосентдьердь (Jászalsószentgyörgy), широко датированном IV в. (Rau, 1972, S. 136)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

К сожалению, публикация данного комплекса осталась мне недоступна. Достаточно близкая параллель по форме и характеру орнаментации происходит из Мэле, однако ее отличает форма фасет (это не соты, а овалы), а также наличие прошлифованной горизонтальной линии на придонной части сосуда (рис. 3: I). Этот скандинавский комплекс Э. Штрауме и ряд других исследователей также датируют IV в. (Straume, 1987, S. 92, Taf. 8: 29.1; Гавритухин, 1999, с. 51).

Представленные в коллекции венчики (рис. 3: 44–48), имеют характерные признаки, позволяющие отнести их к типам Штрауме-VII или IX. В деталях они различаются по форме элементов декора и толщине стенок сосудов, составляющей от 3-4 до 7-8 мм.

Венчик кубка, имевшего выраженную коническую форму (рис. 3: 44), может относиться как к типу Straume -VII, так и Straume -IX (тип Хебнес по И.О. Гавритухину) (Гавритухин, 1999, с. 53, 54). Сохранившаяся часть тулова декорирована вплотную прилегающими друг к другу прошлифованными закругленными сверху сотами (?), над которыми расположены прошлифованные горизонтальные овалы небольших размеров. Его отличают крупные, широкие фасеты, сближающие его с кубками типа Straume -IX (Хамре, Снартемо и др. – рис. 3: II, III) (Straume, 1987, Taf. 10; рис. 3: II, III). Среди сосудов типа Straume -VIIA по форме и пропорциям фасет данному кубку наиболее близки находки из могильника Михэлэшень (погребения 117, 175 и в меньшей степени – 450 – рис. 3: VI–VIII) (Gavritukhin, 2011, p. 50–51: Fig. 5: 19, 23, 24), а также фрагменты находок из Великой Вильшанки, расположенной на правобережье Среднего Поднепровья (Кравченко и др., 2007, с. 74: рис. 11: 3) и с польского памятника Якушовицы (Stawiarska, 1999, p. 299–300, № 187) (рис. 3: IV, V). Крупные, хотя и менее плотно расположенные друг к другу, фасеты овальной формы имеют находки из погребений 112 и 506 могильника Бырлад Валя Сяке (Румыния) (рис. 3: XI, XII) (Gavritukhin, 2011, fig. 4A:5; 4B:16). Среди скандинавских параллелей наиболее близки комаровской по декору находки из Лунда и Сетвердта (рис. 3: XVI, XVII); последняя, вероятно, существенно отличается от публикуемой по пропорциям (Straume 1987, S. 99–112, Taf. 8: 29; 71; Гавритухин, 1999, с. 53).

Венчик кубка (рис. 3: 45) характеризуют стенки, толщина которых составляет 3-4,5 мм – достаточно тонкие для данного типа. Фасеты, сохранившиеся в верхней части тулова, имели, вероятно, форму овалов или сильно закругленных в верхней части сот; над ними – небольшие прошлифованные овалы, расположенные горизонтально. По характеру декора сосуд близок типу Straume -VII. Судя по слабому наклону венчика и большому диаметру края, он имел высокие пропорции. Как и описанный выше (рис. 3: 44), данный сосуд характеризует декор в виде крупных, широких фасет. По характеру декора, в первую очередь по форме и пропорции фасет, наиболее близкими аналогиями с территории черняховской культуры являются сосуды из могильников Бырлад Валя Сякэ (погребения 112, 506, в меньшей степени – сосуд из неизвестного комплекса – рис. 3: XI, XII, XIV) (Pánczél, Dobos, 2007, p. 82, pl. III: 26; IV: 33; Gavritukhin, 2011, Fig. 4A:5). Овалы близкой формы, но меньшего размера, отличают сосуды из погребения 84 того же памятника, а также из погребения 4 Горошевцев (Pánczél, Dobos, 2007, p. 82, pl. IV:31; Gavritukhin, 2011, p. 50-51: Fig. 5: 17, 22); при этом последние два сосуда (учитывая диаметр края и степень наклона стенок), возможно, ближе публикуемому по общим пропорциям тулова (рис. 3: XIII, XV).

Венчик кубка (рис. 3: 48), сохранившаяся часть тулова декорирована прошлифованными овалами – крупными вертикальными, расположенными на расстоянии друг от друга, и малыми горизонтальными. Сосуд относится к типу VIIB по Е. Штрауме. Наиболее близкие аналогии из ареала черняховской культуры происходят из могильников Журавка, погребение 60, и Михэлэшень, погребения 296 и 369 (Gavritukhin, 2011, p. 49, fig. 5: 18, 20), а также из Ласко (яма 14) (Гавритухин, 1999, рис. 5: 67) (рис. 3: IX, X, XX, XXI). Из скандинавских находок по характеру декора данному кубку наиболее близки сосуды из Эвстхуса (Straume, 1987, S. 105, Taf. 7: 53; Гавритухин, 1999, с. 51) и Хёгома (Straume, 1987, S. 110, Taf. 7: 65.2; Гавритухин, 1999, с. 50) (рис. 3: XVIII, XIX).

Венчики кубков (рис. 3: 46, 47) декорированы прошлифованными овалами или закругленными в верхней части сотами. Судя по характеру декора, сосуды могли принадлежать к типу Straume-VII или IX (тип Хебнес по И.О. Гавритухину) (Straume, 1987, S. 40; Гавритухин, 1999, с. 53, 54). Один из них (рис. 3: 47) характеризует сильный наклон венчика при относительно небольшом диаметре, что может свидетельствовать о его приземистых пропорциях или принадлеж-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ности к типу Straume-IX. В целом же, малый размер сохранившихся фрагментов не позволяет говорить о более близких аналогиях данным находкам в рамках выделенных типов.

Наиболее информативным с точки зрения хронологии является донце кубка бесцветного прозрачного стекла (рис. 4: 60). На скошенную придонную часть нанесены две прошлифованные горизонтальные полосы. На сохранившемся фрагменте тулова прошлифованы овалы, расположенные вплотную друг к другу, а под ними – горизонтально вытянутые овалы малых размеров. И.О. Гавритухин отнес это изделие к финалу черняховской культуры; среди находок из ее ареала комаровскому близки фрагменты кубков из Хлопкова, Головчино и Будешт (рис. 4: I-III). По мнению исследователя, признаком, указывающим на позднюю хронологическую позицию данных сосудов, является выделенная придонная часть или профилированное дно (Гавритухин, 1999, с. 53; 2007, с. 16; Gavritukhin, 2011, fig. 4B: 12, 15) (рис. 4: I–III). Наиболее близкая датированная аналогия из Сётвердта (рис. 3: XVII) относится к фазе D2 скандинавских древностей, возможно, к ранней ее части (Straume, 1987, Taf. 8.29, S. 99–100).

Условно к типу Straume -VII может быть отнесен и второй фрагмент дна сосуда (рис. 4: 66), также декорированный двумя прошлифованными полосами в придонной части стенки, однако малый размер фрагмента затрудняет его точное типологическое определение.

3 фрагмента стенок могли принадлежать верхним частям тулова и основаниям венчиков кубков типа Straume -VII (рис. 4: 49–51). На данных находках сохранился декор в виде крупных прошлифованных овалов или закругленных в верхней части сот, малых горизонтально расположенных овалов и горизонтальных желобков на венчиках.

Среди прочих фрагментов сосудов, которые по характеру декора относятся к типу Straume-VII, 8 фрагментов имеют шестиугольные (Straume -VIIA – рис. 4: 52–55, 57, 58, 61, 62) и 4 – овальные фасеты (Straume-VIIB – рис. 4: 59, 63, 64, 65).

Декор в виде узких, вытянутой формы фасет представляется отличительной чертой ряда находок из Комарова. Наряду с кубком (рис. 3: 43), три стенки украшены прошлифованными шестиугольниками (Straume-VIIA, рис. 4: 54, 58, 62), причем не исключено, что одна из них (рис. 4: 58) принадлежит описанному выше сосуду (рис. 3: 43); одна стенка декорирована узкими овальными фасетами (Straume-VIIB, рис. 4: 59). Фасеты подобных пропорций не характерны для большинства известных на сегодня находок с других памятников черняховской культуры.

Помимо перечисленных выше, к типу Straume-VIIA относятся еще 5 фрагментов сосудов из Комарова (рис. 4: 52, 53, 55, 57, 61); один из них мог в равной степени относиться и к типу Straume–IX (рис. 4: 55). Четыре из них представлены стенками с шестиугольными прошлифованными «сотами» различных пропорций (рис. 4: 52, 55, 56, 61), на одном читаются два ряда «сот», соты первого ряда закруглены в верхней части (рис. 4: 53). Среди данных находок наибольшего внимания заслуживает массивная стенка сосуда, декорированная двумя рядами достаточно узких, вертикально вытянутых фасет правильной формы (рис. 4: 61). Несмотря на то, что форма сосуда не реконструируется, можно предположить, что она могла принадлежать классическому кубку типа Хёгом, относимому большинством исследователей к гуннскому времени (Гавритухин, 1999, с. 50, там же ссылки на литературу; Казанский, 2011, с. 23). Ее близкими параллелями по характеру декора являются сосуды из комплексов черняховской культуры гуннской эпохи: Гавриловки (погребение 5), Ранжевого (погребение 12), Лазо (погребение 28) (рис. 4: IV–VI) (Гавритухин, 1999; Gavritukhin, 2011; Казанский, 2011 и др.).

Среди прочих фрагментов стенок, относящихся, вероятно, к типу Straume-VIIB (рис. 4: 63–65), опубликованный обломок сосуда с тремя рядами овальных фасет (Смишко, 1964, табл. III:11) (рис. 4: 63). Несмотря на формальную принадлежность к данному типу, эта находка выделяется на фоне прочих близких сосудов малой толщиной стенки, не превышающей 2,5-3 мм (ранее она публиковалась без профильной части), а также фасетами, имеющими размер, не характерно малый для кубков данного типа. Возможно, что данный фрагмент принадлежал не кубку, а чаше.

Два мелких фрагмента (рис. 4: 64, 65) также отнесены к данному типу достаточно условно, по формальным признакам: на них сохранились расположенные вплотную друг к другу прошлифованные овалы. В целом же, их размеры слишком малы для точного типологического определения.

К типу Straume-VII может относиться и фрагмент стенки с крупными фасетами, форма которых точно не определяется (рис. 4: 56).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Кубки типа Straume-VII характерны для поздних фаз черняховской культуры. Они использовались вплоть до ее финала, т.е. до начала (возможно, первых десятилетий) V в. Дискуссию вызывает время их появления – гуннская эпоха или более ранний период (середина – вторая половина IV в.) (ссылки по теме и дискуссию см.: Гавритухин, 1999; Петраускас, Пастернак, 2003, с. 69; Gavritukhin, 2011, p. 46–49, Казанский, 2011). Хронологически значимыми признаками для кубков данного типа являются, в первую очередь, морфологические, неопределимые у большинства находок из Комарова. Это обстоятельство, а также наличие среди близких аналогий комаровским кубкам из комплексов могильника Михэлэшень, которые могли относиться к догуннскому горизонту (погребения 117 и 450) – не дают возможности исключить для находок из Комарова датировку серединой – третьей четвертью IV в. (Казанский, 2011, с. 23; Gavritukhin, 2011, p. 50-51). Сосуды типа IX, к которому также могут относиться некоторые из рассмотренных находок, были датированы Э. Штрауме финалом периода C3 и периодом D2 скандинавской хронологии (Straume, 1987, S. 40, 86–88, 98). Однако появление подобных кубков в римское время было поставлено по сомнение; ряд ученых считает их индикатором гуннского периода (Näsman, 1984; Гавритухин, 1999, с. 54).

К индикаторами наиболее позднего горизонта, возможно, гуннского времени, среди комаровских находок с наибольшей долей вероятности могут относиться стенка с вертикально вытянутыми регулярными шестиугольными фасетами, наиболее близкая «классическим» кубкам типа Хёгом (рис. 4: 61) и «выделенное» дно с двумя прошлифованными горизонтальными линиями (рис. 4: 60).

Итак, среди кубков со шлифованным декором сосуды типа Straume-VII являются одними из наиболее гетерогенных по форме, пропорциям и особенностям орнаментации. Большое разнообразие по характеру декора (в первую очередь, форме и пропорциям фасет) и толщине стенок демонстрируют и комаровские находки. Единственная относительно хорошо реконструируемая форма весьма своеобразна по оформлению стенок и придонной части. Среди особенностей орнаментации, отличающих кубки из Комарова, можно выделить декорирование поверхности тулова рядами узких, вытянутых шестиугольников, не характерное для большинства известных ранее сосудов, и венчики кубков с крупными, широкими фасетами в верхнем ряду, сближающими комаровские находки с происходящими, в первую очередь, из могильников на территории Румынии (Михэлэшень, Бырлад Валя Сяке).

Если говорить о статистических данных, то наиболее полная сводка толстостенных кубков данного типа – с прошлифованными кругами и овалами, плотно прилегающими друг к другу – составлена на сегодня И.О. Гавритухиным. Им учтено около 60 экземпляров находок «черняховско-скандинавского» контекста, известных по публикациям на территории Восточной, Центральной и Северной Европы (Gavritukhin, 2011). Коллекция поселения Комаров, содержащая 24 находки, представляется на этом фоне исключительной по количеству.

Сосуды с пластическим декором на венчике и медальонами, заключенными в дуги и окружности *(тип E-238/ Straume-VIII (VIII-1) и близкие им по декору фрагменты)*

Пластический декор на венчике, прошлифованные медальоны, заключенные в окружности, богатая орнаментация тулова прошлифованными овалами, прямыми и дугообразными линиями и короткими желобками отличают конические или цилиндроконические кубки на ножке или кольцевом поддоне, тип E-238, или VIII (VIII-1) по Э. Штрауме (Straume, 1987, S. 38–39). Среди подобных форм известны как однослойные кубки, так и сосуды двухслойного стекла. И.О. Гавритухин на основе ряда признаков, в первую очередь, формы дна, также выделяет в рамках данной серии два типа – Косино (конические кубки на ножке) и Малаешты (конические и цилиндроконические кубки на невысоком поддоне).

Среди стекла поселения Комаров к данной серии могут быть отнесены 27 фрагментов сосудов, в т.ч. 1 фрагмент стенки двухслойного стекла (рис. 5). Два из них (рис. 5: 89, 90) отсутствуют в коллекции Института украиноведения и известны по более ранним публикациям (Смишко, 1964, табл. III: 8, 13; Гавритухин, 1999, с. 58; рис. 5: 88, 89). Не исключено, что некоторые происходящие из Комарова фрагменты могли относиться не только к кубкам типа Straume-VIII, но и к чашам – особенно это касается сосудов с относительно тонкими стенками (рис. 5: 73, 79, 83, 85, 86, 91 и др.).

Венчики кубков данной серии представлены 4 экземплярами (рис. 5: 67–70). Один из них,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ранее опубликованный (рис. 5: 67), по мнению И.О. Гавритухина, мог относиться как к кубку типа VIII, так и принадлежать чаше или сосуду другой формы (Смишко, 1964, табл. III: б/н; Гавритухин, 1999, с. 58). Толщина стенок сохранившихся фрагментов составляет 4-5 мм, они изготовлены из светло-зеленого или бесцветного прозрачного стекла. Декор, помещенный на венчике, сочетает прошлифованные овалы, горизонтальные линии и короткие сегментовидные желобки, расположенные вертикально, горизонтально или под наклоном. Венчики с подобным декором могли принадлежать кубкам на ножке или поддоне (тип Straume-VIII или VIII-1; тип Косино, серия Пивонице или тип Малаешты по И.О. Гавритухину (Гавритухин, 1999, с. 57)). В ареале черняховской культуры наиболее близкая аналогия такому кубку происходит из могильника Малаешты, погребение Б. Венчик этого сосуда снабжен греческой надписью (Кропоткин, 1970, рис. 75: 8). На территории Румынии параллели им известны в Бэрчя-Грэдина (Бэрчя-Текучь) (погребение 123), Бырлад Валя Сяке (погребение 47А) и Миорчань-Изворул (погребение 144) (Pánczél, Dobos, 2007, p. 83, 84, Pl. V:37-40). Среди скандинавских находок им близок сосуд из Ворнинга (Straume, 1987, Taf. 9: 96).

Стенки сосудов данной серии в Комарове представлены 22 фрагментами, при этом 4 из них (рис. 5: 83, 88, 91, 92) могут быть отнесены к ней достаточно условно, т.к. их малый размер не позволяет дать однозначное типологическое определение. На некоторых фрагментах сохранились вышлифованные медальоны круглой или овальной формы, заключенные в дуги и окружности (рис. 5: 71-74, 82, 86). Пространство между медальонами обычно обильно украшено прошлифованными или гравированными элементами: овалами малых размеров, горизонтальными линиями и короткими сегментовидными желобками, расположенными вертикально, горизонтально или под наклоном. Толщина стенок составляет в среднем 4-7 мм, хотя встречаются и сосуды со стенками толщиной 2-3 мм (рис. 5: 83, 85). Рассматриваемые изделия были изготовлены из бесцветного, абсолютно прозрачного, без оттенков стекла очень высокого качества или из светло-зеленого прозрачного стекла. Судя по богатой орнаментации тулова, более характерной для кубков на кольцевом поддоне, большинство фрагментов принадлежало, скорее, к типу VIII-1 (Малаешты). Некоторые фрагменты (рис. 5: 75, 76, 78, 80, 88, 91, 92 и др.) могли относиться к кубкам как на поддоне, так и на ножке.

На памятниках черняховской культуры, судя по опубликованным материалам, стекло с подобным декором встречается относительно редко. К наиболее близким аналогиям из ее ареала относятся фрагменты стенок с медальонами из Войтенков и Западни (Украина, Харьковская область), происхождение которых, как предполагает И.О. Гавритухин, могло быть связано с сасанидским Ираном (Гавритухин, 2007, с. 16); три фрагмента кубка найдены в Великой Бугаёвке (Петраускас, Пастернак, 2003, рис. 3: 4). За пределами черняховской культуры аналогии кубкам типа Малаешты происходят из Сопианы (Печь) (Barkóczi, 1988, Taf. XV:165; Гавритухин, 2007, с. 15, 50: рис. 5:8), Апахиды (Гавритухин, 1999, с. 59), Журани (Гавритухин, 1999, с. 60), Эвебю (Straume, 1987, с. 79-80, taf. 9: 8; Гавритухин, 1999, с. 59).

Э. Штрауме датировала находки конических кубков типа VIII, как скандинавские, так и континентальные, периодами C3-D1 (Straume, 1987, S. 39–40). И.О. Гавритухин показал, что датированные находки кубков данных типов либо относятся к эпохе Великого переселения народов, либо не исключают датировку гуннским временем (Гавритухин, 1999, с. 58–60). По мнению М.М. Казанского, конические кубки на ножке являются индикатором гуннского времени, т.к. за пределами черняховской культуры они представлены исключительно в погребениях V в., однако для кубков на поддоне (к которым, вероятно, и принадлежит большинство комаровских находок) данная датировка нуждается в дополнительном подтверждении внешними параллелями (Казанский, 2011, с. 23-24).

В целом же стиль изготовления сосудов с вышлифованными медальонами, заключенными в дуги и окружности, учитывая находки в Европе, Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, датируется широко: самые ранние выполненные в нем чаши известны во второй половине II-III вв. (Гавритухин, 2007, с. 15, 16). Ранняя дата, вероятно, не может быть полностью исключена для некоторых комаровских находок выделенной серии. Форма большинства из них не определяется, т.е нет оснований однозначно относить абсолютно все находки к кубкам.

К серии сосудов с прошлифованными медальонами относится и стенка ***двухслойного стекла*** (рис. 5: 93). Внутренний слой изготовлен из бесцветного прозрачного, верхний – из темно-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

зеленого прозрачного стекла. На ребро, образованное прошлифованными овалами, вхолодную нанесены горизонтальные насечки. Возможно, стекло использовалось вторично, т.к. нижний край стенки обработан.

Находки обломков сосудов из двухслойного стекла на памятниках черняховской культуры немногочисленны. На Украине 4 из них были найдены в могильнике Великая Бугаевка (Петраускас, Пастернак, 2003, с. 70, 71, рис. 4: 5, 5а, 6, 6а), а также в Малой Рогани и Западне (Гавритухин, 2007, с. 13); на территории Румынии известна находка двухслойного кубка из Точилень-Лутарие (погребение 21) (Pánczél, Dobos, 2007, p. 84, Pl. V: 41). По данным публикаций, с территории Польши происходит 8 находок, из Скандинавии – 19 (Гавритухин, 2007, с. 13).

Датировка стиля сосудов из двухслойного стекла в целом довольно широка (Гавритухин, 2007, с. 13-14). Учитывая типологическую принадлежность находки из Комарова (тип Straume-VIII-1, или тип Малаешты, серия Апахида по И.О. Гавритухину), она относится к позднему горизонту черняховской культуры. Ближайшей аналогией данному сосуду по характеру декора (прошлифованные медальоны и насечки на ребрах между ними) является экземпляр из Апахиды, комплекса, датируемого центральноевропейским периодом D3 (Гавритухин, 1999, с. 59).

Сосуды с глубоко прошлифованными овалами и кругами

Особую группу сосудов с прошлифованными овалами составляют изделия с массивными стенками (4-6 мм), декорированные глубокими, близко расположенными друг к другу фасетами. Они представлены тремя экземплярами (рис. 6: 94–96), изготовленными из светло-зеленого и бесцветного прозрачного стекла. Проанализировав материалы Днепровского Левобережья, И.О. Гавритухин пришел к выводу о том, что сосуды с массивными стенками, украшенными близко поставленными глубоко вышлифованными овалами, относятся к поздним фазам черняховской культуры, т.е., второй половине IV в. или, возможно, к началу гуннского времени (Гавритухин, 2007, с. 17, 18; Gavritukhin, 2011, p. 46). Не исключена принадлежность комаровских сосудов данной серии к типу Straume-VIIB, дата которых не противоречит предложенной. Однако, учитывая находку кубка с глубоко прошлифованными овалами из княжеской могилы в Закшуве, относимой к центральноевропейскому периоду C2, возможность распространения сосудов с подобным декором в более раннее время не может быть полностью исключена (Rau, 1972, Abb. 15; Казанский, 2011, с. 23).

Фрагменты сосудов с орнаментом в виде прошлифованных кругов, овалов и линий, образующих геометрические композиции

Изделия с подобными декоративными композициями представлены 6 фрагментами. Гомогенную серию представляют сосуды с прошлифованными кругами или овалами в сочетании с горизонтальными линиями и «сотовым» линейным орнаментом. Данная серия представлена 5 фрагментами. Форма сосудов не определяется, стекло бесцветное прозрачное, 4 из них достаточно тонкостенные с толщиной стенок 1,5-3 мм (рис. 7: 98–101) и один – толстостенный со стенками 4-4,5 мм (рис. 7: 97).

И. Ионица, рассматривая чаши с подобным декором, выделил их в особый тип Якобень, близкий находке из Ганцкова (Rau, 1972, S. 129; Fig. 21; Ionită, 1995, S. 161). На территории черняховской культуры известны 4 находки подобных чаш (Косаново, погр. 9, Якобень, погр. 20, Гавриловка, погр. 82, Фрунзовка, разрушенное погребение). Вне ее ареала исследователь выделяет зону концентрации сосудов с подобным декором на территории римских провинций Норик и Паннония (Петовио/Птуй, Карасура, Бригецио, Шавария, Фавианис) (Ionită, 1995); находки их известны также в Пантикапее и скандинавском Вранструпе (Straume, 1987, S. 124, Taf. 12:97; Ionită, 1995, S. 159). В Барбарикуме комплексы с чашами, декорированными комбинацией овалов и «сот», в целом, относятся большинством исследователей ко временному промежутку, соответствующему концу фазы C2 и фазе C3 центральноевропейской хронологии (обзор комплексов, посвященной им литературы и анализ хронологии см.: Ionită, 1995; Gavritukhin, 2003, p. 115–117). По мнению И.О. Гавритухина, для Барбарикума изделия данной серии следует рассматривать как ряд упрощенных вариаций импортных сосудов, известных от Сирии до Британии, что подразумевает более широкие даты (Gavritukhin, 2003, p. 115).

Близкая орнаментальная композиция встречена также на бутылях конца III – начала IV в. из Аквинкума в современной Венгрии (Barkóczi, 1988, S. 203, 204, Taf. LIX:505, 511). Фрагмент

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сосуда из Саварии с подобным декором (исследователи определяют его как кубок или чашу) датирован Л. Баркоци второй половиной IV в. (Barkóczi, 1988, S. 106, N168; Taf. XV).

К данной серии близка по декоративной композиции стенка сосуда бесцветного прозрачного стекла, украшенная прошлифованными линиями, образующими, в отличие от экземпляров, близких типу Якобень, не «соты», а ромбы (рис. 7: 102), в центре которых расположены прошлифованные овалы. Точные аналогии данной композиции мне неизвестны, однако на основе стилистических особенностей декора можно предположить, что ее датировка близка времени распространения чаш типа Якобень.

Сосуды с линейным орнаментом

Фрагменты сосудов, декорированных прошлифованными горизонтальными линиями, представлены 5 экземплярами (рис. 8). Однородную серию составляют изделия с разреженной линейной орнаментацией, принадлежащие, вероятно, коническим кубкам типа Гавриловка-35 по Г. Рау (Rau, 1972). Она представлена 4 фрагментами, среди которых – 1 венчик и 3 стенки (рис. 8: 104–107). Кроме того, один фрагмент венчика конического кубка украшен поясом линейного орнамента у края (рис. 8: 103). Сосуды различаются по толщине стенок, варьирующей от 2-3 до 5-6 мм, и ширине прошлифованных линий – от 1,5 до 5 мм. Стекло – бесцветное и светло-зеленое прозрачное.

Конические кубки, в том числе с горизонтальными прошлифованными полосами, происходят из могильников Гавриловка (погребение 35), Ранжевое (погребение 18), Кантемировка (курган 2), Нагорное (погр. 2), Малаешты (погр. 33), Одая (погребение 23), Бырлад Валя Сякэ (погр. 501) и из некоторых других памятников черняховской культуры (сводку см.: Гавритухин, 2000, с. 266–268; Гопкало, 2011, с. 84).

Специалисты по провинциальноримскому стеклу датируют конические кубки в рамках IV – начала / первой половины V в. или около 350-400 гг., с признанием возможности более поздних дат для некоторых образцов. Для изделий, происходящих с территории черняховской культуры, принципиальна дискуссия о нижней дате кубков данного типа – вторая половина/третья четверть IV в. или гуннское время (обзор литературы см.: Гавритухин, 2000, с. 265, 266; см. также: Гопкало, 2011, с. 84). Л. Баркоци, рассмотревший разновидности конических кубков наиболее подробно, определяет дату большинства из них в рамках второй половины IV – начала V в. (Barkóczi, 1988, S. 80-85). Лишь для одной из них – высоких, толстостенных сосудов с 2-5 глубоко прошлифованными полосами на основе провинциальноримских (в первую очередь – паннонских) материалов исследователю удалось сузить дату до конца IV – начала V в. (Barkóczi, 1988, S. 85, тип 47f). По итогам исследования И.О. Гавритухина, эту оценку подтверждают или не противоречат ей и находки с территории черняховской культуры (Бырлад Валя Сяке, погр. 501; Кантемировка, курган 2; Нагорное, погр. 2; Могошань, погр. 8; Гавриловка, погр. 35) (Гавритухин, 2000, с. 266–268). Среди комаровских находок к данной разновидности могут относиться 4 из 5 находок данной группы (рис. 8: 104–107). Наиболее близкие параллели сосуду из Комарова с линейным декором на венчике (рис. 8: 103) происходят из некрополя Шагвар (Венгрия), где они датируются второй половиной IV в. (Barkóczi, 1988, S. 80-85, Taf. IX: 97; X: 105, 106, 109).

Единичные находки

К редким для поселения Комаров формам принадлежат 8 фрагментов сосудов различных типов, при этом большая их часть – вероятно, чашам.

Стенка чаши (рис. 9: 108). Сохранившийся фрагмент декорирован двумя прошлифованными кругами, между которыми расположена вертикальная линия; ее верхний конец упирается в короткую горизонтальную линию. Выше расположены две прошлифованные горизонтальные полосы, над которыми справа читается небольшой фрагмент прошлифованного круга или овала (?).

Подобный декор могли иметь чаши, довольно широко распространенные на Ближнем Востоке, преимущественно, в Восточном Средиземноморье. Единично они попадают в дунайские провинции, на Рейн и в Галлию, где датируются III в. или, возможно, второй половиной II – серединой III в. и относятся к «восточному импорту» (Barkóczi, 1988, S. 64-65; Гавритухин, 2007, с. 15; там же см. ссылки на литературу). Декор прошлифованными кругами в сочетании с 1 или 2-мя вертикальными линиями, ограниченными с двух сторон горизонтальными «штрихами», встречен на сферических чашах, происходящих с территории Венгрии, которые Л. Баркоци датирует III в. (Barkóczi, 1988, S. 64, 65, Taf. IV.39, 41, 42). Фрагмент чаши с

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

близкой орнаментальной композицией происходит из Масломенча (погр. 15) периодов C1b-C2 центральноевропейской хронологии (Stawiarska, 1999, p. 288, № 152). Известна также одна находка, относящаяся, вероятно, к более позднему горизонту – чаша с близким декором, но с овалами, окаймленными прошлифованными желобками, происходит из Мурсы (Нижняя Паннония); (Šaranovic-Svetek, 1986, S. 58–59, Tab. 1:8), который содержит Т-образную шарнирную фибулу (группа 19 по А.К. Амброзу)[8] (Амброз, 1966, с. 74, 75); к сожалению, по публикации (Bulat, 1976, s. 91, № 27) более точное определение фибулы и даты комплекса затруднены.

Стенка чаши (?) (рис. 9: 109), декорированная прошлифованным кругом или овалом и ромбом либо треугольником с тонкими гравированными линиями, образующими «решетку». Подобное сочетание декора встречено на двух чашах, одна из которых (тип E-220) происходит из Гасково (Ганцкова) (Польша), из комплекса, датированного Т. Ставярской периодами C2 и, возможно, C3 центральноевропейской хронологии (Stawiarska, 1999, p. 286, cat. № 149); Г. Рау датировал его первой половиной IV в (Rau, 1972, S. 129). Вторая (тип E-221) была найдена в Зигерштеде (Зеландия), в погребении, наиболее вероятная датировка которого – период C3 скандинавской хронологии (Straume, 1987, S. 120, Taf. 12: 89), или первая половина IV в. по Г. Рау (Rau, 1972, S. 129).

Декор в виде косой решетки, заключенной в ромб, известен на позднеантичных чашах ближневосточного и провинциально-римского происхождения; серия сосудов с близким орнаментальным мотивом происходит из Кёльна (Elbern, 1966). Вероятно, подобные сосуды являлись прототипами изделий, находимых на территории Барбарикума (см.: Gavritukhin, 2003, p. 115). К индивидуальным образцам, найденным за пределами римского лимеса, относится чаша с сочетанием заключенной в треугольники «решетки» с прошлифованными медальонами из погребения 3/1926 Лёйны; считается, что она могла попасть к варварам, состоявшим на службе у галльских узурпаторов, в 260-273 гг. (Werner, 1973; Гавритухин, 2007, с. 15, рис. 5: 11). Композиция из ромбов с «решеткой», горизонтальных линий и прошлифованных овалов встречена на фрагменте тулова толстостенного сосуда из Бригецио, датированного первой половиной IV в. (Barkóczi, 1988, S. 201, Taf. LVIII.502). Декор в виде ромба с решеткой, но в другой орнаментальной композиции, украшает фрагмент толстостенной чаши из Тёкода, относимой Л. Баркоци ко второй половине IV в. (Barkóczi, 1988, S. 66, Taf. IV:45).

Стенка сосуда (рис. 9: 110) с двумя рядами прошлифованных кругов и рядом вытянутых овалов, разделенных парными горизонтальными линиями. Подобный декор характерен для кубков типа E-236, или Straume-VI (Straume, 1987, Taf. 6: 15, 2), а также для чаш Straume-XII, подгруппы 2 (Straume, 1987, Taf. 12: 90). По толщине стенок данный фрагмент ближе, скорее, к чашам. Аналогичное изделие происходит из Скерригена, из комплекса, датированного Э. Штрауме поздней частью периода C2 скандинавской хронологии (Straume, 1987, S. 120–121, Taf. 12:90). Кубки с подобной орнаментацией (тип VI по Э. Штрауме), происходящие из Бремснеса и Гьерлы, датированы исследовательницей периодами C3-D1 (Straume, 1987, S. 36); дата одного из комплексов, содержащих подобный сосуд – C2-D (Straume 1987, S. 77), а второго – C3-D (Straume, 1987, S. 83–85).

Фрагмент сосуда, вероятно, чаши (рис. 9: 111), представлен стенкой и придонной частью. На сохранившемся фрагменте в нижней части читается прошлифованный круг, две прошлифованные горизонтальные полосы и пояс из вытянутых вертикально овалов. Наиболее близкой аналогией данному изделию является чаша из Скерригена, датированная поздней частью периода C2 (Straume, 1987, S. 120–121, Taf. 12.90).

Два фрагмента чаш (рис. 9: 112, 113) сочетают декор из пояса прошлифованных кругов и двух горизонтальных линий над ними. Толщина стенок сосудов, изготовленных из бесцветного прозрачного стекла, составляет 3-4 мм. Близкие аналогии подобным чашам мне неизвестны.

Фрагмент сосуда (рис. 9: 114), чаши или невысокого кубка, имеет стенки толщиной 2-4 мм, и диаметр края около 11 мм. Сосуд был изготовлен из бесцветного прозрачного стекла. Сохранившаяся часть тулова декорирована 3 рядами вытянутых фасет овальной формы или с заостренными концами, близких по форме «сотам». Точных аналогий по сочетанию формы и декора мне неизвестно. Декор фасетами близкой формы, но в сочетании с прошлифованными линиями, встречен на чаше из могильника Прущ Гданьский-7, имеющей сходные пропорции; Т. Ставярска датирует ее периодами C1b-C2 центральноевропейской хронологии (Stawiarska, 1999, p. 287, N 150).

[8] Определение И.О. Гавритухина.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Стенка сосуда (рис. 9: 115) – единственная находка из Комарова, изготовленная из темного, изумрудно-зеленого прозрачного стекла. Сохранившаяся часть декорирована крупными прошлифованными овалами в сочетании с горизонтально расположенными мелкими овалами, дуговидными желобками, вертикальными и горизонтальными прошлифованными линиями. Данный сосуд можно отнести к типу E-232, или Straume -III. Близкий по композиции декор имеют сосуды из Иллерупа и Херредсбьергета (Дания); один из них найден вне комплекса, а второй происходит с поселения, относящегося к периоду D скандинавской хронологии (Straume, 1987, Taf. 4: 79, 83; S. 117, 118; Гавритухин, 2007, с. 15). Близкий по приемам обработки осколок толстостенного кубка из Виттстока (погребение 76, Восточная Германия) датирован периодами C3-D1 центральноевропейской хронологии, вероятно – второй половиной IV в. Ему приписывается восточное происхождение на основе аналогий с севера Ирана и из Ирака, относимых ко второй половине IV – началу V в. (Straume, 1987, S. 34; Гавритухин 2007, с. 15, там же ссылки).

Фрагменты сосудов неопределимых типов

К типологически неопределимым отнесены 7 фрагментов сосудов. Среди них – 4 венчика, 2 фрагмента орнаментированных стенок и 1 фрагмент придонной части (рис. 10).

Лишь один из 4 венчиков (рис. 10: 116) имеет шлифованный декор в виде горизонтальной линии; по степени его наклона можно предположить, что он принадлежал коническому кубку типа E-237 / Straume-VII, однако на сохранившейся части тулова отсутствует характерный для сосудов данного типа декор. Остальные венчики (рис. 10: 117–119) не орнаментированы. Вероятно, они принадлежали кубкам со шлифованным декором. Один сосуд имеет у края валик, образованный двумя желобками (рис. 10: 118).

Стенка сосуда (рис. 10: 120) украшена прошлифованным овалом или кругом. Она могла принадлежать кубку типа Straume-VIIB или сосуду с глубоко прошлифованными овалами или кругами.

Стенка сосуда (рис. 10: 121) декорирована двумя прошлифованными овалами, расположенными вплотную друг к другу. Нижний край сохранившегося фрагмента скошен. По формальным признакам данный фрагмент наиболее близок типу E-237 / Straume-VIIB, однако для сосудов данного типа характерны обычно более крупные фасеты, расположенные рядами. По сохранившемуся фрагменту композицию декора определить невозможно, однако на примыкающих к парному овалу участках тулова шлифованный декор отсутствует.

Придонная часть сосуда (рис. 10: 122) украшена одной полосой прошлифованного орнамента.

Заключение

Коллекция стекла со шлифованным декором, происходящая с поселения Комаров – самая представительная из опубликованных на сегодня для черняховской культуры. В нее включено большинство типов сосудов, встречающихся на черняховских памятниках. Нижняя хронологическая граница распространения здесь толстенных кубков и чаш, декорированных шлифованным орнаментом, может быть определена началом IV или, возможно, концом III в., т.е., временем, синхронным центральноевропейским периодам C2 (возможно, поздней его части) и C3. Таким образом, здесь встречены сосуды, начиная с самых ранних из известных типов данной категории. Присутствие на поселении массовых находок позднего горизонта (второй половины IV – начала V в., т.е., финала позднеримского и начала гуннского времени) крайне важно для уточнения верхней хронологической границы памятника в целом, ранее широко определявшейся IV в. В данном массиве сложно выделить формы, являющиеся безусловными хронологическими индикаторами гуннского времени; в то же время, столь массовое выпадение находок на поселении на протяжении лишь третьей четверти IV в. представляется маловероятным. Состав коллекции стекла со шлифованным декором, происходящей с памятника, говорит, скорее, о ее равномерном накоплении. Таким образом, широко определяя верхнюю хронологическую границу поселения Комаров на основе находок стекла второй половиной IV – началом V в., можно все же достаточно уверенно говорить о присутствии на памятнике горизонта гуннского времени.

Не менее важным представляется вопрос о причинах столь массового выпадения находок шлифованного стекла на Комаровском поселении, не имеющего аналогий, судя по

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

опубликованным материалам, ни на территории черняховской культуры, ни на варварских памятниках Центральной и Северной Европы. По распространенному мнению, стеклянные шлифованные кубки являлись предметами роскоши, отражая особый статус их обладателей.

Вопрос о возможности местного производства кубков данной категории, по моему мнению, не имеет на сегодня однозначного решения. Исследовавшая материалы мастерской Ю.Л. Щапова пришла к выводу, что наиболее вероятным временем существования стекольной мастерской на поселении является период не позднее третьей четверти III в. н.э., а ее продукцией были тонкостенные сосуды, изготовленные в стеклодувной технике. Отсутствие следов производства шлифованных сосудов, их более поздние даты, форма организации комаровской мастерской позволяют предположить, что подобные изделия не были ее продукцией (Щапова, 1983, с. 148–151; Лихтер, 1998, с. 50). Однако хронология мастерской дискуссионна: И.П. Сорокина широко датировала мастерскую III-IV вв., а М. Стерн – IV в. н.э., вероятно, не ранее середины столетия (Stern, 2010, p. 26).[9]

Детальное изучение отходов производства мастерской в Комарове, проведенное в Институте украиноведения, полностью подтверждает вывод Ю.Л. Щаповой об изготовлении здесь сосудов в технике выдувания. Однако стоит обратить внимание на источниковедческий аспект проблемы. Стеклодувные мастерские римского времени хорошо изучены, а характер происходящих из них материалов и признаки производства подробно описаны: на сегодня только в европейской части Римской империи их известно более сотни (Amrein, 2001). Иная ситуация складывается со свидетельствами производства посуды со шлифованным декором в технике прессования в форму (Лихтер, 1998), в которой изготовлено подавляющее большинство публикуемых изделий. Признаки данного производства на сегодня не выделяются столь же четко, а его отходы, очевидно, гораздо сложнее поддаются определению при археологических раскопках, чем признаки и отходы стеклодувного. Таким образом, несмотря на отсутствие свидетельств производства, возможность изготовления здесь шлифованных кубков и чаш не может быть полностью исключена по состоянию изучения материалов мастерской и ее хронологии на сегодня. В то же время, анализ коллекции шлифованного стекла позволяет выдвинуть и новый аргумент против гипотезы о местном производстве: фрагменты обнаруженных здесь сосудов очень разнородны (в первую очередь, по характеру декора, который является самым «определимым» признаком для сохранившихся обломков, а в некоторых случаях – и на уровне морфологии). Они не производят впечатления продукции, вышедшей из одной мастерской.

Вероятно, причину столь массового использования шлифованного стекла жителями поселения Комаров стоит искать в характере культурного взаимодействия населения, оставившего данный памятник, с жителями пограничной зоны римских провинций. Территориальная близость к Империи, многочисленные свидетельства непосредственного присутствия античного населения на самом памятнике, развитый ремесленный комплекс, включающий не только стеклоделательное, но также гончарное производство и обработку цветных металлов (Вакуленко, 2000; Петраускас и др., 2012) являются, вероятно, факторами особого экономического статуса поселения. Они свидетельствуют о долговременных прямых контактах жителей Комарова с античным миром, близком знакомстве с обиходом и культурными традициями провинциально-римского населения, стремлении и экономических возможностях перенимать разнообразные его черты в быту. Одним из проявлений данного феномена стало, очевидно, столь широкое использование орнаментированной стеклянной посуды, подражающей роскошным средиземноморским и провинциально-римским образцам.

В то же время, вывод об исключительной концентрации стеклянных кубков на поселении Комаров на сегодня может рассматриваться лишь как предварительный. Реальная количественная оценка данной категории находок на черняховских памятниках затруднена тем, что значительная их часть остается неопубликованной. Это не позволяет объективно оценить ситуацию с распространением стеклянной посуды в ареале культуры. Такую возможность могла бы дать лишь полная публикация всех доступных на сегодня материалов раскопок.

[9] Ю.Л. Щапова исходила из того, что мастерская существовала 5-6, возможно 10 лет, опираясь на данные о технических нормах эксплуатации печей (Щапова, 1983, с. 151). Однако нет данных о том, сколько всего подобных печей могло последовательно функционировать на Комаровском поселении в течение времени работы мастерской.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Литература

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ, Д1-30. М.

Безбородов М.А. 1964. Исследование стекол из стеклоделательной мастерской III-IV вв. н.э. у с. Комаров // МДАПВ. 5. Київ.

Вакуленко Л.В. 2000. Об организации римского стеклоделия за границами Империи // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья. Воронеж.

Гавритухин И.О. 1999. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. 1. Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236-238, 195; Straume IV-IX) // 100 лет черняховской культуре. Киев.

Гавритухин И.О. 2000. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel– und Osteuropa. Łódź.

Гавритухин И.О. 2007. Финал черняховской культуры. В: Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир, 9. М.

Гопкало О.В. 2011. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры. К постановке проблемы // Черняхівська культура: матеріали досліджень. OIUM. Київ – Луцьк.

Казанский М.М. 2011. Радагайс и конец черняховской культуры // Черняхівська культура: матеріали досліджень. OIUM. Київ-Луцьк.

Кравченко Н.М., Петраускас О.В., Шишкин Р.Г., Петраускас А.В. 2007. Памятники археологии позднеримского времени Правобережной Киевщины. Киев.

Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в.н.э.) // САИ. Д1-27. М.

Лихтер Ю.А. 1998. Стекло черняховской культуры // РА, 2.

Ліхтер, Гопкало. 2007. Скляний посуд з поселення Теремці // Збірник наукових праць НДІУ. XV. Львів.

Петраускас О.В., Пастернак В.В. 2003. Скляні посудини могильника черняхівскої культури Велика Бугаївка в Середньму Подниіпров'ї // Археологія. 4. Київ.

Петраускас О.В., Милян Т.Р., Осаульчук О.М. 2012. Дослідження унікальної археологічної пам'ятки в Комарові у 2012 р. // http://komariv.in.ua/doslidjennya2012.html

Петраускас О.В., Шишкин Р.Г. 2010. Могильник и поселение у с. Великая Бугаевка и их место в системе древностей позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов в Среднем Поднепровье // Лесная м лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула.

Смишко М.Ю. 1964. Поселення III-IV ст. н.е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецької області // МДАПВ. 5. Київ.

Сорокина И.П. 1976. Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.

Храпунов И.Н. 2004. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац. Херсонесский сборник. XIII. Севастополь.

Цигилик В., Мартынюк С. 1995. Скляне виробництво на поселенні III-IV ст.н.е. біля с. Комарів // Скло в Україні. Історія та сучасність. Матеріали наукової конференції. Львів.

Цигилик В.М. 2006. До питання зародження скляного виробництва на Прикарпатті // МДАПВ. 10. Львів.

Щапова Ю.Л. 1964. Результаты спектрального анализа стеклянных изделий и брака из стеклоделательной мастерской, открытой у с. Комаров Черновицкой области // МДАПВ. 5. Київ.

Щапова Ю.Л. 1978. Мастерская по производству стекла у с. Комарово (III-IV вв.) // СА, 3.

Щапова Ю.Л. 1983. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.

Amrein H. 2001. L' atelier de verriers d'Avenches: l'artisanat du verre au milieu du Ier siècle apres J.-C. // Cahiers d'archéologie romande. 87. Lausanne.

Barkóczi L. 1988. Pannonische Glassfunde in Ungarn. Studia archaeologica IX. Budapest.

Bulat M. 1976. Anticko staklo u muzeju Slavonije. //AV XXV. Ljubljana.

Eggers H.J. 1951. Der Römische Import im freien Germanien. Hamburg.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Elbern V.H. 1966. Eine Gruppe Spätromischer Glassbecher aus Köln und ihr Fortwirken im frühen Mittelalter // Journal of Glass Studies. Vol. VIII. Corning.

Gavritukhin I. 2003. Double-plate fibels of subgroup I // A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. XLIV (2002). Nyíregyháza.

Gavritukhin I. 2011. Cut Glass Beakers within the Context of Studies in the Connections between the South of Eastern Europe and Scandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Periods // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand – Simferopol.

Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow.

Ionită I. 1995. Eine Glassschale mit eingeritztem Wabenmuster und Facettenschliff von Iacobeni (Kr. Iaşi). //Dacia, N.S. XXXVIII-XXXIX, 1994-1995. Bucarest.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris.

Lund Hansen U. 1987. Römischer Import im Norden. København.

Näsman U. 1984. Glas och handel I senromersk tid odh folkvandringtid. En studie kring från Eketrop-II, Öland, Sweden. Uppsala.

Pánczél S., Dobos A. 2007. Facet Cut Glass Vessels of the late 3rd to 5th century AD. Analysis of Finds from North Danubian Romania // Funerary Offerings and Votive Depositions in Europe's I Millenium AD. Cultural Artefacts and Local Identities, Ethnic and Cultural Interferences in the 1st Millenium B.C. to the 1st Millenium A.D. 10, Cluj-Napoca.

Petrauskas O.V. 2003. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka – eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 84. Mainz am Rhein.

Rau G. 1972. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta praehistorica et archaeologica. 3. Berlin.

Šaranovic-Svetek V. 1986. Antičko staklo u Jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije. Novi Sad.

Shabanov S. 2011. Glass Beakers with Polished Ovals from the Late Roman Period in the Crimea // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand – Simferopol.

Stawiarska T. 1999. Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenu Polski. Studium archeologiczno-technologiczne. Warszawa.

Stern M.E. 2010. Audacis plebeia toreumata vitri. Souffler le verre dans les moules // D'Ennion au Val Saint-Lambert. Le verre soufflé-moulé. Actes des 23e Rencontres de l'Association française pour l'Archéologie du Verre. Colloque international Bruxelles-Namur 17-19 octobre 2008. Bruxelles.

Straume E. 1987. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. Und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo.

Ščukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la Mer Noire au Bas-empire et à l'époque des Grandes Migrations. BAR International Series 1535. Oxford.

Tejral J. 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.

Werner J. 1973. Bemerkungen zur mitteldeutschen Skeletgräbergruppe Hasleben-Leuna // Festschrift für Walter Schleinger. I. Köln – Wien.

Список сокращений

МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
НДІУ – Національний науково-дослідний інститут українознавства
РА – Российская археология, М.
СА – Советская археология, М.
САИ – Свод археологических источников

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Каталог сосудов со шлифованным декором с поселения Комаров

В каталоге представлены находки стекла со шлифованным декором, происходящего из коллекции Института украиноведения НАНУ им. И. Крипьякевича. Описание двух фрагментов, опубликованных ранее, но отсутствующих в фондах Института, дано по публикации. Предположительно, они хранятся в Черкасском областном краеведческом музее. Каталог включает описание находки, ее типологическое определение, ссылку на рисунок. Номера на рисунках совпадают с номерами находок по каталогу. В графе «Публикация» приведена ссылка на первую публикацию находки.

Учитывая то, что время хранения коллекции насчитывает около полувека, имеет смысл обратить особое внимание на степень достоверности мест находки публикуемых материалов. Данная информация содержится в разделе «Место находки». Достоверно происхождение находок, содержащих шифры или опубликованных М.Ю. Смишко, а также содержащихся в его отчетах. Место находки в каталоге указано на основании шифров на самих изделиях или на их упаковках (вероятно, они были сделаны в ходе первичной обработки коллекции во время или сразу после раскопок). Часть наиболее выразительных фрагментов сосудов со шлифованным декором хранится отдельно от всей коллекции, шифры имеют не все из них. Эта часть коллекции могла быть отобрана исследователями в более позднее время для научной обработки. Несмотря на то, что в целом их происхождение не вызывает сомнения (значительная их часть – зашифрованные и/или опубликованные вещи с Комаровского поселения), нельзя полностью исключить случайное попадание в данную часть коллекции находок, происходящих с других памятников. Они снабжены в каталоге примечанием «хранится отдельно». В тексте статьи все приведенные находки рассматриваются как происходящие с поселения Комаров.

Сокращения, принятые при описании места находки: «Р» – раскоп; «кв.» – квадрат; «шт.» – штык (пласт).

Сосуды с фасетами в виде кругов и овалов

1. Фрагмент невысокого кубка или чаши. Стенки слабо наклонены наружу и закруглены в придонной части, венчик вертикальный. Диаметр края – около 9 см, толщина стенки – от 1,5 мм у края до 4 мм в придонной части. Стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части тулова: 2 ряда прошлифованных неполированных(?) овалов.
   Тип: Е-223; Straume, IA или XII-1
   Место находки: 1957 г., Р3, кв. В-22, шт. 3 (шифр на находке)
   Рис. 1: 1
2. Венчик сосуда, чаши или кубка. Слегка наклонен наружу в верхней части. Диаметр края не определяется. Толщина стенок 2,5-3 мм. Стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных неполированных овалов, две прошлифованные горизонтальные полосы на венчике.
   Тип: Е-223 или 230; Straume, IA или XII-1
   Место находки: без адреса (хранится отдельно)
   Рис. 1: 2
3. Венчик кубка, вертикальный с отогнутым краем. Диаметр края – 9 см, толщина стенки – 4-5,5 мм. Стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две прошлифованные горизонтальные линии.
   Тип: Е-223 или 230; Straume, IA или XII-1
   Место находки: без адреса (хранится отдельно)
   Рис. 1: 3
4. Венчик сосуда, вертикальный, диаметр края около 11 см, толщина стенки – 2-3 мм. Стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две прошлифованные горизонтальные полосы, фрагмент прошлифованного неполированного овала.
   Тип: Е-223 или 230; Straume, IA или XII-1
   Место находки: без адреса (хранится отдельно)
   Рис. 1: 4
5. Венчик сосуда, вертикальный, диаметр края не определяется. Толщина стенки – 2-2,5 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохра-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нившегося фрагмента: прошлифованная горизонтальная полоса и прошлифованный неполированный овал.
Тип: Е-223 или 230; Straume, IA или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 1: 5

6. Стенка сосуда, толщина 3 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных неполированных кругов или овалов.
Тип: Е-223 или 230; Straume, IA или XII-1
Место находки: без адреса (хранится с коллекцией стекла из Комарова)
Рис. 1: 6

7. Стенка сосуда, толщина 2,5-3 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных неполированных овалов.
Тип: Е-223 или 230; Straume, IA или XII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. Б-5а, гл. -0,75 м (шифр на находке)
Рис. 1: 7

8. Стенка сосуда, толщина – 2,5 мм. Стекло зелено-оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных неполированных овалов.
Тип: Е-223 или 230; Straume, IA или XII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г-15, около постройки IV (шифр на упаковке)
Рис. 1: 8

9. Стенка сосуда, толщина – 2,5 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 2 ряда прошлифованных неполированных кругов или овалов.
Тип: Е-223 или 230; Straume, IA или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 1: 9

10. Стенка сосуда, толщина – 3 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных неполированных кругов или овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, I или XII-1
Место находки: без адреса (хранится с коллекцией)
Рис. 1: 10

11. Стенка сосуда, толщина – 3-4 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных неполированных овалов.
Тип: Е-223 или 230; Straume, IA или XII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. З-25, шт. 2 (шифр на находке)
Рис. 1: 11

12. Фрагмент сосуда, стенка и придонная часть. Толщина стенки – 3-4 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных неполированных кругов или овалов.
Тип: Е-223 или 230; Straume, IA или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 1: 12

13. Венчик сосуда, вертикальный, диаметр края – 9 см. Толщина стенки – 3-4 мм. Стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: горизонтальная прошлифованная полоса и ряд прошлифованных овалов с небрежной полировкой (?).
Тип: Е-223 или 230; Straume, IB? или XII-1
Место находки: 1957 г., Р-?; гл. – 0,75 м (шифр на находке)
Рис. 1: 13

14. Венчик сосуда, вертикальный, диаметр края – ок. 9 см. Толщина стенки – 3-4,5 мм. Стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две горизонтальные прошлифованные полосы и ряд прошлифованных овалов с небрежной полировкой (?).
Тип: Е-223 или 230; Straume, IB? или XII-1 (шифр на находке)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 1: 14

15. Стенка сосуда, толщина – 3-4 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных овалов с небрежной полировкой (?).
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB? или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 1: 15

16. Стенка сосуда, толщина – 2-3 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две прошлифованные горизонтальные полосы и ряд прошлифованных овалов с небрежной полировкой (?).
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB? или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 1: 16

17. Стенка сосуда, толщина 3-3,5 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных овалов с небрежной полировкой (?).
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB? или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 1: 17

18. Стенка сосуда, толщина – 3-3,5 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

фрагмента: два ряда прошлифованных овалов с небрежной полировкой (?).
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB? или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 1: 18

19. Стенка сосуда (придонная часть), толщина – 2,5-3 мм. Стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных кругов с небрежной полировкой (?).
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB? или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 1: 19

20. Стенка сосуда, толщина 2,5-3 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: фрагмент прошлифованного круга или овала с небрежной полировкой.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB? или XII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г – 15, около постройки IV (шифр на упаковке)
Рис. 1: 20

21. Венчик сосуда, с легким наклоном наружу, диаметр края не определяется. Толщина стенки – 3-3,5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две прошлифованные горизонтальные полосы, фрагмент прошлифованного полированного овала.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В-20, шт. 3 (шифр на упаковке)
Рис. 2: 21

22. Стенка сосуда, толщина – 4 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных полированных овалов или кругов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: без адреса (хранится с коллекцией)
Рис. 2: 22

23. Стенка сосуда, толщина 2,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных полированных кругов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straum-IB или XII-1
Место находки: без адреса (хранится с коллекцией)
Рис. 2: 23

24. Стенка сосуда, толщина 4 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: фрагмент прошлифованного полированного овала.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume-IB или XII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В-20, шт. 3 (хранится с коллекцией)
Рис. 2: 24

25. Стенка сосуда, толщина – 4-5 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных полированных кругов или овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 2: 25

26. Стенка сосуда, толщина 2-3 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных полированных овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume -IB или XII-1
Место находки: 1956 г., Р1, яма 1, гл. -0,60-0,80 м (шифр на упаковке)
Рис. 2: 26

27. Стенка сосуда, толщина 2-2,5 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных полированных овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 2: 27

28. Стенка сосуда, толщина – 3,5-4 мм. Стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованный полированный овал.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. Б-48, 49, гл. – 0,75 м (шифр на упаковке).
Рис. 2: 28

29. Стенка сосуда, толщина 3 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных полированных овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. А-?, гл. – 0,40 м (шифр на находке)
Рис. 2: 29

30. Стенка сосуда, толщина – 3,5-4,5 мм. Стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных полированных овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 2: 30

31. Стенка сосуда, толщина – 3,5-4,5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных полированных овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 2: 31

32. Фрагмент сосуда, вертикальная стенка и придонная часть. Толщина стенки – 3,5-4,5 мм. Стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: три ряда прошлифованных полированных овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 2: 32

33. Фрагмент сосуда, вертикальная стенка и придонная часть. Толщина стенки – 3-4 мм, стекло почти бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 2 ряда прошлифованных полированных овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В-31?, шт. 3 (шифр на находке)
Рис. 2: 33

34. Фрагмент сосуда, вертикальная стенка и придонная часть. Толщина стенки – 4-6 мм. Стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: три ряда прошлифованных полированных овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: 1956 г., Р1, кв. Б-28, гл. – 0,20-0,40 м (шифр на находке)
Рис. 2: 34

35. Фрагмент сосуда, стенка и придонная часть. Толщина стенки – 2,5-3 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных полированных овалов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 2: 35

36. Донце сосуда, плоское, диаметр около 3 см. Толщина стенки в придонной части – 4-5 мм, толщина дна – 5 мм. Стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных полированных кругов.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 2: 36

37. Фрагмент сосуда, стенка и придонная часть. Толщина стенки – 5-7 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два близко расположенных друг к другу прошлифованных полированных круга.
Тип: Е-223 или Е-230; Straume, IB или XII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 2: 37

38. Стенка сосуда, толщина 2,5-3 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованный полированный овал.
Тип: Е-223 или Е-230 (?); Straume -IB или XII-1 (?)
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г – 15, около постройки IV (шифр на упаковке)
Рис. 2: 38

39. Стенка сосуда, толщина 3,5-4 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два прошлифованных полированных овала.
Тип: Е-223 или Е-230 (?); Straume -IB или XII-1 (?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 2: 39

40. Стенка сосуда, толщина – до 5,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два прошлифованных полированных круга или овала.
Тип: Е-223 или Е-230 (?); Straume -IB или XII-1 (?)
Место находки: 1965 г., Р5, кв. Б-23, шт. 3 (шифр на упаковке)
Рис. 2: 40

41. Стенка сосуда, толщина 3-3,5 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 2 прошлифованных круга или овала с небрежной полировкой (?).
Тип: Е-223 или Е-230 (?); Straume -IB(?) или XII-1 (?)
Место находки: без адреса (хранится с коллекцией)
Рис. 2: 41

42. Стенка сосуда (придонная часть), толщина 6-7,5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных овалов.
Тип: Е-223 или Е-230 (?); Straume -I или XII-1 (?)
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г-15 (шифр на упаковке)
Рис. 2: 42

Кубки с рядами прошлифованных овалов или шестиугольников и близкие им по декору фрагменты

43. Фрагмент кубка, представлен двумя обломками; сохранились дно и большая часть тулова. Высота сохранившейся части – 10,5 см, диаметр дна – 2,6 см, диаметр тулова в месте наибольшего расширения сохранившегося фрагмента – 10,4 см, толщина стенки – 6-8 мм. Стекло зеленое прозрачное. Декор: ряд прошлифованных кругов в придонной части;

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

5 рядов прошлифованных шестиугольников вытянутой формы по тулову; прошлифованная горизонтальная полоса в верхней части у слома.
Тип: Straume, VIIA
Место находки: 1957 г, Р3, кв. А-29, Б-23, В-20, 22 (шифры на находках).
Публикация: Смишко, 1964, табл. III: 2
Рис. 3: 43

44. Венчик кубка, наклонен наружу, с широким горизонтальным желобком в верхней части. Диаметр края – 9 см, толщина стенки – 6-7 мм. Стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: закругленные в верхней части соты (?), прилегающие друг к другу, над которыми расположены прошлифованные горизонтальные овалы небольших размеров. Судя по наклону венчика, сосуд имел выраженную коническую форму.
Тип: Е-237; Straume, VIIA или IX
Место находки: без адреса (экспозиция ИУ НАНУ; шифр АМІУ-714 соответствует по описи Комаровскому поселению)
Рис. 3: 44

45. Венчик кубка, слабо наклонен наружу, у края проходит горизонтальный желобок. Диаметр края – ок. 11 см, толщина стенки – 3-4,5 мм. Стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившейся части тулова: овальные(?) прошлифованные фасеты, расположенные вплотную друг к другу; над ними – небольшие прошлифованные овалы, расположенные горизонтально. Судя по большому диаметру и слабому наклону венчика, сосуд имел высокие пропорции.
Тип: Е-237; Straume, VIIB
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 3: 45

46. Венчик кубка, слабо наклонен наружу, с двумя горизонтальными желобками. Диаметр края 9 см. Толщина стенки – до 4,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: пояс прошлифованных овалов или закругленных сверху сот в сочетании с горизонтально вытянутыми овалами малых размеров.
Тип: Е-237(?); Straume, VII или IX.
Место находки: 1956 г., Р1, кв. Н-29, шт. 2 (шифр на находке)
Рис. 3: 46

47. Венчик кубка, наклонен наружу, на его поверхности читаются 2 горизонтальных желобка, диаметр края около 8 см. Толщина стенки до 5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части тулова – фрагмент овала или закругленной в верхней части «соты», к которому прилегает сегментовидная фасета. Сильный наклон венчика и малый диаметр края говорит о том, что сосуд был невысоким и имел достаточно приземистые пропорции.
Тип: Е-237 (?); Straume, VIIB1, VIIB3 или IX.
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 3: 47

48. Венчик кубка, у края – горизонтальный желобок, диаметр края – 9 см. Толщина стенок – 3-5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 2 ряда прошлифованных овалов: нижний – крупные вертикальные, верхний – малые горизонтальные.
Тип: Е-237; Straume, VIIB
Место находки: 1956 г., Р1, кв. Н-28, шт. 2 (шифр на упаковке)
Рис. 3: 48

49. Стенка сосуда, толщина 4-5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных овальных (?) фасет, расположенных вплотную друг к другу, над ним – ряд горизонтально вытянутых прошлифованных овалов малых размеров.
Тип: Е-237; Straume, VIIB (?)
Место находки: 1957, Р2, кв. А'-7 (шифр на находке)
Рис. 4: 49

50. Стенка сосуда, принадлежавшая верхней части тулова. Толщина стенки – 3-4 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованная горизонтальная полоса и ряд крупных прошлифованных закругленных в верхней части фасет, над ним – ряд горизонтально вытянутых овальных фасет малых размеров.
Тип: Е-237; Straume, VII
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г-15 (шифр на упаковке)
Рис. 4: 50

51. Стенка сосуда, толщина – ок. 4 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: широкая горизонтальная прошлифованная полоса и фрагмент закругленной в верхней части фасеты.
Тип: Е-237(?); Straume, VII(?)
Место находки: 1965 г., Р5, кв. Б-23, шт. 3 (шифр на упаковке)
Рис. 4: 51

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

52. Стенка сосуда, толщина 4-5,5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных шестиугольных «сот».
Тип: Straume, VIIA
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 4: 52
53. Стенка сосуда, толщина 6 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 2 ряда прошлифованных «сот» (?), верхняя часть соты верхнего ряда закруглены сверху.
Тип: Е-237; Straume, VIIA
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г-15 (шифр на упаковке)
Рис. 4: 53
54. Стенка сосуда, толщина 3-3,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 2 ряда прошлифованных шестиугольников вытянутой формы.
Тип: Straume, VIIA
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г-15, около постройки IV (шифр на упаковке)
Рис. 4: 54
55. Стенка сосуда, толщина до 6 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 2 ряда шестиугольных фасет.
Тип: Е-237 (?); Straume, VIIA или IX
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 4: 55
56. Стенка сосуда, толщина – 4 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: фрагменты двух фасетированных граней.
Тип: Straume, VII
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 4: 56
57. Стенка сосуда, толщина 5-7 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 2 ряда шестиугольных фасет.
Тип: Е-237; Straume, VIIA
Место находки: 1957 г., Р3, кв. А(?)-21 (шифр на находке)
Рис. 4: 57
58. Стенка сосуда, толщина 4-5 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 3 ряда прошлифованных шестиугольников. Возможно, является фрагментом сосуда № 43.
Тип: Straume, VIIA
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г-15 (шифр на упаковке)
Рис. 4: 58
59. Стенка сосуда, толщина 4 мм, стекло бесцветное прозрачное. сохранившегося фрагмента: два ряда прошлифованных овалов (?) вытянутой формы.
Тип: Straume, VIIB
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 4: 59
60. Донце кубка, толщина стенки тулова – около 8 мм, придонной части – 11-13 мм, дна – 10 мм. Диаметр дна – около 3 см, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованные овалы, расположенные вплотную друг к другу, и горизонтально вытянутые овалы малых размеров.
Тип: Е-237; Straume, VII
Место находки: без адреса (хранится отдельно; опубликован ранее)
Публикация: Сорокина, 1976.
Рис. 4: 60
61. Стенка сосуда, толщина 9 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившейся части – два ряда узких «сот» правильной шестиугольной формы. Судя по форме и размеру сот, ширина которых не превышает 9 мм, данный фрагмент принадлежал придонной части сосуда.
Тип: Е-237; Straume, VIIA
Место находки: 1956 г., Р-1, кв. 28-29-30, гл. – 0,20-0,40 м (шифр на находке)
Рис. 4: 61
62. Стенка сосуда, толщина 6 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента – два ряда фасет в виде длинных узких шестиугольников, расположенных близко друг к другу.
Тип: Е-237; Straume, VIIA
Место находки: без адреса (хранится с отходами производства стекольной мастерской)
Рис. 4: 62
63. Стенка сосуда, толщина 2,5-3 мм. Стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 3 ряда прошлифованных овалов, расположенных вплотную или близко друг к другу.
Тип: Straume, VIIB(?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Публикация: Смишко, 1964, табл. III:11
Рис. 4: 63
64. Стенка сосуда, толщина – 4,5-5,5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных полированных овалов, расположенных вплотную друг к другу.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Тип: Е-237(?); Straume, VIIB (?)
Место находки: 1965 г., Р4, культурный слой (шифр на коробке)
Рис. 4: 64

65. Стенка сосуда, судя по декору – придонная часть, толщина 3 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: ряд прошлифованных овалов, расположенных вплотную друг к другу.
Тип: Е-237(?); Straume, VIIB (?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 4: 65

66. Донце сосуда, толщина стенки в придонной части 6 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две прошлифованные горизонтальные полосы в придонной части.
Тип: Е-237(?); Straume, VII (?)
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г-15 (шифр на находке)
Рис. 4: 66

Сосуды с пластическим декором на венчике и медальонами, заключенными в дуги и окружности

67. Венчик сосуда, слегка наклонен наружу, диаметр края 9,6 см, толщина стенки 4-5 мм. Стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: вертикально и горизонтально расположенные прошлифованные овалы в сочетании с прошлифованными сегментовидными желобками, нанесенными горизонтально и под наклоном.
Тип: Е-238; Straume, VIII или VIII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. ?, гл. – 0,30 м (шифр на находке)
Публикация: Смишко, 1964, табл. III: б/н
Рис. 5: 67

68. Венчик сосуда, слегка наклонен наружу, диаметр края 10 см, толщина стенки – 4-5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованная горизонтальная линия и композиция из коротких сегментовидных желобков (возможно, имитация надписи).
Тип: Е-238; Straume, VIII или VIII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 68

69. Венчик сосуда, практически вертикальный, диаметр края – 9 см, толщина стенок – 4-5 мм. Стекло почти бесцветное прозрачное, с легким зеленоватым оттенком. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованные овалы и короткие сегментовидные желобки, расположенные горизонтально или под наклоном.
Тип: Е-238; Straume, VIII или VIII-1
Место находки: 1957 г., Р-?, кв. Б-49, шт. 2 или 8 (?) (шифр на находке)
Рис. 5: 69

70. Венчик сосуда, слегка наклонен наружу, с прогибом с внешней стороны. Толщина стенки – 4-5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: поперечный прошлифованный желобок, под ним – пояс из овалов, чередующихся с короткими вертикальными желобками.
Тип: Е-238; Straume, VIII или VIII-1
Место находки: 1956 г., Р1, кв. Р-27, гл. -0,60 м (шифр на находке)
Рис. 5: 70

71. Стенка сосуда, толщина 6-9 мм. Стекло бесцветное прозрачное. Вышлифованный круг окаймлен сегментовидным в сечении желобком, в нижнем левом углу читается небольшой прошлифованный овал с 3-мя короткими сегментовидными линиями-«штрихами». Над композицией проходит горизонтальная линия, выше которой располагаются прошлифованные овалы, чередующиеся с парами вертикальных прошлифованных желобков.
Тип: Straume, VIII-1
Место находки: 1956 г., Р1, кв. С-28, гл. – 0,20-0,40 м (шифр на находке)
Рис. 5: 71

72. Стенка сосуда, толщина 5-6 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованный медальон в виде круга или овала окаймлен сегментовидным в сечении желобком, слева читаются два прошлифованных желобка, расположенных под наклоном друг к другу.
Тип: Е-238 (?); Straume, VIII-1(?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 72

73. Стенка сосуда, толщина – 4,5-5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованный круг окаймлен широким сегментовидным в сечении желобком; рядом с ним расположен прошлифованный круг или овал, окаймленный 2-мя более тонкими желобками в сочетании с мелкими шлифованными овалами, расположенными у желобков изнутри и снаружи. На сохранившейся части сосуда к верхнему внешнему овалу примыкают две шлифованные горизонтальные линии.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Тип: Straume, VIII-1
Место находки: 1956 г., Р1, кв. ?-26, гл. – 0,40 м (шифр на находке)
Рис. 5: 73

74. Стенка сосуда, толщина – 5-5,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованный медальон, окаймленный сегментовидным желобком.
Тип: Е-238; Straume, VIII-1(?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 74

75. Стенка сосуда, толщина 5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 2 прошлифованные горизонтальные линии, между которыми располагается прошлифованный горизонтально расположенный овал и прошлифованный вертикальный желобок.
Тип: Е-238; Straume, VIII или VIII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 75

76. Стенка сосуда, толщина – 3-5,5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: 3 прошлифованные горизонтальные линии, между двумя из них расположен пояс из прошлифованных овалов и вертикально расположенных сегментовидных желобков; над третьей – декоративный пояс, состоящий из прошлифованных зигзагообразных желобков и овалов (?).
Тип: Е-238; Straume, VIII или VIII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 76

77. Стенка сосуда, толщина – 6-7 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованная горизонтальная линия и прошлифованные короткие сегментовидные желобки, расположенные под наклоном.
Тип: Straume, VIII-1(?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 77

78. Стенка сосуда, толщина – 4 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две прошлифованные горизонтальные полосы, между ними – две прошлифованные вертикальные полосы.
Тип: Е-238(?); Straume, VIII или VIII-1 (?)
Место находки: без адреса (хранится с коллекцией)
Рис. 5: 78

79. Стенка сосуда, толщина – 4 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованные круги или овалы окаймлены парными сегментовидными прошлифованными желобками. На сохранившейся части сосуда они сочетаются с овалом малого размера, наклонными шлифованными желобками и тонкими линиями, образующими косую решетку.
Тип: Straume, VIII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 79

80. Стенка сосуда, толщина – 5-5,5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованная горизонтальная линия, над ней – вертикальные короткие прошлифованные желобки сегментовидного сечения.
Тип: Е-238(?); Straume, VIII или VIII-1
Место находки: 1957 г., Р 3 (шифр на находке)
Рис. 5: 80

81. Стенка сосуда, толщина – 5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: малый прошлифованный овал, расположенный между 3-мя прошлифованными сегментовидными дугами. Слева читается край фасеты – вероятно, прошлифованного круга или овала.
Тип: Straume, VIII-1
Место находки: 1957 г, Р3, шт. 3 (шифр на упаковке)
Рис. 5: 81

82. Стенка сосуда, толщина – 6-7 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованный овал окаймлен сегментовидным в сечении желобком. В верхней части фрагмента сохранился декоративный пояс, состоящий из двух горизонтальных прошлифованных линий и расположенных между ними овалов и вертикальных штрихов.
Тип: Е-238; Straume, VIII или VIII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 82

83. Стенка сосуда, толщина около 3 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованный овал, прошлифованная линия. Возможно, принадлежал чаше.
Тип: Straume, VIII-1(?)
Место находки: 1965 г., Р5, кв. 22, шт. 3, у ЮВ части стекл. печи №1 (шифр на упаковке)
Рис. 5: 83

84. Стенка сосуда, толщина – 7 -8 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранивше-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

гося фрагмента: участок прошлифованного малого овала и 4 тонкие (прошлифованные или гравированные) полосы, расположенные вертикально, горизонтально и под наклоном.
Тип: Straume, VIII-1(?)
Место находки: 1956 г., Р1(3), кв. З-26-29 (шифр на упаковке)
Рис. 5: 84

85. Стенка сосуда, толщина 2-3 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две прошлифованные горизонтальные полосы, фрагмент прошлифованной дуги. Мог принадлежать чаше.
Тип: Е-238 (?); Straume, VIII-1(?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 85

86. Стенка сосуда, толщина 5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: участок прошлифованного круга или овала и фрагменты 3 дуговидных желобков, один из которых огибает медальон.
Тип: Straume, VIII-1
Место находки: 1957 г., Р3, культурный слой (шифр на упаковке)
Рис. 5: 86

87. Стенка сосуда, толщина 11-11,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: фасеты, на вертикальном ребре между которыми – нанесенные вхолодную насечки.
Тип: Straume -VIII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 87

88. Стенка сосуда, толщина 5 мм. Стекло оливковое прозрачное. В верхней и нижней части фрагмента – 2 рельефных пояса, один из которых декорирован прошлифованными вертикальными желобками.
Тип: Е-238 (?); Straume -VIII или VIII-1
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 88

89. Стенка сосуда, толщина и цвет стекла неизвестны. Декор сохранившейся части – прошлифованные дуги и короткие линии, образующие треугольник.
Тип: Straume, VIII-1
Место находки: неизвестно
Публикация: Смишко, 1964, табл. III:13
Примечание: в коллекции ИУ НАНУ отсутствует. Описание дано по публикации.
Рис. 5: 89

90. Стенка сосуда, толщина – ок. 7-8,5 мм. Цвет стекла неизвестен. Декор сохранившейся части – медальон, украшенный прошлифованными линиями.
Тип: Straume, VIII-1 (?)
Место находки: неизвестно
Публикация: Смишко, 1964, табл. III:8
Примечание: в коллекции ИУ НАНУ отсутствует. Описание дано по публикации.
Рис. 5: 90

91. Стенка сосуда, толщина – 4-5,5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две прошлифованные вертикальные полосы, выступающий рельефный пояс между ними.
Тип: Straume, VIII-1 (?)
Место находки: 1965 г., Р5, кв. Б-21, шт. 4, около стекл. печи №1 (шифр на упаковке)
Рис. 5: 91

92. Стенка сосуда, толщина 6-7 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившейся части: прошлифованный желобок дуговидной? формы
Тип: Е-238 (?); Straume, VIII или VIII-1 (?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 5: 92

Сосуд двухслойного стекла

93. Стенка сосуда, толщина около 7-8 мм. Стекло: внутренний слой бесцветный прозрачный, внешний – темно-зеленый прозрачный, его толщина составляет 1,5-2 мм. Декор сохранившейся части: вероятно, прошлифованные овалы, на ребро между которыми вхолодную нанесены короткие горизонтальные насечки. Возможно, стекло использовалось вторично, т.к. нижний край стенки обработан.
Тип: Straume, VIII-1
Место находки: без адреса (хранится с отходами производства стекольной мастерской)
Рис. 5: 93

Сосуды с глубоко прошлифованными овалами и кругами

94. Стенка сосуда, толщина 3,5-4 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части – 2 ряда глубоко прошлифованных полированных кругов или овалов.
Тип: Straume, IB или VIIB (?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 6: 94

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

95. Стенка сосуда, толщина 6 мм, стекло оливковое прозрачное. Декор сохранившейся части – 2 ряда глубоко прошлифованных полированных овалов, расположенных вплотную друг к другу.
Тип: Straume, IB или VIIB (?)
Место находки: 1956 г., P1, кв. Ч-27, гл. – 0,60 м (шифр на находке)
Публикация: Смишко, 1964, табл. III:12
Рис. 6: 95

96. Стенка сосуда, толщина 5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части – 2 ряда глубоко прошлифованных полированных кругов или овалов, расположенных вплотную друг к другу.
Тип: Straume, IB или VIIB (?)
Место находки: 1956 г., P1, кв. З-28, гл.– 0,40-0,60 м (шифр на находке)
Рис. 6: 96

Фрагменты сосудов с орнаментом в виде прошлифованных кругов, овалов и линий, образующих геометрические композиции

97. Стенка сосуда, толщина – 4-4,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части – прошлифованный овал в сочетании с двойными прошлифованными линиями, расположенными вертикально и под наклоном.
Тип: Pay, Косаново-9; Ионица, Якобень
Место находки: без адреса (хранится с коллекцией)
Рис. 7: 97

98. Стенка сосуда, толщина – 2-2,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части – фрагмент прошлифованного овала, 2 вертикальные линии, 2 горизонтальные линии, пояс из вертикальных вытянутых овалов (?).
Тип: Pay, Косаново-9 (?); Ионица, Якобень
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 7: 98

99. Стенка сосуда, толщина ок. 3 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента – 2 ряда прошлифованных овалов, разделенных двойными вертикальными и наклонными линиями.
Тип: Pay, Косаново-9; Ионица, Якобень
Место находки: 1957 г., P2, кв. А-5 (шифр на находке)
Рис. 7: 99

100. Стенка сосуда, толщина – 2,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части – 2 фрагмента прошлифованных овалов, разделенных двойными прошлифованными линиями, расположенными вертикально или под наклоном.
Тип: Pay, Косаново-9; Ионица, Якобень
Место находки: без адреса (хранится с коллекцией)
Рис. 7: 100

101. Стенка сосуда, толщина – 2-2,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента – 2 фрагмента прошлифованных овалов, разделенных вертикальными и наклонными прошлифованными линиями.
Тип: Pay, Косаново-9; Ионица, Якобень
Место находки: 1965 г., P4, культурный слой (шифр на упаковке)
Рис. 7: 101

102. Стенка сосуда, толщина 3 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части: прошлифованные двойные и одинарные (?) линии, образующие ромбы, в центре которых расположены прошлифованные овалы.
Место находки: 1965 г., раскоп 4, культурный слой (шифр на упаковке; фото находки см. отчет: Смишко, 1962, рис. VII:5)
Рис. 7: 102

Сосуды с линейным орнаментом

103. Венчик конического кубка, толщина стенки – 4 мм, стекло светло-зеленое прозрачное, диаметр края 9 см. Декор: две тонкие прошлифованные горизонтальные линии у края.
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 8: 103

104. Венчик кубка, наклонен наружу, толщина стенок – 3 мм, диаметр края – 7 см, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части: две широкие горизонтальные полосы.
Тип: Pay, Гавриловка-35(?); Баркоци, 47F(?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 8: 104

105. Стенка сосуда, толщина – 5,5-6 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две узкие прошлифованные горизонтальные линии
Тип: Pay, Гавриловка-35(?); Баркоци, 47F(?)
Место находки: без адреса (хранится с коллекцией)
Рис. 8: 105

106. Стенка сосуда, толщина – 2,5-3,5 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две широкие прошлифованные горизонтальные линии

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Тип: Рау, Гавриловка-35(?); Баркоци, 47F(?)
Место находки: 1957 г., Р3, кв. Д-16?, шт. 2 (шифр на находке)
Рис. 8: 106

107. Стенка сосуда, толщина – 2-2,5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: две широкие прошлифованные горизонтальные линии
Тип: Рау, Гавриловка-35(?); Баркоци, 47F(?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 8: 107

Единичные находки

108. Стенка чаши, толщина около 4 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента – 2 прошлифованных круга, между которыми расположена вертикальная линия; ее верхний конец упирается в короткую горизонтальную линию. Выше расположены 2 горизонтальные прошлифованные полосы, над которыми справа читается небольшой фрагмент прошлифованного элемента декора.
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 9: 108

109. Стенка чаши (?), толщина 3-4 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента – прошлифованный круг или овал и ромб или треугольник с гравированными тонкими линиями, образующими «решетку».
Тип: Е-220 (?); Straume, XII-2 (?)
Место находки: 1957г., Р3, кв. В, Г-15 (шифр на упаковке)
Рис. 9: 109

110. Стенка сосуда, толщина – 3-5 мм, стекло светло-зеленое прозрачное. Декор сохранившейся части: ряд прошлифованных овалов; 2 прошлифованные горизонтальные линии; ряд вытянутых прошлифованных овалов; 2 прошлифованные горизонтальные линии; ряд прошлифованных кругов.
Тип: Е-236 (?); Straume, XII-2 или VI
Место находки: 1956 г., Р1, кв. П-28, гл. – 0,20 м (шифр на находке)
Рис. 9: 110

111. Фрагмент чаши, представлен стенкой и придонной частью. Толщина стенки – 2-3 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента – прошлифованный круг, две прошлифованные горизонтальные полосы и пояс из вытянутых вертикально овалов.
Тип: Straume, XII-2
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 9: 111

112. Стенка чаши (?), толщина 3 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части – прошлифованные круги и 2 горизонтальные линии.
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 9: 112

113. Стенка чаши (?), толщина 3-4 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части – ряд прошлифованных кругов и две прошлифованные горизонтальные линии.
Место находки: 1969 г., культурный слой (шифр на упаковке; фото находки см. отчет: Смишко, 1969, рис. IV:9)
Рис. 9: 113

114. Фрагмент сосуда, чаши или невысокого кубка, диаметр края – около 11 мм, толщина стенки – 2-4 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части тулова – 3 ряда овальных фасет вытянутой формы.
Тип: Straume, XIIB (?)
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Публикация: Смишко, 1964, с. 77: табл. III:7
Рис. 9: 114

115. Стенка сосуда, толщина – 6-7 мм, стекло темно-зеленое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованные овалы, горизонтальные линии и полудуги.
Тип: Straume, III
Место находки: без адреса (экспозиция ИА НАНУ; фото находки см. отчет: Смишко, 1962, рис. VII: 6)
Рис. 9: 115

Фрагменты сосудов неопределимых типов

116. Венчик сосуда, сильно наклонен наружу, толщина стенки – 3-3,5 мм, диаметр края – 13 см. Стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованная горизонтальная линия.
Место находки: без адреса (хранится отдельно)
Рис. 10: 116

117. Венчик сосуда, вероятно – толстостенного шлифованного кубка, слегка наклонен наружу, диаметр края не определяется. Толщина стенки 4 мм, стекло зеленое прозрачное.
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г-15 (шифр на упаковке)
Рис. 10: 117

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

118. Венчик сосуда, вероятно – толстостенного шлифованного кубка, наклонен наружу, у края – горизонтальный желобок. Толщина стенки – около 6 мм. Диаметр края не определяется, стекло оливковое прозрачное.
Место находки: 1957 г, раскоп 3, шт. 3 (?) (шифр на упаковке)
Рис. 10: 118

119. Венчик конического кубка?, наклонен наружу, толщина стенки 4-5,5 мм, диаметр края ок. 6 см. Стекло светло-зеленое прозрачное.
Место находки: 1957 г., раскоп 3, КВ В, Г-15 (шифр на упаковке)
Рис. 10: 119

120. Стенка сосуда, толщина – ок. 4 мм, стекло бесцветное прозрачное. Декор сохранившейся части – фрагмент глубоко прошлифованного овала.
Тип: возможно, Е-223, Е-230 или Е-237; Straume, I, VII или XII-1
Место находки: 1957 г., Р3, кв. В, Г-15, около постройки IV (шифр на упаковке)
Рис. 10: 120

121. Стенка сосуда, толщина 3,5 мм, стекло бесцветное прозрачное, нижний край скошен. Декор сохранившегося фрагмента: два прошлифованных овала, расположенных вплотную друг к другу.
Место находки: 1957, Р3, кв. В, Г-15, около постройки IV (шифр на упаковке)
Рис. 10: 121

122. Фрагмент сосуда (придонная часть), толщина стенки 3-4,5 мм, стекло зелено-голубое прозрачное. Декор сохранившегося фрагмента: прошлифованная горизонтальная полоса.
Место находки: 1957 г., Р3, кв. Б-23, шт. 4 (шифр на находке)
Рис. 10: 122

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

O.S. Rumyantseva

Facet cut glass vessels from the Komarov settlement (Middle Dniester) and the chronology of the site

Abstract

The article presents the finds of facet cut glass from the Komarov settlement. This site of the Chernyakhov culture, situated in the Middle Dniester basin, was excavated by M.Y. Smishko in 1956, 1957, 1962, 1965, and 1969. Important feature of the site is the strong influence of the Late Antique culture, including remains of a glassworking workshop. The latter is unique for the Chernyakhov culture area and the only one known outside Roman Limes. Collection of glass with cut decoration from the settlement is the most representative among published Chernyakhov materials for today. It comprises the majority of glass vessels types, known among the finds from Chernyakhov sites. Thick-walled beakers are represented by 122 items, that is about 5% of all glass objects. Three largest series of vessels include:

– beakers of the so called "Kowalk" type and bowls with similar decoration by oval or round facets, corresponding to the Eggers-223/Straume-XII-1 or Eggers-230/ Straume-I types – 42 fragments;

– beakers of the Eggers-237/ Straume-VII (and possibly Straume-IX) type – 24 fragments;

– beakers of the Eggers-238/Straume-VIII types – 27 fragments.

Besides them, the collection contains also fragments of bowls (?) with cut lines, circles and ovals forming geometric compositions (6 objects, including those of the "Iacobeni" type, fig. 7), conical beakers with line decoration (5 objects, fig. 8), vessels with deep round or oval facets (3 objects, fig. 6), and also some vessels with individual types of decor (8 objects, fig. 9). Seven pieces are of unidentifiable types (fig. 10).

Mass finds of glass belonging to the late horizon (the 2nd half of the 4th c. – early 5th c., i.e., the final of the Late Roman time and the beginning of the Migration period) are very important for accurate definition of upper chronological boundary of the site. It was earlier identified within a wide chronological range of the 4th c. It is difficult to pick out the types of glass vessels certainly belonging only to the Hun period. At the same time, their such a significant and rapid accumulation during only the 3rd quarter of the 4th c. is unlikely; it seems to be rather progressive. Thus, while defining the upper chronological boundary of the Komarov settlement within a wide chronological range of the 2nd half of the 4th – the beginning of the 5th c. we can affirm the presence of the Hun period horizon here confidently enough. The date of the glassworking workshop is still open to question. It is sure that blown vessels were made here; the probability that facet cut beakers might be produced here, remains debatable. On the one hand, wastes of the glass-blowing production are more evident that those of pressed beakers with facet decoration. So, it's more difficult to identify them during the archaeological excavations. On the other hand, the pieces of vessels found there have very heterogenous decoration. They do not appear to be the production of the same workshop.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

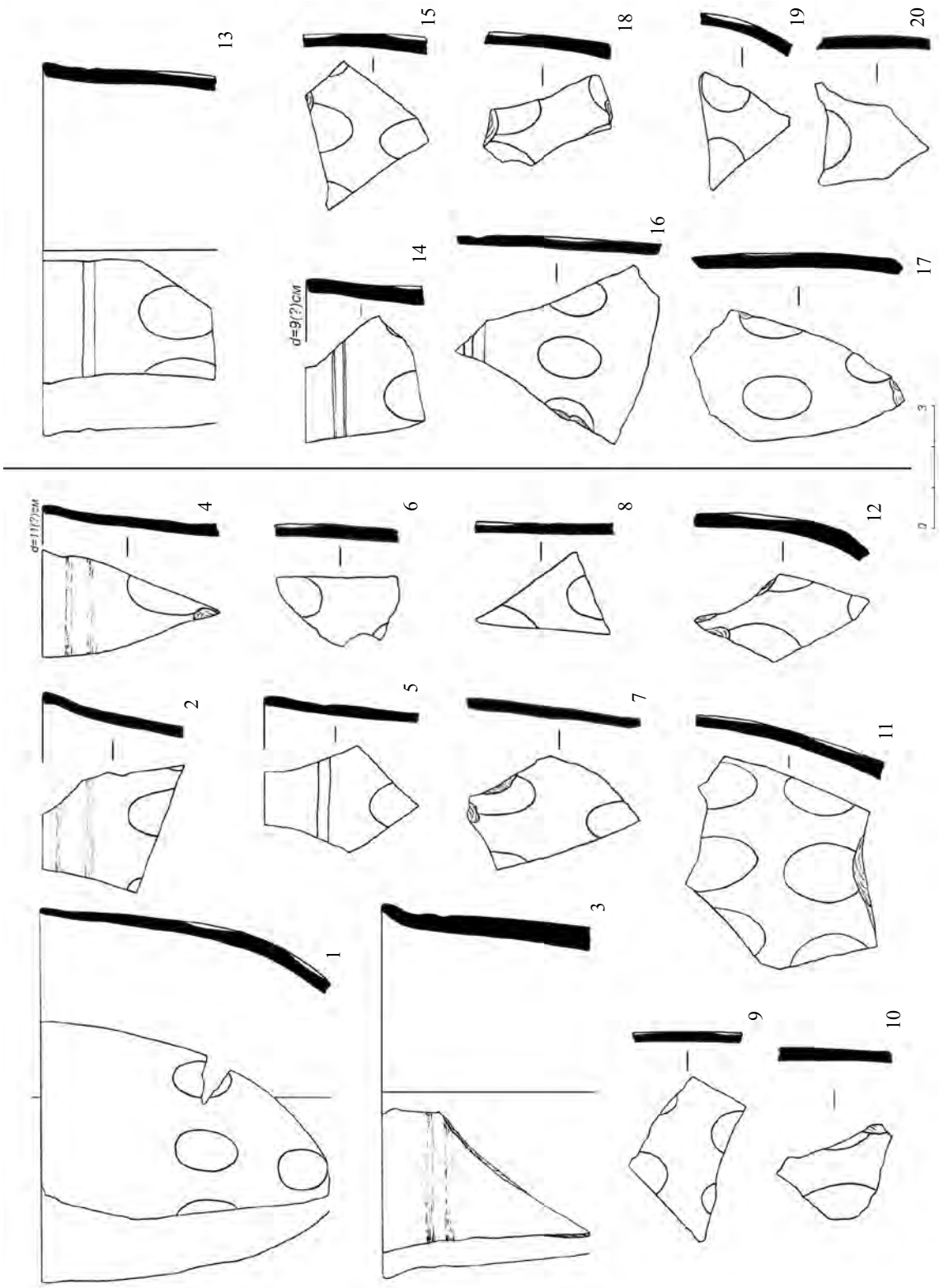


Рис. 1. Фрагменты сосудов с фасетами в виде кругов и овалов, типы Е-223/Straume-XII-1; Е-230/Straume-I.
1-12 – с неполированными фасетами; 13-20 – с фасетами с неряшливой полировкой.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

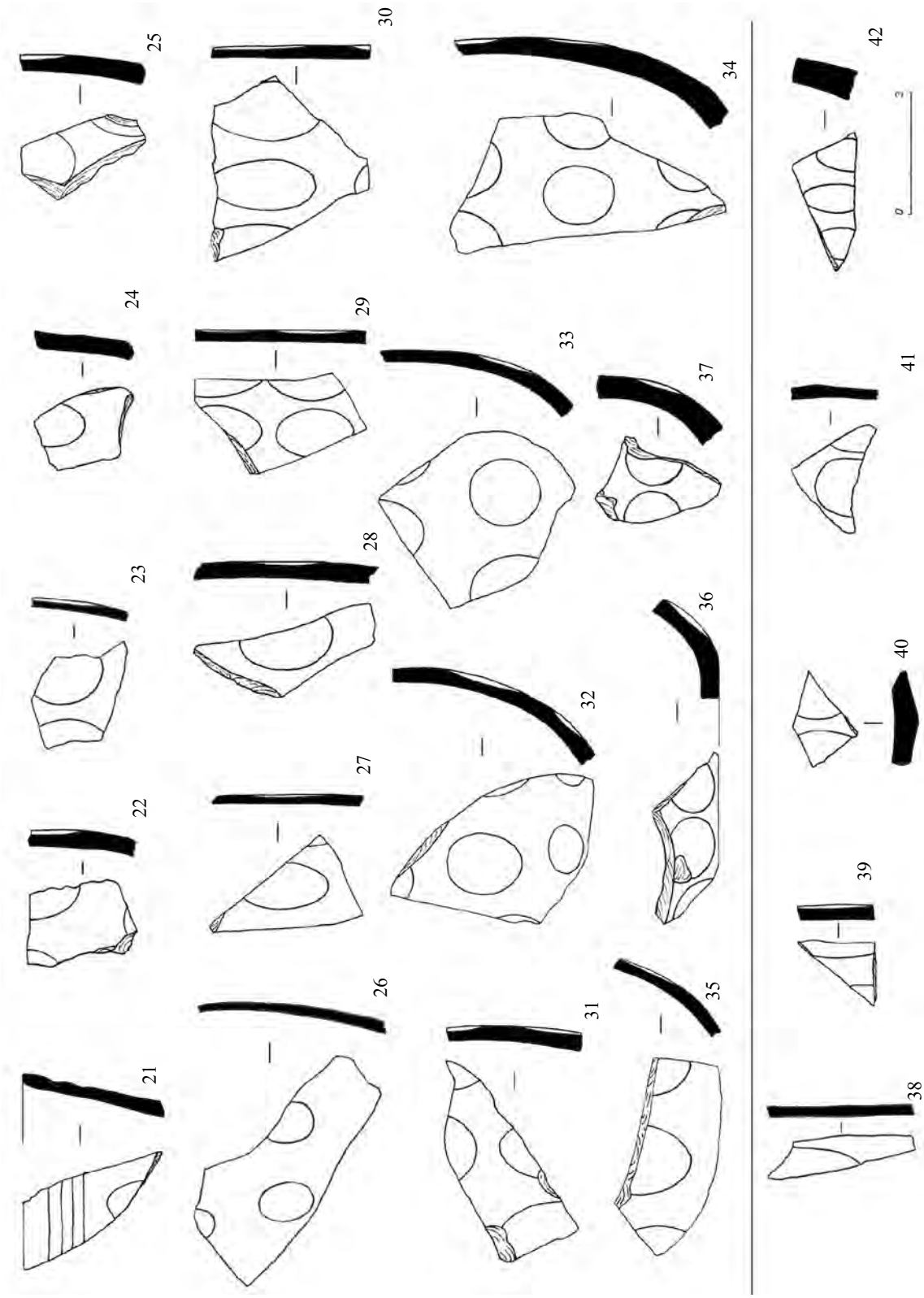


Рис. 2. Фрагменты сосудов с полированными фасетами в виде кругов и овалов, типы E-223/Straume-XII-1; E-230/Straume-IB. 38-42 – фрагменты сосудов, предположительно отнесенные к типам -223/Straume-XII-1; E-230/Straume-IB.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

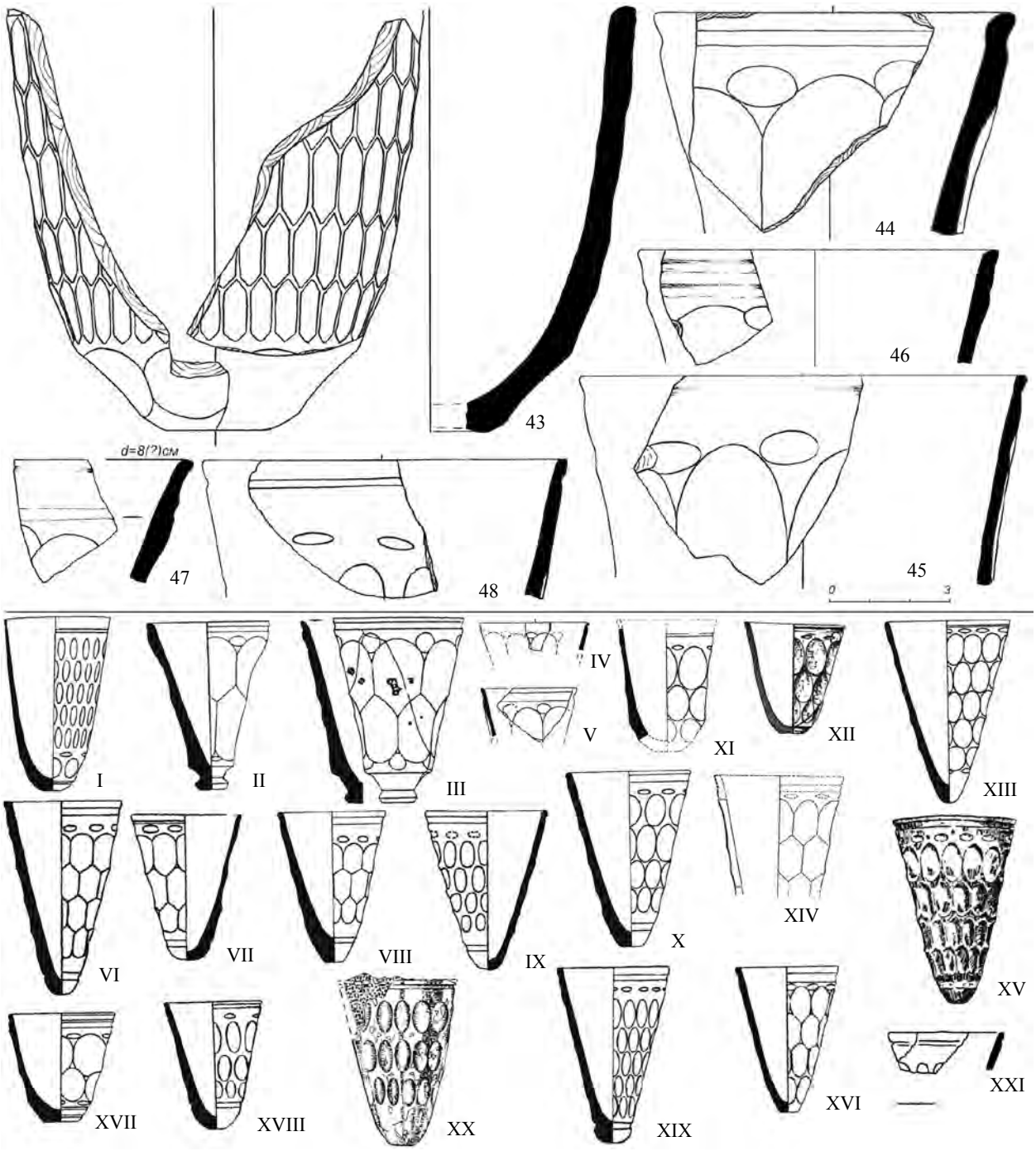


Рис. 3. Фрагменты сосудов с рядами прошлифованных овалов или шестиугольников, тип Е-237 (Straume-VII, IX) из Комарова (43-48) и их аналогии (I-XXI). I – Мэле; II – Хамре; III – Снартемо; IV – Великая Вильшанка; V – Якушовицы; VI-X – Михэлэшень, погр. 450, 117, 175, 369, 296; XI-XIV – Бырлад Валя Сяке, погр. 506, 112, 45, неизвестный комплекс; XV – Горошевцы, погр. 4; XVI – Лунд; XVII – Сётвердт; XVIII – Эвстхус; XIX – Хёгом; XX – Журавка, погр. 60; XXI – Лазо. I-III, V-XIII, XV-XX – по: Гавритухин, 2011; IV – по: Кравченко и др., 2007; XIV – по: Pánczél, Dobos, 2007; XXI – по: Гавритухин, 1999.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

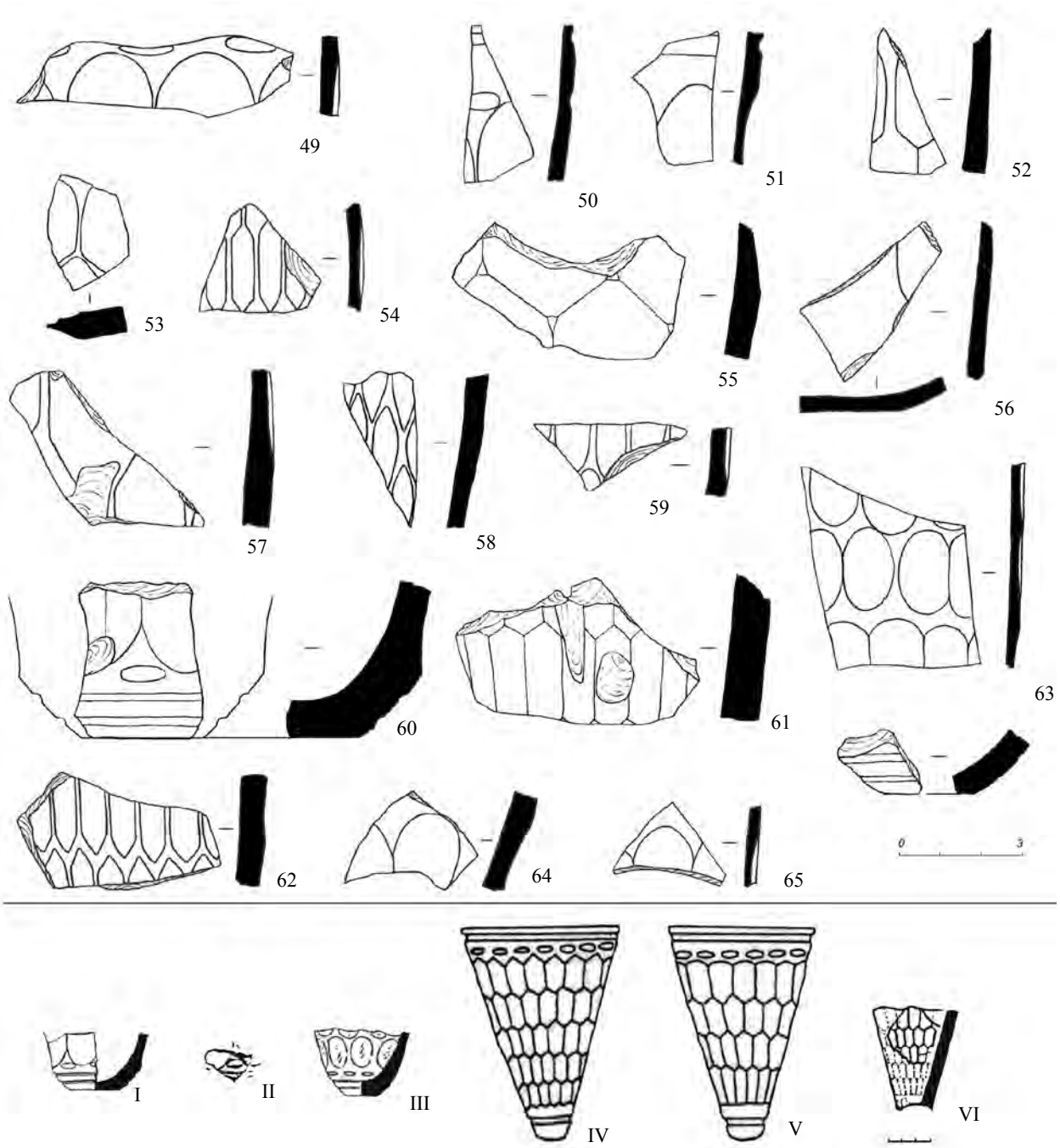


Рис. 4. Фрагменты сосудов с рядами прошлифованных овалов или шестиугольников, тип Е-237 (Straume-VII, IX) из Комарова (49-66) и их аналогии (I-III). I – Головчино; II – Будешты; III – Хлопков; IV – Ранжевое, погр. 12; V – Гавриловка, погр. 5; VI – Лазо, погр. 28. I-III, VI – по: Гавритухин, 2011; IV, V – по: Ščukin, Kazanski, Sharov, 2006.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

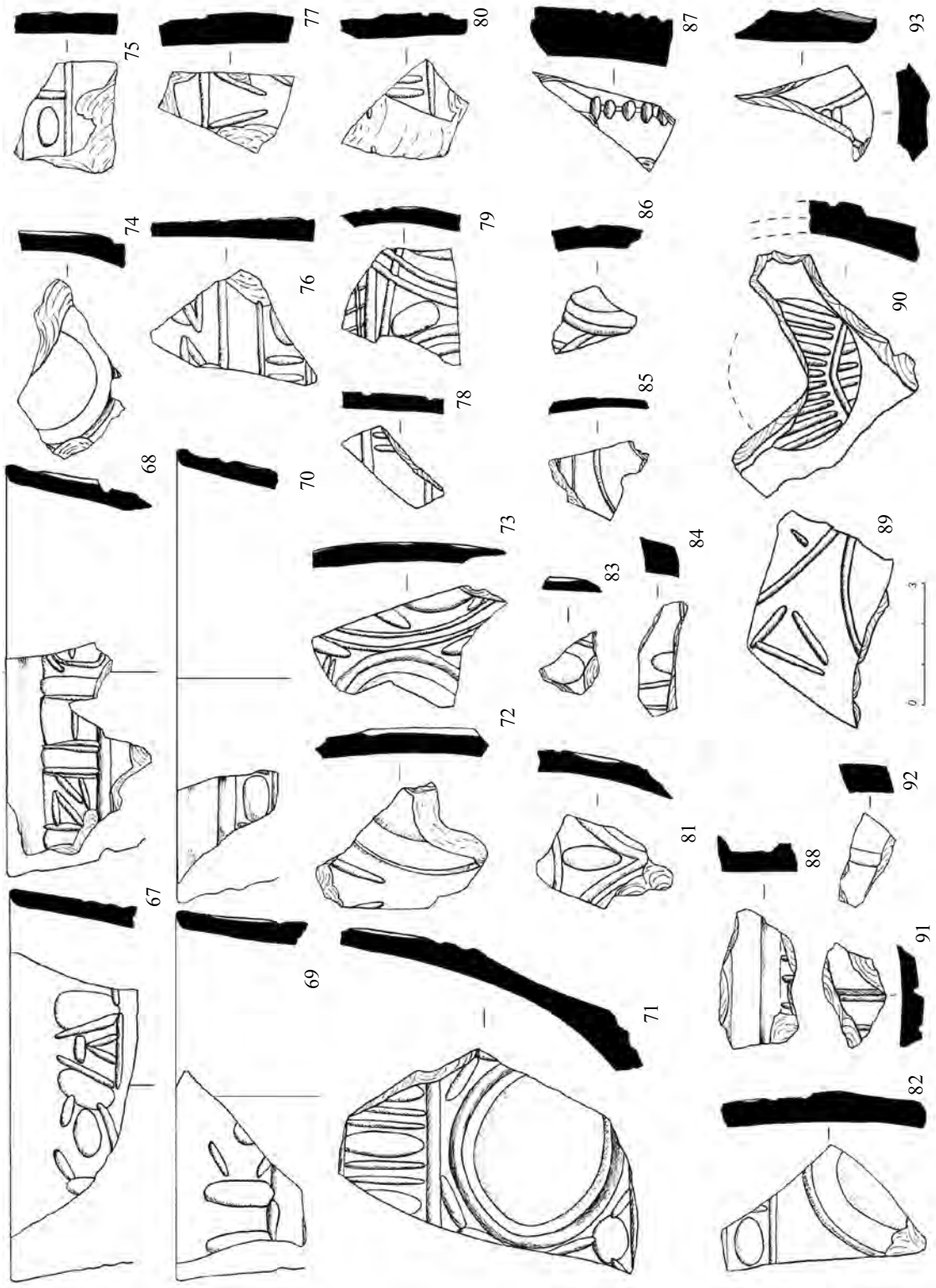


Рис. 5. Фрагменты сосудов с пластическим декором на венчике и медальонами, заключенными в дуги и окружности (кубки типа E-238, Straume-VIII; чаши – ?). 92 – двухслойное стекло. 89, 90 – прорисовки даны по: Смишко, 1964

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

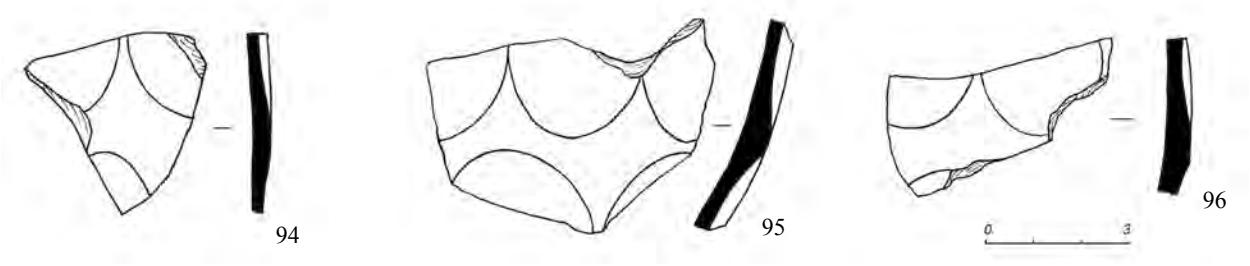


Рис. 6. Фрагменты сосудов с глубоко прошлифованными овалами и кругами.

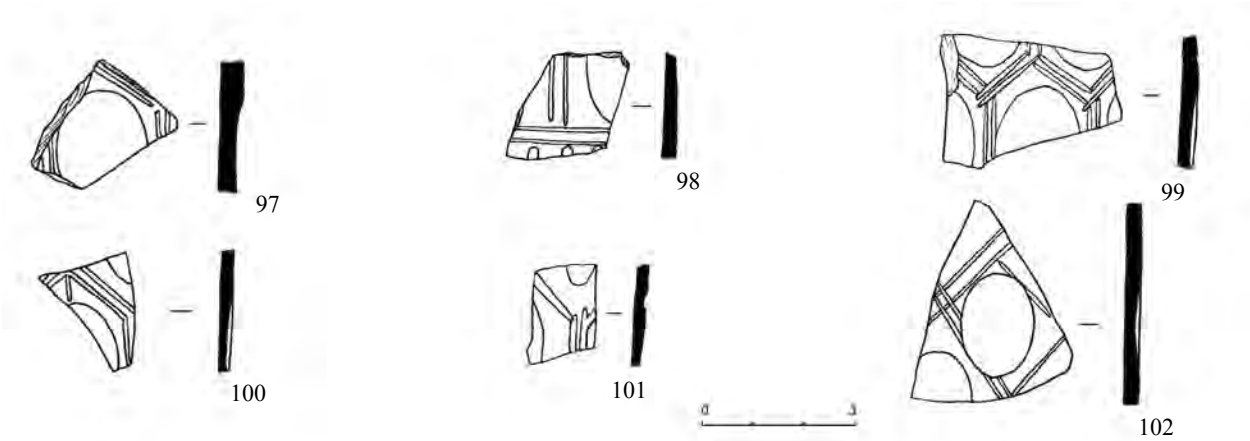


Рис. 7. Фрагменты сосудов с орнаментом в виде прошлифованных кругов, овалов и линий, образующих геометрические композиции.

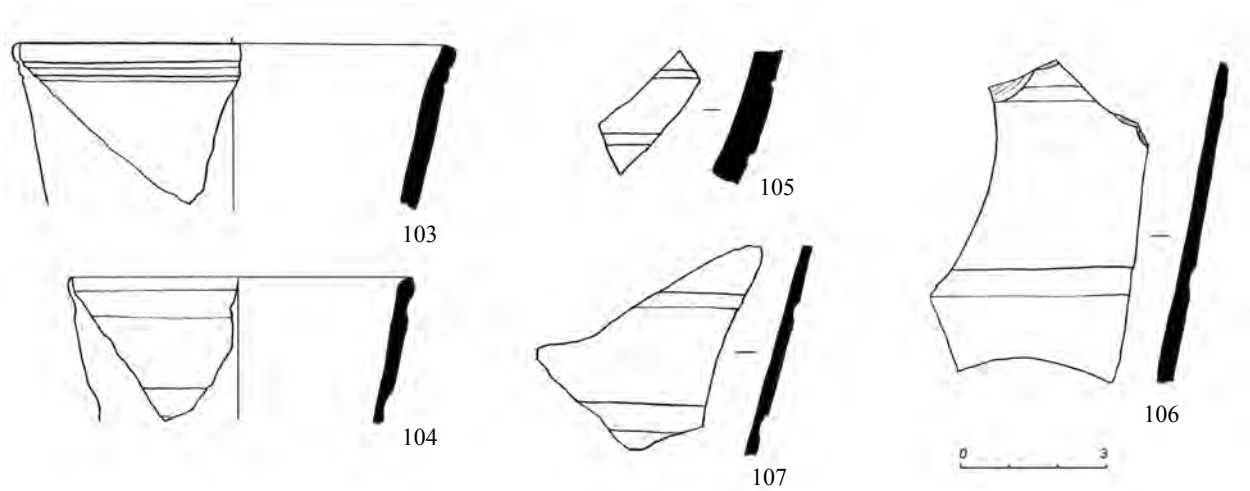


Рис. 8. Фрагменты сосудов с линейным орнаментом.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

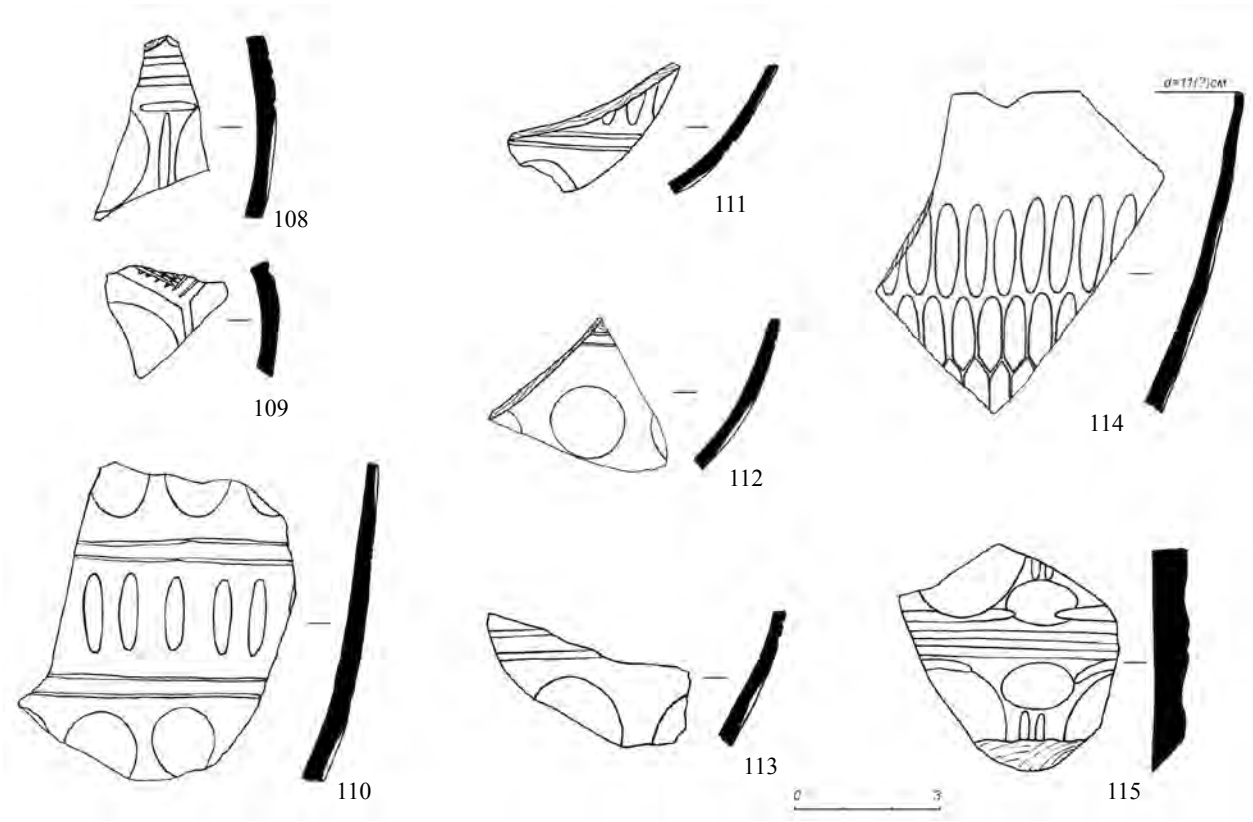


Рис. 9. Фрагменты сосудов индивидуальных форм.

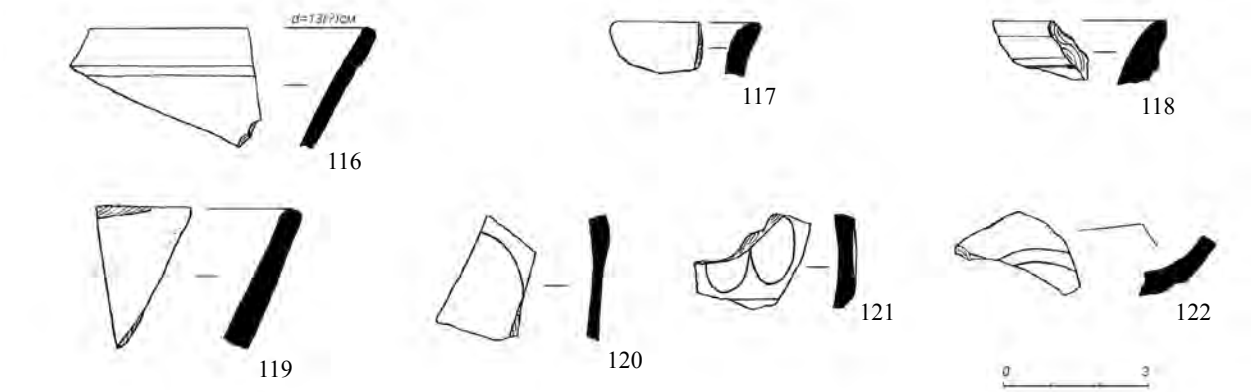


Рис. 10. . Фрагменты сосудов неопределимых типов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Карлинское I селище
(предварительная публикация)

Д.А. Сташенков (Самара)

Памятники именьковской культуры, расположенные на Самарской Луке, составляют особую группу в ряду именьковских древностей Волго-Камского региона. В настоящее время они опубликованы лишь частично, и представляется необходимым дать возможно более полную публикацию материалов раскопок[1].

К числу памятников, которые могли бы стать опорными для дальнейших исследований, относится Карлинское I селище, находящееся на юго-восточной оконечности Самарской Луки у с. Рождествено Волжского района Самарской области.

Памятник был открыт в 1985 г. А.В. Богачевым, в 1988 г. обследован Э.Л. Дубманом. В 1993, 1995-96 гг. археологическая экспедиция Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина проводила охранно-спасательные раскопки Карлинского I селища. В работе экспедиции принимали участие члены археологических кружков городского Центра детского и юношеского творчества и Центра внешкольной работы «Поиск» Октябрьского района г.Самары, в раскопках 1996 г. участвовали студенты Самарского государственного университета (руководитель археологической практики – проф. Г.И. Матвеева).

Селище расположено на краю высокой надпойменной террасы Волжской протоки (Воложки). Площадь поселения – около 1,4 га. С севера на юг селище вытянуто на 200 м, с запада на восток – на 60-80 м (рис.1). Восточная часть площади поселения задернована, западная – занята дачными строениями. В течение многих лет из-за изменения уровня воды в Саратовском водохранилище и естественного разлива воды в весенний паводок территория селища интенсивно разрушается. Ущерб памятнику наносят растущие овраги в его восточной части и неконтролируемые строительно-земляные работы – в западной.

На поселении были заложены два раскопа. В настоящей статье публикуются материалы работ на раскопе 1.

Раскоп 1 площадью 152 кв. м был заложен в наиболее разрушающейся юго-восточной части памятника на площадке между двумя растущими оврагами на краю обрывистого берега Воложки.

Раскоп был разбит на квадраты 2×2 м, снятие культурного слоя проводилось пластами по 20 см. Мощность культурного слоя на поселении составила 60-100 см. Стратиграфия раскопа следующая: под дерновым слоем толщиной 5 см шел культурный слой толщиной 50-70 см, состоящий из двух частей – переработанного слоя рыхлой гумусированной супеси темно-серого цвета мощностью около 20 см, и серой гумусированной супеси, насыщенной фрагментами костей и керамики. Этот слой включал в себя также тонкие прослойки золы, песка и глины. Почва первого слоя при высыхании становилась серо-

[1] Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 12-11-63004/13.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

го цвета, вероятно, из-за большого содержания золы. Керамика верхнего слоя сильно измельчена. Погребенная почва – светло-коричневая жесткая супесь, без находок, имела мощность 10-20 см. Материк представлял собой желтую глину. В раскопе, особенно в его верхнем слое, встречались находки позднего времени (XIX–XX вв.).

На площади раскопа были исследованы остатки 38 сооружений – в основном хозяйственных ям округлой или овальной в плане формы, диаметром 1-1,5 м, цилиндрических и колоколовидных, углубленных в материк на 0,5-1,2 м (рис. 2). Можно отметить, что исследованные сооружения составляют 3 группы – соор.11, 19, 20, 21а-б-в и соор.4, 7, 29-32, видимо, связаны с жилищем (соор.18), и соор. 22-28, 33-35. Соор. 36 и 37 вошли в раскоп лишь частично и, вероятно, относятся к еще не исследованному комплексу. Изучить их не удалось в силу активного противодействия владельцев расположенных около раскопа владельцев дачных участков. Пространство между сооружениями было заполнено отдельными фрагментами костей животных и сосудов (рис.8-14). В культурном слое и сооружениях селища была обнаружена керамика, включая развалы грубых лепных и лощеных сосудов, глиняные пряслица, железный нож, стеклянные бусы, глиняная ложечка-льячка, оселки и точильные камни.

На раскопе изучены следующие сооружения:

Сооружение 1 выявлено на границе квадратов 6–13 после снятия второго пласта по цвету заполнения (пестроцвет с включениями золы, костей, керамики). Окончательно очертания его зафиксированы на фоне материка. Сооружение представляло собой яму округлой формы диаметром 1,2 м, углубленную в материк на 0,4 м. В заполнении сооружения в значительном количестве встречались кости, в основном рыбьи, мелкие камни и обломки керамических сосудов (рис.16; 17: 2–3). В центре сооружения зафиксирована сажистая прослойка толщиной 2-3 см.

Сооружение 2 выявлено после снятия 2 пласта по цвету заполнения. Окончательно его очертания зафиксированы на фоне материка. Оно представляло собой яму овальной формы размерами 1,2×1,0 м, углубленную в материк на 0,87 м. У стенок сооружения, кроме юго-восточной, была оставлена ступенька из материковой глины высотой 0,09 м. В заполнении сооружения найдены кости животных и обломки керамических сосудов (рис.18: 1–3).

Сооружение 3 выявлено на фоне материка. Оно представляло собой яму овальной формы размерами 1,2×0,9 м. Стенки были отвесными, в материк сооружение углублено на 0,26 м. Дно ровное. Верхняя часть заполнения представляла собой гумусированную супесь черного цвета, сажистую, почти без находок. В придонной части ямы встречены отдельные фрагменты костей животных и сосудов (рис. 18: 4).

Сооружение 4. После зачистки третьего пласта на фоне светло-коричневого предматерикового слоя выявились остатки сооружения округлой формы, которое фиксировалось по золистому заполнению. На глубине 55 см от уровня фиксации в юго-западной части сооружения найден фрагмент горшковидного сосуда кушнаренковской культуры (рис. 19: 3). При разборке нижней части заполнения в золистом слое мощностью 30 см на глубине 100 см от уровня фиксации обнаружено глиняное лепное биконическое пряслице, орнаментированное нарезками по ребру (рис. 19: 2). В заполнении сооружения найдены также точильный камень (рис. 19: 1), фрагменты костей животных и обломки лепных сосудов (рис. 19: 4–5). После окончательной расчистки сооружение приняло вид овальной ямы размерами 1,16×1,3 м, углубленной в материк на 1,38 м. Стенки – отвесные, в западной части они незначительно расширялись ко дну.

Сооружение 5 представляло собой яму округлой формы диаметром 1,2 м, углубленную в материк на 0,2 м. Стенки сооружения отвесные, дно ровное. Северо-восточная часть объекта прорезается сооружением 14, возможно, более поздним. Заполнение сооружения 5 состояло из пестроцвета с включением немногочисленных фрагментов костей и керамики (рис.20: 3–4). С востока к сооружению 5 примыкает сооружение 6, вероятно, составлявшее с ним единый комплекс.

Сооружение 6, представлявшее собой яму округлой формы диаметром 1,2 м, было углублено в материк на 0,11 м. С востока оно прорезается сооружением 16, с северо-запада – сооружением 14. Стенки объекта отвесные, дно ровное. Заполнение сооружения – темно-серая супесь с включением немногочисленных фрагментов сосудов и костей животных. В верхней части зафиксированы большое количество золы и следы сажи в виде неширокиx полосок.

Сооружение 7 имело сложную форму. Оно состояло из ямы округлой формы диаметром 1,4 м, углубленной в материк на 0,36 м и примы-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

кавшей к ней с юго-запада ступеньки из глины высотой 10 см. Последняя, возможно, представляла собой часть более раннего объекта. Заполнение сооружения образовано гумусированной супесью темного цвета, включавшей в себя в верхней части рыбью чешую, в нижней – многочисленные фрагменты крупных костей животных и керамику, в том числе части развалов сосудов (рис. 17: 1). Это сооружение выделяет из прочих чрезвычайная насыщенность бытовыми отбросами.

Сооружение 8, представляющее собой яму округлой формы диаметром 0,9 м, углублено в материк на 0,25 м. В гумусном заполнении почти не было находок. Стенки сооружения отвесные, дно ровное.

Сооружение 9 сохранилось частично. Восточная часть его обрушилось в обрыв. Сооружение, вероятно, представлявшее собой округлую яму диаметром 1,6 м, было углублено в материк на 0,1-0,17 м. Стенки сооружения отвесные, дно ровное. Заполнение состояло из серой супеси. Находок керамики нет совершенно, костные остатки представлены двумя фрагментами.

Сооружение 10, представлявшее собой яму округлой формы диаметром 1 м, было углублено в материк на 0,32 м. Стенки сооружения отвесные, дно ровное. Заполнение сооружения состояло из гумуса и включало в себя отдельные находки костей животных и фрагментов сосудов.

Сооружение 11 выявлено после снятия 2-го пласта по цвету заполнения. После зачистки 3-го пласта на фоне погребенной почвы зафиксированы очертания объекта округлой формы. Заполнение ямы состояло из серой золистой гумусированной супеси с небольшими вкраплениями фрагментов сосудов. После окончательной расчистки сооружение приняло вид ямы округлой формы диаметром 1,56 м. Отвесные стенки углублены в материк на 0,22 м.

Сооружение 12 выявлено после зачистки 4 пласта по темному цвету заполнения. Западная часть его уходит под трубы водопровода для полива дачного участка. Сооружение было углублено в материк на 20 см. Размеры и характер объекта установить не представляется возможным. Заполнение состояло из гумусированной супеси, очень рыхлой, практически не включавшей в себя находок костей и керамики. Весьма вероятной представляется связь данного объекта с жилищем (сооружение 18), примыкавшего к нему с востока.

Сооружение 13 выявлено в береговом обнажении узкой полосы почвы шириной 10-20 см. Сохранившаяся часть объекта, видимо, представлявшая собой подбой обрушившейся в обрыв ямы, была зафиксирована в материковой глине. Дно сооружения находилось на глубине 57 см от уровня фиксации. Сооружение, видимо, имело округлую форму и стенки его, переходящие в перекрытие, сделанные в материковой глине, имели сферическую форму. Под объектом были зафиксированы сажистые прослойки толщиной 8-10 см без находок. В заполнении сооружения – темно-серой супеси – встречены преимущественно рыбьи кости и фрагменты сосудов.

Сооружение 14 прорезало сооружения 5 и 6. Заполнение объекта, представлявшего собой яму колоколовидной формы с диаметром верхней части 1 м, нижней – 1,6-1,8 м и углубленную в материк на 0,6 м, состояло из супеси с включением мелких угольков, золы, многочисленных фрагментов костей и обломков сосудов (рис. 21). Расширение ямы у дна в большей мере наблюдалось в ее северной части, где подбой уходил в стенку на 0,6 м. Дно ямы ровное, в центре его на фоне материкового песка зафиксировано пятно сажи диаметром 0,3 м, углубленное в материк на 0,05 м (остатки сгоревшего столба?). Все кости в заполнении – необожженные. Сверху объект перекрывался сооружением 15.

Сооружение 15 представляло собой глиняное пятно округлой формы диаметром 1 м и толщиной 40 см. В глине встречались отдельные находки керамики и 5 фрагментов костей животных. Заманчивым представлялось бы сделать предположение о том, что это сооружение было печью, однако следов огня и обожженной глины не наблюдалось. Возможно, сооружение 15 являлось забивкой сооружения 14, сделанной после его использования. В таком случае поверхность глиняной выкладки является уровнем последнего этапа жизни Карлинского 1 селища.

Сооружение 16 представляло собой яму округлой формы диаметром 1,1 м, углубленную в материк на 0,23 м. Оно прорезало сооружение 6. Стенки объекта отвесные, дно ровное. В заполнении (темно-серая супесь) находок не встречено.

Сооружение 17, видимо, являлось очагом в жилище (сооружение 18), у стенки которого оно и находилось. Сооружение 17 – округлой формы, диаметром 2 м было перекрыто глиняной прослойкой толщиной 3-5 см, после снятия которой на фоне материкового пола жилища было

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

зафиксировано темное сажистое пятно. Непосредственно над сооружением находился развал стенки лощеного сосуда мискообразной формы (рис. 20: 1). В материк сооружение 17 было углублено на 0,14 м.

Сооружение 18 выявлено на фоне материка. Оно представляло собой жилище, котлован которого, вероятно, имел подпрямоугольную форму и был углублен в материк на 0,47 м. Большая часть сооружения уничтожена оврагом. В северо-западной части объект имел «тамбур» – пристройку, дно которого располагалось на одном уровне с полом жилища. Стенки жилища отвесные, дно ровное. В жилище находился открытый очаг – уже описанное сооружение 17. Возможно, стены самого дома были возведены примерно в 0,3-0,4 м от стенок жилищного котлована, не доходя до уровня материка, однако вследствие практически однородной по цвету почвы культурного слоя поселения с уверенностью об этом говорить невозможно. В самом жилище обнаружено довольно много костей животных и керамики. Из жилища, видимо, происходит и несколько точильных оселков (рис. 4: 1–3). Столбовых ям в непосредственной близости от объекта не зафиксировано.

Сооружение 19. После зачистки пласта 3 на фоне погребенной почвы были зафиксированы очертания объекта округлой формы. Заполнение его состояло из золистой гумусированной супеси с вкраплениями фрагментов сосудов и мелких костей животных. Сооружение представляло собой овальную яму размерами 1,1×1 м, углубленную в материк на 5-7 см. С юга к сооружению 19 вплотную примыкала другая яма – сооружение 20.

Сооружение 20 выявлено после зачистки пласта 3, когда на фоне погребенной почвы были зафиксированы очертания сооружения округлой формы. Заполнение ямы состояло из однородной серой золистой гумусированной супеси с небольшими вкраплениями фрагментов сосудов. Сооружение имело размеры 1×1,06 м. Стенки сооружения отвесные, опущены в материк на 0,30-0,42 м. В северной части они слегка расширялись ко дну.

В северной половине объекта обнаружена костяная проколка, сделанная из зуба животного (бобра?). Кроме проколки, в сооружении встречены мелкие фрагменты сосудов и кости животных.

Сооружение 21. При снятии пласта 3 на кв.18 зафиксирован развал половины глиняного лощеного горшковидного сосуда черно-коричневого цвета (рис. 22: 1), в заполнении которого, возможно, попавшем в него позднее, встречено несколько мелких рыбьих косточек и чешуек. Здесь же находились обломки, по крайней мере, еще двух лощеных и нескольких грубых лепных сосудов, а также глиняного диска без бортика (рис. 22 : 2–6).

После зачистки пласта 3 на фоне погребенной почвы (коричневой гумусированной супеси) зафиксированы очертания сооружения – прослойка сильно запесоченной гумусированной супеси.

При его расчистке найдена глиняная ложечка (льячка? – рис. 7: 3).

При разборке сооружение 21 разделилось на три отдельных объекта – 21а, 21б и 21в, видимо, составлявших единый комплекс.

Сооружение 21а. Расположено в юго-западной части кв. 18. Сверху оно было перекрыто слоем сильно запесоченного гумуса (сооружение 21). Его очертания прослежены после снятия пласта 4. Объект представлял собой яму округлой формы, диаметром 1,22 м, углубленную в материк на 0,39-0,42 м. Стенки сооружения отвесные. При его расчистке в придонной северной части зафиксирована зольная прослойка толщиной 5 см. В нижней северной части сооружение 21а вплотную соприкасалось с сооружением 21б.

Сооружение 21б имело округлую форму, его диаметр – 1,5 м. Заполнение состояло из темно-серой гумусированной супеси с золистыми включениями и прослойками глины. Стенки отвесные, опущенные в материк на 0,8 м.

Сооружение 21в выявлено в северной части кв. 18. Оно имело округлую форму. Диаметр исследованной части составлял 1,1 м. Стенки отвесные, опущены в материк на 0,43-0,45 м. Заполнение сооружения состояло из пестроцвета с включением прослоек глины и золы. В придонной части объекта обнаружен череп лошади.

Сооружение 22. При снятии пласта 2 было зафиксировано скопление небольших (овечьих?) костей.

После зачистки пласта 3 на фоне светло-коричневого предматерикового слоя выявились остатки сооружения, которое фиксировалось по золистому заполнению. После окончательной расчистки объект принял форму овальной ямы, размерами 1,24×1,32 м. Стенки сооружения отвесные, опущены в материк на 0,11-0,16 м.

Сооружение 23. Выявлено после снятия пласта 4. Оно представляло собой яму овальной формы размерами 1,3×1,24 м, углубленную в материк на 0,22-0,26 м. Однородное заполнение состояло из золистой супеси с включением керамики и костей.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Сооружение 24. После зачистки пласта 3 на фоне светло-коричневого предматерикового слоя выявились остатки сооружения округлой формы диаметром около 0,6 м, уходившего под стенку раскопа. Объект фиксировался по глинистому заполнению, в котором изредка встречались фрагменты сосудов и мелких костей. После окончательной расчистки диаметр исследованной части составил 0,78 м. Стенки сооружения отвесные, опущены в материк на 0,4 м.

Сооружение 25. После зачистки пласта 3 на фоне светло-коричневого предматерикового слоя выявились очертания пятна округлой формы, уходившего под стенку раскопа. Сооружение фиксировалось по цвету заполнения, состоящего из суглинка с гумусированной супесью. В материк сооружение с диаметром исследованной части 0,72 м было углублено на 0,36 м. В северной части объекта стенки ко дну несколько расширялись.

Сооружение 26. После зачистки пласта 3 выявились остатки объекта округлой формы, уходившего под стенку раскопа. Сооружение фиксировалось по глинистому заполнению.

При разборке заполнения сооружения в его северо-восточной части в сером золистом слое найдены две желтые стеклянные бусины и железная петелька с крючком (рис. 6: 8, 11–12). Рядом с указанными предметами найдено большое количество мелких рыбьих костей и отдельные фрагменты сосудов (рис. 23–24). На этой же глубине обнаружены обломки каменного предмета, вероятно, служившего для полировки древка стрел (рис. 5: 1–2) и обработанный кремень – часть огнива.

После окончательной расчистки сооружение приняло округлую форму. Его диаметр – 1,6 м. В верхней части по всей поверхности шла глиняная вымостка толщиной 0,1 м. Под ней располагался слой гумуса с немногочисленными находками. Затем следовал слой золы мощностью 0,2 м, включавший большое количество рыбьих костей. Под ней зафиксирован серый слой гумусированной супеси. В нижней части яма на глубину 0,3 м была заполнена чрезвычайно плотной (утрамбованной?) однородной глиной. На этом уровне отвесные стенки сооружения несколько расширялись.

Сооружение 27 зафиксировано после снятия пласта 4 на фоне материкового суглинка по цвету заполнения – сильно гумусированной супеси серого цвета со значительным содержанием фрагментов костей и сосудов. Южная часть сооружения уничтожена оврагом. При разборке заполнения объекта в его верхней половине в центральной и южной частях найдены три фрагмента глиняных биконических пряслиц (рис. 3: 3, 12) и обломок каменного оселка (рис. 4: 6). После окончательной расчистки сооружение приняло вид ямы сложной формы. Сохранившийся ее участок был подовальным. В северной части имелись небольшие уступы шириной 0,2 м. В центральной части сооружения с его западной стороны у стенки на дне имелась округлая (?) яма диаметром 0,5 м. Стенки сооружения отвесные, лишь около описываемой ямы они расширяются ко дну и опущены в материк на 1,6-1,9 м.

Сооружение 28. При снятии пласта 2 отмечено скопление керамики и костей. Затем в темном слое погребенной почвы были зафиксированы неясные очертания сооружения, причем контуры южной его части проследить не удалось. Вероятно, сооружение представляло собой яму округлой формы диаметром около 0,7 м, впущенную в погребенную почву на 0,20-0,25 м.

Сооружение 29. После зачистки пласта 3 выявились неясные очертания пятна округлой формы, в основном, прослеживаемые по скоплениям фрагментов костей животных и керамического материала. Заполнение сооружения состояло из золистой супеси с включением фрагментов сосудов и костей животных.

После зачистки пласта 4 очертания сооружения выявились четко. Оно представляло собой яму округлой формы размерами 1×0,9 м. Стенки сооружения отвесные, опущены в материк на 0,26-0,46 м.

Сооружение 30. После зачистки пласта 4 выявились очертания объекта округлой формы. Заполнение сооружения состояло из темно-серой золистой супеси с включением фрагментов сосудов и костей животных. В западной его части прослежена прослойка золы толщиной 10 см.

При разборке сооружения в его северной части наблюдалась сплошная вымостка из крупных черепков (остатков сосуда-зерновика?). На этом же уровне обнаружен фрагмент глиняного биконического пряслица.

После расчистки сооружение представляло собой яму округлой формы размерами 1,2×1,22 м. Стенки сооружения отвесные, несколько расширяющиеся ко дну в восточной и западной частях ямы, опущенной в материк на 0,49 м.

Сооружение 31. После зачистки пласта 3 в слое серо-коричневой гумусированной супеси

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

выявились неясные очертания объекта округлой формы, в основном, прослеживаемые по скоплениям фрагментов костей животных и керамическому материалу. После зачистки пласта 4 очертания сооружения выявились четко. После окончательной расчистки сооружение приняло вид подовальной ямы размерами 1,08×1,18 м. Стенки сооружения отвесные, опущены в материк на 0,26-0,31 м. Заполнение состояло из золистой супеси с включением фрагментов сосудов и костей животных. Основная часть находок сосредоточена в верхней части сооружения. Здесь в золистой прослойке зафиксировано большое количество рыбьих костей.

Сооружение 32. После зачистки пласта 4 зафиксированы очертания объекта, примыкающего к сооружению 7. Заполнение сооружения 32 состояло из золистой супеси с включением фрагментов сосудов и костей животных. После расчистки оно представляло собой яму округлой формы размерами 0,84×0,8 м. Стенки сооружения отвесные, опущены в материк на 0,37-0,38 м.

Сооружение 33. Выявлено на после снятия пласта 1, когда в центральной части квадрата 37 было зафиксировано глинистое пятно толщиной 2-3 см диаметром около 0,7 м. После зачистки неполного второго пласта на этом квадрате выявлены очертания сооружения округлой формы, по краям которого фиксировалось глинистое заполнение, окаймленное черной прослойкой, в центральной части – пестроцвет. Мощность глинистой прослойки составила 10 см, под ней залегало более темное заполнение.

После расчистки сооружение 33 представляло собой яму округлой формы размерами 1,16×1,05 м, углубленную в материк на 6 см. Однородное заполнение состояло из золистой супеси с включением керамики и костей.

Сооружение 34 зафиксировано после зачистки пласта 2 в виде глинистого пятна округлой формы. В его центре фиксировалось округлое песчано-золистое заполнение диаметром 0,7-0,8 м. Заполнение ямы состояло из светло-коричневой гумусированной супеси с небольшими вкраплениями фрагментов сосудов и мелких костей животных.

После расчистки сооружение 34 представляло собой округлую яму диаметром около 1,2 м, углубленную в материк на 0,18-0,2 м. Дно объекта ровное.

Сооружение 34 являлось более поздним по отношению к сооружению 35, которое оно прорезало.

Сооружение 35. После зачистки второго пласта очертания сооружения были очень неопределенными. Заполнение ямы состояло из светло-коричневой гумусированной супеси с небольшими вкраплениями фрагментов сосудов и мелких костей животных.

После расчистки сооружение 35 представляло собой яму овальной формы размером 0,9×1-1,2 м, углубленную в материк на 0,1-0,2 м. Стенки сооружения отвесные, несколько расширяющиеся ко дну. Дно сооружения ровное.

Сооружение 36 выявлено при снятии 3-4 пластов в виде аморфных включений глины и черного гумуса. После зачистки пласта 4 выявились очертания объекта округлой формы, уходящего в стенку. В раскоп вошла часть восточной половины сооружения. Заполнение однородно и состояло из пестроцвета. В сооружении полностью отсутствовали находки.

После окончательной расчистки сооружение представляло собой часть ямы округлой формы с максимальной длиной 0,8 м. Стенки сооружения отвесные, опущены в материк на 0,2-0,3 м.

Сооружение 37. Исследовано частично. Выявлено после зачистки пласта 3, когда на фоне погребенной почвы были зафиксированы аморфные пятна пестроцвета. Заполнение ямы состояло из золистой гумусированной супеси с небольшими вкраплениями фрагментов сосудов. На уровне материка объект имел вид части ямы округлой формы диаметром около 1 м. Стенки сооружения отвесные, чуть скошены внутрь, опущены в материк на 0,13-0,15 м. Дно ровное.

Сооружение 38. После зачистки 3 пласта на фоне погребенной почвы (коричневой гумусированной супеси) было зафиксировано аморфное пятно серой супеси диаметром около 30 см. В дальнейшем очертания сооружения не прослеживались. Вещевой инвентарь в заполнении отсутствовал. Вероятно, это были следы столбовой ямы, возможно, позднего времени.

На поселении зафиксировано три **столбовых ямы**. Все они имели округлую форму диаметром около 0,3 м и в материк были углублены на 0,16-0,17 м. В гумусированном заполнении ям находок не было. Связать эти ямы с каким-либо комплексом объектов не представляется возможным.

Кроме описанных сооружений, на квадрате 15 было выявлено **грунтовое погребение**, часть которого была уничтожена береговым обрывом. Очертания могильной ямы прослеживались не-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

четко, возможно, края ее были скруглены. Погребение совершено в вытянутом на спине положении, головой оно было ориентировано на западо-востоко-запад. Вещей при погребении не обнаружено, однако рядом с ним найдены фрагменты лепных сосудов, относящиеся к эпохе Волжской Болгарии X–XIII вв. (рис. 7: 6, 8). В 0,5 км к северу от Карлинского 1 селища расположены болгарское поселение и мусульманский могильник. Возможно, погребенная (женщина-мезокран, 30-35 лет) была связана с населением, оставившим эти памятники.

Для выяснения планиграфии поселений интересно проанализировать распределение находок на площадке раскопа 1 Карлинского I селища.

Наиболее насыщен фрагментами керамики участок возле и внутри жилища (сооружение 18) и комплекса сооружений 21а-г, вероятно, расположенного в непосредственной близости от еще не исследованного жилища. В этих же местах наблюдается концентрация костного материала. Естественным является предположение, что здесь располагалась открытая площадка, где и проходила основная деятельность обитателей поселения в момент их нахождения в поселке. Отсутствие подобных скоплений в центральной и южной части раскопа позволяет предположить, что там могли быть сконцентрированы хозяйственные сооружения (загоны и помещения для скота, сараи, крытые погреба). Возможно, в последний момент жизни поселения как погреба-хранилища функционировали сооружения 3, 5–6, 8–12, 16, 19–20, 22–25, 29, 31–38. Остальные объекты могли быть уже снивелированы (засыпаны бытовыми отходами), т.е. являлись хронологически более ранними. Сочетание в этих сооружениях значительного количества фрагментов сосудов (не развалов) с многочисленными костями животных свидетельствуют об использовании именьковским населением старых сооружений в качестве мусорных ям. Распределение фрагментов парадной лощеной посуды также подтверждает эти наблюдения.

Тем не менее, несмотря на то, что в ряде случаев сооружения прорезали одно другое (5, 6, 14, 15; 21а, 21г; 34, 35), по вещевому комплексу эти объекты хронологически дифференцировать не удалось. Вероятно, помимо отсутствия узко датируемых вещей, это связано с относительно кратким периодом существования поселения.

Вещевой инвентарь и датировка поселения

Вещевой материал, полученный в результате раскопок 1993-96 гг., представлен в основном предметами труда и быта. Это, прежде всего, целые и фрагментированные глиняные биконические пряслица.

Пряслица – стандартных размеров, диаметром 2-3 см. Диаметр отверстия – около 1 см. Все они хорошо обожжены и имеют коричневатую или черную поверхность, в основном, не орнаментированы (рис. 3). Пряслице, найденное в сооружении 4, украшено насечками по ребру (рис. 19: 2). Среди пряслиц выделяется изделие, покрытое сплошным орнаментом в виде ямочных вдавлений (рис. 3: 2). Нужно отметить также, что диаметр отверстия этого пряслица значительно меньше, чем у остальных изделий. Аналогичные пряслица происходят из Именьковского I городища (Старостин, 1967, табл. 21: 19, 24). На одном пряслице из раскопок Карлинского I селища (рис.3: 7) имеется орнамент в виде крестиков, также встречающийся на пряслицах именьковской культуры (Старостин, 1967, табл. 21: 4). Иногда фрагменты разбитых в древности пряслиц находятся рядом и их удается склеить (рис. 3: 6). Все пряслица, найденные на раскопе 1, лепные. Только одно изделие изготовлено из стенки сосуда. Отмечу, что пряслица, изготовленные из стенки сосуда, не типичны для памятников именьковской культуры.

Вероятно, грузиком для ткацкого стана служил предмет округлой формы диаметром около 30 мм (рис. 3: 1).

Интересен обломок глиняного предмета (грузика?), по краю орнаментированного насечками и имеющего в центре изображение креста в круге (рис. 7: 9). Аналогии данному предмету имеются в культовом комплексе усадьбы II-III вв. н.э. в Танаисе, где подобные находки трактуются как глиняные рельефные штампы для ритуальных хлебцов (Шелов, 1967, с. 110–111).

Железные изделия представлены предметами труда и быта.

Фрагмент лезвия ножа обломан в месте перехода к черешку (рис.6: 9). Крючок (колчанный?) из толстой железной пластины с обломанным концом имеет длину 45 мм (рис. 6: 2).

Фрагмент согнутой железной пластины длиной 54 мм и шириной 12 мм (соор.21б, рис. 6, 3).

На памятнике найден обломок железного серпа. Длина его сохранившейся части составляет 17 см, ширина – 1,3 см (рис.6: 10).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Железный крючок из толстой кованой прямоугольной в сечении проволоки с обломанным концом длиной 27 мм надет на железную петлю длиной 33 мм (сооружение 26; рис. 6: 8).

Встречены каменные точила двух видов – небольшие оселки и крупные изделия (рис. 4). В трех случаях оселки имели удлиненную форму и отверстие для подвешивания, что в целом не характерно для именьковской культуры. Два из трех оселков были сломаны в древности.

Еще два фрагмента небольших оселков обломаны с обеих сторон (рис. 4: 5–6).

Из камня изготовлены оселок-точило длиной до 92 мм и шириной до 24 мм из сооружения 4, обломанный с одной стороны и сильно сточенный с обеих сторон.

Стоит отметить, что вытянутые оселки подпрямоугольной формы известны как на поселениях киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 62, рис. 14: 2), так и на позднесарматских памятниках. Есть они и в комплексах Тарасовского могильника в Прикамье (Голдина, 2003, табл. 39: 111/23, 112/9).

На раскопе найдены также части крупных точильных камней со сработанной внешней поверхностью (рис. 4: 4; 19: 1).

Части тонких каменных плиток с желобками, возможно, использовавшихся для выпрямления и шлифовки древков стрел (или для заточки игл?), происходят из нескольких мест (сооружения 4, 26; рис. 5: 1, 2). Аналогичные находки встречены на черняховском поселении III-IV вв. в с. Кут около Никополя (Сымонович, 1967, рис. 5: 6).

Уплощенная галька (рис. 6: 7) могла применяться в качестве пробирного камня или лощила.

К предметам вооружения и охоты относится найденный в сооружении 1 костяной тщательно отполированный фрагмент наконечника стрелы, ромбовидного в сечении (рис. 6: 4). Длина сохранившейся части наконечника – 3,9 см, ширина – 1,4 см. Он находит многочисленные аналогии на памятниках именьковской культуры (Старостин, 1967, табл. 16: 2, 9, 19).

Костяная проколка происходит из сооружения 1 (рис. 6: 6). Ее конец обломан. В верхней части сделано отверстие для подвешивания. Длина сохранившейся части проколки – 68 мм.

Еще одна проколка, изготовленная из зуба животного (бобра?), найдена в сооружении 20 (рис. 6: 5). Длина проколки – 47 мм. Для ее изготовления была срезана и заострена нижняя часть резца животного.

Найдены также остатки миниатюрных сосудов из глины (рис. 7: 2).

В сооружении 21 обнаружена глиняная ложечка длиной 95 мм с шириной рабочей части 31 мм (рис. 7: 3). В ее ручке сделано отверстие для крепления к какой-то основе. Вероятно, ложечка могла служить в качестве льячки.

Свидетельством литейного производства являются найденные на раскопе 2 фрагменты верхних частей составных глиняных форм для отливки украшений. В верхней части формочек имеются следы литникового отверстия. Подобные целые формочки найдены в расположенном также на Самарской Луке именьковском Новинковском V селище.

Два встреченных на раскопе сработанных кремня, вероятно, относились к огнивам (рис. 5: 3).

Особое значение для датировки памятника имеют найденные в сооружении 26 две желтые одночастные уплощенные таблетковидные стеклянные бусины, вероятно, кавказского или переднеазиатского производства. Диаметр одной из них – 15 мм, другой – 13 мм, диаметры отверстий – 3 и 4 мм, толщина – 8 и 7 мм соответственно (рис. 6: 11–12). Подобные бусины (тип 60 по типологии Р.Д. Голдиной) изредка встречаются на раннесредневековых памятниках Прикамья и датируются V-VI вв. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 63: 60). По данным Р.Д. Голдиной, подобные бусины, изготовленные в подражание янтарным, встречены в Ферганском могильнике I–IV вв. н.э. На территории именьковской культуры подобные изделия известны в материалах Пролетарского городища.

Синяя кольцеобразная стеклянная бусина (соор. 8 раскопа 2) диаметром около 9 мм с большим отверстием (5 мм) в синхронных древностях Поволжья и Прикамья аналогов не имеет, однако таковые имеются в материалах черняховской культуры: Малаештский могильник III – нач. V вв. (Федоров, 1960, рис. 14); Романковский могильник второй половины III – конца IV вв. (Никитина, 1996, табл. 18: 2; 43: 7); Коблевский могильник III-IV вв. (Сымонович, 1979, рис. 12: 17); могильник Будешты II-IV вв. (Рикман, 1967, рис. 49)). По типологии О.В. Гопкало она относится к типу II/2 стеклянных одноцветных бус округлых эллипсоидных усеченных дважды (Гопкало, 2008. С.17; Табл. 1: 2). О.В. Гопкало отмечает, что в Северном Причерноморье, по данным Е.М. Алексеевой, подобные бусы датируются I-IV вв. н.э. (Гопкало, 2008. С. 17).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Вероятно, временем не позднее начала V в. должна датироваться и бусина из Карлинского I селища.

Из осыпи карьера происходит фрагмент круглого биллонового зеркала с небольшим бортиком, вероятно, относящегося к сарматскому кругу древностей (рис.6: 1). Ближайшие аналогии зеркалу имеются в материалах городища Лбище на Самарской Луке (Матвеева, 2003. Рис. 23: 9).

Основную массу находок на поселении составляют фрагменты керамических сосудов. Всего на раскопе 1 найдено 7632 экз. По характеру обработки поверхности и тесту керамику можно разделить на две большие группы. Первая, преобладающая – лепная керамика, в основном горшковидных форм, реже встречаются крупные мискообразные сосуды, диски-сковороды. Цвет сосудов серый или черно-коричневый. Эта группа сосудов вследствие примеси в тесте крупного шамота и органики имеет грубую бугристую поверхность, на которой иногда наблюдаются следы заглаживания (пучком травы?). Днища у всех сосудов плоские, с небольшими закраинами или без них. Диаметр днищ – от 7 до 17 см. На днищах сосудов имеются следы подсыпки – травы, мякины, зерен. Венчики сосудов прямые или слегка отогнутые наружу. Диаметр венчиков от 8 до 32 см, чаще всего он варьирует от 15 до 22 см. Подавляющее большинство сосудов неорнаментировано, лишь в нескольких случаях имеется орнамент, нанесенный на венчик в виде насечек (рис.13: 1; 23: 3).

Вторую группу керамики составляют сосуды, в основном, мискообразной формы или в виде горшков с сглаженным ребром, неорнаментированные, имеющие тщательно залощенную поверхность черного или желто-коричневого цветов (рис.10: 2; 11: 1; 13: 2–3; 18: 2–3 и др.). Процент лощеной посуды не превышает 3-5 % как в сооружениях, так и в культурном слое. Все подлощенные сосуды имеют плоское дно, прямые или несколько отогнутые наружу венчики.

Особый интерес представляет найденный в сооружении 4 крупный фрагмент горшковидного сосуда, богато орнаментированного и относящегося к раннему этапу кушнаренковской культуры Прикамья (середина-вторая половина VI в.), свидетельствующий о контактах представителей различных культур эпохи раннего средневековья (рис. 19: 3). На территории именьковской культуры подобная находка имеется в материалах Щербетьского островного I селища в Татарстане (Старостин, 1967, табл. 26: 4). На плечике сосуда из Щербетьского островного I селища имеется резное изображение креста, встречающееся и на Карлинском I селище.

На найденных на раскопе фрагментах дисков-сковород или лепешниц с наиболее распространенным диаметром 20-30 см либо отсутствуют, либо слабо выражены невысокие бортики, характерные для завершающей фазы именьковской культуры (рис. 13: 5; 22: 5; 24: 5). Следует отметить также отсутствие дисков, орнаментированных ямочными вдавлениями или имеющих сквозные отверстия.

Результаты остеологического анализа, проведенного казанским палеозоологом, доктором биологических наук, ведущим научным сотрудником НЦАИ Института истории АНТ А.Г. Петренко в 1996 г. (табл. 1), характерны для памятников именьковской культуры и свидетельствуют, прежде всего, об оседлом образе жизни, занятии преимущественно скотоводством и земледелием. Значительное место в жизни обитателей поселения занимали также охота (в первую очередь, с целью получения пушнины) и рыболовство.

На основании находок представляется возможным отнести Карлинское I селище к среднему этапу именьковской культуры. Это подтверждается не только датировкой бус и фрагмента кушнаренковского сосуда, но и рядом наблюдений над керамическим материалом. На селище отмечен сравнительно высокий для именьковских памятников процент лощеных сосудов (на разных участках раскопа до 3-5 %), высокий процент мисок, наличие горшковидных сосудов с выраженным ребром, отсутствие дисков-сковород с высокими бортиками. Совокупность всех этих признаков позволяет датировать памятник V-VI вв. н.э. Материалы раскопок Карлинского I селища могут являться эталонными для выделения древностей V-VI вв. н.э. в регионе Среднего Поволжья.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 1. Карлинское I селище.
Результаты определения костей животных из раскопок 1995 г.

	Выборка 1	Выборка 2	Сооружение 4	Сооружение 21 в	Сооружение 30
Крупный рогатый скот	22/3	12/3	1		1
Мелкий рогатый скот	15/3	23/4	1 (коза)		
кабан					1
свинья	12/3	4/1			
лошадь	8/2	11/3	4/2	1	1
собака	2/1				
слепушонок	1/1				
бобр	8/2	10/2			
сайга		2/1			
медведь		1/1			
выдра	2/1				
россомаха	1/1				
лось	1/1	1/1			
Всего млекопитающих	73/18				
Рыбы (осетр, сом, налим, судак, лещ и др.)	85	136			
Итого определено	158	158	6	1	3

Определение А.Г. Петренко, докт. биол. наук, в.н.с. НЦАИ, Институт истории АНТ

Литература

Голдина Р.Д. 2003. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.

Гопкало О.В. 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев.

Матвеева Г.И. 2003. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара.

Никитина Г.Ф. 1996. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М.

Рикман Э.А. 1967. Памятник эпохи Великого переселения народов: По раскопкам могильника черняховской культуры у с. Будешты. Кишинёв.

Старостин П.Н. 1967. Памятники именьковской культуры. //САИ, Д1-32. М.

Сымонович Э.А. 1967. Поселения культуры полей погребений в районе г. Никополя // МИА, 139. М.

Сымонович Э.А. 1979. Коблевский и Ранжевский могильники около Одессы //Могильники черняховской культуры. М.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев.

Федоров Г.Б. 1960. Малаештский могильник //МИА, 82. М.-Л.

Шелов Д.Б. 1967. Танаис – потерянный и найденный город. М.

Сокращение

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

D.A. Stashenkov

Karlinskoye 1 settlement (preliminary publication)

Abstract

In the article the results of excavation of the Karlinskoye 1 settlement are published. The materials are related to the Imen'kovo archaeological culture. The site is situated in the south-eastern part of the Samara Luka close to Rozhdestveno (Volzhskiy district, Samara region) on the edge of a high fluvial terrace of the Volga flow channel (r. Volozhka).

In 1993, 1995-96 the archaeological expedition of Samara Regional Historical and Local-lore Museum named by P.V. Alabin carried out salvage excavation of Karlinskoye 1 settlement.

The square of the settlement is about 1.4 ha. The territory of the settlement is being crumbled by regular changes of water level in the Saratov reservoir during many years.

The excavation was carried out in two areas. The results of works in trench 1 are published in the article.

The square of the trench is 152 m^2. It was placed in the most damaged south-eastern part of the site. The thickness of the archaeological layer of the settlement is 60-100 cm. The remains of 38 structures were excavated: a dwelling and utility pits. The utility pits of circular or oval-shaped plan were cylinder or bell-shaped in cross-section. Their diameter ranged from 1 to 1.5 m. In archeological layer and in filling of the structures there were discovered semi-complete vessels and sherds of rough and polished handmade pots, ceramic spindle-whorls, iron knife, glass beads, ceramic spoon-shaped crucible, touchstones and sharpening stones.

It is considered to be correct to refer the Karlinskoye 1 settlement to the middle stage of the Imen'kovo culture and to date it to the 5th-6th century A.D. This conclusion is based on the features of ceramic complex and confirmed by the date of beads and the sherd of the Kushnarenkovo culture vessel. The assemblage of ceramics includes polished vessels in relatively high percentage (3-5%), bolws in high percentage (5%) and biconical pots while the disks with high ledges are absent.

Archeological complex of the Karlinskoye 1 settlement could be used as a sample of the 5th-6th century antiquities in the Middle Volga region.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

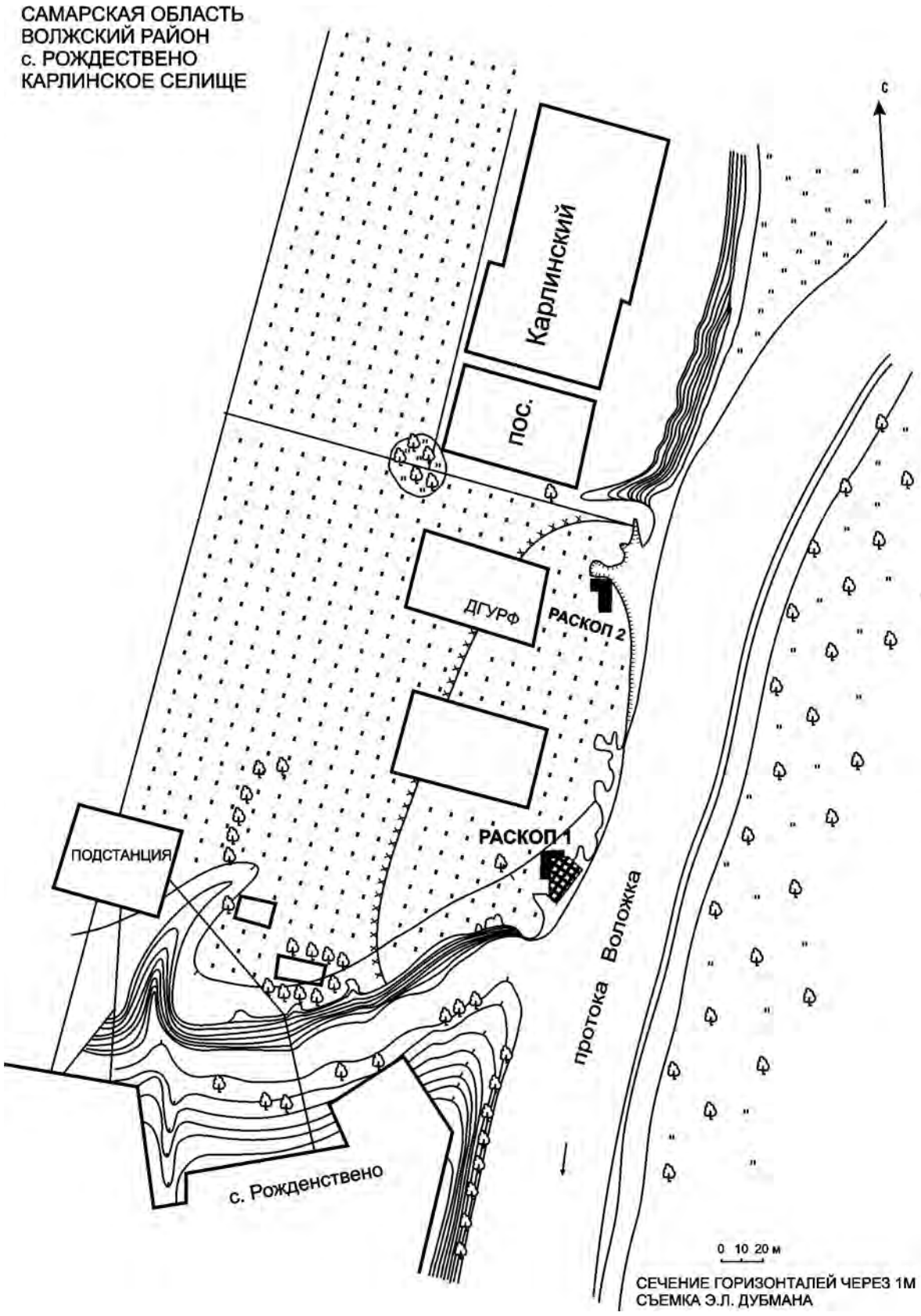


Рис. 1. Карлинское I селище. План.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

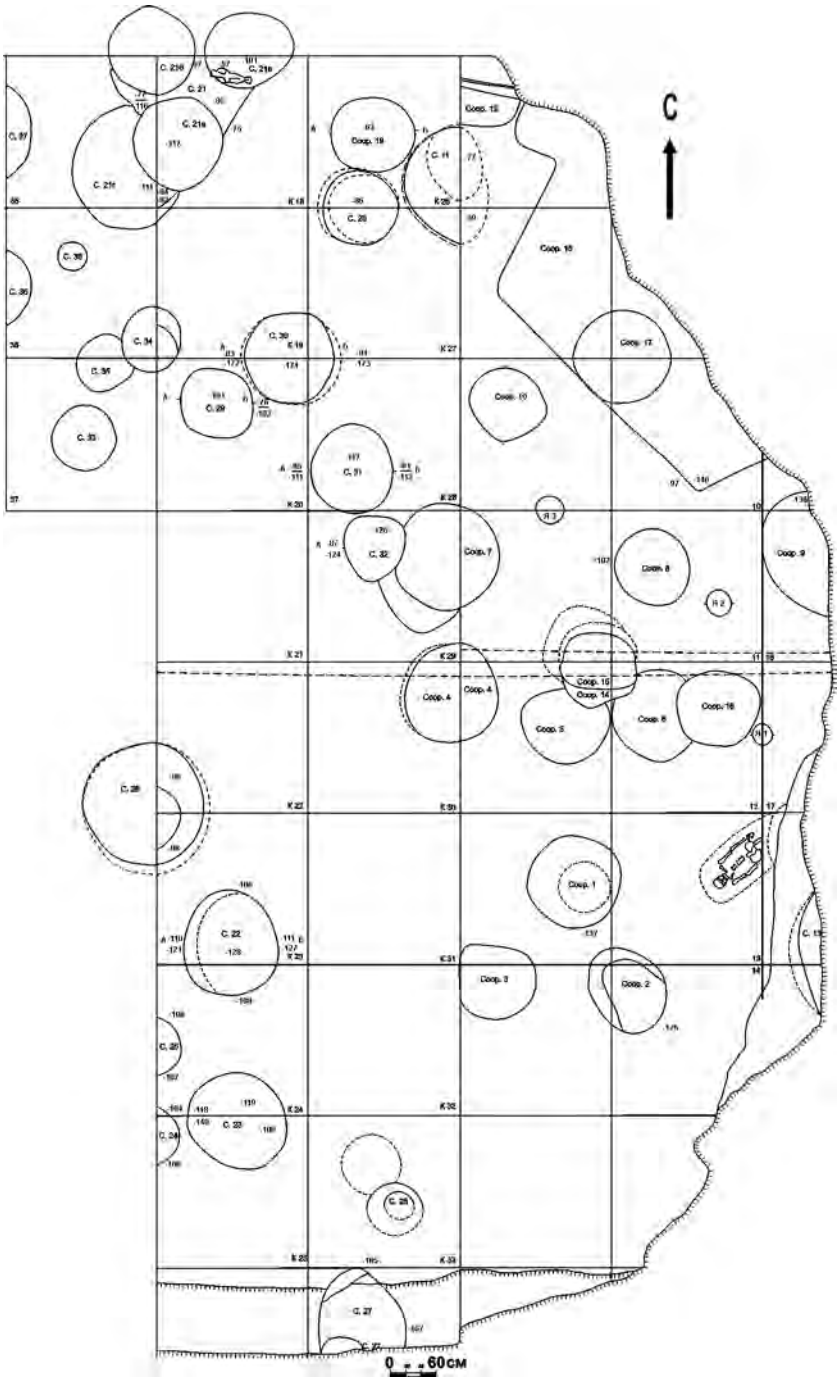


Рис. 2. Карлинское I селище. Раскоп 1. План.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

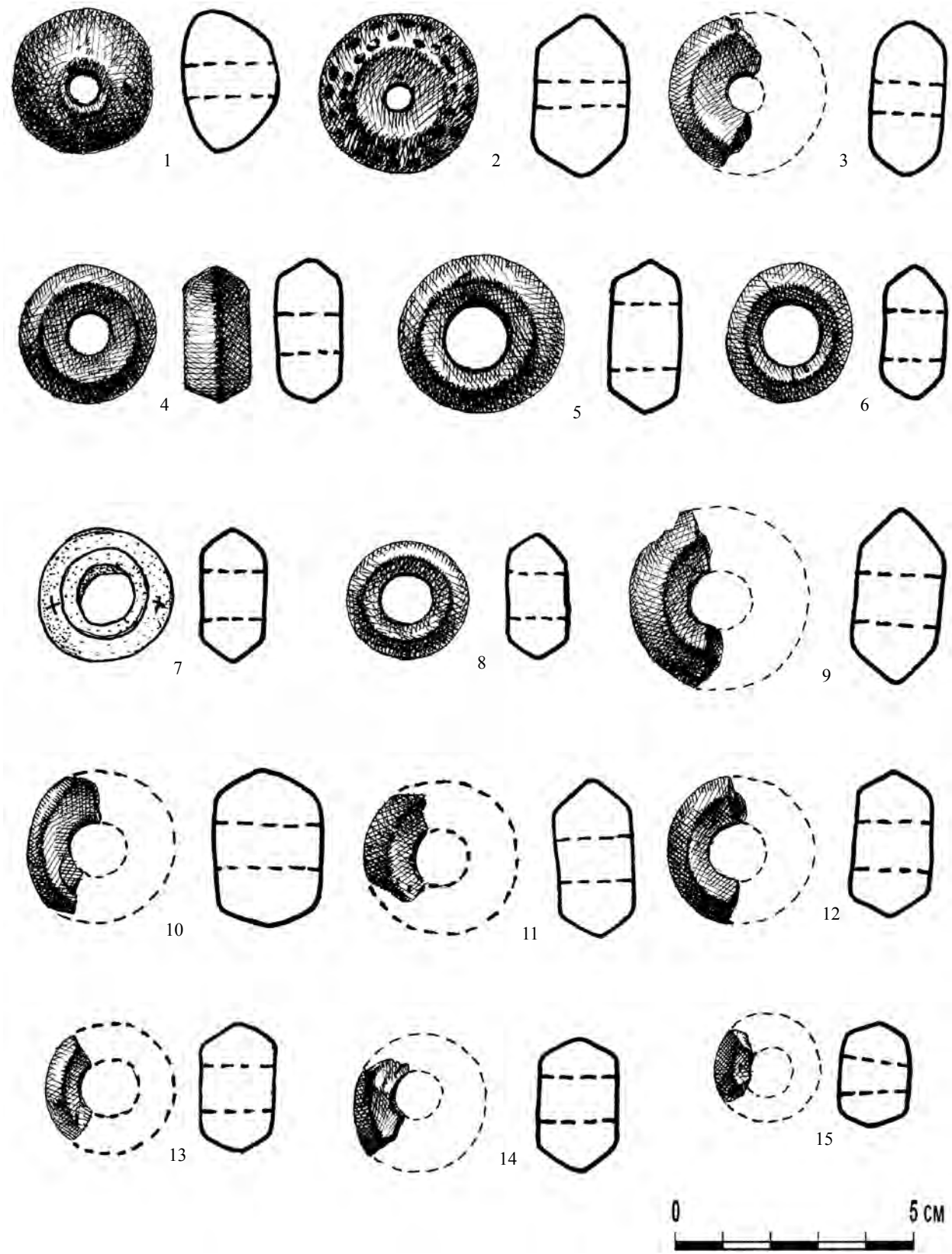


Рис. 3. Карлинское I селище. Раскоп 1. Пряслица.
1 – кв.35 пл.3; 2 – кв.13 пл.2; 3, 12 – соор.27; 4 – соор.4; 5 – кв.10 пл.2; 6 – кв.10 пл.4; 7 – кв.1 пл.3; 8 – соор.21б; 9 – кв.21 пл.2; 10 – кв.28 пл.1; 11 – кв.38 пл.1; 13 – кв.35 пл.1; 14 – кв.18 пл.3; 15 – соор.30.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

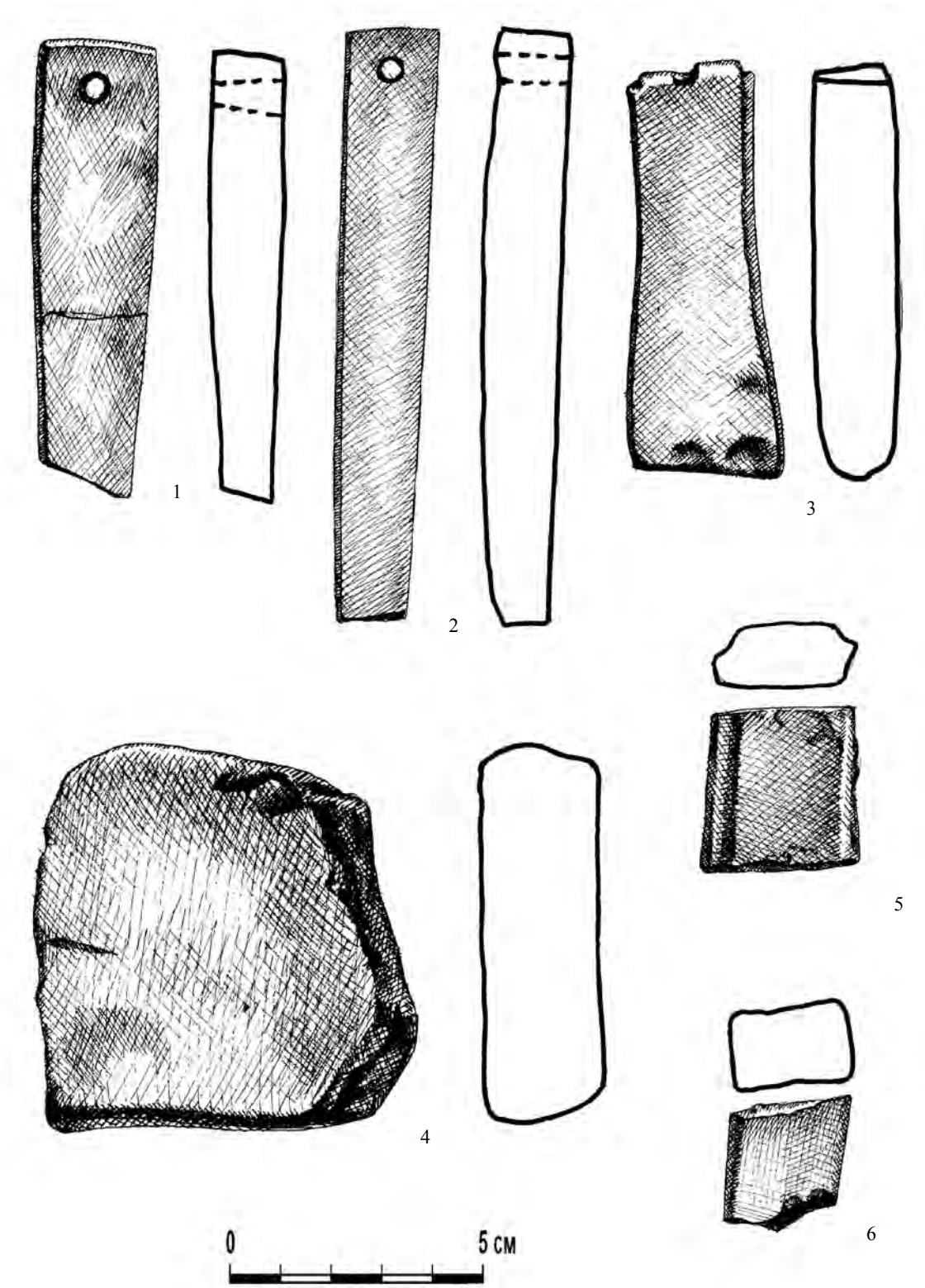


Рис. 4. Карлинское I селище. Раскоп 1. Точильные бруски и камни.
1 – кв.2 пл.2, кв.10 пл.2; 2-3 – подъемный материал; 4 –кв.6 пл.3; 5 – соор.21б; 6 – соор.27.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

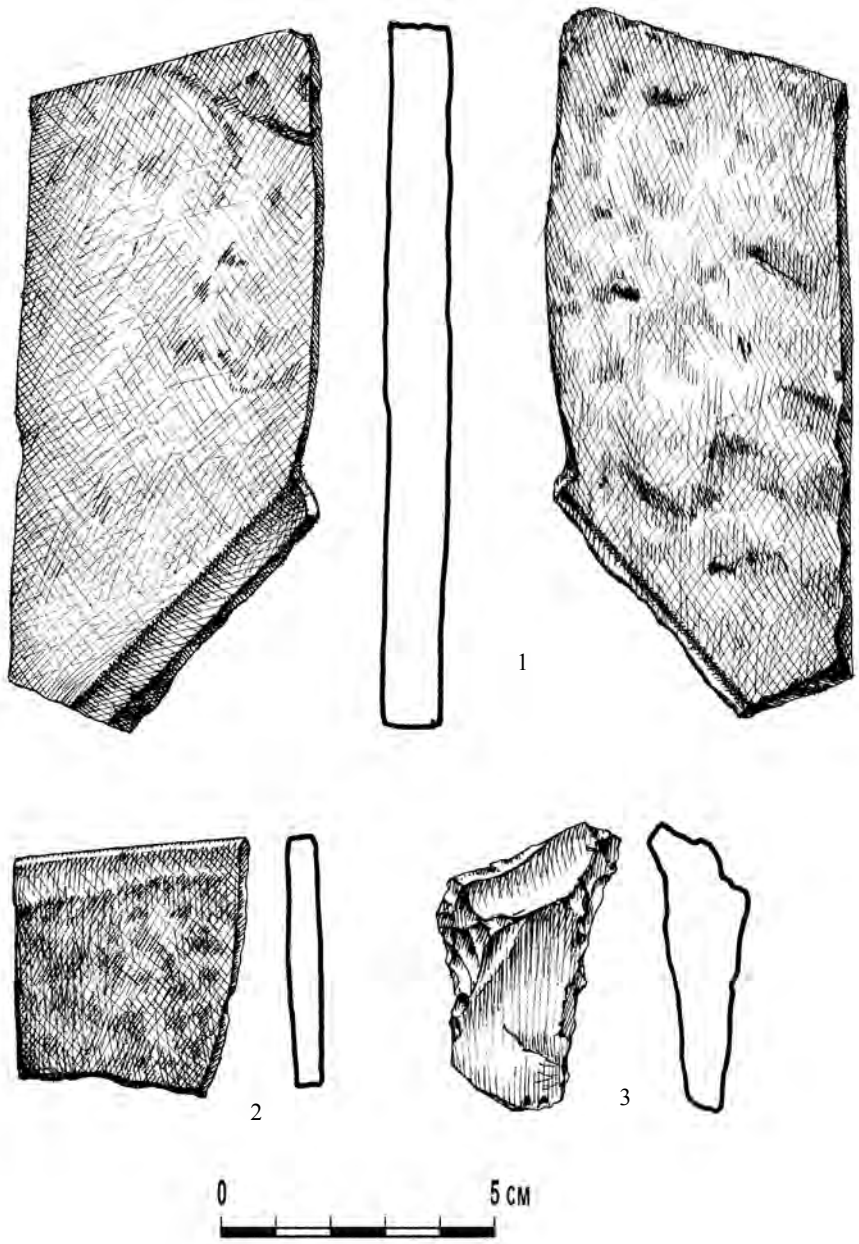


Рис. 5. Карлинское I селище. Раскоп 1.
1-2 – каменные плитки; 3 – кресальный кремень.
1-2 – соор.26; 3 – кв.30 пл.1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

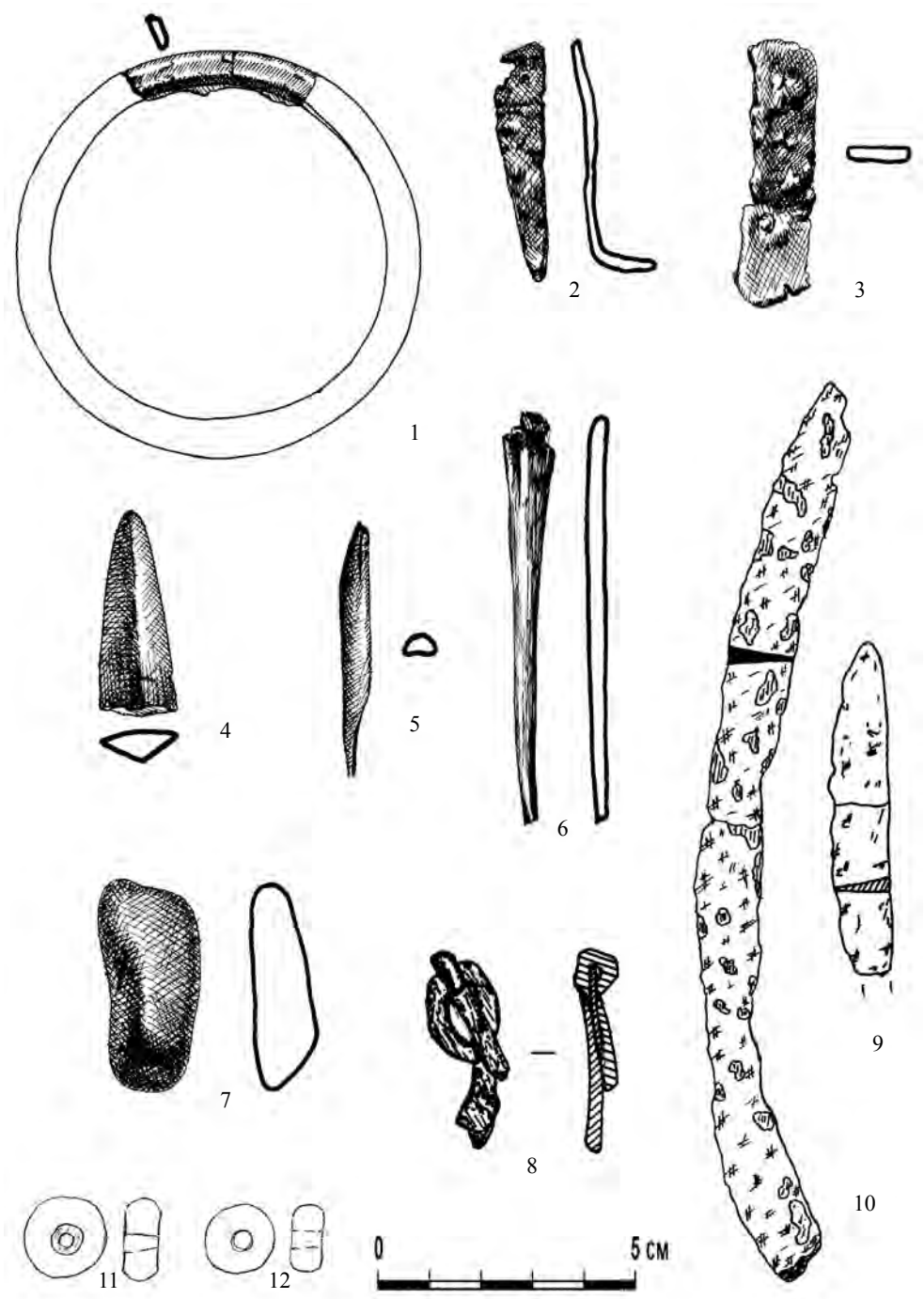


Рис. 6. Карлинское I селище. Раскоп 1. Индивидуальные находки.
1 – фрагмент зеркала; 2 – железный крючок; 3 – железная пластина; 4 – наконечник стрелы; 5-6 – проколки; 7 – галька; 8 – железный предмет; 9 – нож; 10 – серп; 11-12 – бусы. 1 – биллон; 2-3, 8-10 – железо; 4-6 – кость; 7 – камень; 11-12 – стекло. 1 – подъемный материал; 2 – кв.38 пл.2; 3 – соор.21б; 4 – соор.1; 5 – соор.20; 6 – кв.1 пл.2; 7 – кв.35 пл.3; 8 – соор.26; 9-10 – кв.17 пл.1; 11-12 – соор.26.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

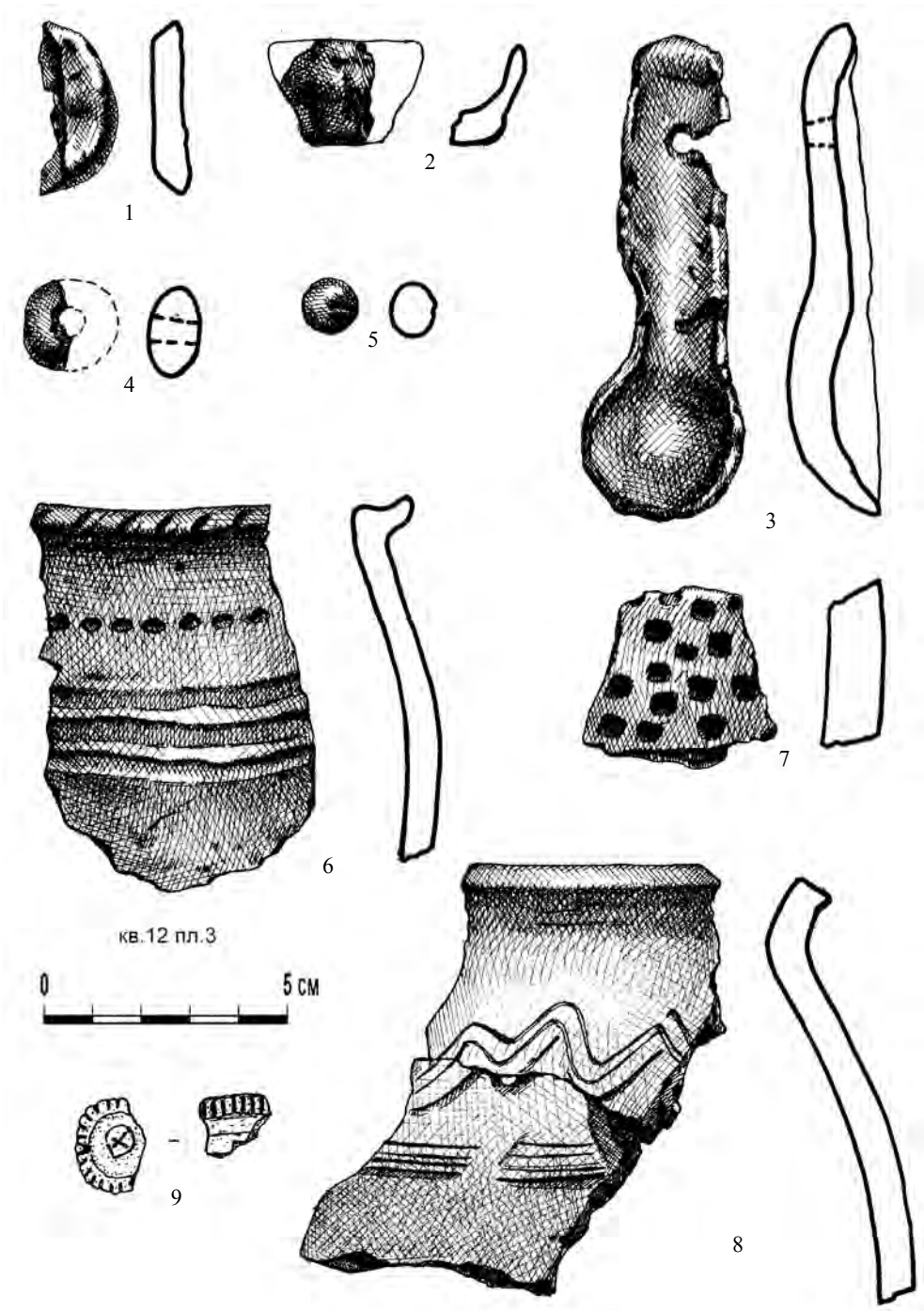
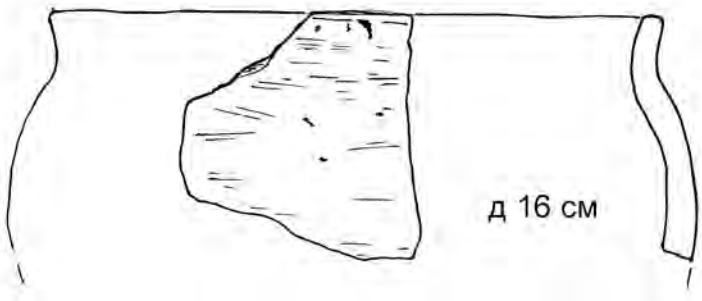
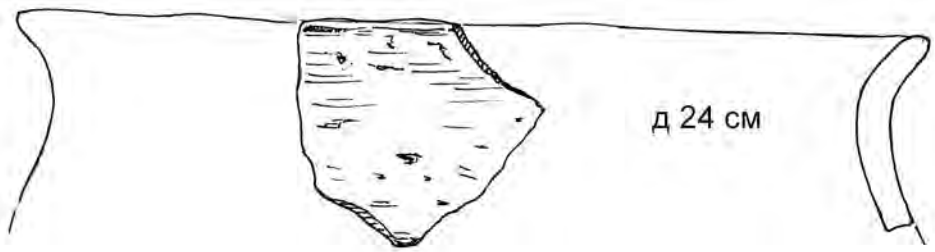


Рис. 7. Карлинское I селище. Раскоп 1. Изделия из глины.
1 – «лепешка»; 2 – миниатюрный сосуд; 3 – льячка; 4 – бусина; 5 – шарик; 6-8 – фрагменты сосудов; 9 – штамп (?). 1 – кв.5 пл.2; 2 – кв.7 пл.2; 3 – соор.31; 4 – соор.27; 5 – кв.35 пл.1; 6 – кв.12 пл.3; 7 – кв.14 пл.1; 8 – кв.13 пл.2; 9 – кв.14 пл.2.

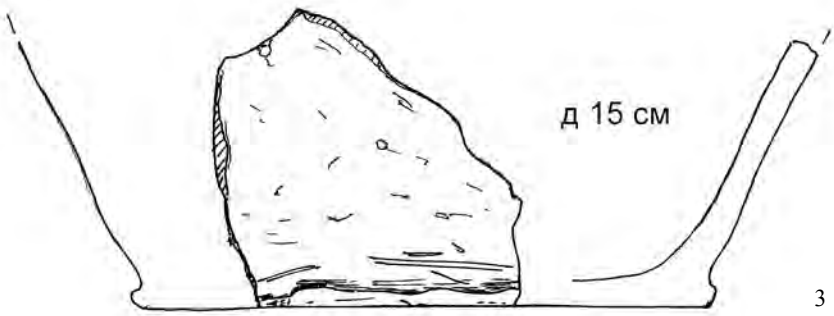
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



1



2



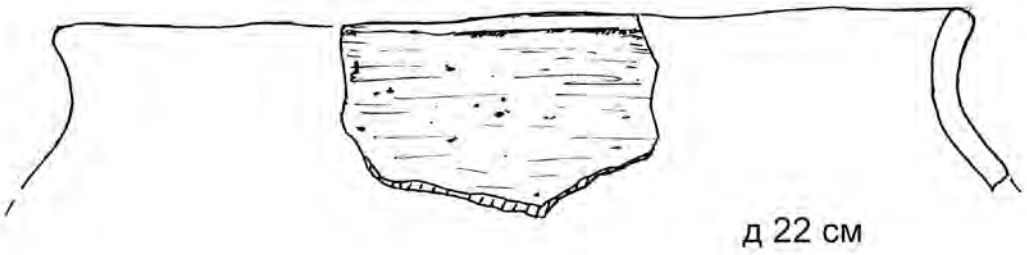
3

4

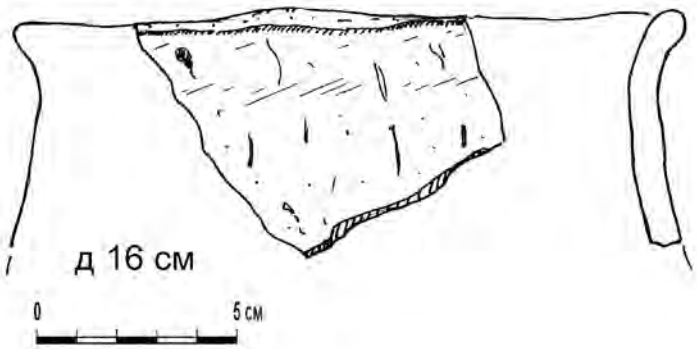
5

Рис. 8. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов. Кв.2 пл.3.

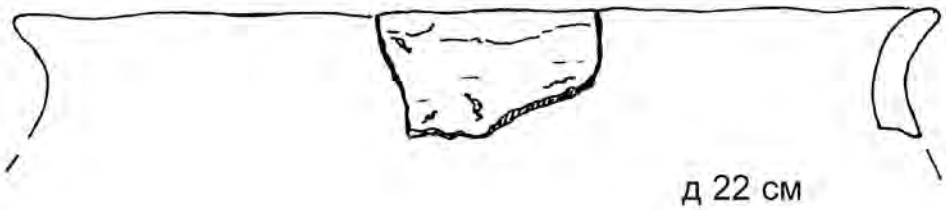
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



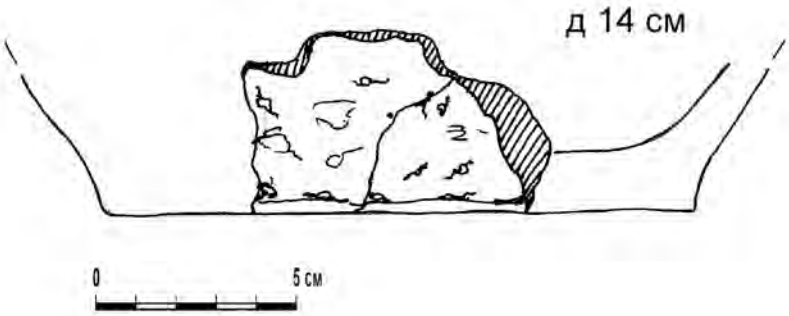
1



2



3



4

Рис. 9. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов.
1-2 – кв.3 пл.2; 3-4 – кв.2 пл.2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

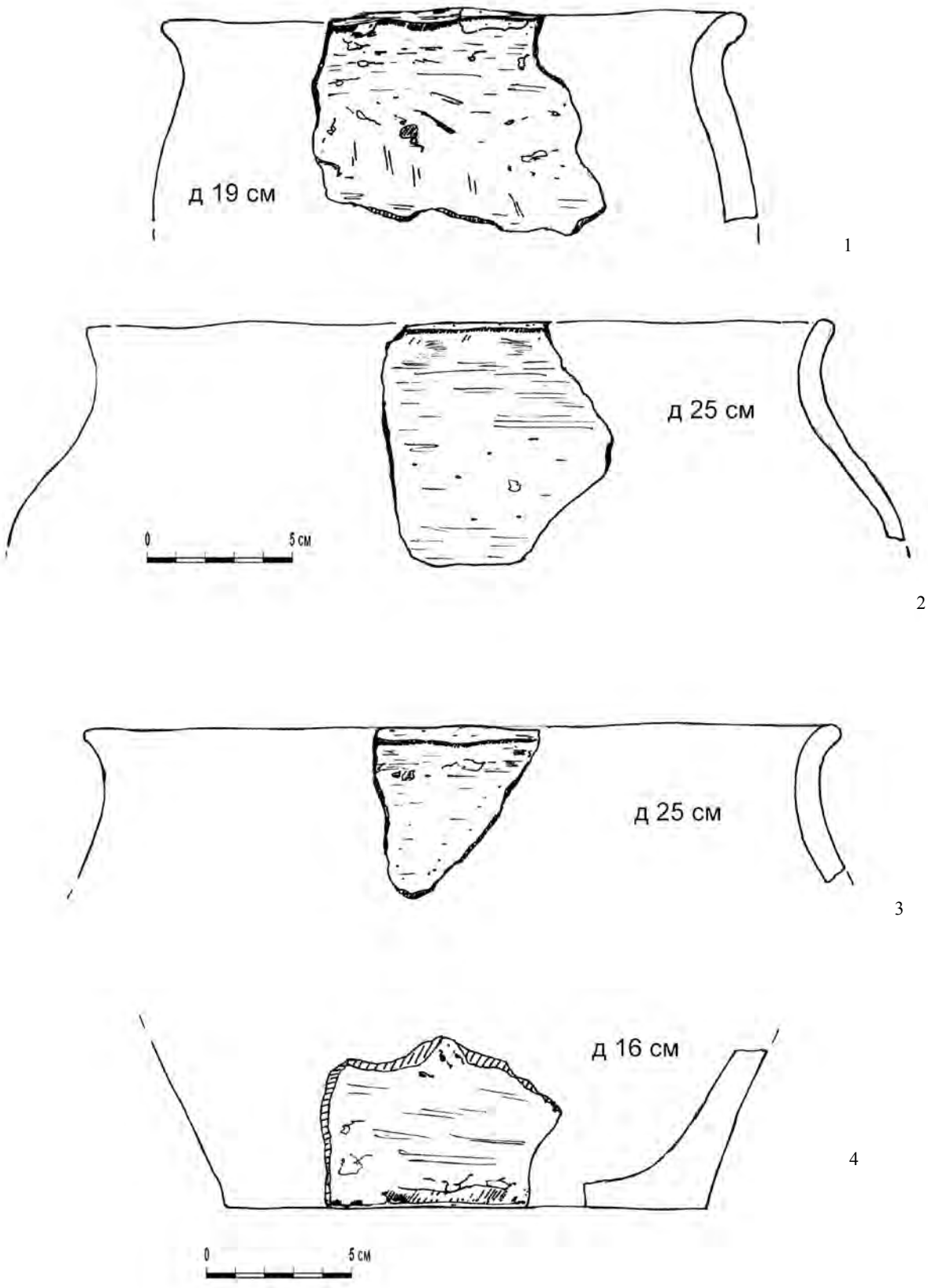


Рис. 10. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов.
1-2 – кв.5 пл.3; 3-4 – кв.9 пл.3.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

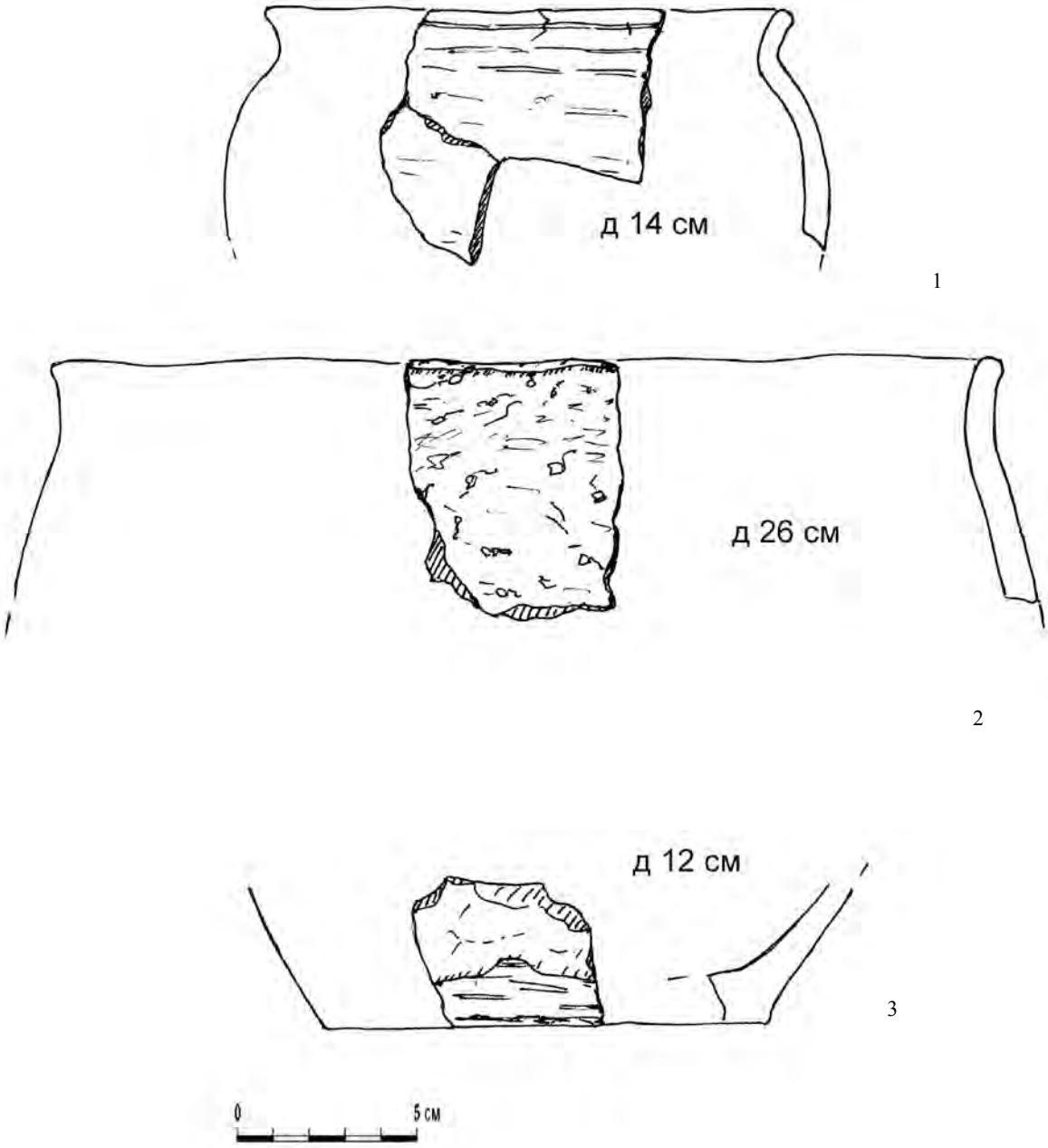
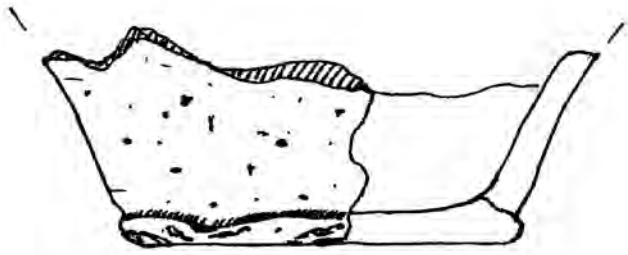


Рис. 11. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов. Кв.6 пл.2.

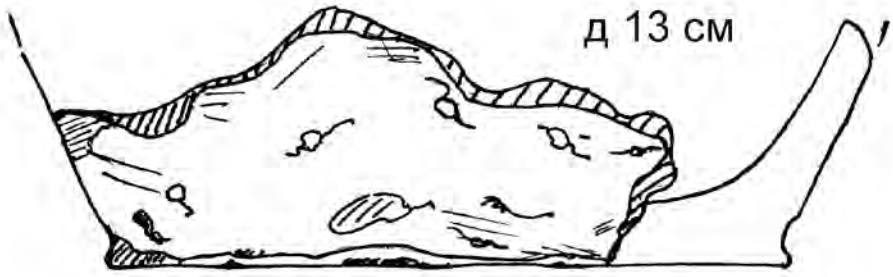
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1



2

д 7 см

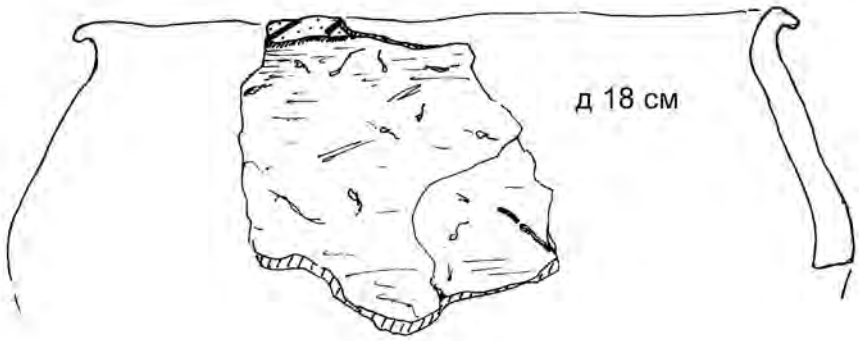


3

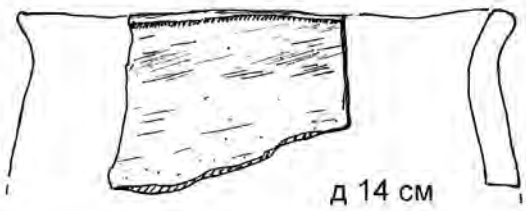
0 5 см

Рис. 12. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов. Кв.10 пл.2.

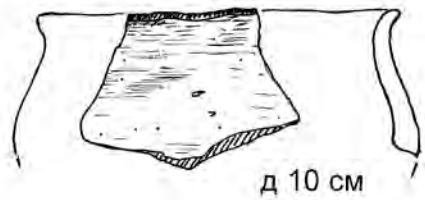
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



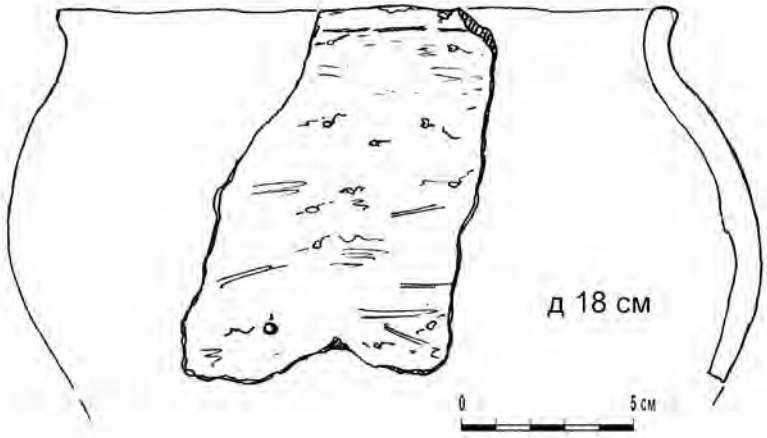
1



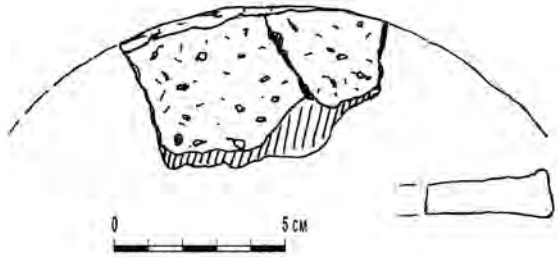
2



3



4



5

Рис. 13. . Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов.
1-3 – кв.11 пл.2; 4-5 – кв.11 пл.3.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

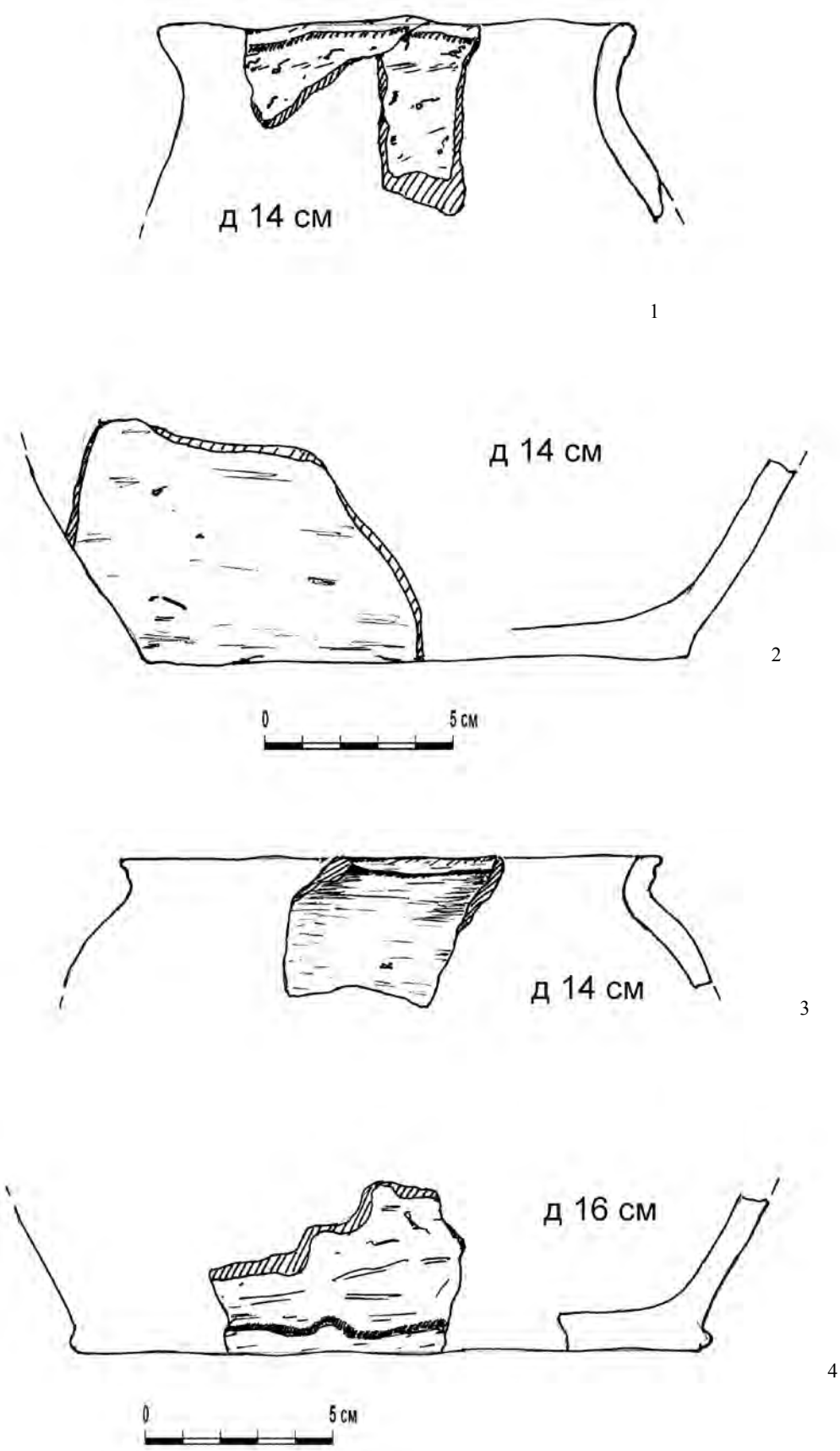


Рис. 14. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов.
1-2 – кв.13 пл.2; 3-4 – кв.16 пл.2.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

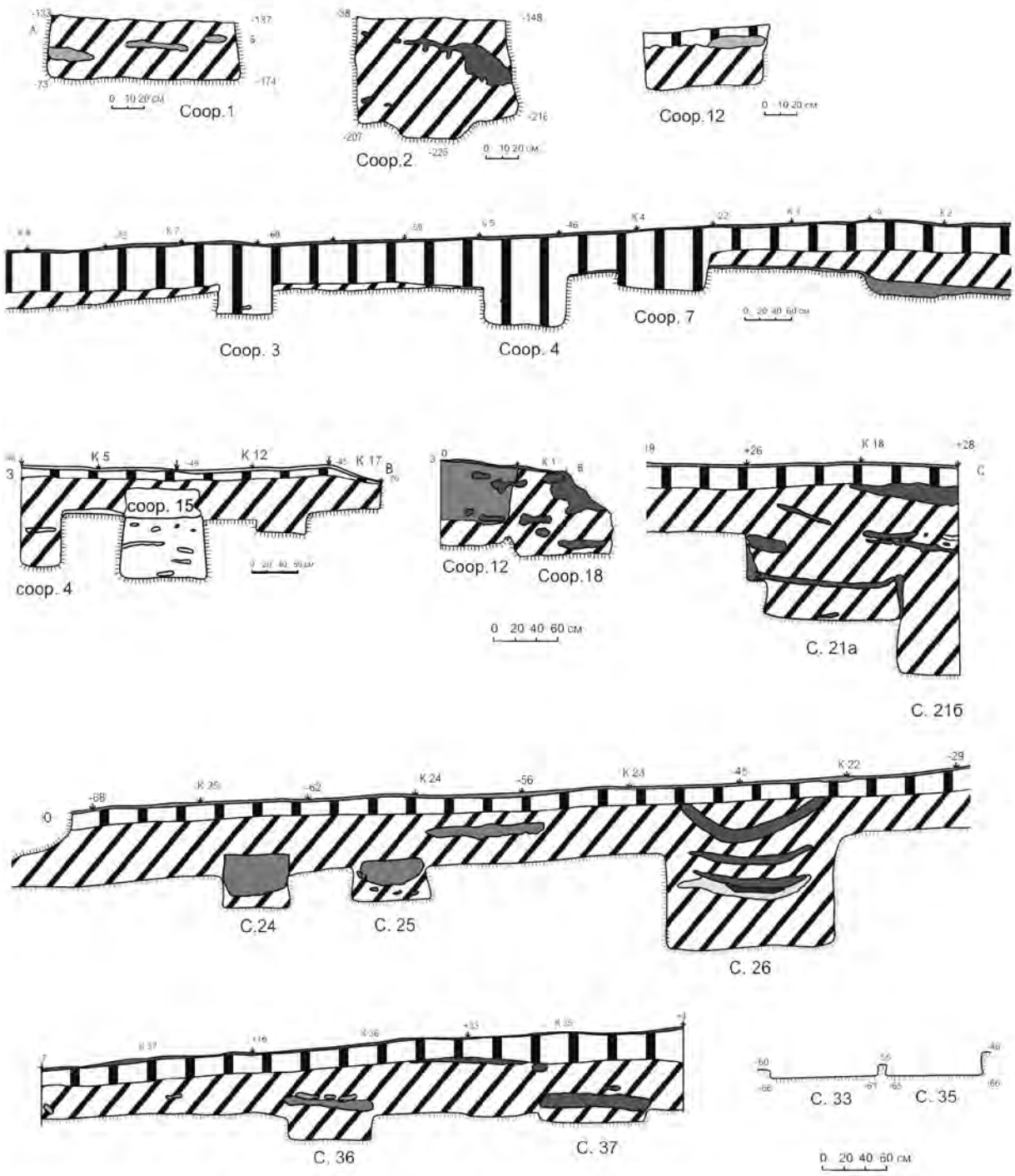


Рис. 15. Карлинское I селище. Раскоп 1. Профили стенок и бровок раскопа, сечения сооружений.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

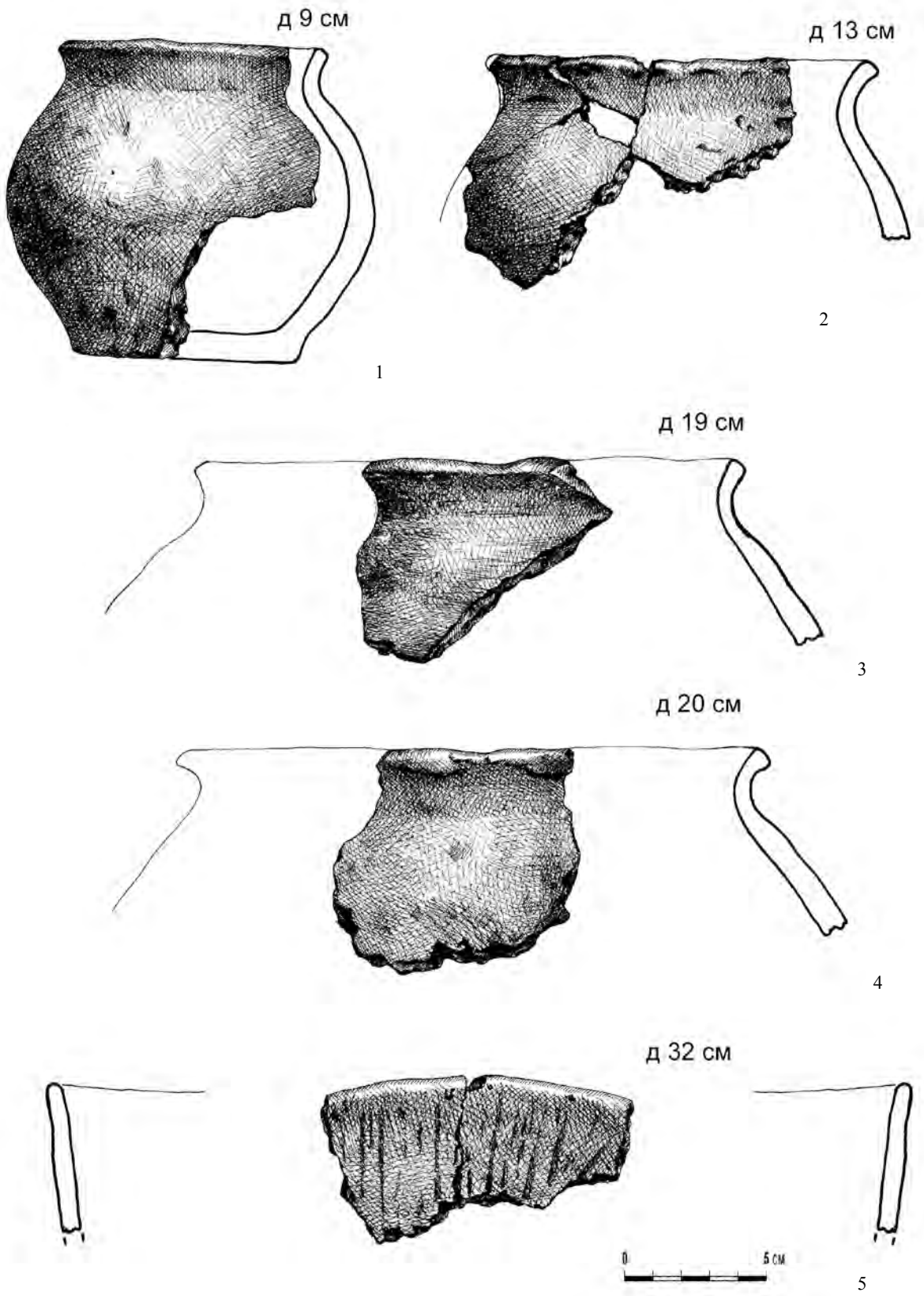


Рис. 16. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов. Соор.1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

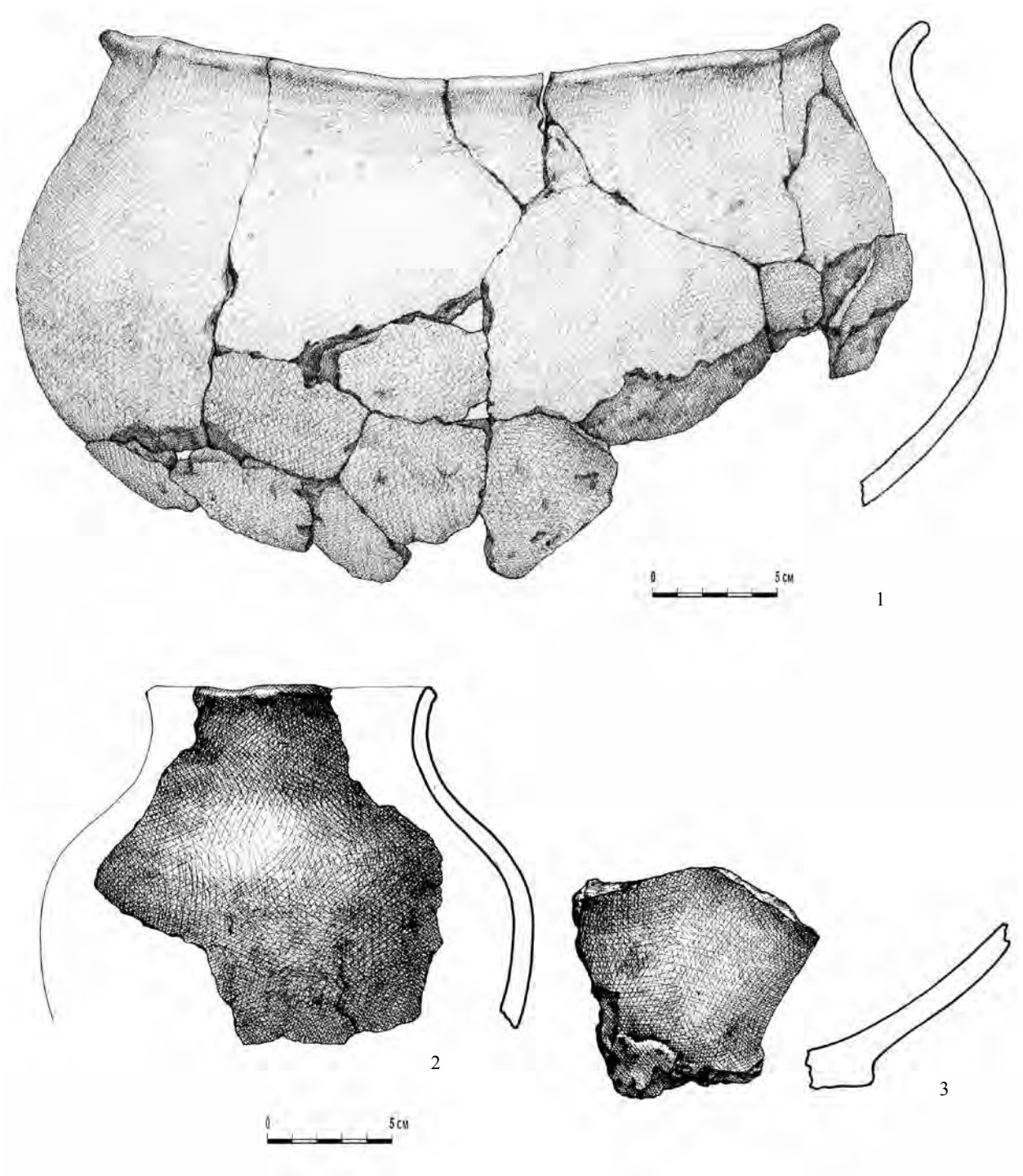


Рис. 17. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов.
1 – соор.7; 2-3 – соор.1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

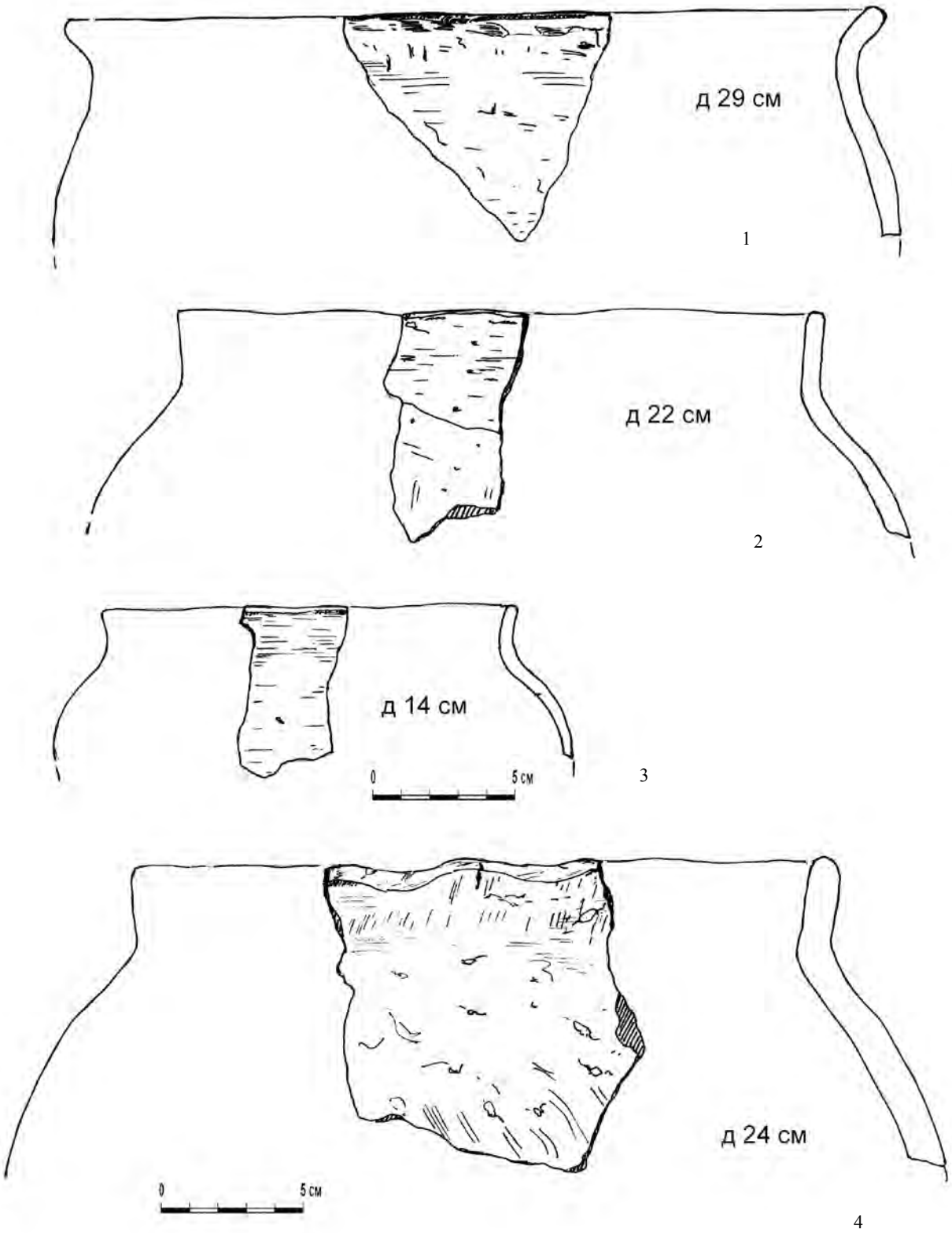


Рис. 18. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов.
1-3 – соор.2; 4 – соор.3.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

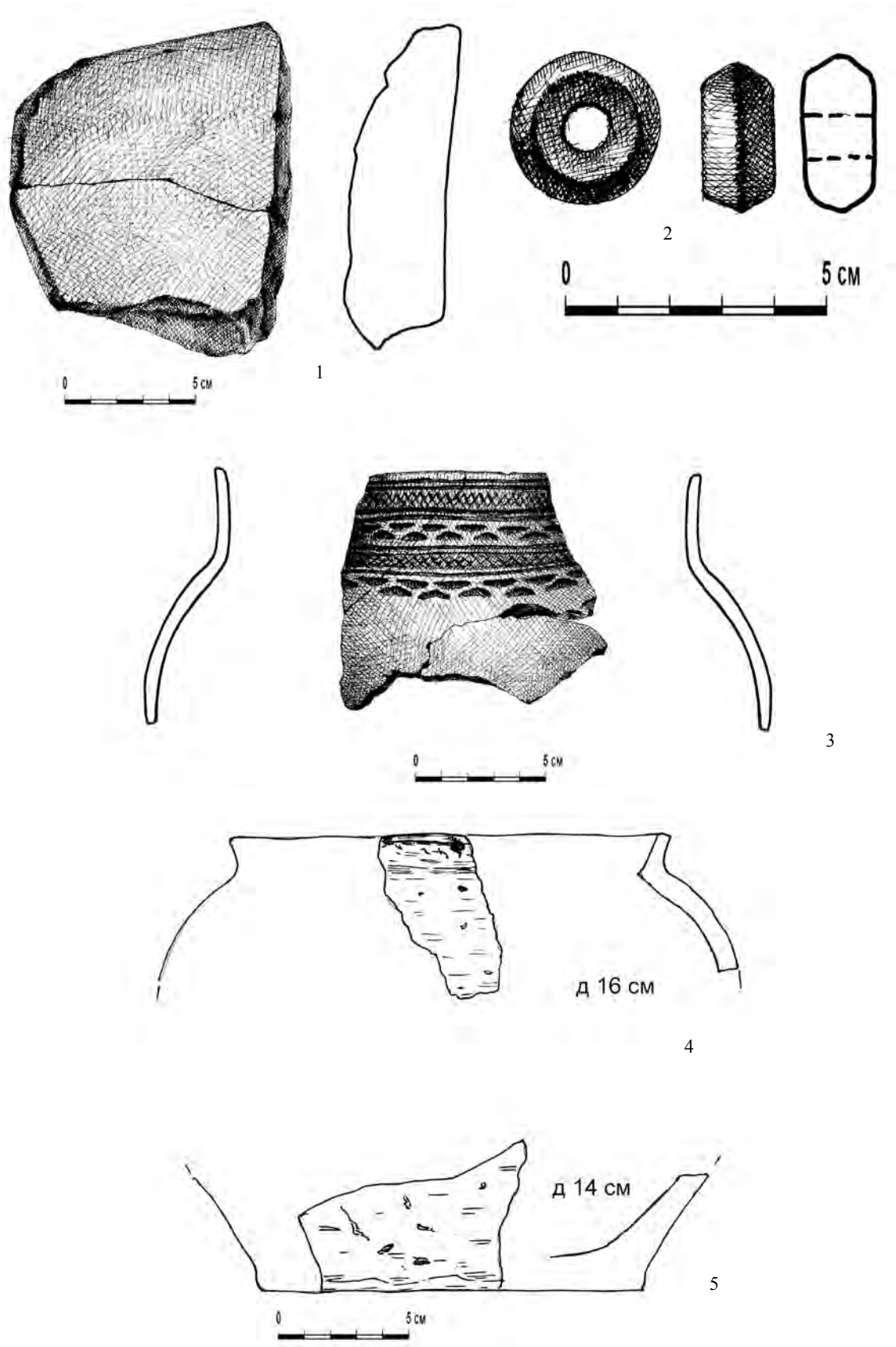


Рис. 19. Карлинское I селище. Раскоп 1. Находки из соор.1.
1- точильный камень; 2 – пряслице; 3-5 – фрагменты лепных сосудов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

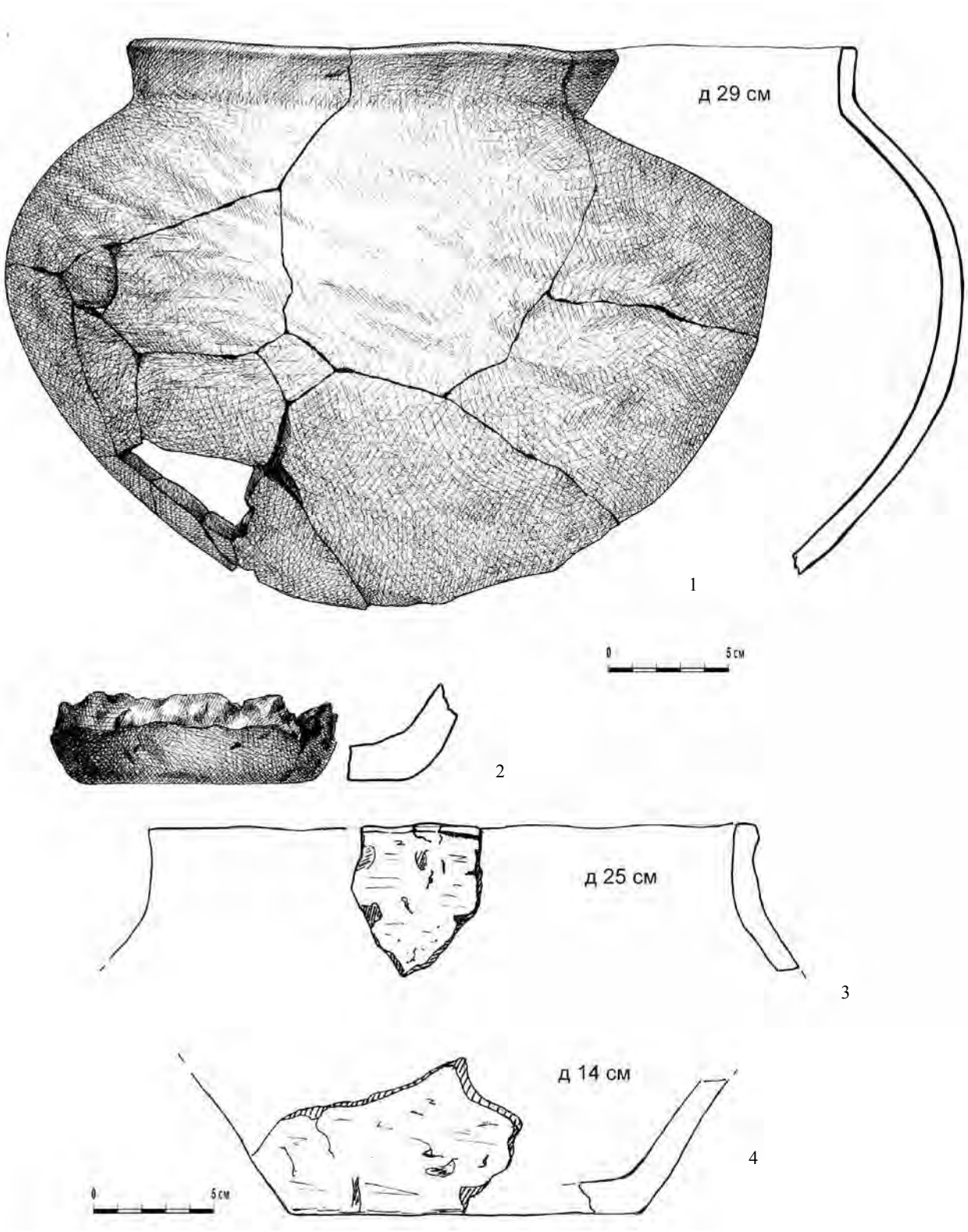


Рис. 20. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов.
1-2 – соор.17; 3-4 – соор.5.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

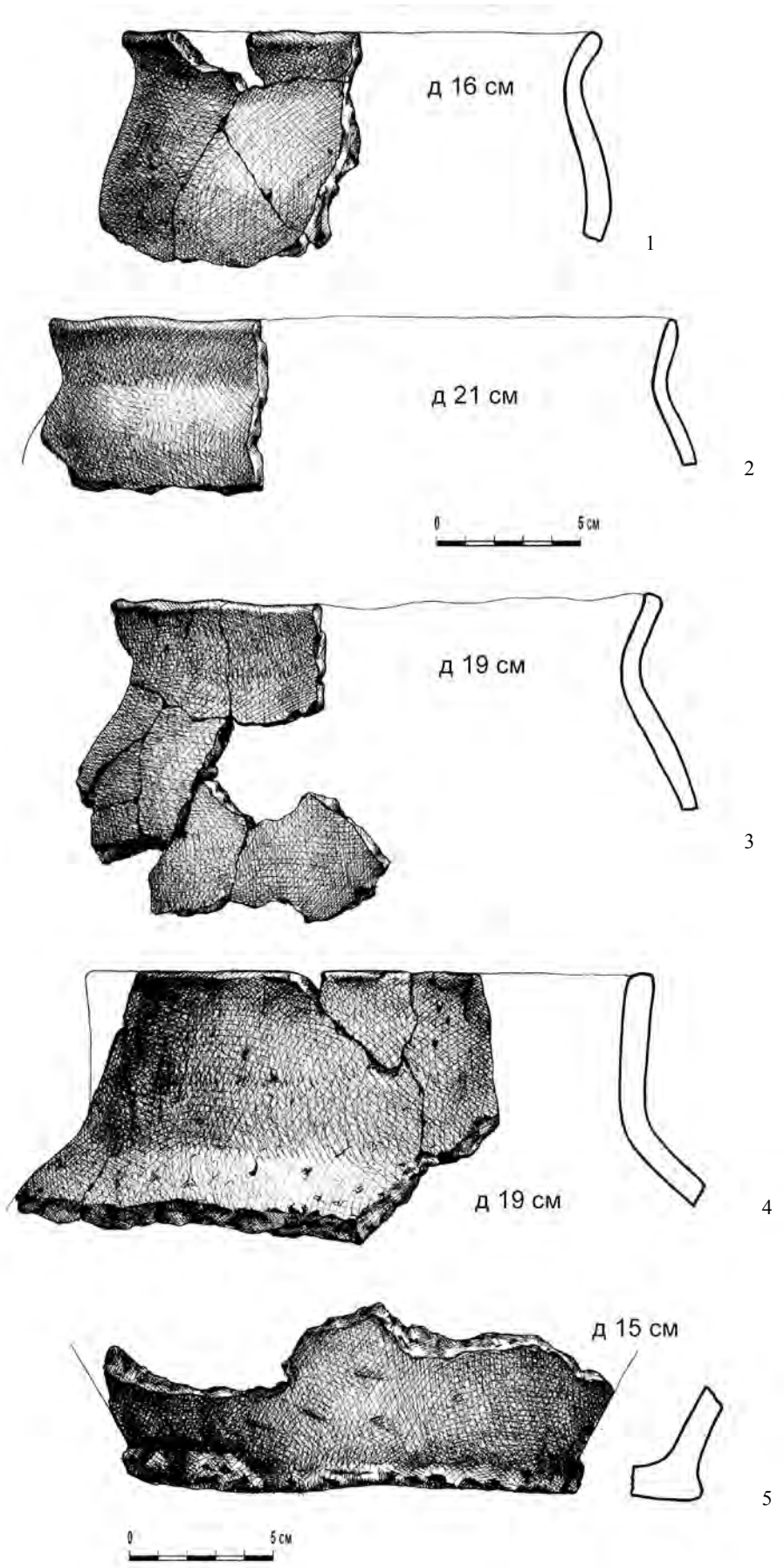


Рис. 21. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов. Соор.14.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

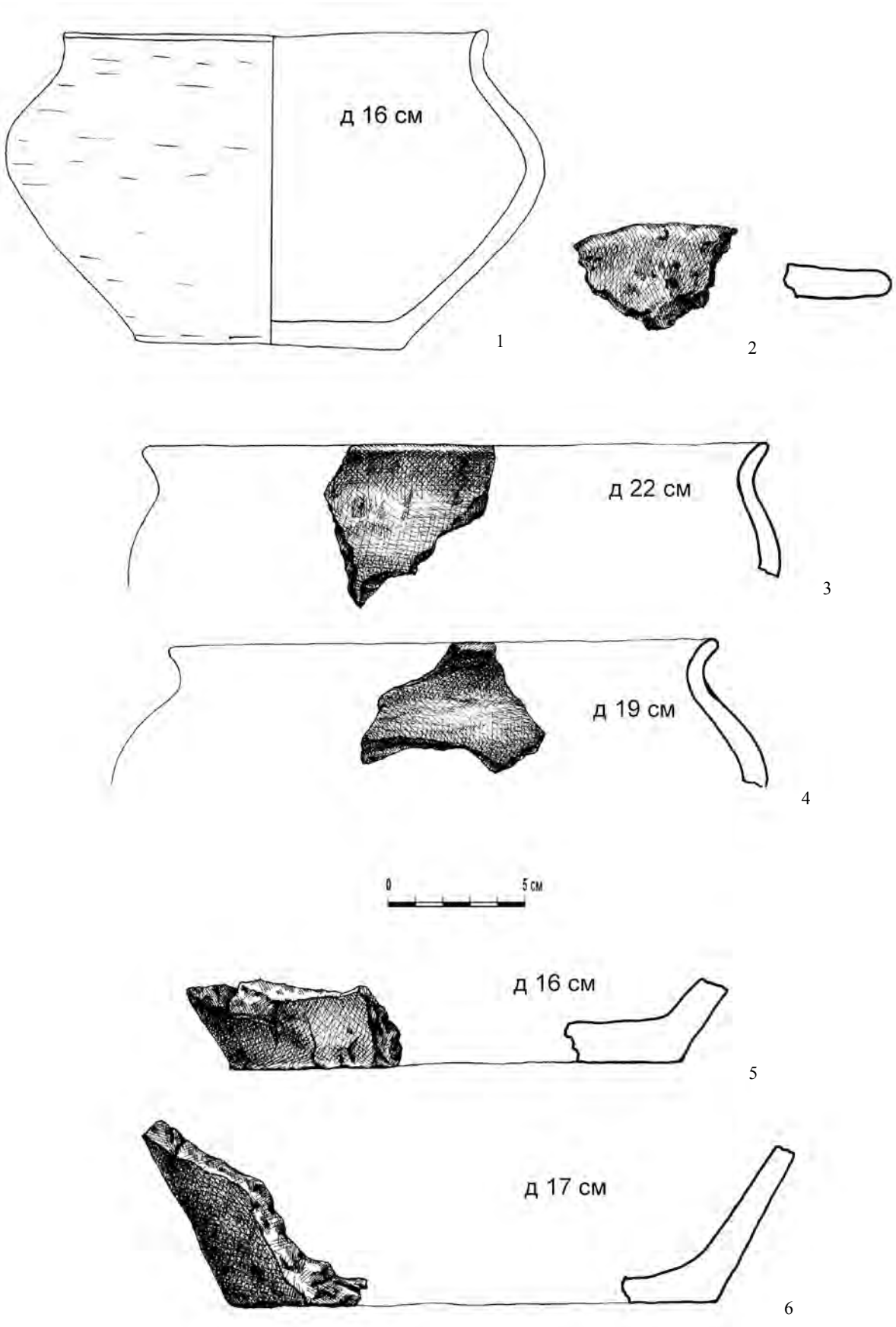


Рис. 22. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов. Соор.21.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

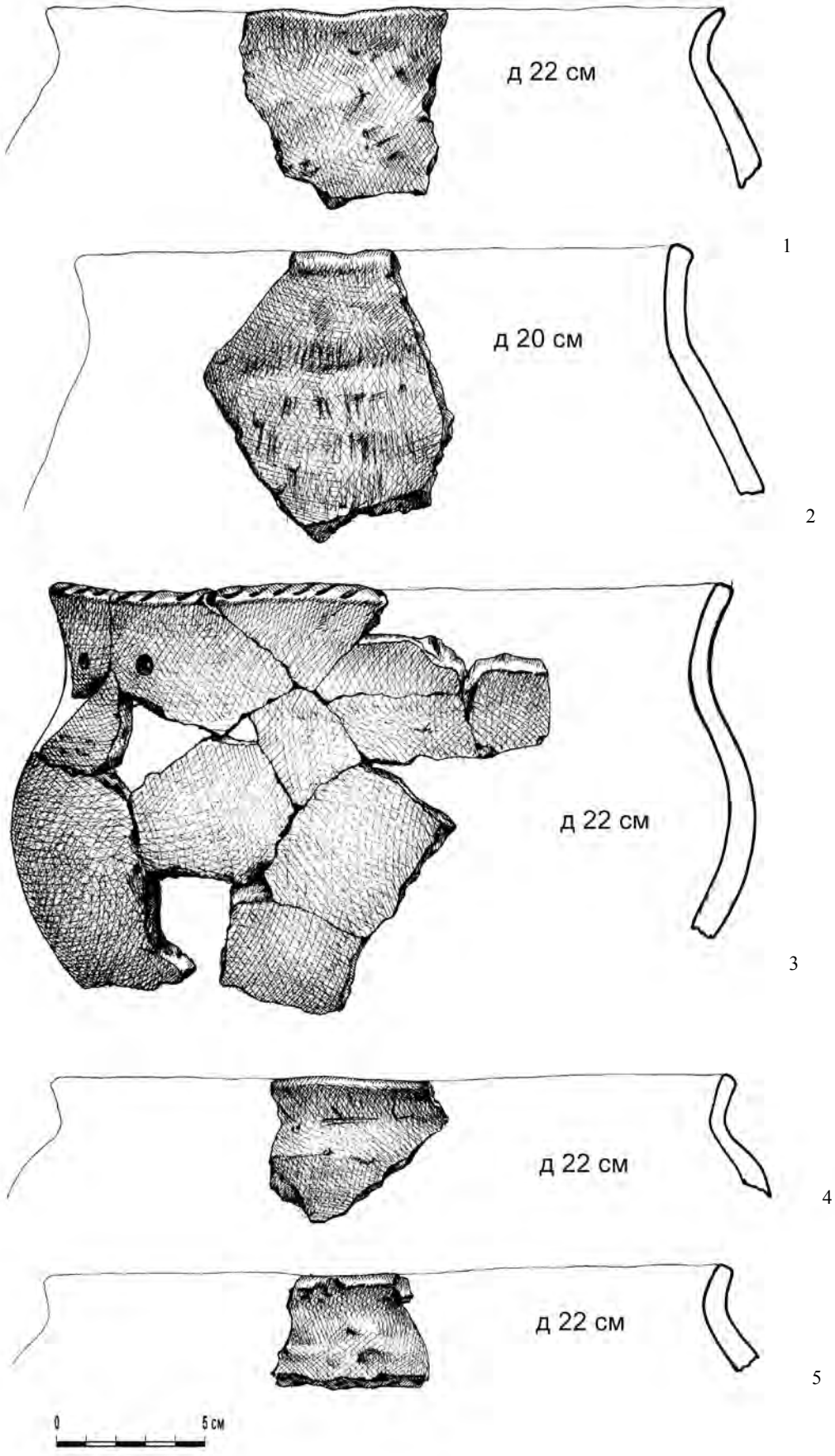


Рис. 23. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов. Соор.26.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

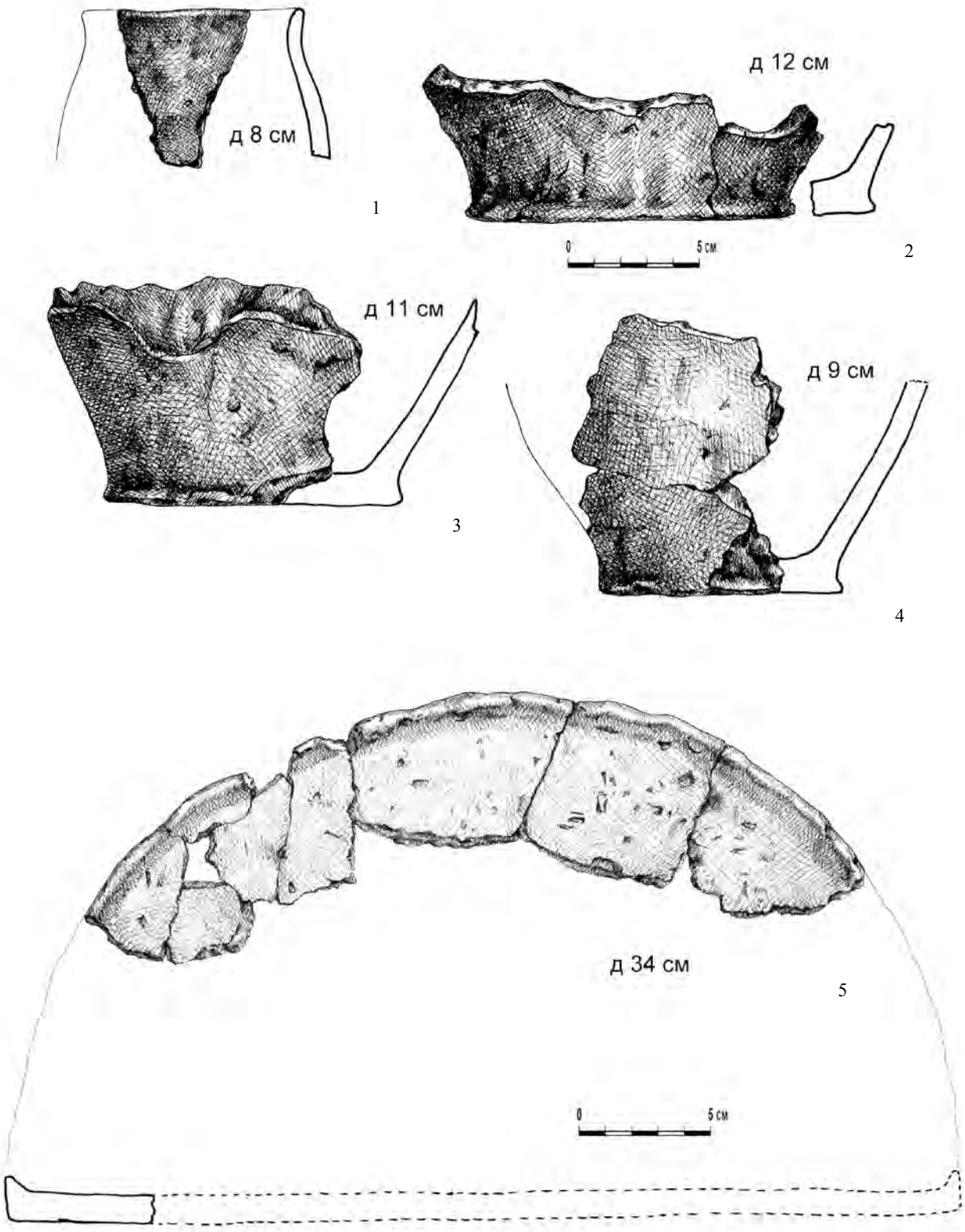


Рис. 24. Карлинское I селище. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов. Соор.26.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Оглавление

Введение *(А.М. Обломский, Д.А. Сташенков)*.....5

Карта Скифии по «Гетике» Иордана *(А.М. Обломский)*.....13

Памятники типа Подол (культурные контакты населения
Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н.э.) *(И.В. Исланова)*.....26

Археологическая ситуация
в Среднем Поднепровье в VII в. *(М.М. Казанский)*……..……..45

Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях
рязано-окских финнов второй половины V – начала VI вв. *(И.Р. Ахмедов)*....143

Женский костюм окских финнов V–VII вв.
Традиции и новации *(И.В. Белоцерковская)*.....184

Особенности культурного состава населения Самарского Поволжья
в первой половине I тыс. н.э. по данным технологического
анализа керамики *(Н.П. Салугина)*.....236

Технология изготовления кузнечной продукции городища Лбище
по результатам металлографического исследования *(Ю.А. Семыкин)*.....251

Новые данные о земледелии черняховской культуры
(по палеоэтноботаническим материалам) *(С.А. Горбаненко)*.....289

Идентификация находок I–VII вв. из Музея «Пруссия»,
хранящихся в фондах Калининградского областного
историко-художественного музея *(В.И. Кулаков)*.....299

Новое поселение типа Сиделькино-Тимяшево в Татарстане *(К.А. Руденко)*..341

Городище и селище Новая Беденьга I
(Л.А. Вязов, Н.П. Салугина, Ю.А. Семыкин).....369

Стеклянные сосуды со шлифованным декором
и хронология поселения Комаров *(О.С. Румянцева)*.....447

Карлинское I селище *(Д.А. Сташенков)*.....482

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Научное издание

Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов (Раннеславянский мир. Выпуск 15)

Перевод: Л.А. Вязов
Верстка: О.А. Горяйнов

Подписано в печать 18.12.2013. Формат 60x84/8.
Усл.печ.л. 60,22. Уч.-изд.л. 59,0. Тираж 300 экз. Зак. №

Институт археологии РАН, 117036 Москва, ул. Дм.Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-160-8

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib